СЛОВАРЬ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ XVIII ВЕКА

ВЫПУСК 2

К–П

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

СЛОВАРЬ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ XVIII ВЕКА

ВЫПУСК 2
(К–П)

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
„НАУКА"
1999

УДК 038

ББК 92я2
С 48

«Словарь русских писателей XVIII века» — первый в отечественном литературоведении труд, представляющий собой свод биографий тех лиц, которые активно участвовали в литературном движении 1700–1800-х гг. В «Словарь» включены как биографии авторов, которые внесли заметный вклад в развитие русской литературы, так и статьи о менее значительных, забытых литераторах, рядовых деятелях русской культуры.

Книга издана при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 96-04-16-108

ТП-96-I-№ 188

ISBN 5-02-028095-X (Вып. 2)
ISBN 5-02-027971-4

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Второй том «Словаря писателей XVIII века» предполагалось издать в 1993 г.; но он выходит в свет спустя десять лет после публикации первого выпуска.[1] Все это время работа над рукописью второго выпуска не прекращалась: вносились уточнения и дополнения (в том числе по архивным источникам), пополнялась пристатейная библиография, в которой учтена новейшая научная литература, посвященная тому или иному писателю. Сотрудники Сектора по изучению литературы XVIII в. постарались снять наиболее очевидные погрешности в статьях, согласовать статьи между собой. Вместе с тем редколлегия не могла, да и не считала возможным, менять идейную тенденцию статей; исключение было сделано лишь для статей, содержащих фактические ошибки. Различие трактовок и подходов, неизбежное в изданиях такого рода, в настоящей книге (число ее участников составило более 50 человек: сотрудники Сектора по изучению русской литературы XVIII в. Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, коллеги из Петербурга и других городов), возможно, проявляется заметнее, чем в предыдущем выпуске «Словаря».

За эти годы вышли из печати и готовятся к выпуску очередные тома «Словаря книжников и книжности Древней Руси»[2] и издания «Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь».[3] На хронологическом стыке XVII и XVIII вв., а также XVIII и XIX вв. словники этих и нашего изданий перекрещиваются. Так, например, в словаре «Русские писатели. 1800–1917» уже появились квалифицированно написанные статьи о И. А. Крылове, П. Ю. Львове, С. Н. Марине, И. М. Муравьеве-Апостоле, Ф. Г. Покровском, которые были включены в первоначальный словник нашего «Словаря».[4] Поскольку оба словаря обращены примерно к одному кругу специалистов и читателей, редколлегия сочла целесообразным не дублировать статьи об этих писателях во втором выпуске «Словаря». Вместе с тем читатель найдет здесь статьи о писателях, которые не были включены в упомянутый словник, например о Ф. Кветницком, П. Крайском, А. Орлове и др.

Как и в отношении первого выпуска, свои замечания и уточнения (особенно фактические) редколлегия просит читателей присылать в Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН по адресу: 199034, С.-Петербург, наб. Макарова, 4.

---

[1] См.: Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988. Вып. 1 (А–И).

[2] См.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1993–1998. Вып. 3 (XVIII в.), ч. 1–3.

[3] Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1989–1994. Т. 1–3.

[4] См.: Словарь русских писателей XVIII века: Принципы составления. Образцы статей. Словник. Л., 1975.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ[1]

авт. — авторский
акад. — академик, академический
арт. — артиллерийский
арх. — архив, архивный
архиеп. — архиепископ
архим. — архимандрит
благор. — благородный
вед. — ведомость, ведомости
вкл. — включительно
восп. — воспитательный
впосл. — впоследствии
гл. о. — главным образом
губ. — губерния, губернский
д. — действие, действительный
деп. — департамент
дер. — деревня, деревенский
докум. — документальный
доп. — дополнение, дополненный
зап. — западный, записки
зем. — земский
знач. — значительно, значительный
изв. — известия, известен
изд. — издание, издал, издан
кадет. — кадетский
кол. — коллежский, коллекция
лит. — литература, литературный
м. — местечко, мыс
митр. — митрополит
м-рь — монастырь
набл. — наблюдатель
надв. — надворный
назв. — название
напеч. — напечатан, напечатанный
насл. — наследство
нов. — новости
обл. — область, областной
опубл. — опубликовал, опубликован, опубликованный
ориг. — оригинал, оригинальный
отд. — отдел, отдельно, отдельный
отеч. — отечество, отечественный
пб. — петербургский
первонач. — первоначально, первоначальный
переизд. — переиздан, переиздание, переизданный
перераб. — переработка, переработанный
подгот. — подготовка, подготовлен, подготовленный
подл. — подлинник
пол. — половина, польский
полн. — полностью, полный
посв. — посвящение, посвящен
пост. — постановка, поставлен
преосв. — преосвященный
просв. — просвещение
публ. — публикация, публичный
расш. — расширенный
родосл. — родословный
с. — село, страница
сост. — составитель, составленный
соц. — социальный
ст. — статский, статья
стб. — столбец
стих. — стихотворный
сухоп. — сухопутный
т. — тайный, том
типогр. — типография, типографский
тит. — титульный
титул. — титулярный
у. — уезд, уездный
упр. — управление
утр. — утренний
шлях. — шляхетский

[1] В список не включены использованные в издании общепринятые и легко расшифровываемые сокращения.

СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ КНИГ, ЖУРНАЛОВ И ГАЗЕТ

Аониды — Аониды, или Собрание разных новых стихотворений.
Арапов. Летопись — *Арапов П. Н.* Летопись русского театра. СПб., 1861.
Бантыш-Каменский. Словарь — *Бантыш-Каменский Д. Н.* Словарь достопамятных людей русской земли, содержащий в себе жизнь и деяния знаменитых полководцев, министров и мужей государственных, великих иерархов православной церкви, отличных литераторов и ученых, известных по участию в событиях отечественной истории / Изд. А. Ширяевым. М., 1836. Ч. 1–5.
Барсков. Переписка масонов — *Барсков Я. Л.* Переписка московских масонов XVIII века. Пг., 1915.
Берков. Журналистика — *Берков П. Н.* История русской журналистики XVIII века. М.; Л., 1952.
Берков. История комедии — *Берков П. Н.* История русской комедии XVIII века. Л., 1977.
Берков. Лит. полемика — *Берков П. Н.* Ломоносов и литературная полемика его времени. 1750–1765. М.; Л., 1936.
Берков. Сатир. журналы Новикова — Сатирические журналы Н. И. Новикова / Ред., вступ. ст. и коммент. П. Н. Беркова. М.; Л., 1951.
Б-ка ученая — Библиотека ученая, экономическая, нравоучительная, историческая и увеселительная в пользу и удовольствие всякого звания читателей.
Биогр. словарь Моск. ун-та — Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Московского университета за истекающее столетие со дня учреждения января 12-го 1755 года по день столетнего юбилея января 1-го 1855 года, составленный трудами профессоров и преподавателей, занимавших кафедры в 1854 году, и расположенный по азбучному порядку. М., 1855. Ч. 1–2.
Боголюбов. Новиков — *Боголюбов В.* Новиков и его время. М., 1916.
Быкова, Гуревич. Описание — Описание изданий гражданской печати. 1708–январь 1725 / Сост. Т. А. Быкова и М. М. Гуревич; Ред. и вступ. ст. П.Н. Беркова. М.; Л., 1955.
Венгеров. Источники — Источники словаря русских писателей / Под ред. С. А. Венгерова. Пг., 1900–1917. Т. 1–4.
Венгеров. Рус. поэзия — Русская поэзия: Собрание произведений русских поэтов, частью в полном составе, частью в извлечениях, с важнейшими критико-биографическими статьями, биографическими примечаниями и портретами / Под ред. С. А. Венгерова. СПб., 1893–1901. Т. 1, вып. 1–6; доп.: вып. 7.
Венгеров. Словарь — Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней) / Под ред. С. А. Венгерова. СПб., 1899–1904. Т. 1–6.
Вернадский. Рус. масонство — *Вернадский Г. В.* Русское масонство в царствование Екатерины II. Пг., 1917.
Геннади. Словарь — *Геннади Г. Н.* Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях, и список русских книг с 1725 по 1825 год. Берлин; М., 1876–1908. Т. 1–3.

Голицын. Словарь — *Голицын Н. Н.* Библиографический словарь русских писательниц. СПб., 1889.

Гор. и дер. б-ка — Городская и деревенская библиотека, или Забавы и удовольствия разума и'сердца в праздное время, содержащая в себе: как истории и повести нравоучительные и забавные, так и приключения веселые, печальные, смешные и удивительные.

Греч. Зап. — *Греч Н. И.* Записки о моей жизни. М.; Л., 1930.

Гуковский. Очерки — *Гуковский Г. А.* Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII века. Л., 1938.

Дело от безделья — Дело от безделья, или Приятная забава, рождающая улыбку на челе угрюмых, умеряющая излишнюю радость вертопрахов и каждому, по его вкусу, философическими, критическими, пастушьими и аллегорическими повестьми, в стихах и прозе состоящими, угождающая.

Державин. Соч. (1864–1883) — *Державин Г. Р.* Соч. 1-е изд. СПб., 1864–1883. Т. 1–9.

Державин. Соч. (1868–1878) — *Державин Г. Р.* Соч. 2-е изд. СПб., 1868–1878. Т. 1–7.

Дет. чтение — Детское чтение для сердца и разума.

Дирин. Семеновский полк — *Дирин П. Н.* История лейб-гвардии Семеновского полка. СПб., 1883.

Драм. словарь (1787) — Драматический словарь, или Показания по алфавиту всех российских театральных сочинений и переводов с означением имен известных сочинителей, переводчиков и слагателей музыки, которые когда были представлены на театрах и где и в которое время напечатаны. В пользу любящих театральные представления / Собранный в Москве в типографии А. А. 1787 года. М., 1787.

Друг юношества — Друг юношества и всяких лет.

Евгений. Словарь — *Евгений.* Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России. М., 1845. Ч. 1–2.

Евгений. Словарь исторический — *Евгений.* Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви. 2-е изд., умнож. и испр. СПб., 1827. Т. 1–2.

Ежемес. соч. — Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие.

Ефремов. Мат-лы — Материалы для истории русской литературы. / Изд. П. А. Ефремова. СПб., 1867.

Жихарев. Зап. —*Жихарев С. П.* Записки современника. М.; Л., 1955.

Журн. для пользы — Журнал для пользы и удовольствия.

Заборов — *Заборов П. Р.* Русская литература и Вольтер. XVIII—первая треть XIX века. Л., 1978.

Змеев. Врачи-писатели — *Змеев В. Ф.* Русские врачи-писатели. СПб., 1886–1892. Вып. 1, 2 и доп.

Иппокрена — Иппокрена, или Утехи любословия.

Иртыш — Иртыш, превращающийся в Иппокрену, ежемесячное сочинение, издаваемое от Тобольского главного народного училища.

История драм. театра — История русского драматического театра. М., 1977. Т. 1–2.

Казанский вестн. — Казанский вестник, издаваемый при императорском Казанском университете.

Кулябко. Замечательные питомцы — *Кулябко Е. С.* Замечательные питомцы Академического университета. Л., 1977.

Кулябко. Ломоносов — *Кулябко Е. С.* М. В. Ломоносов и учебная деятельность Петербургской Академии наук. М.; Л., 1962.

Куник. Мат-лы для истории Академии наук — Сборник материалов для истории имп. Академии наук в XVIII веке / Изд. А. Куник. СПб., 1865. Ч. 1–2.

Левин. Восприятие — *Левин Ю. Д.* Восприятие английской литературы в России. Л., 1990.

Левин. Оссиан — *Левин Ю. Д.* Оссиан в русской литературе. Л., 1980.
Лейпцигское известие — Nachricht von einigen russischen Schriftstellern nebst einem Kurzen Berichte vom russischen Theater // Neue Bibliothek der schönen Wissenschaften und der freien Künste. 1768. Bd. 7. Th. 1—2 (нем. текст с фр. и рус. переводами: Материалы для истории русской литературы / Изд. П. А. Ефремова. СПб., 1867).
Лонгинов. Новиков и мартинисты — *Лонгинов М. Н.* Новиков и московские мартинисты. М., 1867.
Мат-лы для истории Академии наук — Материалы для истории имп. Академии наук. СПб., 1885–1900. Т. 1–10.
Моск. некрополь — Московский некрополь. СПб., 1907–1908. Т. 1–3.
Моск. ежемес. изд. — Московское ежемесячное издание, в пользу заведенных в Санкт-Петербурге Екатерининского и Александровского училищ, заключающее в себе собрание разных лучших статей, касающихся до нравоучения, политической и ученой истории, до философических и словесных наук и других полезных знаний, служащее продолжением Утреннего света.
Неустроев. Ист. разыскание — *Неустроев А. Н.* Историческое разыскание о русских повременных изданиях и сборниках за 1703—1802 гг., библиографически и в хронологическом порядке описанных. СПб., 1874.
Новиков. Опыт словаря (1772) — Опыт исторического словаря о российских писателях / Из разных печатных и рукописных книг, сообщенных известий и словесных преданий собрал Николай Новиков. СПб., 1772.
Опыт тр. Вольного Рос. собрания — Опыт трудов Вольного Российского собрания при имп. Московском университете.
Пб. некрополь — *Саитов В. И.* Петербургский некрополь. СПб., 1912–1913. Т. 1–4.
Пекарский. История Академии наук — *Пекарский П. П.* История имп. Академии наук в Петербурге. СПб., 1870–1873. Т. 1–2.
Пекарский. Наука и лит. — *Пекарский П. П.* Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1–2.
Пенчко. Документы — Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века / Подгот. к печати Н. А. Пенчко. М., 1960–1963. Т. 1–3.
Письма рус. писателей — Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980.
Поэты-сатирики — Поэты-сатирики конца XVIII—начала XIX века. Л., 1959.
Праздное время — Праздное время, в пользу употребленное.
Приятное и полезное — Приятное и полезное препровождение времени.
Провинц. некрополь — Русский провинциальный некрополь. М., 1914. Т. 1.
Прохладные часы — Прохладные часы, или Аптека, врачующая от уныния, составленная из медикаментов старины и новизны, то есть: философических, критических, рифмотворных, пастушьих и аллегорических веществословий.
Пыпин. Рус. масонство — *Пыпин А. Н.* Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX в. / Ред. и примеч. Г. В. Вернадского. Пг., 1916.
Рогожин. Дела моск. цензуры — *Рогожин В. Н.* Дела московской цензуры в царствование Павла I как материалы для русской библиографии и словаря русских писателей. СПб., 1902–1922. Вып. 1–2.
Рос. феатр — Российский феатр, или Полное собрание всех российских феатральных сочинений.
Рус. басня — Русская басня XVIII–XIX вв. Л., 1977.
Рус. биогр. словарь — Русский биографический словарь. СПб., 1896–1918.
Рус. стих. пародия — Русская стихотворная пародия (XVIII—начало XX в.). Л., 1960.

Рус. эпиграмма — Русская эпиграмма второй половины XVII–начала XX в. Л., 1975.
Семенников. Мат-лы для словаря — *Семенников В. П.* Материалы для истории русской литературы и для словаря писателей эпохи Екатерины II / На основании документов Архива Конференции имп. Академии наук. СПб., 1914.
Семенников. Собрание, старающееся о переводе книг — *Семенников В. П.* Собрание, старающееся о переводе иностранных книг, учрежденное Екатериной II. 1768–1783 / Ист.-лит. исслед. СПб., 1913.
Сиповский. Очерки — *Сиповский В. В.* Очерки из истории русского романа. СПб., 1909–1910. Т. 1, вып. 1–2.
Смирнов. Моск. академия — *Смирнов С. И.* История Московской славяно-греко-латинской академии. М., 1855.
Смирнов. Троицкая семинария — *Смирнов С. И.* История Троицкой лаврской семинарии. М., 1867.
Собеседник — Собеседник любителей российского слова.
Собр. лучших соч. — Собрание лучших сочинений к распространению знания и к произведению удовольствия, или Смешанная библиотека о разных физических, экономических, також до мануфактур и до коммерции принадлежащих вещах.
Собр. новостей — Собрание новостей, ежемесячное сочинение, содержащее в себе краткую историю настоящего времени, для примечания важнейших в свете и предпочтительно в России происшествий, успехов в науках и художествах, полезных для человеческого рода изобретений, новых на российском языке сочинений и переводов и прочих любопытных вещей, кои могут служить к знанию, пользе и увеселению людей всякого состояния.
Соревнователь просв. и благотворения — Соревнователь просвещения и благотворения (Труды Вольного общества соревнователей просвещения и благотворения).
Старина и новизна — Старина и новизна, состоящая из сочинений и переводов прозаических и стихотворных, издаваемая почастно.
Стих. сказка — Стихотворная сказка (новелла) XVIII—начала XIX в. Л., 1969.
Сухомлинов. Рос. Академия — *Сухомлинов М. И.* История Российской Академии. СПб., 1874–1887. Вып. 1–8.
Сушков. Моск. благор. пансион — *Сушков Н. В.* Московский университетский благородный пансион. М., 1858.
Технол. журн. — Технологический журнал, или Собрание сочинений и известий, относящихся до технологии и приложения учиненных в науках открытий к практическому употреблению.
Тр. Вольного экон. о-ва — Труды Вольного экономического общества к поощрению в России земледелия и домостроительства.
Тр. и летописи О-ва истории и древностей рос. — Труды и летопись Общества истории и древностей российских, учрежденного при имп. Московском университете.
Тр. О-ва любителей рос. словесности — Труды Общества любителей российской словесности при имп. Московском университете.
Филарет. Обзор — *Филарет (Гумилевский).* Обзор русской духовной литературы. 3-е изд. СПб., 1884. Кн. 2.
Чистович. Мед. школы — *Чистович Я. А.* История первых медицинских школ в России. СПб., 1883.
Чтение для вкуса — Чтение для вкуса, разума и чувствований.
Чтения в О-ве истории и древностей рос. — Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских при Московском университете.
Что-нибудь от безделья — Что-нибудь от безделья на досуге.
Шевырев. Моск. ун-т — История Московского университета, написанная к столетнему юбилею проф. Степаном Шевыревым. 1755–1855. М., 1855.
Штранге. Демокр. интеллигенция — *Штранге М. М.* Демократическая интеллигенция России в XVIII в. М., 1965.

Экон. магазин — Экономический магазин, или Собрание всяких экономических известий, опытов, открытий, примечаний, наставлений, записок и советов, относящихся до земледелия, скотоводства, до садов и огородов, до лугов, лесов, прудов, разных продуктов, до деревенских строений, домашних лекарств, врачебных трав и до всяких нужных и небесполезных городским и деревенским жителям вещей.

Bakounine. Le répertoire — Bakounine Tatiana. Le répertoire biographique des francs-maçons russes (XVIII et XIX siècles). Bruxelles, 1940.

СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ АРХИВОВ, МУЗЕЕВ, БИБЛИОТЕК, НАУЧНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

АВПР — Архив внешней политики России МИД РФ (Москва)
БАН — Библиотека Российской академии наук (С.-Петербург)
ВИМАИВВС — Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (С.-Петербург)
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации (Москва; ранее ЦГАОР)
ГИАМ — Государственный исторический архив г. Москвы
ГИМ — Государственный исторический музей (Москва)
ГРМ — Государственный Русский музей (С.-Петербург)
ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (С.-Петербург)
КазГУ — Казанский государственный университет
МГУ — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
РГАВМФ — Российский государственный архив военно-морского флота (С.-Петербург; ранее ЦГАВМФ)
РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва; ранее ЦГАДА)
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва; ранее ЦГАЛИ)
РГБ — Российская государственная библиотека (Москва; ранее ГБЛ)
РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив (Москва; ранее ЦГВИА)
РГИА — Российский государственный исторический архив (С.-Петербург; ранее ЦГИА)
РНБ — Российская национальная библиотека (С.-Петербург; ранее ГПБ)
СПбГТБ — С.-Петербургская государственная театральная библиотека (ранее ЛГТБ)
СПбГУ — С.-Петербургский государственный университет (ранее ЛГУ)
СПбИВ РАН — С.-Петербургское отделение Института востоковедения Российской академии наук (ранее ЛОИВАН)
СПбФ АРАН — С.-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (ранее ААН СССР)
СПбФ ИРИ РАН — С.-Петербургский филиал Института российской истории Российской академии наук (ранее ЛОИИ)
ЦГИА СПб — Центральный исторический архив г. С.-Петербурга (ранее ЛГИА)
ЦНБ АН Украины — Центральная научная библиотека Академии наук Украины (Киев)

К

КАЗАРИНОВ Иван Иванович. Автор эпической поэмы в прозе «Иоас, возведенный на престол, или Торжествующая истина» (1798) на библейский сюжет (Четвертая книга царств, гл. XI). Победа израильтян над язычниками-идолопоклонниками, переосмысленная в контексте 1790-х гг., символизирует грядущее окончательное поражение свободомыслия эпохи Просвещения. В делах цензуры автор показан служителем обер-гофмаршала Г. Н. Орлова (Рогожин. Дела моск. цензуры. Вып. 2. (1922). С. 28. № 114).

В. Д. Рак

КАЗАРИНОВ Николай. Участвовал несколькими мелкими переводами в изданном *Я. И. Благодаровым* сборнике «Полезное и увеселительное чтение для юношества и для всякого возраста. . .» (1788); перевел с фр. языка «трогательную историческую повесть» Ж.-П. Френе «Эдельзинда, дочь Амалазонты, готфской королевы» (1790. Ч. 1–2). Этот любовно-авантюрный роман на вольно трактуемый и обильно домышленный сюжет из европ. истории VI в. отражал ранний преромантический интерес к Средневековью и «рыцарским» романам. Переводы К. были, очевидно, выполнены в процессе изучения иностранных языков, в т. ч. и роман, о котором в посвящении говорится как о «первом еще плоде слабых упражнений <. . .> и трудов».

В различных семьях Казариновых на рубеже 1780–1790-х гг. было несколько лиц молодого и юношеского возраста по имени Николай: Н. Александрович (ок. 1766 или 1767—между 1820 и 1830 — РГИА, ф. 1343, оп. 51, № 237, л. 10–11; № 251, л. 35; оп. 23, № 232, л. 16–20, 35–36); Н. Александрович (1777 или 1778–11 февр. 1818 — РГИА, ф. 1343, оп. 23, № 219, л. 55, 65; оп. 51, № 237, л. 264–267 об.; *Чернявский М.* Генеалогия господ дворян <. . .> Тверской губ. с 1787 по 1869 г. Б. м., б. г. Л. 88. № 485; Пб. некрополь. Т. 2 (1912). С. 300); Н. Петрович (из дворян Кашинского у. Тверской губ. — *Чернявский М.* Указ. соч. Л. 88. № 485); Н. Сергеевич (в 1791 числившийся сержантом Преображенского полка — РГИА, ф. 1343, оп. 51, № 237, л. 124). Идентифицировать с кем-либо из них К. не представляется возможным; можно лишь с большой степенью вероятности отвести по возрасту первого Николая Александровича К. Публикация переводов К. в сборнике Я. И. Благодарова, где были напечатаны также переводы учеников Унив. гимназии Х. Ладо и С. Бобрищева-Пушкина, позволяет допустить, что в этом же заведении получал образование и К.; однако в ежегодных печатных отчетах о награждениях и переводах из класса в класс его фамилия не встречается. Перевод романа посвящен М. Ф. Каменскому, генерал-аншефу Московского гренадерского полка.

В. Д. Рак

КАЛИНОВСКИЙ Григорий Иванович [1758, г. Кролевец Черниговской губ.–после 1799]. Из малорос. дворян. В 1771 вступил в военную службу капралом, служил

в Польше, Молдавии; в 1786 — поручик Северского карабинерного полка (формуляр 1796 г. — РГВИА, ф. 489, оп. 1, № 2924, л. 29 об.–30). Участвовал в осаде и штурме Измаила (1791), в военных действиях в Польше. По матери (урожд. Х. Г. Рубан) приходился племянником *В. Г. Рубану*, который, очевидно, принимал участие в издании сочинений К. в Петербурге. Рубан завещал К. бо́льшую часть своего состояния (РНБ, ф. 653, № 1), но после смерти Рубана в 1795 К. так и не вступил в права наследства (см.: СПб. вед. 1801. 26 нояб. № 97). В 1799 К., в чине есаула, подал прошение об отставке (РГАДА, ф. 1239, оп. 3, ч. 111, № 60689).

В 1777 К. издал «Описание свадебных украинских простонародных обрядов» (переизд. — 1854, 1889), в котором тщательно изложил весь ход свадебного обряда, начиная со сватовства и кончая битьем на радостях «окошек, печей, лавок» и пр. утвари. Рассказ об обязанностях и действиях участников сопровождается их репликами. Завершает «Описание» подробная «Смета, во что обходится свадьба простолюдину». Книгу К. — первый труд по истории укр. фольклора — использовали в своих изданиях *М. Д. Чулков* («Словарь русских суеверий», 1782) и *Г. И. Громов* («Позорище странных и смешных обрядов при бракосочетаниях разных чужеземных и в России обретающих народов», 1797).

В 1791 К. перевел с пол. языка комедию в 1-м д. «Пропадший кот» В. Богуславского (1783) — незамысловатую любовную историю из сельского быта о Даше и Софроне, браку которых противится Скопидомиха, мать героини. Влюбленных случайно выручает спрятанный кот, и события приходят к счастливому концу. При переводе К. заменил имена действующих лиц и историко-бытовые пол. реалии соответствующими рус. реалиями. Во всем остальном перевод очень точен, причем, используя народную фразеологию, К. сумел сохранить характерный для оригинала стилистический колорит обыденной речи.

Возможно, что на эту комедию внимание К. обратил В. Г. Рубан, который интересовался пол. просветительской драматургией и способствовал изданию др. переводов пол. комедий, в частности *А. И. Апухтина*.

Лит.: *В. Г-ко.* Сто семь лет южнорус. этнографии // Киевская старина. 1884. № 3; *Азадовский М. К.* История рус. фольклористики. М., 1958. Т. 1; *Łużny R.* Bohomolec i Bogusławski w Rosji: (Z dziejów powiązań literackich polsko-rosyjskich doby Oświecenia) // Slavia Orientalis. 1961. N 2.

С. И. Николаев

КАЛИНОВСКИЙ Иван [1740–1765]. Образование получил в Новгородской дух. семинарии, откуда 10 окт. 1757 был зачислен в Моск. ун-т. Совмещал учебу с преподаванием; с 1760 по решению *М. М. Хераскова* преподавал в Унив. гимназии лат. и нем. языки. 30 июля 1765 собрание профессоров университета, учитывая, что «студенты <. . .> исполняющие должность учителей гимназии, вынуждены по этой причине пропускать публичные профессорские лекции, а это весьма мало отвечает цели, для которой они предназначались в университете», предложило куратору «исключить их с казенного содержания и назначить им жалованье»; К. получил 50 руб. жалованья.

В 1764 за успехи в учебе К. был награжден медалью (Моск. вед. 1764. № 53. Приб.).

К. активно участвовал в выходивших при Моск. ун-те изданиях: «Полезное увеселение», где опубликовал «Письмо о пользе богатства» (1762. Ч. 5. Июнь) и «Собр. лучших соч.», где напечатал переводы «О разуме животных, рассуждение Кригера» (1762. Ч. 2. Апр.–июнь) и «Новые опыты об окраске красного вина, Пеэтра» (1762. Ч. 3. Июль–сент.).

Лит.: Пенчко. Документы. Т. 1–2 (1960–1962).

И. Ю. Фоменко

КАМЕНЕВ Гаврила Петрович [3 (14) II 1772, Казань–25 или 26 VII (6 или 7 VIII) 1803, там же;

похоронен в Кизическом м-ре]. Принадлежал к старинному роду, который вел свое происхождение от татар. мурзы Макула, крещенного Иваном Грозным вскоре после покорения Казани. Однако прадед и дед поэта уже никакими дворянскими привилегиями не обладали и занимались торговлей. Отец К., Петр Григорьевич (1740–1776) — самый богатый из казанских купцов, владелец крепостных, президент магистрата и городской голова (1773–1775). Мать К., Татьяна Ивановна (ум. 1779), — дочь казанского купца-старообрядца И. В. Крохина, «первого вельможи» у Пугачева. Не ранее 1784 (РГИА, ф. 730, оп. 1, № 183, л. 62) осиротевшего К. поместили в пансион М. Вюльфинга, лучший в городе. Из пансиона, где К. обучался вместе с дворянскими детьми, он вынес великолепное знание нем. языка и литературы, но по-русски писал чрезвычайно безграмотно. Фр. язык, по свидетельству Н. И. Второва, К. изучил «основательно» только в «зрелых годах».

Унаследовавший от отца большое состояние и связи, К., несмотря на молодость, избирался казанским купечеством на самые почетные должности: был ратманом, а позднее, по-видимому в 1798–1800, бургомистром (в письме к *С. А. Москотильникову* от 10 окт. 1800 К. говорит о себе как о «бывшем бургомистре»). Умер в звании коммерции советника. Однако торговые дела мало занимали «казанского первой гильдии купца». Интересы его были тесно связаны с дворянской культурой. Реестр книг библиотеки К. (далеко не полный) свидетельствует о том, что поэт внимательно следил за литературными новостями. Он хорошо рисовал и имел коллекцию картин и гравюр, любил музыку, был тонким и строгим ценителем театра, постоянным посетителем труппы В. Р. Бобровского в 1791–1796. Жизнь в Казани тяготила поэта, и он стремился в Москву. По-видимому, именно глубокой внутренней неудовлетворенностью объясняются его поведение и психология: выломившийся из родной среды, он сжег свою молодость в кутежах, рассыпая «полной горстью нажитое отцом». Несложившаяся семейная жизнь сделала К. несчастным; сильное увлечение поэзией Юнга, вошедшее даже в его быт, приняло болезненный характер. Тяжелая меланхолия стала его обычным душевным состоянием; болезни угнетали его. В двадцать восемь лет, по собственному признанию, это был «старик», «гнилое лыко», «угрюмый ипохондрик», блуждающий по кладбищам и ожидающий смерти.

Наиболее раннее из известных произведений К. «Авелева смерть», датированное 31 авг. 1792, представляет собой стихотворную обработку песни 4 прозаической поэмы С. Геснера «Смерть Авеля» и носит ученический характер (впервые опубл. Е. Бобровым: Сб. учено-лит. о-ва при Юрьевском ун-те. Юрьев, 1909. Т. 15). К 1792 относится и перевод прозаического сочинения фр. автора Ф.-Ф. де Лорана де Рейрака «Осень. Сочинение Г. Рейрака, в стихи переложенная», имеющий помету «1792 года сентября 11 дня» (автограф — Гос. музей Татарстана).

В развитии литературных вкусов К. и становлении его поэтического таланта огромное значение имела дружба с С. А. Москотильниковым, привлекшим К. к участию в созданном им в Казани литературном кружке. По-видимому, Москотильникову К. обязан своим интересом к поэзии Э. Юнга и масонской литературе.

Первые выступления К. в печати — публикации в журнале *И. И. Мартынова* «Муза» (1796. Ч. 1–2): стихотворения «Мечта», «К П. С. Л. Р.», «Кладбище» и др., прозаические сочинения — оригинальные — «Софья», «Громобой» (отрывок из героической повести) и переводные — отрывок из «Историек сегодняшнего дня» («Historiettes du jour» П.-Ж.-Б. Нугаре).

Большим событием в жизни поэта стали три поездки в Москву (9 февр.–март 1799; сент.–кон. нояб. 1800; июнь 1802), особенно вторая, самая продолжительная по времени. *И. В. Лопухин* (К. сблизился с ним через Москотильникова еще в Казани) представил его *И. П. Тургеневу*, благодаря которому К. познакомился с *Н. М. Карамзиным*, *И. И. Дмитриевым*,

переводчиком «Четырех времен года» Дж. Томсона *И. И. Дмитревским*, профессорами Моск. ун-та И. А. Геймом и А. А. Прокоповичем-Антонским, издателем *П. А. Сохацким*, сыновьями И. П. Тургенева Андреем, Николаем и Александром, масонами О. А. Поздеевым, С. И. Плещеевым, В. В. Чулковым и др. Казанский «негоциант» (звание, всегда оскорблявшее К.) вошел в мир большой литературы не только как «любитель» словесности, но и как «литератор», «известный по переводам», «стихотворец» — и даже (в глазах И. М. Спиридовой, дочери *М. М. Щербатова*, занимавшейся сочинением стихов и переводами), «великий прозаист».

Пребывание К. в Москве несомненно способствовало активизации его творческой деятельности. Он начинает сотрудничать в «Иппокрене» Сохацкого и выпускает в Москве отдельным изданием четыре переводных книги: «Счастие одного бывает несчастием другому, персидская повесть» А. Коцебу (1800), «Софья, или Сумасшедшая от любви, истинная повесть» Х.-Г. Шписа (1801), повесть «Гробница на холме» Коцебу (1802) и сб. переводов из Коцебу под загл. «Новости» (1802), в который вошли «Гробница на холме», «Малейшая ложь опасна», «Волшебная сила скромности», «Бедная Марья».

Летом 1802 К. посетил Петербург. 30 авг. 1802 он был избран членом Вольного о-ва любителей словесности, наук и художеств в нарушение устава, допускавшего избрание иногородних литераторов лишь в качестве корреспондентов. По рекомендации К., в общество были приняты казанские писатели Н. С. Арцыбашев и И. И. Черявский.

Возникшее под непосредственным воздействием Юнга, Дж. Макферсона, Т. Грея, Шписа творчество К. представляет собой одну из интересных страниц преромантизма в России. Из круга кладбищенских настроений поэта выпадает немногое: «Мысли пьяного астронома» (из Э. Клейста) и два экспромта. Поэту и прозаику К. чужды политическая проблематика и гражданский пафос. Примечательна его оценка оды Ф. Шиллера «К радости»: «Для меня она посредственна». Громкую известность К. принесла богатырская поэма «Громвал» (опубл. посмертно в 1804). В ней слились и переплавились самые разнообразные традиции: волшебной сказки и поэмы («Бахариана» *М. М. Хераскова*), рыцарского романа и кладбищенской поэзии. Оригинальная стихотворная форма «Громвала» (трехсложник с переменной анакрузой) свидетельствует о стремлении поэта к обновлению традиционной метрики и ритмики. Новаторство К. в области стиха выразилось в активной разработке строфических логаэдов («Сон», «Кладбище»), белого стиха и, наконец, в имитации стиха народного (последнее сближает К. с опытами Карамзина). Среди несохранившихся произведений К. стихотворения «Алонзо и Имогена», «Цыганка». Письма К. к Москотильникову содержат интересные сведения о литературной и театральной Москве 1799–1802. Несомненна и их литературная ценность. Письма К. опережают его прозу: в них отчетливо обозначился выход к новым темам и сюжетам, к новой системе изобразительных средств.

Из воспоминаний племянницы К. А. А. Фукс известно, что А. С. Пушкин, ценивший в К. поэта, осмелившегося «отступить от классицизма», «обещал написать его биографию» (Казанские губ. вед. 1844. 10 янв. № 2. Приб. С. 21).

Задуманное Академией наук к столетию со дня смерти поэта издание полного собрания его сочинений не состоялось.

Автографы произведений К. хранятся в РНБ (ф. 1000, карт. 10) и Гос. музее Татарстана, автографы писем — в РНБ, ф. 1000, карт. 10 (к М. И. [Невзорову] от 16 дек. 1801) и СПбФ ИРИ РАН, кол. 238, оп. 2, карт. 145, № 8 (к Москотильникову от 11 июня 1802), материалы, относящиеся к иконографии К., — в РГБ, ф. 231, р. II, карт. 22, № 97.

Лит.: *Второв Н.* Г. П. Каменев // Вчера и сегодня: Лит. сб., сост. В. А. Соллогубом. СПб., 1845. Кн. 1; Письма Г. П. Каменева к С. А. Москотильникову // *Бобров Е.*

Лит. и просв. в России XIX в.: Мат-лы, исслед. и заметки. Казань, 1902. Т. 3; *Бобров Е.*: 1) Первый рус. романтик Г. П. Каменев: Биогр. очерк // Ист. вестн. 1903. № 8; 2) К биографии Г. П. Каменева. Варшава, 1905; *Агафонов Н. Я.*: 1) Казань и казанцы. Казань, 1906. Ч. 1; 2) По поводу статьи «Казанский поэт Каменев» // Агафонов Н. Из казанской истории. Казань, 1906; *Залкинд Г.* Г. П. Каменев: Опыт имущественной характеристики первого рус. романтика. Казань, 1926; *Берков П. Н.* К истории текста «Громвала» Г. П. Каменева // Изв. АН СССР. Отд-ние обществ. наук. 1934. № 1; *Орлов Вл.* Г. Каменев // Поэты-радищевцы. Л., 1935; *Giesemann G.* Kotzebue in Russland. Frankfurt am Main, 1971; *Вацуро В. Э.* Г. П. Каменев и готическая литература // XVIII век. Л., 1975. Сб. 10; *Лазарчук Р. М.* Письма Г. П. Каменева и их ист.-лит. значение // Проблемы изучения рус. лит. XVIII в. Л., 1976. Вып. 2; *Орлов П.* Г. П. Каменев // Поэты-радищевцы. Л., 1979; *Suchanek L.* Twórczość poetycka Gabriela Kamieniewa // Slavia Orientalis. 1980. № 3.

Р. М. Лазарчук

КАНТАРОВСКИЙ Яков Иванович. В 1752–1764 — студент Киево-Могилянской дух. академии. С 1767 — учитель Ярославской дух. семинарии, затем «эксаминатор» в Ростовской епархии. В 1770 — учитель «синтаксимы и грамматики» епархиальной семинарии, затем смотритель семинарской библиотеки, с 9 июля 1770 — «эксаминатор». 28 сент. 1771 К., по собственному прошению, был уволен от службы (РГАДА, ф. 286, кн. 644, л. 100–102).

Перу К. принадлежат написанные в панегирическом стиле «Стихи поздравительные на прибытие в Санкт-Петербург его сиятельству графу Петру Александровичу Румянцеву-Задунайскому <. . .> в знак искреннейшей благодарности поднесенные» (1776), «Стихи поздравительные на благополучное возвращение из Новагорода в Санкт-Петербург <. . .> преосвященнейшему Гавриилу. . .» (1776). Авторство К. в отношении «Стихов поздравительных на Новый год и на возложение ее императорским величеством на его превосходительство Петра Васильевича Завадовского королевского польского Ордена Белого Орла, в знак искренней благодарности поднесенных» (1777) устанавливается по его автографу (экз. РНБ).

В честь бракосочетания племянницы Потемкина А. В. Энгельгардт с графом Браницким К. 12 нояб. 1781 сочинил «Гимн на благополучное бракосочетание их сиятельств. . .» (1781). После текста гимна следует «Epithalamium» и его перевод на рус. язык.

К. под именем Компаровский упоминается в «Сатире первой» *В. В. Капниста* (СПб. вестн. 1780. Ч. 5. С. 400–447) среди современных бездарных поэтов.

Лит.: Венгеров. Рус. поэзия. Т. 1, вып. 6 (1897). С. 210.

Е. Д. Кукушкина,
Л. И. Сазонова

КАНТЕМИР Антиох Дмитриевич [10 (21) IX 1709, Константинополь–31 III (11 IV) 1744, Париж; похоронен в московском Николаевском греч. м-ре (могила не сохр.)], князь, младший сын молд. кн. Д. К. Кантемира (1673–1723), ученого-энциклопедиста, члена Берлинской академии наук, и Касандры Кантакузен. В кон. 1710 тур. султан назначил отца К. молд. господарем, и он с семьей выехал из Константинополя на родину, где почти сразу вступил в контакт с Петром I и уже в апр. 1711 заключил с ним договор о вхождении в состав России и совместной борьбе против Турции. После неудачного для России Прутского похода (1711) отец К., опасаясь мести со стороны султана, переехал с семьей и четырьмя тысячами подданных в Россию. Петр I подтвердил княжеский титул Кантемиров и наделил отца К. имениями около Харькова.

С февр. 1712 (по др. сведениям, с 1713) семья К. жила в Москве, в 1719 переехала в Петербург; часть времени Д. К. Кантемир провел с семьей в укр. имениях (1711, 1715–1717). После смерти в 1713 мате-

ри К. заботы по его воспитанию взяла на себя его старшая сестра Мария. Образованием К., его сестры и братьев Константина, Матвея и Сергея занимался до 1721 выехавший в Россию с отцом К. священник Афанасий Кондоиди (греч., лат. и ит. языки; лат. и ит. литературы). Уже в детские годы К. читал и учил наизусть Горация и «Неистового Роланда» Л. Ариосто. Фр. языку и, вероятно, истории права К. обучал немец И.-Г. Фокеродт, выпускник Лейпцигского ун-та, секретарь отца К. в 1715–1718. Возможно, именно он познакомил К. с фр. поэзией (Н. Буало). Рус. языку обучал К. выпускник Славяно-греко-лат. академии *И. Ю. Ильинский*, живший в семье К. в 1716–1725; вероятно, не без его поощрения и помощи К. было написано похвальное слово на греч. языке св. Димитрию Фессалоникийскому, которое он в 1719 произнес в академии.

В 1719 отец К. вступил во второй брак с кн. А. И. Трубецкой. С мачехой у К. хорошие отношения не сложились, что не помешало ему позднее сдружиться с ее родственником кн. Н. Ю. Трубецким (1699–1767). Отец К. в 1721 стал сенатором и т. советником, а в 1722 принял участие в Перс. походе. Семья сопровождала его, но К., его сестра и Ильинский не последовали на театр военных действий, а остались в Астрахани, где К. с 4 июля 1722 по 14 янв. 1723 учился в школе капуцинов. Здесь К., вероятно, познакомился с *В. К. Тредиаковским*.

По окончании Перс. похода семья К. переехала в свое имение — с. Дмитровка Орловской губ., где 21 авг. 1723 скончался отец К. В мае 1724 в Москве, где находился двор по случаю коронации Екатерины I, К. подал прошение Петру I, в котором просил разрешить ему обучение истории, юриспруденции, а также математике за границей на казенном содержании. Прошение осталось без ответа и в июне 1724 К. переехал в Петербург.

В Петербурге К. продолжал самообразование и для упражнения («ексерциции») перевел с лат. «Синопсис историческую» — хронику визант. историка XII в. Константина Манассии (РНБ, Q.IV.25; БАН, 34.2.30). Перевод был предпринят, вероятно, не без влияния Ильинского, переводчика сочинений Агапита и Эпиктета. Одновременно К., продолжая занятия фр. языком, начал составлять большой рус.-фр. словарь; эту работу он продолжил в Англии в 1737 (три тома незавершенного «Лексикона славенорусского с французским» — РГБ, ф. 96, № 41). С нач. 1726 К. стал одним из первых студентов Акад. ун-та. Он изучал математику у Ф.-Х. Майера, физику у Г.-Б. Бильфингера, историю у Г.-З. Байера и нравственную философию у Х.-Ф. Гросса, с которым и позже поддерживал дружеские отношения.

В 1726 К. сделал свой первый перевод с фр. — памфлет ит. писателя Д. П. Марана «Письмо, содержащее утешное критическое описание Парижа и французов, писанное от некоего сицилианца к своему приятелю» (изд. 1868) и составил «Симфонию, или Согласие на богодухновенную книгу псалмов царя и пророка Давида» (изд. 1727), которую поднес Екатерине I.

В 1727 один из братьев К., Константин, женился на дочери кн. Д. М. Голицына и при помощи всесильного тестя единолично вступил во владение всем наследством отца, нарушив его завещание, согласно которому единственным наследником должен быть тот из сыновей, кто более преуспеет в науках; при этом подразумевался младший сын. В этих обстоятельствах К. был вынужден оставить занятия в Акад. ун-те и начал военную службу фендриком в л.-гв. Преображенском полку, куда он был записан солдатом вместе с братьями в 1715 по просьбе кн. Я. Ф. Долгорукова. В февр. 1728 полк был переведен в Москву, где после коронации Петра II К. получил чин подпоручика, а затем и поручика (июль). Военную службу он совмещал с литературными занятиями, прежде всего переводами. В 1727–1729 К. перевел четыре сатиры и «Речь королю» Н. Буало (изд. 1906). Это были первые переводы фр. классика на рус. язык, причем К. перевел из него больше, чем какой-либо др. переводчик в XVIII в. К 1728 относится единственный драматический

опыт К.— небольшой отрывок комедии, возможно, перевод с фр. комедии «Курьер из Бордо» Герарда (изд. 1868). В 1729 К. перевел с фр. известный аллегорический дидактический трактат «Картина» ученика Сократа Кебета Фиванского под названием «Таблица Кевика-философа, или Изображение житья человеческого» (РНБ, собр. Погодина, № 2023; отрывок изд. 1868). К. выправил перевод по греч. оригиналу; вероятно, он не знал, что в 1725 это произведение с греч. перевел *А. К. Барсов*. В том же году К. начал переводить с лат. «Историю» Марка Юниана Юстина, краткое изложение всемирной истории Помпея Трога — «Иустинова повсемственная история, из Трога Помпея сокращенно собранная» (РНБ, Q.IV.382). Эта работа была прервана, продолжена за границей в 1735.

В сент. 1729 по указу, данному из Коллегии иностр. дел, К. должен был перейти на службу в коллегию и отправиться во Францию, однако исполнение указа было отложено, и К. остался в гвардии. Кроме переводов К. принадлежат любовные песни (не сохр., К. сообщает о них в своих примеч. к «Сатире IV») и несколько эпиграмм. В кон. 1729 К. окончил свою первую сатиру «На хулящих учения. К уму своему» — острое выступление против обскурантизма (как светского, так и церковного), отчетливо проявившегося в рус. обществе того времени. Создавая новый для рус. литературы жанр сатиры, К. ориентировался на Горация и Буало, которых обильно цитировал в примечаниях, а в обрисовке персонажей — на фр. моралистов (Лабрюйер) и отчасти на современную ему рус. проповедь (*Феофан Прокопович*). Несмотря на то что персонажи К. носят античные имена, сатира отражает рус. действительность; как и последующие сатиры, она написана на «порок», а не «на лица», поэтому поиски реальных прототипов высмеиваемых персонажей в той или иной степени произвольны. «Сатира I» имела успех и распространялась в списках, Феофан Прокопович высоко оценил ее и написал стихотворение «К автору сатиры» первыми рус. октавами (в рукописях стихотворение датировано апр. 1730). Эпиграммы (на лат. яз.) посвятил К. также и *Феофил Кролик*. Через два месяца после первой сатиры, в нач. 1730, К. написал вторую сатиру «На зависть и гордость дворян злонравных. Филарет и Евгений», посвященную проблеме истинного и мнимого благородства дворян и вопросу о необходимости оправдывать древность рода новыми заслугами.

В февр. 1730 во время попытки членов Верховного тайного совета ограничить самодержавную власть новой императрицы Анны Иоанновны К. решительно выступил против «верховников» на стороне дворянской оппозиции: собирал в гвардейских полках подписи под обращением к императрице, написал и сам прочел перед ней челобитную от имени дворян об уничтожении «кондиций», ограничивающих ее власть. Вероятно, имело значение и то обстоятельство, что во главе «верховников» стоял кн. Д. М. Голицын, благодаря которому К. был лишен наследства, а на противоположной стороне находились кн. А. М. Черкасский, на чьей дочери К. собирался жениться, и кн. И. Ю. Трубецкой, отец мачехи К. Заслуги К. никак не были отмечены новой императрицей, ходили слухи, что К. сам отказался от награды. Но в дек. 1730 дети покойного молд. господаря (за исключением Константина) получили 1030 дворов в Нижегородской и Орловской губерниях, что отчасти поправило материальное положение К. Внешне его жизнь не изменилась: вплоть до отъезда за границу он служил в гвардии в прежнем звании.

В марте—авг. 1730 К. написал первую песнь поэмы «Петрида, или Описание стихотворное смерти Петра Великого, императора всероссийского» (изд. 1859), но этот первый опыт рус. эпической поэмы остался незавершенным, хотя К. позднее хотел возвратиться к ней, собрав «потребные известия», и продолжить «похвалу» Петру I. В авг. К. закончил «Сатиру III» «О различии страстей человеческих. К архиепископу Новгородскому» — философскую картину разнообразных человеческих нравов (образы

скупого, льстеца, сплетника, ханжи и пр.) с яркими чертами московского быта. Сатиру вместе с благодарственными стихами за прежнее внимание он вручил Феофану.

В том же году К. завершил перевод книги фр. философа-просветителя Б. Фонтенеля «Разговоры о множестве миров» (1740; 2-е изд. 1761; 3-е изд. СПб., 1802) – популярное изложение основ мироздания. К. передал перевод в Академию наук, но тема книги – гелиоцентрическое учение Коперника – послужила причиной задержки издания, для которого потребовалась двойная цензура, светская и духовная. К. всячески старавшийся ускорить издание книги, получил ее уже в Париже и поднес автору. В 1756 по требованию Синода книга была запрещена как «противная вере и нравственности» и подлежала уничтожению, однако через несколько лет увидело свет ее 2-е издание.

В 1731 К. написал несколько басен (изд. 1762), содержавших намеки на современные политические события, и «Оду к императрице Анне в день ее рождения» (полн. изд. 1956) – стихотворное переложение оды, сочиненной на лат. языке учениками Славяно-греко-лат. академии, причем К., по его словам, воспользовался готовым рус. переводом. Одновременно К. закончил «Сатиру IV» «О опасности сатирических сочинений. К музе своей», в которой отстаивал пользу сатиры. Вероятно, летом того же года К. задумывал отдельное издание сатир и написал в подражание «Речи королю» Буало «Речь к <. . .> Анне Иоанновне» (изд. 1823), которая могла бы открыть сборник. Замысел издания не был осуществлен, и в авг. К. начал «Сатиру V» «На человеческие злонравия вообще», находящуюся в сильной зависимости от сатиры VIII Буало.

Первые пять сатир К. по спискам были известны задолго до издания 1762, их знали и высоко ценили *М. В. Ломоносов* («В российском народе сатиры князя Антиоха Дмитриевича Кантемира с общей апробациею приняты»), *А. П. Сумароков* (в первой редакции «Эпистолы о стихотворстве»), а Тредиаковский в «Новом и кратком способе к сложению российских стихов» (1735) назвал К. «главнейшим и искуснейшим пиитом российским». Сатиры К. вызвали подражания: в 1738 появилась сатира «На состояние сего света. К солнцу» (изд. 1858), которая долгое время приписывалась К., а в 1740–1760-х гг. из семинарской среды вышло несколько сатир с прямыми заимствованиями из К. и развивавших его темы (изд. В. Н. Перетцем в 1928).

В нач. нояб. 1731 в связи с возобновлением дипломатических отношений с Англией было принято решение о назначении К. туда резидентом. Этот выбор был обусловлен несколькими обстоятельствами. С одной стороны, К. по своему происхождению и образованию несомненно подходил для дипломатической службы, с др. стороны, некоторые придворные желали удаления К.: в способном политическом деятеле, имевшем литературную известность, видели конкурента при дворе, а Д. М. Голицына пугала возможность пересмотра дела о наследстве отца К. Сам К., давно желавший побывать за границей, был доволен предстоящей переменой в своей жизни. 24 дек. состоялось официальное назначение, и 1 янв. 1732 К. выехал из Москвы в Петербург, а затем через Берлин (где познакомился с *С. С. Волчковым*) и Гаагу в Лондон, куда прибыл 1 марта.

Первые годы пребывания в Англии были полностью посвящены многообразным дипломатическим заботам: К. способствовал заключению англо-рус. торгового соглашения (1734), добивался признания за рус. самодержцами императорского титула, помогал русским, обучавшимся в Англии, выполнял отдельные поручения, напр. занимался опровержением изданных в Англии клеветнических «Московских писем» Ф. Локателли. По своему почину К. поддерживал переписку с петербургской Академией наук, закупал для нее приборы и научные издания. По приезде в Англию К. выучил англ. язык и собрал библиотеку современных англ. авторов (книги Д. Локка, Дж. Свифта, А. Попа, журналы Аддисона и Стиля). Однако литературных знакомств в

Лондоне не свел, его культурное окружение составляли жившие в Лондоне ит. дипломаты, художники и музыканты. Авг. 1736 К. провел в Париже, стараясь поправить здоровье, на которое отрицательно повлияло пребывание в Англии (ухудшившееся зрение и боли в желудке).

Служебные занятия оставляли мало времени для литературы. В 1734 К. добился издания в англ. переводе труда своего отца «Оттоманская империя». В 1735 он продолжил начатый в Москве перевод Юстина, а в 1735–1736 написал несколько од («песен»), из которых сохранилось четыре: «Противу безбожных», «О надежде на Бога», «На злобного человека», «В похвалу наук» (все изд. 1762), последняя представляет собой подражание поэме «Италия, освобожденная от готов» ит. поэта XVI в. Дж. Триссино. К. также написал и послал в Россию кн. А. М. Черкасскому похвальные оды Петру I и на взятие Азова (обе 1737; не сохр.).

В 1736 К. перевел с греч. 55 стихотворений Анакреона («Анакреона Тиейца песни», изд. 1867). В своем филологически точном переводе, снабженном подробным комментарием, К. впервые использовал белый стих, опираясь на практику ит. переводчиков. Тогда же К. начал перерабатывать сатиры и полностью переписал «Сатиру V», которая в первоначальной редакции «почти вся состояла из речей французского сатирика» (т. е. Буало).

В Лондоне К. перевел с ит. книгу писателя-просветителя Ф. Альгаротти «Ньютонианство для дам» (не сохр.). В нач. 1738 К. написал «Сатиру VI» «О истинном блаженстве». Горацианская по тону сатира призывала к умеренной и добродетельной жизни, как истинному источнику счастья.

В сер. 1737, выполняя поручение рус. правительства, К. сблизился с фр. послом в Лондоне и содействовал налаживанию фр.-рус. отношений. 18 апр. 1738 он был пожалован в камергеры и назначен послом в Париж, куда прибыл в нач. сент. 1738. Он был уже опытным дипломатом и быстро вошел в курс дел. В отличие от Лондона круг общения К. в Париже был обширен: он сошелся с математиком П.-Л.-М. Мопертюи, с Ш. Монтескье, чьи «Персидские письма» перевел на рус. язык (не сохр.), с Фонтенелем, с театральными деятелями (Л. Риккобони, П. Мораном) и др.; переписывался с Вольтером. Эта переписка по вопросам рус. истории носила официальный характер; К. скептически относился к историческим опытам Вольтера и критически отозвался об «Истории Карла XII», в т. ч. и потому, что нашел там неточности, касающиеся его отца. Тем не менее именно К. стал первым рус. переводчиком Вольтера: в окт. 1743 он послал М. Л. Воронцову перевод стихотворения «О двух любвях» (изд. 1870).

В нач. 1739 К. написал «Сатиру VII» «О воспитании», обращенную к кн. Н. Ю. Трубецкому, в основе которой лежит типичная для XVIII в. идея о господствующем значении воспитания (Локк, англ. моралистическая журналистика). Последняя небольшая сатира «На бесстыдливую нахальчивость» написана в кон. года. В обеих сатирах нет картин рус. действительности, что объясняется, по-видимому, долгим отсутствием автора на родине.

Несколько лет К. занимался переводом с лат. «Посланий» Горация, в мае 1740 он прислал в Академию наук перевод десяти «Писем», издание которых было задержано до 1744. К 1742 К. завершил перевод двадцати двух «Посланий» (полн. изд. 1867), выполненный нерифмованным тринадцатисложником, с подробным филологическим комментарием.

На рубеже 1730–1740-х гг. К. приступил к переработке первых пяти сатир. Редактура затронула не только содержание, но и язык: в окончательной редакции значительно меньше церковнославянизмов, в то же время существенно усложнен синтаксис. Был переработан и стих сатир. С трактатом Тредиаковского (1735) К. был знаком, в нем, кстати, был процитирован первый стих «Сатиры I» К., но в «исправленном» виде — единственное в России печатное прижизненное упоминание сатир. Силла-

бо-тонической теории Тредиаковского К. не принял (ни стихи, ни теоретические взгляды на стихосложение Ломоносова не были ему известны), о чем свидетельствует «Письмо Харитона Макентина <анаграмма имени и фамилии К.> к приятелю о сложении стихов русских» (1742), написанное в ответ на просьбу Н. Ю. Трубецкого. Отрицая новации Тредиаковского, К. пошел по пути модернизации силлабики: упорядочение ударных мест в окончаниях стихов и полустиший при свободном расположении ударений внутри стиха. В нач. 1743 «Письмо» было переслано Трубецкому, который передал его секретарю Академии наук С. С. Волчкову. Акад. канцелярия решила напечатать «Письмо» и поручила корректуру Тредиаковскому, но издание было задержано (в 1744 оно вышло вместе с переводом десяти «Писем» Горация). Теоретические взгляды К. признания не получили, в это время рус. поэзия уже не модернизировала силлабику, а усваивала силлабо-тоническую систему Ломоносова.

В 1742–1743 К. написал философский трактат в форме одиннадцати писем, получивший в науке название «Письма о природе и человеке» (изд. 1868). Основу трактата составил перевод книги Ф. Фенелона «Доказательство бытия Бога» (1712), которую десятилетие спустя использовал Тредиаковский для «Феоптии», и небольшой фрагмент из «Мыслей, размышлений и моральных правил» гр. Оксеншерны. К. подверг обсуждению широкий круг научных проблем (физика, астрономия, анатомия и др.) и попытался согласовать научный прогресс с церковной догматикой – такие сочинения были характерны для европ. мысли 1730–1740-х гг. Вместе с тем К. опустил опровержение Фенелоном эпикурейского учения и проклятия атеистам.

В 1742–1743 в рус. академических кругах распространились слухи о возможном назначении К. президентом Академии наук (его кандидатуру поддерживал Л. Эйлер). К., который тяготился длительным пребыванием за границей, был готов занять этот пост, но назначение не состоялось. К. предпринял еще одну попытку издания своих сочинений на родине. В марте 1743 он переслал М. Л. Воронцову с возвращавшимся в Россию гр. А. М. Ефимовским три свои рукописные книги: сборник сатир и др. стихотворных сочинений, переводы Юстина и Анакреона, с просьбой представить их императрице, которой они были посвящены. Но эта попытка потерпела неудачу. Отчаявшись увидеть сатиры в печати, К. при помощи своего друга аббата Октавиана Гуаско перевел сатиры на ит. язык (не сохр.), с этого перевода Гуаско перевел сатиры на фр. язык.

Здоровье К. продолжало ухудшаться, и он ездил лечиться на Ахенские (1741) и Пломбиерские (1743) источники. На длительное лечение в Италию его не отпускали, хотя рус. двор как будто бы ценил заслуги К.-дипломата (в авг. 1741 он получил чин т. советника). Уже тяжело больной К. в нач. 1744 перевел с греч. знаменитое стоическое сочинение Эпиктета «Энхиридион» (РГБ, ф. 96, № 25) и начал «Сатиру IX», посвященную, по словам Гуаско, философии, но не закончил ее (не сохр.). Только в февр. 1744 К. разрешили поездку в Италию на четыре месяца без сохранения жалованья, но воспользоваться разрешением он уже не мог. К. скончался за границей. После длительных проволочек стараниями родных и за их счет останки К. были доставлены в сент. 1745 в Петербург, а затем в Москву.

В 1749 Гуаско напечатал в Голландии на фр. языке «Сатиры» К., переизданные во Франции в 1750 (место изд. на тит. листах обеих книг: Лондон). В 1752 в Берлине вышло издание «Сатир» на нем. языке (пер. с фр.). Рус. издание было подготовлено спустя 10 лет по поручению Акад. канцелярии *И. С. Барковым* (1762), который сознательно внес в текст К. целый ряд изменений стилистического и лексического характера. Издание было осуществлено по т. н. «академическому списку», снятому в 1755 в Академии наук (ИРЛИ, р. II, оп. 1, № 132), вероятно, с той самой рукописи, которую К. в 1743 послал Воронцову. Этот список лег в основу последующих изданий: Сочинения, письма и избранные переводы

кн. А. Д. Кантемира. СПб., 1867–1868. Т. 1–2; Собрание стихотворений. Л., 1956. В эти издания включены и произведения, не принадлежащие К.: т. н. «девятая сатира» «На состояние сего света. . .» (автор неизв.), переложения псалмов 36 и 72 Феофана Прокоповича и обращенное к Феофану Прокоповичу стихотворение Феофила Кролика «Epodos consolatoria».

Лит.: *Шимко И. И.* Новые данные к биографии кн. А. Д. Кантемира. СПб., 1891; *Сементковский Р. И.* А. Д. Кантемир: Его жизнь и лит. деятельность. СПб., 1893; *Александренко В. Н.* К биографии кн. Кантемира // Варшавские унив. изв. 1896. № 2, 3; *Майков Л. Н.* Мат-лы для биографии кн. А. Д. Кантемира. СПб., 1903; *Глаголева Т. М.* Мат-лы для полн. собр. соч. кн. А. Д. Кантемира // Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности. 1906. № 1, 2; *Перетц В. Н.* Неизв. подражатели кн. А. Д. Кантемира // Изв. по рус. яз. и словесности. 1928. № 2; *Пумпянский Л. В.*: 1) Кантемир и ит. культура // XVIII век. М.; Л., 1935. Сб. 1; 2) Кантемир // История рус. лит. М.; Л., 1941. Т. 3; *Соколов А. Н.* Очерки по истории рус. поэмы XVIII и первой пол. XIX в. М., 1955; *Гершкович З. И.*: 1) К биографии А. Д. Кантемира // XVIII век. М.; Л., 1958. Сб. 3; 2) К истории создания первых сатир Кантемира // XVIII век. М.; Л., 1962. Сб. 5; *Тимофеев Л. И.* Очерки теории и истории рус. стиха. М., 1958; *Радовский М. И.* А. Кантемир и Петербургская Академия наук. М.; Л., 1959; Мат-лы юбилейного заседания, посвященного 250-летию со дня рождения А. Д. Кантемира // Проблемы рус. просв. в лит. XVIII в. М.; Л., 1961; *Муравьева Л. Р.* Проблема т. н. «девятой» сатиры А. Д. Кантемира // XVIII век. М.; Л., 1962. Сб. 5; *Шкляр И. В.* Формирование мировоззрения А. Кантемира // Там же; *Калачева С. В.* Кантемир и рукоп. традиция: (Был ли Кантемир автором сатиры «К Солнцу. На состояние света сего»?) // Науч. докл. высш. школы. Филол. науки. 1962. № 4; *Grasshoff H.* A. D. Kantemir und Westeuropa. Berlin, 1966; *Моисеева Г. Н.* И. Барков и издание сатир А. Кантемира 1762 г. // Рус. лит. 1967. № 2; *Прийма Ф. Я.* А. Кантемир и его фр. лит. связи // Прийма Ф. Я. Рус. лит. на Западе. Л., 1970; *Веселитский В. В.* Кантемир и развитие рус. лит. яз. М., 1974; *Smith G. S.* An unknown translated panegyric poem of 1737: Michael Maittaire and prince Antiokh Kantemir // Slavonic and East European review. 1977. N 2; *Бобынэ Г. Е.* Филос. воззрения А. Кантемира. Кишинев, 1981; *Градова Б. А.*: 1) Рукописи А. Д. Кантемира // Источники по истории отеч. культуры в собраниях и архивах отд. рукоп. и редких книг [РНБ]. Л., 1983; 2) Первые переводы А. Кантемира // Исследования памятников письменной культуры в собраниях и архивах отд. рукоп. и редких книг [РНБ]. Л., 1985; 3) А. Д. Кантемир — составитель первого рус.-фр. словаря // A Window on Russia. Roma, 1996; *Копанев Н. А.* О первых изданиях сатир А. Кантемира // XVIII век. Л., 1986. Сб. 15; *Автухович Т. Е.* Об авторстве «Metaphrasis Ps. 36» и «Metaphrasis Ps. 72» // Там же; *Фомин С. В.* Кантемиры в изобразительных материалах. Кишинев, 1988; *Николаев С. И.*: 1) Кто утешал Феофана Прокоповича в 1730 г.? // Рус. лит. 1989. № 2; 2) А. Кантемир в пол. журн. XVIII в. // Рус. лит. 1993. № 3; *Песков А. М.* Буало в рус. лит. XVIII–первой трети XIX в. М., 1989; *Елеонская А. С.* Из лит. наследия семьи Кантемиров // Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник 1990. М., 1992; *Бабаева Е. Э.* Славяно-фр. лексикон А. Кантемира. (Филол. характеристика: концепция, структура) // Вопр. языкознания. 1996. № 1; *Serman I.* Антиох Кантемир и Франческо Альгаротти // A Window on Russia. Roma, 1996.

С. И. Николаев

КАПНИСТ Василий Васильевич [12 (23) II 1758, с. Обуховка Миргородского повета Полтавской губ.–28 X (10 XI) 1823, с. Кибинцы Полтавской губ.; похоронен в с. Обуховка]. Предок К. Стомателло Капнисси в 1702 был возведен в графское достоинство Венецианской республики за доблесть, про-

явленную в сражениях с турками (титул был утрачен в нач. XVIII в. и восстановлен потомками К. в 1876). Дед К., П. Х. Капнист, в 1711 бежал из Греции в Россию. Отец К., В. П. Капнист, был сотником Слободского полка, затем полковником Миргородского полка; в 1737 отличился при взятии Очакова, за что был награжден имениями в Малороссии (самым крупным из них было с. Обуховка на р. Псёл); погиб в битве при Гросс-Егерсдорфе 19 авг. 1757, за полгода до рождения К. — шестого сына в семье. До 13 лет К. прожил в Обуховке. Его мать, происходившая из рода Дуниных-Борковских, стремилась дать сыновьям хорошее домашнее образование, в частности знание нем. и фр. языков. В имении К. часто гостили поэты и переводчики, принадлежавшие к Нежинскому греч. братству.

В кон. 1770 К. выехал в Петербург для определения в военную службу. В янв. 1771 он вступил капралом в лейб-гвардии Измайловский полк, в школе которого продолжил образование. В сент. 1771 К. был произведен в подпрапорщики, в дек. 1772 – в сержанты (формуляр 1812 г.– РГИА, ф. 733, оп. 86, № 437). В янв. 1773 К. был переведен в лейб-гвардии Преображенский полк, где в то время служили *Г. Р. Державин* и *Н. А. Львов*. Знакомство с ними и *И. И. Хемницером*, перешедшее впосл. в тесную дружбу, сыграло исключительную роль в формировании поэтических воззрений К. Беседы на литературно-эстетические темы и обнаружившаяся общность вкусов способствовали формированию львовско-державинского кружка, история которого распадается на два периода (вторая пол. 1770-х гг.– нач. 1780-х и 1790-е гг.). Помимо Державина, Львова, К. и Хемницера, ощущавших себя центром содружества (см. об этом в письме Державина к К. от 3 янв. 1804 – Державин. Соч. Т. 6. (1871) С. 144), членами кружка во второй пол. 1770-х гг. были *М. Н. Муравьев*, Ф. П. Львов и некоторое время *А. С. Хвостов*. Совместная деятельность поначалу выразилась в коллективном чтении, правке и обсуждении стихов, а также в выработке системы литературных приоритетов. Главными авторитетами для членов кружка были Ш. Баттё (в области теоретической мысли) и Гораций (в сфере поэтической практики), что позволяет определить воззрения участников кружка как классицистические в своей основе. Вместе с тем кризис этого литературного направления отразился и в их творчестве. Осмысление необходимости творчества по вдохновению, выдвижение на первый план человеческой индивидуальности и окружающего ее конкретно-чувственного мира, внимание к этическим проблемам, оригинальное решение вопроса о соотношении вечного и индивидуального и т. д. легли в основу поэтики участников кружка. Они во многом продолжали линию, намеченную любовной лирикой *А. П. Сумарокова* и его последователей, что предопределило симпатии участников кружка к *Я. Б. Княжнину* и *Д. И. Фонвизину*, их сближение с редакцией журнала «СПб. вестн.» в кон. 1770-х гг., а также сделало их соперниками литераторов, объединившихся вокруг *Н. П. Николева* (*Д. П. Горчаков, Ф. Г. Карин*, Д. И. и А. С. Хвостовы, *Г. И. Шиповский*).

Литературный дебют К., вышедшего 10 июля 1775 в отставку, остался незамеченным: в 1775 он опубликовал отдельной брошюрой на фр. языке оду на заключение Кючук-Кайнарджийского мира («Ode à l'occasion de la paix conclue entre la Russie et la Porte Ottomane à Kaynardgi le 10 juillet. Anno 1774»), о которой автор отозвался позднее следующим образом: «. . . писана сочинителем на 17 году его возраста, чего, однако ж, он ни себе, ни глупому своему произведению в извинение не ставит» (Соч. 1796. С. 59). Подлинным началом литературной деятельности К. нужно признать напечатание в 1780 «Сатиры I» в журнале «СПб. вестн.» (Ч. 5. Июнь), вызвавшей скандал в литературном мире. Причиной тому были ст. 202, 205 и 206, где под несколько измененными фамилиями в качестве образцов бездарности были упомянуты современные К. писатели: *В. Г. Рубан, Ф. Я. Козельский*, Н. П. Ни-

колев, *И. А. Владыкин*, *А. Н. Фрязиновский*, *А. О. Аблесимов*, А. С. Хвостов, *М. И. Веревкин*, *Я. И. Кантаровский*. Сатира К. вызвала ответные нападки, дав начало ожесточенной полемике. Из участников львовско-державинского кружка в поддержку К. выступил лишь И. И. Хемницер, опубликовавший на страницах «СПб. вестн.» басню «Черви» и несколько эпиграмм. В дальнейшем К., видимо, сожалел о сделанных им выпадах — при переиздании сатиры в «Собеседнике» (1783. Ч. 5) они были опущены, а сама она переименована в «Сатиру первую и последнюю».

В 1781 К. обвенчался с Александрой Алексеевной Дьяковой, на ее сестре Марии в 1780 женился Н. А. Львов, на сестре Дарье в 1794 — Г. Р. Державин. Вскоре К. уехал в Обуховку, где у него проездом в Смирну гостил И. И. Хемницер (см. их совместное письмо Г. Р. Державину от 5 марта 1781 с критическими замечаниями на его «Оду на Новый год»).

В сент. 1782 К. возвратился в Петербург в связи с назначением его по ходатайству Н. А. Львова контролером Гл. почтового правления, откуда он уволился в мае 1783. С этого времени поэт с семьей постоянно жил в Обуховке. В янв. 1785 К. был избран предводителем дворянства Киевской губ. В этом качестве он стал одним из организаторов торжественной встречи *Екатерины II* в Киеве в марте 1787, за что был 21 апр. 1787 произведен в надв. советники.

В 1780–1790-е гг. связи К. с литературными кругами не прерываются, ибо он часто наезжал в Москву и Петербург. Его произведения печатались в «Собеседнике», «Зеркале света», «Новых ежемес. соч.», «Чтении для вкуса», карамзинских «Моск. журн.» и «Аонидах».

В 1783 К. написал «Оду на рабство» (впервые: Лирические сочинения. СПб., 1806), в которой он выразил свое отношение к указу Екатерины II от 3 мая 1783, закрепощавшему крестьян Киевского, Черниговского и Новгород-Северского наместничеств. Описав тяготы их нового состояния, К. завершил оду призывом отменить указ, ибо тогда он сможет от чистого сердца воспеть Екатерину и благоденствие ее державы. Острота затронутой темы сделала оду, по мнению его друзей, «неудобной для печати»; тем не менее она была широко известна в литературных кругах, а *Е. Р. Дашкова* даже хотела опубликовать ее в «Новых ежемес. соч.», как явствует из письма Державина к К. (март 1786): «При сем препровождаю тебе <. . .> твои сочинения, с которых копии княгине Дашковой я отдал. Она требовала оды и о рабстве, но я сказал, что ты оной не оставил, по причине, что не нашел в своих бумагах; а притом изъяснил ей, что ни для нее, ни для твоей пользы напечатать и показать напечатанную императрице тоё оду не годится и с здравым рассудком не сходно. . .» (Державин. Соч. (1868–1878). Т. 5 (1876). С. 848–849).

Отрицательное отношение К. к крепостному праву проявилось и в его «Оде на истребление в России звания раба Екатѐриною Второю, в 15-й день февраля 1786 года» (Новые ежемес. соч. 1787. Ч. 15), т. е. на указ Екатерины II о том, чтобы впредь подписывать прошения словом «верноподданный», а не словом «раб», который поэт трактует как закон об освобождении крестьянства от крепостной зависимости, рисуя картины всеобщего благоденствия и всенародного восхваления императрицы. Сохранился подносной экземпляр «Оды» с позднейшей (нач. XIX в.) пометой В. Н. Каразина, зафиксировавшей высказывание Екатерины II о ней: «На подданного». Он остался между бумагами Д. П. Трощинского — доказательство, что она не дала ему цены: «Вы-де хотите на деле. Зась! довольно и слова» (РГБ, ф. 452, № 806, л. 2).

Причиной размолвки К. с Державиным стал «Ответ Рафаила певцу Фелицы» (Новые ежемес. соч. 1790. Ч. 5), пародировавший державинскую оду «Изображение Фелицы», которая была написана к годовщине коронации императрицы (22 сент. 1789) и изобиловала длиннотами и патетическими восхвалениями. Первая редакция «Ответа» была послана Державину с

шутливым заглавием «Рапорт лейб-автору от екатеринославских муз трубочиста Василия Капниста», на что Державин ответил разгневанным письмом от 31 дек. 1789. Н. А. Львов принял в этой истории сторону К.; сохранилось его краткое недатированное письмо К. и пометы на тексте «Ответа», многие из которых были автором учтены (РГАДА, ф. 1478, оп. 1, № 79, л. 1–5 об.); именно Н. А. Львов способствовал появлению «Ответа» в «Новых ежемес. соч.».

В 1796 в Петербурге был опубликован первый сборник стихов поэта — «Сочинения Василия Капниста», включавший четыре раздела: «Оды торжественные», «Оды на разные случаи», «Лирические мелочи», «Эпиграммы». Часть стихотворений сборника уже была опубликована в периодике, некоторые же из них появились здесь впервые («Ода на смерть Плениры», «Ода на уныние», «Ода на твердость духа», «Ода на дружество», «Друзьям моим», «Красавице», «Чижик» и др.). «Лирические мелочи» содержали ряд стихотворений, которые К. относил к разряду анакреонтических, — понимание им этого рода поэзии обнаруживает зависимость от идей Н. А. Львова, которые тот изложил в своем предисловии к переводам из Анакреона 1794 (в те же годы создавались «Анакреонтические песни» Державина).

К драматургии К. впервые обратился во второй пол. 1780-х гг., когда им была переведена комедия Мольера «Sganarelle, ou Le cocu imaginaire». Первоначально пьеса получила назв. «Мнимый рогоносец», под которым она, по-видимому, была поставлена в кон. 1780-х гг. на сцене петербургского Каменного театра, однако успеха не имела (ср. автоэпиграмму К. «Никто не мог узнать из целого партера. . .»). В нач. 1800-х гг. К. несколько переработал текст комедии для ее новой постановки в Каменном театре (премьера состоялась 17 мая 1806). Пьеса вызвала недовольство Цензурного комитета, претензии которого изложены в донесении *И. Ф. Тимковского* от 5 июля 1808 (РГИА, ф. 177, оп. 1, № 8, л. 118–119). В соответствии с этими требованиями она была переработана автором и получила назв. «Сганарев, или Мнимая неверность» (впервые: Соч. 1849).

Вершиной творчества К.-комедиографа стала его «Ябеда», отразившая историю многолетней тяжбы К. с соседкой по имению Ф. Т. Тарновской и представляющая собой образец исключительной по силе сатиры на систему судебных злоупотреблений. Работа над первой редакцией пьесы с назв. «Ябедник» должна быть отнесена к 1791–1792. Вторая редакция была закончена к 1793; хлопоты петербургских друзей поэта о ее напечатании не сразу увенчались успехом, т. к. политические события во Франции и Польше привели к усилению цензурных строгостей — ср. в письме Г. А. Дьякова к К. от 13 мая 1794: «Теперь же в Польше началась комедь, так о нашей не хотят и слышать» (ЦНБ АН Украины, Ш. 23624, л. 1). Лишь 19 февр. 1798 было получено разрешение на печатание комедии, однако согласно требованиям цензуры в ее текст пришлось внести значительное число изменений (текст без искажений: изд. 1960). В окт. этого же года комедия была издана иждивением актера *А. М. Крутицкого* отдельной книгой. К этому моменту пьеса была уже четырежды играна на сцене Каменного театра в Петербурге (22 и 26 авг., 16 и 20 сент.) и пользовалась успехом у зрителей. Существует также предание о том, что Павел I, получивший вскоре донос на автора сатирической комедии, приказал сослать К. в Сибирь, однако, посмотрев ее на сцене Эрмитажного театра, распорядился вернуть К. в столицу. Достоверно известно лишь, что по указанию Павла I 20 сент. 1798 «Ябеда» была исключена из театрального репертуара, а 27 окт. печатные экземпляры комедии были изъяты у А. М. Крутицкого в количестве 1211. Пьеса была вновь представлена на рус. сцене лишь в царствование Александра I.

Неясность событий, связанных с запретом комедии, породила версию о двух ее изданиях, из которых одно якобы было нелегальным.

Речь в данном случае должна идти о двух заводах тиража книги, ибо ее текст изменений не претерпел, лишь его расположение стало несколько иным.

Как отмечал позднее сам К., размер стиха (шестистопный ямб с парной рифмой) и свободное использование разговорных оборотов были ему подсказаны предшественником: «Признательно скажу, что если бы почтенный г-н Княжнин в прекрасном „Хвастуне" своем не доказал на опыте возможность писать комедию в стихах простым разговорным наречием, то я бы не осмелился приняться за „Ябеду"» (*Капнист В. В.* Собр. соч. М.; Л., 1960. Т. 1. С. 447). По своим художественным достоинствам «Ябеда», пожалуй, наиболее совершенная из комедий рус. классицизма. В ней соблюдены единство места, времени и действия, а имена отражают основные свойства характера и привычки действующих лиц (Праволов, Кривосудов, Прямиков, Бульбулькин и т. д.). Однако традиционная фабула классицистической комедии (соединение любящих, преодолевающих препятствия) оттеснена на второй план изображением бесстыдного судебного произвола и мздоимства, перерастающего в фантасмагорию. Хотя благополучная концовка пьесы (благодаря вмешательству высшей власти) выглядит несколько искусственной, достигнутая напряженность действия и мастерское использование возможностей рус. языка стали залогом длительного успеха комедии К. у зрителя.

«Ябеда», по-видимому, все-таки понравилась Павлу I, хотя он и приказал запретить ее. В противном случае невозможно объяснить назначение К. директором имп. театров Петербурга в нояб. 1799. Занимая этот пост, К. стремился улучшить репертуар и добился перевода из Москвы талантливых актеров (Я. Шушерина, А. Пономарева, Н. Сахарова). В это время К. была написана одноактная комическая опера «Клорида и Милон», премьера которой состоялась 6 нояб. 1800 на сцене одного из петербургских театров (изд.: СПб., 1800). Позднее К. возвращался к драматическому роду – в кон. 1800-х гг. им были написаны трагедии «Гиневра» (сохранился лишь «металог» — шутливые стихи о своей трагедии) и «Антигона» (впервые: Соч. 1849).

Убийство Павла I произвело на К. гнетущее впечатление, и в авг. 1801, выйдя в отставку в чине ст. советника, он покинул Петербург. В янв. 1802 К. был избран генеральным судьей Полтавской губ., а в июле того же года назначен там же директором нар. училищ. Об авторитете, приобретенном в эти годы, свидетельствует избрание К. в 1812 в кандидаты (заместители) губернского маршала, а в 1817 – маршалом Полтавской губ., обязанности которого он исполнял до 1822.

В 1806 в Петербурге был опубликован наиболее репрезентативный сборник поэтических произведений К. – «Лирические сочинения», содержавший четыре раздела: «Оды духовные», «Оды торжественные», «Оды нравоучительные и элегические», «Оды горацианские и анакреонтические». Первый раздел составили переложения псалмов, создававшиеся в 1790-е гг. и опубликованные здесь впервые. Во втором и третьем были помещены уже известные стихотворения (претерпевшие порой некоторые изменения). В четвертом разделе собраны стихотворения, не известные ранее читателю. Не зная лат. языка, К. при работе с текстами Горация пользовался подстрочником, а также фр. переводом Ш. Баттё и нем. переводом И. А. Михельсона. Объединение в одном ряду подражаний столь несхожим поэтам, как Гораций и Анакреон, объясняется художественными задачами, которые ставил перед собой К. В этом отношении наиболее показательны подражания Горацию, которые К. хотел также издать отдельной книгой. В предисловии к подражаниям обосновывалось право на свободу «распространения» подлинника, введение в стихи описаний, «сообразующихся с его духом» (то же прокламировал Н. А. Львов в предисловии к своим переводам из Анакреона): «Что касается до подражаний, то я старался мысли и картины Горация, всем временам

и народам свойственные, сохранить в точности; те же, которые относились особенно к римским или греческим эпохам, басням, обычаям и прочая, заменял я приличными нашему времени соотношениями. <. . .> Такими и подобными сим заменениями перенося Горация в наш век и круг, старался я заставить его изъясняться так, как предполагал, что мог бы он изъясняться, будучи современником и соотечественником нашим» (*Капнист В. В.* Собр. соч. М.; Л., 1960. Т. 2. С. 46–47).

Задача поэта, по мнению К.,– найти выражение для вечного в преходящем, создать в национальной культуре аналог лирике Горация и без буквалистской точности передать авторскую мысль и образный строй его произведений. В значительной мере благодаря оригинальности концепции К. горацианские оды стали вершиной его лирического наследия и в наибольшей мере повлияли на рус. поэтов нач. XIX в. Позднее, уже в сер. 1810-х гг., К. решается переводить Горация с максимальной точностью, однако разностопные ямбы, уместные в подражаниях, сковывали поэта, не давая возможности передать ритмическое многообразие подлинника.

С сер. 1790-х гг. К. переводил также сочинения др. авторов (поэму Ж. Делиля «Сады», поэму Оссиана «Картон», «Слово о полку Игореве» и т. д.), однако эти произведения были опубликованы много лет спустя после его смерти.

В 1810–1820-е гг. стихи К. появлялись в «Сыне отеч.», «Чтении в Беседе любителей рус. слова», «Тр. Казанского о-ва любителей отеч. словесности», «Тр. О-ва любителей рос. словесности» и др. Особой известностью пользовалось его стихотворение «Обуховка» (1818), воспевающее вотчину К. и гармоничную жизнь поэта в ней. Несмотря на давние тесные связи К. с Беседой любителей рус. слова, его авторитет был также весьма высок среди литераторов противоположной, «арзамасской» ориентации. Совершенство формы стихов К., их созвучие исканиям рус. поэтов нач. XIX в. сделали его наследие широко читаемым и часто цитируемым (А. С. Пушкин неоднократно парафразировал стихи «горацианских од» К., а М. Ю. Лермонтов процитировал строфу из «Обуховки» К. в поэме «Кавказский пленник»).

В 1815 в «Чтении в Беседе любителей рус. слова» (№ 18) было опубликовано «Краткое изыскание о гипербореанах. О коренном российском стихосложении», которое открывало серию статей К., посвященных проблемам рус. метрики, связям рус. и античной культур. Отстаивая в «Кратком изыскании» достоинства рус. былинного стиха, он высказывает убеждение «об отличном перед прочими народами преимуществе рус. языка, музыки и стихосложения», что объясняется происхождением россиян от древнего просвещенного народа – «гипербореан». По мнению К., древние греки именно от гипербореан почерпнули все свои достижения, изобретения и т. д. Свои произвольные построения К. обильно иллюстрирует ссылками на Геродота, Павсания, Страбона, которых он знал по фр. переводам.

В 1815 К. своим «Письмом первым С. С. Уварову о эксаметрах» (Чтение в Беседе любителей рус. слова. 1815. № 17) принял участие в полемике о размере, которым следует переводить «Илиаду» на рус. язык. Он исходил, однако, из неверной посылки о том, что гекзаметрический анцепс должен быть обязательно спондеическим (почерпнута из статьи П.-А. Малле в «Энциклопедии» Дидро). Это мнение привело поэта к недооценке ритмического многообразия рус. гекзаметра. Считая, что в отечественной культуре следует создавать аналоги явлениям культуры античной, К. предлагал переводить «Илиаду» рус. былинным стихом, иллюстрируя это положение примерами своего перевода. Ненапечатанным при жизни писателя осталось «Письмо второе С. С. Уварову о эксаметрах», в котором он детализировал аргументацию «Письма первого».

В статье «О восстановлении первых шести песней Одиссеи в первобытный их порядок» (опубл. с сокр.: Сын отеч. 1817. № 40; полностью: отд. изд. с фр. переводом – СПб., 1819) К., руководствуясь классицистическими представлениями,

разбирает композицию «Одиссеи» и призывает сгладить несообразности и неровности подлинника, переменив местами первую и шестую песни поэмы, ибо, по его убеждению, уже в первой песни речь должна пойти о главном герое («поэма, при самом начале не второстепенным, но главным лицом занимая читателей, заставляет их брать в нем живейшее участие»). К. высказывал в статье и свои мысли об общем замысле Гомера в обеих его поэмах — в «Илиаде», по мнению К., читатель не может не быть поражен «развратностию действующих в оной богов», поэтому задача «Одиссеи» — «восстановить в общенародном мнении достоинство богов». Отсутствие у К. специальных знаний в области классической филологии и своеобразный патриотический уклон наиболее явственно проявились в «Мнении, что Улисс странствовал не в Средиземном, но в Черном и Азовском морях» (Сын отеч. 1819. № 38). Скептические суждения Н. И. Гнедича о гомероведческих построениях К. см. в письме И. М. Муравьеву-Апостолу от 4 дек. 1814 (Рус. лит. 1978. № 2. С. 116).

Последние годы жизни К. провел в Обуховке. Наиболее близкая дружба связывала его с драматургом и переводчиком И. М. Муравьевым-Апостолом, имение которого Хомутец находилось в 20 километрах от села К. Радушие и широта интеллектуальных интересов хозяина привлекали в Обуховку молодежь; частыми гостями в 1810-е гг. здесь были будущие декабристы (сыновья И. М. Муравьева-Апостола, П. И. Пестель и др.). Членами «Союза благоденствия» стали сыновья К., Алексей и Семен. В семье брата К., П. В. Капниста, воспитывался декабрист Н. И. Лорер. К. был связан с родителями Н. В. Гоголя (см: *Иофанов Д.* Н. В. Гоголь. . . Киев, 1951. С. 33–44).

Наиболее полным научным изд. К. является «Собр. соч.» (Изд. АН СССР; Ред., вступ. ст. и примеч. Д. С. Бабкина; М.; Л., 1960. Т. 1–2).

Архив К. раздроблен; хранится в ИРЛИ, РГАДА и ЦНБ АН Украины.

Лит.: *Саитов В. И.* В. В. Капнист // Батюшков К. Н. Соч. СПб., 1885. Т. 2. С. 492–503; Сухомлинов. Рос. Академия. Вып. 7 (1885); *Языков Д.* Столетие комедии Капниста // Рус. вестн. 1898. Авг.; *Капнист П. И.* Соч. М., 1901. Т. 1; *Нейман Б. В.* К вопросу об источниках поэзии Лермонтова: (Влияние Капниста) // Журн. М-ва нар. просв. 1915. № 4. Отд. 20; *Коплан Б. И.* Из лит. исканий кон. XVIII–нач. XIX в.: (А. М. Бакунин и В. В. Капнист) // Мат-лы О-ва по изучению Тверского края. 1928. Вып. 6 (отд. изд.: Тверь, 1928); *Капнист-Скалон С. В.* Воспоминания // Воспоминания и рассказы деятелей тайных о-в 1820-х гг. / Под ред. Ю. Г. Оксмана и С. Н. Чернова. М., 1931; *Лернер Н. О.* Пушкинологические этюды: Пушкин и В. В. Капнист // Звенья. 1935. Т. 5; *Бабкин Д. С.*: 1) «Слово о полку Игореве» в переводе В. В. Капниста // «Слово о полку Игореве» / Сб. исслед. и статей. М.; Л., 1950; 2) А. Н. Радищев в оценке В. В. Капниста // Рус. лит. 1958. № 1; *Берков П. Н.* Капнист (1757–1823). М.; Л., 1950; *Мацай А. И.*: 1) Подпольное изд. комедии В. В. Капниста «Ябеда»: (Эпизод из истории обличительной лит. XVIII в.) // Наукові зап. Київського ун-ту. 1953. Т. 12, вып. 5; 2) «Ябеда» В. В. Капниста. Киев, 1958; *Всеволодский-Гернгросс В. Н.* Первые издания комедии В. В. Капниста «Ябеда» (1798) // Ежегодник Ин-та истории искусств. Театр. М., 1955; *Орлов В. Н.* Из лит. отношений С. И. Муравьева-Апостола // Лит. насл. М., 1956. Т. 60, кн. 1; [К 200-летию рождения К. Статьи] // XVIII век. М.; Л., 1959. Сб. 4; *Кузьменко А. Ю.*: 1) В. В. Капнист і витчизняна війна 1812 р. // Радянське літературознавство. Київ, 1959. № 1; 2) І. М. Муравьйов-Апостол. Київ, 1964; *Пачовський І. І.* Сковорода і Капнист // Наукові зап. Львівського ун-ту. 1959. Т. 19, вып. 1; *Гурьянов В. П.* Когда В. В. Капнист познакомился с «Путешествием» Радищева? // Рус. лит. 1968. № 1; *Державин Г. Р.* Письма В. В. Капнисту 1783–1816 гг. / Публ. Е. Н. Кононко // Рус. лит. 1972. № 3; *Громова Т. Н.* Лит. взаимоотношения И. М. Муравьева-Апостола и В. В. Капниста // Рус. лит. 1974. № 1; *Левин Ю. Д.*

Поэма Оссиана «Картон» в переложении В. В. Капниста // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1980. Т. 39. № 5; *Львов Н. А.* Письма В. В. Капнисту / Публ. Е. Н. Кононко // Письма рус. писателей (1980); *Тимофеев Л. В.* В кругу друзей и муз. Л., 1983; *Лихоткин Г. А.* К истории создания од духовных В. В. Капниста // Проблемы изучения рус. лит. XVIII в. Л., 1983. Вып. 5; *Lauer R.* Ein unbeobachtetes Gedicht von Vasilij V. Kapnist // Literaturbeziehungen im 18. Jahrhundert: Studien und Quellen zur deutsch-russischen und russisch-westeuropäischen Kommunikation. Berlin, 1986; *Лаппо-Данилевский К. Ю.* К вопросу о рецепции событий Великой фр. революции в России 1790-х гг.: (В. В. Капнист и его ближайшее окружение) // Рус. лит. 1989. № 3; *Вацуро В. Э.* Загадочная эпиграмма А. С. Пушкина // Рус. речь. 1992. № 3; *Махровская Н. Н.* Петербургский адрес В. В. Капниста // XVIII век. СПб., 1996. Сб. 20.

К. Ю. Лаппо-Данилевский, Г. Н. Моисеева

КАРАБАНОВ Петр Матвеевич [19 (30) VII 1765, Смоленск–19 IV (1 V) 1829]. Происходил из старинного дворянского рода, известного с XVI в., сын премьер-майора. Шести лет отдан на воспитание епископу смоленскому Парфению, затем обучался в доме *Платона Левшина* рус. и лат. языкам. В 1771 записан «в службу». С 1777 учился в Тверской дух. семинарии; в сент. 1777 перешел в риторический класс Троицкой дух. семинарии, где изучал поэзию, риторику, философию, богословие и фр. язык. В ведомостях за 1778 отмечалось, что К. «похвально успевает». В 1782 поступил в Моск. ун-т, где слушал лекции *А. А. Барсова, С. Е. Десницкого*, И. М. Шадена и др. 17 дек. 1784 произведен в студенты (см.: Моск. вед. 1785. 4 янв. № 2. Приб.). С 1785 служил в Конторе дворцовых строений. В 1789 зачислен в Нарвский карабинерный полк и определен в канцелярию Г. А. Потемкина. С 9 апр. 1789 – аудитор, с 17 дек. 1790 – поручик, с 1 окт. 1791– капитан. Во время рус.-тур. войны (1789–1791) сопровождал Потемкина: некоторые стихотворения К. были напечатаны в походной типографии Потемкина в Бендерах, а затем в Яссах.

С 12 мая 1792 К. служил в придворном ведомстве, при Кабинете е. и. в., находясь в подчинении В. С. Попова (письма К. к нему 1799–1800 – РНБ, ф. 609, № 195); с 1798 – в канцелярии А. А. Безбородко. После смерти последнего (1799) К. был поручен разбор бумаг кабинета. В ведении К. находились книги, карты, гравюры Георг. деп., а также имущество (мебель, бронза и др.), поступившее после убийства Павла I в 1801 в кабинет из Михайловского замка. С 18 янв. 1802 К. – хранитель архива кабинета. В 1813 ему были поручены дела о печатании книг «по высочайшему повелению», а также дела отделения кабинета по каменоломням. Успешно продвигался в чинах: с 1792 – кол. асессор, с 1797 – надв. советник, с 1799 – кол. советник, с 1803 – ст. советник, с 1820 – д. ст. советник, уволен с пенсией 2 авг. 1820 (формуляр 1805 г.– РНБ, собр. Погодина, № 2009/2, л. 466–470; формуляр 1827 г.– РГИА, ф. 1343, оп. 23, № 1223, л. 18–20).

В печати К. стал выступать с сер. 1780-х гг. По-видимому, в его стихотворном переводе трагедия Вольтера «Альзира, или Американцы» (1786; с посв. А. А. Безбородко) ставилась в Моск. театре в 1784 (см.: Моск. вед. 1784. 30 марта. № 126). К. стремился точно воспроизвести текст Вольтера, но перевод его отличался крайней архаичностью стиля. Отзывы на перевод были как благоприятные (Зеркало света. 1786. Ч. 2. Июнь. № 26; Реестр книг книгопродавца М. К. Овчинникова // Дафф У. История о Редие. СПб., 1786. Ч. 1), так и критические (к 1786 относят эпиграмму «Как Карабанов взял „Альзиру" перевесть», приписываемую И. А. Крылову). К. сотрудничал в «Растущем винограде» (1785–1787) и особенно активно в изданиях *Ф. О. Туманского* «Зеркало света» (1786–1787) и «Лекарство от скуки и забот» (1786–1787), помещая здесь

переводные и оригинальные стихи. Принадлежность стихов К., опубликованных анонимно, устанавливается по позднейшим сборникам его стихотворений. Некоторые стихи подписаны «П. . .К. . .», «. . .ъ»; полным именем К. подписаны «Стансы на смерть ее светлости герцогини Серры Каприолы» (Зеркало света. 1787. Ч. 6. Дек. № 103 с отд. тит. л.). «Оду в похвалу воинской жизни» (перепеч. под загл. «Воинская жизнь» в сб. К.: Стихотворения . . . СПб., 1801) К. опубликовал анонимно в «Растущем винограде» (1785. Май), а затем в «Зеркале света» (1786. Ч. 1. Май. № 16). Произведения К. довольно разнообразны по темам и жанрам: нравоучительно-философские стихи «Твердость духа», «Глас пустынника», «Сладострастный» и др., сказка «Нет», басня «Пустынник и Орел» (позднее, в 1801, перепеч. под загл. «Плешивый и Орел»), идиллии, песни, загадки и т. д. Стихотворение К. «Сердца приобретаются искренностью» (Лекарство от скуки и забот. 1786. Ч. 1. 26 авг. № 9; позднее, в 1801, перепеч. под загл. «Искренность пастушки») приобрело широкую известность: его текст был позднее использован в опере П. И. Чайковского «Пиковая дама» (песня «Мой миленький дружок. . .»). В стихотворении «Бедность» К. писал: «Я горд, я не хочу таким пиитом слыть, Которы просят их творения купить, Которы для перстней, часов иль табакерки Печатают стихи в октавы и четверки» (Зеркало света. 1787. Ч. 6. Окт. № 93). Идея внесословной ценности человека была выражена К. в стихотворении «Ироида. Анюта к Виктору» (Там же. 1787. Ч. 4. Апр. № 66; ошибочно приписывалось *М. И. Попову*). Стихотворение написано от имени героини комической оперы Попова «Анюта».

Любопытный пример стихов К. «на случай» представляют «Стихи, сделанные на случай бытности сочинителя оных в подмосковной деревне Любимовской в знак благодарности ее помещику М. Г. О. за приятное угощение. . .» (Лекарство от скуки и забот. 1786. Ч. 1. 23 дек. № 26). Из переводных стихов К. наиболее интересно «Вольное подражание монологу трагедии Гамлета, сочиненной г. Шекспиром» (Там же. Ч. 1. 21 окт. № 17) — одно из самых ранних рус. подражаний Шекспиру. В 1789–1791 К. посвятил ряд стихотворений Г. А. Потемкину в связи с событиями рус.-тур. войны, выдержанных в традиционном одическом стиле. К стихотворению «На покорение Аккермана» (1789; опубл. в сб. К.: Стихотворения. . . 2-е изд. М., 1812. Ч. 1) К. сделал ряд примечаний, свидетельствовавших о хорошем знании конкретной обстановки военных действий. На смерть Г. А. Потемкина (5 окт. 1791) К. откликнулся стихотворением «Надгробная песнь. . .» (Яссы, 1791). Эпизодическим явилось участие К. в «Моск. журн.» *Н. М. Карамзина* (стихотворение «Ответ приятелю. . .» – 1792. Ч. 8. Дек.; без подписи; позднее, в 1801, перепеч. под загл. «Сатир и Орфей»; ошибочно приписывалось *Г. Р. Державину*). В нач. 1790-х гг. К. сотрудничал в изданиях И. А. Крылова «Зритель» (1792) и «СПб. Меркурий» (1793) (в ч. 3 упомянут также в списке подписчиков). В «Зрителе» (ч. 1; подп.– «Неизвестный») было напечатано переведенное К. с фр. стихотворение «Сафо» (позднее, в 1801, перепеч. под загл. «Выражение любви стихотворицы Сафо к Фаону»; с греч. ориг. под назв. «Ода Сафы к девице» в пер. *И. И. Виноградова* – Растущий виноград. 1786. Янв.). Стихи, обращенные к Анете, опубликованы в «СПб. Меркурии» (1793. № 9; подп.– «. . .въ»).

К. весьма скептически отнесся к событиям фр. революции. Об этом свидетельствуют его стихотворение 1793 «Мнимая вольность, равенство и самодержавная власть» (Стихотворения. СПб., 1801), а также переводы басен Г.-К. Пфеффеля, осмеивавших народовластие. «Три притчи г. Пфеффеля» («Птицы. Народное правление», «Французская вольность и равенство. Органы» и «Употребление вольности») К. напечатал в 1793 дважды: в февр. в «Новых ежемес. соч.» (ч. 80), а в сент. с незначительными изменениями в «СПб. Меркурии» (№ 9).

Позднее, в 1801, две первые басни печатались под назв. «На правление народное» и «На равенство». В переводе К. усилена антиреволюционная направленность басен, что проявилось даже в изменении их загл. В 1790-х гг. К. также публиковал отдельными изданиями свои стихи, связанные, как правило, с официальными торжественными событиями: «Песнь в прославление веры и ея великия поборницы <. . .> Екатерины Алексеевны. . .» (1794); «Песнь в воспоминание 10 дня июля 1783 года, в которой вся область Крымская, без брани покоренная, принесла торжественную присягу в своем верноподданничестве е. и. в. Екатерине Великой» (1795; на экз. РНБ (шифр: 215.5.401) автограф К.: «Милостивому государю моему Михаилу Егоровичу от сочинителя»); «На рождение е. и. в. великого князя Николая Павловича июня 25 дня 1796 года» (1796). В книгу «Из стихотворений Петра Карабанова» (1795) было включено три стихотворения: «Ода <. . .> на взятие Варшавы в 1794 году октября 29 дня» (отд. изд.: 1794; ошибочно приписывалась *В. Г. Рубану*), «Героический подвиг Екатеринославского корпуса егеря» (отд. изд.: 1795) и приобретшая широкую популярность «Песня гренадерская» («Гренадеры-молодцы. . .») с указанием: «Музыку на сию песню можно получить у Ивана Евстафьевича Хандошкина, его сочинения» (вошла в «Карманный песенник» *И. И. Дмитриева*) (1796). Ко времени царствования *Екатерины II* относятся и многочисленные «хоры», текст которых написан К., а музыка И. А. Козловским. В 1790-е гг. были опубликованы и некоторые лирические песни К.: «Ох, как-то мне жить. . .» (Новый Российский песенник. 1790. Ч. 1); «Прекрасной Лиле» (отд. изд. без указания места и года) и «Стремлюсь к тебе всечасно. . .» (Магазин общеполезных знаний. . . 1795. Ч. 2). К двум последним музыка была также написана И. А. Козловским. Ряд стихотворений и «хоров», созданных К. в 1790-х гг., был посвящен Л. А. Нарышкину и членам его семьи, событиям их жизни (дни рождения, крестины, награждения, наконец, смерть Л. А. Нарышкина, последовавшая 10 дек. 1799). Некоторые из этих стихов были напечатаны отдельными изданиями в 1799, а стихотворение «На рождение М. Д. Нарышкиной в 10-й день ноября 1798 г.» появилось в журнале «Новости» (1799. Кн. 1. Май; подп.– «П. К.»). В том же выпуске журнала без подписи было помещено стихотворение К. «Мысль Метастазия». При публикации «хоров», посвященных Нарышкиным в сборнике своих стихотворений 1801, К. указал, кто и в каком музыкальном сопровождении их исполнял. В 1798 К. выпустил 2-е издание своего перевода «Альзиры» Вольтера, значительно переработав его по сравнению с изданием 1786 (см. также: 3-е изд. М., 1811). Очевидно, новый текст был использован в постановках 1797–1800 в петербургских театрах. Пьеса ставилась «прежде на городском театре и потом в Гатчине и имела большой успех» (Арапов. Летопись (1861). С. 136). Сочувственный отзыв о переводе К. был дан *А. А. Палицыным* в «Послании к Привете» (1807). Но и в переработанном виде текст К. отличался архаичностью и тяжеловесностью. Перевод К. высмеяли В. Л. Пушкин в эпиграмме «На постановку трагедии „Альзира", переведенной П. М. Карабановым» и А. Ф. Воейков в послании «К Дашкову» (1810 или 1811). Однако П. А. Вяземский, вспоминая о постановке «Альзиры» в доме Апраксиных, называл перевод К. «довольно близким и не лишенным достоинства» (*Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. СПб., 1883. Т. 8. С. 472).

Свой сборник «Стихотворения нравственные, лирические, любовные, шуточные и смешанные, оригинальные и в переводе» (СПб., 1801; 2-е изд. М., 1812. Ч. 1–2) К. посвятил Ф. В. Ростопчину. В письме 13 нояб. 1800 К. благодарил В. С. Попова за то, что он «удостоил подписаться» на это издание (РНБ, ф. 609, № 195, л. 6). В сборник вошли почти все ранние публикации К. *А. Н. Радищев*, упоминая книгу К. в «Памятнике дактилохореическому витязю», небезосновательно предположил, что в

нее было «не дозволено» включить «прекрасный» перевод «Альзиры». В оглавлении автор часто указывал, где стихотворение печаталось раньше или когда оно было написано. К. внес изменения в текст мн. стихотворений, в т. ч. и в заглавия. В одной из загадок слова «Екатеринин век» (Лекарство от скуки и забот. 1787. Ч. 2. 6 янв. № 26) К. заменил на «бессмертный Павлов век». В сборнике есть стихи, которые публиковались впервые, например открывающее книгу стихотворение «К лире моей», где К. писал: «Будь кротка и скромна в незнатности твоей, Сверх сил не напрягай струн песней высотою, Старайся нравиться твоею простотою». Эта декларация оказывалась в явном противоречии с содержанием и стилем стихов К. Сборник завершался переведенной К. поэмой Ж. Делиля «Сады, или Искусство украшать сельские виды» (впосл. переведена также А. Ф. Воейковым).

В нач. XIX в. К. продолжал переводческую деятельность. Очевидно, со служебными делами К. был связан его перевод книги Б.-Ф. Белидора «Инженерная наука в производстве работ при укреплениях и архитектура гражданская» (1802). В 1803 К. обратился к Н. П. Шереметеву с хвалебной «песнью» «Торжество благости», прославляя «благотворительного вельможу» за учреждение дома призрения бедных и больных (Стихотворения. . . 2-е изд. М., 1812. Ч. 1). Очевидно, после этого Шереметев покровительствовал К. По предложению Шереметева К. перевел сочинение аббата Роассара «Утешение христианина» (СПб., 1806. Т. 1–2; 2-е изд. М., 1819. Т. 1–2). В книге было напечатано письмо Н. П. Шереметева к К. от 28 мая 1804 и ответ К., в котором книга Роассара была названа «другом добродетельным, благочестивым, сладкоречивым, утешительным». Среди лиц, которым были розданы экземпляры книги, названы Г. Р. Державин и И. А. Крылов. Переписка К. с Шереметевым и А. Н. Голицыным по поводу этой книги велась в 1804–1809 (РГИА, ф. 1088, оп. 1, № 323); в этой переписке упоминались также переводы К. «О приуготовлении себя к приближающейся смерти» и «О надлежащем восприятии св. тайн».

7 февр. 1803 К. был избран членом Рос. Академии. 8 авг. 1803 ею был одобрен перевод, сделанный К. из энциклопедии Ж.-Б. Робине — рассуждение о происхождении поэзии и качествах поэта. На торжественном собрании Рос. Академии 12 июля 1804, состоявшемся в новом здании, К. читал оду, написанную им к этому случаю (СПб., 1804). На собрании 7 дек. 1804 К. читал стихотворное послание «О истинной и ложной критике», в котором выступал против своих литературных врагов — «мнимых острословов» (Соч. и пер., изд. Рос. Академиею. СПб., 1805. Ч. 1; перепеч. под загл. «Письмо к Российской академии о критике» в сб. К.: Стихотворения. . . 2-е изд. М., 1812). В письме к *А. А. Нартову* от 16 мая 1809 К. упоминал свой перевод «Исследования Лонгинова рассуждения о высоком», т. е. сочинения Н. Буало «Размышления о Лонгине» (ИРЛИ, ф. Соколова, 13871, LXXIV б. 20). К. был членом академических комитетов, один из которых рассматривал перевод С. Я. Румовского «Анналов» Тацита, а другой — трагедию *М. М. Хераскова* «Зареида и Ростислав». К. принял участие в переводе литературно-критического сочинения Ж.-Ф. Лагарпа «Ликей, или Круг словесности древней и новой», изданном Рос. Академией (СПб., 1810–1814. Ч. 1–5). Им была сделана первая часть перевода, посвященная древним писателям, последующие части были переведены П. Соколовым, *А. С. Никольским* и Д. Соколовым. В янв. 1822 К. вместе с Никольским взял на себя сочинение словаря словесных наук.

В 1800-х гг. К. сблизился с кругом будущих участников Беседы любителей рус. слова: А. С. Шишковым, И. С. Захаровым, А. С. Хвостовым, С. А. Ширинским-Шихматовым, *Д. П. Горчаковым*, которого С. П. Жихарев называл «приятелем» К. 2 февр. 1807 он присутствовал на вечере у А. С. Шишкова, предварившем заседания Беседы, и читал «лирическую песнь на манифест о милиции». С. П. Жихарев свидетельствовал: «Караба-

нов читает внятно, но так протяжно, монотонно и вяло, что невольно одолевает дремота». По мнению присутствовавших на вечере, лучшими стихами К. были «шуточные стихотворения, которых, к сожалению, напечатать нельзя», в частности «Пахарь» и «Казак». 9 февр. 1807 К. присутствовал на литературном вечере у Г. Р. Державина, где обсуждалось стихотворение Ф. П. Львова «Пеночка». К. упомянут среди присутствовавших на вечере у А. С. Шишкова 16 марта 1807, где Н. И. Гнедич читал песнь 8 «Илиады», и на вечере у А. С. Хвостова 4 мая 1807. К этому времени вполне определилась литературная позиция К. как «архаиста», проявившаяся уже в эпиграмме «На журнал „Корифей"» (1801). При официальном открытии Беседы 14 марта 1811 К. был включен в IV разряд, возглавлявшийся И. С. Захаровым. «Арзамасцы» (А. Ф. Воейков, Д. Н. Блудов и др.) весьма иронически отзывались о К. и его творчестве. В «Парнасском адрес-календаре» А. Ф. Воейкова К. назван «именинным стихотворцем, долженствующим всегда иметь в запасе несколько пьес на рождение, крещенье, бракосочетание и кончину знатных особ обоего пола» (Рус. арх. 1866. № 5. С. 764). Д. Н. Блудов высмеивал К. под именем «тельца Барабанова» (Остафьевский арх. СПб., 1899. Т. 1. С. 410). Неизменным предметом шуток была его полнота. К. Н. Батюшков писал о К.: «Певец упитанный у нас, О ты, болван болванов! Хвала тебе, хвала сто раз, Раздутый Карабанов!». В сборнике стихотворений К. 1812 указано: «Сочинения и переводы Петра Карабанова, императорской Российской академии члена». Здесь снято посвящение Ф. В. Ростопчину. Стихи ч. 1 в оглавлении разделены на рубрики: нравственные стихотворения, притчи, лирические, любовные, песни, смешанные, шуточные. Сюда вошли все стихи, напечатанные в сборнике 1801, и еще несколько новых стихотворений. Ч. 2 составили переводы К.: «Альзира» Вольтера и «Сады» Делиля. С отдельной пагинацией в конце книги помещена поэма «Великодушие русского вельможи», «повесть, которой сущность взята из истинного происшествия». Здесь говорилось о вельможе, который наказал своего управителя, незаконно присвоившего земли и разграбившего имение соседа – бедного, но честного капитана Смиренина. В поэме нашли отражение некоторые черты рус. быта кон. XVIII—нач. XIX в. Г. Р. Державин называл К. в числе авторов, чьи сочинения исполнены «сладкогласия». Н. С. Мордвинов писал К.: «На лире вашей струны всегда новые, и новыми звуками услаждает она. Не отлагайте ее, ибо дар есть Аполлона, приявшего вас во храм свой» (РГИА, ф. 994, оп. 2, № 910, л. 1). «Стихотворения» К. (1812) находились в библиотеке К. Ф. Рылеева (см.: *Цейтлин А. Г.* О библиотеке Рылеева // Лит. насл. М., 1954. Т. 59. С. 320). Однако в целом произведения К., особенно его торжественные оды, в 1810-х гг. во многом воспринимались уже как анахронизм.

Лит.: *Ювеналий* [*Воейков И. Г.*]. Краткое ист. родословие благор. дворян Коробановых. М., 1795; Смирнов. Троицкая семинария (1867); Сухомлинов. Рос. Академия. Вып. 2, 7, 8 (1875–1888); Державин. Соч. (1864–1883). Т. 8 (1880); *Колосов В.* История Тверской дух. семинарии. Тверь, 1889; *Петровский Н. М.* Библиогр. заметки о рус. журналах XVIII в. // Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности. 1907. № 2; *Веселовская А.* Сб. любовной лирики XVIII в. СПб., 1910; *Лонгинов М. Н.* Соч. М., 1915. Ч. 1; Жихарев. Зап. (1955); Поэты-сатирики (1959); *Тихомиров Н. Г.* «Послание Анюты к Виктору» и «Анюта» М. И. Попова // Вестн. МГУ. Филология, журналистика. 1962. № 1; Песни и романсы рус. поэтов. М.; Л., 1965; *Тронская М. Л.* Басни Пфеффеля в России XVIII в. // Рус.-европ. лит. связи. М.; Л., 1966; Стих. сказка (1969); Рус. эпиграмма (1975); История драм. театра. Т. 1 (1977); Рус. басня (1977); Заборов (1978).

Н. Д. Кочеткова

КАРАМЗИН Николай Михайлович [1 (12) XII 1766, с. Михайловка (Преображенское) Бузулук-

ского у. Симбирской губ. (по др. данным — с. Богородское Симбирского у. Симбирской губ.*)–22 V (3 VI) 1826, Петербург; похоронен на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры]. Принадлежал к старинному дворянскому роду, известному с XVI в. и происходил от татар. князей. Отец — Михаил Егорович (ум. 1782), отставной капитан, имевший земли в Симбирской и Оренбургской губ. Мать — Екатерина Петровна, урожд. Пазухина (ум. 1769). Вторым браком отец женился на Е. Г. Дмитриевой (ум. 1774), тетке *И. И. Дмитриева*. Детство К. провел в с. Знаменское Симбирской губ. и Симбирске. Обучался нем. языку у местного врача-немца; много читал (в круг его чтения входила «Римская история» Ш. Роллена в переводе *В. К. Тредиаковского*, произведения *Ф. А. Эмина* и переводные романы XVIII в., преимущественно фр.). Воспитывался в Симбирске в дворянском пансионе Фовеля; с 1779 или 1780 — в Москве в пансионе проф. Моск. ун-та И. М. Шадена, где совершенно овладел нем. языком, изучил фр. и др. языки; одновременно посещал лекции в Моск. ун-те. С 1781 начал службу в Преображенском полку в Петербурге, куда был переведен из армейских полков (в службу записан в 1774). 28 апр. 1781 получил чин подпрапорщика. Подружился с *А. И. Дмитриевым* и особенно с И. И. Дмитриевым; вместе они обсуждали прочитанные книги и собственные литературные опыты. Первым трудом К. И. И. Дмитриев называет перевод с нем. — «Разговор австрийской Марии-Терезии с нашей императрицею Елисаветою в Елисейских полях» (не сохр.). Годовой отпуск (с 11 сент. 1781) провел в Знаменском. В связи со смертью отца 6 февр. 1783 вновь взял отпуск на 11 месяцев и уехал из Петербурга в Симбирск. В 1783 К. впервые выступил в печати с прозаическим переводом с нем. идиллии С. Геснера «Деревянная нога». С 1 янв. 1784 К. вышел в отставку с чином поручика. Живя в Симбирске, вел светский образ жизни, увлекался картами. Вступив в масонскую ложу Златого венца, значился там «товарищем» (см.: Осмнадцатый век. М., 1869. Кн. 2. С. 507).

В кон. 1784 или нач. 1785 *И. П. Тургенев* убедил К. ехать с ним в Москву и ввел его в кружок *Н. И. Новикова*, где, по словам И. И. Дмитриева, началось «не только авторское, но и нравственное образование» К. Он общался с Новиковым, *С. И. Гамалеей, Ф. П. Ключаревым, А. М. Кутузовым, И. В. Лопухиным*, И. П. Тургеневым, *М. М. Херасковым* и др. участниками кружка, а также с находившимся в то время в Москве нем. поэтом и драматургом Я.-М. Ленцем, связанным с движением «бури и натиска». Часто бывая у Плещеевых, К. очень привязался к Н. И. Плещеевой, сохранив эту привязанность на долгие годы. В дружеском кругу он получил прозвище «лорд Рамзей» (Э. Рэмзи — шотл. поэт, автор пасторальной драмы «Нежный пастух», 1725). Тесная дружба связывала К. с *А. А. Петровым*, оказавшим на него большое влияние. Они жили вместе у Меншиковой башни в доме, принадлежавшем Дружескому учен. о-ву. Предметом их бесед, а затем переписки был широкий круг литературных и эстетических проблем. Находясь в Симбирске с весны до кон. июля 1785, К. сообщал Петрову о своих литературных занятиях, в частности о переводе В. Шекспира. 24 янв. 1786 К. подал в московскую цензуру книгу «Жизнь и смерть Квата, или Путешествие развратного человека к вечной погибели» (сведений о публ. нет); 20 авг. — свой прозаический перевод с нем. поэмы А. Галлера «О происхождении зла» (1786; посв. брату — В. М. Карамзину, перевод сопровожден примечаниями К.); 19 окт. — перевод трагедии Шекспира «Юлий Цезарь» (опубл. 1787; см.: *Смирнов С.* Цензурная ведомость 1786–1788 гг. // Осмнадцатый век. М., 1868. Кн. 1. С. 428, 435). К. перевел «Юлия Цезаря» с нем. перевода И.-И. Эшенбурга. В предисловии (с датой: «15 окт. 1786»), включавшем выборки из статьи К.-М.Виланда «Дух Шекспира» и некоторые примечания Эшенбурга, К. прославлял драматурга как гения, познавшего «все тайнейшие человеческие пружины». 18 нояб. 1786 была объяв-

лена подписка на периодическое издание, представлявшее собой перевод с нем. сочинений К.-Х. Штурма и И.-Ф. Тиде под назв. «Беседы с Богом» (1787–1789), в котором К. участвовал вместе с Петровым, *Д. И. Дмитревским* и *И. Г. Харламовым.* По свидетельству И. И. Дмитриева, К. перевел «два или три тома» этого издания (корректура — Б-ка КазГУ).

В 1787–1789 Новиков привлек К. вместе с Петровым к сотрудничеству и редактированию журнала «Дет. чтение», где К. впервые выступил в печати с оригинальными произведениями в прозе и стихах (преимущественно стихотворные дружеские послания; ранее он включал некоторые свои стихи в текст писем к И. И. Дмитриеву). В программном стихотворении «Поэзия» (1789. Ч. 17; написано в 1787; перепеч. в более полном виде: Моск. журн. 1792. Ч. 7. Сент.) К. называл наиболее замечательных, с его точки зрения, авторов: Гомер, Софокл, Еврипид, Феокрит и др. античные писатели; Шекспир, Оссиан (т. е. «Поэмы Оссиана» Дж. Макферсона), Дж. Мильтон, Дж. Томсон, Э. Юнг, С. Геснер, Ф.-Г. Клопшток — имена, свидетельствовавшие об интересе к сентименталистским и преромантическим тенденциям в европ. литературе. Тогда же К. перевел в стихах «Гимн» из поэмы Томсона «Времена года» (1789. Ч. 18. № 23). Из прозаических сочинений К., помещенных в «Дет. чтении», известны лирический этюд «Прогулка» (1789. Ч. 18. № 24) и «русская старинная повесть» «Евгений и Юлия» (Там же. № 25). По предположению Э. Г. Кросса, К. принадлежит также повесть «Пустынник» (1788. Ч. 15). Из переводов К. здесь опубликованы «Деревенские вечера» (цикл повестей) С.-Ф. Жанлис, отрывки из сочинения Ш. Бонне «Созерцание природы», «сельская драма» Х.-Ф. Вейсе «Аркадский памятник». Прозаические переводы из поэмы Томсона «Времена года» (1787. Ч. 10–12. № 26, 39, 52), по-видимому, также выполнены К.

Очевидно, К. готовил отдельное издание перевода Бонне совместно с А. А. Плещеевым, который 24 мая 1787 представил в цензуру книгу «Рассмотрение натуры» (сведений о публ. нет); К. упоминал об этой работе в письме к Бонне от 22 янв. 1790. В 1786–1790 К. вел переписку на нем. языке со швейц. писателем и философом И.-К. Лафатером, обсуждая вопросы морали и литературы. В кон. 1787 перевел с нем. трагедию Г.-Э. Лессинга «Эмилия Галотти» (1788). В предисловии (с датой: «13 янв. 1788») он упоминал, что торопился перевести пьесу к «представлению на театре», и этот перевод был подвергнут критике. Публикуя переработанный текст, К. посвящал перевод критикам, «умеющим ценить драматические сочинения».

15 марта 1789 К. писал Лафатеру о своем намерении в мае отправиться в путешествие по Европе и посетить Германию, Швейцарию, Францию и Англию. По одним свидетельствам (С. И. Гамалея, Ф. Н. Глинка), К. путешествовал по маршруту, согласованному с московскими масонами, на их средства. Однако во время следствия по делу Новикова было зафиксировано, что он ездил вольным «вояжером» на собственный счет. Об этом же упоминал и М. А. Дмитриев. 18 мая 1789 К. выехал из Москвы в Петербург; через Ригу, Кенигсберг, Данциг в кон. июня он добрался до Берлина и далее, посетив Дрезден, Мейсен, Лейпциг, Веймар, Эрфурт, Франкфурт на Майне, Майнц, Мангейм, в авг. через Страсбург приехал в Швейцарию. Гипотеза Ю. М. Лотмана о том, что он сразу же отправился в Париж для встречи с Кутузовым, опровергается архивными документами (см. С. Геллерман). Побывав в Базеле, Цюрихе, Берне и Лозанне, в нач. окт. К. прибыл в Женеву, где оставался до 15 марта 1790. После поездки в Лион в кон. марта К. приехал в Париж, где жил ок. двух месяцев. Затем через Кале он отправился в Лондон, откуда морским путем 15 июля 1790 вернулся в Петербург, а в авг. — в Москву. Во время путешествия К. осматривал достопримечательности, посещал музеи, театры, светские салоны, встречался с учеными и писателями: И. Кантом, Э. Платнером, Х.-Ф. Вейсе, К.-М. Виландом, И.-Г. Гердером,

Ф. Маттисоном, Ш. Бонне, Лафатером, Й. Баггезеном, Ж.-Ж. Бартелеми, Ж.-Ф. Мармонтелем и др. Большое значение имели также встречи К. с соотечественниками: В. Н. Зиновьевым, С. Р. Воронцовым, П. Строгановым. Оказавшись в Париже в разгар Великой фр. революции, К. посещал заседания Национального собрания, слушал выступления О.-Г. Мирабо, М. Робеспьера, Э. де Сент-Рабо и др.; встречался с Ж. Роммом; внимательно следил за газетами. Во время путешествия К. вел записи, послужившие затем основой «Писем русского путешественника».

По возвращении в Россию К. решительно отошел от масонского кружка. Еще в письме к Лафатеру от 21 авг. 1789 он сообщал о своем намерении «тотчас» по прибытии в Москву издавать собственный журнал и написать «что-нибудь о своем путешествии». О будущем журнале К. говорил и с *Г. Р. Державиным*, с которым он познакомился через И. И. Дмитриева в Петербурге, возвращаясь из Европы. 6 нояб. 1790 в «Моск. вед.» (№ 89) появилось объявление о подписке на «Моск. журн.» и его программе. Замысел К. вызвал резкое неодобрение некоторых членов новиковского кружка. Кутузов в письме к Н. Н. Трубецкому от 31 дек. 1790 высмеял К. под именем Попугая Обезьянина.

«Моск. журн.» К. издавал ежемесячно с янв. 1791 по дек. 1792. Здесь сотрудничали Державин, И. И. Дмитриев, Херасков, а также *С. С. Бобров, Д. И. Дмитревский, В. В. Капнист,* Ключарев, *Н. А. Львов, Ю. А. Нелединский-Мелецкий*, А. А. Петров, *В. С. Подшивалов* и др. Основное место занимали сочинения и переводы самого К., помещавшиеся без подписи или под псевдонимами. В каждом выпуске печатались «Письма русского путешественника» (письма из Германии, Швейцарии, Парижа). В журнале были опубликованы повести К., сразу же принесшие ему широкую известность: «Бедная Лиза» (1792. Ч. 6. Июнь; подп. — «Ы») и «Наталья, боярская дочь» (1792. Ч. 8. Окт.–дек.; подп. — «Ы. Ц. Ч.»), а также др. повести и прозаические этюды: «Фрол Силин, благодетельный человек» (1791. Ч. 3. Июль; без подписи), «Лиодор» (1791. Ч. 5. Март; подп. — «-нъ»), «Прекрасная Царевна и счастливый Карла» (1792. Ч. 7. Авг.; подп. — «Ч. Ш. Щ.»), «Райская птичка» (1791. Ч. 3. Авг.; без подписи), «Ночь» (1792. Ч. 5. Февр.; подп. — «-нъ»), «Деревня» (1792. Ч. 7. Июль; без подписи) и др. В. В. Виноградов атрибутировал К. произведения, не включавшиеся позднее писателем в свои собрания сочинений: прозаические сочинения «Сельский праздник и свадьба» (1791. Ч. 1. Март) и «Разные отрывки. (Из записок одного молодого Россиянина»)) (1792. Ч. 6. Апр.), а также стихотворение «Странные люди. Подражание Лихтверу» (1792. Ч. 5. Янв.). Мн. стихи К., помещенные в журнале, большей частью без подписи, отличались жанровой и ритмической новизной: первые в рус. печати баллады «Раиса» (1791. Ч. 4. Нояб.) и «Граф Гваринос» (1792. Ч. 6. Июнь); стихотворения «Выздоровление» (1791. Ч 1. Февр.; подп. — «К.»), «К прекрасной» (1791. Ч. 3. Авг.), «Осень» (1791. Ч. 4. Окт.), написанные дактило-хореическим размером без рифм и сопровождавшиеся метрической схемой. Стихотворение «К Милости» (1792. Ч. 6. Май; подп. — «Ц. Ы.»), обращенное к *Екатерине II*, представляло собой отважную попытку заступиться за только что подвергнутых преследованиям Новикова и его сподвижников. В письме от 19 июля 1792 Петров просил К. прислать ему первоначальную, очевидно еще более смелую, редакцию стихотворения (не сохр.). Стихотворение «Песнь мира» (1792. Ч. 5. Февр.; без подписи) было написано К. по мотивам «Оды к радости» Ф. Шиллера. Большую популярность приобрела одна из эпитафий К. «Покойся, милый прах, до радостного утра...» (1792. Ч. 7. Июль; без подписи), высоко оцененная Петровым и Дмитриевым. Единственным опытом К. в области драматургии была драма «София» (1791. Ч. 2. Июнь. Ч. 3. Июль). Многочисленные переводы К., публиковавшиеся в «Моск. журн.», отражали его интерес к культуре разных времен и народов:

прозаические переводы с англ. из «Поэм Оссиана» Дж. Макферсона — «Картон» (1791. Ч. 2. Май; с предисл. переводчика) и «Сельмские песни» (1791. Ч. 3. Авг.; с посв. Державину); перевод с нем. «Сцен из Саконталы» Калидасы (1792. Ч. 6. Май; с предисл. издателя); переводы с фр. цикла повестей Мармонтеля «Вечера» (1791–1792. Ч. 1–5) и повести Ж.-П. Флориана «Валерия» (1792. Ч. 7. Сент.); перевод с нем. повести Виланда «Корделия» (1792. Ч. 7. Июль); драмы Шиллера «Юлиана» (1792. Ч. 7. Авг.) и др. Для отдела «Смесь» К. переводил небольшие заметки из нем. и фр. журналов.

Важную роль в истории рус. критики сыграли оригинальные и переводные книжные и театральные рецензии К., регулярно помещавшиеся в «Моск. журн.» без подписи в разделах «О русских книгах», «О иностранных книгах», «Московский театр», «Французский театр». Здесь содержалась достаточно последовательная литературно-эстетическая программа сентиментализма. Преимущественное внимание было обращено на таких писателей, как С. Ричардсон, Л. Стерн, К.-Ф. Мориц, Мармонтель; обсуждались принципы изображения характеров, вопросы литературного стиля и языка. Программное значение имела рецензия К. на роман Хераскова «Кадм и Гармония» (1791. Ч. 1. Янв.), где шла речь о специфике художественного творчества. В рецензиях на книги Т. Мора, Л.-С. Мерсье, Ж.-Ж. Бартелеми, К. Вольнея затрагивались социально-политические и историко-философские проблемы. К. высказывал симпатии к утопическим проектам общественного устройства, но сомневался в возможности их реального осуществления.

Взгляды К. на театр наиболее развернуто были высказаны в рецензии на постановку пьесы Лессинга «Эмилия Галотти» (1791. Ч. 1. Янв.). Иронический отзыв о пьесе *Н. П. Николева* «Баловень» (1791. Ч. 4. Нояб.) стал причиной дальнейшей полемики этого автора с К. и И. И. Дмитриевым. Свои критические суждения К. нередко высказывал также в издательских примечаниях и, в частности, таким образом поддержал Подшивалова в его полемике с *Ф. О. Туманским* на страницах «Моск. журн.». В письмах К. к Дмитриеву за 1791–1792 содержатся резкие отзывы о сочинениях Николева, *А. И. Клушина*, П. Ю. Львова, о журнале И. А. Крылова «Зритель», неоднократно задевавшем К. Однако вступить в открытую полемику К. не хотел; он оставил также без ответа и выпад против него Туманского в «Рос. магазине» (1792. Ч. 1. С. 198). «Моск. журн.» вызвал настороженное и даже враждебное отношение некоторых масонов: Кутузова, *М. И. Багрянского*, Лопухина, Н. Н. Трубецкого, упрекавших К. в «самонадеянности» и «гордости», а также недостатке патриотизма. Один из самых первых хвалебных отзывов на сочинения К. принадлежал Державину («Прогулка в Сарском селе» — Моск. журн. 1791. Ч. 3. С. 127). Петров в письме от 19 июля 1792 назвал «Бедную Лизу» «прекрасной». С восхищением о К. как русском Стерне, о его «чувствительном» слоге писали сотрудники «Приятного и полезного» (1794. Ч. 1. С. 8; Ч. 2. С. 229–230, 279). И. И. Дмитриев вспоминал, что «Моск. журн.» «обратил на себя внимание первостатейных наших авторов» и что «все отдали справедливость новому, легкому, приятному и живописному слогу „Писем русского путешественника“, „Натальи, боярской дочери“ и других небольших повестей» (*Дмитриев И. И.* Соч. Т. 2. С. 47).

Завершая «Моск. журн.», К. сообщал о своем намерении приступить к новому изданию — «Аглая», для которого в 1793 он написал ряд произведений: лирический этюд «Цветок на гроб моего Агатона» (отклик на смерть Петрова; датирован 28 марта 1793); статьи «Что нужно автору?», «Нечто о науках, искусствах и просвещении», стихотворения «Приношение Грациям», «Волга», «Надгробная надпись Боннету» и др. «Аглая» (1794–1795. Кн. 1–2; 2-е изд. 1796. Кн. 1–2; Кн. 2 с посв. : «Другу моего сердца, единственному, бесценному» (Н. И. Плещеевой)) — первый рус. альманах. Кроме басни И. И. Дмитриева «Чиж» и двух стихотворений Хераскова, все по-

мещенные здесь сочинения принадлежали К. Альманах отразил глубоко личные переживания писателя, а также крах его недавних политических надежд, связанных с Великой фр. революцией и развеянных известиями о якобинском терроре (статьи «Мелодор к Филалету» и «Филалет к Мелодору» — 1795. Кн. 2). Несмотря на духовный кризис, К. выражал убежденность в нравственном значении наук и искусств, полемизируя с Ж.-Ж. Руссо; ставил вопрос о моральной ответственности писателя и необходимости внутреннего единства между его жизненным поведением и творчеством. Трагическим мироощущением проникнуты опубликованные в «Аглае» повести К. «Остров Борнгольм» (1794. Кн. 1); «Сиерра-Морена» (1795. Кн. 2; написана в 1793), «Афинская жизнь» (1795. Кн. 2). Повесть «Остров Борнгольм», связанная с традицией англ. готического романа и содержавшая мотив инцеста, вызвала возмущение Боброва. Но, по словам Ф. Н. Глинки, «из 1200 кадет редкий не повторял наизусть какой-нибудь страницы из „Острова Борнгольма“» (цит. по: *Погодин М. П.* Н. М. Карамзин по его соч. . . . Ч. 1. С. 243). Стихотворение из этой повести «Законы осуждают. . .», написанное белым стихом, приобрело широкую популярность и включалось в рукописные сборники (существует переработанный рифмованный вариант). Незаконченная «богатырская сказка» К. «Илья Муромец» (1795. Кн. 2), где использован т. н. «русский размер» (четырехстопный хорей с дактилическими окончаниями), по словам А. Х. Востокова, «обратила на себя общее внимание сколько заманчивостью слога, столько и новостью размера» (СПб. вестн. 1812. Ч. 2. Июнь. С. 285). В «Аглае» К. публиковал продолжение «Писем русского путешественника» — письма из Англии. О большом впечатлении, произведенном альманахом К. на современников, свидетельствуют отзывы Болотова, Востокова, Державина, *П. А. Словцова*.

Первый авторский сборник К. «Мои безделки» (1794. Ч. 1–2; 2-е, доп. изд. 1797; 3-е изд. М., 1801), объединивший прозу и стихи, по содержанию и композиции явился изданием нового типа, имел подчеркнуто камерный характер. При включении произведений, печатавшихся ранее в «Моск. журн.», К. вносил правку в их текст. Ф. Н. Глинка вспоминал: «Все бросились к книге и погрузились в нее: читали, читали, перечитывали и, наконец, почти вытвердили наизусть» (цит. по: *Погодин М. П.* Н. М. Карамзин по его соч. . . . Ч. 1. С. 216–217). Болотов с одобрением отмечал, что благодаря малому формату книги ее удобно брать с собой на прогулки, и потому «многие ею будут довольны» (*Губерти Н. В.* Ист.-лит. и библиогр. мат-лы. СПб., 1887. С. 24). В 1794 К. издал брошюру «Les amusements de Znamenscoe» (в продажу не поступала), включавшую сочинения узкого круга друзей — гостей орловского имения Плещеевых Знаменское. Сюда вошли два небольших прозаических сочинения К. на фр. языке (одно из них «Дремучий лес» на рус. языке опубликовано в «Аглае» — 1795. Кн. 2).

В 1793–1795 К. неоднократно ездил в Симбирск. В связи с преследованиями масонов подозрения коснулись и К.: в сент.–окт. 1795 даже разнесся слух о его «удалении» и «ссылке». В это время он продолжал поддерживать дружеские отношения с И. П. Тургеневым и Херасковыми. 16 февр. 1795 *Е. В. Хераскова* писала И. П. Тургеневу о К.: «. . . мы с ним гораздо больше прежнего спознакомились и более узнали цену его. Без лести сказать, что он редко хороший человек во всех отношениях» (цит. по: Рус. лит. 1993. № 2. С. 87). Продав свое симбирское имение в 1795, К. оказал существенную денежную помощь Плещеевым, у которых много лет подолгу гостил в Знаменском.

В течение 1795 К. сотрудничал в «Моск. вед.», готовя отдел «Смесь», включавший заметки и статьи, преимущественно переводные, из нем. и фр. газет и журналов. Повесть «Юлия», написанную для так и не появившейся кн. 3 «Аглаи», К. выпустил отдельным изданием в 1796, так же как и переведенную им с фр. повесть Ж. де Сталь «Мелина» (с посв. Н. И. Пле-

щеевой; 2-е изд. М., 1802) и повесть «Бедная Лиза» (с гравюрой Н. И. Соколова; иждивением «Любителя литературы», очевидно И. В. Лопухина). В 1794–1798 вышли из печати «Мармонтелевы повести» (Ч. 1–2; переизд.: М., 1815. Ч. 1–2; М., 1822. Ч. 1–2) — переводы К., публиковавшиеся ранее в «Моск. журн.» и новые.

Первой рус. поэтической антологией явились «Аониды» К. (1796–1799. Кн. 1–3) — издание, задуманное еще в 1795 и включавшее стихи современных поэтов, как маститых (Державин, Херасков, И. И. Дмитриев, Капнист, Нелединский-Мелецкий), так и начинающих (*М. Л. Магницкий, П. А. Пельский, Г. А. Хованский* и мн. др.). Новые стихи самого К. были посвящены теме творчества («К бедному поэту», «Дарования» (оба — 1797. Кн. 2)); любовной теме («К неверной» и «К верной» — 1797. Кн. 2; написаны в связи с увлечением кн. П. Ю. Гагариной) и др. темам.

В «Оде на случай присяги московских жителей <...> Павлу I» (отд. изд. 1796) К. прославлял нового государя за «милость», оказанную осужденным, т. е. участникам новиковского кружка. Для издававшегося в Гамбурге фр. журнала «Spectateur du Nord» (1797. № 10) К. написал статью «Un mot sur la littérature Russe» («Несколько слов о русской литературе»), в которой, в частности, кратко излагалось содержание «Писем русского путешественника» и говорилось о фр. революции как о событии, определяющем «судьбы людей на много последующих веков». По предположению Ю. М. Лотмана, К. принадлежит также напечатанная в этом же журнале (1798. № 2) статья о Петре III («Lettre au Spectateur sur Pierre III»). В трактате «Разговор о счастии» (отд. изд. 1797; 2-е изд. 1802) речь шла о темах, затронутых К. в статьях, публиковавшихся в «Аглае». В это же время он стал изучать ит. язык. «Сплю и вижу Метастазия», — писал он Дмитриеву 16 нояб. 1797. Часто бывая в свете, писал мадригалы и стихотворные надписи.

К 1797–нач. 1798 относятся различные творческие замыслы К., так и не осуществленные: похвальные слова Петру I и *М. В. Ломоносову*, роман под назв. «Картина жизни». Уже тогда он деятельно занимался изучением истории, читая Плутарха, Э. Гиббона, У. Робертсона, Дж. Фергюсона, Д. Юма и др. В кон. 1797 написан не публиковавшийся при жизни К. этюд на фр. языке «Quelques idées sur l'amour» («Мысли о любви»). В 1797–1801 появилось первое полное отдельное издание «Писем русского путешественника» (Ч. 1–6; с посв. Плещеевым; перепеч.: М., 1801. Ч. 1–5), в котором текст, по сравнению с предшествовавшими публикациями, был подвергнут правке. В 1797–1798 К. занимался также изданием «Сочинений» Державина, в 1798–1803 выпустил «Разные повести» (Ч. 1–2; 2-е изд.: М., 1816); в 1799–1803 переиздал «Дет. чтение» (перепеч. также в Москве и Орле с 1801 по 1819); в 1801–1803 — «Моск. журн.» (с изменениями в составе и правкой текста) и «Повести» Жанлис (М., 1802–1803. Ч. 1–2; также М., 1816).

Своего рода итогом переводческой деятельности К. явился его «Пантеон иностранной словесности» (1798. Ч. 1–3; 2-е изд. 1818. Ч. 1–3), куда вошли переводы, как ранее публиковавшиеся, так и новые. Здесь были представлены античные авторы (Демосфен, Цицерон, Лукан) и современные европ. писатели и философы (Гердер, Руссо, А.-Л. Тома, О. Голдсмит и мн. др.). При издании «Пантеона» К. столкнулся с цензурными затруднениями, о которых сообщал И. И. Дмитриеву в июне–авг. 1798. В 1800 Туманский, бывший тогда цензором в Риге, задержал нем. перевод «Писем русского путешественника», написав особую бумагу о встреченных им там «вольных мыслях». Тогда же на К. был подан еще один донос, принадлежавший, очевидно, П. И. Голенищеву-Кутузову, высмеявшему ранее К. в «Оде в честь моему другу» (Иппокрена. 1799. Ч. 4). Последствий эти доносы не имели благодаря заступничеству за К. перед Павлом I Ф. В. Ростопчина, родственника Плещеевых. В апр. 1801 К. женился на младшей сестре Н. И. Плещеевой —

Е. И. Протасовой, которая через год скончалась после рождения дочери Софьи. Очевидно, вскоре после его женитьбы А. С. Кайсаровым было написано пародийное «Описание бракосочетания г-на К<арамзина>» (Рус. стих. пародия (1960). С. 193–198). Критическое отношение к творчеству К. проявилось также в речи о рус. литературе, произнесенной Андреем И. Тургеневым в марте 1801 в Дружеском лит. о-ве.

Новые политические и творческие надежды возникли у К. с воцарением Александра I, которому он посвятил в 1801 две оды: «Е. и. в. Александру I <. . .> на восшествие на престол» и «На торжественное коронование <. . .> Александра I». В 1801 К. написал также «Историческое похвальное слово Екатерине Второй» (М., 1802), содержавшее программу просвещенного правления. Отдельным изданием вышел перевод К. с нем. либретто оратории И. Гайдна «Творение» (М., 1801). В 1802 совместно с П. П. Бекетовым К. осуществил издание «Пантеон российских авторов», где гравированные портреты писателей сопровождались написанными К. их биографиями. Опираясь на «Опыт словаря» (1772) Новикова, К. расходился с ним в оценке творчества ряда авторов — *А. П. Сумарокова, В. И. Майкова* и др.

С янв. 1802 по дек. 1803 два раза в месяц К. выпускал «Вестн. Европы» — периодическое издание нового типа, включавшее две рубрики: «Литература и смесь» и «Политика». В журнале сотрудничали Державин, И. И. Дмитриев, Херасков, Нелединский-Мелецкий, В. А. Жуковский, В. Л. Пушкин и др. Значительную часть в первой рубрике занимали публикации самого К.; политический отдел он готовил сам полностью, переводя и компонуя сообщения двенадцати зарубежных газет и журналов — англ., нем., фр., а также помещая обзоры и статьи на политические темы. Значительное место уделялось информации о бонапартистской Франции, об образе правления в Соединенных Штатах Америки, характеризовалась деятельность Наполеона, Дж. Вашингтона и др. крупнейших государственных деятелей того времени. Выступая теперь решительным противником насильственных политических переворотов, К. становится апологетом просвещенной монархии (статья «Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени» — 1802. № 12). Одновременно в журнале много внимания уделялось воспитанию в согражданах интереса и уважения к своему национальному прошлому, к отечественной культуре и языку: статьи «О любви к отечеству и народной гордости» (1802. № 4), «О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предметом художеств» (1802. № 24) и др. Большое значение К. придавал распространению образованности в России, развитию книжного дела и литературы, расширению читательской аудитории: «О книжной торговле и любви ко чтению в России» (1802. № 9), «Отчего в России мало авторских талантов?» (1802. № 14). Существенную роль в развитии рус. критики сыграла статья К. «О Богдановиче и его сочинениях» (1803. № 9). В «Вестн. Европы» появились новые стихотворения К., в т. ч. «К Эмилии» (1802. № 3) и «К Добродетели» (1802. № 23), — стихи, отразившие переживания К. в связи со смертью Е. И. Карамзиной и рождением дочери Софьи.

Заметным явлением в истории рус. прозы стали повести К., опубликованные им в журнале. Повесть «Моя исповедь. Письмо к издателю журнала» (1802. № 6), продолжая традиции рус. сатиры XVIII в., затрагивает тему воспитания, являясь одновременно полемическим откликом на творчество Ж.-Ж. Руссо и особенно его подражателей. В образе главного героя повести обнаруживаются некоторые черты одного из современников К. — кн. Е. А. Голицына. Персонажи другой повести К. «Чувствительный и холодный. Два характера» (1803. № 19) — восторженный, пылкий, «чувствительный» Эраст и рассудительный, флегматичный, «холодный» Леонид — стали прообразами героев А. С. Пушкина («Евгений Онегин») и М. Ю. Лермонтова («Герой нашего времени»). Самое название романа Лермонтова непо-

средственно связано с загл. незавершенного автобиографического романа К. «Рыцарь нашего времени» (1802. № 13, 18; 1803. № 14), где отразились воспоминания писателя о его детских годах (исследователи, однако, неоднократно отмечали отступления К. от реальных фактов своей биографии). В повести К. «Марфа Посадница, или Покорение Новагорода» (1803. № 1–3), где рассказывалось о событиях XV в., проявилось большее, по сравнению с повестью «Наталья, боярская дочь», стремление к исторической достоверности, к постижению духа эпохи. Одновременно, подчеркивая различие между художественным произведением и изложением исторических фактов, К. опубликовал в «Вестн. Европы» статью «Известие о Марфе Посаднице, взятое из жития св. Зосимы» (1803. № 12). Серьезный интерес К. к отечественной истории в этот период проявился также в таких статьях, как «Исторические воспоминания и замечания на пути к Троице» (1802. № 15–17), «О тайной канцелярии» (1803. № 6).

Среди переводов К., публиковавшихся в журнале, были сочинения Жанлис, А. Коцебу, Ф. Шиллера и др. «Вестн. Европы» вызвал большой интерес современников (число подписчиков превысило 1200 — для того времени очень значительный тираж). С одобрением отзывался о журнале К. Александр И. Тургенев. Называя «Вестн. Европы» «лучшим нашим журналом», И. И. Дмитриев писал: «Он удовлетворяет читателям обоих полов, молодым и престарелым, степенным и веселым» (*Дмитриев И. И.* Соч. Т. 2. С. 58). Журнал сыграл решающую роль в судьбе В. А. Жуковского, опубликовавшего здесь свои первые повести и знаменитую элегию «Сельское кладбище» (1802. № 24). После смерти Е. И. Карамзиной Жуковский жил у К. под Москвой. Их тесные дружеские и творческие контакты продолжались до самой смерти К.

В 1800–1810 гг. К. общался с писателями разных поколений: И. И. Дмитриевым, Херасковым, Лопухиным, И. П. Тургеневым, а также Андреем И. и Александром И. Тургеневыми, В. В. Измайловым, *Г. П. Каменевым* и др. Каменев так описывал К. в 1800: «Он росту более нежели среднего, черноглаз, черноволос, нос довольно велик, румянец неровный и бакенбарт густой. Говорит скоро, с жаром и перебирает всех строго» (*Бобров Е А.* Письма. . . С. 130). «Сочинения» К. вышли в Москве в 1803–1804 (Т. 1–8), 1814 (2-е изд. Т. 1–8), 1820 (3-е изд. Т. 1–9).

Важным итогом литературной деятельности К. была его языковая реформа, способствовавшая сближению книжного языка с разговорной речью образованного общества. В бурной полемике, открытой книгой А. С. Шишкова «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» (СПб., 1803), направленной против К. и его сторонников, он сам не принял участия. Наиболее обстоятельным ответом Шишкову было выступление П. И. Макарова в «Моск. Меркурии» (1803. № 12), вызвавшее, в свою очередь, полемическую статью Боброва «Происшествие в царстве теней, или Судьбина российского языка» (1805; при жизни не опубл.). Против К. была направлена комедия А. А. Шаховского «Новый Стерн» (1805), встреченная критической рецензией в «Журн. рос. словесности» (1805. Ч. 2). Борьба шишковистов с карамзинистами (В. В. Измайлов, П. И. Макаров, П. И. Шаликов и др.) получила продолжение в 1810-е гг. в литературных спорах Беседы любителей рус. слова и «Арзамаса», почетным членом которого К. был избран. Через посредство *М. Н. Муравьева* К. обратился к Александру I с просьбой оказать ему поддержку в работе над историей России. По именному указу от 31 окт. 1803 он был назначен историографом с ежегодным пенсионом 2000 руб. В библиотеках и архивах К. тщательно изучал печатные и рукописные источники. Значительную помощь ему оказывали *Н. Н. Бантыш-Каменский*, *А. Ф. Малиновский*, Муравьев, *А. И. Мусин-Пушкин*, А. Н. Оленин и др. Опираясь на труды зарубеж. и рос. историков (*В. Н. Татищева*, Ломоносова, *М. М. Щербатова*, Новикова и др.), К. ввел в науку новые ценные документы: Лаврентьевскую и Троицкую, Ипатьевскую и Хлебниковскую лето-

писи, древнейший список «Русской Правды», Судебник Ивана Грозного и мн. др. Всецело посвятив себя занятиям историей, К. работал очень интенсивно, обретая отдых в узком дружеском и семейном кругу. В янв. 1804 он женился на Екатерине Андреевне Колывановой (1780–1857), сводной сестре П. А. Вяземского, сделавшись его опекуном и наставником. Семья жила в Москве, летом — в подмосковном имении Вяземских Остафьеве, где К. продолжал свой труд по истории России. В 1804 К. получил чин надв. советника. К нач. 1805 был завершен т. 1 «Истории государства Российского», в 1806 — т. 2, к 1808 — т. 3. В 1810 К. издал со своим предисловием подготовленный и отредактированный им сборник прозаических сочинений М. Н. Муравьева «Опыты истории, словесности и нравоучения» (Ч. 1–2).

Познакомившись в 1810 с вел. княгиней Екатериной Павловной, в 1811 по ее приглашению приехал в Тверь, где читал ей и Александру I главы своей «Истории». В марте 1811 в Твери К. передал государю свой трактат — «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» («Записка о древней и новой России»; впервые опубл. отд.: Берлин, 1861; в России полностью: 1900; отд.: СПб., 1914). К. выступал здесь решительным сторонником самодержавной власти, но одновременно подвергал резкой критике политику Александра I, выражая отрицательное отношение к реформам М. М. Сперанского. «Записка» вызвала недовольство государя.

В 1812 в связи с приближением войск Наполеона К. отправил семью в Ярославль. Собираясь вступить в ополчение, он покинул Москву одним из последних 1 сент. 1812 (накануне вступления врагов в город) и перебрался с семьей в Нижний Новгород, где оставался до нач. 1813. Во время московского пожара сгорела библиотека К. и мн. рукописи. Несмотря на все трудности, к 1814 он завершил т. 7 «Истории»; к 1816 было готово восемь томов. В связи с победой над Наполеоном К. написал оду «Освобождение Европы и слава Александра I» (СПб., 1814; посв. «добрым москвитянам»). К этому же времени относится замысел К. создать историю войны 1812 (см.: *Пигарев К. В.* Неосуществленный замысел Карамзина // XVIII век. Л., 1966. Сб. 7. С. 291–293).

18 мая 1816 К. уехал из Москвы в Петербург, чтобы решить вопрос о публикации завершенных томов «Истории». Александр I заставил его очень долго добиваться аудиенции. Лишь 8 дек. 1816 историограф смог поднести свой труд государю; были получены средства на печатание «Истории» и разрешение публиковать ее без цензуры; К. был награжден чином ст. советника и орденом св. Анны 1-й степени. С большим успехом К. читал отрывки из «Истории» в некоторых частных домах, в частности у С. П. Свечиной. В Петербурге К. с семьей поселился в доме Е. Ф. Муравьевой (наб. Фонтанки, 25), лето проводил в Царском Селе. В 1817 К. ездил в Москву и по просьбе императрицы Марии Федоровны написал «Записку о московских достопамятностях», напечатанную без ведома автора В. Н. Каразиным (Укр. вестн. 1818. Ч. 10. Май) и вызвавшую резкую критику М. Т. Каченовского (Вестн. Европы. 1818. № 13).

28 янв. 1818 вышла в свет «История государства Российского» с посв. Александру I (СПб., 1818. Т. 1–8; 2-е изд. СПб., 1818–1820). Этот труд вызвал огромный интерес современников, и тираж (3000 экз.) разошелся в один месяц. Сразу же вокруг «Истории» К. развернулась широкая полемика, отразившаяся в печати, а также сохранившаяся в рукописной литературе. Подвергалась критике историческая концепция К., его язык (выступления М. Т. Каченовского, И. Лелевеля, Н. С. Арцыбашева и др.), его политические взгляды (высказывания М. Ф. Орлова, Н. М. Муравьева, Н. И. Тургенева). Многие встретили «Историю» восторженно: К. Н. Батюшков, И. И. Дмитриев, Вяземский, Жуковский и др.

5 дек. 1818 К. выступил с «Речью, произнесенной на торжественном собрании имп. Российской Академии» в связи с избранием в ее члены (Сын отеч. 1819. № 51). Осо-

бое внимание здесь уделялось проблемам национального своеобразия рус. литературы, говорилось о «народном свойстве россиян». В 1819 К. вновь выступил на заседании Рос. Академии с чтением отрывков из т. 9 «Истории», посвященного царствованию Ивана Грозного. В 1821 вышел из печати т. 9 его труда, в 1824 — т. 10 и 11; т. 12, последний, содержавший описание событий до нач. XVII в., К. не успел завершить (издан посмертно в 1829). Появление новых томов, показывавших деспотизм Ивана Грозного и повествовавших о преступлении Бориса Годунова, вызвало оживление полемики вокруг труда К.

Показательно отношение А. С. Пушкина к К. и его деятельности. Познакомившись с историографом еще в 1816 в Царском Селе, Пушкин сохранял к нему и его семье уважение и привязанность, что не мешало ему вступать с К. в достаточно резкие споры. Пушкину приписываются эпиграммы на К.-историка: «Послушайте: я сказку вам начну. . .» и «В его „Истории“ изящность, простота. . .». Первая эпиграмма некоторыми исследователями (Ю. П. Фесенко, В. П. Козлов) атрибутируется А. С. Грибоедову; вторую А. Ф. Смирнов приписывал П. А. Катенину, однако большинство исследователей считают ее пушкинской. В. Э. Вацуро датирует ее 1818 (после выхода т. 6 «Истории»). Приняв участие в полемике вокруг «Истории», Пушкин горячо выступил в защиту К., подчеркивая общественное значение его труда и называя его «подвигом честного человека». Свою трагедию «Борис Годунов» Пушкин посвятил «драгоценной для россиян памяти» К.

К восстанию декабристов К. отнесся с неодобрением (он находился на Сенатской площади 14 дек. 1825), но был одним из немногих, предпринявших попытку заступиться за осужденных перед Николаем I, сказав ему, что «заблуждения и преступления этих молодых людей суть заблуждения и преступления нашего века» (*Розен А. Е.* Зап. декабриста. Иркутск, 1984. С. 183).

Значительный интерес представляет обширное эпистолярное наследие К.: его письма к И. И. Дмитриеву (отд. изд. СПб., 1866); Вяземскому (отд. изд. СПб., 1897), Батюшкову, Державину, Жуковскому, В. М. Карамзину, Кутузову, Е. Ф. Муравьевой и мн. др.

Еще при жизни К. его произведения, включая «Историю», переводились на др. языки. Деятельность К., возглавившего в России целое литературное направление — сентиментализм, и впервые сблизившего историографию с художественным творчеством, разными сторонами постоянно привлекала к себе внимание Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого. С именем К. связан особый этап развития рус. культуры.

Архив К. не сохранился; отдельные материалы: РГИА, ф. 951; РГАЛИ, ф. 248; РНБ, ф. 336.

Лит.: *Погодин М. П.*:* 1) Письмо из Симбирска <. . .> Об открытии памятника Карамзину. . . // Москвитянин. 1845. № 9; 2) Н. М. Карамзин по его соч., письмам и отзывам современников. М., 1866. Ч. 1–2; *Дмитриев М. А.* Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869; *Сербинович К. С.* Воспоминания о Н. М. Карамзине. 1796–1826 // Рус. старина. 1874. Т. 11; *Дмитриев И. И.* Соч. СПб., 1893. Т. 2; *Тихонравов Н. С.* Четыре года из жизни Карамзина // Тихонравов Н. С. Собр. соч. М., 1898. Т. 3, ч. 2; *Сиповский В. В.* Н. М. Карамзин, автор «Писем русского путешественника». СПб., 1899; *Бобров Е. А.* Письма Г. П. Каменева к С. А. Москотильникову // Бобров Е. А. Лит. и просв. в России XIX в. Казань, 1902. Т. 3; Барсков. Переписка масонов (1915); Берков. Журналистика (1952); *Виноградов В. В.* Неизв. сочинения Карамзина // Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961; *Купреянова Е. Н.* Рус. роман первой четв. XIX в.: От сентиментальной повести к роману // История рус. романа. М.; Л., 1962. Т. 1; *Привалова Е. П.* О сотрудниках журн. «Дет. чтение для сердца и разума» // XVIII век. М.; Л., 1964. Сб. 6; *Канунова Ф. З.* Из истории рус. повести: (Ист.-лит. зна-

чение повестей Н. М. Карамзина). Томск, 1967; *Верховская Н.* Карамзин в Москве и Подмосковье. М., 1968; *Rothe H.* Karamzins europäische Reise: Der Beginn des russischen Romans. Bad Homburg; Zürich, 1968; Державин и Карамзин в лит. движении XVIII–нач. XIX в. Л., 1969 (XVIII век; Сб. 8); *Cross A. G.*: 1) N. M. Karamzin: A Study of his Literary Career. London; Amsterdam, 1971; 2) Karamzin's first short story? // Essays in Russia History and Literature. Leiden, 1972; Essays on Karamzin: Russian Man-of-Letters, Political Thinker, Historian, 1766–1826 / Ed. by J. L. Black. The Hague; Paris, 1975; *Kochetkova N.* Nikolay Karamzin. Boston, 1975; *Кислягина Л. Г.* Формирование обществ.-полит. взглядов Н. М. Карамзина (1785–1803 гг.). М., 1977; Левин. Оссиан (1980); Проблемы историзма в рус. лит. Кон. XVIII–нач. XIX в. Л., 1981 (XVIII век; Сб. 13); *Кафанова О. Б.*: 1) «Юлий Цезарь» Шекспира в переводе Н. М. Карамзина // Рус. лит. 1983. № 2; 2) Библиография переводов Н. М. Карамзина (1783–1800 гг.) // XVIII век. Л., 1989. Сб. 16; 3) Библиография переводов Н. М. Карамзина в «Вестн. Европы» (1802–1803 гг.) // XVIII век. СПб., 1991. Сб. 17; *Эйдельман Н. Я.* Последний летописец. М., 1983; *Осетров Е.* Три жизни Карамзина. М., 1985; *Успенский Б. А.* Из истории рус. лит. яз. XVIII—нач. XIX в.: Языковая программа Карамзина и ее ист. корни. М., 1985; *Kowalczyk W.* Proza Mikołaja Karamzina: Problemy poetyki. Lublin, 1985; *Вацуро В. Э.*, *Гиллельсон М. И.* Сквозь «умственные плотины». 2-е изд. М., 1986 (1-е изд. М., 1972); *Лотман Ю.* Сотворение Карамзина. М., 1987; *Шмидт С. О.* «История государства Российского» в культуре дореволюционной России // Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1988. Кн. 4 (репринтное воспроизведение изд. 1842–1844); *Козлов В. П.* «История государства Российского» Н. М. Карамзина в оценках современников. М., 1989; *Жилякова Э. М.* Традиции сентиментализма в творчестве раннего Достоевского. Томск, 1989; *Булгарин Ф.* Встреча с Карамзиным: (Из лит. воспоминаний) // Булгарин Ф. Соч. М., 1990; *Кожевников В.* О «прелестях кнута» и «подвиге честного человека»: Пушкин и Карамзин // Рус. арх.: Рус. ист. журнал. М., 1990. Вып. 1; Левин. Восприятие (1990); Н. М. Карамзин: Биобиблиогр. указ. / Сост. Н. И. Никитина, В. А. Сукайло; Науч. консультант М. П. Чередникова; Отв. за вып. И. Э. Барановская. Ульяновск, 1990; *Gellermann S.* Karamzine à Genève: Notes sur quelques documents d'archives concernant les Lettres d'un Voyageur russe // Fakten und Fabeln: Schweizerisch-slavische Reisebegegnung vom 18. bis zum 20. Jahrhundert / Hrsg. von M. Bankowski, P. Brang, C. Coehrke, R. Kemball. Basel; Frankfurt am Main, 1991; *Hammarberg G.* From the Idyll to the Novel: Karamzins Sentimentalist Prose. Cambridge, 1991; Н. М. Карамзин: Юбилей 1991 г. / Сост. Н. И. Михайлова, С. О. Шмидт. М., 1992; Письма Н. М. Карамзина к В. М. Карамзину (1795–1798) / Публ. В. Э. Вацуро // Рус. лит. 1993. № 2; *Казаков Р. Б.* Об издании М. П. Погодиным биографии Н. М. Карамзина // Вспомогательные ист. дисциплины: Тезисы докладов и сообщений науч. конф. М., 1994; *Кочеткова Н. Д.* Лит. рус. сентиментализма: (Эстетические и художественные искания). СПб., 1994; *Топоров В. Н.* «Бедная Лиза» Карамзина: Опыт прочтения. М., 1995; *Иванов М. В.* Судьба рус. сентиментализма. СПб., 1996; Карамзинский сб.: Творчество Н. М. Карамзина и ист.-лит. процесс. Ульяновск, 1996; *Лазарчук Р. М.* Переписка Н. М. Карамзина с А. А. Петровым: (К проблеме реконструкции «романа в письмах») // XVIII век. СПб., 1996. Сб. 20; *Леманн-Карли Г.* Я.-М.-Р. Ленц и Н. М. Карамзин // Там же; *Вацуро В. Э.* К истории эпиграмм Пушкина на Карамзина // Новое лит. обозр. 1997. № 27; *Ларионова Е. О.* Н. М. Карамзин по мат-лам архива братьев Тургеневых // Там же.

Н. Д. Кочеткова

КАРАНДАШОВ (Карандышев) Николай. В 1783–1797 преподавал в Смольном ин-те рус. и нем. языки, а также арифметику. С 1798 — актуариус Мед. коллегии.

К. известен исключительно как переводчик с нем. Так, в «Растущем винограде» он опубликовал переводы небольших статей «О кораблеплавании» (1786. № 5) и «Рассуждение о торговле» (1787. № 1). В 1786 по заказу И.-К. Шнора перевел «Историческое известие о изваянном конном изображении Петра Великого» *И. Г. Бакмейстера*, содержащее подробное описание созданного Э.-М. Фальконе памятника Петру I, работ по его сооружению и торжественного открытия. По заказу Комиссии об учреждении уч-щ К. перевел ч. 1 «Бергманнова естественного землеописания, сокращенного Готфридом Гроссе» (1791), в течение десятилетия служившую учебником географии для народных училищ. При переводе ряд примеров из нем. географии был заменен отечественными, а также «иное слишком чудесное и сомнительное выпущено для того, что физика ни суеверия, ни легковерия не терпит», как писал в предисловии сам К. По отношению к ч. 2, содержащей точные сведения о трех царствах природы, подобный метод перевода показался неприемлемым, и эта работа была поручена *В. Ф. Зуеву*. В многотомном руководстве Ф. Л. Канкрина «Первые основания искусства горных и соляных производств» К. перевел отд. 3 ч. 10 — «Искусство солеварения и заложения новых горных заводов» (1791); деньги за свой перевод К. пытался получить вплоть до 1798, когда ему было в этом окончательно отказано (Рус. старина. 1875. № 4. С. 830). Начинал он перевод еще в 1786, и тогда получил за него 350 руб. (РГИА, ф. 468, оп. 43, № 240).

Лит.: Геннади. Словарь. Т. 2 (1880); Венгеров. Источники. Т. 3 (1914); *Черепнин Н. П.* Имп. восп. о-во благор. девиц. Пг., 1915. Т. 3.

М. П. Лепехин

КАРАУЛОВА (в замуж. Княжнина) Варвара Александровна [9 (20) VIII 1774–23 I (4 II) 1842, Петербург; похоронена на Смоленском кладбище]. Поэтесса, жена литератора А. Я. Княжнина (1771–1829), сына *Я. Б. Княжнина*.

В «Иппокрене» (1800. Ч. 6) опубликовала стихотворение «Разговор матери с маленьким ее сыном» (подражание фр.), представляющее собой размышления любящей женщины, которая страдает от черствости мужа. В «Дамском журн.» отмечалось, что все стихотворения К., «помещенные в разных журналах <. . .> имеют особое достоинство глубокой чувствительности».

К. также перевела с фр. языка повесть «Строцциева пещера» (СПб., 1802), в которой осуждаются чрезмерные страсти и снисходительность к злодеяниям и утверждается, что преступник рано или поздно бывает наказан. Этот перевод Г. Н. Геннади ошибочно приписал *Е. А. Княжниной*.

Лит.: *Макаров М. Н.* Мат-лы для истории рус. женщин-авторов // Дамский журн. 1830. Ч. 31. № 27; Голицын. Словарь (1889).

О. С. Муравьева

КАРЖАВИН Ерофей Никитич [1719, Москва–25 III (5 IV) 1772, Петербург]. Происходил из семьи старообрядцев, занимавшихся розничной торговлей. Отец К. был ямщик Старорогожского яма и жил в Чехоловой слободе (РГАДА, ф. 7, № 1726, л. 24). К. был рано отдан в обучение к купцу-старообрядцу Д. Б. Баскакову. Он продолжал служить у него и после того, как дело отца унаследовал брат Василий (1739). По торговым делам К. приходилось часто выезжать в Петербург; знакомство со служащими Академии наук побудило К. порвать с расколом и для получения образования уехать в Париж.

В Сорбонне К. изучал юриспруденцию и философию; овладел фр. и лат. языками. Учителями, а впосл. друзьями К. были знаменитые фр. ученые Ж.-Н. Делиль, Ж.-Н. Бюаш, Ж.-Л. Барбо де Брюер (ср.: Лейпцигское известие (1768)). В янв. 1753 К. посетил Лондон для встречи с братом Василием и взял с собой в Париж племянника Федора, уделяя в дальней-

шем много времени его воспитанию. Во время учебы в Париже К. испытывал постоянную нужду и, хотя вел корреспонденцию брата, получал от него лишь мизерную помощь.

В янв. 1756 по доносу проживавшего в Лондоне беглого купца Петра Дементьева Василий был арестован. Давний знакомый К., свидетель задушевных бесед братьев в Лондоне, Дементьев обвинил их в антиправительственных высказываниях и религиозном вольнодумстве. В Тайной канцелярии от Василия потребовали срочного вызова брата из-за границы. Дело братьев К. было прекращено лишь после сообщения посла во Франции Д. А. Голицына от 15 июля 1760 о смерти доносчика 15 дек. 1756.

К. пытался получить должность при фр. дворе. В записке, поданной Барбо де Брюером министру д'Аржансону по этому поводу, приведены сведения о научных и литературных занятиях К. в Париже, в частности об исследованиях в области сравнительного языкознания, рус. истории, а также о проекте перевода рус. летописей на фр. язык. Речь идет прежде всего о «Remarques sur la langue russienne et sur son alphabet. . .» (изд. в Петербурге в 1791). В предисловии к изданию *Ф. В. Каржавин*, редактор и переработчик этого сочинения, указал, что книга была составлена по инициативе и при содействии фр. ученых. Одна из глав посвящена рус. поэзии и «создателю русского Парнаса, любителю наук» *А. Кантемиру*, сатиры которого «знают во Франции в переводах». Давая краткий обзор рус. литературы первой пол. XVIII в., К. называет и «профессора красноречия» *В. К. Тредиаковского*. Далее автор пишет: «С этого времени Россия дала миру больше поэтов и стихи так стали в моде, что не было студента, который не писал бы поэтических сочинений прежде своего выхода из университета. Мы насчитываем в России несколько эпических поэм, это государство имеет своих авторов трагедий и комедий, своих Вольтеров, своих Мольеров, своих Лафонтенов и даже своих Дезулиеров. Ломоносов придал хороший вкус поэзии своими стихами, столь же изящными, как и звучными. . .».

В 1760, решив вернуться на родину, К. обратился с прошением к полномочному министру в Париже Д. А. Голицыну и 2 сент. 1760 по «знанию латинского и французского языков» был зачислен архивариусом при рус. посольстве (АВПР, Внутр. кол. дела, № 49, л. 183), а в сер. сент. покинул Францию (АВПР, Внутр. кол. дела, № 26, л. 6). В Петербурге он служил переводчиком в Коллегии иностр. дел; 30 апр. 1765 был произведен в чин поручика (РГАДА, ф. 286, оп. 2, № 9, л. 140). В одно время с К. в коллегии служили *Д. И. Фонвизин, Ф. А. Эмин, В. Г. Рубан, И. Ф. Богданович*, А. П. Курбатов, *П. И. Челищев*, но были ли они близко знакомы с ним, установить не удалось.

Большинство трудов К. при его жизни изданы не были и безвозвратно утрачены. Из увидевших свет наиболее значительным является перевод «Путешествий Гулливеровых» Дж. Свифта (1772. Ч. 1–2; с фр. изд. Дефонтена; иждивением Собрания, старающегося о переводе иностр. книг). Ч. 3–4 перевода изданы в 1773 иждивением О-ва, старающегося о напечатании книг. Текст был переведен К. с толком и пониманием, рус. читатель с самого начала имел возможность воспринять «Путешествия» не как нравоучительный трактат или мизантропические излияния, а как пародийно-комическую повесть. В 1780 книгу, тепло принятую публикой, переиздал *Н. И. Новиков*. 3-е издание воспоследовало лишь в 1820, однако имя переводчика с тит. листа было снято. Умер К., как свидетельствует Ф. В. Каржавин, «марта 25 дня 1772-го года пополудни 6-го часа в последней четверти, поболев дней с 20» (РГИА, ф. 789, оп. 1, ч. 1, № 397, л. 67 об.).

Лит.: Известия о братьях Каржавиных. 1753–1760 гг. // Сб. Отд-ния рус. яз. и словесности. 1872. Т. 9; *Дуров Н. П.* Братья Василий и Ерофей Каржавины // Рус. старина. 1875. № 3; *Титов А. А.* Редкая книга: («Remarques sur la langue russienne») // Рус. арх. 1906. № 1; *Коган Ю. Я.* Очерки по истории рус. атеистической мысли

XVIII в. М., 1962; *Полонская И. М.* Издательская деятельность Ф. В. Каржавина // Проблемы рукоп. и печатной книги. М., 1976.

С. Р. Долгова

КАРЖАВИН Федор Васильевич [20 (31) I 1745, Петербург—23 III (4 IV) 1812, там же]. Сын богатого купца-старообрядца, от которого получил первое представление об основах наук. Нелегально увезенный отцом за границу, К. в марте 1753 приехал в Париж. В 1761—1763 К. учился в пансионе Ж. Вовилье. Видимо, в эти же годы он самостоятельно посещал лекции в Сорбонне, где наряду с др. предметами изучал фр., ит., греч. и лат. языки. 26 авг. 1760 он был определен «до окончания начатых им наук» студентом Коллегии иностр. дел при Парижской миссии; по отзывам наставников, юноша имел «великую охоту к продолжению всяких занятий» и был «отроду весьма остр» (АВПР, Внутр. кол. дела, оп. 2/1, № 24, л. 1—2 об., 26, 30—31). Большое внимание воспитанию К. уделял его дядя *Е. Н. Каржавин*, живший с ним в Париже до 1760. Благодаря ему К. имел возможность работать в научных библиотеках и кабинетах. С юности К. глубоко заинтересовался идеями энциклопедистов, на которых впосл. неоднократно ссылался в своих сочинениях; к годам учебы относятся его первые опыты в переводах. Обучение К. в Париже продолжалось ок. 13 лет. Жизнь его в этот период известна по переписке старших Каржавиных, по письмам К. к отцу и его замечаниям «О порядке школ и обучении в Парижском университете». Обладая природными лингвистическими способностями, К. уже в первые годы пребывания во Франции прекрасно освоил фр. язык и владел им совершенно свободно. Живя в Париже и сильно нуждаясь, К., однако, покупал книги для своей библиотеки, которая в дальнейшем стала одной из лучших в России.

20 июля 1765 К. возвратился в Россию и на следующий год в чине кол. актуариуса уволился из Коллегии иностр. дел (РГАДА, ф. 286, оп. 2, № 9, л. 402). В течение дальнейших двух лет он преподавал фр. язык в Троицкой дух. семинарии. В дек. 1769 по ходатайству архитектора В. И. Баженова, знакомство с которым началось еще в годы учебы в Париже (АВПР, Внутр. кол. дела, № 5529, л. 83 об.), К. определился «архитекторским помощником» в Экспедицию кремлевских строений (РГАДА, ф. 1239, № 33732), где занимался теоретическими вопросами, преподаванием, перепиской и переводами. По поручению Баженова в 1772 он составил словарь архитектурных терминов, перевел трактат Марка Витрувия Поллиона «Десять книг об архитектуре» (опубл. 1790) и подготовил материал для словаря «Славнейшие архитекторы, появившиеся от Возрождения» (РГАДА, ф. 789, оп. 1, ч. 1, № 391, л. 39—40). В кон. 1760-х гг. К. сближается с университетскими кругами, его другом становится профессор *С. Е. Десницкий* (там же, л. 66). В 1771 К. выдержал экзамен на звание преподавателя фр. языка в Моск. ун-те (см.: Пенчко. Документы. Т. 3 (1963). С. 394—395).

В печати К. выступил в нач. 1770-х гг., своим дебютом он обязан *Н. И. Новикову*, который поместил в «Живописце» (1772. Ч. 2. Л. 17; подп. — «Богодар Вражкани, Брынской Правдописец») письмо-фельетон К. о скряге-ростовщике; в нем современники могли узнать его отца, разбогатевшего на ростовщичестве.

В 1773, вопреки воле отца, стремившегося приобщить сына к «купеческой коммерции», К. уехал в Голландию, а затем во Францию, где изучал медицину и естественные науки. Во Франции началась его издательская деятельность; им были опубликованы стихи Ги де Марселя (Париж, 1776) с собственными комментариями к тексту (РГАДА, Б-ка, № 7451а).

К. был одним из первых русских, предпринявших по собственной инициативе путешествие в Америку. Приехав на континент в нояб. 1777, он оказался в гуще событий амер. революции, что несомненно оказало влияние на формирование его демократических взглядов. К. жил среди амер. народа, занимаясь «ле́карством», «ку-

печеством», «преподаванием» и «переводами». Письма, заметки, эпиграммы, дневники К. свидетельствуют о его явной симпатии к восставшим; в Америке в числе его знакомых были такие известные деятели, как будущий президент США Дж. Медисон, профессор Д. Уайз и К. Беллини; однако он решительно осуждал рабство негров и произвол по отношению к индейцам. К. была написана эпитафия Б. Франклину. Странствуя по Америке, К. продолжал сотрудничество с Новиковым. В 1783 Новиков издал антимусульманский памфлет Лаоника Халкокондила «Ахукамукхама Талым Набы, или Книга богословии Магометовой. Во увеселение меланхоликов», переведенный К. в бытность учителем семинарии, а в 1785 два поэтических послания К. к В. И. Баженову. Известно об издательских начинаниях К. в Виргинии, на которые он ссылается в одной из своих книг (Новоявленный ведун, поведающий гадание духов. . . СПб., 1795. С. IV).

В 1788 К. вернулся во Францию, откуда вскоре отправился в Россию, где пытался восстановиться на службе в Коллегии иностр. дел. Дважды (в 1789 и 1790) он неудачно пытался выехать во Францию, где оставалась его жена; переписка с нею свидетельствует о его глубоком интересе к фр. политической жизни. В 1790-е гг. К. заносит в свои бумаги перевод «Марсельезы» и эпиграмму на фр. эмигрантов, а на полях книг и под рисунками делает антимонархические записи, направленные против «главных тиранов России».

К. быстро восстановил прежние связи в разночинной литературной среде. Он жил в доме Баженова, который стал в Петербурге «прибежищем» прогрессивной творческой интеллигенции (РГАДА, ф. 7, № 2889, л. 6). После ареста Новикова К. печатался у И. К. Шнора, он знал также замешанного в деле *А. Н. Радищева* книгопродавца Герасима Зотова (РГБ, ф. 96, № 51, л. 66 об.). Соавторами и друзьями К. были поэт и драматург *А. И. Бухарский*, переводчики *А. В.* и *Е. В. Рознатовские*, художник И. Набгольц. После смерти последнего все его бумаги и рисунки попали к К., и он составил из них альбом (РГБ), где помещено множество сатирических гравюр Набгольца с сочиненными К. подписями. Так, под аллегорической виньеткой «Время, подсекающее косой надгробие» с вензелем «Е II» он подписал: «Царям туда же дорога!».

Сразу после возвращения в Россию он издал переработанное им сочинение Е. Н. Каржавина «Remarques sur la langue russienne et sur son alphabet. . .» (1791), в которое включил автобиографию, где впервые рассказал о своих необыкновенных странствиях по Америке. Публикуя сочинение Е. Н. Каржавина, К. разделял его оценку рус. поэзии в период ее становления. Особый раздел книги составил «Краткий исторический очерк о проникновении письменности в Россию», принадлежащий К. Он подготовил также несколько руководств для изучения языков; наиболее значительное из них — «Вожак, показывающий путь к лучшему выговору букв и речений французских» (1794; с посв. «достопочтенным членам конференции Московского университета — людям, которых освещает светоч науки»). Книга полна личных наблюдений, замечаний и притч, что отличает ее от обычного учебника. Автор делает попытку представить фр. язык не только в его современном состоянии, но и в историческом развитии, что приближает это сочинение к типу комментированной хрестоматии по истории фр. языка. Кроме образцов прозаической и стихотворной речи, в книге приводятся примеры «простонародного рыношного языка». К переводу «Краткое известие о достопамятных приключениях капитана д'Сивиля» (1791) К. приложил лингвистическое исследование «Примечания словопроизводные», в котором обосновал принципы транслитерации иностранных слов на рус. языке. Выбор книг для переводов был не случаен. К. переводил в основном сочинения, близкие его творческим интересам и взглядам. Так, в обширных примечаниях к переведенной им книге Б. Плейстида «Описание хода купеческих и других караванов в степной Аравии» он гневно осуждает колонизаторов-

европейцев, поработивших коренное население Северной и Южной Америки.

В 1797 К. был принят в Адмиралтейств-коллегию на должность «англо-американского» переводчика (РГАВМФ, ф. 198, оп. 1, № 2, л. 227–228; ф. 315, оп. 2, № 1436, л. 46 об.–47). Получив в 1807 чин надв. советника, он по-прежнему занимал скромную должность в Роченсальском порту. В Адмиралтействе К. выполнил ряд переводов по морскому делу; наиболее значительный из них — отчеты экспедиции И.-И. Биллингса (там же, ф. 913, оп. 1, № 159, 215, 259), изданные в 1811 с использованием переводов К. ученым и путешественником Г. А. Сарычевым. Под руководством последнего К. подготовил к изданию также перевод (с фр.) сочинения Миссиеси-Кие «О нагрузке военных кораблей» (там же, ф. 315, оп. 2, № 74). К. был привлечен к следствию по делу о распространении письма к Александру I вольнодумного содержания с разоблачениями М. М. Сперанского (т. н. «письма Растопчина»), но допрошен не был, т. к. скоропостижно скончался.

К. едва ли не единственный разночинный писатель, архив и библиотека которого сохранились, хотя и не полностью.

Лит.: Арх. кн. Воронцова. М., 1871. Кн. 3; Известия о братьях Каржавиных. 1753–1760 гг. // Сб. Отд-ния рус. яз. и словесности. 1872. Т. 9; *Гамбурцев В.* Архитекторская команда. М., 1894; *Янчук Н.* Знаменитый зодчий В. И. Баженов и его отношение к масонству //Журн. М-ва нар. просв. 1916. Ч. 66; *Старцев А. И.* Ф. В. Каржавин и его амер. путешествие // История СССР. 1960. № 3; *Алексеев М. П.* Филол. наблюдения Ф. В. Каржавина // Романская филология. М., 1961; *Светлов Л. Б.* Писатель-вольнодумец Ф. В. Каржавин // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1964. Т. XXIII, вып. 6; *Болховитинов Н. Н.* Россия и война США за независимость 1775–1783 гг. М., 1976; *Долгова С. Р.*: 1) Каржавин и Баженов // Рус. лит. 1976. № 1; 2) Зап. очевидца о чумном бунте в Москве в 1771 // Сов. арх. 1976. № 6; 3) Редкие книги и рукописи из б-ки Ф. В. Каржавина (по мат-лам ЦГАДА) // Книга в России до сер. XIX в. Л., 1978; 4) Ф. В. Каржавин // Письма рус. писателей (1980); 5) Творческий путь Ф. В. Каржавина. Л., 1984; 6) Неизв. рус. сообщение XVIII в. о Кирилле и Мефодии в книге Ф. В. Каржавина и Е. В. Каржавина «Заметки о русском языке и алфавите» // Кирило-Методиевски студии. София. 1988. № 5; *Полонская И. М.* Издательская деятельность Ф. В. Каржавина // Проблемы истории печатной и рукоп. книги. М., 1976; *Дьяконов М. В.* К биогр. словарю моск. зодчих XVIII–XIX вв. // Рус. город. М., 1981; *Рабинович В. И.* Вслед Радищеву. . .: Ф. В. Каржавин и его окружение. М., 1986; Об освещении жизни и деятельности Ф. В. Каржавина: (Дискуссия об обществ.-полит. взглядах Каржавина) // Вопр. истории. 1988. № 3.

С. Р. Долгова

КАРИН Александр Григорьевич [ум. 22 IX (2 X) 1769, Саратов]. Старший брат *Н. Г.* и *Ф. Г. Кариных*. Был записан в лейб-гвардии Конный полк и в 1756, уже в чине квартирмейстера, отправлен для обучения в Унив. гимназию. Вместе с др. шестнадцатью дворянскими юношами (в числе их был и его брат Николай), которые «наибольше прилежностию своею себя перед прочими оказали», 27 июля 1757 представлялся в Петербурге ко двору. С 1760 некоторое время занимался в университете, где познакомился с *Д. И. Фонвизиным. Ип. Ф. Богданович* вспоминал, что К. был одним из подающих надежды студентов. По отзыву современника, основанному, видимо, на личных впечатлениях, К. был «превеликим любителем словесных наук, искусным довольно в некоторых иностранных и в своем природном языке», и «имел немалое просвещение и библиотеку из наилучших иностранных и российских книг» (Новиков. Опыт словаря (1772)). Д. И. Хвостов, племянник К., к которому перешла библиотека, насчитывал в ней 3000 томов (ИРЛИ, ф. 322, № 75, л. 66).

Начало литературного творчества К. связано с организован-

ным *М. М. Херасковым* при Моск. ун-те театром. 16 июля 1759 на нем была представлена в переводе К. «Драма комическая на музыке» К. Гольдони «Граф Карамелли, или Ночной барабан» (изд. 1759; текст параллельно на рус. и ит. языках). Ит. оригинал восходит, видимо, к комедии Дж. Роччелаи «Tamburo» (1750), в свою очередь являющейся переделкой пьесы Ф.-Н. Детуша «Le tambuor nocturne, ou Le mari devin» (1736; пост. 1759 — в рус. пер. *А. А. Нартова* под назв. «Привидение с барабаном, или Пророчествующий женатый»; изд. 1764).

Первая оригинальная пьеса К. появилась не ранее 1764 и хронологически предшествовала «Бригадиру» Фонвизина; темой (сатира на галломанию) она связана с комедией «Русский француз» *И. П. Елагина* и написана в манере «преложения» иностранных сочинений на рус. нравы. Назв. пьесы в разных источниках варьируется. Указывалось, что К. — автор комедии в 5-ти д. «Русские <или россияне>, вернувшиеся из Франции», которая «довольно хороша для начинающего» (Лейпцигское известие (1768)). Новиков говорит, что К. «сочинил комедию „Россиянин, возвратившийся из Франции“» которая «хотя и довольно похваляется, но в свет еще не издана» (Новиков. Опыт словаря (1772)). Известно о представлении 29 авг. 1789 комедии К. в 1-м д., 23-х явл. «Русский француз» (режиссерский экз. — СПбГТБ, 1.20.3.13; на бумаге 1785; с многочисленными дополнениями и пометами *И. А. Дмитревского*).

По убедительному предположению К. В. Пигарева и П. Н. Беркова, это приспособленный для сцены сокращенный вариант первоначальной «большой» комедии К. В центре пьесы образы двух дворян — графа Пусторечина и Благоразумова; оба вернулись из Парижа, но по-разному воспользовались поездкой в Европу. Пусторечин усвоил щегольство и неуважение ко всему русскому (подражателей себе он находит и в России); Благоразумов же за границей учился и намерен применить свои знания на родине. По сюжету пьесы недостойный Пусторечин посрамлен, и молодая вдова Прекраса отдает руку Благоразумову. В отличие от др. современников К., т. о., трактует тему зап. влияния альтернативно; наряду с сатирой на бездумное увлечение иностранным он отстаивает пользу заграничных путешествий с серьезными целями и пытается нарисовать образ положительного героя. Известно также, что К. «начал было писать трагедию, но, не докончав оной, умер» (Новиков. Опыт словаря (1772)). *Евгений Болховитинов* в своем «Словаре» сообщает, что трагедия носила назв. «Антигона».

К. довольно активно сотрудничал в журнале М. М. Хераскова «Полезное увеселение» (1760 – май, июнь, авг., нояб., дек.; 1761 – март, май, июль, дек.). Здесь появились стихотворения «Сон» (пер. из А. Дезульер), элегия 42 Овидия (одновременно с пер. из Овидия *В. Д. Санковского*), переложения псалмов 122–125, две стихотворные молитвы (параллельно с перелож. А. А. Нартова), «Ода о суете мира», «Стансы», притча. Еще две притчи были напечатаны в «Своб. часах» (1763. Март). В стихотворении «Сон. Храм добродетели» (Полезное увеселение. 1761. Ч. 4. Дек.) К. восхваляет правивших «кротко» монархов, «Которы гибелью людей не возносились, Но к подданным своим отцами быти тщились». Из рус. деятелей он помещает в этот ряд Димитрия Донского, Петра I. Обширное «Письмо» (Полезное увеселение. 1761. Ч. 3. Март) в значительной степени посвящено восхвалению просвещения и доказательству важного общественного значения театра и драматургии (особенно комедии и трагедии). К. опубликовал также отдельными изданиями две «Оды» — на коронацию Елизаветы Петровны (25 нояб. 1759; перепеч.: Полезное увеселение. 1760. Ч. 1. Май) и на восшествие на престол *Екатерины II* (28 июня 1762). Новиков указывал, что К. «превеликую подавал надежду показать в себе хорошего стихотворца» и был автором «од, элегий, сонетов, притч и писем, эпиграмм» и др. мелких стихотворений; возможно, этот перечень учитывает и неопубликованные со-

чинения К. (Новиков. Опыт словаря (1772)). В бумагах Д. И. Хвостова сохранился список «Мадригала» К., обращенного к С. М. Окуневу (ИРЛИ, ф. 322, № 63, л. 196; у Хвостова имелась также тетрадь стихов К., полученная от приятеля К., А. Г. Окунева); автограф письма К. бытового характера к матери (13 июля 1766) хранится в СПбФ АРАН (р. II, оп. 1, № 203, л. 37).

3 авг. 1762 К. из вахмистров был произведен в корнеты, дослужился до поручика; скончался, будучи направлен в Саратов с воинской командой по делам Соляной конторы.

Лит.: *Лонгинов М. Н.* Братья Карины // Рус. старина. 1870. № 7; *Саитов В. И.* Ф. Г. Карин, один из малоизв. писателей второй пол. XVIII в. СПб., 1893; *Пигарев К. В.* Творчество Фонвизина. М., 1954; Берков. История комедии (1977).

В. П. Степанов

КАРИН Николай Григорьевич [ум. 1768, Петербург]. Средний брат *А. Г.* и *Ф. Г. Кариных*. Учился в Унив. гимназии (упоминается в списках 1757–1759). 27 июля 1757 в числе лучших учеников был представлен ко двору и в награду за успехи в учении записан капралом в лейб.-гвардии Конный полк; 19 апр. 1765 произведен в корнеты. Имя К. находится в списке московских дворян, подписавших в 1767 наказ П. И. Панину как депутату Комиссии нового Уложения. К концу жизни К. дослужился до чина поручика.

К. напечатал ряд стихотворений в «московских ежемесячных изданиях», т. е. в «Полезном увеселении» (1760–1762) и «Своб. часах» (1763) *М. М. Хераскова* (см.: Новиков. Опыт словаря (1772)), однако они остаются неатрибутированными. Новиков характеризует К. как поэта, хотя и имевшего «все те же склонности, как и старший брат его <А. Г. Карин>», но «написавшего меньше» (там же). Сообщение В. С. Сопикова, что К. принадлежит перевод с фр. «Писем Йорика к Елизе и Елизы к Йорику» Л. Стерна (1795, сюда же вошла «Похвала Элизе Драпер. . .» Г.-Т.-Ф. Рейналя), видимо, ошибочно; переводчиком скорее всего мог быть Ф. Г. Карин.

Лит.: *Саитов В. И.* Ф. Г. Карин, один из малоизв. писателей второй пол. XVIII в. СПб., 1893.

В. П. Степанов

КАРИН Федор Григорьевич [ок. 1740–1 (13) III 1800]. Родился в богатой дворянской семье; брат *А. Г.* и *Н. Г. Кариных*. Образование получил вместе с братьями в Унив. гимназии. В 1758 упомянут в числе «ближайших к награждению» в лат. и фр. нижних классах и переведен в «высшие классы» гимназии (Моск. вед. 1758. № 38, 101, Приб.). По свидетельству Д. И. Хвостова, К. продолжил учебу в университете (до 1762), однако документов об этом не сохранилось; позднее К. поддерживал знакомство с профессорами университета *А. А. Барсовым*, П. Д. Вениаминовым, *Х. А. Чеботаревым*, *С. Е. Десницким* и преподавателем московского госпиталя П. И. Погорецким. По окончании учения К. служил в гвардии и вышел в отставку в чине поручика. Он имел 7000 душ крепостных, жил на широкую ногу попеременно то в Петербурге, то в Москве, давая роскошные обеды и увлекаясь псовой охотой. По преданию, К. был посредником в сватовстве Я. Б. Княжнина к Е. А. Сумароковой. 13 мая 1772 К. женился на А. М. Голицыной, дочери кн. М. А. Голицына, шута при дворе Анны Иоанновны. Брак оказался неудачным, семейные неурядицы тяжело отразились впосл. на легком по природе характере К. В 1790-х гг. К. жил в Москве, пользуясь репутацией сибарита и философа, и, по словам С. Н. Глинки, «отличался в блестящих обществах ловкостью обращения и остротою ума», а также слыл «пламенным любителем словесности и искусств» и был знаком со всеми современными писателями. Ему были близки и идеи энциклопедистов (его личное знакомство с Дидро состоялось в 1774); современники считали К. и его друзей, кн. *Д. П. Горчакова* и Ф. Н. Карцева, вольнодумцами.

Д. И. Хвостов писал о К.: «Он был известен по своему разуму, просвещению и оставил сочинения

и переводы, свидетельствующие о его отличных дарованиях», но мало печатал свои труды, «боялся имени сочинителя, а паче стихотворца», хотя оказывал, по-видимому, большое влияние на литературное окружение как строгий критик, «неприступный страж красот и правил языка, ценитель строгий и справедливый». В 1769 К. издал в переводе с фр. «Рассуждение о добродетелях и награждениях, служащее последованием рассуждению о преступлениях и наказаниях» Д. Драгонетти. Перевод был сделан К. в связи с изданием «Наказа» *Екатерины II* и являлся как бы дополнением к той его части, которая была заимствована из труда Ч. Беккариа «О преступлениях и наказаниях». К. посвятил перевод А. И. Бибикову, председателю Комиссии нового Уложения. Ему же К. «приписал» «Нравоучительные мнения, взятые из свойств Марии Владимировны, графини Салтыковой» (1770), написанные им по случаю ее смерти. В этом сочинении, представляющем собой описание характера и восхваляющем Салтыкову, содержатся некоторые сведения о литературных симпатиях К.: он упоминает о «пленяющем и великолепном остроумии г. Вольтера», «гремящем духе г. Ломоносова», «изобразительном живописании г. Брюйера» (Лабрюйера) и «оживляющей приятности слога и летучего разума г. Сумарокова». К. ратует здесь за беспристрастность литературной критики: «И тако должно должное должному отдавать <. . .>. Сие откроет средство каждому самого себя познавать и семя всякого пристрастия исторгнет, прервется стремление пустых и ложных сочинений, и воцарятся дельные». Кроме этих сочинений К. написал «несколько мелких стихотворений» (Новиков. Опыт словаря (1772)), видимо неопубликованных.

В «Слове на торжество мира с Портою Оттоманскою 1775 года, июля 10 дня» К. касается темы пугачевского бунта, восхваляя его усмирителей — А. И. Бибикова, П. И. Панина, А. М. Голицына и И. И.Михельсона.

В 1779 К. издал «Слово» Екатерине II на открытие Владимирского наместничества (18 дек. 1778).

К. выступал литературным приверженцем *А. П. Сумарокова.* В 1777 *Н. П. Николев* обратился к К. как блюстителю точности и правильности литературного языка со стихотворным «Письмом на преставление А. П. Сумарокова» (датировано 5 окт. 1777), видя в К. своего единомышленника. К. ответил на послание прозаическим «Письмом к Н. П. Николеву о преобразителях российского языка на случай преставления А. П. Сумарокова» (1778), своего рода теоретическим трактатом о путях развития рус. литературного языка. К. пишет: «Хотя всякого сочинения первое достоинство ясность, однако многие пленяются пухлым, перепутанным и совсем отменным от вольной речи слогом, для того только, что непонятен <. . .>. Для высокой мысли не всегда потребен высокий слог <. . .>. Полагая ясность главною слова изящностью, должно в нем избегать не только темноты, происходящей от несвойственного сложения речи, но и всего того, что от времени, или от измены в разговоре, или от чего другого делается непонятным». Отмечая противостояние общерус. языка церковнослав., К. выступает в защиту первого: «Ужасная разность между нашим языком и славянским, происшедшая почти во всех частях его речи <. . .> часто пресекает у нас способы изъясняться на нем с тою вольностию, которая одна оживляет красноречие и которая приобретается не иным чем, как ежедневным разговором. <. . .> Правила каждого языка производятся из его свойства, а перемены его из употребления разговорного . . .».

Далее К. говорит о *Феофане Прокоповиче,* Ломоносове, Сумарокове, сравнивая их с садовниками, обновившими «молодым прививком» «старое дерево» языка: «Они, не переменяя его естества, но почерпая в одном <славянском> пристойные нам, а во другом <русском> собственные красоты и очистив его от гречества, латинства и всего ему несвойственного, произвели способное и богатое слово». К. явился в своих теоретических взгля-

дах предшественником карамзинистов и последователем первых рус. грамматистов (*В. Е. Адодурова*, раннего *В. К. Тредиаковского*), считавших, что в рус. литературном языке должна преобладать ориентация на «общее употребление», на разговорную речь. По свидетельству *Евгения Болховитинова*, К. написал также «Российскую грамматику»; Хвостов указывает, что отрывок из нее хранился у дочери К., П. Ф. Авдулиной. К был активной фигурой в культурной жизни и значение его в ней определяется не только его литературным наследием. В письме к Николеву от 2 авг. 1781 из Москвы, написанном сразу после приезда из Петербурга, он сообщал московским друзьям со ссылкой на *И. А. Дмитревского* театральные новости и информировал их о событиях в петербургских литературных кругах (см.: XVIII век. М.; Л., 1958. Сб. 3. С. 513). К. живо интересовался драматургией. В 1785 К. напечатал перевод фр. комедии в 5-ти актах «Фанелия, или Заблуждение от любви». Постановка «Фанелии» на сцене не состоялась, т. к. К. предъявил очень строгие требования к исполнителю главной роли. По словам Глинки, К. перевел «Ифигению» Ж. Расина стихами. Этот перевод неизвестен (изданный в 1796 пер. «Ифигении», видимо, принадлежит Д. И. Хвостову).

К концу жизни состарившийся и больной подагрой К., несмотря на житейские неурядицы (резко ухудшились его хозяйственные дела, вологодское имение его попало под опеку (в числе опекунов был *Ю. А. Нелединский-Мелецкий*)), не утратил интереса к литературе. У него была хорошая библиотека. Его посещали Николев, И. А. Крылов. В доме К. нашел приют бедствующий *Е. И. Костров*. По воспоминаниям М. Н. Макарова, «кроме Кострова, еще двое, трое, а может быть, и более, молодых людей, посвятивших себя литературе, жили, так сказать, не только на содержании, но даже и на мыслях К.». В 1798 К. переводил для Е. Сандуновой оперу «Медея»; в связи с этим он познакомился с композитором и музыкантом Д. Н. Кашиным, крепостным Г. И. Бибикова, и содействовал получению им «вольной» (1799).

По словам Д. И. Хвостова, после К. остался ненапечатанным полный перевод похвальных слов А.-Л. Тома. О поэтических произведениях К. почти ничего неизвестно. По свидетельству Н. Е. Струйского (см.: *Струйский Н.* Соч. СПб., 1790. Т. 1. С. 190), не слишком достоверному (см. *Дружеруков*), К. принадлежит псевдоним «Алексей Дружеруков», которым подписано стихотворение «Разговор в царстве мертвых Ломоносова с Сумароковым» (1777, переизд. 1787 и 1789). Прошедшие через московскую цензуру в 1797–1798 как сочинения К. издания «Песня. Люблю», «Разные песни», «Три песни», «Продолжение разных песен, сочинение порутчиков Ф. Карина, С. Глинки и титулярного советника Н. Шатрова», а также сб. «Песни Алексея Дружерукова» (1777) не обнаружены.

Лит.: *Хвостов Д. И.* Полн. собр. стихотворений. СПб., 1828. Т. 1; *Макаров М. Н.* Карин и Костров: (Зап. прежних лет) // Маяк. 1840. Ч. 4; *Глинка С. Н.* Зап. М., 1863; *Лонгинов М. Н.* Биогр. сведения о рус. писателях XVIII в. и библиогр. указания на их сочинения // Рус. старина. 1870. № 7; *Баранов П. И.* Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском сенатском арх. СПб., 1878. Т. 3; Сенатский арх. СПб., 1888. Т. 1; *Саитов В. И.* Ф. Г. Карин, один из малоизв. писателей 2-й пол. XVIII в. СПб., 1893; *Степанов В. П.* К биографии Ф. Г. Карина // Рус. лит. 1990. № 4.

О. Я. Лейбман

КАРМАНОВ Диомид Иванович [1740, Тверь–20 IV (1 V) 1795, там же]. Сын посадского человека Троицкого прихода Заволжского посада Твери. В 1752–1753 начал посещать вольнослушателем Тверскую дух. семинарию. Дойдя до класса риторики, К. вынужден был прекратить занятия, т. к. не знал лат. языка. Поступив подканцеляристом в Тверской магистрат, усердно восполнял пробелы в образовании чтением книг (сочинения Х.-Ф. Баумейстера, И.-Г.

Гейнекциуса, П. Тавернье и др.), делая из них пространные выписки либо переписывая их целиком («Зерцало горячейшего ко Господу Богу духа» *Феофилакта Лопатинского*; статьи из «Ежемес. соч.» и др.). По заказу К. информатор семинарии Е. Рязанцев перевел для него «Философию нравоучительную» Х.-Ф. Аммона, а учитель элоквенции П. И. Богданов — «Речь Амвросия Медиоланского против Феодосия». К. усердно изучал памятники рус. духовной литературы: «Златоуст», «Маргарит», «Пролог», «Книгу о вере» и др. С янв. 1764 К. слушал курс богословия, читавшийся ректором Тверской семинарии *Макарием Петровичем* в Желтиковом монастыре, а затем *Гавриилом Петровым* в Тресвятском монастыре.

В 1766 К. произнес в семинарии ряд проповедей, направленных против старообрядцев (что вызвало их полемические отклики), а затем с 14 окт. 1768 по июнь 1769 11 проповедей на традиционные темы. Проповеди получили одобрение нового ректора семинарии *Арсения Верещагина*, в отзыве которого 3 февр. 1768 говорилось, что «сочинение сие, основательными и порядочными мыслей здравых выражениями, и духовными нравоучениями, и риторскими украшениями преисполненное, достойную и правдивую сочинителю приносит честь и славу, а христианскому обществу душевную пользу». К. принадлежит также ряд сочинений духовного содержания: «Рассуждение о числе жен, помазавших Господа миром. . .» (1769), «Письмо поздравительное преосвященному Гавриилу по случаю возведения его в сан архиепископа Санкт-Петербургского» (1770), «Краткое толкование на чин св. литургии. . .» (1773) и др.

К. деятельно помогал *Платону Левшину* по обращению старообрядцев в единоверие и с окт. 1771 по март 1772 вел переписку с намеревающимися в него перейти купцами А. Я. Морозовым из Торжка и Т. И. Волосковым из Ржева, с расчетом на ее широкое распространение в старообрядческой среде (опубл.: Тверские епарх. вед. 1904. № 22–24; 1905. № 3, 8, 10–11, 13, 18, 23). Наибольшую известность К. принесли его труды по истории Твери, интерес к чему у К. сформировался под влиянием учителя семинарии Богданова. В 1774 по совету архимандрита Новоторжского Феофилакта К. написал и поднес Платону Левшину «Краткое известие о начале и приключениях города Твери с описанием нынешнего его состояния», впосл. самим К. оцененное крайне невысоко. В 1775 К. написал «Исторические известия Тверского княжества. . .» с прибавлением «О бывших в Твери святых церквах. . .» (автограф, содержащий три первые главы, под загл. «Собрание из древних российских летописцев известий, касающихся до города Твери. . .», поднесенный К. 13 дек. 1775 Арсению Верещагину, — ГИМ, ф. 440, оп. 1, № 616). В 1778 К., по приказанию правителя Новгородского наместничества Т. И. Тутолмина, составил «Исторические известия о принадлежащих к Тверскому наместничеству городах», которые вошли в поднесенное *Екатерине II* «Генеральное соображение по Тверской губернии, извлеченное из подробного топографического и камерального по городам и уездам описания. 1783–1784 год» (Тверь, 1783). Сочинение К. «История города Твери» не сохранилось. В своих сочинениях К. широко использовал «Историю Российскую» *В. Н. Татищева*, «Краткий российский летописец с родословием» *М. В. Ломоносова*, «Ядро российской истории» А. И. Манкиева, печатные летописи, а также рукописные писцовые книги. Почти все исторические примеры К. снабжал дидактическими выводами.

Труды К. по истории родного края стали заметным явлением в культурной жизни Твери 1770-х гг.; они послужили поводом для знакомства, а затем и тесной дружбы К. с *М. Н. Муравьевым*, по рекомендации которого К. 2 сент. 1777 был принят в число сотрудников Вольного Рос. собрания. Историческими трудами К. интересовался *Н. И. Новиков*, намеревавшийся их издать. Имеются предположения о возможности влияния К. на И. А. Крылова через его отца А. П. Крылова, служившего с 1774 по 1778

в губернском магистрате Твери (XVIII век. М.; Л., 1962. Сб. 5. С. 421) и о направленности против К. сатирического диалога А. П. Сумарокова «Ирсинкус и Касандр» (XVIII век. СПб., 1993. Сб. 18. С. 31–39).

10 июня К. по распоряжению Т. И. Тутолмина произнес в зале магистрата «Речь е. и. в. благодарственную от тверского купечества и мещанства по случаю оказанных к сему городу высочайших щедрот» (1778). К. также известен своими речами по случаю открытия в Твери гражданских училищ (1776) и в честь назначения Я. Е. Сиверса тверским наместником (1776).

Совместно с Арсением Верещагиным К. составил и подал Платону Левшину «Вопль купецких и разночинческих малолетних детей». По своему содержанию это сочинение восходит к «Разговору купеческого сына с учеником о науках», представленному 18 нояб. 1772 в Новоторжской для церковнослужительских детей школе по случаю тезоименитства Платона Левшина. Здесь К. ратует за преподавание в семинарии на рус. языке вместо лат. и за расширение круга изучаемых в семинарии наук, требуя включить в него физику и натуральную историю. Ознакомившись с «Воплем...», Платон Левшин оставил на нем следующую резолюцию: «Мне кажется, давно бы могло, есть ли бы только хотело, гражданство завести на собственном своем содержании порядочное преподавание наук природным языком...».

Приписываемое К. сочинение «Доказательство бессмертия души» в действительности не существует — за него был принят сохранившийся в бумагах К. переписанный им отрывок сочинения Э. Юнга «Плач, или Нощные размышления...» (Утр. свет. 1778. Ч. 4). В 1780 К. совершил паломничество на Селигер в Ниловскую Столбенскую пустынь.

В 1772 К. пожертвовал в библиотеку Тверской дух. семинарии рукописи своих проповедей, 7 марта 1780 — сборник исторических сочинений. Обширная библиотека К. была после его смерти разделена между его тремя сыновьями; бóльшая часть книг погибла во время пожара Твери в 1837; ряд книг из библиотеки К. был найден в кон. XIX в. В. Колосовым. Им же были изданы труды К.: Собрание сочинений, относящихся к истории Тверского края. Тверь, 1893 (репринт: Тверь, 1993).

Материалы, относящиеся к биографии К., хранятся в Гос. архиве Тверской области (ф. 1020).

Лит.: *Владиславлев В. Ф.*: 1) Д. И. Карманов, тверской публичный нотариус // Тверские епарх. вед. 1881. № 20; 2) Д. И. Карманов как проповедник // Там же. 1889. № 4; *Р*[*ункевич С. Г.*]. Карманов Д. И. // Рус. биогр. словарь. Т. «Ибак–Ключарев» (1897); *Колосов В.*: 1) Б-ка тверского археолога XVIII в. Д. И. Карманова. Тверь, 1897; 2) История Тверской дух. семинарии. Тверь, 1889; *Струве П.* Любопытный обывательский протест против школьного классицизма XVIII в. // Мир Божий. 1901. № 7; *Плотников А.* Открытие Новоторжской для церковнослужительских детей школы и первый год ее существования по арх. документам Новоторжского дух. училища // Тверские епарх. вед. 1905. № 15–16, 18. Часть неоф.; *Смирнов Н. П.* «Вопль купецких и разночинческих детей» в Твери в XVIII в.: (Очерк из истории просвещения в России в XVIII в.) // Тверская старина. 1911. № 7–12; 1913. № 5–6.

М. П. Лепехин

КАРНЕЕВ Егор Васильевич [7 (18) III 1773, слобода Красный Кут Харьковской губ.–5 (17) I 1849, Петербург]. Происходил из дворян; племянник видного масона З. А. Карнеева. Учился в Харьковском коллегиуме, затем (1787) в Харьковском дворянском уч-ще и Моск. ун-те, где, по свидетельству *М. Л. Магницкого*, на него большое влияние оказал профессор *Х. А. Чеботарев*, которому общество московских масонов особо поручило воспитание К. (см.: Рус. старина. 1899. Т. 9. С. 290–291). 1 янв. 1789 был записан сержантом в Семеновский полк. С 1796 состоял армейским капитаном при дежурстве фельдмаршала Н. В.

Репнина, затем в 1798 инспекторским адъютантом при генерале Б. П. Ласси. 11 июня того же года по указу Павла I был отставлен от военной службы. 2 марта 1800 К. поступил цензором в Виленскую цензуру, затем служил экспедитором в канцелярии генерал-прокурора Сената (1801), правителем канцелярии архангельского (1802) и николаевского (1803) губернаторов, в 1805 перешел в Экспедицию гос. хоз-ва, где в конце концов получил должность директора Деп. мануфактур и внешней торговли (1811–1816).

С 25 июня по май 1825 К. — попечитель Харьковского учебного округа, 16 авг. 1824 определен управляющим Деп. горных и соляных дел, директором Горного кадет. корпуса (позднее Горного ин-та) и членом совета М-ва финансов. Благодаря содействию К. в 1825 был основан «Горный журнал». С авг. 1825 К. — член Гл. правления уч-щ. В 1834 переведен в Корпус горных инженеров с чином генерал-лейтенанта. 18 апр. 1837 отставлен от должностей в департаменте и корпусе и пожалован сенатором в Межевой деп.

К. сделал первый на рус. языке перевод с лат. беседы Цицерона «О старости» (Курск, 1795; посв. орловскому и курскому генерал-губернатору А. А. Беклешеву). В 1800 вышла в переводе К. анонимная философская повесть «Приключения Бониквеста, сына Целестинова, обитателя счастливыя страны Интра», направленная против «безумных и богопротивных» идей равенства и свободы. В 1818 в Москве был напечатан перевод книги швейц. квиетиста пастора Дю Туа «Божественная философия. . .», сделанный К. по повелению Александра I и посвященный ему; главное направление книги — опровержение революционного просветительства. Тираж был пожалован в награду переводчику (отрывки из перевода перепечатывались в газете «Рус. инвалид» (1819. № 48, 49, 51, 53)).

К. осуществил полный и точный перевод «Духа законов» Ш. Монтескье (СПб., 1839). В предисловии он признался, что, освободившись от «многотрудных обязанностей по службе», «вспомнил о юношеских своих занятиях и решился досужное свое время посвятить литературе». Ряд идей Монтескье — свобода, равенство, религиозное свободомыслие, республиканские идеалы — могли, по мнению К., увлечь рус. дворянство и оказать пагубное влияние на судьбу России. К. возражает Монтескье с монархических и ортодоксальных православных позиций. В рецензии на перевод книги отмечалось, что многочисленным примечаниям К. «без зазрения совести можно было бы дать заглавие „Опровержение основных положений Духа Законов, сочинения Монтескье“» (Отеч. зап. 1839. Т. 4. Отд. VII. С. 132).

В 1845 в журнале «Маяк» (Т. 23–24, кн. 46–48) появился анонимный «Критический обзор, очная ставка и обличение заблуждений Запада» — переведенная К. книга фр. католического писателя Розелли де Лорга «Христос перед веком, или Новые свидетельства наук в пользу католицизма» — критика идей Просвещения и попытка научного доказательства истинности библейской истории. К. сильно отошел от оригинала, введя антикатолические и антизападные инвективы, без обозначения их принадлежности переводчику, и даже прямо полемизировал с автором. Рассуждения К. подтверждали концепцию издателя «Маяка» С. А. Бурачка об этапах заблуждения Запада: папство — Реформация — вольнодумство — революция.

К. принадлежат, изданные также анонимно, «Священные песнопения древнего Сиона, или Стихотворное переложение псалмов. . .» (СПб., 1846). В противоположность сложившейся традиции К. в своем ямбическом переложении Псалтыри отошел от высокой патетики XVIII в.

К. перевел с лат. языка «Творения Тертуллиана» (СПб., 1847. Ч. 1–2; 1850. Ч. 3–4), оставив без перевода «пять или шесть статей, которые или наполнены отступлениями от истины <. . .> или же заключают в себе нескромные выражения против Римской церкви, которая была тогда православною», и «Творения Лактанция» (СПб., 1848. Ч. 1–2), содержащие все известные трактаты «христианского

Цицерона». Перевод книги Ж. де Лабрюйера «Характеры» и «Записки» самого К. напечатаны не были, перевод книги Оригена «Против Цельса» остался неоконченным (местонахождение рукописей неизв.).

Лит.: *Соколов Д.* Ист. и стат. описание Горного кадет. корпуса. СПб., 1830; *Элькан А.* Генерал-лейтенант, сенатор Е. Карнеев // СПб. вед. 1849. 7 сент. № 198; 8 сент. № 199; *Лоранский А.* Ист. очерк Горного ин-та. СПб., 1866; [Без подписи]. Карнеев Е. В. // Рус. биогр. словарь. Т. «Ибак–Ключарев» (1897).

А. Б. Шишкин

КАРПИНСКИЙ Иакинф [1723, г. Краснокутск Харьковской губ.– 29 XI (10 XII) 1798, Москва]. Сын священника. Учился в Белгородской и Курской дух. семинариях, затем в Киево-Могилянской академии (1735–1744). В 1744 принял монашество и был учителем, а затем префектом (с 1751) Харьковского коллегиума. Архимандрит ряда монастырей: Борисоглебского в Дмитрове (1757), Троицкого Данилова в Переяславле-Залесском (1758), Спасской Севской пустыни (1764), Николаевского в Рыльске (1767), Голутвина (1771), Вяжецкого (1774), Кирилло-Белозерского (1774), Юрьева в Новгороде (1782), Донского (1792), Новоспасского (1797). Причинами частых перемещений были его неуживчивость и вспыльчивый характер; рассказывают, что иногда К. доходил и до рукоприкладства. *Г. И. Добрынин*, знавший К. в 1760-х гг., вспоминал в своих «Записках», что К. «был малоросл и тонок, чрезмерно честолюбив и горяч и иногда чрезмерно скромен, иногда же чрезмерно весел, говорлив и забавен. <. . .> Скончался мирно, не получив архиерейства по причине, что был малого роста и высокого ума» (Рус. старина. 1871. № 2. С. 141).

К. принадлежат «Поучительные слова» (1782; включают 21 проповедь; произнесены с 1771 по 1781). В них К. выступает откровенным сторонником самодержавия, постоянно рассуждая «о пользе монаршеского правления и о вреде безначалия», «о России самодержцах, Россию на высочайшую славы степень вознесших»; рус. самодержавие К. возводит к Рюрику и утверждает, что «не лишается и народ при монаршеском правлении любезной вольности, больше оною, нежели при общенародном правительстве, пользуется».

В 1782 К. закончил начатый *Давидом Нащинским* перевод на лат. язык трактата *Феофана Прокоповича* «Об иге неудобоносимом» и издал его в Лейпциге. Его «Сокращение догматико-полемического богословия», также изданное на лат. языке в Лейпциге (1786), служило учебником в духовных семинариях.

К. покровительствовал *Ювеналию Воейкову*, который жил у него в Новоспасском монастыре после увольнения от должности. В 1798 Ювеналий напечатал небольшую речь, посвященную К., но она была запрещена; он же составил под наблюдением К. историческое описание Новоспасского монастыря (М., 1802).

Лит.: *Стеллецкий Н.* Харьковский коллегиум до преобразования в 1817 г. // Вера и разум. 1895. № 12; *Бельчиков Н.* К биографии архим. Иоакинфа Карпинского // Тр. Владимирской учен. арх. комис. 1910. Кн. 12.

С. И. Николаев

КАШИН Никита Иванович. Мемуарист. Начал службу в армии рядовым; впосл. получил чин сержанта. К. принадлежат записки, озаглавленные «Я, нижеподписавшийся, описываю самовидное и верно слышанное мною с 1717 до 1725 годов, дела, поступки и увеселительные забавы славного великого имп. Петра Алексеевича. . .». Впервые рассказы К. были частично опубликованы С. Н. Глинкой по автографу К. со значительной стилистической правкой под загл. «Русский солдат, повествующий о Петре Первом» (Рус. вестн. 1808. Ч. 2. № 10). Автограф в конволюте со 2-м томом кн. Д. Феодози «Житие и славные дела Петра Великого» (1772) попал к С. Д. Шереметеву и был пожертвован им в библиотеку О-ва любителей древн. письменности. Полностью Глинка

напечатал рассказы К. по списку, найденному после пожара Москвы и впосл. переданному им через Н. М. Сипягина в библиотеку Генерального штаба. Научно комментированное издание текстов осуществлено В. В. Майковым под загл. «Поступки и забавы имп. Петра Великого» (Тр. О-ва любителей древн. письменности. СПб., 1895. Вып. CX–CXI).

Записки К. состоят из 14 сюжетно не связанных между собой рассказов. Ценность их заключается в том, что К., будучи в большинстве случаев очевидцем описываемых им событий, приводит ряд подробностей, отсутствующих в др. описаниях. Однако при составлении своего труда К. пользовался и печатными источниками; так, рассказы 10 и 11 (сравнение дел Петра I с делами царя Алексея Михайловича) почти дословно заимствованы из «Истории российской» *В. Н. Татищева* (М., 1768. Кн. 1, ч. 1). К. относился к Петру I с благоговением, не пропуская случая отметить его религиозность и стремление к благу России. Рассказы К. были использованы Д. Н. Бантыш-Каменским в «Словаре» (1836) в статьях о *Стефане Яворском* и Апраксине.

Лит.: *Глинка С. Н.* Зап. СПб., 1895; [Без подписи]. Кашин Н. И. // Рус. биогр. словарь. Т. «Ибак–Ключарев» (1897); *Шмурло Е.* Петр Великий в оценке современников и потомства. СПб., 1912.

М. П. Лепехин

КАШИНЦОВ Павел. Переводчик с фр. языка. Первым его опытом был перевод одноактной драмы Ш.-Ж.-Т. Гарнье «Кровопускание, или Истинная сыновняя любовь» (1787). В трехактной драме А.-М.-Г. Блена де Сенмора «Иоахим» К. изменил имена главных героев, что повлекло изменение назв. пьесы — «Белезор, или Торжество сыновней любви» (1789; с посв. П. М. Волконскому). К. также опустил предисловие автора, александрийский стих передал прозой, при этом в целом перевод точен. Оригиналом одноактной комедии «Друзья нашего века» (1790) была пьеса А.-Л.-Б.-Р. Бонуара (др. ее перевод под назв. «Светские друзья» был выполнен А. Ф. Малиновским — Собр. некоторых театр. соч. М., 1790. Ч. 3); К. русифицировал при переводе имена действующих лиц (Легковерова, Старомысл, Честон, Корыстолюбов), действие перенес в Москву. Все три пьесы принадлежали к жанру «слезной» драмы.

К. Ю. Лаппо-Данилевский

КВЕТНИЦКИЙ Федор (в монашестве — Феофилакт). Выходец из Киева. В 1729 окончил Славяно-греко-лат. академию и с 1730 был там учителем лат. языка; с 1732 преподавал поэтику. В том же году по делу одного из бывших учеников, обвиненного в чтении еретических книг, был вызван в Петербург, где содержался под караулом, в окт. 1732 отпущен в Москву. В 1733 пострижен и посвящен в иеромонахи. В окт. 1739 назначен в Вятку экзаменатором для обучения священников, но был освобожден от этой должности по своей давней болезни и в марте 1740 послан в московский Донской монастырь, где ему было поручено проповедовать. Позднее переведен в Троице-Сергиеву лавру, где, очевидно, и скончался.

В 1732 К. составил курс лекций по поэтике «Clavis poetica» (РГБ, ф. 299, № 31). В этом курсе К. поместил много собственных переводов западноевроп. поэзии: эпиграммы пол. латиноязычного поэта XVII в. М. К. Сарбевского, начало «Освобожденного Иерусалима» Т. Тассо (в переводе с пол. языка) и др. Для эпиграмм Сарбевского К. дает 9 вариантов перевода, демонстрируя возможности рус. силлабического стиха от 4-х до 13-тисложника. Слушателем курса К. был *М. В. Ломоносов*. На его «Стихах на туесок» К. якобы написал «Pulchre» («Прекрасно»).

Лит.: Смирнов. Моск. академия (1855); *Воскресенский Г.* Ломоносов и моск. Славяно-греко-лат. академия. М., 1891; *Харлампович К. В.* Малорос. влияние на великорус. церковную жизнь. Казань, 1914. Т. 1; *Lewin P.* Wykłady poetyki w uczelniach rosyjskich XVIII w. (1772–1774) a tradycje polskie. Wrocław, 1972; *Kvet-*

nickij F. Clavis poetica. Köln; Wien, 1985.

С. И. Николаев

КЕКЛОВСКИЙ Осип. Автор подносных од «Его превосходительству <. . .> С. Г. Зоричу <. . .> в знак неоставления просьбы. . .», «Акростихи, изъявляющие добродетели описываемого здесь героя» (также посв. С. Г. Зоричу); «Его сиятельству <. . .> князю А. А. Вяземскому»; «Его сиятельству <. . .> князю С. Н. Трубецкому». Все эти стихи изданы отдельно в 1778 в типографии Арт. и инж. корпуса.

Оды К. отличаются низким художественным уровнем и преследуют явно утилитарную цель — приобрести покровительство знатных лиц.

И. В. Немировский

КИПРИАНОВ Василий Ануфриевич [ум. 1723]. Происходил из посадских людей московской Кадашевской слободы. В 1701 переведен в ведомство Оружейной палаты и определен в помощь Л. Магницкому. Принимал участие в печатании «Арифметики» Магницкого, «Таблиц логарифмов» (оба изд. — 1703). В 1705 Петр I присвоил ему почетное звание «библиотекариус» и поручил создание гражданской типографии с монопольным правом печатания карт, календарей и учебных пособий для Навигационной школы. Издал «Таблицы синусов» (1716) и «Таблицы горизонтальные северной и южной широты» (1723). В рукописи осталась «Сотня астрономская» (РНБ, Разнояз. Q.IX.3) — перевод (1707) книги «Centuria astronomica» А. Дыблинского (Вильно, 1639).

В 1709 составил и издал календарь, получивший известность под назв. «Брюсова календаря», т. к. он создавался «под назрением» начальника и покровителя К. гр. Я. В. Брюса.

В издания К. включены силлабические стихи, принадлежащие, видимо, ему самому.

Лит.: Пекарский. Наука и лит. Т. 1 (1862); *Хмыров М. Д.* Сведения о Василии Киприанове, библиотекаре моск. гражданской типографии при Петре I // Рус. арх. 1866. № 8–9; *Браденбург Н. Е.* Мат-лы для истории арт. управления в России: Приказ артиллерии (1701–1720). СПб., 1876; *Бородин А. В.* Моск. гражд. типография и библиотекари Киприановы // Тр. Института книги, документа и письма. М.; Л., 1936. Т. 5; *Ченакал В. Л.* «Centuria astronomica» вильнюсского астронома Альберта Дыблинского и ее рус. перевод // Из истории естествознания и техники Прибалтики. Рига, 1970. Т. 2 (8); *Куприянова Т. Г.* Торговля книгами В. А. и В. В. Киприановых // Книжная торговля. М., 1986. Вып. 17.

С. И. Николаев

КИРЕЕВСКИЙ Василий Иванович [1773–1 (13) X 1812, с. Киреевское Орловской губ.]. Происходил из старинного дворянского рода, служил в гвардии, вышел в отставку секунд-майором. Жил в Москве и родовом имении Долбино Лихвинского у. Калужской губ.; занимал должность уездного судьи. В 1805 женился на А. П. Юшковой (1789–1877, во втором браке Елагина), игравшей впосл. видную роль в литературной жизни Москвы. Сыновья К. Иван (1806–1856) и Петр (1808–1856) — известные деятели рус. культуры, славянофилы.

К. знал пять языков, собрал большую библиотеку и, увлекаясь естественными науками, медициной, устроил у себя в имении лабораторию. По предположению П. И. Бартенева, К. «был единомышленником Новикова по масонству»; как верующий, К. отвергал идеи фр. энциклопедистов. В 1807 из патриотических чувств сам повел в земское ополчение 20 ратников. В 1812 переселился в с. Киреевское (Киреевская слободка) под Орлом и на свой счет расширил орловскую больницу, где содержались раненые. После отступления французов посетил Москву. Умер, заразившись тифом при уходе за больными.

Ок. 1803–1805 К. познакомился в Москве с В. А. Жуковским, который приходился Юшковой дядей с материнской стороны. По сведениям Н. П. Колюпанова, биографа К., он «в молодости переводил

и даже печатал романы и другие литературные произведения». Достоверно известны два сочинения К., или, как он их называл, «драматических отрывка», — «Кодр» (1799) и «Елисавета» (1800). Обе миниатюрные книжки, в 32-ю долю листа, отпечатаны в Унив. типографии. Даты написания — соответственно 24 нояб. 1798 и 18 апр. 1800 — свидетельствуют о быстром попадании книг в печать, а значит, о связях К. с университетскими кругами. «Отрывки» представляют собой вполне законченные прозаические драмы, очень короткие, несмотря на деление «Кодра» на 3, а «Елисаветы» на 4 действия; сюжет их прост и динамичен; слог близок к языку *Н. М. Карамзина*. Несложные характеры действующих лиц подчинены четко выраженной идее. В «Кодре» это жертвенность ради отечества, в «Елисавете» — жертвенность во имя любви. Вторую драму автор рассматривал в предисловии как продолжение трагедии Ф. Шиллера: «Шиллер написал Дон Карлоса и кончил пиесу тем, что он предан инквизиции, — я хотел представить смерть его и смерть Елисаветы — вот для чего сочинил эту пиесу». Драмы К. являлись оригинальной попыткой видоизменить жанр высокой трагедии в духе рус. сентиментализма.

Лит.: *Толычева Т.* [*Новосильцева Е. В.*]. Рассказы и анекдоты // Рус. арх. 1877. Кн. 2; *Зейдлиц К. К.* Жизнь и поэзия В. А. Жуковского: По неизд. источникам и личным воспоминаниям. СПб., 1883; *Колюпанов Н. П.* Биография А. И. Кошелева. М., 1889. Т. 1, кн. 2; *Бартенев П. И.* И. В. Киреевский // Рус. арх. 1894. Кн. 2; *Киреевский И. В.* Собр. соч. М., 1911. Т. 1; *Коншина Е. Н.* Арх. Елагиных и Киреевских // Зап. Отд. рукописей РГБ. М., 1953. Вып. 15; *Harder H.-B.* Schiller in Russland: Materialien zu einer Wirkungsgeschichte, 1789–1814. Bad Homburg, 1969; *Данилевский Р. Ю.* Шиллер и становление рус. романтизма // Ранние романтические веяния: Из истории междунар. связей рус. лит. Л., 1972.

Р. Ю. Данилевский

КИРИЛЛ (Ляшевецкий) см. Ляшевецкий Ф. А.

КИРИЯК (Кириак, Кирияков) Тимофей Прокофьевич [сер. XVIII в.–1799]. Образование получил в Акад. гимназии, которую кончил не позднее нач. 1783. В эти же годы довольно активно занимался переводами с нем. и фр. языков. Сотрудничал в журнале «Утр. свет» (1777–1780), где появилась статья «Четыре степени возраста человеческого» (1778. Ч. 1. Окт.) (сообщено «гимназистом Т. Кирияком»). Весной 1783 уже служил переводчиком Академии и по заказу Комиссии об учреждении нар. уч-щ перевел с лат. яз. «Руководство по географии Российской империи» Гакмана (РГИА, ф. 730, оп. 2, № 2, л. 67; имеется изд. 1787, без имени переводчика). В 1785 в журнале «Растущий виноград» публикует «Письма о начале наук и народов Азийских, писанные к г. Вольтеру от г. Бальи, с приложением некоторых от г. Вольтера» (пер. с фр.), высказав в предисловии желание передать стиль Вольтера (атрибуция по экз. ИРЛИ, 61 5/5). Позднее продолжал печататься в этом журнале (1785–1787; пер. не выявл.).

В 1778 дважды, под загл. «Игра счастия» и «Игралище судьбы», была издана в переводе К. фр. повесть К.-Л. де Саси «Игра счастия». В повести (сюжет взят из жизни средневековой Испании) нашла развитие тема истинной и ложной чести. Перевод посв. *В. И. Бибикову* — «виновнику счастия любезного моего брата».

В 1779 К. заново (вслед за *М. И. Поповым*) перевел на рус. язык популярную и позднее неоднократно выходившую в др. переводах повесть Ф. Фенелона «Аристоновы приключения, или Жизнь добродетельного мужа», в которой переплелись авантюрные и сентиментальные мотивы. Язык перевода достаточно архаичен. Перевод посв. «покровителю» М. Ф. Полторацкому, «воспитанником» которого К. себя именует.

К. был в 1781–1782 спутником *В. А. Зуева* в южной экспедиции. По возвращении К. принял участие

в коллективном переводе с нем. книги «Зрелище природы и художеств» (1784–1790; 2-е изд. 1809–1813), представлявшей собой богато иллюстрированный энциклопедический справочник об искусствах, ремеслах и др. Академия наук, принявшая в 1781 решение перевести указанную книгу «возможно скорее», поручила это кроме К. также И. Волкову, М. А. Ковалеву, С. С. Лехавому, А. Васильеву и С. Петрову, «с тем, чтоб каждый данную ему часть перевел непременно в два месяца, употребляя на то все послеобеденное свободное от дел время».

К. участвовал также в переводе «Достопамятных сказаний и деяний <. . .> Фридриха Второго, короля прусского» (1786–1793; 2-е изд. СПб., 1793–1817; 3-е изд. СПб., 1807–1817) и т. 1–2 восьмитомника «Оставшихся творений» Фридриха II (1789–1791).

В 1786 в переводе К. с нем. вышел известный труд Я. Я. Штелина «Любопытные и достопамятные сказания о Петре Великом»; в 1788 — перевод с нем. книги Ж.-А. Гибера «Жизнь и деяния Фридриха Великого»; «Краткое описание нравов и обычаев древних римлян» (1792) было издано как учебное пособие Комиссией об учреждении уч-щ.

Мн. переводы, сделанные К. для Собрания, старающегося о переводе иностр. книг, так и не увидели света. В докладе *С. Г. Домашнева* упоминается в числе «переведенных и готовых к печатанию» «Книжка для употребления в сельских школах» Ф.-Э. Рохова (РГИА, ф. 732, оп. 1, № 487, л. 3), за которую К. получил 90 руб.; рукопись перевода *И. И. Лепехин* в 1802 передал в Рос. Академию. Второй не вышедший перевод К. — комедия «Оловянишник-политик», за него К. в 1779 и 1780 получил по 25 руб.

В 1780–1790 К. служил инспектором при Смольном ин-те, преподавая там историю, географию, а также участвовал в составлении и переводе учебных пособий по этим предметам по заказу Комиссии об учреждении уч-щ. В ряде справочников К. ошибочно приписывается «Краткая российская история» (1799) *И. Ф. Янковича де Мириево.*

К. был воспитателем будущей жены кн. *И. М. Долгорукова* Е. С. Долгоруковой (урожд. Смирной). Долгоруков вспоминает о К. как об «ученом человеке, принадлежащем Смольному монастырю», «предобрейшем человеке, характеристики самой кроткой и чувствительной». К., по словам Долгорукова, был «гораздо старее, следовательно, опытнее и благоразумнее» его самого, давал молодой семье советы, выполнял их поручения. На попечение К. в Петербург был отправлен побочный брат Долгорукова, и К. сумел оказать ему помощь «в суровое царствование императора Павла».

В 1790-е гг. Долгоруковы, жившие в Пензе, вели переписку с К., информировавшим их о жизни Петербурга. Письма К. о потемкинском празднике (1791) и о кончине *Екатерины II* — крайне интересные рассказы очевидца (Рус. арх. 1867. № 5–6. С. 673–694; № 10. С. 1266–1275). Перечитывая последнее письмо, Долгоруков писал: «Читая все то письмо ныне, я вижу картину тогдашнего времени так живо. . .». Предсмертное письмо К. произвело на Долгорукова особое впечатление «мужественным духом, верой твердой, постоянством в чувствах сердца и философскими понятиями о бренности жизни».

Лит.: *Долгоруков И. М.*: 1) Капище моего сердца. М., 1890; 2) Повесть о рождении моем. Пг., 1916; Семенников. Собрание, старающееся о переводе книг (1913); Семенников. Мат-лы для словаря (1914); *Черепнин Н. П.* Имп. восп. о-во благор. девиц. СПб., 1914–1915. Т. 1–3.

И. Ю. Фоменко

КЛЕМЕНТЬЕВСКИЙ Иван Андреевич (в монашестве — И р и н е й) [II 1753, с. Клементьево Ковровского у. Владимирской губ.— 24 IV (6 V) 1818, Петербург; похоронен в Александро-Невской лавре]. Сын священника. Образование получил во Владимирской дух. семинарии и в Моск. дух. академии; в 1774 принял монашество и остался в ней учителем древнегреч. и древнеевр. языков. В 1776–1784 — игумен московского Знаменского

монастыря и префект Перервинской дух. семинарии. В 1784–1792 — архимандрит Ростовского Борисоглебского монастыря и префект Ярославской дух. семинарии. В 1787 читал проповеди при дворе в Петербурге. Они отличались простотой изложения, утонченным психологизмом и чувством личного сопереживания, что в то время было новинкой, и имели успех. С 1788 — член Синода и по 1792 — архимандрит Новгородского Юрьева монастыря, в 1792–1798 — епископ (с 1796 — архиепископ) Тверской. При посещении Павлом I Твери 13 марта 1797 был награжден орденом св. Александра Невского и командорством из 6-ти деревень в Серпуховском у. Моск. губ. (ок. 300 душ). В 1798–1814 — архиепископ Псковский. В 1814 уволен на покой и жил в Александро-Невской лавре. «Ириней был очень добрый человек и кроткого характера, но много вредил себе невоздержанною жизнью. Он находился под сильным влиянием митрополита Амвросия Подобедова и подписывал все, что он ни прикажет» (*Мельников-Печерский П. И.* Из прошлого // Рус. вестн. 1868. № 4. С. 464).

Основным направлением трудов К. была экзегетика, толкование отцов церкви, неразрывно связанное с проповеднической деятельностью. Так, его воскресные проповеди в Спасо-Ярославском монастыре («Слово на неделю всех святых...» и «Поучительные слова...» (оба произв. — 1785)) отмечены углубленным обращением к тексту Св. Писания. В свою очередь ранние собственно экзегетические труды К. («Послание св. апостола Павла к евреям с истолкованием...» и «Послание св. апостола Павла к римлянам...», оба — 1787) представляют собой воскресные проповеди. В построении проповедей (позднее они составили «Собрание поучительных слов, сказанных при Высочайшем дворе <...> и в других местах...», 1791 и «Продолжение поучительных слов...», 1794) К. следовал святоотческим образцам, которые с любовью переводил: «Беседы избранные <...> Иоанна Златоустого...» (1784. Ч. 1–2); «Блаженного Петра Хрисолога поучительные слова...» (1794. Ч. 1–2); «Св. Василия Селевкии Исаврийского поучительные слова...» (1802) и др. Осуществленное *Н. И. Новиковым* издание бесед Иоанна Златоуста было конфисковано в 1787 и по повелению *Екатерины II* сожжено 11 февраля 1793 (испр. по замечаниям Авраамия Флоринского 2-е изд. напечатано кириллицей в 1793).

Главным трудом К. является «Толкование по греческому и еврейскому тексту на 12 малых пророков Ветхого Завета» (СПб., 1804–1816. Ч. 1–7), основанное на последних достижениях европ. науки того времени. В ранних же экзегетических трудах К. следовал Р. Беллармино — «Толкование на Псалтирь, избранное из Беллярминова толкования» (1791. Ч. 1–3; в испр. изд. 1807 были введены древнеевр. текст, лат. парафразы, грамматический разбор и комментарии австр. пиетистов из венского издания 1757). К. также перевел с лат. два сочинения Беллармино: «О воздыхании голубицы, или О пользе слез...» и «О седми изречениях, от Христа на кресте провещанных...» (оба — 1795) — и с древнегреч. «Святого мученика Иустина философа Разговор с Трифоном Иудеанином о истине христианского закона, писанный к М. Помпею» (1797). К последнему апологетическому сочинению тематически примыкает составленный К. сборник «преложений с иностранного языка» «Торжество нашея веры над неверующими и вольномыслящими» и ряд др. сочинений и переводов. Как проповеди, так и переводы К. отличаются лаконичностью слога; лексика переводов зачастую отмечена буквализмами, а также иностранными заимствованиями, чем К. несколько отличался от стоявших на позициях языкового пуризма своих сочленов по Рос. Академии, куда он был избран в 1793 и где деятельно участвовал в составлении т. 5 и 6 «Словаря Академии Российской».

Лит.: Евгений. Словарь исторический. Т. 1 (1827); *Чередеев К.* Биографии тверских иерархов от начала существования архиерейской кафедры в г. Твери и доныне. Тверь, 1859; *Григорович Н.* Ириней,

архиеп. Псковский // Рус. арх. 1869. № 7–8; *Сухомлинов*. Рос. Академия. Вып. 2 (1875); *Строев П. М.* Списки иерархов и настоятелей Российской церкви. СПб., 1877; Геннади. Словарь. Т. 2 (1880); [*Рункевич С. Г.*]. Ириней // Рус. биогр. словарь. Т. «Ибак–Ключарев» (1897); *Первухин Г. П.* О тверских иерархах. Тверь, 1901.

М. П. Лепехин

КЛИМОВСКИЙ (Климов) Семен. Стихотворец первой четв. XVIII в., казак. В авг. 1724 поднес Петру I два обширных рукописных сочинения в силлабических стихах «О правосудии начальствующих, правде и бодрости их» и «О смирении высочайших» (подносной экз. — БАН, 17.4.9), выделяющихся на общем фоне панегирической поэзии петровского времени необычайной наставительностью по отношению к царю, который должен быть «смирения одеян порфирою», поскольку «существом телеси равен есть всякому человеку царь». *Н. И. Новиков* привел измененное назв. — «О правде и великодушии благодетелей» (Новиков. Опыт словаря (1772)).

На рубеже XVIII–XIX вв. К. было приписано авторство самой распространенной укр. песни в рус. песенном репертуаре — «Йихав козак за Дунай». Эта недостаточно основательная атрибуция создала К. в первой трети XIX в. репутацию поэта — «воспитанника природы» (Н. И. Греч). *Н. М. Карамзин* в «Пантеоне российских авторов» (1801) писал, что в стихотворениях К., «ученика природы, к сожалению не доученного искусством», «много хороших чувств и даже хороших стихов (без определенного течения стоп)». А. А. Шаховской написал о К. водевиль «Козак-стихотворец» (1812), Н. Ф. Грамматин посвятил ему стихотворение (Стихотворения. СПб., 1829. Ч. 1. С. 31). Приписываемая К. песня была включена в пьесу А. С. Шишкова «Маленький праздник, или Слабая дань благодарности русским воинам» (1813). Ее переводил на рус. язык А. Ф. Мерзляков, на нем. — В. К. Кюхельбекер (1813–1814), на англ. — Б. Берисфорд (1816).

Лит.: *Перетц В. Н.* Очерки старинной малорус. поэзии // Изв. по Отд-нию рус. яз. и словесности. 1903. Т. 8. № 1; *Срезневский В. И.* Климовский-Климов, «казак-стихотворец» и два его сочинения // Сб. Харьковского ист.-филол. о-ва. Харьков, 1905. Т. 16; *Алексеев М. П.* Рус.-англ. лит. связи (XVIII в.–первая пол. XIX в.). М., 1982; Українська література XVIII ст. Київ, 1983.

С. И. Николаев

КЛУШИН Александр Иванович [1763–11(23) V 1804, Ревель]. Принадлежал к семейству, выслужившему дворянство при Петре I (см.: *Троицкий С. М.* Рус. абсолютизм и дворянство XVIII в. М., 1974. С. 353). Отец К. (ум. 1774) служил подканцеляристом в г. Ливны; в 1791 К. с братом Николаем продали родовую деревню (РГИА, ф. 1343, оп. 23, № 4007, л. 157 об.); их мать в 1793 владела 10 крепостными. Вместе с братом К. учился в местном училище. В 1778 он определился к разбору дел в Орловскую провинц. канцелярию. Попав под следствие из-за пропажи судебных дел, был прощен наместником Н. В. Репниным и зачислен на службу в его канцелярию под начало Д. П. Трощинского. По свидетельству *А. Т. Болотова*, К. увлекся литературой и, пользуясь библиотекой Репнина, самоучкой овладел фр. и нем. языками. Позднее, посвящая Трощинскому комедию «Услужливый», К. писал: «Вы с самого моего младенчества были моим благотворителем. Создали из меня поэта, создали в тысячу раз более — честного человека». В 1780 К. поступил на военную службу, участвовал в походах в Польшу (1783–1784); затем был назначен адъютантом в Смоленский пехотный полк, из которого в 1786 уволился «за болезнью» в чине подпоручика. С мая 1788 жил в Петербурге, где служил «по письменным делам» в Комиссии о строении дорог.

Первые литературные опыты К. связаны с театром. 26 сент. 1787 в Москве на публичном театре в его

переводе была поставлена одноактная комедия Ж. Патра «Рассудительный дурак, или Англичанин» (опубл.: Собрание некоторых театральных сочинений. М., 1790. Т. 3; список — РНБ, ф. 550, оп. 1, № 7612). По словам К. (посвящение к комедии «Худо быть близоруким»), она имела успех («блистательный успех молодой двадцатилетней музы моей <. . .> „Рассудительный дурак“ имел лестную участь. Рукоплескания были мне наградой»). К. вошел в круг молодых драматургов и актеров (*А. И. Бухарский, И. А. Крылов, П. А. Плавильщиков, И. А. Дмитревский,* С. Н. Сандунов). В дек. 1792 К. вместе с Дмитревским и Плавильщиковым становится пайщиком типографии «И. Крылов с товарыщи», в устройстве которой им содействовал *И. Г. Рахманинов.* Искренние дружеские отношения устанавливаются между К. и Крыловым, с которым он вместе поселяется при типографии в доме *И. И. Бецкого.* В «Послании к другу моему А. И. К<лушину>» (1793) Крылов писал: «Не год, как мы друзья с тобою, Как ты, мой друг, передо мною Малейшей мысли не скрывал И сам в душе моей читал». Л. А. Крылов спустя много лет (1816) в письме к брату говорил о К. как о домашнем человеке: «Вспоминаю твою пословицу: *бывает хуже, бывает и лучше,* а также старого твоего друга Александра Ивановича Клушина: *все пройдет*» (назв. стихотворения К.). Известно четверостишие Крылова на томике басен Лафонтена, подаренном К. («Залогом дружества прими Фонтена ты. . .»), с его записью: «Подарено любезным другом Иваном Андреевичем Крыловым 29 дня 1792-го в бытность в типографии; по причине нашей разлуки, на время; а может быть — судьбе одной известно». Этот эпизод относится к трудному периоду их совместной деятельности, о котором Крылов вспоминал: «Я скорбел и не раз плакал как дитя. Журналу не повезло; полиция и еще одно обстоятельство. . .» В мае 1792 по распоряжению П. А. Зубова полиция обыскала их типографию, надеясь найти там «вредные сочинения». Обыску подверглась комната К. У него, в частности, потребовали объяснения по поводу рукописи «Сатирические, философические и аллегорические сны» (к тому времени уже уничтоженной автором), в которой среди прочего находилась поэма «Горлицы». По словам К., в ней под видом сорок были изображены взяточники-судьи, а под видом горлиц — суеверие народное; с др. стороны, эта аллегория царства пернатых содержала и «сатирические примечания на некоторые сочинения» (из донесения петербургского губернатора П. П. Коновницына П. А. Зубову 12 марта 1792). В рукописи К. успел прочесть поэму Дмитревскому, Плавильщикову и С. Н. Сандунову.

В 1792 К., Крылов и Плавильщиков начали издавать журнал «Зритель». В нем К. выступил с серией сатирических «Портретов» и «Прогулок» в прозе, со стихотворными «сказками» и стихотворениями в духе легкой поэзии. В литературно-полемических статьях К. содержались нападки на *Я. Б. Княжнина* («мнимый Детуш»), П. Ю. Львова («Миниатюркин») и др. современников (адресаты намечены весьма туманно). К. был единодушен с Крыловым в осмеянии модного воспитания, мотовства дворян, в осуждении их дурного обращения с крепостными.

В 1793 Крылов и К. организовали журнал «СПб. Меркурий», фактическим редактором которого стал К. Ему принадлежат примечания к публикуемым стихотворениям и раздел критики. Кроме стихотворений («Послание к другу моему И. А. К<рылову>», ода «Человек» и др.) и постоянного раздела «Российские анекдоты» К. напечатал в журнале повесть «Несчастный М-в» (отд. изд. вышло под назв.: Вертеровы чувствования, или Несчастный М., оригинальный анекдот. СПб., 1802; под загл. «Несчастный Ма-в» повесть перепечатана в «Журнале для милых» (1804) Д. О. Барановым как перевод Е. П. Люценко, видимо, в качестве шутки над издателями). Современники склонны были искать прототип героя повести. В «Росписи российским книгам» библиотеки А. Ф.

Смирдина В. А. Плавильщиков сопроводил отдельное издание примечанием: «Содержание ее <повести> взято, по-видимому, из истинного происшествия. В третьей части „Меркурия“ помещено стихотворение под буквами: „Г. П. М. А.“. И при том объяснено, что автор известен публике своей несчастною смертью»; стихотворение Н. И. Гнедича на ту же тему — «Стон при гробе М-а», вошло в его сб. «Плоды уединения» (М., 1802).

Несмотря на элементы сентиментального стиля в собственных сочинениях, К. как критик выступил защитником принципов поздненеклассической эстетики. В журнале появились «Рассуждения об оде» Ж.-Д. Д'Аламбера, «Рассуждение об английской трагедии» Вольтера, содержавшее отрицательную оценку театра Шекспира, резкие высказывания о драматургии Лессинга, Шиллера, А. Коцебу. Одновременно К. поместил в журнале перевод восторженной статьи «О Ричардсоне» и уничтожающий отзыв о поэме *И. И. Завалишина* «Героида». К. принадлежит и рецензия на трагедию Княжнина «Вадим Новгородский» (№ 8), напечатанная незадолго до конфискации этой пьесы. Наряду со сценическими и литературными недостатками К. подверг критике также основной конфликт трагедии. Умысел «бездумного республиканца» Вадима против «кроткого, милосердова и благоразумного государя» Рюрика он оценил как стремление повергнуть новгородцев «в мучительные цепи рабства, что чаще всего делается в республиках».

Современники считали К. главным лицом в журналах Крылова. Поэтому неприязненные отзывы о позиции журналов *Н. М. Карамзина* и писателей его круга — *М. М. Хераскова, Ю. А. Нелединского-Мелецкого* — в основном имели в виду К. *И. И. Дмитриев* откликнулся на оду «Человек» эпиграммой («О, Клюквин! Не глуши своим нас лирным звоном. . .»). В то же время К. поддерживали *Н. П. Николев* и *Д. П. Горчаков*, давая в журнал свои произведения и пропагандируя его в Москве. Как писал Карамзин Дмитриеву 2 июня 1793, «Николев до небес превозносит Меркурия, удивляется знаниям и чувствам Клушина (с которым он недавно познакомился) и говорит, что приключение несчастного М-ва гораздо лучше Вертера. Поверишь ли, что Горчаков с ним согласен».

По-видимому, в связи с переходом типографии в руки П. А. Плавильщикова «СПб. Меркурий» с июля 1793 стал печататься при Академии наук. Среди пьес, которые издатели передали с разрешения *Е. Р. Дашковой* в Академию наук в счет оплаты типографских расходов (для сборников «Российский феатр»), были пьесы К. «Смех и горе» (список под загл. «Смех и слезы» — РНБ, ф. 550, оп. 1, № 7137), «Алхимист» (список — РНБ, ф. 550, оп. 1, № 7129) и «Опасная шутка» (в соавторстве с Дмитревским и Крыловым).

Последние два номера журнала редактировал и печатал *И. И. Мартынов*, т. к. в окт. 1793 К. получил разрешение императрицы «продолжить учение» в Геттингенском университете, с сохранением жалованья (1500 руб. за 5 лет вперед). К. уехал из Петербурга, предварительно напечатав отдельным изданием «Благодарность Екатерине Великой за всемилостивейшее увольнение меня в чужие края с жалованьем» (1793; то же: СПб. Меркурий. 1793. № 11). Перед отъездом К., видимо, заезжал к родным (в Курске в 1793 им было напечатано «Стихотворение <. . .> А. А. Беклешеву. Портрет моей любезной сестры. Подражание Анакреону» (изд. не обнаруж.)). К. доехал только до Ревеля, где пробыл до сер. 1797. После указов Павла I о возвращении из отпусков всех находящихся в службе, в июне 1797 К. отправил на высочайшее имя лукавое оправдательное прошение, объясняя, что задержался в Ревеле для изучения языков; в 1796 его отъезду в Германию помешало наступление французов. Теперь он просил разрешения уехать в «чужие края» на два года; в противном случае разрешить вернуться в Петербург для поступления в статскую службу (РГИА, ф. 468, оп. 43, № 474, л. 78 об.).

Во второй пол. 1797 К. уехал из Ревеля и некоторое время жил

у брата в Орле. Это не позволяет приписать ему «сочиненные в Орле» и напечатанные в Москве в 1796 оды на рождение вел. князя Николая Павловича и на пожалование в генерал-майоры правителя Орловского наместничества А. П. Квашнина-Самарина, а также «Ответ к сочинителю „Гласа невинности“» («соч. Клушина, живущего в Орле»), написанный в защиту и поддержку *П. С. Потемкина* (ум. в апр. 1796), который находился под судом за злоупотребления. Возможно, они принадлежат брату К., служившему в Орле (РГИА, ф. 1349, оп. 3, № 1038, сп. № 39).

В июле 1799 К. определился цензором рус. пьес при театральной дирекции (РГИА, ф. 1374, оп. 7, № 308; ф. 497, оп. 1 (1801 г.), № 45; ф. 1329, оп. 1, № 221, л. 236). В это время он пишет «Стихи на кончину Л. А. Нарышкина. Декабря 10 дня 1799» (1799; подп. — «К».); в дальнейшем пользуется покровительством его сына А. Л. Нарышкина, занявшего пост директора императорских театров. С мая 1800 ему было также поручено исполнять должность инспектора (режиссера) рус. труппы. Из-за льстивой оды И. П. Кутайсову («Ода на пожалование ордена св. апостола Андрея графу И. П. Кутайсову. СПб., 1800) К. расходится с Крыловым. «Я сделал ему некоторые замечания насчет цели, с какою эта ода была написана, — вспоминал Крылов, — и советовал ее не печатать из уважения к самому себе. Он обиделся и не мог простить моих замечаний». Какую-то роль в охлаждении отношений могла сыграть и единоличная самовольная переработка, а затем и издание К. пьесы Крылова «Американцы» в 1800 (пост. 8 февр. 1800). Весьма сомнительные комплименты по адресу автора содержались в предисловии к изданию, где К. писал о первоначальной рукописи Крылова, «основании оперы»: «Молодость, живость воображения и некоторая небрежность в слоге и в характерах были повсюду приметны <. . .>. Я хотел поправить „Американцев“, и вылилось, что, кроме стихов, в ней не осталось ни строки, принадлежащей г. Крылову».

Ок. 1802 К. женился. Л. А. Крылов, получивший об этом известие от брата, писал: «Что вздумалось Клушину твоему жениться, да еще с таким богатым приданым, и, верно, на актрисе. Я бы никогда от него этого не ожидал» (янв. 1802). По преданию, К. был женат на некоей баронессе М. Л. Розен.

В февр. 1802 К. был произведен в надв. советники (РГАДА, ф. 1239, оп. 3, № 56407, 56422). В янв. 1803 А. Л. Нарышкин обратился к Д. П. Трощинскому с просьбой при отставке К. (называя его «помощником своим») назначить ему пенсию в половину оклада (1500 руб.) за его 30-летнюю службу, которая привела к неизлечимой «нервической болезни». Нарышкин отмечал, что в качестве цензора рос. труппы К. переделал бо́льшую часть представленных пьес, «обогатил» труппу новыми, доставил своими сочинениями и переводами более 12 000 руб. и удвоил сборы (до 60 000—70 000 руб.), составил штат театральной дирекции (РГАДА, ф. 1239, оп. 1, № 56422). Скончался К. в Ревеле, куда ездил для лечения.

Уже после смерти К. в июле 1807 в московскую цензуру поступила рукопись его сочинения «Письма в проезд к Ревелю» (РГИА, ф. 733, оп. 95, № 182; изд. неизв.).

К. был весьма плодовитым и часто ставившимся драматургом. Особый успех имели его пятиактная комедия в стихах «Смех и горе» (Рос. феатр. 1793. Ч. 40; пост. 20 янв. 1793 на Придворном театре) и одноактная комедия «Алхимист» (др. назв.: «Алхимист, или Один за семерых», пост. 13 июля 1793). Крылов приветствовал премьеры этих комедий рецензиями в «СПб. Меркурии» (1793. Ч. 1, 2), отмечая естественность и остроумие интриги, легкость стиля, а также принадлежность автора к новейшей школе фр. комедиографии.

«Смех и горе» — по форме любовная комедия с усложненной (по сравнению с традиционной) интригой; по содержанию это сатира на светские нравы (переходящая в нападки на нравы придворные) и общественные установления, при которых оказываются

в пренебрежении достоинства благородных и умных людей, если они бедны и не пресмыкаются перед знатными. Такое устройство мира оценивается в пьесе «философами» Хохоталкиным и Плаксиным одновременно и как смешное, и как грустное. Живость пьесе придают упоминания о злободневных событиях прошедших тур. и швед. войн, литературные намеки (в частности, защита «Почты духов» Крылова от критики) и пр. сиюминутные реалии.

В «Алхимисте» К. использовал мотив из антимасонской комедии *Екатерины II* «Обманщик». Также разоблачая глупое увлечение алхимией, К. делает это в эффектной форме трансформной комедии. Здравосмыслов, друг «алхимиста» (роль писалась для Сандунова), в течение пьесы шесть раз переодевается, изображая посетителей главного героя, отговаривающих его от разорительного увлечения. В одном из «превращений» актер изображал, например, талантливого неудачника, гравера Г. И. Скородумова (под именем Сгорепьянова). Диалоги, которые ведут герои, достаточно остры. Оригинальная форма, предложенная К., вызвала подражания (см. комедию А. Рослякова «Сочинитель. Подражание „Алхимисту"» — РНБ, QБ, XIV. 59).

В эти же годы К. написал комическую оперу «Любовь хитрей всего», музыку к которой сочинил Е. К. Фомин; в 1798 ее представлял в московскую цензуру Сандунов (как текст, так и издание неизв.). П. Н. Берков считал пьесу ранним вариантом комической оперы К.–Крылова «Американцы» (1788).

Пьесы, созданные К. после поступления в театральную дирекцию, лишены былой остроты и живости; все они написаны прозой. Комедия «Услужливый» (1801; пост. 28 окт. 1800) представляет собой переделку пьесы «L'Officcieux» А.-Н. де Ласаля д'Офремона. В основе одноактной комедии «Худо быть близоруким» (1800; пост. 8 янв. 1800; посв. А. Л. Нарышкину), типичной литературной пьесы, — любовная интрига с примесью анекдота (ср. стих. сказку К. «Несчастье от лорнета»). На сцене также шла переделанная К. драма Л.-Ш. Кенье «Суд царя Соломона» с хорами на музыку А. Н. Титова и с балетными номерами И. И. Вальберха (пост. 21 мая 1801; список — РНБ, ф. 550, оп. 1, № 7148).Пьесы К. устойчиво держались в репертуаре нач. XIX в.

Многих К. раздражал не только своими критическими статьями, но и независимостью поведения. А. Т. Болотов в своей хронике называет его «величайшим безбожником, атеистом и ругателем христианского закона»; по провинциальным понятиям Болотова, К. с вышестоящими вел себя вызывающе: «У наместника Беклешова был он в уважении; предлагал ему место асессорское (он — поручиком) в палате, но он смеялся и не хотел променять вольность и быть связанным». С. П. Жихарев, увлеченный театрал, в 1807 записал по свежему преданию, что К. был и «остер и умен». Он был завсегдатаем театральных кулис и наперсником в закулисных интригах. Карамзин в письме к Дмитриеву из Москвы 14 июня 1792 возмущался, что Крылов и К. в своем журнале разят «петербургских актеров нижнего разбору и ветреных жриц»; в этой переписке К. пренебрежительно именуется Клюшкиным, Кулушкиным, Коклюшкиным и Кукушкиным. *А. В. Храповицкий* в стихотворном послании к *В. В. Капнисту* (24–26 мая 1793) призывал адресата написать новую сатиру: «Парнасских раков ты мне выведи на сушу, И по миру пусти и Крылкина и Клушу» (птичьи имена друзей).

Осенью 1790, когда театральная дирекция (директорами были Храповицкий и П. А. Соймонов) уволила Сандунова, К. принял участие в организации его бенефиса на театре Книппера-Дмитревского, где 10 янв. 1791 была поставлена пьеса К. «Смех и горе». К. написал к ней специальный завершающий монолог в стихах, именуемый в списках «Прощание актера с публикой» (опубл.: Москвитянин. 1842. Т. 1. № 1. С. 177–178); наряду с рассказом о несправедливостях дирекции в нем содержались намеки

на преследование невесты Сандунова, Е. С. Урановой, со стороны А. А. Безбородко. Благодаря этой «рацее» (по словам Екатерины II, затребовавшей к себе монолог) и скандально поданному позднее Урановой императрице прямо со сцены прошению, Сандунов и Уранова в результате получили возможность обвенчаться, а затем перевестись на московскую сцену.

Среди современников свои претензии к К. предъявляли и драматурги. Под именем сочинителя Крылушина К. выведен в комедии Н. Н. Сандунова (брата актера) «Муж с женою» (до 1802 не публ. и не ставилась), где описан домашний театр помещика Такальщикова, для которого Крылушин сочиняет пьесу «Несправедливая Роза, или Больно и хорошо, смешно и горько» (явная пародия на назв. «Смех и горе»). В ней Крылушин «не щадил ни родни, ни знакомых, ни больших особ». Умный и проницательный, он, однако, отличается преувеличенным самомнением, уверяя, что превзошел Детуша, Реньяра и Мольера. Участник закулисных интриг и переносчик любовных писем, он, чтобы комедия попала на сцену, готов на все, даже посвятил ее старой Гарпоне (Проблемы изучения рус. лит. XVIII в. Л., 1980. Сб. 4. С. 132). *Н. Ф. Эмин* в комедии «Смешное с полезным, или День рождения стихотворца» (1796; пост. 26 февр. 1796) также выступил против автора комедии «Смех и горе», изобразив его под именем Маскина, который пишет «веселенький вздор с пыльцой» — пьесы со странными развязками. Он сочиняет как «характерные пьесы», так и «пьесы интриги», добивается их постановки по протекции, а успех им создают его приятели, у которых «силы и голоса довольно».

Сын К., Владислав, в 1830 служил полицеймейстером в Пензе (РГИА, ф. 1343, оп. 23, № 4007, л. 171).

Лит.: *Рождественский Н. В.* Крылов и его товарищи по типогр. и журн. в 1792 г. // Сб. Гл. арх. М-ва иностр. дел. М., 1889. Вып. 6; *Модзалевский Б. Л.* Клушин А. И. // Рус. биогр. словарь. Т. «Ибак–Ключарев» (1897); Семенников. Мат-лы для словаря (1914); Берков. Журналистика (1952); *Арзуманова М. А.* Письмо Клушина к Николеву // XVIII век. М.; Л., 1958. Сб. 3; [*Берков П. Н.*] «Прошение литератора Клушина» // Там же; *Полонская И. М.* К биографии Крылова: (Библиогр. и арх. разыскания) // Тр. Гос. б-ки им. В. И. Ленина. 1958. Т. 2; Берков. История комедии (1977); И. А. Крылов в воспоминаниях современников. М., 1982.

В. П. Степанов

КЛЮЧАРЕВ Федор Петрович [1755–1 (13) VII 1822]. Родился в дворянской семье. С 1766 значился на службе в конторе Берг-коллегии в Москве в должности копииста; в 1767 произведен в подканцеляристы, а в 1776 — в канцеляристы и в том же году переведен в Могилевскую губ. К. пользовался расположением белорус. генерал-губернатора З. Г. Чернышева, сделавшего его секретарем своей канцелярии (с 1780 — титул. советник). В период пребывания в Могилеве К., по свидетельству *Г. И. Добрынина*, проявлял интерес к театральному искусству и, очевидно, принимал участие в любительских спектаклях. В 1782 он получил место прокурора в Моск. губ. магистрате. По-видимому, в Москву К. приехал несколько ранее. Здесь сблизился с *Н. И. Новиковым* и стал членом Собрания унив. питомцев, организованного в марте 1781. При основании Дружеского учен. о-ва (1781) К. стал одним из его участников. 28 нояб. 1782 был произведен в студенты Моск. ун-та, в числе тех, кто находился «на своем иждивении» (см.: Моск. вед. 1782. 3 дек. № 97. Приб.). С 14 мая 1782 — член Вольного Рос. собрания при Моск. ун-те. К. принял активное участие в масонской деятельности, был членом ложи «Озириса»; в 1781 или 1782 стал мастером стула в московской ложе «Святого Моисея», которую позже возглавил; в 1782 был выбран одним из пяти членов директории рус. масонской провинции Строгого наблюдения, возглавлявшейся Новиковым. Имел масонское имя «рыцарь Феодор ab oliva tenera». В дек. 1783 К. был переведен в

Вятский верхн. зем. суд, где служил прокурором. В апр. 1784 вышел в отставку и снова поселился в Москве. Здесь К. пользовался «покровительством и снабдением» графини А. Р. Чернышевой, вдовы З. Г. Чернышева. 7 янв. 1785 К. возобновил службу — теперь в качестве секретаря вице-президента Адмиралтейств-Коллегии И. Г. Чернышева. Зиму 1785 у К. «квартировал» в Москве Г. И. Добрынин, неоднократно посещавший К. также во время своего пребывания в Москве в июне 1787. В это время К. не порывал связей с Новиковым и др. московскими масонами; в 1785 через посредство К. Г. М. Походяшин познакомился в Москве с Новиковым. По предположению Е. И. Тарасова, К. присутствовал на «Тихвинских праздниках», устроенных в июне 1788 в подмосковном имении Новикова Авдотьино и выступал там со стихами. В письмах *А. А. Петрова* к *Н. М. Карамзину* (кон. 1780-х гг.) содержатся иронические отзывы о К. и «философах» из его «стада».

Преследования масонов не затронули К., по собственному желанию вышедшего в отставку в мае 1792 в чине надв. советника. Со 2 янв. 1795 он служил в Моск. почтамте; 15 июня 1795 был назначен астраханским почт-директором (с апр. 1797 — кол. советник). И. Маклаков в письме к *Г. Р. Державину* (20 окт. 1797) с большим уважением отзывался о «прямо благороднейших свойствах» К. — «прямодушии и твердости духа, несмотря ни на какие политические виды», отмечал, что К. был и для П. Ю. Львова «в его самую невзгоду великим против зол защитником», писал об интересе К. к поэзии Державина: «Чтит ваши дарования нелицемерно и оду *Бог* называет неподражаемою». 16 апр. 1799 К. был произведен в ст. советники и направлен почт-директором в Тамбов; 7 июля 1800 награжден командорским мальтийским крестом. С 26 марта 1801 до 10 авг. 1812 К. занимал пост московского почт-директора (с 1802 — д. ст. советник, неоднократно награждался орденами). В эти годы К. продолжал поддерживать дружеские отношения с Новиковым, который сохранял к нему доверие и привязанность. Освобожденный из Шлиссельбургской крепости в нояб. 1796 Новиков отправился в принадлежащее К. с. Валовое Бронницкого у., а затем уже в свое имение Авдотьино, откуда ездил иногда в гости к К., с которым вел переписку. 21 янв. 1809 Новиков писал К.: «. . .Вы остались мне один, к которому я осмеливаюсь в бедах моих и горестях прибегать и просить помощи». Позднее Новиков благодарил К. за его «благодеяния» (письмо от 23 марта 1811). К. общался с Н. М. Карамзиным, а также сохранил связи с масонами старшего поколения, например с *И. В. Лопухиным*, О. А. Поздеевым, *А. Ф. Лабзиным* и др. В 1809 К. был членом масонской ложи «К мертвой голове». Все это (в т. ч. и близкое знакомство с М. М. Сперанским) вызвало недоброжелательство московского генерал-губернатора Ф. В. Ростопчина, подозревавшего существование масонского «заговора». Дело М. Н. Верещагина, в котором оказались замешаны К. и его сын Михаил, послужило удобным для Ростопчина поводом к обвинению К. 30 июня 1812 Ростопчин писал: «Может ли при теперешних обстоятельствах Ключарев занимать место почт-директора в Москве?» (Щукинский сб. М., 1904. Ч. 8. С. 51). 6 авг. Ростопчин доносил Александру I о подозрительных ночных собраниях в доме К., на которых присутствовал в частности, университетский профессор *Х. А. Чеботарев*, и обвинил К. в сношениях с врагами и в намерениях, опасных для жизни императора. 10 авг. 1812 Ростопчин сообщал о том, что К. смещен им со своего поста и выслан в Воронеж. Самовольный поступок Ростопчина вызвал удивление министра внутренних дел *О. П. Козодавлева*, и решено было вернуться к рассмотрению дела. Бумаги, находившиеся в кабинете К., были конфискованы. С ними хотел познакомиться император, но Ростопчин заявил, что они сгорели во время московского пожара. Между тем тщательно сохраненная Д. П. Руничем «сума» с бумагами в дек.

1812 была представлена Александру I, и обнаружилось, что обвинения против К. были неосновательны. 24 февр. 1814 император распорядился о выдаче К. жалованья почт-директора «с самого того времени, с коего выдача <. . .> пресеклась» (ИРЛИ, ф. 263, оп. 3, № 29). По высочайшему указу 28 июня 1816, в вознаграждение за «потерпенное» К. получил чин т. советника и был произведен в сенаторы (формуляр 1816 г. — ИРЛИ, ф. 320, № 945). В своих позднейших записках Ростопчин пытался всячески очернить К., утверждая даже, что он якобы был «исключен из службы за воровство».

За время своей высылки К. потерпел серьезные материальные убытки. Он писал О. А. Поздееву, что «разорен до рубашки: сожжены два двора в Москве, имущество <. . .> все осталось во власти врагов его, а через несколько ден при входе французов все разграблено и пропало» (Рус. арх. 1872. № 10. Стб. 1859). Несмотря на восстановление в правах и денежные вознаграждения, старость К. была полна забот и горестей. 27 июля 1820 С. Х. Мудрова писала М. Я. Мудрову об «ужасном положении» К.: он «потерял двух дочерей замужних и трех сыновей женатых, и от каждого и от каждой остались сироты. Теперь остается у него один только сын, и тот самый худший, который во всю жизнь делал ему печали и огорчения» (ИРЛИ, картотека Б. Л. Модзалевского). По свидетельству А. Я. Булгакова, после смерти К. осталось 600 000 руб. долгу (Рус. арх. 1901. № 1. С. 435).

Литературной деятельностью К. занимался гл. о. в период его творческих контактов с Новиковым. В 1779 Новиков издал трагедию К. «Владимир Великий» (посв. А. Р. Чернышевой; перепеч. без посв. в изд.: Рос. феатр. 1787. Ч. 6). Здесь К. разработал тему просвещенного монарха. Впосл. С. Н. Глинка вспоминал, как его семилетний брат «с жаром и с размашкою детских рук» читал наизусть отрывки из «Владимира». 21 апр. 1782 в Петровском театре в Москве была исполнена сочиненная К. «Песнь торжественная в радостный день рождения великия Екатерины. . .» (1782). В 1782 К. принял участие в журнале «Веч. заря», напечатав здесь переводную «Песнь всемогущему» (Ч. 2. Май; перепеч. с исправл.: Ч. 3. Сент.). В примечании объяснялось, что текст стихотворения вначале дошел к издателям «чрез посторонние руки, а не той самой особы, которой имя подписано под оным». Здесь же говорилось о «ревностнейшем старании и опытности» переводившего. При торжественном открытии Дружеского учен. о-ва 6 нояб. 1782 была прочитана «Ода» в честь общества, написанная К. в окт. (опубл.: Рус. арх. 1863. № 3). К. считают также автором речей, произносившихся в масонской ложе «Святого Моисея». Одна из этих речей, «Рассуждение о повиновении», появилась в журнале «Магазин свободнокаменщический» (1784. Т. 1, ч. 2). В письме к И.-К. Лафатеру от 20 апр. 1787 Карамзин писал: «В господине Ключареве мы имеем теперь поэта-философа» (Переписка Карамзина с Лафатером. СПб., 1893. С. 20–21). В «Моск. журн.» Карамзина К. поместил переведенное с пол. сочинение А. С. Нарушевича «Праздник старца» (1791. Ч. 3. Сент.). В 1793 в Калуге было напечатано небольшое моралистическое сочинение К. «Испытание честности», в котором проповедовалась «любовь к правде и добродетели, происходящая от чувств привязанности и почтения ко святости оных». В журнале «Приятное и полезное» К. опубликовал восемь басен, имевших в основном отвлеченно-нравоучительный характер (1795. Ч. 7; подп. — «Ф. К.»). Отдельные стихи К. печатались в 1801 в журнале «Иппокрена» и в 1802 в журнале «Новости рус. лит.». Наиболее интересны стихотворения «Осень» и «Зима», в которых предпринята попытка придать пейзажной лирике философский характер. Стихотворение К. «Воплощение Мессии» было опубликовано в составленной *М. М. Вышеславцевым* книге «Приношение религии» (М., 1801. Кн. 2). Тема дружбы нашла отражение у К. в его стихотворном «Письме <. . .> С. И. Гамалее» (см.: *Арсеньев В. С.* Из семейного архива. Орел,

1912). В целом К. как поэт тяготел к высоким жанрам: трагедия, духовная и философская ода, близкая по характеру одам *М. М. Хераскова*. В 1804 К. выступил как издатель рукописи сборника Кирши Данилова «Древние русские стихотворения» со стихотворным посвящением главному директору почт Д. П. Трощинскому и обращением «К публике», в котором сообщал, что эту рукопись ему доставил «нечаянный случай». «Желая принести общее удовольствие, — писал К., — я издаю теперь сии стихотворения, с надеждою услужить тем русской литературе, любителям древностей и вообще читателям всякого состояния». Приобретя рукопись в 1802 или 1803, К. советовался с Карамзиным по поводу ее издания. Непосредственную работу по подготовке рукописи к печати К. поручил служащему московского почтамта А. Ф. Якубовичу. 1-е издание сборника Кирши Данилова явилось значительным событием рус. культуры. Внимание на эту книгу обратил Г. Р. Державин, упомянув сборник в «Рассуждении о лирической поэзии. . .» (1815). Некоторые произведения Державина (напр. «Добрыня») были созданы под влиянием этого сборника. *Евгений Болховитинов* писал Державину 31 июля 1815: «Стихотворения Ключарева почитаю я драгоценными для нас, хотя и испорченными остатками нашей древности».

Из переписки К. сохранились отдельные письма к *Я. И.* и А. Я. и *К. Я. Булгаковым,* Д. И. Лобанову-Ростовскому, письма к нему С. И. Гамалеи, Н. И. Новикова, Д. П. Рунича и др. (РГБ, ИРЛИ, РНБ).

Лит.: *Полуденский М. П.* Мат-лы для истории «Дружеского учен. о-ва», 1782 г. // Рус. арх. 1863. № 3; Лонгинов. Новиков и мартинисты (1867); Державин. Соч. (1864–1883). Т. 6–8 (1871–1880); *Добрынин Г. И.* Зап. СПб., 1872; *Попов А. Н.* Москва в 1812 году // Рус. арх. 1875. № 8; *Растопчин Ф. В.* Зап. // Рус. старина. 1889. № 12; *Глинка С. Н.* Зап. СПб., 1895; [Без подписи]. Ключарев Ф. П. // Рус. биогр. словарь. Т. «Ибак–Ключарев» (1897; с использованием формулярного списка); *Щукин П. И.* Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года. М., 1899–1904. Сб. 4, 7, 8; *Рунич Д. П.* Зап. // Рус. старина. 1901. № 3–4; *Тарасов Е. И.* Новые данные к истории Новиковского кружка // Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности. 1908. Т. 13, кн. 2; Bakounine. Le répertoire (1940); *Азадовский М. К.* История рус. фольклористики. М., 1958; Поэты XVIII века. Л., 1972. Т. 2; *Путилов Б. Н.* «Сборник Кирши Данилова» и его место в рус. фольклористике // Древние рос. стихотворения, собранные Киршею Даниловым, М., 1977; *Стенник Ю. В.* Жанр трагедии в рус. лит. Л., 1981; Письма А. А. Петрова к Карамзину. 1785–1792 // Карамзин Н. М. Письма рус. путешественника. Л., 1984; Письма Н. И. Новикова. СПб., 1994; *Аржанухин С. В.* Филос. взгляды рус. масонства по мат-лам журн. «Магазин свободнокаменщический». Екатеринбург, 1995.

Н. Д. Кочеткова

КНЯЖНИН Яков Борисович [3(14) X 1740, Псков — 14(25) I 1791, Петербург; похоронен на Смоленском кладбище; в 1950-е гг. надгробный камень перенесен на Лазаревское кладбище Александро-Невской лавры]. Сын Б. И. Княжнина, товарища псковского воеводы (1746), прокурора в Канцелярии строений (1757), затем советника в Гл. межевой канцелярии (в ранге прокурора), советника в банковской конторе для дворянства, наконец, «губернаторского товарища» в Новгородской губ. канцелярии (РГАДА, ф. 286, № 479, л. 1080 об.–1081, 1375; № 512, л. 534 об.).

С 18 июня 1750 К. «обучался на коште отца» в Акад. гимназии, где в совершенстве овладел, в частности, фр. и нем. языками. 22 авг. 1755 по представлению Акад. канцелярии он был произведен Сенатом «коллегии юнкером» в Юстиц-коллегию лифляндских и эстляндских дел. Изучив ит. язык, К. в 1757 определился переводчиком в Канцелярию от строений, где «по многим происходимым <. . .> текущим делам переводы переводил на немецком, французском и италиян-

ском языках». Кроме того, «для обучения Канцелярии от строений архитектурных учеников» К. перевел с нем. первый том труда по гражданской архитектуре (перевод одобрил «обер-архитектор граф де Растрелий»). В янв. 1761 К. обратился к императрице Елизавете Петровне с челобитной о производстве в чин. Возглавлявший Канцелярию от строений В. В. Фермор 27 апр. приказал наградить К. чином кол. секретаря в ранге капитан-поручика с жалованьем 300 руб. в год (вместо 500, положенных по штату) и дозволил ему, если бы К. «сим доволен не был и в переводческой должности остаться не пожелал, своего благополучия в другом месте искать» (РГИА, ф. 470, оп. 87/521, № 64). Указ Сената о производстве последовал 28 авг. 1761.

Воспользовавшись дозволением, в 1762 К. перешел на военную службу, в «немецкие секретари», в штат генерал-фельдмаршала К. Г. Разумовского, а в июне 1764 был произведен в чин капитана и назначен на должность «при дежурных генерал-адьютантах за секретаря», в которой состоял до кон. 1772.

Литературная деятельность К. началась в годы его учения, когда им был написан первый поэтический опыт — «Ода к Икару» (не найдена). По свидетельству *Н. И. Новикова,* до 1771 К. «много писал весьма изрядных стихотворений, од, элегий и тому подобного; перевел в стихи письмо графа Коминга к его матери» (Новиков. Опыт словаря (1772)). Из этих ранних поэтических сочинений К. достоверно не атрибутировано почти ничего. По совокупности данных ему следует приписать перевод из А. Попа «Ироида. Элоиза к Абеляру» (опубл.: Сто новых новостей сочинения г-жи Гомец. 1765. Т. 1. С. 175–196; при перепечатке в изданиях: Ироида I. Элоиза ко Абеларду. — Ироида II. Армида к Ринольду. Б. м. и г.; Модное ежемес. изд. 1779. Ч. 1. Февр. — было указано: «Сей перевод был учинен еще в 1755 годе и, без позволения трудящегося в оном, между сказками весьма неисправно напечатан <. . .> он плодами молодости почитаться должен. . .»). Утверждение о принадлежности этого перевода *Д. М. Соколову* (см.: *Озеров В. А.* Трагедии. Стихотворения. Л., 1960. С. 426) ошибочно.

В кон. 1750-х гг. К. познакомился с *А. П. Сумароковым.* Повидимому, через него К. получил доступ в журналы *М. М. Хераскова.* В «Полезном увеселении» 1760 (Ч. 1) была опубликована сочиненная по мотивам «Освобожденного Иерусалима» Тассо героида «Армида» (в дальнейших перепечатках «Ироида. Армида к Ринольду»). Приписывалась Хераскову, что опровергается указанием Новикова об авторстве Хераскова лишь в отношении «одной героиды» «Ариадна к Тезею» (Новиков. Опыт словаря (1772)).

В 1763 была поставлена с музыкой Торелли мелодрама К. «Орфей и Эвридика» с И. А. Дмитревским и Т. М. Троепольской в главных ролях (под загл. «Орфей» опубл.: Акад. изв. 1781. Ч. 7). Сама идея драматической декламации на фоне соответствующей содержанию инструментальной музыки была впервые высказана Ж.-Ж. Руссо, но К. реализовал на рус. сцене эту идею на 7 лет раньше, чем ее автор во Франции. В 1791–1792 музыку к «Орфею» написал Е. И. Фомин, и мелодрама была поставлена вновь (предположительно в 1793 в Петербурге, 5 февр. 1795 в Москве). Сама идея возобновления мелодрамы возникла, скорее всего, в львовском кружке после гибели К. В кон. XVIII—нач. XIX в. кто-то приделал к трагической мелодраме К. «счастливый конец». В 1903 мелодраму поставило Моск. о-во ис-ва и лит. (экз. «Орфея» с ценз. разр. от 17 янв. 1903). Неоднократно ставилась начиная с 1947.

Весной или летом 1765 К. написал шуточную «эпическую поэму» «Бой стихотворцев» (при жизни не опубл.), ставшую первой литературно-полемической поэмой в рус. словесности. Она написана в защиту *М. В. Ломоносова* и Сумарокова (хотя содержит отдельные критические замечания по их адресу) и направлена против елагинского кружка, в первую очередь против *И. П. Елагина* и *В. И. Лукина,* а также против *В. К. Тредиаковского.* В связи с Лукиным и Тре-

диаковским едко высмеивается литературный сервилизм. Ответом на «Бой стихотворцев» было «Дружеское увещание Княжнину» *Д. И. Фонвизина*.

Первая трагедия К. «Дидона» создана, по одним сведениям, в 1767, по другим — в 1769. Письмо *М. Н. Муравьева* к родным от 8 февр. 1778 о представлении трагедии на домашнем театре у П. В. Бакунина («В восемь лет, как он сочинил „Дидону“, видел он первое ее представление. . .» (Письма рус. писателей (1980). С. 348)) свидетельствует в пользу 1769. В трагедии К. выступает как пропагандист идеи «просвещенной монархии», но вместе с тем «Дидона» имеет ясно выраженный тираноборческий характер. По сравнению с драматургией Сумарокова трагедию К. отличают бóльшая эмоциональность, лиризм, более глубокое изображение человеческих страстей. Новыми для рус. театра были введенные К. сценические эффекты (пожар Карфагена, Дидона, бросающаяся в огонь, и т. п.).

В 1769 был напечатан выполненный К. с ит. перевод книги В. М. Коронелли «Записки исторические о Морее, о царстве Негропонтском и прочих близлежащих местах», а в 1771 — перевод с фр. «Несчастные любовники, или Истинные приключения графа Коминжа, наполненные событий весьма жалостных и нежные сердца чрезвычайно трогающих» (роман Ш.-О д'Аржанталя, написанный совместно с К.-А. Герен де Тансен и А.-Ф. де Пон де Вейлем).

Предполагается, что как поэт К. участвовал в «Трутне». Возможно, в 1772 он и Новиков совместно издавали журнал «Вечера».

К 1772 относится трагедия «Владимир и Ярополк», где высказано сомнение в целесообразности неограниченной власти монарха. В это же время, очевидно, написана трагедия «Ольга» (при жизни не опубл.), связанная с борьбой вокруг вопроса о престолонаследии. Торопясь закончить пьесу к совершеннолетию Павла, которому исполнялось 18 лет в 1772 , К. просто переделал на «русский лад» трагедию Вольтера «Меропа», местами почти точно воспроизведя оригинал (прозаический подстрочник К. затем использовал *В. И. Майков* для своего стихотворного перевода «Меропы»). В «Ольге» подчеркнута мысль о невозможности для матери владеть престолом, по праву принадлежащим сыну. Тирады на эту тему в трагедии многочисленны и очень резки. По мнению Л. И. Кулаковой, Г. П. Макогоненко и др. исследователей, именно «Ольга» явилась скрытой причиной процесса над К. 1772–1773.

В окт. 1772 К. был обвинен в «издержании на свои надобности» казенных средств. Хотя часть суммы была уже возвращена самим К., а остальное брался заплатить поручитель — поручик Кавалергардского полка Г. Ф. Шиловский, К. был арестован, «скован в ножные железа», отдан под суд и приговорен к смертной казни. К. Г. Разумовский в особом «мнении» указал на то, что, поскольку казна убытка не потерпела, достаточно К. разжаловать сроком на год в рядовые. Указом 21 марта 1773 К. был лишен дворянства, чина, права владеть имением и «написан в солдаты» петербургского гарнизона (РГВИА, ф. 53, оп. 194, кн. 71, № 10).

Из оригинальных сочинений К. в течение ближайших пяти лет напечатана отдельным изданием только «Ода на торжественное бракосочетание <. . .> великого князя Павла Петровича и <. . .> великия княгини Наталии Алексеевны, 1773 года, сентября 29 дня». Упомянутая в дневниковых записях М. Н. Муравьева, относящихся к 1770-м гг., трагедия «Вивлида» пока не найдена.

Отсутствие средств и необходимость содержать семью обусловили в эти годы чрезвычайную плодовитость К. как переводчика. Он выполняет многочисленные заказы для Собрания, старающегося о переводе иностр. книг и новиковского О-ва, старающегося о напечатании книг. В окт. 1773 К. дал расписку в получении 150 руб. «в зачет» за переводы трагедий П. Корнеля «Сид» (прозой), «Смерть Помпеева», «Гораций», «Цинна» (белыми стихами), его же комедии

«Лжец» (прозой) и поэмы Д. Марино «Избиение младенцев». К окт. 1775 «Смерть Помпеева», «Цинна» и «Сид» (белыми стихами) были отпечатаны как т. 1 «Корнелиевых трагедий» (с последовательной пагинацией), однако Новиков выкупил тираж только в 1779 и пустил трагедии в продажу по отдельности. Второй том «Корнелиевых трагедий» вообще не был напечатан. Трагедию «Родогуна» Новиков издал в 1788, «Гораций» остался в рукописи, перевод шестой трагедии не найден, так же как и «Лжец». В 1777 в Петербурге опубликовано переложение белыми стихами поэмы Вольтера «Генрияда». «Избиение младенцев» вышло в свет в 1779 у Новикова в Москве.

Не обнаружены переведенные К. для Собрания, старающегося о переводе иностр. книг и отданные в театр три комедии К. Гольдони («Хитрая вдова», «Тщеславные женщины», «Светский человек»). Нет сведений о взятых им для перевода трагедиях П.-Ж. Кребийона «Электра» и Ж. Расина «Митридат», «печальном зрелище Граф Варвик» Ж.-Ф. Лагарпа, «Луизиадах» Л. Камоэнса, «Опыте об эпическом стихотворстве» и «Триумвирате» Вольтера.

30 марта 1777 К. был возвращен капитанский чин, и он «с сим е. и. в. указом отпущен в дом на ево пропитание» (РГВИА, ф. 8, оп. 6/95, св. 56, № 196/36, л. 3 об.).

По-видимому, в качестве условия помилования автора «Ольги», оскорбившей императрицу, драматургу предложено было написать пьесу, прославляющую ее. *В. И. Бибиков* передал К. требование *Екатерины II* «видеть на нашем собственном языке изображение великого Тита как совершенное подобие ангельской души» императрицы. В 1777 К. создал первую рус. музыкальную трагедию «Титово милосердие» (авторство первоначальной музыки неясно; в 1790-е гг. музыку заново сочинил Е. И. Фомин). Монтировка декораций спектакля осуществлялась в марте 1778; с участием И. А. Дмитревского и *П. А. Плавильщикова* трагедия ставилась в 1779 и последующие годы. Опираясь на трагедию П.-Л. Бюирета де Беллуа «Тит» и оперу П. А. Д. Метастазио «Титово милосердие» (известную на рус. сцене с 1750-х в переводе, возможно, *Ф. Г. Волкова*), а также в соответствии с исторической традицией К. изобразил в Тите монарха-гражданина, «Отца отечества», что давало определенное основание для аллюзионного соотнесения его с «Матерью отечества» — Екатериной II. Однако не следует видеть в этой трагедии апологию Екатерины II и отождествлять княжнинского Тита с императрицей: Тит у К. выступает против наказания за «оскорбление величества» и «нарушение должности» (присяги), тогда как Екатерина в «Наказе», высказываясь за смягчение наказаний вообще, за нарушение именно этих двух законов оставила смертную казнь. Трагедия нова по форме: она написана вольным ямбом (вместо традиционного шестистопного), в ней всего три акта (вместо обычных пяти), в течение которых пять раз меняется место действия; в нее введены массовые сцены, хор, балет.

5 апр. 1777 К. подал прошение о зачислении его переводчиком в Контору строения домов и садов, куда был определен 11 июля 1777, а с авг. стал исполнять официальные секретарские обязанности при директоре конторы *И. И. Бецком*. При этом К. пришлось совмещать должности секретаря и переводчика, в связи с чем 18 нояб. 1780 ему было повышено жалованье. К. стал ближайшим помощником Бецкого по управлению вверенными последнему учреждениями: Канцелярией от строений (Конторой строений), Академией художеств, Воспитательными домами, Смольным ин-том, Сухоп. шлях. корпусом и т. д. Большие деловые и организаторские способности, проявленные им на этой службе, были замечены главным из статс-секретарей императрицы гр. А. А. Безбородко, который предложил К. перейти к нему в штат на аналогичную должность, но К. решил остаться при Бецком.

В 1779 по поручению Бецкого К. выступил на публичном собрании Академии художеств с «Речью

о пользе воспитания и художеств» (опубл.: СПб. вед. 1779. № 70. Приб.; как отд. изд. вышла под загл. «Речь, говоренная в публичном собрании императорской Академии художеств, при выпуске из оной питомцев, в 1779 году»). Говоря о нравственных качествах художника, К. формулировал характерные для эпохи Просвещения идеи: воспитание «производит полезного гражданина», приводит человека к «разумному восприятию вольности» — «небесной пищи, укрепляющей душу»; «способствует и к совершенству свободных художеств <. . .> потому свободными нареченных, что никогда под иго рабства уклониться не могли».

К 1779 К. был назначен редактором-составителем журнала «Изв. имп. Восп. дома, к удовольствию общества служащие» (как бесплатное прил. к «СПб. вед.» выходил с 1778 по 1786, фактически по 1787). Особенно усилилась роль К. при Бецком с 1782, когда тот окончательно ослеп. Представляя К. к пожалованию чином кол. асессора, Бецкой в отношении на имя генерал-прокурора Сената кн. А. А. Вяземского 23 дек. 1784 дал ему весьма лестную характеристику: «Находящийся при мне 1777-го года с июля месяца в должности секретаря капитан Яков Княжнин, отправляя во все сие время возлагаемые мною на него дела как по всем в моем ведении состоящим местам, так и по Воспитательному дому, упражняяся в переводах и прочих препоручениях, оказал отменное усердие, прилежность и способности» (РГИА, ф. 470, оп. 87/521, № 162, л. 1). 10 янв. 1785 К. был «награжден» чином кол. асессора (с 3 апр. 1786 — надв. советник).

В 1778–1781 К. совместно с *Г. Л. Брайко* и *Б. Ф. Арндтом* издавал журнал «СПб. вестн.». Для сотрудничества в поэтическом отделе журнала он привлек гл. о. членов «львовского кружка» и близких к нему лиц — *Н. А. Львова*, М. Н. Муравьева, *В. В. Капниста, И. И. Хемницера*, М. А. Дьякову, *Е. А. Княжнину, В. В. Ханыкова* и др. Сам К. опубликовал здесь ряд стихотворений и басен (1778 — «Рыбак», «Флор и Лиза», 1780 — «Стансы Богу» и др.), переводы идиллий швейц. писателя С. Геснера, «Путешествия в Испанию» П.-О.-К. Бомарше и др.

Одновременно К. сотрудничал в др. журналах. Ч. 1 журнала Новикова «Модное ежемес. изд.» открывалась сентиментальным «Письмом графа Комменжа к матери его» (сочинено К. ок. 1771 по мотивам переведенного им же романа «Несчастные любовники. . .») и притчей «Феридина ошибка». В «Акад. изв.» были опубликованы сентиментальная ода «Утро» (1779. Ч. 1), басня «Мор зверей» (1779. Ч. 2) и упоминавшаяся выше мелодрама «Орфей» (1781. Ч. 7). В журнале Плавильщикова «Утра» (1782) впервые напечатано программное «Послание к российским питомцам свободных художеств».

Назначенный в 1783 членом Рос. Академии, К. принимал участие в составлении «Словаря Академии Российской», активно сотрудничал в «Собеседнике», где были перепечатаны ранее опубликованные стихотворения и басни: «Послание к российским питомцам свободных художеств», «Феридина ошибка» (оба произв. — 1783. Ч. 1), «Утро» (1783. Ч. 7), «Стансы к Богу» — под загл. «Мысли некоторой госпожи, данные автору к изображению того, каким образом человек в простом понятии разумеет Бога. Стансы» (1783. Ч. 8); впервые опубликованы «Исповедание Жеманихи. Послание к сочинителю „Былей и небылиц“» (включено в текст «Былей и небылиц» Екатерины II), «сказка» «Улисс и его сопутники» (1783. Ч. 10), стихотворное «Письмо ее сиятельству княгине Е. Р. Дашковой. На день, в который Екатерина Вторая благоволила пролиять свою благость здешним музам учреждением Российской Академии» (1784. Ч. 11; затем перепечатывалось с некоторыми изменениями и сокращениями под загл. «К княгине Дашковой. Письмо на случай открытия Академии Российской»). В послании к Дашковой наряду с повторением известных по «Речи» 1779 мыслей о роли просвещения, наук и независимости творческой личности («Хотя еще талантом слаб, Да духом ничему не раб»), К. достаточно определенно выступил против сервильной поэзии и поэ-

тики классицизма, что свидетельствует о неслучайности его поворота к сентиментализму в стихотворениях кон. 1770—нач. 1780-х гг. и обращения к жанру комической оперы.

Регулярно, начиная с ч. 1, сотрудничал К. в журнале «Новые ежемес. соч.», где опубликованы его стихотворения «Ты и Вы. Письмо к Лизе» (вольный пер. стихотворения Вольтера «Tu et Vous»; 1786. Ч. 1), басни «Меркурий и резчик» (1787. Ч. 8), «Дуб и Трость» (1788. Ч. 20), «Волосочесатель-сочинитель» (1788. Ч. 30) и др.

Одновременно К. печатался в журнале *Ф. О. Туманского* и *П. И. Богдановича* «Зеркало света»: здесь впервые опубликовано несущее явное воздействие предромантизма стихотворение «Вечер» (1787. Ч. 5; перепеч.: Новые ежемес. соч. 1787. Ч. 17). Из «Новых ежемес. соч.» (1787. Ч. 8) с поправками и расширенным загл. перепечатана в «Зеркале света» (1787. Ч. 6) «сказка» «Ладно и плохо. Разговор двух мужиков — Козавода и Мирохи».

В др. журнале Ф. О. Туманского «Лекарство от скуки и забот» 9 сент. 1786 появилось «Дружеское наставление торгующим своею красотою от соболезнующих о их неумении» (др. загл.: «Послание прелестницам»), где в шутливой форме автор проводил серьезную мысль о женском достоинстве. Оно вызвало полемику: 15 окт. в журнале был опубликован анонимный стихотворный «Ответ на дружеское наставление торгующим своею красотою», автор которого «мораль» стихотворения К. увидел в том, что поэт якобы «Хотел, чтоб день от дня Лаисы брали подороже». Какие-то друзья К. (возможно, И. А. Дмитревский и И. А. Алексеев) также усмотрели в «Дружеском наставлении» восхваление порока и роскоши. В янв. 1787 в «Новых ежемес. соч.» (Ч. 7) К. поместил «Письмо к моим друзьям, которые сердились на меня, вздумав будто я, хваля роскошь, советую быть порочным» (др. загл.: «Письмо к гг. Д. и А»). Это «Письмо» представляет собой апологию любви и счастья и содержит резкие выпады против аскетизма и масонской идеологии.

В ответ на публикацию в апр. номере «Новых ежемес. соч.» «Рассуждения о стихотворстве российском» *Н. П. Николева* в июне К. в том же журнале (1787. Ч. 8) напечатал стихотворение «От дяди стихотворца Колинева» (анаграмма фамилии Николева), где зло высмеял литературные амбиции Николева, его теоретические рассуждения о поэзии и драматические произведения (в посл. публ. под загл. «От дяди стихотворца Рифмоскрыпа» имя персонажа пришлось переменить, ибо «Колинев» явно указывало на Николева, родственника и воспитанника княгини Дашковой). Полемику К. продолжил в 1790 в комедии «Чудаки». В образе «громкого» одописца Тромпетина усматриваются отдельные намеки на Николева, а в «Послании трем грациям» (Новые ежемес. соч. 1790. Ч. 19. Апр.) бездарному маститому драматургу Ферту, под которым подразумевался Николев, прямо противопоставлен «любезный новичок» Ефим *(Д. В. Ефимьев)*, который «сшиб мастера своею драмой с ног». Вместе с тем «Послание трем грациям» (как и «Чудаки») является принципиальным отрицанием «правил» и нормативной поэтики как классицизма, так и сентиментализма. О переходе К. на позиции предромантизма свидетельствуют помимо «Чудаков» его последние стихотворения, особенно «Воспоминания старика» (при жизни не опубл.).

В наибольшей степени литературная деятельность К. связана с театром. 7 нояб. 1779 на сцене Эрмитажа в присутствии Екатерины II и Павла была впервые представлена комическая опера «Несчастие от кареты» с музыкой В. А. Пашкевича (изд. 1779). Первая комическая опера К. с ее антикрепостническим пафосом и резкой критикой галломании дворянства— наиболее сильная в социальном отношении пьеса этого жанра в рус. драматургии. Об огромном успехе оперы в письме Д. И. Хвостову от 19 нояб. 1779 сообщал М. Н. Муравьев: «Мы забавляемся здесь русскою оперою комическою <. . .>. Какие актеры! Вы не можете представить, с какою общею радостию

принято у нас сие рождение нового зрелища: седьмого числа сего месяца дана была в первый раз опера комическая „Несчастие от кареты“, сочинение Якова Борисовича. . .». Под давлением общественного мнения достоинства оперы вынужден был признать и двор. 2 дек. 1779 статс-секретарь граф А. А. Безбородко сообщил «директору над зрелищами и музыкой» В. И. Бибикову, что императрица «жалует» 2500 руб. «игравшим оперу российскую „Несчастие от кареты“». К. получил 400 руб. Опера ставилась до 1789; в нач. XIX в. она вновь появилась в репертуаре и держалась на сцене до 1810-х гг. Роль крепостника-галломана Фирюлина была одной из первых ролей М. С. Щепкина. Объясняя успех оперы, С. Н. Глинка называл ее в числе произведений, которые «суть история нравов того времени»: «Не заботясь о своей личности, К. <. . .> прямо метил в большой свет в опере „Несчастие от кареты“».

Ок. 1782 К. была создана комическая опера в 1-м д. «Скупой» (пост. тогда же; опубл. 1787). Современники отмечали смелое использование К. музыки В. А. Пашкевича для обрисовки прозаических бытовых ситуаций (например, представляющая собой терцет сцена написания Марфой расписки, которую диктует ей Скрягин), введение речитатива — явления для рус. оперы нового, которое «приносит отменную честь сочинителю» (речитатив Скрягина). Опера К. была «представлена в первый раз в Санкт-Петербурге и много раз в Москве, как на большом Петровском театре, так и на воксале» (Драм. словарь (1787)). «Скупой» не сходил со сцены до сер. 1810-х гг.

Наибольшей известностью из комических опер К. пользовался «Сбитенщик» (ок. 1783; муз. Ж. Бюлана). Впервые опера была представлена на Придворном театре в Петербурге (1784), затем часто ставилась как в Петербурге, так и в Москве и в различных провинциальных театрах. Изображение характерных нравов рус. купеческого дома, яркий тип ловкого, смекалистого торговца сбитнем Степана принесли опере чрезвычайный успех. По популярности она соперничала с оперой *А. О. Аблесимова* «Мельник — колдун, обманщик и сват». П. А. Плавильщиков в 1789 сочинил одноактную комедию «Мельник и Сбитенщик соперники», в которой свел главных действующих лиц обеих опер, причем в предисловии к комедии утверждал даже, что К. «написал оперу „Сбитенщик“, чтобы заменить „Мельника“» (в тексте комедии есть указание на большой успех у публики оперы К.); преимущество в «соревновании» Плавильщиков, однако, отдал «Мельнику». С. Н. Глинка писал: «В опере „Сбитенщик“ Степан возведен на степень Фигаро Бомарше, но в нем нет ни одного галлицизма. Он зорким русским взглядом присмотрелся к быту житейскому: знает все его проделки, действует как опытный жилец мира проделок. . . Волдырев, Фаддей и Власьевна — собственные лица нашего автора; сверх того, и главная, основная мысль принадлежит Княжнину. Он хотел доказать, что есть люди, думающие, будто глупость и бессмыслие необходимы для безусловного повиновения». *Евгений Болховитинов* находил, что в опере много «простонародных, часто даже грубых шуток», и утверждал, что она написана «в угодность русскому партеру и райку». «Сбитенщик» удержался на сцене дольше др. опер К.: в 1853 пьеса шла в Петербурге с крупнейшим оперным певцом О. А. Петровым в главной роли.

Две последние комические оперы К. — «Мужья — женихи своих жен» (1784; сведений о пост. нет; опубл. 1803) и «Притворно сумасшедшая» (опубл. 1787; пост. с муз. Д. Астарита в Петербурге 29 июня 1789, в Москве 21 янв. 1795) — с их веселым, развлекательным сюжетом, запутанной интригой, переодеваниями и т. п., по существу, являются предшественницами водевиля XIX в.

Сообщая о выходе первой комедии К. «Хвастун», журнал «Зеркало света» писал: «Как достоинство сочинителя сея комедии и других многих творений публике с весьма хорошей стороны уже известно и сия комедия прежде напечатания оной представляема была ко удо-

вольствию публики неоднократно, то и не остается нам более к похвале оной ничего прибавить» (1786. Ч. 2). Таким образом, первые представления «Хвастуна» состоялись в 1785 или даже 1784. Наполненная жизненным рус. материалом, социально острая комедия К. в стихах не сходила со сцены до 1830-х гг. П. А. Вяземский называл «Хвастуна» лучшей рус. комедией.

Ок. 1786 написана комедия в 3-х д. «Неудачный примиритель, или Без обеду домой поеду» (опубл. 1787), ок. 1788 — комедия в 2-х д. «Траур, или Утешенная вдова» (при жизни не публ.; пост. впервые в Петербурге 22 мая 1789, в Москве — 10 дек. 1795); они, не затрагивая социальных проблем, предшествовали развлекательной «светской» комедии нач. XIX в.

Последняя комедия К. в 5-ти д. «Чудаки» (создана в 1790; в тексте указано время действия: «тысяча семьсот и девяноста года»; пост. впервые в Петербурге 21 апр. 1791 и в Москве 28 сент. 1793; опубл. 1793) ядовито осмеивала различные стороны рос. действительности. Полностью отвергая каноны классицизма и штампы сентиментализма, К. строит комедию на одном из главных принципов предромантизма — индивидуальности человеческих характеров, ярко проявляющейся в странностях персонажей («. . . всякий, много ли иль мало, но чудак»), среди которых нет ни одного целиком «положительного» или полностью «отрицательного». «Чудаки» с неизменным успехом шли на сценах петербургских, московских и провинциальных театров до 1830-х гг. Комедия была поставлена и на сцене Лицея, когда в нем учился А. С. Пушкин, неоднократно использовавший впосл. цитаты из «Чудаков» (как и из др. произведений К.) в своих сочинениях.

Наиболее отчетливо и последовательно идейно-политическая эволюция мировоззрения К. в 1780-е гг. выразилась в его трагедиях. Главный герой трагедии «Росслав» (написана в кон. 1783, опубл. 1784, пост. 8 февр. 1784 в Петербурге с И. А. Дмитревским в главной роли) — воплощение княжнинской концепции рус. национального характера, которая открыто противопоставлена екатерининской трактовке этой проблемы, сформулированной императрицей в ответах на вопрос Д. И. Фонвизина автору «Былей и небылиц». Указанному Екатериной в качестве главной черты рус. человека «образцовому послушанию» К. полемически противопоставил определяющую национальный характер «страсть великих душ — любовь к отечеству», которая предполагает независимость суждений и право неповиновения монарху, если тот своими действиями наносит вред стране: долг патриота выше долга подданного. Успех первого представления был необычайным: «Публика пришла в восторг и потребовала автора; но как поощрение такого рода было еще новостью, то и поставило Княжнина в недоумение. Дмитревский нашелся при этом случае: он вышел на сцену и объявил, что для автора восхитительно лестное благоволение публики; но как в театре его нет, то он, в качестве его почитателя и друга, осмеливается за то принести благодарность публике. Раздались громкие рукоплескания, и с этого времени, когда пиеса ознаменовывалась успехом, принято за обыкновение вызывать автора» (Арапов. Летопись (1861). С. 123). Заглавную роль в «Росславе» играл также Я. Е. Шушерин (до 1786 в Москве, затем в Петербурге). Несмотря на громадный успех трагедии, она была в 1789 исключена из репертуара петербургского театра. Это негласное запрещение было отменено только в нач. XIX в., когда трагедия вернулась на петербургскую сцену с А. С. Яковлевым в заглавной роли, однако текст ее был значительно изменен, а политически наиболее острые места выброшены. В Москве «Росслав» шел и в 1790-х гг.; в главной роли выступал П. А. Плавильщиков, переехавший в 1793 в Москву. Трагедия прочно удерживалась в репертуаре рус. театров до сер. 1810-х гг.

В музыкальной трагедии с хорами «Владисан» (пост. 1784, муз. Ж. Бюлана; опубл. 1787) решающую роль в свержении тирана играет народ. Мрачный колорит декораций, загадочность и таинствен-

ность действия дали возможность С.Н.Глинке отметить: «В „Владисане“ есть отчасти и нынешний романтизм, и театр в театре». В трагедии «Софонисба» (опубл. 1787; пост. в Петербурге 15 апр. 1789) центральным стал конфликт героических характеров, противоборство сторон, каждая из которых по-своему права. Впервые определенное предпочтение К. отдает республиканской форме правления.

Конфликт «двух правд» особенно ярко выражен в трагедии «Вадим Новгородский» (1788 или нач. 1789). В основу сюжета положено летописное сообщение о мятеже новгородцев против первого князя Рюрика, использованное также Екатериной II в драме «Историческое представление из жизни Рюрика» (1786). В ней Екатерина изображает молодого князя Вадима, поднявшего мятеж против законного монарха, своего родственника. Подавив бунт, Рюрик прощает смутьяна, и подавленный его великодушием Вадим на коленях клянется князю в верности. В отличие от императрицы К. исходит из идеи, что исконной формой рус. государственности была республика. Его Рурик, внук одного из посадников, усмиряет в Новгороде междоусобные распри, проявляя себя подлинным героем, мудрым, великодушным, справедливым деятелем, за что благодарные новгородцы и провозглашают его князем. Против монархической власти выступает возвратившееся из похода войско во главе с посадником и полководцем Вадимом, суровым, непреклонным защитником новгородской «вольности». В битве республиканцы разбиты, но Вадим и его сторонники остаются моральными победителями. Отвечая на утверждения, что Рурик — добродетельный монарх, мудрый правитель и т. п., герои-республиканцы заявляют: «Самодержавие, повсюду бед содетель, Вредит и самую чистейшу добродетель И, невозбранные пути открыв страстям, Дает свободу быть тиранами царям».

Устами своих персонажей К. ясно выражал мысль, что любая форма монархии (в т. ч. — просвещенная) является замаскированной тиранией. После нач. Великой фр. революции 1789 К. был вынужден взять пьесу из театра, где роль Рурика репетировал П. А. Плавильщиков (как засвидетельствовал один из современников, «трагедию играть актеры не хотели»).

В течение ряда лет К. преподавал словесность в «старшем возрасте» (т. е. выпускных классах) Сухоп. шлях. корпуса, где учениками его были будущие драматурги Д. В. Ефимьев, В. А. Озеров, С. Н. Глинка, оставивший о К. очень теплые воспоминания, и др. В 1787 по поручению директора гр. Ф. Ф. Ангальта К. произнес в торжественном собрании речь, посвященную роли просвещения в целом и отдельных наук в частности для воспитания «граждан отечества» (опубл. в этом же году под загл. «Речь, говоренная господам кадетам имп. Сухопутного кадетского корпуса в присутствии господина главного начальника его сиятельства графа Ангальта, штаб- и обер-офицеров»). Сохранились «Отрывки из риторики» — фрагменты курса, читавшегося К. в корпусе (при жизни не опубл.). Друг юности Н. М. Карамзина *А. А. Петров*, бывший приятелем К., показывал ему получаемые им из путешествия письма Карамзина. С. Н. Глинка вспоминал: «В один свой приход в кадетский корпус Яков Борисович, перечитывая их нам, с восторгом сказал: „Приветствую русскую словесность с новым писателем. Юный Карамзин создает новый, живой, одушевленный слог и проложит новое поприще русской словесности“. Любил и Карамзин Княжнина; особенно ему нравилось из сочинений Якова Борисовича послание „От дяди стихотворца Рифмоскрыпа“».

Незавидную роль в судьбе К. сыграл И. А. Крылов. По свидетельству С. Н.Глинки, когда Крылов «приехал в Петербург круглым сиротой», К. «дал ему приют в своем доме и первый открыл ему поприще тогдашней словесности». Однако с 1788 Крылов начал писать многочисленные пасквили в разных жанрах, направленные против К. и его жены. По одним слухам, Крылов рассердился на какое-то язвительное замечание *Е. А. Княжниной*, по др. — был

оскорблен критическим отзывом К. о его драматических сочинениях. В 1788 Крылов выступил с серией гнусных инсинуаций по поводу семейной жизни К., которые были повторены в начальных письмах «Почты духов» (1789). С ортодоксально классицистических позиций Крылов оценивал драматургическое и поэтическое новаторство К., который осмеливается «писать без обыкновенных театральных правил», сочиняет «новости, небывалые на нашем театре», нарушает единство места и т. д. (наиболее резко с этой точки зрения был осмеян «Владисан»). В особенности повредили К. политические нападки Крылова в «Почте духов», где К. обвинялся в антимонархических настроениях («Вадима» Крылов, по-видимому, еще не знал), в вольнодумстве, причем обвинения Крылова были направлены и против цензуры, которая пропускает «безбожную брань» на «святого» (Владимира Крестителя, который во «Владимире и Ярополке» изображен развратником, братоубийцей, возбудителем междоусобных войн и т. д.).

Печатные доносы Крылова привлекли к К. внимание цензуры и правительства. В 1789 «Владимир и Ярополк», «Росслав», «Несчастие от кареты» были изъяты из репертуара. В апр. 1790 Бецкой направил в Сенат ходатайство о производстве К. в следующий чин (кол. советника), однако соответствующего решения не последовало; обращение Бецкого в сент. прямо к императрице также осталось без ответа.

К. почти перестал появляться в обществе. В эти годы он много писал. К 1790 относятся комедия «Чудаки» и, возможно, «Жених трех невест» (не найдена), начало трагедии «Пожарский» (не сохр.), ряд стихотворений, «если не поэма, так сказка» «Попугай», в основу сюжета которой положен антиклерикальный мотив, заимствованный из поэмы Ж.-Б. Грессе «Vert-Vert» (1734), но разработанный К. вполне оригинально (при жизни не публ.).

К. умер внезапно. Существуют свидетельства современников о том, что это случилось после допроса «с пристрастием» в Секретной экспедиции С. И. Шешковского. Допрос большинство мемуаристов связывали с преследованием трагедии «Вадим Новгородский». П. А. Радищев утверждал, что К. «за свою трагедию „Вадим“ был посажен в крепость и отдан на руки Шешковскому. Степан Иванович так его обласкал, что Княжнин, возвратившись домой, слег в постель и умер. Это рассказывал сенатор И. А. Тейльс (бывший в Москве в 1785 году губернским прокурором)». В. Г. Анастасевич со слов, по-видимому, Крылова, записал: «Княжнин точно был за „Вадима“». Ту же причину называли М. С. Лунин, Д. Н. Бантыш-Каменский и др., но данное утверждение несомненно ошибочно, т. к. в этом случае рукопись не осталась бы в руках семьи и трагедия не попала бы в печать. На самом деле К., по всей вероятности, допрашивали в связи с рукописью статьи «Горе моему отечеству» (не найдена), в которой он, по свидетельству С. Н. Глинки, под влиянием начавшейся во Франции революции ставил вопрос о необходимости радикальных перемен в России.

В 1793 оставшиеся ненапечатанными рукописи К. были проданы книгопродавцу И. П. Глазунову, который передал «Вадима» и «Чудаков» в Акад. типографию. Обе пьесы были разрешены академическим руководством с условием, что с того же набора они будут перепечатаны в сборниках «Рос. феатр». Отдельное издание «Вадима» поступило в продажу в июле 1793, а 30 сент. была отпечатана ч. 39 «Рос. феатра», весь тираж которой был «арестован» в типографии после появления авг. номера журнала Крылова и *А. И. Клушина* «СПб. Меркурий» с крайне резкой статьей Клушина о трагедии К., которая, по существу, представляла собой очередной инспирированный Крыловым политический донос на К. — теперь уже покойного. Статья обратила внимание правительства и лично императрицы на антимонархический, республиканский характер трагедии. 24 дек. 1793 последовал секретный указ Екатерины II, которым предписывалось трагедию «сжечь в здешнем

столичном городе публично». Конфискованные экземпляры отдельного издания были сожжены рукою палача; листы с трагедией, вырванные из «Рос. феатра», также были уничтожены. Запрет на крамольную трагедию держался в течение всего XIX в. (первая полная публ. по неисправному списку — М., 1914; подлинный текст: Рус. лит. XVIII в.: Хрестоматия / Сост. Г. А. Гуковский. Л., 1937). Начиная с 1790-х гг. «Вадим Новгородский» расходился в списках; особенно много их появилось в 1810–нач. 1820-х гг., поскольку декабристы использовали трагедию наряду с «Путешествием из Петербурга в Москву» Радищева и «Рассуждением о непременных государственных законах» Фонвизина как свою агитационную литературу. Тема вольного Новгорода и образ мятежника-республиканца Вадима играли важную роль в творчестве поэтов-декабристов. Известен также замысел трагедии, а затем поэмы «Вадим» Пушкина; цикл произведений, связанных с трагедией К., завершила поэма Лермонтова «Последний сын вольности» (1829).

1-е издание сочинений К. (неполное, в 4-х т.) было напечатано в 1787 в типографии Горного уч-ща на счет Кабинета е. и. в. В 1802–1803 в Москве было выпущено 2-е издание сочинений К. в пяти томах, причем первые четыре тома точно повторяли прижизненное издание 1787 (с той лишь разницей, что в т. 1 была введена биография писателя, написанная его сыном); т. 5 составлен из произведений, не вошедших в 1-е издание или не опубликованных при жизни автора. 3-е издание сочинений К. (СПб., 1817–1818. Т. 1–5) полностью совпадало с предыдущим, было изменено только распределение материала в т. 3–5. В 1847–1848 в серии «Полное собрание сочинений русских авторов», издававшейся А. С. Смирдиным, вышло 4-е (и последнее) издание сочинений К. (Т. 1–2). Основное издание сочинений К. советского времени: *Княжнин Я. Б.* Избр. произв. / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Л. И. Кулаковой, при участии В. А. Западова. Л., 1961 (Б-ка поэта, Большая сер.) — впервые восстанавливает реальную биографию К. и воссоздает хронологию и эволюцию его творчества. На основании этого издания был выпущен сборник К. «Избранное» под редакцией А. П. Валагина (М., 1991).

Списки и автографы отдельных произведений и писем К. хранятся среди рукописей Г. Р. Державина в ИРЛИ (ф. 96) и РНБ (ф. 247), а также в ГИМ, РГБ и др. собраниях; документы, связанные с его служебной деятельностью, в РГИА, РГАДА и др. архивах.

Лит.: *Стоюнин В. Я.* Княжнин — писатель // Ист. вестн. 1881. № 7–8; *Глинка С. Н.* Зап. СПб., 1895; *Замотин И. И.* Предание о Вадиме Новгородском в рус. лит.: (Вадим по трагедии Княжнина) // Филол. зап. 1900. Вып. 3; *Габель М.* Лит. наследство Я. Б. Княжнина // Лит. насл. М.; Л., 1933. Т. 9–10; *Гуковский Г. А.* Рус. лит. XVIII в. М., 1939; *Нейман Б. В.* Комедии Я. Б. Княжнина // Проблемы реализма в рус. лит. XVIII в. М.; Л., 1940; *Кулакова Л. И.*: 1) Княжнин // История рус. лит. М.; Л., 1947. Т. 4; 2) Я. Б. Княжнин. 1742–1791. М.; Л., 1951; *Ливанова Т. Н.* Рус. муз. культура XVIII в. в ее связях с лит., театром и бытом. М., 1952–1953. Т. 1–2; *Кулакова Л. И.*: 1) Я. Б. Княжнин (1740–1791) // Рус. драматурги XVIII–XIX вв. Л.; М., 1959. Т. 1; 2) Жизнь и творчество Я. Б. Княжнина // Княжнин Я. Б. Избр. произв. Л., 1961; *Крестова Л. В.* Двенадцать лет из жизни Я. Б. Княжнина: (По неизд. письмам Г. Гогелю. 1779–1790) // Зап. Отд. рукописей Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина. 1961. Вып. 24; *Кулакова Л. И.* Неизд. поэма Я. Б. Княжнина: Эпизод из истории лит. полемики 1765 г. с прил. текста поэмы «Бой стихотворцев» // Рус. лит. и обществ.-полит. борьба XVII–XIX вв. Л., 1971; *Западов В. А.* Рус. стих XVIII—нач. XIX в.: (Ритмика). Л., 1974; Берков. История комедии (1977); *Стенник Ю. В.* Жанр трагедии в рус. лит. эпохи классицизма. Л., 1981; История рус. драматургии. XVII—первая пол. XIX в. Л., 1982; *Западов В. А.*: 1) Проблемы изучения и преподавания рус. лит. XVIII в.: Статья

3-я. Сентиментализм и предромантизм в России // Проблемы изучения рус. лит. XVIII в. Л., 1983; 2) Рус. лит. посл. четв. XVIII в. М., 1985; *Моисеева Г. Н.* Пути развития драматургии XVIII в. // Рус. драматургия XVIII в. М., 1986; *Валагин А. П.* «Кто смеет умереть. . .» // Княжнин Я. Б. Избранное. М., 1991; *Западов В. А.* Лит. направления в рус. лит. XVIII в. СПб., 1995.

В. А. Западов

КНЯЖНИНА Екатерина Александровна [1746 (?), Петербург—6(17) VI 1797, там же; похоронена на Смоленском кладбище; в 1950-е гг. надгробный камень перенесен на Лазаревское кладбище Александро-Невской лавры]. Дочь *А. П. Сумарокова.* Образование получила домашнее; отец сам учил ее чтению, письму, грамматике и стихосложению. В самом юном возрасте К. проявила склонность к поэзии, которую поддерживал в ней отец. Однако, согласно преданию, Сумароков «почитал неприличным, чтоб стихи были писаны (и особенно где вмешивалась любовь) от лица женщины». Поэтому напечатанная в «Трудолюбивой пчеле» (1759. Март) «Элегия» (подп. — «Катерина Сумарокова») сочинена от лица мужчины.

По преданию, изложенному М. Н. Макаровым, уже к этому времени К. была предметом страстного поклонения со стороны *Я. Б. Княжнина,* который «советовался о своих стихах с будущей своею супругою» и, в свою очередь, «поправлял ей стихи». Как утверждает далее Макаров, Княжнин якобы уговорил композитора Г. Раупаха (автора музыки к опере Сумарокова «Альцеста», поставленной в 1758) сочинить музыку к любовным песням юной поэтессы и издал стихотворный сборник К. с нотами, в который вошли песни «Сокрылись те часы, как ты меня искала. . .», «В какой мне вредный день ты в том меня уверил. . .», «Мы друг друга любим, что ж нам в том с тобою. . .», «Позабудь дни жизни сей. . .», «Уж прошел мой век драгой. . .», «Тщетно я скрываю сердца скорби люты. . .». Узнав о поступке дочери, Сумароков рассердился и перепечатал эти шесть песен в «Трудолюбивой пчеле» (Нояб.) как принадлежащие ему самому. Макаров ошибочно приписал К., кроме песен, ряд др. стихотворений, эпистолу «К неправедным судьям», оду «Противу злодеев» и оду (опубл.: Трудолюбивая пчела. Май — см.: Дамский журн. 1830. № 29).

Эта версия была принята мн. последующими биографами К., а С. А. Венгеров даже перепечатал вместе с «Элегией» шесть песен и «Противу злодеев» в подборке стихотворений К. (Венгеров. Рус. поэзия. (1893—1901). Т. 1, вып. 6 (1897)). Однако шесть песен на самом деле принадлежат Сумарокову, и напечатаны они были впервые без разрешения автора в сборнике *Г. Н. Теплова* «Между делом безделье, или Собрание разных песен» (с муз. Теплова; 1759). Все приписываемые К. стихотворения и песни, за исключением «Элегии», также созданы в действительности ее отцом и включены *Н. И. Новиковым* в «Полное собрание всех сочинений» Сумарокова. Однако тот же Новиков (хорошо знакомый как с К., так и с Сумароковым) сообщал, что К. «писала весьма изрядные стихотворения, напечатанные в ежемесячном сочинении „Трудолюбивой пчеле“» (Новиков. Опыт словаря (1772)). По-видимому, речь идет о каких-то опубликованных анонимно произведениях К.

Когда Сумароков в 1765—1766 разъехался с женой, дочь осталась при отце и с ним переехала в Москву в марте 1769. «. . . От матери она не получает ни полушки, — писал Сумароков о дочери. — А ныне, отъезжая в Москву, я ее на малое призрение матери, которая о ней не печется, оставить уже не отважуся» (Письма рус. писателей (1980). С. 116). В том же году для «устройства собственных дел» в Москву приехал Княжнин, воспользовавшийся случаем поднести рукопись первой своей трагедии «Дидона» «отцу русского театра». Сумароков принял Княжнина благожелательно, а дочь его «обратила на себя внимание нового писателя». Приятель Княжнина *Ф. Г. Карин* взялся быть сватом и получил согласие Сумарокова на брак

дочери с Княжниным (эту историю со слов Карина подробно описал С. Н. Глинка). Правда, П. Н. Берков высказал мнение, что свадьба состоялась в 1768, а в Москву с Сумароковым уехала вторая дочь, Прасковья. Однако сын К., А. Я. Княжнин, *Евгений Болховитинов* (по запискам и рассказам хорошо знавшего Сумарокова друга Княжниных *И. А. Дмитревского*) и С. Н. Глинка свидетельствуют, что сватовство происходило в Москве. Свадьба же, по словам сына, состоялась в Петербурге.

Достоверные сведения об участии К. в литературной жизни крайне скудны. П. Н. Берков утверждал даже, что и стихотворение, напечатанное в «Трудолюбивой пчеле», сочинено самим Сумароковым, «подпись же „Катерина Сумарокова" сделана, так сказать, для отвода глаз, и никакой поэтессой дочь Сумарокова не была: ни одного ее более позднего произведения неизвестно». Вывод этот несостоятелен, ибо в «СПб. вестн.» за 1778 (Ч. 1) напечатана «Элегия» с подписью «К***а К***а» (т. е. «Катерина Княжнина»).

В письмах *М. Н. Муравьева* за 1781 глухо сообщается, что некий Арсеньев, которому «покровительствует» К., пищет несколько сатир против *Н. П. Николева*, Ф. Г. Карина, *А. С.* и *Д. И. Хвостовых* и др. (по предположению В. П. Степанова, одна из этих сатир — анонимный «Обед Мидасов»; однако в ней неоднократно упоминается в паре с В. В. Капнистом сам Арсеньев). Существует предание, будто бы во время первого представления комедии Николева «Самолюбивый стихотворец» на Придворном театре 15 июня 1781 (поставлена была первоначальная редакция комедии в 3-х д., более грубая, чем опубликованная пьеса в пяти актах) из ложи, где сидела К., раздался свист, подхваченный «во всех местах и многими зрителями, оскорбленными поруганием отца нашего театра» — Сумарокова. Так было положено начало традиции освистывания плохих пьес в рус. театре. Сама К. в связи с данным представлением написала эпиграмму на Николева (не найдена), который, в свою очередь, сочинил несколько грубых стихотворений, направленных против К.

Хотя Княжнины жили достаточно скромно, у них, по свидетельству С. Н. Глинки, был «открытый дом», где бывали Ф. Г. Карин, Г. А. Потемкин, И. А. Дмитревский и др. Представление о доме Княжниных как о некоем «аристократическом салоне» не более чем легенда. Нападки И. А.Крылова на К. в его злобном памфлете «Проказники», в «Почте духов» и др. сочинениях вызваны какой-то личной обидой.

Лит.: Голицын. Словарь (1889); *Владимиров П. В.* Первые рус. писательницы XVIII в. и участие рус. женщины в развитии нар. словесности и древнерус. письменности. Киев, 1892; *Глинка С. Н.* Зап. СПб., 1895; Венгеров. Рус. поэзия. Т. 1, вып. 6 (1897); *Гуковский Г. А.* Рус. поэзия XVIII в. Л., 1927; *Берков П. Н.* «Хор ко превратному свету» и его автор // XVIII век. М.; Л., 1935. [Сб. 1]; *Гуковский Г. А.* О «Хоре ко превратному свету»: (Ответ П. Н. Беркову) // Там же; *Ливанова Т. Н.* Рус. муз. культура XVIII в. в ее связях с лит., театром и бытом. М., 1952. Т. 1; *Берков П. Н.* Несколько справок для биографии А. П. Сумарокова // XVIII век. М.; Л., 1962. Сб. 5; *Степанов В. П.* К истории лит. полемик XVIII в.: («Обед Мидасов») // Ежегодник Рукоп. отдела Пушкинского дома на 1976 год. Л., 1978.

В. А. Западов

КОВАЛЕНСКИЙ (Ковалинский) Михаил Иванович [16 (27) II 1745, креп. Алексеевская Харьковской губ.—6 (18) VI 1807, Москва; похоронен в Симоновом монастыре]. Сын священника. Образование получил в Харьковском коллегиуме, по окончании которого преподавал в нем в 1766–1769 пиитику. Затем жил в Петербурге. В 1770–1775 был воспитателем детей гетмана Украины К. Г. Разумовского; во время путешествия с А. К. Разумовским по Европе (1772–1775) завершил образование в Страсбургском ун-те. По возвращении в Петербург служил прокурором Военной коллегии; в сер. 1780-х гг. — правитель канцелярии

Г. А. Потемкина. К этому времени относятся и литературные труды К. — напечатанный «иждивением книгопродавца К. В. Миллера» перевод составленных Ж-Д. Д'Аламбером «Записок Христины, королевы шведской» (1774) и две оды *Екатерине II* — на новый 1774 год и на день ее рождения 21 апр. 1774; созданные в это время оды, обращенные к Потемкину, не сохранились. Член Вольного Рос. собрания при Моск. ун-те с 5 дек. 1775.

В 1793 был уволен со службы «за воровство и грабеж» (см.: Арх. кн. Воронцова. М., 1876. Т. 8. С. 133), но по ходатайству *А. М. Грибовского* был назначен правителем Рязанского наместничества с переименованием из генерал-майоров в т. советники. С именем К. связано подавление бунта мастеровых на заводе Хлебникова в 1797. В 1801 Павел I назначил К. куратором Моск. ун-та. С 1804 — в отставке; жил в Москве и в своем имении Дедове Харьковской губ. «Очень умный, приятный и приветливый человек, хотя в бытность его губернатором и не то о нем говорили; но другие времена — другие нравы. Он, кажется, немного мистик. Обещал со временем ссудить меня сочинениями Сковороды, который был его наставником. Манускрипт этих сочинений беспрестанно у него на столе перед глазами», — писал С. П. Жихарев (Жихарев. Зап. (1955). С. 21–22; запись от 4 нояб. 1806).

Постоянное дружеское общение с Г. С. Сковородой с 1762 по 1794 определило духовное развитие К. Сохранилось ок. 80 писем Сковороды к К.; основная их часть относится к 1760-м гг. Ответные письма К. в настоящее время неизвестны. В письмах Сковороды почти отсутствуют автобиографические сведения и бытовые подробности; они прежде всего представляют свод этических наставлений и автокомментарий к его трудам. Стремясь развить в К. любовь к античной культуре, Сковорода писал ему на лат. и древнегреч. языках; часть писем представляет собой стихотворные послания. Ответные письма К. можно рассматривать как самостоятельное литературное произведение эпистолярного жанра. Сковороде был посвящен первый перевод К. — «Испытанное дружество» Ж.-Ф. Мармонтеля (1771), подписанный инициалами «М. К.».

Важнейшим произведением К. явилась «Жизнь Григория Сковороды, написанная 1794 года в древнем вкусе», традиционно публикуемая вместе с сочинениями Сковороды и являющаяся основным источником сведений о его жизни и воззрениях. К этой своей работе К. приступил сразу же после смерти Сковороды и окончил ее ок. 1796 (один из списков нач. XIX в. озаглавлен «Жизнь малороссийского гражданина Григория Сковороды, написанная другом его М. К. в селе Хатетове в 1795» — РГБ, ф. 178, № 829). На основании 30-летней дружбы, бесед и переписки, сведений, полученных от общих знакомых, а также тщательного чтения сочинений самого Сковороды К., лучше чем кто-либо его знавший, стремился не только написать фактографически достоверную биографию, но и воссоздать его духовный мир. Философские воззрения Сковороды К. иногда воспринимал сквозь призму собственных идейных увлечений. Жизнь Сковороды с кон. 1770-х гг., когда общение и переписка с ним К. стали реже, почти не нашла отражения в указанном сочинении; зато в нем присутствовал углубленный анализ духовного мира философа.

Труд К. о Сковороде, а также собранные им сочинения последнего получили широкое распространение в копиях, преимущественно в масонской среде, нередко примыкая к традиционному корпусу «Герметической библиотеки», — «Жизнь Сковороды» входила в состав кн. 4 масонского рукописного сборника «Зеркало света», известного в ряде списков (напр.: РГБ, ф. 237, № 46). Очевидно, при содействии К. *М. И. Антоновский* анонимно опубликовал диалог Сковороды «Наркис» («Библиотека духовная, содержащая в себе дружеские беседы о познании самого себя», 1798). При жизни К. были напечатаны и отрывки из произведений Сковороды с краткими сведениями о нем («Начальная дверь ко христианскому добронравию» — Сионский вестн. 1806. Ч. 3).

Выдержки из «Жизни Сковороды» в печати появились лишь в работах о нем И. М. Снегирева (Отеч. зап. 1823. Ч. 16), Гавриила Воскресенского (История русской философии. Казань, 1840) и Г. П. Данилевского (Основа. 1862. № 8–9). Полностью труд К. был опубликован в 1886 Н. Ф. Сумцовым по копии «Житие Г. С. Сковороды, описанное его другом М. И. К-м» (Киев. старина. 1886. № 9), а затем в 1894 Д. И. Багалеем по автографу (Сб. Харьковского ист.-филол. о-ва. 1894. Т. 7).

«Жизнь Сковороды» во многом обусловила интерес к его личности. В кон. XIX в. биография Сковороды стала рассматриваться едва ли не как более яркое проявление духовных исканий, чем его собственные сочинения. Если для Л. Н. Толстого и сочинения Сковороды, и его жизнеописание, составленное К., имели одинаковую ценность (см.: *Измайлов А.* Две легенды // Рус. слово. 1910. 3 нояб. № 253), то для последующих поколений жизнетворческий опыт подражания Христу уже представлялся более значимым. Благодаря семейной преемственности (потомком К. был поэт С. М. Соловьев) учение Сковороды в изложении К. оказало серьезное влияние на Андрея Белого и В. Ф. Эрна, живших в Дедове.

Архив К. был передан его сыном в 1785 в Румянцевский музей (ныне РГБ, ф. 178, Музейное собр., № 4771; переписка К. 1760–1780-х гг.), откуда в 1955 автографы «Жизни Сковороды» и сочинений последнего поступили в отдел рукописей Ин-та литературы им. Т. Г. Шевченко АН Украины (ф. 86).

Лит.: Шевырев. Моск. ун-т (1855); *Сумцов Н. Ф.* [Предисл.] // Киев. старина. 1886. № 9; *Никольский Б. В.* Укр. Сократ // Ист. вестн. 1895. № 4; *Бонч-Бруевич В. Д.* [Предисл.] // Сковорода Г. С. Собр. соч. СПб., 1912. Т. 1. С. 43–49; *Эрн В. Ф.* Сковорода. М., 1912; Венгеров. Источники. Т. 3 (1914); *Багалій Д. И.* Український мандрованний философ Гр. Сав. Сковорода. Харків, 1926; *Махновець Л.*: 1) Українські письменники. Київ, 1960. Т. 1; 2) Про хронологію листів Сковороди // Радяньске литературознавство. 1972. № 4, 10; *Ниженець А. М.* На зломі двох світів. Харьків, 1970; *Кукушкина Е. Д., Мартинов І. Ф.* Невидома рукописна збірка XVIII ст. // Радяньске литературознавство. 1975. № 2.

М. П. Лепехин

КОВАНЬКО Иван Афанасьевич [6 (17) I 1773 или 1774, Полтава–4 (16) XII 1830, Петербург; похоронен на Волковом кладбище]. Происходил из небогатого укр. дворянского рода (к кон. жизни за К. числилось 12 душ крепостных крестьян). Образование получил в Петербургском Горном уч-ще, после чего в 1793 в чине шихтмейстера 13-го класса был направлен на Липецкий чугунолитейный завод в Тамбовскую губ. В 1795 с повышением (управление мельницами и мастеровыми) переведен на квасцовый завод в Тамбове; в 1798 назначен смотрителем того же завода. В это время, по свидетельству *А. Т. Болотова*, К. покровительствовал «некто Полетаев, его приятель и дворянин тамошний с 300-ми и более душами» (*Болотов А. Т.* Памятник претекших времян. . . М., 1875. С. 12).

В 1799 «за умножение выварки минералов» К. был награжден чином гиттенфервальтера 10-го класса и определен маркшейдером в Обер-коллегию горных и монетных дел в Петербурге. В 1802 он занял вакансию надв. советника в Монетном деп., а в окт. того же года перевелся столоначальником в деп. М-ва финансов. В 1806 К. вернулся в Горный деп. начальником отделения. В 1811 К. стал правителем канцелярии Деп. горных и соляных дел, а в 1812 — начальником 2-го отдела того же деп.; к 1825 дослужился до чина ст. советника. К. был почетным членом О-ва испытателей природы и товарищем директора Минералогического о-ва, где в янв. 1822 читал сочиненное им жизнеописание химика С. П. Власова (см.: Отеч. зап. 1821. № 15. С. 372). В 1824 он был членом учрежденного при Деп. горных и соляных дел Комитета для устройства горных заводов, а в 1825 — членом Ученого комитета при Горном кадет. корпусе для издания «Горного журнала», членом Особой комис-

сии для осмотра Уральских казенных заводов (выезжал на Урал). Был также членом Строительной комиссии Александровского литейного завода в Петербурге (1826), членом Особого комитета для рассмотрения проекта нового рекрутского устава (1830). Умер К., будучи в отставке.

Живя в Петербурге, К. активно занимался литературной деятельностью: писал стихи, сотрудничая в журналах «Приятное и полезное» (1795), «Иппокрена» (1799), «Новости рус. лит.» (1795–1802), «Свиток муз» (1803), «Сын отеч.» (1812, 1815), «Благонамеренный» (1819) и др. В июне 1802 К. был принят в члены Вольного о-ва любителей словесности, наук и художеств по предложению В. И. Красовского. В сент. 1802 обратился к секретарю общества А. Х. Востокову с просьбой освободить его от обязанностей члена, но оставить за ним право быть корреспондентом общества, ссылаясь на чрезвычайную занятость по службе. Просьба была удовлетворена. В 1812 К. участвовал в обсуждении знаменитого в истории общества конфликта между Д. В. Дашковым и Д. И. Хвостовым и подал голос за исключение Дашкова (Рус. старина. 1884. № 8. С. 105).

При вступлении в общество К. представил стихотворение «К поэтам потомства» (опубл. под загл. «Бардам потомства»: Свиток муз. 1803. Кн. 2). Стихотворение написано в одическом стиле и содержит напоминание поэтам будущего об их «высоком долге», бескорыстном служении поэзии, о «великих делах», которые они призваны воспеть. Это единственное стихотворение К., которое было помещено в изданиях общества. Однако в архиве общества хранятся рукописи восьми разнообразных по жанру неопубликованных при жизни произведений К.: оды «Картина крамолы французской» (1799), «На поражение французов 5 и 6 ноября 1812 года между Смоленском и Красным, коего свидетелем был сам Наполеон» (1812), «На смерть князя Италийского графа Суворова-Рымникского» (1816), басня «Приговор Льва молодому благородному Волку» (1812), несколько посланий и образцов любовной лирики (автограф оды «На смерть князя Италийского графа Суворова-Рымникского» репродуцирован в кн.: Поэты-радищевцы: Вольное о-во любителей словесности, наук и художеств. М., 1935).

К. писал и переводил в разных поэтических жанрах, начиная с гражданских и философских од и кончая альбомными мадригалами и посланиями. Большинство его произведений оригинальны; переводы — из Ж.-Ж. Бартелеми «Мадригал Платона, ученика Сократова из „Анахарсиса“» (Новости рус. лит. 1802. Ч. 1), который впосл. вошел в «Опыт русской анфологии. . .» М. Л. Яковлева (СПб., 1828), «Радость. Ода г-на Шиллера», один из ранних рус. переводов Ф. Шиллера, и «Мадригал» Е. Гварини (Новости рус. лит. 1802. Ч. 1). Мн. сочинения К. связаны с традицией классицистической оды кон. XVIII в. К жанру монументальной философской оды державинского стиля относятся стихотворения «Тленность» (Приятное и полезное. 1795. Ч. 5), «Бог» (Новости рус. лит. 1802. Ч. 1). Последнее перекликается с известной одой *Г. Р. Державина,* с которым К., вероятно, был лично знаком и который посвятил ему комплиментарное четверостишие «Кованька! ты рожден Поэт. . .» (при жизни не опубл.; впервые: *Державин Г. Р.* Стихотворения. М., 1933. С. 370). Восторженное отношение К. к Державину выражено в оде «Стихи великому певцу великих» (Новости рус. лит. 1802. Ч. 1), в которой явно ощущается идейное и стилистическое влияние его «Памятника».

К. был автором нескольких хвалебных стихотворений: «Пирамида благотворителю» (Новости рус. лит. 1802. Ч. 2) и «Моя ночь, или Чувство благодарности. . .» (Иппокрена. 1799. Ч. 2), обращенных к М. Ф. Соймонову; «Надпись к портрету <. . .> графа Суворова-Рымникского» (Новости рус. лит. 1802. Ч. 1). Вместе с «Надписью. . .» опубликованы и анакреонтические стихотворения «Перестроенная лира», «Ужаленный Эрот», «Гимн Амуру», «Акростих», «Песня» (Новости рус. лит. 1802. Ч. 1–2).

Несколько стихотворений К. посвящены Отечественной войне 1812.

Среди них особенно популярна была «Солдатская песня» (Сын отеч. 1812. № 2), образец агитационно-дидактического жанра, тесно связанного с лубочной патриотической литературой (попала впосл. в «Сборник солдатских и матросских песен, собранных и записанных с голоса Н. Х. Весселем» (СПб., 1875. Вып. 1)). О ней Н. И. Греч писал: «Эти стихи повлекли с самого начала гонение на „Сына отечества". Паркетные умники утверждали, что нехорошо хвастать так бесстыдно и хвалиться несбыточными мечтаниями. Они не видели, что не должно хвастать в счастье, а ободрять дух народа в беде можно всеми способами, только не ложью и обманом» (Греч. Зап. (1930). С. 747). В том же духе написаны «Ода на бегство Наполеона. . .» (Сын отеч. 1812. № 5), «Песня русского солдата. . .» (Там же. 1815. № 21), неопубликованная ода «На поражение французов 5 и 6 ноября 1812 года. . .».

Стихотворение К. «В альбом Софье Дмитриевне Пономаревой» (Благонамеренный. 1819. № 15) свидетельствует о том, что К. бывал в ее салоне.

С 1816 К. стал сотрудником I разряда Беседы любителей рус. слова (см.: *Лонгинов М. Н.* Соч. М., 1915. Т. 1. С. 35).

Среди петербургских знакомых К. был *И. А. Второв*, с которым К. сблизился в нач. 1820-х гг. По свидетельству современника, Второв «сошелся ближе всех» с К. и бывал у него «почти ежедневно». Они говорили о прошлом и последних днях царствования императора Павла, о Татариновой и каких-то ее «дочках», бывших в замужестве за Паниным и Чернышевым, о последних годах царствования Александра I, временах реакции и аракчеевщины. «Был он <Córванько> человек очень общительный, но, кажется, принимал большею частию своих земляков, малороссов, как например Ковалевского, Любарского и др. Но ни семьей, ни обществом своих друзей не стеснялся и давал полный простор своему языку. Имел ключ ко всем тогдашним новостям, слухам и к современной, довольно обширной, рукописной литературе» (*Де-Пуле М. Ф.* Отец и сын // Рус. вестн. 1875. Т. 118. С. 560–561).

Архивные материалы о К. и его автографы хранятся в СПбГУ, РГАЛИ, РГАДА.

Лит.: *Орлов В. Н.* И. А. Córванько // Поэты-радищевцы. М., 1935; *Орлов П. А.* Córванько // Поэты-радищевцы. Л., 1979.

М. В. Юровская

КОЗАЧИНСКИЙ Мануил Иванович (в монашестве — Михаил) [1699, Ямполь–VIII 1755, Слуцк]. Родился в семье пол. шляхтича, образование получил в Киево-Могилянской академии. 9 дек. 1718 выступил в моск. Славяно-греко-лат. академии на диспуте в присутствии Гедеона Вишневского с тезисами на тему «Organum Aristotelis tia rato nomini», а 12 июля 1733 в Киево-Могилянской академии с защитой «Theses ex universa theologia». В 1733 архиепископ Киевский Рафаил Заборовский в ответ на просьбу митрополита Сербского Викентия Ивановича послал в Сербию шесть воспитанников Киево-Могилянской академии, в т. ч. К. Последний вскоре стал префектом и переводчиком училища в Сремских Карловцах. В 1736 К. был рукоположен епископом Симеоном Филиповичем в священники и получил назначение ректором всех школ Белградско-Карловацкой митрополии. До весны 1737 он преподавал поэтику и риторику в Карловацком дух. уч-ще, а затем через Хорватию, Германию и Польшу возвратился на родину. Вскоре К. стал послушником Киево-Выдубицкого монастыря, а в 1739 принял монашество. С 1739 по 1744 был префектом, преподавателем философии и лат. языка, а также переводчиком Киево-Могилянской академии. По жалобе *Варлаама Лащевского*, поддержанной профессорами академии, Рафаил Заборовский вынужден был уволить К. из академии. В 1746 К. был назначен архимандритом Киево-Выдубицкого монастыря, в том же году переведен игуменом в Гадяцкий Красногорский монастырь; с кон. 1748 — архимандрит Слуцкого Троицкого (Тройчанского) монастыря, где и скончался.

К. известен как автор панегириков в стихах и прозе и школьных драм — продолжатель традиции, идущей от *Феофана Прокоповича* и *Лаврентия Горки*, а также как составитель курсов по философии, риторике и поэтике, тезисов философских диспутов и т. п. К числу ранних литературных опытов К. относится написанная им в Сербии в нач. 1736 на сюжет из серб. истории XIV в. тринадцатисложным силлабическим стихом на церковнослав. языке «Трагедия, сиречь печальная повесть о смерти последнего царя сербского Уроша V и о падении Сербского царства» (в 13-ти д.; с 2-мя антипрологами, прологом и эпилогом; пост. 15 авг. 1736 учениками Карловацкого дух. уч-ща; первонач. текст — в рукописи Матицы Сербской, Нови Сад; изд. (в сокр., без интермедий) в серб. пер. историка Ивана Райча в 1798 в Будапеште). Это типичная школьная драма, где господствует дидактически-моральная сторона, наряду с историческими лицами действуют аллегорические фигуры, речь персонажей абстрактна и высокопарна. Драма проникнута идеями просветительства и близка драматургии Ф. Прокоповича и Ф. Трофимовича.

К 1740 К. написал драму «Образ страстей мира сего» (в 3-х актах; рукопись — ЦНБ АН Украины, собр. Церк.-арх. музея Киевской дух. академии, № 174), относящуюся к типу моралите. Непостижимости и суете человеческого бытия противопоставляется вечная мудрость; тезис этот доказывается примерами из Библии; геральдические и генеалогические детали, а также панегирик в акте 3 показывают, что школьная драма сочинена в честь Рафаила Заборовского.

Курсы по философии К. читал в Киевской дух. академии на лат. языке (рукопись — ЦНБ АН Украины). Рус. перевод одного их них под загл. «Философия Аристотелева, по умствованию перипатетиков изданная», подготовленный К., был издан к приезду в Киев в 1744 императрицы Елизаветы Петровны и гр. А. Г. Разумовского с добавлением панегирического (и ложного) родословия Разумовских (Киев, 1745; Львов, 1755). К. написал силлабическим леонинским стихом (а также на пол. и лат. языках) панегирик «Описание краткими стихамы иллюминации на всерадостное пришествие Елизаветы Петровны в Киев» (М., 1744), состоящий из предисловия и четырех од, а также из виршевого «Журнала, или Описания лет и преславных побед императора Петра Великого».

Перу К., возможно, принадлежит и «Диалог двух студентов», произнесенный в присутствии Елизаветы Петровны 5 сент. 1744 (изд. под загл.: Августейшей, непобедимой императрице, ее священнейшему цесарскому величеству Елисавете Петровне, самодержице всероссийской <. . .> трегубым диалектом <. . .> сложенными рифмы приветствий и тыжде всеподданнейше приносит православная Академия Киевская. Киев, 1744), а также поставленная студентами Киевской дух. академии в тот же день псевдоисторическая панегирическая драма «Благоутробие Марка Аврелия Антонина, кесаря римского» (в 3-х актах; с 4-мя интермедиями и эпилогом; изд. Киев, 1744; Львов, 1745), в которой изображается жизненный путь дочери Петра I.

К. — предполагаемый автор «Писания о значении знак и знамен» и тезисов философского диспута со стихотворным приветствием архимандриту Киево-Печерской лавры Тимофею Щербацкому (1741; рукопись — ЦНБ АН Украины, собр. Церк.-арх. музея Киевской дух. академии, № 477). Им же написаны стихи, предназначенные для триумфальной арки Киево-Печерского монастыря (На триумфальных киевопечерских воротах до ангела, держащего хартию, стихи <. . .> сложены от Академии Киевская, а корриговал иеромонах Михаил, Академии Киевския префект. Киев, 1744).

Между 1749 и 1755 в Слуцке К. написал рус. и пол. стихами «Повествование о страдании младенца Гавриила», а также «Чин призвания новому лету».

В Киево-Выдубицком монастыре хранился гравированный портрет К. с его гербом и с двенадцатью строфами автобиографических стихов.

Лит.: *Голубев С.* Две драматические пиесы прошлого столетия // Тр. Киевской дух. академии. 1877. № 9; *Соболевский А. И.* Неизв. драма М. Козачинского // Чтение в Ист. о-ве Нестора-летописца. 1901. Кн. 15. Вып. 2, 3; *Грујић М.* Српске школе (од 1718—1739): Прилог културной историј српскога народа. Београд, 1908; *Петров Н. И.* Очерки из истории укр. лит. XVII и XVIII вв. Киев, 1911; *Резанов В. І.* Драма українська. Киев, 1926. Вып. 3; *Маслов С. І.* Мануїл (Михаїл) Козачинський і його «Трагедия о смерти последнего царя сербского Уроша V-го и о падении сербского царства» // Радянське літературознавство. 1958. № 4; *Рогович М. Д., Нічик В. М.* Філософська думка в Киево-Могилянскій академії: Мануйло Казачинський // Філософська думка. Киев, 1969. № 1; *Ерчић В.* Историјска драма у срба од 1736 до 1860. Београд, 1974.

Ю. К. Бегунов

КОЗЕЛЬСКИЙ Федор Яковлевич [1734—после 1799]. По происхождению принадлежал к войсковому казачеству; племянник *Я. П. Козельского.* Учился в Киево-Могилянской академии (с 1751), окончил класс риторики (аттестат от 31 янв. 1755 — СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 1, № 198, л. 3). По примеру дяди решил продолжить образование в столицѐ, 1 апр. 1755 подал прошение (писано *В. И. Крамаренковым*) о зачислении в Акад. ун-т. После экзамена у *Г.-Ф. Миллера* был записан в студенты, но для подготовки в языках (лат. и фр.) направлен в Акад. гимназию. 21 апр. 1758 подал прошение об увольнении из университета для возвращения в Малороссию к больным родителям. Поскольку К. «в продолжении наук дальной охоты не имел», 26 июня ему было дано свидетельство об отставке (СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 1, № 232, л. 209—213). В 1760-х гг. К. служил в армии, дослужившись до ротмистра. К кон. 1769 с чином капитана перешел на статскую службу протоколистом в Сенат. В янв. 1772 вышел в отставку, а затем поступил в Коллегию иностр. дел. К 1774 был кол. асессором; постепенно повышаясь в чинах, прослужил в Коллегии до кон. 1790-х гг. (последнее упоминание в Месяцеслове на 1799).

Некоторые дополнительные биографические подробности о К. можно извлечь из его сочинений. Ок. 1775 его постигли какие-то серьезные служебные неприятности, избавиться от которых помогло ему покровительство *Н. И. Панина*; об этом он говорит в обращенном к Панину «Письме о благодеянии» (1776). К. пользовался также поддержкой Р. Л. Воронцова, взявшего на себя, в частности, расходы по образованию сына К. («Письмо к Р. Л. Воронцову», 1777). В этом последнем произведении он писал: «. . .рок судьбы ожесточенной Судил мне в жизни жить под скудостью стесненной»; в др. сочинениях К. также довольно часто сетовал на стесненное материальное положение, что отражалось и на его литературной деятельности: поэму «Незлобивая жизнь» он из-за недостатка средств был вынужден издавать отдельными песнями, а тираж «Сочинений» не смог выкупить из Акад. типографии. В 1774 К. был причастен к деятельности масонской ложи «Урания», посещаемой мн. писателями.

В печати К. выступил в 1769, выпустив одновременно (на свой счет и небольшими тиражами) дидактическую поэму в 4-х песнях «Незлобивая жизнь» (печаталась с дек. 1769 по июнь 1770 — СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 1, № 323, л. 46, 145, 283; № 316, л. 142), трагедию «Пантея», сборник «Элегии и Письмо» и «Оду на взятие Хотина», посвященную победам А. М. Голицына (на тот же случай появились оды *М. М. Хераскова*, *А. П. Сумарокова* и др.). «Незлобивая жизнь», полуаллегорическое произведение, где действуют волшебницы, мифологические персонажи и совершаются «превращения» в духе Овидиевых, описывает судьбу благородного юноши Дикона, проходящего через искусы жизни. Он «мятется просвещением своего разума», снедаем честолюбием, жаждет оказаться в числе «вельмож»; затем начинает понимать бедственные для общества

замыслы «вельмож» и подвергается гонению развращенного и злонравного света. История чистого и чуждого общественных пороков юноши развертывается на фоне его фантастических любовных приключений, которые завершаются приобщением Дикона к Сатирам, а его возлюбленной Прианны — к Дриадам. Некоторые мотивы поэмы перекликаются с идеями Я. П. Козельского, под влиянием которого К., видимо, находился в это время. В ней присутствуют резкие инвективы против войны, отзвуки мыслей Ж.-Ж. Руссо об общественном неравенстве, сочувствие «селянину», разоряемому господами. Сама фигура Дикона, возможно, задумана как иллюстрация к тезису Руссо о противоположности естественного и общественного состояний человека.

Сюжет «Пантеи» взят из «Киропедии» Ксенофонта; трагедия посвящена не столько теме любовной страсти, сколько супружеской любви и верности; тем самым К. делал уступку проблематике «слезной драмы». Не вполне традиционны также «Элегии» К. (числом 25), в которых он, вопреки отвлеченному жанровому канону, пытается конкретизировать описание любовного чувства (некоторые из элегий сюжетно связаны между собой), вводит мотивы сословного неравенства влюбленных, противодействия родных и т. п. Не имеющее с «Элегиями» тематической связи «Письмо», которое к ним приложено (позднейшее загл. — «Письмо о вине»), представляет собой дидактическое послание о происхождении пьянства (с заключительным изображением похмелья). В его основе лежит чисто руссоистская концепция: перейдя от «естественной вольности» к «общежитию», человек познал «неволю»; страсть к пьянству возникла у людей, оказавшихся в рабстве.

Попытка К. заявить о себе в главных литературных жанрах эпохи вызвала волну сатирических насмешек. «Трутень» Н. И. Новикова (1769. Л. 13) в письме от NN к издателю оповестил о последних литературных новостях в Петербурге: «Здесь рассудка не имеющие разумными представляются. Кто может на рифмах сказать *байка, лайка, фуфайка*, тот уже печатает оды, трагедии, элегии и проч., которые, а особливо трагедию г.*, недавно напечатанную, полезно читать тому, кто принимал на ночь рвотное лекарство, и оно не подействовало». Автор анонимной сатиры «К г. издателю „Трутня“» (л. 17; выдвигались предположения о принадлежности ее *Д. И. Фонвизину*) связал имя К. с полемикой вокруг комедий *В. И. Лукина*: «. . .многие глупцы тебя ругают <. . .> „Разумный вертопрах“ <Лукина> с „Пантеею“ свидетель, Какой им дар писать парнасский дал владетель». В издательских «ведомостях» «С Парнаса <. . .> 1769 года» (л. 18) излагаются жалобы Аполлона и Муз на дерзновенных молодых писателей: «Мельпомена и Талия проливали слезы и казались неутешными». К нападкам на «Пантею» присоединился также журнал «Смесь» (предполагаемый издатель — *Ф. А. Эмин*) в «Разговоре Меркурия с издателем „Смеси“» (1769. Л. 21): «Вот еще самая новая и самая несчастная трагедия <. . .>. Но хотя люди и склонны к новостям, однако еще никто не похвалил в ней ни одного стиха и очень худо раскупают <. . .>. Вот еще того же сочинителя элегии и ода, с которой он ходил пешком 30 верст <отсчитывая размер>». Новиков, хотя и не столь резко, повторил отрицательную оценку творчества К. в целом, отметив, что элегии и «Пантея» «не весьма удачны», и лишь две оды (включая оду «На оружие на земле и на море», 1770) «имеют в себе много хорошего, а поэма „Незлобивая жизнь“ от многих и похвалу заслужила» (Новиков. Опыт словаря (1772)). В результате «Пантея» на долгие годы запомнилась как образец бездарности. Еще в 1781 в рукописной сатире «Обед Мидасов» один из персонажей произносил: «Люблю чрезмерно я трагедию „Пантею“, Стократ ее читал, а все не разумею».

Несмотря на ожесточенную критику, в 1772 К. выпустил под загл. «Дне́вная записка Федора Козельского» очередной сборник стихотворений; загл. подчеркивало, что стихи созданы в течение одного года (лишь две «надписи» особо да-

тированы 1769) и расположены в хронологической последовательности. Жанровый состав сборника расширен; в него вошли эпиграммы, басня «Паук», перевод идиллии А. Дезульер «Источник». Однако главное место принадлежит дидактико-сатирическим сочинениям. Это прежде всего три «письма»: «О вине» (перепечатка из сборника 1769); «К Алтынову» — сатира на судью («И Разин был тебя не злобнее никак, Полезнее тебя был обществу Ермак»), содержащая, среди прочего, замечания о пытках; «О моде» — осуждение современных нравов, в частности супружеских измен. Семь «размышлений» (модификация жанра «эпистолы») поднимают общепоэтические темы, характерные для поэзии херасковского кружка; однако развивает их К. более прямолинейно и иногда резко обличительно. Так, в «размышления» «О непостоянстве человеческом», «О простоте», «О честности», «О дружбе» неизменно вторгаются противопоставление знатных и простого народа, филиппики по поводу своекорыстия вельмож и дворянства в целом. В размышлении «О милосердии» К. подвергает осуждению всеобщую грубость нравов и жестокие обычаи судопроизводства (вспоминая о «богемском Венцеславе», Дракуле); в размышлении «О ласкательстве», со ссылкой на Гельвеция, иронически замечает по поводу «власти» (возможно, имея в виду непосредственно *Екатерину II*): «То как ты ей, хоть лжет, не скажешь: „справедливо“, Когда не хочешь жить в Камчатке несчастливо; И как не скажешь ей ты благосклонно: „так“, Боясь, чтоб не попасть, где странствовал Ермак». В размышлении «О любви отечества» наряду с общими мыслями о патриотизме К. особо останавливается на защите рус. искусства, призывая оказывать ему внимание и покровительство: «Нередко ты найдешь такие мысли в русском, Каких не сыщешь ты и в авторе французском»; отдавая должное фр. писателям (Ж. Мольеру, Ж. Расину, Н. Буало, Ф.-Н. Детушу) и философам (Ш. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, К.-А. Гельвецию), он одновременно подчеркивает, насколько важнее для общества произведения, созвучные его потребностям: «Не так как на чужих ты смотришь мастеров, На то, что начертал в России Соколов». Несмотря на остроту публицистических высказываний К., в основе их лежала умеренно истолкованная теория «естественного договора» и «упадка нравов», что не позволяет отнести К. к радикальному крылу рус. Просвещения; хотя во многом эти высказывания были созвучны выступлениям сатирических журналов Новикова, К. остался непризнанным группировавшимися вокруг них писателями.

После 1772 К. опубликовал несколько стихотворений «на случай» — «письмо» к П. А. Румянцеву (24 июля 1774) и «приветствие» ему же на прибытие в Москву (10 июля 1775), «Письмо к Е*<ропкиной (?)>», стихи «на дачу» Нарышкиных (оба произв. — 1776) и оды на бракосочетание вел. князя Павла Петровича (26 сент. 1776) и рождение Александра Павловича (12 дек. 1777). Апология наследника Павла Петровича занимает много места и в единственном крупном произведении «Письмо о благодеянии», адресованном Н. И. Панину (Собр. новостей. 1776. № 6 и отд.).

К. откликнулся на призыв «СПб. учен. вед.» почтить память известнейших рус. писателей стихотворными «надписями» к их портретам. Но, напечатав «надписи», посвященные *Феофану Прокоповичу*, *А. Д. Кантемиру* и *Н. Н. Поповскому* (1777. № 11), издатели сразу же (№ 12) поместили насмешливые замечания по поводу неуместного употребления в стихах К. слова «вот» и пригласили желающих присоединиться к этой критике: «...что же принадлежит до чистоты и правил стихотворства, то оставляем об оном судить славным нашим гг. стихотворцам».

В 1778 К. на собственный счет издал в Акад. типографии итоговый сборник «Сочинения» (ч. 1–2), включив сюда все ранее напечатанное (отсюда указание: «изд. 2-е, испр. и вновь приумноженное»). Из новых произведений наиболее примечателен раздел переложений псалмов и «Размышление о зависти». Последнее представляет от-

вет К. своим давним критикам, прежде всего Новикову и *М. И. Попову* (составителям «Опыта исторического словаря о российских писателях» (1772)), и написано, вероятно, вскоре после выхода этого издания. Раздраженный постоянными насмешками с разных сторон, К. резко (вплоть до грубости) порицает угодничество составителей словаря перед авторами знатного происхождения, внимание к мелочам и общее недоброжелательство к современникам. В «Сочинения» не была включена «Пантея», но вошла новая трагедия К. «Велесана», подражание «Меропе» Вольтера. В сюжете о княгине Ольге и древлянах К. отбросил сказочные мотивы летописного рассказа; в пьесе Ольга притворно выражает покорность браку с князем Израдом вплоть до того момента, как Святослав побеждает войско древлян. По-видимому, к «Велесане» относится эпиграмматическая вставка в «Душеньке» *Ип. Ф. Богдановича* о трагедии, героиня которой, «сказав „люблю“, бежала из покоя, И ахать одного оставила героя». С выходом «Сочинений» связано и упоминание К. в «Сатире первой» (1780) *В. В. Капниста* (под именем «Котельского») в числе бездарных стихотворцев. Главной причиной всех этих нападок были тяжелое стихосложение, стилистическая глухота К. («. . .я песнь царице здесь отрыгну» — см. адресованную Екатерине II в 1784 оду) и его неспособность учитывать изменение литературных вкусов.

К. пытался печататься в «СПб. вестн.» («Скука» и «Эпистола к Д.* А.* Ф.*» — 1780. № 9–10) и «Собеседнике» («Надгробная Р. Л. Воронцову» — 1783. Ч. 10); к 1784 относятся его оды к императрице «на новый <. . .> год», «на день восшествия»; в связи с нач. рус.-тур. войны написано «песнопение на победоносное оружие» (26 сент. 1788), после чего К. совсем ушел из литературной жизни.

Лит.: *Модзалевский В. Л.* Малорос. родословник. Киев, 1910; *Семенников В. П.* Рус. сатир. журналы, 1769–1774 гг. СПб., 1914; Гуковский. Очерки (1938); *Сенников Г. И.* Идейный предшественник А. Н. Радищева: (Поэзия Ф. Козельского) // Проблемы метода и стиля. Челябинск, 1976.

В. П. Степанов

КОЗЕЛЬСКИЙ Яков Павлович [1728, м. Кемберда Полтавского полка–после 1793, Малороссия]. Происходил из войскового укр. казачества; старший брат К., также Яков, в 1767 был депутатом Комиссии нового Уложения (в некоторых биографиях сведения о братьях совмещены). К. окончил класс риторики в Киевской дух. академии, в сент. 1750 получил паспорт для поездки в Петербург и 9 нояб. был зачислен в Акад. гимназию. На основании отзыва ректора *С. П. Крашенинникова* об успехах в науках, лат., нем. и фр. языках в марте 1752 переведен в Акад. ун-т; уже с 1753 вел нем. класс в Акад. гимназии. 22 мая 1757 уволился из Академии для поступления в Преображенский полк; с 1758 состоял при петербургском коменданте генерале И. И. Косагове, занимаясь, видимо, инженерными делами, т. к. его офицерское производство началось с чина инженер-прапорщика. С 1763 — преподаватель класса механики Арт. и инж. корпуса. По поручению директора А. Н. Вильбоа выпускает свои первые сочинения (учебники для кадет) — «Арифметические предложения» и «Механические предложения» (1764); задуманная «Гидравлика» осталась неосуществленной. По-видимому, учебные цели преследовали также переводы «Начальных оснований фортификации» Х. Вольфа (1765) и «Сочинения об осаде крепостей» (1770). В эти же годы К. печатает ряд переводов общественно-исторического содержания, отражающих его чисто просветительский интерес к политическим вопросам. Можно предположить, что выбор трагедии Т. Отвея «Возмущение против Венеции» (с нем., 1764) был обусловлен высказываниями автора о тирании аристократии и ее равнодушии к благу государства. В предисловии К. высказал свое предпочтение прозы стихам, которые он скептически оценивает как «трудный и принужденный род писания». Основной интерес для него представляют тема и содержание:

«. . .хорошая материя хотя стихами или прозою, только ясно написанная, любопытному читателю всегда приятна быть может. . .». Свои переводы К. в предисловиях и примечаниях к тексту определенным образом ориентирует на современность. В предисловии к переводу «Истории датской» Л. Гольберга («которую сократил и приписал к ней свои примечания»; 1765—1766. Ч. 1—2) он развивает мысль, что знание истории др. народов полезно для подражания «добрым их законам» и для отвращения от дурных. Книгу Р. Верто д'Обефа «История о переменах, происходивших в Швеции в рассуждении веры и правления» (1764—1765. Ч. 1—2) К. рекомендует не только за точное и живое описание «важных случаев», но и за «праведное и беспристрастное рассуждение о всех в истории людях». Он резко высказывается против войны как общественного зла и за секуляризацию церковных богатств, полемизирует с Гольбергом по поводу оценок государей-завоевателей, противопоставляя им добрых правителей, «отцов-экономов» своего народа. Затрагивает К. и такие темы, как «предрассуждение народное», соотношение цивилизации и добродетели и т. п. Швед. систему правления (в отличие от *Н. И. Панина*) К. оценивал весьма скептически. В примечании к труду Верто он подчеркнул слабость страны, где королевскую власть «похищают» дворянство и духовенство.

Вера К. в возможности просвещенной монархии отразилась в издании переводов книг Э. Шоффена «История славных государей. . .» (1765; посв. вел. кн. Павлу Петровичу) и К.-Ф. Мозера «Государь и министр» (1766; посв. *Екатерине II*). В Павле К. желал бы видеть второго Нуму Помпилия, соединившего «высочайшую власть с философией»; императрицу превозносит за заботы о благополучии подданных и «возращение полезных знаний», выражая надежду, что при ней Россия будет жить «в тишине», «исчезнет имя нищеты и бедности». Отрывочно изложенная позитивная программа К. включает установление твердых законов, соблюдение правосудия, награждение по заслугам, а не по роду. К. призывает к равномерному распределению общественного труда, в частности к введению для всех обязательного восьмичасового рабочего дня.

Преподавательская и переводческая деятельность К. находила поддержку в Арт. и инж. корпусе и у влиятельных лиц. В предисловии к ч. 1 книги Верто К. благодарил Вильбоа за поощрение в переводах и сочинениях; ч. 2 посвящена Е. А. Нарышкиной как большой любительнице чтения. «История» Гольберга поднесена Г. Г. и Ф. Г. Орловым, которым переводчик был обязан «милостью и благодеянием». Тем не менее в марте 1766 К. уходит из корпуса (официальная причина — «по болезни») и в апр. определяется к статским делам, секретарем 3-го Деп. Сената. Наиболее известное произведение К. «Философические предложения» (1768) печаталось уже в Сенатской типографии. Хотя сам К. свидетельствовал, что работал над книгой всего год, она явилась плодом его широкой, хотя и несистематической, начитанности. В 1770 в рамках деятельности Собрания, старающегося о переводе иностр. книг К. напечатал два тома «Статей о философии и ее частях из Энциклопедии» и собирался издать «Историю критической философии» Ж.-Ж. Лефрансе де Лаланда (в печати неизв.).

Внешне примыкая к серии общеобразовательных сочинений (общий очерк философии как науки), «Философические предложения» по существу ставили более широкую просветительскую задачу. Общий раздел «теоретической философии» К. традиционно изложил по Ф.-Х. Баумейстеру. Основную же часть книги заняло изложение новейшей «нравоучительной философии» с использованием трудов Ж.-Ж. Руссо, Ш. Монтескье, К.-А. Гельвеция, Э. Шефтсбери и др. современных авторов. «Нравоучительную философию» К. предлагает в качестве науки «искания общественного благополучия». Отрицая схоластику и теологию (в отличие от этических построений рус. масонства), К. вслед за Гельвецием связывает этику с «политикой», т. е. с характером общественного

устройства. Для полного успеха нравственного воспитания оно должно быть подкреплено «праведными законами». Широко используя теорию «общественного договора» Руссо, К. вместе с тем полемизирует с призывом вернуться к «натуральному» состоянию общества и возлагает надежды на то, что истинное просвещение исправит пороки развитой цивилизации. В области религии К. выступает как деист. Сам К., видимо, рассматривал «Философические предложения» в качестве частичной программы «просвещенного абсолютизма». В посвящение книги генерал-прокурору А. А. Вяземскому он включает похвалу «золотому веку» Екатерины II и прямое пожелание «праведного исполнения того предвещания, что народы будут тогда благополучны, когда обладатели философствовать или философы обладать станут» (перифраз из Платона). Книга К. не имела широкого отклика. Но сходные рассуждения о соотношении «добродетели», «разума», «законов» находим у *Д. И. Фонвизина* и некоторых др. авторов кон. XVIII в. В мае 1770 К. сдает секретарские дела и с награждением чином уезжает в Глухов на полковничью вакансию, членом Малорос. коллегии; одновременно он занимался там разбором старых дел коллегии. Осенью 1778 выходит в отставку, поселившись в имении Крутой берег Лубенского полка. В 1788, получив место «сочинителя» в дирекционной комиссии при Комиссии нового Уложения, возвращается в Петербург и публикует здесь свое последнее произведение «Рассуждение двух индийцев, Калана и Ибрагима, о человеческом познании» (2-е изд., испр. и доп. 1788; посв. Екатерине II). Возможно, книга была заблаговременно отправлена для печатания в Петербург через известного врача Н. М. Амбодика-Максимовича, которым первоначально и была издана под загл. «Китайский философ. . .» без упоминания имени К. и с обозначением «перевод». Издание Максимовича (с посв. вице-президенту Мед. коллегии А. О. Закревскому от имени издателя, 20 марта 1788) поступило в продажу 20 мая; объявление об издании К. появилось 4 июля. По сравнению с контрфакцией Максимовича его отличают многочисленные исправления, гл. о. стилистического характера; помета «конец тома первого» предполагает, что К. собирался продолжить книгу.

Сочинение представляет собой популярное изложение сведений о трех царствах природы, а также начатков учения о движении тел в форме «разговоров» двух сельских жителей. Во вступлении «Искренний совет истинной дружбы», обращенном К. к своим детям, и первом «разговоре» содержатся некоторые автобиографические данные, общие замечания о цели литературного творчества, стиле прозы, чистоте языка, цензуре и т. п. Высказывалось предположение (документально не подтвержденное), что книга сочинена К. совместно с Максимовичем. С 1791 К. кроме работы в комиссии занимал также должность инспектора в Гимназии для чужестранных иноверцев, где обучались дети выходцев из Греции. В июле 1793 он получает аттестат о службе и окончательно выходит в отставку.

Лит.: *Столпянский П. Н.* Один из незаметных деятелей екатерининской эпохи // Рус. старина. 1906. № 12; *Бак И.* Я. П. Козельский // Вопр. истории. 1947. № 1; Избр. произв. рус. мыслителей второй пол. XVIII в. М., 1952. Т. 1; *Папаригопуло С. В.* О двух Козельских // Вопр. истории. 1954. № 8; *Коробкина О.* К биографии Я. Козельского // Учен. зап. ЛГУ. 1955. № 200; *Коган Ю. Я.* Просветитель XVIII в. Я. П. Козельский. М., 1958; *Лотман Ю. М.* К биографии Я. П. Козельского // Вопр. философии. 1959. № 8.

В. П. Степанов

КОЗИЦКИЙ Григорий Васильевич [1724, Киев—26 XII 1775 (6 I 1776), Москва]. По всей видимости, принадлежал к беспоместным малорос. дворянам (диплом на рус. дворянство получил лишь 22 сент. 1767 — РГАДА, ф. 10, оп. 1, д. 564, ч. 3, № 280). Учился в Киево-Могилянской академии, где близко подружился с *Н. Н. Мотонисом*; в

дальнейшем их судьбы тесно переплетаются. В 1747 они успешно закончили класс у Гедеона Слонимского, особенно интенсивно занимаясь лат., греч. и евр. языками, и были переведены в класс логики. Однако благодаря представившейся возможности присоединиться к свите молодых графов Гудовичей, друзья решили завершить свое образование в Германии. Получив аттестат за подписью *Варлаама Лащевского* (1 мая 1747), К. и Мотонис 21 июля выехали в Силезию, а 20 авг. поступили в гимназию св. Елизаветы в Бреславле, где проучились полтора года у И.-Ф. Бурга. 18 апр. 1749 с похвальными отзывами об успехах и добропорядочном поведении они уезжают в Лейпцигский ун-т. Не имея никакой материальной поддержки от родных и воспользовавшись советом и протекцией профессора Г. Гейнзиуса, они 19 авг. 1749 обратились в Академию наук с просьбой числить их своими пенсионерами на трехлетний срок, пока они будут изучать в Лейпциге языки, философию и математику. 28 окт. И.-Д. Шумахер в письме Гейнзиусу оговорил условия приема К. и Мотониса в число студентов Акад. ун-та, а после их присяги «в верности» (в письме от 27 нояб. 1749) им было определено (указом 31 авг. 1750) жалованья по 100 руб. ежегодно. При этом Академия сочла необходимым подчеркнуть, что студенты должны осваивать великорос. язык и стиль, правописание и орфографию.

К заграничному периоду относится первая литературная работа К. и Мотониса — перевод с новогреч. на лат. язык сочинения Ильи Минятия «Камень соблазна», посвященного истории разделения зап. и вост. церквей. Двуязычное издание книги было подготовлено согласно научным требованиям времени: с проверкой цитат, исправлением погрешностей подлинника и предметным указателем (Бреславль, 1752; посв. Варлааму Лащевскому).

В Петербург К. и Мотонис прибыли в сент. 1756 и сразу включились в работу Академии. К. был назначен учителем в высший лат. класс Акад. гимназии. По выбору *М. В. Ломоносова* он переводит на лат. язык его «Слово о происхождении света. . .» (произнесено 1 июля 1756; прошение о печатании — 13 мая 1757); вслед за этим Ломоносов поручает К. заново перевести «Слово о пользе химии» (апр. 1759; первый перевод Ф. Я. Яремского, 1752).

Ломоносов, преобразовывавший Акад. ун-т в соответствии со своим проектом, активно содействует К. в служебной деятельности. 14 февр. 1760 он поручает ему преподавать красноречие и «греческие и латинские словесные науки», с обещанием звания профессора. По инициативе Ломоносова 12 мая 1760 рассылается на отзыв профессорский «спесимен» (диссертация) К., а в июле и авг. 1760 Ломоносов ставит в упрек Акад. канцелярии, что К. до сих пор не произведен в профессоры. Со своей стороны К. занимает довольно независимую по отношению к администрации позицию. Будучи 15 марта 1759 произведен в адъюнкты, он 29 сент. вступает в конфликт с Акад. канцелярией по поводу, как он считал, незаконного требования К.-Ф. Модерахом отчетов об учебной работе, а 5 марта 1761 официально заявляет о нерадении Модераха в должности инспектора гимназии.

В прочитанных К. курсах красноречия заметно сказывается влияние нем. школы. Ученик И.-Ф. Бурга, автора популярных «Elementa oratoria. . .», он в 1761 разбирает оды Горация, в 1762 предлагает слушателям курса риторики упражнения в стиле по книге И. Шефера «De simpliciori faciliorique descendi latinam linguam ratione», а в 1763 переходит к учебнику И.-А. Эрнести «Initia rhetorica».

Уже в январской книжке «Ежемес. соч.» за 1757 К. заявил о себе как переводчик, обновляющий репертуар переводов с греч. и лат. языков, поместив извлечения из Лукиана («О плаче над мертвыми. . .»). Однако дальнейшее его сотрудничество в журнале, подведомственном Акад. канцелярии, ограничилось публикацией моральной аллегории «Видение мирзы» из «Зрителя» Р. Стиля и Дж. Аддисона (скорее всего, с нем. перевода), получившей позднее широкую по-

пулярность в России. Решающую роль, как можно предположить, сыграли симпатии К. к литературной группе *А. П. Сумарокова*, разошедшейся с редакцией журнала. В 1758 К. анонимно перевел для «Ежемес. соч.» хвалебную рецензию на «Синава и Трувора» из «Journal étranger» (1755), а после основания Сумароковым «Трудолюбивой пчелы» (1759) печатался исключительно в его журнале. Когда 12 апр. 1760 К. предложили взять на себя редактирование переводов в «Ежемес. соч.», он отказался.

«Трудолюбивая пчела» открывалась статьей К. «О пользе мифологии», доказывавшей необходимость изучения и усвоения античности в России. К. рассматривал мифологию как античное предание (в отличие от писаной истории) и показывал, что под покровом сказки в ней заключены начало и источник современных литератур, искусств, исторических и даже естественных наук. Собственные переводы К., хотя и прозаические, идут в русле поисков молодой поэтической школы. Он переводит оды Сафо (один из переводов Сумароков перелагает в стихи), идиллии Мосха и Биона, героиду «Филлида к Демофонту» и др. эпизоды из «Превращений» Овидия. Интерес к философии уступает место этике в переводах «Разговора о добродетели» Эсхина («Можно ли оную приобресть учением. Сократ и его друг») и «Врачевания жития. . .» пифагорейца Димофила. К. вводит в рус. традицию жанр «разговоров в царстве мертвых», переводя «разговоры» 2—5 Лукиана и его «Торг жизней», содержавший ироническую оценку философских систем Пифагора, Диогена, Демокрита, Гераклита, Сократа, Хрисиппа. Выбор отрывков из «Фарсалии» Марка Анния Лукана и «Истории» Тита Ливия говорит о восхищении К. гражданскими добродетелями республиканского Рима. Кроме того, ему принадлежит перевод отрывка из «Сказки о бочке» («О естестве <. . .> войны и ссор»; текст из нем. издания, гипотетически приписываемый Дж. Свифту). После прекращения «Трудолюбивой пчелы» (дек. 1759) имя К. надолго исчезает из печати.

Еще в янв. 1762 К. был прикомандирован к Комиссии нового Уложения для «поправления российского штиля». До февр. 1763 он ок. полугода отсутствовал в университете (официальная причина — болезнь), а в нояб. 1763 перешел секретарем «для корреспонденции с иностранными государствами» во вновь созданную и возглавленную Г. Г. Орловым Контору опекунства иностранных, став, по сути, секретарем фаворита. В этом качестве он в сер. 1765 вместе с Мотонисом разбирал приобретенные Орловым архив и библиотеку Ломоносова.

Новая служба приблизила К. ко двору. В кон. 1765 *Екатерина II*, работая над «Наказом», использует его как технического помощника. К. переводит подобранные императрицей материалы на рус. язык и оригинал «Наказа» с фр. на рус. язык (на разных стадиях его обработки), а также осуществляет окончательную языковую и стилистическую правку. Особенно интенсивно он занимается этим в марте—апр. 1766 и в 1767 (печатный текст «Наказа» датирован 30 июля 1767).

В мае 1767 К. вместе с Орловым сопровождал Екатерину II во время путешествия по Волге и оказался в числе участников коллективного перевода романа Ж.-Ф. Мармонтеля «Велизарий» (1768; 3-е изд. 1785), осуществленного узкой группой придворных. На К. были возложены координационные обязанности; он исправлял ошибки разных участников работы и старался придать единство слогу перевода. Самому К. в издании принадлежит перевод гл. 15 и окончания гл. 5 (начатой Г. Г. Орловым). 5 июня из Симбирска вместе с В. Г. Орловым, осматривавшим поселения иностранных колонистов, К. спускается до Царицына, откуда возвращается в Москву (13 июля).

Во время путешествия по Волге К. деловитостью, образованностью и умением стоять в стороне от придворных интриг окончательно завоевал доверие императрицы. По ее поручению в 1767 он выполняет ряд срочных подготовительных работ для Комиссии нового Уложения (проект избрания депутатов от мещан и цеховых и др.). С открытием заседаний в руках К.

сосредоточивается делопроизводство по комиссии; в частности, он оформляет и контрассигнует подписанные императрицей акты, связанные с деятельностью комиссии. Сам К. с 13 авг. 1767 был депутатом комиссии, представляя Контору опекунства иностранных. Наконец, 24 июля 1768 Екатерина II определяет К. в статс-секретари по принятию челобитных вместо И. П. Елагина (РГАДА, ф. 10, оп. 1, д. 564, ч. 4, № 222). На самом деле круг его обязанностей оказывается значительно шире, т. к. он постоянно вовлекается в литературные предприятия императрицы.

Вместе с А. П. Шуваловым К. в 1768–1770 подбирает и проверяет материалы для составлявшегося императрицей в строжайшей тайне «Антидота», редактирует и переписывает его окончательный текст, по всей видимости, наблюдает за анонимным изданием 1770. Ему поручается и в его пользу печатается четырехъязычное издание «Наказа», в котором К. принадлежит лат. перевод, предназначенный для ученой европ. среды. В 1768 К. встает во главе Собрания, старающегося о переводе иностр. книг (о его создании объявлено 26 окт.), официально совместно с В. Г. Орловым и А. П. Шуваловым, которые, однако, только номинально числились на этой должности. Его литературные интересы прослеживаются в тексте программы общества, в подборке рекомендованных к переводу авторов (особенно широко представлены античные писатели). Организация Собрания, старающегося о переводе иностр. книг оплачивалась Кабинетом е. и. в., и это давало К. возможность материально поддержать широкий круг недостаточных литераторов. Через К. заказывались переводы, он определял размеры гонораров и оформлял выплаты.

Задумав журнал «Всякая всячина», Екатерина II с 1 янв. 1769 поручила К. его редактирование. При этом он должен был скрывать руководящую роль императрицы в издании. В его обязанности входила литературная обработка поступающих материалов. Вклад самого К. в сатирическую журналистику 1769 остается, однако, не в полной мере выясненным. С достаточным основанием ему приписываются статьи во «Всякой всячине» (подп. — «Герасим Курилов», «Галактион Какореков», «Гервасий Колдовалов», «Гурий Короткоумов», «Гамалиил Коснодумов»). В них содержатся критические замечания по адресу современных писателей (в частности, одна из статей направлена против Новикова и его «Трутня»), призывы учиться у классических авторов и совершенствовать рус. литературный язык. Предполагается, что К. также переделывал для журнала статьи из англ. моралистических еженедельников (с фр. переводов) и что ему принадлежат некоторые редакционные замечания. Вероятно, он же издал и завершение журнала — «Барышек Всякой всячины» (1770). Новиков отметил, что слог К. «чист, важен, плодовит и приятен», а «посему некоторые заключают, что „Всякая всячина“ <. . .> есть произведение пера его» (Новиков. Опыт словаря (1772)). Позднее в «Живописце» (1772) Новиков поместил благодарственное письмо к К. от ит. археолога Доминика Диодати (от 7 окт. 1771, в ответ на присланный в подарок экз. «Наказа»), содержащее похвалы языку К.

В эти же годы К. одновременно приходилось выполнять мелкие должностные переводы, вроде прибавлений к «Нынешнему способу прививать оспу» лейб-медика Ф. Димсдейля и «Рассуждения о строении мира» Ф. Эпинуса (оба — 1770). В последние годы службы при дворе К. вместе с *И. Е. Глебовским* подготовил к изданию «Древний летописец» (1774–1775. Ч. 1–2).

В 1770-х гг. К завершает свой основной труд — полный прозаический перевод «Превращений» Овидия (1771–1774. Ч. 1–2), высоко оцененный современниками. В связи с его появлением Сумароков писал К.: «Кто не удивится из наших потомков, что вы и я в одно время жили с несмысленными авторами и переводчиками».

К. имел репутацию тонкого стилиста и знатока языка. Тот же Сумароков в борьбе с «несмысленными писцами» обращался к его авторитету в притчах «Арап», «Пор-

ча языка» (1769) и в статье «О правописании» (1774). Известно, что он работал над трудом о современной орфографии; это сочинение, как не вполне еще завершенное, упоминает В. П. Светов в предисловии к «Опыту нового русского правописания» (1773), называя переводы К. «достойным подражания примером российского слова». Сумароков, *М. М. Щербатов* и др. писатели, печатавшиеся в Петербурге, доверяли К. корректуру своих сочинений.

В течение долгого времени К. был посредником между императрицей и литераторами, обращавшимися с прошениями на высочайшее имя через его канцелярию; Сумароков при вступлении К. в должность статс-секретаря несколько витиевато выражал надежду, что, «защищая истину и невинность», он будет «исполняти то место», которое ему «от Бога и его наместницы по достоинству к пользе общества, и к удовольствию друзей, и к облегчению страждущих поручено». Общественные связи К. действительно были широки, в особенности по переводческой работе Собрания, старающегося о переводе иностр. книг, в которую было вовлечено свыше ста человек. Среди переводчиков некоторые были сослуживцами К. по Академии наук или его учениками; с другими он мог познакомиться во время работы Комиссии нового Уложения в 1767. В 1773 по инициативе К. печатание мн. подготовленных Собранием, старающимся о переводе иностр. книг изданий было передано *Н. И. Новикову*, что послужило основой для начала деятельности его О-ва, старающегося о напечатании книг (1773–1774). В дальнейшем К. по поручению императрицы вел переговоры с Г.-Ф. Миллером о подборе и выдаче Новикову исторических документов для публикации в «Древней российской вивлиофике» и «Сокровище российских древностей»; через него же эти издания субсидировались из сумм Кабинета.

К. был близок не только с писателями, но и с театрально-художественными кругами. Об этом свидетельствует надпись Е. П. Чемесова, руководителя гравировального класса Академии художеств в 1762–1765, на портрете *Ф. Г. Волкова* (март 1764; с ориг. А. П. Лосенко): «. . . вырезал я сие лица его изображение и вручением оного Мотонису и Козицкому по завещанию его самого, любезного моего и их друга, свидетельствую искреннюю мою к ним дружбу».

В сент. 1774 К., ссылаясь на пошатнувшееся здоровье, просил уволить его от службы; 10 июля 1775 он получил отставку и переехал в Москву. 21 дек. он покушался на самоубийство, а через 5 дней скончался от нанесенных себе в состоянии помешательства ножевых ран.

К концу жизни К. стал обладателем крупного состояния. В июне 1767 в Симбирске он познакомился с дочерью богатого купца и промышленника И. С. Мясникова. Посватавшись в 1770, он в нач. 1771 женился на Е. И. Мясниковой. Брак получил одобрение императрицы, пожаловавшей К. по случаю свадьбы 10 000 руб.; за женою он, кроме денег, получил 1000 душ крепостных в Пензенском у. и через нее породнился с фамилиями Дурасовых, Бекетовых, Пашковых. Эти наследники мясниковских миллионов оставили след в топографии Москвы («Пашков дом», «Козицкий переулок»). Сам К. как литератор и придворный деятель был довольно быстро забыт. Семейство же безродного малороссиянина дало несколько ярких фигур в культурной истории России. Е. И. Козицкая, например, стала приятельницей Ж. де Сталь во время приезда ее в Россию. Старшая дочь К., Александра Григорьевна (1772–1850; в замуж. графиня Лаваль), рождение которой стихами приветствовал еще Сумароков, прославилась в качестве хозяйки блестящего светского салона в Петербурге, где бывали Н. М. Карамзин, А. С. Пушкин и мн. др. писатели первой трети XIX в. Младшая дочь, Анна Григорьевна (1773–1846), вышла замуж за кн. А. М. Белосельского-Белозерского; в московском доме их дочери, поэтессы З. А. Волконской, в 1820-х гг. составился музыкально-литературный салон, в котором собирались писатели пушкинского круга. Внучка К., Екатерина Ивановна Лаваль, ста-

ла женой декабриста С. П. Трубецкого и изображена в поэме Н. А. Некрасова «Русские женщины».

Личные бумаги К. после его смерти согласно приказанию Екатерины II московскому генерал-губернатору М. Н. Волконскому (от 27 янв. 1777) просматривались властями. Судьба их неизвестна. Служебные документы К. хранятся в РГАДА, в фонде статс-секретарей.

Лит.: *Лонгинов М. Н.* Наследство и потомство Мясникова (рукопись) // ИРЛИ, ф. 93, оп. 2, № 153, л. 42–52; Письма к Козицкому (М. М. Щербатов, И. И. Мелиссино, Н. И. Новиков, А. П. Сумароков, И. П. Елагин) // Летописи рус. лит. и древностей. М., 1859–1860. Т. 3, кн. 6; М., 1862. Т. 4; Мат-лы для истории Академии наук. Т. 8–10 (1895–1900); *Пыпин А. Н.* Об авторе «Антидота» // Екатерина II. Соч. СПб., 1901. Т. 7; «Наказ» имп. Екатерины II... / Под ред. Н. Д. Чечулина. СПб., 1907; Семенников. Собрание, старающееся о переводе книг (1913); *Столпянский П. Н.* Женщины старого Петербурга (графиня Лаваль) // Наша старина. 1917. № 3; Штранге. Демокр. интеллигенция (1965); *Степанов В. П.*: 1) Новиков и его современники: (Биогр. уточнения) // XVIII век. Л., 1976. Сб. 11; 2) Забытые стихотворения Ломоносова и Сумарокова // Рус. лит. 1978. № 2; Кулябко. Замечательные питомцы (1977); Письма рус. писателей (1980).

В. П. Степанов

КОЗЛОВА Александра Ивановна. Переводчица с фр. повести Ж.-П.-К. Флориана «Естелла, пастушеская повесть г. Флориана, сочинителя Нумы Помпилия» (1789) о взаимной любви юных пастуха и пастушки, которые расстались, повинуясь благородным побуждениям, но затем вновь соединились. Текст повести предваряется пространным авторским рассуждением об особенностях и достоинствах пастушеской поэзии. К. посвятила свой перевод, выполненный «при руководстве учителя», «дражайшим родителям».

Повести и рассказы Флориана в пасторальном духе пользовались большим успехом во Франции и России. В том же году в Москве был напечатан др., более полный за счет примечаний, перевод той же повести «Эстелла, новый пастушеский роман г. Флориана», выполненный неким М. К.

А. И. К-вой посвящены стихи — «благодарность за подарок вышитой ею книжки», анонимно опубликованные в «Аглае» (1812. Ч. 14. Июнь. С. 81–83). В них упоминается брат К. — В. И. Козлов, юноша-поэт (1793–1825).

Е. Д. Кукушкина

КОЗЛОВСКИЙ Федор Алексеевич [кон. 1740-х гг.–24 VI (5 VII) 1770]. Родился в семье сенатора кн. А. С. Козловского, впосл. обер-прокурора Синода. Образование получил в Унив. гимназии. По окончании ее служил в Преображенском полку. В «Записках» *Г. Р. Державина* рассказывается эпизод, относящийся к 1762 (время коронации *Екатерины II*): «Живший тогда на Тверской улице» в Москве, К. читал свою трагедию *В. И. Майкову*; вестовой Державин хотел послушать чтение, но К. якобы заметил ему: «Поди, братец служивый, с Богом, что тебе попусту зевать, ведь ты ничего не смыслишь». В 1763 у К. в Петербурге завязались дружеские отношения с *Д. И. Фонвизиным*, они вместе посещали театр. Среди их общих знакомых были актер *И. А. Дмитревский* и *В. А. Аргамаков* (впосл. зять Фонвизина). Вспоминая о своей «тесной дружбе» с К. в «Чистосердечном признании», Фонвизин характеризовал его как крайнего вольтерьянца, которого «лучшее препровождение времени состояло в богохулении и кощунстве». 10 мая 1764 К. по указу *Екатерины II* получил назначение за обер-секретарский стол 4-го Деп. Сената, а в 1767 был взят в Комиссию нового Уложения. В дек. 1768 К. был отправлен курьером к А. Г. Орлову в Италию, с поручением доставить в Ферней к Вольтеру бумаги и подарки Екатерины II. В сопроводительном письме к Вольтеру (от 8 дек. 1768) Екатерина упоминала, что К. «ходатайствовал как о высшей для себя милости быть посланным в Фернэ». К. был у

Вольтера в нач. 1769 и передал ему также письмо *А. П. Сумарокова*, касающееся полемики о «слезной драме». В ответном письме драматургу (от 15 февр. 1769) Вольтер лестно отозвался о К., подчеркнув, что видит в нем ученика Сумарокова. Письмо Вольтера, очевидно, было доставлено в Россию через *А. И. Мусина-Пушкина*, т. к. К., по сообщению *П. М. Карабанова*, «приехав в Италию, оставлен был при графе Орлове и находился при нем до самого Чесменского боя». Существуют, однако, некоторые основания предполагать, что К. вернулся в Петербург и какое-то время продолжал службу при *Н. И. Панине*. В переписке фр. дипломатов за янв. 1770 упоминается о личном секретаре Панина, некоем Козловском, имевшем доступ к секретным делам, который из-за какой-то скандальной истории потерял свой пост в два дня; на его место был назначен Д. И. Фонвизин. Возможно, речь идет именно о К.

Во время Чесменского сражения К. находился на корабле «Евстафий» и погиб при его взрыве. Памяти К. *В. И. Майков* посвятил стихотворение «Письмо В. И. Бибикову о смерти князя Ф. А. Козловского. . .» (1770). Гибель К. описал также *М. М. Херасков* в поэме «Чесмесский бой» (1771). Анонимная кенотафия К. помещена в издании: Новиков. Опыт словаря (1772). Упоминание о смерти К. (на 21-м году жизни) см.: Лейпцигское известие (1771; фр. пер.).

Сведения о творчестве К. довольно скудны и разноречивы. Отзывы о К. в указанном анонимном издании в общем неодобрительны. Его автор сообщает, что К. «написал очень немного мелких произведений в стихах и прозе, и те не совсем удачны»; одноактная комедия К. «Одолжавший любовник» («Любовник в долгах»), поставленная на придворной сцене в июне 1764, оценивалась «тоже не выше посредственности». Лишь вольный перевод комической оперы «Annette et Lubin» назван «весьма недурным». В издании: Новиков. Опыт словаря (1772) — упомянуто это «превосходное подражание» опере Ш.-С. Фавара, а также перечислены песни, эклоги, элегии и др. мелкие стихотворения К., незавершенная трагедия «Сумбека», посвященная истории взятия Казани, «Слово похвальное Екатерине Великой» (не законч.). Кроме того, «он перевел, — сообщает *Н. И. Новиков*, — много комедий для российского театра и других разных материй». Из перечисленных произведений в настоящее время известны лишь «Идиллия» («Мениса дорогая. . .») и «Эклога. Что в красоте есть лучшее, или Миртилл», напечатанные посмертно в журналах «Вечера» (1772. Ч. 2) и «Моск. ежемес. изд.» (1781. Ч. 2. Июль). Оба стихотворения отличаются легкой гривуазностью. К. принадлежат также «Стихи И. А. Дмитревскому, на представление „Синава и Трувора". . .» (ранее приписывались А. П. Сумарокову), датируемые 1766. Здесь К. живо характеризует актерские приемы Дмитревского. Известны две статьи о словопроизводстве, которые были переведены К. для сборника «Переводы из „Энциклопедии"» (1767. Ч. 1–3), составленного М. М. Херасковым. Возможно, К. сочинил или перевел комедию «Наследство»: в «Описи библиотеки Д. Н. Шереметева» (СПб., 1883. С. 415) автором этой «письменной комедии» значится «князь Козловский». Стихи, напечатанные под именем К. в «Сборнике любовной лирики XVIII века» (СПб., 1910), в действительности принадлежат П. Б. Козловскому.

По-видимому, К. как поэт был хорошо известен в 1760–1770-х гг. Державин упоминал о том, что стихи К. нравились ему более других «по легкости слога» и что он у К. «научился цезуре» в александрийском стихе. О личной приязни к К. свидетельствует отзыв Новикова: «человек острого ума и основательного рассуждения; искусен в некоторых европейских языках и имел тихий нрав: был добрый и хороший господин; имел непреодолимую врожденную склонность ко словесным наукам и упражнялся в них с самого еще детства». *М. Н. Муравьев*, говоря о «юных питомцах российских муз», упомянул «рано умершего Козловского» (РНБ, ф. 499, № 31, л. 163).

Лит.: *П. Кбвъ* [*Карабанов П.*]. О кн. Ф. А. Козловском // Драм. вестн. 1808. Ч. 3; *Spada A.* Ephémérides Russes. St-Pétersbourg, 1816. T. 2; *Вейдемейер А.* Двор и замечательные люди в России во второй пол. XVIII столетия. СПб., 1846. Ч. 1; Ефремов. Мат-лы (1867); Державин. Соч. (1864–1883). Т. 6 (1871); *Чуйко В. В.* Вольтер и Екатерина II. СПб., 1882; *Майков Л. Н.* Очерки из истории лит. СПб., 1889; Сб. Рус. ист. о-ва. СПб., 1913. Т. 143; *Бокк Р. Г.* Неизв. стихотворение Ф. А. Козловского, приписываемое А. П. Сумарокову // XVIII век. М.; Л., 1962. Сб. 5; История драм. театра. Т. 1 (1977); Заборов (1978).

Н. Д. Кочеткова

КОЗОДАВЛЕВ Осип Петрович [29 III (9 IV) 1754, Петербург–24 VII (5 VIII) 1819, там же; похоронен в Александро-Невской лавре]. Сын ротмистра Конногвардейского полка. Восьмилетним ребенком был произведен в пажи и с того времени числился на службе. Благодаря связям сестры отца, А. О. Бобрищевой-Пушкиной, рано осиротевший К. был в 1769 отправлен учиться в Лейпцигский ун-т в составе группы из 12 человек (в нее входили *А. Н. Радищев*, *А. М. Кутузов* и др.). На юридическом и философском факультете он слушал лекции профессоров К.-Ф. Гаммеля и Э. Платнера, а также публичные лекции Х.-Ф. Геллерта.

Вернувшись в Россию в 1774, К. был определен протоколистом в Сенат в чине армии капитана, а через три года назначен экзекутором в чине полковника. 18 дек. 1780 К. стал советником Петербургской палаты гражд. суда; 27 янв. 1783 — советником при директоре Академии наук *Е. Р. Дашковой*.

В марте 1783 К. была поручена организация издания первого академического собрания сочинений *М. В. Ломоносова* (Полное собрание сочинений с приобщением жизни сочинителя и с прибавлением многих его нигде еще не напечатанных творений. СПб., 1784–1787. Т. 1–6). К. включил в т. 1 никогда не печатавшиеся письма Ломоносова к И. И. Шувалову, а также неопубликованные стихотворения Ломоносова: шуточное послание «И. И. Шувалову» и стихи об инаугурации Акад. ун-та «Богиня, дщерь божеств, науки основавших». Впервые были опубликованы также стихотворные фрагменты из письма Шувалову от 16 окт. 1753. Очевидно, Шувалов передал К. для публикации и стихи антиклерикального содержания «К Пахомию». Публикация неоконченного Ломоносовым «Преложения псалма 103» сопровождалась примечанием: «Разыскано в сохранившихся рукописях Ломоносова». Неподписавшийся корреспондент из Москвы прислал К. ранее неизвестное стихотворение Ломоносова «Кузнечик дорогой, коль много ты блажен. . .». К. подготовил только т. 1 издания (остальные готовили *С. Я. Румовский*, *И. И. Лепехин* и *Н. Я. Озерецковский*, биография Ломоносова была написана *М. И. Веревкиным*), вобравший все новые тексты Ломоносова. В основу своего издания К. положил издание *Дамаскина Семенова-Руднева* (1778), тщательно проверившего текст по разным редакциям. К. сохранил тот же порядок произведений и привел те же варианты без каких-либо изменений (за незначительными исключениями). Обвинения К. в неточности передачи некоторых текстов (А. С. Хвостов писал: «Кем изуродован, как бабкой повивальной, Малгерб российских стран, преcладостный певец») нельзя считать справедливыми.

К. принял деятельное участие как редактор и автор ряда статей в «Собеседнике» (1783–1784). К участию в журнале он привлек *И. Ф. Богдановича*, *Я. Б. Княжнина*, *Г. Р. Державина*, *И. И. Дмитриева*, *В. В. Капниста*, *Е. И. Кострова*, *Н. А. Львова*, *Д. И. Фонвизина*, *М. М. Хераскова* и др. В ч. 1 «Собеседника» была помещена «Ода к Фелице» Г. Р. Державина, а в своем стихотворном «Письме к татарскому мурзе, сочинившему Оду к премудрой Фелице» (1783. Ч. 8) К. побуждал Державина воспеть дела *Екатерины II* в новых столь же удачных сочинениях. В «Собеседнике» К. поместил и др. свои произведения: «Стихи Клелии» (Ч. 6), «К другу

моему***» (Ч. 7), «На смерть <. . .> фельдмаршала князя Александра Михайловича Голицына» (Ч. 7), «Письмо к Ломоносову 1784 года» (Ч. 13; без подписи), фактически посвященное оценке Державина как нового гения рус. поэзии. По мнению Н. А. Добролюбова, К. принадлежит и шуточное стихотворение «Сновидение» (Ч. 16), в котором говорится о Клелии. Добролюбов считал, что стихи К. заслуживают особого внимания по мастерству поэтического изображения (см.: *Добролюбов Н. А.* Собр. соч. М., 1961. Т. 1. С. 251–252).

К. известен и как переводчик. Он перевел трагедию И.-В. Гете «Клавиго» (1780; пост. в Москве в 1782) и поэму М.-А. Тюммеля «Вильгельмина» (1783). По высочайшему повелению К. перевел с фр. сочинение Ж.-Ж. Фейди де Терсака «Учреждения для призрения бедных прихожан церкви святого Сулпиция в Париже» (1782), обратившее на себя внимание императрицы разумностью начал, которыми автор считал необходимым руководствоваться в деле благотворительности. К. перевел с нем. и переделал для рус. театра комедию И.-Я. Энгеля «Der Diamant», которая под назв. «Перстень» (1780) периодически ставилась в Петербурге до 1800, а в Москве в 1795 и 1796. Сюжет комедии «Нашла коса на камень» (1781; пост. в Петербурге в 1781 и 1782) К. почерпнул в сказке Лафонтена «A femme avare galant escroc» и комедии Ш. Колле «Le galant escroc».

21 окт. 1783 К. был избран членом Рос. Академии. При распределении работ по академическому словарю он был назначен членом издательского отдела и взял на себя собирание слов на букву «С». К. занимался изучением древних памятников и издал «Житие святейшего патриарха Никона, писанное некоторым бывшим при нем клириком» (1784).

В 1784 К. перешел из Академии наук в Комиссию нар. уч-щ, перед которой стояла задача разработать программы рос. училищ разнообразных типов. К. был назначен помощником, а затем и директором Гл. нар. уч-ща в Петербурге. В 1786–1788 он инспектировал также народные училища десяти губерний. В 1787 К. представил Екатерине II составленный им проект устава рус. университетов, по которому предполагалось открыть поочередно три университета — в Пскове, Чернигове и Пензе. Устав К. имел много общего с проектом университетского регламента Ломоносова.

К. осуществлял общий надзор за журналом «Растущий виноград» (1785–1787), издававшимся при Гл. нар. уч-ще. С первой же книжки журнала началось печатание статьи К. «Рассуждения о народном просвещении в Европе» (1785. Апр.; Июнь; Июль; Авг.; Окт.). К. утверждал, что просвещение есть величайшее благо, доступное человечеству, вернейший залог славы и могущества народов и государств. По мысли К., народное просвещение должно распространяться на языке народном. В журнале было опубликовано также письмо К. к фон Тюммелю в Готу о системе образования в России, напечатанное в гамбургском «Политическом журнале» в сент. 1786 (Растущий виноград. 1786. Нояб.).

В 1793 К. был назначен обер-прокурором 3-го Деп. Сената, а в 1799 — сенатором. В 1800, будучи директором Герольдии, он составлял «Общий гербовник русских дворянских родов» (1799–1840. Ч. 1–10). В 1801 К. был избран членом Комиссии по пересмотру угол. дел. В связи с гуманным решением дела о раскольниках Филиппова согласия К. получил репутацию «нового Гракха». В 1810, став министром внутренних дел, он был привлечен к решению важнейших государственных дел. Ему была доверена подготовка закона о свободных хлебопашцах. Блестящая служебная карьера К. возбуждала зависть в его соперниках, и он часто не находил поддержки своим прогрессивным начинаниям. В кругу друзей-литераторов К. имел репутацию человека доброго, приветливого, рассудительного и любящего литературу (Жихарев).

При своем министерстве К. издавал газету «Северная почта, или Новая Санкт-Петербургская газета» (1809–1819), являясь не только редактором, но одним из самых

деятельных ее сотрудников. Благодаря К. «Северная почта. . .» сыграла немалую роль в истории просвещения и литературы. В газете помещались известия об открытиях ученых, о научных путешествиях, о заседаниях учено-литературных обществ, об открытии училищ и о библиотеках, о театре, о новых литературных произведениях. Печатались и корреспонденции как из-за границы, так и из провинции. Высокую оценку дал газете К. акад. П. И. Кеппен, указавший, что он получил из нее «познание о многих таких вещах, о коих в других сочинениях нельзя почерпнуть удовлетворительных сведений». Издание «Северной почты» прекратилось со смертью К.

Лит.: Мат-лы для истории просв. в России, собранные Петром Кеппеном. № 1. Обозрение источников для составления истории рос. словесности. СПб., 1819; Сухомлинов. Рос. Академия. Вып. 6 (1882); *Гаршин Е. М.* Один из рус. Гракхов прошлого столетия // Ист. вестн. 1890. № 9; *Полиевктов М.* Козодавлев О. П. // Рус. биогр. словарь. Т. «Кнаппе–Кюхельбекер» (1903); *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1948. Т. 8; Берков. Журналистика (1952); Жихарев. Зап. (1955); *Добролюбов Н. А.* Собр. соч. М., 1961. Т. 1.

Е. С. Кулябко

КОЗЬМИН (Козмин, Кузьмин) Сергей (Сергий) Матвеевич [1723–10 (21) XII 1788]. Потомственный дворянин, сын президента Камер-коллегии. 4 окт. 1741 был назначен флигель-адъютантом с чином армии прапорщика к В. И. де Геннину; к 1762, продолжая служить при Арт. и Оруж. канцеляриях, уже занимал должности артиллерии военного советника и члена Комиссии о таможенных сборах. В 1762 К. был произведен в ст. советники и определен статс-секретарем Кабинета е. и. в. В отставку вышел в янв. 1781.

По-видимому, К. знал и нем. язык, но известны лишь переводы его с фр. языка: связанный с артиллерийской службой К. и переведенный в 1757 «Опыт военного искусства» Л. Тюрпена де Криссе (1758–1759), а также гл. 3 «Велизария» Ж.-Ф. Мармонтеля для издания, подготовленного во время путешествия двора по Волге в 1767. К. также готовил подстрочные переводы непосредственно для *Екатерины II*; *С. А. Порошин* сообщает, например, что в их числе был перевод «Рассуждения о вельхах» («Discours aux Welches») из «Сказок Гийома Ваде» Вольтера (см.: *Порошин С. А.* Зап. СПб., 1881. С. 455). К. предполагал также участвовать в переводе «Энциклопедии» Дидро–Д'Аламбера, задуманном *М. М. Херасковым*, собираясь переводить статьи юридического содержания, однако в сборнике «Переводы из „Энциклопедии"» (1767. Ч. 1–3) его работы не помещены.

В качестве статс-секретаря К. служил посредником между литераторами и императрицей; опубликованы письма к нему *А. П. Сумарокова* (см.: Письма рус. писателей (1980)), М. М. Хераскова (см.: Сб. Отд-ния рус. яз. и словесности. 1885. Т. 37), касающиеся в основном денежных вопросов.

В. П. Степанов

КОКОВЦОВ Матвей Григорьевич [1745–21 I (1 II) 1793, Петербург; похоронен на Смоленском кладбище (могила не сохр.)]. Из потомственных дворян Новгородской губ. С 1760 учился в Морском кадет. корпусе, и 5 марта 1764 выпущен мичманом. Из корпуса вынес превосходное знание фр. и англ. языков. В 1765 К. был послан для практики за границу и до 1768 был в плавании на мальтийских галерах в Средиземном море. В 1770 прибыл в Архипелаг и участвовал в сражении при Чесме; в 1771–1775 находился в плавании в районе Архипелага; в кон. 1775 на корабле «Граф Орлов» возвратился в Кронштадт. В 1776 К. был командирован на два года в Испанию, официально — «для ознакомления с тамошним флотом и портами»; в действительности — для сбора сведений о военно-политическом положении Алжира и Туниса (РГАВМФ, ф. И. Г. Чернышева, № 119, л. 1–17 об.). Под видом купеческого поверенного К. осмотрел Бизерту; в Тунисе представился тунис-

скому бею рус. дворянином, знакомящимся с развалинами Карфагена и Утики; под видом француза, осматривающего развалины Гитона, побывал в Алжире, откуда ему пришлось уехать из-за подозрительности местных властей. Через Гибралтар и Ливорно К. в нач. 1779 возвратился в Петербург. В 1780-е гг. К. совершил ряд рейсов в Средиземное море в качестве командира корабля. Несмотря на успех разведывательной миссии К., после возвращения в Россию с вывезенной из Африки чернокожей женой в 1785 он был вынужден выйти в отставку. Остаток жизни провел в имении Горно-Покровское Боровичского у. Новгородской губ., часто посещая Петербург. Путевые записки К. «Описание Архипелага и Варварийского берега <. . .> с присовокуплением древней истории. . .» (1787) были подготовлены для печати по настоянию И. Г. Чернышева и опубликованы на средства *Ф. О. Туманского* с посв. вел. князю Константину Павловичу. Издание, «изъявляя предчувствование греческих народов, ожидающих своея свободы от берегов Невы», совпало с подъемом грекофильских устремлений *Екатерины II*. Давая характеристику островов Архипелага, К. обильно цитировал Геродота, Страбона, Фукидида, «Пространную географию» Мелетия; военные подвиги героев античности К. сопоставлял с действиями рус. эскадры под руководством А. Г. Орлова. В главе «Примечание о нравах и обычаях жителей архипелагских» дана подробная этнографическая характеристика современных греков Эгейского архипелага. В конце книги были помещены дневники поездок К. в Тунис и Алжир; в них К. сделал попытку пересмотреть традиционный взгляд на жителей Средиземноморья: «Имя Варваров прилично народу злонравному, беззаконному и жестокосердному, а народы варварийские вообще показались мне добронравнее и страннопримчивее многих европейцев. . .». Книга К. заслужила лестные отзывы критики (см.: *Bacmeister H.-L.-C.* Russische Bibliothek. Riga; Leipzig. Bd. XI. S. 143–150).

Успех книги побудил Туманского издать в 1787 и др. сочинение К. «Достоверные известия о Альжире, о нравах и обычаях тамошнего народа. . .». «Известия» основаны как на непосредственных наблюдениях К., так и на его превосходном знакомстве с литературой (преимущественно фр.), посвященной Ближнему Востоку. К. подчеркивал добронравие, трудолюбие и страннолриимство местных жителей, одновременно показывая их тяжелое положение под игом восточной деспотии: «Непросвещение делает их так много униженными пред их тиранами, которых сребролюбивая зависть <. . .> лишает их свободы пользоваться приобретенными от трудов земными плодами». Недостаток правления К. видел в том, что в Алжире «не один, но тысяча есть тиранов, которых грубое своенравие служит законом всему народу».

Бумаги, относящиеся к служебной деятельности К., хранятся в РГАВМФ; материалы личного архива К. — в фонде его правнука, гебраиста П. К. Коковцова (СПбФ АРАН, ф. 779).

Лит.: Общий морской список. СПб., 1890. Ч. 4; *Крачковский И. Ю.* Очерки по истории рус. арабистики. М.; Л., 1950; *Косвен М. О.* Первый рус. африканист М. Г. Коковцев // Сов. востоковедение. 1956. № 2; *Светлов Л. Б.* Позабытое имя (М. Г. Коковцев) // Вопр. истории. 1967. № 1.

М. П. Лепехин

КОКОШКИН Иван Алексеевич [13 (24) I 1765–20 I (1 II) 1835, Петербург; похоронен на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры]. Родился в дворянской семье. В печати выступил в 1790 с комедией на злобу дня «Поход под шведа» (изд. анонимно; пост. — окт. 1790), в которой описал отклики в различных слоях общества на объявление рус.-швед. войны 1788. Пьеса была отмечена императрицей и имела успех у самого широкого зрителя. В ней К. продолжал традиции рус. обличительной комедии. Соприкасаясь в общем замысле с «Недорослем» *Д. И. Фонвизина* (в частности, это сказалось в изображении главного героя комедии Фалалея), К. тем не менее не

сумел столь же ярко и тонко выразить понимание общественной проблематики, как это сделал его знаменитый старший современник.

Как замечает М. Н. Макаров, «поскольку К. не сделали дальнейших поощрений», он вынужден был ограничиться только этой комедией. Стихотворение «Стансы. Екатерина II» (отд. изд. 1790) стоит в ряду др. комплиментарных произведений, адресованных императрице.

В сент. 1816 К. становится почетным, а в 1817 — д. членом Вольного о-ва любителей рос. словесности и помощником председателя общества С. П. Салтыкова. В первые годы К. усердно посещает заседания общества, часто представляя на суд сочленов свои произведения в стихах и прозе. Многие из них отвергались при обсуждении, поскольку страдали «вялостью и темнотой смысла», бессистемностью мыслей (ИРЛИ, ф. 58, № 100, л. 24; № 101, л. 5 об.). За все время издания органа общества — журнала «Соревнователь просв. и благотворения» (1818–1825) — в нем было опубликовано всего лишь одно стихотворение К. (1819. № 12).

Довольно обширен был круг литературно-театральных связей К. Как вспоминает П. А. Вяземский, он вместе с двоюродным братом, известным театралом и меценатом Ф. Ф. Кокошкиным, играл в домашнем театре С. С. Апраксина, где часто можно было видеть драматургов Ф. Ф. Иванова и Н. И. Ильина. В свою очередь у Ф. Ф. Кокошкина бывали А. Ф. Мерзляков, В. Л. Пушкин и др. (РГБ, ф. 710, карт. 1, № 7, л. 2); маловероятно, чтобы К. не посещал вечеров в доме своего брата.

Лит.: Пантеон. 1844. № 1; *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. СПб., 1883. Т. 8.

В. Н. Муллин

КОЛМАКОВ Алексей Васильевич [ум. 1804]. Выходец с Украины. В 1776 вместе с др. специально отобранными студентами-семинаристами был послан в Англию для обучения агрономии. Совмещая службу в посольской церкви с прохождением курса наук, К. не проявил особого интереса к агрономии, однако полученное им глубокое знание англ. языка в дальнейшем сделало возможным его переводческую деятельность.

По возвращении в Россию (1784) К. служил переводчиком в Адмиралтейств-коллегии, а в последние годы царствования *Екатерины II* был послан в окрестности Новороссийска, где предполагалось использовать его в качестве специалиста по сельскому хозяйству.

Литературная и переводческая деятельность К. в основном совпадает с годами его пребывания в Петербурге. В 1785–1787 К. печатал свои переводы в журнале «Растущий виноград», но они не выявлены. Первое известное произведение К. — стихотворное послание «Его сиятельству <. . .> графу А. М. Дмитриеву-Мамонову. . .» (1788), судя по которому К. рассчитывал на его покровительство. В нач. 1790-х гг. К. издал целый ряд стихотворных произведений: «Ода на торжество мира со шведами» (1790), «Ода на новый 1791 год» (1791), «Ода на заключение мира с турками» (1791), написанных в ломоносовских традициях и нередко содержащих реминисценции из произведений *М. В. Ломоносова*. В книгу «Стихотворения Алексея Колмакова» (1791) вошли эти и др. оды «на случай», воспевающие военные, особенно морские, победы тех лет. В одной из од К. откликнулся на указ, «чтоб россияне не назывались рабами, но верноподданными». В сборник вошли также анакреонтические оды, эпиграммы, притчи, эпистолы. «Письмо» с эпиграфом из Вольтера «Вкус и ум живут во всех землях» развивает тему «северных муз». В эпистоле «О критике» отражена эстетическая позиция К.: он прославляет *А. Д. Кантемира*, М. В. Ломоносова, *А. П. Сумарокова, В. П. Петрова, М. М. Хераскова, В. Г. Рубана*. «Письмо о добродетели» посвящено *А. И. Бухарскому*.

В 1791 К. издал техническое пособие «Карманная книжка для вычисления количества воды, вытекающей через трубы».

Воспользовавшись англ. переводом с комментариями Дж. Сей-

ля, К. перевел «Ал Коран Магометов» (1792. Ч. 1–2). Жизнеописание Магомета, вошедшее в книгу, перевел *П. С. Андреев*. Это был уже третий перевод Корана на рус. язык. К. умело стилизовал язык перевода (использование архаизмов, славянизмов, характерных для церковных книг синтаксических построений).

К. перевел с англ. «Стерново путешествие по Франции и Италии под именем Йорика...» (1793. Ч. 1–3). Ч. 3 перевода составили «Письма Йорика к Элизе и Элизы к Йорику». По сообщению В. С. Сопикова, на счет которого было осуществлено издание, они переведены с фр. языка др. лицом (подп. — «А. Л.») (см.: *Сопиков В. С.* Опыт российской библиографии... / Ред., примеч., доп. и указ. В. Н. Рогожина. 2-е изд. СПб., 1905. Ч. 4. № 9242). Языковое влияние карамзинской школы совмещается в переводе с явным следованием докарамзинским нормам литературного языка. Один из фрагментов перевода К. (Ч. 2. С. 113–123) дословно совпадает с опубликованным в «Моск. журн.» «Отрывком из Стернова путешествия» (1791. Ч. 2, кн. 2. Май. С. 179–189). Очевидно, К. включил в свой перевод фрагмент перевода Карамзина.

Последний из известных переводов К. — трагедия Дж. Аддисона «Катон» (СПб., 1804), написанная в традициях героического сентиментализма.

Лит.: [Без подписи]. Колмаков А. В. // Рус. биогр. словарь. Т. «Кнаппе–Кюхельбекер» (1903); *Левин В. Д.* Очерк стилистики рус. лит. яз. кон. XVIII–нач. XIX в. (лексика). М., 1964; *Cross A. G.* «By the Banks of the Thames»: Russians in Eighteenth Century Britain. Newtonville (Mass.), 1980 (рус. пер.: *Кросс Э.* У Темзских берегов: Россияне в Британии в XVIII в. СПб., 1996).

И. Ю. Фоменко

КОЛОКОЛОВ Дмитрий (Акимович?) [ум. не ранее 1818]. Происходил из дворянской семьи, сын поручика. Выбрал карьеру военного — прапорщик (1782), капитан (1788); был награжден бриллиантовым перстнем (1806). Служил секретарем комиссариатской экспедиции Военной коллегии. Последнее упоминание о нем в «Адрес-календарях» и его формулярный список относятся к 1808, когда он, по-видимому, вышел в отставку. В 1818 ему еще принадлежал дом в Пятницкой части Москвы.

В стихотворениях К., опубликованных в «Иппокрене» (1799), затрагиваются характерные для сентиментализма пасторальные, «чувствительные» мотивы, звучат мрачные темы смерти, бессилия человека перед случаем и роком. Однако произведениям К. присуще многотемье. В них встречаются разнообразные персонажи — от античных богов до судьи, который «Брата или внука, вдовицу, сироту Судил из мзды, греша» («Правда»).

В творчестве К. проявляется пантеистическое восприятие окружающего мира: красивую птицу он сравнивает со «святой душой» («Канареечка»), гимн Богу превращается в прославление совершенства природы («Премудрость Божия»).

Большинство стихотворений К. носят дидактический характер, содержат резюме, близкие к афоризмам (примечательно, что в «Правде» в качестве резюме использована пословица).

Лит.: Указатель Москвы, показывающий по азбучному порядку имена всех домов сей столицы. М., 1793; Алфавитные списки всех частей столичного города Москвы. М., 1818; Московское дворянство. М., 1910.

Р. М. Садовникова

КОЛОКОЛОВ Федор [ок. 1750–нач. XIX в.]. Автор прозаического перевода «Скорбных элегий» Овидия, вышедшего под назв. «Избранные печальные Елегии» в Смоленске (1796). В книгу вошли переводы 26 элегий (не только «Тристии», но и некоторые более ранние элегии, причем каждый перевод предварялся кратким изложением в прозе), а также отрывок из поэмы «Ибис». В ряде случаев переводчик дал построчные примечания (чисто информативного плана). В обращении к «благосклонному читателю» К. намекал на сходство между судьбой Овидия и своей собст-

венной: «Цель моя, с которой я в досужее время упражнялся в преложении печальных Назоновых Елегий прозою, была единственно домашняя утеха моя в злосчастной некоей доле моей <. . .> самые печальные ощущения его, по многим видам сообразные чувствованиям моим, наполняли дух мой, во время стенаний моих, чистым и несмущенным веселием». По мнению П. Н. Черняева, перевод «Скорбных элегий» «представляет собой крупное явление в нашей переводной литературе конца XVIII века и является лучшим из немногочисленных провинциальных изданий».

Архивные разыскания позволяют выдвинуть гипотезу, что переводчик Овидия служил губернским секретарем в Тверской почтовой конторе. В РГБ (М. 10852) хранится рукопись К., озаглавленная «Меланхолические домашние мои рассуждения», написанная в Твери и датируемая царствованием Павла (ее автору в момент работы над рукописью было ок. 40 лет, что и позволяет установить дату рождения К.).

Автор «Меланхолических <. . .> рассуждений» происходил из семьи небогатого священника, родился в селе, расположенном при впадении р. Дубни в Волгу. Рано обучился грамоте, а затем в 1770-е гг. закончил Тверскую дух. семинарию, где много занимался литературным творчеством и переводами, причем проза ему давалась намного лучше, чем стихи. В 1779 был учителем в Новгородской дух. семинарии, и там, согласно смутным намекам, пострадал за свой характер. Сочинение исполнено намеков на врагов и завистников, общая тональность которых совпадает с жалобами, открывающими предисловие к «Скорбным элегиям».

«Меланхолические <. . .> рассуждения» написаны человеком, не чуждым литературных амбиций, хорошо начитанным в литературе преромантизма и находящимся под явным ее влиянием. Мн. прозаические этюды, составляющие рукопись, перепевают характерные преромантические темы («Осень», «Скука», «Зеркало», «Дружество»). Но в тетради резко выделяются записи, озаглавленные «Канцелярия», «Бедный я секретарь», «Не гожусь я секретарем быть», ярко и выразительно рисующие быт канцелярии, социальную психологию, им порождаемую. В них возникают фантасмагорические мотивы, характерные в дальнейшем для рус. традиции описания чиновничества, от Гоголя до Достоевского.

Лит.: *Черняев П. Н.* Следы знакомства рус. о-ва с древнеклас. лит. в век Екатерины II. Воронеж, 1906.

И. Ю. Фоменко

КОЛОКОЛЬНИКОВ Василий Яковлевич [1758, с. Пыскор Соликамского у.—1792, Петербург]. Сын приходского священника из уральского села. В 1768 поступил в Вятскую дух. семинарию. Обнаружив значительные способности, по окончании курса был оставлен в ней преподавателем риторики и лат. грамматики; сочинял иногда стихи на случай, в частности написал «Оду на тезоименитство преосвященнейшего Лаврентия, епископа Вятского и Великопермского» (1777; не сохр.).

Летом 1781 К. отправился в Москву. Покровители рекомендовали ему постричься в монахи, но сам он стремился к университетской науке. К. поступил сначала на естественный, а через полгода перешел на медицинский факультет Моск. ун-та. Здесь он сдружился с рязанским семинаристом *М. И. Невзоровым*, с помощью которого позже вошел в круг московских розенкрейцеров. В 1784 К. вступил в университетскую масонскую ложу, руководимую Н. Страховым. Вскоре в числе тридцати студентов-переводчиков Типогр. комп. он был принят на пансион Дружеским учен. о-вом и тем избавлен от нужды первых студенческих лет. Для перевода К. получил историко-философский трактат И.-Я. Брукера. Краткая обработка шеститомной «Критической истории философии», сделанная самим автором в 1747, к 1780-м гг. широко использовалась в европ. университетах и была необходима в качестве учебного пособия для московских студентов. Перевод с фр. «Сокращенной истории философии от начала мира до нынешних времен» (1785), представляющий собой безусловное свидетельство переводческого усер-

дия К., оказался, однако, неудовлетворительным, т. к. в сухой академический текст переводчик внес собственные рассуждения, отмеченные духом религиозной нетерпимости. В 1788 *Н. И. Новиков* издал новый перевод, сделанный проф. *М. Г. Гавриловым*.

К 1788 К. окончил университет; одновременно в масонской ложе он получил степень шотл. мастера. По рекомендации Новикова К. и Невзорову надлежало подготовиться для лабораторных орденских работ. Руководство их образованием и их содержание было поручено *И. В. Лопухину*. К. и Невзоров отправились в Лейденский ун-т, где за два года прошли курсы медицины, химии, естественной истории и получили звание докторов медицины. Далее они вознамерились учиться повивальному искусству в Париже или Швейцарии. Лопухин письменно предостерегал их от поездки в мятежную Францию. В нояб. 1790 К. и Невзоров прибыли в Страсбург и провели здесь несколько дней, мучимые колебаниями: швейц. университеты теряли для них интерес, любопытство влекло их в Париж. Не решившись, однако, на этот рискованный поступок, они поехали в Геттинген, откуда К. вскоре вернулся в Лейден и продолжил занятия в университете. Летом 1791, посетив друга в Геттингене, К. застал его в тяжелой депрессии. К кон. года К. счел необходимым везти Невзорова на родину.

Тем временем столичная молва уже успела приписать им участие в заседаниях Якобинского клуба. К тому же из их писем, перлюстрированных И. Б. Пестелем, и из допросов Лопухина по делу Новикова правительство узнало об их принадлежности к масонским организациям. 14 февр. 1792 в Риге К. и Невзоров были арестованы и препровождены в петербургский Александро-Невский монастырь, а затем в Алексеевский равелин Петропавловской крепости. После серии допросов у С. И. Шешковского К. и Невзоров были отправлены в сумасшедший дом при секретной Обуховской больнице, где К. почти сразу умер.

Сохранились несколько писем К. к Лопухину, заполненные им допросные листы и небольшая автобиографическая записка «История жизни и дел моих», составленная по требованию Шешковского. Эти документы не обладают непосредственной художественной ценностью, однако в них ясно выразился особый цельный образ мыслей и поведения, характерный для людей, окружавших Новикова и им воспитанных.

Лит.: *Невзоров М.* Отрывок из послания к О. А. Поздееву // Библиогр. зап. 1858. № 21; *Иловайский Д. И.* Новые сведения о Н. И. Новикове и членах компании Типографической // Летописи рус. лит. и древностей. М., 1863. Т. 5. Отд. 2; Выписка из арх. канцелярии прибалтийского генерал-губернатора о Невзорове и Колокольникове // Осмнадцатый век. М., 1868. Кн. 1; *Попов А. Н.* Новые документы по делу Новикова // Сб. Рус. ист. о-ва. СПб., 1868. Т. 2; *Лопухин И. В.* Зап. некоторых обстоятельств жизни и службы. . . // Рус. арх. 1884. Кн. 1; *А. В.* В. Я. Колокольников; (К истории Вятской семинарии) // Календарь и памятная книжка Вятской губ. на 1896 г. Вятка, 1895; Барсков. Переписка масонов (1915).

М. Б. Плюханова

КОЛОСОВ Степан Прокофьевич [ум. до 18 апр. 1773]. Сын крепостного, был слугою у помещика И. Сердюкова. Возможно, на правах «своекоштного» некоторое время учился в Акад. гимназии. Ок. 1761 получил вольную и определился в Казанский кирасирский полк. В 1765 перешел в Сенат на должность канцеляриста. В том же году по особому распоряжению А. А. Вяземского одновременно с *В. И. Крамаренковым* за «отменное знание языка и довольную память» определен в протоколисты 1-го Деп. Сената к генерал-прокурорским делам, несмотря на возражение сенаторов, что подобное назначение нарушало правила чинопроизводства. Переводчик популярной среди рус. масонов книги «The economy of human life» (1750), автором которой считался Р. Додсли (приписывалась также Ф. Д. Стенхопу, графу Честерфилду; дополнялась др. автора-

ми); на рус. язык переводилась под загл. «Экономия жизни человеческой. . .» (пер. анонима, 1762; пер. Е. и П. Цициановых, 1765) и «Книга премудрости и добродетели, или Состояние души человеческой. . .» (пер. *В. С. Подшивалова*, 1786). Рукописный перевод К. принадлежал к числу ранних. Рукопись оказалась собственностью гвардии капитана Саблукова, у которого была в 1772 обнаружена *В. Г. Рубаном*, напечатавшим ее под тем же, что и в рукописи, назв. «Китайский мудрец, или Наука жить благополучно в обществе, состоящая в наиполезнейших нравоучительных наставлениях, сочиненных древним восточным брамином <. . .> с дополнением рассуждений о христианском законе европейского мудреца» (выдержала еще два изд.: 1777, 1785).

Перевод делался с фр. языка; «европейский мудрец» — Ж.-Ж. Руссо, из книги которого «Esprit, maximes et principes» (изд. 1763 и 1764) К. извлек прибавления к тексту Додсли. В анонимной рецензии на переиздание книги (СПб. вед. 1777. № 21—22) К. был назван опытным переводчиком с англ. и фр. языков.

В 1893 в Туле С. А. Петровским был обнаружен (ныне утраченный) список XVIII в., сделанный с анонимной брошюры «Житие господина Н. Н., служащее введением в историю его в царстве мертвых» (1779, 1781), которая известна также под загл. «Жизнь некоторого мужа и перевоз куриозной души его чрез Стикс-реку» (1780). Из пометы XVIII в. на списке следовало, что «Житие. . .» представляет собой сатирическое жизнеописание купца-старообрядца В. А. Чупятова, сделанное «сенатским протоколистом Степаном Прокофьевичем Колосовым в 1766». До находки Петровского брошюра атрибутировалась *А. В. Олсуфьеву, Д. И. Фонвизину, М. Д. Чулкову*. Две первые атрибуции впосл. были отвергнуты. В пользу авторства Чулкова говорят близкие текстуальные соответствия в описаниях типа старообрядца-раскольника в «Житии. . .» и изданиях Чулкова «Пересмешник. . .» (1767. Ч. 3), «Парнасский щепетильник» (1770) и «Абевега русских суеверий» (1780).

Между тем авторство К., указанное пометой в рукописи Петровского, подтверждается упоминанием о К. в тексте рукописной повести «Анисимыч, или Новый Дон-Кишот. . .» (список 1793 — ИРЛИ, р. IV, оп. 43, № 15), которая также посвящена жизнеописанию Чупятова и в которой говорится о насмешках над ним «славных писателей» К. . . и Ч. . . (т. е. Колосова и Чулкова), с соответствующими цитатами из «Жития. . .» и сборника Чулкова «Пересмешник». Т. о., забытое позднее авторство К. в отношении «Жития. . .» было достаточно известно его современникам, в частности анонимному автору повести «Анисимыч, или Новый Дон-Кишот. . .». Можно предположить, что Чулков использовал в своих более ранних изданиях еще не изданное «Житие. . .», известное ему по рукописи. Свидетельством знакомства К. и Чулкова, возможно, является помещенное в журнале Чулкова «И то и сьо» (1769. Неделя 43) объявление о завершении и подготовке к печати перевода «Отборных мнений» Руссо, т. е., по-видимому, того фр. сборника, из которого К. взял дополнения к книге Додсли.

Судя по содержащимся в «Житии. . .» насмешкам над Чупятовым за его неприязнь к масонам, К. имел какое-то отношение к членам первых в России лож.

Сведения о смерти К. восходят к свидетельству В. Г. Рубана в предисловии к изд. «Китайского мудреца».

Лит.: *Петровский С. А.* Юмористическое жизнеописание В. А. Чупятова // Рус. арх. 1893. № 2; *Языков Д.* Любопытные книги // Рус. обозр. 1896. № 9; *Светлов Л. Б.*: 1) Рус. антиклерикальный памфлет XVIII в. // Вопр. истории религии и атеизма. М., 1963. Вып. 2; 2) Чулков — автор памфлета «Жизнь некоторого мужа» // Рус. лит. 1963. № 2; Штранге. Демокр. интеллигенция (1965).

В. П. Степанов

КОЛЫЧЕВ Евгений Александрович [ум. в нач. 1800-х гг.]. В 1796 опубликовал в журнале «Муза» стихотворения «Червячок»

(Ч. 1. Янв.), «К тем берегам, где я родился» (Ч. 2. Апр.), «К озеру Б**» (Ч. 4. Окт.), «К Таисе» (Ч. 4. Нояб.–дек.). В 1798 К. — сотрудник «СПб. журн.», где были напечатаны его стихотворения «К реченьке П.» (Ч. 1. Февр.), «Мотылек» (Ч. 1. Март), «К Параше» (Ч. 2. Май), «Кто эту песенку прочтет» (Ч. 4. Окт.). Хотя печатное наследие К. невелико, современники отзывались о нем как о поэте, заслуживающем внимания; об этом свидетельствует эпитафия К., принадлежащая *И. П. Пнину*: «Лежит в могиле сей Природы друг и друг людей» (в «Любителе словесности» 1806) — и отзыв о К. С. П. Жихарева, относящийся к 1807: «Какое же может быть сравнение не только между Мерзляковым или Пушкиным, но даже между Измайловым, Колычевым, князем Шаликовым и прочими второклассными московскими писателями и каким-нибудь сочинителем стишков „К трубочке“ и ему подобными рифмоплетами, которых встречаю я на литературных вечерах?» (Жихарев. Зап. (1955). С. 438). К. Н. Батюшков в записной книжке лета 1817 «Чужое — мое сокровище», набрасывая план истории рус. литературы, отметил: «Статьи интересные о некоторых писателях, как-то: Радищев, Пнин, Беницкий, Колычев», включив К. в ряд поэтов, которых он хорошо знал и ценил. По-видимому, современники кроме печатных имели и др. источники, позволявшие им судить о творчестве К. В пользу этого свидетельствует примечание А. Е. Измайлова к процитированному стиху К. «Какая разница меж небом и землей»: «Сей счастливый стих принадлежит покойному г. Колычеву. Некоторые стихотворения его напечатаны в „С.-П<етер>бургском журнале“, изд. в 1798 году И. П. Пниным; но многие и едва ли не самые лучшие пиэсы, в том числе „К Параше“, откуда взят вышеприведенный стих, остались в рукописи» (Благонамеренный. 1824. № 14. С. 138; ошибка А. Е. Измайлова — «К Параше» напеч. в «СПб. журн.»). Это указание представляется важным, однако местонахождение архива К. неизвестно.

В первой четверти XIX в. произведения К. расходились в списках, в рукописные сборники включались как опубликованные, так и неопубликованные (или приписывавшиеся ему) произведения: стихотворение «Послание к моему другу» (ИРЛИ, ф. 119, оп. 8, № 12), прозаическое произведение «Китаец в Петербурге. Перевод с маньчжурского» (РНБ, ф. 777, № 1561) — стилизованное описание петербургской жизни с точки зрения человека неевроп. культуры.

Лит.: Поэты 1790–1810-х годов. Л., 1971.

И. В. Душечкина

КОЛЫЧЕВ Василий Петрович [1736–1794, Москва; похоронен в Новоспасском м-ре]. По отцовской линии происходил из старинного боярского рода, мать — Е. В. Шереметева. Первоначальное воспитание получил дома. В 1752 К. был определен в Сухоп. шлях. корпус (РГВИА, ф. 314, оп. 1, т. 1, № 2595, л. 56 об.; № 2852, л. 56 об.).

Из корпуса был выпущен в Выборгский пехотный полк. Участвовал в Семилетней войне (1756–1763), о чем вспоминал в стихотворном автобиографическом послании «Письмо к князю П. А. Черкасскому». В 1762 — подпоручик. Выйдя в отставку в сер. 1760-х гг. в чине поручика, К. поступил на гражданскую службу в Москве, проводя каждое лето в имении с. Чоглоково Одоевского у. Тульской губ. Ведя уединенный образ жизни, К. интенсивно занимался самообразованием, сочетая увлечение литературой с активным интересом к естественным наукам, истории и философии. Эти последние его предпочтения нашли отражение в стихотворном «Письме к В. С. Шереметеву о пользе учения», в котором К. заявляет себя сторонником гелиоцентрического учения Коперника, осуждает религиозные суеверия, раскрывает значение в жизни людей научного знания. О широте познаний К. свидетельствует перечисление мыслителей древности и современности, которых он называет «наставники мои». Указаны также имена писателей, формировавших литературные вкусы

К.: Ювенал, Н. Буало, Мольер, Х.-Ф. Геллерт, Вольтер, с одной стороны, и *А. П. Сумароков* и *М. М. Херасков* — с другой. Особо выделен им *М. В. Ломоносов*.

В 1781 К. выпустил сборник стихотворений «Труды уединения», который посвятил Н. П. Шереметеву. Кроме упомянутых стихотворных посланий в сборнике помещены мелкие лирические стихотворения, а также «Письмо американца к европейцу» в защиту идеи естественного равенства людей. Одновременно К. издает сборник пьес «Театр В. К.» (1781), в который вошли «трагедия гражданская в прозе» «Бедство, произведенное страстью, или Сальвиний и Адельсон» и комедии «Дворянющейся купец» и «Развратность, исправляемая благомыслием». Трехактная комедия «Дворянющейся купец», подражание «Мещанину во дворянстве» Мольера, осмеивает притязания невежественного купца на дворянское звание; при этом К. не отрицает важности и полезности в государстве купеческого сословия. В 1779 К. посетил Петербург с целью постановки (25 февр. 1780) на сцене Придворного театра своей комедии, которая заслужила, по отзывам современников, одобрение присутствовавшей на спектакле *Екатерины II*. Сохранилось свидетельство *А. Т. Болотова* о посещении им К. в Москве, чтении К. своей трагедии «Сальвиний и Адельсон» и объяснениях по ходу чтения пьесы (РГБ, ф. 298/IV (Н. С. Тихонравов), карт. 1, № 2, л. 1 об.). Отдельно К. издал «пастушью оперу» (в 2-х д.) «Тщетная ревность, или Перевозчик кусковский» и ее продолжение — развлекательный одноактный дивертисмент («малая опера») «Гулянье, или Садовник кусковский» (1781). В качестве музыкального сопровождения к песням и романсам «пастушьей оперы» были использованы фрагменты из различных фр. комических опер, а музыка увертюры и антракта принадлежала Г. Пуньяни, гастролировавшему в это время в России; «малая опера» сопровождалась музыкой И. И. Керцелли. Сочиненная специально для театра гр. П. Б. Шереметева «пастушья опера» была представлена летом 1781 в его имении Кусково и тогда же напечатана.

По-видимому, в конце жизни К. готовил новое издание своих стихотворений под назв. «Творения Василия Петровича Колычева. Труды уединения. Издание второе» (сохр. в рукописи: РГБ, ф. 396 (Ф. И. Буслаев), № 27). Помимо опубликованных ранее в сборник включено девять новых стихотворений. Среди них эпитафии В. М. Долгорукому-Крымскому и З. Г. Чернышеву, а также «Надпись к грудному изображению Б. П. Шереметева» на случай открытия в Эрмитаже памятника знаменитому фельдмаршалу, которому К. приходился внучатым племянником.

В 1783 К. женился на Д. А. Тихменевой (ум. 1817), внучке известного в царствование Петра I интенданта П. И. Машкова. Последнюю часть жизни К. в основном посвятил занятиям хозяйством в своем имении, причем входил во все подробности крестьянского быта, составил правила для управляющих имениями. Посетивший в 1794 имение К. в с. Чоглоково А. Т. Болотов был в восторге от радушия хозяина и рациональной организации хозяйства (см.: Жизнь и приключения Андрея Болотова. . . СПб., 1873. Т. 4. С. 1190–1191).

По свидетельству биографов К., ему принадлежат переводы комической оперы (в 1-м д.), «Два сильфа», комедии (в 5-ти д.) «Несчастный» (тексты обеих пьес не сохр.) и вольная переработка интермедии Ж.-Ж. Руссо «Деревенский колдун», приписываемая также *В. И. Майкову*. До 1917 бумаги К. хранились в семейном архиве Колычевых в с. Лукино Звенигородского у. Московской губ.

Лит.: *Барон Б*[*оде*], *К*[*олычев*] *М. Л.* Боярский род Колычевых. М., 1886; *Голомбиевский А. А.* «Святая могила»: Биогр. заметки о С. В. Колычеве // Рус. арх. 1904. Т. 3; Берков. История комедии (1977); *Травников С. Н.* Эпитафии В. П. Колычева // Жанровое своеобразие произв. рус. писателей XVIII–XIX вв.: Сб. науч. трудов. М., 1980.

Ю. В. Стенник

КОМАРОВ Матвей [нач. 1730-х гг.–1812 (?), Москва]. Был крепостным, служил домоправителем у москвички А. Л. Щербачевой (по первому мужу Зотовой, по второму Эйхлер); после ее смерти в 1785 получил вольную. Грамотный и склонный к письменным делам, он, будучи доверенным человеком своей госпожи, выполнял ее поручения и в 1755, по какому-то делу часто бывая в московском Сыскном приказе, видел там находившегося под следствием знаменитого разбойника Ваньку Каина. Осенью 1771 в Москве свирепствовала чума, почти все должностные лица и мн. дворяне бежали из города. А. Л. Щербачева вместе со своим домоправителем К. уехала к зятю А. В. Хованскому в с. Богородское под Рузой. Здесь К. пишет первое свое произведение «Письмо к его сиятельству князю Алексею Васильевичу Хованскому» (1771), благодаря его за предоставленный его госпоже и ему кров. «Письмо» написано корявыми, неритмичными стихами, простым разговорным языком. В 1779 выходит в свет наиболее известное произведение К. «Обстоятельное и верное описание добрых и злых дел российского мошенника, вора, разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки Каина, всей его жизни и странных похождений». Книга представляет собой описание жизни Ивана Осипова, по прозвищу Каин, анонимные биографии которого ранее уже дважды (в 1775 и 1777) издавались в России (существовали и рукописные его биографии). К. использовал эти источники в своей книге. В том же 1779 вышло 2-е издание книги, к которому были добавлены «Песни», якобы петые Каином в тюрьме (заимствованы К. из «Собрания разных песен» *М. Д. Чулкова*). «История славного французского вора и мошенника Картуша и товарищей его» (1779; 7-е изд. 1794) была перепечаткой несколько переделанного перевода *М. Нелова*, вышедшего в 1771. По сравнению с анонимными произведениями о Каине, жизнеописание беглого крепостного, занявшегося воровством и разбоем, а потом ставшего сыщиком, у К., рассчитывавшего на успех читателя из простого народа, разукрашено прибаутками и просторечными выражениями, нравоучительными поучениями, оценочными рассуждениями, романтичными эпизодами. В 1782 К. издал вторую свою книгу «Повесть о приключении аглинского милорда Георга и о бранденбургской маркграфине Фридерике Луизе», написанную на основе рукописной «Повести о английском милорде Гереоне и о маркграфине Фридерике Люизе». Повесть эта является контаминацией трех авантюрно-любовных сюжетов и полна романтических пейзажных описаний, любовно-эротических картин, нравоучительных сентенций, вставок и эпизодов. Переработанное и дополненное издание повести К. выпустил в 1785; всего же известно свыше 30 изданий этой книги (последнее — 1918). В последующие годы К. напечатал книгу «Описание тринадцати старинных свадеб великих российских князей и государей» (1785) и «Старинные письма китайского императора к российскому государю» (1787). В 1789 К. издал книгу авантюрно-галантного содержания «Невидимка. История о фецком королевиче Аридесе и о брате его Полумедесе с разными любопытными повестями» (переизд. 1790), а в 1791 появилась последняя достоверно принадлежавшая ему книга «Разные письменные материи, собранные для удовольствия любопытных читателей» — сборник стихотворений, хозяйственных и медицинских советов, небольшого размера статей, опубликованных ранее в различных периодических изданиях.

К. приписывались и др. книги, к которым он отношения не имел: «Несчастный Никанор, или Приключение жизни российского дворянина Н********» (автор — *А. П. Назарьев*), «Крестьянские сказки, или Двенадцать вечеров» (1790) и «Забавный рассказчик, повествующий разные истории, сказки и веселые повести» (1791) (автор двух посл. книг — *Е. П. Хомяков*). По преданию, К. погиб в преклонных годах во время захвата Москвы войсками Наполеона.

К. интересовались мн. критики и писатели: В. Г. Белинский собирался писать о нем статью, назвав

его «предостолюбезнейшим человеком»; Л. Н. Толстой считал К. «самым знаменитым русским писателем» и советовал выпустить некоторые его сочинения в издательстве «Посредник».

Лит.: *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1953. Т. 3; Сиповский. Очерки. Т. 1, вып. 2 (1910); *Шкловский В. Б.* Матвей Комаров, житель города Москвы. Л., 1929; *Спасибенко А. П.* Комаров Матвей // Рус. писатели. М., 1971; *Камедина Л. В.* Матвей Комаров и массовая лит. XVIII в.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1984.

В. В. Пухов

КОМАРОВ Федор. Автор нескольких мелких стихотворений подражательного характера («Ехидна и Пчела. Баснь»; «Мир. (Подражание)»; «Апеллес» и др.), опубликованных в журнале «Еженедельник, или Собрание разных философических, исторических, физических и нравоучительных рассуждений, переведенных с разных языков, также загадок, елегий, епиграмм и других разных в стихах и прозе российских мелких сочинений, периодически на 1792 год изданных» (1792. Ч. 1). Не исключено, что К. принадлежали и некоторые анонимно опубликованные в этом издании переводы. Возможно, что К. вместе с В. Снятиновским являлся издателем «Еженедельника...».

Известен Федор Яковлевич К., с 1776 служивший в Коллегии иностр. дел (в 1797 — титул. советник), а с 1798 во Временном Апелляционном Деп. Сената (РГИА, ф. 1374, оп. 2, № 1265).

Лит.: Неустроев. Ист. разыскание (1874).

Ю. В. Стенник

КОМАРОВСКИЙ (Камаровский) Евграф Федотович [18 (29) XI 1769, Петербург–13 (25) X 1843, с. Городище Орловской губ.]. Родился в семье чиновника Дворцовой канцелярии. После смерти родителей был записан в Преображенский полк сержантом (1777); воспитывался в доме сестры, Д. Ф. Астафьевой; в 1778 поступил в один из лучших петербургских пансионов, принадлежавший де Вильневу. Обучался также в частных учебных заведениях Ленк (Лекк?) и Массона. Службу начал в Измайловском полку. В составе канцелярии А. А. Безбородко в 1787 сопровождал *Екатерину II* в ее путешествии на юг России. Исполняя обязанности курьера при Безбородко в 1787–1792, посетил столицы основных европ. государств, следил за культурными событиями в этих странах. С 1792 — прапорщик Измайловского полка, где управлял школой для солдатских детей, а с 1794 — полковой адъютант. В должности адъютанта вел. князя Константина Павловича (1796–1800) участвовал в Ит. и Швейц. походах А. В. Суворова; опубликовал «Журнал военных действий русско-австрийских войск в Италии» (Воен. журн. 1810. Кн. 2–7). Охлаждение Павла I к Суворову отразилось и на К. В нач. 1800 он был отставлен от должности, а затем назначен комендантом крепости в Каменец-Подольск. В 1801 К. был возвращен Александром I в Петербург и стал его генерал-адъютантом. В 1803 по ходатайству императора возведен в достоинство графа Священной Римской империи. Во время петербургского наводнения 1824 К. исполнял обязанности военного губернатора Петербургской стороны. 14 дек. 1825 активно участвовал в подавлении восстания декабристов, входил в состав Верховного угол. суда над ними, был избран в комитет «для установления разрядов разных степеней виновности государственных злоумышленников». В 1828, незадолго до выхода в отставку, произведен в генералы от инфантерии, назначен сенатором. Последние годы жизни К. почти безвыездно провел в с. Городище (имение жены, урожд. Цуриковой).

Основным источником биографии К. служат его воспоминания, над которыми он работал в основном в 1830–1831. «Записки» К. — ценный и достоверный источник для изучения истории России кон. XVIII–нач. XIX в., для реконструкции дворянского домашнего и придворного быта не только России, но

и ряда европ. государств. Сдержанный в своих высказываниях, К. выступает, как правило, информатором, оценочность его воспоминаниям не свойственна. Точность мемуаров К. (отд. изд. — СПб., 1914) подтверждается др. источниками.

В 1786 в переводе К. был опубликован роман Н. Ретифа де ла Бретона «Невинность в опасности, или Чрезвычайные приключения». Книге предпослано посвящение А. Н. Астафьеву: «Приношу Вам перевод одной маленькой книжки, первый и приятный мой труд». Перевод носит сокращенный и приблизительный характер. Переводчика заботила в первую очередь передача сюжета произведения, нравственных установок автора. По-видимому, из моралистических соображений К. опустил целиком главу 9 — кульминационный эпизод в богатой приключениями жизни героини. Аналогичным образом особенности К.-переводчика отразились в издании книги де Варжемона «Сосуд разных творений» (1786).

К. находился в переписке с *Г. Р. Державиным*, *Н. М. Карамзиным*, встречался с А. И. Тургеневым, П. А. Вяземским, М. П. Погодиным. Сын К., Е. Е. Комаровский, сотрудничал в «Отеч. зап.» 1820-х гг.; в альбоме дочери К., А. Е. Шиповой, сохранились автографы мн. рус. писателей, в т. ч. А. С. Пушкина. Материалы рода К. хранятся в РГАЛИ (ф. 274).

Лит.: *С. Н. П.* Комаровский Е. Ф. // Рус. биогр. словарь. Т. «Ибак–Ключарев» (1897); *Буачидзе Г.* Ретиф де ля Бретонн в России. Тбилиси, 1972.

Б. Н. Равдин

КОМИССАРОВ Семен Иванович. Московский купец. В 1792 издал своим иждивением перевод с нем. некоего М. под загл. «Краткое истолкование почтовой, или путешественной, игры. . .» и составленную в том же году Л. Прохоровым занимательную книгу «Волшебное зеркало, открывающее секреты великого Алберта». Позднее сам К. составил «Самый новейший отборнейший московский и санктпетербургский песельник, собранный из лучших и новых употребительнейших песен <. . .> расположенный <. . .> по отделениям, с гравированными при каждом фигурами» (1799), в который включил ок. 400 песен, подразделенных на военные, театральные, простонародные, любовные, малорос., хороводные, цыганские, свадебные и пр. К. сопроводил песни «изъявлением при каждой приличия, где и кому петь», указал манеру исполнения хороводных песен, свадебные снабдил описанием основных моментов обряда. Среди военных — песни, посвященные взятию Браилова и Очакова, заключению мира с Оттоманскою Портою. В раздел «театральных» песен вошли арии из популярных комических опер «Мельник — колдун, обманщик и сват» *А. О. Аблесимова*, «Розана и Любим» *Н. П. Николева*, «Милозор и Прелеста» и «Мнимые вдовцы» *В. А. Левшина*, «Добрые солдаты» *М. М. Хераскова*, «Несчастие от кареты», «Сбитенщик» и «Скупой» *Я. Б. Княжнина*, «Санкт-Петербургский Гостиный двор» *М. А. Матинского*, «Анюта» *М. И. Попова* и др. Мн. песни, вошедшие в сборник К., ранее были включены в «Новое и полное собрание российских песен» *М. Д. Чулкова* (М., 1780–1781. Ч. 1–6), в «Новый российский песенник. . .» (СПб., 1790–1791. Ч. 1–3), в «Избранный песенник, или Собрание наилучших старых и самых новейших <. . .> российских песен» (СПб., 1792. Ч. 2), в «Карманный песенник» (М., 1796. Ч. 1–3) *И. И. Дмитриева*, в т. ч. песня «Стонет сизый голубочек», а также встречаются в составе рукописных сборников кон. XVIII–нач. XIX в. После основного текста песенника (с. 1–374) с новой пагинацией (с. 1–66) дано «Продолжение Московского и санктпетербургского песенника 1799 года». Еще один песенник был издан К. под загл. «Игрушки любви или забавы! Амура, маленького сына Венерина <. . .> или Маленькое новейшее собрание новейших разных родов песен. . .» (М., 1803).

Большой популярностью пользовался составленный К. «Древний и новый всегдашний гадательный оракул, найденный после смерти

одного стошестилетнего старца Мартина Задека <. . .> с приложением его ж, Задека, предсказание любопытнейших в Европе происшествий. . .» (М., 1800; 3-е изд. М., 1821). К. дает толкование снов по алфавиту, объясняет характеры людей по таким внешним признакам, как пропорции и форма головы, волосы, форма и линии лба, форма носа, губ, цвет глаз, зубов, смех, походка, линии на ладонях. Здесь же представлены «круги счастия и несчастия» для угадывания судьбы, описания фокусов — «волшебные игры» и забавные загадки с отгадками. К. также включил в свою книгу переведенную ранее с нем. языка брошюру Э. Родера, в которой нем. писатель, используя имя персонажа повести Вольтера «Задиг, или Судьба» (1748), в фантастической форме предсказывал исход рус.-тур. войны, предрекал голод в Германии и Швейцарии, стихийные бедствия. Перевод этой брошюры, выполненный «К. Н.» (по предположению М. Искрина, *Н. Кургановым*), впервые появился на рус. языке под назв. «Примечания достойное предсказание славного Мартына Задека, которое он на сто шестом году от рождения в Швейцарии при Золотурне приятелям своим открыл 20 декабря 1769 году» (1770; 2-е изд. 1785). Этот же текст под слегка измененным назв. «Мартына Задека стошестилетнего славного швейцарского старика любопытное <. . .> предсказание. . .» выходил еще несколько раз (СПб., 1798; М., 1807; СПб., 1820). В «Евгении Онегине» А. С. Пушкина упомянут Мартын Задека, «глава халдейских мудрецов, гадатель, толкователь снов» (глава пятая, строфа XXII), по книге которого гадала Татьяна Ларина.

Лит.: *Искрин М.* Кто такой Мартын Задека? // Альм. библиофила. М., 1975. Вып. 2; Стихотворения, романсы, поэмы и драматические сочинения (XVIII—первая треть XIX в.) / Сост. И. Ф. Мартынов // Опис. рукоп. отдела БАН СССР. Л., 1980. Т. 4, вып. 2.

Е. Д. Кукушкина

КОМОВ Григорий [1749–после 1779]. С янв. 1757 К. учился в гимназии при Моск. ун-те, с 1764 — студент, в 1765 переведен из ректорского класса в универеитет на казенный кошт и со второго полугодия 1765 получал студенческую стипендию. С 24 янв. 1767 преподавал в Казанской гимназии историю, географию и геометрию. В Казани К. построил первую обсерваторию. О результатах своих астрономических наблюдений 26 мая 1769 К. написал заметку «Наблюдение прохождения Венеры по Солнцу. . .» (Моск. вед. 1769. 17 авг. № 66). 22 апр. 1770 по прошению в связи с болезнью К. был уволен. Возвратившись в Москву, предпринял безуспешную попытку поступить на службу. В дальнейшем К. принимал участие в деятельности Собрания, старающегося о переводе иностр. книг.

Известность К. принесло выпущенное им в 1778–1779 «Описание картежных игор, с показанием правил. . .» — первое оригинальное сочинение подобного рода в России. Книге был предпослан эпиграф из «Науки поэзии» Горация. В предисловии «О картах и играх вообще» рассказывалось о возникновении карт. К. подробно описывал правила многочисленных игр, упоминал о распространенных видах мошенничества и средствах борьбы с ними, рассказывал о нравах, царящих в различных слоях общества при игре в карты. В конце книги К. просил читателей присылать описания игр, ему неизвестных. Приложенный к описаниям игр терминологический словарь явился источником лексики карточных игр в рус. языке на раннем этапе ее формирования. В 1779 Собрание, старающееся о переводе иностр. книг выпустило выполненный К. с лат. перевод книги Цицерона «О естестве богов». В «Предуведомлении», описывавшем жизнь и деятельность Цицерона, был помещен также перевод отрывков из «Записок» Евсевия и стихов (прозою) Корнелия Севера, посвященных Цицерону.

Лит.: *Владимиров В.* Ист. записка о 1-й Казанской гимназии. Казань, 1867. Ч. 1; *Артемьев А.* Казанские гимназии в XVIII столетии. СПб., 1874; Семенников. Собрание, старающееся о перево-

де книг (1913); *Черняев П. Н.* Следы знакомства рус. о-ва с древнеклас. лит. в век Екатерины II. Воронеж, 1906; *Корытников С. Н.* Начало астрономии в Казани // Ист.-астрономические исслед. М., 1955. Вып. 1; Пенчко. Документы. Т. 1–3 (1960–1963).

М. П. Лепехин

КОНДРАТОВИЧ Александр Андреевич. Вступил в службу 13 дек. 1775; с 5 мая 1788 состоял в Академии наук при переводе книг (кол. переводчик). В 1797 был на той же должности (СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 3, № 31, л. 194). В 1788–1790 довольно активно сотрудничал в академическом журнале «Новые ежемес. соч.», где опубликовал ряд переводов с лат., фр. и ит. языков (подп. — «Алек. Кондр.», «Кондратович» и «студент Александр Кондратович»): «О уединении. Перевод из книги под заглавием „Miscellanee italiane"» (1788. Ч. 26); «Речь Марка Фурия Камилла <. . .> из Тита Ливия» с примечаниями и «некоторыми сведениями о самом Камилле» по Плутарху (1788. Ч. 28); «Рассуждение о напечатанном в Неаполе 1788 года <. . .> третьем томе книги под заглавием „Storia de'theatri antici e moderni. История древних и новейших феатров, сочинения Петра Наполи-Синьорелли"» (1790. Ч. 45); «Об основании Венецианской республики и о построении города Венеции» (Там же). Вероятно, К. сделал и перевод с ит. языка статьи «О царствовании готов в Италии», напечатанный без подписи, но помещенный между двумя др. его переводами (Там же). К. принадлежит перевод с ит. языка исторической повести Дж. Р. ди Сансеверино «Действие любви, или Любопытные приключения и трагическая смерть Бьянки Капеллы, ерц-герцогини Тосканской» (1791; атрибутировать этот перевод К. позволяет лист, включенный в один из экз. книги (хранится в БАН) с посв. «Господину бригадиру Артемью Никитичу Шишкову усердное приношение. Александр Кондратович»). Самым значительным трудом К. явился перевод с фр. знаменитого романа С. Ричардсона «Английские письма, или История кавалера Грандисона» (СПб., 1793–1794. Ч. 1–8).

Из оригинальных сочинений К. известна ода, написанная в 1796 в связи со вступлением на престол Павла I: «Ода на отшествие е. и. в. Павла Петровича, императора и самодержца всероссийского, в Москву для коронации. Всеподданнейше приносит Александр Кондратович» (1797).

В 1798–1799 К. упоминался в «СПб. вед.» в качестве составителя объявлений.

Р. М. Горохова

КОНДРАТОВИЧ Кирияк (Кириак) Андреевич [1703–14 (25) IX 1788, Петербург]. Сын сотника Ахтырского полка, павшего в Полтавском сражении. С 1715 учился на собственном коште в Киево-Могилянской академии и окончил полный курс в 1730. В 1727 архиепископ Рязанский и Муромский *Гавриил Бужинский* (дядя К.) вызвал К. в Рязань, где с сент. 1727 по авг. 1728 К. преподавал в славяно-греко-лат. школе лат. язык; затем он вернулся в Киев для завершения обучения. В 1731 К. был вызван в Петербург и назначен придворным студентом (круг обязанностей неясен, К. именовался также то «придворным философом», то «гуслистом»). В нояб. 1733 К. был переведен к *Феофану Прокоповичу* для помощи в переводах богословских трудов (перевел с лат. языка «Изображение сокращения богословского» Я.-Ф. Реймана; местонахождение рукописи неизв.), но через четыре месяца по просьбе *В. Н. Татищева* был отправлен в Екатеринбург.

В Екатеринбурге К. преподавал в школе лат. язык и логику, а также помогал Татищеву в его работе над «Историей» и переводил для него с лат. языка труды, имеющие отношение к истории России: в 1735 он перевел сочинение «О начатии поляков и о делах, от оных соделанных» пол. историка XVI в. М. Кромера (Б-ка СПб. Горного ин-та, Г 3173–3177, Г 3225; БАН, 32.7.1), в 1737 — «Историю о славянах» нем. хрониста XII в. Гельмольда и ее продолжение, напи-

санное Арнольдом Любекским (СПбФ АРАН, р.I, оп. 61, № 1; оп. 59, № 1). К. перевел также с лат. языка «О оракулах» А. ван Даля (БАН, 17.15.21; СПбФ АРАН, р. I, оп. 60, № 1); уже переводившиеся ранее на рус. язык произведения стоической этики «Энхиридион» Эпиктета (не сохр.) и «Картину» Кебета (СПбФ АРАН, р. II, оп. 1, № 26), а с пол. языка лечебник (РНБ, собр. СПб. дух. академии, № 412). Во время занятий с учениками школы К. сравнивал рус. Библию с лат. переводом древнеевр. оригинала и предложил исправления отдельных мест в книге Бытия, но Синод не принял его предложений, «понеже оное правление, яко с латинской, а не с греческой учиненное, недействительное есть» (РГИА, ф. 796, оп. 20, № 136). В 1742 К. после безуспешных попыток определиться учителем в Тобольскую дух. семинарию вернулся в Москву, утратив при переправе через р. Каму свои пожитки, но сохранив переводы.

В 1742 К. обратился в Сенат с прошением о месте профессора «к собиранию лексиконов латино-российского и российско-латинского языков» в Академии наук, но т. к. такой должности не существовало, то в сент. 1743 он был принят старшим переводчиком в Академию наук, где служил до конца жизни (1760 — кол. асессор; февр. 1781 — надв. советник).

К. переводил для Академии наук с лат. языка труды по истории славян и рос. географии Т.-З. Байера (1747; изд. 1767), «Готскую и шведскую истории» Иоанна Магнуса (ок. 1747 — РГБ, ф. 256, № 263; СПбФ АРАН, р. V, оп. К, № 41/1), «О делах московских комментарий» С. Герберштейна (1748 — СПбФ АРАН, р. II, оп. 1, № 27) и др.; для Герольдмейстерской конторы делал переводы из пол. гербовников (СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 1, № 294, л. 336–341; РНБ, ф. 452, № 570). Переводы К. считались, видимо, неудовлетворительными (по отзыву Татищева, К. «весьма неприлежно переводил» — Ист. арх. М.; Л., 1951. Т. 6. С. 288), и под тем предлогом, что К. может переводить только с лат. языка, он был в июле 1748 переведен из Исторического деп. в Акад. гимназию учителем лат. языка. Безуспешной оказалась попытка К. перейти переводчиком в Синод в 1746, несмотря на благоприятный о нем отзыв *С. С. Волчкова*: К. в переводах с лат. и пол. языков «довольное прилежание и немалый труд имел, в которых и поныне рачительно упражняется, притом же ведет себя добропорядочно» (РГИА, ф. 796, оп. 27, № 129).

Наряду со служебной деятельностью К. продолжал заниматься переводами по собственному почину (преимущественно античной литературы). В 1744 он перевел сочинение о тщеславной гордости и спеси представителей ученого сословия нем. писателя И.-Х. Кехера (псевд. — «Г. Ашпан») «О суеверстве книжном или грамотном» (СПБФ АРАН, р. II, оп. 1, № 25; ориг.: De superstitione erudita seu literaria. Köln, 1728). В 1745 его перевод «Катоновых двустрочных стихов о добронравии» Псевдо-Катона был напечатан в приложении к переведенной *В. К. Тредиаковским* книге Ф. Фенелона «Истинная политика знатных и благородных особ». В том же году К. предложил Акад. канцелярии для издания свои переводы, выполненные в Екатеринбурге. Назначенные для их рассмотрения И. И. Тауберт, С. С. Волчков и *М. В. Ломоносов* под разными предлогами уклонились от поручения, и решение по изданию не было принято, а К. было велено в дальнейшем выполнять переводы только по поручению Акад. канцелярии.

Лексикографическая работа постоянно привлекала К. Еще в Екатеринбурге он составлял словари языков народностей Сибири (не сохр.; по отзыву Татищева, это были небольшие подборки слов). В сент. 1747 К. представил в Акад. канцелярию переработку словаря X. Целлария «Целяриев дикционер русский с латинским». Словарь был отдан на рецензию Ломоносову, который резко раскритиковал труд К., отметив, в частности, «нарочитое число весьма новых и неупотребительных производных же слов», а также ошибки в переводе (см.: *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1955. Т. 9. С. 616). В даль-

нейшем К. должен был работать над словарем под руководством Ломоносова. К. постоянно жаловался на придирки, ругань и угрозы физической расправы со стороны Ломоносова, и их сотрудничество закончилось в 1751, причем К. просил не поручать более рассмотрение его трудов Ломоносову. Рукопись словаря неоднократно перерабатывалась К., и к 1772 словарь был уже отредактирован С. Я. Румовским и готов к печати, но издание не состоялось и рукопись не сохранилась: во время подготовки Словаря Рос. Академии она была разделена на части и роздана составителям. Одновременно с работой над Целларием К. предпринял перевод многоязычного словаря А. Калепино «Лексикон российский двенадцатиязычный калепинский» (сохр. только часть литеры «А» — СПбФ АРАН, р. V, оп. К, № 41/2). Словарные труды К. были прерваны, возможно, его психическим расстройством в 1751, от которого он оправился только к 1754. Впосл. К. издал «Польский общий словарь» (1775; пол. словник К. взял из словаря пол. языка Г. Кнапского и сам подобрал к нему рус. соответствия) и «Дикционер, или Речениар, по алфавиту российских слов, о разных произращениях, то есть древах, травах, цветах, семенах. . .» (1780).

В кон. 1750-х—нач. 1760-х гг. К. предпринял ряд переводов классических произведений с лат. языка: в 1758—1760 он перевел «Илиаду» (РГБ, ф. 313, № 1256) и «Одиссею» (РНБ, F.XV.64) Гомера, две элегии Овидия (Трудолюбивая пчела. 1759. Нояб.), «Батрахомиомахию» (1761; не сохр.), «Работу и день» Гесиода (1761; не сохр.), два диалога Лукиана (1762; не сохр., см. доношения К. 1761—1762: СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 1, № 265, л. 30—38), «Двенадцать отборных речей» Цицерона (1762). Несмотря на неоднократные прошения об издании переводов, в которых К. сетовал, что его книги «в библиотеке кирпичам и моли вверены без пользы» и что он «переводил для людей, а не для кирпичей библиотечных», был издан только перевод Цицерона (1767), а о рукописном переводе Гомера упомянул *Н. И. Новиков* (Новиков. Опыт словаря (1772)). Переводы К. (стихотворные произведения переведены прозой) сделаны тяжеловесным и стилистически неустоявшимся языком рус. прозы первой пол. XVIII в., имена собственные и реалии быта русифицированы. Для языка К. характерны украинизмы; он оправдывал себя тем, что много лет прожил в Киеве. *А. П. Сумароков*, выступая в статье «О копиистах» против иноземных заимствований в рус. языке, писал: «Опасно, чтоб Кирейки не умножили в нем и польских слов» (Трудолюбивая пчела. 1759. Дек. С. 767). Вероятно, после этого выпада в янв. 1760 у К. была ссора с Сумароковым, который дошел до рукоприкладства. Язык К. и позднее был предметом для насмешек. *Н. П. Николев* в «Лиродидактическом послании» (1791) писал, обращаясь к *Е. Р. Дашковой*: «А Кондратовичам тобой Закрыта в храм наук дорога». В примечании Николев привел «устное предание» о несуразных предложениях К. («яишницу» переименовать в «млекошницу» и др.) и поставил его в ряд «страннорусских» педантов, которые «производят млекошницы, хамки, шарокаты, шаропихи, шаротыки и избытия» (*Николев Н.* Творении. М., 1796. Т. 3. С. 110, 345—347). В нач. XIX в. А. С. Шишков, напротив, высоко оценил слог К., имея в виду его перевод Овидия: «Если бы он <Овидий> писал прозою, то бы, прочитав подобный перевод, можно было не иметь желания читать подлинник» (*Шишков А.* Рассуждение о старом и новом слоге российского языка. СПб., 1803. С. 378). В нач. 1780-х гг. К. намеревался дать систематическое изложение своих взглядов на практику перевода, о чем писал в прошении *Платону Левшину*: «Я сочиняю диссертацию о чистых переводах российских, в которой небывалые правила положены будут, числом около 200, для пользы общества» (РНБ, F.XVIII.8, л. 3 об.).

В течение всей жизни К. писал эпиграммы и, по его словам, написал их более 16 000. В 1769 триста эпиграмм составили книжку «Старик молодый» (Ч. 1—3); значитель-

ное число (однако менее 16 000) сохранилось в черновых тетрадях К. (РНБ, F.XIV.17; Q.XIV.16). Силлабические эпиграммы К. были далеки и от современной жизни, и от литературных полемик: это тяжеловесная ученая поэзия с примечаниями и указаниями на источники, преимущественно русифицированные переложения из лат. (в частности, Марциал) и новолат. (М. Радау) поэзии или вариации на библейские темы. Не имели отклика и его сатирические брошюры «Ворона. Вран. Всеобщеисторическая похвала врану» (1775) и «Реприманд Воронин» (1778). Эпизодически К. участвовал в «Пустомеле» (1770. Июль), напечатав там отклик на «Трутень»; к этому же времени относится его запись в рабочей тетради: «Русский трутень лутче любит труд, заморска неж пчела» (РНБ, F.XIV.17, л. 98). Во второй пол. 1770-х гг. К. составил для Новикова сборник своих эпиграмм, но издание не было осуществлено.

Обремененный большой семьей, К. в 1760–1770-х гг. многократно подавал прошения о вспомоществовании на высочайшее имя (РГАДА, ф. 10, оп. 1, № 472, л. 30; № 588, л. 92, 248–249; Чтения в о-ве истории и древностей рос. 1867. Кн. 3. Отд. 5. С. 9–10), К. Г. Разумовскому (см.: Осмнадцатый век. М., 1868. Кн. 2. С. 571), М. Л. Воронцову (см.: Арх. кн. Воронцова. М., 1872. Кн. 4. С. 195–196), в Акад. канцелярию; искал заступничества и покровительства у Демидовых и Строгановых, но безрезультатно. Умер в бедности.

Лит.: *Пекарский П.* Кондратович, рус. прозаик и стихотворец, филолог и беллетрист XVIII столетия // Совр. 1858. № 6; *Тихонравов Н. С.* Кирьяк Кондратович, переводчик прошлого столетия // Библиогр. зап. 1858. № 8; *Билярский П. С.*: 1) О первом опыте перевода Герберштейна на рус. яз.: (Библиогр. известие) // Зап. имп. Академии наук. 1863. Т. 4. Кн. 1; 2) Мат-лы для биографии Ломоносова. СПб., 1865; Пекарский. История Академии наук. Т. 2 (1873); Венгеров. Рус. поэзия. Т. 1, вып. 6 (1897); *Семенников В. П.* К истории цензуры в Екатерининскую эпоху // Рус. библиофил. 1913. № 1; Семенников. Мат-лы для словаря (1914); *Обрембская-Яблоньская А. А.* Об источниках пол.-рус. словаря Кирияка Кондратовича // Тр. Отд. древнерус. лит. М.; Л., 1958. Т. 14; *Макеева В. Н.*: 1) Рус. лексикография 40–50 гг. XVIII в. и Ломоносов // Ломоносов: Сб. статей и мат-лов. М.; Л., 1960. Т. 4; 2) М. В. Ломоносов — составитель, редактор и рецензент лексикогр. работ // Вопр. языкознания. 1961. № 5; *Егунов А. Н.* Гомер в рус. пер. XVIII–XIX вв. М.; Л., 1964; *Биржакова Е. Э.* Отражение функционально-стилистической дифференциации рус. лексики в двуязычных словарях XVIII в.: (Пол.-рус. словарь К. Кондратовича) // Функциональные и социальные разновидности рус. лит. яз. XVIII в. Л., 1984; *Астраханский В. С.* Книги из Екатеринбургской б-ки В. Н. Татищева в Горном ин-те в Ленинграде // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1984. М., 1986; *Савельева Е. А.* Рукописи В. Н. Татищева — предшественника М. В. Ломоносова — в собрании Библиотеки АН СССР // Ломоносов и книга. Л., 1986; *Бердников Л. И.* Кирияк Кондратович и Господин Господинович: Из истории посвящения в рус. книжной культуре // Альм. библиофила. М., 1989. Вып. 25.

С. И. Николаев

КОНИССКИЙ Григорий (Георгий) Осипович [20 (31) IX 1717, Нежин–13 (24) II 1795, Могилев; похоронен в Спасском соборе]. Родился в семье бургомистра; прадед, Еремей Касьянович, получил звание «шляхетного» в 1659 от пол. короля Яна Казимира. С 1728 по 1743 учился в Киево-Могилянской академии: философии — у *Сильвестра Кулябки*, греч., евр. и нем. языкам — у *Симона Тодорского*. 11 авг. 1744 принял монашество. С 1754 по 1755 преподавал в академии поэтику, философию (с 1747), богословие (с 1751); с 1747 — префект, а с 1751 — ректор академии. В 1752 К. был назначен архимандритом Киево-Братского Богоявленского монастыря. По свидетельству современников, он показал себя

«тщательным и добропорядочным правителем и учителем» и в академии «учредил лучший порядок в преподавании наук». 20 авг. 1755 в Киево-Софийском соборе К. был посвящен в сан епископа Белоруссии. В кон. 1755, когда К. переехал в Могилев, белорус. епархия находилась в запустении. К. обновил кафедральный Спасский собор, основал школу для «острейших детей» и устроил типографию. Он возглавил борьбу за национальное освобождение белорус. народа от гнета пол. шляхты и католического духовенства. В Петербурге, Москве, Варшаве и Могилеве К. произносил политические речи и проповеди, в которых, воздействуя на общественное мнение, защищал права православного населения Речи Посполитой и призывал белорусов и украинцев к ликвидации церковной унии и воссоединению с Россией. Враги-униаты дважды покушались на жизнь К.: в 1759 в Орше, в Кутеинском монастыре, и в 1760 в Могилеве, в архиерейском доме. К. твердо верил, что белорус. «малая ладийца» доплывет до общерус. великого корабля. В 1767 К. представил Комиссии по определению государственных прав римских христиан и диссидентов доклад на пол. языке о правах и свободах православного населения Речи Посполитой (Варшава, 1767). После того как в 1768 Россия добилась уравнения прав православных с католиками в Польше, К. был назначен членом смешанного суда для решения спорных вопросов между православными и униатами. После присоединения Белоруссии к России К. заботился об искоренении остатков католичества в Белоруссии, обеспечив переход в православие за 1781–1783 112 000 человек. К. добился учреждения в г. Слуцке православной епархии для находящихся в пол. подданстве белорусов. В 1780 в Могилеве был заложен кафедральный собор Иосифа Обручника и открыта семинария. В 1783 К. был возведен в сан архиепископа Белоруссии и избран членом Синода.

К. — педагог, политический и церковный оратор, стихотворец, драматург и историк. В прочитанном К. курсе лекций по поэтике отдельные положения курса иллюстрированы собственными поэтическими произведениями К., имеется раздел, посвященный укр. стихосложению. В 1786 К. издал в Могилеве курс лекций по поэтике *Феофана Прокоповича* на лат. языке.

Одно из первых публичных ораторских выступлений К. — «Слово при пострижении в монашество» (11 авг. 1744; рукопись — ЦНБ АН Украины). Расцвет ораторского искусства К. приходится на 1760–1780-е гг. Ранние проповеди вошли в книгу К. «Собрание поучительных слов» (Могилев, 1761). Наиболее яркие выступления его следующие: речь 29 сент. 1762 на коронации *Екатерины II* в Москве, в которой К. выражал надежду на избавление белорус. народа, страждущего под игом пол. шляхты; речь на лат. языке 27 дек. 1765 перед пол. королем Станиславом Понятовским в Варшаве, в которой К. описал страдания православного населения в Белоруссии; речь 21 апр. 1767 в Вильно на день рождения Екатерины II; речь 10 марта 1773 перед Екатериной II в Петербурге. Образцовой приветственной речью считалось слово на прибытие Екатерины II в г. Мстислав от 19 янв. 1787. Известны его проповеди и поучения на дни церковных праздников (всего — до 80). *А. П. Сумароков*, а впосл. Пушкин ценили проповеди К. Пушкин писал, что они «просты и даже несколько грубы как поучения старцев первоначальных, но их искренность увлекательна» (Совр. 1836. Кн. 1). В отдельных проповедях К. выступает защитником обиженных и угнетенных с позиции церкви, иногда поднимаясь до критики отдельных пороков существующего строя.

К. писал вирши, перелагал псалмы, сочинял стихотворные надписи к иконам и портретам, а также эпитафии.

К. написана школьная драма «Воскресение мертвых» (1746).

Как историку К. принадлежат «Записки о том, что в России до конца XVI в. не было никакой унии с римской церковью» (Чтения в О-ве истории и древностей рос. 1847. № 8), «Историческое известие о епархии могилевской» (изд.

В. Г. Рубаном в «Любопытном месяцеслове», 1776), «слово» «О бывших гонениях», 12 писем к Екатерине II и членам ее правительства о состоянии дел в Белоруссии, а также записки о могилевской семинарии (1793) и мн. др. сочинения.

В сотрудничестве с епископом Смоленским Парфением Сопковским К. составил книгу «О должностях пресвитеров приходских» (1776; переизд., начиная с 1777), которая в сер. XIX в. была переведена на англ. язык.

Лит.: *Малиновский В.* Проповедническая деятельность Георгия Конисского // Руководство для сел. пастырей. 1871. № 25–29; Георгий Конисский, архиеп. Белоруссии: Биогр. очерк и обозрение его сочинений Василия Димского // Орловские епарх. вед. 1881. № 1–3, 6, 7, 9, 10, 12, 14, 16; *Колосов Н. А.* Георгий Конисский, архиеп. белорус. М., 1895; *Ливотов Е.* Георгий Конисский, архиеп. белорус. // Рус. обозр. 1895. № 3–5; *Сребницкий И. А.* К биографии Г. Конисского // Сб. ист.-филол. о-ва при Ин-те кн. Безбородко в Нежине. Киев, 1896. Т. 1; *Петров Н. И.* Очерки из истории укр. лит. XVII и XVIII вв.: Киевская искусственная лит. XVII–XVIII вв., преимущественно драматическая. Киев, 1911; *Протасевич В. И.* Соц.-полит. и филос. взгляды Конисского // Из истории филос. и обществ.-полит. мысли Белоруссии. Минск, 1962; *Кашуба М. В.*: 1) Философія в Киево-Могилянській академії: Георгій Кониський // Філософська думка. 1969. № 2; 2) Философский курс Георгия Конисского: (Из истории филос. мысли на Украине в первой пол. XVIII в.): Автореф. дис. . . . канд. филос. наук. Киев, 1970.

Ю. К. Бегунов

КОНСТАНТИНОВ Алексей Алексеевич [5 (16) II 1728, Брянск–11 (23) V 1808, Петербург; похоронен на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры]. Сын протопопа. В 1744–1748 обучался в Киево-Могилянской академии (ИРЛИ, карт. Б. Л. Модзалевского), в янв. 1750 подал прошение о принятии в Акад. ун-т и был принят студентом после экзамена у Г.-Ф. Миллера, который отметил, что К. «нарочито искусен» в лат. языке и «великую охоту показывает в науках». В 1754 К. присвоено звание магистра.

В «Календаре, или Месяцеслове, на лето 1754» К. опубликовал сокращенный перевод с нем. языка статьи И.-Г. Питша из «Гамбургского журнала» (1752) «Мнение о различных действиях горячего вина в теле человеческом» с любопытными психологическими зарисовками последствий чрезмерного употребления водки. Статья была переиздана в несколько измененном виде в «Новых ежемес. соч.» (1787. Ч. 16. Окт.). В «Ежемес. соч.» (1755. Ч. 1. Февр.) в переводе К. (также с нем.) напечатано «Рассуждение о гиперборейцах» профессора Академии наук и бывшего ректора гимназии И.-Э. Фишера — анализ сообщений античных и некоторых новых авторов о сев. народах.

В 1755 Акад. канцелярия хотела направить К. учителем в Троицкую дух. семинарию, но он просил назначить его в благородную гимназию Моск. ун-та; его прошение было удовлетворено, и с 1756 по май 1758 К. преподавал там лат. и рус. языки. В 1758 К. был переведен учителем в Академию художеств, но в 1761 уволился и поступил в канцелярию генерал-фельдмаршала Н. Ю.Трубецкого при Военной коллегии. 27 июля 1762 произведен в надв. советники и назначен домашним библиотекарем *Екатерины II*. В этой должности он оставался до 1773, причем исправлял свои обязанности небрежно: в 1767 Екатерина II назвала его «ленивейшим человеком». В мае 1770 решением Сената ему было разрешено определиться к статским делам, «когда он пожелает» (РГАДА, ф. 286, № 561, л. 10 об.). В семье К., женатого на Е. М. Ломоносовой (1766), хранилась часть архива *М. В. Ломоносова* (при жизни Ломоносов отклонял неоднократные просьбы К. руки своей дочери).

Лит.: Пб. некрополь. Т. 2 (1902); [Без подписи]. Константинов А. А. // Рус. биогр. словарь. Т. «Кнаппе–Кюхельбекер» (1903); *Павлова Ж.*: 1) Из истории книжного собр. Эрмитажа: Б-ка Екатерины II //

Тр. Гос. Эрмитажа. Л., 1975. Т. 16; 2) Императорская б-ка Эрмитажа. 1762–1917. Tenafly, 1988; Кулябко. Замечательные питомцы (1977).

С. И. Николаев,
В. П. Степанов

КОНСТАНТИНОВ Трофим Васильевич [1765–после 1798]. Сын обер-офицера. Начал службу в Тульском наместническом правлении в 1777. 20 дек. 1780 был определен «на подканцеляристскую ваканцию» в Тульскую верхн. расправу, 26 окт. 1781 назначен подканцеляристом, в 1782 переведен в Тульскую угол. палату, а 26 марта 1785 перемещен в Тульский верхн. зем. суд «на архивариусную ваканцию с награждением канцеляристом» (Формуляр 1796 г. — РГАДА, ф. 286, кн. 877, л. 306).

В 1780-е гг. К. участвовал как актер в спектаклях театра при Тульском наместничестве. В 1787 он был направлен для совершенствования своего актерского мастерства в петербургскую труппу, где пробыл до 1791. Затем служил в Казанском наместническом театре, во главе которого стоял прибывший из Петербурга «придворный» актер В. Р. Бобровский.

В 1793, в связи с намерением *П. А. Плавильщикова* выступать в Москве, К. был приглашен на придворную сцену с условием, что «должен он так, как и актер Плавильщиков, играть по драматическому театру первые роли и характеры в трагедиях, комедиях и драмах и делить оные с помянутым Плавильщиковым, а в небытность его, то все ему, Константинову, играть, да, сверх сего, если надобность потребует, то должен он занимать трагических царей и в операх петь благородных любовников». Находясь в Петербурге, К. сочинил драму (в 3-х д.) «Благовременное вспоможение» (1794; сведений о пост. нет), посвятив ее кн. Е. П. Долгоруковой (урожд. Бакуниной) в благодарность за «благодеяния». Драма, в которой прославляется бескорыстная доброта, спасшая жизнь обедневшему дворянину, заканчивается призывом ко всем богатым: быть милостивыми к неимущим. По ходу действия дается положительная оценка учреждению наместнических правлений и училищ для бедных. 21 янв. 1795 Акад. канцелярия постановила выдать К. 486 экземпляров драмы и не взыскивать с него деньги за печатание, т. к. он согласился с того же набора напечатать драму в ч. 43 «Рос. феатра», который продавался в пользу Академии.

В 1795 К. был определен на службу в Харьковское наместническое правление коллежским актуариусом. В том же году он с несколькими петербургскими актерами вошел в труппу Харьковского театра, взяв на себя обязанности антрепренера. К. явился одним из основоположников системы частной антрепризы в провинции. Труппа Харьковского театра, состоявшая прежде из актеров-любителей, исполнявших все, в т. ч. и женские, роли, при К. состояла из 6 актеров и 3 актрис и, по отзывам современников, была отлично «сгармонирована». Благодаря материальной поддержке со стороны губернских властей и дворянства расширился запас театральных декораций и костюмов, повысились оклады актеров. К. ставил пьесы «Тщеславный» Ф.-Н. Детуша, «Нанина» Вольтера, «Менехмы, или Близнецы» Ж.-Ф. Реньяра, «Беверлей» Б.-Ж. Сорена, «Хвастун» *Я. Б. Княжнина*, «Преступник от игры, или Братом проданная сестра» *Д. В. Ефимьева* и др. Сам К. выступал в ролях главных героев. Его игра отличалась большой эмоциональностью и выразительностью.

21 марта 1796 К. обратился в Сенат с просьбой освободить его от службы в Харьковском наместническом правлении и уволить «к приисканию другой» (РГАДА, ф. 286, кн. 877, л. 304). В кон. 1796 Харьковский театр был закрыт в связи с трауром по случаю смерти *Екатерины II*. К. продолжил антрепренерскую деятельность в Смоленске.

Лит.: *Клинчин А. П.* Константинов Т. В. // Театр. энцикл. Т. 3 (Кетчер–Нежданова) (1964); История драм. театра. Т. 1–2 (1977).

Е. Д. Кукушкина

КОПИЕВСКИЙ (Копиевич) Илья (Элиаш) Федорович [1651, близ г. Ляховичи–23 IX (4 X) 1714]. Родился в зап. Белоруссии в семье мелкопоместного шляхтича реформатского (протестантского) вероисповедания. Во время рус.-пол. войны 1654–1655 имение отца К. было спасено от разорения благодаря покровительству царя Алексея Михайловича. В период похода кн. И. А. Хованского на Ляховичи в 1660 один боярский сын из Бежецкой пятины насильно увез 8-летнего К. в Россию. Вскоре К. сбежал от боярина, до 1666 жил и учился в школе в Москве, пользуясь покровительством царя Алексея Михайловича. В 1666 К. был отпущен домой вместе с воеводой Мстиславля Цехановецким. На родине К. имение отца было отобрано и передано иезуитам пол. королем Яном Казимиром. Семья К. эмигрировала в Амстердам, где К. завершил свое образование и стал кальвинистским священником и проповедником. Позднее К. перевел на рус. язык кальвинистский Катехизис (рукопись Славянского фонда Б-ки Хельсинкского ун-та, SI.Ms.–0–11).

К. владел пол., рус., белорус., гол., нем., греч. и лат. языками, и как знаток языков стал известен Петру I. 15 июля 1698 он завершил перевод с лат. языка «Книги о деле воинственном» визант. писателя X в. Льва Премудрого, который посвятил Петру I (местонахождение рукописи неизв.). В 1698 К. лично познакомился в Амстердаме с Петром I. Рус. царь поручил К. переводы и печатание книг светского учебного содержания на рус. языке, а также велел обучать знатных молодых людей из России иностранным языкам, грамматике и навигации. В числе учеников К. были кн. О. И. Щербатов, С. А. Салтыков, грузинский царевич Арчил и др. С июля 1698 К. стал печатать в Амстердаме книги вместе с компаньоном гол. купцом Яном Тесингом. В 1700 Петр I оказал типографии Тесинга свое покровительство. За три года в типографии было напечатано 25 рус. книг тиражом 2000–3000 экземпляров каждая, переведенных или составленных К. на основе иностранных книг (из них сохранилось только 12 названий). Это были издания учебного характера с преобладанием трудов по истории, филологии и литературе, напр. «Введение во всякую историю по чину историчному», «Номенкляторы», «Вокабулы стихами латинские и русские» (все — 1699 и 1700), двуязычная «Латинская грамматика» (1700), «Кратчайшее руководство к риторике и одновременно ораторское искусство» (1700–1702), а также пособия по арифметике, астрономии и навигации (1699–1701). Для школьного обучения предназначались и «Притчи Эссоповы на латинском и русском языке, здесь же и Гомерова брань жаб и мышей» (1700). Это было первое издание на рус. языке, знакомившее рус. людей с древнегреч. классиками. В 1700 была отпечатана компиляция из «Тактикона» Льва Премудрого, а вместо комментария к ней была прибавлена др. компиляция из сочинений пол. историка Ш. Старовольского «Устройство королевского войска». К. приписывается перевод с рус. на лат. язык «Синопсиса» Иннокентия Гизеля (1700). Как поэт К. известен изданием силлабической поэмы на взятие Азова, где он прославлял Петра I и боярина А. С. Шеина (1701).

В 1700–1701, получив привилегию Голландских генеральных штатов, К. печатал свои книги при материальной поддержке предпринимателя Яна де Йонга в типографии Авраама Бремена, где, в частности, издал заказанную Петром I «Книгу политическую, или Политик-ученый и учено-благочестивый, переданный польскими стихами» (1700–1702; изд. не сохр.).

Находясь в Голландии, К. перевел на рус. язык в кон. 1690-х гг. брошюру Карела Алларда «Beshoryving der Eerpoorten, in's grazvehage opgerecht. . .» (Tot Amsterdam, 1691), рассказывающую об англ. революции 1688–1690 и приезде короля Вильгельма III Оранского в Гаагу весной 1691 (рукопись Славянского фонда Б-ки Хельсинкского ун-та, SI.Ms.–0–11).

В нач. 1702, взяв с собою часть шрифта, К. переехал в Германию, при этом он не избежал судебного процесса с наследниками своего

бывшего компаньона Тесинга. В июне–нояб. 1702 К. вел переговоры с Королевским прус. о-вом наук в Берлине о печатании книг на рус. языке, но не получил разрешения рус. правительства на их распространение в России. В 1703–1706 К. жил в Данциге (Гданьске) и Хелме, дружил с профессором математики данцигской гимназии Павлом Петреем, основателем местной типографской школы. К этому же времени относятся его неудачные попытки организовать собственную типографию в Копенгагене или в Галле, о чем свидетельствует переписка Генриха Лудольфа (1704). В марте 1706 в предместье Данцига Штольценберге у типографа Х.-Ф. Гольца К. удалось напечатать «Руковедение в грамматику славянороссийскую или московскую» («Manuductio in grammaticam in sclavonico Rosseanam seu Moscoviticam»). В конце этой книги было помещено объявление о 12-ти книгах, отпечатанных К. и высланных в Россию, и еще об 11-ти, приготовленных к печати. Труд К. был вторым после Мелетия Смотрицкого (1648) опытом печатания грамматики для русских, имевшим большое просветительское значение.

Рус. печатным шрифтом К. позднее воспользовались шведы, затем пол. типограф Б. Корвин-Квасовский и нем. печатники в Галле в 1735.

В авг. 1707, работая переводчиком, К. был принят на службу в Посольский приказ (РГАДА, ф. 138, оп. 1, № 47). Некоторое время К. находился вместе со своей дочерью в Варшаве при главнокомандующем рус. армией фельдмаршале Якове Брюсе. Вскоре Брюс отослал К. в Москву к боярину Г. И. Головкину, начальнику посольской канцелярии. С кон. 1708 К. продолжает в Москве свои работы над переводами следующих книг: «Введение в европейскую историю» С. Пуффендорфа, «О добродетели» Горация, «Деяния Александра Македонского» Квинта Курция (БАН, собр. Петровской галереи, № 31), «О военном искусстве» Ш. Старовольского; составляет симфонию к Библии, переводит Катехизис (РГАДА, ф. 138, № 42). К. собирался переводить также пол. хроники и труды по геометрии.

Лит.: Евгений. Словарь. Ч. 1 (1845); Пекарский. Наука и лит. Т. 1–2 (1862); *Winter E.* Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandskunde im 18. Jahrhundert. Berlin, 1953; *Tetzner J.* H. W. Ludolf und Russland. Berlin, 1955; *Nowak Z.* Eliasz Kopiewski, polski autor, tłumacz, wydawca, drukarz świeckich książek dla Rosji w epoce wczesnego Oświecenia // Libri gedanensis. 1968/1969. № 2–3; Б-ка Петра I: Указатель-справочник / Сост. Е. И. Боброва. Л., 1978; *Бегунов Ю. К.* «Описание вратъ чести. . .»: A Seventeenth Century Russian Translation on William of Orange and the «glorious Revolution» // Oxford Slavonic Papers. New Series. Vol. 15. Oxford, 1987.

Ю. К. Бегунов

КОПЬЕВ (Копиев) Алексей Данилович [1767–5 (17) VII 1846]. Сын пензенского вице-губернатора Д. С. Копьева. С 1775 записан в гвардию, 10 июля 1778 произведен в сержанты Измайловского полка. Быстрое продвижение К. по службе началось после 1791 одновременно с фавором П. А. Зубова, который взял его в свой штат, где К. вскоре достиг чина армейского подполковника. По замечанию В. Н. Головиной, К. был «человек умелый, но очень скверный, сущий паразит, увивавшийся около вельмож». В 1794 К. участвовал во взятии Варшавы и преследовании инсургентов, во время которого направил непосредственно императору Фридриху-Вильгельму вызывающее письмо по поводу отбитых русскими у поляков, но присвоенных пруссаками орудий. Приказом Павла I от 2 мая 1797, отданным в Москве, К. за какую-то выходку («дурное поведение») подвергся четырехмесячному аресту, а затем был отправлен в армейский полк. Предполагается, что с этим эпизодом биографии К. связана эпиграмма *Г. Р. Державина* «На падение Фаэтона» (1798). Известно прошение К. к императору от 31 марта 1797 из Невеля, где он состоял в Псковском драгунском полку, о помиловании и о предоставлении

отпуска в связи со смертью отца (РГИА, оп. 43, № 480, л. 63).

В начале александровского царствования, ок. 1802, К. возвратился в Петербург, получил в соответствии с выслугой лет чин генерал-майора и продолжил службу. В 1808 вместе с *И. А. Тейльсом* и *Н. Ф. Эминым* К. состоял членом Комиссии рассмотрения финляндских дел до ее ликвидации в 1810. После войны 1812 К. продал свою финскую мызу гр. Армфельду и купил имение Пустынка на берегу Тосны, рядом с имением Воронцовых, послужившее причиной вражды между соседями. В 1827 К. заочно избрали членом Комиссии для составления дворянской родословной книги Шлиссельбургского у., однако по справке оказалось, что он уже не имел собственности в Финляндии (РГИА, ф. 1286, оп. 4 (1827 г.), № 560). Позднее К. многократно покупал и продавал др. небольшие имения вблизи Петербурга (напр., с. Никольское в Шлиссельбургском у., где вел тяжбу с местными мастеровыми, — РГИА, ф. 472, оп. 1, № 954). В 1828 он продал казне на снос петербургский дом у Чернышева моста (за 220 000 руб. с рассрочкой на 20 лет), а затем до 1831 добивался выплаты всей суммы досрочно (РГИА, ф. 1286, оп. 4 (1828 г.), № 220).

С кругом писателей и журналистов нач. века К. не общался, занимаясь торгами и подрядами, но его хорошо знал дворянский и служилый Петербург. По воспоминаниям современников, в старости он отличался скупостью, неопрятностью, алчностью, циничным пренебрежением к общему мнению. Незадолго до смерти он проклял и лишил наследства единственного сына Юрия, замешанного М. С. Воронцовым в скандальный процесс и лишенного флигель-адъютантского звания.

Как герой литературного фольклора К. был известен более, чем как литератор. Современники циклизовали вокруг личности К. массу легендарных подробностей и анекдотов, характеризующих его как принципиального фрондера (что маловероятно), шутника, остряка и балагура, человека переменчивой судьбы. Согласно мемуарам и семейным преданиям, К. воспитывался в Пензе вместе с будущим министром полиции А. Д. Балашевым, тринадцатилетним юношей прибыл в полк и прославился здесь своими проказами и насмешками над командиром А. И. Арбеневым. В Петербурге К. будто бы некоторое время жил в доме кн. Вяземской (урожд. Трубецкой); в нач. 1790-х гг. был обручен с Т. И. Белосельской (в замуж. Бахметевой; А. Д. Янькова относит приписываемый К. в связи с этим Н. В. Туркестановым экспромт к Ф. С. Лужину и др. княгине Белосельской-Белозерской) и сватался за Д. М. Кутузову-Голенищеву (в замуж. Опочинину), но оба брака расстроились. Понравившись Зубовым, он стал чем-то вроде шута в их свите. Благодаря их покровительству, за три производства он шагнул из сержантов гвардии в подполковники и вошел в число придворных кавалеров при Густаве IV Адольфе, женихе вел. княжны Александры Павловны. Смерть *Екатерины II* застала К. в Пензе у родных. По возвращении на службу он попал в крепость, а затем в ссылку — в полк, размещенный в Финляндии. Разнообразнее всего варьируется мемуаристами эпизод со ссылкой К. А. С. Шишков, Н. И. Греч, Ф. Ф. Вигель рассказывают, что К. вызвал гнев Павла, появившись на вахтпараде в утрированном до смешного гатчинском мундире. По одной из этих версий, К. добился смягчения своей участи шутливыми письмами к императору из крепости и был возвращен на службу, но удален из столицы; по др. версии (С. Д. Полторацкий, Н. В. Туркестанов), К. усугубил свою вину стихами, адресованными худородному обер-полицеймейстеру Е. М. Чулкову: «Отец твой был Чулок, а мать твоя Тряпица. . .». В Кексгольме К. будто бы был разжалован в солдаты, то ли за шутки над новыми порядками, то ли за дуэль с кн. Долгоруковым, и лишь его молодой жене (Анне Констанции, дочери бывшего кавалергарда барона Карла Шкотта) удалось испросить прощение мужу (либо у Павла, либо у Александра I — сведения не совпадают). Более вероятным представляется мнение, что К. помог-

ли вернуться в столицу Зубовы и П. А. Пален в тот короткий промежуток времени, когда они еще обладали влиянием на Александра I.

Известность К. как оригинала и колоритной бытовой фигуры засвидетельствована самыми разными людьми. И. М. Долгоруков, знавший семью К. по своей службе в Пензе, так характеризовал его в заметках 1813 о нижегородской ярмарке: «Видел сочинителя „Лебедянской ярмарки“ острого К. Кто его не знает? Всегда и везде одинаков: шутит, лжет, хохочет с утра до ночи; все знают, что он несет гиль, но всякий вокруг жмется, слушает, и где он, там толпа». Похожий портрет набросал Ф. Ф. Вигель, встречавший К. в 1811 в доме сенатора А. Я. Болотникова, приятеля *И. И. Дмитриева*. М. Н. Лонгинов полагал, что басню «Лжец» И. А. Крылов написал под впечатлением разговора с К. за обедом в петербургском Англ. клубе. П. А. Вяземский сохранил анекдот о комической встрече К. с С. Л. Пушкиным на Невском проспекте. Подборка рассказов о поездках К. на упряжке свиней, о его проделках с косой и табакеркой Павла I попала в книгу А. Дюма «De Paris à Astrakhan» (1860; П. А. Вяземский указывает, что ранее они были напечатаны во фр. газетах). Биографическая достоверность всех этих сообщений сомнительна. Перечисленные анекдотические истории приписывались (часто с бóльшим основанием) также А. Н. Голицыну, Вакселю и др. современникам К. (напр., стихотворная пикировка о полете на воздушном шаре принадлежит не К., а С. Л. Львову и А. С. Хвостову).

Собственная литературная деятельность К. оказалась мимолетной. Первая и наиболее значительная комедия К. «Обращенный мизантроп, или Лебедянская ярмарка» (пост. 11 мая 1794) тематически и отдельными персонажами связана с «Недорослем» (Правдин, Гур Филатыч — племянник Простакова, Еремеевна, ставшая профессиональной свахой); среди действующих лиц есть недоросль Микеша, упоминается и сама комедия *Д. И. Фонвизина*. Любовная линия в пьесе К. испытала влияние карамзинизма; он впервые вывел в качестве героини сентиментальную воспитанницу Смольного монастыря. Создавая вслед за Фонвизиным бытовую сатиру на провинциальные дворянские нравы, идейно К. следует за комедиографией Екатерины II. В пьесе осуждаются «ужасные» последствия фр. революции, проводится мысль о том, что люди в целом не понимают истинной свободы, а рус. дворянство, в частности, не умеет пользоваться мудрыми законами императрицы о народных училищах и правами, предоставленными ему «Учреждением о губерниях» (1775) и «Жалованной грамотой российскому дворянству» (1785). Причиной всех неурядиц в рус. семейной, общественной и государственной жизни являются себялюбие дворян и отсутствие у них чувства долга. Положительный герой пьесы Правдин критикует пустое и лживое светское общество, противопоставляет ему двор Екатерины II как образец добродетелей и гражданского исполнения долга.

После придворного спектакля «Обращенный мизантроп. . .» К. получил табакерку с алмазами. На публичной сцене успех комедии обеспечили сочнòе бытописание, живые и остроумные диалоги, колоритные типы провинциальных щеголей, легко поддававшиеся шаржированию в сценическом исполнении. Как бытовая комедия «Обращенный мизантроп. . .» пользовался большим успехом в репертуаре театра нач. XIX в. и упоминается в современных обзорах лучших произведений драматической литературы. Изданию 1794 было предпослано авторское предисловие в стихах под загл. «Найденный отрывок бумаги вместо Предисловия. К русскому языку», обращенное как к читателю, так и к императрице (отточия в тексте, видимо, имитируют плохую сохранность мнимой рукописи). В этом стихотворном послании К. обсуждает вопрос, почему рус. язык не приспособлен к выражению любовного чувства и вместе с тем дает похвальные отзывы о лирике Г. Р. Державина, *Ю. А. Нелединского-Мелецкого* и *М. М. Хераскова*.

Одноактная комедия «Что наше, тово нам и не надо» (пост. 10 окт.

1794) принадлежит к жанру драматических пословиц и представляет собой психологический этюд, посвященный образу скучающего человека, Причудина, — одному из первых в рус. литературе образов богатого и разочарованного молодого человека. Он хочет увлечь женщину, которую не любит и которая не заслуживает его любви, а добившись успеха, легко уступает ее сопернику. Текст издания пьесы по сути дела является фонетической транскрипцией разговорной речи; это предполагало намеренно бытовую интерпретацию пьесы на сцене.

20 янв. 1796 на Придворном театре была поставлена комедия К. «Бабьи сплетни» (текст не сохр.). Мемуаристы упоминают также о несохранившейся пьесе К. под загл. «Княгиня Муха».

Все комедии К. написаны прозой. Между тем Ф. Ф. Вигель свидетельствует, что К. писал также стихи, и цитирует одно из стихотворений, которыми К. его «засыпал» и которые до нас не дошли. П. А. Вяземский указывал, что К. перевел «Sur le bonheur des sots» Ж. Неккера; имеется рус. издание 1795 (под загл. «О счастии дураков»), подписанное нерасшифрованной библиографами длинной анаграммой. Др. известные издания переводов этой книги приписываются Д. И. Хвостову и П. С. Кайсарову.

Лит.: *Брюн В.* А. Д. и Ю. А. Копьевы: Из семейных воспоминаний (1874) // ИРЛИ, ф. 265, оп. 1, № 30, 34; *Друцкой-Соколинский, Ромейко-Гурко П.* А. Д. Копьев и кн. Н. В. Туркестанов // ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 3747; *Мертваго Л. Б.* Зап. // Рус. арх. 1868. № 10; *Долгоруков И. М.* Журн. путешествия в Нижний. М., 1870; *Шишков А. С.* Зап., мнения и переписка. Берлин, 1870. Т. 1; *Греч Н. И.* Зап. // Рус. арх. 1873. № 4; *Голицын Н. С.* Рассказы об императорах Павле I и Александре I // Рус. старина. 1880. № 11; *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. СПб., 1882–1883. Т. 7–8; *Бодянский О. М.* Дневник // Рус. старина. 1889. № 10; *Вигель Ф. Ф.* Воспоминания. М., 1892. Ч. 3; *Полторацкий С. Д.* Рус. достопамятные люди: (В. В. Капнист) // Рус. старина. 1892. № 6; *Головина В. Н.* Зап. СПб., 1900; *М. Н.* [*Мазаев Н. М.*] Копьев А. Д. // Рус. биогр. словарь. Т. «Кнаппе–Кюхельбекер» (1903).

В. П. Степанов

КОПЬЕВ Михаил. Переводчик. С 1782 был в числе корректоров, нанятых *Н. И. Новиковым* в обновленную типографию Моск. ун-та (см.: *Мартынов И. Ф.* Книгоиздатель Новиков. М., 1981. С. 52). Возможно, как и пр. сотрудники Новикова, выполнял переводы для его издательских предприятий, но имя его появляется в печати только в 1790-е гг., когда типография переходит к В. И. Окорокову (1789), а затем к Х. Ридигеру и Х. Клаудию (1794). В это время он еще продолжал служить корректором, и переводы делались, очевидно, по заказу содержателей, т. к. именно они подавали рукописи в цензуру (Рогожин. Дела моск. цензуры. Вып. 1 (1902). № 7).

Переводы К. связаны с англ. тематикой, хотя переводил он исключительно с фр. языка. После успеха «Путешествий Гулливера», переведенных *Е. Н. Каржавиным*, он выпустил их продолжение «Новый Гулливер, или Путешествие Жана Гулливера, сына капитана Гулливера» (1791. Ч.1–2), написанное П.-Ф. Дефонтеном, первым переводчиком Свифта на фр. язык. Роман «Зеламира, или Странные союзы» (1793. Ч. 1–2) был ранним сочинением Ф.-А. Доппе, в это время уже довольно известного публициста и участника войн революционной Франции.

Особое внимание К. проявил к т. н. «английскому роману», не только следуя европ. интересу к этому жанру, но и создавая на него моду в России. В числе его переводов оказались два лучших романа англ. актрисы и плодовитой писательницы Элизабет Инчболд (Симпсон): «Простая история, или Жизнь девицы Милнер» (1794. Ч. 1–2) и «Жизнь девицы Матильды, служащая продолжением Простой истории» (1794. Ч. 1–2) — образцы бытового романа филдинговского типа. К этому же жанру принадлежали романы Агнес Беннет «Ген-

рих Дельмор, или Неблагоразумные поступки юношества» (1796. Ч. 1–2) и «Аннушка» (1797–1798. Ч. 1–4; посв. куратору Моск. ун-та Ф. Н. Голицыну), а также «Вертопрашка, или История девицы Бетсии Тутлес» Элизы Хейвуд (1795–1796. Ч. 1–3). Все выбранные К. для перевода романы к этому времени получили европ. известность, будучи переведены на фр. язык. Как переводчик К. довольно удачно справлялся с передачей спокойного сюжетного повествования, не впадая ни в просторечие, ни в сентиментальный стиль.

В 1790-е гг. К. сблизился с московскими литераторами. Два его небольших перевода — «Похвала деревенской жизни. Отрывок» и новелла «Кольцо Гигесово» — появились в «Иппокрене» (1799. Ч. 1, 3).

В нач. XIX в. свет увидел лишь один перевод К. — «Достойный любви нравоучитель» (возможно, автор — Р. Эрлах; М., 1804–1805. Ч. 1–3; ценз. разр. — 1801). Это сборник нравоучительных новелл (жанры — анекдоты, рассуждения, сказки и т. п.), вступление к которому под загл. «Галерея добродетелей», может быть, составлено самим К., т. к. в него включены примеры «добродетелей» Петра I и *Екатерины II*. В сборник вошел и перевод «Кольцо Гигесово» (Ч. 2. С. 180). Некоторые примечания к новеллам явно принадлежат переводчику (напр., с цитацией из *И. И. Дмитриева*). Характерно, что сам К. перевел стихами стихотворные вставки оригинала. Судя по посвящению перевода сборника Д. П. Трощинскому (от «имеющего счастье служить под начальством Вашего высокопревосходительства»), К. к 1804 перешел на службу по М-ву юстиции, хотя неясно, переехал ли он при этом в Петербург или оставался в Москве.

К. не имеет никакого отношения к пензенскому семейству Копьевых; к нему принадлежал А. Д. Копьев, брат которого Михаил служил в Пензе почтмейстером (Вестн. Европы. 1816. Ч. 87. № 9. С. 79).

И. В. Немировский

КОРБЕЛЕЦКИЙ Федор Иванович [ок. 1775, с. Дремайловка Нежинского уезда–21 X (2 XI) 1837, Пермь]. Сын священника, брат протопопа И. И. Корбелецкого, состоявшего в стихотворной переписке с *Г. Р. Державиным* (см.: Вестн. образования и воспитания. 1916. № 5–6. С. 302). Образование получил в Черниговской дух. гимназии, а затем в учительской семинарии, которую закончил в 1796, успешно овладев нем. и фр. языками. С 1797 был учителем народного училища в Петербурге. С 1799 находился при СПб. удельной экспедиции, в 1805–1808 в чине тит. советника служил при Новгородском губ. правлении, а к 1812, имея чин кол. асессора, перешел в М-во финансов. 30 авг. 1812 близ Вереи К. попал в плен к французам и служил проводником-переводчиком при свите Наполеона. После трехнедельного плена К., снабженный документами, был неожиданно отпущен. Пребывание в стане французов послужило причиной заключения К. в Шлиссельбургскую крепость «по подозрению в измене», но уже в февр. 1813 он был оправдан Сенатом как лицо, «привлеченное по одному подозрению», восстановлен в чине и должности (см.: Дело о должностных лицах Московского правления, учрежденного французами в 1812 г. // Рус. арх. 1868. № 6). В 1818 по болезни К. вышел в отставку. С 1830 в чине надв. советника служил в Пермской межевой конторе, откуда в марте 1833 «от должности за противозаконные действия и беспорядки удален с преданием суду и содержанием в тюремном замке», где «до окончания дела скончался» (РГИА, ф. 1349, оп. 3, № 1100).

Литературная деятельность К. началась, очевидно, в 1797. Он был автором ряда торжественных од: «на прибытие» Павла I из Москвы в Петербург (1797), «на победы» А. В. Суворова в Италии (1799), «На случай благополучного возвращения великого князя Константина Павловича <. . .> из армии в С.-Петербург» (1799, не изд. — РГАЛИ, ф. 377, собр. Бедного, оп. 1, № 84); ода кн. М. Л. Голенищеву-Кутузову «на избрание его главнокомандующим» (СПб., 1813). К. принадлежит перевод с нем. языка книги И.-П. Фридерика

«Опыты пчеловодства для охотников и любителей оного» (М., 1807. Ч. 1–3), за который он 25 марта 1807 был «всемилостивейше пожалован бриллиантовым перстнем».

События, связанные с пребыванием К. во фр. плену, описаны им в брошюре «Краткое повествование о вторжении французов в Москву. . .» (СПб., 1813), которая открывалась «Одой в честь победоносного российского воинства, по получении известия о бегстве из Москвы Наполеона». К. писал свою книгу, находясь в Шлиссельбурге под следствием. Желание доказать свою невиновность явно повлияло на тон и характер повествования. Недаром К. намеревался переиздать «Краткое повествование. . .» в расширенном и измененном виде, о чем он сообщал в письме от 27 окт. 1832 из Кунгура к писателю-декабристу Ф. Н. Глинке (РГАЛИ, ф. 141, собр. Глинки, оп. 1, № 292, л. 2). Последним печатным выступлением К. был отклик на смерть Александра I «Гимн при берегах Днепра, или Сетования россиан о кончине Александра I . . .» (СПб., 1826; подносной экз. с посв. Николаю I находится в ИРЛИ).

Известно письмо К. от 6 февр. 1814 к атаману М. И. Платову, в котором он предлагает своеобразную помощь «для истребления от лица земли ненавистного всему роду человеческому властелина Франции. . .». К письму он прилагает 50 им самим рисованных портретов Наполеона для опознания его передовыми войсками (РНБ, ф. 143, № 241, л. 1–2).

Лит.: *Модзалевский Б. Л.* Корбелецкий // Рус. биогр. словарь. Т. «Кнаппе–Кюхельбекер» (1903); *Антонов А. С.* Судьба писателя Ф. И. Корбелецкого // Личность и власть в истории России XIX–XX вв.: (Мат-лы науч. конф.). СПб., 1997.

А. С. Антонов

КОРНИЛЬЕВ Дмитрий Васильевич [ум. после нояб. 1827]. Тобольский купец, дед Д. И. Менделеева по материнской линии, владелец первой в Сибири частной типографии, основанной его отцом. Делами типографии К. занимался почти с момента ее официального открытия (5 апр. 1789), приняв ее в свое ведение от отца по доверенности, выданной 31 июля того же года. Типография активно работала в 1789–1794; в этот период в ней были напечатаны кроме официальных материалов 12 книг и комплекты журналов «Иртыш» (1789–1791) и «Б-ка ученая» (1793–1794). В 1795 К. типографию унаследовал, но должен был ее закрыть вследствие указа от 16 сент. 1796 о запрещении вольных типографий. Вновь типография открылась в 1804 и работала до 1807; за это время в ней была напечатана одна книга в трех томах (1804). Воспаление мозга, перенесенное К., привело к потере памяти, неспособности вести дела и разорению. К. переписался из купцов в мещане и жил в семье дочери Марии Дмитриевны Менделеевой, переезжая с нею из Тобольска в Тамбов, затем в Саратов и оттуда обратно в Тобольск.

Е. И. Капустина, сестра Д. И. Менделеева, вспоминала о саратовских годах жизни деда (авг. 1823–нояб. 1827): «Каждый день он ходил к обедне, потом в своей комнате занимался чтением и любил переписывать, что вздумается. Он складывал лист обыкновенной писчей бумаги в восьмушку, сшивал такую тетрадку и писал и прозу, и стихи, одним словом, что захочется; потом эти тетрадки сшивал в довольно толстые томики и укладывал их на полочку в своей комнате». Эта привычка была, по-видимому, у К. давней, и ей, очевидно, обязан своим происхождением составленный и изданный им самим «Исторический журнал, или Собрание увеселительных повестей и анекдотов». Сохранилась лишь первая его часть (Тобольск, 1790), но в ней упоминается, что материал был собран для нескольких; В. С. Сопиков в «Опыте российской библиографии. . .» (2-е изд. СПб., 1904. Ч. 3. № 4103) указывает, что вышли два выпуска. Высказывалось предположение, что «Исторический журнал. . .» был задуман как периодическое издание, но основывалась эта догадка исключительно на заглавии.

Сам сибиряк, К. адресовал «Журнал» в первую очередь, по-видимо-

му, землякам, видя свою задачу в том, чтобы расширить их знания о родном крае и пробудить к нему живой интерес. Приблизительно половину первого выпуска занимают небольшие заметки, посвященные истории, географии, этнографии Сибири («О Сибири», «О качестве Сибири», «О бурятах и телеутах», «О разности земли в Сибири, по сю и по ту сторону реки Енисея, и описание Барабинской степи» и др.). Эти выписки из книги И.-Э. Фишера «Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием» (1774) были первыми в сибирской печати краеведческими статьями. Установление их источника опровергло мнение, согласно которому авторство всех статей, касающихся Сибири, принадлежало самому К., опиравшемуся как на сведения доступных ему авторов, так якобы и на собственные наблюдения и рассказы купцов, разъезжавших по Сибири. Помимо Сибири внимание К. привлекали соседние с нею земли и страны: в «Исторический журнал. . .» включены две выписки («О китайских деревьях, произносящих цветы», «О китайских деревьях, произносящих чай») из книги Ж.-Б. Дю Гальда «Географическое, историческое, хронологическое, политическое и физическое описание Китайския империи и Татарии Китайския» (1774. Ч. 1). Вместе с тем в «Журнале» предполагались, очевидно, историко-географические экскурсы и в др. районы земного шара («О французском городе Ренсе»).

Просветительские намерения К. предусматривали нравственное воспитание читателей и приобщение их к художественной литературе. После каждой краеведческой заметки следует небольшой «увеселительный» рассказ, преимущественно нравоучительного содержания; в их числе в «Журнал» вошли произведения Р. Стиля, А. Попа, Г. Мора, С. Геснера, Ф.-Т.-М. де Бакюлара д'Арно. Источниками этих перепечаток были книга И.-П. Ланге «Смеющийся Демокрит, или Поле честных увеселений с поруганием меланхолии» (пер. с лат.; 1769) и журналы «Праздное время» (1759. Ч. 2), «Собр. лучших соч.» (1762. Ч. 3), «Дет. чтение» (1786. Ч. 6–7).

Лит.: *Капустина-Губкина Н. Я.* Семейная хроника в письмах матери, отца, брата, сестры, дяди Д. И. Менделеева. СПб., 1908; *Младенцев М. Н., Тищенко В. Е.* Дмитрий Иванович Менделеев, его жизнь и деятельность. М.; Л., 1938. Т. 1; *Блюм А.* «Исторический журнал. . .» Дмитрия Корнильева // Сиб. огни. 1966. № 4; *Громыко М. М.* Сиб. купцы Корнильевы // Изв. Сиб. отд-ния АН СССР. 1972. № 6. Сер. обществ. наук. Вып. 2; *Утков В. Г.*: 1) Сиб. первопечатники Василий и Дмитрий Корнильевы // Книга: Исслед. и мат-лы. М., 1979. Сб. 38; 2) Книгочий Дмитрий Корнильев и его журнал // Альм. библиофила. М., 1980. Вып. 9 (перепеч.: *Утков В. Г.* Книги и судьбы: Очерки. 2-е изд., доп. М., 1981); Очерки рус. лит. Сибири. Новосибирск, 1982. Т. 1; *Рак В. Д.* Библиогр. заметки // XVIII век. СПб., 1995. Сб. 19.

В. Д. Рак

КОРОСТОВЦЕ́В (Короставцев, Кореставиц) Иван Васильевич [1754–после 1804]. Происходил из мелкопоместного укр. шляхетства; владел 50 душами в Черниговском и Екатеринославском у. Образование получил в добавочных классах при Харьковском коллегиуме. В 1773 дебютировал в печати одой, обращенной к епископу Крутицкому и Можайскому Самуилу (*С. Г. Миславскому*); в 1775 опубликовал оду «харьковских классов высокопочтенному учредителю», будущему губернатору харьковскому и воронежскому Е. А. Щербинину, «для засвидетельствования благодарного духа» (обе напечатаны в Москве, в Унив. типографии).

По «окончании наук» весной 1776 К. поступил на службу в Моск. обер-полицеймейстерскую канцелярию переводчиком (РГАДА, ф. 286, кн. 745, л. 79–81; кн. 880, л. 383); с 26 марта 1781 — губернский секретарь. В 1780 публикует перевод книги Ш.-Р. Дюфрени «Умозрительный путешественник, или Важные и смешные забавы» (с фр.; посв. обер-кригс-комиссару И. П. Архарову). В предисловии переводчик декларировал: «Крити-

ческие книги суть нравственные зеркала». Книга состоит из абстрактно-моралистических рассуждений на темы: «Двор», «Судебные места», «О гуляньях», «О супружестве» и т. п. Все эти сюжеты представляют собой описания «стран», куда попадает автор-путешественник. В 1781 К. участвовал в журнале *А. О. Аблесимова* «Рассказчик забавных басен», где под своим именем опубликовал стихи по случаю открытия «дома, называемого Призрение в старости и врачевания немощных», главный пафос которого заключается в строках: «Екатерина есть в России Соломон: Она воздвигла то, что некогда здал он».

Со 2 дек. 1782 К. с чином титул. советника был переведен адъютантом в штат орловского и курского генерал-губернатора кн. А. А. Прозоровского; с апр. 1784 служил губернским стряпчим. В 1790 К. «по особливой его способности и в награждение добропорядочной службы» был определен советником в Курское наместническое правление, с 1793 — советник в Курской палате гражд. суда. В 1794 совместно с местными учителями и чиновниками К. выпустил в Курске сборник «Торжество курских муз, или Подробное описание празднества, бывшего при освящении нового каменного дома Главного народного училища, от Приказа общественного призрения сооруженного». В нем К. принадлежит ода «в благоговейнейшее прославление е. и. в., в честь наукам и учениям и в воздаяние справедливости пекущихся о них начальникам <...> А. А. Беклешеву и С. Д. Бурнашеву». Больше, насколько известно, К. в печати не выступал. В 1803–1804 — ст. советник, председатель Курской палаты гражд. суда. С 1805 имя его исчезает из адрес-календарей.

А. Н. Севастьянов

КОРСАКОВА (в замуж. Коновницына) Анна Ивановна [1769, с. Полоная Порховского у. Псковской губ.–23 I (4 II) 1843, С.-Петербург; похоронена в с. Киярово Гдовского у. Псковской губ.]. Отец К., отставной поручик конной гвардии, по выходе в 1761 в отставку, проживал в родовом имении Полоная и неоднократно был избираем губернским предводителем дворянства. Мать, тяготясь жизнью в деревне, с сер. 1770 почти постоянно жила в Петербурге в семье двоюродного брата — коменданта города П. П. Коновницына. Образование К. получила дома вместе с братьями Алексеем и Никитой и сестрой Марьей; домашним учителем был П.-К. Шлейснер, известный масон, близкий к *И. П. Елагину*. 17 апр. 1801 К. вышла замуж за сына своего двоюродного брата, тоже П. П. Коновницына. До 1806 жила в Киярове, куда в кон. 1798 переселился ее свекор после внезапной отставки. После 1806 жила в Петербурге в доме свекра, где часто бывали *Г. Р. Державин* и А. В. Казадаев, принимавшие участие в имущественных делах Коновницыных. Серьезным ударом судьбы были для К. кончина мужа — героя Отечественной войны 1812 г. (ум. 28 авг. 1822) и арест сыновей Петра, подпоручика Генерального штаба, и Ивана, прапорщика 9-й конно-артиллерийской роты, в связи с их участием в Сев. о-ве; оба они были разжалованы в рядовые и сосланы на Кавказ. По воспоминаниям Ф. В. Булгарина, К. отличалась щедрой благотворительностью.

В 1792 К. перевела с нем. языка сочинение Шлейснера «Рассуждение об истинном величестве человека» (пер. напечатан под криптонимами автора: «Шл. . . . . р» — и переводчицы: «А. Карс»). Перевод К. принадлежал к числу учебных переводов моралистических сочинений Шлейснера, ежегодно с 1791 по 1794 подносимых ею и ее братьями Алексеем и Николаем своему отцу в день его рождения.

Относящиеся к К. материалы находятся в составе родового архива Коновницыных в РНБ (ф. 133).

Лит.: *Макаров М. Н.* Мат-лы для истории рус. женщин-авторов // Дамский журн. 1830. № 13; *Булгарин Ф. В.* Воспоминания о гр. А. И. Коновницыной, урожд. Корсаковой // СПб. вед. 1843. № 31; Голицын. Словарь (1889); Провинц. некрополь (1914); Греч. Зап. (1930).

М. П. Лепехин

КОСТИН Матвей Никитич [ум. 28 II (12 III) 1813, Петербург (?)]. Происходил из купеческой семьи. Обучался в гимназии для разночинцев при Моск. ун-те, в 1776–1779 студент философского факультета университета; отменное его прилежание отмечалось золотой и серебряной медалями (см.: Моск. вед. 1778. 11 июля. № 55. Приб.; 1779. 7 июля. № 57. Приб.). В 1779 «по знанию им многих иностранных языков и других наук» определен в Коллегию иностр. дел актуариусом, а затем переводчиком (1781). В 1786 — кол. асессор (РГАДА, ф. 286, № 827, л. 52–53; ИРЛИ, картотека Б. Л. Модзалевского). В 1802 К., уже ст. советник, был причислен к Комиссии составления законов (РГИА, ф. 1259, оп. 1, № 45, л. 65 об.), но по месяцесловам до 1810 значился в штате Коллегии иностр. дел.

В 1780 *Г. Л. Брайко* привлек К. к участию в «СПб. вестн.», где были напечатаны его переводы остроумного «Защищения женских уборов» из англ. журнала «Зритель» и «восточной повести» «Сон Каразана» из англ. журнала «Искатель приключений» о скупом и жестокосердом багдадском купце-ханже, который совершенно переменился после пророческого видения во сне (оба — Ч. 5. Апр.). Вероятно, с этой повестью связан опубликованный в «СПб. вестн.» (1780. Ч. 5. Май; пер. из шотл. журн. «Зеркало») «Опыт о сновидении», в котором показана нелепость веры в пророческое значение снов.

Тогда же в переводе К. с нем. было опубликовано компилятивное сочинение *И. Г. Бакмейстера* «О первом прибытии в Россию англичан и о заведении ими торговли» (Ч. 5. Май; Июнь).

В 1780–1790-х гг. К. был связан с «переводческим департаментом» при Академии наук и в 1796 подготовил к печати ч. 118 академического журнала «Новые ежемес. соч.», выступив в качестве преемника умершего А. П. Протасова (редактора издания).

Лит.: Левин. Восприятие (1990).

С. И. Николаев,
В. П. Степанов

КОСТОГОРОВ Михаил Дмитриевич [1783–1834]. Происходил из мещан. Учился в гимназии при Моск. ун-те, затем студент университета. 16 янв. 1800 получил место учителя рос. грамматики и нем. языка в Моск. благор. пансионе, откуда 1 мая 1803 перешел чиновником в Деп. М-ва военно-морских сил. 23 авг. 1808 был назначен секретарем при президенте Моск. медико-хирургической академии Я. Виллие (с чином кол. асессора). В 1812 находился при Гл. армии (РГИА, ф. 1349, оп. 3, № 1126).

Будучи студентом, К. входил в число членов литературного общества при Моск. благор. пансионе. Его ученические опыты — гл. о. прозаические переводы с нем. языка — появились в московских журналах «Приятное и полезное» (1798. Ч. 19) и «Иппокрена» (1799. Ч. 3). К. был участником литературного сборника воспитанников Моск. благор. пансиона «Утр. заря» (М., 1800–1803. Кн. 1–2), в котором поместил несколько переводов в стихах и прозе с нем. и фр. языков. В Москве же он опубликовал небольшую повесть А.-Г. Мейснера «Женская рубашка» (1802; с нем.) и четырехтомное полубеллетристическое сочинение И.-Л. Эвальда «Наука сделаться доброю девицею, доброю супругою, матерью и хозяйкою. . .» (1804; с нем.), посвященное переводчиком «российскому нежному полу» и ставившее целью научить женщин правилам светского общежития. Кроме того, К. в параллель «Похвальному слову Екатерине II» *Н. М. Карамзина* перевел с фр. языка анонимное сочинение «Екатерина Великая, или Похвальное историческое слово сей императрице» (1802). Позднейшие его выступления в печати неизвестны, однако при рекомендации его в 1818 на должность переводчика при Мед. совете М-ва нар. просв. (с сохранением прежней должности) отмечалось, что К. «человек, получивший образование в одном из лучших воспитательных заведений, с давнего времени занимается словесностью, как отечественной, так и иностранною», «а должность сия, яко совершенно ученая, должна быть вверена чиновнику, преимущественно перед другими имеющему к оной над-

лежащие способности» (РГИА, ф. 1294, оп. 1, св. 60, № 40).

В. П. Степанов

КОСТРОВ Ермил Иванович [6 (17) I 1755, с. Синеглинье Вятской губ.–9 (20) XII 1796, Москва]. Сын дьячка. После смерти отца (до 1765) семья К. была переписана в экономические крестьяне. В 1766 К. поступил в Вятскую дух. семинарию, а в 1773 был исключен из класса риторики. К. стремился «свет наук свободных зрети И в них убежище имети, Минерве посвятив себя», но у него было мало надежд на продолжение учения. Летом 1773 К. отправился в Москву, где поднес своему земляку архимандриту Новоспасскому Иоанну Черепанову стихи, в которых описал свою участь «в чаянии <. . .> отеческого милосердия к несчастным любителям наук» (опубл. под загл. «Стихи <. . .> архимандриту Иоанну», 1773), и был принят в Славяно-греко-лат. академию. В 1775 К., студент богословия, выступал от имени академии с поздравительной эпистолой архиепископу Московскому *Платону Левшину*. К., видимо, не окончил академии и между 1776 и 1778 поступил в Моск. ун-т. Он слушал философию у *Д. С. Аничкова*, логику у *X. А. Чеботарева*, красноречие у *А. А. Барсова*, греч. и римскую словесность у X.-Ф. Маттеи. Серьезные филологические познания стали основой, на которой выросло его переводческое мастерство. В университете К. ежегодно сочинял и издавал торжественные оды на день рождения и коронации *Екатерины II* и членов императорской фамилии.

В 1779 куратор университета *И. И. Шувалов* произвел К. в бакалавры, а в 1782 зачислил в штат «университетским стихотворцем»; в его обязанности входило сочинение стихов на торжественные случаи. К. покровительствовал также *М. М. Херасков*; по преданию, сохраненному А. С. Пушкиным, «Херасков очень уважал Кострова и предпочитал его талант своему собственному». Возможно, через Хераскова К. сошелся с *Н. И. Новиковым* и его кружком.

1779–1782 — время серьезных и многочисленных упражнений К. в «словесных науках». Он написал полтора десятка од и стихотворений от имени университета. В 1784 К. публикует в «Собеседнике» (Ч. 10) «Письмо к творцу оды, сочиненной в похвалу Фелицы, царевны Киргизкайсацкой» — отклик на «Фелицу» *Г. Р. Державина*. К. приветствовал «путь непротоптанный и новый», которым шел Державин, простоту его слога и отказ от поэтики «парящей оды». Однако сам К. остался верен традиции грандиозных од «российских муз орла» *М. В. Ломоносова*, которого он провозгласил своим учителем в одном из первых печатных стихотворений («Ода на день коронации», 1778). Воздействие «Фелицы» на К. было все же велико: он существенно расширил жанровый и стилистический репертуар своих стихотворений, стал писать и «легкие» оды простым и «нежным» слогом. О литературных симпатиях К. также известно, что «Вертер» И.-В. Гете составлял «одно из любимых чтений» его (см.: *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. СПб., 1883. Т. 8. С. 10) и что большое впечатление произвел на него «Освобожденный Иерусалим» Т. Тассо.

В последующие пять лет должность штатного стихотворца стала его тяготить; за 1783–1788 он написал всего пять официальных торжественных стихотворений. По словам Д. И. Хвостова, К. «хотелось учить поэзии с кафедры, но его не разгадали». В 1786–1787 К., видимо, жил в Петербурге. Там он сблизился с *Ф. О. Туманским* и напечатал в его журнале «Зеркало света» ряд стихотворений и переводов, в основном легкого и сатирического жанров. По возвращении в Москву К. вступил во вновь организованное О-во любителей учености при Моск. ун-те.

С 1789 героем од К. становится А. В. Суворов, победитель при Рымнике и Фокшанах; последний высоко ценил литературные сочинения и переводы К., в частности предпочитал «Эпистолу. . .» К. на взятие Измаила (1791) оде «На взятие Измаила» Державина. Поэт стал пользоваться благосклонностью Суворова. После публикации «Эпистолы

<. . .> Суворову-Рымникскому на взятие Варшавы» полководец распорядился выдать ему 1000 руб. Узнав о лестных для себя отзывах Суворова, К. написал ему письмо; в ответ он получил стихотворное послание Суворова, в котором содержалась такая оценка высокого слога поэта: «Вергилий и Гомер, о если бы восстали, Для превосходства бы твой важный слог избрали».

В истории рус. литературы переводы К. имели большее значение, чем его собственное творчество. Уже в первом переводе с фр. «Тактики» Вольтера (1779) он обнаружил мастерское владение александрийским стихом и понимание оригинала, которых недоставало прежнему переводчику этой поэмы *Ф. Левченкову*. После «Тактики» К. напечатал переводы повести «Зенотемис» и поэмы «Эльвирь» Ф.-Т.-М. де Бакюлара д'Арно (в одном переплете, 1779). По предложению Новикова К. перевел с лат. роман Апулея «Золотой осел» (1780–1781), который в кружке Новикова понимали как сочинение мистико-аллегорическое. К. ставил себе задачу воспроизвести художественный стиль оригинала в филологически точном переводе. Удачей К. был легкий и «галантный» слог перевода, в совершенстве передающий живые оттенки авантюрного повествования Апулея.

Следующий труд К. — первый рус. стихотворный перевод «Илиады» Гомера (песни 1–6; 1787; 7, 8 и нач. 9 — Вестн. Европы. 1811. № 14–15; пер. не завершен). Костровская «Илиада», в отличие от прежних прозаических переводов *К. А. Кондратовича* и *П. Е. Екимова*, была ориентирована на «просвещенный» вкус новой литературной эпохи. Эта установка мотивировала выбор рифмованного александрийского стиха (эпического размера) для воспроизведения гекзаметра. Высокий стиль, приближенный к одическому, формировался благодаря архаизированному синтаксису и славянизированной лексике. Перевод выполнен в традиции фр. «метафорического перевода», что отличает его от культурно-филологического перевода, впосл. осуществленного Н. И. Гнедичем. Именно благодаря такой установке К. его Гомер «был принят со всеобщим рукоплесканием» и вызвал восторженную рецензию Туманского. Свой перевод К. посвятил и, видимо, лично поднес Екатерине II. Причиной незавершенности перевода «Илиады» было, вероятно, то, что К. пришел к выводу о невозможности продолжать переделывать гомеровский эпос по канонам фр. классицизма, которые перестали его удовлетворять.

Выход был найден в обращении К. к Оссиану. С его поэмами К. познакомился еще в нач. 1780-х гг. Прозаический перевод «гальских стихотворений» с фр. перевода П. Летурнера, который К. посвятил Суворову, вышел в свет в 1792 (2-е изд. СПб., 1818). «Высокий штиль» перевода К. служил на этот раз созданию «сумеречного» романтического колорита. Труд К. заложил основу рус. оссианизма и получил известность за пределами России (на него, в частности, опирались В. Ганка и Й. Линда). «Костров, усыновивший Гомера России, приносит новый и приятный дар своему отечеству. Публика, давно уже г. Кострову место между знаменитыми стихотворцами определившая, примет, конечно, сей его труд с признательностью», — писал Туманский (Рос. магазин. 1792. № 11. С. 205). Оссиан в переводе К. стал любимым чтением Суворова, «был с ним во всех походах».

В 1790-е гг. К. оставил университет и находил приют то у Шувалова, то у Хераскова, то у *Ф. Г. Карина*. Пристрастие К. к вину становилось все сильнее. Державин написал в связи с этим эпиграмму: «Весьма злоречив тот, неправеден и злобен, Кто скажет, что Хмельнин Гомеру не подобен: Пиита огнь везде, и гром блистает в нем; Лишь пахнет несколько вином». Анекдоты об этой слабости К. рассказывались и позднее; по словам А. С. Пушкина: «Когда наступали торжественные дни, Кострова искали по всему городу для сочинения стихов и находили обыкновенно в кабаке или у дьячка, великого пьяницы, с которым был он в тесной дружбе» (ср.: *Дмитриев М. А.* Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869. С. 25–27). Предание подчеркивало при этом простодушие, доб-

роту и щедрость К.: «Доброта души его простиралась до того, что он отдавал свое последнее в помощь несчастному».

Лит.: *Морозов П. Е.* Е. И. Костров, его жизнь и лит. деятельность. Воронеж, 1876; *Верещагин А. С.* Вятские стихотворцы XVIII в. Вятка, 1897. Вып. 1; *Гуковский Г. А.* Е. И. Костров // История рус. лит. М.; Л., 1947. Т. 4; *Егунов А. Н.* Гомер в рус. пер. XVIII–XIX вв. М.; Л., 1964; *Серман И. З.* Е. И. Костров: (Биогр. справка) // Поэты XVIII в. Л., 1972. Т. 2; Заборов (1978); Левин. Оссиан (1980); *Дробова Н. П.* Биогр. предания о рус. писателях как ист.-лит. явление // XVIII век. Л., 1981. Сб. 13; *Альтшуллер М., Мартынов И.* Мат-лы для биографии Ермила Ивановича Кострова // Study Group on Eighteenth Century Russia. Newsletter. 1982. N 10; *Бердинских В. А.*: 1) Ермил Костров: (Начало биографии) // Рус. лит. 1984. № 2; 2) Судьба поэта. Киров, 1989.

А. Б. Шишкин

КОСТРОВСКИЙ Александр Фомич. Переводчик 1760-х гг. В 1764 из класса профессора И. М. Шадена Унив. гимназии произведен в студенты Моск. ун-та (см.: Моск. вед. 1764. 2 июля. № 53. Прил.). В журнале «Доброе намерение» (1764. Июль) помещен его перевод фацеции об умной и добродетельной женщине «Остроумный ответ англичанки неаполитанскому купцу против любовного предложения».

Лит.: Пенчко. Документы. Т. 2 (1962).

А. Б. Шишкин

КОСТЫГОВ Василий Григорьевич [18 (29) IX 1749, Петербург—после 1788]. Солдатский сын. В 1760 по распоряжению *М. В. Ломоносова* был принят в Акад. гимназию (СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 1, № 827, л. 37), а в 1765 в университет.

После реорганизации университета К. получил место учителя в Акад. гимназии, но через год, по распоряжению директора Академии наук гр. В. Г. Орлова, определен канцеляристом в Акад. комиссию (СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 1, № 540, л. 128). В свободное от канцелярской работы время К. занимался переводами, и в 1770 был определен в Ведомственную экспедицию при Академии наук переводчиком. В характеристике, данной ему архивариусом Акад. конференции И. И. Стафенгагеном, говорилось, что К. «со вступления своего в эту должность оказывал всегда отменное к делам прилежание и усердие, а в поступках своих похвальную беспорочность» (СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 11, № 10/4, л. 5). 16 янв. 1777 К. уволился из Академии по собственному желанию.

В 1770, 1771, 1773–1776 К. был одним из переводчиков «СПб. вед.». По поручению Академии наук он следил за «чистотой слога» при издании *Л. И. Бакмейстером* ч. 2–4 «Топографических известий, служащих для полного географического описания Российской империи» (1772–1774), а также перевел сочиненную им «Краткую Российской империи географию» (1773). В 1773, когда Собрание, старающееся о переводе иностр. книг предприняло издание словаря Фр. академии, К. подготовил для него перевод статей на букву «В», не увидевший света, т. к. был издан только вып. 1, который составили статьи на букву «А» (в пер. *С. И. Волкова*). В 1774 к пятидесятилетнему юбилею Академии наук *И. Г. Бакмейстер* сделал описание Б-ки Академии наук и Кунсткамеры, изданное на фр. (*Bacmeister J.* Essai sur la bibliothèque et le cabinet de curiosités et d'histoire naturelle de l'Académie des Sciences de Saint-Pétersbourg. St-Pétersbourg, 1776), а затем на рус. языке в переводе К. («Опыт о библиотеке и Кабинете редкостей и истории натуральной Санкт-Петербургской имп. Академии наук. . .», 1779). Этот перевод стал одним из основных пособий по истории Б-ки Академии наук и Кунсткамеры. К. перевел также «Прибавление» к ч. 1 «Путешествия по разным провинциям Российской империи» П. С. Палласа (1773) и принял участие в переводе ч. 2 «Введения в историю знатнейших европейских государств» С. Пуффендорфа (1777).

В 1788 К. в качестве переводчика участвовал в издании «Санктпетербургского еженедельного сочинения, касающегося до размножения домостроительства и распространения общеполезных знаний». По сведениям И. Г. Бакмейстера, К. перевел материалы первых девяти номеров и статью И.-К. Лафатера в № 21–23, остальные номера были подготовлены *Д. М. Лодыгиным*.

Лит.: Семенников. Мат-лы для словаря (1914).

Е. С. Кулябко

КОТЕЛЬНИЦКИЙ Александр Михайлович (?) [род. в 1770-х гг., Москва]. Поэт 1790–1800-х гг.; возможно, сын корректора Моск. синод. типографии М. Котельницкого (ум. 1798) и брат В. М. Котельницкого (1770–1844; с 1810 профессор Моск. ун-та). Учился в Моск. ун-те, где сблизился с *Е. П. Люценко*, в содружестве с которым и начал литературную деятельность. В 1795 в типографии А. Г. Решетникова вышла их совместная бурлескная переработка одного из «превращений» Овидия — поэма «Похищение Прозерпины». В предисловии «От сочинителей» авторы признавались, что побудительным примером для них послужил успех «Енейды, вывороченной наизнанку» *Н. П. Осипова* (1791–1794. Ч. 1–3) и «Ясона» *И. М. Наумова* (1794), хотя по поводу последней поэмы они сделали ряд критических замечаний. Оправдывая некоторые собственные поэтические вольности, они апеллировали к элегиям *А. П. Сумарокова*, возможно, к анакреонтическим стихам *М. В. Ломоносова* («памятники философа-поэта нашего»), упоминали Л. Камоэнса, Дж. Мильтона, С. Джонсона, Т. Тассо; извиняясь за стилевые погрешности, соавторы вместе с тем отмежевывались от «площадных стихотворцев», т. е. таких, «которые не стараются в своих сочинениях».

Несмотря на мифологический сюжет, в поэму были включены злободневные отклики на события фр. революции (осуждение свержения монархии). Долю авторского участия К. в работе над поэмой выделить затруднительно. Неясным остается также, кто именно осуществил переработку поэмы для 2-го издания (СПб., 1805), в частности, добавил намеки на наполеоновские войны и указал в новом (стихотворном) обращении «К читателям» на жанровую преемственность произведения («Тилемахида» *В. К. Тредиаковского*, *В. И. Майков*, Н. П. Осипов): из текста следует, что издание готовилось одним лицом. В эти же годы К. предпринял др. обширный (7000 стихов) труд в жанре «перелицовки» — окончание «Енейды» Осипова (СПб., 1802–1808. Ч. 5–6). Высокая оценка предшественника («Скончал свой славный век в угодность злой судьбе, Оставил лавры лишь нетленны по себе») в предисловии и посвящение своего сочинения тому же адресату (И. С. Шешковскому, сыну С. И. Шешковского, начальника Тайной канцелярии при *Екатерине II*) позволяют предположить, что К. был лично знаком с Осиповым. Работа над завершением поэмы Осипова осуществлялась К. по договору с издателем Петром Ступиным («Идем мы по Скаронску тракту не добровольно, по контракту»). Труд К. отличается более точным соответствием Вергилию и меньшим влиянием нем. «перелицовки» А. Блумауэра.

В 1796 К. начал печататься в «Приятном и полезном» (1796–1797. Ч. 10–14). Среди тридцати его публикаций духовные стихотворения «Песнь, взятая из 143-го псалма», «Выздоравливающий человек» из песен Исайи (белым стихом), легкая лирика, переводы с ит. («Слезы на гробе матери», «Роскошный»), фр. («Восточные басни» Саади), видимо, с нем. («Стрелы Амура. Анакреонтическая ода», из К.-М. Виланда) языков. Более всего К. привлекала поэзия Горация, которого он сначала переводил прозой, затем параллельно прозой и стихами (опубл. семь од; ода «К Сексту Публию» в новой ред. перепеч. под загл. «Весна»: Любитель словесности. 1806. № 2). По-видимому, эти публикации были началом осуществления замысла полного перевода Горация. Результатами последовательной работы над ним являются черновые руко-

писи «Мера стихов горацианских с назначением, как в древности каждый род стихов назывался» (*Г. Р. Державин* собирался включить эту таблицу в «Рассуждение о лирической поэзии...», над которым начал работать в 1807) и «Меры горацианских стихов» по кн. 1 и 2 «Од» (автографы — ИРЛИ, ф. 88, оп. 1, № 6929). В 1797 К. уезжает в Петербург; в стихотворении «Разлука» (1796. Ч. 13) он писал: «О, сколь прискорбно мне оставить Родство, любовь — друзей — Москву <...> Престольный град <...>, Где взрос воспитанный Минервой, Где жил я с юных самых лет». Стихотворение «Трое мудрецов» (из Саади) датировано уже «С.-Петербург, 17 апр. 1797». В Петербурге К. сближается с Державиным и, по-видимому, в нач. XIX в. служит при нем по М-ву юстиции. Об этом свидетельствуют посвященные Державину стихотворения: «О несравненном певце», надпись к аллегорической картине «Видение Мурзы» (пер. с фр.), «Стихи на отъезд благодетеля в деревню», «К славному живописцу Тончи» — в подборке из 14 мелких стихотворений К., появившихся в журнале «Новости рус. лит.» (1803. № 7). К нему же обращен ряд неопубликованных «домашних» стихотворений, сохранившихся в бумагах Державина: «Стихи к Фонтанке. На приезд Пиндара в баню 1802 г. в ноябре месяце» (РНБ, ф. 247, № 28, л. 116–117, 134; здесь, кроме того, находится несколько автографов др. стихотворений К.), «Утренний восторг при воспоминании тезоименитства моего благодетеля», «Великий меценат, премудрости учитель...», «К добродетельному мужу. Подражание псалму 20», «Надпись к жилищу министра юстиции» (ИРЛИ, ф. 96, оп. 14, № 34). 8 янв. 1801 К. поднес «бессмертному поэту» полный прозаический перевод кн. 1–2 «Горациевых од» (58 од — ИРЛИ, ф. 96, оп. 14, № 15; рукопись перебелена самим К. и имеет пометы — следы чтения ее Державиным). Позднее эти переводы были переложены К. стихами, в основном рифмованными ямбами, часто белым и «русским» стихом (беловой автограф в бумагах Державина — РНБ, ф. 247, № 38, л. 14–62).

Среди др. стихотворений К. в «Новостях рус. лит.» напечатаны «К стихотворице» (послание к какой-то петербургской поэтессе), «Эпитафия Дидоне» из Авзония, «Идиллия» Мохуса (Мосха).

22 дек. 1803 К. был назначен по ходатайству П. В. Лопухина секретарем в Комитет для обозрения дел по жалобам на решения департаментов Сената с производством (по личному распоряжению Александра I) из титул. советников в кол. асессоры. Этому служебному повышению предшествовало в 1803 разбирательство по переписке К. с неким Артамоном Евдокимовым из Москвы, пытавшимся подкупить К. пятью тысячами рублей. На это К. ответил ему, что «правосудие на весах министра юстиции <Державина> столько тяжело, что никакие суммы его перевесить не могут», а сам он не может предать доверенность к нему Державина и взяток не берет. Тогда Евдокимов сообщил Державину, что под его началом служит такой «бескорыстолюбец», как К. В ответ Державин приказал ознакомить с письмом Евдокимова чиновников своей канцелярии, чтобы «и прочие подражали Котельницкому», а К. приказал объявить, что «он у меня за сей благородный поступок не останется <...> для исходатайствования милости монаршей». К. выразил свою признательность стихами: «Пусть злоба зло о мне твердит, Пусть зависть изощряет жало, Но под твоим крылом, пиит, Об яде оных мыслить мало» — и заверил, что он употребляет на помощь «бедным просителям» часть своего жалованья (РГИА, ф. 1405, оп. 1 (1803 г.), № 3026). Как можно понять из стихотворения «К князю Гордецову», К. находился в эти годы в стесненных обстоятельствах: «Хоть не богат, Влачусь хотя и в низкой доле, Но я спокоен, духом свят, Доволен...». Из сохранившихся писем К. к Н. П. Шереметеву (РГИА, ф. 1088, оп. 1, № 193) видно, что он пользовался его денежной поддержкой (в частности, получил 600 руб. на издание своих сочинений) и посвящал ему стихи; упоминаются

двенадцатистишие к памятнику (возможно, П. И. Ковалевой-Шереметевой; см. также стихотворение К. «Н. П. Ш. об испытанном блаженстве» — РНБ, ф. 247, № 38, л. 78), стихи на отъезд Шереметева из Петербурга, «Песнь. Торжество благости», написанная 26 мая 1803 в связи с рескриптом Александра I об учреждении Дома для призрения бедных и больных (опубл. под др. загл.: Стихи его сиятельству гр. Шереметеву на учреждение в Москве дома странноприимства. СПб., 1803; ср. рукоп. ред.: РНБ, ф. 855, № 33; ИРЛИ, ф. 96, оп. 14, № 34, л. 5). В печати известны и официальные подносные оды К.: «Похвальная песнь императору Павлу I» (СПб., 1801), «Стихи императору Александру I» (СПб., 1801) и «Песнь Петру Великому. На торжество 100-летия С.-Петербурга, 1803 года мая 16 дня».

Лит.: Ироикомическая поэма. Л., 1933; *Морозова Г. В.* Державин и А. Котельницкий: Из истории державинских переводов Горация (по арх. мат-лам) // Проблемы поэтики. Алма-Ата, 1960 (Казахский ун-т).

В. П. Степанов

КОХАНОВСКИЙ Петр (в монашестве — Симон). Переводчик и проповедник первой четв. XVIII в. По окончании Киево-Могилянской академии преподавал в ней в 1710–1711 поэтику. В Киеве был связан с кругом известного мецената, тогда киевского губернатора, кн. Д. М. Голицына. В 1718 *Феофан Прокопович* просил Петра I прислать ему из Киева нескольких помощников, среди которых назвал и К., который по царскому указу выехал в Петербург в нач. 1719, где поселился в доме Феофана Прокоповича. Но в мае 1721 К. повздорил с Феофаном (причина ссоры неизв.), оставил его дом, и Феодосий Яновский поселил его на подворье Александро-Невского монастыря. В нояб. 1721 К. был определен Синодом проповедником в Петербург, хотя в 1720 он уже читал проповеди в Троицком соборе. Феофан не забыл нанесенной ему обиды и подал жалобу в Синод. В марте 1722 К. был арестован и со всеми бумагами под караулом препровожден в Москву, там допрошен и в июне 1722 отправлен в Киев с запрещением проповедовать. В Киеве он выполнял различные поручения Синода, по отзывам очевидцев, «показуючи не християнство, а бесчеловечие».

Из проповедей К. сохранилось только «Слово в день благовещения», произнесенное в Ревеле в марте 1720 (БАН, 17.5.19), — саркастическая полемика с «невеждами». В искусстве проповеди К. следовал Феофану Прокоповичу, к которому он был близок и по взглядам. Иоасаф Маевский в 1730-х гг. сообщал, что К., когда жил у Феофана, «рассуждал по-лютерански» (Чтения в О-ве истории и древностей рос. 1863. Кн. 4. С. 62), а Маркел Родышевский, прочитав проповеди К., прямо назвал его еретиком.

Еще в Киеве в 1712 К. по поручению Д. М. Голицына перевел с лат. языка «Увещания и приклады политические» Юста Липсия (РНБ, собр. Титова, № 1652; БАН, 1.5.42). В 1721 в Петербурге К. отредактировал перевод, и именно эта редакция получила наибольшее распространение в рукописной традиции (РНБ, F.II.48; F.II.5; БАН, 34.5.16, 34.6.53 и др.). В ней добавлены «Похвала истории» и «Предисловие к читателю», в котором К. изложил свои принципы перевода и те трудности, с которыми он столкнулся при работе над ним.

В 1718 К. закончил перевод с лат. книги нем. правоведа и историка С. Пуффендорфа «О законах естества и народов»; известен в трех списках, содержащих перевод кн. 2–7 оригинала; один из списков принадлежал Д. М. Голицыну (РНБ, F.II.26 (1–2)).

В Петербурге Синод поручал К. составить ответы на какое-то старообрядческое толкование на Апокалипсис. Выполнил ли он это поручение, неизвестно.

Круг лиц, с которыми был знаком или переписывался К., связан с Киевом и его академией. Кроме Голицына и Феофана Прокоповича он переписывался, будучи в Петербурге, с *Феофилом Кроликом*, *Лаврентием Горкой*, Епифанием Тихорским.

Лит.: Пекарский. Наука и лит. Т. 1 (1862); *Чистович И. А.* Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868; Опис. документов и дел, хранящихся в арх. святейшего правительствующего Синода. СПб., 1878. Т. 1–4; Акты и документы, относящиеся к истории Киевской академии. Отд. II (1721–1795). Киев, 1904. Т. 1, ч. 1; *Никольский А.* Симон Кохановский // Рус. биогр. словарь. Т. «Сабанеев–Смыслов» (1904); *Высоцкий Н. Г.* Феофан Прокопович и его сотрудники // Рус. арх. 1913. № 8; *Николаев С. И.*: 1) О стилистической позиции рус. переводчиков Петровской эпохи // XVIII век. Л., 1986. Сб. 15; 2) Об атрибуции переводных памятников Петровской эпохи // Рус. лит. 1988. № 1; *Симон Кохановский*. Похвала истории // Лит. и история. СПб., 1992.

С. И. Николаев

КРАЕВИЧ Николай Александрович [1758–1790, Москва]. В 1788 — асессор Палаты угол. суда в Орле, член масонской ложи, патронируемой *И. В. Лопухиным*. Был весьма почитаем масонами за просвещенность и умение достигать «сверхнатуральных» душевных состояний (К. страдал припадками, по описаниям напоминающими эпилептические). Как мистика К. сравнивали с Я. Бёме. В кон. 1780-х гг. жил в деревне недалеко от Москвы. Он ослабел от болезни и не имел сил вернуться на службу в Орел. Московские розенкрейцеры — прежде всего Лопухин, *Н. И. Новиков* и О. А. Поздеев — поддерживали его морально и материально. С Лопухиным К. вел переписку.

К. — автор мистического романа на фр. языке, изданного в рус. переводе Лопухиным, видимо, в нач. XIX в. под загл. «Луч Благодати, или Писания Н. А. К.» (без м. и г.) и включающего 11 писем к Лопухину (отчасти бытового, отчасти мистического содержания), три «Созерцания», т. е. мистические откровения, и девять нравоучительных бесед, которые были записаны неизвестным учеником К. в масонстве и направлены «против книжного умничания, за самопознание». Впервые часть этих писаний была опубликована Н. В. Репниным и К. в книге, встречаемой под двумя загл.: «Les fruits de la Grâce, ou les Opuscules spirituels des deux F. M. du vrai Système» (S. l., 1790) или «Les fruits de la Grâce, ou Opuscules spirituels des deux amateurs de la Sagesse» (S. l., 1790). Сочинение К. здесь названо «Révélations faites au Fr. C. . .».

«Луч Благодати. . .» — одно из немногих рус. оригинальных масонских сочинений. Это обусловило его особую популярность в масонской среде. Несмотря на краткость срока между кончиной К. (он писал перед самой смертью) и разгромом розенкрейцеров в 1792, оно разошлось во множестве списков кон. XVIII–нач. XIX в. Часть списков не содержит писем к Лопухину, в остальном они отличаются лишь заглавиями («Откровения просвещенного Б<рата> К<аменщика>», «Писания просвещенного К<аменщика>» и др.); имеются, в частности, в РГБ (ф. 14, № 568–573) и РНБ (F.III.47; F.III.48).

Лит.: *Баккаревич М. Н.* Надгробный памятник. М., 1798; Пыпин. Рус. масонство (1916); Вернадский. Рус. масонство (1917).

М. Б. Плюханова

КРАЕВСКИЙ Григорий [ум. 1802]. Кол. асессор. Перевел с ит. языка (без указания автора) повесть «Памятник благодарности, или Приключение графа Бентиволио с Саладином, египетским султаном» (1791) известной фр. писательницы М.-А. Пуассон де Гомес. В повести рассказывается о путешествии егип. султана по Европе под видом арм. купца с целью лучше узнать христиан и о том, как впосл. он добром отплатил ит. графу за его сердечность и гостеприимство. Повесть Пуассон де Гомес под назв. «Avantures de Saladin' sultan d'Egypte» входила в сборник: Les journées amusantes. . . / Par m-me de Gomez. Amsterdam, 1731. T. 2. P. 9–36. Перевод, подписанный: «Переведено Гргрм Крвскм» — был сделан с издания: Le giorni diver-

timento di madame di Gomez. Venezia, 1758.

Перу К. принадлежит также «Краткое топографическое, историческое и политическое описание острова Мальты и державного ордена св. Иоанна Иерусалимского» (СПб., 1800. Ч. 1–2). К., побывавший на о. Мальта, приводит подробные сведения о его истории, достопримечательностях, нравах и обычаях жителей, их языке (ч. 1), а также излагает историю Мальтийского ордена с 1530, его правила, описывает обряды (ч. 2). К. посвятил книгу Павлу I, взявшему орден под свое покровительство в 1797, после того как иоанниты были изгнаны с острова. Павел I принял на себя обязанности следить за точным выполнением мальтийскими кавалерами законов и статутов ордена. В 1798 был издан высочайший манифест «Об установлении в пользу российского дворянства ордена св. Иоанна Иерусалимского», и в том же году рус. император был избран в великие магистры.

Лит.: Исторический очерк рос. орденов и сборник основных орденских статутов. СПб., 1891.

Е. Д. Кукушкина

КРАЙСКИЙ Петр (в монашестве — Порфирий) [1707–7 (18) VII 1768, Белгород]. Уроженец юго-зап. России, родственник ректора Славяно-греко-лат. академии Сильвестра Крайского. 17 лет учился в академии и по окончании курса в 1725 определен учителем в низшие классы; по др. сведениям, в 1727 дошел до класса богословия и окончил курс в 1730, а преподавал с 1725, еще будучи студентом. В 1730 — учитель старших классов, после пострижения в монашество в 1732 переведен в класс риторики. В 1733 посвящен в иеромонахи. 12 июля 1737 назначен учителем философии. С 1741 префект, а с сент. 1742 ректор академии и архимандрит Заиконоспасского монастыря. В 1745 назначен членом следственной комиссии тайных розыскных дел при Моск. синод. конторе. 12 мая 1747 определен архимандритом Донского монастыря, одновременно оставаясь ректором академии и архимандритом Заиконоспасского монастыря. В 1747 стал епископом Суздальским, с окт. 1755 — епископ Коломенский и член Синода, с окт. 1763 — епископ Белгородский.

В 1729 К. составил «Грамматику латино-словенскую» на лат. и рус. языках, по которой, очевидно, преподавал (РГИА, ф. 834, оп. 3, № 3375), а в 1732 — курс лекций по риторике «Artis rhetoricae praecepta». Среди слушателей К. в 1733–1734 был *М. В. Ломоносов*, который собственноручно переписал весь курс риторики, читаемый К. (РГБ, ф. 183, № 279). Будучи ректором, К. выполнял различные поручения Синода: в 1744 он сравнивал с греч. текстом и исправлял «Номоканон», напечатанный в Киеве (1624), позднее составлял чин для принятия католиков в православие, свидетельствованный в 1746 *Иаковом Блонницким* и изданный значительно позже (Чинопоследование соединяемых из иноверных к православной церкви. М., 1757).

В 1742 и 1750-х гг. было напечатано несколько проповедей К., произнесенных им в Москве в присутствии Елизаветы Петровны (изв. и в рукоп. традиции). Это типичные «слова» 1740-х гг.: основное место в них занимало прославление дочери Петра I Елизаветы, освободившей Россию от бироновщины, и обличение предшествующего царствования. В одной из проповедей 1742 К. поместил филиппику против «франкмасонов» (одно из самых ранних упоминаний о масонах в рус. печати). По словам *Н. И. Новикова*, «проповеди К. похваляются знающими людьми» (Новиков. Опыт словаря (1772)).

В 1755 К. написал «Разговор о богоспасаемом граде Суждале» (РНБ, Q.XVII.234, л. 65–91) — историческое описание Суздаля с перечислением князей, церквей, монастырей и т. д.

Лит.: *Ларионов С.* Опис. Курского наместничества. М., 1786; Смирнов. Моск. академия (1855); *Воскресенский Г. А.* Ломоносов и моск. Славяно-греко-лат. академия. М., 1891; *Харлампович К. В.* Малорос. влияние на великорус.

церковную жизнь. Казань, 1914. Т. 1; *Моисеева Г. Н.* Значение моск. Славяно-греко-лат. академии в формировании Ломоносова-поэта // Ломоносов и книга. Л., 1986.

С. И. Николаев

КРАМАРЕНКОВ Василий Иванович [1732, г. Сумы–между 1797 и IV 1801]. Сын священника; с 1742 служил копиистом в Сумской полковой канцелярии, в 1746 получил первый классный чин. 24 сент. 1750 зачислен в Акад. гимназию; в 1755 произведен в студенты Акад. ун-та и по успехам в лат. и нем. языках допущен к слушанию лекций. Некоторое время занимался ботаникой у проф. И.-Х. Гебенштрейта, затем философией и переводами. 7 сент. 1760 зачислен переводчиком при Академии наук. Первой публикацией К. был эпизод из «Метаморфоз» Овидия — «Басня о Фаэтоне», появившийся в «Трудолюбивой пчеле» *А. П. Сумарокова* (1759. Март). В 1759 он также закончил переводы сочинений Саллюстия «Заговор Катилины» и «Югуртинская война», которые, однако, были напечатаны только в 1769 под общим загл. «Войны Каталинская и Югурфинская». Судя по опубликованному в книге похвальному стихотворению *В. Г. Рубана* (сличавшего пер. с ориг.) «Эпиграмма к переведенному г. Крамаренковым Саллустию, 13 авг. 1767, в Москве», К. был в числе образованных чиновников, обслуживавших работу Комиссии нового Уложения. С 1765 К. служил протоколистом в 1-м Деп. Сената (с 29 апр. 1766 правил секретарскую должность), будучи по личному распоряжению генерал-прокурора А. А. Вяземского произведен через чин. Одновременно он выполнял секретарские обязанности при Р. Л. Воронцове. Видимо, по его предложению К. перевел для «Тр. Вольного экон. о-ва» работу Вульфа «Описание свойств и доброты земель, находящихся в Ингерманландии» (1765. Ч. 1, 3; 1768. Ч. 10).

Свидетельством близких отношений К. с семейством *М. В. Ломоносова* служит дружеское письмо Е. А. Ломоносовой к нему (7 сент. 1765) с просьбой помочь в делах после смерти мужа. 23 апр. 1770 К. получил чин кол. асессора, в 1773 также исполнял обязанности секретаря при статс-секретаре *С. М. Козьмине* (РГАДА, ф. 10, оп. 1, № 541, л. 14); с 23 июня 1778 он обер-секретарь 3-го Деп. Сената. В 1776–1777 работал по заданию Вяземского над составлением труда «О начале, перемене и умножении в России рудокопного дела и горных заводов», используя законодательные акты, исторические материалы, а также сведения, полученные непосредственно из Берг-коллегии и от заводчиков Демидовых; в работе затронуто положение горнозаводских рабочих и приписных крестьян (рукопись: РГАДА, оп. 19). Из числа книг, предлагавшихся к переводу Собранием, старающимся о переводе иностр. книг, К. избрал самое популярное произведение просветительской литературы «О духе законов» Ш. Монтескье, и в 1775 была издана ч. 1 книги «О разуме законов», включавшая также в качестве предисловия работу Ж.-Д. Д'Аламбера «Разрешение Разума законов» (взятые для перевода ч. 2–3 в печати не появились). В 1785 К. уезжает в Малороссию на должность председателя Гражд. палаты Харьковского наместничества; приобретя здесь поместье, он с 1793 становится уездным предводителем сумского дворянства. 15 дек. 1798 был назначен иркутским вице-губернатором; 18 янв. 1799 подал прошение об отставке (РГИА, ф. 1374, оп. 6 (1797 г.), № 105).

В апр. 1801 дочери К. уже обращались с прошением о пенсии за покойного отца (РГИА, ф. 1486, оп. 1, № 48).

Лит.: Кулябко. Ломоносов (1962); Штранге. Демокр. интеллигенция (1965); Кулябко. Замечательные питомцы (1977).

В. П. Степанов

КРАСИЛЬНИКОВ Матвей Андреевич [род. 1739]. Происходил из дворян, сын А. Д. Красильникова, адъюнкта Геогр. деп. Академии наук. К. вступил в военную службу в 1750, в 1756 перешел в статскую: служил секретарем 3-го Деп. Сената. В 1764 перевелся в Гл. над

таможенными сборами канцелярию Коммерц-коллегии, был также директором Моск. ассигн. банка (с 1782); в 1777 получил чин ст. советника. С 1779 являлся попечителем Восп. дома.

К. входил в число сотрудников «Ежемес. соч.», где под псевдонимом «М. К.» был опубликован его перевод «Храм натуры и счастия. Сон» из нем. издания «Gesellschaftliche Erhellungen» (1757. Ч. 5. Апр.) — сатирическое произведение, в котором аллегорически выражены просветительские взгляды на необходимость правильного воспитания. Одновременно в этом «Сне» показывается, что путь к чинам и высокому положению в обществе открыт лишь человеку из знатной семьи или возможен только в результате подкупа.

Лит.: *Пекарский П. П.* Редактор, сотрудники и цензура в рус. журн. 1755–1764 гг. // Сб. Отд-ния рус. яз. и словесности. 1867. Т. 2. № 4.

Р. М. Садовникова

КРАСНОПЕВКОВ Филипп. Сотрудник журнала «Утр. свет», где поместил прозаический перевод из Х.-Ф. Геллерта «Христианин» (1779. Ч. 7. Сент.), в котором говорилось о предпочтении сердца разуму, о необходимости воспитания кротости, незлобивости и подобных добродетелей. К. также принадлежит прозаический перевод с нем. «Авраам приносит Исаака на жертву, духовная песнь, которая во время Великого поста пета была в Праге 1756 года» (1780, напечатана при Арт. и инж. корпусе иждивением содержателя типографии Х.-Ф. Клеэна). Среди действующих лиц («разговаривающих особ») выступают Авраам, Исаак, Сарра, «хор слуг и пастырей» и др. Язык перевода архаизирован («рамена», «отвещаешь» и т. д.). На экземпляре БАН (шифр: 1780/131) владельческие надписи: «Из книг покойного Александра Филоновича Дирина», «Из книг Александра Яковлевича Красинского».

Лит.: *Keipert H.* German Writers in Novikov's Journals *Utrennii svet* and *Moskovskoe ezhemesiachnoe izdanie: (The Moralische Briefe zur Bildung des Herzens by Johann Jacob Dusch)* // Russia and the West in the Eighteenth Century. Newtonville (Mass.), 1983.

Н. Д. Кочеткова

КРАСНОПОЛЬСКИЙ Иван. Переводчик книги «Смерть и последние речи Жан-Жака Руссо, с присовокуплением Разговора его с Вольтером в Царстве мертвых» (1789). Стиль перевода архаичен, изобилует славянизмами. «Гадательная арифметика для забавы и удовольствия» (1789), напечатанная «на иждивении издателя И. Краснопольского», содержала математические задачи и загадки, рассчитанные на развитие логического мышления. В экземпляре БАН (шифр: 1789/197) в конце книги роспись, очевидно, самого К. Книга «Арабский кабалистик, прорицающий будущее <. . .> Перевод с арабского» (1790) вышла с указанием: «На иждивении пер<еводчика> И. К.». Возможно, что К. был не переводчиком, а автором этой книги. Оба последних издания были, по-видимому, напечатаны в типографии *П. И. Богдановича.*

Известны два лица, носящие имя Иван К.: Иван Иванович К. (род. 1758), с 1784 — кол. регистратор, с 1791 — губернский секретарь Орловского зем. суда, впосл. квартальный надзиратель и пристав г. Орла (РГИА, ф. 1349, оп. 3, № 1148, сп. 19), и Иван Романович К., начавший службу в 1786, в 1794–1796 — секунд-майор Гражд. палаты Тульского наместничества (РГАДА, ф. 286, кн. 889, л. 260).

Н. Д. Кочеткова

КРАСНОПОЛЬСКИЙ Николай Степанович [1774–после 1813]. Происходил из пол. дворянского рода Коцан-Краснопольских, владевших имениями в Смоленской губ.; сын придворного мундшенкского помощника (РГИА, ф. 1343, оп. 23, № 8522, л. 41 об.). По свидетельству *Н. С. Ильинского*, в 1790-е гг. был одним из мелких служащих Коммерц-коллегии: перевод комедии А. Коцебу «Следствие невинной лжи» был посвящен

вице-президенту коллегии И. Г. Долинскому, а перевод его же комедии «Новое столетие» — ее президенту Д. Н. Неплюеву (оба — Смоленск, 1801). Вероятно, уже в эти годы он занимался переводами с нем. языка и был знаком с театральными переводчиками. По словам И. А. Крылова (в передаче И. П. Быстрова), К. в 1792 бывал в кругу владельцев типографии «Крылова со товарыщи» (Крылов, *А. И. Клушин*, *И. А. Дмитревский*). В 1800 он посвятил перевод повести А. Коцебу «Опасный заклад», частично драматизированной, директору имп. театров А. Л. Нарышкину. Карьеру театрального переводчика К. обеспечил прежде всего успех у Павла I «драматического анекдота» Коцебу «Лейб-кучер Петра III», который ему было поручено перевести на рус. язык 17 июня 1800 (РГИА, ф. 938, оп. 1, № 636, л. 35; пост. 26 авг. 1800), а гл. о. популярность оперы-феерии «Днепровская русалка», переделки «Дунайской нимфы» Г.-Ф. Генслера (пост.: ч. 1 — 26 окт. 1803; ч. 2 — 5 мая 1804). Ч. 3 оперы представляла собой собственное сочинение К. (пост. 25 окт. 1805). Либретто ч. 4 принадлежало А. А. Шаховскому. Действие пьесы К. перенес в условный мир Киевской Руси, соединив воедино сказочную фантастику, фарсовые комедийные эпизоды и бытовые сцены в духе модной чувствительности. Куплеты и арии из оперы (муз. к ч. 1, 3 принадлежит С. И. Давыдову, к ч. 2 — К. А. Кавосу) получили широкое распространение в сольном любительском исполнении («Мужчины на свете как мухи к нам льнут. . .», «Приди в чертог ко мне златой. . .» и др.), отзвуки их встречаются в поэзии 1810–1820-х гг. (К. Ф. Рылеев и др.). С либретто К. связан замысел поэмы «Русалка» К. Н. Батюшкова; от сюжета и текста К. отталкивался А. С. Пушкин, создавая «Русалку» (осмеяв, впрочем, в «Евгении Онегине» провинциальные увлечения ариями из оперы).

«Днепровская русалка» с неослабевающим успехом ставилась в столицах и провинции до сер. XIX в., хотя при появлении своем вызвала большое количество отрицательных критических откликов. *Г. Р. Державин* увидел в подобной «шуточной опере» признак полного упадка драматургии и театра. По следам первых спектаклей он писал *В. В. Капнисту* 30 июля 1804: «Представьте себе сонные грезы. Без всякого соображения и последствия, что видят, то и бредят». Свидетельством падения вкусов и нравов счел успех оперы журнал «Сев. вестн.»: «. . . как возможно позволить играть такую вздорную, нелепую сказку, оскорбляющую приличие» (1804. № 11. С. 210); к нему присоединился сентиментальный журнал «Моск. курьер», советовавший «всем благовоспитанным не ездить смотреть сие зрелище, могущее иметь пагубное влияние на нравы и сердца людей» (1805. Ч. 1. С. 4). Эти отзывы не помешали триумфальному шествию «Русалки» по театральным подмосткам. Осмысляя неожиданный и долговременный успех оперы, критик «Вестн. Европы», отметив полное несоответствие оперы драматическим правилам и традициям («вздорный вымысел»), отнес ее к сочинениям, призванным приносить «удовольствие черни грубой и непросвещенной», которая «ослепляется великолепием, превращениями, полупохабными остротами» (1810. № 21. С. 74).

Пренебрежительные отзывы о литературной основе оперы исходили также из окололитературных кругов. В связи с предоставлением К.-драматургу 25 мая 1805 бенефисного спектакля в Моск. театре за переделку одной из пьес Генслера С. П. Жихарев замечал: «Сказали бы нашей компании, и она бы рублей за сто перевела все три части, а если бы захотели торговаться, то взяли бы и менее». Он же, узнав о работе К. над переводом оперы И. Перине «Домовые» (пост. 17 авг. 1808), сетовал в дневнике (20 апр. 1807): «Едва ли он в состоянии будет удержать в своем переводе комизм арий, дуэтов <. . .> для этого нужно много веселья, а Краснопольский переводит очень равнодушно, как ученик по лексикону, и вовсе незнаком с немецкими вицами (Witz), иногда очень глупыми и пошлыми, но зато всегда смешными». Тем не менее К. стал самым плодовитым

поставщиком пьес повседневного репертуара.

1801–1802 К., вероятно, провел в Смоленске, где напечатал ряд своих еще не опубликованных переводов. С 1803 он числился переводчиком при Дирекции имп. театров, в 1807 был назначен заведовать присоединенной к Придворному театру нем. труппой. Был также близок с рус. актерами. По воспоминаниям Ф. П. Литке, в 1809 К. жил в доме актера С. Е. Рахманова, «где бывало много театрального люда», и был большим мастером устраивать фейерверки.

К. выступил убежденным пропагандистом нем. драматургии (среди его переводов были и произведения фр. авторов, которые он перелагал также с нем. переводов). Особенно активно он переводил пьесы самого яркого представителя чувствительной «мещанской драмы» А. Коцебу (более 20 пьес, в основном принадлежавших к рядовой продукции плодовитого драматурга), наиболее известной среди которых была историческая драма «Гуситы под Наумбургом в 1432 году» (пост. 18 мая 1806, изд. 1807; часть переводов опубликована не была), а кроме того, Г. Цшокке (две пьесы, в т. ч. «Железная маска», пост. 22 нояб. 1806; изд. 1808), А.-В. Ифланда («Комета», пост. 22 янв. 1812), Ф.-К. Данкельмана («Россы в Италии, или Закон о природе», пост. 30 авг. 1803, изд. 1806), И.-Ф. Юнгера («Заемное письмо», пост. 29 мая 1811), К.-Л. Костенобля («Несбывшийся поединок», изд. 1805), единичные пьесы Р. Перена, Дж. Паломба, М. Жерневальда, Х.-Г. Шписа и ряд анонимных пьес. С деятельностью К. во многом связано представление о «коцебятине» как исключительно низкопробной драматургии, засилье которой на рус. сцене долго вызывало протесты сатириков и критиков.

Весьма сомнительна принадлежность К. перевода книги «Картины Лондона, или Изображение лондонских нравов в начале девятого на десять века» (СПб., 1807).

Лит.: *Ильинский Н. С.* Воспоминания // Рус. арх. 1879. № 12; *Безобразов В. П.* Гр. Ф. П. Литке. СПб., 1888; *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1935. Т. 7; Жихарев. Зап. (1955); *Гозенпуд А. А.* Муз. театр в России. Л., 1959; И. А. Крылов в воспоминаниях современников. М., 1982.

В. П. Степанов

КРАШЕНИННИКОВ Степан Петрович [31 X (11 XI) 1711, Москва–25 II (8 III) 1755, Петербург; похоронен на кладбище Благовещенской церкви]. Академик, исследователь Камчатки. Сын солдата. В 1724 определен в Славяно-греко-лат. академию; в 1732 направлен в числе 12 учеников в Петербург в Академию наук для дальнейшего обучения и участия во 2-й Камчатской экспедиции. Экзаменовавший их академик Г.-З. Байер отметил К. в числе трех человек, которые «с пользою до Академии допущены могут быть». В составе академического отряда, включавшего профессоров И.-Г. Гмелина, *Г.-Ф. Миллера* и Л. Делиля де ла Кройера, он совершает трехлетнее путешествие по Сибири (1733–1736). Путевой дневник, который К. вел, и его отчеты о путешествии содержат сведения по ботанике, этнографии, истории, географии Сибири, словари тунгус. и бурят. языков. В 1737 К. с переводчиком отправился в экспедицию на Камчатку с целью наблюдений по программе, составленной Гмелином и Миллером, и подготовки помещений для приема остальных членов экспедиции. Однако Делиль де ла Кройер и адъюнкт Стеллер прибыли на Камчатку только в 1740. Работая один, К. собрал уникальный материал об этом не изученном тогда районе России, его растительном и животном мире, природных условиях, полезных ископаемых, жизни и языке коренного населения, истории завоевания и заселения Камчатки. 12 июля 1741 К. покидает Камчатку, в февр. 1743 возвращается в Петербург. В 1745 ему присваивают звание адъюнкта натуральной истории и ботаники; он был назначен также членом Акад. и Ист. собраний и ректором Акад. ун-та и гимназии. В 1747 К. принял под управление «весь ботанический Академии наук дом с садом» (Мат-лы для истории Академии наук. Т. 8 (1895). С. 446).

К. был первым рус. профессором натуральной истории и ботаники. Он входил в группу ведущих ученых Академии наук, разделявших взгляды *М. В. Ломоносова* на ее задачи и способствовавших созданию рус. национальной науки и культуры.

В 1749 К. был избран в состав комиссии по рассмотрению работы Миллера «О начале и происхождении имени российского народа». Вместе с др. ее членами — Ломоносовым, *В. К. Тредиаковским, Н. И. Поповым* — он выступил против излагавшейся в работе «теории о нордическом происхождении названия русского государства». В 1750 в сборнике «Торжество Академии наук» (2-е изд. 1756) печатается его речь «О пользе наук и художеств», свидетельствующая о просветительских устремлениях ее автора.

Осуществленный К. перевод с лат. «Истории об Александре Великом» Квинта Курция значительно превзошел по качеству более ранний анонимный перевод (изд. 1709). В 1748 работа К. была одобрена Ист. собранием. Тредиаковский писал, что перевод К. «всеми единогласно одобрен, как для исправности в русском языке, так и в том, что помянутый господин адъюнкт довольно имеет разумения латинского языка <. . .> читатели с удовольствием своим могут увидеть по разности старого перевода <. . .> с сим новым, коль далеко отстоит искусство доброго переводчика от незнающего» (Мат-лы для истории Академии наук. Т. 9 (1897). С. 69). «Квинта Курция история о Александре Великом, царе Македонском, с дополнениями Фрейнсгейма и примечаниями» (ч. 1–2) неоднократно переиздавалась (6-е изд. СПб., 1812–1813).

Наряду с Ломоносовым и др. видными учеными К. составлял экстракты из разных книг, писал отзывы на представленные в Академию наук работы. Известны его отзывы (1750–1751) о переводе Тредиаковским «Аргениды» Барклая, о «Лексиконе» *Г. Ф. Дандоло*, отрицательные заключения о переводах «Житий славных мужей Плутархова издания» *С. С. Волчкова* и *И. В. Шишкина* «Происки и хитрости военные», отзывы о «Слове о пользе химии» Ломоносова и в 1752 о книге Фокеля «Silvicultura Russiae».

Самой значительной работой К., занявшей видное место в истории науки и литературы, явился труд всей его жизни — «Описание земли Камчатки». В процессе подготовки книги к изданию с 1748 по 1750 было создано четыре ее редакции: 1-я «обсервация» (1748–1750, не сохр.), 2-я и 3-я (1750–1755 — СПбФ АРАН, р. II, оп. 1, № 228), 4-я — изд. 1755. Печатание книги было закончено в февр. 1755 (2-е изд. 1786; 3-е изд. 1818–1819). Это произведение положило начало созданию нового жанра научных путешествий по России. Содержащее чрезвычайно интересный в познавательном отношении материал, написанное прекрасным литературным, разговорным в своей основе, языком, «Описание земли Камчатки» неизменно пользовалось популярностью у широких кругов читателей. Наряду с произведениями Ломоносова, *А. П. Сумарокова, Г. Р. Державина* и др., оно послужило источником для составления «Словаря Академии Российской». Сразу после выхода в свет труд К. стал хорошо известен не только в России, но и в Зап. Европе. В 1760 появился его сокращенный перевод на фр. язык, в 1764 — полный англ. перевод, в 1766 — нем., в 1770 — гол.; в 1767, 1768, 1770 последовали новые издания на фр. языке, а в 1771 и 1789 — на нем.

Н. М. Карамзин в «Пантеоне российских авторов» (1802) отметил, что К. умер «в самый тот день, как отпечатался последний лист описания Камчатки». *Н. И. Новиков* писал о К.: «Он был из числа тех, кои ни знатностью породы, ни благодеянием счастья возвышаются, но сами собою, своими качествами, своими трудами и заслугами прославляют свою породу и вечного воспоминания делают себя достойными» (Новиков. Опыт словаря (1772)).

Архив К. хранится в СПбФ АРАН (ф. 21, оп. 5, № 131).

Лит.: Евгений. Словарь. Ч. 1 (1845); Пекарский. История Академии наук. Т. 1–2 (1870–1873); *Толстой Д. А.* Академический ун-т в XVIII столетии. СПб., 1885;

Мат-лы для истории Академии наук. Т. 5–10 (1889–1900); *Н. Ч.* Крашенинников С. П. // Рус. биогр. словарь. Т. «Кнаппе–Кюхельбекер» (1903); *Черняев П. Н.* Следы знакомства рус. о-ва с древneклас. лит. в век Екатерины II. Воронеж, 1906; *Андреев А. И.* Жизнь и науч. труды С. П. Крашенинникова // Сов. Север. Л., 1939. Вып. 2; *Берг Л. С.* Очерки по истории рус. геогр. открытий. М.; Л., 1949; *Степанов Н. Н.*: 1) С. П. Крашенинников и его труд «Описание земли Камчатки» // Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. М.; Л., 1949; 2) С. П. Крашенинников — исследователь Камчатки // Очерки рус. этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1956. Вып. 1 (Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Нов. сер.; Т. 30); 3) С. П. Крашенинников в Сибири: Неопубл. мат-лы. М.; Л., 1966; *Фрадкин Н. Г.* С. П. Крашенинников. М., 1974.

И. М. Мальцева

КРЕКШИН Петр Никифорович [1684–1763]. Новгородский дворянин. При Петре I был смотрителем работ в Кронштадте. В 1714 вместе с несколькими др. лицами был обвинен в злоупотреблениях, но через три года оправдан Петром I. Служил в Кронштадте с 1722 по 1727. Затем переведен в Москву. По выражению самого К., находился «при делах его императорского величества». После ухода в отставку посвятил себя собиранию сведений о Петре I.

В 1742 К. представил императрице Елизавете Петровне том собранных им сведений о Петре I, после чего получил разрешение просмотреть его дела и бумаги, хранившиеся в Кабинете Петра I. Собранные К. материалы составляли, по свидетельству *Г.-Ф. Миллера*, 15 томов.

К. проделал огромную работу по сбору и сохранению документов Петровского времени. Так, он спас архив А. Д. Меншикова, сообщив в Сенат, что бумаги сподвижника Петра I гниют в Петропавловской крепости. Сенат поручил Г.-Ф. Миллеру в 1749–1750 разобрать эти бумаги.

Одновременно он собирал рукописи, относящиеся к древнерус. истории. Об одной из этих рукописей писал *В. Н. Татищев* в «Предизвещении» к «Истории российской». В 1737 К. также представил в Академию наук «собственную свою книгу древнего письма, написанную на пергаменте», и просил в обмен на нее две изданные Академией наук книги.

В 1746 К. передал в Сенат «Родословие великих князей, царей и императоров», в котором доказывал прямое происхождение династии Романовых от Рюриковичей через Романа Ростиславича Смоленского. Сенат представил «Родословие» на рассмотрение Академии наук, поручившей это Г.-Ф. Миллеру, который в 1747 изложил свои «Замечания» на генеалогические таблицы К. В завязавшуюся острую дискуссию были вовлечены *М. В. Ломоносов*, *В. К. Тредиаковский*, Ф.-Г. Штрубе де Пирмонт. Однако доводы К. были столь слабы, что вызвали дружный отпор ученых. По «делу» о «Родословии. . .» не было вынесено никакого решения, и в 1764 оно было сдано в Арх. Сената (РГИА, ф. 1341, оп. 303, № 578).

Не сохранились сочинения К., посвященные более ранним историческим периодам: «История о великой княгине Ольге, нареченной во святом крещении Еленою», «Летопись с 1531 г. по 1560 г.», «История о царе Борисе Годунове до 1600 г.». Известный интерес представляет считавшаяся утраченной рукопись критического разбора К. вышедшей в 1761 из печати в переводе Тредиаковского «Римской истории» Ш. Роллена (Гос. арх. Ярославской обл., 43 (431), л. 1–47). При жизни К. его тематические компиляции расходились в многочисленных рукописных списках. В кон. XVIII в. они были частично опубликованы без указания имени автора: «Сказание о рождении, воспитании и наречении на всероссийский престол царения государя Петра Великого» (отд. 1787, 1795, 1835; также в «Собрании разных записок», изданном *Ф. О. Туманским* в 1787), «Краткое описание славных и достопамятных дел императора Петра Ве-

ликого <. . .> представлено разговорами в царстве мертвых» (1788, 1789, 1791, 1808).

К. считал своей основной задачей собрать как можно больше исторических источников и расположить их в хронологическом порядке, при этом он порой давал волю домыслам.

К. владел превосходным собранием книг. Его архив был приобретен в кон. XVIII в. книгопродавцем В. С. Сопиковым, а у того куплен *А. И. Мусиным-Пушкиным* и помещен в его собрание рос. древностей. Этими материалами пользовались *И. Н. Болтин*, *М. М. Щербатов*, *И. И. Голиков*, *Екатерина II*. Архив К. сгорел во время московского пожара 1812 вместе со всем собранием Мусина-Пушкина. Черновой автограф «Истории России и славных дел Петра Великого» кон. 1730-х гг. с многочисленными поправками К. сохранился в Б-ке Харьковского ун-та (№ 290, 393/с). На л. 1 В. Н. Каразиным написано: «Едва ли не собственная Крекшина».

Лит.: *Есипов Г.* Эпизод из жизни П. Н. Крекшина // Древняя и новая Россия. 1878. № 4; *Н. Ч.* Крекшин П. Ф. // Рус. биогр. словарь. Т. «Кнаппе–Кюхельбекер» (1903); *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 6; *Николаева М. В.* Из истории рус. повествовательной лит. первой пол. XVIII в.: («Сказание о Петре Великом» П. Н. Крекшина) // Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та им. А. И. Герцена. 1958. Т. 158; *Колосова Е. В.* К проблемам традиций древнерус. ист. повести в лит. XVIII в.: («Сказание» П. Н. Крекшина о Петре I как последний этап развития ист. повести XVII в.) // Древнерус. лит. и ее связи с новым временем: Сб. статей. М., 1967.

Г. Н. Моисеева

КРЕМЕНЕЦКИЙ Иван (в монашестве — Иоанн). Окончив Славяно-греко-лат. академию, к 1714, по-видимому, принял монашество. Автор похвального слова «Лавреа, или Венец безсмертныя славы <. . .> господину Александру Даниловичу Меншикову. Во знамение победительныя почести соплетется» (1714), автограф которого под назв. «Венец славы <. . .> Александру Даниловичу Меншикову» хранится в РГАДА (ф. 381, № 983). Издание украшено гравюрами Алексея Зубова. Между с. 5 и 7 вклеен лист с гравированным гербом А. Д. Меншикова в венке из лавровых ветвей. Сочинение, состоящее из предисловия и стихотворной похвалы, написано в соответствии с рекомендациями барочных школьных поэтик кон. XVII–нач. XVIII в.

Можно полагать, что Меншиков не оставил без внимания пышное славословие К. и определил его в СПб. типографию. Свой новый труд «Приветствие пресветлейшему и великодержавнейшему государю Петру Первому <. . .> от царствующего Санкт-Петербурга путешествие высокомонаршескою особою восприимшему 1716 году генваря в день, совершившему же и благополучно от иностранных государств возвратившемуся <. . .> 1717 году» К. подписывает: «Типографии служитель И. Кременевский».

«Приветствие пресветлейшему и великодержавнейшему государю. . .» по тексту совпадает с «Приветствием всенародным. . .» (1717), опубликованным в «Словах и речах поучительных» *Феофана Прокоповича* (СПб., 1760. Ч. 1). Существует предположение, что «Приветствие пресветлейшему. . .» К., изданное первоначально на отдельном листе, было переиздано Феофаном Прокоповичем.

Лит.: Пекарский. Наука и лит. Т. 1 (1862); Венгеров. Рус. поэзия. Т. 1, вып. 6 (1897); Быкова, Гуревич. Описание (1955).

Г. Н. Моисеева

КРЕСТИНИН Василий Васильевич [ум. 1795]. Родился в Архангельске в купеческой семье. Получил хорошее образование, знал лат. и нем. языки, понимал язык коми, проявлял громадный интерес к рус. истории. С 1770-х гг. приступил к работе над собранными им историческими документами, которые впосл. передал в Петербургскую Академию наук: список Пространной редакции «Русской Правды» (в дальнейшем получивший назв. «Крестининского списка „Русской

Правды"»), «Устав великих князей Владимира Святославича и Ярослава Владимировича», несколько старинных грамот. *Н.И. Новиков* опубликовал найденные К. памятники в «Древней российской вивлиофике». Во время путешествия по рус. Северу акад. *И.И. Лепехина* К. помогал ему в сборе материалов и в составлении «Дневных записок путешествия. . .».

Главной заслугой К. следует считать его исторические труды, за которые Академия наук в 1786 избрала его членом-корреспондентом: «Исторические начатки о двинском народе древнего, среднего и нового времени» (1784), «Исторический опыт о сельском старинном домостроительстве двинского народа на Севере» (1785). Кроме того, ему принадлежат «Начертание истории г. Холмогор» (1790), «Краткая история о городе Архангельском» (1792). Мн. статьи, относящиеся к истории, этнографии и культуре рус. Севера, К. поместил в повременных академических изданиях.

К. организовал в 1759 в Архангельске первое в России Ист. о-во, которое ставило своей задачей разработку «истории здешнего города и страны» и розыск «письменных свидетельств из архивов и монастырей».

Перу К. принадлежит поэма на патриотическую тему из рус. истории о Минине и Пожарском, оставшаяся в рукописи (Евгений. Словарь. Ч. 1 (1845)). Большое внимание уделял К. теме Петра I. Им написан «Исторический опыт о внешней торговле Петра Великого от 1693 по 1719 год» (опубл. в «Месяцеслове историческом на 1795 год»), в котором собран заимствованный из архивных источников фактический материал, использованный позднее в трудах С. М. Соловьева, Н. Г. Устрялова, В. О. Ключевского и др.

Лит.: *Заринский Г.* Василий Васильевич Крестинин // Архангельские губ. вед. 1858. № 43; *Рудаков В.* Василий Васильевич Крестинин // Журн. М-ва нар. просв. 1895. № 5. Отд. II; *Полякова У.М.* В. В. Крестинин и обществ. борьба в Архангельском посаде в 60–90-х гг. XVIII в. // История СССР. 1958. № 2; *Пештич С. Л.* Рус. историография XVIII в. Л., 1965. Ч. 2.

Г. Н. Моисеева

КРЕЧЕТОВ Федор Васильевич [1743, Орловская губ.–после V 1807, Пермь (?)]. Происходил из «церковников», учился, вероятно, в духовной семинарии (формуляр 1773 г. — РГВИА, ф. 4, св. 688, оп. 11, л. 8; РГИА, ф. 733, оп. 86, № 36, л. 17). Службу начал в 1761 писцом в Карачаевской воеводской канцелярии; 20 авг. 1764 переведен копиистом в Юстиц-коллегию в Москву. 9 окт. 1769, уже будучи в должности канцеляриста, получил аттестат для определения в армию (РГАДА, ф. 7, № 2813, л. 330). С 1 июня 1770 находился в штабе К. Г. Разумовского «писарем сержантского чина», а с 1 янв. 1771 назначен аудитором Тобольского полка Финляндской дивизии (РГВИА, ф. 4, оп. 11, св. 688, л. 8).

Непосредственным начальником К. был *А. Н. Радищев*, служивший обер-аудитором дивизии. Высказывалось предположение, что позднее К. послужил одним из прототипов «семинариста» в «Путешествии из Петербурга в Москву» (гл. «Подберезье») — поборника просвещения, ратующего за заведение училищ с преподаванием «на языке общественном, языке российском», рекомендующего рус. юристам в качестве настольной книги труды англ. юриста У. Блэкстона.

Возможно, под влиянием Радищева у К. появился особый интерес к литературе как к средству гражданского воспитания и просвещения: позднее он писал, что «первое понятие словесности к распространению во мне возродилось в 1774 году, в бытность мою в Тобольском пехотном полку аудитором. . .» (РГАДА, ф. 7, № 2812, оп. III/1, л. 110; далее: Суд. дело). В 1775 К. уволился в отставку одновременно с Радищевым и в 1776 занял должность секретаря правления Малоярославецкого нижн. зем. суда. Но уже 22 сент. 1778 он был отрешен Сенатом от должности «за неправое рещение» с повелением впредь его ни к каким делам не определять и «для свободного жилья дать ему паспорт» (Суд. дело,

л. 33), а с 5 авг. 1779 был уволен в отставку в чине поручика.

В 1781 К. приехал в Петербург и обратился в Акад. комиссию с просьбой выдать ему диплом на звание учителя. После экзамена, 16 апр. 1781, К. получил от Академии наук аттестат на право обучать детей умению «читать и писать» (Суд. дело, л. 115 об.) Однако Приказ обществ. призрения в просьбе о заведении «малой школы» (1781) К. отказал, рекомендовав ему обратиться с прошением на высочайшее имя. К., оставшийся без места, без всяких средств, был вынужден браться за любую работу. В том же 1781 он определился на службу в петербургскую полицию, но уже в июне 1782 уволился оттуда (РГАДА, ф. 7, № 2812, ч. 1, л. 11; ч. V/2, л. 36–73; № 2813, л. 33–34). Несколько лет (1783–1785) он служил библиотекарем у кн. П. Н. Трубецкого, затем жил «для компании» у детей бывшего сенатского экзекутора Д. В. Татищева (1789–1791), а также в доме у подполковника И. В. Логинова. После смерти П. Н. Трубецкого (1791) К. возвратился на должность библиотекаря к его вдове — «за стол и квартиру». Одно время он собирался устроиться в библиотеку вел. князя Павла Петровича и даже заготовил прошение на имя А. Н. Болтина и Г. Г. Кушелева, знакомых купца Еркова, в доме которого К. поселился и тяжебные дела которого он вел. Вспоминая позднее об этом периоде своей жизни, К. писал: «Бедность моя была не от порока моего, но потому, что я хотя к службе ее величества достойным в 1781 году и назван (как о том значится в Сенате по Герольдии), но, никуда дотоле быв не определен, крайнюю нужду имел в пропитании. . .» (Суд. дело, л. 97 об.).

Несмотря на постоянную нужду, К. ведет в 1780-е гг. интенсивную литературно-общественную деятельность. Познакомившись с выполненным по заказу *Екатерины II* переводом книги У. Блэкстона «Истолкование английских законов. . .» (1780. Кн. 1), К. разрабатывает широкую просветительскую программу, собираясь «завести словесноучительскую школу, и коммерческую компанию, и банк, и коммерческую школу, и контору, и школы юридические для всероссийской пользы к распространению наук словесных, а также общежительных должностей, а с оными купно к юриспруденции российской, а потом и всеобщей к сочинению» (Суд. дело, л. 170).

В 1783 через П. В. Завадовского он поднес Екатерине II свою работу о распространении словесных наук в России и план заведения коммерческих и юридических школ, а в 1784 обратился в Сенат с планом устройства народных училищ «для скорейшего российской грамоте читать и писать научения».

Не получив ответа, К. в 1785 создает просветительское общество (собравшее до 50 членов разного пола и национальности). Программа этого «всенародно-вольного всему человечеству к благодействованию общества» включала требование таких политических реформ, как отмена сословных привилегий и полное равноправие граждан, ограничение власти самодержавия, реформа суда, установление свободы слова и печати, равноправие женщин, распространение знаний и просвещения в народе. При обществе должны были открыться юридические школы для «приготовления умов» к овладению юриспруденцией, основанной на естественном законе, составлению правил к «безбедному народному пропитанию», умножению достатка и распространению коммерции.

В 1786 К. приступил к изданию журнала «Не все и не ничево» (1-й печатный «лист» и пять, сохранившихся в рукописи, перепеч.: Чтения в О-ве истории и древностей рос. 1898. Кн. 1). Здесь помещены отчеты о заседаниях общества, а также литературные произведения самого К., для которых характерны тяжелый язык, сложное витиеватое построение фраз, обилие славянизмов, порой затемняющих смысл сказанного. В 1787 появилось два перевода: «О цветах, годных для украшения садов со изъяснительной росписью многих цветочных семян. Сочинение для охотников к цветникам» (1787; пер. с нем.) и «Сокращенное предложение королевского плана к поправлению правосудия» Ж.-А.-С. Формея (1787;

с фр.). Первая из книг носила коммерческий характер, выбор второй соответствовал воззрениям К. К переводу Формея был приложен «Реестр книгам» — перечень сочинений, намеченных обществом к изданию, с рукописями которых подписчики могли ознакомиться в доме К. Т. о. он использовал библиографию для пропаганды деятельности общества.

К. принадлежит ряд оставшихся неопубликованными оригинальных сочинений. В «Судном деле» сохранилось свыше 50 статей, посвященных религиозным, политическим и литературным вопросам, которые свидетельствуют о хорошем знакомстве К. с историей, философией, правом, иностранными языками. Среди них стихотворная поэма «Человеческий светопознавательный вымысл, называемый Героической трипеснец, или Троевидное изъяснение человеческого рассудка» (1784), состоящая из трех песен: «Глупиада», «Мудриада», «Судияда» (918 стихов). К. призывал в ней стремиться к «благу общу», находить «блаженство в добре», «сердца правоте», а не в «сребре и злате», как делали знаменитые исторические герои: Веспасиан, Кир, Аврелий и др. (Суд. дело, л. 22).

В 1787 К. предпринимает с целью популяризации общества и привлечения в него новых членов бесцензурное издание журнала под назв. «Открытие нового издания, души и сердца пользующего. О всех, и за вся, и о всем ко всем, или Российский патриот и патриотизм» (единственный 1-й номер перепеч.: Арх. книжных и худож. редкостей А. Е. Бурцева. СПб., 1907. Вып. 6). 1-й номер представлял собой более полный (чем в «Не все и не ничево») и аннотированный проспект изданий, подготовленных обществом к печати. За публикацию журнала без цензурного разрешения против К. было возбуждено судебное дело; оно тянулось с 1788 по 1791 и закончилось взятием с него подписки, чтоб он «впредь в таковых не заслуживающих одобрения сочинениях не упражнялся и не издавал их без разрешения Управы благочиния» (Суд. дело, л. 259).

Еще находясь под следствием, К. 17 февр. 1789 обратился с письмом к предводителю дворянства Петербургской губернии, чтобы он от лица дворян ходатайствовал перед императрицей о передаче цензуры в ведение созданного им общества, а в 1791 просил Управу благочиния и Губ. правление о позволении завести «национальную словесного обучения школу». С подобными просьбами он безуспешно обращался также в Приказ обществ. призрения, в Сенат и Синод, непосредственно к Екатерине II, но «успеха в том не получил». Такая же судьба постигла в Гор. думе и в Управе благочиния его проект «составить коммерческую компанию и банк, а при них коммерческую же школу и контору» (позднее он настойчиво, но столь же безуспешно писал об этом в Губ. правление, Приказ обществ. призрения, Комиссию нар. уч-щ, гр. Я. А. Брюсу, *Е. Р. Дашковой* и др.). По завершении следствия, 24 нояб. 1792, К. разом обратился к петербургскому городскому голове, в Управу благочиния, в Гор. думу, к митрополиту Гавриилу, к гр. А. С. Строганову за содействием в возобновлении деятельности своего общества.

С кон. янв. 1792 К. вынужден был скрываться от властей из-за дошедших до него слухов о возобновлении следствия и «пошел странствовать по Петербургу», терпя «от полиции поиски, а от знакомцев переговоры, насмешки и всякие горестные во всех делах <. . .> упреки и погибельные угрозы» (Суд. дело, л. 103—105). Новое дело было возбуждено в апр. 1793 по доносу члена кречетовского общества О. Малевинского о «непристойных и укорительных словах» К. по адресу императрицы, церковников, Сената и о том, что К. «пророчествует к величайшему бунту, такому, которого еще не бывало», склоняя к нему солдат, мужиков и холопов, которым он внушал, чтобы они сами «старались о свободе и вольности».

В мае 1793 К. взяли в Тайную экспедицию; на допросах он держался мужественно; признав главные пункты обвинения, свои поступки он объяснял единственно стремлением к благу отечества и

народа, желанием избавить народ от невежества, радением об «умножении правосудия и исправлении нравов». Положение К. осложнилось после того, как нашли его собственноручную записку о возможности насильственного свержения самодержавия, если государь «не будет исполнять по установленным обществом законам».

18 июля 1793 К. был осужден на бессрочное заключение в Петропавловской крепости — «под крепчайшею стражею, не допуская к нему никого, так и писать ему не давая». Уже после завершения следствия в бумагах К. были обнаружены новые тексты, отягчившие его участь (похвальные оценки деятельности Петра III, масонства, обличение фаворитизма, предложение набирать солдат из вольных людей, бежавших от помещиков и т. п.). Как доложили Екатерине II, «из всех его мыслей и произносимых им слов видно, что он не хочет, чтобы были монархи, и заботится больше о равенстве и вольнице для всех вообще, ибо, между прочим, сказал, что раз дворянам сделали вольность, то для чего же не распространить оную для крестьян, ведь и они такие же человеки». После этого, по повелению императрицы, К. в дек. 1794 перевели в Шлиссельбургскую крепость на минимальное денежное содержание с приказом следить, «чтоб он никаких разговоров и сообщения ни с кем не имел и содержан был наикрепчайше» (Суд. дело, л. 267–272).

15 марта 1801 К. был освобожден по общей амнистии при восшествии на престол Александра I. 26 мая ему вернули шпагу, патенты на чин и др. документы, но он остался без службы и без средств к существованию. Ободренный либеральными обещаниями начала царствования Александра I, К. обращается с проектами реорганизации просвещения в М-ва нар. просв., внутр. дел, юстиции, военных и сухопутных сил, в Комиссию по составлению законов. 3 июля 1803 К. предложил М-ву нар. просв. основать школу скорейшего обучения письму и чтению, а также составить по подписке патриотическое общество для сочинения «российской церковной <. . .> и всеобщей полной истории» и просил дозволить ему «хотя от книжного издания и школы снискивать пропитание», чтобы его «в жизни познания и к благотворениям вымыслы и труды <. . .> да и он сам (не знаю, в какой час) вотще не погибли» (РГИА, ф. 733, оп. 86, № 36, л. 11).

В результате этого своего ходатайства К. был сослан в Пермь на инвалидное содержание, равное всего 26 рублям. 30 мая 1806, находясь в Перми, К. пытался убедить министра юстиции и Комиссию по составлению законов разрешить ему сочинение книг и проектов, относящихся до юриспруденции, а 15 сент. 1806 просил определить его в «словесно-учительскую службу», ибо, по его мнению, без «истинного умов просвещения или паче без научения всех россиян словесности» не могут быть доведены до совершенства и юридические законы (РГИА, ф. 733, оп. 96, № 36, л. 12–13). Не получив ответа, К. 23 мая 1807 вновь обратился с прошением, на этот раз к министру военных и сухопутных дел, чтобы его или перевели в Петербург, где он смог бы применить свой способ «скорейшего обучения письму и чтению», или определили в милицию обер-аудитором на родине, в Орловской губ., или назначили преподавателем в «воинской школе», дабы он «за недостатком на его содержание вотще не погиб бы и два десять шесть рублей по окладу инвалидному небесполезно получал» (РГИА, ф. 733, оп. 86, № 36, л. 17). В этом же прошении К. сообщал о том, что уже сочинил несколько книг, посвященных проблемам «благоустроения человеческой жизни», и просил издать их в свет, а приобретенный от их продажи «прибыток» употребить «на удовлетворение истинных патриотов, для пользы общей отлично трудящихся или трудившихся». За недостатком денег он не мог перебелить рукописи и отослать их в цензуру, но продолжал сочинять книги по чувству долга. *С. К. Вязмитинов* переслал прошение К. министру просвещения П. В. Завадовскому, который приказал оставить его «как нелепое <. . .> без уважения» (РГИА, ф. 733, оп. 86, № 36, л. 12–

27). Дальнейшая судьба К. неизвестна.

Лит.: *Корольков М. Я.* Поручик Федор Кречетов // Былое. 1906. № 4; *Чулков Н. П.* Ф. В. Кречетов — забытый радикальный публицист XVIII в. // Лит. насл. М., 1933. Т. 9–10; *Светлов Л. Б.* А. Н. Радищев и полит. процессы кон. XVIII в. // Из истории рус. философии XVIII–XIX вв. М., 1952; *Сивков К. В., Папаригопуло С. В.* О взглядах Федора Кречетова // Вопр. истории. 1956. № 3; *Кобин Б. М.* О неизв. письмах Ф. В. Кречетова (1803–1807) // Вестн. ЛГУ. 1966. № 5. Сер. экон., филос., права. Вып. 1.

М. А. Арзуманова

КРЕЧЕТОВСКИЙ Иосиф. Справщик (редактор) СПб. типографии, переводчик книги нем. юриста и историка С. Пуффендорфа «О должности человека и гражданина по закону естественному, книги две <. . .>. Ныне же на российский с латинского переведены повелением <. . .> государыни Екатерины Алексеевны» (1726). Перевод выполнен по распоряжению Петра I, высоко ценившего книгу Пуффендорфа «Введение в историю знатнейших европейских государств», переведенную *Гавриилом Бужинским* (1718, 2-е изд. 1723). К. делал перевод под наблюдением Бужинского. Петр I требовал, чтобы работа была выполнена «как скоро возможно, с поспешением», но вместе с тем, чтобы книга переведена была «внятно и хорошим стилем». Ко времени смерти Петра I (1725) перевод был закончен, но из печати книга вышла на следующий год.

В правление Анны Иоанновны (1730–1741) книги Пуффендорфа были изъяты. При Елизавете Петровне указом от 17 нояб. 1743 было разрешено их продавать.

Лит.: Пекарский. Наука и лит. Т. 1–2 (1862); Опис. документов и дел <. . .> Синода. СПб., 1903. Т. 11.

Г. Н. Моисеева

КРИНОВСКИЙ Григорий Андреевич (в монашестве — Гедеон) [1726, Казань–22 VI (3 VII) 1763, близ Пскова; похоронен на кладбище псковского Троицкого собора]. Сын пономаря, осиротел в младенческом возрасте. В 1738 поступил в Казанскую дух. семинарию (под фамилией Авриксельский), которую окончил в 1750 и был в ней оставлен учителем. По др. сведениям, учился в семинарии до 1746, а потом был в ней учителем в течение пяти лет. Желая получить полное богословское образование, в нач. июля 1751 бежал в Петербург, а оттуда направился в Москву. В Славяно-греко-лат. академии К. слушал курс богословия, а в дек. 1751 Синод разрешил ему читать проповеди, «если он к тому, по усмотрению той академии ректора, явится способен». В рукописи сохранилось его «Слово во святой и великий пяток» (1752 — РГБ, ф. Попова, № 137; БАН, Текущие поступления, № 142, л. 266–282). *И. И. Шувалов* представил молодого талантливого проповедника императрице. К. прочел в ее присутствии проповедь, понравился Елизавете Петровне и в янв. 1753 в сане иеродиакона был назначен придворным проповедником. Елизавета Петровна благоволила ему; его проповеди стали выходить отдельными томами по именному указу (Т. 1 — 1755, Т. 2 — 1756, Т. 3 — 1758, Т. 4 — 1759; всего в четырех томах — 100 проповедей). Со 2 февр. 1757 К. — архимандрит Саввино-Сторожевского монастыря, с марта 1758 — член Синода, с 17 апр. 1758 — настоятель Троице-Сергиевой лавры. К. много занимался делами лавры и семинарии, объединил классы поэтики и риторики, «понеже пиитика не столь нужна церкви». С 5 окт. 1761 — епископ Псковский, но при Елизавете Петровне провел во Пскове очень мало времени. *Екатерина II* отнеслась к К. холодно. К. отправился во Псков, но по дороге заболел и умер, не доехав до места. По свидетельствам современников, К. любил роскошь и, по слухам, был сказочно богат, однако после его смерти выяснилось, что утверждения эти сильно преувеличены.

Язык проповедей К. был прост и не перегружен церковно-славянизмами. Сам К. писал в обращении «К читателю» в т. 1 своих про-

поведей, что поскольку некоторым «высокостильных бесед разуметь трудно и невозможно», то он старался употреблять такие выражения, которые «и самым некнижным простолюдинам могли сделать слова его легко уразумительными». Темы его «слов» разнообразны и неожиданны: от философской проблематики века Просвещения до обличения раскольников, клеветников, светской лености. Современники особо отмечали «слово» о лиссабонском землетрясении 1755 (Т. 2), которое не только обличало пороки общества, но и, по словам самого проповедника, было направлено против «натуралистов и фармазонов», т. е. противостояло принципам научного познания. В литературной сфере К. выступил против правил античной риторики и, в частности, против «Риторики» *М. В. Ломоносова.* Вероятно, эти презрительные выпады против классической риторики вызвали эпиграмму Ломоносова «К Пахомию».

По словам *Платона Левшина,* К. «так приятно и сладостно произносил слова свои, что все слушатели бывали как бы вне себя и боялись, чтоб он перестал говорить». К. оказался одним из трех духовных лиц, попавших в известное анонимное издание (Лейпцигское известие (1768)). *А. П. Сумароков* в статье «О российском духовном красноречии» писал: «Гедеон есть российский Флешиер <изв. фр. проповедник XVII в. Э. Флешье>, цветности имеет он еще более, нежели Феофан; сожалетельно то, что мало было в нем силы и огня и что он по недостатку пылкости часто наполнял проповеди свои историями и баснями, сим бедным запасом истинного красноречия. Приятность, нежность, тонкость были ему свойственны, и после Феофана опустошенный российский Парнас, или церковь, лишенная риторския сладости смертию великого архиепископа, обрадовала Россию сим Гедеоном, мужем великого во красноречии достоинства». Высоко оценил К.-проповедника и *Н. М. Карамзин,* отметивший в статье для «Пантеона российских авторов» (1801) пристрастие К. к примерам из античной истории и цитатам из классических авторов. М. Т. Каченовский в статье «Взгляд на успехи российского витийства в первой половине истекшего столетия» писал, что К. «заслужил бы славное титло второго Ломоносова, когда бы старался избегать слов иностранных и простонародных» (Вестн. Европы. 1811. № 19. С. 209).

Проповеди К. печатались кириллическим и гражданским шрифтами; 19 из них вошли в образцовое «Собрание слов, проповеданных в недельные и праздничные дни» (1775; 3-е изд., полн. М., 1828. Т. 1–6). Встречаются они и в рукописных сборниках XVIII в.

Лит.: *Знаменский П. В.* Рус. церковь в царствование Екатерины II // Православный собеседник. 1875. № 2; *Заведеев П.* История рус. проповедничества от XVII в. до наст. времени. Тула, 1879; *Смирчанский В.* Псковская епархия: Ист. очерк. XVI–XIX вв. Остров, 1895. Ч. 2; *Харлампович К. В.*: 1) Мат-лы для истории Казанской дух. семинарии в XVIII в. Казань, 1903; 2) Малорос. влияние на великорус. церковную жизнь. Казань, 1914. Т. 1; *Титов Ф. И.* К биографии Гедеона Криновского. Казань, 1907; *Kjellberg L.* La langue de Gedeon Krinovskij, prédicateur russe du XVIII siècle. Uppsala, 1957.

С. И. Николаев

КРОЛИК Феофил [ум. 22 XII 1732 (2 I 1733) или, по др. данным, 12 (23) VIII 1732]. Окончил Киево-Могилянскую академию. В 1711 К. — учитель лат. и нем. языков в Славяно-греко-лат. академии; к этому времени, видимо, он уже принял постриг. В 1713–1716 — префект академии.

В связи с замыслом Петра I об организации совместной работы рус. переводчиков и пражских иезуитов в 1716 К. был послан в Прагу. В письме к И. А. Мусину-Пушкину (21 авг. 1716) Ф. П. Поликарпов писал, что К. «радостно принял повеление, понеже желал и искал разлучиться от Москвы и в Цесарии, ему любезной, быть. <. . .> А отец Лопатинский и прочие о его пути зело прискорбны, что его пути возврата не будет, а школам препона велика» (Рус. арх. 1868. № 7–8.

Стб. 1043–1044). В окт. 1716 К. выехал из Петербурга и в нач. 1717 прибыл в Прагу. По указанию Петра I иезуиты переводили с нем. на чеш. язык «Исторический универсальный словарь» И.-Ф. Буддея, а К. должен был переводить с чеш. на рус. Однако замысел Петра I оказался не слишком удачен, т. к. хотя переводчикам был доступен язык оригинала, чеш. язык они знали хуже. «Кролик применился уже так к немецкому языку, что сам с оного переводит без всякой трудности, не требуя чешского, понеже в России имел твердый фундамент того языка», — писал А. П. Веселовский в марте 1718 (Пекарский. Наука и лит. Т. 1 (1862). С. 234). В Праге К. перевел с нем. т. 1–2 словаря, а т. 3–4 завершил по возвращении в Россию (местонахождение пер. неизв.). О языке перевода Веселовский писал, что К. «склоняется на киевское знаменование языка». Жизнь рус. переводчиков в Праге была трудна; жалованье часто и подолгу задерживалось. В марте 1717 Ф. М. Воейков писал Веселовскому, что он и К. впали в «конечную мизерию» и боятся, чтобы «сами, яко мухи, ниоткуда помощи имуще, не угасли».

В 1721 К. вернулся в Россию и был привлечен *Феофаном Прокоповичем* к составлению «Прибавления о правилах причта церковного и чина монашеского» к «Духовному регламенту». 14 февр. 1722 К. был включен в Синод асессором и определен архимандритом Новоспасского монастыря. Тогда же К. перевел с рус. на нем. язык «Слово о богодарованном мире» *Феофилакта Лопатинского*. 30 авг. 1723 Петр I приказал перевести с нем. на рус. язык трактат о ведении сельского хозяйства В. Гохберга «Георгика любопытная». Синод поручил перевод К., К. Розенблюту и В. Козловскому. Несмотря на требования и указы Петра I, перевод двигался медленно. К 1726 К. перевел две из шести книг т. 1 (местонахождение неизв.).

В 1723–1724 К. руководил работой шести синодальных переводчиков, которым по приказанию Петра I Синод в нач. 1724 поручил перевод (с лат. или гол. языка) «Юлия Цезаря дел описания» (сведений о том, был ли выполнен этот пер., нет). Синод также поручил К. перевод книги Адама Зерникова «Об исхождении Святого Духа», но «за скудостию» переводчиков этот труд не был завершен.

По указу Петра I 28 июня К. был поставлен архимандритом Чудовского монастыря в Москве, а 16 сент. того же года определен в советники Синода и в 1725–1726 управлял делами Моск. синод. канцелярии. После смерти Петра I был отрешен от Синода (1726). В марте–апр. 1727 Верховный тайный совет определил К. быть при рус. вспомогательном войске при австр. армии (см.: Сб. Рус. ист. о-ва. СПб., 1888. Т. 63. С. 34). Следующим указом К. был отрешен от архимандрии в Чудовском монастыре. Для К. это была опала.

К. относился к числу умеренных сторонников Феофана Прокоповича, хотя Маркел Родышевский, обличая Феофана, обвинял в ереси и К.

В апр. (или немного позднее) 1730 К., вслед за Феофаном, приветствовал появление сатиры первой «На хулящих учение» *А. Д. Кантемира*. В лат. стихах «К сочинителю сатир» К. был солидарен с просветительской программой Кантемира: его сатира, по мнению К., учит «ценить достоинство наук». Кантемир писал в примечании к сатире: «Архимандрит Кролик многие в похвалу творцу стихи надписал, чем он ободрен, стал далее прилежать к сочинению сатир». Стихи Феофана и К. Кантемир поместил в начале своего рукописного сборника сатир.

В сент. 1730 К. вновь становится архимандритом Новоспасского монастыря, в окт. участвует в сочинении Уложения, в частности исправляет Устав воинский. В этом же году епископ *Лаврентий Горка* обратился к К. с просьбой помочь ему занять епархию и передал К. 1000 руб. для подарков «персонам» при дворе и в Синоде. К., раздав деньги, принялся хлопотать о своем назначении на это место.

В 1731 Синод предполагал поставить К. на епископскую кафедру, но этому, так же как разбирательству по обвинению в избиении им до смерти келейного иеродиако-

на (жалобу императрице подписали 70 монахов монастыря — РГИА, ф. 796, оп. 13, № 248, л. 32), помешала смерть К. Известно, что после смерти К. остались его рукописные переводы «Катехизиса Кирилла Иерусалимского», «Шляхетского земного и полевого жития», «Модели из образца церкви Соломоновой». Все они, видимо, утрачены. К. владел большой библиотекой (опись ее — РГИА, ф. 796, оп. 13, № 248, л. 45–62), часть которой в настоящее время находится в Б-ке Иркутского ун-та.

Лит.: *Кантемир А. Д.* Соч., письма и избр. пер. СПб., 1867. Т. 1; *Чистович И.* Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868; *Львов А.* Попытка Петра I к распространению среди рус. народа сельскохозяйственных научных знаний // Чтения в О-ве истории и древностей рос. 1892. Кн. 1; Дневник генерального подскарбия Якова Марковича / Под ред. А. М. Лазаревского. Киев, 1895. Ч. 1–2 (1718–1729); *Никольский А. И.* Опис. рукописей, хранящихся в арх. св. Синода. СПб., 1910. Т. 2, вып. 2; *Акимов.* Феофил Кролик // Рус. биогр. словарь. Т. «Яблоновский–Фомин» (1913); *Харлампович К. В.* Малорос. влияние на великорус. церковную жизнь. Казань, 1914. Т. 1; *Флоровский А. В.* Чехи и вост. славяне. Прага, 1947. Т. 2; *Шкляр И. В.* Формирование мировоззрения Антиоха Кантемира // XVIII век. М.; Л., 1962. Сб. 5; *Мыльников А. С.* Рус. переводчики в Праге. 1716–1721 // XVIII век. Л., 1974. Сб. 9.

А. Б. Шишкин

КРОПОТОВ Иван Иванович [24 II (6 III) 1724–18 (29) III 1769]. Происходил из старинного дворянского рода; отец — д. ст. советник. Мать — урожд. Дурова. В 1740 зачислен в Семеновский полк, в 1755 произведен в подпоручики. Участвовал в Семилетней войне, 19 авг. 1757 ранен в сражении при Гросс-Егерсдорфе; в 1758 уволен в отставку в чине капитан-поручика. 30 апр. 1762 К. получил «секретное наставление» отправиться в Пекин (см.: Арх. кн. Воронцова. М., 1875. Кн. 7. С. 568–570), чтобы наладить дипломатические отношения и торговлю с Китаем. Выехав из Москвы осенью 1762, после остановки в своем имении (д. Репино Муромского у.) К. с сопровождавшей его свитой из 15 человек, в которой находился также *П. Е. Екимов*, проследовал через Нижний Новгород, Казань, Екатеринбург, Тобольск, Томск, Красноярск, Иркутск, Селенгинск, достигнув Кяхты. Отсюда 30 апр. 1763 К. отправился в Пекин и вернулся в Кяхту 25 сент. того же года. Миссия К. не принесла желаемых результатов. Во время путешествия за границей К. вел «журнал», который был им отправлен *Екатерине II* (в сокр. опубликован А. Н. Хохловым). В «Сатирическом каталоге при дворе Екатерины II» (1765) К. упоминается как сочинитель несуществовавшей книги «Китайский сирота» (Рус. арх. 1871. № 12. Стб. 2044). С кон. 1764 находился в Петербурге, служил ординарцем Екатерины II. По свидетельству *С. А. Порошина*, К. часто присутствовал на обедах у вел. князя Павла Петровича. Участвовал в «кавалерских» спектаклях Придворного театра, в частности играл Аргана в пьесе «Мнимый больной» Мольера (6 февр. 1765) и Синава в трагедии *А. П. Сумарокова* «Синав и Трувор» (13 февр. 1765); 27 февр. 1765 Порошин упоминал в дневнике о дурном исполнении К. этой роли. В кон. 1760-х гг. К. снова был послан в Китай для заключения торгового договора и скончался на обратном пути. Был женат на княжне М. П. Гагариной.

Литературная деятельность К. началась в 1750-х гг. В янв. 1757 он перевел с нем. языка комедию Л. Гольберга «Гордость и бедность» (1774; 2-е изд. 1788). Премьера состоялась в 1757 в Петербурге «на Придворном театре»; ок. 1774 пьеса ставилась в Москве. В 1757 в Петербурге были осуществлены и первые постановки переведенных К. комедий Мольера: «Скупой» и «Школа мужей» (окт.), «Тартюф, или Лицемер» (нояб.), некоторое время державшиеся в репертуаре. Возможно, они ставились и в университетском театре в Москве (см.: Ежегодник Ин-та истории искусств. М., 1958. С. 174).

В кон. 1750-х—нач. 1760-х гг. К. «числился» в штате Моск. ун-та. 7 авг. 1757 *М. И. Веревкин* представил директору *И. И. Мелиссино* рапорт о взыскании с гвардии поручика К. 3190 руб.; 3 февр. 1765 куратор *В. Е. Адодуров* направил директору *М. М. Хераскову* ордер, по которому требовалось выяснить о капитане К., «каким образом числится он при университете и откуда жалованье получает и почему, когда оному была последняя выдача и в силу каких указов или ордеров». Должником университета К., возможно, стал в связи с предпринятым им изданием «Комедии из театра г. Мольера» (1760. Т. 1), печатавшимся в Унив. типографии и включавшим пьесы: «Скупой», «Тартюф, или Лицемер», «Школа мужей» и «Школа жен» (издание выходило отд. выпусками; перепеч. в 1788). В позднейшей постановке комедии «Школа мужей» в переводе К. участвовал М. С. Щепкин. В библиотеке Д. Н. Шереметева находилась рукопись комедии Ж.-Ф. Реньяра «Игрок» в переводе К. (см.: Опись б-ки Д. Н. Шереметева. СПб., 1889. С. 408). Известие о первой ее постановке относится к окт. 1764; ср. отзыв: «Пиеса, часто представляемая на театрах повсюду, не выходящая никогда изо вкусу» (Драм. словарь (1787)). Список перевода «Игрока» (без указания имени переводчика) имеется в коллекции рус. пьес XVIII в., хранящейся в Парижской Нац. б-ке вместе с др. переводом К. — пьесой М.-А. Леграна «Друг всесветный». Возможно, этот же перевод был анонимно напечатан *Н. И. Новиковым* в 1788. В переводах К. заметно некоторое стремление русифицировать текст (изменены отдельные имена, мерой денег оказываются рубли и т. п.). В ряде случаев К. несколько отходил от подлинника, иногда распространял текст оригинала. Язык переводов К. отличается известной живостью и разговорностью («горазд толковать», «не прогневайся, невестушка», «палкою по лбу тресну» и т. д.).

Лит.: *Ювеналий* [*Воейков И. Г.*]. Ист. родословие <. . .> Кропотовых и Дуровых, собранное из достоверных известий. М., 1792; Шевырев. Моск. ун-т (1855); *Щепкин М. С.* Зап. и письма. М., 1864; *Порошин С. А.* Зап. СПб., 1881; Дирин. Семеновский полк (1883); [Без подписи]. Кропотов И. И. // Рус. биогр. словарь. Т. «Кнаппе—Кюхельбекер» (1903); *Филиппов В.* Мольер в России XVIII в. М., 1915; Пенчко. Документы. Т. 1—2 (1960—1962); *Мельникова Н. Н.* Издания, напечатанные в типографии Моск. ун-та. М., 1966; Берков. История комедии (1977); История драм. театра. Т. 1 (1977); *Хохлов А. Н.* Миссия И. И. Кропотова в Китай в 1763 г. // Общество и государство в Китае / 7-я науч. конф. Тезисы и докл. М., 1976. Ч. 2.

Н. Д. Кочеткова

КРОПОТОВ Петр Андреевич [1736 или 1737—1790]. Сын воеводы Рязанского у. В 1750 был определен в Сухоп. шлях. корпус. По окончании его направлен в июле 1756 в Копорский пехотный полк прапорщиком и через несколько месяцев переведен Сенатом в Моск. у. межевщиком. С 1757 по дек. 1759 занимал должность экзекутора Моск. межевой канцелярии. В 1761 вышел в отставку в чине поручика, а в янв. 1764 вступил в статскую службу. С дек. 1775 по янв. 1778 состоял помощником инспектора в Каменном приказе, затем по прошению был назначен на должность судьи в суде для свободных крестьян в Туле, а с дек. 1778 — в Рязани. В окт. 1780 получил чин титул. советника, в 1782 — кол. асессора и стал председателем суда Рязанской верхн. расправы. В февр. 1785 по болезни уволен от службы, жил в с. Дягилево Рязанского у., имея поместья в Рязанском, Зарайском и Каширском у. (РГАДА, ф. 286, № 667, л. 4, 10, 172, 176; № 707, л. 225, 230).

Служебные впечатления К. нашли отражение в комедии «Фомушка, бабушкин внучек» (1785, опубл. 1790, сведений о постановке нет), в которой подверглась резкой критике организация судебного дела екатерининского времени. Характер обличения судебных чиновников сближает пьесу К. с комедией *И. Я. Соколова* «Судейские именины» (1781). Пьеса изобилует живыми чертами быта провинциаль-

ного дворянства 1770–1780-х гг. Трактовка темы воспитания позволяет соотносить комедию К. с «Недорослем» *Д. И. Фонвизина*. Невежде и бездельнику Фомушке Слюняеву (образ, подобный Митрофану Простакову) противопоставлен «человек просвещенный» — умный и деятельный лейтенант Остромыслов. В некоторых сценах критика автора выходит за узкие рамки судопроизводства и приобретает более общий характер. Он осуждает протекционизм министров («братья министры, всякий пристрастие имеет к своим родным, а не по достоинству стараются о награждении людей»), говорит о неосведомленности правительства («Правительство думает, что везде хорошо, а напротив того — дурно»), выражает симпатии к республиканскому строю в Голландии, осуждает (на примере Турции) деспотизм как источник беззакония («государь без законов, затем что может всякий час их переменить, не требуя общего совета»). В пьесе соединились черты «слезной драмы» (ситуация «отчаяния любовников» и мотив самоубийства) и рус. бытовой комедии (новые комедийные персонажи вроде дядьки Фомушки, широкое использование пословиц и поговорок).

Лит.: *Ювеналий* [*Воейков И. Г.*]. Ист. родословие <. . .> Кропотовых и Дуровых, собранное из достоверных известий. М., 1792; [Без подписи]. Кропотов П. А. // Рус. биогр. словарь. Т. «Кнаппе–Кюхельбекер» (1903); Берков. История комедии (1977).

Л. И. Сазонова

КРУТИЦКИЙ Антон Михайлович [1754, Москва–21 VII (2 VIII) 1803, Ревель]. Сын гарнизонного сержанта. В возрасте 6 лет был определен в Моск. восп. дом, где и получил первоначальное образование. И. И. Калиграф, преподававший воспитанникам сценическое искусство, обнаружил большие актерские способности К. и способствовал развитию его таланта. С 1778 К. участвовал в спектаклях труппы Восп. дома, исполняя главные роли в комедиях «Скупой» Мольера, «Игрок» Ж.-Ф. Реньяра и др. В 1779 вместе с др. членами труппы был принят в Петербургский Вольный рос. театр, содержавшийся антрепренером К. Книппером. К. завершил свое обучение актерскому мастерству у *И. А. Дмитревского*, который с авг. 1780 руководил Вольным театром. После того как с 1 сент. 1783 Вольный театр вместе с труппой перешел в ведение Дирекции имп. театров, К. был зачислен в придворные актеры.

Основное амплуа К. — характерные комические роли: Цыфиркин («Недоросль» *Д. И. Фонвизина*), Лентягин и Простодум («Чудаки» и «Хвастун» *Я. Б. Княжнина*), Надмен («Самолюбивый стихотворец» *Н. П. Николева*), Влас («Бобыль» *П. А. Плавильщикова*) и др. Современники отмечали блестящую игру К. в мольеровских пьесах (Журден в «Мещанине во дворянстве», Гарпагон в «Скупом»). За исполнение роли Гарпагона на сцене Придворного театра в 1797 К. удостоился особенного внимания Павла I, наградившего актера часами. В 1798 в свой бенефис К. сыграл роль судьи Кривосудова в комедии *В. В. Капниста* «Ябеда». В одном из типографских наборов первого издания «Ябеды» (1798) напечатано письмо Капниста к К. В благодарность за исполнение роли Кривосудова автор пьесы предоставил К. право издания «Ябеды».

Особый успех выпал на долю К. в комической опере *А. О. Аблесимова* «Мельник — колдун, обманщик и сват» (1779), где он выступил в главной роли мельника Фаддея. К. поражал современных зрителей естественностью поведения на сцене и тонким проникновением в психологию рус. крестьянина. Глубокое знание народной жизни проявилось и в исполнении К. роли деревенского старосты Федота в драме *Н. И. Ильина* «Лиза, или Торжество благодарности» (1802). С 1793 по 1800 К. занимал должность инспектора рус. театральной труппы.

Владевший нем. и фр. языками, К. переводил и перерабатывал пьесы европ. авторов. Ему принадлежит вольно переведенная с нем. языка одноактная комедия «Обмена шляп, или Благоразумием уничтоженное покушение» (1782), пред-

ставленная на сцене Вольного театра 25 мая 1782. В 1801, получив поручение Дирекции имп. театров заняться совершенствованием актерского мастерства воспитанниц императорской театральной школы, К. сделал переработку одноактной нравоучительной фр. комедии «Медимн и Лука», посвященной проблемам воспитания. Постановка комедии была осуществлена в том же году. В роли Луки выступила С. В. Черникова (в замуж. Самойлова), дочь актера В. М. Черникова. В журнале «Друг детей на 1809 г.», издававшемся Н. И. Ильиным, эта комедия была опубликована под назв. «Единька и Лука» (Ч. 5). К. ошибочно приписывались переделки еще двух пьес: комедии «Боязливый, или Домовыми изувеченный» и одноактной комедии «Перстень». Первую комедию перевел П. Иванов, вторую — *О. П. Козодавлев*.

Лит.: *С. 3-н.* Нечто о Крутицком, придворном рос. актере // Сев. вестн. 1804. Ч. 1; Арх. Дирекции имп. театров (1746–1801). СПб., 1892. Вып. 1. Отд. 3; История драм. театра. Т. 1 (1977).

Ю. В. Стенник

КРЫЖАНОВСКИЙ Захарий Антонович [1763–1786]. Переводчик с фр. и ит. языков. В кон. 1770-х—нач. 1780-х гг. служил в чине кол. регистратора в Упр. дирекции имп. театров, откуда уволен 12 июля 1783. В 1780 в типографии Морского кадет. корпуса двумя изданиями вышло либретто праздника в честь тезоименитства *Екатерины II* «Храм общия радости» Д. Бригонци в переводе К. Ит. подлинник опубликован не был, а его рукопись не сохранилась.

28 февр. 1784 Дирекция имп. театров рассматривала предложение К. о приобретении у него партитур шести комических опер: «Притворная любовница» (200 руб.), «Двое скупых» (150 руб.), «Два охотника» (50 руб.), «Кузнец» (75 руб.), «Любовник-колдун» (75 руб.), «Перерождение» (50 руб.), либретто которых были им переведены с фр. и ит. языков (РГИА, ф. 497, оп. 4, № 1, л. 88). Покупка, по всей видимости, состоялась, так как известно о представлении на сцене императорских театров первых четырех из вышеупомянутых опер. Сохранились также следующие рукописные партитуры: «Притворная любовница» Д. Паизиелло и Д. Касти (РНБ, ф. 550, F.XII. № 63, 109; Центр. нотная б-ка Мариинского театра, шифр: П I П I 29), «Двое скупых» А. Гретри и К. Фальбера (Центр. нотная б-ка Мариинского театра: TIг807), «Два охотника» Э. Дуни и Л. Ансома (Там же: TIPI 26); в них К., избегая буквализма, живо и остроумно передал общий смысл переводившихся арий.

19 февр. 1785 в Дирекцию имп. театров поступила жалоба от К. о невыплате ему денег за время с 1 мая по 12 июля 1785 и причитающихся 200 руб. наградных «за перевод при той дирекции многих театральных пьес» (РГИА, ф. 497, оп. 4, № 1, л. 107 об.).

Лит.: Арх. Дирекции имп. театров (1746–1801). СПб., 1892. Вып. 1. Отд. 3; *Mooser R. A.* Opéras, intermezzos, cantates, oratorios joués en Russie durant le XVIII-e siècle. 2-e éd. Genève; Monaco, 1955.

К. Ю. Лаппо-Данилевский

КРЫЛОВ Авраам [ум. 1806]. Сотрудник журналов «Иппокрена» и «Новости рус. лит.», переводчик псалмов 7, 17, 25, 37, 49, 93, 101, 108 (Иппокрена. 1801. Ч. 10). «Гимн из песней бессмертного Орфея» К. (Иппокрена. 1801. Ч. 9, с пометой: «Вытегра») представляет собой стихотворное переложение одноименного прозаического перевода П. Ю. Львова (Там же. Ч. 6). Что именно К. опубликовал в «Новостях рус. лит.», установить не удалось.

В службе с 1789. В 1802 — надв. советник Деп. внутр. дел. В 1805 — директор училищ Олонецкой губ. (карт. Модзалевского).

Переводы К. подражательны и архаичны, влияние современной ему одической духовной поэзии (прежде всего *Г. Р. Державина*) не ощущается, К. явно ближе дидактический рационализм *М. В. Ломоносова*.

И. В. Немировский

КРЫЛОВ-ПЛАТОНОВ Савва (в монашестве — Симеон) [1 (12) XII 1777, с. Карпово Дмитровского у. Московской губ.–12 (24) V 1824, Ярославль]. Сын священника, первоначальное образование получил в Дмитровском дух. училище; в 1791 поступил в Троицкую лаврскую семинарию, а в 1797 — в Моск. ун-т. В 1798 К.-П. был определен учителем фр. языка в лаврскую семинарию; с 1800 преподавал там пиитику; в февр. 1801 был определен на должность учителя риторики в Славяно-греко-лат. академию, где сразу же принял монашество; вскоре стал наместником Троице-Сергиевой лавры и в нояб. был назначен архимандритом Спасо-Вифанского монастыря. С янв. 1810 К.-П. был ректором Славяно-греко-лат. академии и архимандритом Заиконоспасского монастыря; в янв. 1814 был утвержден ректором преобразованной Моск. дух. академии и настоятелем Донского монастыря. С 1816 К.-П. был епископом Тульским и Белевским; 16 июня 1818 был назначен епископом Черниговским и Нежинским, затем был возведен в сан архиепископа (1819); в дальнейшем был архиепископом Тверским (1820) и Ярославским (1821).

В 1798–1799 в типографии Моск. ун-та были напечатаны 4 части переведенного им с фр. нравоучительного сочинения Ф.-Г. Дюкре-Дюмениля «Вечерние беседы в хижине, или Наставления престарелого отца»; позднее это непритязательное моралистическое сочинение выдержало еще несколько изданий (М., 1807; М., 1819–1820; Харьков, 1819).

Посмертно были напечатаны 18 слов К.-П. (М., 1827).

Лит.: Смирнов. Моск. академия (1855); *Сиповский В. В.* Из истории рус. романа и повести. СПб., 1903. Ч. 1; *Здр.* [*Здравомыслов К. Я.*] Симеон // Рус. биогр. словарь. Т. «Сабанеев–Смыслов» (1904); Провинц. некрополь. Т. 1 (1914).

М. П. Лепехин

КРЮКОВ Иван. В 1770–1780-е гг. К. много трудился как переводчик — в основном для Собрания, старающегося о переводе иностр. книг. Самым большим многолетним трудом К. явился перевод трактата Ш. Роллена «Способ, которым можно учить и обучаться словесным наукам», издававшийся с 1774 по 1783 и посвященный «Его высокородию ректору и университету, питателю наук» (2-е изд. 1789). Одновременно собранием было издано в переводе К. анонимное фр. сочинение «Наука быть учтивым» (1774; переизд.: 1780, 1787). К. также принадлежат переводы «Исторического рассуждения о начале романов, с прибавлением Беллегардова Разговора о том, какую можно получить пользу от чтения романов» П.-Д. Гюэ, изданного *Н. И. Новиковым* (1783), и «Исторического опыта о священном огне и о вестальских девицах» Ж.-Г. Дюбуа-Фонтанеля (1779; с посв. *И. И. Голикову*).

Лит.: Семенников. Собрание, старающееся о переводе книг (1913).

Р. М. Горохова

КРЯЖЕВ Василий Степанович [27 I (7 II) 1771, Москва–26 XI (8 XII) 1832, там же]. В 1776 был определен в Коммерч. уч-ще при Моск. восп. доме. Окончив его в 1790, состоял при главнокомандующем в Москве кн. А. А. Прозоровском, участвовал с ним в походе в зап. области, присоединенные к Рос. империи по третьему разделу Польши. В 1797 зачислен капитаном в Московский гренадерский полк и назначен инспекторским адъютантом к смоленскому военному губернатору и инспектору М. М. Философову, но в том же году вышел в отставку. В Смоленске К. был связан с антиправительственным кружком полковников П. С. Дехтерева и А. М. Каховского, ставившим целью дискредитацию правительства, убийство Павла I, возведение на престол вел. князя Александра Павловича и возвращение к екатерининскому политическому режиму при некоторой его либерализации.

В апр. 1802, в товариществе с книгопродавцем И. И. Готье и состоявшим в рус. службе иностранцем Иваном Меем, К., получив от Моск. опекунского совета заем 25 000 руб. на 8 лет, основал част-

ную типографию в Москве, работавшую под покровительством Моск. восп. дома. Главным предприятием, с которым компаньоны связывали надежды на коммерческий успех типографии, стал «Указатель Российских законов...» Л. М. Максимовича, издававшийся «с высочайшего соизволения» (ч. 1–3 вышли в 1803). К. помогал составлять ч. 1–4 и написал общее предисловие к изданию, содержащее историю рос. законов. Финансовые затруднения, углубленные выходом из дела И. И. Готье, отказом Кабинета е. и. в. в займе 30 000 руб. на дальнейшее печатание «Указателя» и разногласиями с Л. М. Максимовичем, который перенес издание в Петербург и потребовал полного расчета с типографией, привели ее в упадок; она влачила бедственное существование еще несколько лет и в 1809 была продана за 5000 руб. Вырученной суммы не хватило на уплату долгов; разность была покрыта поручителями и Ведомством императрицы Марии Федоровны.

В 1806 К. поступил на службу в Моск. коммерч. уч-ще преподавателем рус., фр. и нем. языков; был назначен директором и занимал эту должность до 1814, когда вышел в отставку вследствие разногласий с Опекунским советом.

В 1811 К. открыл в Москве частный пансион для мальчиков, имея в виду, как говорилось в объявлении («Вестн. Европы». 1811. № 12. С. 315–319), «доставить родителям средства воспитать детей их так, чтобы они могли быть способными для государственной службы чиновниками». Шестилетний курс разделялся на три двухгодичных «разряда», в каждом из которых предусматривалась обширная программа, включавшая математику, иностранные языки, историю, географию, естественные науки, «нравоучение и должности человека и гражданина», «технологию», бухгалтерию, танцы, музыку и др. Пансион пользовался хорошей репутацией; с 5 февр. 1822 по 9 сент. 1824 в нем учился будущий хирург Н. И. Пирогов. В апр. 1830 К. был в числе претендентов на вакансию стороннего цензора в Моск. цензурном комитете; окончил жизнь в богадельне Моск. восп. дома (РГИА, ф. 496, оп. 3, № 153, л. 519, запись № 5165).

Первыми печатными литературными опытами К. были, очевидно, переводы в журнале «Чтение для вкуса», о сотрудничестве в котором К. имеется глухое свидетельство *Евгения Болховитинова.* По всей видимости, это была подборка (1791. Ч. 3. № 67–72) небольших произведений, подписанных криптонимами «К***» и «В. К.***». Кроме отрывка из поэмы Дж. Томсона «Времена года» под загл. «Прелестная жница», басни Г.-Э. Лессинга «Дух Соломонов» и анонимной «арабской повести» «Калиф и дервиш», все были взяты из англ. «The Universal Magazine of Knowledge and Pleasure» (1770–1771. Vol. 47–49), причем лишь одно или два («Доказательство, что ничто есть нечто» и, вероятно, «Калиф и дервиш») были оригинальными англ. сочинениями, а остальные принадлежали фр. (Н. Брикер де ла Димери, Кабур), нем. (С. Геснер) и вост. авторам, переведенным в англ. журнале из «Mercure de France» (1770. Janv. T. 1; Oct. T. 2; Déc.) и сборника «Восточная смесь» Д.-Д. Кардона (*Cardonne D.-D.* Mélanges de littérature orientale... Paris, 1770). Криптонимом «В. К.***» подписаны также переведенные с нем. языка «Анекдоты о покойном императоре Римском» (Ч. 5. № 25–26), а криптонимом «К.» — басня Лессинга «Зевес и овца» (Ч. 9. № 29).

Переведенная К. трагедия Ф.-Т.-М. Бакюлара д'Арно «Меринваль» (1792) представляла «страшный пример крайностей, в кои впадает чрезмеру чувствительная душа» (с. 51). Этими словами подводит итог своей жизни, рассказывая о ней заключенному в тюрьме сыну, главный персонаж — добродетельный человек, движимый, однако, в своих поступках ничем не контролируемыми эмоциями: поддавшись анонимным наветам, продиктованным жаждою мести, он убивает лучшего друга и жену; его сыну, покаравшему клеветника, вынесен смертный приговор, а он сам принимает яд. В обстановке широкого распространения в России сентиментальных настроений трагедия Арно могла восприниматься под

углом критического пересмотра коренного понятия этого направления «чувствительный человек».

Перевод пьесы А. Коцебу «Перуанка, или Дева солнца» (1794; ряд справочников ошибочно указывает в качестве 2-го изд. др. перевод той же пьесы: Дева солнца: драма. М., 1803) стал предвестником скорого всплеска популярности этого плодовитого писателя. Позднее К. перевел автобиографические записки «Достопамятный год жизни Августа Коцебу, или Заключение его в Сибирь и возвращение оттуда» (М., 1806. Ч. 1–2; 2-е изд. М., 1816). Эти мемуары были интересны читателям не только изложением фактов, касающихся знаменитого лица, но также как произведение авантюрного жанра и как путевые записки. Счастливый конец злоключений писателя утверждал идею справедливости монархической власти в лице Павла I.

Модным сочинением было переведенное К. «Путешествие по моей комнате» Кс. де Местра (М., 1802), в котором автор, взяв за образец «Сентиментальное путешествие» Л. Стерна и отчасти его пародируя, рассказывает в манере легкой, изящной светской болтовни о своих эмоциях, ассоциациях, мыслях, возбужденных и вызванных находящимися в комнате предметами. К. перевел также анонимное продолжение этой книги: Новое путешествие по моей комнате. М., 1803 (ориг.: Nouveau voyage autour de ma chambre. Brunswick, 1797).

В 1802–1804 со своими компаньонами по типографии К. был соиздателем «Журнала приятного, любопытного и забавного чтения» (Ч. 1–4. № 1–12; ред. *П. П. Сумароков*), в котором напечатал «Путешествие в Испанию маркиза де Лангля» (Ч. 2. № 5–6; Ч. 3. № 7, 9) — свой перевод еще одного сочинения в жанре «сентиментального путешествия», сочетавшего традиционную для этого рода произведений манеру с сильной иронией и резкой сатирой (ориг.: *Langle J.-M.-J, Fleuriot de.* Voyage en Espagne. Saint-Malo, 1784. T. 1) и вызвавшего критическим изображением состояния Испании обострение отношений между Испанией и Францией, которое было улажено символическим сожжением одного экземпляра этой книги как богохульной, кощунственной и губительной для нравственности и веры. В переводе К. опущены иронические и неодобрительные замечания о религиозных верованиях и обычаях испанцев (напр., о культе Богоматери), обличительная надпись на постаменте статуи короля-тирана Филиппа II, отдельные места, которые могли вызвать ассоциации с рос. действительностью, некоторые из упоминаний Ж.-Ж. Руссо, бывшего кумиром фр. автора.

Судя по выбору сочинений для перевода, К. придерживался консервативных убеждений. В пьесе Коцебу «Перуанка» отвергалось вооруженное возмущение подданных как средство воздействия на правительство: мудрый, милостивый государь, поддерживаемый и побуждаемый первосвященником, отменяет древний жестокий закон, по которому должны умереть молодые влюбленные. Памфлет Ж. де Лимона «Жизнь и страдание Людовика XVI, короля французского и наваррского, умерщвленного в 21 день января 1793 года» (1793) содержал роялистскую трактовку революционных событий во Франции и апологию короля-мученика.

Откликаясь на живой интерес рус. общества к личности, политике и походам Наполеона, К. перевел очерк его военных кампаний: «Жизнь и подвиги Буонапарте, начиная с первых его успехов в воинском искусстве до совершенного покорения Египта» (М., 1801). В биографическом предисловии деятельность Наполеона прослеживалась до переворота 18–19 брюмера VIII года (9–10 нояб. 1799). В новом качестве консула-диктатора Наполеон вызывал явное сочувствие К., которое акцентировалось изменениями, внесенными в биографический очерк во 2-м издании (М., 1801; дополнено главою «Поход Буонапарте в Сирию»). В частности, К. ввел пассаж, в котором Бонапарт изображается достойным быть руководителем фр. нации: «Французы научаются от него быть основательными, уважать своих правителей и начальников; презирать ветреных и легкомыслен-

ных краснобаев. Пусть почитают в нем республиканцы мудрого и воина; пусть подражают его осанке, скромности и осторожности; пусть заимствуют от него важность, простоту и откровенность» (с. 28–29). Нарисованный в 1-м издании словесный портрет одержимого честолюбием, но по контрасту невзрачного на вид человека (с. XXX–XXXI) был заменен описанием, в котором оттенены черты величия и благородства, а неблагоприятные затушеваны. Такие же отличия имела подобранная для 2-го издания новая иллюстрация.

В идеализированном виде представлен покойный рос. император в переведенной К. анонимной книге «Жизнь Павла Первого <. . .>. Писанная на нем. языке российской службы офицером» (М., 1805): «С начала его царствования, — пишет автор, — мудрость подкреплялась властию, и народ, чувствовавший блаженство свое, любовью и благодарением жертвовал благотворителю своему. Благомыслие и великодушие были прирожденные ему добродетели и не могли затменены быть горячностью» (с. 314–315).

Для характеристики взглядов К. интересно свидетельство Н. И. Пирогова о том, что за время учебы в пансионе он лишь однажды слышал от К. замечание, которое он воспринял как вольнодумное: К. сказал, что Апокалипсис есть произведение поэта и «не может считаться священной книгой».

К. был автором и составителем большого числа учебников и учебных пособий по разным предметам, входившим в курс среднего образования. Главные усилия в этой области он прилагал к тому, чтобы обеспечить первичной учебной литературой изучающих живые иностранные языки (англ., фр., нем.). Основное внимание он обращал на практическое владение разговорным языком, и в числе его пособий преобладали разговорники, включавшие тематические подборки слов, выражений и обиходных фраз.

Существенную роль в распространении знания англ. языка сыграли учебники К. («Руководство к аглинскому языку», 1791; «Аглинская грамматика <. . .> изданная в пользу обучающихся сему языку, и в особенности в пользу благородных воспитанников в Пансионе при имп. Московском университете», 1795) и хрестоматия («Избранные сочинения из лучших аглинских писателей прозою и стихами, для упражнения в чтении и переводе», 1792). Пропагандируя англ. язык, К. указывал, что «он не так шумящ, как голландский, не так чрезвычайно нежен, как французский, но так же важен, как латинский, и по причине составления своих слов мало уступает греческому» (Руководство. . . С. IX–X). Хрестоматия К., по мнению М. П. Алексеева, нуждающемуся, однако, в проверке, была ценным источником оригинальных поэтических текстов для рус. переводчиков (басни Джона Гея и Э. Мура, эпистола А. Попа «Элоиза Абеляру» и ответ «Абеляр Элоизе» Джеймса Коуторна, монолог Гамлета «To be or not to be», баллада О. Голдсмита «Пустынник», «Всеобщая молитва» А. Попа, «Гимн» Джозефа Аддисона, его же монолог Катона из одноименной трагедии и др. произв.). В прозаической части напечатаны англ. переводы басен Х.-Ф. Геллерта, нравоучительные «повести» Дж. Аддисона и С. Джонсона из журналов «The Spectator» (N 159) и «The Rambler» (N 65, 120, 204–205), эссе Аддисона «Об удовольствиях воображения» (The Spectator. N 411–421; возможно, с этой публ. сделан перевод в «Чтении для вкуса» (1793. Ч. 10–12)).

Для изучающих фр. язык К. переиздал ряд иностранных пособий со своим параллельным рус. переводом. Первым было моралистическое сочинение англ. писательницы С. Триммер «Простое введение к познанию природы» во фр. переводе А. Беркена (М., 1803. Ч. 1–2; англ. ориг.: *Trimmer S.* An Easy Introduction to Knowledge of Nature <. . .>. Adapted to the Capacities of Children. London, 1780; ранее переводилось на рус. язык Ф. Ф. Розановым под загл. «Дружеское введение к познанию природы», 1793). Помимо упражнения во фр. языке книга служила целям нравственно-религиозного воспитания, раскрывая читателю картину целесообразного устройства мира и

убеждая его в том, что «ничто в природе не сотворено бесполезно» (Ч. 1. С. 7).

Позднее К. издал широко употреблявшийся в России учебник Ш.-Ф. Ломона (1-е изд.: Краткая грамматика французская. М., 1808 (известно лишь по библиографиям); 2-е изд.: Начальные основания французской грамматики. М., 1815; 3-е изд. М., 1822), дополнив его практическим разделом, в который наряду с пр. материалами включил «Собрание басен, повестей и проч. для упражнения в переводе на французский язык». Эта подборка была составлена из переведенных с англ. и нем. языков произведений, напечатанных в журналах «Приятное и полезное» (1794–1798. Ч. 1, 3, 6, 13, 15, 18–20), «Новости рус. лит.» (1802. Ч. 3) и др. неустановленных изданиях. К. издал также учебник Э.-А. Лекена «Лекьэнова французская грамматика, удобопонятная для всех тех, которые никаких сведений о правилах сего языка не имеют» (М., 1822).

Др. составленные К. пособия по фр. языку: Французская азбука для детей обоих полов, с словарем и разговорами. М., 1803; 2-е изд. М., 1815 (атрибуция Евгения Болховитинова); Разговоры французские с русским, к которым в начале присовокуплены краткие правила грамматики, а в конце особенные французскому языку свойственные выражения. М., 1804; 2-е изд., «испр. и умнож.» (под загл. «Разговоры французские с русским, разделенные на 200 уроков, с присовокуплением особенных французскому языку свойственных выражений»). М., 1808; Новые разговоры французские и российские, разделенные на 130 уроков. М., 1812; 2-е изд. М., 1820; 3-е изд. М., 1826.

С целью, по-видимому, поставить преподавание иностранных языков в пансионе и Коммерч. уч-ще на единую методическую основу К. издал ряд однотипных пособий, которые в совокупности должны были, очевидно, составить законченный комплекс. В него вошли: Краткая французская грамматика. М., 1817; Краткая немецкая грамматика. М., 1818; Первоначальная учебная книга французского языка, содержащая в себе правила чтения и произношения, с собранием нужнейших слов и речений. М., 1820; Первоначальная учебная книга немецкого языка. . . М., 1821; Первоначальная учебная книга английского языка. М., 1821. По какой-то причине не была осуществлена явно предполагавшаяся краткая грамматика англ. языка. Неясно авторство еще одной серии однотипных пособий, предшествовавших вышеуказанным: Новые практические разговоры, с приличным собранием слов перед каждым: На французском и российском языках, для употребления юношества. М., 1810 (de visu не просмотрено); 2-е изд. М., 1814; 3-е изд. М., 1819; 4-е изд. М., 1826; Новые практические разговоры <. . .>. На немецком и российском языках. . . М., 1810; 2-е изд. М., 1815; 3-е изд. М., 1822; Новые практические разговоры <. . .>. На английском и российском языках. . . М., 1811; 2-е изд. М., 1819. На тит. листе англо-рус. «Разговоров» автором-составителем указан К., все фр.-рус. и нем.-рус. издания анонимны, однако их лексическая идентичность с англо-рус. вариантом является веским, хотя и не бесспорным основанием для их атрибуции К. Тем не менее даже если он составил лишь англо-рус. «Разговоры», воспользовавшись готовой схемой, он, должно быть, участвовал в ее разработке.

Др. пособия и труды, составленные или переведенные К.: Собрание новых мыслей для украшения садов. . . Пер. с нем. М., 1799. Тетр. 1–26; Русская азбука для детей обоих полов. М., 1803 (атрибуция Евгения Болховитинова); Новейшее и подробное землеописание всех частей света, сообразное с последними политическими переменами. Ч. 1. Европа. Пер. с нем. М., 1806; материал последней книги частично использован дословно и в изложении в т. 1 следующего труда К.: Новейшая всеобщая география, или Землеописание всех частей света, Европы, Азии, Африки, Америки и Южной Индии, по последнему политическому разделению. М., 1816. Ч. 1–5 (большие текстуальные заимствования из этого труда перешли в анонимное изд.: Новейшая всеобщая география, или Подробнейшее описание всех пяти частей

земного шара, как-то: Европы, Азии, Африки, Америки и Австралии, начертанное по последнему политическому разделению. . . СПб., 1818. Ч. 1–4); Купеческая арифметика, для банкиров, заводчиков, купцов, фабрикантов и воспитанников их, изданная для употребления в Московском Коммерческом училище. М., 1811. Ч. 1–2; Краткая всеобщая история для первоначального учения. М., 1819. Ч. 1. Древняя история.

Лит.: *Полуденский М.* Типография Мея и Кряжева // Библиогр. зап. 1859. Т. 2. № 19; Список воспитанников, кончивших курс в [Санкт-Петербургском] Коммерческом уч-ще в продолжение 100 лет. СПб., 1872; *Тихонравов Н. С.* Соч. М., 1898. Т. 3, кн. 2; *Штрайх С.* Лит. воспитание Н. И. Пирогова // Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности. 1916. Т. 21, кн. 2; *Данилов В. В.* С. Т. Аксаков, С. Н. Глинка и В. В. Измайлов в Моск. цензурном комитете // Изв. по рус. яз. и словесности. 1928. Т. 1, кн. 2; *Култашева Л. В.* Типография Кряжева, Готье и Мея (1802–1809) // Сб. Публ. б-ки СССР им. В. И. Ленина. М., 1928. [Вып.] 2; *Пирогов Н. И.* Вопр. жизни: Дневник старого врача // Собр. соч. М., 1962. Т. 8; *Алексеев М. П.* Англ. поэзия и рус. лит. // Англ. поэзия XIV–XIX вв. в рус. пер. / Сост. М. П. Алексеев, В. В. Захаров, Б. Б. Томашевский. М., 1981; *Сафонов М. М.* Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л., 1988.

В. Д. Рак

КУГУШЕВ Николай Михайлович [1777–не ранее окт. 1825]. Происходил из древнего обедневшего княжеского рода. С 24 февр. 1794 — сержант Преображенского полка, 22 янв. 1797 выпущен в армию прапорщиком. С 20 июня 1797 — адъютант генерала М. М. Философова; с 9 апр. 1798 — подпоручик. В 1799 воевал в Галиции, Австрии, участвовал в Ит. походе А. В. Суворова, вместе с его армией переходил через Альпы. Получив тяжелые ранения, 29 окт. 1799 вышел в отставку поручиком. В 1801–1802 был полицеймейстером в Тамбове. Оставив службу 10 июля 1802 в связи с ухудшением здоровья, жил в Тамбове и в своем пригородном имении Знаменское, часто бывал в Москве и Петербурге. С 31 янв. 1822 был почетным смотрителем Козловского у. уч-ща (формуляр 1825 г. — РГИА, ф. 1343, оп. 46, № 470; Гос. арх. Тамбовской обл., ф. 161, оп. 1, № 338). В 1822 был членом вотчинного правления имений М. М. Сперанского (письмо к нему К. от 27 апр. 1822 из Чембара — РНБ, ф. 731, № 2104).

Выступать в печати К. начал с 1800-х гг. В его одноактной комедии «Любовная шутка» (Смоленск, 1800) высмеивалось шарлатанство «учителя физиогномии». В журналах «Иппокрена» (1799–1801) и «Новости рус. лит.» (1802–1805) К. печатал свои произведения под самыми разнообразными псевдонимами: «Кн. Нк. Ку-въ», «К. . . К-в», «20.Ку-въ», «К.Кшвъ», «К.Н.К», «О.О.О.», «Тамбовец», «Ботамвец» и др. Принадлежность К. ряда публикаций устанавливается их сопоставлением с изданным позднее сборником стихотворений К. В некоторых случаях К. указывал место написания произведения: С. П. Б. (Петербург), Тамбов, с. Куньи Липяги, с. Знаменское. Стихотворение «Инвалид в деревне» сопровождено указанием: «Перикса, 20 мая, 1804» (Новости рус. лит. 1804. Ч. 11). В Периксе, расположенной близ Тамбова, находилась дача семьи Родзянок. Стихотворение «В память Н. . .лову» (очевидно, А. М. Нилову) означено «Рянза» — имение тамбовских помещиков Ниловых, знакомых *Г. Р. Державина*, известных своими литературными и театральными интересами. Некоторые стихи К., напечатанные в журналах, не вошли в позднейший сборник. Среди них «Баснь. Медведь и Лисица» (Новости рус. лит. 1803. Ч. 6; подп. — «С италиянского перевел Кгшвъ») и «Надпись к войне» (Там же). Оба стихотворения связаны с литературной полемикой того времени. Басня «Козел и Овца» (Там же. 1804. Ч. 11; подп. — «Тб-въ. *К*») тоже явно принадлежит К. Здесь осуждаются раболепствующие перед знатными и презирающие тех, кто «насущный хлебец» достает

«своими руками». В «Новостях рус. лит.» напечатаны также две сентиментальные повести К.: «Петр и Параша» (1802. Ч. 3) и «Испытание верности» (1805. Ч. 13). К первой повести автор сделал примечание: «Точными словами одной старушки». В языке повести заметна стилизация под народную речь. Вторая повесть посвящена «милой сестре». В 1803 К., откликнувшись на предложение *Н. М. Карамзина*, написал «Эпитафию поэту Богдановичу» (Вестн. Европы. 1803. № 6). Отдельным изданием (М., 1803) была напечатана одноактная комедия К. «Соболья шуба, или Спорь до слез, а об заклад не бейся». В пьесе высмеивались спесивые и недалекие дворяне Долбнины, которых ловко одурачил молодой человек Затей. К. посвятил комедию *В. С. Кряжеву*, «в знак своего усердия». Книга К. «Мой курс в Липецке в 1804 г.» (М., 1804) посвящена М. А. Симоновой «в знак родственной любви и почтения». В предисловии автор сообщал: «Я старался узнавать всякую подробность, касающуюся до Липецка, за сто лет назад бывшую, и что мог сведать от старинных жителей его, сообщаю здесь любопытным». Книга содержит сведения об истории Липецка, о пребывании в нем Петра I. К. описывает современное состояние города, рассказывает о развитых в нем ремеслах и т. д. Часть книги составляет «журнал» (дневник) К., в котором он повествует о своем времяпрепровождении в Липецке (посещение театра, ярмарки; встречи и беседы с местными жителями). «Журнал» К. выдержан в традициях сентиментализма. В конце книги помещено «Объявление о Марциальных водах» и указ Петра I (1720). В. С. Кряжев сообщал в примечании, что эти тексты были сверены им с «Указателем российских законов», печатавшимся в его типографии. Кряжев выражал при этом надежду «угодить автору», своему «любезному приятелю».

В 1804 К. сотрудничал в «Журн. для милых». Издатель М. Н. Макаров писал о К.: «Молодой автор довольно известен публике» (Ч. 2. № 12. С. 353). По-видимому, с 1805 К. начал работу над своим самым большим по объему произведением — «Грановитая палата». Начало этой поэмы появилось в «Новостях рус. лит.» (1805. Ч. 13), где было приведено и письмо автора издателям: «Вот вступление к описанию Грановитой палаты; продолжение доставлено будет. Там поместятся в историческом порядке достопамятные дела от Рюрика до Петра I. Если обстоятельства и время позволят, постараюсь дойти до царствования великой Екатерины». Затем отрывки поэмы печатались в 1806 в журнале «Минерва» (Ч. 2, 3). Полностью «Грановитая палата» была напечатана отдельным изданием (М., 1808. Кн. 1–3; с посв. Александру I). В поэме, написанной т. н. «народным стихом» (безрифменный четырехстопный хорей с дактилическими окончаниями) излагались события древней рус. истории, кончая XII в. Исторические факты К. интерпретировал достаточно вольно, изображая рус. князей Древней Руси «нежными», «чувствительными» и т. п. Канвой повествования К. сделал рассказ о картинах на историческую тему в Грановитой палате. Поэма проникнута патриотическими мотивами. В одном из отступлений К. выражает сочувствие «бедным пахарям», притесняемым злыми приказчиками, но в то же время восхваляет терпение народа и его покорность царям как «превосходную добродетель». Среди подписчиков на издание (их список напечатан в конце кн. 3) названы *Ю. А. Нелединский-Мелецкий*, *Н. П. Николев*, А. С. Мусин-Пушкин и др.; нашлись подписчики в Москве, Кирсанове, Таганроге, Тамбове, Казани, Смоленске, Боброве. В журнале *М. И. Невзорова* было помещено стихотворение «К сочинителю книги „Грановитая палата“» (Друг юношества. 1808. № 10; подп. — «Н. . .въ. Тамбов»).

В журнале «Моск. курьер» (1806. Ч. 3. № 23; с указанием — «Тамбов») К. поместил стихотворение «Пирог, или Мировая с Парнасом в новый 1806 год»; в журнале «Минерва» — стихи «Инвалид в городе» и «Эхо» (1806. Ч. 3). К. напечатал также несколько прозаических и стихотворных сочинений в журнале «Друг юношества». В

«Разговоре между Сократом и Вольтером в царстве мертвых» (1813. № 2) К. выразил свое отрицательное отношение к Вольтеру, который «в свой век не написал ни единой правды». К «Разговору Сократа с Альцибиадом» (1813. № 9) К. сделал примечание: «Разговор сей написан для детей моих». Ряд стихотворений К. появился в 1813–1814 в журнале «Рус. вестн.». Напечатанный здесь анонимно «Отрывок из повести о князе Мстиславе» (1814. Ч. 26. № 5; посв. «храбрым рус. воинам») явился одним из первых подражаний «Слову о полку Игореве». К. использовал мн. образы и даже фразеологию «Слова», подражая отчасти и «Повести о Мстиславе I Володимировиче» (1808) П. Ю. Львова. Стихотворение «Князь Федор Рязанский и князь Юрий Муромский» (Рус. вестн. 1813. Ч. 22. № 6) К. посвятил «праху благодетеля» М. М. Философова.

В 1814 в Москве был издан сборник стихотворений К. «Праздное время инвалида», куда вошли мн. стихи, печатавшиеся ранее в журналах, иногда с небольшими изменениями в тексте. Некоторые стихотворения публиковались в сборнике впервые. Значительную часть книги составляли стихи на исторические темы. В сборник вошли и стихи автобиографического характера, дружеские послания, басни, песни, поэтические «мелочи» (загадки, мадригалы, надписи). Два стихотворения К. («Ожидание» и «Три добродетели») были напечатаны в альманахе «Памятник отечественных муз» (СПб., 1828).

В целом заметна ориентация К. на поэзию Карамзина (цитаты и реминисценции из его сочинений) и *И. И. Дмитриева*. Вместе с тем К. далек от эпигонства. Обладая скромным дарованием, он стал одним из интересных представителей позднего рус. сентиментализма. Литературные интересы, видимо, прочно укоренились в семье К. Очевидно, сын К. Василий сотрудничал в «Моск. вестн.» (1809. Ч. 1). Его дети Григорий (ум. 1871) и Федор (1851–1881) тоже выступали на писательском поприще.

Лит.: Мат-лы для истории тамбовского, пензенского и саратовского дворянства / Сост. А. Н. Нарцов. Тамбов, 1904. Т. 1. (Изв. Тамбовской учен. арх. комис.; Вып. 47); *Прийма Ф. Я.*: 1) «Слово о полку Игореве» в лит. жизни нач. XIX в. (мат-лы) // Тр. Отд. древнерус. лит. Л., 1954. Т. 10; 2) «Слово о полку Игореве» в рус. ист.-лит. процессе первой трети XIX в. Л., 1980; *Лотман Ю. М.* «Слово о полку Игореве» и лит. традиция XVIII–нач. XIX в. // «Слово о полку Игореве» — памятник XII в. М.; Л., 1962; *Разживин А. И.* Особенности сюжетосложения в поэме Н. М. Кугушева «Отрывок из повести о князе Мстиславе, великом победителе половцев» // Вопр. сюжета и композиции: Межвуз. сб. Горький, 1987; *Дмитриев Л. А.* Кугушев Н. М. // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб., 1995. Т. 3 (К–О).

Н. Д. Кочеткова

КУДРЯВЦЕВ Кондрат (по святцам — Кодрат) Матвеевич [1774 или 1775–до авг. 1861, Москва]. Происходил из духовного звания. С 1789 учился в Унив. гимназии, произведен в студенты 30 июня 1795; по окончании служил с 15 мая 1798 секретарем при кураторе университета, с 20 сент. 1802 — по особым поручениям при контр-адмирале П. В. Чичагове, а с 1 янв. 1803 в Деп. морского министра, где поднялся до поста директора, который занимал с 22 янв. 1818 (РГИА, ф. 496, оп. 3, № 1453, л. 146 об.–147; № 1552, л. 475–476, 815–819; ф. 1343, оп. 23, № 9880). Последний раз в этой должности и в чине ст. советника он упоминается в «Месяцеслове с росписью чинов на 1824 год» (Ч. 1. С. 321, по состоянию на 15 нояб. 1823). В печатных и архивных источниках имя указывается в формах: Кодрат, Кондрат, Кондратий. Перевел с нем. языка «исторический отрывок» А. Коцебу «Заира, прекрасная россиянка, или Низвержение с трона Махомета IV» (Владимир, 1800).

В. Д. Рак

КУЛИБИН Иван Петрович [10 (21) IV 1735, Нижний Новгород–30 VII (11 VIII) 1818, там же;

похоронен на Петропавловском кладбище]. Механик-самоучка; сын мучного торговца. Обучился грамоте у местного дьячка; рано проявил серьезный интерес к механике и «от того имел себе пропитание». Покровительствовал ему купец М. А. Костромин. Во время посещения *Екатериной II* Нижнего Новгорода (1767) К. был представлен ей как местная знаменитость, а в 1769 он привез в Петербург сконструированные им редкие механизмы: телескоп, микроскоп, «электрическую махину» и часы сложной конструкции в подарок императрице. К. был назначен механиком при Академии наук и, находясь в этой должности, сделал ряд оригинальных изобретений (модель однопролетного моста, мощный прожектор, проект самодвижущегося судна, ручные и ножные протезы и др.). Покровительствовавший К. *Г. Р. Державин* в 1792 выхлопотал для него прибавку жалованья, что вызвало неудовольствие *Е. Р. Дашковой*, не благоволившей к К. «за неисполнение какого-то ее желания» (Державин. Соч. (1864–1883). Т. 8 (1880). С. 624). В 1801 К. вернулся в Нижний Новгород и продолжал здесь заниматься техническими экспериментами, но, не имея для этого средств, вошел в долги и умер в бедности.

Будучи старообрядцем, К. тесно связан с традициями силлабической поэзии. Ему принадлежит «Кант во время высочайшего шествия е. и. в. по Волге <. . .> сочиненный в Нижнем Новгороде в 1767 года майя 22 дня» и позднее напечатанный в «СПб. вед.» (1769. 28 апр. № 34. Приб.). Известны также ямбические оды К. Екатерине II (1768) и «А. Г. Орлову на прибытие его из Архипелага в С.-Петербург марта 1771 года». В одах К. использованы некоторые поэтические образы *М. В. Ломоносова*, язык сильно славянизирован. Восхваляя Екатерину II традиционными одическими формулами, К. вводит и ряд конкретных деталей, связанных с описанием встречи императрицы в Нижнем Новгороде. Как заметил *Н. И. Новиков*, стихи К. «довольно изрядны, а паче в рассуждении его неупражнения в стихотворстве» (Новиков. Опыт словаря (1772)). Сопоставляя стихи К. с др. кантами и одами XVIII в., Н. М. Михайловский пришел к выводу о том, что, несмотря на «недостаток сочинительской опытности», К. сумел придать своим стихам «отделку и правильное течение мыслей, мало уступающее другим тогдашним одам» (РНБ, ф. 487, оп. 1, № 11, л. 19).

«Кулибин был небольшого роста и довольно худощав, — сообщает сын его друга, — лицо его, оттененное белоснежною бородою и в преклонной старости было чрезвычайно благолепно; голос у него был тихий, речь внушительная, но кроткая, походка медленная и величавая». Человек «из народа», не получивший специального образования, К. был разносторонне одарен: играл на клавикордах, пел; жизненным образцом для него был «архангельский мужик» Ломоносов.

Об изобретениях К. сохранились многочисленные упоминания в рус. литературе XVIII в. О сконструированном К. фонаре говорится в стихах Державина (басня «Фонари» и стихотворение «Афинейскому витязю») и в трактате *А. Н. Радищева* «О человеке, о его смертности и бессмертии». О занятиях К. часовым делом упоминает *Н. М. Карамзин* в «Письмах русского путешественника». Как почитатель Ломоносова К. изображен в пьесе А. Н. Островского «Гроза» (Кулигин).

Документы, относящиеся к научным изобретениям К., хранятся в СПбФ АРАН; отдельные материалы, в т. ч. два письма к неизвестному 1814–1816, — в РНБ.

Лит.: *Свиньин П.* Жизнь рус. механика Кулибина и его изобретения. СПб., 1819; *Пятириков П.* И. П. Кулибин, рус. механик-самоучка // Москвитянин. 1853. № 14; *Андреевский И.* И. П. Кулибин: (Его автобиография) // Рус. старина. 1873. № 11; Рукоп. мат-лы И. П. Кулибина в Арх. АН СССР: Науч. опис. с прил. текстов и чертежей. М.; Л., 1953; *Пипуныров В. Н., Раскин Н. М.* И. П. Кулибин. 1735–1818. Л., 1986.

Н. Д. Кочеткова

КУЛИЧКИН Василий Константинович [ум. 18 (29) VII 1800, Англия]. По-видимому, был сыном придворного зильбердинера (хранителя придворного серебра, в ранге полковника, К. К. Куличкина (судя по родословной росписи 1782 г., он имел малолетнего сына Василия — РГИА, ф. 1343, оп. 23, № 10424, л. 12)). 1 мая 1786 был определен в Морской кадет. корпус. В 1790, уже будучи гардемарином, участвовал в сражении у Выборга, в 1791 — у Кронштадта. 1 янв. 1793 произведен в мичманы; после кампании у Красной Горки (1797) командирован в Англию для службы волонтером на судах англ. флота. 23 нояб. 1799 получил чин лейтенанта. Погиб при взрыве англ. стопушечного корабля «Шарлотта».

По-видимому, К. начал переводить с англ. языка, находясь в Англии. В 1797 в типографии Академии наук одновременно вышли в его переводе светский эпистолярный роман М.-Ж. Риккобони «Письма Июлии, леди Катсбей, к Генриетте, леди Камплей» (с посв. Н. Ф. Плещеевой) и письма Дж. Уильямса «Размышление о достопамятных древних развалинах Шотландии». Последние включали сведения о замках, связанных с местом действия «Макбета» В. Шекспира и легендарным Фингалом.

Лит.: Общий морской список. СПб., 1890. Ч. 4.

В. П. Степанов

КУЛЯБКА Семен Петрович (в монашестве — Сильвестр) [1701, г. Лубны Полтавской губ.–17 (28) IV 1761, Петербург; похоронен в Александро-Невской лавре]. Происходил из дворян, внук гетмана Даниила Апостола. Окончил полный курс Киево-Могилянской академии в 1726. В марте 1727 принял монашество и назначен учителем в академию, где в 1732–1735 преподавал риторику, в 1733–1739 — философию, а в 1739–1745 — богословие (рукописи всех курсов — ЦНБ АН Украины; РНБ). Лекционные курсы К. компилятивны и несамостоятельны; так, в курсе риторики он широко опирался на *Феофана Прокоповича*, которого высоко ценил. С 1738 К. — префект, а с авг. 1740 — ректор академии. В сент. того же года К. был назначен архимандритом Братского монастыря в Киеве.

В 1730-х гг. К. начал проповедовать; первая его печатная проповедь — «Слово в неделю самаряныни» (1742) — была произнесена в придворной церкви. В 1744 К. встречал Елизавету Петровну в Киево-Печерской лавре и произнес две проповеди в ее присутствии. В 1745 он был послан митрополитом Киевским Рафаилом Заборовским в Петербург с поздравлением по случаю бракосочетания вел. князя Петра Федоровича. Произнесенная им речь понравилась Елизавете Петровне, и К. был оставлен в Петербурге. В нояб. того же года он стал епископом Костромским и Галицким; в 1747 открыл семинарию в Ипатьевском монастыре, но она просуществовала только до окончательного перемещения К. в Петербург в апр. 1750, где он был назначен архиепископом Петербургским и настоятелем Александро-Невской лавры.

В своих поучениях К., в отличие от др. проповедников, почти избегал современной проблематики. Только в «Слове в день тезоименитства» (1744) он обличил «бурю» минувшего царствования, «когда темницы, когда орудия казней не праздны были». Остальные проповеди (всего издано 13 в 1742–1751) носят традиционный нравоучительный характер. Для проповедей К. характерен усложненный синтаксис, украинизмы в лексике. Это отметил *Н. М. Карамзин* в «Пантеоне российских авторов» (1800): «Слог его весьма не чист и темен ко вреду многих хороших мыслей».

После переезда в Петербург К. почти прекратил проповедовать и занимался исключительно делами епархии. Как второй присутствующий в Синоде член К. принимал участие в составлении доклада Елизавете Петровне по поводу «Гимна бороде» (1757) *М. В. Ломоносова*. После того как императрица не утвердила доклад Синода, из синодальных кругов вышел направлен-

ный против Ломоносова и подписанный псевдонимом «Христофор Зубницкий» стихотворный памфлет «Переодетая борода, или Имн пьяной голове» вместе с порочащими Ломоносова письмами. Исследователи не без оснований считали, что за этим псевдонимом скрывался К.

Лит.: *Архангельский М.* Член св. Синода преосв. Сильвестр Кулябка // Странник. 1875. № 1; *Залесский П.* Сильвестр Кулябка, архиеп. Санкт-Петербургский, как духовный писатель // Тр. Киевской дух. академии. 1883. № 9; *Воскресенский Г. А.* Придворная и академическая проповедь в России полтораста лет назад. М., 1894; *Харлампович К. В.* Малорос. влияние на великорус. церковную жизнь. Казань, 1914. Т. 1; *Берков П. Н.* Ломоносов и лит. полемика его времени. М.; Л., 1936.

С. И. Николаев

КУНИН Николай Алексеевич [18 (29) III 1745–28 V (9 VI) 1838, Москва; погребен на Пятницком кладбище]. Переводчик с фр. В 1798 — кол. асессор. В 1796 в Унив. типографии опубликовал две переводные повести: «Жестокая истина, или Неосторожный опыт» (источником, видимо, послужила повесть «Selicourt» Ф.-Т.-М. де Бакюлара д'Арно) и «Обнаженная истина, или Человек в собственном виде». В посвящения книг (А. П. Ставинскому и А. П. Нечаеву) К. включил с незначительными изменениями одно и то же четверостишие.

В 1800 жил в Москве, где вел тяжбу с должниками и кредиторами о довольно значительных денежных суммах (РГИА, ф. 1374, оп. 3, № 1845, 2722).

Лит.: Моск. некрополь. Т. 2 (1908).

К. Ю. Лаппо-Данилевский

КУРАКИН Борис Иванович [20 (30) VI 1676, Москва–17 (28) X 1727, Париж]. Принадлежал к старинному роду Гедиминовичей. Дипломат, т. советник, кавалер ордена св. Андрея Первозванного. С 1683 — спальник при Петре I. С детства служил в потешном полку. В 1691 женился на Е. Ф. Лопухиной, став, т. о., свойственником Петра. Часто помещаемый волей обстоятельств в ближайшее окружение Петра, К. никогда не пользовался его личным расположением: К. не выносил атмосферы петровского двора, был постоянно мрачен, страдал от множества болезней, не имел склонности к военной службе. В 1695–1696 К. ходил в Азовские походы; под Азовом, по его собственным уверениям, получил «гипохондрию и меланхолию». В 1697 с группой дворян был отправлен в Венецию для изучения математики и навигации. Здесь он восстановил здоровье и достиг успеха в науках. К. участвовал во всех крупных сухопутных сражениях Сев. войны. В 1704–1706 лечился в Карлсбаде и Амстердаме. В 1707 К. выполнил свое первое дипломатическое поручение в Италии, в Ватикане, после чего продолжил лечение в Европе. В 1709, вернувшись в Россию, подполковником Семеновского полка участвовал в Полтавской баталии. То ли по наговору, то ли из-за неловких маневров на поле боя К. оказался в крайней немилости у Петра, и его карьера в России стала невозможной. Петр понял настоящее назначение К. и отправил его в Европу, теперь уже навсегда (К. посетил Россию лишь в 1711). С 1709 К. — посол в Ганновере, с 1710 — в Лондоне, с 1711 и до конца жизни он представлял Россию в главном европ. дипломатическом центре того времени — Гааге, при Генеральных Штатах, и одновременно держал резиденцию в Лондоне. С 1722 постоянно курировал посольство в Париже и часто жил здесь. В 1722 в период Перс. похода руководил всеми рус. дипломатическими представительствами в Европе. Выполняя поручения при крупных европ. дворах, К. участвовал во всех значительных политических конгрессах, сопровождал Петра в его выездах за границу, закупал для России корабли, машины, привлекал мастеров, ведал обучением рус. недорослей за границей и т. п. К. хорошо владел европ. языками и стал одним из первых культурных посредников между Россией и Европой.

Сознание исторического значения своего знатного рода и себя как его представителя, обостренное недооценкой старой аристократии со стороны Петра, было для К. существенным стимулом в работе над двумя его важнейшими произведениями — автобиографическими записками и трудом о славяно-русской истории (незавершенным).

Свое жизнеописание, опиравшееся на европ. традицию автобиографий, К. начал составлять в 1705 и довел до 1710. Оно представляет собой летописец, в котором погодные краткие записи о политических событиях, перечни походов и поездок Петра, известия о новых учреждениях и т. п. перемешаны с перечислением семейных событий — браков, рождений, смертей, пожаров. Подробности своей карьеры К. часто скрывает: он делает намеки на «внутренние секреты», для описания своих «афронтов» пользуется ит. языком. Об успехах своих К. почти не упоминает. Главные автобиографические темы К. — душевная тоска, болезни и лечение их. Здесь он позволяет себе развернутые описания с подробностями, часто натуралистическими. Такое построение автобиографии нельзя объяснить только ипохондрией К. Болезни — самое существенное для автора проявление его личности; обеспечивая ему возможность выключаться из потока событий, они в конечном счете становятся для К. формой борьбы за личную независимость.

К 1723 К. задумал «Гисторию о Славяно-российской империи». От грандиозного замысла остались лишь пространные планы, список исторических лиц, которых предполагалось упомянуть в сочинении, и довольно обширный фрагмент под загл. «Гистория о царе Петре Алексеевиче и ближних к нему людях. 1682–1694», имеющий высокую ценность как источник сведений о стрелецких волнениях и первых годах петровского царствования.

Образ Петра еще не вполне определился во фрагменте. Но, повидимому, К. не предполагал давать его царствованию однозначную оценку. Главный акцент сделан в «Гистории» на характерах политических деятелей эпохи. Под характером К. понимал сочетание умственных дарований, склонностей и страстей, часто противоречивое и всегда зависящее от родовитости описываемого персонажа. Характеры во многом определяют ход истории. Так, особенно несчастливым и чреватым тяжкими последствиями К. считал регентство Натальи Кирилловны, которая при большой доброте и доброжелательности была ума «легкого» и к правлению «не капабель». Принадлежа к «низкому и убогому шляхетству», она окружила себя вороватыми и ничтожными родственниками и оттеснила от власти «великие фамилии». Лаконичные портреты Лефорта, «дебошана французского», кн. Б. Голицына, Меншикова, Ромодановского и др. ориентированы на рим. историографическую традицию, вероятно на Тацита. К «римским гисториям» К. отсылает сам, говоря о непомерном преуспеянии Меншикова. В конце фрагмента хронологическая последовательность отсутствует; портреты современников беспорядочно сочетаются с описаниями диких забав, потех и увеселѐний петровской юности.

К. оставил также множество дневниковых и путевых записей, бо́льшая часть которых носит сугубо деловой, дипломатический характер. В раннем дневнике и путевых заметках 1705–1710 К. предстает как типичный путешественник начала петровской эпохи, который, не углубляясь во внутренние особенности европ. жизни, обращает внимание на величину зданий, на роды казней, посещает анатомический театр, дивится многообразию вин, созерцает «скляницы» с младенцами «в спиритусах».

Литературный элемент можно обнаружить в дипломатических бумагах, письмах К. Все эти документы могут служить для исследования эволюции языка петровской эпохи, с годами все более раскрывавшегося для иностранных влияний.

К. безосновательно приписывался «Журнал путешествия по Германии, Голландии и Италии 1697–1699 гг.» (Рус. старина. 1879. Т. 25–26; Вестн. Европы. 1891. № 9).

Издание «Архива кн. Ф. А. Куракина», в котором сосредоточены материалы Б. И. Куракина, не было завершено. Оставшиеся неопубликованными бумаги К. находятся в ГИМ, ф. 3; СПбФ ИРИ РАН, ф. 115; РГАДА (материалы по иностранным сношениям) и др. хранилищах.

Лит.: *Терновский Ф. А.* Семейная хроника и воспоминания кн. Б. И. Куракина // Киевская старина. 1884. № 9, 11, 12; *Семевский М. И.* Село Надеждино и арх. кн. Ф. А. Куракина в 1888–1890 гг. // Рус. старина. 1890. № 10; Арх. кн. Ф. А. Куракина. СПб., 1890–1902. Т. 1–10; *Брикнер А. Г.* Арх. кн. Куракина // Вестн. Европы. 1891. № 9; *Шмурло Е. Ф.* Новый свидетель эпохи преобразований // Журн. М-ва нар. просв. 1891. № 1; *Кедров С.* Русь Петра Великого за границею // Рус. арх. 1903. № 5, 11; 1904. № 6; 1905. № 3; 1906. № 4; 1907. № 6, 7; 1912. № 5; *Юдинцева А. А.* Рус. дипломатия в период Сев. войны (деятельность Б. Куракина): Автореф. дис. . . . канд. ист. наук. М., 1949; *Никифоров Л. А.* Рус.-англ. отношения при Петре I. М., 1950; *Borghese D.* Un ambasciatore di Pietro il Grande in incognito presso la Santa Sede: (Boris Ivanovič Kurakin). Roma, 1961; *Николаева М. В.* К вопросу о формировании стиля рус. повествовательной лит. первой пол. XVIII в. // Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та им. А. И. Герцена. 1963. Т. 114; *Прокофьев Н. И.* О традициях и новаторстве путевых зап. петровского времени // XVIII век. Л., 1974. Сб. 9; *Травников С. Н.* Путевые записки петровского времени. М., 1987.

М. Б. Плюханова

КУРБАТОВ Петр Петрович [1710 или 1711–1786]. Сын дипломата петровской эпохи П. В. Курбатова. В 1727 определен на службу в Иностр. коллегию (РНБ, ф. 73, № 254, л. 2 об.). Служил в посольствах А. Г. Головкина в Берлине, в Париже и Голландии. С 1735 — дворянин посольства. С 1739 — переводчик Секретной экспедиции Иностр. коллегии. С 20 дек. 1768 — ст. советник, с 1776 — д. ст. советник.

Из литературных трудов К. наиболее известен перевод «Велисария» Ж.-Ф. Мармонтеля (1769; 4-е изд. 1796). Кроме того, он перевел «Разговоры Фокионовы о сходности нравоучения с политикою» Г.-Б. Мабли (1772) и два сочинения В. Темпла «О народных недовольствах» и «О здравии и о жизни долголетней», объединенные под назв. «Опыт о народных недовольствах. . .» (1778). Издал также компиляцию из разных иностранных сочинений под назв. «Нрав кардинала Ришелье» (1776). Все переводы К. изданы анонимно; фамилия автора переводов «Велисария» и «Опытов» Темпла указана в «Опыте российской библиографии. . .» В. С. Сопикова (2-е изд. СПб., 1904. Ч. 2. № 2424 и 2084). Окончательная атрибуция на основе материалов СПбФ АРАН принадлежит В. П. Семенникову. В принадлежности К. «Нрава кардинала Ришелье» В. П. Семенников усомнился на том основании, что наряду с «Письмом» переводчика в книге имеется предисловие издателя (т. е. К.), представляющего якобы рукопись неизвестного переводчика. Однако подобный литературный прием в XVIII в. вполне обычен, что позволяет считать переводчика и издателя одним лицом.

Внимание К. привлекали гл. о. сочинения политические, посвященные вопросам о совершенном устройстве общества и разумной деятельности правительства («Опыт о народных недовольствах»), о воспитании гражданских добродетелей («Разговоры Фокионовы. . .»), дающие положительные («Велисарий») или отрицательные («Нрав кардинала Ришелье») примеры государственных деятелей. Стиль переводов К. архаизирован (в меньшей степени это касается «Нрава кардинала Ришелье»).

Сыновья К. — Александр (род. 1752) и Сергей (род. 1753).

Архив П. П. Курбатова (и его отца) хранится в РГБ (ф. 178, Музейное собр., № 10783, № 1–26).

Лит.: Семенников. Мат-лы для словаря (1914).

Н. Н. Зубков

КУРГАНОВ Николай Гаврилович [1725(?), Москва–13 (24) I 1796, Кронштадт]. Сын унтер-офицера Семеновского полка; 7 янв. 1738 поступил в Навигацкую школу в Москве, по окончании которой был в мае 1741 направлен в Петербург для продолжения образования в Морской академии (с 1752 — Морской кадет. корпус). В 1743, будучи еще слушателем, К. был привлечен к преподаванию астрономии, а в следующем году зачислен в класс «Большой астрономии», где занимались по расширенной программе наиболее одаренные слушатели, которых готовили к преподавательской деятельности. Окончив весною 1746 академию, К. был оставлен при ней «подмастерьем» (младшим преподавателем); в Морском кадет. корпусе он прослужил всю жизнь, преподавая «математические и навигацкие науки», а с 1790 также экспериментальную физику. Продвижение его по служебной лестнице было медленным и трудным. Как выходец из недворянской семьи, он был выпущен из академии без офицерского звания и лишь в 1756 произведен в чин подпоручика; в 1764 стал «учителем с чином капитанским», т. е. старшим преподавателем; в дальнейшем промежутки между повышениями были также продолжительными. В 1765 на К. было возложено руководство всеми преподавателями математических наук Морского кадет. корпуса, в 1771 он был назначен инспектором классов. Закончил службу К. в должности профессора высшей математики и навигации (с 1773) и в чине подполковника (с 1791). Среди его учеников были мн. выдающиеся деятели рус. флота: адмиралы Д. Н. Сенявин, Ф. Ф. Ушаков, мореплаватели Ф. Ф. Беллинсгаузен, В. Н. Головин, И. Ф. Крузенштерн и др.

В 1747–1750, параллельно с работою в Морской академии, К. в свободное время занимался астрономическими вычислениями и наблюдениями в обсерватории Академии наук. На этой почве он сблизился с А. Д. Красильниковым, а впосл. и с *М. В. Ломоносовым*. Дважды К. участвовал в географических экспедициях, проводившихся с целью уточнения карт Финского залива и Балтийского моря (июнь 1750–март 1751, июль 1752–июль 1753). В апр. 1760 он был прикомандирован к Академии наук для участия в одной из ее экспедиций по составлению Большого атласа России. Экспедиция не состоялась, а К., пребывая в ее ожидании при Академии до 1 марта 1762, проводил различные астрономические наблюдения, в т. ч. по поручению Ломоносова вместе с Красильниковым наблюдал за прохождением Венеры по диску Солнца 26 мая 1761.

С первых шагов преподавательской деятельности К. для углубления своих профессиональных знаний перевел с фр. языка три книги по геометрии и морскому делу (остались неизданными). В марте 1757 в журнале «Ежемес. соч.» (Ч. 5) был напечатан переведенный им «Разговор между Аристом и Евгеном о море» (ориг. в кн.: *Bouhours D.* Les entretiens d'Ariste et d'Eugène. Paris, 1671). В 1760–1770-е гг. он перевел и издал еще несколько капитальных сочинений по навигации, а также «Элементы геометрии» Евклида. Кроме того, он самостоятельно написал ряд пособий по навигации, морской тактике, приморской фортификации и береговой обороне, первым начал преподавать в Морском кадет. корпусе способ определения географической долготы по лунным расстояниям (1753), первым в России изучил и рекомендовал в практику кораблевождения хронометр (1767). Его учебники по морскому делу ценились за «полное отсутствие педантизма и горячее старание излагать самые сухие вещи общепонятным и приятным для читателя образом» (Ф. Ф. Веселаго в письме к А. И. Кирпичникову). «Универсальная арифметика» (1757; переизд. с изменениями и под разными загл.: 1771, 1776, 1791, 1794) способствовала широкому распространению в России метода преподавания математики, предложенного Л. Эйлером. «Генеральная геометрия» (1765), первый рус. учебник по геометрии и тригонометрии, получила в свое время широкое рас-

пространение, хотя первоначально была предназначена только для Морского кадет. корпуса. Все учебники К. отличались содержательностью, логической стройностью и доходчивостью изложения материала.

Комплексным учебным пособием, литературной хрестоматией и своеобразной энциклопедией популярных знаний была «Российская универсальная грамматика, или Всеобщее письмословие, предлагающее легчайший способ основательного учения русскому языку с седмью присовокуплениями разных учебных и полезнозабавных вещей» (1769). Книга неоднократно переиздавалась под загл. «Письмовник» и под ним вошла в историю рус. культуры. Во 2-е (1777), 4-е (1790) и 5-е (1793) издания К. внес изменения и значительные дополнения; в 8-м (1809) издатели добавили раздел «Неустрашимость духа, геройские подвиги и примерные анекдоты русских и иностранных великих мужей и прочих особ»; 10-е (1831) и последнее, 11-е (1837) издания вышли с цензурными купюрами.

По заявлению самого К. в предисловии, подкрепляемому свидетельством В. Н. Берха, «Письмовник», в первом его варианте, вырос из занятий К. со своими детьми. Основной раздел «Письмовника» — «Грамматика», составленная по «Российской грамматике» М. В. Ломоносова, которая К. «показалась трудною» для детей и которую поэтому он был «принужден <. . .> преобразить, подражая славянским и чужестранным грамматикам, для научения юношества в удобнейшее расположение и объяснение со многим пополнением». В числе «присовокуплений»: первое печатное собрание рус. пословиц (Присовокупление I); 353 «краткие замысловатые повести» — анекдоты, шванки, фацеции, афоризмы и др., переведенные из различных иностранных источников, а также заимствованные из сборника *П. С. Семенова* «Товарищ разумный и замысловатый» (Присовокупление II); учебные «разговоры» — «О любомудрии», «О навигации, или кораблевождении», «О геральдике», «О мифологии» и др. (Присовокупление IV); «Сбор разных стихотворств» — первая печатная антология рус. поэзии, в которую вошли стихотворения М. В. Ломоносова, *А. П. Сумарокова, В. К. Тредиаковского, М. М. Хераскова, А. А. Ржевского, А. И. Дубровского, М. И. Попова* и др., а также первая публикация рус. народных песен (Присовокупление V); «Словотолк русский» – словарь иностранных слов, содержащий также толкования отдельных архаизмов, диалектизмов и др. (Присовокупление VII). В остальные разделы К. включил разнообразные отрывки из нравоучительных сочинений («Древние апофегмы», «Епиктетово нравоучение», «Рассуждение Сенекино о четырех главных добродетелях», «Нравоучительные размышления, взятые из сочинения канцлера графа Оксенстирна» и др.) и научно-популярные статьи («Обстоятельное изъяснение порядка знаний человеческих, или Всеобщий чертеж наук и художеств», «Признаки о будущих погодах», «О состоянии Академической библиотеки и Кунсткамеры», «Наказ врачебный», «Знатные изобретения, с некоторого времени в Европе учиненные», «Краткий повестный летописец» и др.).

«Письмовник» был задуман и составлен как книга, которая должна была приохотить к чтению и заложить основы образования и нравственного воспитания. Переходя постепенно от простого и занимательного, но в то же время поучительного чтения (пословицы, «краткие замысловатые повести», апофегмы) ко все более и более сложным предметам, «Письмовник» вводил читателя в круг передовых естественнонаучных представлений и положений просветительской философии, знакомил с основами различных наук, раскрывал панораму развития человеческой мысли и пропагандировал ее достижения, противостоял обскурантизму, формировал эстетический вкус и приобщал к поэзии в образцах разных жанров. «Письмовник» снабжал читателя материалом для светской беседы и моделями остроумия. Важным его

аспектом была борьба К. за очищение рус. языка от неумеренных иностранных заимствований.

В «Письмовнике» явственно проступает сатирическая струя. Некоторые «повести» имели злободневный характер, высмеивая те же явления, что и сатирические журналы: дворянскую спесь, взяточничество судейских, преклонение перед иностранным, жадность и развращенность священнослужителей и пр. Злободневность ряда повестей усиливалась тем, что при переводе они были приспособлены к условиям рус. действительности. Сатирические выпады содержатся и в др. разделах «Письмовника», в т. ч. в пословицах и примерах, которыми иллюстрируются грамматические правила.

«Письмовник» сыграл значительную роль в истории рус. образованности и культуры. Сочетание в нем достоинств лучших зарубежных пособий для начального образования с традициями массовой рукописной литературы обеспечило ему успех у читателей различных слоев, особенно, разумеется, в низовой, малообразованной среде. Грамматика, а также статьи, касающиеся риторики и поэтики, использовались в качестве пособий в школах. Очень популярна была поэтическая антология, стихотворения из нее переписывались в тетради и альбомы; переписывались также и «краткие замысловатые повести». 155 из них были перепечатаны *М. П. Семеновым* в 3-м издании сборника «Товарищ разумный и замысловатый» (1787. Ч. 3), в их числе и повести, в свое время заимствованные К. из 1-го издания «Товарища. . .» (1764). 16 повестей были перепечатаны в журнале «Прохладные часы» (1793. Ч. 2. Авг.). Обращался к «Письмовнику» *Г. И. Громов*, компилируя сборники «Любовь, книжка золотая» и «Любовники и супруги. . .» (оба — 1798). К нач. XIX в. материал, собранный в «Письмовнике», стал устаревать как в научно-познавательном, так и в эстетическом отношениях. Тем не менее «Письмовник» еще долгое время удовлетворял культурные потребности низового читателя, став по преимуществу книгой «для народа». Однако еще в сер. XIX в., по свидетельству А. И. Кирпичникова, он продолжал занимать почетное место и на книжных полках образованных людей. «Письмовником» и личностью К. интересовался А. С. Пушкин в период работы над «Историей села Горюхина». В. К. Кюхельбекер, познакомившись с «Письмовником» в 1832, признал его «по времени, когда был написан <. . .> очень порядочною, даже хорошею, книгою»; его внимание привлекло собрание пословиц, а также раздел, не принадлежавший К. («Анекдоты русских»). Историко-культурное значение «Письмовника» отмечал В. Г. Белинский. Если в отзывах Пушкина, Кюхельбекера и Белинского сквозила вместе с тем ирония, то А. И. Герцен увидел в «Письмовнике» «блестящего предшественника нравственно-сатирической школы в нашей литературе». Эта интерпретация получила подробное развитие в статье Е. Я. Колбасина. Под этим углом зрения оценивали историческое значение «Письмовника» в рус. литературе советские исследователи (Г. П. Макогоненко, А. П. Денисов).

В сер. XIX в. «Письмовник» оказал определенное влияние на писателей и деятелей болгарского Возрождения (П. Славейков, Неофит Рильский).

Не имеют оснований предположения (М. Искрин) о принадлежности К. двух переводов, подписанных криптонимом «К. Н.» («Примечания достойное предсказание славного Мартына Задеки», 1770; «Гадательный способ», 1778).

Лит.: *Берх В. Н.* Жизнеописание Н. Г. Курганова. СПб., 1829; *Колбасин Е.* Курганов и его «Письмовник» // Б-ка для чтения. 1857. № 1. Отд. 3 (перепеч.: *Колбасин Е.* Лит. деятели прежнего времени: (Мартынов, Курганов и Воейков). СПб., 1859); *Пыпин А.* Допетровское предание в XVIII в. // Вестн. Европы. 1886. Т. 4 (120). № 7; *Кирпичников А. И.* Былые знаменитости рус. лит.: (Курганов и его «Письмовник») // Ист. вестн. 1887. № 9 (перепеч. в кн.: *Кирпичников А. И.* Очерки из истории новой рус.

лит. СПб., 1896; 2-е изд., доп. М., 1903. Т. 1); *Маслова Е. М.* К истории анекдотической лит. XVIII в.: («Товарищ Разумной и Замысловатой», ч. III, Мих. Семенова и «Письмовник» Курганова) // Сб. статей в честь акад. А. И. Соболевского. Л., 1928 (Сб. Отд-ния рус. яз. и словесности; Т. 101. № 3); *Макогоненко Г. П.* Радищев и его время. М., 1956; *Русакиев С.* П. Р. Славейков и руската литература. София, 1956; *Кузнецов П. С.* У истоков рус. грамматической мысли. М., 1958; *Денисов А. П.* Н. Г. Курганов — выдающийся рус. ученый и просветитель XVIII в. Л., 1961; *Хамицаева О. А.*: 1) К вопр. о жанре «Кратких замысловатых повестей» Н. Г. Курганова // Вопр. стиля худож. лит. М., 1964 (Учен. зап. Моск. пед. ин-та им. В. И. Ленина; Т. 231); 2) К вопр. о «Разговорах» Н. Г. Курганова // Вопр. рус. лит. М., 1966 (Учен. зап. Моск. пед. ин-та им. В. И. Ленина; Т. 248) (перепеч. в кн.: Проблемы рус. лит. Ярославль, 1966. [Т.] 1); 3) «Сбор разных стихотворств» Н. Г. Курганова // Проблемы изучения худож. произв. (методология, поэтика, методика): Тез. докл. ... / Моск. пед. ин-т им. В. И. Ленина. [М., 1968]. Ч. 1; *Дылевский Н. М.* «Письмовник» Курганова в Болгарии // Рус. речь. 1971. № 2; *Искрин М.* Кто такой Мартын Задека? // Альм. библиофила. М., 1975. Вып. 2; *Рак В. Д.*: 1) К истории четверостишия, приписанного Пушкину // Временник Пушкинской комис. 1973. Л., 1975; 2) «Присовокупление второе» в «Письмовнике» Н. Г. Курганова // А. Н. Радищев и лит. его времени. Л., 1977 (XVIII век; Сб. 12); 3) «Российская грамматика» Ломоносова и «Письмовник» Н. Г. Курганова // Ломоносов и книга: Сб. науч. тр. Л., 1986; 4) Библиогр. заметки // XVIII век. СПб., 1995. Сб. 19; *Стенник Ю.* «Энциклопедия всякой мудрости» // Белые ночи: Очерки, зарисовки, документы, воспоминания / Сост. И. И. Слобожан. Л., 1975; *Граудина Л. К., Миськевич Г. И.* Теория и практика рус. красноречия. М., 1989.

В. Д. Рак

КУТУЗОВ Алексей Михайлович [1746* или 1747–27 XI (8 XII) 1797, Берлин]. Происходил из дворянской семьи; отец — капитан Преображенского полка. 1 янв. 1762 К. был пожалован в пажи (в список пажей от 22 февр. 1766 включен восемнадцатилетний К. — РГИА, ф. 466, оп. 1, № 106, л. 95). В Пажеском корпусе, так же как и др. ученики, К. принимал участие в составлении «экстрактов» пьес, ставившихся фр. придворной труппой; к 1764–1765 относится его «экстракт» по комедии Ф.-Н. Детуша «Женатый философ». В числе лучших пажей, вместе с *А. Н. Радищевым*, К. был отправлен в Лейпцигский ун-т, куда рус. студенты прибыли 11 февр. 1767. К. слушал в Лейпциге курсы по юридическим, философским и историческим дисциплинам, занимался нем., фр. и лат. языками, музыкой и рисованием. В 1770 К. вместе с Радищевым и А. К. Рубановским прослушал факультативный курс профессора Э. Платнера по математике и психологии. К. принимал участие в протестах рус. студентов против самоуправства гофмейстера Г.-Г. Бокума; в мае 1771 ответил письменным отказом на принуждение слушать лекции консервативного профессора И.-Г. Бёме. Вместе с Радищевым и Рубановским К. вернулся в Петербург в нояб. 1771 и 9 дек. был принят на службу протоколистом 3-го Деп. Сената, где служил в чине титул. советника до 17 мая 1773. Все эти годы К. оставался одним из самых близких друзей Радищева, несмотря на различие их убеждений. 12 июня 1773 К. был зачислен капитаном в Куринский пехотный полк и отправлен за Дунай. В этом же году с корпусом В. В. Долгорукова он принял участие в сражении при Карасу-базаре. С 1774 до ухода в отставку 15 апр. 1783 К. служил в Луганском полку под командованием М. И. Голенищева-Кутузова, передвигаясь с полком по Екатеринославской и Таврической губ.; с 4 июня 1777 — секунд-майор. С 29 дек. 1781 по июль 1782 находился в Москве для «подряда на полк разных вещей».

Здесь К. сблизился с *Н. И. Новиковым, И. П. Тургеневым*, И. Е.

Шварцем и др. деятелями новиковского кружка, не прерывая с ними связи во время службы в армии. Их объединяла не только принадлежность к одной и той же масонской ложе «Астрея», в которую К. вступил еще в 1775, но и общность литературно-просветительских интересов и филантропических устремлений. Письма К. к Тургеневу за 1782–1783 свидетельствуют о тесных контактах К. с новиковским кружком. 14 мая 1782 К. вступил в Вольное рос. собрание при Моск. ун-те. К. состоял членом основанной Новиковым в Москве ложи «Гармония» (1780–1781); при возникновении ордена розенкрейцеров (1782) стал одним из его деятельных членов. Масонское имя К. — Велокс. Следуя совету И. Е. Шварца, хотя и с «великим неудовольствием», 19 дек. 1782 К. подал прошение об отставке, был уволен в чине премьер-майора 15 апр. 1783 и поселился в Москве. Здесь он посвятил себя литературно-переводческой и масонской деятельности. Ему принадлежали в это время имения в Костромском, Камышинском и Вологодском у., в которых было 350 душ мужского пола, а также вотчина в Казанском наместничестве — с. Рожественское Спасской округи (Ревизская сказка 1782 г. — РГАЛИ, ф. 501, оп. 3, № 38). К. был одним из основателей и участником Дружеского учен. о-ва (1782–1785). При организации Типогр. комп. в 1784 К. вложил в это дело все свое состояние и вместе с Новиковым и др. участвовал в управлении ее делами. Известное влияние К. оказал на принятого в общество юного *Н. М. Карамзина*, жившего с К. в одном доме в 1785–1786. Их переписка продолжалась и во время заграничного путешествия Карамзина. В «Письмах русского путешественника» Карамзин неоднократно упоминал К. и привел выдержку из его письма.

В 1780-е гг. усилилось идейное расхождение между К. и Радищевым. Их переписка, возобновившаяся с янв. 1781, не сохранилась, но на ее полемический характер указывают антимасонские высказывания в сочинениях Радищева. Вместе с тем Радищев посвятил К. как своему другу и «сочувственнику» «Житие Федора Васильевича Ушакова» и «Путешествие из Петербурга в Москву». Собственно масонские интересы, в частности увлечение алхимией, отдалили К. от общественно-литературной деятельности. В нач. 1787 он был послан в Берлин по делам ордена розенкрейцеров. Из Берлина К. совершил поездки по городам Европы, в частности был в Париже в разгар революционных событий 1789; позднее в письмах резко отрицательно отзывался о фр. революции и всех «возмутителях». К. тяжело пережил арест Радищева и разгром новиковского кружка. Во время следствия по делу Новикова в числе его «злых товарищей» был назван и К. Лишь пребывание за рубежом спасло его от преследований. В последние годы жизни К. испытывал серьезные материальные затруднения, о чем, в частности, свидетельствует письмо Н. Н. Трубецкого к К. от 20 нояб. 1791 (ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 1392, л. 54–55). В 1795 К. попал в долговую тюрьму в Берлине. 20 янв. 1797 он обратился к Павлу I за помощью и разрешением вернуться в Россию, но полученным разрешением уже не смог воспользоваться, скончавшись «от следствий сильной горячки». Находившийся в Берлине Н. П. Панин (племянник *Н. И. Панина*), взявший на себя заботы о погребении К., свидетельствовал, что «наличными деньгами не имелось у него ни одной копейки» (*Брикнер А.* Мат-лы для жизнеописания Н. П. Панина. СПб., 1890. Ч. 2. С. 254–255).

Для истории рус. литературы главное значение имеет переводческая деятельность К. В нач. 1770-х гг. К. стал одним из сотрудников Собрания, старающегося о переводе иностр. книг и в мае 1773 представил перевод книги «Мечты маршала де Сакса» (не опубл.). В журнале «Утр. свет» (1777–1780) К. поместил прозаические переводы нем. политико-нравоучительного романа Г.-В. Бериша «Путешествие добродетели» и поэмы Э. Юнга «Ночные размышления». В более полном виде оба перевода вышли отдельными изданиями под загл. «Путешествие добродетели»

(1782. Ч. 1–2) и «Плач Эдуарда Юнга» (1785. Ч. 1–2). В. П. Семенников приписывает К. перевод сочинения М. Мендельсона «Федон» (Утр. свет. 1777. Ч. 1. Окт.–нояб.). По предположению Х. Кайперта, К. также принадлежит анонимный прозаический перевод «Имн на правосудие Божие» (Утр. свет. 1778. Ч. 3. Авг.; с пометой: «Переведено из сочинений Юнга»), представляющий в действительности перевод произведения К.-М. Виланда. С ориентацией К. на литературу европ. сентиментализма связаны и переводы для «Моск. ежемес. изд.» (1781) статей Х.-Ф. Геллерта: «Наставление отца сыну» (Ч. 2. Авг.), «Почему нехорошо предузнавать судьбу свою» и «О приятности грусти» (Ч. 3. Сент.–окт.). Последнее сочинение, в котором шла речь о сложности и противоречивости человеческих переживаний, носило программный характер и в переводе К. служило одним из ранних стилистических образцов рус. сентиментализма. Значительным событием литературной жизни было появление в прозаическом переводе К. поэмы Ф.-Г. Клопштока «Мессиада» под назв. «Мессия» (1785–1787. Ч. 1–2; Ч. 1 — с посв. *Екатерине II*). В марте 1786 К. представил в цензуру книгу «Предисловие ко второй части поэмы Мессии», оставшуюся неопубликованной (см.: *Смирнов С.* Цензурная ведомость 1786–1788 гг. // Осмнадцатый век. М., 1868. Кн. 1. С. 430). Карамзин в «Письмах русского путешественника» упомянул о «Мессии» как об одном из достижений отечественной литературы, отметив, что перевод «верен и ясен». В 1780-е гг. К. написал и частично опубликовал ряд масонских сочинений, оригинальных и переводных: «Рассуждение о нарушении порядка» (Магазин свободнокаменщический. 1784. Т. 1, ч. 2), «Речь, говоренная в X степени» (ИРЛИ, 1880/XXVб. 47), книга «Химическая псалтирь Парацельса» Б.-Г. Пено (1784), «Таинство креста Иисуса Христа и членов его» Дузетана (1784; совм. с *М. И. Багрянским*). По предположению С. В. Аржанухина, К. принадлежит также «Рассуждение о повиновении» (Магазин свободнокаменщический. 1784. Т. 1, ч. 2). Совместно с И. П. Тургеневым редактировал переведенную *А. А. Петровым* книгу «Хризомандер» (1783). О произведениях берлинского периода жизни сведений не имеется. В одном из писем 1791 К., однако, вспоминал, что начал «философическое исследование о причинах, приведших в ослабление любовь к отечеству в россиянах, объясненное и доказанное из истории нашего отечества». Несомненное историко-литературное значение имеют его письма 1791–1797, адресованные Н. М. Карамзину, *И. В. Лопухину*, И. П. Тургеневу, Н. Н. Трубецкому, А. А. Плещееву и др. Мн. из них представляют лирические этюды, посвященные анализу сложных душевных переживаний. В целом деятельность К. способствовала становлению рус. сентиментализма.

Архивные материалы о К. хранятся в ИРЛИ (ф. 265), РНБ (ф. 624), РГАДА (ф. 248), РГВИА (ф. 19, ф. 490).

Лит.: Лонгинов. Новиков и мартинисты (1867); *Попов А. Н.* Новые документы по делу Новикова // Сб. имп. Рус. ист. о-ва. СПб., 1868. Т. 2; *Бородулин А. А.* Рус. вольнодумцы в царствование Екатерины II // Рус. старина. 1874. № 1–3; *Милорадович, гр.* Мат-лы для истории Пажеского корпуса 1711–1875. Киев, 1876; *Тарасов Е. И.*: 1) К истории масонства в России: Забытый розенкрейцер А. М. Кутузов // Сб. статей, посв. С. Ф. Платонову. СПб., 1911; 2) Моск. о-во розенкрейцеров // Масонство в его прошлом и настоящем. Пг., 1915. Т. 2 (репринт: М., 1991); Семенников. Собрание, старающееся о переводе книг (1913); *Мияковский В. В.* Годы учения А. Н. Радищева // Голос минувшего. 1914. № 3; Барсков. Переписка масонов (1915); Письма А. М. Кутузова / Публ. Я. Л. Барскова // Рус. ист. журн. 1917. Кн. 1–2; Bakounine. Le répertoire (1940); *Лотман Ю. М.*: 1) Радищев и Кутузов // Радищев: Статьи и мат-лы. Л., 1950; 2) «Сочувственник» А. Н. Радищева А. М. Кутузов и его письма к И. П. Тургеневу / Подгот. текста и примеч. В. В. Фурсенко // Учен. зап. Тарт. ун-та. 1963. Вып. 139. Тр. по рус. и слав. филоло-

гии. Т. 6; *Макогоненко Г. П.* Радищев и его время. М., 1956; *Brang P.*: 1) A. M. Kutuzov als Vermittler des westeuropäischen Sentimentalismus in Russland // Zeitschrift für slavische Philologie. 1962. Bd. 30. H. 1; 2) Nochmals zu «Kutuzovs» «O priyatnosti grusti» // Zeitschrift für slavische Philologie. 1973. Bd. 37, H. 1; *Заборов П. Р.* «Ночные размышления» Юнга в ранних рус. пер. // Рус. лит. XVIII в.: Эпоха классицизма. М.; Л., 1964; *Татаринцев А. Г.*: 1) К вопр. о «философической» переписке А. Н. Радищева с масоном А. М. Кутузовым // Науч. докл. высш. школы. Филол. науки. 1968. № 2 (44); 2) *А. Н. Радищев: Арх. разыскания и находки. Ижевск, 1984; *Кочеткова Н. Д.*: 1) Нем. писатели в журн. Новикова «Утр. свет» // XVIII век. Л., 1976. Сб. 11; The image of Mirabeau in Russian literature of the late 18th and early 19th centuries // Literatures, Lives and Legality in Catherine's Russia. Nottingham, 1994; *Keipert H.*: 1) Eine verkannte Wieland-Übersetzung in Novikovs «Utrennij svet» // Zeitschrift für slavische Philologie. 1981. Bd. 42. H. 2; 2) Alexej Kutuzov und die Aussprache des Deutschen im 18. Jahrhundert // Sprachwissenschaft. 1982. Bd. 7. H. 1; 3) Die russischen Übersetzungen von Wielands «Hymne auf die Gerechtigkeit Gottes» (1778/1796) im Vergleich // Slavistische Studien zum IX Internationalen Slavistenkongress in Kiev 1983. Köln; Wien, 1983; Левин. Восприятие (1990); *Старцев А.* Радищев. Годы испытаний: Очерки. 2-е изд., доп. М., 1990; *Аржанухин С. В.* Филос. взгляды рус. масонства по мат-лам журн. «Магазин свободнокаменщический». Екатеринбург, 1995.

Н. Д. Кочеткова

КЮВИЛЬЕ Петр Иванович. Переводчик 1770-х гг. Издал в переводе с фр. языка анонимные романы «Жанна Гре из тайных записок аглинской истории» (1776) и «Демиза и Евгений, справедливая повесть» (1778). Оба произведения отличались назидательностью и выражали сентименталистское видение мира. К. перевел также с фр. языка труд ит. экономиста, писателя, дипломата аббата Ф. Галиани «Разговоры о хлебном торге» (1776), который впервые был опубликован в Лондоне в 1770 и вызвал своим появлением острую полемику. Сочинение Галиани, касающееся вопросов международной торговли, стоимости товаров, свободы торговли, отвечало потребностям рус. общественной мысли в связи с экономической политикой правительства *Екатерины II*.

К. принадлежит также перевод с фр. языка сочинения хирурга и ветеринара Джона Бартлета (1716—1772) «Полезный дворянам коновал, или Собрание всего того, что славнейшие писатели ни предложили свету наиполезнейшего к сохранению лошадей. . .» (1779). Перевод этой книги на фр. язык (с англ.) был осуществлен Дюпюи Дампортом (1756—1757, Париж), который прибавил к своему полному и точному переводу словарь терминов, относящихся к коневодству.

Лит.: Геннади. Словарь. Т. 2 (1880); Семенников. Собрание, старающееся о переводе книг (1913).

М. В. Разумовская

Л

ЛАБЗИН Александр Федорович [28 IV (9 V) 1766, Москва–26 I (7 II) 1825, Симбирск; похоронен в Покровском м-ре]. Родился в бедной дворянской семье. По собственному свидетельству, «лет шести» начал учиться арифметике и письму у домашнего учителя (Сионский вестн. 1806. Ч. 3. С. 86; 1818. Ч. 7. С. 383–384). В 1776 поступил в Унив. гимназию; в 1777 участвовал «в действии ораторическом обоих гимназий». Был награжден книгами: в 1777 — за успехи в лат. классе, в 1778 — во фр. классе, в 1780 — в тригонометрическом и алгебраическом; весной 1780 был произведен в студенты (Моск. вед. 1777. 7 июля. № 54; 1778. 11 июля. № 55; 1780. 8 июля. № 55. Приб.). Впосл. Л. сообщал, что обучался в университете «латинскому и красноречию, логике, метафизике, экспериментальной физике, гражданской архитектуре, моральной философии, естественному праву, римскому и российскому правам» (РГАДА, ф. 286, кн. 727, л. 49). В университетские годы Л. хорошо познакомился с античной и новейшей европ. литературой. По позднейшему свидетельству Д. П. Рунича, Л. «знал основательно языки латинский, немецкий, французский и английский». Некоторое время Л. увлекался произведениями фр. просветителей, в т. ч. Вольтера, но прослушав курс лекций известного масона И. Е. Шварца (с 17 авг. 1782 по 5 апр. 1783), стал его ревностным приверженцем. Одновременно Л. сблизился с *Н. И. Новиковым*. К 1782 относится и начало выступлений Л. в печати; в числе др. студентов он принял участие в журнале «Веч. заря» (список сотрудников: Ч. 1. Янв.). Здесь (1782. Ч. 2. Июль–авг.) анонимно были опубликованы его сатирические стихотворения, высмеивавшие галломанию: «Быль. Французская лавка» (перепеч.: Собеседник. 1784. Ч. 2; подп. — цифровая криптограмма) и «Французский променад» (отд. изд.: 1791, под назв. «Чертик на дрожках. Новая быль»; в объявл. о продаже (СПб. вед. 1799. 26 авг. № 68) приписано *Д. И. Фонвизину*).

23 апр. 1783 Л. вступил в масонскую ложу. Будучи членом Собрания унив. питомцев, 26 марта 1784 выступал на торжественном заседании, посвященном памяти Шварца. В 1784–1785 сотрудничал в журнале «Покоящийся трудолюбец» и от имени собрания подписал экземпляр журнала, подаренный Новикову. После университета, в 1784, определился в Моск. губ. правление переводчиком, с 1787 в чине кол. секретаря служил в Моск. ун-те переводчиком при конференции.

В это время Л. активно занимался литературной деятельностью. Ко дню восшествия на престол *Екатерины II* (28 июня 1787) Л. написал и поднес «Торжественную песнь Екатерине II <. . .> на прибытие в Москву из предпринятого путешествия в Тавриде. . .» (1787; перепеч.: Утр. часы. 1788. Ч. 1), представлявшую вполне традиционную по форме и содержанию хвалебную оду. 15 янв. 1787 в Петровском театре в Москве состоялась премьера комедии П.-О.-К. Бомарше «Фигарова женитьба» в переводе Л. (объявл. о подписке на изд. и его продаже: Моск. вед. 1787. 3 февр. № 10; 12 июня. № 47). Пьеса «повторена была на театре много раз и завсегда зрителями театр

наполнялся» (Драм. словарь (1787)). Книга вышла в Унив. типографии Новикова «иждивением переводившего». В предисловии Л. возражал критикам, которые считали пьесу «вольной», и обосновывал свои принципы перевода: «старался, сколько мог, не отступать ни в чем от подлинника». По-видимому, при постановках текст пьесы подвергся искажениям, которые Л. исправил в издании: «Изуродованный прежде по некоторому случаю, мой Фигаро теперь от ран своих излечился». К куплетам, завершавшим пьесу, были приложены ноты. Современник счел «напрасным» беспокойство Л. по поводу критики переведенной им пьесы (Драм. словарь (1787)). В том же 1787 в переложении Л. (подп. — «Узнай, кто таков») был напечатан текст оперы Ла Рибадьера «Безрассудная искренность» (в автографе Л. на экз. РГБ указано, что опера «переложена Александром Лабзиным в 1781 году»). В предисловии «К читателю», подчеркивая отличие переложения от перевода, Л. писал: «Я не обязываюсь точным переводом, но беру вольность переменять, что мне заблагорассудится»; в частности, имена действующих лиц и «многие их речи» были в опере изменены «по пристойности». Л. широко использовал разговорные и просторечные формы: «спроворил», «калякать», «подкуликать» и т. п. В 1788 Л. издал перевод драмы Л.-С. Мерсье «Судья». В предисловии (подписанном Л.) он обращал внимание на просветительский характер пьесы: «Долг есть ученых людей, особливо писателей, стараться оживлять нравственность, подавать правила и таким образом утверждать основания общества, в котором они живут», говорил о своем стремлении «подойти ближе к вероятности, чтобы перевод сей походил как бы на русское сочинение». В целях русификации один из персонажей Мерсье был превращен у Л. в однодворца, действующие лица получили рус. имена и фамилии и т. д. Вместе с *В. М. Протопоповым* и *П. А. Сохацким* Л. принял участие в «Собрании песней и стихов . . .» (1790), приуроченном ко дню основания Собрания унив. питомцев. О близком общении Л. с Протопоповым свидетельствуют написанные последним в 1787 «Стихи на день именин А. Ф. Л<абзина>». 6 дек. 1789 по предложению *Ф. П. Ключарева* Л. перешел на службу в секретную экспедицию СПб. почтамта, где осуществлял цензуру над иностранными газетами и частными письмами. Преследования масонов не коснулись Л., и он успешно продвигался по службе: с 1795 — надв. советник, с 1797 — кол. советник. 15 окт. 1794 Л. женился на вдове А. Е. Карамышевой (урожд. Яковлевой), впосл. принимавшей большое участие в масонских делах мужа. В сент. 1798 *Е. Ф. Лифанов* подал в московскую цензуру и «принял обратно» переведенную Л. с фр. оперу «Ричард Львиное сердце, король аглинский» (Рогожин. Дела моск. цензуры. Вып. 2. (1922). С. 46; сведений о публикации и постановках нет). 17 апр. 1799 Л. был переведен в Иностр. коллегию с чином ст. советника; 6 сент. 1799 параллельно назначен конференц-секретарем Академии художеств и деятельно занялся в ней административной и педагогической работой. Из письма Д. Г. Левицкого (между 1799 и 1807) к Л. (они были связаны масонскими интересами) известно, что Л. предлагал ему место инспектора Академии художеств (см.: Худож. сокровища России. 1907. № 4). Некоторые речи Л., произнесенные им на торжественных собраниях Академии художеств, печатались отдельным изданием (1802), в «Моск. вед.» (1803, 1805, 1806) и «Сев. вестн.» (1804. № 3). Для учеников Академии художеств он устраивал беседы и спектакли, писал небольшие пьесы в стихах, сам участвовал в постановках. Так, известна постановка пьесы А. Коцебу «Сын любви». По воспоминаниям воспитанницы Л., С. А. Лайкевич (урожд. Мудровой), у Лабзиных устраивались «домашние театры», для которых Л. писал стихи (ею же приводятся некоторые тексты). По свидетельствам мн. современников, Л. отличался остроумием и склонностью к стихотворным экспромтам. О литературной деятельности Л. в 1790-е гг. вполне достоверных сведений нет (соображения А. Н. Не-

устроева об участии Л. в журналах «Чтение для вкуса» (1793) и «Приятное и полезное» (1794–1795) (подп. — «Л. . .н., А.» и «Л.н., А.») оспорены Б. Л. Модзалевским).

Павел I поручил Л. и А. Вахрушеву составить историю Мальтийского ордена. Пятитомный труд «История ордена святого Иоанна Иерусалимского» (частично перевод Р.-О. Верто д'Обефа, частично оригинальное сочинение Л.) был издан в 1799–1801 (с посв. Павлу I, датированным 24 июня 1799); 1 янв. 1801 Л. получил звание историографа ордена. 15 янв. 1800 Л. открыл масонскую ложу «Умирающий Сфинкс» (просуществовала до 1822). В ней участвовали Н. И. Новиков, *Х. А. Чеботарев*, *Г. П. Гагарин*, О. А. Поздеев, М. Я. Мудров, Д. П. Рунич, А. А. Вахрушев, П. Беляев, отец декабриста, и мн. др. Л. всецело подчинил ложу своему влиянию, он выступал с речами и наставлениями, вел обширную переписку, организовывал сборы средств для неимущих. В 1809 он основал еще одну ложу, связанную с розенкрейцерством. Особенно большое значение в 1800–1810 гг. Л. придавал изданию и распространению книг мистического содержания: переводил сочинения К. Эккартсгаузена, И.-Г. Юнга-Штиллинга, Я. Бёме и др. (перечень см. у Б. Л. Модзалевского; мн. из переводов подписаны «У. М.», т. е. «ученик мудрости»). Наибольший литературный интерес из трудов Л. этого времени представляют его вольные стихотворные переводы Ж. Делиля: «Бессмертие. Подражание г. Делилю» (Вестн. Европы. 1802. № 23) и «Дифирамб на бессмертие души» (СПб., 1804; с посв. Александру I). В 1797–1804 Л. вел регулярную переписку с Новиковым, имевшую самый дружеский характер: по словам Новикова, письма Л. были для него «утешением и отрадою». Позднее их отношения стали более далекими, как свидетельствует письмо Новикова к Л. от 1816. 26 окт. 1804 Л. назначили директором Деп. военно-морских сил, а 4 апр. 1805 — членом Адмиралтейского деп. В 1806 он издавал журнал «Сионский вестн.», в котором печатались сочинения религиозного и духовно-нравственного содержания (большей частью самого издателя, под некоторыми из них подп. — «Феопемт Мисаилов», т. е. «Посланный Богом»). Здесь были опубликованы сочинения Г. С. Сковороды, масонские труды Н. В. Репнина и *И. В. Лопухина*. Л. решительно выступал против неверия, порицал энциклопедистов, но выражал также скептическое отношение к обрядовой стороне церкви и даже осмеивал современное монашество, высказывался в пользу веротерпимости. Лопухин называл «Сионский вестн.» «очень хорошим журналом» (Рус. арх. 1870. № 3. С. 620). Издание приобрело широкую популярность и вместе с тем навлекло на себя подозрения духовной цензуры; в сент. 1806 Л. вынужден был прекратить издание. Л. принимал участие в литературных вечерах у А. С. Шишкова и *А. С. Хвостова*, а в 1811 стал членом Беседы любителей рус. слова, войдя во II разряд, возглавлявшийся *Г. Р. Державиным*. Присутствуя на вечере 4 мая 1807, когда И. А. Крылов читал комедию «Урок дочкам», Л. очень хвалил пьесу. В 1807–1808 «под наблюдением» Л. выходило собрание сочинений Державина, в связи с чем Державин посвятил Л. стихотворение «Издателю моих песней» (1808). С. Т. Аксаков, познакомившийся с Л. в 1808, назвал его «умнейшим и просвещеннейшим» человеком, но вместе с тем был поражен его «деспотической духовной силой». Он «был среднего роста и крепкого сложения, — сообщает Аксаков, — выразительные черты лица, орлиный взгляд темных, глубокознаменательных глаз и голос, в котором слышна была привычка повелевать». По свидетельству Ф. Г. Солнцева, Л. «с низшими себя, даже с учениками, обходился вежливо, ласково; но всех поставленных выше его терпеть не мог и потому держал себя с такими лицами грубо». Как передает А. П. Беляев, Л. говорил о себе: «Если бы не вера <. . .> то я был бы подобен сатане». О свойственном ему самолюбии и чванливости писал М. М. Сперанский (Рус. арх. 1871. № 3. С. 437–438). О «гордом характере» и «излишнем самолюбии» Л. упо-

минает А. Л. Витберг, отмечавший также присущий ему «превосходный дар слова» и его умение «одушевлять всякую беседу»; это же засвидетельствовано в воспоминаниях В. И. Панаева. Во время войны 1812 Л. оставался в Петербурге и издал книгу «Обстоятельное известие о чудесном спасении вдовы генерал-майорши Н. М.» (Н. Ф. Микулиной, сестры Л.), захваченной в Москве фр. армией и бежавшей оттуда в Петербург. В четверостишии «Дунул ветр бурный. . .», используя подобно Державину игру слов («на поле он», «Бог рати он»), Л. восхвалял победу Багратиона над Наполеоном (Рус. арх. 1880. № 2). В 1810-е гг. Л. принимал некоторое участие в журналах «Сын отеч.» и «Благонамеренный». В 1812 Л. вступил во вновь образованное Рус. библейское о-во, вскоре стал одним из его секретарей, затем членом комитета и директором, возглавив также комитет печатных дел общества. Покровительство Л. оказывают Александр I, обер-прокурор Синода и президент общества А. Н. Голицын. В кон. дек. 1816 Л. получил разрешение и высочайшую субсидию на возобновление «Сионского вестн.» (с апр. 1817). На журнал подписывались крупные сановники, духовные лица, учебные заведения, множество читателей из разных городов России, однако он продолжал вызывать подозрения мн. церковных деятелей, считавших, что, проповедуя идею внутренней церкви (непосредственного общения с Богом), Л. подрывает авторитет церкви официальной. Л. обвиняли и в посягательстве на «священность земной власти» (Рус. старина. 1895. № 1. С. 68). Позднее *М. Л. Магницкий* в своих доносах называл «Сионский вестн.» «журналом совершенно иллюминатским» (Рус. старина. 1899. № 2. С. 296). В апр. 1817 Л. жаловался на притеснения цензуры (см.: Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 212); а в июне 1818 было решено подчинить журнал Л. духовной цензуре, в связи с чем Л. обратился с протестом к А. Н. Голицыну, но безуспешно, и с июля 1818 прекратил свое издание. 12 янв. 1818 Л. был назначен президентом Академии художеств. Цензурные преследования и материальные затруднения, связанные с прекращением журнала, отразились на здоровье Л.: у него начались приступы эпилепсии. Март—сент. 1819 он провел у минеральных источников в с. Рай-Семеновское Московской губ., в сент. 1819 возвратился в Петербург, где продолжал издание сочинений духовного содержания. Деятельность его, однако, вызвала сильное противодействие архимандрита Фотия, который считал особенно опасным, что «книги сочинения его почти все ученые читали с удовольствием, в семинарии выписывали, хвалами превозносили его, яко учителя веры. <. . .> Сему идолу кланялось начальство Санкт-Петербургской духовной академии, и Синод его чтил» (Рус. арх. 1873. № 8. Стб. 1436—1437). Сам Фотий был на стороне тех, кто говорил о Л.: «Апостол и пророк сатанин» (Рус. старина. 1894. № 7. С. 215). В. П. Кочубей считал, что Л. «еще опаснее Новикова». Развязка наступила в сент. 1822, когда при избрании в почетные любители Академии художеств А. А. Аракчеева, Д. А. Гурьева и В. П. Кочубея, поскольку они «близки к государю», Л. выступил резко против, заявив, что на этом основании можно выбрать и еще более близкого к императору лейб-кучера Илью. О происшедшем М. А. Милорадович сообщил Александру I, находившемуся в Вероне. По его указу 20 окт. 1822 Л. был уволен в отставку и в два дня выслан из Петербурга в город Сенгилей Симбирской губ. Эта суровая кара вызвала к Л. общественное сочувствие (мн. друзья и знакомые, в т. ч. А. Н. Оленин, оказали семейству Л. денежную помощь). Проезжая через Москву, Лабзины останавливались у врача М. Я. Мудрова, во Владимире жили у *Д. И. Дмитревского*, 12 дек. прибыли через Симбирск в Сенгилей, где им помог устроиться П. П. Тургенев (брат *И. П. Тургенева*). В результате хлопот сестры в мае 1823 Л. была назначена пенсия и разрешено переселиться в Симбирск. В ссылке Л. вел обширную переписку. Стихотворение «К жене моей», написанное в нояб. 1823, содержит призывы к твердости и терпению.

Лето 1824 Л. провел в селе Ивашевых Ундеры, где лечился минеральными водами, осенью вернулся в Симбирск. Л. пользовался высоким авторитетом у ряда литературных деятелей нач. XIX в.; М. А. Дмитриев написал стихи для его надгробия. Но мистицизм Л. вызывал ироническое отношение П. А. Вяземского, А. И. Тургенева и др. (см.: Остафьевский арх. СПб., 1899. Т. 1. С. 63, 107). Некоторые идеи Л. привлекли внимание Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского. Имя Л. встречается в набросках Л. Н. Толстого к роману «Декабристы». По завещанию Л. его бумаги перешли к М. Я. Мудрову, затем к И. Е. Великопольскому. В. И. Панаев упоминает, что у его отца, И. И. Панаева, хранилось много писем Л. за подписью «Безъеров»: «Он нигде еров не ставил». «В письмах этих, — свидетельствует мемуарист, — замечательных по прекрасному изложению, он постоянно сообщал отцу моему о современном ходе французской революции». Частично сохранившиеся документы из архива Л. (письма, деловые бумаги, списки его сочинений) хранятся в РГБ, РНБ, ИРЛИ. Портрет Л. работы В. Л. Боровиковского находится в Гос. Третьяковской галерее.

Лит.: *Полторацкий С.* Мат-лы для словаря рус. писателей // Рус. вестн. 1858. № 11, кн. 2; Державин Г.Р. Соч. (1864–1883). Т. 2, 3, 6, 8 (1865–1880); *Бессонов П. А.* Ф. Лабзин: (Лит.-биогр. очерк) // Рус. арх. 1866. № 6; *Дмитриев М. А.* Воспоминания о Лабзине. — «К жене моей» (Неизд. стихотворение Лабзина) // Там же; Лонгинов. Новиков и мартинисты (1867); *Панаев В. И.* Воспоминания // Вестн. Европы. 1867. Т. 3; *Витберг А. Л.* Зап. // Рус. старина. 1872. № 2, 4; *Галахов А. Д.* Обзор мистической лит. в царствование имп. Александра I // Журн. М-ва нар. просв. 1875. № 11. Отд. 2; *Солнцев Ф. Г.* Моя жизнь и худож.-археол. тр. // Рус. старина. 1876. № 1; *Беляев А. П.* Воспоминания о пережитом и перечувствованном с 1803 г. // Рус. старина. 1880. № 9; *Вигель Ф. Ф.* Зап. М., 1892. Ч. 3–4; *Примо Г. Г.* А. Ф. Лабзин и его ссылка: (Письма Лабзина к З. Я. Карнееву и его переписка с кн. А. Н. Голицыным) // Рус. арх. 1892. № 12; *Дубровин Н. Ф.* Наши мистики-сектанты: (А. Ф. Лабзин и его журн. «Сионский вестн.») // Рус. старина. 1894. № 9–12; 1895. № 1–2; *Пыпин А. Н.* Обществ. движение в России при Александре I. 3-е изд. СПб., 1900; *Лунин Д. П.* Зап. // Рус. старина. 1901. № 3–4; *Лайкевич С. А.* Воспоминания. СПб., 1905; *Соколовская Т.*: 1) Рус. масонство и его значение в истории обществ. движения. СПб., [1908]; 2) Возрождение масонства при Александре I // Масонство в его прошлом и настоящем. М., 1915. Т. 2 (репринт: М., 1991); *Державин Н. А.* «Ученик мудрости»: (А. Ф. Лабзин и его лит. деятельность) // Ист. вестн. 1912. № 7; *Модзалевский Б. Л.*: 1) К биографии Новикова: Письма его к Лабзину // Библиограф. 1913. № 3–4 (отд. изд.: СПб., 1913); 2) *Модзалевский Б. Л.* Лабзин А. Ф. // Рус. биогр. словарь. Т. «Лабзина–Лященко» (1914); *Лабзина А. Б.* Воспоминания. СПб., 1914 (также: История жизни благородной женщины. М., 1996); *Семенников В. П.* Фонвизин и два стихотворения «Чертик на дрожках» и «Матюшка-разносчик» // Рус. библиофил. 1914. № 4 (отд. изд.: СПб., 1914); Вернадский. Рус. масонство (1917); Bakounine. Le répertoire (1940); *Аксаков С. Т.* Встреча с мартинистами // Собр. соч.: В 4 т. М., 1955. Т. 2; Жихарев. Зап. (1955); *Ермакова-Битнер Г. В.* Примеч. // Поэты-сатирики (1959); *Алексеева Т. В.* Владимир Лукич Боровиковский и рус. культура на рубеже 18–19 вв. М., 1975; *Ельницкая Т. М.* Составитель Драм. словаря 1787 г. // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник 1976. М., 1977; Пьер Огюстен Карон де Бомарше: Библиогр. указ. М., 1980; *Заборов П. Р.* Театр Л.-С. Мерсье в России // Рус. культура XVIII в. и западноевроп. литературы. Л., 1980; *Рак В. Д.* Переводческая деятельность И. Г. Рахманинова и журн. «Утр. часы» // Там же; Письма Н. И. Новикова. СПб., 1994; *Аржанухин С. В.* Филос. взгляды рус. масонства: по мат-лам журн. «Магазин свободнокаменщический». Екатеринбург, 1995; История рус. переводной худож. лит. Древняя Русь. XVIII век.

СПб., 1996. Т. 2. Драматургия. Поэзия; *Etkind A.* «Умирающий Сфинкс»: круг Голицына–Лабзина и петербургский период рус. мистической традиции // Studia slavica finlandensia. Helsinki, 1996. Т. 12.

Н. Д. Кочеткова

ЛАВРЕНТИЙ (Горка) см. Горка А.

ЛАГОВ Стефан (в монашестве — Симон) [род. в Вологде, ум. 17 (29) I 1804]. Первоначальное образование получил в доме епископа Вологодского Амвросия. В 1740 переехал в Новгород, где закончил семинарию и начал там преподавать, но вскоре был переведен в Москву в Славяно-греко-лат. академию преподавателем пиитики. В 1755 вновь вызван в Новгородскую дух. семинарию, где определен учителем философии. В 1758 постригся в монахи. В том же году произведен в иеромонахи и назначен префектом и учителем богословия. В 1759 посвящен в архимандриты Новгородского Антониева монастыря, совмещая эту должность с ректорством в Новгородской дух. семинарии. В 1761 переведен в Кирилло-Белозерский монастырь и произведен в члены Синода. В 1770 Л. — епископ Костромской. С 1778 до конца жизни — архиепископ Рязанский. Л. занимался исправлением подготовленного синодальными служащими перевода «Бесед» Иоанна Златоуста (1767. Ч. 1–2).

Л. был признанным проповедником. Мн. из произнесенных им проповедей и поучений были опубликованы: «Описание порядка празднования в Костроме о заключении мира с турками в 1774 г.» (1776); «Поучения, сказанные им в Костроме в 1775 и 1776 гг.» (1776); «Собрание слов, речей и поучений, говоренных в Рязани» (1779); «Второе собрание слов и поучений, говоренных в Рязани с 1779 г.» (1781); «Историческое уведомление о пасхальном искусстве» (1799). Под его руководством и при его непосредственном участии в Рязанской дух. семинарии составлено «Наставление правильно состязаться с раскольниками» (1807; 1815; 1825).

Г. Н. Моисеева

ЛАДЫЖЕНСКИЙ Николай Алексеевич [8 (19) X 1783–после 1832]. Переводчик с фр. Поместил в журнале «Иппокрена» (1799. Ч. 3–4; подп. — «Ник. Лджнский», «Л. д. жнский Ник.» и др.) несколько прозаических переводов с фр. из книги Л.-Ф. Жоффре «Les charmes de l'enfance et les plaisirs de l'amour maternel», проникнутой идиллическими мотивами. Напечатал также вост. нравоучительную повесть «Задиб и Тимур», очевидно переводную (Иппокрена. 1799. Ч. 3; подп. — «Н. . .-й Ладыж.»). Л., по-видимому, принадлежит и перевод с фр. этюда «Колыбель» (Там же. 1801. Ч. 2; подп. — «Н. Л.»), а также перевод с фр. статьи «Уединение» (Новости рус. лит. 1803. Ч. 6: подп. — «Ни-й Ла-й») и прозаический этюд «Воспоминание о друге» (Там же. 1804. Ч. 9; подп. — «Н. Л-ской»).

Биографические сведения о Л. можно указать лишь предположительно. Скорее всего, это сын Алексея Федоровича Ладыженского (ум. 18 II 1817), одного из основателей Типогр. комп., масона, соседа по имению *Н. И. Новикова*. Служил по ведомству Коллегии иностр. дел. В 1808 вышел в отставку.

Лит.: Письма Н. И. Новикова. СПб., 1994.

Н. Д. Кочеткова

ЛАЗАРЕВИЧ Василий Васильевич [1758–27 XI (9 XII) 1838, Москва; похоронен на Ваганьковском кладбище]. Происходил из дворян Новгород-Северской губ. Образование получил в Моск. ун-те. В 1777 начал службу в Петербурге прапорщиком; затем, вероятно, был преподавателем Арт. и инж. корпуса, в типографии которого и печатал свои сочинения. Позднее служил при канцелярии *И. П. Елагина*. В сер. 1780-х гг. Л. перевелся в Моск. казначейство камериром (бухгалтером). В 1796–1797 вышел в отставку с чином кол. советника.

Л. выступил в печати в 1780 под криптонимом «В. Л.» с трагедией

«Траян и Лида» (приписывалась также *В. А. Левшину*; в 1787 переиздана в части 7 «Рос. феатра») на сюжет из римской истории, но по существу являвшейся подражанием «Синаву и Трувору» *А. П. Сумарокова*. В том же году появились оды Л., обращенные к Г. А. Потемкину и А. М. Голицыну, и подносные стихи А. П. Демидову. С мая по окт. 1780 Л. издавал еженедельный журнал «Что-нибудь» (вышло 26 номеров, переизд. целиком в 1782). Разнообразный по жанровому составу, он, видимо, полностью состоял из произведений Л., т. к. др. авторы не установлены. Среди прочего Л. опубликовал два перевода из Вольтера — «Речь первая на человека о равенстве человеческом» и «Речь о вольности». В журнале печатались эклоги, элегии, оды, песни, эпиграммы, комедии, повести, статьи, «ведомости», «рецепты», «подряды», анекдоты, перевод комедии Н.-С. Шамфора «Смирнинский купец» (посв. купцу М. С. Голикову, материальной поддержкой которого, вероятно, Л. пользовался). Статья «Критика» — едва ли не первое в рус. литературе печатное теоретическое рассуждение о критике («Критику можно уподобить зеркалу, которое показывает нас в том самом виде, который мы имеем <. . .> подобно и критика должна показывать нам то, что в сочинении хорошо и что недостаточно. . .»). Л. принадлежит и одна из ранних сентиментальных повестей на тему рус. средневековья из эпохи Владимира Крестителя «Гонима, или Опыт добродетели» (отд. изд. под загл. «Добродетельная Розана», с посв. И. П. Елагину в знак оказанных автору «бесчисленных милостей», 1782). В 1780 Л. опубликовал перевод с нем. языка «Путешествие и примечания достойные приключения двух в алжирское невольничество попавших братьев. . .» Б. Кеберлина.

«Траян и Лида» Л. была встречена неодобрительной рецензией: «Слог и мысли его <автора трагедии> отменны от известных нам театральных сочинений, действующие в его трагедии лица изъясняются мудрено, выражения их нам больше странными, нежели театральными, кажутся. . .» (СПб. вестн. 1789. № 10) — и насмешливыми отзывами современников, что, видимо, обусловило отход Л. от литературной деятельности. Из позднейших его произведений известна лишь ода на приезд *Екатерины II* в Москву (1787).

Лит.: *Пухов В.* Загадочный В. Л. // В мире книг. 1978. № 2.

В. В. Пухов

ЛАЗИНСКИЙ Федор. В 1769 сотрудничал в журнале «Ни то ни сио», где были напечатаны два его перевода с нем. языка: «Омар, восточная повесть» (23 мая. Л. 13. С. 97–103; англ. ориг. без назв.: The Idler. 1760. 22 March. N 101, автор — С. Джонсон) и рассказ Ж.-Ф. де Сен-Ламбера «Великодушие дикого человека» (30 мая. Л. 14. С. 105–108; первая публ. фр. ориг. под загл. «Aventure d'un jeune officier anglois chez les sauvages Abenakis», в дальнейшем печатался под загл. «L'Abenaki»). Служил в Сенате подканцеляристом (начальная дата службы не установлена) и решением от 6 июля 1772 был определен «в архивариусы в рассуждении, что должность сия требует людей рачительных и исправных для ободрения с чинами коллежских регистраторов» (РГАДА, ф. 286, кн. 573, л. 319 об., 323). По какой-то причине в короткое время был переведен секретарем в Витебскую провинцию Псковской губ., где, согласно рапорту в Герольдию от 19 мая 1774, «будучи при делах губернской канцелярии, утратил из казенной суммы несколько денег <. . .> вследствие чего по взыскании как с него, так и с виновных денег из губернии <был> исключен и с пашпортом отпущен в дом его» с сохранением чина (РГАДА, ф. 286, кн. 586, л. 873–874; кн. 588, л. 255 об.). Впосл. Л. служил в чине секретаря стряпчим уездного суда в г. Медынске Калужского наместничества (см.: Месяцеслов <. . .> за 1778 год. С. 267) и уездным стряпчим нижнего земского суда в г. Боровске того же наместничества (см.: Месяцеслов <. . .> за 1779 год. С. 239; Месяцеслов <. . .> за 1780 год. С. 237). Сведений о последующей службе не выявлено; предположи-

тельно он был уволен или вышел в отставку и обосновался в Орловской губ., где в нач. XIX в. проживала в с. Девяти Дубов Карачевского у. его вдова и где были внесены в дворянскую родословную книгу его сын (РГИА, ф. 1343, оп. 24, № 340), а позднее внук с детьми (см.: Алфавитный указатель <. . .> дворянских родов, внесенных в дворянскую родословную книгу Орловской губернии. . . [Орел, 1900]).

В 1780-х гг., после большого перерыва, Л. вернулся к литературным занятиям. Он перевел с нем. языка и напечатал двумя небольшими сборниками («Повести. . .», 1783; «Повести. . .», 1784) несколько рассказов из кн.: Historie der Sultanin aus Persien und ihrer Veziere <. . .> in türkischer Sprache verfasset von Chec-Zadé: [Aus dem Franz.]. Leipzig, 1738 (или переизд.) (араб. ориг. «Сорок утр и вечеров» утрачен, на фр. язык было переведено с тур. пер. «Сорок визирей»). Затем вышла «Повесть дворянина T. L. Орлеанской провинции, писанная им самим о жизни деда, отца и своей» (М., 1786—1787. Ч. 1—4). Обозначенное на тит. листе как перевод с нем. языка, выполненный в Орле, это произведение является, несомненно, оригинальным сочинением самого Л., о чем свидетельствует полное отсутствие каких-либо специфических западноевроп. реалий и, в противоположность, наличие реалий рус. (напр., советы об организации труда крепостных — Ч. 1. С. 23—25, 34—37). Лат. инициалы в загл. обозначают имя и фамилию автора — Theodor Lasinsky, «Орлеанская провинция» подразумевает Орловское наместничество, а сама книга представляет любопытный образец рус. низовой мемуарной литературы XVIII в. Судьбы и злоключения персонажей воспроизводят с немалою, по-видимому, достоверностью основные вехи и события жизни реальных лиц, указанных в загл.; ряд исторических и географических реалий прозрачно зашифрован литерами (напр.: «государствованием А. . . I. . .» названо царствование Анны Иоанновны, «провинцией К.», куда поступает в службу герой, — Калужское наместничество и т. п.), и если некоторые не могут быть раскрыты, то лишь вследствие недостатка биографических подробностей о Л. Повествователь безыскусно рассказывает о запомнившихся и представляющихся ему яркими эпизодах неодинаковой значимости, не умея отделить существенное от малозначительного. Попутно излагаются всевозможные происшествия с др. лицами, приводятся поучения о ведении хозяйства, экзотический медицинский рецепт, наставления отца сыну и пр. разнородный материал, почерпнутый как из бытовых, устных, так и литературных источников. Эта пестрая и хаотически скомпонованная смесь порождена неумелой ориентацией на жанры с авантюрным сюжетом и обязательными вставными новеллами. Подлинные биографические факты сплетаются с вымыслом, не всегда с достаточной уверенностью распознаваемым даже посредством литературоведческого анализа, хотя во многих случаях и бесспорно выделяемым с его помощью. В частности, нет определенности в отношении ряда эпизодов, выдаваемых за действительные происшествия, случившиеся с персонажами «Повести», их знакомыми или в близлежащей местности, напр. рассказы о собаке, изобличившей убийцу (Ч. 1. С. 37—39), о служебной поездке автора в сопровождении переодетой мужчиною любовницы, по пути заболевшей, оставленной на попечение некоего старика и умершей, не дождавшись возвращения своего спутника (Ч. 2. С. 107—111). Очень вероятно наличие литературного источника у извлеченных якобы из фамильных бумаг Лазинских завещания деда и письма отчаявшегося беспутного сына (Ч. 1. С. 16—23), тем более что во втором из этих вызывающих сомнение документов приводится притча об усердном пахаре (Ч. 1. С. 19—20), представляющая вариант древнего международного сюжета «Куда тратятся деньги» (см.: Сравнительный указатель сюжетов: Восточнослав. сказка / Сост. Л. Г. Бараг и др. Л., 1979. № 921А и 921А**). Не вызывает сомнения литературный генезис рассказа автора о том, как его пронес в мешке в комнату полюбившейся ему де-

вушки подкупленный им купец (Ч. 2. С. 90–93). Излагаемое отцом накануне его женитьбы «случившееся в <его> маленькую жизнь приключение» (Ч. 2. С. 59–66) представляет подборку нескольких литературных или фольклорных и, возможно, житейских историй о супружеских изменах и раздорах. На литературных и сказочных мотивах построен рассказ приятеля автора о своих странствиях и выпавших на его долю поворотах судьбы (Ч. 3. С. 14–30). Жизненные неудачи Л., как служебные, так и семейные, сообщили ему мрачное мироощущение, выражающееся, между прочим, в пристрастии к разного рода повествованиям о несчастиях, претерпеваемых и стойко переносимых людьми, и счастливом их исходе; в этих произведениях он находил духовную опору, убеждаясь, что его случай не исключительный, и проникаясь надеждой на будущее благополучие. К числу таких историй относятся: притча о разорившемся купеческом сыне, которому свалилось с дерева оставленное отцом богатство в тот самый момент, когда он готовился повеситься на суку (Ч. 1. С. 54–55); очищенный от мотивов христианского мученичества пересказ жития Евстафия Плакиды (Ч. 3. С. 33–49), которое было широко известно по различным печатным и рукописным источникам (Минеи, «Пролог», «Римские деяния», «Великое зерцало»); древнеевр. притча о неисповедимом суде господнем (Ч. 4. С. 64–66), которая могла стать известна Л., напр., по стихотворению «Судьба» Х.-Ф. Геллерта, сюжет которого заимствован у Дж. Аддисона (The Spectator. 1711. Dec. 1. N 237). Подборка рассказов на подобные сюжеты, композиционно вставленных один в другой, составляет основное содержание ч. 4 «Повести».

В ч. 2 (с. 85) приведен анекдот, ранее напечатанный в переводе с нем. языка в журнале «Ни то ни сио» (1769. 25 апр. Л. 9. С. 70–71); текстуальные совпадения дают основание поставить вопрос о принадлежности Л. этого неподписанного журнального перевода.

В. Д. Рак

ЛАНСКОЙ Дмитрий Сергеевич [1767–21 X (2 XI) 1833 или 19 (31) VII 1834, Петербург]. Происходил из небогатой дворянской семьи. Первоначально состоял в военной службе, участвовал во второй рус.-тур. войне, в 1795 вышел в отставку «с награждением чином полковника» и определен в гражданскую службу «экономии директором» в Саратовскую губ., в 1797 — прокурором в Вологодскую губ.; с 1800 — член Гл. почтового правления. В 1802–1811 был виленским, затем московским, а позднее киевским гражданским губернатором; с 1811 — сенатор; в 1813–1819 управлял Деп. гос. имуществ; в 1826 в чине т. советника уволен от дел (формуляр 1811 г. — ИРЛИ, ф. 320, № 1217).

Единственный литературный опыт Л., появившийся в печати, — сравнительно точный и гладкий перевод «Надгробного похвального слова Людовику XV» Вольтера (1782). Это «малое, но довольно известное всему свету <. . .> славное слово» (как отмечалось в посвящении перевода двоюродному брату Л., екатерининскому фавориту А. Д. Ланскому) было одновременно сочинением назидательным: в нем заключался не столько правдивый портрет фр. короля, сколько впечатляющий образ «идеального государя».

Письмо Л. к Д. П. Руничу находится в ИРЛИ, ф. 263, оп. 2, № 227.

Лит.: Рескрипт Д. С. Ланскому // Рус. арх. 1880. Кн. 2; Письмо Д. С. Ланского к кн. И. Н. Трубецкому // Рус. арх. 1881. Кн. 2; Дневник П. Г. Дивова // Рус. старина. 1897. Т. 85. № 3; Предложение воздвигнуть памятник имп. Александру I // Рус. старина. 1900. Т. 101. № 2; Т. 102. № 6.

П. Р. Заборов

ЛАФИНОВ Иван Борисович [1767(?), Москва–1810, Тобольск]. Сын священника «Ивановского сорока церкви Воскресения Христова, что в Барашках» (Москва); учился в Славяно-греко-лат. академии, где занимался лат., фр., евр. языками, арифметикой, географией, историей, поэзией, риторикой и философией. 16 нояб. 1786 был отправлен в СПб. учит. семинарию,

куда прибыл 27 нояб. Здесь в течение двух лет Л. обучался «историческим наукам». 24 дек. 1788 Комиссия нар. уч-щ определила его учителем третьего класса в Тобольское гл. нар. уч-ще, где он преподавал со дня открытия 11 марта 1789; в третьем и четвертом классах он вел историю, географию и естествознание. В 1797 ему было поручено заведовать библиотекой училища и кабинетом натуральной истории, а в 1802–1805 он исполнял обязанности директора училища (РГИА, ф. 730, оп. 1, № 48, л. 691; № 156, л. 15 об.–16; № 191, л. 8, 10 об., 13, 22 об.–23, 329 об.–330; ф. 796, оп. 67, № 483, л. 30).

Форма фамилии «Лафитов», приводимая в некоторых работах (напр., у С. Н. Замахаева и Г. А. Цветаева, а также в изд. «Стих. сказка» (1969)) как основная, измененная якобы ради благозвучия, документально не подтверждается.

Л. был одним из самых активных сотрудников издававшегося при Тобольском гл. нар. уч-ще журнала «Иртыш» (1789–1791). С самого нач. издания и до апр. 1791 включительно не выходило ни одного номера «Иртыша» без оригинальных произведений или переводов Л.; затем по неизвестным причинам он от журнала отошел, и лишь в двух предпоследних номерах было напечатано несколько мелких его стихотворений.

Оригинальные произведения Л., кроме двух официальных программных речей, произнесенных на церемониях открытия училища (Иртыш. 1789. Сент.) и публичных испытаний (1791. Февр.), все стихотворные. Его элегия «Итак, надежды нет. . .» (1789. Окт.) открыла в журнале цикл любовной лирики тобольских поэтов. К этому циклу принадлежали также два перевода Л.: «Пастушеская жалоба» ит. поэта К. Бонди (1789. Нояб.; прозаический пер. с фр. языка) и стихотворное послание «Ревнивый любовник» фр. писателя Б. Эмбера (1790. Янв.). Несколько стихотворений имеет ярко выраженное нравоучительное содержание. Элегия «О, Боже мой! Что я? . . Что сделалось со мною?» (1789. Нояб.) написана от лица человека, отступившего от добродетели и мучимого стыдом и всеобщим презрением. В «Письме от П. к Л.» (1789. Дек.) девушка обращается к возлюбленному с мольбою быть благоразумным и пощадить ее честь, на что он откликается «Ответом» (1790. Февр.), в котором восхищается чистотою чувств девушки. К нравоучительному циклу относятся также «Совет другу в притче» (1790. Июль), «Размышление пустынника» (1790. Авг.) и притча «Неудачный искатель богатства» (1791. Март). Кроме того, в «Иртыше» Л. напечатал «Стихи на Новый год <. . .> Алексею Андреевичу Волкову» (1791. Янв.), «Рондо» (1791. Окт.), восемь эпиграмм (1789. Нояб.; 1791. Нояб.), четыре загадки (1790. Апр.).

В связи с рус.-тур. войною 1787–1792 Л. перевел два памфлета Вольтера, написанные в период рус.-тур. войны 1768–1774 в поддержку политики *Екатерины II*: «Песнь Иоанна Плокофа» (1790. Июнь) и «Речь архиерея Николая Харистеского» (1790. Июль). Ода «Огнедышащие горы» фр. писателя Г.-А. Гайяра привлекла его внимание обличением «безжалостной кровопийцы» войны и призывом, «чтобы любовь и мир все оживотворяли». В числе др. переводов Л. — три нравоучительных рассказа: «Азем, или Счастливый отшельник» И.-Г.-Б. Пфейля (1790. Март), «Злосчастное дружество, или История Абдаллы» Б.-Ж. Сорена (1790. Июнь), «Плачевное следствие мщения» Ф.-Ж. Виллемена д'Абанкура (1790. Авг.), а также «Песнь Каллимака Юпитеру» (1790. Авг.), «Речь умирающего Германика» аббата Кроза (1790. Май), два анекдота (1790. Февр.). Источником всех переводов были фр. журналы «Mercure de France» за 1770–1771 и «Journal encyclopédique ou universel» за 1780–1784. По-видимому, переводным является стихотворение «Надежда» (1790. Июнь).

Лит.: *Замахаев С. Н., Цветаев Г. А.* Ист. записка о Тобольской гимназии, 1789–1889. Тобольск, 1889.

В. Д. Рак

ЛАШКЕВИЧ Иван Степанович [1765–1822, с. Жукотки Новозыбковского у. Черниговской губ.].

Происходил из дворян. В 1775 записан капралом в лейб-гвардии Измайловский полк. В 1778–1783 обучался в Моск. ун-те. В военной службе с 1783, в янв. 1785 — секунд-майор в отставке, в 1809–1811 — подполковник. Был депутатом от дворян Стародубского повета. Н. С. Леонтович, теща Л., писала в 1789, что Л. «человек благородный, а притом имеет чин не последний, в обхождении порядочен и честен и имением не убог» (Киевская старина. 1895. № 718. Прил. С. 56).

Во время обучения в университете перевел с англ. «Сентиментальное прогуливание г. Франкли» (1781) Э. Бонот — наблюдения и мысли «чувствительного» героя, городского жителя, гуляющего по городу и окрестностям и размышляющего о суете городской жизни. В 1782 в Петербурге вышел второй перевод — «Прогулки г. Франкли», выполненный более возвышенным и гладким слогом. В предисловии неизвестный переводчик писал, что решился издать свой труд, «дабы ни малейше не оскорбить тем намерения ускорившего меня почтенного переводчика».

Лит.: *Модзалевский Б. Л.* Малорос. родословник. Киев, 1912. Т. 3.

С. И. Николаев,
В. П. Степанов

ЛАЩЕВСКИЙ Василий (в монашестве — Варлаам) [1702*–30 X (10 XI) 1774, Москва; похоронен в Донском м-ре]. Родился на Украине; по национальности поляк (см.: Акты... Т. 2. С. 443). В 1726 поступил в Киевскую дух. академию, которую окончил в 1738; в 1734–1738 был послан для продолжения образования за границу. В 1738 был пострижен в монахи Иоасафом Горленко. Ученик Рафаила Заборовского и *Симона Тодорского*, уже в молодые годы Л. пользовался известностью как эллинист и гебраист. С 1739 Л. преподавал в Киевской дух. академии; в 1742 занял кафедру греч. языка; в 1742–1746 читал также курс древнеевр. языка. Не имея пособий для слушателей, Л. первым в России составил греч. грамматику, сопроводив ее предисловием «О пользе греческого языка» (Institutionum linguae graecae liber... Wratislaviae, 1746), неоднократно переиздававшуюся. Ученик Л. и его преемник Георгий Щербатский переработал ее, добавил хрестоматию и издал в 1779 в Лейпциге на средства *Н. Н. Бантыш-Каменского*; одно из переизданий этой книги было переведено с сокращениями *В. П. Петровым* — «Греческая грамматика, в коей синтаксис, также различные греческие диалекты и просодия из разных древних писателей выбранными правилами и примерами объяснены» (1788). Неоднократные переиздания лат. оригинала пользовались популярностью как в Европе, так и в России; перевод Петрова, неоднократно переиздававшийся , до сер. 1830-х гг. был постоянным учебником в России. При посещении академии в 1743 вел. князем Петром Федоровичем Л. поднес ему свой перевод с лат. «Зерцала должности Государской». В 1746 Л. был назначен префектом академии; с 1747 исполнял также обязанности ректора, был назначен архимандритом Межигорского Спасо-Преображенского монастыря. Среди учеников Л. в академии были *Иоиль Быковский,* Г. С. Сковорода, *Г. В. Козицкий, Н. Н. Мотонис, В. Г. Рубан, Г. А. Полетика, Я. П. Козельский* и ряд др. писателей XVIII в.

В ходе возобновленной в 1741 работы по подготовке задуманного Петром I нового исправленного перевода Библии в 1747 в Петербург был вызван Л. Несмотря на его отговорки «селезневою болезнию» и ипохондрией, синодальным указом было велено его «везти в Петербург по почте денно и нощно, нигде не задерживая» (см.: *Юнгеров П. А.* Общее ист.-крит. введение... С. 439). Сверка Л. перевода, подготовленного в 1735 к печати *Феофилактом Лопатинским*, а по его смерти продолженного *Иаковом Блонницким*, Илларионом Григоровичем и *Амвросием Юшкевичем*, осуществлялась до 1750. Основную часть работы (в частности, сверку всего Ветхого Завета) выполнил Л.; ему же принадлежит «История исправления и указания поправок», частично вошедшая в написанное им предисловие к изданию Елизаветин-

ской Библии 1751. Текст Библии со всеми исправлениями Феофилакта Лопатинского и Л. хранится в ГИМ (Синод. собр., № 4–11; см.: *Горский А. В., Невоструев К. И.* Описание слав. рукописей Моск. Синодальной б-ки. М., 1985. Отд. 1. С. 164–180). Несмотря на то что в кон. XIX в. Библия 1751 подвергалась резкой критике за искусственное сочетание разнородных греч. и лат. текстов различной степени достоверности, она до сих пор остается значительным достижением рус. библеистики. Во 2-е издание (1756) Л. внес ряд дополнительных поправок и убрал предисловие; в дальнейшем Библия перепечатывалась с этого издания без значительных изменений.

Согласно посланному Акад. канцелярией в Синод запросу, Л. совместно с Гедеоном Слонимским рассматривал оды и переложения псалмов из «Сочинений и переводов как стихами, так и прозою» *В. К. Тредиаковского* (1751). 1 мая 1753 Л. был назначен архимандритом Донского Богородичного монастыря Московской епархии, а 23 июля 1753 также и ректором Славяно-греко-лат. академии и настоятелем Заиконоспасского монастыря. Среди учеников Л. были *Гавриил Петров*, Феофилакт Горский, *Аполлос Байбаков, Ириней Клементьевский* и др. В июле 1754 Л. был уволен от ректорства в связи с назначением членом Синода. В 1758 повелением императрицы Елизаветы Петровны, высоко ценившей труды Л., он был уволен по состоянию здоровья от присутствия в Синоде с «неупотреблением его по жизнь к делам» и оставлением его архимандритом Донского монастыря. В последние годы жизни Л. готовил к печати совместно с *Амвросием Зертис-Каменским* новый перевод Псалтыри, выполненный в точном следовании древнеевр. оригиналу; кончина Амвросия в 1771 и почти полная слепота Л. остановили работу, и этот перевод был напечатан лишь в 1804 в собрании переложений Псалтыри.

Известна принадлежащая Л. трагедокомедия «О награждении в сем свете приисканных дел мзды в будущей жизни вечной», созданная им в 1740–1742 (Летописи рус. лит. и древностей М., 1859. Т. 1. Отд. III. С. 3–16). Трагедокомедия Л. по тематике и по строению типична для укр. школьной драматургии первой пол. XVIII в., восходящей к диалогическому театру иезуитских училищ. Отдельные места трагедокомедии почти буквально перекликаются с диалогами *Феофана Прокоповича* (напр., осмеяние недоучившихся «латинников» или показ разницы между церковью рукотворною и нерукотворною). Показ взаимоотношений Церкви, Мира и Благодати иллюстрирован диалогами двух сестер — Агафии и Фавлии, «едина от благодати, другая от мук». В ряде виршей Фавлия кается в содеянных ею грехах, подчеркивая контраст между утехами земной жизни и безотрадностью загробного существования. Трагедокомедию завершает разговор двух юношей об участи праведных и грешных — оба выражают уверенность в том, что если бы люди были уверены в будущем воздаянии, то судьи «не стали бы обиды творити никому», жены и девы «беззаконно бы девство свое не теряли, в супружестве ложе чисто сохраняли». Общий вывод трагедокомедии — «то есть не ложно, что без креста до Христа приити невозможно».

Н. И. Новиков писал, что Л. «сочинил много поучительных весьма хороших слов» (Опыт словаря (1772)). Известны две проповеди Л. 1746 (Тр. Киевской дух. академии. 1866. № 1). В одной из них, на текст: «Не мните, яко приидох воврещи мир на землю» (Матф., X, 34) —Л. подробно рассмотрел, «який меч Христос прииде воврещи на землю и який мир не прииде воврещи», сделав вывод, что «мир земний, якового мира сынове века ищут и блюдут», «злой и душепагубный» — «не есть мир Христов». По мысли Л., «таковый мир есть тех, котории противу Христа и Его Евангелия восстают <. . .> (смотри на разбойников, воров и гайдамак), котории единомисленним своим согласием иных убожити, иных обдирати, овых разбивати обыкли». Проповеди Л. были нелегки для понимания слушателей как из-за частых отступлений для подробного филологического разбора отдель-

ных слов, так и из-за лат. склада речи Л., а также из-за нередкого употребления им лат. и пол. слов вместо укр. и рус., что роднит его проповеди с произведениями Сковороды. Проповеди Л. проникнуты ревностью к православию и ненавистью к «роду строптивому», «супругу сатанинскому» — «папистам и унеятам», которые «ярятся, шалеют, яко шалении пси, бесятся, на православных меч извлекают».

Опубликованные письма Л. к *Платону Левшину* («Fasciculus litterarum <. . .> ad Eminentissimum Platonem, Archiepiscopum Mosquensem», 1776) свидетельствуют о достаточно высоком уровне лат. эпистолярной культуры рус. епископата XVIII в.

Лит.: Евгений. Словарь исторический. Т. 1 (1827); *Чистович И. Е.*: 1) Исправление текста слав. Библии перед изданием 1751 г. // Правосл. обозр. 1860. № 1, 4, 5; 2) История перевода Библии на рус. язык. СПб., 1899; Филарет. Обзор. Кн. 2 (1884); Венгеров. Словарь. Т. 4 (1895); *Астафьев Н. А.* Опыт истории Библии в России в связи с просв. и нравами. СПб., 1899; Акты и документы, относящиеся к истории Киевской академии. Отд. II, т. 1–4. Киев, 1904–1907; *Резанов В. И.*: 1) К истории рус. драмы: (Экскурс в область театра иезуитов). Нежин, 1910; 2) Из истории рус. драмы: (Школьные действа XVII–XVIII вв. и театр иезуитов). М., 1910; 3) Драма українська. 1. Старовинний театр український. Вип. 6: Драми-моралітети. Київ, 1929; *Юнгеров П. А.* Общее ист.-крит. введение в священные ветхозаветные книги. Казань, 1910; *Петров Н. И.* Киевская искусственная лит. XVII и XVIII вв., преимущественно драматическая. Киев, 1911; Рус. биогр. словарь. Т. «Вавила–Веселовский» (1918, корректурный экз., ГИМ); *Рижский М. И.* История переводов Библии в России. Новосибирск, 1978.

М. П. Лепехин

ЛЕБЕДЕВ Василий Иванович [1716, Москва–1771, Петербург (?)]. Сын солдата Тобольского полка, учился в Славяно-греко-лат. академии; одновременно с *М. В. Ломоносовым* в числе двенадцати учеников был в 1736 определен в студенты Акад. ун-та. С 1740 состоял академическим переводчиком. Переводил внутренние документы (нем. распоряжения И.-Д. Шумахера, лат. протоколы Акад. конференции и др. материалы), лат. отзыв *В. К. Тредиаковского* об университетском регламенте (1749), проекты фейерверков и иллюминаций *Я. Я. Штелина* и т. п. По-видимому, первым печатным переводом Л. было «Сокращение грамматики латинской» (1746), которое Ломоносов рекомендовал в 1758 «для порядочного обучения академических гимназистов» (испр. изд. 1762 неоднократно переиздавалось под загл. «Краткая грамматика латинского языка»; 11-е изд. — 1817). В 1748 Л. перевел «Корнелия Непота Жития славных генералов» и «Экспериментальную физику» М.-Г. Лешера. Ломоносов одобрил первый из переводов, и он был напечатан в том же году (2-е изд. 1785), а о «Лешеровой физике» писал, что она «в рассуждении перевода во многих местах, а особливо в терминах, до химии и истории натуральной надлежащих, очень не исправна; также и оригинал сам собою <. . .> никуда не годен». После этого Л. получил внушение от академического начальства, «дабы <. . .> впредь на такие книги негодные время праздно не тратил», а переводил бы только сочинения, одобренные Акад. канцелярией. Среди сделанных по поручению Академии наук переводов Л. были исторические работы *Г.-Ф. Миллера* «Описание Сибирского царства» и «Происхождение народа и имени российского» (обе — 1749), «История покорения Мексики» А. Солиса-и-Рибаденейра (1765. Ч. 1–2), а также «Путешествие около света...» адмирала лорда Ансона, составленное участником экспедиции священником Р. Уолтером (1751). Л. также принадлежат, кроме того, переводы публицистической книги А. С. Дембовского «История о нынешнем состоянии правительства польского» (1766) и сборника занимательных повестей «Увеселение женского пола, или Собрание разных приклю-

чений» (1764–1765. Ч. 1–3). Перевод «Сибирской истории» И.-Э. Фишера, порученный Л. в 1767, был издан посмертно в 1774. Все переводы делались с нем. языка. Некоторые из них выдержали по два издания.

Среди оставшихся в рукописи переводов Л. — «Краткое руководство к российским правилам» юриста Ф.-Г. Штрубе де Пирмонта, отрывок из путевых заметок Г.-В. Штеллера (Стеллера) и др.

Л. сотрудничал в академических периодических изданиях — газете «СПб. вед.» (1742–1767) и журнале «Ежемес. соч.», для которых переводил статьи из разных областей знания. С 1751 он помогал адъюнкту И. И. Тауберту в составлении «Российского лексикона», оставшегося незавершенным.

Лит.: *Пекарский П. П.* Редактор, сотрудники и цензура в рус. журн. 1755–1764 гг. // Сб. Отд-ния рус. яз. и словесности. 1867. Т. 2. № 4; Пекарский. История Академии наук. Т. 1–2 (1870–1873); Семенников. Мат-лы для словаря (1914); *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1955. Т. 9; Левин. Восприятие (1990); *Keipert H.* Vasilij Lebedev und sein *Sokraščenie grammatiki latinskoj* (S.-Petersburg 1746) // Res Slavica. Festschrift für H. Rothe zum 65. Geburtstag. Teaderborn; München, 1994.

Ю. Д. Левин

ЛЕБЕДЕВ Герасим Степанович [1749, Ярославль–15 (27) VII 1817, Петербург; похоронен на Георгиевском (Большеохтинском) кладбище]. Родился в семье священника, ставшего певчим Придворной капеллы. В возрасте 15 лет переехал к отцу, обучился грамоте и музыке, в которой вскоре достиг значительных успехов, особенно в игре на виолончели. В 1777 Л. выехал в Неаполь в должности певчего рус. посольства, возглавлявшегося А. К. Разумовским, и доехал до Вены, откуда начал путешествовать по Европе самостоятельно. С 1777 по 1782 Л. выступал при дворах ряда европ. стран и основательно изучил музыку, а также несколько языков (автобиогр. заметка Л. «Introduction» на фр. языке — РНБ, кол. Аделунга, № 6, л. 1–2). В 1782 в Париже Л. был представлен цесаревичу Павлу Петровичу и Марии Федоровне, одобрившим его намерение посетить Индию. Л. пользовался поддержкой сопровождавших их В. А. Куракина и А. А. Самборского. Сначала Л. переехал в Англию, где ему покровительствовали С. Р. Воронцов и священник рус. посольской церкви Я. И. Смирнов (Линницкий). 12 февр. 1785 Л. из Гревсэнда отправился в Индию и 15 авг. 1785 прибыл в Мадрас, где ему был предложен двухгодовой контракт на музыкальные выступления («Memorandum» Л. на англ. языке — РГАЛИ, Остафьевский арх. Вяземских, ф. 195, оп. 1, № 6075, л. 3 об.–5 об.). В Мадрасе Л. изучил тамил. язык и в авг. 1787 прибыл в Калькутту с целью изучения санскрита. В 1789 Л. начал изучать санскрит, бенг. язык и калькуттский диалект хиндустани. Л. приобрел познания в инд. религии, мифологии, космогонии, лит., музыке. В нач. 1790-х гг. Л. перевел на бенг. язык с англ. две комедии: «Притворство» В. П. Джордрелля и «Любовь — лучший врач», обработав их для инд. зрителей (сохранен лишь сюжет, действующие лица — индийцы, и действие происходит в Индии). Л. сочинил музыку, а бенг. поэт Бхарот Чондро Рай написал текст песен. В 1795 Л. основал в Калькутте свой театр, с труппой, состоящей из 10 мужчин и 3 женщин, а также музыкальную труппу из 10 человек. 27 февр. 1795 был дан первый спектакль на бенг. языке — постановка комедии «Притворство» (вторично пост. 21 марта 1796). В 1796 Л. получил от губернатора Калькутты разрешение на постановку пьес на англ. языке. Конкуренты Л. из театра Т. Роварта вовлекли Л. в судебную тяжбу. 2 апр. 1797 по ложному обвинению в неуплате жалованья слугам Л. был арестован, но вследствие невиновности освобожден. Расходы по судебным издержкам вынудили Л. в первой пол. мая 1797 закрыть театр и продать его оборудование. Здоровье Л. резко ухудшилось, и он решил уехать в Россию (см. его письмо С. Р. Воронцову от 15 июля 1797 —

Арх. кн. Воронцова. М., 1880. Т. 24. С. 174–179). Перед самым отъездом Л. встретился в Калькутте с И. Ф. Крузенштерном, проходившим практику волонтером в англ. флоте. В кон. 1797 Л. выехал из Калькутты, увозя с собой рукописи своих сочинений (перечень см. в письме к Н. П. Румянцеву: «Реэстр нижеозначенным предметам, в виде словаря переведенным в Калькутте с индийского языка на российский Герасимом Лебедевым» — РГБ, ф. Румянцевых, № 15/13) и большое собрание уникальных инд. рукописей, впосл. вошедших в состав первой коллекции Шиллинга фон Капштадта в Азиатском музее Академии наук. В Кейптауне в февр. 1798 Л. сошел с корабля и подал жалобу губернатору на дурное с ним на корабле обращение, но разбирательство окончилось для Л. безрезультатно. Не имея средств к существованию, Л. дал 5 концертов и 4 нояб. 1798 отплыл из Кейптауна. 3 дек. Л. дал виолончельный концерт на острове св. Елены и 4 февр. 1799 прибыл в Лондон. Здесь он обратился через С. Р. Воронцова к Павлу I с предложением опубликовать в России собранную им в Индии коллекцию рукописей, на что Павел ответил Л. обещанием напечатать их все на казенный счет. Но скоро Л. вызвал недовольство Павла ходатайством о награждении Дж. Уайта, принимавшего участие в спасении экипажа рус. судна, потерпевшего в 1800 кораблекрушение у берегов Англии. Немалую роль сыграли также доношения Я. И. Смирнова о дружбе Л. с кружком рус. якобинцев в Лондоне. В 1801 Л. издал в Лондоне грамматику калькуттского диалекта хиндустани «The Grammar of the pure and mixed East Indian dialects».

В окт. 1801 Л. возвратился в Россию и подал Александру I прошение, в котором описывал свои странствия и просил издать на казенный счет свои труды и переводы привезенных им инд. рукописей (РГАДА, ф. 1239, оп. 3, № 57916, л. 19–20 об.). Александр I повелел напечатать сочинения Л. В кон. янв. 1802 Л. собирались причислить к Академии наук со званием профессора, ему было выдано 10 000 руб. на издание книг; однако из-за интриг президента Академии наук барона Николаи это назначение не состоялось. 4 февр. 1802 именными указами Л. был пожалован чином кол. асессора и определен в Коллегию иностр. дел к Азиатскому деп. (АВПР, Административные дела, р. IV–1 (1802 г.), № 5, л. 1) на должность переводчика. В этой должности (с 1811 — надв. советник) Л. прослужил весь остаток жизни, не выезжая из Петербурга (за исключением поездки на 28 дней в Ладожский у. в 1810). Все это время Л. посвятил обработке и систематизации своих знаний об Индии. Открыв в 1804 первую в Европе типографию с применением бенг. шрифта, Л. выпустил в 1805 книгу «Беспристрастное созерцание систем Восточной Индии брамгенов, священных обрядов их и народных обычаев» (с посв. Александру I), в которой также поместил свою биографию и рассказ об увиденном в Индии. Имеются указания на то, что книга была напечатана на нем. и фр. языках. В 1815 Л. подготовил к печати «Арифметические восточных Индийцев <. . .> таблицы, заключающие в себе сообразное основание философской и богословской Брамгенских Систем, числительные правила, служащие объяснением четвероякого рода денег. . .» (беловая рукопись — СПбИВ РАН, арх. востоковедов, ф. 90, № 1/1226/1). 30 дек. 1816 Л. подал Александру I оставшееся без ответа прошение (АВПР, Административные дела, р. IV–15 (1817 г.), № 4, л. 4–5), в котором просил помощи в издании следующих трудов: «Азбука брамгенского священного языка, называемого шамкрито (а не санскритский)», «Краткий словарь на бенгальском гражданском и простонародном языках с преложением на российский», «Несколько разговоров, употребительных в общежитии, на гражданском бенгальском и народном индийском языках, преложенных на российский и английский языки. . .», комедия «Притворство» на бенг. и рус. языках, «Брамгенская арифметика». В этот же день Л. вручил К. В. Нессельроде «Арифметические восточных Индийцев <. . .> таблицы. . .» для передачи Александру I. В 1817 Л. приступил к

написанию сочинения «Систематические восточных Индийцев <. . .> основания арифметики», но успел закончить лишь первый раздел, посвященный рассмотрению числовой символики в инд. философии и мифологии (СПбИВ РАН, арх. востоковедов, ф. 90, № 2/1226/2). В нач. 1810-х гг. Л. помогал *Г. Р. Державину* в его работе над трактатом «Рассуждение о лирической поэзии. . .», подав ему 21 марта 1815 записку об инд. стихосложении и позднее «О стихосложении индийцев», а также исследование «Имена отличнейших индийских песнопевцев. . .», содержащее три отрывка из поэмы «Бидде Шундор» (ИРЛИ, ф. 96, оп. 1, № 37, л. 58–66). Л. также намеревался издать перевод поэмы Бхарота Чондро Рая «Шлоке мога мудграро, стихи нравоучительные» — первая в России попытка напечатать произведение инд. литературы в переводе с языка оригинала. Издание осуществлено не было (беловая рукопись — РГИА, ф. 1673, оп. 1, № 102; корректуры отд. листов — РНБ, ф. 247, т. 31, л. 153–156).

Жена Л., Анастасия Яковлевна, поставила ему памятник со стихотворной эпитафией (плита с эпитафией находится в Музее городской скульптуры в усыпальнице А. В. Суворова).

Рукописи Л., относящиеся к его пребыванию в Индии, находятся в РГАЛИ (ф. 195, № 6075–6077, 6081), дневник Л. за время от его отъезда из Индии до возвращения в Россию хранится в ИРЛИ.

Лит.: *Булгаков Ф.*: 1) Г. С. Лебедев: Рус. путешественник-музыкант в Индии в кон. XVIII в. // Ист. вестн. 1880. Т. 3; 2) Лебедев Г. С. // Рус. биогр. словарь. Т. «Лабзина–Лященко» (1914); *Антонова И. А.* К истории рус.-инд. культурных связей: Из тетрадей Г. С. Лебедева 1795–1797 гг. // Ист. арх. 1956. № 1; *Воробьев-Десятовский В. С.* Рус. индианист Г. С. Лебедев (1749–1817) // Очерки по истории рус. востоковедения. М., 1956. Сб. 2; *Гамаюнов Л. С.* Из истории изучения Индии в России: (К вопросу о деятельности Г. С. Лебедева) // Там же; *Овчинников Р. В.* Из истории рус. индологии: (Новые данные к биографии Г. С. Лебедева) // Вестн. истории мировой культуры. М., 1960. № 4; *Альтшуллер М. Г.* Г. С. Лебедев и Державин // Народы Азии и Африки. 1963. № 4; Документы о жизни и творчестве Г. С. Лебедева. 1796–1817 гг. // Рус.-инд. отношения в XVIII в. М., 1965.

М. П. Лепехин

ЛЕБЕДЕВ Петр Ефимович (в монашестве — Платон) [ум. 1802 (?)]. Родился в с. Новофлоровском Киржатской округи. В окт. 1773 был принят в Троицкую дух. семинарию, где изучал фр., греч. и, видимо, лат. языки. В 1783 определен в Суздальскую дух. семинарию учителем пиитики и греч. языка; в следующем году был назначен вице-префектом семинарии и преподавателем философии. С кон. 1784 до нач. 1786 Л. — префект семинарии. После перевода богословского и философского классов во Владимирскую дух. семинарию Л. продолжал исполнять в Суздале должность учителя высшего греч. класса и лат. поэзии. В 1799 Л. было поручено читать философию во Владимирской дух. семинарии, но в авг. 1800 он был вновь определен в класс риторики и греч. языка. 22 дек. 1800 Л. принял монашеский чин.

Из опубликованных литературных трудов Л. известен его прозаический перевод с лат. стихотворения бельг. поэта К. Барлея (1584–1648), напечатанный под назв. «Поэма Ной, созидающий ковчег. . .» (Воронеж, 1799). Неопубликованным остался его сборник стихотворных и прозаических сочинений на рус., лат. и греч. языках, находившийся в нач. XX в. в библиотеке Владимирской дух. семинарии (совр. местонахождение неизв.).

Лит.: *Малицкий Н. В.*: 1) История Владимирской дух. семинарии. М., 1900. Вып. 1; 2) История Суздальской дух. семинарии. Владимир, 1906.

А. Б. Шишкин

ЛЕБЕДЕВ Степан. Литератор кон. XVIII в. В 1792 напечатал отдельным изданием «Оду на осень

и описание потопа в стихах». Ода, очевидно, оригинальное сочинение Л., а описание потопа — прозаический перевод с лат. языка соответствующего фрагмента из книги 1 «Метаморфоз» Овидия. В 1793 Л. напечатал в московской типографии И. Зедербана «Астролог» — руководство для гадания на картах, основанное, очевидно, на фр. источнике.

Отсутствие в этих книгах каких-либо конкретных упоминаний и данных об авторе не позволяет отождествить его ни с одним из известных в кон. XVIII в. Лебедевых. Поскольку «Ода на осень» посвящена *А. И. Перепечину*, бывшему в то время членом канцелярии Моск. ун-та и цензором печатавшихся там книг, то можно предположить, что Л. был связан с университетом или даже обучался в нем. В таком случае не исключено, что это был «ученик риторики Стефан Лебедев», который в 1791 перешел из Моск. дух. академии в университет (см.: Смирнов. Моск. академия (1855). С. 381).

С. И. Николаев

ЛЕВАНДА Александр Иванович [1765–25 IV (7 V) 1812]. Сын протоиерея Киево-Софийского собора *И. В. Леванды* (третий, «любимый»). С 1793 жил в Петербурге, служа в Коллегии иностр. дел. В 1803 получил чин кол. советника, а в 1811 — ст. советника. Был женат, имел семерых детей.

В 1790-е гг. Л. входил в кружок И. А. Крылова и *А. И. Клушина* и стал известен как переводчик с фр. языка. Его имя связано с первым рус. переводом «Приключений кавалера Фоблаза» Ж.-Б. Луве де Кувре (1792–1796), который, видимо, был коллективным. Среди лиц, причастных к переводу, называют также Крылова, Клушина и *И. Г. Рахманинова*. Вполне самостоятельно Л. выполнил два перевода: Э.-Ф. Лантье «Антеноровы путешествия по Греции и Азии» (СПб., 1803. Ч. 1–5; 2-е изд. 1813); «Вредные знакомства, или Письма, собранные одним обществом для предостережения других» П.-А. Шодерло де Лакло (СПб., 1804–1805). Л. публиковал свои переводы и в журналах. Так, в журнале «Муза» (1796. Ч. 3) появился сделанный им перевод отрывка из книги Ш. Дюпати «Lettres sur l'Italie» (Paris, 1787), пользовавшейся в то время большой популярностью (упоминается в «Письмах русского путешественника» *Н. М. Карамзина*); в «Журн. для пользы» (1805. № 11, 12) помещен сделанный Л. с неустановленного фр. оригинала перевод «Мысли о нравственности человека физического»; в журн. «Минерва» (1807. Ч. 5) напечатаны переводы отрывков из «Philosophie de la Nature» («Разговор между Парижанином и Карибским жителем», «Об опасностях от излишнего наслаждения», «Древние законодатели (1. Орфей. 2. Зороастр. 3. Конфуций. 4. Пифагор)»). Л. — автор оригинального произведения «Мысли чужие, или Безмолвный ответ Силе Андреевичу Богатыреву» (СПб., 1807), полемически направленного против «Мыслей вслух на красном крыльце» Ф. В. Ростопчина.

Лит.: Киевский Софийский протоиерей Иоанн Васильевич Леванда. Киев, 1879. Т. 1; *Бабинцев С. М.* И. А. Крылов: Новые материалы (из арх. разысканий) // Рус. лит. 1969. № 3.

И. В. Душечкина

ЛЕВАНДА Иван Васильевич [III 1734, Киев–25 VI (7 VII) 1814]. Рано осиротевший сын сапожника Василия Секачки. С 1748 по 1760 учился в Киевской дух. академии, куда поступил при поддержке местного священника И. Леванды, приняв его фамилию. По окончании академии два года преподавал в низших ее классах. В 1762 женился на дочери киевского мещанина Евфимии Скребицкой. С 1763 — священник, с 1783 — протоиерей Киево-Подольского собора, а с 1786 до конца жизни — кафедральный протоиерей Киево-Софийского собора. Ревностно выполнял свои «пастырские» обязанности, даже во время чумной эпидемии в Киеве (1770–1772) и грандиозного пожара 1811. Особенно популярны были проповеди Л.: они широко расходились в рукописях по всей России, неко-

торые из них публиковались в журнале «Сын отеч.», посмертно в «Маяке», «Христианском чтении» и др., издавались отдельно в Москве и Киеве. Несколько проповедей и письма Л. вошли в 1878 в «Тр. Киевской дух. академии» (Ч. 3–4). Полное собрание «Слов и речей» Л. было издано «иждивением содержателя театральной типографии А. Похорского» (СПб., 1821. Ч. 1–3). Проповеди Л. при его жизни постоянно включались в церемониал различных празднеств, коронаций, принося автору известность и награды, о них восторженно отзывались литературные деятели, писатели — В. В. Измайлов, *И. М. Долгорукий*, Ф. Ф. Вигель и др. *В. В. Капнист* постоянно поддерживал дружеские отношения с Л. и вел с ним переписку.

По тематике и направленности проповеди Л. были традиционны. Из них только серия проповедей «На моровую язву» (1770–1772) и «Слово на Наполеона» (1812) касались непосредственно событий современности. В то же время проповеди Л. свидетельствовали о его богатой литературной эрудиции и, очевидно, недюжинном актерском даровании: они носили характер горячих, взволнованных монологов, сопровождались выразительными жестами и даже слезами, вызывая у слушателей соответствующий эмоциональный отклик.

В «Словах и речах» Л. ощущались традиции красноречия, характерные для Киево-Могилянской академии: барочная усложненность стиля, метафоричность образов. Л. постоянно ссылался на авторитет античных писателей, философов, обращался к легендам и мифам, «осовременивал» и опрощал библейские образы, прибегал к экзотическим параллелям из мира природы. Поздние проповеди стали несколько строже в отборе материала, но сохранили стремление к занимательности, украшенности, словесной игре, ритмизации речи, подчеркнутой анафорой. Л. охотно обращался к передаче различных эмоций, душевных состояний в духе сентиментализма, особенно в письмах, предназначенных для увещания и утешения.

Мн. тексты проповедей и письма Л. хранятся в ЦНБ АН Украины и ИРЛИ.

Лит.: Евгений. Словарь исторический. Т. 1 (1827); *Аскоченский В.* Киев с древнейшим его училищем Академиею. Киев, 1856. Ч. 2; *Максимович И.* Воспоминания об И. Леванде // Киевские епарх. вед. 1869. № 10. Отд. 2; *Терновский Ф., Голубев С.* Киево-Софийский протоиерей Иоанн Васильевич Леванда // Тр. Киевской дух. академии. 1878. Т. 3–4; *Порфирьев И.* История рус. словесности. Казань, 1884. Ч. 2.

Е. Н. Кононко

ЛЕВАШЕВ Павел Артемьевич [ок. 1720 (?)–11 (23) VII 1820, Москва; похоронен в Донском м-ре]. Родился в знатной дворянской семье. В 1741–1743 служил офицером Астраханского полка, воевал в Финляндии. Позднее был причислен к Куголминскому пехотному полку, из штата которого 4 дек. 1753 был выключен в связи с назначением по указу Военной коллегии (1752) в свиту рус. посла в Вене графа Г.-К. Кайзерлинга (РГАДА, ф. 286, № 360, л. 908; ф. 1263, оп. 1, № 193, л. 24). С 1757 — советник посольства; 23 июля 1763 назначен послом при дворе в Регенсбурге (см.: Сенатский арх. СПб., 1909. Т. 13. С. 167). С 1764 Л. находился в Константинополе в качестве поверенного в делах (письмо к *Н. И. Панину* от 4 окт. 1764 — РГБ, ф. Барскова, XVIa, № 47). В нач. рус.-тур. войны (1768) Л. был взят в плен и, находясь под арестом, передвигался с тур. армией. Летом 1771 вернулся в Россию, где был встречен с почестями: по сведениям камер-фурьерских журналов (1772–1773), Л. многократно бывал при «обеденном кушанье» во дворце. В 1770-х гг. часто общался с А. Б. Куракиным, вел с ним переписку. Н. И. Панина называл «своим милостивцем», неоднократно бывал у него в имении Дугино. Доверительные отношения были у Л. с *Е. Р. Дашковой*, как свидетельствует письмо А. Ермолова к Дашковой кон. 1785 (Семенников. Мат-лы для словаря (1914). С. 43–44). В 1787 Л. находился в Лондоне.

Выйдя в отставку в чине д. ст. советника, Л. поселился в пожалованном ему имении в Белоруссии (Рогачевский у.) у самой границы с Польшей, совершая иногда поездки в Могилев и Москву.

Г. И. Добрынин, встречавший Л. в 1782 у генерал-губернатора П. Б. Пассека, писал о Л.: «Он был великий мастер шутить на русском и французском языке <. . .>. Память его была неисчерпаемый кладезь всего того, что с ним встречалося в жизни. А наиболее ловок был изъяснять любовные повести». В Москве Л. имел дом, сгоревший во время нашествия наполеоновских войск (см.: *Щукин П. И.* Бумаги, относящиеся до Отечественной войны. М., 1898. Ч. 3. С. 150).

Находясь в Вене, в 1757 Л. перевел сочинение Ф. Кальера «О должности министра при дворах иностранных» (рукопись: РГАДА, ф. 181, оп. 1, ч. 1, № 372). Переводу Л. предпослано «Слово к истинным патриотам», в котором прославлялись успехи рус. внешней и внутренней политики и говорилось о необходимости привлекать к дипломатической деятельности не «чужестранных», но «природных сынов отечества». Общественную позицию Л. характеризует также его высказывание в письме к А. Б. Куракину от 1 авг. 1777: «О, если бы большие господа прямо знали, коликого пота и труда стоят крестьянам их собираемые с них деньги, то бы, конечно, не стали толиким множеством ставить их на одну карту. . .» (Арх. кн. Ф. А. Куракина. Астрахань, 1901. Кн. 9. С. 395). События, пережитые Л. во время рус.-тур. войны, описаны им в книге «Плен и страдания россиян у турков» (1790; к этому же году относится др. публ. под загл. «Поденные записки некоторых происшествий во время прошедшей с турками войны», с перенабором первых шести страниц). В экземпляре РНБ (собр. Титова, вып. 3, № 1948) приписка: «Сия книга испорчена Петром Богдановичем и с пропусками напечатана». Вопросы истории и внешней политики России, занимавшие Л. в связи с его дипломатической службой, стали предметом его сочинений «Картина, или Описание всех нашествий на Россию татар и турков» (1792; судя по указанию в «предуведомлении», написано в 1774; см. также список кон. XVIII в. «Краткое известие о российских с татарами войнах» (ГИМ, ф. 450, Барсов)) и «О первенстве и председательстве европейских государей и их послов и министров» (1792; посв. *Екатерине II*). Предположительно Л. считается автором книги «Цареградские письма о древних и нынешних турках. . .» (1789), изданной, как и др. сочинения Л., *П. И. Богдановичем*. По мнению П. Н. Беркова, Л. мог быть автором рукописного трехчастного произведения на фр. языке, посвященного Петру I и подписанного криптонимом «Le C. de L.». («С<оветник> Л<евашев>»). Это сочинение приписывалось также *М. В. Ломоносову*.

Н. И. Новиков упоминал о поэте Павле Левашеве: «Много писал лирических стихов, которые от знающих людей похвалу заслуживают» (Новиков. Опыт словаря (1772)). Возможно, однако, что здесь речь шла об однофамильце Л. Павлу Левашеву принадлежат стихи, обращенные к *Г. Р. Державину* (РНБ, арх. Державина, т. 22, № 55, л. 297).

Письма Л. частично опубликованы: *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. СПб., 1880. Т. 5 (письмо Д. И. Фонвизину от 11 февр. 1773); Арх. кн. Ф. А. Куракина. Саратов; Астрахань, 1898–1901. Кн. 7–9 (письма А. Б. Куракину за 1774–1780); Арх. кн. Воронцова. М., 1879. Кн. 14 (письма А. Р. Воронцову за 1786–1791). Остальные известные письма Л. хранятся в РГБ (ф. Барскова, XVIa, № 47 — к Н. И. Панину от 4 окт. 1764) и ИРЛИ (ф. 265, оп. 2, № 1434 — к А. Б. Куракину от 21 мая 1774).

Лит.: *Добрынин Г. И.* Истинное повествование. СПб., 1872; Зап. гр. Е. Ф. Комаровского. СПб., 1914; *Черный В.* Пражская находка неизв. сочинений о Петре Великом // L'Apothéose de Pierre le Grand etc. Publiés d'après le manuscrit de Prague avec une introduction par Václav Černý. Prague, 1964; *Степанов В. П.* О пражской находке проф. В. Черного // Рус. лит. 1964. № 2; *Данциг Б. М.* Ближний Вос-

ток в рус. науке и лит. (дооктябрьский период). М., 1973; *Достян И. С.* Рус. обществ. мысль и балканские народы: От Радищева до декабристов. М., 1980; *Кочеткова Н. Д.* «Слово к истинным патриотам» П. А. Левашева // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник 1984. Л., 1986.

Н. Д. Кочеткова

ЛЕВИЦКИЙ (Левитский) Николай Евстафьевич [1758–XII 1830]. По-видимому, происходил из малорос. дворян. С 1770 состоял придворным певчим; с 1780 «по знанию иностранных языков» был переведен в Коллегию иностр. дел актуариусом, два года спустя «произведен» переводчиком, а в 1805 определен архивариусом секретной экспедиции этой коллегии; служебную карьеру окончил д. ст. советником (формуляр 1824 г. — РГИА, ф. 1349, оп. 3, № 1259, сп. 30).

Л. принадлежит ряд тщательно выполненных переводов с фр. языка. В 1779 он опубликовал «Сон Марка Аврелия» — фрагмент трактата Ж.-Б. Делиля де ла Саля «О философии природы» и «шотландскую новость» «Ганриетта и Люция, или Соперные подруги» (из «Французского Декамерона» Л. д'Юссье), а в 1786 «достопамятную и любопытную» историческую повесть «Бертолд, князь Моравский» из этого же сборника. В 1781 *Н. И. Новиков* напечатал в переводе Л. повесть Ж.-М. Лоэзеля де Треогата «Вальмор» — примечательный образец фр. руссоизма. В дальнейшем Л. по преимуществу привлекает творчество Вольтера. Он переводит «Гурона, или Простодушного» (1789; изд. «очищено» от «опасных» с точки зрения цензуры мест; в переизд. 1802 большинство пропусков было восстановлено); «Исторические записки о достопамятных и важнейших происшествиях, касающихся до жизни г. Волтера, писанные им самим. . .» (М., 1807. Ч. 1–2), к которым был «присовокуплен» ряд писем Вольтера к *И. И. Шувалову*, *А. П. Шувалову*, Д. А. Голицыну, *А. Р. Воронцову*, *А. П. Сумарокову* (пер. посв. отечественным почитателям Вольтера). В 1812 был издан «Дух, или Избранные философические мысли г. Волтера»; тираж книги, однако, почти полностью погиб во время московского пожара (экз. имеется в РГБ).

О литературной деятельности Л. в последующие годы ничего не известно.

Лит.: *Кашин Н.* Библиогр. заметки // Отчет имп. Рос. ист. музея <. . .> за 1913 г. М., 1914; Заборов (1978).

П. Р. Заборов

ЛЕВЧЕНКОВ Федор. По всей вероятности, происходил из малорос. дворян. В 1776 был студентом Моск. ун-та и фурьером, в 1777 — подпрапорщиком Преображенского полка. Л. перевел сочинение англ. философа и историка Д. Юма «О роскоши», которое связано с т. н. «спором о роскоши» в европ. публицистике. Перевод Л., озаглавленный «Наука к познанию роскоши» (1776; с фр.), в смысловом отношении точен, но тяжеловесен стилистически. В посвящении книги премьер-майору Преображенского полка Ф. М. Толстому Л. сообщил, что это его первый, юношеский опыт. На «малую опытность трудившегося в переводе» указывалось и в рецензии «СПб. учен. вед.» (1777. № 16). Др. литературный труд Л. представляет собой изобилующее грубыми ошибками прозаическое переложение поэмы Вольтера «Тактика» (вышло под названием «Генеральное мнение о „Тактике" г. Гиберта» (1777; посв. С. Г. Зоричу)). Признавая, что рассудок его «не избыточествует изящными качествами, которые достойно носят на себе великие мужи», Л. считал все же свое первое на рус. языке переложение «сего малого Волтерова сочинения» вполне оправданным: т. о. он надеялся подать «любопытствующему обществу какое ни есть об оном сведение».

Лит.: Заборов (1978).

П. Р. Заборов

ЛЕВШИН Александр Александрович. Провинциальный секретарь. Перевел с фр. языка комиче-

скую оперу в 4-х д. «Пивовар, или Кроющийся дух», которая была напечатана в Театр. типографии у Х. Клаудия (1788) и, по-видимому, представлялась в Москве с муз. А. Н. Титова.

Воспользовавшись сказочным «восточным» сюжетом о злом духе-рабе, скрывающемся под волшебным колпаком, Л. перенес действие оперы в Москву и придал пьесе национальный колорит, включив в нее обряд гадания и использовав в речи персонажей рус. пословицы и поговорки. Любовная интрига сочетается в опере с сатирой на мотов-дворян и на взяточничество чиновников.

Лит.: *Морков В. И.* Ист. очерк рус. оперы с самого ее начала по 1862 год. СПб., 1862; *Бартенев П.* Осмнадцатый век. М., 1869. Кн. 1; *Сопиков В. С.* Опыт рос. библиографии. . . СПб., 1905. Ч. 4.

Ю. Ф. Флоринская

ЛЕВШИН Александр Георгиевич [нач. 40-х гг. XVIII в., с. Чашниково Московской губ.–20 (31) X 1798]. Родился в семье Георгия Данилова, сельского причетника, ставшего позднее священником церкви св. Николая в Москве, известной под назв. «Красные колокола»; брат *Платона Левшина.* С 1747 по 1760 Л. обучался в Славяно-греко-лат. академии, где принял фамилию Левшин. По окончании курса был рукоположен в дьяконы церкви Спаса, с 1763 — священник церкви Николая Чудотворца в Хамовниках. В 1767 Л. назначен протоиереем Спасского собора и в том же году переведен в Большой Успенский собор в Кремле. Родство с Платоном Левшиным обеспечило Л. возможность быстрого продвижения по службе и личное знакомство с *Екатериной II*. В 1771 во время эпидемии моровой язвы в Москве Л. был членом Комиссии для предохранения и врачевания моровой язвы, которую возглавлял Г. Г. Орлов. Л. принимал деятельное участие в похоронах московского архиепископа *Амвросия Зертис-Каменского*, убитого во время чумного бунта. В 1774 Л. награжден золотым наперсным крестом, украшенным драгоценными камнями, и пенсией в 500 руб. С 1775 — член Синода. В 1797 во время коронации Павла I ему был пожалован орден св. Анны.

Л. известен как проповедник, историк и археолог. При жизни Л. были изданы его проповеди: «Слово на привитие оспы императрице Екатерине II» (1758); «Слово в день св. апостола Андрея Первозванного» (1767); «Слово на убиение преосвященнейшего Амвросия архиепископа» (1771); «Слово благодарственное по прекращении чумы» (1772); «Слово в день рождения великого князя Павла Петровича» (1774); «Слово по возобновлении Успенского собора» (1774); «Слово благодарственное императрице Екатерине II при освящении Успенского собора» (1774); «Слово о том, что человек рождается не для себя, но для любви общего добра» (1779). Одной из важнейших его работ явилось «Историческое описание первопрестольного в России храма Московского Большого Успенского собора и о возобновлении первых трех соборов: Успенского, Благовещенского и Архангельского» (1783).

Л. составил словарь иностранных слов, вошедших в рус. язык в XVIII в. Рукопись словаря была передана им в 1783 в открывшуюся в Петербурге Рос. Академию. Этот труд Л. был широко использован при составлении первого издания «Словаря Академии Российской» (1789–1794).

Лит.: Словари и словарное дело в России XVIII в. Л., 1980.

Г. Н. Моисеева

ЛЕВШИН Василий Алексеевич [6 (17) VII 1746, Смоленск–29 VII (10 VIII) 1826, с. Темрянь Белевского у. Тульской губ.; похоронен там же]. Сын небогатого армейского офицера, дослужившегося до полковника. В 1765 поступил в Новотроицкий кирасирский полк, участвовал в рус.-тур. войне 1768–1774. В 1772 по болезни вышел в отставку в чине поручика и стал жить в родовом имении Темрянь Тульской губ., совладельцем которого он был. По выборам дворянства с 1779 четыре срока был уездным судьей в Белеве; в 1803 был

определен чиновником по особым поручениям в штат статс-секретаря *А. А. Витовтова* в Петербурге. В 1818 вышел в отставку с чином ст. советника. Жить Л. в основном приходилось на жалованье и скудный литературный заработок, т. к. имение приносило ничтожный доход. В нач. 1780 Л. женился на Ф. С. Казяевой; обремененный большой семьей, сильно нуждался и брался за любую литературную работу, много переводил по заказам *Н. И. Новикова* для его Типогр. комп. *А. Т. Болотов* вспоминал в «Записках», что, заехав в 1788 к Новикову, стал свидетелем того, как Л. договаривался о переводе с нем. языка 12 томов издания, напечатанного затем под загл. «Хозяин и хозяйка». С кон. 1770-х гг. Л. примыкает к просветительскому кружку Н. И. Новикова, находится в дружеской связи с *Ф. П. Ключаревым* и А. Т. Болотовым. Возможно, он был масоном: позднее перевел с нем. книгу Альбрехта (М.-Ф. Эрнст) «Пансалвин, князь тьмы» (М., 1809), масонский памфлет, направленный против Г. А. Потемкина.

Первым литературным опытом Л. была книга «Загадки, служащие для невинного разделения праздного времени» (1773). Большую известность получили «Утренники влюбленного» (1779), сентиментально-нравоучительные размышления о любви, изложенные в форме писем. Позднее Л. много занимался переводами с нем., фр. и ит. языков. Наиболее значительные его переводы — «Визири, или Очарованный Лавиринф» (1779–1780. Ч. 1–3), «Библиотека немецких романов» (1780. Ч. 1–3), бо́льшую часть которой занимают рыцарские романы с описанием многочисленных галантно-любовных приключений, «Гаррик, или Аглинский актер. . .» (с нем.; 1781), «Естественная история для малолетних детей г. Георга Христина Раффа» (с нем.; 1785. Ч. 1–3), «Оберон, царь волшебников, поэма в 14 песнях» К.-М. Виланда (с нем.; 1787), «Идиллии и пастушьи поэмы г-на Геснера» (с нем.; 1787), «Дмитрия Кантемира, бывшего князя в Молдавии, историческое, географическое и политическое описание Молдавии с жизнию сочинителя» (с нем.; 1789), «Onomatologia curiosa artificiosa et magica, или Словарь натурального волшебства. . .» 1795. Ч. 1–2), «Жизнь и деяния славного английского виц-адмирала <. . .> Нельсона. . .» (с фр.; 1807. Ч. 1–2).

Л. много работал для издательства Глазуновых. Письма его И. П. Глазунову (1807–1808) говорят о страшной нужде, в которой находился писатель (РНБ, ф. 188, оп. 1, № 7). После отставки, почти потеряв к этому времени зрение, он работал с помощью детей, «один из коих читал, а другой писал им переводимое» (Сев. пчела. 1826. 4 сент. № 105).

Разнообразны были и компилятивные издания Л. Он был автором многочисленных сельскохозяйственных и экономических руководств, наставлений по домоводству, ветеринарии, которых он выпустил в свет до 80: «Словарь коммерческий, содержащий познание о товарах всех стран. . .» (1787–1792. Ч. 1–7), «Погребщик, или Полное наставление, как обходиться с виноградными винами. . .» (1788), «Словарь ручной натуральной истории, содержащий историю, описание и главнейшие свойства животных, растений и минералов. . .» (1788. Ч. 1–2), «Полный русский конский лечебник. . .» (1795. Ч. 1–2; 6-е изд. 1860), «Всеобщее и полное домоводство. . .» (1795. Ч. 1–2), «Садоводство полное. . .» (1805–1808. Ч. 1–4), «Книга для охотников до звериной, птичьей и рыбной ловли» (М., 1810), «Врач деревенский, или Благонадежное средство лечить самому себя. . .» (М., 1811) и др.

За эти свои труды Л. был избран членом мн. научных обществ и учреждений: Вольного экон. о-ва (1793), Королевского Саксонского экон. о-ва (1795), Филантропического о-ва (1804), Ит. Академии наук в Неаполе (1806), О-ва испытателей природы при Моск. ун-те (1808), Вольного о-ва любителей словесности, наук и художеств (1818), Моск. о-ва сел. хоз-ва (1821). Вольное экон. о-во наградило Л. 17 золотыми и 4 серебряными медалями.

Л. принадлежат биографические книги: «Жизнь, анекдоты, военные и политические деяния

российского генерал-фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева. . .» (СПб., 1808), «Жизнь генерал-фельдмаршала князя Григория Александровича Потемкина-Таврического» (СПб., 1811. Ч. 1–2), «Собрание писем и анекдотов, относящихся до жизни Александра Васильевича князя Италийского, графа Суворова-Рымникского. . .» (М., 1809; 4-е изд. М., 1858). Из чисто литературных произведений перу Л. принадлежат несколько опер, драм, комедий, «мещанская трагедия» «Гартлей и Флориничи», сборник басен и притч. Увлечение Л. передовыми просветительскими идеями, его сочувствие образу мыслей европ. мыслителей, критическое отношение к рос. порядкам носили довольно поверхностный характер. В «Собеседнике» (1784) печаталась утопическая повесть Л. «Новейшее путешествие», в которой он попытался показать страну, где господствует всеобщее равенство, нет частной собственности, религии, государства; однако свой рассказ он завершил обличением тур. деспотизма и всяческими похвалами *Екатерине II*.

Большой успех у читателей имел сборник Л. «Русские сказки, содержащие древнейшие повествования о славных богатырях, сказки народные и прочие оставшиеся через пересказывание в памяти приключения» (1780. Ч. 1–4; 1783. Ч. 5–10; 3-е изд. 1820; 4-е изд. 1829); отдельные сюжеты из них перешли в лубок и были использованы А. С. Пушкиным в поэме «Руслан и Людмила». Произведения сборника можно разделить на две группы: волшебно-рыцарские, или богатырские, повести и сатирико-бытовые сказки и новеллы. Первые представляют собой литературные обработки рус. былин в духе западноевроп. рыцарских романов; действующие в них Василий Буслаев, Добрыня Никитич, Алеша Попович, Чурила Пленкович напоминают европ. «странствующих рыцарей»; в рассказы об их подвигах и приключениях внесены эпизоды из волшебно-рыцарских романов и вост. сказок, в частности из сказок «1001 ночь». Вторые — литературно обработанные рус. народные сказки, в основном сатирической направленности («О племяннике Фомке», «О воре Тимошке», «О цыганке»), и сатирико-бытовые повести («Досадное пробуждение», «Повесть о новомодном дворянине»). В сказках из сборника Л. ощутимо влияние широко известного в России исп. и фр. плутовского романа. Сказки бытового характера вызвали резкую критику в печати (СПб. вестн. 1781. № 4). С др. стороны, Новиков в «Моск. вед.», в заметке от издателя, благосклонно отозвался о труде Л. как о «любопытства достойном повествовании, приятном и занимающем внимание читающего, увеселяющем его и приносящем по содержащемуся в нем нравоучению ощутительную пользу» (1783. 18 окт. № 83). «Повесть о новомодном дворянине» посвящена проблеме воспитания детей, в решении которой Л. следует взглядам *А. П. Сумарокова*, Н. И. Новикова и *Д. И. Фонвизина*. В повести имеется прямая перекличка с «Бригадиром». «Досадное пробуждение» повествует о бедном чиновнике: пьяный Брагин во сне видит себя молодым, красивым и счастливым, а просыпается лежащим в грязи на улице; в повести едва ли не впервые в рус. литературе дана попытка раскрыть душевные переживания «маленького человека», показать, что за внешней неприглядностью героя таится доброе сердце. Брагин является самым ранним предшественником героев А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского. Повести Л. отличает простой язык, широкое привлечение фольклорных материалов — народных пословиц и поговорок. Др. сборник Л. под назв. «Вечерние часы, или Древние сказки славян древлянских» (1787–1788. Ч. 1–6) целиком состоит из авантюрно-галантных повестей, насыщенных рискованными любовными ситуациями, и отличается почти полным отсутствием реально-бытовых деталей. Единственное, что можно в них назвать «славянским», — это имена древних богов.

В старых биографиях Л. неправомерно приписывался ряд произведений *В. В. Лазаревича*, *М. Д. Чулкова*.

Лит.: *Б. П.* В. А. Левшин. Некролог // Сев. пчела. 1826. 4 сент.

№ 105; [Без подписи]. Левшин В. А. // Рус. биогр. словарь. Т. «Лабзина–Лященко» (1914); *Шкловский В. Б.* Чулков и Левшин. Л., 1933; *Колесницкая И.* Рус. сказочные сборники посл. четв. XVIII в. // Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та. 1939. № 33. Сер. филол. Вып. 2; *Померанцева Э. В.* Судьбы рус. сказки. М., 1965; *Пухов В. В.* Сатирические произведения в «Рус. сказках» В. А. Левшина //Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. 1967. Т. 321.

В. В. Пухов

ЛЕВШИН Петр Георгиевич (в монашестве — П л а т о н) [29 VII (9 VIII) 1737, с. Чашниково Московской губ.–11 (23) XI 1812, Вифанский м-рь в Московской губ.; похоронен в пещере церкви Воскресения Лазаря там же]. Сын причетника Георгия Данилова, брат *А. Г. Левшина*. В раннем возрасте научился грамоте, затем учился в Коломенской дух. семинарии. Поступление отца на службу в Москву викарным священником церкви св. Николая дало возможность Л. вместе с братом перейти в Славяно-греко-лат. академию, где они приняли фамилию Левшиных.

Л. самостоятельно изучил не входившие в курс обучения географию, историю, греч. язык по учебникам грамматики, а также посещая службу в греч. монастыре. Л. особенно полюбил Иоанна Златоуста; сочинения Квинта Курция и Цицерона произвели на него сильное впечатление ясностью изложения и красотой слога, Л. выучил их наизусть. Избрав службу на духовном поприще, Л. отказался от поступления в Моск. ун-т, куда был направлен вместе с группой учеников академии.

В 1757, еще до окончания четырехлетнего курса богословия, Л. был определен Синодом учителем пиитического класса академии со 170 руб. годового жалованья. В обязанности Л. входили также толкования катехизиса по воскресным дням. Толкования имели характер публичных богословских лекций и привлекали много слушателей, они обычно состояли из двух частей — догматической и нравственной, содержащей практические наставления, и отличались простотой, изобиловали примерами из обыденной жизни. Л. приобрел славу «второго Златоуста».

Успех молодого проповедника вызвал недовольство епископа Переяславского и члена Моск. синод. конторы *Амвросия Зертис-Каменского*. Изучив тетради Л., он нашел в них отступления от православного вероучения и потребовал высечь Л. в присутствии учеников академии, а затем отчислить. Ректор академии, не найдя в поучениях Л. ничего предосудительного, заступился за него. Распространившиеся по Москве слухи вызвали к Л. сочувствие и еще больший интерес горожан.

В 1758 по желанию *Гедеона Криновского* Л. был приглашен учителем риторики в семинарию Троице-Сергиевой лавры. В том же году он принял монашество и стал иеродиаконом, а затем иеромонахом. Гедеона, который и в дальнейшем оказывал ему покровительство, Л. считал «первым по родителях своих».

Часто бывая с Гедеоном, исполнявшим обязанности придворного проповедника, в Петербурге, Л. познакомился с А. Г. Разумовским, *И. И. Шуваловым*. Намерение Шувалова отправить Л. за границу для усовершенствования в науках не было поддержано Гедеоном, который готовил Л. для духовного поприща. В 1759 Л. был назначен префектом, а в 1761 ректором Троицкой дух. семинарии.

В 1762, во время посещения *Екатериной II* семинарии, приветственная речь Л. и короткая беседа с ним произвели на нее сильное впечатление. В следующем году императрица «указала быть Платону наместником Лавры», а затем повелела отпечатать слово Л. «О пользе благочестия», в котором говорилось о необходимости благочестия чиновников.

В июле 1763 Л. был назначен учителем Закона Божия к цесаревичу Павлу Петровичу, а в окт., после смерти Гедеона, стал придворным проповедником и благодаря своему красноречию получил репутацию «русского Массильона». В «словах» и проповедях Л. говорил

о христианской любви, вере, о божественном промысле, о бессмертии души и о загробной жизни, о церковных обрядах. Л. осуждал и слепую приверженность старине, и пристрастие ко всему иноземному. Он упрекал слушателей в увлечении идеями фр. философов и уклонении от посещения богослужений. Л. отмечал недостатки рос. воспитания, отводя светским наукам важное, но второстепенное место. В Петербурге Л. познакомился с *И. И. Бецким*, З. Г. Чернышевым, *А. П. Сумароковым, И. П. Елагиным, Д. И. Фонвизиным, Н. И. Паниным*. В короткое время он самостоятельно овладел фр. языком. Вместе с епископами Иннокентием Нечаевым и *Гавриилом Петровым* Л. по поручению Екатерины II рассмотрел составленный ею «Наказ» для Комиссии нового Уложения. В 1766 за успешное и ревностное исполнение своих должностей Л. был сделан архимандритом Троице-Сергиевой лавры. В 1768 он стал членом Синода, а в 1770 назначен архиепископом в Тверь с сохранением прежних должностей. В 1773 Л. стал законоучителем невесты Павла Петровича, принцессы Гессен-Дармштадтской Вильгельмины (вел. княгини Натальи Алексеевны). В Тверскую епархию он удалился только со вступлением Павла в брак.

В Твери Л. занимался устройством нового дома для духовной семинарии, открыл несколько духовных школ, где восстановил преподавание на лат. языке, сетуя, что духовные лица, не зная ни фр., ни нем. языка, «от иностранцев почитаются почти неучеными». Влияние латыни сказывалось и в речах самого Л.

В 1775 Екатерина II, направляясь через Тверь в Москву, распорядилась перевести Л. в Московскую епархию, наградив его панагией, осыпанной драгоценными камнями. Попытка Л. отказаться от новой должности оказалась безуспешной, и он был назначен архиепископом Московским и Калужским, а также ректором Моск. дух. академии.

Горячий сторонник учености и просвещения, Л. стремился к возвышению духовенства в культурном и нравственном отношениях. Он запретил самовольный переход прихожан из одного прихода в др., число учеников в академии увеличил с 300 до 1500, было улучшено преподавание греч. и евр. языков, учреждены классы лат. и рус. красноречия. Л. требовал от учителей обращать внимание не только на умственную, но и на нравственную сторону развития учеников. В пользу студентов академии Л. издавал свои проповеди. Он открыл духовные училища в Перерве, Калуге, Звенигороде и Дмитрове, а также бурсу при Моск. дух. академии для обучения сирот и детей бедных родителей.

Пользуясь благосклонностью Екатерины II, Л. часто бывал в Петербурге и присутствовал при дворе, а в торжественных случаях совершал богослужение в придворной церкви. После смерти вел. княгини Натальи Алексеевны (1776) Л. был законоучителем будущей императрицы Марии Федоровны.

Служебные обязанности в Синоде тяготили Л. В 1781 после нескольких просьб он получил увольнение и занялся устройством приюта, в котором хотел провести остаток своей жизни. Неподалеку от Троице-Сергиевой лавры на собственные средства Л. построил две церкви — на горе и в пещере, и основал монастырь, впосл. получивший назв. Вифания.

В 1785 Л. было предписано рассмотреть книги, напечатанные в вольных типографиях. Он был также назначен цензором всех переводных сочинений и облечен правом разрешать печатание книг духовного содержания. По распоряжению Екатерины II, Л. подверг *Н. И. Новикова* испытанию в православии. В своем донесении он сообщал: «Молю всещедрого Бога, чтобы не только в словесной пастве <. . .> но и во всем мире были христиане таковые, как Новиков». Книги, изданные Новиковым, Л. разделил на литературные, мистические, которые он «не понимает», и «самые зловредные», «порождение так называемых энциклопедистов». На основании замечаний Л. было запрещено несколько книг масонского содержания. Л. настойчиво стремился противодействовать

влиянию фр. философов, используя для этого и свои проповеди, которые часто имели форму диалога между истинным христианином и вольнодумцем.

Возведенный в сан митрополита Московского (1787), Л. продолжал прилагать энергичные усилия для улучшения духовного образования. В Вифанской дух. семинарии он ввел преподавание декламации, церковной истории и герменевтики. Л. написал «Краткую церковную Российскую историю» (М., 1805. Т. 1–2; 3-е изд. М., 1834), для чего дважды предпринимал путешествия по достопамятным в церковном отношении местам России. В этом труде Л. критически отозвался об «Опыте повествования о России» (М., 1803) *И. П. Елагина*, возражая против его утверждения, что при кн. Владимире существовали театры. Суждения самого Л. о слав. язычестве и Лжедмитрии I отличались научной обоснованностью и прозорливостью. Заметки Л. о путешествиях были изданы после его смерти: «Путешествие <. . .> в Киев и по другим российским городам в 1804 году. . .» (СПб., 1813) и «Путевые заметки <. . .> о путешествии в Ярославль, Кострому и Владимир 1792 года» (Рус. вестн. 1841. № 9).

Получив увольнение от епархии в 1792, Л. жил то в Троице-Сергиевой лавре, то в Вифании. В 1797 при коронации Павла Петровича Л. произнес приветственную речь. Павел I на всю жизнь сохранил привязанность к своему учителю. Он пожаловал Л. орденом св. Андрея Первозванного.

Л. сыграл важную роль в смягчении преследований старообрядцев, призывая относиться к ним с терпением и считать единоверцами православной церкви. В 1801 Синод утвердил предложения Л., и в том же году на Введенском кладбище в Москве была открыта первая единоверческая церковь.

В 1805 Л. вел переписку с Александром I, убеждая его в непрочности мира, заключенного с Наполеоном. В 1810 Л. был награжден орденом св. Владимира 1-й степени. После включения медицины в курс обучения Славяно-греко-лат. академии СПб. медико-хирургическая академия приняла Л. в почетные члены.

До конца своих дней Л. был чрезвычайно популярен в обществе. Его поучительные слова, печатавшиеся отдельными изданиями, входили в круг чтения просвещенных людей. В его честь в разные годы семинаристы, а также питомцы Дружеского учен. о-ва при Моск. ун-те сочинили 45 стихотворных сборников. Со стихотворными посланиями, в основном панегирического характера, к Л. обращались *М. И. Веревкин, И. Грешищев, Моисей Гумилевский, Д. Ильин*, С. Калачников, *Е. И. Костров, В. И. Майков, М. И. Невзоров*, М. Нехотенов, В. Ф. Романов. По преданию, Л., увидев в церкви юного А. Ф. Мерзлякова, предрек его писательское будущее. Характеризуя красноречие Л., А. П. Сумароков писал: «Платон есть последователь Златоуста, его имеет дарования, его свойства, его вкус. Сей российский Бурдалу исполнен силы, пламени и быстроты, преемник Феофанов <Феофана Прокоповича> приводит в восхищение слышателей, а читателей еще больше» (*Сумароков А. П.* Полн. собр. всех соч. 2-е изд. М., 1787. Ч. 6. С. 283). Получив от *Е. Р. Дашковой* текст проповеди Л., произнесенной в 1770 у могилы Петра I, Вольтер высоко отозвался о ней в письме к Екатерине II. Ш. де Линь писал Екатерине II: «Не забыл я Платона, преисполненного достоинств, в котором мне так нравились греческая грация, римское красноречие, знание древности и новейших наук вместе с любезным и очаровательным обхождением» (Рус. старина. 1876. Т. 17. С. 442). По мнению М. И. Невзорова, время, когда Л. возглавлял Моск. дух. академию, стало «особливо блистательной эпохой» в ее истории: «Имя Платона в Европе славно, в России всем любезно, и самые пастыри, имеющие в руках кормило российския церкви, чтут его своим учителем, наставником и благодетелем» (Друг юношества. 1807. Сент. С. 69).

Произнесенные Л. в 1763–1806 612 слов и 52 речи изданы *Дамаскином Семеновым-Рудневым* (1779–1806. Т. 1–20). Признав достоинства проповедей Л., Синод

включил мн. из них в число годичных поучений для всех церквей. Сочинения Л. «Православное учение, или Сокращенная христианская богословия. . .» (1765; 3-е изд. М., 1819), «Краткий катехизис для обучения малых детей православному христианскому закону» (1766), а также «Катехизис, или Первоначальное наставление в христианском законе, толкованное всенародно в 1757 и 1758 гг.» (1781. Ч. 1–2), в основу которых были положены уроки, даваемые им вел. князю Павлу Петровичу, обозначили перелом в истории богословия — стремление сблизить его с жизнью, растворив в нравоучении, в эмоционально-моралистическом гуманизме. По мнению императора Иосифа II, Л. был более философ, чем проповедник.

«Записки о жизни <. . .> Платона, им самим писанные и оконченные Самуилом, Костромским епископом» изданы И. М. Снегиревым. Он также опубликовал два кратких стихотворных обращения Л. к Н. Рогову и стихи Рогова, в т. ч. акростихи, посвященные Л.

Архив Л. находится в РГБ (ф. 299, № 1–30), отдельные документы и письма — в РГАДА, РГИА, РНБ, СПбФ ИРИ РАН.

Лит.: *Надеждин А.* Митроп. Московский Платон Левшин как проповедник. Казань, 1883; *Снегирев И. М.* Жизнь Московского митроп. Платона. М., 1891; *Георгий Флоровский, протоиерей.* Пути рус. богословия. 3-е изд. Paris, 1983.

Е. Д. Кукушкина,
Г. А. Лихоткин

ЛЕГКОЙ Дмитрий Дмитриевич [1741, Петербург–10 (21) XI 1767, Страсбург]. Сын солдата Измайловского полка. 15 марта 1751 был принят в Акад. гимназию, с 1 сент. переведен в число «казеннокоштных» гимназистов, а в 1760 стал студентом Акад. ун-та, проявив склонность к изучению юридических наук (слушал лекции Г. Ф. Федоровича и И.-Э. Фишера).

2 июня 1764 Л. в числе семи лучших выпускников был представлен *М. В. Ломоносовым* к заграничной командировке и в дек. вместе с детьми президента Академии гр. К. Г. Разумовского в качестве их гувернера выехал в Страсбург (СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 1, № 286, л. 224–232). 5 мая 1765 он начал слушать курс права у профессора Эрлена в Страсбургском ун-те, но ежедневные уроки с воспитанниками отнимали у него «самое прекраснейшее время», вследствие чего он принужден был пропускать порою необходимые лекции и «награждать сию утрату своим прилежанием». Рапорты и письма Л. в Акад. канцелярию свидетельствуют о его успешных занятиях наукой и языками (СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 1, № 270, л. 144–154). Однако напряженная работа и учение подорвали слабое здоровье юноши. Летом 1767 Л. тяжело заболел и вскоре скончался. Сообщая 21 нояб. 1767 в Академию наук о его смерти, профессор истории и красноречия И.-Д. Шепфлин писал: «Ему бы долго жить долженствовало, дабы он мог случай иметь знание и искусство, здесь приобретенное, в пользу отечества употребить» (СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 1, № 286, л. 245).

В 1763 Л. вместе со студентом *Д. Е. Мокеевым* перевел «Повесть о хромоногом бесе» А.-Р. Лесажа (1763. Ч. 1–2; 3-е изд. 1791).

Е. С. Кулябко

ЛЕОНТЬЕВ Алексей Леонтьевич [1716–12 (23) V 1786]. Сын священника. Учился в Славяно-греко-лат. академии. С 1739 в Коллегии иностр. дел в Москве обучался маньчжур. языку у крещеного китайца Федора Джога. С 1741 продолжал службу в Коллегии иностр. дел в Петербурге (АВПР, Внутр. кол. дела (1740–1789 гг.), оп. 169/1, № 103, л. 30). В 1742 Л. был отправлен в Пекин, где, проявив «прилежность» в переводах с кит. и маньчжур. языков и «ревность» к отечеству, пробыл переводчиком при рус. миссии до 1756. По возвращении в Петербург был пожалован чином поручика и определен переводчиком в Коллегию иностр. дел. В 1757 указом Сената ему был поручен перевод для Академии наук многотомной «Китайской истории». «Обстоятельное описание происхождения и состояния маньджурского народа и войска, в

осьми знаменах состоящего» было опубликовано только в 1784 (т. 4, 5, 9–16 переведены Л., остальные — *И. К. Россохиным*; среди примечаний ко всему изданию, помещенных в т. 17, есть составленные Л.).

В 1762 Л. был произведен «секретарем капитанского рангу», а в 1767 вновь отправился в Пекин с посольством *И. И. Кропотова* для переговоров по ряду спорных вопросов, в т. ч. о возобновлении торговли. В 1770 он становится «секретарем майорского рангу», в 1779 получает чин надв. советника.

Расцвет переводческой деятельности Л. относится к 1770-м гг., хотя свои первые переводы с кит. он напечатал уже в 1764 в журнале «Ежемес. соч.» (дек.): надпись, сделанная на камне иудейским монахом Гингием в 781 г., и Иезуитская челобитная о гонении христиан в одной из кит. губерний в 1692. В 1770 Л. выступил в журналах *Н. И. Новикова* с переводами статей, в которых говорилось о просвещенном государе, мудром законодателе: «Чензыя, китайского философа совет, данный его государю» («Трутень»; подп. — «Не знаю кто») и «Завещание Юнджена, китайского хана, к его сыну» («Пустомеля»; без указания переводчика). Последняя (в испр. ред.) вошла в составленный Л. сборник поучений императора Юнчжена «Китайские мысли. . .» (1772; 2-е изд. 1775; 3-е изд., доп. 1786).

Двумя изданиями (1771 и 1772) в переводе Л. вышла книга «Депей-китаец», содержащая толкование философских положений Мэн-цзы. Ему также принадлежат переводы книги «Ге янь, то есть умные речи» (1776; 2-е изд. 1779), «Китайское уложение» (1778–1779. Ч. 1–2) и «Китайские поучения, изданные от хана Юнджена для воинов и простого народа. . .» (1778).

Важным вкладом в рус.-кит. культурные связи был перевод этико-политических произведений конфуцианской литературы «Да хио, то есть Учение великое» и «Джун юн, то есть Закон непреложный», изданных под общим загл. «Сы Шу Гей» (1780–1784. Кн. 1–2).

По личному распоряжению *Екатерины II* Л. перевел также «Тайцин гурунь и Ухери коли, то есть все законы и установления китайского (а ныне маньжурского) правительства» (1781–1783. Т. 1–3) и «Букварь китайский» (1779).

Эти и ряд др. переводов Л. показывают, что он был крупнейшим ученым-синологом своего времени; в круг его разносторонних интересов входили кит. история, география, этнография, философия, законодательство, медицина. Не был он чужд и стихотворства; в «Уведомлении о чае и о шелке» (1775) он поместил собственный стихотворный перевод «китайских стихов, кои напечатаны на картинках, изображающих крестьянские работы, как крестьяне хлеб пашут, а крестьянки шелк делают».

Переводы Л. имели не только научное и дипломатическое значение. Они положили начало разработке «восточной темы», занявшей важное место в литературе рус. Просвещения. Обычно писатели аллюзионно сопоставляли Китай и Россию, оценивая т. о. политическое положение своей страны. Переводы Л. пользовались большим успехом (см. одобрительные рецензии и отзывы: Ежемес. соч. (1764. Ч. 20. Дек.), СПб. вестн. (1778. Ч. 1. Март; 1779. Ч. 3. Февр. и Ч. 4. Сент.; 1780. Ч. 6. Нояб.)). Критика отмечала международную известность Л.: «Редкость переводов китайских книг на европейские языки приобрели переводам г. Леонтьева не только в России, но и в других землях немалую похвалу» (СПб. вестн. 1780. Ч. 6. Нояб.).

Лит.: Бантыш-Каменский. Словарь. Ч. 3 (1836); Евгений. Словарь. Т. 2 (1845); Семенников. Мат-лы для словаря (1914); *Стренина А. В.* У истоков рус. и мирового китаеведения: (Россохин и Леонтьев и их труд «Обстоятельное описание происхождения и состояния маньджурского народа и войска, в осьми знаменах состоящего») // Сов. этнография. 1950. № 1.

М. А. Арзуманова

ЛЕОНТЬЕВ Николай Васильевич [I 1739–10 (22) IV 1824, Петербург]. Происходил из дворян. Учился в Сухоп. шлях. корпусе (с 1755); был выпущен прапорщиком в гвардию, но оставлен при корпу-

се (1758). Восторженно приветствовал переворот 1762 напечатанной в июле одой на восшествие на престол *Екатерины II*, в которой дал подробный пересказ основных положений манифеста от 6 июля. В 1766 переведен капитан-поручиком в Измайловский полк, где служил вплоть до отставки с чином полковника (15 марта 1779). С июля 1779 — член Конторы строения Исаакиевского собора. Успешно продолжал карьеру в царствование Павла I; присутствовал во 2-м (с 1796), во Временном казен. дел (с 1800), в 4-м Апелляционном (с 1805) Деп. Сената; состоял членом Комиссии составления законов; в 1800 был назначен президентом Мед. коллегии. 1 янв. 1800 возведен в командоры ордена св. Иоанна Иерусалимского. В 1807 Л. лишился зрения и практически участия в служебных делах больше не принимал. Уволен в отставку в 1816. В эти годы за ним числилось 1296 душ крепостных (формуляр 1816 г. — ИРЛИ, ф. 320, № 1245).

Литературное творчество Л. в основном приходится на 1760–1770-е гг. Он был связан с переводческим кружком Сухоп. шлях. корпуса, в типографии которого по заказу Л. и, очевидно, в его переводе был напечатан роман Ж.-Б. д'Аржанса «Счастливый флорентинец, или Жизнь графа де ла Валле» (1763; с фр.). Он был выбран в аускультанты (члены-соревнователи) Вольного экон. о-ва и перевел для его «Трудов» с нем. языка статьи профессоров И.-Г. Моделя и И.-Г. Лемана (1766–1767). Ему принадлежат также подносные оды «на прибытие Екатерины II» из Москвы в Петербург (1775) и «на торжество рождения» Александра I (1778). Оды отличает сухой рациональный стиль; в них дается подробный перечень военных побед, административных и просветительных мероприятий екатерининского царствования. На пугачевское восстание Л. откликнулся «Похвальными стихами» к победителю восставших А. И. Бибикову (1774). *М. Н. Муравьев*, служивший в кадетской роте, которой командовал Л., отзывался о нем, как о человеке «нерешимом и которого стихи скучны».

Литературную репутацию Л. определил сборник «Басни» (1766; в части тиража имеются разночтения в тексте басни «Пчелы» и помета «Конец первой части»). Сборник разделен на две книги. Он возник на волне интереса к жанру басни после выхода «Притч» *А. П. Сумарокова* (1762). Л. одним из первых, видимо под влиянием нем. традиции, употребил в загл. сборника слово «басня» в современном нам значении вместо общепринятого термина «притча». Басни Л. получили одобрительную оценку (см.: Лейпцигское известие (1768)); составитель этого издания считал Л. подающим надежды писателем: «Хотя они и не могут выдержать строгой критики, однако же обличают, что автор не лишен вкуса и что любовь к изящным искусствам может повести его далеко». «Превеликую надежду», что Л. будет хорошим стихотворцем, выразил *Н. И. Новиков*, говоря о ходивших в рукописях элегиях и «других изрядных стихотворениях» Л. (Новиков. Опыт словаря (1772)). Характерные особенности стиля басен Л. довольно метко схвачены в читательском отзыве В. А. Поленова (1820-е гг.): «Необыкновенная простота рассказа составляет одно из главнейших достоинств этих произведений. Простота эта иногда доходит до излишества и заставляет читателя невольно улыбнуться над простодушием автора. . . Однако его простодушная веселость в иных местах и как бы невольное сострадание к глупостям человеческим — в других забавляют и привлекают читателя» (цит. по: Сухомлинов. Рос. Академия. Вып. 7 (1888). С. 121).

При организации Рос. Академии Л. был назначен одним из ее первых членов. Вместе с *Д. И. Фонвизиным*, С. Я. Румовским и *И. И. Лепехиным* ему было поручено составление общего плана «Словаря Академии Российской»; он также был членом «грамматикального» отдела и представил подборку слов на литеру «Х». Литературная деятельность Л. в это время прекращается. Последние из его известных стихотворений — ода на восшествие на престол Александра I (РГАДА, ф. 1239, оп. 3, ч. 111, № 56082) и «Чувствования отца,

скорбящего о кончине незабвенной дочери своей, графини Анны Николаевны Салтыковой» (СПб., 1823; ценз. разр. — 15 окт. 1823). Подносят оду императору, Л. 11 дек. 1801 писал Д. П. Трощинскому: «Я и прежде сего несколько занимался сего рода сочинениями, имея к тому некоторую способность, а притом и от публики одобрение, но давно уже ни за что не принимался, сколько от забот, а паче от того, что Истина нечасто дает к сему случай». Принадлежность Л. песни «Если б Машенька любила. . .» (подп. — «Нкл. Лнтв.») в журнале «Приятное и полезное» (1795) сомнительна.

Лит.: *Шамрай Д. Д.* Ценз. надзор над типографией Сухоп. шлях. кадет. корпуса // XVIII век. М.; Л., 1940. Сб. 2; Стих. сказка (1969); Рус. басня (1977); Письма рус. писателей (1980).

В. П. Степанов

ЛЕПЕХИН Иван Иванович [10 (21) IX 1740, Петербург–6 (18) IV 1802, там же; похоронен на Волковом кладбище]. Сын однодворца, солдата Семеновского полка. По прошению отца в 1751 был принят в Акад. гимназию казеннокоштным учеником; с 1760 — студент Акад. ун-та. 13 сент. 1762 вместе с *А. Я. Поленовым* был послан в Страсбургский ун-т с наставлением обучаться натуральной истории, а также нем. и фр. языкам. В 1767 получил степень доктора медицины. В Россию Л. вернулся в окт. 1767, а 23 мая 1768 был избран адъюнктом Академии наук; с 1771 — академик, участник организованных Академией научных экспедиций, целью которых был, в частности, сбор сведений по истории и этнографии рос. провинций. С 1768 по 1772 Л. возглавлял один из т. н. оренбургских отрядов, обследовавших Поволжье, Урал, Сибирь, Поморье. В 1773 путешествовал по Белоруссии и Прибалтике. С 1774 — директор Ботанического сада, с 1777 по 1794 заведовал Акад. гимназией. Был членом Вольного экон. о-ва, а также заграничных обществ — Берлинского о-ва испытателей природы и Гессен-Гомбургского патриотического о-ва.

По свидетельству биографов-современников, Л. был неутомимым тружеником, талантливым и необычайно добросовестным ученым, в то же время скромным, душевным человеком. Л. был стеснен в средствах, живя с семьей лишь на академическое жалованье. После его смерти вдова, В. С. Лепехина, распродала библиотеку Л.

Основной труд Л. — «Дневные записки путешествия <. . .> по разным провинциям Российского государства» (1771–1805. Ч. 1–4; ч. 4 со с. 81 дописана и издана *Н. Я. Озерецковским* (в нее вошли также работы *В. В. Крестинина*, А. И. Фомина и др.); 2-е изд. 1795–1814; нем. перевод — 1774–1783). В «Записках» точные, соответствующие правилам научной систематики характеристики обследуемых объектов сочетаются с рассказом о трудностях передвижения и сложных условиях жизни путешественника, с живыми зарисовками встреч с разными людьми, с размышлениями автора об увиденном. Язык повествования прост и точен. Автор использует пословицы и поговорки, каламбурное обыгрывание слов, вводит в текст прямую речь. Благодаря этому «Записки» стали не только ученым трудом, но и явлением литературно-художественным. Мнение современников об особенностях стиля «Записок» не было единодушным. Академик *А. Ф. Севастьянов*, например, отмечал «изящный слог» описаний, академик А. П. Протасов считал некоторые шутливые выражения несоответствующими «дельному» слогу.

Л. был одним из авторов и переводчиков научно-литературного журнала «Новые ежемес. соч.» (1786–1796) и после смерти его редактора А. П. Протасова редактировал очередной 119-й выпуск (1799. Май); совместно с С. Я. Румовским и Н. Я. Озерецковским осуществил первое научное издание сочинений *М. В. Ломоносова* (1784–1787. Ч. 1–6). Как приглашенный «цензор» (лицо, рассматривающее и оценивающее поступающие переводы) Л. участвовал в Собрании, старающемся о переводе иностр. книг (1774). Значительное место среди принятых и напечатанных под наблюдением Л. переводов за-

нимали произведения греч. и лат. авторов (Гомера, Гесиода, Лукиана, Платона, Овидия, Теренция, Вергилия, Цицерона и др.). Нет точных сведений о степени участия Л. в «Собеседнике». Ему приписывалось авторство некоторых анонимных и подписанных псевдонимом «Любослов» филологических статей, напечатанных в этом журнале. Ошибочна версия о принадлежности Л. «Сумнительных предложений господам издателям Собеседника от одного невежды...» и «Мнений о разделении согласных букв в рассуждении произношения пред ними з и с».

Л. перевел и снабдил комментариями ч. 1 (совм. с С. Я. Румовским) и ч. 5–10 «Всеобщей и частной естественной истории» Ж.-Л.-Л. Бюффона (1789–1790; 2-е изд. 1792–1794). Обращение рус. академиков к «Естественной истории» было вызвано интересом к идеям Бюффона, рассматривавшего формирование Земли и земной поверхности, давшего описания животных, растений, минералов и обосновавшего тезисы о единстве органического мира, об изменчивости видов. Язык перевода отличался простотой и выразительностью, что способствовало его популярности.

С момента образования Рос. Академии (1783) Л. стал ее непременным секретарем и переводчиком, а также участником «Словаря Академии Российской» (1789–1794. Т. 1–6). Л. вошел в специальный отдел («отряд»), осуществлявший работу по словарю. Он участвовал в разработке плана словаря, занимался выборкой слов из естественнонаучных источников, собирал для алфавитных списков («аналогических таблиц») слова на буквы «Р», «У», «Ѣ», «Θ», занимался издательскими делами. Л. принадлежат все определения слов, «изъявляющих естественные произведения в отечестве нашем, также орудия и снасти, в рыбных и звериных промыслах употребляемые». Благодаря Л. в словарь было включено много народных назв. растений и птиц, а также слов, относящихся к местным промыслам и ремеслам. Л. выработал единую модель словарных дефиниций для естественнонаучной лексики. Академические труды Л., его умелая организаторская деятельность были высоко оценены. По предложению *Е. Р. Дашковой* Л. был первым из академиков награжден большой золотой медалью Рос. Академии, имевшей девиз «Российскому слову отличную пользу принесшему» (1780).

Л. вел основную работу и в «Словаре Академии Российской, по азбучному порядку расположенному» (СПб., 1806–1822. Ч. 1–6). Он составил план издания, обрабатывал слова на буквы «Ц», «Ч», представил списки слов для пополнения реестра «Словаря».

О лингвистических взглядах Л. можно судить по написанному им предисловию к «Словарю». Предисловие представляет собою результат коллегиально выработанной концепции, но несомненно, что и сам Л. разделял эту концепцию, опиравшуюся на ломоносовское учение о языке. В предисловии признавалась генетическая общность рус. и церковнослав. языков, благодаря чему «славенороссийский» язык имеет «обилие, важность, силу и красоту». Отсюда и принципы формирования словника на основании рус. и церковнослав. источников. Учение Ломоносова отражено в грамматических характеристиках слов, теория трех стилей — в стилистических ремарках. Среди литературных источников «Словаря» значительное место занимают произведения Ломоносова, больше всего примеров-иллюстраций взято из его сочинений. Л. высоко ценил Ломоносова как ученого и поэта. Он поместил в своих «Дневных записках» неизвестное ранее стихотворение Ломоносова «На туесок» (Ч. 4. С. 303), рекомендовал гимназистам ломоносовскую «Риторику».

Л. был знаком со мн. писателями (*Г. Р. Державин, Д. И. Фонвизин, В. В. Капнист, И. Ф. Богданович* и др.).

Лит.: *Севастьянов А. Ф.* О жизни и трудах И. И. Лепехина // Всеобщая и частная естественная история Бюффона. СПб., 1808. Ч. 10; *Озерецковский Н. Я.* Жизнь И. И. Лепехина // Журн. Деп. нар. просв. 1822. № 11; *Поленов В. Я.* Краткое жизнеописание И. И. Лепехина //

Тр. Рос. Академии. СПб., 1840. Ч. 2; Сухомлинов. Рос. Академия. Т. 2 (1875); *Фрадкин Н. Г.* Академик И. И. Лепехин и его путешествия по России в 1768–1776 гг. М., 1953; *Лукина Т. А.* Иван Иванович Лепехин. М.; Л., 1965; Кулябко. Замечательные питомцы (1977).

Е. Э. Биржакова

ЛИФАНОВ Евграф Федорович [1770–I 1820, Екатеринослав]. Родился в дворянской семье. Служил сначала в Преображенском полку (1782), затем в Ахтырском конном полку, откуда был взят в штат Г. А. Потемкина (1788). Участвовал в походе в Молдавию и в сражении под Очаковом (1788). В 1793 по болезни вышел в отставку. Служил в Деп. гос. хоз-ва и публ. зданий М-ва внутр. дел инспектором по хозяйственной части (1808–1816). В 1808 принял участие в снабжении продовольствием голодающих крестьян Вологодской губ., был представлен к награждению за «отличную деятельность»; по словам *О. П. Козодавлева*, Л. «нельзя было не приписать успеха всей операции» (РГИА, ф. 1285, оп. 7, № 325; оп. 3, № 315; ф. 1343, оп. 24, № 24). Самоотверженные действия Л. по устройству колоний в Екатеринославской губ. (1812–1813) даже навлекли на него неудовольствие местных властей, в частности губернатора Одессы А.-Э. Ришелье (см.: *Никитин В. Н.* Евреи-земледельцы. 1807–1887. СПб., 1887).

Впервые в печати Л. выступил в качестве переводчика книги фр. каноника Ж. Пернетти «Общественный человек» (1787; без указания автора). Книга посвящена описанию «добродетелей и хороших свойств» и изобилует моральными сентенциями. Некоторые ее положения прямо направлены против концепции Руссо о вредном влиянии просвещения на нравы: «Весьма предосудительно <. . .> восхваляются нравы диких, их вольность. Мы видим бедствия от непросвещения гораздо большие, кои происходят от страстей».

С 1790-х гг. Л. был связан с театром. Он был знаком с молодыми драматургами И. А. Крыловым, С. Н. Сандуновым и переводчиками *А. Ф. Лабзиным*, С. Н. Глинкой (они и Л. подавали пьесы друг друга в московскую цензуру в 1798). В это время Л. перевел пьесу А. Коцебу «Пустынник острова Формантеро» и комедию «Влюбленный Демокрит» (оба пер. в печати неизв.). Репертуарным драматургом Л. стал в нач. XIX в., обратившись к переводам небольших комедий и комических опер. Они ставились как на петербургской, так и на московской сцене в 1803–1806 и 1815–1817. Наибольший успех имели переведенные им оперы К. Кавоса «Князь-невидимка, или Личарда-волшебник» (СПб., 1805, по пьесе М.-Б. Апде) и «Калиф багдадский» (СПб., 1806; Ф.-А. Буальдье, либретто К. Сен-Жюста); обе оперы относились к разряду постановочных феерий, приобретших популярность в России после успеха «Днепровской русалки» *Н. С. Краснопольского*.

Среди др. переводов Л. — пьесы Э. Шиканедера, О.-Ф. Ришо, Ш.-Г. Этьена, Ж.-Б. Виаля, Р.-Ш. Гильбера де Пиксерикура, К.-Л. Костенобля, Л.-Ф. Пикара. В печать попал только перевод фр. переделки Ж.-Ф. Роше комедии К. Гольдони «Слуга двух господ» (СПб., 1805).

Лит.: Рогожин. Дела моск. цензуры. Вып. 2 (1922); История драм. театра. Т. 2 (1977).

В. Н. Муллин

ЛИХАРЕВА Елизавета Александровна [1778–1845]. Перевела с фр. языка и напечатала «довольно поучительный и столь же занимательный роман» «Исправленный вертопрах, или Великодушная любовница» (1801). Фр. автор повести не указан. Этот «первый опыт трудов» переводчица посвятила своей родственнице П. А. Ушаковой.

Лит.: *Макаров М.* Мат-лы для истории рус. женщин-авторов // Дамский журн. 1830. Ч. 31. № 27; Голицын. Словарь (1899).

Р. М. Горохова

ЛИХАЧЕВ Александр Логгинович [между 1752 и 1754–7 (19) III 1814, с. Кошкар Мамадышского у. Казанской губ.; похоронен в с. Бай-

теряково Лаишеского у. Казанской губ.]. Сын помещика Казанской губ.; мать — Мария Яковлевна (урожд. Новосильцова). Восьми лет Л. остался круглым сиротой, с 1762 опекуном был назначен И. В. Лихачев, муж двоюродной тетки Л., Елизаветы Петровны (урожд. Соковниной). С 1761 Л. был записан рядовым в Семеновский полк; в кон. 1760-х гг. Л. прибыл на службу в Петербург и в 1770 был произведен в фурьеры. В связи со смертью опекуна 27 марта 1770 Л. взял полугодичный отпуск для устройства домашних дел, а 21 июля он вместе со своим братом Николаем, отставным подпоручиком Семеновского полка, бил челом о разделе имущества, оставшегося после отца. По разделу за Л. оказалось 214 душ в с. Полянки. По возвращении в Петербург Л. 6 нояб. 1770 женился на дочери С. С. Кисловского Елизавете (1756–1812). 1 янв. 1773 Л. по собственному прошению был уволен в отставку в чине подпоручика и переехал с семьей в Полянки. В 1774 усадьба подверглась нападению войск Пугачева; в это время Л. был в Казани, а семья была спасена дворовыми людьми. По возвращении из Казани Л. построил новый каменный дом и поселился в нем безвыездно.

Л. составил библиотеку, которая своими размерами и подбором книг представляет замечательное явление в истории рус. библиофильства второй пол. XVIII в. Л. приобретал бóльшую часть выходивших книг по богословию, философии, юриспруденции, географии, истории, медицине, сельскому хозяйству, описания путешествий; все книги и журналы, которые только мог выписать, в частности был единственным в Казанской губ. подписчиком на «Моск. журн.» *Н. М. Карамзина*. У Л. был также почти полный комплект книг, изданных *Н. И. Новиковым*. Библиотека была пронумерована и каталогизирована самим Л., также изготовившим экслибрис-печатку и суперэкслибрис. В Поволжье известность Л. как библиофила была велика. 25 авг. 1809 извозчик Я. Тандав преподнес в подарок его сыну Семену книгу «Ключи познания армянского языка <...> переведенные девицею Клеопатрою Сарафовою» (1783); ближайший сосед Л. по имению, молодой *И. И. Завалишин*, преподнес жене Л. свою «Суворииду» (1796); жена Л. пополнила библиотеку собранием фр. романов. Пополняли библиотеку Л. и его друзья И. П. Осокин, Ю. И. фон Каниц, В. И. и И. И. Панаевы, бывшие его соседями.

В кон. XIX в. собрание Л. в Полянках воссоединилось с библиотекой в с. Кошкаре и по наследству перешло праправнуку Л., акад. Н. П. Лихачеву. В настоящее время собрание Л. представляет собой ядро фонда рус. книги и периодики XVIII в. в СПбФ ИРИ РАН.

Имя Л. связывается с существовавшей в 1776 в Казани масонской ложей «Восходящего солнца» системы *И. П. Елагина*. По рассказам старожилов, в Полянках долгое время сохранялись масонские одеяния, множество знаков и эмблем и даже какие-то декорации, нарисованные крепостными малярами, — это все было уничтожено в кон. 1830-х гг.

С 1782 по 1785 Л. служил по выборам заседателем в Казанском верхн. зем. суде, а с 1787 по 1803 состоял депутатом в Казанском дворянском собрании, участвуя в составлении родословных книг. Служа по выборам, Л. жалованья не получал, но 9 марта 1800 был награжден чином надв. советника. По воспоминаниям современников, Л. отличался гордым и властным характером; он крайне высоко ставил свое происхождение и записал себя в кн. 4 дворянских родов (знатные иностранные роды), а также самовольно прибавил к гербу княжескую мантию и в гербовый щит вставил особое поле с тремя рыбами в ознаменование того, что владел частью берега Волги на значительном протяжении.

В 1798 Л. был назначен директором Гл. нар. уч-ща (Казанской гимназии). В период директорства Л. улучшился быт воспитанников, но, по свидетельству С. Т. Аксакова, «своекоштные ученики долго его и в глаза не знали, потому что он посещал гимназию обыкновенно в обеденное время, а в классы не заглядывал». С первых же дней

директорства Л. проявилось крайнее нерасположение к нему гимназистов: они безнаказанно оскорбляли его анонимными письмами и пасквилями, а однажды публично осмеяли его за найденный в каше кусок свечного сала. Однако отдельные гимназисты относились к Л. с большим уважением (в частности, П. С. Кондырев, впосл. профессор Казанского ун-та).

Возникшая 4 июня 1804 ссора между гимназистами и квартирмейстером Михайловым быстро переросла в открытое неповиновение. По распоряжению Л. четверо зачинщиков были исключены из гимназии. Этим инцидентом воспользовался И. Ф. Яковкин, заместитель Л. Посеяв раздор между надзирателем К. Фишером и Л., он добился его смещения с поста директора. 16 нояб. 1804 Л. подал прошение об отставке «за слабостью здоровья» и получил ее 10 дек. 1804. Но аттестат о службе с указанием на то, что «должность свою он исправлял с усердием и прилежанием», был выдан Л. только в окт. 1806, вследствие того, что при сдаче им гимназического имущества и по заключенным им подрядам Яковкин усмотрел недочеты. При этом Л. лишился части причитавшегося ему жалованья, а на имения его в Казанской губ. было наложено запрещение.

В 1807 Л. был избран мамадышским уездным предводителем дворянства, что и побудило его переселиться в свою усадьбу в с. Кошкар Мамадышского у. Казанской губ. В 1811 Л. освободился от обязанностей предводителя, но из Кошкара не уехал и лишь изредка наведывался в Полянки. Согласно его завещанию, библиотека в с. Полянки вместе с усадьбой перешла к его сыну Семену; библиотека же в Кошкаре вместе с имением — к его дочери Марье, по мужу Горчаковой.

Л. принадлежит перевод с фр. книги «Иисус утешитель в разных прискорбиях житейских» (М., 1803. Ч. 1–2), посвященный им своему другу А. Ф. Аничкову. В обращении к читателю Л. признает: «Перевод недостаточен, но да заменятся худые дарования хорошими желаниями». Известен также перевод Л., выполненный им незадолго до кончины и входящий в состав рукописного сборника, который он подарил 1 дек. 1813 своему зятю подпоручику Алексею Горчакову (РНБ, Q.I. 1167; поступил от Н. П. Лихачева в 1894). В начале сборника находится «Предуведомление всякому полезное, взятое из Священного Писания. . .», представляющее выписки библейских стихов. Далее следует выполненный Л. перевод с нем. книги «Размышления о смерти, взятые из Рассуждений о делах Божиих г. с. с. Стурма», т. е. К.-Х. Штурма. Сборник заключает переведенная Л. с фр. языка «Наука благополучно жить и благополучно умереть. . .». В «Предисловии к читателю» говорится, что эта книга «сочинена в 1593 году, а на французский язык переведена в 1619 году», что «некоторые особы, коим чтение сей книги было полезно, пожелали, дабы она паки в свет явилась». Переводчик указал также, что «сделал в ней несколько перемен, почетши их за нужные», и что оригиналом послужило «издание 13, исправленное, дополненное лучшими стихами из псалмов для утешения немощных и умирающих».

Документы по генеалогии рода Лихачевых хранятся в Гос. арх. Тверской области (ф. 645; также в собрании рукописей, № 231). Послужной список и материалы, характеризующие директорство Л. в Казанской гимназии, хранятся в Центральном Гос. арх. Татарстана (ф. 87, дела за 1798–1804 гг.). Отдельные документы вошли в состав личного фонда Н. П. Лихачева в СПбФ АРАН (ф. 246) и его коллекции в СПбФ ИРИ РАН (ф. 238).

Лит.: *Нагуевский Д.* Казанская гимназия накануне основания Казанского ун-та (1804–1805 гг.). Казань, 1900; *Лихачев Н. П.* Генеалогическая история одной помещичьей б-ки // Рус. библиофил. 1913. № 5 (отд. изд.: СПб., 1913); *Гельвих А.* Лихачев А. Л. // Рус. биогр. словарь. Т. «Лабзина–Лященко» (1914); *Аксаков С. Т.* Собр. соч. М., 1955. Т. 2; *Берков П. Н.* Рус. книголюбы. М.; Л., 1967.

М. П. Лепехин

ЛОБЫСЕВИЧ Афанасий Кириллович [ок. 1732–до 1824]. Писатель, переводчик. Сын значкового товарища из местечка Погар на Черниговщине. В 1747–1752 учился в Киевской дух. академии, в 1754–1760 — в Акад. ун-те, с 1760 — переводчик при Академии наук. С 1761 состоял в штате гетмана К. Г. Разумовского, с которым в 1765–1767 путешествовал за границей. В 1776 вышел в отставку и жил в своем имении. В 1786–1787 — предводитель дворянства Новгород-Северской губ., с 1797 — советник Малорос. генерального суда.

Свою литературную деятельность начал переводами с лат. языка: в 1759 в журнале «Трудолюбивая пчела» были напечатаны его переводы из Цицерона — «Рассуждение о войне» и «Слово к Цезарю». В 1770 в журнале «Барышек Всякой всячины» публикуются его переводы с фр. языка: «Слово президента де Монтеские, говоренное им 1728 года января 24 дня, за избрание его членом в Академию Французскую на место умершего господина де Саси» (№ 169. С. 475–480) и «Описание пещеры бога сна. Из Овидиевых превращений» (№ 170. С. 483–485).

Л. живо интересовался укр. литературой, в 1790-х гг. вел переписку с *Георгием Конисским*, намереваясь издать в Петербурге его интермедии к трагикомедии «Воскресение мертвых». В 1770-х гг. переводил на укр. язык римских классиков, в частности, предвосхищая «Энеиду» И. П. Котляревского, переложил в бурлескно-травестийном стиле эклоги из «Буколик» Вергилия — «переодел Вергилиевых пастухов в малороссийский кобеняк» (текст не сохр.).

Лит.: *Лазаревский А.* Опис. старой Малороссии. Киев, 1888; *Петров Н.* Один из предшественников И. П. Котляревского в укр. лит. XVIII в. А. К. Лобысевич. СПб., 1904; *Модзалевский Б. Л.* Малорос. родословник. Киев, 1908. Т. 3.

Е. Н. Кононко

ЛОМОНОСОВ Михаил Васильевич [8 (19) IX 1711, дер. Мишанинская Куростровской волости Двинского у. Архангельской губ.– 4 (15) IV 1765, Петербург; похоронен на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры]. Отец — Василий Дорофеевич, черносошный крестьянин-помор, мать — Е. И. Сивкова (ум. ок. 1720). Отроческие годы Л. омрачены жизнью с мачехами, Ф. М. Уской (ум. 1724) и И. С. Корельской (с 1724). Примерно с 10 лет Л. уходил с отцом на промысел, помогал в соляном деле, сборе жемчуга. Он бывал в Архангельске, на Соловецких островах, Кильдине, Коле, Мезени, в Пустозерске. Знания и навыки, полученные в морских путешествиях, были использованы впосл. при разработке Л. промышленных и экономических проблем, а впечатления от путешествий (сев. сияния, айсберги, знакомство с обычаями и языками сев. народов) нашли отражение в научных и литературных трудах Л.

Грамоте Л. обучился в 11–12 лет. Первыми его учителями были дьячок Семен Сабельников и сосед, крестьянин Иван Шубный (отец скульптора Ф. И. Шубина). Обстановка в доме, не благоприятствовавшая обучению, описана Л. в письме *И. И. Шувалову* (от 31 мая 1753). Др. сведения об этой поре жизни Л. известны из биографий, составленных по живым преданиям младшими его современниками (*Н. И. Новиковым, М. И. Веревкиным, И. И. Лепехиным*); ряд приводимых ими фактов впосл. был подтвержден исследователями. После 1724 получил в наследство от Х. Дудина «Арифметику» Л. Магницкого, «Грамматику» М. Смотрицкого, которые называл «вратами своей учености» (Веревкин), а также «Псалтирь рифмотворную» Симеона Полоцкого. С 1728 встречался с архимандритом Соловецкого монастыря Варсонофием, отношения с которым поддерживал до конца его жизни (письмо Л. к нему от 1758). Пел и читал на клиросе приходской церкви, отличаясь умением «произносить читаемое расстановочно, внятно, а при том и с особою приятностью и ломкостию голоса» (Веревкин). Переписал службу и житие Димитрия Солунского (список неизв.); скреплял своей подписью различные документы (самый ранний автограф —

4 февр. 1726). Сведения о том, что Л. обучался в старообрядческой Выговской пустыни, недостоверны.

9 дек. 1730 Л. без ведома отца ушел из дома, выправив паспорт в Холмогорской воеводской канцелярии до сент. 1731 и заняв у Фомы Шубного три рубля денег и полукафтанье. По дороге останавливался в Антониево-Сийском монастыре. Затем с рыбным обозом в нач. янв. 1731 прибыл в Москву (жил у подьячего Сыскного приказа Ивана Дутикова). Собирался поступать в Навигацкую школу, но ее старшие классы были уже переведены в Петербург, а в остававшейся в Москве цифирной школе Л. учиться не захотел и подал прошение о зачислении в Славяно-греко-лат. академию («Спасские школы»), назвавшись сыном холмогорского дворянина. 15 янв. зачислен после экзаменационного «допроса» ректора Германа Копцевича. Из-за незнания латыни определен в самый низший класс — фару. Сносил насмешки товарищей: «. . .школьники, малые ребята кричат и перстами указывают: смотрите-де, какой болван лет в двадцать пришел латине учиться»; жил на 3 коп. в день: «. . .имел я со всех сторон отвращающие от наук пресильные стремления, которые в тогдашние лета почти непреодоленную силу имели» (письмо Шувалову 10 мая 1753). После 1731 Л. был объявлен на родине «в бегах» (подати за него до 1741 платил отец, в 1741—1747 — крестьяне Куростровской волости из мирской суммы). За полтора года сдал экзамены за четыре младших класса и летом 1732 зачислен в класс пиитики, которую преподавал *Феофилакт Кветницкий*. В 1734 в классе риторики слушал *Порфирия Крайского* (сохр. запись его лекций рукой Л. — РГБ).

В сент. 1734 хотел попасть с Оренбургской экспедицией И. К. Кириллова в «Каракалпакские земли священником», назвавшись сыном попа. Узнав, что сведения проверяются в Камер-Коллегии, признался в своем крестьянском происхождении и в экспедицию не попал (сведения о пребывании Л. в Киево-Могилянской академии в 1735 малодостоверны). Осенью 1735 Л. перешел в класс философии, который вел *Феофилакт Лопатинский*.

В нояб. 1735 Л. подал прошение об отправке его в Акад. ун-т в Петербурге. В числе студентов «остроумия не последнего» 1 янв. 1736 прибыл в Петербург. Там 29 янв. приобрел «Новый и краткий способ к сложению российских стихов» *В. К. Тредиаковского* (на полях экз. СПбФ АРАН (ф. 20, оп. 2, № 3) есть критические пометы). Весной начались ежедневные занятия нем. языком, кроме того, нерегулярные занятия математикой у *В. Е. Адодурова* и физикой — у Г.-В. Крафта. Вскоре Л. был включен в группу студентов (Д. И. Виноградов, Г. У. Райзер) для обучения горному делу во Фрейберге у Ф.-И. Генкеля. 23 сент. 1736 студенты отбыли из Кронштадта, 3 нояб. прибыли в Марбург для предварительной подготовки у Х. Вольфа (химия, механика, физика, логика, рисование и др. курсы у проф. И. Конради, Ю.-Г. Дуйзинга и самого Вольфа). Сохранились полугодовые отчеты студентов, представляемые в Академию наук (с 4 сент. 1737 также на нем. языке); с осени 1738 они стали сопровождаться научными рефератами (specimina).

Серьезные занятия не помешали Л. и его товарищам вести разгульную жизнь. Выданные Академией деньги на их содержание и обучение были промотаны, в городе за ними упрочилась репутация несостоятельных должников и буянов. Узнав об этом от Вольфа, Академия поспешила летом 1739 перевести студентов из Марбурга во Фрейберг. В ответ на укоры и наставления Вольфа при расставании Л. «от горя и слез не мог промолвить ни слова» (письмо Вольфа в Петербург 21 июля 1739).

14 июля студенты прибыли к Генкелю. Вскоре начались столкновения Л. с ним, которые привели в янв. 1740 к их ссоре, а в нач. мая 1740 — к уходу Л. из Фрейберга. 19 мая Л. прибыл в Лейпциг, чтобы с помощью рус. посланника Г.-К. Кайзерлинга вернуться в Петербург, но узнав, что он разминулся с ним, направился вслед за ним в Кассель; не застав его и здесь,— к рус. посланнику А. Г.

Головкину в Гаагу. По дороге задержался в Марбурге, где 6 июня 1740 женился на Елизавете Христине Цильх, дочери пивовара, в доме которого ранее жил (позднее она, разыскав Л., приехала к нему в Петербург в нояб. 1743). Осенью Л. через Франкфурт по Рейну прибыл в Гаагу, но не получив поддержки А. Г. Головкина, отправился пешком в Амстердам, Лейден (под Дюссельдорфом из-за своего богатырского роста был завербован в прус. армию, но, проявив решимость и отвагу, бежал ночью из крепости Везель), Гессен, Зиген и снова в Марбург, откуда связался с Генкелем, а через него с Академией наук. Весной 1741 он получил приказание вернуться в Петербург, а также деньги на погашение долгов и на дорогу.

8 июня 1741 Л. из Любека прибыл в Петербург и был благожелательно принят в Академии, хотя еще в 1743, когда он находился под следствием за нанесенные им оскорбления нем. коллегам, ему поминали «непорядочные и неспокойные поступки» во Фрейберге. Жил в академическом (Боновом) доме (2-я линия Васильевского острова; с 1745 там же имел квартиру), с 1757 в собственном каменном доме на р. Мойке. В янв. 1742 был произведен в адъюнкты физического класса и с сент. должен был читать лекции по химии и физике (не состоялись). 25 июля 1745 получил звание профессора химии (после 1747 — академик) и занял место И.-Г. Гмелина. В окт. 1745 последовал указ Сената о чтении Л. первых в России лекций на родном языке по экспериментальной физике. Единственная лекция (др. не состоялись) была прочитана 20 июня 1746 и собрала «многочисленное собрание воинских и гражданских разных чинов слушателей» (СПб. вед. № 50).

Основным предметом занятий Л. до 1754 стали физико-химические исследования, гл. о. в открытой его стараниями в окт. 1748 Химической лаборатории. Их результаты он не только публиковал в ученых «Commentarii» и «Novi Commentarii», но и докладывал в публичных заседаниях Акад. собрания: 6 сент. 1751 он произнес «Слово о пользе химии», пропагандирующее прикладное значение науки, 26 нояб. 1753 — посвященное памяти Г.-В. Рихмана «Слово о явлениях воздушных», где изложил свою теорию атмосферного электричества, 1 июля 1756 — связанное с астрономическими интересами Л. (открытие атмосферы вокруг Венеры, изобретение новой системы телескопа) «Слово о происхождении света», в котором доказывалась волновая природа света, 19–20 авг. 1757 – «Слово о рождении металлов» (по поводу лиссабонского землетрясения), излагавшее основные принципы геологии и теорию землетрясений. «Рассуждение о большой точности морского пути» (8 мая 1759) связано с географическими работами Л.: картографированием России и поисками Сев.-вост. пути в Индию. В последнем выступлении «Рассуждение о твердости и жидкости тел» (6 сент. 1760) Л. изложил основные положения закона сохранения вещества. Кроме популяризации знаний слова Л. сыграли большую роль в развитии светских ораторских жанров.

Кроме научных работ Л. как член Академии наук выполнял множество обязанностей: он держал корректуру календаря на 1746 год, с 6 мая 1748 по 23 марта 1751 проверял переводы иностранных известий для «СПб. вед.»; до нач. 1750-х гг. регулярно переводил с нем. на рус. язык работы Г.-В. Крафта и Г. Гейнзиуса (переводы обогатили рус. язык новой терминологией), иллюминационные и др. сочинения Я. Я. Штелина, сам занимался (до марта 1755) составлением иллюминаций. Л. регулярно просматривал переводы и сочинения (*С. С. Волчков*, *И. С. Горлицкий*, *К. А. Кондратович*, *С. П. Крашенинников*, *В. И. Лебедев*, *Г. Н. Теплов*), так и сторонних авторов (*И. К. Голеневский*, *Г. Дандоло*, *П. Н. Крекшин*, *И. В. Шишкин*), в конце концов заявив, что «цензором быть не желает» (янв. 1762). В сент.–окт. 1757 Л. поручают сделать замечания на рукопись «Истории Петра Великого» Вольтера и подготовить для него материалы

о стрелецких бунтах, самозванцах, о государях Михаиле, Алексее, Федоре, о правлении Софьи.

3 янв. 1754 Л. предложил продолжить издание «Примеч. к Вед.»; его план осуществился в виде журнала «Ежемес. соч.» (с 1755). К лету 1759 относится др. замысел — выпуск газеты «Рос. вед.», оставшийся неосуществленным.

К 1754 главными научными занятиями Л. становятся химия стекла и мозаичное дело. Весной 1753 Л. получает землю с приписанными к ней 200 душами (для этого 24 февр.–23 марта 1753 он ездил в Москву; императорский указ на этот счет последовал 15 марта 1753). Летом он приступил к строительству собственного дома, а также бисерной и мозаичной фабрики в Усть-Рудице. Кроме немногих малых портретов (Елизаветы Петровны, Петра I, И. И. Шувалова), выполненных Л. по заказу Шувалова, он вынашивал проект создания мозаичного памятника Петру I в усыпальнице Петропавловской крепости (утвержден указом 26 окт. 1760). Вероятно, с этим проектом связана единственная большая мозаика «Полтавская баталия» (оконч. в марте 1764). Известны также его замыслы мозаичных памятников Елизавете Петровне и *Екатерине II*, относящиеся к 1760-м гг.

13 февр. 1757 Л. был назначен членом («советником») Акад. канцелярии и получил возможность влиять на административные и хозяйственные дела Академии наук. Главной сферой его административной деятельности становится учебная часть Академии: гимназия и университет. Еще ранее, когда Л. находился под арестом по делу И.-Д. Шумахера (с 28 мая 1743 по 18 янв. 1744), он жаловался Следственной комиссии на плохую организацию учебного процесса в Академии (вероятно, ему принадлежит «Нижайшее доказательство о том, что здесь, при Академии, нет Университета»). Позднее он неоднократно подавал «мнения» о расширении гимназии за счет учеников из податных сословий (март–апр. 1746, февр.–март 1755). Мысль о необходимости подготовки рус. кадров взамен приглашаемых иностранцев положила начало многочисленным конфликтам Л. с начальством и коллегами.

В июле 1754 Л. в письме к И. И. Шувалову изложил идеи реорганизации Акад. ун-та и дополнил их в апр. 1755 «Проектом регламента московских гимназий». В марте 1758 он составил подобный проект для Акад. гимназии и вместе с регламентом Акад. ун-та предложил его для обсуждения Акад. собранию. 19 янв. 1760 гимназия и университет были переданы в полное распоряжение Л., несмотря на противодействие И. И. Тауберта и И.-Д. Шумахера. В гимназии Л. удалось наладить регулярные занятия, заменить инспектора К.-Ф. Модераха С. К. Котельниковым, в университете — упорядочить преподавание, увеличить число посылаемых на учебу за границу студентов, пополнить штат рус. профессорами.

Еще большее противодействие и конфликты вызывали безуспешные попытки Л. реформировать саму Академию, сделать ее научным учреждением, тесно связанным с жизнью страны. С этой целью он пытался обращаться к императрице, что удавалось благодаря покровительству М. И. Воронцова, с 1750 — И. И. Шувалова и с 1763 — Г. Г. Орлова. 28 авг. 1750 в Царском Селе на приеме у императрицы Елизаветы Петровны он имел с ней беседу о значении науки для рос. промышленности. В 1763 он лично вручил Екатерине II план организации экспедиций для составления «Российского атласа».

В последние годы жизни Л. особенно волновало практическое приложение академических штудий. Основным местом его работы с 1760 становится Геогр. деп. (который безуспешно пытались изъять из его ведения в авг. 1763). Кроме картографирования страны он собирает и осмысляет материалы о ее хозяйственно-экономическом положении. Эти интересы отражает перечень намеченных (в виде писем к Шувалову) работ, из которых известно только «Письмо о сохранении и размножении русского народа» (1761; из-за резкости оценок было допущено цензу-

рой к полной публикации лишь в 1871).

Борьба с академическими чиновниками сопровождалась громкими скандалами, т. к., отстаивая общие принципы, Л. нападал на личности. Особой непримиримостью отличалась борьба вокруг устава Академии. 23 февр. 1755 при пересмотре устава 1747 произошла ссора Л. с Г. Н. Тепловым, чуть не вызвавшая в марте отстранения Л. от участия в заседаниях Акад. собрания. С 1760 Л. делает наброски соображений о переустройстве Академии. Собственно над уставом Л. работал в нач. 1764 параллельно с сочинением «Краткой истории о поведении Акад. канцелярии в рассуждении ученых людей. . .», которая описывала столкновения Л. с его недоброжелателями начиная с 1740-х гг. (после смерти Л. получила широкий общественный резонанс).

Главной мыслью Л. было расширение автономии Академии. Он был против наделения большими полномочиями президента и отводил ему, скорее, представительскую роль. Учеными делами должен был заниматься вице-президент; о введении этой должности Л. ходатайствовал перед М. И. Воронцовым еще 30 дек. 1759 (и повторно 22 авг. 1760). Научную жизнь Академии должны были определять ее члены («Академия сама себя правит»), коллегиальное управление отделяло научную деятельность от хозяйственной, и Акад. канцелярия упразднялась. Ведущее положение отводилось рус. ученым: предполагалось, что они постепенно заменят приглашаемых иностранцев. Академия освобождалась от налогов и «происков» (вмешательства властей), члены ее приравнивались по чинам к служащим дворянам, не исключая и разночинцев («чей он сын, нет нужды»); они могли принимать участие в работе государственных учреждений. Кроме того, Академия освобождалась от духовной цензуры. Проект устава через Г. Г. Орлова был передан Екатерине II; однако лишь после смерти Л. некоторые, не самые радикальные, его предложения были частично осуществлены.

После переворота 28 июня 1762 Л. как приверженец партии Воронцовых—Шуваловых был обойден новыми назначениями, а усилившееся влияние Теплова и И. И. Тауберта чуть не привело к его отставке. Мрачные настроения лета—осени 1762 усугублялись болезнями. Но пришло наконец европ. признание: с 1763 он член Стокгольмской академии, с 1764 — Болонской; обсуждался вопрос о его избрании в Парижскую академию. Возможно, поэтому Екатерина II, подписав 2 мая 1763 указ о «вечной от службы отставке» Л. (в соответствии с его просьбой от 24 июля 1762), уже 13 мая отозвала указ, а 15 дек. 1763 пожаловала Л. в ст. советники. Доказательством признания заслуг Л. было посещение императрицей дома ученого 7 июля 1764. Надеясь на новый разговор с Екатериной II, он составляет план, который стал своего рода завещанием. В нем, в частности, Л. характеризует свою жизненную просветительскую позицию: «За то терплю, что стараюсь защитить труды П<етра> В<еликого>, чтобы выучились россияне, чтобы показали свое достоинство . . .».

За гробом Л. среди «огромного стечения народа» шли члены Сената и Синода, академики. Смерть Л. вызвала публичные споры о значении его деятельности, прежде всего литературной. На кончину Л. были написаны эпитафии *Ип. Ф. Богдановичем* (текст неизв.), И. К. Голеневским и *Л. И. Сичкаревым*. *А. П. Шувалов* издал в Париже свою «Ode sur la mort de m-r Lomonosoff» (к ней приложена составленная им первая биография Л.), а Н.-Г. Леклерк 22 апр. 1765 произнес в Акад. собрании «Речь в память Ломоносова». Содержащиеся в ней похвалы Л. показались академикам чрезмерными; вероятно, по этой причине не была произнесена надгробная речь Штелина. По заказу М. И. Воронцова им была составлена лат. надпись на надгробном памятнике Л. (ит. памятник из белого мрамора, поставленный Воронцовым по проекту Штелина, не сохр.).

Литературная деятельность Л. началась в Германии. Еще в Марбурге, возможно не без влияния Вольфа, определилась его ориентация на европ. классицизм, который

воспринимался им через труды И.-К. Готшеда и Лейпцигского нем. о-ва. Л. конспектирует статьи Готшеда в журнале «Beiträge zur kritischen Historie der deutschen Sprache, Poesie und Beredsamkeit» и его «Versuch einer kritischen Dichtkunst. . .» («Опыт критической поэтики. . .»), трактат Псевдо-Лонгина «О возвышенном» (во фр. переводе Н. Буало), руководство И. Гюбнера «Neuvermehrtes Poetisches Handbuch» («Вновь пополненный поэтический справочник»), увлекается поэзией И. Гюнтера. В Марбурге Л. продолжает собирать свою библиотеку. В списке книг, купленных в 1738 (59 назв.), — пособия для изучения языков, грамматики, словари, поэтики Эразма Роттердамского, Б. Нейкирха, Ф.-А. Помея, И. Гюбнера. С кон. 1736 до сер. 1739 слушает курс римского красноречия, берет уроки фр. языка, знакомится с фр. сочинениями XVII в. по риторике. В качестве отчета об этих занятиях посылает в Петербург (15 окт. 1738) перевод оды Ф. Фенелона «Ode à l'abbé de Langeron», чистая силлаботоника которого (хорей — влияние Тредиаковского) предвосхищает его будущую реформу стиха. К этому периоду относится и первый ямбический опыт Л. «Хвалить хочу Атрид. . .» — перевод стихотворения, приведенного на греч. и нем. языках Готшедом в статье «Versuch einer Uebersetzung Anacreons» («Опыт перевода Анакреона»), который впосл. был использован Л. в «Разговоре с Анакреоном» (1758–1761).

Во Фрейберге Л. завязывает знакомство с В. Юнкером, общение с которым сформировало ориентацию Л. на лейпцигский классицизм. С ним в дек. 1739 Л. посылает в Петербург «Письмо о правилах российского стихотворства» (опубл. Соч. 1778) и как иллюстрацию к нему оду «На взятие Хотина» (опубл. Соч. 1751). Последовательно критикуя главные положения «Нового и краткого способа. . .» Тредиаковского, Л. формулирует свою версию силлаботоники. Ее основные принципы: строение стиха на основе равного числа тонических ударений, двустопные и трехстопные метры, равноправие мужской, женской и дактилической рифм — останутся незыблемыми для последующей рус. поэзии. «Письмо. . .» вызвало вялую реакцию в академическом кругу: Тредиаковский сочинил обращенный к Л. ответ (не сохр.), который не был ему отослан и который автор забрал из Академии (прошение от 26 окт. 1743). Современникам «Письмо. . .» не было широко известно, равно как и первая редакция оды (сохр. только фрагменты в «Риторике» 1744). Адодуров и Штелин, однако, «были очень удивлены таким небывалым в русском языке размером стихов». Оду восприняли как переложение оды Гюнтера принцу Евгению «Auf den zwischen ihro kais. Majestät und der Pforte an 1718 geschlossenen Frieden», из которой Л. действительно заимствовал отдельные стихи; позднее противники упрекали Л. в том, что он «Гинтера обокрал». О новой системе стихосложения современники узнавали не из трактата, а из поэтической практики Л.

К авг. 1741 относится первое выступление Л. в печати: оды «Нагреты нежным воды югом. . .» и «Первые трофеи» (Примеч. к Вед. Ч. 66–68, 73, 74); в февр. 1742 была опубликована ода по случаю приезда в Россию вел. князя Петра Федоровича. Эти оды имели успех. Л. прочно занял в Академии наук место оригинального рус. стихотворца. Ему поручаются стихотворные переводы с нем. языка оды Штелина на восшествие на престол Елизаветы Петровны (Примеч. к Вед. 1741. Ч. 98–102), оды Юнкера «Венчанная надежда» (изд. 1742); с фр. языка — пролога Штелина «Россия по печали паки обрадованная» к опере П. А. Д. Метастазио «Clemenzo di Tito» для постановки на коронационных торжествах в Москве. Шумахер отзывается о работе Л. с большой похвалой; по его словам, у Л. появились почитатели, «которые превозносили до небес его стихи и перевод» (письмо Штелину 15 марта 1742). С целью распространения тонической системы стихосложения Л. намечает курс рус. «стихотворческих лекций» для студентов и всех желающих, который пред-

полагал прочесть в сент. 1742 (не состоялся из-за произошедших в Академии волнений).

Первыми переняли тоническую систему стихосложения *А. П. Сумароков,* с которым вскоре у Л. завязываются дружеские отношения (по словам Сумарокова, они «были приятели и ежедневные собеседники»), и Тредиаковский. Спорный вопрос о семантике и жанровой принадлежности стихотворных метров, в частности ямба, было решено вынести на суд знатоков (идея принадлежала Сумарокову). Текст псалма 143 Л., Сумароков и Тредиаковский переложили согласно своим убеждениям: первые — ямбом, последний — хореем. О результатах соревнования можно было судить по изданию «Три оды парафрастические псалма 143, сочиненные чрез трех стихотворцев» (напечатано в дек. 1743, вышло в свет в 1744; по некоторым сведениям, было напечатано 150 экз.). Спор о стихотворных метрах был продолжен (видимо, без согласия Л.) в журнале «Полезное увеселение» (1760. Ч. 1. Янв.), где *М. М. Херасков* поместил хореический перевод оды Ж.-Б. Руссо «На счастие» Сумарокова рядом с ямбическим переводом Л. (последний оставался для *Г. Р. Державина* образцом совершенной оды).

В том же 1743 Л. написал «Краткое руководство к риторике на пользу любителей сладкоречия», в котором в качестве примеров риторических фигур предлагались примеры стихотворных размеров как из оригинальных произведений Л., гл. о. отрывки од, также любовной песни (хорей), анакреонтического стихотворения (трехстопный ямб), так и из переведенных им древних авторов (александрийский стих, гекзаметр, амфибрахий). В янв. 1744 рукопись была отправлена в Москву Штелину для поднесения вел. князю Петру Федоровичу; затем, отосланная обратно, была рассмотрена в Акад. собр. и, согласно рекомендации *Г.-Ф. Миллера,* 16 марта возвращена Л. для перевода руководства на лат. язык и дополнения его примерами из новых риторов.

С 1744 по 1747 Л. коренным образом перерабатывает «Краткое руководство к риторике. . .», создавая «Краткое руководство к красноречию. . .», первую часть теории словесности, включающую и вопросы литературного языка (здесь впервые была сформулирована «теория трех штилей»; т. о., «Руководство» предопределило появление «Грамматики»); в него добавлены новые главы «о возбуждении, умалении и изображении страстей» и «о хрии»; в самостоятельные главы выросли некоторые положения «Краткого руководства к риторике». Изобилие примеров, гл. о. из «риторов» древности, а также Средневековья и Возрождения (из «новых» классических «риторов» вошли лишь Э. Флешье и И.-Л. Мосгейм; рус. авторов, кроме самого Л., нет), переведенных Л. на рус. язык, придали этому сочинению значение антологии мировой литературы. В своей работе Л. использовал иезуитские риторики XVII в. Н. Коссена «De eloquentia sacra et humana», Ф.-А. Помея «Novus Candidatus Rhetoricae» и И.-К. Готшеда. Бóльшая часть тиража книги погибла при пожаре Кунсткамеры и типографии в 1747; новый набор (с несущественными изменениями) поступил в продажу весной 1748 (переизд. — Соч. 1759. Т. 2; отд. — 1765).

Продолжавшая «Краткое руководство к красноречию. . .» «Оратория, или Наставление к сочинению речей в прозе» упоминается Л. как якобы готовая к печати в письме к Шувалову (от 31 мая 1753). Завершающую часть сочинения, посвященную «стихотворству вообще», Л., по его словам (отчет о работах 1751–1756), «диктовал студентам» в 1751 (текст неизв.). Эти лекции по рус. стихосложению были первыми в истории Академии наук; среди слушателей был *Н. Н. Поповский.*

Заслугой Л. стало не только создание, но и разработка ямба, гл. о. четырехстопного, с его метрическими, синтаксическими и интонационными возможностями. Это наблюдается уже в Хотинской оде 1739, а затем закреплено в др. 19 известных одах. С нач. 1740-х гг. оды Л. почти полностью вытесняют нем. академические стихи и становятся обязательной частью придворных торжеств. Их отрабо-

танная и почти неизменная форма утверждает канон одической поэзии: деление на строфы по 10 стихов, стабильная рифмовка (aBaBCCdEEd), определенный круг тем и устойчивый одический словарь. Оды Л. отличает особое качество доромантической лирики — «парение». Одический «beau desordre» («прекрасный беспорядок») понимается им как принцип построения оды на контрастах образов, интонации, лексики. Такой, отнесенный Л. к риторике вообще, стилистический прием был определен им как «сопряжение далековатых идей» («Краткое руководство к красноречию», § 27).

В своей основе оды Л. разрабатывают приемы фр. и нем. оды, однако в них находит отражение и рус. панегирическая традиция. В оде 1743 Л. определяет круг тем и ценностную систему лирики. Главным героем поэзии становится Россия и рус. народ, а поэт — глашатаем его бедствий и чаяний; примером для подражания, чуть ли не божеством провозглашается Петр I. Мир («тишина») расценивается как высшее благо государственного существования, война же представляется необходимостью, «положенной судьбой» для испытания народа. Воспевая победы и сражения, Л. не забывает о «плачевном побежденных стоне», что диссонировало с обычной мажорной одической тональностью и вызывало насмешки (Сумароков). Горячее желание благополучия России сообщает одам Л. удивительное напряжение, а чувство сострадания к врагам и побежденным — подлинно гуманный характер. Мир ломоносовских од озарен светом, настроению веселья и ликования, господствующему в них, соответствует стремительность и звучность стиха. В великолепных картинах мирной жизни, где царят весна, лето и осень, сказалась традиция европ. пейзажной поэзии.

Для од Л. характерна тонкая оценка внутренней и внешней политической жизни России. Мирное процветание рос. державы, ее будущее неразрывно связаны для Л. с развитием промышленности, успехом наук (тема странствующих муз, ныне обретших свое пристанище в Петербурге, восходит к топике европ. литературы Средних веков и Возрождения). В духе петровской политики Л. считает необходимым полное включение России в европ. цивилизацию; историческую роль России он видит в свою очередь в цивилизации вост. народов. Постоянное напоминание об этом, изображение идеала просвещенного правления — один из обязательных элементов од Л., что позволяет рассматривать их как своего рода политическую программу.

Наибольшей известностью пользовались Хотинская ода (А. П. Шувалов называл ее в числе лучших произведений Л.) и оды 1747 и 1748. В оде 1747, написанной в год утверждения регламента Академии наук, по словам А. Ф. Мерзлякова, «дышит небесная страсть к наукам». Уже в XVIII в. она стала хрестоматийной и образцовой (как пример совершенства ее фрагменты приводит Державин в «Рассуждении о лирической поэзии. . .»). Положение Л.-поэта окончательно упрочила ода 1748 «На день восшествия. . .» (отчет о торжествах см.: СПб. вед. 1748. № 96), за которую императрица пожаловала Л. «две тысячи рублев в награждение». Н. И. Панин, получивший оду от М. И. Воронцова, писал из Швеции: «Есть с чем <. . .> в нынешнее время наше отечество поздравить» (Арх. кн. Воронцова. М., 1885. Кн. 7. С. 460).

Духовные оды (переложения псалмов 1, 14, 26, 34, 70, 103, 143, 145) создавались Л. в 1743–1751 (вошли в Соч. 1751); в них Л. акцентировал мотив борьбы с неправедными врагами, имеющий, по-видимому, автобиографический характер и повторяющийся, порой дословно, в его письмах к Шувалову. Пушкин назвал духовные оды Л. «вечными памятниками русской словесности». Опасение «дать другой разум» (т. е. мирской) библейским стихам (письмо *В. Н. Татищеву* от 27 янв. 1749) помешало Л. продолжить перевод Псалтыри.

На протяжении всей жизни Л. размышляет о возможности примирения научного миропонимания с верой. Впервые сомнение в достаточности рационально-научного объяснения природы вещей прозву-

чало в натурфилософской оде «Вечернее размышление о Божием Величестве при случае великого северного сияния» (1743). В 1761 он находит необходимым приложить к статье «Явление Венеры на Солнце» «Прибавление», в котором доказывает совместимость гелиоцентрического учения с верой. Стихи, включенные в «Прибавление», — «Я долго размышлял и долго был в сомненье...» (переложение строк сатиры Клавдиана «Против Руфина»), «Ода, выбранная из Иова» (1757) и натурфилософская ода «Утреннее размышление о Божием Величестве» (ок. 1747) — раскрывают представление Л. о Боге прежде всего как Создателе мира и человека (что позволяет считать его деистом). Многократно высказанная Л. мысль о господстве «промысла вышнего во всем», постоянное присутствие в его одах ветхозаветного Бога-творца обнаруживают общую религиозность Л., что не исключало, однако, его конфликтов с церковью.

В марте 1757 Синод подал императрице доклад о «пашквильных стихах» «Гимн бороде», в котором сообщалось, что во время «свидания и разговора» с синодальными членами Л., «сверх всякого чаяния, сам себя тому пашквильному сочинению автором оказал» и «начал оный пашквиль шпынски защищать». Сатира, восходящая к традиции новолат. антиклерикальных стихов, в контексте рус. культуры воспринималась как особенное кощунство. По преданию, адресатом ее был архиепископ *Сильвестр Кулябка*. Поводом для сатиры послужило ужесточение духовной цензуры, незадолго до того изъявшей стихи о множественности миров из перевода Н. Н. Поповского «Опыт о человеке». Ответом на «Гимн бороде» были анонимные письма против Л., подписанные псевдонимом «Христофор Зубницкий» и содержащие «перевернутую» пародию «Передетая борода, или Имн пьяной голове». Наиболее вероятным автором их считается член Синода *Димитрий Сеченов*; сам Л. считал автором Тредиаковского: ему адресована эпиграмма Л. «Зубницкому» (Тредиаковский откликнулся на нее сатирой «Цыганосов, когда с кастильских вод проспится...»).

К натурфилософским одам примыкает «Письмо о пользе стекла» (1753), затрагивающее проблемы мироздания и человеческой истории и решающее их в гуманистическом духе. Это первый в России образец ученой дидактической поэмы, широко распространенной в Европе с кон. XVI в. (Л. был знаком, например, со сборником поэм Ф. Удена).

По поручению императрицы, чтобы расширить круг сочинений для придворного кадетского театра, Л. пишет две трагедии. В мае—окт. 1750 он создает трагедию «Тамира и Селим» (1-е изд. — нояб. 1750; 2-е изд. — февр. 1751; представлена 1 дек. 1750 и 9 янв. 1751). Тематически трагедия восходит к рассказу из «Синопсиса» о бегстве Мамая после поражения в Куликовской битве в Кафу и о его гибели. «Тамира и Селим» обнаруживает следы влияния трагедии Готшеда «Катон» и трагедий Сумарокова «Хорев» и «Гамлет». В текст трагедии вплетены «политические» наставления (напр., монологи Надира о тирании, о войне). Трагедия «Демофонт» (дек. 1750—осень 1751) написана на сюжет мифа о Филлиде и Демофонте из «Метаморфоз» Овидия. В разработке коллизий «Демофонта» заметно влияние трагедии Расина «Андромаха» (это отмечено в пародийной афише *И. П. Елагина*, где Л. назван «Racine malgré lui» («Расин поневоле»)) и трагедии Сенеки «Троянки». Позднейшие критики видели недостатки трагедий Л. в несоблюдении единства действия и отсутствии цельности в характерах (Вестн. Европы. 1822. № 18), что составляло «трудности для актеров» (Драм. словарь (1787)). При этом высоко ценилось поэтическое достоинство отдельных фрагментов.

Бóльшая часть поэтических произведений Л. была написана по заказу или по должности. К таким произведениям относятся и надписи (всего более 30 — на иллюминации, к памятнику Петру I), которым Л. придавал важное значение, включая в свои собрания сочинений. Написанные александрийским стихом, они являют собой об-

разец изящества и поэтического остроумия.

Особняком стоят в творчестве Л. стихотворения, не принадлежащие к официальным жанрам. Вероятно, они создавались им на протяжении всей жизни, бо́льшая часть из них относится к анакреонтике; ранние были включены Л. в «Краткое руководство к красноречию. . .» («Ночною темнотою. . .», отрывки из недошедших стихотворений); в поздних: «Разговор с Анакреоном» (1758–1761, при жизни Л. ходил в рукописи) и «Кузнечик дорогой. . .» (1761) — наиболее открыто звучит личностное начало. Эти неофициальные стихотворения Л. отличают простосердечие и задушевность.

В 1760-е гг., несмотря на оды Екатерине II (3 оды) и стихи Г. Г. Орлову, Л. уже воспринимался как поэт прошлого царствования, «стихотворец веку <. . .> блаженныя памяти Елисаветы Петровны» (*Порошин С. А.* Зап. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1881, запись от 17 дек. 1764).

Круг тем поэзии Л., сложившийся не без влияния нем. классицизма, дал основание причислять его к т. н. нем. «школе разума» (Л. В. Пумпянский) и к классицизму (П. Н. Берков); метафоричность и витиеватость ломоносовского стиля позволяли относить его поэзию к стилю барокко и даже к Ренессансу (А. А. Морозов). Это обусловлено реальной многогранностью поэзии Л., осуществившего синтез средневековой и новейшей литературных традиций.

Л. отличало явное нежелание участвовать в литературной жизни. К современным ему изданиям (журналы Хераскова, «Трудолюбивая пчела» Сумарокова) Л. относился с равнодушием и даже враждебностью. «Ежемес. соч.» должны были, с его точки зрения, носить научно-популярный или экономико-статистический характер. Л. сторонился литературной полемики (его отзывы на произведения Сумарокова: «Гамлет», «Эпистолы о языке и стихотворстве» — имели разрешительный характер, от отзыва на перевод Тредиаковским «Аргениды» Барклая он уклонялся (февр. 1750)). К критике в свой адрес Л. относился почти равнодушно («. . .все против меня намерения и движения пропустил бы я беспристрастным молчанием без огорчения» — письмо И. И. Шувалову от 16 окт. 1753). Эта позиция объясняется его идеальным (классическим) взглядом на поэзию, который предполагал незыблемый идеал, основанный на поэтическом опыте древних и подчиненный единым и непреложным законам. Л. не только не пересматривал своих «правил российского стихотворства», но фактически и не отступал от них (правке подвергались лишь отдельные языковые обороты). Это определило уникальную особенность его творчества: отсутствие в нем развития, движения.

Отсутствие связей с современными литераторами (за исключением любимого ученика Поповского) привело к изоляции Л. в литературной жизни, которая усиливалась по мере формирования литературных школ.

В самом кон. 1740-х гг. Л. разошелся с Тредиаковским и Сумароковым. В 1747 Сумароков в «Эпистоле о русском языке» апологетически писал о Л.: «Он наших стран Малгерб, он Пиндару подобен». Осенью 1748 Л. дал положительный отзыв на трагедию Сумарокова «Гамлет», но, вероятно, тогда же написал эпиграмму «Женился Стил, старик без мочи. . .», обыгрывающую двусмысленность выражения «нетронута взирала».

В 1747 Сумароков пишет статью «Критика на оду» («Царей и царств земных отрада. . .», 1747), возможно ставшую известной Л. Находя некоторые из строф оды «изрядными», Сумароков показывает нелепость отдельных выражений с точки зрения логической семантики. Позднее (статья «О стопосложении», 1770-е гг.) Сумароков признавал, что в поэтическом наследии Л. только оды наполнены «духом стихотворческим, красотою», одновременно подчеркивая, что и они изобилуют «отвратительными пороками и грамматики, и стопосложения, и худшего с лучшим сопряженного вкуса». Затемненность смысла, сочетание высокой лексики с низкой, излишний гиперболизм («надутость») становятся ми-

шенью «Вздорных од» Сумарокова (1750-е гг.), предназначавшихся для печати. Лишь «Дифирамв» появился в «Трудолюбивой пчеле» (1759. № 10); публикацию остальных Л. успел предотвратить. В «Трудолюбивой пчеле» была помещена статья Тредиаковского «О мозаике» (1759. № 9). Л., сильно задетый ею, жаловался на Тредиаковского в письмах к Шувалову и Воронцову и написал эпиграмму «Злобное примирение». На закрытие журнала Л. откликнулся «Эпитафией», на которую Тредиаковский ответил стихами «Бесстыдный родомонт, иль буйвол, слон, иль кит. . .».

В 1750 Тредиаковский в рукописном «Письме, в котором содержится рассуждение о стихотворении. . .», направленном против Сумарокова, заявляет о своем приоритете в создании силлаботоники и отводит Л. лишь роль изобретателя ямба (это было повторено в «Предуведомлении» к «Аргениде», но Л. настоял на изъятии указанного пассажа при публикации). Возможно, к этому времени относится эпиграмма Л. «На сочетание стихов российских», оспаривающая первенство Тредиаковского.

Осенью 1753 Л. выступил с критикой языковых взглядов Тредиаковского в стихотворении «Искусные певцы. . .» (восходит к § 119 «Грамматики»). Тредиаковский автором его счел Сумарокова, поэтому именно ему адресован ответ «Не знаю, кто певцов в стих кинул сумасбродный. . .». Более основательно возразить своим противникам Л. намечал в статье «О нынешнем состоянии словесных наук в России» (вторая пол. 1756), которая не была закончена.

Критические выпады Сумарокова против Л. были поддержаны молодыми поэтами сумароковского круга, что привело к рукописной полемике 1753 с грубыми нападками на личность Л. Участие Л. в полемике ограничилось рукописным письмом-памфлетом, адресованным И. П. Елагину, эпистолой «Златой младых людей и беспечальный век. . .» (написаны по настоянию Шувалова) и эпиграммой «Отмщать завистнику меня вооружают. . .». Разбору литературных мнений «ненавистников» посвящено письмо Л. к Шувалову от 16 окт. 1753. В нем дана оценка средних жанров, культивируемых сумароковской школой, как малозначительных. Из письма видно, что Л. был сильно задет упреками в «надутости изображения»; в оправдание гиперболичности стиля он приводит примеры из древних.

С кон. 1750-х гг. отношения Л. и Сумарокова перерастают в стойкую неприязнь. Служебные успехи Л. вызывают басню Сумарокова «Осел во львовой коже» (Праздное время. 1760. Февр.), где он поминает «низкую породу» Л. Последний отвечал «переворотом» «Свинья в лисьей коже» (впервые: *Курганов Н. Г.* Российская универсальная грамматика. . . СПб., 1769), насмехаясь над внешностью и манерами Сумарокова. В 1761, когда Сумароков хлопочет о вступлении в члены Академии наук, Л. осмеивает в письме к Шувалову (от 19 янв.) его необразованность.

Широкую огласку получил скандал вокруг речи аббата Э. Лефевра «Discours sur le progrès des beaux arts en Russie» (произнесена в салоне А. С. Строганова 16 апр. 1760), в которой Л. и Сумароков были одинаково названы «deux génies-createurs» («двумя гениями-творцами»). Л. разбил набор и уничтожил гранки находившейся уже в производстве речи. В ответ на речь Лефевра А. П. Шувалов поместил «Lettre d'un jeune seigneur russe à M. de ***» («L'Année littéraire» аббата Фрерона, 1760), назвав Л. «отцом нашей поэзии». Попытка И. И. Шувалова примирить Л. с Сумароковым в янв. 1761 не удалась. Спор о том, был ли Л. единственным основоположником новой рус. поэзии, продолжился и после смерти Л. Из рус. перевода лат. надгробной надписи Штелина, сделанного И. К. Голеневским, вероятно по воле академического начальства, были изъяты строки: «Стихосложения российского установителю, трагедий на родном языке сочинителю» (это место надписи оспаривал Сумароков в статье «Некоторые строфы двух авторов», 1773).

Для популяризации литературных идей и поэтики Л. главное

значение имели его прижизненные собрания сочинений. «Собрание разных сочинений» (кн. 1 — июль 1751; кн. 2 вышла посмертно в 1768) явилось итогом десятилетней литературной работы и одновременно первым собранием сочинений одного автора в России. Тексты, вошедшие в «Собрание» (10 духовных и 10 торжественных од, 19 надписей и «Слово похвальное <. . .> императрице Елизавете Петровне. . .»), при перепечатке подвергались авторской правке (с учетом критических замечаний Сумарокова).

В 1757 Шувалов распорядился об издании всех литературных сочинений Л. в новооткрытой типографии Моск. ун-та. За изданием «Собрания разных сочинений в стихах и прозе» наблюдал Херасков (т. 1 вышел летом 1758 (на тит.: 1757), с портретом Л. работы Э. Фессара и Х. А. Вортмана, со стих. надписью Поповского; т. 2 — в 1759).

Помимо «Собр. соч.» широко издавались отдельные сочинения Л. — тираж их намного превосходил издания др. авторов.

На 1754 приходится основная работа по написанию нормативной «Российской грамматики» (первое упоминание в письме к Л. Эйлеру 27 мая 1749). Л. разрешает фундаментальный для XVIII в. вопрос о соотношении церковнослав. и рус. языков, которые рассматривает как близкие, но самостоятельные. Создание рус. литературного языка, по его мнению, предполагает введение стихии разговорного языка в литературный контекст церковнослав. и разделение общей лексики по степени близости к разговорной речи. Теоретически Л. ориентировался на древних авторов и на фр. грамматические руководства (в частности, на «Grammaire générale et raisonnée de Port-Royal», 1660); ряд терминов заимствован им из грамматики Смотрицкого. 20 сент. 1755 рукопись «Грамматики» была поднесена вел. князю Павлу Петровичу (отпеч. к янв. 1757). Перевод «Грамматики» на нем. язык был поручен И. И. Стафенгагену (опубл. 1764).

Недостатком «Грамматики» считали (Сумароков) опору Л. на сев. диалект, использование преимущественно «подлых» слов, невыдержанность стиля. Однако, как писал тот же Сумароков, «множество людей не спрашивали больше доказательства, кроме сего, что так написано в Грамматике», и самые ошибки Л. «приняли украшением пиитическим». Последующие грамматики (в частности, грамматика Рос. Академии, 1794) опирались на «Грамматику» Л. Она имела решающую роль при написании грамматик Ю. Вишневского и Й. Добровского. Принцип лексикографии Л. был руководящим при составлении «Словаря Академии Российской».

«Теория трех штилей», сложившаяся под влиянием языковой теории фр. классицизма, изложена Л. в «Предисловии о пользе книг церковных» (Соч. 1757; написано специально для этого изд. по заказу Шувалова). В нем Л. различает три языковых пласта, нормативное употребление которых в трех разных комбинациях образует три «штиля» рус. литературного языка: высокий, средний и низкий. Одновременно с этим Л. выстраивает и иерархию литературных жанров, классифицируя их согласно «штилям». «Предисловие», т. о., тесно примыкает к «Грамматике» и «Риторике». Отсутствие исторического подхода придало некоторую механистичность языковой теории Л., что особенно сказалось в характеристике среднего стиля и предопределило неизбежность языковой реформы *Н. М. Карамзина*. Влияние Л. на рус. литературный язык сказывалось и в последующей языковой теории, и в практике: при толковании слов академический словарь широко пользовался примерами из художественного творчества Л. (подавляющее большинство литературных примеров взято из поэтических текстов Л.).

Теория словесного искусства Л. была с успехом применена им на практике, при создании «слов». 26 нояб. 1749 Л. произнес «Слово похвальное <. . .> Елизавете Петровне . . .», которое снискало «рукоплескание двора» (2-е изд. — в составе брошюры «Торжество Академии наук . . .»; автоперевод на

лат. язык: «Panegyricus Elisabetae Augustae», 1749). Эйлер в письме от 19 дек. 1749, назвал его «un chef d'œuvre dans son genre» («шедевром в своем жанре»).

В течение 1753–1754 Л. работал над похвальным словом Петру Великому (произнесено на ассамблее 26 апр. 1755; сообщение: СПб. вед. 1755. № 28). 1-я редакция была частично переведена на фр. язык Ф.-Г. Штрубе де Пирмонтом (до сент. 1757), в 1759 перевод был окончательно завершен Т. Чуди, напечатан и отправлен Вольтеру в числе материалов по истории Петра I. Вольтер не придал ему никакого значения. Напротив, Готшед счел нужным опубликовать произведение Л. в нем. переводе («Das Neuste aus der anmuthigen Gelehrsamkeit», 1761), отметив: «Наши читатели могут судить о том, какой мужественной силой и каким хорошим вкусом обладает этот русский вития».

Успех Л. побудил Шувалова заказать ему эпическую поэму о Петре I. Приступив к работе в 1756, Л., как говорит Штелин, «положил себе за правило ковать ежедневно по тридцати стихов», но работа шла с большими перерывами (песнь 1, завершенная к нояб. 1760 и поднесенная Шувалову, опубл. в дек. 1760; песнь 2 — в июле 1761; лат. перевод *К. А. Кондратовича* издан не был; часть поэмы во фр. прозаическом переводе вошла в сочинение Н.-Г. Леклерка «Histoire phisique, morale, civile et politique de la Russie moderne» (Paris, 1783)). Сюжет морских скитаний, лежащий в основе поэмы, восходит к Гомеру и Вергилию. Выбор героя недавней отечественной истории обеспечил, с одной стороны, успех поэме, с другой — стал причиной неудачи Л. По словам Шувалова, Л. не мог закончить поэму, потому что «время для фантазий было очень близко», т. е. мешало отсутствие исторической перспективы. Штелин отмечал, что поэма Л. «заслужила одобрение знатоков и удивление многих россиян», а Н. И. Новиков говорил о ее «бессмертной славе». Молодой Державин выступил в защиту поэмы от нападок Сумарокова. *А. Н. Радищев* и Карамзин признавали опыт Л. в эпопее неудачным, отдавая предпочтение «Россиаде» Хераскова, и упрекали Л. в подражании «Генриаде» Вольтера. Но еще *М. Н. Муравьев*, восхищаясь «Петром Великим», перевел поэму на лат. язык (Вестн. Европы. 1807. № 19).

Об исторических взглядах Л. позволяет судить прежде всего его участие в полемике вокруг диссертации Г.-Ф. Миллера в Ист. собрании (сент. 1749–сент. 1750). Л. резко выступил против норманнской версии происхождения россиян. Пространные замечания Л. на диссертацию Миллера в целом носят тенденциозный характер: история России для него это прежде всего история ее славы. «Или он не знает,— возражал ему Миллер,— каково различие между исторической диссертацией и панегирической речью?». Позднее, в 1751, Л. настаивал на изъятии из 2-й части «Сибирской истории» Миллера пассажа о «разбоях» Ермака; его противодействие вызвали также статья *Г. А. Полетики* «О начале, возобновлении и распространении учения и училищ в России. . .» для «Ежемес. соч.» (в марте 1757 Л. объявил Миллеру, что «сию пиесу <. . .> печатать непристойно, понеже в оной с X-го от Р. Х. по XVII-й ни о каких школах в России не упомянуто») и деятельность А.-Л. Шлецера.

Стимулом к самостоятельным историческим занятиям послужило высказанное весной 1753 пожелание Елизаветы Петровны видеть рос. историю, написанную «штилем» Л. К 1754 основной корпус источников, отечественных и иностранных (визант., римских, литов.), был изучен, и Л. приступил к написанию текста. Начатое в 1758 печатание (набрано всего 3 листа) было прервано самим Л. (март 1759) для переделки системы примечаний. Незаконченная, лишенная научного аппарата книга вышла в 1766 с кратким предисловием Шлецера (нем. перевод *Л. И. Бакмейстера* — Riga; Leipzig, 1768; фр. издание с нем. перевода — Paris, 1769).

С точки зрения методики «История» уступает работам Миллера и Шлецера. Для Л. характерно отсутствие критики источников, про-

извольная компиляция летописных свидетельств. Достоинством книги являлись ее литературный стиль и самый предмет — освещение раннего периода рус. средневековья, до Л. недостаточно известного.

Особое место занимает «Краткий российский летописец» Л. (в нем использован «Краткий экстракт . . .» *А. И. Богданова).* Он создавался, вероятно, как учебное руководство для вел. князя Павла Петровича (содержит стихотворное посвящение ему). Удобная для преподавания форма обеспечила «Летописцу» редкий успех (3 издания за 1760–1761; нем. пер. Я. Я. Штелина — Copenhagen; Leipzig, 1765; англ. перевод — London, 1767). Работа над ним шла параллельно с «Древней российской историей».

В кон. XVIII в. поэты разных ориентаций оказались единодушны в оценке деятельности и творчества Л. (Херасков, *В. П. Петров, В. И. Майков* и др.). Культ Л. от Хераскова унаследовал Муравьев, а от Муравьева – К. Н. Батюшков. Восхищение творчеством Л. и его судьбой характеризует рус. мысль вплоть до Пушкина и Вяземского. Диссонансом в стройном хоре похвал звучит радищевский упрек Л. в лести и предпочтение ему Сумарокова, однако Радищев признает за Л. роль «первого», «вождя» и восхищается его одами («Слово о Ломоносове»). На разборах произведений Л. воспитывалась ранняя рус. критика (А. Ф. Мерзляков, П. Ф. Калайдович, М. А. Дмитриев и др.). Л. стал героем первого рус. биографического романа К. А. Полевого (1836).

В рус. критике и общественном сознании Л. долго оставался «Петром Великим русской литературы», как назвал его Батюшков, а затем В. Г. Белинский, подразумевавшие под этим, что именно им были осуществлены коренные реформы рус. языка и стиха.

На др. день после смерти Л. его архив был опечатан Г. Г. Орловым, а затем полностью приобретен им вместе с библиотекой. Бумаги и книги Л. находились в Штегельмановском доме Орлова, а с 1783 — в Мраморном дворце. Часть материалов была возвращена семье. Рукописи Л. в течение XIX в. распределялись гл. о. между наследниками Г. Г. Орлова и потомками Л., Раевскими, унаследовавшими Усть-Рудицу. Известен Свиньинский сборник, похищенный П. П. Свиньиным из Мраморного дворца не позднее 1826. В 1920-е гг. все известные рукописи и книги Л. были собраны в Архиве АН СССР (Ленинград). Предположение о существовании части архива Л. в Париже, куда эмигрировали Раевские и Орловы, не подтвердилось.

В 1778 *Дамаскин Семенов-Руднев* издал «Собрание разных сочинений в стихах и прозе» (т. 1–3), впервые включавшее наряду с художественными научные тексты Л., а также впервые в рус. издательской практике предлагавшее текстовые варианты в примечаниях; биографическая статья перепечатана с незначительными изменениями из «Опыта исторического словаря. . .» Н. И. Новикова.

В 1784 Рос. Академия осуществила «Полное собрание сочинений» Л. в 6-ти т., ориентированное на издание 1778. Сюда вошли все известные к этому времени тексты Л., корпус которых пополнился благодаря материалам из архивов Г. Г. Орлова и И. И. Шувалова. *О. П. Козодавлев*, готовивший т. 1, осуществил публикацию писем Л.; из частных писем они первыми получили, т. о., значение литературного памятника. Биографическая статья М. И. Веревкина, сопровождающая издание, написана на основании записок Я. Я. Штелина, архивных материалов Заиконоспасского монастыря и сведений, полученных от лиц, знавших Л.

В 1891 М. И. Сухомлиновым было предпринято научное издание Л. (т. 1–5, включающие литературные произведения и филологические труды, подготовлены Сухомлиновым; т. 8, содержащий письма, — Л. Б. Модзалевским). Академическое издание под ред. Г. П. Блока и др. вышло в 1950–1959, 1983 (литературные и филологические сочинения — т. 7, 8).

Лит.: *Билярский П. С.* Мат-лы для биографии Ломоносова. СПб., 1865; Куник. Мат-лы для истории Академии наук. Ч. 1–2 (1865); *Пекарский П. П.:* 1) Редактор, сотрудники и цензура в рус. журн.

1755–1764 гг. // Сб. Отд-ния рус. яз. и словесности. 1867. Т. 2. № 4; 2) Ломоносов. Жизнеописание // Пекарский. История Академии наук. Т. 2 (1873); *Будилович А. С.* Ломоносов как писатель. СПб., 1871; Ломоносовский сб. СПб., 1911; М. В. Ломоносов: Сб. статей / Под ред. В. В. Сиповского. СПб., 1911; *Берков П. Н.* Ломоносов и лит. полемика его времени. 1750–1765. М.; Л., 1936; *Данько Е. Я.* Из неизд. мат-лов о Ломоносове // XVIII век. М.; Л., 1940. Сб. 2; Ломоносов: Сб. статей и мат-лов. М.; Л., 1940–1989. Т. 1–8; *Меншуткин Б. Н.* М. В. Ломоносов: Жизнеописание. 3-е изд. М.; Л., 1947; *Модзалевский Л. Б.* Лит. полемика Ломоносова и Тредиаковского в «Ежемес. соч.» 1755 // XVIII век. М.; Л., 1959. Сб. 4; *Васецкий Г. С.* Мировоззрение Ломоносова. М., 1961; *Глинка М. Е.* Ломоносов: Опыт иконографии. М.; Л., 1961; *Коровин Г. М.* Б-ка Ломоносова. М.; Л., 1961; *Макеева В. Н.* История создания «Российской грамматики» Ломоносова. М.; Л., 1961; *Ченакал В. Л., Андреева Г. А. и др.* Летопись жизни и творчества М. В. Ломоносова. М.; Л., 1961; Кулябко. Ломоносов (1962); Лит. творчество Ломоносова: Исслед. и мат-лы. М.; Л., 1962; *Морозов А. А.*: 1) М. В. Ломоносов: Путь к зрелости. М.; Л., 1962; 2) М. В. Ломоносов. 1711–1765. 5-е изд. М., 1965; 3) Родина Ломоносова. Архангельск, 1975; *Серман И. З.*: 1) Поэтический стиль Ломоносова. М.; Л., 1966; 2) Mikhail Lomonosov. Jerusalem, 1988; *Вомперский В. П.* Стилистическое учение М. В. Ломоносова и теория трех стилей. М., 1970; *Кулябко Е. С., Бешенковский Е. Б.* Судьба б-ки и арх. М. В. Ломоносова. Л., 1975; *Курмачева М. Д.* Петербургская Академия наук и М. В. Ломоносов. М., 1975; *Лихоткин Г. А.* Ломоносов в Петербурге. Л., 1981; *Пумпянский Л. В.*: 1) К истории рус. классицизма: (поэтика Ломоносова) // Контекст 1982. М., 1983; 2) Ломоносов и нем. школа разума // XVIII век. Л., 1983. Сб. 14; Ломоносов и книга: Сб. науч. тр. Л., 1986; *Тюличев Д. В.* Книгоиздательская деятельность Петербургской Академии наук и М. В. Ломоносов. Л., 1988.

Н. Ю. Алексеева

ЛОПАТИНСКИЙ Федор Леонтьевич (в монашестве — Феофилакт) [ок. 1680–6 (17) V 1741, Петербург; похоронен в Александро-Невской лавре]. Происходил из волынских дворян. Учился в Киево-Могилянской коллегии, заканчивал образование, очевидно, в Польше. По свидетельству дат. посланника Ю. Юля в его «Записках» (1710), он был «человек высокообразованный, родился <. . .> и учился в Польше, в Лемберге» (Чтения в О-ве истории и древностей рос. 1899. Кн. 3. Отд. 3. С. 213). По возвращении из-за границы Л. преподавал в Киево-Могилянской коллегии. После преобразования Славяно-греко-лат. академии (1701) был вызван в Москву. С сент. 1704 — наставник философии и префект, с 1706 до 1722 — наставник богословия, с 1708 — ректор академии и архимандрит Заиконоспасского монастыря. В эти годы Л. составил курсы философии и богословия, в основу которых были традиционно положены системы Аристотеля и Фомы Аквинского. В 1709 он, выполняя поручение Петра I, составил «Службу благодарственную о великой Богом дарованной победе» (1709), правленную потом самим царем и положенную на музыку М. И. Ширяевым. В 1712 Л. впервые открыто выступил против своего бывшего товарища по Киево-Могилянской коллегии *Феофана Прокоповича*, обвинив его в приверженности к протестантизму и написав полемический трактат «Иго Господне благо, и бремя его легко» (рукопись — РГИА, ф. 834, оп. 3, № 2234) в ответ на сочинение Прокоповича «Об иге неудобоносимом». В предисловии Л. писал: «Вина убо сочинения книжицы сея есть писания противные, вносящие в мир российский мудрования оная реформатская, доселе в церкви православной не слышанная». Позднее, в 1718, Л., заручившись поддержкой *Стефана Яворского*, вместе с Гедеоном Вишневским вновь обвинил Феофана Прокоповича в

неправославии, пытаясь тем самым воспрепятствовать его посвящению в епископы. Хотя Прокоповичу удалось довольно легко оправдаться, с этого времени началась открытая борьба между ним и Л. По указу Петра I от 14 окт. 1712 Л. вместе с Софронием Лихудом и Ф. Поликарповым под наблюдением Стефана Яворского начал заниматься исправлением московского издания перевода слав. Библии (1663) по греч., лат. и древнеевр. текстам. Работа по сверке всех книг Ветхого Завета (кроме Псалтыри) была закончена в 1720. В февр. 1724 Петр распорядился прежде печатания вновь проверить перевод, что было поручено Л. совместно с синодальным переводчиком Афанасием Кондоиди. После смерти Петра I издание было задержано, перевод пересматривался еще несколько раз и был издан лишь в 1751 с учетом большинства исправлений, предложенных в 1713–1720 (т. н. «елизаветинская» Библия). Параллельно Л. занимался переводческой и проповеднической деятельностью. В 1718 по указу Петра I он начал переводить с лат. «Полидора Вергилия Урбинского Осмь книг о изобретателях вещей». Полный и точный, без отступлений от оригинала, перевод, изданный в Москве в 1720, является первым печатным сочинением энциклопедического характера на рус. языке. Славянизированный стиль перевода вызвал недовольство Петра I. В приложении к изданию «Книги историография» Мауро Орбини (1722) Л. поместил написанное еще в 1716 «Рассмотрение сея повести» — разбор главы книги, посвященной Кириллу и Мефодию. В нем он документально опровергает мнение Орбини о том, что первоучители славян были посланы в Моравию из Рима. Антикатолическое по своей направленности «Рассмотрение. . .» долгое время приписывалось Феофану Прокоповичу.

В эти же годы Л. произнес несколько «слов», из которых самым значительным является «Слово о богодарованном мире», произнесенное 1 янв. 1722 по случаю заключения Ништадтского мира. Оно было напечатано гражданским и кириллическим шрифтами и тогда же переведено *Феофилом Кроликом* на нем. язык. К этому времени относится и лат. ода Л. в честь кн. Д. Кантемира, помещенная в его «Книге Систима» (1722).

С 1722 начинается второй, «полемический», период творчества Л., связанный с быстрым его возвышением. 21 янв. 1722 Л. назначают вопреки его желанию советником Синода и 9 марта переводят архимандритом в Чудов монастырь. С февр. 1723 он епископ Тверской и Кашинский, 9 марта 1725 пожалован архиепископом. 10 июля 1725 назначен вторым вице-президентом Синода, где ему поручают ведать делами о раскольниках. В 1723 он начал писать «Обличение неправды раскольнической» (по распоряжению Синода было проверено и исправлено митрополитом Ростовским Арсением Мацеевичем и издано в 1745). Это подробный разбор апологетического старообрядческого сочинения А. и С. Денисовых «Поморские ответы». В 1725 было напечатано небольшое «Увещание к православным христианам», отредактированное Петром I, где Л. призывал старообрядцев к примирению с официальной церковью и к отказу от самосожжений. В эти же годы Л. подготавливает к изданию сочинение своего учителя Стефана Яворского «Камень веры» (оконч. 1713), запрещенное при Петре I из-за своей резкой антипротестантской направленности; книга вышла в 1728 с составленной Л. биографией Стефана Яворского и стихотворной подписью к его портрету. «Камень веры» вызвал бурную полемику в России и Европе; особенно резким был отзыв венского богослова И.-Ф Буддея. Л., искренне подозревавший в авторстве книги Феофана Прокоповича, написал в кон. 1730 «Апокрисис, или Возражение на письмо Буддея». Но издание этого сочинения было запрещено, а вскоре указом 1732 запрещен и сам «Камень веры». Положение Л. в Синоде ухудшилось, особенно после того как староцерковная партия, надеясь на восстановление патриаршества, стала прочить его в патриархи. В 1730 Л. испросил себе увольнение в епар-

хию и занялся устройством епархиальной школы, музыкой и пополнением своей библиотеки (в ее описи значится 1416 назв. — РГИА, ф. 796, оп. 20, № 576, л. 115–174; само книжное собрание Л. хранится в БАН). Тогда же, очевидно, он написал на лат. языке «Зерцало горячайшего ко господу Богу духа» (изд. в рус. пер. Г. Щеголева в 1785; лат. ориг. неизв.) — медитативные «молитвословия» в элогиальном стиле.

Чтобы свести с Л. давние счеты, Прокопович воспользовался делом, возбужденным против близкого к Л. и заподозренного в сочинении пасквиля на Феофана Прокоповича Иосифа Решилова. В 1732 Л. был допрошен в Петербурге, но отпущен, в апр. 1735 вызван вторично, содержался в Тверском подворье, в дек. 1736 переведен в Петропавловскую крепость, подвергнут допросам и пыткам, признан виновным в «важных винах». 13 дек. 1738 лишен сана и заключен в Петропавловскую (по др. сведениям — Выборгскую) крепость. 30 дек. 1740 прощен, возведен в прежнее звание, но вскоре, разбитый параличом, скончался в Петербурге в доме архиепископа Новгородского *Амвросия Юшкевича*.

Видный представитель староцерковной партии, последователь Стефана Яворского, Л. был сторонником воссоединения зап. и вост. церквей (в дек. 1717 по поручению Стефана он переводил с лат. записку сорбоннских богословов по этому предмету) и не поддерживал мн. преобразований Петра I. Но по складу характера он не смог возглавить партию противников реформ, часто уклонялся от борьбы, шел на уступки и поэтому, по словам Арсения Мацеевича в предисловии к «Обличению неправды раскольнической», «до кончины жизни своея несносное терпел гонение и страдание».

М.-Ш. Фандербек, начальник военных госпиталей Петербурга, писал в 1725: «Наш ученый круг еще уважает Феофилакта Лопатинского, епископа Тверского <. . .>. Это человек самого многостороннего образования, знаток греческой литературы, которою занимался очень прилежно и с большими успехами <. . .>. Его непоколебимая честность во всех обстоятельствах жизни напоминает собою золотой век. Одним словом, если бы добродетель можно было бы нарисовать, то он был бы ее портретом» (Сын отеч. 1842. Ч. 1. № 1. С. 14). В 1749 Елизавета Петровна, благоволившая Л., велела Синоду освидетельствовать и напечатать «Иго Господне благо. . .». *Платон Левшин* в 1757 представил положительный отзыв о книге, но Синод решил дело только в марте 1769, прекратив его, «потому что в печатании оной ныне никакой надобности не состоит» (Христианское чтение. 1901. № 6. С. 983). Среди неизданных сочинений — трактат о таинствах крещения на лат. языке и несколько «слов» на церковные праздники, предположительно атрибутируемых Л. (см.: РГИА, ф. 834, оп. 3, № 1582–1585, 1588, 1589, 2252; РГБ, собр. О-ва изучения древностей рос., № 454, л. 143–246 об.; РНБ, собр. Титова, № 2395, л. 458–465).

Лит.: Смирнов. Моск. академия (1855); *Чистович И. А.*: 1) Исправление текста слав. Библии перед изд. 1751 г. // Православное обозр. 1860. № 4; 2) «Решиловское дело». СПб., 1861; *Покровский Н. А.* Феофилакт Лопатинский // Православное обозр. 1872. № 12; *Архангельский А.* Дух. образование и дух. лит. при Петре Великом. Казань, 1883; *Морошкин И. А.* Феофилакт Лопатинский, архиеп. Тверской // Рус. старина. 1886. № 1–2; *Титлинов В.* Феофилакт Лопатинский // Рус. биогр. словарь. Т. «Яблоновский–Фомин» (1913); *Лавровский А. Н.* Б-ка Феофилакта Лопатинского // Тр. БАН СССР и ФБОН АН СССР. Л., 1961. Т. 4; *Мартынов И. Ф.* Три ред. «Службы благодарственной о великой победе под Полтавой» // XVIII век. Л., 1974. Сб. 9; Панегирическая лит. петровского времени. М., 1979; *Успенский Б. А., Шишкин А. Б.* Тредиаковский и янсенисты // Символ. Париж, 1990. Т. 23.

С. И. Николаев

ЛОПУХИН Авраам Васильевич [18 (29) I 1774–19 II (3 III) 1835,

Москва; похоронен в Покровском м-ре]. Происходил из дворянского рода. Сын поручика Преображенского полка В. А. Лопухина. В службу записан в 1786 в Преображенский полк; 1 янв. 1794 выпущен из сержантов гвардии в армию капитаном. Однако в армии Л. пробыл недолго. 19 апр. 1800 он получил чин надв. советника, но «числился не у дел». В 1802 был определен советником в Моск. казенную палату, где прослужил до 1804. Л. был в родстве с В. В. Измайловым (женой Измайлова была Е. В. Лопухина, сводная сестра Л.). Скончался Л. в чине кол. советника.

Литературная деятельность Л. как переводчика началась в 1791, когда он издал в прозаическом переводе с фр. языка большую сентиментально-идиллическую поэму Мертгена «Сусанна, или Торжество невинности над клеветою двух злобных судей израильских»; в это издание Л. включил также перевод идиллии Мертгена «Розы». В 1790-х гг. в «Чтении для вкуса» Л. опубликовал целый ряд прозаических переводных и оригинальных сочинений: «Письма двум девицам при посылке им обещанных печаток», «Изображение потопа», «Жизнь Зоилова», «Дессерт Сократов», «Селико. Африканская повесть», «Абенаки, или Пример чувствительных индейцев». В этом же журнале им опубликованы стихи «Мадригал Петру Великому», «Песня», «Могущество любви», «Сила поцелуя» (1792. Ч. 6–8; 1793. Ч. 10–12). Также в 1790-х гг. в журнале «Приятное и полезное» Л. напечатал стихотворения «Вздох по друге», «Вечерние размышления», «Песня», «Боги», «Мечтающий» (1795. Ч. 8, 12). Последнее стихотворение, наиболее удачное из всех поэтических опытов Л., — торжественный гимн Москве. В альманахе *Н. М. Карамзина* «Аониды» появились ода Л. «К природе» и стихотворение «Весна» (1796. Кн. 1). В некрологе (опубликованом в «Молве» за 1835) о поэте говорилось также, что «он был ревностным сотрудником журналов „Иппокрена", „Новости русской литературы" и „Друг просвещения"». Напечатанные в этих журналах произведения не выявлены. Архивные материалы о Л. хранятся в СПбФ АРАН (ф. 3, оп. 1, № 390) и РГБ (ф. 233, 58.7, л. 32).

Лит.: *Ювеналий* [*Воейков И. Г.*].: 1) Краткое ист. родословие благор. и знаменитых дворян Лопухиных. М., 1796; 2) Краткое родословное показание ныне здравствующих дворянских фамилий. М., 1798; Моск. некрополь. Т. 2 (1908); *Ельницкий А.* Лопухин А. В. // Рус. биогр. словарь. Т. «Лабзина–Лященко» (1914).

С. Н. Травников

ЛОПУХИН Иван Владимирович [24 II (6 III) 1756, с. Воскресенское (Ретяжи) Кромского у. Орловской губ.–22 VI (4 VII) 1816, там же]. Происходил из знатного рода. Отец — генерал-поручик, киевский губернатор, родственник царицы Евдокии Федоровны. Детство Л. провел в Киеве. Получил домашнее образование: один из слуг обучал «русской грамоте», иностранные учителя — фр. и нем. языкам. С 1775 — прапорщик Преображенского полка. Прослужив несколько месяцев, серьезно заболел. За время болезни, длившейся около шести лет, много читал, познакомился с произведениями Вольтера и Ж.-Ж. Руссо. Перевел заключительную часть сочинения «Система природы» П. Гольбаха и собирался «рассевать его в рукописях». Но, почувствовав «неописанное раскаяние», написал «Рассуждение о злоупотреблении разума некоторыми новыми писателями. . .» (1780; 2-е изд. 1787), посвятив свой труд «чтущим Бога и любящим добродетель». Стал увлекаться произведениями Л.-К. Сен-Мартена и И. Арндта. С фр. перевода П. Летурнера перевел сочинение Э. Юнга «Торжество веры над любовию» (1780; 2-е изд. 1787, с посв. отцу). Как член Вольного рос. собрания при Моск. ун-те (вступил в него 26 июня 1781) перевел трактат Руссо «О блаженстве» (1781). Опубликовал перевод с фр. «Речи, говоренной в Академии французской. . .» А.-Л. Тома (1782, подп. — «Любитель российского слова»; с посв. *М. М. Хераскову*; принадлежность пере-

вода Л. устанавливается его свидетельством в «Автобиографической записке» — РНБ, ф. 588, Погодинские автографы, № 147). В нач. 1782 был уволен с военной службы «к статским делам полковником». С кон. 1782 стал старшим советником, а затем председателем Моск. угол. палаты, где всячески стремился облегчить участь обвиняемых. Вступив в связи с этим в конфликт с московским главнокомандующим Я. А. Брюсом, в мае 1785 вышел в отставку с чином ст. советника. С нач. 1780-х гг. сблизился с *Н. И. Новиковым*, в 1782 вступил в масонский орден розенкрейцеров. Стал «мастером стула» ложи «Латона», получил масонское имя Филус. В 1783 основал свою типографию, к которой присоединилась и тайная масонская типография. В типографии Л. печатался масонский журнал «Магазин свободнокаменщический» (1784. Т. 1), где, очевидно, он сотрудничал. 31 мая 1784 под управлением Л. открылась масонская ложа «Блистающей звезды». Л. часто выступал с речами в масонских собраниях, ведал несколькими ложами в Петербурге, Орле, Вологде, Кременчуге. Принял активное участие в деятельности Дружеского учен. о-ва и в управлении Типогр. комп., с которой после 1786 слилась его собственная типография. Способствовал распространению книг в Курске, Орле. Вместе с Новиковым, *И. П. Тургеневым* и др. много занимался филантропической деятельностью. В 1785 принял в розенкрейцеры *Х. А. Чеботарева*. Л. убедительно атрибутируется перевод книги М. де Молиноса «Духовный путеуказатель» (1784. Ч. 1–3). По свидетельству Л., он принял участие в редактировании перевода книги Дузетана «Таинство креста Иисуса Христа...» (1784), сделанного *М. И. Багрянским*. Масонские интересы Л. были связаны преимущественно с пиетизмом и квиетизмом. В 1788 на свой счет он отправил учиться за границу *М. И. Невзорова* и *В. Я. Колокольникова*. Осенью 1788 был назначен масонским руководителем Тургенева; часто бывал у *Платона Левшина*, пользуясь его «отличным благорасположением». Споры с ним о масонстве подали Л. мысль сочинить «Нравоучительный катехизис истинных франкмасонов», в котором он стремился обосновать тождественность масонства и христианства. Переведя «Катехизис» на фр. язык, Л. в 1790 издал его как сочинение, полученное из-за границы. В 1789 Л. написал книгу «Некоторые черты о внутренней церкви» (1798; 2-е изд. СПб., 1801; 3-е изд. СПб., 1815), куда включил и «Катехизис» («Краткое изображение качеств и должностей истинного христианина»). В книге, получившей одобрение К. Эккартсгаузена и переведенной также на нем. и фр. языки, нашли отражение попытки Л. соединить христианство с некоторыми идеями Х.-А. Гаугвица, И. Арндта, Я. Бёме и др. Совместно с Н. В. Репниным написал сочинение «Плоды благодати...» (вошло в рукоп. сб. 1790-х гг. — РНБ, F.III.67), дважды напечатанное на фр. языке в 1790. Сочинение Л. «Духовный рыцарь, или Ищущий премудрости» (1-е изд. После 1799; 2-е изд., доп. После 1810; с вымышленной датой 5791, означавшей год написания — 1791) было посвящено преимущественно обрядовой стороне масонства; сюда же вновь включен «Катехизис». Книга была переведена на нем. и фр. языки; распространялась в списках. В 1831 *М. Л. Магницкий* в доношении Николаю I об иллюминатах указал, что эта книга «заключает самоважнейшее учение русского иллюминатства» (Рус. старина. 1899. № 2. С. 292), но безосновательно.

В 1790–1791 Л. вел переписку с Невзоровым, Колокольниковым, Г. Я. Шредером и *А. М. Кутузовым*, сообщив ему, в частности, известие о ссылке *А. Н. Радищева*, с которым не был знаком, но «слышал, что много имел достоинств»; книгу Радищева считал, однако, «весьма вредоносной». Посылал Кутузову денежные пособия. В нояб. 1791 Л. вместе с др. членами Типогр. комп. подписал акт об ее уничтожении. В связи с процессом Новикова к следствию был привлечен и Л. В указе *Екатерины II* от 1 авг. 1792 Л., Тургенев и Н. Н. Трубецкой названы среди главных сообщников Новикова.

Предписывалось допросить их «порознь» и в случае раскаяния отправить «в отдаленные от столицы деревни их и там иметь пребывание, не выезжая отнюдь из губерний». Незадолго до ареста Новикова Л. сжег часть хранившихся у него бумаг, чем навлек на себя еще большее подозрение. 10 авг. Л. вызывали на допрос; через десять дней ему предстояло ехать в ссылку, но по указу императрицы от 19 авг. было разрешено остаться в Москве в связи с тем, что на его попечении находился престарелый слепой отец. Одновременно в указе говорилось, что поведение Л. «строго должно быть наблюдаемо». В сент. 1792 было начато следствие по поводу купленных Л. запрещенных книг, но ему удалось оправдаться.

Л. продолжал заниматься чтением и «упражнялся <. . .> в разных переводах и мелких сочинениях». Под именем «Россиянина» издал книгу «Излияние сердца, чтущего благость единоначалия. . .» (М., 1794; Калуга, 1794; посв. А. Г. Орлову-Чесменскому), куда вошли три произведения, вскоре выпущенные и отдельными изданиями: 1) «Благость и преимущество единоначалия» (отд. изд.: 1795); 2) «Изображение пагубных плодов мечтания равенства и буйныя свободы» (отд. изд. под назв. «Изображение мечты равенства. . .»: 1794); 3) «Описание нескольких картин. . .» (отд. изд.: 1795). В предисловии к книге «Излияние сердца. . .» Л. высказал сожаление, что не имеет «привлекательного, важного, живого нового слога» *Н. М. Карамзина* и «величественной, отличной, восторгом пленяющей лиры» *Г. Р. Державина*. Все три сочинения Л. объединены стремлением выразить негодование по поводу революционных событий во Франции. «По плану» Л. на ту же тему было написано сочинение Тургенева «Кто может быть добрым гражданином и верным подданным?» (опубл. 1790 на фр. языке; 2-е изд. 1796; 3-е изд. 1798). Пьеса Л. «Торжество правосудия и добродетели, или Добрый судья» (1794, с посв. Ф. Г. Орлову; 2-е изд. 1798, без посв.; отрывки перепечатаны: Друг юношества. 1808. № 4, 10) отличалась откровенным дидактизмом и успеха не имела. Во 2-м издании помещено «Завещание друзьям моим», написанное Л. 13 сент. 1795, где он благодарил одного из своих почитателей, изобразившего «портрет души» Л. Эпиграф из своей книги «Излияние сердца. . .» Л. предпослал сделанному им переводу сочинения Э. Флешье «Надгробная похвала Тюренну» (1794). «Подражание первому псалму» (1795) Л. посвятил Хераскову, «одному из величайших в мире поэтов». Между Херасковым и Л. существовали давние дружеские связи: Херасков «пел» Л. в поэме «Владимир Возрожденный» (1785). Впосл. Л. называл Хераскова «старостой российской литературы», а Карамзина — «десятником литературы». «Подражание. . .» Л. вошло в книгу «Подражание некоторым песням Давидовым», содержавшую переложения шести псалмов (М., б. г., с посв. Платону Левшину; 2-е изд. М., 1801; 3-е изд. М., 1802); напечатаны также в «Приятном и полезном» (1795. Ч. 8; подп. — «. . .нъ»), а затем в «Друге юношества» (1808. № 9). В 1795 Л. перевел с фр. «Слово похвальное Марку Аврелию» А.-Л. Тома (М., 1801). Упоминая в предисловии переводы *И. П. Елагина* и *Д. И. Фонвизина*, Л. назвал «Слово» «самым красноречивым и многоважными мыслями наполненным сочинением» Тома. С окт. 1793 до кон. 1796 Л. работал над «пространным» сочинением, посвященным вопросам государства и права. В незавершенном виде оно было напечатано под назв. «Отрывки сочинения одного старинного судьи» (Друг юношества. 1808. № 10; отд. изд.: М., 1809, с «посвящением юношеству», датированным 15 сент. 1808). «Иждивением Любителя литературы», т. е., очевидно, Л., было осуществлено первое отдельное издание повести Карамзина «Бедная Лиза» (1796).

В 1796, приняв участие в судебном деле старообрядцев, Л. написал записку «Вопль старинного судьи. . .» (Чтения в О-ве истории и древностей рос. 1862. Кн. 2), где говорил о необходимости более гуманного судопроизводства и веротерпимости к раскольникам. Екатерина II не успела рассмотреть эту

записку. Указом Павла I от 7 нояб. 1796 Л. было разрешено выезжать из Москвы. 4 дек. 1796 Л. передал Павлу I свою записку, приехав в Петербург по вызову государя; в результате судебные дела были пересмотрены в пользу обвиняемых. 5 дек. Л. произвели в д. ст. советники и одновременно назначили статс-секретарем. Л. получил право заниматься делами Тайной экспедиции. Вскоре, однако, из-за недовольства в придворных кругах, Л. пришлось удалиться от двора. 20 янв. 1797 он стал сенатором 5-го (угол.) Деп. в Москве и получил чин т. советника. В кон. 1799 вместе с Тургеневым и Ф. П. Лубяновским ездил в Троице-Сергиеву лавру к Платону Левшину. В Москве часто посещал Тургенева, встречался с Херасковым, Карамзиным, *Д. И. Дмитревским*, Невзоровым, *Я. И. Булгаковым*, В. В. Измайловым. У Л. бывали также мн. молодые литераторы: В. А. Жуковский, *Г. П. Каменев, И. А. Второв*, Лубяновский. Л. интересовался их сочинениями, дарил им книги. Оказал большое влияние на сыновей Тургенева. Андрей И. Тургенев признавался, что Л. производит в нем «соревнование к добру». Весной 1803 он «всякий день по утрам» бывал у Л. и умер у него «на руках». Александр И. Тургенев говорил о воздействии Л. на его «моральное образование». Впосл. денежная тяжба, возникшая после смерти И. П. Тургенева между его вдовой и Л., осложнила его отношения с этой семьей.

В нач. 1800 Л. с сенатором Г. М. Спиридоновым был направлен для осмотра Вятской, Казанской и Оренбургской губ. Сопровождавший Л. Невзоров описал эту поездку, длившуюся около восьми месяцев, в книге «Путешествие в Казань. . .» (М., 1803). В связи с обнаруженными злоупотреблениями чиновники были строго наказаны, что вызвало много толков. Для обоснования своей позиции Л. составил «Выписку наставлений и приказаний. . .» (М., 1800), подписанную им и Спиридоновым. В награду за осмотр губерний Л. получил командорский крест ордена св. Иоанна Иерусалимского. Находясь в Казани, перевел книгу «Изображение истинного христианства. . .» (М., 1800), посвятив перевод «учащим и учащимся в Казанской академии и в семинарии Вятской». В кон. 1801 по приказанию Александра I Л. и *Ю. А. Нелединский-Мелецкий* ездили осматривать Слободско-Украинскую губ. 12 нояб. и 3 дек. 1801 из Харькова Л. направил два донесения, в которых стремился защитить от преследований духоборов (текст донесений включен в «Записки» Л.). В рескрипте Александра I от 27 нояб. 1801 предложения Л. были одобрены. Все это, однако, вызвало недовольство у значительной части духовенства. Для разъяснения своей позиции Л. написал сочинение «Отзыв искренности» и стал распространять его в списках. 12 июля 1806 Л. послал это сочинение в «Сионский вестн.», где оно появилось под загл. «Глас искренности» лишь в дек. 1817. По свидетельству А. С. Шишкова (см.: Зап., мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова. Берлин, 1840. Т. 2. С. 232), сочинения Л. «признавались духоносцами за пророческие и читались в собраниях их наравне с Библией».

В 1802 Л. избрали судьей в Совестный суд в Москве. Одновременно император поручил ему возглавить Комиссию для разбора споров и определения повинностей на Крымском п-ове. В числе членов Комиссии был *П. И. Сумароков.* С кон. лета 1802 до кон. февр. 1803 Л. находился в Крыму. Отсюда отправился в Петербург, где оставался с марта 1803 до авг. 1804. В 1803 перевел книгу «Вера во Иисуса. . .» (СПб., 1804, с посв. митрополиту Амвросию; подп. — «И. Лхн»). Деятельность Л. в Крыму получила одобрение императора, но весьма скептически была оценена Д. Б. Мертваго, сменившим Л. на посту председателя Крымской комиссии (Рус. арх. 1867. № 8–9). В Крыму, куда Л. вернулся в кон. 1804, он перевел книгу «Отрывки для чтения верующим» (М., 1805; 2-е изд. СПб., 1806; с посв. архиерею Черниговскому Михаилу (М. М. Десницкому)). В июле 1805 в Евпатории написал «Замечание на известную книгу Руссову „Du contrat social“» (М., 1805; перепеч. в кн. Л.: Отрывки сочинения одного старин-

ного судьи. М., 1809; также: Сионский вестн. 1806. № 2). Здесь он стремился опровергнуть идеи Ж.-Ж. Руссо о природном равенстве людей. В 1805 по дороге из Крыма был в Белеве и Калуге, где посетил своего «давнего приятеля» епископа *Феофилакта Русанова*. Вернувшись в Москву в сент. 1805, продолжал участвовать в деятельности 5-го (6-го угол.) Деп. Сената, а затем 8-го Деп. По свидетельству Лубяновского, Александр I хотел назначить Л. министром народного просвещения, но раздумал, заподозрив в чрезмерной склонности к вину. В кон. 1806, в связи с военными действиями против наполеоновской армии в Европе, Л. была поручена организация милиции (земского войска) в Тульской, Калужской, Рязанской и Владимирской губ. В донесениях императору Л. смело сообщал о волнениях в народе. 12 дек. 1807 произведен в д. т. советники. После столкновений с рядом сенаторов по крестьянскому вопросу стал очень редко ездить в Сенат. В 1813–1816 Л. числился «неприсутствующим сенатором» (ИРЛИ, ф. 320, № 1279, л. 24 об.).

Л. по-прежнему увлекался произведениями Руссо, Э. Юнга, Ф. Фенелона, Ж.-М. Гюйон. В подмосковном имении Л. Савинском Богородского у. (вблизи от современной станции Монино Ярославского направления) посреди озера находился «Юнгов остров» с «Руссовой хижиной» и посвященной Фенелону урной с изображениями Руссо и Гюйон. О Савинском рассказывали В. А. Жуковский (Вестн. Европы. 1809. № 2), А. Ф. Воейков в «Описании русских садов» (Пантеон рус. поэзии. СПб., 1815. Ч. 4, кн. 7) и в «Воспоминании о селе Савинском и добродетельном его хозяине» (Новости рус. лит. 1825. Ч. 12. № 5), а также *И. М. Долгоруков* в стихотворении «Прогулка в Савинском» (*Долгоруков И. М.* Бытие сердца моего. . . М., 1817. Ч. 1). Переписываясь с *М. М. Сперанским* в 1804–1806, Л. рекомендовал и посылал ему книги Фенелона, Гюйон и др.

В 1808–1809 Л. работал над «Записками», рассылал их рукописные экземпляры знакомым, в частности Жуковскому с письмом от 15 июня 1809 (текст письма не сохр.; см.: Рус. арх. 1884. № 1. С. 151) и *А. Ф. Малиновскому* для библиотеки Моск. архива М-ва иностр. дел. Многочисленные копии (ок. 30) «Записок», хранящиеся в архивах Москвы и Петербурга, относятся преимущественно к первой трети XIX в. Жуковский писал Александру И. Тургеневу 15 сент. 1809 о Л.: «Прочитав его Записки, пожелаешь, чтобы таких людей было поболее, а для себя сочтешь счастием пользоваться их дружбой». Вместе с тем он признавался, что «не все» в «Записках» ему нравится. В печати появились и хвалебные, и критические отклики на «Записки» (Друг юношества. 1810. № 1; 1812. № 2).

В 1812 при нашествии фр. армии Л. уехал из Москвы в Юрьев-Польской, затем в Савинское и, наконец, в Воскресенское Орловской губ., где провел последние годы жизни. 9 февр. 1813 женился на М. Е. Никитиной, дочери московского купца, что вызвало много толков. Оправдывая Л., Невзоров называл его женитьбу «венцом добродетели» (*Невзоров М. И.* Соч. и мысли // РНБ, Q.III.73, л. 52). Л. поощрял литературные занятия племянника своей жены А. И. Ковалькова, выступавшего в печати в 1810-е гг. Л. продолжал вести обширную переписку (с *А. Ф. Лабзиным*, Д. П. Руничем, И. Г. Юнгом-Штиллингом и др.). Большое духовное воздействие Л. оказал на Жуковского, который поверил Л. историю своей любви, и по его просьбе Л. пытался уговорить Е. А. Протасову выдать за него дочь. Л. всячески поддерживал Невзорова и его журнал «Друг юношества», печатал здесь ранее публиковавшиеся произведения и новые, в частности отрывки из «Записок» (1812. № 1), ряд оригинальных и переводных статей: «Несть пророк в отечествии своем» (1812. № 11); «Примеры истинного геройства. . .» (1813. № 3) и др. От имени «Юнгоостровского пустынника» Л. прислал в журнал «Отрывок из бумаг М. С. Бранкевича» (1812. № 11). Невзоров неоднократно помещал в журнале хвалебные отзывы о Л.; «Друг юношества» за 1813 был по-

священ Л. Свою книгу «Нечто для размышления о молитве и сущности христианства» (Орел, 1814) Л. послал *С. И. Гамалее*, Новикову, Руничу, Чеботареву и др. В письмах Руничу за 1814 Л. описывал торжества, устроенные им в имении по поводу окончательного поражения Наполеона, — «похороны Бонапартовы». В апр. 1814 вступил в Рус. библейское о-во (см.: Рус. арх. 1870. № 7). О своей литературной деятельности Л. писал: «Авторство не мое ремесло <. . .>. Но я писал всегда или по нужде, или для провождения времени. <. . .> Правилам же писательства я вовсе не поучен; я прямой самоучка» (Друг юношества. 1813. № 3. С. 73–74).

Суждения современников о Л. противоречивы. Некоторых удивляла в Л. страсть к благотворению и одновременно — нарушение деловых обязательств. Я. И. Булгаков считал, что Л. «делал добро без разбора и часто порочным людям на счет добрых и честных людей» (Рус. арх. 1898. № 4. С. 542). С. Венечанский восхвалял Л. как «великого мужа» в стихотворном посвящении ему перевода «Исторического описания о наказании преступников в Филадельфии» Ф. Ларошфуко-Лианкура (1799). С большой признательностью вспоминал о Л., «своем благодетеле», Лубяновский. А. Ф. Воейков писал о Л.: «Имя его произносится с благословением, с признательностью, с слезами. Он всему на свете предпочитал добродетель; его жизнь — беспрерывная цепь благотворений». С. П. Жихарев упоминал о Л. как о человеке, «столь известном умом и подвигами человеколюбия». Лабзин называл Л. «необыкновенно добрым человеком», «редким мужем» (Рус. арх. 1892. № 12. С. 354). *И. И. Дмитриев* «с уважением» вспоминал о нем. П. А. Вяземский считал, что Л. был «в свое время передовым человеком». А. И. Герцен, издавший «Записки» Л., высоко оценил гуманистическую направленность его деятельности, обратив внимание и на противоречивость его взглядов.

Часть архива Л. (биографические материалы, переписка и др.) хранится в РНБ и ИРЛИ.

Лит.: *Лопухин И. В.* Зап. / С предисл. Искандера. Лондон, 1860 (репринт: М., 1990); *Афанасьев А. Н.* И. В. Лопухин // Арх. ист. и практических сведений, относящихся до России. СПб., 1860. Т. 1. Отд. 1; *Иловайский Д. И.* Новые сведения о Н. И. Новикове и членах Компании // Летописи рус. лит. и древностей. М., 1863. Т. 5; Лонгинов. Новиков и мартинисты (1867); *Попов А.*: 1) Дело Новикова и его товарищей // Вестн. Европы. 1868. № 4; 2) Новые документы по делу Новикова // Сб. имп. Рус. ист. о-ва. СПб., 1868. Т. 2; Письма И. В. Лопухина к М. М. Сперанскому и Д. П. Руничу // Рус. арх. 1870. № 3, 7; *Лубяновский Ф. П.* Воспоминания. М., 1872; Переписка И. В. Лопухина с А. М. Кутузовым, М. И. Невзоровым и В. Я. Колокольниковым // Рус. старина. 1874. № 1–3; 1896. № 11; *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. СПб., 1883. Т. 8; Письма И. В. Лопухина к Александру Павловичу и Е. П. Львовой // Рус. арх. 1884. № 3; *Дубицкий А.* И. В. Лопухин // Вестн. славянства. 1888. № 1–2; 1889. № 3–4; отд. изд.: Казань, 1889; Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. М., 1895; Переписка Я. И. и А. Я. Булгаковых // Рус. арх. 1898. № 1–12; *Тихонравов Н. С.* Соч. М., 1898. Т. 3, ч. 1; *Суровцев А.* И. В. Лопухин, его масонская и гос. деятельность // Вестн. всемирной истории. 1900. № 3–6; отд. изд.: СПб., 1901; *Бобров Е.* Лит. и просв. в России XIX в. Казань, 1902. Т. 3; Арх. бр. Тургеневых. СПб., 1911. Вып. 1–2; *Барсков Я.* Лопухин И. В. // Рус. биогр. словарь. Т. «Лабзина–Лященко» (1914); *Пиксанов Н. К.* И. В. Лопухин // Масонство в его прошлом и настоящем. М., 1914. Т. 1 (репринт: М., 1991); Барсков. Переписка масонов (1915); *Лонгинов М. Н.* Соч. М., 1915. Т. 1; Пыпин. Рус. масонство (1916); Вернадский. Рус. масонство (1917); Bakounine. Le répertoire (1940); *Ошерович Б. С.* Очерки по истории рус. уголовно-правовой мысли. М., 1946; *Мартынов И. Ф.* Книгоиздатель Николай Новиков. М., 1981; *Осокин В.* «Его стихов пленительная сладость. . .»: В. А. Жуковский в Москве и Подмосковье. М., 1984; *Кочеткова Н. Д.*

О псевдонимах И. В. Лопухина: (И. В. Лопухин — писатель, читатель и издатель) // Книга в России: Век просвещения. Л., 1990; *Бакунина Т. А.* Знаменитые рус. масоны. М., 1991; *Эйдельман Н. Я.* Восемнадцатое столетие в изданиях Вольной рус. типографии // Россия XVIII столетия в изданиях Вольной рус. типографии А. И. Герцена и Н. П. Огарева. М., 1992; *Аржанухин С. В.* Филос. взгляды рус. масонства: по мат-лам журнала «Магазин свободнокаменщический». Екатеринбург, 1995.

Н. Д. Кочеткова

ЛУЖКОВ Александр Иванович [1754–9 (21) V 1803, Петербург]. Происходил из дворянской семьи. В 1762 был записан в Лейб-кирасирский полк вахмистром (числился в штате полка до 1782), а в 1763 определен в Акад. гимназию. В 1771 формально зачислен в придворный штат на должность унтер-библиотекаря личной библиотеки *Екатерины II* при библиотекаре *В. П. Петрове*, но получил годовой отпуск для окончания образования. В дальнейшем библиотекарь, а затем и хранитель антиков, резных камней и драгоценностей Эрмитажа. По свидетельству *П. И. Сумарокова*, отличался неподкупной честностью и после смерти Екатерины II представил «не записанного в книгах золота и серебра более нежели на 200 тысяч рублей»; по отзыву А. М. Тургенева, «был в полном смысле слова строгий стоический философ, говорил безбоязненно правду, прямо без оборот, как что он по внутреннему и собственному обсуждению понимал». По вступлении на престол Павла I Л. вышел в отставку (1796) и поселился близ Охтинского кладбища, по словам Тургенева, «что-то писал» и безвозмездно копал для бедных могилы.

Л. принимал участие в работе Собрания, старающегося о переводе иностр. книг, для которого им были переведены из «Энциклопедии» Дидро и Д'Аламбера и анонимно изданы статьи «О вере» (Луи де Жокура, 1776) и «О политической экономии, или государственном благоучреждении» (Ж.-Ж. Руссо, 1777), а также «История о Америке» Виллиама Робертсона (1784, пер. закончен в 1781), представляющая собой т. 1 четырехтомного оригинального издания. Последний перевод свидетельствует, что Л. был одним из немногих рус. переводчиков с англ. языка.

7 сент. 1789 Л. был избран почетным членом Академии наук.

Лит.: *Сумароков П. И.* Черты Екатерины Великой // Рус. арх. 1870. Кн. 2; *Тургенев А. М.* Зап. // Рус. старина. 1886. Ч. 4; Семенников. Мат-лы для словаря (1914); *Гамалов-Чураев С. А.* А. И. Лужков, библиотекарь и хранитель Эрмитажа при Екатерине II // Библиол. сб. Пг., 1916. Т. 2, вып. 1.

Н. И. Глинка

ЛУКАШЕВИЧ Григорий Михайлович. Стихотворец 1770-х гг. Происходил из дворян Полтавской губ. Учился в Унив. гимназии. Службу начал в Измайловском полку (1774). 19 июня 1776 был пожалован кавалергардом в Кавалергардский корпус, 1 янв. 1789 произведен в капралы (числился с 1776 по Азовскому, с 1784 по Троицкому пехотному полку). При расформировании Кавалергардского корпуса в 1796 был переведен в армию с чином подполковника, но подал прошение о переходе на статскую службу в Заемный банк. Из-за отсутствия там свободной должности 10 янв. 1797 был причислен к штату Киевской губ. в ожидании свободной вакансии (РГИА, ф. 1374, оп. 1, № 265, л. 2, 6, 7, 10, 23, 28, 29, 51). Однако в списках по Киевской губ. имя его не встречается.

В 1775 опубликовал оду, посвященную прибытию в Москву *Екатерины II* (с датой 25 янв.), и стихотворное «Письмо» Г. А. Потемкину (10 июля 1775) на пожалование ему графского титула; в нем он обращается к Потемкину как к своему покровителю (позднее Потемкин являлся шефом Кавалергардского корпуса).

Лит.: Сб. биографий кавалергардов. 1762–1801. СПб., 1904.

В. П. Степанов,
С. И. Николаев

ЛУКИН Владимир Игнатьевич [8 (19) VII 1737, Петербург–9 (20) VII 1794, там же; похоронен в Александро-Невской лавре]. Сын придворного лакея (или истопника), он на протяжении всей жизни подвергался насмешкам за свое низкое происхождение. *Д. И. Фонвизин*, служивший вместе с Л., в письме к родителям от 26 июня 1766 причислял его к тем, «которых отцы и предки во весь свой век чинов не имели и родились служить, а не господствовать» и которых «самая природа и все на свете законы» ставили ниже потомственных дворян. Между тем к 1761 отец Л. выслужил дворянство и владел шестьюдесятью душами крепостных; брат Л., Игнатий, дослужился до чина полковника (ум. 8 марта 1775). Сам Л. деревень не имел, единственным источником его доходов было жалованье, и в 1765 он писал в предисловии к своим «Сочинениям и переводам»: «До сего времени по неимуществу моему и тем людям, кои меня беднее, иныя помощи, кроме искреннего о них сожаления и нелицемерного о достоинствах их отзыва, подавать не могу». Семью Л. потерял рано (жена Пелагея (1754–1775), дочери Надежда (1771–1787) и Александра (1773–1786)). С 1776 до конца жизни он жил в доме своего брата Федора (ум. до 1776) у Калинкина моста в приходе св. Екатерины с его вдовой и своей незамужней сестрой.

Последовательного образования у Л. не было, но, самостоятельно изучив фр., нем., лат. языки, он получил возможность для самообразования. Службу начал в 1752 копиистом при Герольдмейстерской конторе. С 23 мая 1756 перешел с чином сержанта армии на такую же должность в Контору Лейб-Кампанской роты Преображенского полка, под начало *И. П. Елагина*, и 1 янв. 1759 получил офицерский чин подпоручика. В 1760–1761 Л. был прикомандирован к походному гвардейскому корпусу в Пруссии, а в 1762 определен секретарем в штат К. Г. Разумовского. По-видимому, ко времени службы в армии относится увлечение Л. карточной игрой, о котором он упоминал в предисловии к пьесе «Мот, любовию исправленный» и которое ему долго поминали его литературные враги (ср. «сказки» *А. О. Аблесимова* «Игрок, сделавшийся писцом» и «Стыд хулителю»; обе — 1769). К 1762 относятся первые литературные выступления Л. Он переводит для Придворного театра комедию Ж.-Г. Кампистрона «Награжденное постоянство» (первоначально: «Любовница-любовник»; сведений о постановке нет); 9 дек. 1763 вернувшаяся из Москвы после коронации труппа ставит в его переводе комедию Ж.-Ф. Реньяра «Менехмы, или Близнецы» (изд. 1763). Переводческая деятельность Л. затем активизируется. В поисках литературного заработка он обращается к подготовке изданий для Акад. типографии и переводит как беллетристику (две новеллы М.-А. Пуассон де Гомес и «Повесть забавную о двух турках в бытность их во Франции» К. Годара д'Окура; все — изд. 1764), так и научно-педагогические сочинения. В письме к И. И. Тауберту (1765) он предлагал издать в виде дополнения к «Древней истории» Ш. Роллена (пер. *В. К. Тредиаковского*) его «Историю новых времен» за гонорар в 300 руб. с тома (проект не осуществился); в 1766–1767 Л. издает две первые части «Оснований в истории к обучению юношества, разделенных на годы и уроки. . .» аббата Н. Ланглe дю Френуа. В предисловии-посвящении он благодарил *Екатерину II* за организацию при Академии наук, Академии художеств и Смольном ин-те школ для разночинцев и сообщал о своем намерении перевести для них несколько учебников, имеющих отношение к словесным наукам: «. . .а как история ото всех людей весьма нужною для жития нашего почитается, то и назначил я ее первою». Для оценки материального положения Л. характерны его финансовые расчеты с Академией наук. В июле 1766 он предлагал Академии купить остатки тиража книги Годара д'Окура (напеч. в авг.–нояб. 1764), уступая гривенник с экземпляра (СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 1, № 283, л. 330); в февр. 1767 просил выдать 180 руб. за «Основания в истории. . .» и разрешить оставшиеся

четыре части переводить брату Игнатию, а корректуру поручить *Б. Е. Ельчанинову* (СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 1, № 292, л. 251); в февр.–июле 1764 он продает тираж повести Гомес «Любовь сильнее дружбы» инспектору книжного магазина (склада) Академии наук Ивану Ильину (СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 1, № 1149, л. 40, 49, 118). Последняя операция послужила позднее поводом для насмешек в журнале «Смесь»: «Что старый копиист стал новый переводчик И что трудам его дивится переплетчик, Тому я верю» (1769. Ч. 6). В нач. 1760-х гг. Л. также берется за продолжение начатого Елагиным перевода романа А.-Ф. Прево «Приключения маркиза Г.***, или История благородного человека, оставившего свет», имевшего широкий читательский спрос (1764–1765. Ч. 5–6).

Успехи Л. в качестве переводчика обратили на него внимание. 3 дек. 1764 Елагин взял его секретарем в свою канцелярию при Кабинете е. и. в., где Л. прослужил до 1774. В елагинском кружке молодых театральных переводчиков сформировалось «прелагательное» направление в драматургии, представленное пьесами «Русский француз» Елагина, «Корион» Д. И. Фонвизина, «Награжденная добродетель» Б. Е. Ельчанинова. Л. не только практически участвовал в создании этого направления, но и, опираясь на опыт дат. писателя Л. Гольберга, выступил его теоретиком в России. 21 авг. 1764 с успехом прошла комедия Л. «Ревнивый, из заблуждения выведенный», представлявшая собой принципиально вольный перевод одноименной комедии Кампистрона. Почти одновременно, в 1763, Л. принялся по просьбе *И. А. Дмитревского* за переработку последнего действия своего перевода «Награжденного постоянства», но пошел дальше технических переделок и «склонил» весь сюжет на рус. нравы (сведений о постановке нет). Принципы «склонения» были разъяснены Л. в предисловии к «Награжденному постоянству» и к «Пустомеле» — переделке пьесы Л. де Буасси «Le babillard» (пост. 19 янв. 1765; обе пьесы вошли в изданные Л. в 1765 «Сочинения и переводы» в двух частях). Он считал «склонение» дальнейшим развитием принципа вольного перевода. Причиной обращения к нему он называет скудость оригинального репертуара и общий недостаток пьес для рус. сцены; целью — нравственное воздействие на зрителя, т. к. именно такие сочинения «долженствуют изображением наших нравов исправлять не столько общие всего света, но более участные нашего народа пороки», «ибо надлежит не столько красоту и силу чужого писателя показывать, сколько исправлять пороки». Л. не отрицает полностью «смехотворную» комедию (т. е. комедию интриги), но требует, чтобы она также имела моральную цель, а для этого была бы «в нашем языке и нравах». Симпатией Л. пользуется серьезная «комедия характеров», которая осмеивает пороки общежития («общественные») — гордость, клевету, неблагодарность и пр., применительно к рус. обществу. Из иностранных драматургов образцами для Л. служили Ф.-Н. Детуш, П.-К. Нивель де Лашоссе, М.-А. Легран.

Л. так подразделял переводы драматических произведений по степени зависимости от источника: точный («словесный») и отступающий от подлинника («вольный»), «подражание», если автор заимствует у предшественника сценический характер или часть содержания пьесы, и «преложение». В чисто формальном отношении теория «преложения» требовала замены иностранных реалий (учреждения, обычаи, обряды, пословицы), введения рус. «говорящих» имен персонажей, помещения героев в приемлемые для рус. быта сюжетные ситуации. Особое внимание Л. обращает на то, чтобы из речи героев изгонялись иностранные речения. Все это должно было создать иллюзию правдоподобия и тем самым усилить сценическое впечатление. Хотя рассуждения Л. терминологически сбивчивы и не всегда последовательны, в целом они представляют опосредованный отзвук теории «мещанской драмы» Д. Дидро, причем применительно к рус. условиям, где место представителя «третьего сословия» в сознании писателя занимал служи-

лый дворянин, гордящийся не «породой», а личными достоинствами и заслугами. Подобный образ в сознании дворянского зрителя транспонировался в образ человека добродетельного и в этом асоциальном, чисто этическом значении пользовался у него большим успехом. Несмотря на «разночинные», условно говоря, симпатии Л., его драматургия внесла свою лепту в разработку темы «добродетели», важной для более поздней литературы сентиментализма. Л.-драматург откровенно преследовал моралистические цели. Он резко отзывался о фарсовых комедиях Мольера, «которые только смех рождают, а пользы ни малыя», и их рус. переводчиках. Образ добродетельного дворянина Л. создал в «Щепетильнике» (переделка пьесы Р. Додсли «The toyshop», осуществленная по пер. К.-Р. Патю «Boutique de bijoutier»). Это «пьеса разговоров», в которой «Щепетильник», «отставной офицер», дает сатирические характеристики проходящим перед зрителями в публичном маскараде (намек на маскарады ит. антрепренера Дж. Б. Локателли) некоторым типам рус. общества. Среди них светский вертопрах, кокетка, придворный хитрец Притворов, Вздоролюбов — собиратель редкостей, судья Обиралов, «русский француз» Верхоглядов, ловелас Старосветов, писатель Самохвалов. Не исключено, что часть выпадов Л., вопреки его программным заявлениям, носила памфлетный характер (напр., против Сумарокова). В пьесу введены два побочных персонажа — крестьяне, говорящие на простонародном диалекте; их речь звучит насмешкой над сумбурным рус.-фр. жаргоном др. действующих лиц. Демократические вкусы Л. особенно отчетливо проявились в письме к Б. Е. Ельчанинову, предварявшему «Щепетильник», в котором он с юмором и одновременно с симпатией описывает «Всенародный театр» академических наборщиков. Он ожидал, что помимо общего просвещения простонародья подобные театры породят нового зрителя и новых писателей. Здесь же он заявил и о своем сочувствии крепостным, владельцы которых «нередко добросердечных поселян, для пробавления жизни нашей трудящихся, без всякия жалости разоряют; иногда же и то увидишь, что с их раззолоченных карет, шестью лошадьми без нужды запряженных, течет кровь невинных земледельцев». Сострадание Л., однако, не выходило за рамки умеренных представлений о человечности и взаимных обязательствах помещиков и крестьян по отношению друг к другу. Так, в пьесе «Мот, любовию исправленный» (единств. ориг. пьеса Л., лишь соотнесенная с «Dissipateur» Ф.-Н. Детуша; пост. 19 янв. 1765) Л. изображает идеального слугу, который из любви и преданности к барину отказывается от данной ему «вольной». В предисловии Л. пояснял: «Слуга Детушева Мота, вольный, дает деньги господину своему <. . .> добродетель от толь низкого человека великая, но Васильева больше. Вольность, сия драгоценная вещь, для которой добрые из них молодые годы усердно нам прослуживают, дабы в старости из кабалы освободиться, — однако Василий презирает вольность и остается при господине своем. Вот примерная добродетель. . .».

Деятельность елагинского кружка вызвала противодействие сторонников развлекательной и сатирической комедии. Издавая в 1765 свои «Сочинения и переводы», сборник только что поставленных на сцене «преложений», Л. противопоставил «молодых» писателей как «старым писцам», авторам «шапеленских» стихов и прозы в духе «Еруслана Лазаревича», так и «мнимовластному судии в наших словесных науках», Сумарокову. Чрезвычайно непримиримо прозвучало также обвинение Л. по адресу своих критиков в том, что они движимы самолюбием, жаждой «прибытка» или желанием «удовольствовать злобу и мщение», но не «пользой» общества. Выход «Сочинений и переводов» сделал Л. заметной фигурой в литературной борьбе и поставил его в центре елагинского кружка. Л. сразу же подвергся резким нападкам со стороны Сумарокова и его окружения (свидетельства враждебных отношений есть в «Записках» *С. А. По-*

рошина). Л. отрицательно изображен в полемической поэме *Я. Б. Княжнина* «Бой стихотворцев» (1765–1767). Литературные и служебные столкновения Л. с Фонвизиным и *Ф. А. Козловским* приводят к распаду кружка Елагина. В 1767–1768 Л. в компании с актером А. И. Поповым совершает поездку по Европе (РГИА, ф. 468, оп. 1, ч. 2, № 3880, л. 131 об.). В связи с этим ему атрибутировалось т. н. «Лейпцигское известие» (1768; приписывается также *А. А. Волкову, И. А. Дмитревскому, С. Г. Домашневу* и, с меньшим основанием, ряду др. писателей), в котором подробно и с похвалой перечислены сочинения самого Л. и его сторонников. Из Парижа Л. вернулся восхищенный игрой А.-Л. Лекена, предложившего чувствительную интерпретацию трагедий Вольтера, и Ф.-Р. Моле, ведущего исполнителя ролей в «мещанских» драмах. По-видимому, Л. не скрывал своих симпатий к новым явлениям европ. театра, еще вызывавшим в России сильное противодействие. Др. обстоятельством, осложнившим литературную деятельность Л., явилось противостояние его драматургии складывавшимся принципам «сатиры на лицо». Сатирические журналы 1769–1770 рассматривали Л. как единомышленника официозной «Всякой всячины», ограничивавшей роль сатиры исправлением нравов и не допускавшей конкретной критики. В журнальных нападках Л. инкриминировались неприязнь и высокомерное отношение к писателям-современникам («авторское самолюбие»), содержались насмешки над особенностями его канцелярского словоупотребления («а!» вм. «ах!», «как ли ни» вм. «как ни», устарелая пунктуация и пр.), осмеивался заимствованный характер его сюжетов, обширность теоретических предисловий к комедиям. В «Трутне» *Н. И. Новикова* против Л. были направлены «Письмо» (1769. Л. 3–4. 12–19 мая; подп. — «Неизвестный***»), написанное как бы от имени Л. в виде автопародии на его предисловия; «Статьи из Русского словаря» (Л. 5. 26 мая) и стихотворное послание «К г. издателю „Трутня“» (Л. 17. 18 авг.); по предположению П. Н. Беркова, автором их был Фонвизин; Л. И. Кулакова допускала авторство Я. Б. Княжнина. Л. был задет также в редакторских заметках в «Трутне» и «Пустомеле» (Новикова): примечание к «Письму» (его сопровождала также эпиграмма *М. И. Попова*); «Рецепты» (Л. 4. 19 мая); предисловие к журналу «Пустомеля» (1770. Июнь). Особенно личный характер имели анонимные заметки в журнале «Смесь» (1769); в них затрагивались сложные взаимоотношения Л. с актерами и порицались элементы «слезной» драмы в его творчестве. Здесь отмечался также неуспех на сцене поздних переводов Л. (Л. 9, 21), намекалось на «корыстное» намерение Л. обогатиться с помощью литературы (Л. 15), на какие-то не попавшие в печать выступления Л. против др. драматургов (Л. 10, 12). Несколько памфлетных строф посвящено Л. в анонимном стихотворении «Чему я верю и чему не верю» (Л. 6, 9). *Ф. А. Эмин* в «Адской почте» (1769. Сент.) насмешливо выступил в защиту актеров, вынужденных исполнять нелепые комедии Л. «Всякая всячина» поместила письмо «Любительницы Всякой всячины» (предполагается, что это псевдоним *Н. С. Титовой*), полностью посвященное критике комедий Л., в котором по бездарности он приравнивался к *В. К. Тредиаковскому*, и письмо «Фалалея, который много написал, а толку нет», где ничтожному Л. противопоставлен Сумароков. Публикации корреспондентов журнал «Всякая всячина» снабдил, однако, благоприятными для Л. замечаниями от редакции. Высказывалось предположение, что сам Л. под псевдонимом «Ибрагим Курмамет» выступил во «Всякой всячине» против журнала *В. Г. Рубана* «Ни то ни сио», а затем в связи с развернувшейся полемикой анонимно поместил в журнале *М. Д. Чулкова* «И то и сьо» эпиграмму «Молодому рифмачу». Из прямых памфлетов на Л. следует упомянуть статью «О ревности» в журнале «Полезное с приятным» (1769. Март. № 4), в котором изложена какая-то скандальная история из личной жизни писателя. Неприязнь к Л. несомненно подогревало то обстоя-

тельство, что, будучи доверенным лицом Елагина, он имел возможность влиять на репертуарную политику. Так, памфлеты Аблесимова против Л. в «Трутне» (Л. 11–12. 7–14 июля; псевд. — «Афросим Азазезов») и «Всякой всячине» (псевд. — «Афросим Оправдаев») были вызваны тем, что какая-то комедия Аблесимова была отвергнута театральной дирекцией.

Драматургическая деятельность Л. не прекратилась с выходом «Сочинений и переводов». По возвращении из заграничной поездки он отдал на театр еще несколько комедий. Из пьес, опубликованных в эти годы и приписываемых Л., ему достоверно принадлежат переводы комедий Л. де Буасси «Разумный вертопрах» (1768) и Ш. Колле «Тесть и зять» (сценическое назв. «Менандр и Изидор», изд. 1768, пост. 15 янв. 1769). Им также была издана в 1769 «вновь исправленная и преложенная» комедия Ж.-Ф. Реньяра «Задумчивый» (первонач. пер. до 1765); комедия П. Мариво «Вторично вкравшаяся любовь» (1773) была Л. сокращена и переработана в духе «вольного» перевода. О принадлежности всех этих вышедших анонимно переводов Л. см.: Лейпцигское известие (1768).

Предполагается, что Л. сделал прозаический перевод пьесы П. А. Д. Метастазио «Остров необитаемый», восходящей к одноименной комедии Ш. Колле (1769; подан, в типографию 29 дек. 1768). Ему приписывалась и вышедшая анонимно пьеса «Благодеянии приобретают сердца», в которой нашла отражение рус.-тур. война 1769–1771 (изд. ок. 1770; упомянута Новиковым в изд.: Новиков. Опыт словаря (1772); атрибутировалась также *А. С. Шишкову*; авторство окончательно не установлено). П. Н. Берков атрибутирует Л. и комедию «Выбор по разуму» (1773), бытовую пьесу, в предисловии к которой указано, что она «взята из театра одного французского сочинителя» и «одета в русское платье». Пьеса Л.-Ф. Делиля де ла Древетьера «Misantrope», известная также в более ранних рукописных переводах *А. А. Волкова* и *М. И. Веревкина*, видимо, привлекла внимание Л. в связи с началом масонской работы в ложах елагинской системы. Она была издана под загл. «Тимон-нелюдим» (1773; ориг. ошибочно приписан Л.-Ж.-К. д'Алленвалю); в предисловии Л. ссылается на пожелание «одного любителя наук», в соответствии с которым он сократил пьесу, отказался от вставных арий и балетов, приспособил ее к потребностям рус. драматической сцены. Перечисленные сочинения 1773 были напечатаны в типографии Морского кадет. корпуса по заказу Л. В их число традиционно включают и пьесу Ж.-Ф. Пуллена де Сен-Фуа «Притворный соперник» (1773), стиль которой, однако, абсолютно не соответствует манере переводов Л. Не имеется достоверных данных и о принадлежности Л. перевода ч. 7 и 8 «Приключений маркиза Г***. . .», содержавших «Историю Манон Леско».

После 1773 Л. отходит от литературной деятельности. В 1774 он становится членом Гл. дворцовой канцелярии и служит в ней до конца жизни, получив в 1786 чин д. ст. советника. В эти годы Л. активно помогает Елагину в организации сети масонских лож, являясь с 31 янв. 1773 мастером ложи «Урания», заседания которой по авг. 1774 происходили в его доме, а с 18 дек. 1773 — Великим секретарем Провинциальной ложи. Будучи командирован за границу в 1771, Л. в нач. 1772 по делам верховного масонского правления тайно посетил Лондон.

Пьесы Л. ставились на сцене до кон. XVIII в., но полемика с ним прекратилась в сер. 1770-х гг.

Лит.: *Пыпин А. Н.* В. Лукин // Лукин В. И., Ельчанинов Б. Е. Соч. и пер. СПб., 1868; Семенников. Мат-лы для словаря (1914); *Семенников В. П.* Рус. сатир. журналы 1769–1774 гг. СПб., 1914; *Берков П. Н.* В. И. Лукин. М.; Л., 1950; Берков. Журналистика (1952); *Кулакова Л. И.* Неизд. поэма Я. Б. Княжнина // Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та им. А. И. Герцена. 1971. Т. 414; Берков. История комедии (1977).

В. П. Степанов

ЛЬВОВ Андрей. Происходил из духовного сословия. Учился в Псковской дух. семинарии, затем для подготовки к преподаванию богословия был направлен в Троицкую дух. семинарию (ок. 1779). С 1782 учитель Псковской дух. семинарии; с 1788 протоиерей Троицкого Островского собора; одновременно продолжал преподавать в семинарии. Занимал это место по крайней мере до 1808. В этом году он приезжал в столицу для определения в СПб. дух. академию своего сына. На каком-то из рынков его ограбили, и 28 окт. 1808 он был вынужден обратиться с прошением о вспомоществовании к статс-секретарю императрицы Марии Федоровны Г. И. Вилламову. В ответ на запрос о Л. митрополит Амвросий ответил, что «честное поведение Львова ему довольно известно» (РГИА, ф. 815, оп. 15, № 450).

Заниматься переводами начал довольно рано. К 1788 перевел с нем. кн. «Соломон, или Учение мудрости» (объявл. — СПб. вед. 1788. 25 янв. № 7; изд. неизв.).

Л. принадлежат два перевода богословского содержания: «Иисус, всяческая во всех представляемый християнину к возбуждению и умножению о нем размышлений» (М., 1804; посв. «верным ученикам» Иисуса) и «Пост и молитва, или Приватные беседы с христианином во время святой четыредесятницы» (М., 1804; с нем.). В рукописи также сохранилось др. переводное сочинение «Филотаф, или Надгробные размышления», посвященное кладбищам, надгробным памятникам, в частности «надгробным надписям» — эпитафиям; отдельную главу занимают кладбищенские размышления-медитации в юнгианском духе (РНБ, собр. Михайловского, № 131 F; рукоп. не датир.).

Лит.: *Князев А. С.* Очерк истории Псковской семинарии. М., 1866.

В. П. Степанов

ЛЬВОВ (Львовский) Андрей. Из студентов Моск. ун-та. В нач. 1770-х гг. служил при Комиссии нового Уложения.

Переведенное Л. сочинение «Золотые часы государей, по образцу жития Марка Аврелия Севера, славнейшего императора и премудрейшего философа» (ч. 1–2) было издано в 1773–1774 О-вом, старающимся о напечатании книг *Н. И. Новикова*, которое получило готовые переводы у Собрания, старающегося о переводе иностр. книг во главе с *Г. В. Козицким*. 30 окт. 1773 Новиков через него поднес книгу императрице; ч. 3–6 (1780) и 2-е издание (1781–1782. Ч. 1–2) вышли с издательской маркой самого Новикова. Издание имело посвящение наследнику Павлу Петровичу, в котором Л. объяснял, что предпринял свой перевод, «побуждаясь примерами других усердствующих общей пользе, хотя к принесению равных плодов чувствовал в себе слабость сил и разума», а посвятил свой труд вел. князю «по важности материи и титулу».

Книга представляет собой перевод лат. сочинения А. де Гевары «Часы правителей», отрывки из которого ранее печатались, в переводах студентов Моск. ун-та, в журналах «Полезное увеселение» и «Доброе намерение». Книга Гевары, очень известная и к тому времени переведенная на европ. языки, на материале легендарной биографии Марка Аврелия и др. римских и визант. императоров излагала правила благоразумного и просвещенного правления. Отдельные экскурсы были посвящены тому, как важно государю быть истинным христианином, как обращаться с супругой и воспитывать наследника престола и вообще как управлять государством. Возможно, Л. принадлежит только часть перевода, а в остальном он являлся организатором и редактором издания. Так, на титуле сб. «Разность не без приятности, содержащая в себе разные и о разных материях диссертации или рассуждения, академическими словопрениями утвержденные» (1780, у Новикова) он обозначен как «коллежский протоколист Андрей Львовский», «печатавшийся в „Золотых государских часах“».

В этот последний сборник вошло шесть переводных «рассуждений» на моральные и общегуманитарные темы: И.-В. Энгельбрехта о преимуществах человека перед животны-

ми, Ф.-И. Ланга о пользе чтения и образования, В.-А. Соренландера об обязанностях детей перед родителями, Х.-Х. Димпфеля о соотношении добродетели и мудрости, этики и политики. В анонимном «Рассуждении о соединении стихотворческой науки с философией» обсуждаются особенности поэзии, ее отличия от ремесленного стихотворства, преимущества перед живописью и др. искусствами. Переводчик посвятил свой труд Н. А. Демидову, который в прошлом оказал ему какую-то услугу. Посвящение датировано: «10 ноября 1789, Нижний Новгород».

Лит.: *Семенников В. П.* Раннее издательское о-во Новикова // Рус. библиофил. 1912. № 5; *Рак В. Д.* «Часы правителей» в рус. переводах XVIII в. // Сервантесовские чтения. Л., 1985.

В. П. Степанов

ЛЬВОВ Иван Федорович [род. 1771]. Из духовного звания. В 1789–1791 служил канцеляристом в Моск. монетной экспедиции. С мая 1792 до сер. 1794 в чине кол. регистратора находился «при письменных делах» двух московских типографий — университетской и сенатской. Затем уехал из Москвы. С сент. 1794 — почтовый экспедитор, позднее почтмейстер в Рыбинске. В 1796 — губернский секретарь, к 1808 выслужил потомственное дворянство (кол. асессор), право на которое было закреплено орденом св. Владимира 4-й степени (формуляр 1811 г. — РГИА, ф. 1349, оп. 3, № 1325). Сборник «Весельчак на досуге, или Собрание новейших песен, как-то: нежных, простонародных, святочных, свадебных, малороссийских, театральных, военных, пастушьих и прочих российских, — собранный из разных старинных песенников и новейших книг» (1797–1798. Ч. 1–2) был составлен Л. еще в Москве (Л. поименован на тит. кол. регистратором); рукопись была приобретена А. Г. Решетниковым, начинавшим свою издательскую деятельность (он представлял в московскую цензуру ч. 2 сборника). В сборник включено 623 песни (нумерация раздельная по частям), извлеченные в основном из печатных источников и не систематизированные тематически. Среди них как народные, так и литературные, «на голоса»; встречаются малорос. (в т. ч. песня Г. С. Сковороды «Ах, поля, поля зеленые»), казацкие; значительное число заимствовано из популярных комических опер, из журналов 1780–1790-х гг. Имеются единичные указания на авторов текстов.

В. П. Степанов

ЛЬВОВ Николай Александрович [1751, с. Черенчицы Новоторжского у. Тверской губ.–21 XII 1803 (2 I 1804), Москва; похоронен в Никольском-Черенчицах]. Родился в мелкопоместной дворянской семье, в которой получил начальное образование. В кон. 1769 прибыл в Петербург для прохождения военной службы в лейб-гвардии Преображенском полку, в который был записан в 1759. С сент. 1770 по сент. 1771 посещал кадетскую роту для солдат гвардейских полков при лейб-гвардии Измайловском полку, где изучал фр. и нем. языки. Одновременно со своей дальнейшей службой в Преображенском полку Л. состоял с 23 марта 1773 в курьерской должности при Коллегии иностр. дел; в этом качестве им были совершены поездки в Гамбург в марте–апр. 1774, в Копенгаген, Гамбург и Эйтин в нояб. 1775–янв. 1776 (АВПР, Внутр. кол. дела, оп. 2/6, № 5681, л. 26 об., 39 об., 28 об., 37 об.; № 3503, л. 6), а также, видимо, некоторые др. 12 июля 1775 вышел в отставку армии капитаном с награждением в 500 руб. от Коллегии иностр. дел (там же, № 5685, л. 246). Март 1776 Л. провел в родовом имении Черенчицы; проезжая через Тверь, он познакомился с родителями и сестрой *М. Н. Муравьева* (ГИМ, ф. 445, № 48, л. 21, 46). 5 июня 1776 Л. по его прошению и при содействии П. В. Бакунина-меньшого был вновь принят в Коллегию иностр. дел с чином капитана, «в рассуждении знания его италианского, французского и немецкого языков <. . .> для употребления его на оных языках в переводах и других делах». В кон. окт. 1776 Л. был

отправлен курьером в Лондон, Мадрид и Париж (28 окт. он проехал Ригу — АВПР, Внутр. кол. дела, оп. 2/6, № 3503, л. 84, 86), на обратном пути он задержался в Париже (февр.–май 1777), где встретился со своим дядей М. Ф. Соймоновым и с сопровождавшим его *И. И. Хемницером*. Рус. путешественники побывали здесь на мн. спектаклях с участием лучших актеров того времени: «Цинна» П. Корнеля, «Федра» и «Гофолия» Ж. Расина, «Танкред», «Заира» и «Китайский сирота» Вольтера, «Галантный Меркурий» Э. Бурсо в Comédie Française; «Ифигения в Авлиде», «Альцеста», «Орфей и Евридика» К.-В. Глюка, «Деревенский колдун» Ж.-Ж. Руссо в Grand Opéra; «Друг дома» А.-М. Гретри, «Мазе» Э.-Р. Дуни, «Король и фермер» П.-А. Монсиньи, «Колония» А. Саккини, «Том Джонс» Ф.-А. Филидора в Comédie Italienne и др.; бывали они и в «театрах на бульварах» (см.: *Хемницер И. И.* Соч. и письма. СПб., 1873. С. 371–394). Покинув Париж 11 мая, путешественники некоторое время провели в Нидерландах (Лейдене, Антверпене, Гааге, Амстердаме и др. городах), осматривая их исторические достопримечательности. 11 июля они отправились в Спа, откуда Л. выехал в Петербург. По возвращении (нач. авг.) Л. становится инициатором создания домашнего театра в доме П. В. Бакунина-меньшого. Здесь 18 дек. 1777 состоялась премьера «Игрока» Ж.-Ф. Реньяра (Л. играл Жеронта) и виденной поэтом в Париже «Колонии» А. Саккини. Этот спектакль был несколько раз повторен зимой 1777–1778; по-видимому, участвовал Л. и в премьере «Дидоны» *Я. Б. Княжнина* (7 февр. 1777, в присутствии автора трагедии).

5 мая 1779 Л. был произведен в «секретари осьмого класса» (кол. асессор) при Коллегии иностр. дел с жалованьем 700 руб. в год. Скромностью достатка, видимо, объясняется то, что в 1770-х гг. Л. подолгу жил у своих богатых родственников (Соймоновы, Бакунины); данное повышение привело к улучшению его материального положения.

В кон. 1770-х гг. определились архитектурные интересы Л. и начались его напряженные занятия в этой области, предшествовавшие успешному дебюту, — в 1780 закончены проекты собора св. Иосифа в Могилеве и Невских ворот Петропавловской крепости, одобренные самой императрицей.

8 нояб. 1780 Л. обвенчался с М. А. Дьяковой (этот брак оставался в тайне до 1783), на ее сестре Александре в 1781 женился *В. В. Капнист*, а на сестре Дарье в 1795 — *Г. Р. Державин*.

30 мая 1780 Л. присутствовал на торжественной закладке фундамента собора св. Иосифа в Могилеве. До самого окончания строительства собора в 1790-х гг. Л. совершал сюда поездки для наблюдения за его ходом.

23 апр. 1781 Л. был назначен в «чине посольства советника к дрезденскому министерскому посту», но «по высочайшей ее величества воле» был оставлен в Петербурге, где «употребляем при Кабинете»; 10 марта 1782 он был определен в Гл. упр. почтовых дел на место советника и числился там до 1797, выполняя самые разнообразные поручения (с 1783 — кол. советник, с 1788 — ст. советник).

В 1781, направляясь в Италию, Л., как сообщалось в рапорте Лифляндской генерал-губернаторской канцелярии, проехал через Ригу 4 мая 1781 «курьером в Варшаву и Вену» (АВПР, Внутр. кол. дела, оп. 2/6, № 3505, л. 40, 52). Основной же целью путешествия было знакомство с достопримечательностями Ливорно, Пизы, Флоренции, Болоньи, Венеции, впечатления от которых зафиксированы в дневнике Л. (опубл. А. Б. Никитиной: Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник 1994. М., 1996; К. Ю. Лаппо-Данилевским: *L'vov N. A.* Italienisches Tagebuch. Итальянский дневник. Köln; Weimar; Wien, 1998), написанном под сильным влиянием идей И.-И. Винкельмана. На обратном пути 3 авг. 1781 в Вене Л. познакомился с П. А. Д. Метастазио («первым нашего века драматическим стихотворцем», как его назвал сам поэт), 14 авг. он вновь в Риге (АВПР, Внутр. кол. дела, оп. 2/6, № 3505, л. 71, 74 об.).

1780–1790-е гг. были для Л. порой творческой зрелости и мно-

гообразных начинаний. Им были подготовлены следующие архитектурные проекты: здание почтамта в Петербурге (1782), Борисоглебский собор в Торжке (1785), усадебные постройки в окрестностях Торжка (1780–1790-е гг.), церковь в Мурино под Петербургом (1780-е гг.), Большой Кремлевский дворец в Москве (1798), Приорат в Гатчине (1798), дом А. К. Разумовского на Гороховом поле в Москве (1800–1802) и ряд др. Столь же многочисленны были работы Л. в качестве рисовальщика и гравера: эскиз ордена св. Владимира (1782), иллюстрации к «Метаморфозам» Овидия (ГРМ, Отд. рисунков, № 14258), виньетки к роскошному изданию пьесы *Екатерины II* «Начальное управление Олега» (1791) и др.

Не менее интенсивной была переводческая деятельность Л.: в 1788 опубликовано «Руководство к содержанию пчел во все времена года» Д. Уайлдмена, в 1789 — «Рассуждение о проспективе, облегчающее употребление оной» Э.-А. Петито, в 1798 — кн. 1 трактата об архитектуре А. Палладио. Последнее издание примечательно комментариями, в которых отразились воззрения Л. по теории архитектуры. Его взгляды на садово-парковое искусство были суммированы в пояснительной записке к проекту парка А. А. Безбородко в Москве (1797–1799; см.: *Гримм Г.* Проект парка Безбородко в Москве // Сообщения Ин-та истории искусств. 1954. № 4–5). Интерес Л. к рус. древностям наиболее ярко проявился в подготовке им к изданию летописей: «Летописец русский от пришествия Рурика до кончины Иоанна Васильевича» (1792. Ч. 1–5); «Подробная летопись от начала России до Полтавской баталии» (1798–1799. Ч. 1–4). При издании «Летописца русского» Л. допустил довольно значительное число отступлений от оригинала, «то подновляя язык, то исключая некоторые известия, то заменяя текст рукописи заимствованиями из др. источников» (Львовская летопись. СПб., 1914. Ч. 1. С. III). Вкладом Л. в историю рус. отопительной техники является его книга «Русская пиростатика» (1795–1799. Ч. 1–2), где он предложил особую конструкцию печей и каминов, более экономичных, обогревавших помещения горячим воздухом.

В сер. 1780-х гг. Л. были сделаны предложения по разысканию отечественного угля и торфа. В нач. июля 1786 он был командирован «по именному повелению» в Боровичи, где вел успешные геологические изыскания и химические опыты. Несмотря на ходатайства со стороны А. Р. Воронцова и А. А. Безбородко, эти начинания не получили должной поддержки. Лишь 21 авг. 1797, уже при Павле I, был издан указ «О разработывании и введении в общее употребление земляного угля, отысканного под городом Боровичами и по берегу реки Мсты», однако и теперь Л. был вынужден действовать на свой страх и риск: большая партия каменного угля в 1799 сгорела около Александро-Невского монастыря, что принесло Л. большие убытки (по этому поводу написано стихотворение «На угольный пожар», 1799).

Оживленная деятельность Л. во второй пол. 1790-х гг. объясняется отчасти благоволением Павла I к его покровителю А. А. Безбородко. После кончины Екатерины II Л. поручается доставка из Москвы предметов, необходимых для посмертной коронации Петра III, состоявшейся 25 нояб. 1796. В дек. 1796 Л. получил чин д. ст. советника; указом 21 авг. 1797 назначен управляющим созданных по его инициативе школ «земляного битого строения» в Никольском-Черенчицах под Торжком и дер. Тюфили под Москвой для распространения в России удешевленной техники пожаростойких строений. Смерть А. А. Безбородко (6 апр. 1799) и длительная тяжелая болезнь Л. в сент. 1800–апр. 1801 замедлили исполнение его проектов. 15 июля 1801 Л. поднес Александру I альбом с чертежами землебитных строений, выполненными И. А. Ивановым (РНБ, Эрмитажное собр., № 262), что вновь привлекло внимание властей к его деятельности, и 23 окт. 1802 Л. был пожалован т. советником с повелением присутствовать в Экспедиции гос. хоз-ва, опекунства иностранных

и сел. домоводства (РГИА, ф. 1285, оп. 7, № 120, л. 1–2 об.).

В июне 1803 Л. выехал на Кавказ для лечения, попутно обследовав минеральные источники в районе горы Бештау, составил проект лечебницы и записку об устройстве паровых ванн и душей (см.: Пятигорск в ист. документах 1803–1917 гг. Ставрополь, 1985). Во время пребывания в Тамани по инициативе Л. был сооружен постамент для известного Тмутараканского камня, предотвративший его разрушение. Маршрут южного путешествия восстанавливается благодаря пометам Л. в его «Путевой тетради № 2» (ИРЛИ, 16.470/С IVб20, л. 7 об.). На обратном пути после непродолжительной болезни Л. скончался в Москве.

Первые литературные опыты Л. относятся ко времени его пребывания в кадетской роте Измайловского полка: вместе с *Н. П. Осиповым*, Н. и П. Ермолаевыми он выпускал в марте–июле 1771 рукописный журнал «Труды разумных общников» (с некоторыми пропусками опубл.: Учен. зап. Моск. обл. пед. ин-та им. Н. К. Крупской. 1960. Т. 86, вып. 7). Бо́льшую часть журнала, ученического по своему характеру, составляют стихотворные переводы приятелей Л. из фр. (Н. Буало, Ж. Лафонтен, Вольтер, Ф. Фенелон и др.) и нем. поэтов (Х.-Ф. Геллерт, А. Галлер, Г.-Э. Лессинг). Подавляющее число стихотворений Л., помещенных в журнале, оригинально, в них, несмотря на общую классицистическую ориентацию, ярко проявилась индивидуальность молодого поэта, отразились конкретные события его жизни («Хочу писать стихи, а что писать, не знаю. . .», «Сатира на господина П. Е<рмолаева>» и т. д.).

О дальнейшем развитии литературного дарования Л. позволяет судить его «Путевая тетрадь № 1» (ИРЛИ, 16.470/С IVб20, л. 1–133), куда делались записи с 9 дек. 1771 по 9 марта 1781. Здесь находятся выписки из иностранных авторов, переводы-экспромты, тексты стихотворений. Объектом тщательного изучения в эти годы для Л. стала фр. литература: произведения Ж. Лафонтена, П. Корнеля, Ж. Расина, Ф. Фенелона, Ж.-Б. Мольера, Ж.-Б. Руссо, Ж.-Ж. Руссо, Ж.-Ф. Пуллена де Сен-Фуа, Ж.-Ф. Мармонтеля, Ш. Палиссо и т. д.); судя по всему, с созданиями др. авторов поэт часто знакомился через призму фр. переводов. В центре внимания Л. были произведения, отразившие интерес к внутреннему миру человека, — сонеты Ф. Петрарки, эпистолярные романы Ж.-Б. д'Аржанса, Ш. Монтескье, что непосредственным образом связано с формированием литературы рус. сентиментализма. Среди оригинальных произведений Л. этого периода наиболее многочисленны песни, написанные под сильным влиянием *А. П. Сумарокова*, а также мадригалы, эпиграммы, эпитафии, загадки и т. д.

Во второй пол. 1770-х гг. Л. сблизился с издателями «СПб. вестн.» *Б. Ф. Арндтом* и Я. Б. Княжниным, на основании чего ему гипотетически атрибутировано несколько статей, напечатанных в этом журнале (см.: *Мартынов И. Ф.* Журналист, историк и дипломат XVIII века Г. Л. Брайко // XVIII век. Л., 1977. Сб. 12). Бесспорно Л. принадлежит лишь «Песенка» (СПб. вестн. 1780. Ч. 6. Авг.), музыку к которой написал Д. С. Бортнянский.

Истинным литературным дебютом Л. стала публикация стихотворения «Идиллия. Вечер 1780 года ноября 8» (Собеседник. 1783. Ч. 1). Оно в полной мере отразило увлечение Л. фр. эротической поэзией, предвосхитив поиски К. Н. Батюшкова. Вместе с тем точность даты тайной женитьбы Л. на М. А. Дьяковой в назв. предполагала биографическую аллюзию, понятную лишь самым близким друзьям Л. (в первую очередь И. И. Хемницеру и *П. Л. Вельяминову*, бывшим «поруками» при его венчании). Позднее в «Собеседнике» было анонимно опубликовано «Описание портрета е. и. в.» (1783. Ч. 6), в котором Л. объяснял символику «Портрета Екатерины II в храме богини Правосудия» (1783) Д. Г. Левицкого.

Стихи Л. появляются снова на страницах периодики в сер. 1790-х гг.: «К Доралиэе», «Музыка, или Семитония», «Отпускная двум чижикам» (Аониды. 1796. Кн. 1), «Сти-

хи на розу» (Муза. 1796. Ч. 2. Май), «Песня на взятие Варшавы» (Карманный песенник. 1796. Ч. 2); выбор изданий для публикации объясняется дружескими отношениями Л. с московскими и петербургскими писателями-сентименталистами.

К этому времени положение поэта в львовско-державинском кружке окончательно определилось: он был признанным «гением вкуса», его суждения и мнения приобрели для друзей в первую очередь экспериментально-теоретическое значение, в силу чего к 1790-м гг. произведения Л. как бы распадаются на две группы — одни предназначались для широкой аудитории (и поэтому подвергались более тщательной отделке), др. адресовались узкому кругу друзей и родственников — в них на первый план выступал творческий эксперимент, поиски новой художественной формы, свобода самовыражения, пародирование разнообразных традиций.

Долго остававшиеся в рукописи стихи Л. связаны с попытками реформы жанра оды, создания ее национального варианта («Новый XIX век в России», «Народное воскликновение на вступление нового века», 1800-е гг.), обновления песни («Солдатская песня на голанский манер», «Песня для цыганской пляски», «Снегирь», «Зима», «Как, бывало, в темной осени. . .», 1790-е гг.). Однако наибольший историко-литературный интерес представляют дружеские послания Л. 1790–1800-х гг. («Гав<риле> Романовичу ответ», «К Лизиньке больной, к здоровому Оленю», «Державину», «Ивану Матвеевичу Муравьеву, едущему в Этин», «Эпистола к А. М. Бакунину», «Три нет» и др.); лишь одно из них было напечатано при жизни поэта («Отрывок из письма А. М. Б<акунину>» — Муза. 1796. Ч. 2. Июнь). В этом жанре реализовалось теоретическое положение Л. о максимально полном самораскрытии поэта в его произведении, установлении «почти личного знакомства» между автором и читателем. Феерическая череда теснящихся образов, полеты причудливой фантазии, метрические новации, объединение в одном ряду высокой, низкой и диалектной лексики — все это способствовало созданию неповторимой поэтики дружеских посланий Л., центральное место в которых занимает тема творческой личности. Эти особенности в значительной мере определены формированием жанра на основе эпистолярной практики и традиции дружеских посвящений поэта. Уже современники высоко ценили литературные достоинства писем Л. (круг его адресатов весьма велик — *Я. И. Булгаков*, *А. Р.* и *С. Р. Воронцовы*, Г. Р. Державин, Е. А. Головкина, В. В. Капнист, А. Б. Куракин, Г. Г. Кушелев, Д. Г. Левицкий, П. В. Лопухин, А. С. Строганов, Н. П. Яхонтов и др.); «Письмо Н. А. Л<ьвова> к П. Л. В<ельяминову>. Село Арпачево, 17 августа 1791» появилось в «Моск. журн.» *Н. М. Карамзина* (1791. Ч. 6. Окт.). Осмыслить феномен непубликовавшихся произведений Л. позволяет рукописный том, сохранившийся в фонде Г. Р. Державина (РНБ, ф. 247, № 37, л. 1–105). Он объединяет автографы Л. и авторизованные копии его стихотворений, писем и комических опер (до л. 81 об.), а также списки его стихов, сделанные секретарем Державина Евстафием Абрамовым в 1800-е гг. Поводом для составления этого тома в 1797 стала пропажа значительной части архива Л. в сер. 1790-х гг., о которой он сообщал в письмах В. В. Капнисту от 28 сент. 1795 (Письма рус. писателей (1980). С. 391) и Н. П. Яхонтову от 10 сент. 1796 (РНБ, ф. 247, т. 37, л. 58).

Поэма Л. «Зима» вышла в 1791 отдельным изданием столь малого тиража, что через несколько лет *И. И. Мартынов* поместил ее в журнале «Муза» как литературную новинку (1796. Ч. 1. Февр.–март; без посв., с пропуском восьми стихов).

По-видимому, конкретная ботаническая экскурсия с А. А. Мусиным-Пушкиным и И. В. Бебером на Дудергофские высоты стала причиной написания «Ботанического путешествия на Дудорову гору 1792, мая 8» (Сев. вестн. 1805. № 2). Чередование разностопных стихов и прозы, введение элементов фантастики, условная обращенность к

биографически конкретному адресату (А. Н. Мусиной-Пушкиной) и ряд др. особенностей свидетельствуют о связи «Путешествия» с разветвленной традицией, восходящей к знаменитому «Путешествию Шапеля и Башомона» (1656). Поэма Л. «Добрыня» (1796; опубл.: Друг просв. 1804. № 9) написана в связи с появлением «Ильи Муромца» Н. М. Карамзина (1795) как опыт демонстрации широких возможностей тонического стиха.

В историю рус. драматургии Л. вошел как автор четырех комических опер, первая из которых, «Сильф, или Мечта молодой женщины», является переделкой новеллы Ж.-Ф. Мармонтеля «Le mari sylphe» (введены новые персонажи, действие спрессовано в 24 часа, русифицированы характеры и т. д.); толчком к написанию пьесы стало, видимо, участие Л. в домашних спектаклях в доме П. В. Бакунина-меньшого. Долгое время был известен лишь отрывок первой редакции, законченной 15 февр. 1778 (РНБ, ф. 247, № 38, л. 169–183). Полный текст второй редакции (1790-х гг.), с музыкой Н. П. Яхонтова, хранится в Пскове (Гос. ист.-арх. и худож. музей-заповедник, Отд. рукоп. и редких книг, 260/49, л. 1–159). Полный текст «Сильфа» с авторской правкой — РГАЛИ.

Одним из приемов композиционной организации комической оперы стало противопоставление мира слуг и господ; особенно автору удался образ дворового Андрея, искренне недоумевающего по поводу барских причуд. Увлекательная интрига (молодой дворянин Нелест покоряет сердце своей жены Миры, являясь ей по ночам в облике сильфа), мастерски очерченные характеры позволяют говорить об оригинальности «Сильфа» по отношению к западноевроп. предшественникам, а также о превосходстве по отношению к рус. предшественникам.

В сер. 1780-х гг. дом поэта в Петербурге становится местом частого хорового исполнения народных песен, мн. из которых были опубликованы в «Собрании народных русских песен с их голосами» (1791), подготовленном к печати Л. совместно с композитором И. Прачем (переизд.: A Collection of Russian Folk Songs by N. Lvov and I. Prach / Ed. by M. N. Brown and M. Maro. Ann Arbor, 1988). С этим увлечением рус. фольклором теснейшим образом связан замысел «Ямщиков на подставе», единственной опубликованной комической оперы Л. (Тамбов, 1788). Ее премьера (с муз. Е. И. Фомина) состоялась 8 нояб. 1787 в Петербурге. Новаторство пьесы, «игрища невзначай», стало причиной ее провала: нет любовной интриги, в текст включены подлинные народные песни, с симпатией изображена жизнь ямщиков, речь персонажей пестрит диалектизмами, действие, с точки зрения ряда исследователей, не завершено. Пьеса в значительной мере отражает положительную программу Л., считавшего, что гармония интересов монархического государства в лице служащего дворянства и крестьян достижима при условии исполнения существующих законов и сохранения в неприкосновенности уклада народной жизни.

Столь же нетрадиционны художественные средства, использованные Л. в его последующих драматических произведениях: «пастушьей шутке» «Милет и Милета» (1794), содержащей намек на историю сватовства Г. Р. Державина к Д. А. Дьяковой, и «Парисовом суде» (1796), пожалуй единственной в рус. литературе бурлескной комической опере; обе пьесы, по всей вероятности, исполнялись на домашней сцене в доме Л.

Если переводческие опыты Л. 1770-х гг. (из Вольтера, Ж.-Б. Руссо и т. д.) обнаруживают тенденцию буквальной передачи иноязычного текста, то в 1790-х гг. поэт выступил с оригинальной теорией художественного перевода. Первым опытом в этом роде стала «Песнь норвежского витязя Гаральда Храброго <. . .> переложена на российский язык образом древнего стихотворения с примеру „Не звезда блестит далече во чистом поле“» (1793); ее текст почерпнут из «Истории Дании» П.-А. Малле (Женева, 1763. Т. 2). Наиболее полно свои воззрения на эту проблему Л. выразил в предисловии к вышедшему в 1794 «Стихотворению Анакреона Тийского»: переводчик должен не толь-

ко точно передать смысл стихов, но и приблизить их к новой аудитории. В предисловии поэт коснулся также столь важных проблем, как задачи литературного творчества, место писателя в общественной жизни, «спор о древних и новых» и т. д. Уникальность «Стихотворения» заключается и в том, что перевод и комментарии составляют согласно стремлению Л. оригинальное художественное единство. В работе над книгой Л. помогал *Евгений Булгарис*, выверивший корректуру (см.: билингв. изд. 1794). Кроме того, Л. использовал переводы анакреонтики на европ. языки, принадлежавшие А. Дасье, А. Лафоссу, И.-Б. Лонжепьеру, Ф. Гакону, П. Ролли, Ж.-Ж. Мутонне де Клерфону, И.-Х.-Ф. Майнеке, а также предисловие к изданию И. Б. Бодония (Парма, 1791). «Стихотворение Анакреона Тийского» — первый в России опыт комментированного издания греч. анакреонтики с учетом достижений европ. филологии XVII–XVIII вв.

Литературная деятельность Л. неотделима от львовско-державинского содружества, историю которого можно условно разделить на два периода. В 1770-е гг. кружок составляли Г. Р. Державин, В. В. Капнист, И. И. Хемницер, Л., его двоюродный брат Ф. П. Львов, в течение некоторого времени М. Н. Муравьев. В 1790-е гг. членами кружка стали И. М. Муравьев, А. А. Мусин-Пушкин, А. М. Бакунин, А. Н. Оленин; совместно в это время готовились к публикации «Басни и сказки» И. И. Хемницера (1779) и «Стихотворения Державина» (работа не была завершена). Общность, остро ощущавшаяся литераторами, проявилась, в частности, в публикации двух стихотворений Л. в изданиях произведений И. И. Хемницера в 1779, 1782 и 1799 в разделе «Чужие басни».

На протяжении мн. лет дружеская и творческая близость связывала Л. с художниками Д. Г. Левицким (Л. принадлежит замысел знаменитого портрета Екатерины II; 1783), В. Л. Боровиковским, композиторами Д. Сарти, Е. И. Фоминым, Н. П. Яхонтовым, Д. С. Бортнянским. Л. способствовал творческому росту А. А. Менеласа, художников А. Е. Егорова и И. А. Иванова. В 1790–нач. 1800-х гг. Л. хотел издать биографический словарь рус. художников с древнейших времен до кон. XVIII в., однако не успел собрать необходимые материалы.

Литературное творчество Л. нужно признать одним из наиболее оригинальных явлений рус. культуры XVIII в., тесно связанным с борьбой эстетических идей этого периода. Если ранние поэтические опыты Л. демонстрируют органическую связь с классицистической доктриной, то в дальнейшем все большее значение приобретают преодоление жанровой инерции, отталкивание от традиционных форм, поиск индивидуально-стилистических решений. Хотя Л. и в зрелом возрасте с симпатией относился к основным положениям доктрины классицизма, понимание им сущности творческого акта не как подражания прекрасным образцам, а как спонтанного самораскрытия личности позволяет охарактеризовать его позицию как предромантическую в широком смысле, сблизить ее с воззрениями Г. Р. Державина и М. Н. Муравьева.

Несмотря на то что заслуги Л. перед отечественной культурой были оценены еще при жизни (21 окт. 1783 он был избран членом Рос. Академии, 12 мая 1786 по представленным гравированным чертежам Могилевского собора — почетным членом Академии художеств, 8 февр. 1791 — членом Вольного экон. о-ва), мн. начинания поэта не находили должной поддержки.

Архив семейства Л. погиб в результате разграбления имения его потомков после 1917 (тогда же была осквернена его могила). Отдельные рукописи Л. находятся в РНБ, ИРЛИ, СПбФ АРАН, РГАДА; специально нужно отметить документы школы землебитного строения в Тюфилях, многочисленные и разнообразные (РГИА, ф. 37, оп. 2, № 100–120). Художественные произведения Л. впервые собраны в кн.: *Львов Н. А.* Избр. соч. / Подгот. текста и коммент. К. Ю. Лаппо-Данилевского. СПб., 1994.

Лит.: [*Львов Ф. П.*] Львов // Сын отеч. 1822. № 17 (др. вариант: Биография Н. А. Львова // Москвитянин. 1855. № 6. Отд. 1); *Грот Я. К.* Рукописи Державина и Н. Львова // Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности. 1860. Т. 8, вып. 4; Державин. Соч. (1864–1883). Т. 1–9; *Верещагин В.* Путевые заметки Н. А. Львова по Италии в 1781 г. // Старые годы. 1909. № 5 (перепеч.: Памяти прошлого. СПб., 1914); *Коплан Б. И.* К истории жизни и творчества Н. А. Львова // Изв. АН СССР. 1927. Сер. 6. № 7–8; *Артамонова З.* Неизд. стихи Н. А. Львова // Лит. насл. М., 1933. Т. 9–10; *Всеволодский-Гернгросс В. Н.* Неиспользованные сведения о комической опере Н. А. Львова «Ямщики на подставе» // Ежегодник Ин-та истории искусств: Театр. М., 1955; *Вейс А. Ю.* Новые мат-лы для изучения биографии и творчества Н. А. Львова // XVIII век. Л., 1958. Сб. 3; *Кокорев А. В.* «Труды разумных общников» // Учен. зап. Моск. обл. пед. ин-та им. Н. К. Крупской. 1960. Т. 86, вып. 7; *Будылина М. В., Брайцева О. И., Харламова А. М.* Архитектор Н. А. Львов. М., 1961; *Западов В. А.*: 1) «Львовский кружок» и Г. Р. Державин // XXI Герценовские чтения. Филол. науки. Л., 1968; 2) О «русских размерах» в поэзии XVIII–первой пол. XIX в. // XXII Герценовские чтения. Филол. науки. Л., 1969; 3) Поэма Н. А. Львова «Зима» // XXIV Герценовские чтения. Филол. науки. Л., 1971; *Лазарчук Р. М.* Послания Н. А. Львова и его роль в лит. борьбе 1790–1800-х гг. // Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та им. А. И. Герцена. Л., 1970. Т. 460; *Никулина Н. И.* Николай Львов. Л., 1971; *Долгова С. Р.* Неизв. стих. Г. Р. Державина // Рус. лит. 1972. № 2; *Кулакова Л. И.* Творчество Н. А. Львова 1770–нач. 1780-х гг. // Проблемы изучения рус. лит. XVIII в. Л., 1974. Вып. 1; *Виноградов А. М.*: 1) Поэтический манифест в борьбе за нац. рус. искусство: (Героическая поэма «Добрыня» Н. А. Львова) // Проблемы изучения рус. лит. XVIII в. Л., 1980. Вып. 4; 2) Проблема нравственного идеала предромантизма в дилогическом цикле Н. А. Львова «Фортуна» // Там же. Л., 1984. Вып. 6; *Глумов А.* Н. А. Львов. М., 1980; *Кукушкина Е. Д.* Комическая опера Н. А. Львова «Сильф, или Мечта молодой женщины»: (К вопр. о методе Львова-драматурга) // Проблемы изучения рус. лит. XVIII в. Л., 1980. Вып. 4; *Лаппо-Данилевский К. Ю.*: 1) Новые данные к биографии Н. А. Львова (1770-е годы) // Рус. лит. 1988. № 2; 2) К вопр. о творческом становлении Н. А. Львова (по мат-лам черновой тетради) // XVIII век. Л., 1989. Сб. 16; 3) Комическая опера Н. А. Львова «Ямщики на подставе» // XVIII век. СПб., 1993. Сб. 18; 4) Эпизод биографии Г. Р. Державина и комическая опера Н. А. Львова «Милет и Милета» // Г. Р. Державин: Личность, творчество, современное восприятие. Казань, 1993; 5) Итальянский дневник Н. А. Львова // Europa Orientalis. Salerno, 1995. Vol. XIV. № 1; 6) Комическая опера Н. А. Львова «Сильф, или Мечта молодой женщины» и традиции рус. любительской сцены // XVIII век. СПб., 1996. Сб. 20; *Hughes L.* N. A. L'vov and the Russian Country House // Russia and the World of Eighteenth Century. Columbus (Ohio), 1988; *Долгова С. Р., Лаппо-Данилевский К. Ю.* Работа Н. А. Львова по подготовке второго изд. переводов Анакреона // XVIII век. Л., 1991. Сб. 17; *Коршунова М. Ф.* Дж. Кваренги и Н. А. Львов: Совместная работа в связи с коронацией Павла I // Зарубежные художники и Россия. СПб., 1991. Ч. 1; *Бройтман Л.* Дом Дьяковых // Васильевский остров. 1993. № 1(18); Из лит. наследия А. М. Бакунина / Публ. К. Ю. Лаппо-Данилевского // Лит. арх.: Мат-лы по истории рус. лит. и обществ. мысли. СПб., 1994; *Речицкий И. Х.* «Русская пляска» А. Н. Оленина–Н. А. Львова: (О сюжете и датировке гравюры) // XVIII век. СПб., 1996. Сб. 20.

Н. И. Глинка,
К. Ю. Лаппо-Данилевский

ЛЬВОВ Степан. Стихотворец 1790-х гг. Уроженец г. Гжатска Смоленской губ. Обучался в СПб. учит. семинарии. В марте 1788 переведен в Гл. СПб. нар. уч-ще учи-

телем первого, а затем второго классов (РГИА, ф. 730, оп. 1, № 31, л. 85).

В сент. 1790 по случаю заключения мира со Швецией напечатал «Оду на торжество мира», посвященную *Екатерине II*, «нашему Титу и Александру». Вскоре последовало, может быть в связи с одой, какое-то награждение Л., на которое он откликнулся в нояб. того же года благодарственной «Одой <. . .> за недавнюю милость сочинителю»: «Ты путь мне к счастью отворила, Ученья светом озарила И, осенив твоей рукой, Ущедрила меня дарами». В 1791 Л. опубликовал два небольших стихотворных приветствия на возвращение из армии в Петербург И. П. Салтыкова и Г. А. Потемкина, «чести отечества», «достойного россов сына». Потемкину посвящено и последнее по времени выступление в печати Л. — ода «Смерть» на кончину «князя великия Тавриды» (Новые ежемес. соч. 1792. Ч. 70. Апр.), в которой Л. декларативно заявляет о своей ориентации на одическую поэзию *Г. Р. Державина*: «Державин, мудростью покрытый, Я, громкий глас внимая твой, К тебе днесь лиру направляю».

В июне 1791 Л. подал прошение в Приказ обществ. призрения, что он по причине усилившейся чахотки продолжать службу не в состоянии и просит уволить его с аттестатом или отпустить на лечение. После медицинского освидетельствования и безрезультатного лечения в течение нескольких месяцев Л. в июне 1792 был отпущен до выздоровления в Гжатск к родителям (РГИА, ф. 730, оп. 1, № 31, л. 124–130). Далее сведения о нем прерываются.

Представленная в московскую цензуру в 1798 неким «магистром Степаном Львовым» и оставшаяся неизданной драма «Игорь, торжествующий мир с угличанами» (в 5-ти д.), вероятно, не принадлежит Л.

С. И. Николаев, В. П. Степанов

ЛЮЦЕНКО Ефим Петрович [12 (23) X 1776, с. Яновка Черниговской губ.—26 XII 1854 (7 I 1855), Петербург]. Сын священника, до 1791 учился в Черниговской дух. семинарии, затем в Шкловском кадет. корпусе. С 1793 ученик Унив. гимназии, в 1799 произведен в студенты Моск. ун-та, но уже в мае перевелся в только что образованную Школу практического земледелия в Царском Селе. К 1803 (закрытие школы) — кол. регистратор, «наставник хлебопашества» (агроном); в 1803–1811 — чиновник Деп. уделов и служащий хозяйственного управления Медико-филантроп. комитета (1806–1808). В 1811–1813 — секретарь хозяйственного правления Царскосельского лицея; по Лицею его знал А. С. Пушкин. С 1814 член Вольного экон. о-ва, хранитель его библиотеки и архива. Служил столоначальником в Военном м-ве (1813–1814), с 1815 — комиссионер Провиантского деп., с 1816 — член Провиантского депо. Вышел в отставку в 1843 в чине ст. советника.

Л. был плодовитым литератором. Впервые стал печататься в московских журналах *А. Г. Решетникова* «Дело от безделья» (1792) и «Прохладные часы» (1793); принял деятельное участие в «Приятном и полезном» (1794–1798) и в его продолжении — журнале «Иппокрена» (1799), выступая с анакреонтическими одами, дидактическими посланиями, переводами с лат. и нем. языков. Отдельно опубликована «Ода на прибытие Павла I в Москву» (1797). В 1810 активно сотрудничал в журнале «Европейский музей, или Извлечение из иностранных журналов».

Подражательная поэзия Л. (в духе *М. М. Хераскова* и *Г. Р. Державина*) не чужда искренности, когда он пишет от лица бедствующего разночинца («Сирота на гробе матери» — Приятное и полезное. 1795. Ч. 7). Л. пробует силы в преромантических жанрах (патриотическая баллада «Церна, княжна Черниговская» — Там же. 1795. Ч. 8). Склонность Л. к бытовым зарисовкам, юмору, восходящая, может быть, к укр. народной и книжной культуре, проявилась в бурлескной поэме «Похищение Прозер-

пины» (1795), сочиненной Л. вместе с *А. М. Котельницким*. Фантастика и юмор народной сказки привлекли внимание Л. к поэме К.-М. Виланда «Перфонте, или Желания», которую он перевел с нем. языка в 1807, озаглавив «Перфонтий и Вастола». Этот перевод был впосл. издан Пушкиным под назв. «Вастола» (в кон. 1835; на тит. л.: 1836). Появление перевода послужило поводом для нападок О. И. Сенковского, оскорбительных для Л. и Пушкина; в ответ Пушкин охарактеризовал Л. в «Современнике» (1836. № 1) как «литератора заслуженного», человека «честного и благородного». Перевод Л. не был оценен по достоинству В. Г. Белинским (Молва. 1836. Т. 31). Между тем народную основу сказки Виланда о деревенском простаке, добывающем себе счастье, Л. передал достаточно выразительно, использовав свой опыт бурлескного стихотворца. Печатался в «Журн. для милых» М. Н. Макарова (1804) и в «Журн. для пользы» (1805) А. В. Варенцова, в котором поместил свой перевод «Раздела земли» Ф. Шиллера — первый на рус. языке. Являясь одним из основателей и первым председателем Вольного о-ва любителей рос. словесности (с 1816), Л. выступал на страницах «Соревнователя просв. и благотворения» (1818–1819). После прихода в 1818 будущих декабристов к руководству обществом Л. отошел от активной деятельности.

Л. участвовал в переводе с фр. повести Ф.-Г. Дюкре-Дюмениля «Яшенька и Жеоржетта» (1796), перевел с фр. поэму Ф.-Э. Гужа де Сесьера «Наука любить» (1798) и «Странствование Телемака» Ф. Фенелона (СПб., 1822); «Потерянный и возвращенный рай» Дж. Мильтона был переведен Л. с нем. или фр. перевода (СПб., 1824). Ряд переводов Л. остался ненапечатанным, в т. ч. поэма К.-Ж. Дора «Воспитание», «Избранные места и краткие поэмы из лучших древних и новых иностранных писателей стихами» (указ. пер. сделаны до 1808). Поэма «Чеслав, эпическое сочинение из российской истории» (1806) появилась в печати в 1818. Л. переводил также фр. грамматические пособия, книги по сельскому хозяйству.

Лит.: Евгений. Словарь. Ч. 2 (1845); *Модзалевский Б. Л.* Пушкин и Е. П. Люценко // Рус. старина. 1898. Т. 94, кн. 4; *Затворницкий Н. М.* Люценко Е. П. //Затворницкий Н. М. Указ. биогр. сведений, арх. и лит. мат-лов, касающихся до чинов общего состава по канцелярии Военного м-ва с 1802 по 1902 г. вкл. СПб., 1909; [Без подписи]. Люценко Е. П. // Рус. биогр. словарь. Т. «Лабзина–Лященко» (1914); Ироикомическая поэма. Л., 1933 (Б-ка поэта. Большая сер.); *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. Л., 1949. Т. 12; *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. М., 1953. Т. 2; *Базанов В. Г.* Ученая республика. М.; Л., 1964; *Данилевский Р. Ю.* Виланд в рус. лит. // От классицизма к романтизму. Л., 1970.

Р. Ю. Данилевский

ЛЯТОШЕВИЧ Алексей Леонтьевич (?) [род. 1743]. В сент. 1760 поступил из Киево-Могилянской академии в разночинную гимназию Моск. ун-та, произведен в студенты в апр. 1762 и выбыл из университета в Комиссию нового Уложения в нояб. 1767.

Во время обучения перевел с фр. языка «Жизнь добродетельной сицилианки, или Приключения маркизы Албелины» К.-Ф. Ламбера (1767. Ч. 1–2; посв. жене московского главнокомандующего графине П. А. Брюс) — сентиментальное повествование о многотрудной жизни рано осиротевшей Терезилы, добродетельные поступки которой вознаграждаются в конце романа.

Лит.: Пенчко. Документы. Т. 2–3 (1962–1963).

С. И. Николаев,
В. П. Степанов

ЛЯШЕВЕЦКИЙ Федор Александрович (в монашестве — К и р и л л) [ок. 1720, с. Опошня на Полтавщине–14(25) V 1770, Чернигов]. Родился в семье сотенного писаря Полтавского полка, впосл. священника. С сер. 1730-х гг. учился в Киево-Могилянской академии, по окончании курса в 1742 был на-

значен наставником вновь открытой Троицкой дух. семинарии; пострижен в монахи в 1746; с 1748 — префект семинарии Троице-Сергиевой лавры и с 1753 — наместник. В 1758 был посвящен в архимандриты Новоспасского монастыря в Москве, а затем в сан епископа Воронежского; в 1761–1770 — епископ Черниговский.

К приезду в Троице-Сергиеву лавру Елизаветы Петровны 10 марта 1743 Л. написал панегирический диалог «Стихи по вопросам и ответам, сложенные от двоих учеников, пред великою монархинею сказыванные» (изд. 1975). В этом т. н. «Троицком диалоге» ярко проявилась традиция школьного панегирического диалога, идущая от Симеона Полоцкого и *Феофана Прокоповича*, а также от анонимного автора «Диалога отроков в похвалу наукам» (1702). В 1745 эти стихи читались в Новгородской дух. семинарии по случаю бракосочетания вел. князя Петра Федоровича и Екатерины Алексеевны; тогда же «Троицкий диалог» использовал в качестве одного из источников «Тверской декламации» М. Г. Тихорский.

Л. принадлежат и «Стихи приветствительные от учеников Троицкой семинарии, пред всемилостивейшей государыней говоренные» (приуроченные к третьему посещению Троице-Сергиевой лавры Елизаветой Петровной в февр. 1744). Диалог состоит из девяти частей (по числу исполнителей); в него удачно введена картина ликующей природы. В обоих произведениях звучит одна и та же тема: дочь Петра I — достойная продолжательница его великого дела, мудрая правительница, покровительница наук и искусств.

К этому же посещению Л. написал «Речь императрице Елизавете Петровне при посещении Лавры» (1744), отличавшуюся краткостью и выразительностью слога. По мнению проповедника, Елизавета «действий Петровых, добродетелей Екатерининых живый миру показала партрет», а в руках ее «усмотряем <. . .> меч Петров, прежде преславными победами, ныне торжественным всенародного безмятежия лавром красящийся».

Л. произнес два «слова» в честь Сергия Радонежского — на 9 дек. 1745 и на 25 сент. 1749 (день преставления). Оба они написаны живым, образным языком и принадлежат к господствовавшему в елизаветинское время придворно-панегирическому направлению рус. проповеди (Стефан Калиновский, *Гедеон Криновский*, *Димитрий Сеченов*, *Симон Тодорский*, Кирилл Флоринский, *Амвросий Юшкевич*).

А. П. Сумароков высоко ценил проповедническое искусство Л. (см.: *Сумароков А. П.* Полн. собр. всех соч. М., 1787. Ч. 6).

После Л. осталась обширная библиотека, содержавшая более 1000 книг и поступившая в библиотеку Черниговской дух. семинарии.

Лит.: Евгений. Словарь исторический. Т. 1 (1827); История Троицкой семинарии // Творения св. отцов в рус. пер., изд. при Моск. дух. академии. М., 1861. Приб. Т. 38, кн. 4; *Филарет Гумилевский.* Ист.-стат. описание Черниговской епархии: Общий обзор. Чернигов, 1861. Т. 1; Филарет. Обзор (1884); [Без подписи]. Кирилл Ляшевецкий // Рус. биогр. словарь. Т. «Ибак–Ключарев» (1897); *Адрианова-Перетц В. П.* Новые мат-лы по истории рус. школьного театра XVIII в. // Тр. Отд. древнерус. лит. М.; Л., 1940. Т. 4; Пьесы столичных и провинц. театров первой пол. XVIII в. М., 1975.

Ю. К. Бегунов

М

МАГНИЦКАЯ Александра Леонтьевна [ум. 8 (20) IV 1846; похоронена в Пешношском м-ре Дмитровского у. Московской губ.]. Сестра *М. Л. Магницкого* и *Н. Л. Магницкой* (замужем за кн. А. Н. Оболенским (ум. 1822)).

В 1796–1798 сотрудничала в «Приятном и полезном», помещая здесь стихи, проникнутые сентименталистскими мотивами («Сон», «Благотворитель», «На смерть жаворонка», «Время. Подражание», «Сельская жизнь. К Дамону»). К *М. М. Хераскову* обращено стихотворение «К бессмертному творцу Россиады», на которое адресат ответил комплиментарным посланием, посвященным одновременно и Н. Л. Магницкой.

Вместе с сестрой, а также *Е. В. Щербатовой* и М. А. Боске переводила с фр. «Письма об Италии» Ш.-М. Дюпати. В «Приятном и полезном» (1798. Ч. 16, 17, 20) М. опубликовала со своей подписью 11 писем. Перевод, достаточно точно передающий текст оригинала, не был опубликован отдельным изданием, т. к. его опередил перевод *И. И. Мартынова* «Путешествие г. Дю Пати в Италию в 1785 г.» (СПб., 1800–1801. Ч. 1–2).

М. поместила стихотворение «Нищий» в «Аонидах» *Н. М. Карамзина* (1797. Кн. 2), в котором, по словам М. Н. Макарова, «много чувств и прекрасных мыслей».

По предположению В. Н. Орлова, М. или ее сестре, возможно, принадлежат несколько стихотворений, напечатанных в «СПб. журн.» (1798; подп. – «М.»): «К моей лире», «Плач над гробом друга моего» (Ч. 1), «Амур перед зеркалом» (Ч. 3), «К истине» (Ч. 4). В примечании издатель сообщал, что стихи получены от «девицы М.», скрывшей по скромности свое имя, и отмечал «редкие достоинства» стихов: «Везде излито чувство, пленяющее сердце! Всюду видна душа, исполняющая читателя нежнейших ощущений!» (Ч. 1. С. 132). О литературных занятиях М. и ее сестры упомянул *А. А. Палицын* в «Послании к Привете» (1807), а также Э. Дюпре де Сен-Мор во фр. антологии рус. поэзии (*Dupré de St. Maure E.* Anthologie russe. Paris, 1823).

Лит.: *Макаров М. Н.* Мат-лы для истории рус. женщин-авторов // Дамский журн. 1830. Ч. 30. № 18; Голицын. Словарь (1889); Провинц. некрополь. Т. 1 (1914); *Орлов В. Н.* Рус. просветители 1790–1800-х гг. М., 1953; *Горохова Р. М.* Тассо в России кон. XVIII в. // Рус. культура XVIII в. и западноевроп. литературы. Л., 1980.

Н. Д. Кочеткова

МАГНИЦКАЯ Наталья Леонтьевна. Сестра *М. Л. Магницкого* и *А. Л. Магницкой.*

В 1796–1798 печаталась в «Приятном и полезном». Ее стихи: «К розе», «Красота и скромность» написаны в том же сентименталистском русле, что и произведения сестры. М. принадлежит «Ода. Из Анакреона» (Приятное и полезное. 1798. Ч. 17) и стихотворный перевод из Проперция «К Цинтии» (Там же; др. перевод этого стихотворения, сделанный П. Соковниным, напечатан здесь же; источником в обоих случаях послужил фр. перевод Ш.-М. Дюпати).

М. М. Херасков благодарил М. за стихи «К бюсту М. . . М. . . Х<е-

раскова>» и ее сестру за стихотворение, также посвященное ему, в послании «От Т<ворца> Р<оссиады> Н-л. . .не и А-л. . .не М. . .-цким» (Приятное и полезное. 1797. Ч. 13). Как передает М. Н. Макаров, поэтессы «в ту же минуту полетели к Хераскову сами и с личною за себя благодарностию».

«Союзный» перевод «Писем об Италии» Ш.-М. Дюпати, по свидетельству М. Н. Макарова, включал ок. 20 писем, переведенных *Е. В. Щербатовой*, перевод 5 писем, сделанный М. А. Боске, и перевод ок. 15 писем, осуществленный М., не считая писем, переведенных А. Л. Магницкой. За подписью «М.» в «Приятном и полезном» (1798. Ч. 16, 17, 20) было опубликовано 9 писем. Одно письмо (Ч. 17) подписи не имеет.

Предположение В. Н. Орлова (см. *А. Л. Магницкая*) может быть отнесено и к М. Вместе с сестрой ее упоминали А. А. Палицын и Э. Дюпре де Сен-Мор.

Лит.: *Макаров М. Н.* Мат-лы для истории рус. женщин-авторов // Дамский журн. 1830. Ч. 30. № 18; Голицын. Словарь (1889); *Орлов В. Н.* Рус. просветители 1790–1800-х гг. М., 1953.

Н. Д. Кочеткова

МАГНИЦКИЙ Михаил Леонтьевич [23 IV (4 V) 1778, Москва–21 XI (3 XII) 1844, Одесса]. Происходил из дворянской семьи, сын прокурора Моск. синод. конторы, внук Л. Ф. Магницкого, автора «Арифметики», по которой обучался *М. В. Ломоносов*. В 1781 М. записан в Преображенский полк. В 1790-е гг. учился в Моск. благор. пансионе. Закончив его с золотой медалью, начал военную службу; в 1792 — сержант, в 1795 послан в Польшу; в 1796 — капитан. В окт. 1797 перешел на гражданскую службу: сначала в Коллегию иностр. дел, а затем в канцелярию вице-канцлера. В чине кол. асессора 29 сент. 1798 был направлен в канцелярию посольства в Вене и прикомандирован к А. В. Суворову; позднее, по словам А. С. Стурдзы, «любил и умел рассказывать о Суворове с оригинальной прелестию, достойной Суворова». В 1800 был переведен в рус. миссию в Париже. По преданию, Наполеон заметил о М.: «Этот молодой человек далеко пойдет в своем отечестве».

Вернувшись в Россию в 1802, М. удивлял собеседников своим вольномыслием и, по воспоминаниям Ф. Ф. Вигеля, «вместо трости носил якобинскую дубинку с серебряною бляхою». Он стал служить в М-ве внутр. дел, сначала в канцелярии канцлера, с 14 марта 1803 — в Экспедиции гос. благоустройства под началом *М. М. Сперанского*, с которым очень сблизился. В 1804–1805 ездил с секретными поручениями в Псков и Вильну. С 1 янв. 1810 — д. ст. советник, статс-секретарь по Деп. законов в Гос. совете; неоднократно получал награды. С 19 марта 1811 — директор Комиссии составления военных уставов. В 1809–1810 М. был членом масонской ложи «Полярная звезда», но в 1811 оставил ее, а впосл., в 1830-е гг., написал несколько доносов на масонов, обвиняя их в «иллюминатском заговоре» «против алтарей и тронов». Одновременно со Сперанским попав в немилость, в марте 1812 был арестован и выслан из Петербурга в Вологду. Несмотря на осложнение отношений со Сперанским, продолжал вести с ним переписку. 30 авг. 1816 при содействии А. А. Аракчеева был назначен вице-губернатором в Воронеж; с 14 июня 1817 — губернатор в Симбирске, где учредил отделение Рус. библейского о-ва, был секретарем Женского о-ва христианского милосердия, открытого в Симбирске в 1818. Вошел в доверие к министру просвещения и духовных дел А. Н. Голицыну; позднее способствовал его падению (1824).

В нач. 1819 стал членом Гл. правления уч-щ; с 10 февр. — ревизор Казанского ун-та на правах попечителя, с 8 июня — его попечитель. За несколько дней провел в Казани ревизию университета; затем, находясь в Петербурге, посылал распоряжения в Казань, куда приехал вновь лишь в авг. 1825. М. решительно реорганизовал университет, насаждая в нем дух обскурантизма и ханжества, преследуя и увольняя наиболее сво-

бодомыслящих преподавателей. В записке Голицыну (февр. 1823) М. требовал исключения ряда наук из университетской программы. В 1820–1823 М. принял деятельное участие в выработке цензурного устава, существенно ограничивавшего свободу слова. В июле–авг. 1825 перед поездкой в Казань М. посетил Аракчеева и поднес ему панегирическое сочинение «Сон в Грузине» (несколько экз. напечатано в 1826 в Типографии военных поселений, без цензуры, позднейшая публ.: Рус. арх. 1863. № 10–11). 15 сент. 1825 и 17 янв. 1826 М. выступал с речами на университетских собраниях (Казанский вестн. 1825. № 9–10; 1826. № 1; также отд. изд.: Казань, 1825; Казань, 1826), осуждая «буйную гордость разума». 6 мая 1826 был отстранен от должности попечителя и выслан в Ревель. Попытки М. перебраться в Петербург, а затем в Москву оказались безуспешными, и в 1833 он переехал в Одессу. В нач. 1839 из-за доноса на М. С. Воронцова он получил повеление вновь ехать в Ревель, но по ходатайству вел. князя Михаила Павловича ему было разрешено жить в Херсоне. С марта 1841 до конца жизни он вновь жил в Одессе.

Литературная деятельность М. началась в период его обучения в Моск. благор. пансионе. В «Приятном и полезном» (1794–1796) он публиковал стихи, по тематике и стилю выдержанные преимущественно в духе сентиментализма: «К дитяти» (1794. Ч. 1), «К голубку» (1795. Ч. 5), «К сердцу» (1795. Ч. 6) и др. (подп. — полн. или «М. М.»; «М-ло М-цкой»). Эти стихотворения разнообразны ритмически, иногда используется белый стих. В примечании к «Оде к российскому юношеству» (1795. Ч. 5; отд. изд.: 1794) указано, что она была читана М. в пансионе 21 дек. 1794. При публикации стихотворения «Дифирамб» (1795. Ч. 8), восхвалявшего *М. М. Хераскова*, «„Россиады“ барда почтенного», было помещено письмо М. к издателям, в котором он просил поместить «сию пиэску, слабую достоинствами стихотворения, но украшенную почтенным именем славного российского поэта и оживленную чувствованием истинной к нему приверженности». В оде М. «Страшный суд» (1796. Ч. 9) заметна соотнесенность с одноименной поэмой Э. Юнга. Отдельными изданиями вышло несколько стихотворений М., написанных в традиционном одическом стиле: «Печальная песнь на кончину <. . .> И. И. Мелиссино. . .» (1795), «Ода на <. . .> день восшествия на престол <. . .> Павла Первого» (1796), «Стихи <. . .> А.Б. Куракину» (1796), «Ода на случай постановления бюста е. и. в. в доме Благородного собрания» (1796; напеч. также вместе с хором *Ю. А. Нелединского-Мелецкого* («Различные стихотворения. . .», 1796)). М. принял участие в «Аонидах» (1797–1799. Кн. 2–3), где напечатаны его стихи «Соловей», «Ночь», «Стихи к пятилетней девушке» и др. Публикуя стихотворение М. «Поэзия», *Н. М. Карамзин* писал: «Читатели, конечно, с удовольствием простят молодому автору неисправность рифм за многие хорошие и сильные стихи, которые они найдут в сем сочинении» (1797. Кн. 2). В стихотворении восхваляется *Г. Р. Державин* («сильный дух, бессмертный, Орел российских славных стран»); в стиле заметно влияние державинских од. М. принадлежит также перевод «Изречений мудрости» Ф. Фенелона (1797; текст на фр. и рус. языках), адресованный воспитанникам Моск. благор. пансиона.

О творчестве М. 1790-х гг. сохранились хвалебные отзывы В. И. Панаева, *А. Т. Болотова* и *М. Н. Муравьева*, который называл его среди «новых удачных стихотворцев» наряду с Карамзиным и *И. И. Дмитриевым* (РНБ, ф. 499, № 39, л. 69–70). По словам П. А. Вяземского, «долго в ходу» была песня М. «Изменил и признаюся. . .». С дружеским посланием к М. в 1800-е гг. обратился Ю. А. Нелединский-Мелецкий. Публикации в «Новостях рус. лит.» (1802. Ч. 3; подп. — «М. М.»), приписываемые М., очевидно, принадлежат др. лицу. С большей вероятностью можно говорить об атрибуции М. «вольного извлечения из Тацита» — «Речь Галгака, британского полководца», опубликованного в «Лицее» (1806. Ч. 4, кн. 2; подп. — «М-й»).

В XIX в. поэтическое творчество М. фактически почти прекращается. Однако об его интересе к поэзии свидетельствует принадлежавший ему сборник «Муза господина Державина» 1820-х гг. (РГБ, ф. 218, № 1339), открывающийся отрывком из стихотворения М. «Поэзия». М. был почетным членом Беседы любителей рус. слова. Он высоко ценил *Г. Н. Городчанинова* и покровительствовал ему. В 1832 в Ревеле М. издавал журнал «Радуга» (кн. 1–12), где печатались статьи по философии, педагогике, литературные произведения, в основном анонимные (подп. под статьями М. — «М. Простосердов», «М. Простодумов, помещик с. Спасского Сарат<овской> губ.», «Степной отшельник М. Простодумов»). В 1832 под анаграммой «К-ц-н-г-м» М. издал «Альманах исторический», содержавший выдержки из «Истории государства Российского» Карамзина. Вопросы языка и стиля были затронуты М. в «Кратком руководстве к деловой и государственной словесности» (М., 1835; посв. М. С. Воронцову). В 1830–1840-е гг. М. сотрудничал в «Одесском альманахе», «Москвитянине» (напр., биографический очерк о М. М. Сперанском «Дума на гробе графа Сперанского» — Москвитянин. 1843. № 4; подп. — «М. М.»); философская статья «Взгляд на мироздание» — Там же. 1843. № 11). А. С. Стурдза упоминал об оставшихся ненапечатанными трудах М.: переложения из сочинений Димитрия Ростовского, переводы с фр. некоторых богословских произведений.

О М. сохранились многочисленные отзывы современников. Н. И. Тургенев, познакомившийся в 1818 в Симбирске с административной деятельностью М., вначале считал его «защитником крестьян», но затем, узнав о его жестокости, писал: «Нельзя без омерзения подумать об этом человеке!». Е. М. Сперанская, дочь Сперанского, вспоминала о нем как блестящем собеседнике: «. . . за эпиграммою следовал фарс; там опять какое-нибудь передразнивание <. . .> и все это, с разносторонним его талантом, было приправляемо то стихотворною импровизациею, то прочитанным где-нибудь или тут же вымышленным рассказом». П. А. Вяземский так описывал М.: «Он и в Ревеле был еще видный, статный и красивый мужчина. Черты лица правильные, лицо выразительное, взгляд уклончивый и вместе с тем вкрадчивый. Внешние приемы его отличались изящностью, щегольством, вежливостью и навыком к избранному обществу». По мнению Вяземского, «в нем не было основы государственного человека». П. Т. Морозов упоминал, что М. «говорил большею частию на французском языке». В памяти нескольких поколений М. остался как «гаситель», «леший казанских лесов». М. посвящены эпиграммы Вяземского и Гундорова, А. Ф. Воейков изобразил его как «бешеного глупца» в сатире «Дом сумасшедших».

Часть бумаг и переписки М. хранится в РГБ, ИРЛИ.

Лит.: *Попов Н. А.* О-во любителей отечественной словесности и периодическая лит. в Казани // Рус. вестн. 1859. Т. 23. № 17; *Корф М. А.* Жизнь гр. Сперанского. СПб., 1861; *Феоктистов Е. М.* Мат-лы для истории просв. в России: Магницкий. СПб., 1865; *Панаев В. И.* Воспоминания // Вестн. Европы. 1867. № 10; *Фортунатов Ф. Н.* Памятные заметки вологжанина // Рус. арх. 1867. № 12; *Стурдза А. С.* Воспоминания о М. Л. Магницком // Рус. арх. 1868. № 6; Автобиогр. показания М. Л. Магницкого // Девятнадцатый век. М., 1872. Кн. 1; *Болотов А. Т.* Памятник протекших времен. М., 1875; *Морозов П. Т.* Мое знакомство с М. Л. Магницким. М., 1877; *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. СПб., 1883. Т. 8; *Лажечников И.И.* Соч. СПб., 1884. Т. 12; *Пятковский А. П.* Цензурный проект Магницкого // Пятковский А. П. Из истории нашего лит. и обществ. развития. СПб., 1888. Т. 1; *Вигель Ф. Ф.* Зап. М., 1889–1893. Ч. 2–7; *Иконников В. С.* Опыт рус. историографии. Киев, 1892. Т. 1, кн. 2; *Загоскин Н. П.* Из времен Магницкого: Страничка из истории Казанского ун-та 20-х гг. Казань, 1894; *Резанов В. И.* Из разысканий о соч. В. А. Жуковского. СПб., 1906. Вып. 1; Арх. бр. Тургеневых. Пг., 1921. Вып. 5, т. 3; Греч. Зап. (1930); Bakounine.

Le répertoire (1940); Поэты-сатирики (1959); *Вяземский П. А.* Зап. книжки. М., 1963; Песни и романсы рус. поэтов. М.; Л., 1965; Рус. эпиграмма (1975); *Беспалова Е. К.* М. Л. Магницкий: Неизв. страница истории Симбирского губ. управления // Симбирский вестн.: Ист.-краеведческий сб. Ульяновск, 1996. Вып. 3.

Н. Д. Кочеткова

МАЙКОВ Аполлон Александрович [1761–20 XII 1838 (1 I 1839), Петербург; похоронен на Смоленском кладбище]. Происходил из дворянского рода; отец академика живописи Н. А. Майкова, дед поэта А. Н. Майкова, его внебрачные дочери — актриса и балерина Н. А. и Е. А. Азаревичевы. В молодости служил в гвардии. 12 мая 1802 стал членом Дирекции зрелищ и музыки и заведующим труппами петербургского императорского театра. С 1806 заведовал экономической частью дирекции. По воспоминаниям современников, был сведущ по коммерческой части; в репертуарных делах разбирался мало. 16 сент. 1810 был назначен управляющим московскими театрами. С 1812 — камергер. Во время войны 1812 сумел спасти театральный реквизит, кассу дирекции и вывезти труппу актеров буквально перед вступлением фр. войск в Москву. По возвращении возобновил театральные постановки в Москве. В 1821–1825 — директор петербургских императорских театров. 23 февр. 1823 вошел в состав Комитета по театральным делам. 24 июня 1825 подал в отставку в знак протеста против решения полностью подчинить деятельность директора театров комитету. Вернувшись в Москву, служил «непременным членом» Оружейной палаты (1828–1831).

Литературная деятельность М. началась в 1786, когда в журнале «Лекарство от скуки и забот» (Ч. 1. Июль–дек.) появились его стихотворения «Идиллия», «Страдаю сердцем и душою», «Песнь», «На разлуку с Анютою», «Стихи на розу». В журнале «Новые ежемес. соч.» М. напечатал посвященные *Екатерине II* «Стансы» (1786. Ч. 4. Окт.) и «Дифирамб на случай отъезда <. . .> Екатерины II в Херсон» (1787. Ч. 6. Дек.). В литературно-критических статьях «Сновидение» и «Второе сновидение» (1787. Ч. 7. Янв.; 1792. Ч. 75. Сент.) М. в форме стихотворно-прозаического панегирика обозревал драматургию, публицистику и юридические работы императрицы. Тема прославления Екатерины II является основной также в одах М.: «Ода на день рождения <. . .> Екатерины II» (1786); «На победы, одержанные всемощным оружием российским. . .» (1790; корректурный экз. — РГБ); «На заключение мира с Портою» (1791; обращена к П. А. Зубову); «На день рождения великой княжны Ольги Павловны» (1792); «Стихи на мир», посвященные вел. князьям Александру и Константину Павловичам (1792). На заграничные походы рус. войск М. откликнулся одой «По случаю поручения команды фельдмаршалу графу Каменскому над армиями против французов» (1806). Отдельной листовкой вышли стихи М. «К Ивн. Ивн. Кзлв. на кончину Анн Аплнвн.» (1789). В 1794 М. опубликовал пьесу «Неудачный сговор, или Помолвил, да не женился» (пост. в Эрмитажном театре 18 сент. 1794), высмеивавшую галломанию. В этой традиционной по сюжету и характеру пьесе новой была постановка вопроса о петиметрах. Несмотря на это, написанная в традициях классицизма комедия не вызвала особого интереса публики и скоро сошла со сцены.

Переписка и личные бумаги М. хранятся в РНБ (ф. 452, Майковы).

Лит.: Арапов. Летопись (1861); *Шишков А. С.* Зап. Берлин, 1870. Т. 2; *Опочинин Е.* Рус. театр, его начало и развитие. СПб., 1888. Вып. 5; Письма И. А. Дмитревского А. А. Майкову // Рус. старина. 1890. № 6; *Зотов Р. М.* Зап. // Ист. вестн. 1896. № 7, 11; *Погожев В. П.* Столетие организации имп. моск. театров. СПб., 1906. Вып. 1, кн. 1; *Всеволодский-Гернгросс В. Н.* Театр в России в эпоху Отечественной войны. СПб., 1912; *Левина Н. М.* Два неопубл. письма Е. И. Кострова // XVIII век. М.; Л., 1958. Сб. 3; *Каратыгин П. А.* Зап. Л., 1970; Берков. История комедии (1977).

С. Н. Травников

МАЙКОВ Василий Иванович [1730, Москва—17 (28) VI 1778, там же; похоронен в Донском м-ре]. Родился в семье капитан-поручика Семеновского полка (в 1749—1751 — командир полка) И. С. Майкова. 10 марта 1740 был принят в Акад. гимназию (СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 1, № 796, л. 203) и в 1742 записан в Семеновский полк. В янв. 1743 на основании указа 1742, разрешавшего дворянам первоначальное обучение дома, возвратился в ярославское поместье. Достаточного образования, по-видимому, так и не получил (ИРЛИ, ф. 322, № 26, л. 122 об.). По свидетельству современников, М. не знал иностранных языков и позднее, обращаясь к стихотворным переложениям произведений иноязычных авторов, пользовался подстрочными переводами, сделанными для него друзьями.

В 1747 М. приезжает на службу в полк. В столице получили развитие его литературные и театральные интересы. К 1750-м гг. относится знакомство М. с *А. П. Сумароковым, И. П. Елагиным, И. И. Мелиссино*. Сближение с актерами *Ф. Г. Волковым* и *И. А. Дмитревским* состоялось еще в Ярославле: отец М. лично знал Волкова и поддерживал его домашний театр, а М. посещал имение отца во время неоднократных отпусков. О близком характере дальнейших отношений М. и Волкова свидетельствуют его «Стихи на смерть Ф. Г. Волкова» (1762).

25 дек. 1761 М. в чине капитана вышел в отставку и поселился в Москве. Он устанавливает связи с поэтами, группировавшимися вокруг журналов «Полезное увеселение» (1762), «Своб. часы» (1763), которые *М. М. Херасков* издавал при Моск. ун-те, и публикует там свои первые поэтические опыты: эклогу «Цитемель», басню «Собака на сене», духовную оду «На Страшный Суд», а также «Превращения Овидиевы» (стихотворное переложение из «Метаморфоз»). В эти же годы М. издает отдельно ряд торжественных од, посвященных *Екатерине II*; одну из них в мае 1763, во время посещения Екатериной II Ростова и Ярославля, он от имени ярославского дворянства подносит императрице (опубл.: Ежемес. соч. 1764. Ч. 1. Янв. С. 65).

Первый литературный успех пришел к М. после выхода в свет его ироикомической поэмы «Игрок ломбера» (1763; 4-е изд. 1788), пародировавшей высокий стиль эпопей классицизма. Поэма высмеивала распространившуюся среди рус. дворянства страсть к карточной игре. Возможно, замысел возник под влиянием «Мастерской игры в ломбер» К.-Ф. Гоммеля («Das Meisterstück in Lomber, ein Heldengedicht», 1742). М. выпускает затем сборник «Нравоучительные басни» (1765. Ч. 1—2), где, следуя примеру Сумарокова, широко использует народные сказки и анекдоты в качестве сюжетных источников и обильно вводит в текст пословицы и поговорки. С баснями Сумарокова басни М. сближает также подчеркнутая ориентация на просторечную фразеологию. В 1767 М. издает свободное переложение стихами сочинения Фридриха II «Военная наука. Из книги „Беспечный философ. . .“», которое прозой с фр. языка перевел для него А. И. Бибиков.

В 1766—1768 М. занимал должность товарища московского губернатора; в 1768 переселился в Петербург и принял участие в работе Комиссии нового Уложения. К придворным празднествам в окт. 1768 по случаю успешного оспопрививания императрице и вел. князю Павлу Петровичу М. сочинил драматический пролог «Торжествующий Парнас», разыгранный на сцене Придворного театра. Успех помог М. обеспечить постановку на той же сцене своей первой трагедии «Агриопа» (сочинена, вероятно, еще в Москве; пост. 13 окт. 1769; изд. 1775). К этому же времени относится создание М. трагедии «Фемист и Иеронима» (изд. 1775), источником которой послужила повесть «История о княжне Иерониме. . .» (пер. с фр. языка И. Шишкина; 2-е изд. 1765). М. использовал общую сюжетную схему повести, сохранил имена главных действующих лиц, но полностью изменил ее смысл. Сыграло свою роль то, что пьеса создавалась в обстановке начавшейся в 1768 рус.-тур.

войны: положительными героями трагедии стали греки, восставшие против тур. поработителей. В 1773 трагедия была намечена к постановке на сцене Придворного театра, но из-за внезапной смерти актрисы Т. М. Троепольской представлена не была. Обе трагедии М. были высоко оценены в «Опыте словаря» (1772) *Н. И. Новикова*, в журнале которого «Трутень» М. поместил «Стихи А. А. Беклешеву на смерть брата его...» и «Стихи пример-майору Ю. Б. г. Бибикову».

С марта 1770 М. занимает должность прокурора Военной коллегии, где служит под начальством гр. З. Г. Чернышева (РГАДА, ф. 286, кн. 561, л. 106). Одновременно он избирается в состав распорядительного комитета Вольного экон. о-ва. Членство в обществе совпало с попыткой М. завести в 1771 в Москве полотняную мануфактуру, оказавшейся безрезультатной из-за чумной эпидемии.

Период петербургской жизни М. отмечен наибольшей творческой активностью. В литературной полемике кон. 1760-х–нач. 1770-х гг. М. неизменно выступал на стороне поэтов сумароковского направления, проявив себя мастером стихотворной пародии и талантливым сатириком. Блестящим образцом бурлескной сатиры нового типа явилась поэма М. «Елисей, или Раздраженный Вакх» (1771). Следование традициям бурлескных поэм П. Скаррона сочетается в ней с использованием элементов травестийной поэзии, представленной поэмой Н. Буало «Налой» («Le Lutrin»; автограф незавершенного стихотворного переложения М. последней песни «Налоя» см.: РНБ, ф. 454, № 4). Поэма М. была полемически направлена против поэта-одописца *В. П. Петрова* и пародировала выпущенный им в 1770 перевод первых шести песен «Энеиды» Вергилия. Рассказ о фантастических похождениях ямщика Елисея в сочетании с травестированным изображением древнегреч. богов пародийно соотносится с отдельными эпизодами «Энеиды», одновременно заключая в себе довольно прозрачные едкие насмешки над особенностями поэтического стиля Петрова. Отражение в поэме литературной борьбы 1760-х гг. сочетается с острой социальной сатирой, направленной против винных откупов, которые приносили вред экономической жизни России. То, что мстителем откупщикам в поэме является ямщик, представитель социальных низов, способствовало активному насыщению поэмы материалами национального фольклора. «Елисей» положил начало традиции рус. ироикомической поэмы и имел огромный успех у современников (переизд. 1788).

В нач. 1770-х гг. М. осуществляет стихотворное переложение (по подстрочнику В. И. Бибикова) трагедии Вольтера «Меропа» (опубл. 1775), которое сыграло определенную роль в формировании традиции рус. тираноборческой драматургии. Примерно к этому же периоду относится попытка М. создать крупное эпическое произведение — историческую поэму «Освобожденная Москва» на сюжет из эпохи Смутного времени. Замысел завершен не был, сохранилось только вступление и начало песни 1. Интерес М. к истории объясняется, по-видимому, его творческими связями с Сумароковым, посвятившим тем же событиям трагедию «Димитрий Самозванец» (1771). Центральной идеей поэмы М. должно было стать утверждение на рус. престоле династии Романовых.

В Петербурге М. продолжает поддерживать связи с кружком Хераскова, публикуя в журнале «Вечера» (1772) свои басни, загадки и продолжение стихотворных переложений из «Метаморфоз» Овидия. Комическая опера М. «Любовник колдун» (опубл. анонимно, 1779; безосновательно приписывалась *Н. П. Николеву*) шла на сцене в Петербурге в 1772 и имела успех (Драм. словарь (1787). С. 75). Музыкальное оформление оперы строилось на использовании мотивов рус. народных песен. В 1773 М. выпускает сборник «Разные стихотворения» (Ч. 1–2). Ч. 1 составили «Оды духовные»; ч. 2 — «Оды торжественные» (см.: СПб. вед. 1773. № 99).

Сохранились известия об особом интересе к творчеству М., который проявил Д. Дидро во время своего

пребывания в Петербурге (сент. 1773–май 1774): в числе приобретенных им в России и вывезенных во Францию изданий было четыре книги М. В мемуарной литературе содержатся сведения о том, что Дидро просил петербургских литераторов, в частности А. И. Бибикова, перевести ему отрывки из произведений М., как наиболее самобытного из рус. поэтов: незнание иностранных языков спасало М., по мнению Дидро, от необходимости подражать европ. авторам.

Возвышение при дворе Г. А. Потемкина привело к отстранению от дел покровителя М. — З. Г. Чернышева. М. пришлось оставить службу и летом 1775 вновь переехать в Москву. Здесь 22 июня 1775 он избирается членом Вольного Рос. собрания при Моск. ун-те и участвует в издававшихся собранием «Трудах. . .». Пребывание в Москве двора по случаю заключения мира между Россией и Турцией было отмечено устройством народных празднеств и фейерверков. М. было поручено составить в стихах и прозе описание «разных увеселительных зрелищ» и «увеселительных огней» на Ходынке 16 июля 1775; ему же принадлежит ряд надписей к торжественным иллюминациям. Все эти сочинения, написанные по официальному заказу, были тогда же напечатаны отдельной брошюрой (перепеч.: Собр. новостей. 1775. № 10).

15 сент. 1775 по именному указу М. был пожалован чином бригадира и получил должность главного члена в Конторе Мастерской и Оружейной палаты. Это назначение носило характер почетной награды и не было связано со сколько-нибудь значительными служебными обязанностями. В Москве устанавливаются дружеские отношения М. с молодыми писателями *М. Н. Муравьевым* и Д. И. Хвостовым, возобновляется тесное личное общение с Сумароковым, которому М. посвятил два программных стихотворения — «Ода о суете мира» (1775) и «Ода о вкусе» (1776). В последнем М. открыто объявляет себя последователем творческих установок Сумарокова, называя его своим учителем. В то же время в понимании общественной природы человека М. расходился с Сумароковым. Он был сторонником теологического в своей основе объяснения духовного бытия человека, видя в успехах человеческого разума подтверждение концепции гомоцентризма. Известен факт спора М. с Сумароковым по этим вопросам в сер. 1770-х гг. (см.: XVIII век. М.; Л., 1958. Сб. 5. С. 475–479). На смерть Сумарокова М. сочинил надгробную надпись (1777).

Особый эпизод в биографии М. составляет его увлечение масонством, которому способствовало общение с Херасковым и его окружением. Масонские идеи отразились на творческих поисках М., о чем свидетельствуют его переложения псалмов 41 («Им же образом желает. . .») и 135 («На реках Вавилонских. . .») (Вечера. 1772. Ч. 1). Известно о посещении М. в 1773–1774 масонской ложи «Урания». Об авторитете М. в кругах рус. масонов свидетельствует тот факт, что в 1775 он исполнял обязанности секретаря Великой Провинциальной ложи. В 1776 М. вступает в масонскую ложу, организованную кн. Н. Н. Трубецким; тогда же он вводит в ложу И. Е. Шварца. Тесное сближение с масонами приводит М. к сотрудничеству в журнале Новикова «Утренний свет» (1777). Сочинения М., печатавшиеся в этом журнале (оды «Счастие», «Ищущим премудрости» и др.), разрабатывают темы нравственного самосовершенствования, братской любви, основанной на масонском понимании религии.

Последний этап творчества М. отмечен своеобразным индифферентизмом его идеологической позиции. Написанная им в 1777 комическая опера «Деревенский праздник, или Увенчанная добродетель» (тогда же пост. в Москве) содержит идиллическую картину взаимной любви и согласия помещиков и крестьян. Не лишено вероятности предположение П. Н. Беркова о том, что опера явилась переработкой более ранней пьесы М. «Аркас и Ириса», написанной на открытие московского публичного воксала в 1776 (автор музыки — И. И. Керцелли; см.: Берков. История комедии (1977). С. 196). К 1777

относится и создание М. одноактной «драмы с музыкою» «Пигмалион, или Сила любви» (опубл. 1779; возможно, образцом послужила одноименная пьеса Ж.-Ж. Руссо), которая была представлена на сцене Моск. театра уже после смерти М. Сохраняя дружеские отношения с Н. И. Новиковым, М. сотрудничает в его журнале «СПб. учен. вед.» (четыре стихотворных надписи к портретам рус. писателей и художников XVIII в. — 1777. Май).

В нач. 1778 М. вызвали в Петербург, где ему была предложена должность герольдмейстера. М. принял предложение, но, вернувшись по делам в Москву, заболел и скоропостижно умер. После смерти М. остались вдова (Татьяна Васильевна, урожд. Мельгунова) и дети: два сына и четыре дочери.

В отзывах современников постоянно подчеркивалась оригинальность творчества М., которого Н. И. Новиков причислял к «числу лучших наших стихотворцев» (Новиков. Опыт словаря (1772). С. 134). Позднее, защищая М. от критических нападок А. А. Бестужева и К. Ф. Рылеева, достоинствами его ироикомической поэмы «Елисей, или Раздраженный Вакх» восхищался А. С. Пушкин.

Часть рукописного наследия М. хранится в РНБ (ф. 454), отдельные документы и материалы — в ИРЛИ (ф. 234, оп. 8, № 59; р. 1, оп. 17, № 190), служебные документы — в РГАДА (ф. 286, оп. 1).

Лит.: *Майков Л. Н.* О жизни и соч. В. И. Майкова // Майков В. И. Соч. и пер. СПб., 1867; *Золотарев С. А.* Писатели-ярославцы. Ярославль, 1920. Вып. 2; *Томашевский Б. В.* В. И. Майков // Ироикомическая поэма. Л., 1933 (Б-ка поэта; Большая сер.); *Западов А. В.* Журн. М. Д. Чулкова «И то и сьо» и его лит. окружение // XVIII век. М.; Л., 1940. Сб. 2; *Алексеев М. П.* Д. Дидро и рус. писатели его времени // XVIII век. М.; Л., 1958. Сб. 3; *Гуревич М. М.* Неизв. произв. В. Майкова // Там же.

Ю. В. Стенник

МАЙКОВ (Розов) Иван Алексеевич. Крепостной, дворовый *Ф. М. Брянчанинова*. В 1790 или 1791 был временно отпущен помещиком «по желанию своему для обозрения российских городов и сочинения стихотворства». В связи с тем, что его однофамилец, поэт *А. А. Майков*, «запретил ему таковою фамилиею называться» (очевидная причина «конфликта» — параллельная публикация од *Екатерине II* на 28 июня 1792), М. с авг. 1792 подписывал свои стихи псевдонимом «Розов». В 1791–1793 опубликовал в Петербурге отдельным изданием ок. сорока од и «похвальных стихов», бо́льшая часть которых напечатана Акад. типографией (тиражи: от 58 до 120 экз., из них 8–12 подносные, на лучшей бумаге), куда он мог получить доступ, судя по его признанию 1793, благодаря *Е. Р. Дашковой*. Меценатом М. мог также выступить *И. И. Шувалов*; к нему обращена одна из ранних (1791) од М., к настоящему времени не разысканная, но поддающаяся предположительной реконструкции: в тексте ее наверняка присутствовали тема крестьянского происхождения М. (подобно *М. В. Ломоносову*) и «нижайшая просьба» обратить внимание на «недостойного»; в 1793 Шувалов (наряду с Нарышкиными) был в числе лиц, которых М. «одаривал» своими произведениями. Среди первых публикаций М. — «Стихи на кончину <. . .> Г. А. Потемкина» (1791) и «Стихи П. А. Зубову» (б. г., не обнаруж.; существуют сомнения относительно их принадлежности М., т. к. в 1791 вышла и ода А. А. Майкова Зубову). Круг др. адресатов М. связан почти исключительно с императорской фамилией: Екатерина II, вел. княгиня Мария Федоровна, наследник престола, его сыновья и дочери. В большинстве случаев оды М. приурочены к дворцовому календарю. «Екатерининский цикл» был начат 22 сент. 1791 «Одой <. . .> на день венчания на царство», продолжен «Одой на день тезоименитства великого князя Константина Павловича» (не разыскана, должна быть отнесена к 1793, подписана: «Розов»).

Для М. характерно традиционное панегирическое восхваление Екатерины II и ее царствования,

патриотический энтузиазм, противопоставление «покоя», «благоденствия», «могущества» России положению «сопредельных» и «дальних» государств: в этой связи он неоднократно касается Великой фр. революции 1789 и ее последствий. Последней теме посвящены «Ода на прибытие графа д'Артуа французского, 12 марта 1793» (параллельный текст прозой на фр. языке, переводчик неизв., представлена в типографию не позднее 17 марта – СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 3, № 407, л. 7–9) и «Эпитафия» на смерть Людовика XVI (в сб. М. «Храм дружбы», 1793). В одах М. трактуются проблемы внутреннего управления, законодательства, войны, мира, просвещения («Ода <. . .> Екатерине Великой на новый 1792 год. . .» и «Деяние <. . .> великой Екатерины» — СПб. вед. 1792. № 95. Приб.; отд. изд.: 1792). М. широко использует аллегорические конструкции «бессмысленной оды»; об усвоении М. поэтики «сухой оды» свидетельствует «песнь» Екатерине II «Благоденствующая Россия» (1791). Образцом для М. являлось творчество М. В. Ломоносова, имя которого упомянуто в загл. сочиненного М. «Похвального слова <. . .> Екатерине Алексеевне. . .» (1792).

Некоторые издания М., обращенные преимущественно к вел. княгине Марии Федоровне, представляют собой небольшие сборники, включающие до четырех отдельных текстов, подобных фрагментам оды (мотивы — аллегорический пейзаж, парафраз на тему «роза без шипов» из екатерининской «Сказки о царевиче Хлоре»).

Иронический смысл имел отзыв *Н. М. Карамзина* о М. в письме к *И. И. Дмитриеву* от 2 июня 1793: «Скажи, братец, что за человек Иван Розанов или Иван Розов, который пишет такие превосходные стихи?».

Особое место в поэзии М. занимает сборник «Сельская лира любителей. . .» (типогр. И. Крылова, ценз. разр. — 5 июня 1792), в котором на античном и средневековом материале разрабатываются лирические жанры: идиллия «Повейте здесь, зефиры. . .», эклога «Письмо влюбленного Роланда к М. . .». Открывает сборник «Ода на четыре времени года», представляющая собой попытку самостоятельного решения традиционной темы.

Изданный 9 апр. 1793 сборник М. «Живой источник» (тираж — 120 экз.), включал стихотворение «Победа! На 22 день», содержавшее описание апокалиптической картины второго пришествия. В связи с этим в нач. лета 1793 Синодом было «наряжено следствие», и дом, в котором М. жил в Царском Селе (?), был подвергнут обыску. В сер. июля Губ. правление на основании рапорта Управы благочиния указало Академии наук на противозаконность публикации сочинения М., предложив выдать из типографии и книжной лавки наличные экземпляры «Живого источника», в котором «находятся многие выражения, относящиеся до Священного Писания, но силе оного не соответствующие».

17 авг. 1793 Карамзин писал Дмитриеву: «Бедный Розов! Но я не могу понять, каким образом можно находить богохуление в стихах Розова!» Опрошенные в процессе следствия относительно поднесенного им в придворной церкви «Живого источника» церковные иерархи епископ Тверской и Кашинский *Ириней Клементьевский* и архиепископ Псковский Иннокентий Нечаев заявили, что давно по негодности стихи выкинули. Обнаруженные семь экземпляров были доставлены в одну из типографий для обертки казенных книг, а поиски остальных прекращены. Управа благочиния распорядилась выслать М. на прежнее место жительства — с. Гранцы Ухарской вол. Романовского у. Ярославской губ. Вскоре после решения по делу М. (кон. лета–нач. осени) в Губ. правление явился А. А. Майков и получил позволение доставить помещику освобожденного под расписку арестованного крепостного.

Между публикацией «Живого источника» и высылкой М. через Акад. типографию прошло еще восемь «листков» М., среди которых «Эпистола <. . .> моему государю! Федору Матвеевичу Бряньчанинову. 22 июня 1793», содержащая некоторые автобиографические све-

дения: «В неволе я рожден, Тобою я свободен»; «Тобой сподобился вниманием щедроты Екатерину петь, Ея красы, доброты». Последним известным произведением М. является «Ода е. и. в. Великой Екатерине. На торжество мира с Портою Оттоманскою. 2 сентября» (вероятно, именно эти стихи под загл. «Ода е. и. в. <. . .> Ивана Розова» значатся в делах типографии напечатанными 17 авг. 1793 — СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 3, № 408, л. 88).

Архивные материалы о М. хранятся в СПбФ АРАН (ф. 3).

Лит.: *Пекарский П. П.* Заметка о рус. стихотворце из крепостных // Библиогр. зап. 1861. № 3; Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866; *Делакторский П.* Розов (Майков) И. А. // Рус. биогр. словарь. Т. «Рейтерн–Рольцберг» (1913); *Золотарев С. А.* Писатели-ярославцы. Ярославль, 1920. Вып. 2; *Астафьев А. В.*, *Астафьева Н. А.* Писатели Ярославского края. Ярославль, 1974.

Б. Н. Равдин

МАКАРИЙ (Петрович) см. Пе́трович М.

МАКАРИЙ (Сусальников) см. Сусальников М. М.

МАКАРОВ Петр Иванович [1764–X 1804]. Родился в семье богатого казанского помещика, губернского предводителя дворянства во времена Пугачева. По словам М. А. Дмитриева, «получил воспитание сперва домашнее, потом публичное. Прилежность и <. . .> страсть к учению сделали его известным еще в детских летах». М. обучал фр. языку учитель Манжень, у которого ранее учились *И. И. Дмитриев* и *М. Н. Муравьев*. В юности М. служил в артиллерийских ротах, находившихся постоянно в Казани; в чине артиллерии поручика приехал в Петербург, где в короткий срок разорился из-за каких-то неудачных знакомств. В 1787 в чине майора (по данным *Евгения Болховитинова*: подполковника) М. вышел в отставку и возвратился в Казанскую губ. Там он продал родственникам почти все имение с условием выплаты долгов и назначения ему годового содержания, оставив себе одну небольшую деревню. С 1790 жил в Петербурге. В 1795 М. почти без средств отправился в Лондон и прошел пешком часть Англии. Его путевые впечатления были изложены в «Письмах из Лондона» (Моск. Меркурий. 1803. Ч. 1; Вестн. Европы. 1804. № 9).

После путешествия М. посвятил себя исключительно литературе. В 1795 он издал свой первый перевод (с фр. языка) ч. 1 романа Ж. де Мемье «Граф Сент-Меран, или Новые заблуждения сердца и ума», с предисловием, содержавшим теоретические рассуждения о языке перевода. Перевод, однако, показался М. столь несовершенным, что он скупил все издание, сжег его и, переработав текст ч. 1, выпустил новое полное издание. Но и это издание М. не удовлетворило, и он собирался перепечатывать перевод в третий раз, чего, однако, не сделал. М. перевел также ч. 1–2 книги Э.-Ф. Лантье «Антеноровы путешествия по Греции и Азии. . .» (М., 1803; ч. 3 перевел Г. Яценко). Почти одновременно перевод этой книги выпустил в Петербурге *А. И. Леванда*. Но предпочтение читателей — публики и литераторов — было отдано переводу М., «соединявшему точность с ясностью, правильность с красотою». О «красивом слоге» сочинений М. вспоминал, напр., К. Н. Батюшков (см.: *Батюшков К. Н.* Соч. СПб., 1885. Т. 2. С. 409).

С янв. 1803 по апр. 1804 М. издавал журнал «Моск. Меркурий», уступавший в популярности лишь «Вестн. Европы» *Н. М. Карамзина* и во многом перекликавшийся с этим периодическим изданием. М. не был тогда лично знаком с Карамзиным (состоялось ли это знакомство позже — неизвестно), но он вполне разделял карамзинские идеи о хорошем вкусе и «приятности слога».

Журнал печатался в Унив. типографии без указания имени издателя. Раздел «Смесь» составляла проза, в основном переводы с фр. и стихи (авторы — М., П. И. Шали-

ков, Н. Ф. Остолопов, Д. И. Хвостов, И. И. Дмитриев). В разделах «Российская литература» и «Иностранная литература» печатались рецензии М. (всего их было опубликовано 50), сообщалось о новых книгах. Заключительный раздел «Моды» был обращен к женщинам-читательницам. Принадлежавшие М. критические статьи, отличавшиеся остротой суждений, вызывали широкий резонанс среди литераторов, «послужив в осторожность многим из наших молодых писателей» (Сев. вестн. 1804. № 12. С. 333).

В отличие от Карамзина тон макаровской критики был резок и сознательно провоцировал противников на полемику. При этом М. обращался к читателю, считая необходимым правильно ориентировать его в круге чтения. Это вызвало осуждение «Сев. вестн.», провозглашавшего, что «журналист <. . .> обязан писать рецензию или критику единственно для авторов и переводчиков» (Сев. вестн. 1803. № 9. С. 295). М. взял под свою защиту моду, отводя ей в «Меркурии» место, композиционно соответствующее политике в «Вестн. Европы», и полемически заявил, что именно на нее он и будет ориентироваться, формируя свою «точку зрения» (1803. Ч. 1. С. 73).

Среди работ М. выделяются статья «Сочинения и переводы Ивана Дмитриева» и рецензия на стихотворения *И. М. Долгорукова*. В последней М., в целом положительно отзываясь о стихах, порицает автора за употребление слов, «которые строгий вкус исключает», как-то: «глазеть», «разиня рот» и т. п. (1803. Ч. 3. С. 119). В рецензии на книгу А. С. Шишкова «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» (Моск. Меркурий. 1803. Ч. 4) М. изложил ряд новых для своего времени мыслей об эволюции языка, говорил о необходимости «очищать, обогащать язык по числу новых понятий». Он отмечает положительную тенденцию к стиранию границ между книжным и разговорным языком, стремление «писать, как говорят, и говорить, как пишут». Во взглядах Шишкова М. усматривает препятствие прогрессу, т. к. отжившие, устаревшие формы языка, за которые он ратует, могут «возвратить нас и к обычаям, и к понятиям старинным». Выраженная М. мысль о развитии языка опиралась на его соображения, высказанные в предисловии к переводу романа Ж. де Мемье, где он призывал совершенствовать рус. язык в соответствии с новыми понятиями, вошедшими в обиход со времени *М. В. Ломоносова* и *А. П. Сумарокова*. В рецензии на книгу Шишкова он вместе с тем подчеркивал полезность возрождения забытых слов «для восполнения недостатка в языке», замечая, что «. . . рыться в кладезе старинной нашей словесности есть обогащать нынешнюю». Полемизируя с Шишковым, М. находил, однако, что «некоторые замечания сочинителя довольно справедливы». Осенью 1803 М. сообщил о скором прекращении издания журнала из-за того, что критика, отнимая время, лишает его возможности писать что-то свое. В 1804 М. печатает в «Вестн. Европы» (№ 9) продолжение «Писем из Лондона». Сведения Евгения Болховитинова о том, что М. был в это время издателем и «Вестн. Европы» (основанные, по-видимому, на сообщении «Сына отеч.» (1821. № 1. С. 8)), не находят подтверждения. Последние годы жизни М. провел в Москве, живя очень бедно, но независимо, в наемных комнатах и отклоняя приглашения многочисленных друзей поселиться у них. М. неожиданно скончался «от простуды» по дороге в Польшу, куда отправился путешествовать со своим знакомым.

И. И. Дмитриев называл М. «одним из остроумных наших писателей». По мнению М. А. Дмитриева, М. «. . . был одним из благоразумных и беспристрастных последователей Карамзина. Его слог был следствием изучения языка, а не подражательности», он «был добр, чувствителен, приятен в обществе и любим всеми». «Петр Иванович Макаров был отличный критик, ученый, добросовестный, беспристрастный, пристойный», — писал Ф. Ф. Вигель в своих «Записках» (М., 1891. Ч. 3. С. 137).

«Сочинения и переводы» М. вышли отдельным изданием в Москве в 1805 (2-е изд. М., 1817).

Лит.: *Шаликов П. И.* Рецензия на рецензию в «Сев. вестн.» // Вестн. Европы. 1804. Ч. 18. № 24; Биография П. И. Макарова // Моск. курьер. 1805. Ч. 1. № 10; *Дмитриев М. А.* О Макарове и его соч. // Соч. и пер. Петра Макарова. 2-е изд. М., 1817. Т. 1; Евгений. Словарь. Ч. 1 (1845); *Геннади Г. Н.* П. И. Макаров и его журн. «Моск. Меркурий» // Совр. 1854. № 10. Отд. 3; *Дмитриев М. А.* Мелочи из запаса моей памяти. М., 1854; *Дмитриев И. И.* Взгляд на мою жизнь // Соч. СПб., 1893. Т. 2; *Максимов А. Г.* «Моск. Меркурий» 1803 года: Ежемес. журн., издание П. И. Макарова // Лит. вестн. 1902. № 8; *Мордовченко Н. И.* Рус. критика первой четв. XIX в. М.; Л., 1959; *Березина В. Г.* Рус. журналистика первой четв. XIX в. Л., 1965; Споры о языке в нач. XIX в. как факт рус. культуры / Публ., вступ. ст. и коммент. Ю. Лотмана и Б. Успенского // Учен. зап. ТГУ. 1975. Вып. 358. Тр. по рус. и слав. филологии. № 24; *Cross A. G.* «By the Banks of the Thames»: Russians in Eighteenth Century Britain. Newtonville (Mass.), 1980 (рус. пер.: *Кросс Э.* У Темзских берегов: Россияне в Британии XVIII в. СПб., 1996).

О. Я. Лейбман

МАКСИМОВИЧ Иван Петрович [ум. 1 (12) XII 1732, Москва]. Племянник *Иоанна Максимовича*. После окончания в нач. XVIII в. Киево-Могилянской академии поступил писарем в Нежинский полк, где его дядя Д. М. Максимович был судьей. Благодаря возвышению дяди и своим незаурядным способностям М. скоро обратил на себя внимание гетмана Украины И. С. Мазепы и стал его доверенным человеком. М. состоял при генеральном писаре Ф. Орлике и после Полтавского сражения вместе с ним и Мазепой бежал в Бендеры. После смерти Мазепы и избрания Орлика гетманом казаков, оставшихся под протекторатом Карла XII, М. был назначен генеральным писарем. В дек. 1711 был включен в состав посольства в Константинополь, целями которого были изъявление благодарности туркам за помощь казакам и просьба о дальнейшем заступничестве. После заключения Андрианопольского мирного договора (1713) члены посольства через патриарха Иерусалимского пытались испросить прощения у Петра I, и в 1714 рус. послы в Константинополе П. П. Шафиров и *П. А. Толстой* выдали М. и др. членам посольства документы об амнистии, где им предписывалось безвыездно жить в Москве.

В 1718 М. завершил перевод книги «Желания благоговейные, латинскими стихами изображенные». Это «Pia desideria» брюссельского иезуита Г. Гуго (1587–1629) — популярный в Европе и известный в России эмблематический сборник стихотворений. М. перевел его «славено-российскими виршами», чтобы «мысль свою унывающую врачевати». Перевод сохранился в четырех списках.

В 1722 по ходатайству *Стефана Яворского* и *Гавриила Бужинского* М. был определен в справщики Моск. синод. типографии. Там вместе с А. Ивановым он приступил к составлению «Каталога универсального» библиотеки типографии, оконченного в 1727 (рукопись — РГБ). В 1724 М. завершил составление лат.-рус. словаря, над которым трудился шесть лет. Посвященный Екатерине I «Onomasticon sive dictionarium latino-slavono-rossicum» был подготовлен к ее коронации (БАН, 32.6.2 — подносной экз.; факсимильное издание рукописи: *Maximowicz Joannis*. Dictionarium latino-slavonicum 1718–1724. Facsimile Olexa Horbatsch curavit. Romae, 1991. Т. 1–2). За образец М. взял «Thesaurus polono-latino-graecus» пол. иезуита Г. Кнапского (1621) и, очевидно, использовал «Лексикон латино-словенский» Епифания Славинецкого. В предисловии к словарю М. сообщает, что в 1722 он знакомил со своим трудом *Феофана Прокоповича*, который одобрил его и велел закончить. Здесь же М. пишет, что одной из причин, побудивших его к составлению лексикона, были трудности, с которыми он столкнулся, когда переводил в 1718 книгу «Желания благоговейные. . .».

В 1726 на М. поступил донос как на бывшего «изменника-мазепинца», и он был отрешен от типо-

графии. В отличие от др. мазепинцев М. не был отпущен на Украину и оставался в Москве. В 1728 он перевел с лат. языка медицинское пособие «Ковчежец медицинский», известное в нескольких списках (в части списков дата пер. — 1730), в предисловии к которому назвал себя «пребедным страдальцем» (лат. ориг. не установлен).

В кон. дек. 1730 М. было разрешено вернуться на Украину (см.: Дневные записи Якова Марковича. М., 1859, Ч. 1. С. 360), однако он туда не поехал.

Лит.: Пекарский. Наука и лит. Т. 1 (1862); *Максимович И.* Сб. сведений о роде Максимович. Рига, 1897; *Костомаров Н. И.* Мазепа и мазепинцы. СПб., 1905; *Horbatsch O.* Ivan Maksymovyč, ein verkannter ukrainischer Lexikograph des 18. Jahrhunderts und sein Wörterbuch // The Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the U.S. 1960. Vol. 8; *Николаев С. И.*: 1) Лит. занятия Ивана Максимовича // Тр. Отд. древнерус. лит. Л., 1985. Т. 40; 2) «Лексикографическая» эпиграмма Феофана Прокоповича // Рус. речь. 1995. № 5.

С. И. Николаев

МАКСИМОВИЧ Иоанн [XII 1651, по др. данным — 1653, Нежин–10 (21) VI, по др. данным — 10 (21) VII 1715, Тобольск]. Родился в дворянской семье. После переезда семьи в Киев обучался в Киево-Могилянской коллегии (очевидно, в 1668–1676); оставлен в ней преподавателем лат. языка. Вскоре пострижен в монахи архимандритом Печерским Иннокентием Гизелем, архиепископом Черниговским Лазарем Барановичем рукоположен в сан иеродиакона, а потом иеромонаха. В Печерской лавре М. исправлял должности проповедника и эконома. В 1677, когда турки взяли Чигирин и стали угрожать Киеву, М. был отправлен в Москву просить покровительства у царя Федора Алексеевича. Молодой проповедник понравился царю, и тот повелел ему быть наместником Брянского Свенского монастыря (1681); впосл. М. неоднократно ездил в Москву по делам монастыря. В 1696 М. был переведен архимандритом в Черниговский Елецкий монастырь и 10 янв. 1697 возведен в сан архиепископа Черниговского. В 1700 М. основал Черниговскую дух. семинарию, которая, по его замыслу, должна была представлять собой предуготовительное училище для Киево-Могилянской академии; в своих сочинениях он называл училище «новыми Афинами», «черниговским Геликоном». М. приветствовал преобразовательную деятельность Петра I, посвящал и посылал ему свои сочинения, встретил его в Чернигове панегирической речью в 1708, участвовал в предании церковному отлучению гетмана И. С. Мазепы в 1708, но деятельного участия в реформах не принимал и явно сторонился борьбы группировок в рус. церкви. С 11 марта 1711 М. — митрополит Сибирский. После посвящения он отправился в Тобольск, куда прибыл 14 авг. Существует мнение, что М. был назначен в Тобольск потому, что Петру I понравился его «Синаксарь» о полтавской победе; по др. версии, он оказался там в наказание после ссоры с А. Д. Меншиковым. В Тобольске М. много занимался просвещением местного населения, школой, основанной в 1703 Филофеем Лещинским, организацией православной миссии в Китае, которая была им отправлена в Пекин 16 янв. 1715. Канонизирован в 1916.

Литературная деятельность М. приходится на черниговский период его жизни и тесно связана с основанной им Черниговской дух. семинарией, где были изданы все его сочинения, за исключением толкования на псалом 50 (Киев, 1705). Очевидно, часть изданий, традиционно связываемых с именем М., на самом деле им лишь редактировалась, как, напр., сборник проповедей Иоанна Златоуста «Зерцало от Божественного Писания» (1705). М. одинаково свободно писал в стихах и прозе, отдавая, однако, предпочтение поэтическому творчеству. Его учителем следует считать Лазаря Барановича, от которого он унаследовал характерную для укр. и московского барокко XVII в. установку на самоценность стиха;

основная фигура в поэзии М. — амплификация («расширение», «умножение слов»). Это привело в конечном счете к декларативному отказу от оригинального творчества: «Не новое аз пишу, з святых собираю <. . .> слово многими рифмами разширяю» (Богородице Дево. . . Чернигов, 1707. Л. 18); «Не туне писася, от многих собирася» (Осм блаженств евангельских. Чернигов, 1709. Л. 1 об.). «Алфавит» (1705) — стихотворный сборник житий святых, где центральное место занимает «Житие Алексея человека Божьего» (книга посв. царевичу Алексею Петровичу); «Богородице Дево. . .» — толкование канона и описание чудес Богородицы; «Осм блаженств евангельских» — ряд богословских толкований. Единственное поэтическое сочинение М., посвященное современности, — «Синаксарь» о полтавской победе (Чернигов, 1710).

В выборе М. сочинений для перевода сказалось влияние западноевроп. богословской традиции: «Феатрон, или Позор нравоучительный» (1708) — рассказы из Священного Писания о «должностях начальников», заимствованные из сочинений Амвросия Марлиана; «Царский путь креста» (1709) — перевод книги Бенедикта Хефтена «Regia via crucis» (1635), «Илиотропион» (1714) — перевод сочинения Иеремии Дрекселия («Heliotropium», 1627; изд. учениками М. в 1714; ранее книга была переведена с пол. языка иеродиаконом Феофаном в Москве в 1688). В переводе «Богомыслия» («Meditationes sacrae», 1627) Иоанна Гергарда (1-е изд. 1710; 2-е и 3-е изд. 1711) позднее была усмотрена «многая люторская противность», и 5 окт. 1720 книга была запрещена (см.: Полн. собр. законов Рос. империи. СПб., 1830. Т. 6. № 3653); примечательно, что «Богомыслие» было посвящено *Стефану Яворскому*, ярому противнику лютеранства. Переводы этих дидактико-нравоучительных сочинений европ. богословов, сделанные М. на церковнослав. языке с отдельными вкраплениями полонизмов, латинизмов и варваризмов петровского времени, точны и следуют стилистике оригинала.

М. несомненно был самым плодовитым поэтом нач. XVIII в. Его поэтические сочинения насчитывают несколько десятков тысяч стихотворных строк (напр., в «Алфавите» 23 166 строк). Дидактико-нравоучительный метод М. почти не испытал влияния эпохи преобразований. Среди современников М., очевидно, слыл графоманом. Так, в 1708 Димитрий Ростовский писал Стефану Яворскому: «Книга вершов печатных <«Богородице Дево. . .»> прислана мне: Бог дал тем виршописцам друкарню, и охоту, и деньги, и свободное житье: мало кому потребные вещи на свет происходят»; *А. Д. Кантемир* писал в примечаниях к сатире IV, что в «Алфавите» «ничего путного не найдешь». Однако произведения М. переиздавались в XVIII–XIX вв.

Среди неизданных сочинений М. — написанное в Тобольске обширное автобиографическое повествование в стихах о жизни М. после отъезда из Чернигова «Путник» (РНБ, Q.IV.375). М. приписывался лат.-рус. словарь, составленный его племянником *И. П. Максимовичем* в 1724.

Лит.: *Сулоцкий С. А.* Жизнь Иоанна Максимовича. М., 1849; *Абрамов Н.* Иоанн Максимович, митроп. Тобольский и Сибирский // Журн. М-ва нар. просв. 1850. № 10; *Пекарский П. П.* Известия о рус. пер. одной лютеранской книги во времена Петра Великого // Зап. имп. Академии наук. 1864. Т. 5, кн. 1; *Скосырев Н.* Очерк жития митроп. Тобольского и всея Сибири Иоанна Максимовича. М., 1892; Отчет имп. Публ. б-ки за 1891 г. СПб., 1894; *Максимович И.* Сб. сведений о роде Максимович. Рига, 1897; *Харлампович К. В.* Малорос. влияние на великорус. церковную жизнь. Казань, 1914. Т. 1; Святитель Иоанн Максимович, митроп. Тобольский и Сибирский // Киевские епарх. вед. 1916. № 22–28; *Юрьевский А.* К жизнеописанию святителя Иоанна Максимовича // Тр. Киевской дух. академии. 1916. № 5–6.

С. И. Николаев

МАЛИНОВСКИЙ Алексей Федорович [2 (13) III 1762, Москва–

14 (26) XI 1840, Москва], сын священника Ф. А. Малиновского, не чуждого литературных занятий, поддерживавшего близкие отношения с *Н. И. Новиковым*, автора книги «Историческое описание села Грузина» (М., 1816). Обучался в Моск. ун-те «на собственном своем содержании». В 1778 был определен в Межевую канцелярию, а 1 марта 1780 в Моск. арх. Коллегии иностр. дел актуариусом (РГАДА, ф. 180, оп. 1, кн. 73, л. 180 об.); в 1783 получил звание переводчика «за хорошее знание латинского, французского и итальянского языков» (там же, кн. 59, л. 72–72 об.). В 1792 М. был представлен к чину кол. асессора, но получил его только 2 сент. 1793 (там же, ф. 197, Малиновский, оп. 2, № 42, ч. 2, л. 32) после представления свидетельства о дворянстве рода Малиновских из Могилевской губ. (там же, ф. 180, оп. 1, кн. 69, л. 44).

М. принимал участие в описании дипломатических документов и являлся автором сочинений по истории («конференции») мн. европ. дворов. В 1799 М. составил родословную Пушкиных — своих давних московских знакомых (ГИМ, ф. 33, № 35, л. 18; РГАДА, ф. 180, оп. 1, кн. 75, л. 360). Вместе с *Н. Н. Бантыш-Каменским* М. опубликовал «Слово о полку Игореве» (ГИМ, ф. 33, № 63; РГАДА, ф. 197, оп. 2, № 3). В 1812, накануне вступления французов в Москву, М., также вместе с Бантыш-Каменским, организовал эвакуацию архивных документов во Владимир; участвовал в Комиссии о пособии разоренным жителям Москвы. 2 сент. 1814 М. был назначен управляющим Моск. арх. и возглавил Комиссию печатания грамот и договоров (РГАДА, ф. 197, оп. 2, № 41, ч. 2, л. 46). М. был активным участником кружка графа Н. П. Румянцева, члены которого постоянно прибегали к его советам при приобретении рукописей и старопечатных книг, при отборе документов для публикации (ГИМ, ф. 33, № 10, 11; Чтения в О-ве истории и древностей рос. 1882. Кн. 1). При помощи М. из архива беспрепятственно доставлялись *Н. М. Карамзину* и копировались для него летописи, грамоты, дипломатические акты. М. лично просмотрел т. 1 «Истории государства Российского» и сообщил автору свои замечания на него (см.: *Козлова Н. А., Козлов В. П.* Арх. разыскания Карамзина // Сов. архивы. 1977. № 3). В издании научных трудов М. принимал участие В. А. Жуковский (РГАДА, ф. 197, оп. 2, № 9). М. содействовал архивным разысканиям А. С. Пушкина. Сохранилась его переписка с М. П. Погодиным, С. П. Жихаревым, *А. И. Тургеневым* об издании исторических документов. М. был в дружеской переписке с *Е. Р. Дашковой* и составил ее первую (оставшуюся в рукописи) биографию (см.: *Долгова С. Р.* «Здесь каждый куст посажен мною. . .» // Наука и жизнь. 1986. № 3); в его распоряжении была «собственноручная тетрадь» записок Дашковой. М. был знаком также со мн. членами тайных декабристских обществ. Глубокое впечатление произвело на М. знакомство в 1816 с декабристом Н. И. Тургеневым (РГБ, ф. 274 (1816 г.), № 1, л. 54). В 1826 служащий Моск. арх. Медведев на допросе показал, «будто Малиновский совещается по ночам истребить императорскую фамилию» (Рус. арх. 1903. Т. 7. С. 441). В том же году М. был уволен от должности главного смотрителя Странноприимного дома Шереметевых, которую он занимал с момента основания больницы (ГИМ, ф. 33 (1824 г.), № 42).

Научные интересы М. связаны прежде всего с историей Москвы. Его сочинения о Кремле, Китай-городе и Белом городе, о Моск. ун-те, театрах, учебных и торговых заведениях, первой рус. типографии остались в рукописи (РГАДА, ф. 197, оп. 1, № 24, 26, 47). В 1827 М. П. Погодин сообщил в «Моск. вестн.», что из «ученых предприятий в Москве — важнейшее есть „Историческое описание Москвы“ А. Малиновского» (не сохр.). В 1806 М. был утвержден почетным членом Оружейной палаты за содействие «в историческом описании древностей той палаты» (РГАДА, ф. 180, оп. 15, л. 393); в 1807 вышла его книга «Историческое описание древнего российского музея под названием Мастерской и Оружейной

палаты, в Москве обретающей». Продолжение этой работы (история зданий Оружейной палаты и хранящихся в ней коллекций оружия, знамен и одежды) осталось в рукописи (РГАДА, ф. 197, оп. 2, № 38, 39; отрывок см.: Отеч. зап. 1820. Ч. 3. № 5; 1821. Ч. 6. № 13). В «Отеч. зап.» М. опубликовал ряд исторических статей: «Инструкция гр. П. А. Толстому при отправлении его чрезвычайным и полномочным послом к Порте Оттоманской в 1702 г.», «Журнал путешествия во Францию и пребывания в Париже Петра Великого в 1716 г.» и др. (1830. Ч. 42–44).

М. был почетным членом мн. научных рус. и зарубежных обществ, членом Рос. Академии (РГАДА, ф. 197, оп. 2, № 41), председателем О-ва истории и древностей рос., в издании которого были опубликованы его исторические труды: «Боярин, дворецкий и наместник серпуховский Артемон Сергеевич Матвеев», «Биографические сведения о ближнем боярине, дворовом воеводе кн. В. В. Голицыне» (Тр. и летописи О-ва истории и древностей рос. 1837. Ч. 7) и др. В типографии С. Селивановского, тесный контакт с которым у М. установился с 1800, вышло его сочинение «Биографические сведения о князе Дмитрии Михайловиче Пожарском» (М., 1814), где были использованы подлинные архивные документы: окладная книга 1614 с автографом Пожарского и дело об убиении царевича Димитрия (пер. на нем. язык, принадлежавший дочери М., Е. А. Долгорукой, — М., 1826). После смерти М. издан «Исторический взгляд на межевание в России до 1765 года» (СПб., 1844). Остались неизданными сочинения М. о Крыме (1794), о Посольском приказе и служивших в нем людях (1800), о сношениях России с Голштинией (1801), юридический словарь (1802), «Известие о мореходных судах, заведенных на Каспийском море англичанином Эльтоном», «Записка о достопамятнейших актах», хранившихся в Моск. арх. М. был инициатором первых археографических экспедиций, благодаря которым были спасены уникальные памятники рус. литературы.

В молодости М. сотрудничал в качестве переводчика в изданиях Н. И. Новикова: «Моск. вед.» (до 1779), «Веч. заря», «Утр. свет» (пер. с фр. моралистических сочинений Ю. Г. Оксеншерны), «Моск. ежемес. изд.» (пер. с ит. отрывков из сб. «Максимы» Ф. Ларошфуко), «Гор. и дер. б-ка» (пер. с фр. романов «Любовь увенчанная. . .» и «История Ивана де Кале»).

В 1781, по предложению *Г.-Ф. Миллера*, он подготовил свой первый большой перевод с фр. — книгу С. Пратта «Торжество благодеяния». В 1783 М. перевел с фр. книгу Ферри де Сен-Констана «Дух Бюффона», состоявшую из отрывков сочинений фр. естествоиспытателя. В 1787 им переведено с фр. анонимное «Рассуждение о начале и основании гражданских общежитий, заключающее в себе убедительное исследование вопреки Жан-Жаку Руссо. . .», направленное против коренных принципов философии Руссо, и прежде всего против мысли о гибельности цивилизации. В 1795 в переводе М. (с фр. языка) вышли записки Дж. Карпини «Любопытнейшее путешествие монаха <. . .> Жана дю План Карпина, посыланного в 1246 году <. . .> к татарам» по тексту изд. П. Бержерона «Собрание различных любопытных путешествий по Татарии» (Лейден, 1723). В «предуведомлении» М. разъясняет, что руководствовался в своей работе «старанием удержать точность и передать на российском языке, сколько можно, более ясности без всякой перемены, а особливо в собственных именах», ибо «древний памятник должен оставаться в том виде, в каком найден». В 1800 была издана книга «Отрада в скуке. . .» (ч. 1–2), где М. выступает не только как переводчик, но и как собиратель анекдотов и сентенций, относящихся к жизни Вольтера, Фонтенеля, Малерба, Эйлера, Лейбница и др.; в ч. 2 вошел перевод поэмы Л.-С. Мерсье «Любовь Хераля».

Особенно активен М. был как драматический переводчик. Для актеров Моск. театра он переводит мелодрамы Л.-С. Мерсье, Ж. Буте де Монвеля (с фр. языка), А. Коцебу (с нем. языка), способствуя популяризации этого жанра в России

(часть переводов затем вошла в изд.: Собрание некоторых театральных сочинений, с успехом представленных на Московском публичном театре. М., 1790. Ч. 1–3). М. был хорошо знаком с актерами В. А. Померанцевым и М. С. Синявской, часто игравшими в переведенных им пьесах; им посвящены два стихотворения М. (см. его статью «О российском театре. . .», опубл.: Рус. вестн. 1808. № 7). В рукописи сохранился «Пролог сельского праздника в Ильинском», «нечаянно для хозяина представленный 1808 года июля 20 дня у графа Шереметева» (ГИМ, ф. 33 (1807 г.), № 34, л. 48; писарская копия с авторской правкой). Из оригинальных пьес М. наиболее значительной является комедия «Раздраженный муж, или Приезжие из Украйны. Аглинское сочинение, к российским обычаям приноровленное» (1799). В приемах обработки сюжета, поэтике пьесы (противопоставление положительных типов образованных столичных дворян типам невежественных помещиков, манерных помещиц и иноземцев-побродяг) прослеживается влияние «Недоросля» *Д. И. Фонвизина*. Фамилии персонажей служат дополнением к характеристике каждого действующего лица: помещики — Нелеповы, иноземец — Подлен. Автор широко использовал «Русские пословицы» *Ип. Ф. Богдановича*, которыми пересыпает свою речь один из персонажей пьесы; др. герой называет его «живым словарем пословиц». Использование пословиц сближает пьесу М. с комедиями *П. А. Плавильщикова*. Как свидетельствуют заметки современников, большой популярностью пользовалась опера М. «Старинные святки» (1800; не изд.; муз. Ф.-К. Блимы), в которую он включил народные обрядовые песни.

М. был одним из историков рус. театра. В «Собрании некоторых театральных сочинений» (1790. Ч. 2) и в журнале «Сев. арх.» (1822. № 21) помещены его «Записки» и «Историческое известие о российском театре»; большое количество подготовительных материалов и скопированных источников, предназначенных для создания фундаментального труда по истории театра, осталось в черновиках (РГАДА, ф. 197, № 30). В бумагах М. сохранился рукописный сборник «Стихи на разные случаи» (ГИМ, ф. 33, № 84), где собраны стихотворения как известных, так и малоизвестных поэтов (в частности, В. Колосова), басни, эпиграммы на *Екатерину II* и ее фаворитов. Самому М. принадлежат ит. стихи «Discorso in occasione della nascita di sua Altezza Imperiale Alessandro Pavlovisc. . .» (1778), прочитанные им на торжественном акте Моск. ун-та 23 янв. 1778. Известна также стихотворная надпись, сочиненная М. к изображению графа Дмитрия Шереметева, помещенному в куполе церкви Странноприимного дома (уничтожена при реставрации в XIX в. — Рус. арх. 1897. Т. 3. С. 515). Лирическое стихотворение М. «К умершему соловью» поместил Карамзин в альманахе «Аониды» (1796. Кн.1).

Известно описание библиотеки М. — «Реестр книгам и рукописям <. . .> А. Ф. Малиновского» (ГИМ, ф. 33, № 1). Собрание включало книги по дипломатии, истории Москвы, периодику («Сын отеч.», «Полярная звезда» и др.), большое количество рукописей, в т. ч. сборник Кирши Данилова. Мн. редкие рукописные книги, грамоты и дипломатические акты М. подарил библиотеке Моск. арх. Сама библиотека не сохранилась. Рукописи и бумаги М. находятся в РГАДА, РГБ и ГИМ.

Лит.: [*Погодин М. П.*]. Известие о жизни и кончине А. Ф. Малиновского // Москвитянин. 1841. Ч. 1, кн. 1; Письма Карамзина к А. Ф. Малиновскому и письма Грибоедова к С. Н. Бегичеву. М., 1860; Жизнь и труды П. Н. Строева. СПб., 1878; Письма гр. Румянцева к Малиновскому об издании гос. грамот и договоров. 1819–1820 гг. // Чтения в О-ве истории и древностей рос. 1882. Кн. 1; *Вигель Ф. Ф.* Зап. М., 1891. Ч. 3; *Дмитриев Л. А.* История первого издания «Слова о полку Игореве». М.; Л., 1960; *Овчинников Р. В.* Пушкин в работе над арх. документами: «История Пугачева». Л., 1969; *Козлов В. П.* Колумбы рос. древностей. М., 1981; *Долгова С. Р.*: 1) ЦГАДА — к 800-летию «Слова о полку Игореве» //

Сов. архивы. 1985. № 6; 2) «Никто лучше Вас» // Куранты: Альм. М., 1987.

С. Р. Долгова

МАЛЬГИН Тимофей Семенович [1752–28 VII (9 VIII) 1819; похоронен на Смоленском кладбище, могила не сохр.]. Обучался в Псковской дух. семинарии, затем в Акад. ун-те в Петербурге. Принимал участие в течение семи лет в экспедиции *И. И. Лепехина* по северу России. В 1774 М. совместно с *Н. Я. Озерецковским* обратился в Академию наук с просьбой о производстве. После сданного экзамена по естественной истории и химии был принят в Академию, но по неизвестным причинам не пожелал в ней остаться и был уволен. Известно лишь, что в 1775–1778 М. был кол. протоколистом, а в 1779–1780 — губернским секретарем; окончательное увольнение от службы произошло ок. 1785; в отставку М. вышел в чине кол. асессора; сведения о том, что М. был статским советником (Голицын. Словарь (1889). С. 161), неверны. После увольнения из Академии наук М. принимал участие в деятельности Вольного экон. о-ва; известен его труд «О малороссийском табачном произрастании» (Тр. Вольного экон. о-ва. 1773. Ч. 24. С. 144–170), предпринятый М. по совету покровительствовавшего ему И. И. Лепехина.

В 1791 М. был избран в члены Рос. Академии и принимал в течение мн. лет деятельное участие в составлении «Словаря Академии Российской» 1-го и 2-го издания, за что был награжден двумя золотыми медалями. В Рос. Академии произнес ряд речей: «О состоянии в России древнего и новейшего российского просвещения» (1808), «О необходимом союзе разума и природных дарований с науками» (1812) и «О неоцененном даре слова человеческого и о последственной от оного пользе постепенного усовершенствования словесности для народного просвещения и славы государей — любителей оного» (1817). В речи «О состоянии в России древнего и новейшего народного просвещения» (Соч. Ч. 4. С. 225–286) М. стремился показать, что письменность была известна русским задолго до Кирилла и Мефодия, что Иоаким и Нестор не были первыми рус. летописцами, а заимствовали сведения из летописей гораздо более древних, что «Слово о полку Игореве» является показателем необычайно высокого поэтического мастерства Древней Руси.

Проявляя большой интерес к отечественной истории, М. составил «Зерцало российских государей с 862 по 1789 год, изображающее их родословие, союзы, потомство, время рождения, царствования, кончины и вкратце деяния с достопамятными происшествиями» (1789). 2-е (1791) и 3-е (1794) издания «Зерцала» свидетельствуют о том, что книга М. оказалась удобным пособием по рус. истории с IX в. до современности: она заканчивалась характеристикой царствования *Екатерины II*. Создавая печатный труд по истории России, М. не обращался к самостоятельному изучению исторических источников, а основывался на печатных трудах своих предшественников; он писал: «Сочинил из повествований достоверных российских писателей». Современная ему история XVIII в. написана кратко: даты рождения, правления, потомство. «Зерцалом российских государей» пользовался, напр., *Г. Р. Державин*. В «Предуведомлении» к трагедии «Евпраксия» (1808) он ссылается на него (Державин. Соч. (1864–1883). Т. 4 (1874). С. 249).

Перу М. принадлежат «Ратник российский» — один из первых опытов краткой военной истории, «Чиновник российский» (1792) — выборка из «Титулярника» — рукописного сочинения 1672, составленного по повелению царя Алексея Михайловича. В 1803 вышло из печати сочинение М. «Опыт исторического исследования и описания старинных судебных мест Российского государства».

М. занимался также переводами иностранных сочинений. Им осуществлен первый перевод «Записок Манштейна», напечатанный после смерти М. в 1823. В 1775–1780 вышел его перевод книги Николь Бодо де Жюии «История о переменах Неаполитанского королевства» (т. 1–4), а в 1786 — перевод сочи-

нения ит. кардинала Роберта Беллармино «Лествица умственного восхождения к Богу по степеням созданных вещей».

Не занимая какой-либо оплачиваемой должности в Рос. Академии и зарабатывая на жизнь только литературным трудом, М. сильно нуждался; к тому же все свои сочинения и переводы М. печатал на свой счет (как правило, в Акад. типографии). Рос. Академия, желая помочь ему, купила у него за пять дней до смерти, 23 авг. 1819, часть его библиотеки. Скончался М. в крайней бедности. По ходатайству А. С. Шишкова Рос. Академия выделила 500 рублей на погребение М. У М. были сыновья Иван, окончивший Акад. гимназию в 1802 и перешедший на службу в Горный корпус, и Глеб, кол. асессор и секретарь Герольдмейстерской конторы, переводчик и автор книги «Мои посещения кладбища» (СПб., 1809), а также дочери Марья и Дарья.

Архив М. не обнаружен, (часть семейных бумаг Мальгиных в кон. XIX в. оказалась у Г. В. Юдина); отдельные книги из его библиотеки с владельческими записями, а также подаренные им в библиотеку Рос. Академии, хранятся в БАН.

В ИРЛИ находится авторский экземпляр 3-го издания «Зерцала российских государей» со мн. рукописными добавлениями и исправлениями (собр. Юдина, ф. 383, оп. 1, № 178; вставки свидетельствуют о том, что незадолго до кончины М. подготовлял 4-е издание).

Лит.: Соч. и пер., изд. Рос. Академиею. СПб., 1808–1813. Ч. 3–4; Евгений. Словарь. Ч. 2 (1845); *Старчевский А.* Очерк литературы рус. истории до Карамзина. СПб., 1845; Письма и записки от разных лиц к графу Д. И. Хвостову // Библиогр. зап. 1859. Т. 2; Сухомлинов. Рос. Академия. Вып. 5 (1880); *Лукина Т. А.* И. И. Лепехин. М., 1965; *Лепехин М. П.* Об одном неосуществленном замысле Тимофея Мальгина // Ежегодник Рукоп. отд. Пушкинского Дома на 1980 год. Л., 1984.

М. П. Лепехин, Г. Н. Моисеева

МАЛЬТИЦ Павел Федорович, барон [ум. 1826]. Начал службу в Семеновском полку из камер-пажей. В 1773 — поручик, в 1778 — капитан-поручик (Дирин. Семеновский полк (1883). Прил. С. 115). В 1784 в чине бригадира переведен из Семеновского полка на должность директора Академии художеств; с 1788 — почетный член Болонской академии, с 1789 — почетный член Петербургской Академии художеств, в этом же году был уволен с должности и переведен на службу в Коллегию иностр. дел (см.: *Петров Н. П.* Сб. мат-лов для истории имп. Академии художеств. СПб., 1866. Т. 1. С. 148, 280, 281, 299, 300). С 18 июня по нояб. 1803 и с апр. 1810 по янв. 1811 М. — посланник в Вюртембергском герцогстве (Штутгарт); с кон. 1803 по дек. 1807 и с апр. 1810 по март 1817 — посланник в Баденском княжестве (Карлсруэ) (см.: Очерк истории М-ва иностр. дел. СПб., 1902. Прил. С. 8–9).

Перевел «вольно» с фр. языка прозой комедию А. Пирона «Страсть к стихотворству» (1783; 2-е изд. 1787). Пьеса была поставлена в Петербурге до 9 сент. 1782, а затем самим переводчиком в придворном театре в Царском Селе в 1787, о чем имеется отзыв в письме А. Пирона к А. Б. Куракину (Рус. старина. 1878. № 5. С. 66). Издание комедии снабжено списком актеров, ее исполнявших; среди них *И. А. Дмитревский*. Упоминание о пьесе — Драм. словарь (1787).

Лит.: История драм. театра. Т. 1 (1997).

И. В. Немировский

МАРКОВ Николай. Студент, переводчик. В 1778–1786 учился в гимназии Моск. ун-та, «из казенных разночинцев»; с июля 1786 — на философском факультете, «из обучающихся на студентском содержании»; в 1788 награжден за успехи серебряной медалью (Моск. вед. 1778. 11 июля. № 55. Приб.; 1779. 17 июля. № 57. Приб.; 1781. 2 окт. № 79. Приб.; 1782. 3 дек. № 97; 10 дек. № 99. Приб.; 1783. 12 июля. № 55; 15 июля. № 56. Приб.; 1786. 22 июля. № 58. Приб.;

1788. 8 июля. № 55. Приб.). Перевел с нем. языка «лирическое сочинение» англ. поэта М. Прайора «Гейнрих и Эмма <. . .> подражание поэме Брюнетта» (1788); предполагаемый источник — прозаический нем. перевод-посредник Ф.-Ю. Бертуха «Heinrich und Emma: Nachbildung von dem nussbraunen Mädchen von Prior» (Altenburg, 1771). Под тем же загл., отличающимся лишь формою одного слова («. . . поэме Брюнетте»), был издан в Петербурге анонимно перевод того же сочинения; в большей части он дословно совпадает с московским, подписанным М., но имеет также и отличия. Первым вышло петербургское издание (см.: СПб. вед. 1788. 27 июня. № 51. С. 742), в Москве оно появилось через 18 дней (см.: Моск. вед. 1788. 15 июля. № 57), а еще через неделю в московские книжные лавки поступило местное издание (см.: Там же. 22 июля. № 59). Столь близкие даты, текстуальные расхождения и отсутствие в петербургском издании имеющегося в московском посвящения директору университета не позволяют ни одно из них считать повторным и объяснить его появление быстрой распродажей предыдущего. Хотя мн. текстуальные расхождения могли быть результатом маскировочных приемов, использовавшихся в XVIII в. обычно при плагиате и контрафакции, суммарный их объем и качество трансформации текста не дают полной уверенности в том, что имело место незаконное печатание перевода М. К тому же некоторые расхождения могут быть истолкованы как следствие различной интерпретации переводимого нем. текста, что ставит под сомнение предположение об одновременной сделке М. с московским и петербургским книгоиздателями. Примечательно также, что в 1787 переводы этого же произведения дважды представляли в цензуру др. студенты университета, учившиеся в разные годы в одних классах с М.: 1 июня — «вместо Тимофея Серебрякова университетский студент Степан Орлов», а 19 июня — Матвей Могилянский (см.: *Смирнов С.* Цензурная ведомость 1786–1788 гг. // Осмнадцатый век. М., 1868. Кн. 1. С. 446–447). Т. о., не исключая окончательно вероятности в рассматриваемом случае плагиата, контрафакции или нечестности самого переводчика, есть основание выдвинуть в качестве равносильного предположение о том, что это были переводы двух разных лиц, выполненные в одной учебной аудитории под руководством одного преподавателя.

М. перевел также с нем. языка «Путешествие Волнея в Сирию и Египет <. . .> в 1783, 1784 и 1785 годах» (1791–1793. Ч. 1–2).

Вероятно, этот же Н. Марков после большого перерыва перевел с нем. анонимный «комико-сатирический» роман «Езуит, или Герой своего времени, присвоивший себе престол нового Фельзенбурга» (М., 1807; подлинник: Der Jesuit auf dem Thron, oder das Neue Felsenburg. Berlin; Leipzig, 1794) и составил учебное пособие «Новая немецкая грамматика, или Руководство к немецкому языку» (М., 1809; 2-е изд. М., 1813). Основанием для этого предположения служит указание на тит. листе последнего о том, что оно создано «трудами упражнявшегося довольное время в немецком языке».

В. Д. Рак

МАРТЫНОВ Иван Иванович [1771, м. Переволочна Полтавской губ.–20 X (1 XI) 1833, Петербург; похоронен на Смоленском кладбище]. Из семьи священника. Окончил Полтавскую дух. семинарию (1787), продолжил образование в Александро-Невской дух. семинарии (1788–1792) одновременно с М. М. Сперанским и *П. А. Словцовым*, дружеские отношения с которыми М. поддерживал в течение всей жизни. За отличное знание древних языков оставлен в семинарии преподавателем (1792–1795).

В 1793 М. сотрудничал в «СПб. Меркурии» И. А. Крылова и *А. И. Клушина*, а после их отъезда из Петербурга завершил издание журнала, отредактировав два последних номера. Опубликованные здесь стихи и переводы М. отличает влияние предромантизма.

В 1796 М. издавал журнал «Муза», в котором публиковались от-

рывки из произведений Л. Стерна, С. Геснера, К.-М. Виланда. В журнале сотрудничали Сперанский, Словцов, *Н. А. Львов*, Ф. П. Львов, *Г. Р. Державин*, в нем печатались ученические сочинения вел. княгини Александры Павловны. Сильное влияние *Н. М. Карамзина* проявилось в двух автобиографических повестях М. «Парамон и Варенька» и «Филон», также помещенных на страницах «Музы».

Журнал сделал имя М. известным при дворе. В 1795 М. перешел на службу в канцелярию Коллегии иностр. дел, в 1797 был назначен учителем в Смольный ин-т. По поручению вел. князя Александра Павловича, П. А. Строганова и Н. Н. Новосильцева М. приступил к переводу политико-экономических работ, излагавших новейшие идеи в области законодательства, экономики и просвещения. Выдержки из «Рассуждения о государственном хозяйстве» Дж. Стюарта, а также отрывок из книги И. Мейера «Картины Италии» со сведениями об основном труде «Наука о законодательстве» Г. Филанджиери были опубликованы в «СПб. журн.» (1798).

В 1803–1817 М. возглавил Деп. нар. просв., в 1804 был назначен правителем дел в Гл. правлении уч-щ. Пользуясь доверием министров П. В. Завадовского и А. К. Разумовского, М. по существу определял правительственную политику в области просвещения и цензуры. При его участии создавались уставы Демидовского лицея, Казанского и Харьковского ун-тов. В 1804 Гл. нар. уч-ще было преобразовано в СПб. пед. ин-т, где М. читал курс эстетики на основе переведенного им трактата Псевдо-Лонгина «О высоком, или величественном» (М.; СПб., 1803; 2-е изд. СПб., 1826). Перевод получил положительную оценку *Н. Я. Озерецковского* (Моск. Меркурий. 1803. № 8) и К. Н. Батюшкова (*Батюшков К. Н.* Соч. СПб., 1835. Т. 1. С. 421). По инициативе М. был издан сборник «Сочинения студентов <. . .> по части эстетики» (СПб., 1806), в котором опубликованы первые работы А. П. Куницына «О вкусе» и А. И. Галича «О простосердечном». М. был автором первого рус. цензурного устава (1804); по указаниям М. М. Сперанского в 1809–1811 составил возбудившие общее раздражение «Правила для испытания гражданских чинов», разработал положение о Царскосельском лицее (1811), способствовал назначению его директором А. Ф. Малиновского. Известно прошение А. С. Пушкина-лицеиста на имя М. от 28 нояб. 1815.

О разнообразной переводческой деятельности М. свидетельствуют его переводы «Писем об Италии» Ш.-М. Дюпати (СПб., 1800–1801. Ч. 1–2; 2-е изд. СПб., 1809; 3-е изд. СПб., 1817), «Существенного изображения естества народных обществ и различных законов» И. Юсти (с нем. яз.; СПб., 1802), «Философической и политической переписки императрицы Екатерины II с г. Вольтером» (СПб., 1802. Ч. 1–2; о принадлежности перевода М. — РГИА, ф. 733, оп. 86, № 286, л. 5), «Приданого Сюзетты, или Записок госпожи де Сеннетер, ею самою писанных» (СПб., 1801), «Сен-Жюльена, или Записок одного отца семейства» А.-Г. Лафонтена (СПб., 1802), «Аталы, или Любови двух диких в пустыне» Ф. Шатобриана (Смоленск, 1803). В комментариях к переводам подборок из сочинений Ж.-Ж. Руссо: «Дух, или Избранные мысли Жан-Жака Руссо» (СПб., 1801), «Философические уединенные прогулки Жан-Жака Руссо, или Последняя его исповедь, писанная им самим, с присовокуплением его писем к Мальзербу. . .» (СПб., 1802) — М. полемизирует с идеей Руссо о вреде просвещения и пропагандирует идею сословного образования.

В 1804–1805 М. издавал журнал «Сев. вестн.», тесно связанный с реформаторской политикой Александра I. Центральное место в журнале занимали статьи по вопросам государственного и общественного устройства, законодательства, просвещения, переводы античных и новейших европ. авторов (Тацит, Гиббон, Монтескье и др.). В ряде случаев журнал выходил за пределы либерализма, допускаемого правительством (статья «Опыт о Великобритании» — 1805. № 2, 3). «Сев. вестн.» был близок демократизм Вольного о-ва любителей словесно-

сти, наук и художеств, почетным членом которого с 1805 был М.: в этом году в журнале были напечатаны отрывки из запрещенного «Путешествия из Петербурга в Москву» *А. Н. Радищева* (глава «Клин» — № 1), положительная рецензия на только что разрешенную к представлению комедию *В. В. Капниста* «Ябеда» (№ 6). В «Сев. вестн.» давалась иностранная и рус. научно-литературная информация (отделы «Смесь», «Разные известия», «Известия об ученых обществах» и др.). Литературно-теоретическая программа журнала определялась позицией издателя, который, будучи поклонником позднего фр. классицизма (Баттё, Лагарп), пытался развить в новых исторических условиях идеи признанных авторитетов классицизма. Однако в журнале (отделы «Словесность», «Стихи») печатались и произведения, отмеченные явным влиянием сентиментализма (Н. А. и П. Ю. Львовы, А. А. Писарев, П. И. Шаликов). Журнал выступил против книги А. С.Шишкова «Рассуждение о старом и новом слоге...», включился в полемику по поводу драмы Н. И. Ильина «Великодушие, или Рекрутский набор», связав успех пьесы с ее социальной проблематикой (положение крестьян) (обе публ. — 1804. № 1).

Продолжением «Сев. вестн.» явился журнал М. «Лицей» (1806), в котором был расширен отдел словесности. Журнал помещал публикации на отечественные темы, противопоставлял их ненужным заимствованиям, призывал употреблять в обиходе высшего общества и при дворе рус. язык.

В 1817 при реорганизации М-ва нар. просв. М. был уволен от основных должностей и остался лишь членом Гл. правления уч-щ и Комитета уч-щ взаимного обучения. Основное время М. отдавал переводам античных авторов. Его переводческие принципы: максимальная близость к подлиннику, передача текстов античных поэтов прозой или белым стихом — были им сформулированы еще в предисловии к изданию «Анакреоновых стихотворений» (СПб., 1801). Издание «Греческие классики» (СПб., 1823–1829. Т. 1–26; часть томов с параллельным текстом оригинала) включало переводы Гомера, Софокла, Геродота, псевдо-Лонгина и др., сопровождалось компилятивным биографическим и историко-филологическим комментарием, что и составило главную ценность его труда. Работая над Гомером («Илиада», т. 7–10 и «Одиссея», т. 11–17), М., вопреки опыту Н. И. Гнедича, взял за образец фр. перевод П. Битобе, заняв, т. о., архаическую позицию, и его переводы получили отрицательную оценку критики (Моск. вестн. 1828. № 1). Тем не менее «Греческие классики» явились для рус. общества своеобразной энциклопедией античности; мн. читатели впервые знакомились с нею по изданию М. Как явствует из письма М. к Д. П. Руничу от 21 янв. 1822, в 1821–1822 М. собирался издавать исторический журнал «Российский временник» (Рус. старина. 1897. Т. 92. № 12. С. 534). К этому же времени относится своеобразный дневник М., носивший заголовок «Всячина, свое и чужое» (РНБ, ф. 468, № 1) и содержавший выписки из западноевроп. и отечественных сочинений и журналов. Среди них стихотворения В. А. Жуковского, К. Н. Батюшкова, А. С. Пушкина, хотя в общем М. с некоторым недоверием относился к молодому поколению писателей. Одновременно М. вел работу над своими записками (закончены не ранее апр. 1833 — РНБ, ф. 468, № 2), представлявшими биографический очерк с попыткой осмысления политического состояния России. В «Записки» вошел ряд относительно самостоятельных очерков (их темы — наводнение 1824 в Петербурге и его последствия, поездка в Царское Село и Павловск в 1829 и т. п.); интерес представляют сравнительные характеристики (Александр I, М. М. Сперанский и др.), изложение некоторых фактов, относящихся к общественной жизни того времени.

Особое место в просветительской деятельности М. занимала пропаганда новейших достижений западноевроп. науки в области ботаники, итогом многолетних занятий которой явились «Техно-ботанический словарь» (СПб., 1820) и «Три Ботаники, или Сокращение

систем Турнефорта, Линнея и Жюсье» (СПб., 1821).

Для характеристики политической позиции М. 1820-х гг. интерес представляют его толкование деспотизма в примечаниях к «Защищению российского правления иностранцем против иностранца» (отрывок из книги Ф.-Г. Штрубе де Пирмонта «Lettres russiennes» (1760) — Сын отеч. и Сев. арх. 1829. № 49–52) и положительная оценка государственной деятельности П. В. Завадовского (Биография гр. П. В. Завадовского. СПб., 1831). Эти публикации демонстрируют его верность просветительским идеалам, казавшимся в то время уже анахронизмом.

Лит.: *Колбасин Е. Я.* Лит. деятели прежнего времени. СПб., 1859; Сухомлинов. Рос. Академия. Вып. 2–7 (1875–1885); *Павловский И. И.* И. Мартынов за время учения его в дух. семинарии // Полтавские епарх. вед. 1881. № 4. Часть неофиц.; *Залдкин А. И.* И. И. Мартынов, деятель просв. в нач. XIX в. // Циркуляры по управлению Кавказским учебным округом. 1902. № 12. Прил. С. 1–71; *Мордовченко Н. И.* Рус. критика первой четв. XIX в. М.; Л., 1959; *Берков П. Н.* Из ранней истории науч. и лит. сборников студентов Петербургского ун-та // Очерки по истории Ленингр. ун-та. Л., 1962; *Егунов А. Н.* Гомер в рус. переводах XVIII–XIX вв. М.; Л., 1964; *Теплова В. А.*: 1) К вопр. о журналистской деятельности И. И. Мартынова в 90-х гг. XVIII в. // Учен. зап. Горьковского ун-та. Сер. ист.-филол. 1964. Вып. 72, т. 2; 2) Пропаганда конституционных идей в «Сев. вестн.» И. И. Мартынова // Учен. зап. Горьковского ун-та. Сер. ист.-филол. 1964. Вып. 65; 3) Обществ.-полит. взгляды и лит.-публицист. деятельность И.И. Мартынова: (Из предыстории декабристской идеологии) // Освободительное движение в России: Межвуз. сб. Саратов, 1971. Т. 2; Поэты 1790–1810-х гг. Л., 1971 (Б-ка поэта; Большая сер.).

В. А. Теплова

МАСЛОВ Алексей Николаевич. Сын полковника (позднее сенатора в Москве) Н. И. Маслова; в 1772 — поручик Преображенского полка. Был в добрых отношениях с *Г. Р. Державиным*, который характеризовал М. в своих «Записках» как «человека довольно умного, честного и с нарочитыми в словесности, а особливо на французском языке, сведениями, но при всем том ветреного и мота». В 1775 при производстве Державина в офицеры М. дружески одолжил ему деньги на экипировку. Однако когда понадобилось поручительство Державина за М. в Дворянский банк, то согласие поэта доставило ему большие неприятности, т. к. М. «не токмо не платил процентов за занятую сумму, но, быв отставленным подполковником, в уклонение от платежа других долгов, бежал в Сибирь и проживал в безвестности». В 1778 М. объявлением в «СПб. вед.» (3 авг. № 62. С. 828) вызывался в Юстиц-коллегию для расчетов с Державиным, но, видимо, не явился. По долговым обязательствам Державин получил в родовом имении М. с. Никольском (Михайловский у. Рязанской губ.) 300 душ крестьян. М. появился в столице к нач. 1780-х гг. В 1783–1784 в Москве в его переводе вышли ч. 7–9 романа А.-Ф. Прево «Аглинский философ, или Житие Клевеланда. . .», завершавшие неполное издание 1766–1767 (ч. 1–2 в пер. *С. А. Порошина*; ч. 3–6 анонимно).

Лит.: Державин. Соч. (1864–1883). Т. 5, 6, 9 (1869, 1871, 1883).

С. И. Николаев,
В. П. Степанов

МАТИНСКИЙ Михаил Алексеевич [1750, с. Павловское Московской губ.–1820]. Родился в семье крепостных крестьян, принадлежавших графу С. П. Ягужинскому. В детстве проявил интерес и способности к наукам. На средства графа получил образование в разночинной гимназии при Моск. ун-те. Один из первых своих литературных трудов — перевод с нем. языка сочинения исп. писателя и государственного деятеля Ф. Д. де Сааведры «Республика ученых, или Аллегорическое и критическое описание художеств и наук» (1775) М. посвятил С. П. Ягужинскому: « . . . не редкий ли сей пример добродете-

ли, чтобы тратить иждивение на обучение своего раба для собственной его прибыли и снабдевать его потом щедро безо всяких заслуг, не помышляя нимало о приобретении себе от этого пользы?». В том же году М. перевел с нем. языка прозой «Басни и сказки» Х.-Ф. Геллерта (Ч. 1–2; 2-е изд. 1788).

В 1779 Вольное экон. о-во издало подготовленное М. по предложению председателя общества К. Ф. Круза «Описание различных мер и весов разных государств». Издание, предназначавшееся для сельских хозяев, промышленников и торговцев, ведущих торговлю с др. странами и нуждавшихся в переводе рус. мер в иностранные и обратно, было составлено по лучшим зарубежным источникам и с исчерпывающей полнотой. В 1783 М. на средства С. П. Ягужинского путешествовал по Италии, очевидно, для продолжения образования. В 1784 в «Тр. Вольного экон. о-ва» (Ч. 31) было напечатано в переводе М. сочинение И. И. Георги «Как россиянин посредственного состояния по введенному теперь образу жития все свои нужды в рассуждении пищи, напитков, одежды и жилища <. . .> одними российскими необходимыми продуктами удовольствоваться может».

В окт. 1785 М. вместе с матерью Марией Яковлевной и женой Натальей Григорьевной получил от графа Ягужинского отпускную. 28 июля 1786 он подал прошение в Комиссию об учреждении нар. уч-щ о вступлении в службу «к переводам». Комиссия, «имев уже опыты его трудолюбия, радения и искусства», зачислила М. переводчиком в чине титул. советника на том условии, что «на первый случай вместо жалованья платить ему будет за труды его по рассмотрению» (РГИА, ф. 730, оп. № 7, л. 32). Вскоре М. получил 200 руб. за перевод с нем. языка труда И.-Ф. Гакмана «Краткое землеописание Российского государства» (1787). В 1788 в переводе М. была напечатана ч. 1 «Всеобщего землеописания, изданного для народных училищ Российской империи», которое было составлено на нем. языке И.-Ф. Гакманом и переработано *Ф. И. Янковичем де Мириево* (2-е изд. 1798). М. было определено жалованье в размере 300 руб. в год, а с 10 дек. 1796 за «прилежное и рачительное исправление поручаемых ему дел», в т. ч. за «самую многотрудную часть работы в сочинении карт» — нанесение на них «городов, мест, рек и всех вообще названий», ему прибавлено было еще по 100 руб. в год. 16 февр. 1797 М. получил должность секретаря комиссии (РГИА, ф. 730, оп. 1, № 7, л. 52). В 1815 М., будучи надв. советником, продолжал служить в комиссии.

Широкая образованность М. позволила графу П. В. Завадовскому еще в 1785 принять его на службу учителем математики, истории, географии и рус. языка в Пажеский корпус. В 1797–1802 М. был учителем геометрии, истории и географии Имп. восп. о-ва благор. девиц. В аттестате, выданном ему Комиссией об учреждении нар. уч-щ при вступлении в эту должность, отмечались его обширные знания и умение «внушать учащимся предметы для понятия и затверживания легчайшим образом» (РГИА, ф. 730, оп. 1, № 7, л. 68).

Преподавательскую деятельность М. сочетал с работой переводчика. Он принимал участие в издании «Атласа <. . .> для народных училищ» (1790. Ч. 1), являющегося дополнением ко «Всеобщему землеописанию» И.-Ф. Гакмана, составлял карты (совм. с Г. Шелеховым) для «Краткой Российской истории» (1799), написанной Янковичем де Мириево на основе материалов И. М. Стриттера, переводил с нем. языка (совм. с И. Ф. Яковкиным, А. Гронским, *Н. П. Осиповым* и Ф. В. Коралловым под руководством *П. И. Пастухова*) «Историю Российского государства» И. М. Стриттера (СПб., 1800–1802. Ч. 1–3). Под руководством М. студентами учительской гимназии был подготовлен перевод с нем. языка «книги для чтения поселянам» Ф.-Э. Рохова «Детский друг» (1797. Ч. 1–2), «поправленный вольно, а в иных местах даже для приноровления находящихся в нем предметов к российским обычаям и совсем перемененный» самим М.

Для учебных целей Имп. восп. о-ва благор. девиц М. подготовил

и издал два пособия: «Начальное основание геометрии» (1798), свидетельствующее о знакомстве автора с новейшими научными достижениями того времени, и «Сокращение всеобщей географии» (СПб., 1800. Ч. 1).

Очевидно, еще в доме С. П. Ягужинского, где был устроен театр с постоянной сценой, М. заинтересовался драматургией. Самым первым его переводом была комедия Х.-Ф. Геллерта «Богомолка» (1774), изданная О-вом, старающимся о напечатании книг. Сведений о постановке этой пьесы нет. По заказу того же общества М. перевел с нем. языка комедию К. Гольдони «Поскорей, пока не проведали, или Странный случай» (1796). Пьеса имела успех в Петербурге и Москве. М. принадлежит также либретто оперы «Тунисский паша» (муз. В. А. Пашкевича). Она была представлена в Петербурге в 1782, а в Москве шла периодически в 1785–1789. Рукописный экземпляр этой пьесы, датированный 1783, хранится в СПбГТБ (шифр: 16.2.10).

Большой успех имела комическая опера М. «Санктпетербургский гостиный двор» (в 3-х д.), премьера которой состоялась в 1779. Это «забавное зрелище и нарядный спектакль в российских древних нравах» было представлено в театре К. Книппера «раз по пятнадцати сряду, и никакая пьеса не дала ему столько прибытка, как оная» (Драм. словарь (1787)). В Москве опера ставилась периодически с 1783 по 1825, а затем перешла на провинциальную сцену. Музыку к опере написал В. А. Пашкевич, но М. сам указал народные песни для обработки. Опера была напечатана в 1791 без ведома автора. Во 2-м издании, которое вышло под назв. «Как поживешь, так и прослывешь» (1792), первое и третье действия поменялись местами. В этой редакции пьеса впервые была представлена на сцене Придворного театра 2 февр. 1792. 3-е издание (1799) вышло под первоначальным назв. и в композиционном отношении воспроизводило издание 1791.

Своей оперой М. продолжил в репертуаре рус. театра купеческую тематику. Несвойственное комедиям того времени количество действующих лиц (более двадцати) позволило М. нарисовать широкую и выразительную картину жизни столичного города. В пьесе сочетаются ансамблевые бытовые сцены, традиционные комические приемы и фольклорные элементы. Включив в оперу эпизоды народного обряда — девичника, участниками которого становятся отрицательные персонажи, М. достиг сильного обличительного эффекта, построенного на контрасте.

В. В. Стасов и С. Ф. Светлов приписывали М. авторство оперы «Перерождение» (изд. 1779), исполнявшейся на Моск. театре в 1777.

Лит.: *Светлов С. Ф.* Рус. опера в XVIII столетии // Ежегодник имп. театров: Сезон 1897–1898 гг. Приложения. Кн. 3; *Стасов В. В.* Рус. и иностр. оперы, исполнявшиеся на имп. театрах в России в XVIII и XIX столетиях. СПб., 1898; *Черепнин Н. П.* Имп. восп. о-во благор. девиц. Пг., 1914; *Прокофьев В. А.* Михаил Матинский и его опера «Санктпетербургский гостиный двор» // Музыка и муз. быт старой России: Мат-лы и исслед. Л., 1927. Т. 1; *Чистяков И. И.* Крепостной математик-композитор XVIII в. М. Матинский // Изв. Тверского пед. ин-та. 1928. Вып. 4; *Ливанова Т. Н.* Рус. муз. культура в ее связях с лит., театром и бытом. М., 1953. Т. 2; *Берков П. Н.* Неиспользованные мат-лы для истории рус. лит. XVIII в.: К биографии М. А. Матинского // XVIII век. М., Л., 1958. Сб. 3; Берков. История комедии (1977); История рус. драматургии. XVII–первая пол. XIX в. Л., 1982.

Е. Д. Кукушкина

МЕДВЕДЕВ Гавриил Васильевич [кон. 1750-х гг.–9 (21) V 1824, Петербург; похоронен на Волковом кладбище]. В 1777–1780 учился в Акад. гимназии, где, согласно выданному свидетельству, «в немецком языке показал он хорошие успехи, равным образом успел и в языке французском, так что он достаточно исправно может с обоих сих языков переводить на язык российский. . .» (СПбФ АРАН, ф. 3,

оп. 9, № 400, л. 27). Впосл. М. служил в придворном штате Александра I и вышел в отставку камерфурьером 6-го класса.

Еще будучи учеником гимназии, М. печатался в журналах «Утр. свет» и «СПб. вестн.» (1779–1780) как переводчик отрывков из лирической прозы С. Геснера (вероятно, с фр. переводов). Отдельно был издан *Н. И. Новиковым* прозаический перевод поэмы К.-М. Виланда «Искушение Авраамово» (1780; 2-е изд., иждивением *П. И. Богдановича*. 1787), выполненный М. с фр. прозаического перевода М. Юбера. Из посвящения перевода старшему брату переводчика Ивану Медведеву видно, что М. рано осиротел и воспитывался в семье брата. Язык перевода тяжеловесен, но сюжет передан верно. Сведения о том, что в 1787 в Москве были конфискованы экземпляры 2-го издания этого перевода, не подтверждаются (см.: *Западов В. А.* К истории правительственных преследований Н.И. Новикова // Н.И. Новиков и обществ.-лит. движение его времени. Л., 1976 (XVIII век; Сб. 11)).

Лит.: Пб. некрополь. Т. 3 (1912); Берков. Журналистика (1952); *Данилевский Р. Ю.* Виланд в рус. лит. // От классицизма к романтизму. Л., 1970.

Р. Ю. Данилевский

МЕДВЕДЕВ Петр. В 1730-х гг. перевел с ит. языка либретто П. А. Д. Метастазио «Притворный Нин, или Семирамида познанна» (1737) и «Артаксеркс» (1738; 2-е изд. 1766) для опер Ф. Арайи, исполнявшихся ит. труппой при дворе императрицы Анны Иоанновны. Ритмическая проза со стихотворными вставками оригинала переведена построчно, но без излишнего буквализма, стихотворные фрагменты переведены стихами лишь частично.

Предположительно М. может быть отождествлен со стемпельмейстером СПб. портовой таможни Петром Медведевым, который в сер. 1720-х гг. перевел с лат. сочинение Л. Фиоравенти «Зерцало наук» (не изд.).

Лит.: *Соболевский А. И.* Из переводной литературы Петровской эпохи // Сб. Отд-ния рус. яз. и словесности. 1908. Т. 84. № 3.

Р. М. Горохова

МЕЙЕР Андрей Казимирович [1742–1807]. Происходил из «древнейшей саксонской дворянской фамилии, из которой один был посланным при Борисе Федоровиче Годунове по делам Новгородской торговли. . .» (*Мейер А. К.* Описание Очаковской земли. . . СПб., 1794. С. 63). В 1783 М. был адъютантом артиллерийского бомбардирского полка, в том же году — подполковником Херсонского гренадерского полка, с 4 дек. 1807 — генерал-майором.

В 1781–1783 М. издал первые два тома компилятивного «Ботанического словаря. . .» (посв. *Екатерине II*). В него вошли названия растений, начинающиеся с литер «А», «В» и «С»; учитывались и народные названия. Труд завершен не был, хотя первоначально предполагалось издание пяти томов. В т. 2 помещена стихотворная похвала *В. Г. Рубана* создателю словаря. Редактировал «Словарь» *С. Г. Зыбелин*. Для напечатания словаря Екатерина II пожаловала М. в 1782 400 руб. (РГИА, ф. 468, оп. 1, л. 2, № 3897, л. 34).

В 1781 вышел перевод М. с фр. языка книги Фридриха II Прусского «О немецких словесных науках. . .» (посв. П. И. Панину). В анонимной рецензии (СПб. вестн. 1781. Ч. 7. Май) отмечалась точность перевода М. Эта книга, так же как «Ботанический словарь. . .», была напечатана *Н. И. Новиковым* в Унив. типографии.

М. перевел с нем. языка также «Иерузалемово творение о немецком языке. . .» (1783) — полемический отклик нем. ученого И.-Ф.-В. Иерузалема на книгу Фридриха II, подчеркивавшего исключительную роль фр. языка в европ. культуре. В стихотворном посвящении А. А. Вяземскому М. развивал мысль о внесословной ценности человека.

М. также перевел с фр. «Рассуждение о моровой язве П. фон Вунцеля» (1791; посв. Г. А. Потемки-

ну). В предисловии переводчика отразились знакомство с античной медициной и собственный опыт борьбы с эпидемическими заболеваниями, приобретенный, видимо, во время рус.-тур. войн.

Оригинальное произведение М. «Повественное <. . .> описание Очаковской земли. . .» (1794; посв. П. А. Зубову) состоит из трех частей: истории этой территории, характеристики полезных ископаемых и почв, описания флоры и фауны. Здесь развита теория этнической принадлежности древних народов — сарматов, массагетов, хазар — к славянству (согласно М. это искаженные назв. племен — сыромятов, мясоедов, косарей). М. также принадлежит оставшееся ненапечатанным «Описание Кричевского графства, или бывшего староства», составленное в 1786 под смотрением обер-квартирмейстера Карла Маркловского (см.: *Артемьев А. И.* Опис. рукописей Казанского ун-та. СПб., 1882. С. 19–22).

В «Собеседнике» М. опубликовал стихотворную «Надпись к российским государям» (1783. Ч. 1; перепеч. в 1791 в «Разных письменных материях» *М. Комарова*) — собрание афористических двустиший и четверостиший, характеризующих правителей России с древности до кон. XVIII в. В анонимном «Письме, касательном до исторических надписей к российским государям» (Собеседник. 1783. Ч. 2) выражалось опасение, что «господин сочинитель со временем и всю историю российскую в мадригалах, а потом, может быть, и Четьи-Минеи вздумает переложить стихами. . .». Одновременно рецензент упомянул о научных заслугах М.: «. . . посоветовал бы сему сочинителю стараться лучше о приобретении бо́льших знаний в тех науках, в коих опыты он с нарочным успехом показал. . .». М. ответил негодующим письмом (Собеседник. 1783. Ч. 10).

Вступление на престол нового монарха М. приветствовал «Одой императору Александру Павловичу» (СПб., 1801).

М. был членом Вольного Рос. собрания при Моск. ун-те (с 29 апр. 1783) и Вольного экон. о-ва.

К. Ю. Лаппо-Данилевский

МЕЛИССИНО Иван Иванович [1718, Рига–23 III (3 IV) 1795; похоронен в с. Константиново Бронницкого у. Московской губ.]. Происходил из знатного греч. рода; предки М. в XII в. переселились на о-в Крит. Отец — Иван Афанасьевич — приехал в Россию при Петре I, служил в Курляндии; в 1740–1745 был вице-президентом Коммерц-коллегии. 17 февр. 1732 М. поступил в Сухоп. шлях. корпус, где учился одновременно с *А. П. Сумароковым*. Закончив обучение 20 апр. 1740 с чином прапорщика, поступил в статскую службу. С 1746 служил в Ревельской генерал-губернаторской канцелярии в чине надв. советника. Указом Сената от 24 апр. 1757 определен директором Моск. ун-та с чином канцелярии советника. 11 мая приехал в Москву и энергично принялся за организацию учебного дела: присутствовал на экзаменах; много внимания уделял религиозному воспитанию; заботился о состоянии здоровья и быте учащихся. Летом 1757 и зимой 1759–1760 ездил в Петербург для представления куратору университета *И. И. Шувалову* лучших учеников (вторая из этих поездок описана принимавшим в ней участие *Д. И. Фонвизиным* в «Чистосердечном признании в делах моих и помышлениях»). В нояб. 1757 М. пытался организовать постоянные заседания литературного общества при университете, но этот замысел ему удалось осуществить значительно позднее. 10 июля 1763 М. был переведен обер-прокурором в Синод с чином д. ст. советника. Ближайшим его помощником был назначен Г. А. Потемкин, тогда еще камер-юнкер. В 1767 М. составил «Пункты» к проекту нового Уложения, связанные с вопросами церковного законодательства (он ратовал за веротерпимость и ослабление строгих правил при посте, заключении и расторжении браков и т. п.). Вел по этому поводу длительную переписку с *Екатериной II*, однако Синод не принял его предложений. 24 окт. 1768 М. был уволен из Синода; в этом же году он стал опекуном Моск. восп. дома при директоре *И. И. Бецком*, который ценил, что М. «на многих языках коррес-

понденцию в чужих краях имеет» (*Пятковский А. П.* Начало восп. домов в России // Вестн. Европы. 1874. Т. 6. № 11. С. 283). С 1771 до конца жизни был куратором Моск. ун-та (с чином т. советника). 17 февр. 1771 на публичном собрании университета выступил с речью на лат. языке «Oratio, qua <. . .> in publico caes. Mosquensis Universitatis Conventu curatoris in eadem Universitate. . .» («Речь, которую <. . .> говорил <. . .> Московского воспитательного дому опекун и Лейпцигского свободных наук общества член <. . .> при вступлении своем в кураторскую оного университета <. . .> должность. . .»; отд. изд. на лат. и рус. языках: 1771).

Одним из важнейших начинаний М. было создание Вольного Рос. собрания при Моск. ун-те. На первом его заседании 2 авг. 1771 М. как «побудитель к заведению» собрания был избран его председателем, М. В. Приклонский — «наместником» (т. е. заместителем), *А. А. Барсов* — секретарем. Членами собрания стали *Е. Р. Дашкова*, *Н. И. Новиков*, позднее А. П. Сумароков, *В. Г. Рубан*, *М. Н. Муравьев*, Д. И. Фонвизин, *А. М. Кутузов* и мн. др. видные литераторы. В «Опыте тр. Вольного Рос. собрания» (1774–1783. Ч. 1–6) публиковались материалы по рус. истории, оригинальные и переводные статьи, стихи. Здесь напечатана речь М., произнесенная при открытии собрания, в которой говорилось о необходимости усовершенствовать «природный язык» (1774. Ч. 1), а также перевод М. из Вольтера — «Опыт перевода с французского. Вопросы человека, ничего не знающего» (1775. Ч. 2; подп. в обеих публ. — «И. М.»). В 1770-е гг. М. были осуществлены стихотворные переводы на нем. язык од *И. А. Верещагина*: «Ода на торжество заключенного мира между Россиею и Оттоманскою Портою» («Ode auf die Feier des zwischen dem Russischen Reiche und Ottomanischen Pforte abgeschlossenen Friedens»; отд. изд.: 1775) и «Ода, которою <. . .> Московский университет изъявляет свою радость о благополучном возвращении из чужих краев первого своего учредителя и куратора <. . .> Ивана Ивановича Шувалова» («Ode mit welcher die kais. Universität zu Moskau über die glückliche Zurückkunft ihres ersten Stifters und Kurators <. . .> Iwan Iwanovitsch Schuwalov <. . .> ihre unterhänige Freude bezeugt»; отд. изд.: 1777).

М. постоянно интересовался театром и в 1772 подал доношение в Сенат, желая создать в Москве новый театр и возглавить его, что вызвало крайнее возмущение Сумарокова.

М. высоко ценил *М. В. Ломоносова*; он спорил с *Г.-Ф. Миллером*, отстаивая оригинальность ломоносовской системы стихосложения (об этом сообщал М. Н. Муравьев в письме к отцу от 8 мая 1777). *М. И. Веревкину*, составлявшему в 1783 биографию Ломоносова, М. передал ряд документов и сведений, касавшихся обучения Ломоносова в Славяно-греко-лат. академии. В 1778 при участии М. был основан Моск. благор. пансион.

В 1778–1782 М. находился за границей. Его возвращение в Москву было торжественно отмечено университетом (см.: Моск. вед. 1782. 26 февр. № 17). С ревнивым беспокойством М. отнесся к деятельности И. Г. Шварца и Н. И. Новикова, видя в основанном ими Дружеском учен. о-ве конкурента Вольному Рос. собранию. Тем не менее он был членом Дружеского учен. о-ва, а также, по свидетельству Шварца, масоном (см.: *Тихонравов Н. С.* Соч. М., 1898. Т. 3, ч. 2. С. 96). При назначении директором университета *П. И. Фонвизина* в 1784 М. оказывал ему покровительство и поддержку (письма М. к П. И. Фонвизину — ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 1552). В 1789 по инициативе М. было учреждено О-во любителей рос. учености при Моск. ун-те; М. написал устав; но общество очень скоро прекратило свою деятельность.

28 окт. 1783 М. был избран членом Рос. Академии. Объединив членов Академии, живших в Москве, он вместе с ними принял активное участие в работе над академическим словарем (выбор слов из Несторовой летописи). М. привлек к словарной работе мн. преподавателей и студентов университета, а

также передал в Рос. Академию материалы, подготовленные ранее Вольным Рос. собранием. О живом интересе, проявляемом М. к работе над словарем, свидетельствуют его письма к Е. Р. Дашковой и *И. И. Лепехину* (1784–1785).

Откликами на смерть М. были «Стихи на кончину <. . .> Мелиссино» от Моск. ун-та (Моск. вед. 1795. 28 марта. № 25. Приб; отд. изд.: 1795) и «Печальная песнь на кончину <. . .> Мелиссино от воспитанников Благородного при университете пенсиона», сочиненная *М. Л. Магницким* (Моск. вед. 1795. 24, 28 марта, 11 июля. № 24, 25, 55. Приб.; отд. изд.: 1795). С уважением и благодарностью М. вспоминали позднее П. С. Кайсаров («К портретам господ кураторов университета. . .», 1798) и *И. М. Долгоруков* в посвящении к сборнику «Бытие сердца моего» (М., 1818. Ч. 1).

Лит.: *Стоюнин В. Я.* Тр. Вольного Рос. собр., бывшего при Моск. ун-те // Журн. М-ва нар. просв. 1854. № 10–11; Шевырев. Моск. ун-т (1855); Письма имп. Екатерины II к обер-прокурорам св. правительствующего Синода (1765–1796) // Рус. арх. 1870. № 4–5; Св. правительствующему Синоду <. . .> обер-прокурора Мелиссино предложение // Чтения в О-ве истории и древностей рос. 1871. Кн. 3. Отд. 5; Сухомлинов. Рос. Академия. Вып. 7 (1885); *Благовидов Ф. В.* Обер-прокуроры св. Синода в XVIII и в первой пол. XIX столетия. Казань, 1899; Bakounine. Le répertoire (1940); *Светлов Л. Б.* «О-во любителей рос. учености» при Моск. ун-те // Ист. арх. 1950. Т. 5; Пенчко. Документы. Т. 1–3 (1960–1963); *Мельникова Н. Н.* Издания, напечатанные в типографии Моск. ун-та. XVIII в. М., 1966; Письма рус. писателей (1980).

Н. Д. Кочеткова, Г. Н. Моисеева

МЕЛЬГУНОВ Александр Александрович [род. 1765, Москва]. Сын священника. В 1774 поступил в Славяно-греко-лат. академию; в 1782 из класса философии произведен в студенты Моск. ун-та на содержании Дружеского учен. о-ва (РГИА, ф. 730, оп. 1, № 4, л. 23; Моск. вед. 1782. 3 дек. № 97. Приб.). С янв. 1784 до окт. 1787 был учителем низшего, а потом высшего грамматического класса в Славяно-греко-лат. академии.

Еще во время обучения в академии перевел с лат. языка «Нравственные лекарства» «христианского Сенеки» (1783; посв. *Платону Левшину*) – выборку максим и размышлений стоического философа, дополненную двумя его рассуждениями о презрении к смерти и к богатству. В 1786 заново перевел с лат. популярные сочинения выдающихся педагогов эпохи Возрождения, неоднократно переводившиеся на рус. язык, — «Молодым детям наука» Эразма Роттердамского и «Руководство к мудрости» Х. Л. Вивеса (1788), посвятив издание ученикам академии.

Лит.: Смирнов. Моск. академия (1855).

С. И. Николаев, В. П. Степанов

МЕМОРСКИЙ Михаил Федорович [ум. до 1830]. В 1790-х гг. был учителем частного народного Арбатского уч-ща в Москве; в 1800–1804 служил управляющим у помещика «к<нязя> И. А. Г.» в Тамбовской губ. Посвящение детям П. А. Ефимовского, А. П. и М. П. Ефимовским, «Краткой арифметики <. . .> в вопросах и ответах состоящей» (1794. Ч. 1–2) позволяет предположить, что М. был домашним учителем в этой семье. «Арифметика» многократно переиздавалась в течение всего XIX в. Написанная М. «Новая российская грамматика в вопросах и ответах <. . .> с присовокуплением краткой поэзии» (М., 1807) переиздавалась с некоторыми изменениями под следующими загл.: Новая краткая российская грамматика. 10-е изд. М., 1820; Полная российская грамматика. 11-е изд. М., 1823. В разделе, посвященном поэзии, приводились примеры из стихов *М. В. Ломоносова* и *А. П. Сумарокова*, а желающим «приобрести искусство в стихотворении» давалась рекомендация «подражать славнейшим авторам».

Среди изданных М. учебников были также «Грамматика латин-

ская в вопросах и ответах» (М., 1810) и «Краткая священная история церкви Ветхого и Нового Завета в вопросах и ответах» (М., 1816; переизд.: 1818, 1820, 1823, 1829). В предисловии к своей «Новейшей и пространнейшей всеобщей географии» (М., 1814. Ч. 1–4) М. сообщал, что основным его источником при написании этой книги был многотомный труд «Universalis Lexicon», предпринятый Дрезденским ун-том. По словам М., его заставили взяться за работу «польза и особенная приверженность к любезному нашему отечеству». Раздел, посвященный России, значителен по объему и содержит многочисленные географические, исторические и этнографические сведения. Общественные и педагогические взгляды М. получили отражение в его книге «Зеркало, в которое всякому человеку смотреться должно, или Должности человеческие» (М., 1794; посв. М. Д. Мещанинову). Здесь говорилось о том, что рабы должны повиноваться господам, но в то же время развивалась мысль о необходимости ценить человека не за богатство, а «за собственные его дарования и таланты». Считая, что детей не следует подвергать наказаниям, М. уделял большое внимание вопросам нравственного воспитания. Нравоучительный характер имеет переведенный М. с фр. роман «Всяк своему счастию есть кузнец. . .» (1795). На основе своего опыта, полученного во время управления помещичьим имением, М. написал книгу «Сельский приказчик, или Полевая книжка. . .» (М., 1804; посв. генерал-майору А. З. Дурасову), содержавшую конкретные советы и рекомендации по сельскому хозяйству. Говоря об обязанностях приказчика (управляющего), М. подчеркивал, что следует заботиться как об «умножении господских доходов», так и о «благосостоянии крестьян». «Есть такие бессовестные, — писал М., — что за всякую погрешность, сделанную крестьянином неумышленно, оных мучат и притесняют, вынуждая от них почти последнее к удовольствованию ненасытимой алчности своей, а чрез то и приводят крестьян в разорение и отчаяние».

М. принадлежит целый ряд прозаических сочинений, построенных как чередование монологов, диалогов и сценок с участием нескольких собеседников: Англичане в Дании, или Действие настоящей войны. М., 1807 (посв. Д. П. Черевину); Дух или мысли англичанина на Воробьевых горах, оплакивающего нынешнее состояние англичан. М., 1807 (посв. Г. В. Рюмину); Отчаянный султан, или Действие войны. М., 1807; Театр нынешней войны, или Бенигсен и Бонапарте в армиях. М., 1807. Кн. 1–4 (посв. Н. И. Зотову). В загл. каждой из этих книг указано: «российское сочинение». Главной темой приведенных здесь вымышленных разговоров неизменно остается прославление геройства и патриотизма русских. Затронут также вопрос о тяжелом положении негров, притесняемых англичанами. В текст книги «Театр нынешней войны. . .» включена «песня российских солдат» («Ну, ребята, на французов Поспешим скорей сходить. . .»). В форме разговоров построено и произведение М. «Русские славятся и торжествуют в Париже. . .» (М., 1814; посв. А. И. Маслову). В беседу «трех гвардейских офицеров» включено описание Парижа (сведения исторического и краеведческого характера); здесь же упоминаются Ж.-Ж. Руссо и Вольтер. В книгу входят стихи, «народные хоры», прославляющие Александра I.

Полуоригинальный-полупереводной характер имело ежемесячное периодическое издание М. «Сатирический театр, или Зрелище людей нынешнего света» (1808). В предисловии издатель сообщал, что сделал здесь «экстракт» из некоторых произведений Ж.-Ж. Руссо, Х.-Ф. Геллерта и Г.-В. Рабенера и прибавил «несколько своих сочинений». М. упоминал, что старался переводить «простым и ясным слогом», т. к. «слишком надутый слог <. . .> простой народ понимать не может». Журнал построен в форме переписки некоего «NN» и «Живописца». Сатира затрагивает различные социальные вопросы (взяточничество чиновников и судей, злоупотребления помещиков, увлекающихся псовой охотой, падение нравов и т. д.). Особенно мно-

го внимания уделено проблеме воспитания. Выступая против увлечения модными «французскими шарлатанами», М. писал: «Я сам был учителем, но только я здешний, природный, следовательно, был последний там, где ваши братья французы находились» (Ч. 1. С. 33). В «Сатирическом театре. . .» напечатано стихотворение *Г. Р. Державина* «Вельможа» и некоторые др. стихи. Подписка на журнал проводилась в Москве, Курске, Воронеже, Вязьме, Ярославле, Туле, Симбирске, Харькове, Уфе и др. городах. Среди подписчиков был *И. Ф. Богданович*.

М. принадлежат также переводы с фр.: «Полезное изобретение и приведение в лучшее состояние конских заводов» (1799; посв. М. П. Нарышкину) и роман в письмах «Новый Фоблаз, или Приключения Флорбеля» Ф. Мимольта (Смоленск, 1802. Ч. 1–4; 2-е изд. СПб., 1804). Язык оригинальных произведений и переводов М., как правило, архаичен и тяжеловесен; более простым слогом, близким порой к разговорному, отличаются статьи из «Сатирического театра. . .».

В памяти последующих поколений М. остался лишь как автор «Арифметики»: сохранилось пренебрежительное упоминание о «каком-нибудь покойном Меморском, печатающем в седьмой раз дрянную арифметику» (Моск. телеграф. 1830. Ч. 36. № 21. С. 72). В рецензии на 17-е издание говорилось: «Арифметика г. Меморского представляет необыкновенное явление в нашей учебной литературе: все единогласно бранят ее, смеются над нею, а она между тем выходит чуть-чуть не 20-м изданием» (Отеч. зап. 1844. Т. 36. № 9. Отд. 6. С. 16). Н. А. Добролюбов назвал «Арифметику» Меморского «плохой», «более притупляющей, нежели развивающей сообразительность учеников» (*Добролюбов Н. А.* Собр. соч. М.; Л., 1962. Т. 5. С. 540–541). Однако переиздания продолжались, и в рецензии на издание 1889 отмечалось, что книга «составлена довольно толково и может принести пользу» (Рус. мысль. 1892. № 7).

Н. Д. Кочеткова

МЕНШИКОВА Екатерина Алексеевна [13 (24) VII 1747–31 III (11 IV) 1791, Москва; похоронена в Донском м-ре]. Дочь кн. А. А. Долгорукова (1716–1792) от второго брака с А. П. Плещеевой; супруга кн. П. А. Меншикова, внука знаменитого соратника Петра I. По свидетельству «Дамского журн.» (1830. Ч. 29. № 10. С. 148), М. присутствовала на уроках своих детей, надзирая за учителями, и в это время занималась переводами с фр. языка. В 1777, находясь, как следует из посвящения, в деревне, она перевела комедию М.-А. Леграна «Развратное семейство» (изд. 1778; посв. княгине Д. А. Грузинской, сестре мужа М.; сведений о постановке нет). В 1780 в Петербурге была опубликована в пер. М. вост. повесть Ф. Шеридана «Нуриад» (посв. *Н. И. Панину*). В том же году выходит в свет переведенная М. трагедия «Оленд и Софрония» (ориг. – фр. переделка Л.-С. Мерсье одноименной трагедии И. Кронека) на сюжет, взятый из «Освобожденного Иерусалима» Т. Тассо (посв. архиепископу Гавриилу Шапошникову). Переводы М. были знакомы *Д. И. Фонвизину, М. И. Веревкину* и др. писателям того времени, бывшим в коротком знакомстве с домом Меншиковых. Сочинения, избранные М. для перевода, носят тенденциозно-морализаторский характер.

Лит.: Дамский журн. 1830. Ч. 29. № 10; Ч. 31. № 29; *Арапов П.* Драм. альбом. СПб., 1850; Арапов. Летопись (1861); *Мордовцев Д.* Первые рус. переводчицы // Мордовцев Д. Рус. женщины нового времени. СПб., 1874 (перепеч.: *Мордовцев Д. Л.* Собр. соч. СПб., 1902. Т. 39).

Г. Г. Силинская

МЕНЬШОЙ М. П. Переводчик сатирической одноактной комедии дат. драматурга Л. Гольберга «Арабский порошок, или Мнимый алхимист». Перевод, сделанный с нем. перевода, был напечатан в типографии Арт. и инж. корпуса (1781) (Драм. словарь (1787), указывая это издание, не упоминает о постановках комедии).

Р. Ю. Данилевский

МЕРЗЛЮКИН Иван. Канцелярист; служил в Москве, а с 1789 в Петербурге, в Сенате; 29 янв. «отослан в доимочную комиссию» (РГАДА, ф. 286, кн. 237, л. 31). Перевел с нем. языка составленное В.-Л. Верклином жизнеописание англ. литератора, полиглота и путешественника Э. Вортлея-Монтегю «Эдуард Вортлей, писание светлейшего сочинителя Записок светского человека» (изд. Типогр. комп. 1787). Перевод сделан из журнала Верклина «Хронологи» и посвящен московскому почт-директору Б. В. Пестелю. Возможно, этот же М. в 1813 в чине майора управлял училищами в Твери (см.: Рус. арх. 1881. № 1).

Р. Ю. Данилевский

МЕРКУРЬЕВ (Меркульев) Иван Иванович [ум. 3 (14) X 1748, Петербург]. Происходил из служилой семьи. Внучатый племянник (по женской линии) историка и географа С. У. Ремезова. В 1739 переводчик, затем секретарь Коллегии иностр. дел. После кончины протопопа московского Преображенского собора Иоанна Семеновича Ремезова, умершего бездетным, подал прошение о признании себя ближайшим наследником его имущества. На то же имущество претендовал приемный сын протопопа, Семен Иванович Ремезов, ученик Петербургского Инженерного корпуса. Тяжба закончилась только в 1750, уже после смерти М., в пользу приемного сына (РГИА, ф. 796, оп. 20, № 71).

К коронационным торжествам 29 апр. 1742 М. перевел либретто оперы П. А. Д. Метастазио «Милосердие Титово», аллегорически восхвалявшей императрицу Елизавету Петровну (1742; ит. ориг. — «La clemenza di Tito», 1742). Первоначально перевод был поручен *М. В. Ломоносову*, который занимался им с 25 февр. по 15 марта, однако его работа вызвала неодобрение И.-Д. Шумахера и была отвергнута. Перевод М. был издан вместе с прологом к опере — «Россия по печали паки обрадованная», принадлежавшим *Я. Я. Штелину*. Указание, следующее за списком действующих лиц оперы, что «речи переводил с италианских виршей на российские переводчик Иван Меркурьев», по-видимому, означает, что перевод прозаического пролога (в нем всего две стихотворные силлабические вставки) в отличие от основного текста оперы был сделан др. лицом.

Опера полностью (даже диалоги) переведена рифмованным силлабическим двенадцатисложником, арии — двенадцати- и четырехсложным стихом; хоры — нерифмованой силлабикой.

Лит.: Пекарский. История Академии наук. Т. 2 (1873).

В. П. Степанов

МЕТАЛЬНИКОВ Иван Яковлевич [род. ок. 1755]. Служил в Семеновском полку. В юности пользовался покровительством *Г. Н. Теплова*, которого позднее называл «с юных лет благотворителем и к дальнейшему слабого моего ума единственным наставником»; был знаком с его сыном, сенатором А. Г. Тепловым, И. Н. Неплюевым, гр. К. Г. Разумовским, курским губернатором А. А. Беклешовым. К 1780 вышел в отставку; владея 130 душами крестьян, жил в имениях Сафроново и Преображенское Рыльского у. Курской губ., где занялся винокурением. Начиная с 1793 М. обращался к правительству со своими «прожектами», сулившими, по его словам, невероятное повышение акцизных доходов. Не получив поддержки у П. А. Зубова, он в сент. 1796–мае 1797 (во время коронационных торжеств в Москве) пытался через А. Б. Куракина, *Ю. А. Нелединского-Мелецкого*, Е. И. Нелидову получить аудиенцию у Павла I, но был вынужден ни с чем вернуться в Севск. 18 июня 1797 М. вновь подал прошение по винокуренным делам на высочайшее имя: рекламируя изобретенный им способ увеличения выгонки вина и испрашивая за него особые награды и привилегии, он намекал, что только из чистого патриотизма не продает секрет иностранным и др. рус. заводчикам. 20 нояб. 1802 он представил Александру I через *Г. Р. Державина*, к которому обращался как к «современнику, сотруднику, неподражаемому певцу Фелицы, фи-

лософу-министру», др. «прожект» — о поощрениях и награждениях изобретателей. Подразумевая прежде всего себя, он, со ссылками на «бессмертного» К.-А. Гельвеция и его мысль об «интересе» как движущей силе цивилизации, на труды Л. А. Муратори, призывал правительство поощрять «мучительные напряжения гения (génie)». По мысли М., покровительство авторам полезных открытий должно было привести к процветанию рус. промышленности. Эти, а также др. проекты, о которых М. упоминает в прошениях, кажется, были оставлены без внимания (РГИА, ф. 468, оп. 43, № 432; ф. 1343, оп. 5, № 177).

Литературой М. занимался в молодости. Ему принадлежит перевод анонимного любовного романа из англ. светской жизни «Любовь превратна, или Приключения милади графини Англези» (1779; с фр.), вышедший с посвящением И. И. Демидову, почетному капитану Семеновского полка. М. хвалит его «вкус и смотрительность», благодарит за «благосклонность» и «снисхождение», оказанные ему по службе. Свое издание М. называет «первенцем трудов своих»; о др. его выступлениях в печати сведений нет. Однако сам он оставался хорошо известен в Москве как неутомимый прожектер. М. Н. Макаров в своем переводе писем англичанина Пойля вспоминал о присутствии М. на одном из многолюдных обедов у кн. П. М. Дашкова в 1806 (см.: Лит. вечер. М., 1844. С. 259).

С. И. Николаев,
В. П. Степанов

МЕЩЕРСКИЙ Прокопий (Прокофий) Васильевич [1746–18 II (2 III) 1818, Курск; похоронен в Знаменском м-ре]. Из богатой семьи, принадлежавшей к разветвленному княжескому роду; сводный брат А. П. Ермолова. Службу начал при Петре III сержантом в полевых полках, затем вышел в отставку. 27 нояб. 1769 вернулся в действующую армию с чином капитана. Принял участие в Крымском походе 2-й армии; за сражение при Кагуле (1770) получил чин премьер-майора. В 1773 был уже подполковником Астраханского полка, состоявшего под командой А. В. Суворова, с ним, в частности, брал Туртукай. За участие в военных кампаниях был награжден двумя крестами. Дальнейшая его служба протекала не совсем гладко, о чем свидетельствует стихотворение «Молитва от Истины к Богу, внегда скорбети ей» (до 1793; распространялось в списках), направленное против президента Военной коллегии Н. И. Салтыкова. В нем М. жаловался императрице, что был несправедливо отрешен от службы. Однако в 1790-х гг. М. вновь служит в армейских полках, размещенных в Зап. крае, под начальством С. К. Вязмитинова, последние два с пол. года — в Оренбургском драгунском полку. В 1796–1797 он живет в Москве, числясь сверх комплекта полковником при Киевском карабинерном полку (РГИА, ф. 938, оп. 1, № 115, л. 7 об.).

Имя М. связано с историей заговоров против Павла I. Ряд историков полагает, что М. был причастен к раскрытию смоленского кружка полковника А. М. Каховского. Каховский ранее состоял при Инспекторской экспедиции Военной коллегии, и донос М. мог быть местью ему за былые служебные преследования. По др. свидетельству, согласно донесениям прус. агента А.-Ф. д'Аллонвиля, М. («личность низкая, испорченная», действовавшая «от угрызений совести или из страха, алчности»), пытался предупредить Павла I о более позднем заговоре П. А. Зубова и П. А. Палена, приведшем к цареубийству 11 марта 1801, однако адресованное императору письмо было случайно задержано И. П. Кутайсовым и не дошло по назначению.

Именно с 1798, после следствия по «смоленскому делу», начинается придворная карьера М., неожиданно получившего чин генерал-лейтенанта и должность гофмейстера, а 7 марта 1800 назначенного петербургским гражданским губернатором (РГИА, ф. 796, оп. 81, № 857). Одновременно М. также стал шефом Петербургского драгунского полка. Столь же неожиданным стало исключение его 1 июня 1800 из службы за определение без

ведома Синода десяти семинаристов в статскую службу. Впрочем, уже в нояб. 1800, как свидетельствует принадлежащая М. ода «на случай всемилостивейшего прощения отставных и исключенных» (1800), он попал под амнистию и в качестве гофмаршала надзирал в 1801 над театральной дирекцией.

Павловское царствование непосредственно отразилось и в др. торжественных одах М., обращенных к императору: на победы Суворова в Италии (1799), «на начало XIX столетия» (1800), «на случай освящения церкви в Михайловском замке» (1800). О связях М. с новыми вельможами павловского царствования говорят «Стихи <. . .> И. П. Кутайсову» (1799) и «Преложение в стихах псальма Давыдова. . .» (1800), обращенное к П. Х. Обольянинову.

Смерть Павла I прервала службу М. С 1802 он живет в Курске, насаждая в своих имениях слесарное, токарное, столярное и др. ремесла и особенно увлекаясь резьбой по дереву. О его сложных отношениях с губернским начальством дают представление направленные против курского губернатора П. И. Протасова и написанные по случаю проведенной в губернии в апр. 1806 сенатором А. Б. Куракиным ревизии «Стихи на прибытие в Курск <. . .> А. Б. Куракина» (распространялись в рукописи).

М. был талантливым и известным актером-любителем екатерининского времени. Он был противником классической декламационной школы *И. А. Дмитревского*, у которого, по воспоминаниям А. А. Шаховского, были с М. холодные отношения. По мнению М. С. Щепкина, М. хорошо знал театры Вены, Парижа, Лондона. Он участвовал в эрмитажных представлениях; в 1780-е гг. его с женой приглашали играть на театре С. Г. Зорича в Шклове. В Курске М. продолжал участвовать в любительских спектаклях. Здесь летом 1810 в имении кн. Голицына Юноковке его видел М. С. Щепкин, оставивший описание блестящей игры М. в роли скупца Салидара из комедии *А. П. Сумарокова* «Приданое обманом». «Где только шло дело о деньгах, — вспоминал Щепкин, — вам видно было, что это касалось самого больного места души его. Страх смерти и боязнь расстаться с деньгами были поразительно верны и ужасны в игре князя, и простота, с которою он говорил, нисколько не мешала игре его <. . .>. В сцене, где открылся обман и Салидар узнал, что фальшивым образом выманили у него завещание, — я испугался за князя; я думал, что он умрет, ибо при такой сильной любви к деньгам, какую князь имел к ним в Салидаре, невозможно было, потеряв их, жить ни минуты <. . .> он не играет, а живет». Знакомство с М. явилось для Щепкина одним из сильных впечатлений, оказавших решающее влияние на формирование его реалистической манеры. «Князь Мещерский,— писал он в «Записках»,— без желания, указал мне другой путь <. . .> Он первый посеял во мне верное представление об искусстве и показал мне, что искусство настолько высоко, насколько близко к природе».

Последние годы М. провел в Знаменском монастыре, где, хотя не принял постриг, ходил в рясе послушника, но с орденскою звездою на груди; не будучи духовным лицом, произносил публично проповеди. Здесь его «громы против слабостей человеческих» слышали братья К. А. и Н. А. Полевые.

Лит.: *Энгельгардт Л. Н.* Зап. СПб., 1860; Письма А. В. Суворова. СПб., 1916. Т. 1; *Щепкин М. С.* Зап. крепостного актера. Л., 1928; Лит. насл. М., 1933. Т. 9—10; *Полевой К. А.* Зап. // Полевой Н. Мат-лы по истории рус. лит. и журналистики 30-х гг. Л., 1934; Поэты-сатирики (1959); *Эйдельман Н. Я.* Грань веков. М., 1982.

В. П. Степанов

МИКУЛИН Николай. Одописец кон. XVIII в. Впервые напечатал в 1782 одновременно «Оду на кончину кн. В. М. Долгорукова-Крымского. . .» и «Песнь славному веку Екатерины II <. . .> на открытие Московской губернии по новым учреждениям». Спустя пятнадцать лет, в 1797, он вновь напечатал две «Оды»—на прибытие Павла I в Москву и «на случай коронации»

(последняя параллельно также в № 6 «Моск. вед.»). «Одой» приветствовал М. и прибытие в Москву на коронацию нового монарха, Александра I (М., 1801).

Содержание од довольно стандартно. Автор не совсем к месту воспевает победы рус. оружия, всех монархов как продолжателей дел Петра Великого и одновременно «правду на престоле». Несмотря на заурядность стихотворений М., они вызвали резкую отповедь в ранних «Святках» (нач. 1780-х гг.) Д. П. Горчакова.

Из тематики од ясно, что автор был московским жителем и человеком немолодым. В 1797 он писал: «Болезнь мой дух ослабевала Чрез множество протекших лет, Но коль вся мысль моя желала Моих монархов славу петь»; в 1801 он уже говорил о себе: «Увечьем старец изнуренный Встает, опершись на костыль <. . .> собрав остатки своих сил».

В. П. Степанов

МИЛЛЕР Федор Иванович (Müller Gerard Friedrich) [18 (29) X 1705, Герфорд–11 (22) X 1783, Москва]. Сын ректора герфордской гимназии, которую М. закончил в 1721, затем учился в Ринтельне и с 1724 в Лейпциге, где был знаком с Ф.-О. Менке. 5 нояб. 1725 М. прибыл в Петербург в качестве студента Акад. университета по приглашению И. П. Коля. Здесь в 1726–1727 преподавал в Акад. гимназии лат. язык, историю, географию, предполагая со временем сделаться библиотекарем Петербургской Б-ки Академии наук. В 1728 по распоряжению Л. Блюментроста М. оставляет гимназию и определяется к изданию «СПб. ведомостей». Тогда же М. решил печатать к рус. варианту газеты особые примечания, ставшие по существу первым рус. журналом («Некоторые ист., генеал. и геогр. примечания в Ведомостях»; с 1729 также на нем. яз.). Журнал первоначально пояснял сведения, публикуемые в «СПб. вед.», а с 1729 начал печатать самостоятельные статьи. В 1728–1730 М. выполняет одновременно роль цензора и редактора в Акад. типографии, вместе с тем держит корректуру академических изданий. В Академии наук он осуществляет функции секретаря: ведет протоколы заседаний и иностранную переписку, входит в доверие к И.-Д. Шумахеру, который в кон. 1729, на время своего отъезда в Москву, вверяет М. управление Академией. В кон. 1730 М. получил звание профессора. Но еще раньше, 2 авг. 1730, он отправился в заграничное путешествие с целью устройства своих дел после смерти отца и одновременно, по поручению Шумахера, для налаживания контактов с иностранными учеными обществами (посетил Германию, Голландию и Англию; пригласил в Академию И. Аммана, В. Юнкера и Г.-Я. Кера). Крутая перемена в отношении к нему Шумахера заставила М., вернувшегося через год в Петербург, отойти от академических дел. С этого времени основным его занятием становится изучение рус. истории. В 1732 он начинает публикацию сборников документов «Sammlung russischer Geschichte» (им выпущены: ч. 2, вып. 1–3 — 1732; вып. 4–6 — 1758; ч. 3–9 — 1758–1764).

В 1733–1743 М. участвует во второй Камчатской экспедиции В. Беринга; в Сибири овладевает рус. языком. Впервые приступив в Тобольске (1734) к архивным разысканиям, М. скоро сделался уникальным собирателем и знатоком рус. летописей и актов. За время экспедиции им были собраны обширные материалы по истории, географии, этнографии, диалектам Сибири; часть из них вошла в его «Описание Сибири» (1751–1764).

Весной 1744 М. подал проект об учреждении «департамента российской истории», назначенного, по мысли М., для составления исторических и географических описаний России, а также для собирания исторических документов, включая архив *В. Н. Татищева* (отклонен Шумахером, а в 1746 — К. Г. Разумовским).

Желание продолжить занятия рус. историей заставило М. в янв. 1748 принять рос. подданство; одновременно с этим ему было дано почетное звание историографа, он назначался также на должность ректора университета, для него был

организован «исторический департамент», не имевший, впрочем, ничего общего с тем, о котором говорилось в проекте самого М. (в нем М. и И.-Э. Фишер разбирали сибирские материалы). 24 марта 1748 было организовано Ист. собрание для обсуждения трудов, выходящих из Ист. департамента. На его заседаниях в июне 1748 обсуждались первые пять глав «Описания Сибирского царства...» (1751) М. и было принято решение исключить место о «грабеже и разбое» Ермака; ч. 2 обсуждалась в сент. 1751 (отрывки опубл.: Ежемес. соч. 1764. Ч. 20; гл. 1–7 — в «Sammlung russischer Geschichte», 1763–1764; гл. 8 — в «Современнике» за 1851). Скандальное обсуждение речи-диссертации М. «Происхождение народа и имени российского» (подготовленной для произнесения на ассамблее 6 сент. 1749) также началось в Ист. собрании. Здесь М. высказал версию о ведущей роли варягов в формировании рус. государства. 23 авг. на совместном заседании Ист. и Акад. собраний речь была одобрена и отдана в печать; но Шумахер, по наущению *П. Н. Крекшина*, послал ее на апробацию К. Г. Разумовскому. Вторичное рассмотрение (18 окт. в Ист. собрании, с 23 окт. 1749 по 28 сент. 1750 в Акад. собрании) привело к запрещению и уничтожению тиража. В ходе его против М. резко выступили *М. В. Ломоносов, В. К. Тредиаковский, С. П. Крашенинников, Н. И. Попов* и др., считая речь «предосудительной России». Ни тогда, ни позднее академики не могли согласиться со взглядом М., что «историк должен казаться без отечества, без веры, без государя».

Осенью 1748 М. оказался под следствием, подвергаясь допросам и обыскам, по обвинению *Г. Н. Теплова*, раздувшего дело из-за нелестного упоминания об Академии наук в письме Н. И. Делиля к М. Последствием обысков стало распоряжение К. Г. Разумовского о прекращении работы М. по составлению генеалогических таблиц; в окт. 1750 вследствие жалоб на него академического начальства и коллег (Ломоносова, Попова) указом президента М. был на год (в действительности на полгода) разжалован в адъюнкты (среди обвинений — якобы антирус. направленность трудов М., третирование Крашенинникова во время Камчатской экспедиции — «имел под батожьем», и переписка с Н. И. Делилем).

4 мая 1754 М. по благоволению К. Г. Разумовского временно назначен конференц-секретарем (прослужил в этой должности до 1764); завязывается свободная переписка М. с иностранными учеными (до этого с 1748 письма подлежали перлюстрации), одним из постоянных корреспондентов становится И.-К. Готшед (через него М. выхлопотал в 1756 для *А. П. Сумарокова* звание члена Лейпцигского лит. о-ва, куда в этом же году был принят и сам М.). Из рус. корреспонденции наибольший интерес представляет переписка с *П. И. Рычковым* и Ф. А. Соймоновым, касающаяся вопросов литературы, истории и географии.

Возможно, должность секретаря Акад. конференции позволила М. в 1755 начать издание журнала «Ежемес. соч.» (с 1758 под назв. «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие», в 1763–1764 — «Ежемес. соч. и изв. об ученых делах»); распоряжением К. Г. Разумовского он отдавался в полное ведение М. На М. лежала вся работа по сбору материала, редактированию статей, иногда и по корректуре. В помощь М. выделили с 1759 Н. И. Попова для правки стиля переводов с иностранных языков, а с 1763 — *Н. Н. Мотониса*. М. стремился привлечь в журнал наряду с членами Академии наук (которые писали в него неохотно из-за отсутствия гонораров) возможно более широкий круг сотрудников. Ведущими авторами стали П. И. Рычков и сам М.; переводы иностранных статей выполняли *И. И. Голубцов, В. И. Лебедев* и О. Шестаковский. Привлекая к сотрудничеству Сумарокова (до 1759), а вместе с ним *И. П. Елагина, М. М. Хераскова, А. А. Нартова, С. А. Порошина*, М. сделал «Ежемес. соч.» в значительной степени литературным журналом. Сотрудниками были также *Н. Н. Поповский* и *А. И. Дубровский*. Тредиаковский был участником «Ежемес.

соч.» только в самом начале издания (февр.—март 1755). В дальнейшем М., ориентированный, по-видимому, на поэзию новой сумароковской школы, последовательно отклонял его сочинения («Вешнее тепло» в мае 1756 удалось поместить только под именем А. А. Нартова).

В марте 1761 М., вследствие поданной Ломоносовым записки «Для известия о нынешних академических обстоятельствах», содержавшей донос на историографа, который «больше всего высматривает пятна на одежде русской истории» (в то время М. писал о Смутном времени), получил строгий выговор по поводу «некоторых в его сочинениях о российской истории находящихся непристойностях» с запрещением впредь ею заниматься.

В 1761—1762 М. согласно своему прошению был назначен заведовать учебной частью и типографией Морского кадет. корпуса. В 1762 М. в надежде, что А.-Л. Шлецер продолжит его занятия рус. историей, выхлопотал для него место адъюнкта. Намерение Шлецера, получив звание академика, покинуть Россию вызвало резкое возражение М.; борьба против Шлецера в 1764 впервые объединила М. с Ломоносовым.

Положение М. заметно улучшилось после переворота 1762. 21 окт. 1764 состоялась аудиенция М. у императрицы (о личном знакомстве и разговорах *Екатерины II* с М. еще до 1762 упоминает Шлецер), которая проявила интерес к изданию «Sammlung Russischer Geschichte». 1 янв. 1765 Екатерина II назначила М. надзирателем Моск. восп. дома с чином кол. советника (в 1783 получил чин д. ст. советника и орден св. Владимира), при этом он оставался членом Академии наук в звании историографа. В марте 1765 М. переселился в Москву.

В кон. 1765 А. М. Голицын предложил М. место начальника Арх. Коллегии иностр. дел, и в нач. 1766 М. «вступил в настоящую свою стихию».

В этот период М. получает широкое общественное признание, к нему стремятся за консультациями и материалами все интересующиеся рус. историей: *М. М. Щербатов, А. В. Олсуфьев*, Сумароков (в период работы над историей стрелецких бунтов читает присланные М. архивные материалы); Екатерина II, живя в 1767 в Москве, ведет с М. продолжительные беседы «об ученых предметах». В 1773—1774 с помощью своего ученика *Н. Н. Бантыш-Каменского* М. предоставляет материалы для издаваемой *Н. И. Новиковым* «Древней рос. вифлиофики».

В 1770-е гг. М. завален заказами по написанию «историй» и «известий» на разные темы: по просьбе *С. Г. Домашнева* работает над «Историей Петербургской Академии наук» (1776; на нем. яз.); по заданиям Екатерины II, Г. А. Потемкина пишет о Преображенском и Семеновском полках (Опыт тр. Вольного Рос. собрания. 1778. Ч. 4); по поручению *Н. И. Панина* — о малороссиянах и запорожцах (фрагменты изд. в 1846), о детстве и юности Петра I (Опыт тр. Вольного Рос. собрания. 1780. Ч. 5). Кроме того, им изданы с обширными предисловиями «История российская» В. Н. Татищева (1768—1774. Кн. 1—3), «Собрание некоторых проповедей. . .» *Гавриила Бужинского* (1768), «Географический лексикон. . .» Ф. Полунина (1773), «Письма Петра Великого <. . .> Б. П. Шереметеву» (1774, с биографией и родословной) и др. исторические труды.

В 1780 М. писал к Екатерине II о необходимости и впредь иметь в Москве академического историографа и просил разрешения передать собранную им библиотеку в Арх. Коллегии иностр. дел. После осмотра А. М. Обресковым книжного и рукописного собрания Екатерина II пожаловала М. 20 000 руб., с тем чтобы после его смерти оно перешло в архив. В 1831 бумаги, касающиеся Академии наук, были переданы в Арх. Академии, бóльшая их часть ныне хранится в РГАДА. Помимо материалов и неопубликованных статей по истории древней России, архив М., состоящий из т. н. «портфелей», содержит обширную переписку М., а также уникальную коллекцию рус. и нем. стихотворений XVIII в. (автографы, списки, типографские экземпляры 1720—1760).

М. был высокого роста и, по словам Шлецера, «картинно красив». По отзыву Шумахера, он обладал «довольно хорошим русским произношением, громким голосом и присутствием духа, очень близким к нахальству». Имея обыкновение ходить с палкой и будучи горяч, М. в минуты раздражения бивал ею «по столу конференцскому», но в домашней жизни был благодушен. Работал он с утра до глубокой ночи, делая небольшой послеобеденный перерыв; был необыкновенно точен и исполнителен и требовал такой же пунктуальности от других.

Лит.: *Пекарский П. П.*: 1) Редактор, сотрудники и цензура в рус. журн. 1755–1764 гг. // Сб. Отд-ния рус. яз. и словесности. 1867. Т. 2. № 4; 2) Мат-лы для истории б-ки Моск. Гл. арх. М-ва иностр. дел // Зап. имп. Академии наук. 1868. Т. 12. Отд. 1; Пекарский. История Академии наук. Т. 1–2 (1870–1873); Обществ. и частная жизнь А.-Л. Шлецера, им самим описанная. СПб., 1875; *Оглобин Н. Н.* К рус. историографии: (Герард Миллер и его отношение к первоисточникам) // Библиограф. 1889. № 1; *Милюков П. Н.* Гл. течения рус. ист. мысли. М., 1897. Т. 1; *Голицын Н. В.* Портфели Г.-Ф. Миллера // Сб. Моск. Гл. арх. М-ва иностр. дел. М., 1899. Вып. 6; *Берков П. Н.* Изучение рус. лит. иностранцами в XVIII в. // Яз. и лит. Л., 1930. Т. 5; *Моисеева Г. Н.* К истории лит.-обществ. полемики XVIII в.: (Из арх. Г.-Ф. Миллера) // Искусство слова: Сб., посв. 80-летию Д. Д. Благого. М., 1973; *Каменский А. Б.* Судьба и труды Г.-Ф. Миллера (1705–1783) // Миллер Г.-Ф. Соч. по истории России. М., 1996.

Н. Ю. Алексеева, Г. Н. Моисеева

МИСЛАВСКИЙ Симеон Григорьевич (в монашестве — С а м у и л) [24 V (4 VI) 1731, с. Полошки Глуховского полка–5 (16) I 1796, Киев]. Сын священника. В 1742–1754 учился в Киево-Могилянской академии, в 1754 был пострижен в монахи в Киево-Софийском монастыре, вскоре посвящен в иеромонахи. С сент. 1754 преподавал в Киево-Могилянской семинарии богословие и философию; с 1761 — архимандрит Киево-Братского монастыря, ректор Киево-Могилянской дух. семинарии, член Киевской консистории. В 1762 речи М. привлекли к нему внимание Петра III и *Екатерины II*. Искусный проповедник, он был также образованным лингвистом (знал греч., лат., нем., пол., фр. языки; перевел и издал лат. грамматику Пиаре (Киев, 1765)). С 1768 М. — архимандрит Киевского Пустынно-Николаевского монастыря и епископ Белгородский. Вызванный Екатериной II, он прибыл в Москву в 1771 и был назначен епископом Крутицким и членом Синода; в 1771–1776 управлял Московской епархией. С 1776 по 1783 М. — епископ Ростовский и Ярославский; одновременно преподает в основанных им училищах в Ростове и Угличе. С 1783 М. — член Рос. Академии. В 1783 он возвращается в Киев и назначается митрополитом Киевским и Галицким. Верный преобразовательным идеям екатерининского времени, М. проводит в Киево-Могилянской академии реформу: вводит преподавание общеобразовательных предметов — географии, истории, математики, музыки, рисования, а также рус. языка и рус. словесности, стараясь уменьшить влияние схоластики.

В 1787 М. учредил первую рус. гражданскую типографию на Украине при Киево-Печерской лавре, где напечатал свои «Речи поздравительные императрице Екатерине II во время высочайшего ее в Киев прибытия, пребывания и отшествия». В 1788 М. прислал в дар Рос. Академии полный комплект всех книг, напечатанных в этой типографии.

М. примыкал к новой школе проповедников Киево-Могилянской академии, которые отказались от схоластики и доктринерства, считали необходимым говорить ясно, кратко, просто, живо, выразительно, злободневно, сохраняя все качества риторской художественно организованной речи. По свидетельству современников, «Слова поучительные и речи, сим епископом сказанные <...> показывают, сколь изобилен он в знании российского слова. Слог его тверд, чист,

текущ и приятен, а свободное выражение хороших мыслей делает честь его сочинениям, и он по справедливости занимает место в числе хороших наших проповедников» (Новиков. Опыт словаря (1772)). Первое проповедническое произведение М. — «Слово в день Рождества Иисуса Христа и на воспоминание о восшествии Петра Могилы на Киевскую митрополию, 31 декабря 1753». Излюбленные его жанры — панегирическая речь и торжественное слово. Таковы, напр., «Слово в высокоторжественный день вступления на всероссийский престол Екатерины Алексеевны» (изд. 1768), речь на прибытие Екатерины II в Москву (изд. 1775). Сочинял М. проповеди и в др. жанрах. Известны «Слова поучительные», сказанные при первом его прибытии в Ростов и Ярославль (изд. 1776). Чрезвычайно любопытна и произнесенная М. 20 апр. 1784 похвала Киеву, известная под назв. «Слово о истинном преимуществе града, которым он может по справедливости хвалиться пред прочими» (изд. 1786).

М. принадлежит также «Краткое историческое описание Киево-Печерской лавры» (Киев, 1791). Сочинение «Права и преимущества малороссийского духовенства» осталось в рукописи (ЦНБ АН Украины). Три проповеди М. были переведены по приказу Екатерины II на иностранные языки — греч., лат., нем. и фр. и изданы в Москве (1775–1779). Рукописный сборник пятидесяти семи сочинений М., из которых тридцать два были опубликованы, хранится в РГБ (ф. Лукашевича, № 1104). М. известен также своими лекциями по богословию «Догматы православной веры кафолическия и апостольския церкви Восточных. . .» (Киев, 1760). М. разыскал и издал богословские лекции *Феофана Прокоповича* на лат. языке (Кенигсберг; Бреслау; Москва, 1773–1776. Ч. 1–7). Продолжением этих трудов был курс догматического богословия М., изданный на нем. языке (Лейпциг, 1782. Ч. 1–3; 2-е изд. 1796). Кроме того, М. отредактировал и издал лат. трактат «О происхождении Святого Духа» (Кенигсберг, 1774. Т. 1–2) прозелита православной церкви из лютеран Адама Зерникова, жившего в кон. XVII в. на Украине.

М. любил стихотворения и оды *М. В. Ломоносова* и не раз использовал их с учебными целями; одновременно он выступал против холодных рифмотворцев-подражателей.

Как ученый М. был организатором работы по научному описанию собрания греч. рукописей Моск. синод. б-ки (изд. Х. Маттеи в 1780); М. был дружен с А. П. Мельгуновым, с протоиереем Киево-Софийского собора *И. В. Левандой*, откликнувшимся на его смерть проникновенным похвальным словом (Киев, 1796).

Лит.: Евгений. Словарь исторический. Т. 2 (1827); *Макарий Булгаков*. История Киевской дух. академии. М., 1843; *Солнцев К. П.* Неск. слов о преосв. Самуиле Миславском // Дух. вестн. Харьков, 1865. № 2; Сухомлинов. Рос. Академия. Вып. 1 (1874); *Рождественский Ф.* Самуил Миславский, митроп. Киевский: с 70-ю письмами, напечатанными с рукописей Киево-Софийского собора и Киевской консистории. Киев, 1877; Филарет. Обзор (1884); *Серебренников В.* Киевская академия с пол. XVIII в. до преобразования ее в 1819 г. Киев, 1897; *Здравомыслов К.* Самуил // Рус. биогр. словарь. Т. «Сабанеев–Смыслов» (1904); *Голубев С. Т.* Память митроп. Петра Могилы в Киевской дух. академии 31 дек. 1754 г. // Тр. Киевской дух. академии. 1910. № 12.

Ю. К. Бегунов

МИТРОФАНОВ С. М. Автор сборника «Песни русского известного охотника М*****, изданные им же в удовольствие любителей оных, с гравированным портретом» (1799; издание крайне редкое). Немногие биографические сведения о М. содержатся в стихотворном посвящении («приношении») ему комической оперы *Н. А. Львова* «Ямщики на подставе» (рукоп. датир. 8 нояб. 1787). М., видимо, был регентом или содержателем популярного рус. хора (может быть, из ямщиков), в котором сам пел басовые партии. Львов пишет, что был восхищен его «звонкою шайкою»,

«согласным пением, а видом на разладе, Являющей орган с похмелья в маскараде», и «хрипучим голосом дрожащего баса» самого М. Для оперы Львова (муз. Е. И. Фомина) М. подбирал «голоса» подлинных ямщицких песен; неясно, участвовал ли его хор в постановке оперы (1787). В рукописи посвящение шутливо адресовано «его высокоблагородию М. Г. М.» (милостивому государю Митрофанову); в печатном издании, осуществленном *Г. Р. Державиным* в Тамбове (1788), адресат обозначен «С. М. М.».

В предисловии к «Песням...» (обращено к «почтеннейшим любителям русских песен»; подп. — «С*** Мтрфнв») М. в дополнение к помещенной в нем гравюре набросал свой шутливый словесный портрет: «Я росту среднего, имею глаза на выкате и словно бы прорезаны осокою, нос мякушкой, а персонаж представляет бруснишную меру, — впрочем, приятности бесподобной». Несмотря на намеренно литературный комизм описания, оно, вероятно, близко к оригиналу; не случайно говоря о М., Львов упоминает, что «его негладкий тучный вид Лекеня набекрень нам живо представляет».

Книга М. включает двенадцать песен любовного содержания, написанных в духе «русской» песни кон. века, с явным влиянием сентиментальной поэтики (слово «охотник» в загл. имеет значение «любитель»). Они близки к песням *И. И. Дмитриева* и его подражателей, но простонароднее по языку. «Я курныкаю кое-как, в удовольствие любящих русский голос (напев), русские песенки про невинную любовь <...>, — писал в предисловии М. — На досуге хвачу с раскатцем и с балалаечкой песенку про матушку про любовь, в честь которой присовокупляются ручейки, лужочки, рощицы, зеленые пригорки, цветочки, птички, свирелки, хороводы и проч.». Некоторые песни М., близкие к фольклорному типу «городского романса», распространялись с изменением текста. О популярности песни «Высоко сокол...» упоминает в шутливом стихотворении «Похвала комару» Г. Р. Державин (1807); строфика песни «За горами, за долами...» повторена в известной песне И. М. Коваленского о Бонапарте, затем в «Севастопольской песне» Л. Н. Толстого; песня «Солнце на закате...» упоминается у Ф. М. Достоевского и И. С. Тургенева.

Среди подписчиков на «Деяния Петра Великого» *И. И. Голикова* (1789. Ч. 12) указан московский купец Сергей Михайлович Митрофанов.

Лит.: *Розанов И. Н.* Один из создателей нар. песни // Книжные новости. 1936. № 21; *Всеволодский-Гернгросс В. Н.* Неиспользованные сведения о комической опере Н. А. Львова «Ямщики на подставе» // Ежегодник Ин-та истории искусств: Театр. М., 1955; Песни и романсы рус. поэтов. М.; Л., 1963; Поэты XVIII в. Л., 1972. Т. 2.

В. П. Степанов

МИХАЙЛОВ Иван. Писатель кон. XVIII—нач. XIX в. Разрозненные биографические сведения о М. содержатся в загл. его произведений: в 1791 он называет себя студентом философии (видимо, Славяно-греко-лат. академии); в 1800 именует себя подпоручиком. В рецензии на переиздание «Путешествия <...> Трифона Коробейникова...» (1826) М. назван «каким-то литератором, который славился, как видно, искусством писать для простого народа»; иных сведений о личности М. рецензент не приводит. Из посвящений в книгах М. мы знаем, что ему покровительствовал архимандрит Иоанникий, бывший настоятелем Высокопетровского монастыря (в Москве, у Петровских ворот); книга 1798 посвящена М. «милостивейшим моим благотворительницам» Авдотье Александровне и Настасье Алексеевне Оболдуевым, благодеяниями которых автор пользовался «с давних лет».

Основные произведения М. являются переделками-переложениями изданных в XVIII в. произведений древнерус. литературы: «История о разорении Трои, столичного города Фригийского царства» (1791. Ч. 1; 1799. Ч. 1—2; последующ. изд. — 1801, 1807, 1810 и 1824); «История о последнем разорении святого града Иерусалима и о взятии Константинополя...»

(1795–1796; последующ. изд. — 1801, 1807, 1810, 1824 и 1828); «Путешествие молодого купца Трифона Коробейникова с товарищи. . .» (1798; последующ. изд. — 1826, 1829 и 1830); «Низверженный Мамай, или Подробное описание достопамятной битвы и последовавшей за нею знаменитейшей победы. . .» (1798; последующ. изд. — 1810 и 1827). Принадлежит М. и книга «Лекарство для болящия души, или Правила, открывающие путь к достижению царствия небесного. . .» (1799; приписывалась И. М. Кондорскому), представляющая собой несколько сокращенное переложение перевода книги Фомы Кемпийского «О подражании Иисусу Христу» (1784). М. принадлежит также компилятивное сочинение «Храм славы, воздвигнутый <. . .> победоносным российским ополчением <. . .> царю Иоанну Васильевичу Второму. . .» (1800). В том же (1800) году М. представил в московскую цензуру книгу «Конский лечебник, или Совершенное наставление, как и чем вылечивать часто бывающие конские болезни, собранное из разных авторов» (см.: *Сопиков В. С.* Опыт рос. библиографии. . . / Ред., примеч., доп. и указ. В. Н. Рогожина. 2-е изд. СПб., 1904. Ч. 3. № 5967), однако на тит. книги имя автора не указано, по характеру же своему она существенно отличается от остальных книг М.; возможно, он подал в цензуру книгу, составленную др. лицом.

Хотя в загл. своих книг М. представлял себя переводчиком, фактически он весьма свободно пересказывал на «чистом российском языке» древнерус. текст, украшая пересказ экспрессивными литературными штампами, а иногда и уснащая его оборотами современного ему делового языка. М. допускал сюжетные добавления, прибегал к значительным вставкам в текст. Он являлся представителем массовой литературы, популяризировавшей сочинения по всемирной и рус. истории и рассчитанной, по словам рецензента «Моск. телеграфа», на тех людей, «у которых она <книга М.> и при ней две-три другие, засаленные от многого чтения <. . .> составляют всю библиотеку».

Лит.: [Без подписи]. Рец. на кн.: Путешествие Трифона Коробейникова // Моск. телеграф. 1826. Ч. 11; *Творогов О. В.* Литератор Иван Михайлов // Рус. лит. 1983. № 1.

О. В. Творогов

МОГИЛЯНСКИЙ Алексей (в монашестве — Арсений) [17 (28) III 1711, с. Решетиловка Полтавской губ.–8 (19) VI 1770, Киев]. Из потомственного духовенства. Прадедом М. был С. Т. Могила. Воспитывался в семье деда. С 1721 по 1727 учился в Киевской дух. академии, откуда перешел в Харьковский коллегиум, который закончил в 1735. С 1739 – учитель Тверской дух. семинарии, затем учитель грамматики в Славяно-греко-лат. академии, где в 1741 принял постриг. Проповеди М. привлекли внимание Елизаветы Петровны, и в 1743 он стал придворным проповедником. С 1744 вплоть до опалы в 1752, когда М. отправили в Новгород-Северский, он был ректором Троицкой дух. семинарии и членом Синода. Возвращенный к делам в окт. 1757, был назначен митрополитом Киевским. Благодаря ему улучшилось преподавание в Киевской дух. академии, были составлены новые каталоги библиотеки. Ввел в академии практическое обучение ораторскому мастерству. Был депутатом Комиссии нового Уложения от Киевской епархии.

По словам Н. А. Шпачинского, «живость и оригинальность мысли, практический характер приобрели Арсению славу весьма красноречивого проповедника». Мн. из произнесенных им «слов», «поучений» и «речей» напечатаны: «Слово в день сретения чудотворныя иконы Пресвятыя Богородицы Владимирския», 1742; «Слово в неделю первую на десять по сошествии Св. Духа», 1742; «Слово в неделю шестую на десять», 1742; «Слово в понедельник Св. Духа», 1742; «Слово в неделю четвертую Великого поста», 1743; «Слово в неделю мясопустную», 1743; «Слово в похвалу Святых угодников Божиих», 1743; «Слово в день успения Пресвятой Богородицы», 1744; «Слово в неделю в двадесять четвертую», 1744;

«К е. и. в., благополучно приблизившейся к Троицкой Сергиевой лавре», 1744; «Речь к е. и. в. <. . .> к Троицкой Сергиевой лавре пеше приближившейся», 1744; некоторые остались в рукописи. Под руководством М. происходило составление сборника нравоучительных слов, выбранных из творений Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина и др. отцов церкви. Им же были составлены служба и акафист св. Димитрию. Он принимал также участие в подготовке «елизаветинской» Библии 1751.

Переписка М. за 1759–1765 с *Г. А. Полетикой* и др. лицами по вопросам снабжения книгами Киевской дух. академии и самого М., а также деловые бумаги М. хранятся в РНБ (ф. 36), проповеди – в РГАДА (ф. 381).

Лит.: *Петров Н. И.* Акты и документы, относящиеся к истории Киевской академии. Киев, 1904. Т. 2; *Шпачинский Н. А.* Киевский митроп. Арсений Могилянский. Киев, 1907.

В. Ф. Почетная

МОЖАЙСКИЙ Тимофей Иванович [ок. 1760–19 VI (1 VIII) 1805, Петербург; похоронен на Волковом кладбище]. Учился в Моск. ун-те, где параллельно исполнял с 1783 по 1790 обязанности секретаря при кураторе *И. И. Шувалове*. В июле 1786 Шувалов подал прошение в Сенат с просьбой о повышении в чине М. (РГАДА ф. 286, № 733, л. 357–359, 451), в котором дана высокая оценка его служебным качествам и высказана просьба о сохранении ему должности секретаря при кураторе.

С 1791 по 1796 М. занимал в Адмиралтейств-коллегии должность генерал-аудитора (РГАВМФ, ф. 227, оп. 1, № 60, л. 343), а затем до 1799 числился при Герольдмейстерской конторе (РГАВМФ, ф. 227, оп. 1, № 64, л. 170). С янв. 1800 М. служил в Апелляционном деп. в должности обер-прокурора. В июле 1802, уже д. ст. советником, М. отправлен в отставку «по болезни <. . .> с половинным жалованием». Был награжден орденом св. Иоанна Иерусалимского, орденом св. Владимира 4-й степени; ему было пожаловано 3000 десятин земли, но «находился в крайней нужде», имел всего 17 душ (РГАВМФ, ф. 406, оп. 7, № 141, л. 418). Детей пристраивал в сиротские дома, в училище св. Екатерины (РГИА, ф. 1374, оп. 5, № 70, л. 3, 5). Сыновья Федор и Василий находились «на казенном коште» в Морском кадет. корпусе, а в 1815 числились мичманами (РГАВМФ, ф. 406, оп. 7, № 141, л. 416) при Адмиралтейств-коллегии. Умер М. в нищете, имея огромные долги — более 24 000 руб. (РГИА, ф. 1405, оп. 2, № 215, л. 1–3).

М. принадлежит ряд переводов с фр. языка, сделанных прозой. Первое выступление в печати относится к 1787, когда в переводе М. вышла книга Ж.-Ш. Тибо де Лаво «Сельские ночи» (на тит.: 1786), в которой «изображалась смерть в таком виде, в каком редко оную представляют». Текст переиздания (1792) испорчен поправками издателя *П. И. Богдановича*.

Перевод поэмы Ф.-Ф. де Лорана де Рейрака «Солнце» (1789; 2-е изд. 1790) был посвящен И. И. Шувалову, книга «Друг природы» (пер. с фр. языка, 1790) — кн. *Ф. Н. Голицыну*. Со службой М. в Адмиралтействе связан перевод «Подробного и достоверного описания жизни и всех путешествий капитана Кука» Э. Кипписа (1790. Ч. 1–2; с фр. перевода Ж. Кастера) — сочинения, которое основывалось на материалах, полученных от вдовы Кука и документах англ. Морского арх. М. принадлежит также перевод с фр. языка книги «Жизнь и ужасные деяния императора Нерона» (1792). Наибольшим успехом пользовался осуществленный М. новый перевод «Детского училища. . .» М. Лепренс де Бомон (1792. Ч. 1–4; переизд. — 1794, 1800, 1809). Параллельно напечатанные тексты — фр. и рус. — служили учебным пособием. Выступал М. и как издатель: на его счет напечатана книга Л. Ф. Людоговского «Географический словарь Нового Завета» (1790), автор которой сменил М. в мае 1790 на посту секретаря И. И. Шувалова. Служебные бумаги и прошения М. хранятся в РГАВМФ (ф. 212, канц. II Отд., № 819, л. 216–219).

Лит.: СПб. вед. 1787. Ч. 2. № 10; Зап. Н. С. Ильинского // Рус. арх. 1879. Кн. 3; Рус. морская б-ка / Изд. А. П. Соколов. СПб., 1883; Пб. некрополь. Т. 3 (1913).

А. С. Антонов

МОИСЕЕНКОВ (Моисеенко) Федор Петрович [11 (22) XI 1754, г. Лебедин, Харьковского наместничества—24 IX (5 X) 1781, Москва]. Происходил из казачьей «старшины». Первоначально обучался в Харьковском коллегиуме. В июле 1766 при содействии *В. И. Крамаренкова* поступил в Акад. гимназию, по окончании которой был произведен в студенты; отказавшись по слабости зрения от намерения изучать астрономию, стал специализироваться в химии и минералогии под руководством академиков К.-Ф. Вольфа и Э.-Г. Лаксмана. В 1774—1779 продолжал образование во Фрейбергской горной академии и в Лейпцигском ун-те, где кроме специальных предметов «особливо» изучал мораль, философию, историю, географию, а также англ. язык (порученный ему Академией в 1778 рус. перевод «Химического словаря» П.-Ж. Макера он даже предпочел сделать не с фр. оригинала, а с более удачного, по его словам, англ. издания). По возвращении был избран адъюнктом Академии наук по химии. Директор Горного уч-ща М. Ф. Соймонов привлек М. к чтению лекций как по основным дисциплинам, так и по истории, политической географии; позже, сменив уволившегося *И. И. Хемницера*, он вел также занятия по фр. и нем. языкам. Умер на пути в Крым во главе научной экспедиции Академии наук.

М. принадлежит ряд работ по минералогии, за которые в 1779 он был избран членом Лейпцигского экон. о-ва. Он подготовил оставшийся неопубликованным перевод «Основ химии» нем. химика и минералога И.-Х.-П. Эркслебена, вместе с И. И. Хемницером и *А. А. Нартовым* редактировал выполненный студентом Горного уч-ща А. Пикароном перевод «Минералогического известия о саксонском рудном кряже» (1780).

В 1768 М. перевел в учебных целях комедию Теренция «Екира, или Свекровь», позднее вошедшую в издание «Комедий. . .» Теренция (1774. Т. 3; с параллельным лат. текстом). В «Предуведомлении» переводчики объявляли, что они, «приняв в уважение древность комедий и краткость сочинителя, к словам не привязывались, а старались только изобразить яснее смысл и силу самого писателя». Комедии «Екира» предпосланы перевод дидаскалия (справки о первых постановках) и резюме содержания пьесы, почерпнутые у фр. филолога XVI в. М.-А. Мюре.

В 1774 вышла в свет в переводе М. книга римского писателя Веллея Патеркула «Сокращение греческия и римския истории». В «Предуведомлении» М. указывал на необходимость критического подхода к спискам произведений древних авторов, как правило неполным и испорченным переписчиками. Для перевода он выбрал парижское издание 1770 (с фр. переводом), подготовленное аббатом Павлом (Поль Аман-Лоран). Отсюда же он взял предисловие и часть примечаний (остальные почерпнуты из др. источников). М. стремился не только «изобразить точно мысли писателя», но и «не удалиться от его слога», несмотря на то что «нелегко изъяснять на нашем языке все то, что на чужестранном и мертвом великую красоту делает». В 1775 Собрание, старающееся о переводе иностр. книг опубликовало в переводе М. трактат Цицерона «О утешении».

С фр. языка М. перевел «Датскую историю» (1777. Т. 1; 1783—1786. Т. 2—4, посмертно) и «Введение в историю датскую» (1785. Т. 1—2) П.-А. Малле. В состав последней входила древнесканд. «Эдда». Эти переводы способствовали развитию в России интереса к фольклору и вводили в рус. обиход сканд. мифологию. Появление «Датской истории» было отмечено положительной рецензией *Г. Л. Брайко* (СПб. вестн. 1777. Апр.). Но позднее переводы М. оценивались весьма критически (см.: *Лобойко И.* Взгляд на древнюю словесность сканд. Севера. СПб., 1821. С. 11).

Лит.: Семенников. Мат-лы для словаря (1914); *Раскин Н. М., Шафрановский К. И.* Ф. П. Моисеенко — минералог XVIII в. Л., 1974; *Шарыпкин Д. М.* Сканд. лит. в России. Л., 1980.

М. И. Фундаминский

МОИСЕЙ (Гумилевский) см. Гумилевский М. И.

МОКЕЕВ Дмитрий Егорович [1742, Брянск–15 (26) VIII 1763, Петербург]. Сын купца. После смерти отца в кон. 1749 с ведома Брянского магистрата был отправлен в Петербург для обучения наукам. В 1750 поступил в Акад. гимназию на счет родственников, а 26 нояб. 1758 с отличным отзывом из гимназии был принят по личному распоряжению *М. В. Ломоносова* в число казеннокоштных гимназистов.

8 авг. 1760 М. был произведен в студенты, а в 1762 назначен учителем рус. языка и рус. истории в «российские классы» гимназии вместо уволенного С. И. Введенского. Преподавательскую работу М. совмещал с углубленными занятиями словесными науками у профессоров *Г. В. Козицкого* и И.-Э. Фишера.

В 1760-х гг. в Сухоп. шлях. корпусе и в Академии наук М. и др. студент *Д. Д. Легкой* впервые перевели на рус. язык «Повесть о хромоногом бесе» фр. писателя А.-Р. Лесажа — рассказ о похождениях в Мадриде веселого студента Клеофаса (1763. Ч. 1–2; 3-е изд. 1791).

Лит.: Кулябко. Замечательные питомцы (1977).

Е. С. Кулябко

МОЛЧАНОВ Петр Степанович [1770–8 (20) VII 1831, Петербург; похоронен на Волковом кладбище]. Происходил из обедневших дворян Владимирской губ. С 1781 учился в Моск. благор. пансионе и неоднократно упоминался в числе лучших учеников (см.: Моск. вед. 1781. 2 окт. № 79; 1782. 3, 7 дек. № 97–98; 1785. 19 июля. № 58; 1786. 22 июля. № 58. Приб.). 26 марта 1784 выступал на университетском заседании, посвященном памяти И. Г. Шварца.

18 июля 1791 начал служить в Преображенском полку фурьером (с 1792 — сержант). 1 янв. 1793 вышел в отставку в чине капитана. В кон. 1795—нач. 1796 выполнял поручения А. Б. Куракина в Воронеже и имении Белокуракино. С 27 февр. 1796 служил в «провиантском штате», с 31 дек. 1796 — в Коллегии иностр. дел (кол. асессор, с 1797 — надв. советник, с 1798 — кол. советник). 21 окт. 1801 зачислен в канцелярию генерал-прокурора (с 1802 — ст. советник). Возвышению М. способствовала женитьба на Е. И. Кушелевой (1786–1823), племяннице фаворита *Екатерины II* А. Д. Ланского. По свидетельству Ф. Ф. Вигеля, приобретенное М. благодаря женитьбе имение «начал он слишком много и скоро умножать благоприобретенным, беспрестанно строил огромные дома, покупал деревни и тем возбудил завистливое внимание петербургской публики. Несмотря на то, вся она бросилась на славные балы, которые начал он давать; пирами успел он почти заглушить общий голос, и дом его за неимением других открытых домов сделался первым». С 1803 М. состоял «при столе» обер-прокурора 2-го Деп. Сената; с февр. 1805 — обер-прокурор 8-го Деп. Сената в Москве (с 1806 — д. ст. советник). Н. И. Греч упоминал, что М. «был в большом ходу», отмечая при этом его ум и благородство. С. П. Жихарев называл М. «распремилым, любезным человеком» и упоминал о том, что А. Б. Куракин и А. А. Беклешев «любят его как душу». В 1806 М. ездил с «особым поручением» для расследования злоупотреблений в Псковскую и Саратовскую губ.; 27 сент. 1807 был назначен статс-секретарем у принятия прошений; в 1808–1815 занимал также пост управляющего делами Комитета министров. Неоднократно получал ордена и др. награды; с 1810 — т. советник, с 1812 — сенатор 1-го Деп. Сената (формуляр 1812 г. — ИРЛИ, ф. 320, № 1543, л. 1–7).

Деятельность М. вызывала недовольство у ряда лиц. В частно-

сти, из-за конфликтов с М. ушел в отставку министр юстиции *И. И. Дмитриев.* Однако Александр I ценил ум и деловые качества М. и на время отъезда за границу к армии в 1812 вверил ему государственные дела. С 1809 М. был членом Вольного экон. о-ва (см.: Тр. Вольного экон. о-ва. 1809. Ч. 61. С. VII). В 1812 при организации Комитета для упр. хоз. частью театров под председательством А. Л. Нарышкина М. стал одним из членов этого комитета (Рус. арх. 1870. № 8–9. Стб. 1554–1555). В 1814–1815 в деятельности Комитета министров были обнаружены существенные внутренние непорядки, из-за чего М. был арестован, отдан под суд (см.: *Васильчиков А. А.* Семейство Разумовских. СПб., 1880. Т. 2. С. 99) и, с дек. 1815 вынужденный оставить занимаемые им посты, стал числиться «неприсутствующим» сенатором. Он ослеп и 17 нояб. 1828 окончательно ушел в отставку. Познакомившийся с ним в это время П. А. Вяземский сообщал: «Нашел я в нем человека умного, обхождения самого вежливого и приятного. Отставку и слепоту переносил он бодро и ясно. Был словоохотлив, говорил и рассказывал с большою живостью и увлекательностью. <...> Искал он беседы с людьми почему-нибудь известными и достойными внимания». В 1831 при распространении в Петербурге холерной эпидемии М. «глухо заперся в своем доме, как в крепости, осажденной неприятелем», но тем не менее умер от холеры.

Литературная деятельность М. относится к 1780–1790-м гг. В период обучения в Моск. благор. пансионе он сотрудничал в изданиях «Покоящийся трудолюбец» (1784–1785), «Распускающийся цветок» (1787), «Зеркало света» (1787). Здесь (подп. — полная или «П. Мол.», «П. Молч.») были помещены ученические переводы с нем. и фр. языков: прозаические этюды психолого-моралистического характера («О сострадании», «Средства к приобретению мира и спокойствия душевного» и др.), стихотворение А. Галлера «Утреннее размышление», а также стихотворные загадки, эпиграммы и мадригалы М. К 1787 относятся его «Стихи...» на прибытие вел. князей Александра и Константина в Москву.

Особый интерес М. проявил к ит. литературе. В 1787 появился его перевод повести Дж. Б. Джиральди Чинцио «Венециянский арап» (с фр.), послужившей источником трагедии В. Шекспира «Отелло». В 1791–1793 впервые на рус. языке в прозаическом переводе М. появилась поэма Л. Ариосто «Неистовый Роланд» (Ч. 1–3). Рецензируя ч. 1 издания, *Н. М. Карамзин* упрекнул М. в том, что он обратился к фр. переводу Ж.-Б. Мирабо (1741), а не к более новому (1788). Назвав перевод М. «сухим», Карамзин, однако, обратил внимание и на его достоинства: «Слог нашего переводчика можно назвать изрядным; он не надут славянщизною и довольно чист. Кто не может читать Роланда ни на каком другом языке, тому, конечно, сей русский перевод будет приятен» (Моск. журн. 1791. Ч. 2. Июнь. С. 324).

После перевода Ариосто М. отошел от литературной деятельности, но его литературные связи остались достаточно широкими. М. был почетным членом Беседы любителей рус. слова. К М. неоднократно обращался *Г. Р. Державин* с различными просьбами и ходатайствами. В стихотворении «Сенатору <...> П. С. Молчанову в день его именин 29 июня 1819 года», написанном от имени «девицы слабой», М. прославлялся как «помощник сироте и всем несчастным друг» (ГИМ, ф. 1309, № 440, л. 71–74 об.). М. пользовался расположением А. А. Дельвига, П. А. Вяземского; Пушкин назвал М. «добрым и умным слепцом»; П. А. Плетнев считал его «самым расположенным» к себе человеком, который и Пушкина любил чрезвычайно». В письме к Пушкину от 19 июля 1831 Плетнев писал: «Ты угадал мои чувства по случаю кончины Молчанова. Он и Дельвиг были для меня необходимы, чтобы я вполне чувствовал счастие жизни. Смерть их сделала из меня какого-то автомата». Бумаги М. после смерти находились в руках С. П. Жихарева, с 1812 служившего под его началом. Часть переписки М. хранится в ИРЛИ

(письма к Д. П. Руничу, П. С. Руничу, П. А. Плетневу и др.).

Лит.: Сушков. Моск. благор. пансион (1858); Державин. Соч. (1864–1883). Т. 6, 8 (1871–1880); *Вяземский П. А.* Старая зап. книжка // Соч. СПб., 1883. Т. 8; *Плетнев П. А.* Соч. СПб., 1885. Т. 3; *Вигель Ф. Ф.* Зап. М., 1892. Ч. 4; *Дмитриев И. И.* Взгляд на мою жизнь // Соч. СПб., 1893. Т. 2; Из писем П. С. Молчанова к кн. А. Б. Куракину // Рус. арх. 1893. № 12; Греч. Зап. (1930); Жихарев. Зап. (1955); *Вяземский П. А.* Зап. книжки. М., 1963; *Заборов П. Р.* «Литература-посредник» в истории рус.-зап. лит. связей XVIII–XIX вв. // Междунар. связи рус. лит. М.; Л., 1963; *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. 2-е изд. Л., 1988.

Н. Д. Кочеткова

МОРКÓВ Иван Алексеевич [1764–14 (26) VIII, по др. данным–25 VIII (6 IX)*, 1847, Петербург]. Переводчик. По обычаю дворянских семей был малолетним (1769) записан на военную службу в артиллерию; действительную службу начал, очевидно, ок. 20 июня 1784, когда был произведен в офицерский чин штык-юнкера; 10 мая 1785 переведен в армию подпоручиком, 15 марта 1787 — в провиантский штат в чине капитана, 25 июля 1788 по собственному прошению уволен с военной службы и определен в Коллегию иностр. дел. 18 февр. 1789 М. был прикомандирован к Рос. миссии в Гааге, где пробыл два года, причем на втором (с 18 февр. 1790) исполнял обязанности советника посольства. Возвратившись в Россию 20 марта 1791, М. продолжал служить в коллегии под началом своего родственника, видного дипломата Аркадия Ивановича Моркова (1747–1827), при котором был «неоднократно употребляем в дела важные и тайне подлежащие»; в 1798 состоял, напр., в комиссии по разбору бумаг покойной *Екатерины II*, изъятых у кн. П. А. Зубова. Продвижение М. шло в это время быстро, с 1 янв. 1801 он д. ст. советник; но все последующие 27 лет прослужил в этом чине в Секретной экспедиции коллегии на должности советника канцелярии, а с 5 марта 1818 ему было поручено также редактирование переводов с фр. языка. Уволен в отставку 4 дек. 1828 в чине т. советника (РГИА, ф. 1349, оп. 4 (1818 г.), № 34, л. 87–90; (1820 г.), № 133, ч. 2, л. 452–457; ф. 1341, оп. 29, № 706; ф. 496, оп. 3, № 1453, л. 179–180; *Вед. Санкт-Петербургской полиции. 1847. 26 авг. № 188).

Литературными переводами М. занимался очень краткое время в юношеские годы (вполне вероятно, что в какой-то мере они были плодом его занятий фр. языком). Он перевел с фр. автобиографию Д. Юма («Жизнь Давыда Гумма, описанная им самим, переведена с аглинского языка на французский, а с французского на российский», 1781) и сентиментальный роман Н. Ретифа де ла Бретона «Обретенная дочь, или Отеческая склонность» (1782. Ч. 1–2). В зрелом возрасте М. составил подробный справочник по делопроизводству «Всеобщий стряпчий, или Краткой приказной обрядчик, содержащий в себе: формы, примеры и обряды, как и на какой бумаге пишутся, или следует писать, а потом в какие именно из присутственных мест по установленному законами порядку предъявлять и подавать всякого рода деловые бумаги» (СПб., 1810. Ч. 1–5; 6-е изд. СПб., 1820–1821. Ч. 1–16). Это издание стало объектом неоднократного плагиата, вызвавшего резкий протест М. (Замечание действительного статского советника Моркова на старо-новую книгу, именуемую: Полный всеобщий стряпчий // Сын отеч. 1823. № 9. С. 72–76).

На тит. листе «Всеобщего стряпчего», в «Месяцеслове с росписью чиновных особ» за отдельные годы и в некоторых архивных источниках фамилия приводится в форме «Марков».

В. Д. Рак

МОРОЗОВ Иван Григорьевич [ок. 1765–после 1829]. Учился в Моск. ун-те и, не закончив курса, из студентов был зачислен в канцелярию куратора *И. И. Шувалова* (1781–1782). В 1783–1786 состоял при канцелярии статс-секре-

таря *А. В. Храповицкого*, которому помогал также в исполнении литературных поручений *Екатерины II*, делая «до древностей российских относившиеся» переводы и выписки из рукописных источников. Затем служил секретарем по корреспонденции в правлении Заемного банка, одновременно выполняя ряд особых поручений директора П. В. Завадовского (1786–1796). 29 нояб. 1793 указом Сената М. было поручено уладить наследственные дела Г. А. Потемкина. Выйдя по прошению в отставку и причислившись к Герольдии для подыскания нового места службы, жил до 1801 в имении Новомосковка Новороссийской губ. В 1800–1801 был депутатом по Черкасскому повету в Киевской дворянской комиссии и принимал деятельное участие в ее работе (РГИА, ф. 468, оп. 43, № 382, л. 14–22). В нач. 1800-х гг. выполнял какие-то поручения по укр. и белорус. поместьям гр. А. Н. Самойлова, занимался составлением проекта о хозяйственном устройстве войск в мирное время, который в 1805 подал герцогу А.-Э. Ришелье, а позднее обращался с ним к генералам Х. Х. Граве и М. Ф. Орлову. В 1823, во время организации военных поселений, вновь пытался продвинуть осуществление своего проекта через П. Д. Киселева (РГИА, ф. 858, оп. 1, № 371; ф. 899, оп. 1, № 831). Став к нач. XIX в. богатым помещиком (ок. 4000 крепостных обоего пола), М. играл значительную роль в жизни южных губерний. В 1804 он содействовал содержанию расквартированных в окрестностях его деревень войск, в 1805 пожертвовал 6000 руб. на заведение гимназии в Екатеринославе, в 1807 получил благодарность А. А. Прозоровского за помощь в снабжении армии продовольствием, в 1812 был избран поветовым начальником в ратное земское ополчение (РГИА, ф. 1343, оп. 25, № 5747). Проживая в имениях Новомосковка, Носачево, в Звенигородке, М. поддерживал тесные отношения с соседями — П. В. Лопухиным, Е. Н. Давыдовой (матерью генерала Н. Н. Раевского) и др.

Литературные выступления М. начались одами на день рождения И. И. Шувалова (1781) и на пожалование ему ордена св. Владимира (1782). В эти же годы он перевел сочинение И.-Г. Зульцера «Сокращение всех наук и других частей учености...», напечатав в издании параллельно рус. и нем. тексты (1781; посв. И. И. Шувалову); т. к. издание предназначалось для обучения студентов, перевод был просмотрен директором университета *М. В. Приклонским*. В журнале *Ф. О. Туманского* «Зеркало света» (1786. Ч. 3. Нояб.; Дек.) М. поместил два отрывка из своего сочинения «Российские достопамятности», посвященных призванию варягов в Киев. После длительного перерыва он выступил в печати как сотрудник «Рус. вестн.» С. Н. Глинки, прислав ему стихи, связанные с пребыванием в Киеве (лето и осень 1816) членов царской семьи: «Стихи на пребывание государя императора в Киеве...», «Изображение великого князя Николая Павловича по случаю шествия его Киевской губернии через местечко Смелое <...> 4 июня 1816 года», а затем «Известие из Киева 10 сентября 1817 года» об их вторичном приезде туда (1817. № 1–2, 7–8, 17–18). Там же появилось «Послание к милым детям И. Г. Морозова...» (анонимное, с датой: «15 марта 1817» — 1817. № 5–6) и сообщение о том, что М. поднес отдельное издание своих стихов (СПб., 1817; под загл. «Памятник веры по случаю пребывания государя императора в Киеве», со стихотворным посв. вел. княгине Александре Федоровне) через находившегося в Москве прус. принца Вильгельма королю Фридриху Вильгельму III, за что был удостоен особого рескрипта от 3 мая 1818 (1818. № 23).

К 1824 относится упоминание о М. в письме *П. П. Бекетова* к Д. И. Хвостову, где Бекетов, ссылаясь на свидетельство *И. И. Дмитриева*, приписывает М. авторство брошюры «Жизнь некоторого мужа...» *С. П. Колосова* и упоминает, что М. какое-то время был секретарем С. П. Румянцева и по поручению Екатерины II разбирал бумаги Г. А. Потемкина, а теперь живет в Москве (см.: Рус. арх. 1880. Т. 3, кн. 3. С. 333). По случаю восшествия на престол Николая I М.

переиздал (изменив загл.) свои стихи «Изображение е. и. в. Николая Павловича» (3-е изд. М., 1826).

С. И. Николаев,
В. П. Степанов

МОСАЛОВ (Мосолов) Пафнутий. Служил в лейб-гвардии Конном полку. В 1779 из вахмистров произведен в корнеты, в 1788 — в ротмистры, а в 1789 уволен к статским делам с чином бригадира. В 1774 М. перевел с фр. языка и издал без указания имени автора повесть Ф.-Т.-М. де Бакюлара д'Арно (1718–1805) «Фанни, или Счастливое раскаяние», посвятив свой перевод И. И. Давыдову, премьер-майору, с 1767 командовавшему лейб-гвардии Конным полком.

В повести, написанной в сентиментальном духе, противопоставляются развращенные нравы дворян и нравственно чистый мир крестьянства. Эта же повесть была переведена в 1794 под назв. «Фания» анонимной переводчицей с посв.: «Дражайшей родительнице покорная и преданная дочь».

Лит.: Полный список шефов, полковых командиров и офицеров лейб-гвардии Конного полка. С 1731 по 1886 год. СПб., 1886.

Е. Д. Кукушкина

МОСКОТИЛЬНИКОВ Савва Андреевич [5 (16) I 1768, Ярославль–18 (30) VIII 1852, Казань; похоронен на кладбище Кизического м-ря]. Сын небогатого купца. Первоначальное образование получил под руководством одного из учителей Ярославской дух. семинарии. Служебная деятельность М. началась в Ярославском городовом магистрате. С марта 1782 (1781 — по данным РГАДА, ф. 286, кн. 732, л. 675) — копиист; с 1783 — подканцелярист; с 1784 — канцелярист. В авг. 1786 переведен в Вологодскую гражд. палату, в февр. 1788 уволен от службы за «болезнию» (Гос. арх. Вологодской обл., ф. 178, оп. 9, № 85; Гос. арх. Ярославской обл., ф. 77, оп. 1, № 1459). В нояб. 1788 по собственному желанию перемещен в штат Нижегородского губ. правления и произведен в губернские регистраторы; с 15 окт. 1792 — секретарь Нижегородского городового магистрата. В 1793 переехал в Казань к больному отцу. С 4 нояб. 1793 — секретарь городового магистрата; со 2 июля 1801 состоял при особой Комиссии флигель-адъютанта Альбедиля; с 20 нояб. 1801 — кол. асессор, губернский стряпчий уголовных дел; в 1814–1820 — кол. советник, советник губернского правления; с 26 июля 1827 — чиновник по особым поручениям при гражданском губернаторе; с 1 июля 1834 — вновь советник губернского правления.

Сохранились сведения о том, что М. покидал Казань дважды: в 1805, когда совершил путешествие в Москву, и в 1806–1808, когда, «по предложению г. министра юстиции правительствующего Сената», был перемещен в Вятскую губ. на должность стряпчего уголовных дел. По «извету» дважды находился под следствием. Оправдан указом Сената 24 дек. 1830. 29 авг. 1842 ст. советник М. получил потомственное дворянство (формуляр 1838 г. — РГИА, ф. 1343, оп. 25, № 5866, л. 6–10; см. также: Алфавитный список по родам потомственных дворян, внесенных в дворянскую родословную книгу Казанской губ. Казань, 1898. С. 55). М. вышел в отставку только в 1846, почти ослепнув и живя в «горькой нищете».

Вступив в масонский кружок в Нижнем Новгороде (кон. 1780–нач. 1790-х гг.), М. устанавливает тесные связи с *И. В. Лопухиным*, *М. И. Невзоровым*, *И. П. Тургеневым*. М. Де-Пуле назвал М. «другом Новикова и Лабзина». Глубокие знания М. в области философии, естественных и юридических наук были результатом серьезного самообразования и свидетельством его прекрасных способностей. М. написал диссертацию и в 1806 безуспешно ходатайствовал перед Казанским ун-том о предоставлении ему кафедры рос. юриспруденции.

Яркая талантливость М. (он обладал несомненными актерскими данными и играл в спектаклях «вольного театра», собрал прекрасную, едва ли не самую большую в Казани тех лет, библиотеку), энтузиазм, горячее участие во всех филантропических начинаниях мест-

ной интеллигенции определили решающую роль писателя в культурной жизни провинциального города. Сразу же после переезда в Казань М. создал литературный кружок. Он покровительствовал молодым литераторам, был другом и наставником *Г. П. Каменева*. В нач. 1800-х гг. М. подготовил к изданию сборник, в печати так и не появившийся и включавший произведения Каменева, Н. С. Арцыбашева, И. И. Чернявского и самого М. 15 июля 1805 М. был избран корреспондентом Вольного о-ва любителей словесности, наук и художеств; 17 дек. 1812 стал членом Казанского о-ва любителей отечественной словесности.

Первые литературные опыты М. — басня «Два фигляра» и стихотворная классицистическая трагедия «Остан» — относятся к 1786. В нач. 1790-х гг. поэзия и проза М. (насколько об этом можно судить по хранящемуся в РНБ сборнику — ф. 487, Q. 472) приобретает масонский характер (стихотворение «Сон», прозаическое сочинение «Добродетель, торжествующая в недрах смерти» и др.). Этими двумя тенденциями (традиционно классицистической и масонской) определяется творчество М. 1800–1820-х гг., довольно разнообразное в жанровом отношении. Он писал оды, басни, послания, надписи, эпитафии, сохранился эскиз драмы М. из исп. жизни. В 1812 М. создает «Воззвание к обитателям Казанской губернии при слухе о вшествии неприятеля в Москву». Особо следует отметить «Послание Д. И. Хвостову» (1818), а также интересное автобиографическими реалиями и замечательное живостью слога описание путешествия в Москву (письмо Герасиму Кирилловичу (?) от 13 авг. 1805). При жизни М. были опубликованы только два его произведения: ода Александру I и басня «Волк и Лисица» (Тр. Казанского о-ва любителей рос. словесности. 1815. Кн. 2).

М. перевел «Пигмалиона, лирическую сцену из сочинений Ж.-Ж. Руссо» и философский сон Л.-С. Мерсье «Столпотворение» (опубликованы Е. Бобровым в 1903). Почти 20 лет М. отдал труду над прозаическим переводом «Освобожденного Иерусалима» Т. Тассо, осуществленным с фр. перевода Л.-Д.-Э. Лебрена. В 1800 М. отправил свой перевод находившемуся в Москве Каменеву, который намеревался показать его *Н. М. Карамзину*, обещавшему сделать «свои замечания». В 1814 начало песни IV «Освобожденного Иерусалима» было прочитано М. в торжественном собрании Казанского о-ва любителей отечественной словесности. Однако, как показывают письма М. к Д. И. Хвостову (ИРЛИ, ф. 322, № 66, л. 54–56), публикация перевода состоялась только в 1819 в Москве (2-е изд., испр. М., 1820–1821. Ч. 1–2). В нач. 1820-х гг. М. начал работу над прозаическим переводом с фр. языка героической поэмы Л. Ариосто «Неистовый Роланд»; в 1836–1840 переводил поэму Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим» с ит. подлинника.

Материалы, относящиеся к служебной деятельности М., хранятся в РГИА, РГАДА, Гос. арх. Вологодской обл., Гос. арх. Ярославской обл.; письма — в ИРЛИ; часть неопубликованных произведений (в т. ч. автограф «Псалтири, или Книги псалмов <. . .> на славяно-российский язык переложенной. . .» (1820–1833) и реестр книг М.) — в РНБ (ф. 487, Q.46 и Q.472).

Из несохранившихся произведений М. наибольшую ценность, видимо, представляли «Мои воспоминания», посвященные детству писателя. Известно, что «несколько переводов с французского» М. напечатал анонимно в изданиях *Н. И. Новикова* (Казанские губ. вед. 1853. 9 февр. № 7. Часть неофиц. С. 53).

Лит.: [Без подписи]. С. А. Москотильников // Казанские губ. вед. 1853. № 7–9; *Де-Пуле М.*: 1) Отец и сын // Рус. вестн. 1875. Т. 116; 2) Н. И. Второв // Рус. арх. 1877. № 6–8; *Загоскин Н. П.* История имп. Казанского ун-та. 1804–1904. Казань, 1902. Т. 1; Письма Г. П. Каменева к С. А. Москотильникову // Бобров Е. Лит. и просв. в России XIX в.: Мат-лы, исслед. и заметки. Казань, 1902. Т. 3; *Бобров Е.* С. А. Москотильников как литератор; Из переписки и бумаг С. А. Москотильникова // Лит. и просв. в России XIX в.: Мат-лы,

исслед. и заметки. Казань, 1903. Т. 4; *Булич Н.* Из первых лет Казанского ун-та (1805–1819). 2-е изд. СПб., 1904; *Агафонов Н.* Старые купеческие фамилии Казани // Агафонов Н. Из казанской истории. Казань, 1906; *Орлов Вл.* С. Москотильников // Поэты-радищевцы. Л., 1935; *Орлов П.* С. А. Москотильников // Поэты-радищевцы. Л., 1979.

Р. М. Лазарчук

МОТОНИС Николай Николаевич [ум. 20 II (3 III) 1787, Липовый Рог(?)]. Родился на Украине, по происхождению — из нежинских греков. Обучался в Киево-Могилянской академии вместе с *Г. В. Козицким*; по окончании класса философии, взяв 1 мая 1747 свидетельство из академии, нанялся в свиту графов А. В. и И. В. Гудовичей в качестве воспитателя. С 20 авг. 1747 по 13 апр. 1748 учился в гимназии св. Елизаветы в Бреславле. Там они вместе с Козицким перевели с новогреч. языка на лат. сочинение Ильи Минятия «Камень соблазна, или Историческое изыскание о начале и причине разделения Восточной и Западной церкви» (Бреславль, 1752), посвятив свой перевод *Варлааму Лащевскому*; к переводу был приложен подлинник, в котором, по сравнению с предыдущим изданием 1743, были исправлены ошибки в тексте, восполнены пропуски, цитаты выверены. 13 апр. 1749 М. и Козицкий отправились в Лейпцигский ун-т. Одновременно они подали прошение в Петербургскую Академию наук о принятии их на академический кошт, приложив рекомендацию астронома Г. Гейнзиуса. В 1758 М. и Козицкий, овладевшие классическими и европ. языками, вернулись в Петербург (СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 1, № 210, л. 367; по др. данным, 15 марта 1757 — см.: Академия наук СССР: Персональный состав. М., 1974. Ч. 1). В мае 1757 они уже принимали повторный экзамен у студента М. Прыткого. В 1759 М. был избран адъюнктом Академии наук и стал преподавать древние языки в старших классах Акад. гимназии. В 1760 *М. В. Ломоносов* ходатайствовал о предоставлении М. звания профессора греч. языка, чему воспротивился И. И. Тауберт. 11 апр. 1760 Акад. канцелярия, не удовлетворенная переводами *С. И. Волкова* и *А. М. Разумова*, предложила М. стать редактором переводов, публикуемых в «Ежемес. соч.» с вознаграждением 100 руб. в год. Занятия М. в Академии наук отличались достаточным разнообразием: 27 сент. 1761 канцелярия поручила ему перевести с лат. языка на рус. раздел химии из задачи на соискание академической премии; 9 дек. 1762 он принимал экзамены у студентов университета; в 1763 перевел с нем. языка речь И.-Э. Цейгера «Рассуждение о стеклах, различно свет преломляющих»; 4 сент. 1763 проводил аттестацию гимназистов. В 1764 Ломоносов предложил М. и Козицкому для рассмотрения сочинение «Обстоятельное описание происхождения и состояния маньджурского народа и войска, в осьми знаменах состоящего» в пер. *А. Л. Леонтьева* и *И. К. Россохина*. В гимназии М. вместе с Козицким выступил против К.-Ф. Модераха. 17 мая 1760 он отказался сотрудничать в «Ежемес. соч.»: «Прошением письменным от того дела и от ста рублев отказался, не терпя Миллерова повелительства». В это время М. сблизился с *Ф. Г. Волковым*. Портрет Волкова, выполненный Е. П. Чемесовым, последний передал М. в 1763 согласно завещанию Волкова (Б-ка для чт. 1860. Т. 158. С. 16). В янв. 1762 М. был привлечен в Комиссию нового Уложения с обязанностью также и правки корректур, «когда оное Уложение печататься будет» (СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 1, № 265, л. 122). В 1764 М. был награжден чином кол. асессора и 4 мая 1764 определен на должность секретаря Герольдмейстерской конторы Сената (СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 1, № 282, л. 1). В 1765 М. совместно с Козицким участвовал в разборке архива и библиотеки Ломоносова. В это время М. постигли служебные неприятности, о которых А. Я. Поленов сообщает в письме к А. П. Протасову от 3 дек. 1765 (Рус. арх. 1865. № 6. С. 704); предполагается, что они были либо следствием борьбы в Академии наук, либо на-

казанием за небрежное хранение рукописей Ломоносова. 26 янв. 1767 М. был избран почетным членом Академии наук. 28 авг. 1767 М. заменил В. Дунина-Борковского в качестве депутата комиссии от Гадяцкого, Миргородского и Полтавского полков. На 25-м заседании комиссии М. произнес речь, содержавшую требование предоставления права находящимся в военной и штатской службе разночинцам на приобретение дворянства личными заслугами (опубл.: Сб. имп. Рус. ист. о-ва. СПб., 1869. Т. 4), вызвавшую возражение А. Похвиснева. В 1769 М. собирались перевести в Моск. ун-т; он обратился к В. Г. Орлову с просьбой оставить его в Петербурге (РГБ, ф. 219, оп. 7, № 7, л. 16). В 1771 М. был избран членом Вольного экон. о-ва. В 1774 М. был обер-секретарем 3-го Деп. Сената. 14 дек. 1775 М. за якобы допущенные им поблажки Нежинскому греч. братству был лишен чинов и права вступать в государственную службу (РГАДА, ф. 286, № 598, л. 168). Вследствие явной необоснованности обвинений 23 дек. они с М. были сняты, и было предписано «возвратить ему прежний чин и определить к делам в другое место». М. сразу же выехал на Украину. В 1793 М. упомянут «находящимся не у дел» в «Списке находящимся в статской службе чинам на 1793 год» (СПб., 1793).

В 1759 М. опубликовал в журнале *А. П. Сумарокова* «Трудолюбивая пчела» статью «Рассуждение о двух главных добродетелях, то есть об искренности и несуеверном богопочитании» (№ 1). В № 4 им был переведен с лат. «Разговор об искусстве удобовразумляющем» Эразма Роттердамского под загл. «Десидерия Эразма Роттердамского разговор». В № 7 им были помещены переводы с греч.: «Максима Тирского Платонического философа четвертое рассуждение о том, что разнствует ласкатель от друга» и избранные анекдоты из сборника «Ἀστεῖα» известного неоплатоника александрийской школы Гиерокла под назв. «Иерокловы веселые замыслы». В № 12 М. поместил в переводе с лат. «Речь о пользе и превосходстве свободных наук, говоренную Марком Антонием Муретом, пресвитером, законоучителем и гражданином римским в Венеции 1555 году». Современники высоко ценили лингвистические способности М. А. П. Сумароков в своем труде «О правописании» назвал М. в числе самых тонких стилистов. Сумароков свидетельствовал в своих письмах к Козицкому уважение к М.

Лит.: *Билярский П. С.* Мат-лы для биографии Ломоносова. СПб., 1865; *Пекарский П. П.* Редактор, сотрудники и цензура в рус. журн. 1755–1764 гг. // Сб. Отд-ния рус. яз. и словесности. 1867. Т. 2. № 4; *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1955–1957. Т. 9–10; Штранге. Демокр. интеллигенция (1965); Кулябко. Замечательные питомцы (1977); Письма рус. писателей (1980).

М. П. Лепехин,
Л. В. Осинкина

МОШКОВ Иван Кондратьевич [ум. после 1789]. Сын штурмана, родился на Камчатке. В 1751–1760 учился в Славяно-греко-лат. академии. 15 дек. 1760 перешел в Акад. ун-т. В 1765 оставил университет и подал в Акад. канцелярию просьбу предоставить ему должность корректора в Акад. типографии. Однако Герольдмейстерская контора Сената определила М. учителем лат. языка, истории и географии в Морской кадет. корпус. В 1769 М. перешел во 2-й Деп. Сената кол. регистратором. Общением с сенатским переводчиком *В. Г. Рубаном*, возможно, объясняется появление в журнале «Трудолюбивый муравей» (1771. № 22) переведенной М. новеллы «Ростовщик». В 1778–1783 М. — кол. асессор, прокурор Верхн. расправы Новгородского наместничества, в 1784–1789 в чине надв. советника занимал должность губернского прокурора Вятского наместничества.

М. перевел «Эфиопику» Гелиодора (под загл. «Образ невинной любви, или Странные приключения эфиопской царевны Хариклеи и Феогена Фессалянина» — 1769. Ч. 1; 1779. Ч.1–2), но, как и др. современные ему переводчики греч. романов, не с языка оригинала, а с

лат. языка. В 1772 М. издал в переводе с лат. трактат швед. правоведа XVIII в. И. Локкениуса на популярную в XVIII в. тему «Общество пчел, или Краткое сравнение правительства пчел с правлением гражданским». В основе трактата лежит сравнение государственной жизни, обязанностей монарха и граждан, общественной иерархии с отношениями, существующими в жизни пчелиного роя. В 1779 вышел перевод М. лат. трактата Л. Боса о государственном и юридическом устройстве Афинской республики («Краткое описание Афинской республики»), являвшийся частью книги последнего «Греческие древности».

Лит.: Берков. Журналистика (1952); Кулябко. Замечательные питомцы (1977).

А. Б. Шишкин

МУРАВЬЕВ Михайла Никитич [25 X (5 XI) 1757, Смоленск–29 VII (10 VIII) 1807, Петербург; похоронен на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры]. Сын военного инженера, затем крупного провинциального чиновника Никиты Артамоновича Муравьева, по службе переезжавшего из города в город вместе с семьей. М. получил преимущественно домашнее образование, которое затем пополнял активным самообразованием. В восьмилетнем возрасте начались его занятия нем. языком, затем лат. и фр., а также математикой, которой обучал его отец. Будучи уже взрослым человеком, он изучал греч., ит. (вместе с *Н. А. Львовым*) и англ. языки. 15 янв. 1768, когда семья находилась в Москве, М. поступил в Унив. гимназию, где проучился ок. полутора лет, затем перешел в университет, но в февр. 1770 уехал вместе с отцом, получившим новое назначение, и с сестрой в Архангельск. Их мать умерла в 1768.

К очень раннему времени относятся первые попытки литературной работы — наброски переводов «Федры» Ж. Расина, «Заиры» Вольтера и т. д. В 1768 был начат перевод с нем. «Жизнь Эрнеста, по прозванию Благочестивого, герцога Саксонского», по завершении посвященный ректору гимназии профессору И. М. Шадену. С детских лет у М. проявилась склонность к самоанализу и самооценке, выработалась привычка записывать мысли, суждения, наиболее примечательные события и факты; записи М. позднее охарактеризовал как «сентиментальный журнал». О замысле романа в письмах М. 21 февр. 1770 записал: «У меня нет довольно воображения, чтоб обмануть других и себя смелою фантасиею романа, сею великодушною ложью, для которой надобно столько дарований, сколько знаний и прилежности. Например, переписка двух приятелей в училище». Роман был начат и брошен из-за переезда.

В Архангельске М. перевел отрывок из трагедии П. Корнеля «Цинна», ряд стихотворений Ж. Буало, работал над переводом трагедий Ж. Расина «Федра» и «Андромаха», писал духовные оды, перелагал псалом 69 и др., написал «Элегию на смерть Н. Д. Перкова» (не опубл.), сочинил «Стихи на победу, одержанную 1770 года июля 21 дня, писанные в городе Архангельске того же году» (опубл. с поправками под загл. «Ода на случай Кагульския битвы» в 1775) и т. д.

В кон. 1770 в связи с новым назначением отца М. переехал в Вологду. Там он продолжал интенсивную литературную работу: перевел «Георгики» Вергилия «без рифм», монолог Тита из трагедии Расина «Береника»; переводил он и комедию «Формион» Публия Теренция Акра (пометка на рукописи: «Начата мной переводить в Вологде 1772 года 25 апреля»). Сохранилось начало перевода первой сатиры Персия, которому предшествует загл.: «Сатиры Авла Персия Флакка. Перевод одного вологодского гражданина. 1772 года 30 ч<исла> маия».

Особое значение для М. имели регулярные занятия поэтикой и стихом, что он специально отметил в позднейшем списке важнейших вех своей жизни: «1771. Лето — мое ученичество в стихосл<ожении> в Вологде». Занимался М. под руководством М. А. Засодимского, преподавателя риторики Вологодской дух. семинарии. Одним из резуль-

татов этих занятий стал сборник оригинальных басен М. Множество замечаний в сохранившейся черновой рукописи принадлежит, скорее всего, Засодимскому: «нравоучение поприбавить», «сделать какое нравоучение», «переменить в рассуждении нравоучения», не трогать «священного чина» и т. п. М. выполнил только некоторые требования рецензента. В 1771 М. начал работу над оригинальной трагедией «Дидона». В «Эклоге», обращенной к *А. В. Олешеву* (при жизни не опубл.), проявились отдельные элементы такой особенности художественного творчества, как автобиографизм. К совершеннолетию вел. князя Павла Петровича М. сочинил «Оду» (при жизни не опубл.). В Вологде была начата «героическая комедия» в стихах «Добродетельная ложь».

В сент. 1772 Муравьевы отправились из Вологды в Петербург на речном судне (это плавание детально описано в стихотворении «Путешествие», созданном в Петербурге) и прибыли в столицу 25 окт.

Уже 31 окт. М. был зачислен солдатом лейб-гвардии Измайловского полка. 24 нояб. он был произведен в капралы, 1 янв. 1773 — в фурьеры, 23 мая 1773 назначен каптенармусом, а 22 сент. 1774 получил чин сержанта. Первый офицерский чин прапорщика был ему пожалован 1 янв. 1782.

В Петербурге на обеде у А. А. Муравьевой (вдовы *Н. Е. Муравьева*) произошла встреча М. с *В. И. Майковым*, который стал для него учителем, важнейшим авторитетом в области литературы, а через посредство Майкова состоялось его знакомство с *М. М. Херасковым.*

В 1773 вышла кн. 1 сборника «Басни» (сдана в типографию в 1772, о чем можно заключить по надписи на тит. листе рукописи, где М. назван «капралом»). В отличие от др. баснописцев, М. очень редко прибегал к заимствованиям, сюжеты большинства его басен оригинальны. М. развивал сатирическую линию рус. басни, начатую Сумароковым и продолженную Майковым, а не моралистическую, приверженцем которой был Херасков. По-видимому, этим объясняется недовольство Хераскова баснями, отмеченное М.: «Мих. Матв. Херасков у Вас. Ив. Майкова в доме попрекал мне, что я не читал их никому из них прежде печати». М. с отцом был приглашен к Хераскову, которому читал перевод «Федры»; на последовавшем за чтением ужине, кроме Майкова и *Е. В. Херасковой*, по-видимому, присутствовали *Д. И. Фонвизин*, *А. В. Храповицкий*, *Я. Б. Княжнин* и др. Ок. 1773–1774 М. познакомился и сблизился с Н. А. Львовым (а через него с *И. И. Хемницером*), что явилось началом существования «львовского кружка».

21 авг. 1773 М. подал «доношение» в Академию наук с просьбой о напечатании сборника «Переводные стихотворения», составленного из ранее переведенных произведений Анакреона, П. Флеминга, Б.-Г. Брокеса, М. де Скюдери, Буало, Вольтера, отрывков из «Цинны» Корнеля, «Истории» Тита Ливия и в значительной мере из сочинений Горация, к которому М. относился с особенным интересом. Книга была отпечатана в сент., а в дек. М. подал прошение о напечатании «Похвального слова Михайле Васильевичу Ломоносову» (опубл. в янв. 1774).

Тогда же М. прочел «Аделаиду Дюгеклен» Вольтера, которая поразила его «и как трагедия, и как сочинение в стихах»; к нему вернулся «юношеский бред трагедии». «Между тем, читаючи Эминову историю, приноравливал я каждое попадающее мне мрачное приключение в трагедию. Наконец попался мне Болеслав Кривоустый. Его вражество с братом Сбигнеем». Подобрав дополнительные исторические материалы, М. принялся за работу и в неделю сочинил д. I и половину д. II. Написанное М. читал своим старшим «благодетелям литерерным» и приятелям — Н. А. Львову, И. И. Хемницеру, *В. В. Ханыкову* (сослуживцу по Измайловскому полку, ставшему ближайшим другом). Однако на этом работа над трагедией была на некоторое время прервана. М. вновь вернулся к поэзии.

24 янв. 1774 М. подал в печать перевод поэмы «Гражданская брань» — фрагмента «Сатирикона» Петрония (вышла в февр.); 17 мар-

та — большое стихотворение «Военная песнь», названное в типографских документах «поэмой» (отпечатано в мае; впосл. переработано в три самостоятельных произведения: «Военная песнь», «Храм Марсов», «Ода на победы, одержанные российским оружием в продолжение первой турецкой войны»); в авг. вышла из печати «Ода е. и. в. государыне Екатерине II, императрице всероссийской, на замирение России с Портой Оттоманскою». Рукопись каждого произведения до передачи в типографию была «читана» Майковым. Поскольку М. был стеснен в средствах, его книги издавались небольшими тиражами — по 200 экземпляров.

В том же году М. завершил трагедию «Дидона» (в 3-х д.; дата окончания работы обозначена в рукописи: «1774 года 9 маия»). Произведение не удовлетворило автора: впосл. М. не раз критически отзывался о «сей дикой трагедии», то в критической авторецензии, то в автоэпиграмме. Только монолог Дидоны из явл. 5 д. III в переработанном виде с загл. «Жалобы Дидоны» и подзаг. «драматический отрывок» (при жизни не опубл.) был включен в нач. 1800-х в рукописное «Собрание стихотворений».

В 1774–1775 М. усиленно работал над сборником «Оды» (сдан в типографию 3 марта, отпечатан 27 марта 1775), черновая рукопись которого свидетельствует о намечающемся повороте в его творчестве. Первоначально «Ода седьмая» («Восприял я лиру в длани. . .»), декларирующая интерес поэта к природе, была явно ориентирована на ломоносовский «Разговор с Анакреоном», но при этом звучала полемично по отношению как к Анакреону и *М. В. Ломоносову*, так и к Хераскову, воздействие которого ощутимо в первых стихотворениях сборника. По каким-то причинам М. вычеркнул стихотворение и сочинил новую «Оду седьмую» достаточно традиционного содержания. Возможно, он сделал это после поэтического «диалога» с Майковым в нач. 1775 (см. «Сонет к Василию Ивановичу Майкову» и ответный «Сонет к Михайле Никитичу Муравьеву»). Майков рекомендовал М. следовать в поэзии Сумарокову. Тем не менее подчеркнуто вопреки совету наставника «Ода десятая. Весна. К Василью Ивановичу Майкову» представляет собой пейзажное стихотворение «во знак чувствительной души». Кроме десяти од автор включил в сборник подборку стихотворений разных жанров (в т. ч. оба сонета — свой и майковский). Т. о., во второй пол. сборника отразилось стремление М. к творческой самостоятельности (впервые в рус. поэзии проявляется отношение к природе как самостоятельной эстетической ценности, формируется индивидуальное, личностное начало в стихах, важную роль начинает играть автобиографизм и т. д.). Эта седьмая книга стала последним прижизненным сборником стихов М. В 1775 М. работал также над поэмами «Раздраженный Ахиллес» и «Осада Нарвы».

29 дек. 1775 Н. А. Муравьев, получив назначение в Тверь, уехал туда вместе с дочерью. С этого момента М. регулярно (как правило, два раза в неделю) писал им, сообщая о себе и о новостях общественной, культурной жизни Петербурга. Письма его представляют собой ценнейший материал для истории культуры, литературы, быта. Каждое из писем делится на две части. Первая, адресованная отцу, имеет почтительный, «полуофициальный» характер; во второй, обращенной к сестре, тональность проста, непринужденна, легка, шутлива. Довольно скоро в эту часть писем М. стал вводить стихотворные вкрапления. Личное письмо под пером М. начало приобретать черты «литературного письма» — жанра, развитого впосл. поэтами «Арзамаса» и А. С. Пушкиным.

В сер. 1776 М. вернулся к неоконченной трагедии «Болеслав». Познакомившись 23 июля с *И. А. Дмитревским*, М. читал ему написанную часть пьесы. Как отметил М., Дмитревский был «не совсем доволен тирадами о политике», но тем не менее ободрил автора. «Ничто не послужило», — записал М. позднее (т. е. не подтолкнуло к завершению трагедии). К 1776 относится обращение М. к переводам с ит. языка (Т. Тассо, П. А. Д. Мета-

стазио, Дж. Триссино и др.). По-видимому, в это же время он познакомился с *Н.И. Новиковым* и *М.И. Поповым*, возобновил отношения с *И.П. Тургеневым*, с которым учился в университете.

Принципиально новым словом в рус. поэзии явился рукописный сборник «Новые лирические опыты Михайлы Муравьева. 1776» — первый в России опыт лирики открыто автобиографической, личной, индивидуальной, субъективной. Это первые образцы предромантической лирики — элегии, дружеские послания, философско-медитативные стихи. Получив, как обычно, согласие отца на издание книги, М. не сумел, однако, добиться опубликования сборника. Из восьми стихотворений, составляющих эту рукопись, лишь одно под назв. «Желание зимы» автору удалось позднее напечатать в «СПб. вестн.» (1778). Сохранился план сборника М. «Мечты 1776 года», составленный, по-видимому, в кон. 1776 или 1777. В сборник предполагалось включить пять стихотворений из «Новых лирических опытов» и, кроме того, элегию «Ночь», стихотворение «Око» (в позднейшей редакции «Зрение») и «Эпистолу к Н.Р.Р***», т. е. к Рожешникову. Три последних, наиболее автобиографичных, личностных стихотворения из «Новых лирических опытов», обращенных к Дмитревскому, Львову и Хемницеру, не были включены в план, — с принципиальным новаторством художественного метода М., очевидно, и была связана неудача с публикацией «Новых лирических опытов», равно как и последующих поэтических сборников.

В сент. 1776, получив отпуск, М. поехал сначала в Тверь, а затем в Москву. Здесь 3 дек. он был принят в члены Вольного Рос. собрания при Моск. ун-те, где читал свои переводы из Горация, «Эпистолу к Н. Р. Р***» и др. В письме 12 дек. М. сообщал отцу, что в «Трудах» собрания будут помещены его сочинения. Подборку («Разные переводы и сочинения Вольного Российского собрания члена господина Муравьева») составили три перевода из Горация, стихотворения «Жалобы музам», «Эпистола к Н. Р. Р***», «Роща» (Опыт тр. Вольного Рос. собрания. 1778. Ч. 4).

В апр. 1777 в «СПб. учен. вед.» (№ 15) анонимно были напечатаны надписи М. к портретам *Феофана Прокоповича*, *А.Д. Кантемира*, *Н.Н. Поповского*, А. П. Лосенко, Е. П. Чемесова, присланные при письме от 18 апр. из Твери. 6 мая М. в Вольном Рос. собрании при Моск. ун-те читал свою «диссертацию» «Рассуждение о различии слогов высокого, великолепного, величественного, громкого, надутого» (опубл.: Опыт тр. Вольного Рос. собрания. 1783. Ч. 6; здесь же — перевод из Клейста), участвовал в споре между *И.И. Мелиссино* и *Г.-Ф. Миллером* об оригинальности творчества Ломоносова. В Москве М. вновь встретился с Майковым, *А. А. Барсовым* (оба, по их словам, сообщили, что «тотчас узнали», что анонимные «надписи» к портретам принадлежат перу М.).

В Петербург М. вернулся 30 июля и вскоре получил от Новикова и Хераскова предложение перевести с лат. «Боэция, консула римского, о утешении философии, сочинение, смешанное со стихами и прозою» и фрагменты из Оссиана для вновь организуемого журнала «Утр. свет». Ни одна из этих публикаций не состоялась. М., по просьбе Новикова, вербовал подписчиков на журнал среди знакомых и родственников в Петербурге и Твери (через отца). Однако его сотрудничество в «Утр. свете» оказалось весьма ограниченным: там были опубликованы: «Дщицы для записывания» — произведение, имитирующее дневниковые записи, один из первых образцов предромантической прозы (1778. Ч. 4); философское стихотворение «Учение природы. Письмо к В. В. Ханыкову» (1780. Ч. 9), в первоначальной редакции звучавшее в унисон с общим нравоучительным тоном журнала, в последующей (при жизни не опубл.) редакции переработанное в ироническом духе.

Сохранив навсегда большое уважение к человеческим качествам Хераскова и Новикова, М. решительно противился их масонским идеям и, по мере того как росло их увлечение розенкрейцерством, все

более отдалялся от них. Расхождение наметилось уже в 1777, когда Херасков одобрил, а Новиков отверг «Стихи на смерть Александра Петровича Сумарокова» (при жизни не опубл.), где ощущалось скептическое отношение М. к масонским «мудрствованиям» Сумарокова и отдавалось предпочтени Ломоносову. Уклонившись от участия в «Утр. свете», М. опубликовал в светском новиковском «Модном ежемес. издании» «Станс. К Нине» (в дальнейших вариантах — «О милое мечтанье...») и перевод стихотворения одного из родоначальников фр. предромантизма Н. Леонара «Буря», дополненный посвящением сестре (1779. Ч. 2).

Подобно всем членам львовского кружка, М. печатался в «СПб. вестн.»: «Триолет», перевод с фр. (автор — Ж. Раншен) (1778. Ч. 1), образцы «легкой поэзии» — «Любовник прелести, где я ее найду...», «Ириса! Ты в слезах, стыдясь того лишиться...», перевод оды Сафо (1778. Ч. 2). В «Акад. изв.» (1779. Ч. 3) он помещает программную «сказку» «Живописец», где доказывает, что близость к власти всегда ведет к угасанию дарования, утрате таланта.

В 1778 М. познакомился со служившим в Преображенском полку Д. И. Хвостовым, а после переезда того в Москву некоторое время переписывался с ним. В Петербурге М. слушал чтение Хвостовым его комедии «Легковерный». В письме 8 окт. 1779 М. сообщил автору об успехе его комедии на петербургской сцене (пост. 4 окт. 1779), в письме же к сестре откровенно заметил, что комедия заслуживает внимания лишь как первый опыт начинающего писателя. В программном послании «Успех твой первый возвещая...», адресованном Хвостову и содержащем комплиментарные замечания о «Легковерном», М. дает оценку состояния современной ему рус. комедии, выделяя прежде всего Фонвизина (М. уже более полугода знал об успешной работе драматурга над «Недорослем») и Княжнина. Говоря о своих вкусах в области этого жанра, М. по существу создает программу сентиментально-романтической психологической комедии.

В 1778 М. с 10 февр. по 3 июня находился в отпуске, в 1780 он вообще почти весь год провел в отпуске. В связи с тяжелыми личными переживаниями творческая работа шла плохо. В 1779 была начата и оставлена поэма «Полтавский бой». Незавершенным остался и начатый в 1780 перевод из К.-М. Виланда «Искушение Аврамово». Тетради 1780 содержат зачастую лишь заголовки задуманных стихотворений, фрагменты неосуществленных замыслов.

В стихотворениях 1779–1780 начинают преобладать мрачные настроения, мысли об уходящей молодости, об угасающем таланте. Во многом тяжелое настроение М. было, по-видимому, связано с «незаконным чувством», с рождением 8(19) мая в Твери в доме Н. А. Муравьева Н. И. Уткина, будущего гравера. По преданию, Уткин — незаконный сын Н. А. Муравьева, но, скорее всего, действительным отцом ребенка был М., а Н. А. Муравьев только «прикрыл грех» сына. В.В. Ханыков, человек очень «холодный», отнюдь не склонный к «сантиментам», в февр. 1780 писал сестре М.: «Матушка Федосья Никитишна! Видели ли вы ужасное его письмо, которое он ко мне писал? Неужели он столь несчастлив, что стал нечувствителен к внушениям вашим, нежности и прекрасному...»

Выражением печальных настроений, владевших М., было стихотворение 1780 «Сожаление младости». М. колебался в определении его жанра: поначалу он назвал его «эпистолой»; затем зачеркнул прежнее обозначение и написал «поэма», потом «рапсодия», «рассуждение», наконец, просто «разглагольствование». Слово «элегия» даже не пришло в голову автору. Между тем «Сожаление младости» — это романтическая элегия, в которой воспоминания о прошедшей молодости имеют медитативно-трагедийную окраску (причем, что также характерно для романтиков, тоскует об ушедшей молодости и об угасании дарования двадцатидвухлетний поэт, который, кстати, начал горевать обо всем этом еще в восемнадцатилетнем возрасте). Таким образом, М. был создателем первой

рус. романтической элегии — жанра, который стал чрезвычайно популярным среди поэтов первой трети XIX в. и которому отдали значительную дань Батюшков, Пушкин, Баратынский и десятки (если не сотни) др. поэтов. 21 марта или мая 1781 (в рукописи месяц обозначен лишь одной буквой «м») он написал «Эпистолу к Новикову» (при жизни не опубл.) в связи со смертью М. И. Попова. М. просил Новикова помочь семье покойного писателя, которая после смерти кормильца осталась без средств к существованию. В том же году он написал стихотворение «Неверность» — первую романтическую балладу (сам М. жанра своего произведения не указал).

По-видимому, в 1782 он принялся за составление небольшого сборника «Pièces fugitives» (букв. «убегающие стихи», «мимолетные пьесы»), в который включил десять стихотворений 1778–1784, представляющих собой малые жанры предромантической «легкой поэзии». Подготовленный к печати сборник М. не был издан, как и ряд др., планы и тексты которых сохранились в его бумагах.

В 1783 М. создал программное «Послание о легком стихотворении к А. М. Бр<янчанинову>», один из наиболее ярких образцов жанра литературных писем-посланий, к которому М. обращался достаточно часто. Признавая значение «легкой поэзии» для развития литературного языка, М. одновременно выступает здесь против измельчания поэзии. Отдавая дань Вольтеру как отцу «легкого стихотворения», М. доказывает, что бессмертие Вольтер, однако, заслужил тем, что мог явить «истину во одеянье разном». «Послание» содержит тонкий анализ поэзии Вольтера и глубокую характеристику его личности. В кон. 1783 или нач. 1784 (сведения расходятся) М. был переведен в статскую службу; в нояб. 1785 был возвращен в военную с чином поручика.

Кто-то из людей, близких ко двору (возможно, А. В. Нарышкин) обратил внимание императрицы на талантливого и высокообразованного офицера, и 30 нояб. 1785 М. был «взят в кавалеры» к вел. князю Константину Павловичу, а затем назначен воспитателем и учителем рус. истории, рус. словесности и нравственной философии обоих вел. князей — Константина и Александра. В 1786 М. получил чин капитан-поручика, 1 янв. 1790 был произведен в капитаны, 1 янв. 1791 — в полковники.

В числе историков и философов, которых изучали воспитанники М. под его руководством, были Мабли, Монтескье, Гиббон и др. С обучением вел. князей были связаны прозаические произведения М. («Эпохи российской истории», «Собрание писем различных творцов, древних и новых», «Разговоры мертвых», «Нравственные изображения» и др.). Печатались они весьма малыми тиражами в типографии И. Вейтбрехта, выполнявшей заказы двора; сохранились, по-видимому, не все издания.

Не оставлял М. и собственно литературных занятий. Из печати выходит его пьеса «Доброе дитя. Драматическая сказочка» (1789) — первое специально предназначенное для нравственного воспитания детей драматическое произведение в России. В 1790 М. выпускает еженедельное периодическое издание «Обитатель предместия», все номера которого были посвящены сюжетам из сельской жизни (со 2 авг. по 1 нояб. вышло всего 10 номеров). По-видимому, в 1791 появился эпистолярный роман «Эмилиевы письма». Два последних произведения оказали серьезное воздействие на развитие рус. прозы. Предромантическая повесть «Оскольд» была использована А. С. Пушкиным в «Руслане и Людмиле» (куда перешли вместе с характеристиками «суровый Рогдай» и «нежный Ратмир»).

Вскоре после прибытия в Петербург в окт. 1792 принцессы Марии-Луизы-Августы Баден-Дурлахской (будущей императрицы Елизаветы Алексеевны) М. был назначен к ней учителем рус. языка. Для обучения Елизаветы Алексеевны в Имп. типографии у Вейтбрехта печатались единичные экземпляры сочиненных М. коротких и простых по лексике и синтаксису рус. текстов с обозначением ударений; при этом на левой странице размещался рус.

текст, на правой — фр. словарь к нему («Феона», «Утро» и др.).

31 окт. 1794 состоялась помолвка М. с дочерью сенатора, начальника одного из департаментов Сената Е. Ф. Колокольцевой, а 10 нояб. — свадьба. 19 авг. следующего года у М. родился сын Никита, будущий глава Сев. о-ва декабристов и — по наследству от деда Ф. М. Колокольцева — один из богатейших людей России.

3 февр. 1796, по окончании воспитания Константина Павловича, М. был пожалован бригадиром и награжден орденом св. Владимира 3-й степени, с ежегодной пенсией в 2000 руб., и как бывший кавалер вел. князя получил единовременно 6000 руб. По-видимому, на эти деньги были изданы под загл. «Опыты истории, письмен и нравоучения» (1796) наиболее серьезные и полезные для общества учебные пособия и лекции.

Вероятно, в нач. 1789 М. отдал в Имп. типографию сборник стихотворений. Сохранилось четыре экземпляра корректуры первого печатного листа этого сборника, из которых видно, что он разместил отобранные стихи в хронологическом порядке, что было тогда не принято. Открывался сборник «Посланием к А. М. Бр<янчанинову> 1783 г.», затем следовали «Надпись к изображению Алины 1784 г.» и начало «Силы гения 1785 г.». По всей вероятности, выходу сборника в свет помешала начавшаяся фр. революция, в связи с которой последовал указ об издании сочинений Вольтера только с цензурой Синода (что означало фактический запрет, — сборник же открывался «Посланием», являвшимся, по существу, гимном Вольтеру).

При всей своей кротости и скромности, М. был человеком принципиально смелым. Он единственный после гибели Княжнина, зная о перлюстрации писем на почтамте, сообщил это известие родным («Литература наша, бедная без того, потеряла на сих днях славного писателя Я. Бор. Княжнина») и осмелился написать «Стихи на кончину Якова Борисовича Княжнина», напечатав их на отдельных листах (1791; перепеч.: Новые ежемес. соч. 1791. Ч. 56). В 1790-е гг. М. сотрудничал в «Аонидах» *Н. М. Карамзина*, где напечатал стихотворение «Богине Невы» и «Надгробную Елисавете Львовне Нарышкиной, скончавшейся июля 1-го 1795 года» (1797. Кн. 2). В это же время М., очевидно, создал стихотворение «К Музе» (опубл. 1819), оканчивающееся оригинальным парафразом из Горация, и романтическую балладу «Болеслав, король польский» (опубл. 1810), в которой использовал мотивы своей так и не завершенной трагедии. «Неверность» и «Болеслав» — две первые рус. баллады М., полностью определившие основные типы романтической баллады. Вокруг этих типов баллады во втором десятилетии XIX в. развернулась ожесточенная полемика с участием В. А. Жуковского, П. А. Катенина, А. Ф. Воейкова, А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина. Первая из них построена на рус. фольклорном, «простонародном» материале; вторая баллада «европейская», основанная на материале историческом.

18 июля 1797 М. был произведен в генерал-майоры, 3 нояб. 1798 переименован в д. ст. советники, 14 июля 1800 пожалован в т. советники и назначен сенатором. По воцарении Александра I М. сразу же получил пост статс-секретаря у принятия прошений. В этом своем качестве он оказался необыкновенно полезен Карамзину, т. к. способствовал появлению указа Александра I от 31 окт. 1803 о присвоении Карамзину титула историографа с назначением пенсии в 2000 руб. ежегодно. Позднее И. В. Киреевский (ссылаясь на самого Карамзина) писал о М.: «Кто знает, может быть, без его благомысленного и теплого содействия Карамзин не имел бы средств совершить своего великого дела» (Москвитянин. 1845. № 1. С. 3–4).

В 1803 М. был назначен товарищем (заместителем) министра народного просвещения и попечителем Моск. ун-та. Особенно много сделал М. для улучшения постановки дела в университете: приглашал новых профессоров, предлагал рус. ученым заняться необходимыми для образования России переводами («Мечты возможностей. Наши молодые ученые пе-

реведут „Илиаду“, „Одиссею“, другие посвятятся историкам. Мы увидим в русской одежде Геродота (Ивашковский), Ксенофонта (Кошанский), Фукидида (Тимковский)... Спешить не надобно. Пусть десять, двадцать лет жизни употребят на сию работу полезную. Я буду требовать, чтобы более произвели знатоков греческого языка. Маттеи, Буле в состоянии это сделать»). Благодаря М. при университете было открыто несколько новых ученых обществ (в мае 1804 — О-во истории и древностей рос., 26 сент. — О-во испытателей природы и т. д.). По его плану и под его постоянным присмотром при университете стали выходить журналы «Моск. учен. вед.» (1805–1807), «Журн. изящных искусств» (1807), «Друг юношества» (с 1807) *М. И. Невзорова*.

М. и сам продолжал писать. В 1801–1802 он упоминает о том, что работает над составлением итоговых поэтических сборников: «Извлечение из стихотворений» и «Собрание стихотворений». Первый неизвестен, второй же сохранился, но видно, что, по недостатку времени (на что М. постоянно жаловался), работа шла медленно. Располагая произведения в хронологическом порядке, М. успел включить в него только 34 стихотворения нач. и сер. 1770-х гг., причем заново отредактировал лишь первые 10.

По смерти Н. А. Львова в 1803 М. написал «Краткие сведения из жизни г. тайного советника Львова». В издании *П. А. Сохацкого* «Эфемериды» (1804. Ч. 1) М. опубликовал составленные им биографии А. А. Барсова и И. М. Шадена (оба они в 1770 подписали аттестат об окончании М. Унив. гимназии). 24 мая 1804 М. был избран членом Рос. Академии; кроме того, он был членом Академии художеств, ряда обществ при Моск. ун-те, почетным членом Виленского ун-та и Лейпцигского о-ва лат. лит. На заседании 4 июля 1804 М. прочел «сочинения своего Каледонский баллад, в стихах» («Романс, с каледонского языка переложенный»; при жизни не опубл.).

11 авг. 1803 М. создал стихотворение «Оборот на себя» (при жизни не опубл.), в котором очень скромно оценил свое творчество и место в рус. поэзии.

В действительности в истории рус. литературы М. сыграл огромную роль. Так, поворотным пунктом в биографии *Г. Р. Державина* стало знакомство в 1779 в львовском кружке со стихами М., когда Державин уяснил себе, что стихи должны быть не «следованием образцам», но выражением поэтической индивидуальности. М. также был учителем Карамзина и всех сентименталистов 1790-х гг. К. Н. Батюшков был не только племянником и воспитанником М., но и учеником его в поэзии. В. А. Жуковский прекрасно был знаком с рукописями М., которые вдова М. передала ему для издания. Разработанные впервые М. жанры, стилистические обороты и даже ритмические ходы активнейшим образом использовали поэты «Арзамаса». Чуть ли не наизусть знал доступные ему стихи М. А. С. Пушкин и неоднократно применял их как явные или скрытые цитаты в своих произведениях (напр., в «Евгении Онегине»: «Стоял задумчиво Евгений, Как описал себя пиит» — явная цитата с большим примечанием, включающим в себя исходный фрагмент из стихотворения «Богине Невы» М.; «Но я другому отдана, Я буду век ему верна» — скрытая цитата из «Болеслава, короля польского»). Таким образом, крупнейшие литераторы кон. XVIII–нач. XIX в. знали стихотворения М. и использовали его опыт, массовый же читатель поэта-новатора практически не знал.

Скончался М. неожиданно, в разгар бурной разнообразной деятельности, — по преданию, не перенеся известия о позорном для России Тильзитском мире.

В 1810 Карамзин издал в двух частях прозаические сочинения М. В 1815 отдельным изданием вышли «Обитатель предместия» и «Эмилиевы письма» (последние напечатаны впервые), со вступительной статьей Батюшкова «Письмо к И. М. М. А. <И. М. Муравьеву-Апостолу> о сочинениях г. Муравьева, изданных по его кончине» (подп. — «К. О. Б. А.»). В рукописном варианте «Письма» обращает на себя внимание обещание дополнить из-

дание 1810 третьей частью, которая должна была состоять из стихотворений М.: В. А. Жуковский «... взял на себя труд, пересмотрев несколько рукописей автора, приготовить их для печати. <...> Конечно, любители словесности ожидают с нетерпением третьей части сочинений г. Муравьева, которая будет состоять из его стихотворений». Намерение это не осуществилось. В 1819–1820 появилось в трех частях «Полное собрание сочинений» М., куда, помимо уже опубликованных в предыдущих изданиях прозаических трудов, вошли достаточно случайно выбранные дневниковые записи М. и всего лишь 26 стихотворений (Ч. 1) из огромного его поэтического наследия. Тот же материал, но распределенный по двум томам, был дважды переиздан А. С. Смирдиным (СПб., 1847; СПб., 1856). Публикация неизвестных читателю произведений М. осуществлялась сначала в статьях Н.И. Жинкина, Л. И. Кулаковой, А. Н. Бруханского. Наиболее полно (195 произведений с обстоятельным комментарием) творчество М. представлено в «Стихотворениях» (М.; Л., 1967 (Б-ка поэта; Большая сер.; сост. и коммент. Л. И. Кулаковой)). Во вступительной статье «Поэзия М. Н. Муравьева» содержался первый серьезный анализ творческого наследия поэта. Издание 1967 дополняет публикация Л. А. Алехиной, которая напечатала в 1990 еще 6 стихотворений М., найденных в фондах РГБ. Публикация писем М. к отцу и сестре 1777–1778 (Письма рус. писателей (1980)), подготовленная Л. И. Кулаковой и В. А. Западовым, охватывает примерно шестую часть сохранившегося эпистолярного наследия М.

Рукописи М. находятся в разных архивохранилищах (РНБ, РГБ, ГИМ, ИРЛИ, РГИА и др.).

Лит.: *Жинкин Н. П.* М. Н. Муравьев (по поводу истекшего столетия со времени его смерти) // Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности Академии наук. 1913. Т. XVIII, кн. 1; *Гуковский Г. А.* Очерки рус. лит. и обществ. мысли XVIII в. Л., 1938; *Кулакова Л. И.* М. Н. Муравьев // Учен. зап. ЛГУ. 1939. № 33. Вып. 4; *Бруханский А. Н.* М. Н. Муравьев и «легкое стихотворство» // XVIII век. М.; Л., 1959. Сб. 4; *Западов В. А.* Державин и Муравьев // XVIII век. М.; Л., 1966. Сб. 7; *Кулакова Л. И.* Очерки истории рус. эстетической мысли XVIII в. Л., 1968; *Западов В. А.* Рус. стих XVIII–нач. XIX в.: (Ритмика). Л., 1974; *Кулакова Л. И.* Н. И. Новиков в письмах М. Н. Муравьева // XVIII век. Л., 1976. Сб. 11; *Душина Л. Н.* М. Н. Муравьев и рус. баллада // Проблемы изучения рус. лит. XVIII в. Л., 1978; *Сионова С. А.* Худож. становление темы поэта и поэзии в творчестве М. Н. Муравьева // Проблемы изучения рус. лит. Л., 1980; *Фоменко И. Ю.* Из прозаического наследия М. Н. Муравьева // Рус. лит. 1980. № 3; *Западов В. А.* Проблемы изучения и преподавания рус. лит. XVIII в. Статья 3-я. Сентиментализм и предромантизм в России // Проблемы изучения рус. лит. XVIII в. Л., 1983; *Сионова С. А.* Сборник «Новые лирические опыты Михайла Муравьева. 1776»: (Начало рус. предромантической лирики) // Проблемы изучения рус. лит. XVIII в. Л., 1984; *Фоменко И. Ю.* М. Н. Муравьев и проблема индивидуального стиля // На путях к романтизму. Л., 1984; *Луцевич Л. Ф.* «Опыт о стихотворстве» М. Н. Муравьева // Проблемы изучения рус. лит. XVIII в. Л., 1985; *Алехина Л. А.* Арх. мат-лы М. Н. Муравьева в фондах Отд. рукописей // Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина: Зап. Отд. рукописей. М., 1990. Вып. 49; *Резниченко Л. И.* О некоторых особенностях антологической поэзии М. Н. Муравьева // Проблемы изучения рус. лит. XVIII в. Л., 1990; *Западов В. А.*: 1) Вопросы теории рус. лит. XVIII в. Магнитогорск, 1995; 2) Лит. направления в рус. лит. XVIII в. СПб., 1995; *Сионова С. А.* Поэзия М. Н. Муравьева: (К проблеме становления предромантизма в рус. лит. второй пол. XVIII в.). Елец, 1995; *Лазарчук Р. М.* М. Н. Муравьев и Вологда // Вологда: Краеведческий альм. Вологда, 1997. Вып. 2.

В. А. Западов

МУРАВЬЕВ Николай Ерофеевич [1721–апр. 1770, Монпелье

(Франция); похоронен в с. Мроткино Лужского у. Петербургской губ.]. Происходил из дворянской семьи. Учился в Сухоп. шлях. корпусе (определен 8 марта 1738), где особые успехи показал в математике. В февр. 1750 из корпусных сержантов произведен в инженер-поручики и оставлен при корпусе для преподавания фортификации. В эти годы написано единственное известное в печати сочинение М., учебник алгебры, — книга «Начальное основание математики» (1752. Ч. 1), рукопись которой была «рассмотрена и для лучшей еще ясности умножена» Н. И. Поповым, что свидетельствует о некоторых связях М. с академическими кругами. Позднее М. состоял в переписке с М.-Р. Монталамбером. Ч. 2 книги (геометрия) в печати не появилась. В дек. 1753 М. был определен в генеральс-адъютанты к П. И. Шувалову. В дальнейшем он сделал успешную служебную карьеру: в июне 1757 был прикомандирован к союзной фр. армии в Вестфалии, в 1759–1762 находился при рус. войсках в Силезии, Бранденбурге и Померании, в 1764 был назначен сенатором, директором Комиссии о дорогах и членом Комиссии о коммерции (формулярные данные — ИРЛИ, ф. 320, № 1574). 31 июня 1768 М. был уволен для лечения за границу, где и скончался (Совр. 1852. № 5. Отд. II. С. 2). Он был женат на А. А. Волковой, сестре драматурга, и был отцом директора Уч-ща колонновожатых Н. Н. Муравьева (1768–1840).

Известно, что М. «в молодых летах писал весьма изрядные стихотворения, а особливо песни, которые весьма много похваляются» (Новиков. Опыт словаря (1772)). В рукописном сборнике «Разные стиходействии» (т. н. «Казанский сборник») имеются две эпиграммы, которые направлены против некоего «М-ва», противопоставлявшего в своих стихах занятия науками, «блаженный покой мудреца», суетным светским удовольствиям и счастью в любви (см.: Библиогр. зап. 1859. № 17. С. 525). Если эпиграммы имеют в виду М., то с некоторым основанием ему можно приписать близкое по содержанию анонимное дружеское послание к *Н. А. Бекетову* (см.: XVIII век. Л., 1976. Сб. 11. С. 142), которое связано с полемикой об «Эпистоле к г. Сумарокову» *И. П. Елагина*, известной в списках как «Сатира на петиметра и кокеток».

В. П. Степанов

МУРЗИНА Александра Петровна. Поэтесса 1790-х гг. Вероятно, дочь П. П. Мурзина, в 1798 предлагавшего Павлу I портрет и собственноручные письма Петра I к Прокофию Мурзину и просившего обеспечить судьбу двух своих дочерей, находящихся в бедности (РГИА, ф. 468, оп. 43, № 533, л. 22–23). В дек. 1798 и апр. 1799 М. подносила свои оды императору и императрице Марии Федоровне, за которые получала «награждение» (см.: рукоп. сб. «Мои упражнении во время досугов, или Разные сочинении в стихах» — РНБ, ф. 855, оп. № 34, л. 1–30). Впосл. она искала милостей и помощи у Александра I, посвятив его восшествию на престол оды, обращенные как к нему, так и к императрице Елизавете Алексеевне (рукописи: в бумагах Г. И. Вилламова — РНБ, ф. 143, № 260–261; в делах статс-секретарей — РГАДА, ф. 1239, оп. 3, ч. 111, № 56094). В 1803 М. обратилась со стихами к гр. Н. П. Шереметеву в связи со смертью П. И. Шереметевой (Жемчуговой) и «на случай изливаемого им повсеместного благотворения» (РГИА, ф. 1088, оп. 1, № 80, л. 1–2), а в 1807 поднесла ему «от благодарного сердца» рукописный сборник «Мои упражнении во время досугов. . .»

Единственное печатное издание М. — сборник «Распускающаяся роза, или Разные сочинения в стихах и прозе» (1799; сдан в московскую цензуру Михаилом Яхонтовым в сент. 1798). По признанию М., она решилась выступить в печати потому, что «приятность» учения «пленила» ее душу и что «лучше что-нибудь делать и отдать пересудам критики, нежели проводить время в совершенной праздности». В стихотворном обращении «К читателям» она в духе сентиментальных авторов защищает право женщин заниматься литерату-

рой. В сборнике М. присутствуют некоторые сентиментальные мотивы (особенно в разделе «песни» — 40 стихотворений); основную часть сочинений составляют медитативные (прозаические отрывки «Утро», «Полдень», «Вечер», «Образ истинной любви» и др.) и моралистические («Излияние души перед Богом», «Зависть», «Встреча роскоши с трудолюбием») произведения. Многочисленные стихотворения имеют жанровое обозначение «песнь», навеянное образцами докарамзинской литературы. Такой же характер сохраняет и сборник «Мои упражнении во время досугов. . .», отчасти повторяющий состав «Распускающейся розы. . .». Все свои сочинения М. подписывала: «Девица Александра Мурзина».

Лит.: *Макаров М. Н.* А. М. Мурзина // Дамский журн. 1830. Ч. 30. № 16.

В. П. Степанов

МУСИН-ПУШКИН Алексей Иванович [16 (27) III 1744, с. Иломна Ярославской губ.—1 (13) II 1817], граф. Получил домашнее образование; с 1757 по 1772 служил в артиллерии. С 1762 был адъютантом при генерал-адъютанте Г. Г. Орлове. В 1769 М.-П. привез в Москву *А. П. Сумарокову* ответное письмо Вольтера, пришедшее из Франции с почтой Г. Г. Орлова. В 1772–1775 путешествовал за границей, по возвращении — «церемониймейстер» при дворе *Екатерины II*. С 1784 — ст. советник.

С 1775 начал заниматься собиранием древнерус. рукописей, монет и др. «редкостей». Приобрел собрание рукописей *П. Н. Крекшина*, в т. ч. материалы о Петре I и др. Ряд рукописей получил от гр. Г. И. Головкина. Комплекс ростово-ярославских рукописей (в частности, автографы Димитрия Ростовского, *Самуила Миславского*, Арсения Мацеевича) М.-П. извлек из монастырских собраний благодаря посредничеству *Арсения Верещагина* (РНБ, Q.IV.267). В кон. 1780-х гг. М.-П. получил хронограф со «Словом о полку Игореве», хранившийся в Спасо-Ярославском монастыре. К нач. 1790-х гг. собрание рос. древностей М.-П. было хорошо известно в кругах «любителей древней письменности».

В 1789 *Екатерина II* поручила ведению М.-П. Корпус чужестранных единоверцев с типографией. В 1791 он был назначен обер-прокурором Синода. В том же году указом от 11 авг. ему было поручено собирать по церквам и монастырям древние рукописи, «до российской истории относящиеся». При этом М.-П., отбирая из присланных в Синод древнейшие списки, значительно обогатил свое собрание рос. древностей. Пользуясь рукописями М.-П., *И. Н. Болтин* опубликовал в 1788 «Примечания на Историю древния и нынешния России г. Леклерка. . .» (Т. 1–2). В собрании М.-П. в 1792 работал Йозеф Добровский. *Н. М. Карамзин* получал от М.-П. рукописи для работы над «Историей государства Российского» (в примечаниях к «Истории. . .» указаны «Пушкинский пергаменный Нестор» (Лаврентьевская летопись), «летопись Засецкого» (Софийская первая), «летопись Кривоборского» (Владимирский летописец), «Костромская летопись» (хронограф), рукопись «Жития Владимира Святославича» (нач. XV в.), двинские грамоты, новгородские судные грамоты, сб. XIV в. с «Русской Правдой»). О составе собрания дает представление «Реестр имеющимся у <. . .> Алексея Ивановича Мусина-Пушкина книгам, относящимся к истории российской» (РГАДА, ф. 1270, оп. 1, ч. 1, № 45; РГИА, ф. 797, оп. 1, № 1522).

Вступив в 1804 в О-во истории и древностей рос., М.-П. передал его членам для публикации Лаврентьевскую летопись и Летопись Кривоборского и подарил обществу несколько рукописей. Ряд рукописей М.-П. подарил библиотеке Киево-Могилянской академии.

Большой заслугой М.-П. является то, что он сделал достоянием рус. науки и культуры великие памятники Древней Руси: «Русскую Правду» (1792), «Поучение» Владимира Мономаха (1793) и «Слово о полку Игореве» (1800). В 1794 М.-П. опубликовал свой труд — «Историческое исследование о местоположении древнего российского Тмутараканского кня-

жения». Интерес к теме этого исследования, несомненно, навеян «Словом о полку Игореве», над которым в эти годы работали М.-П. и его соратники. В окончательной подготовке текста «Слова о полку Игореве» большую роль сыграли московские археографы *Н. Н. Бантыш-Каменский* и *А. Ф. Малиновский*, к сотрудничеству с которыми М.-П. обратился после переезда в Москву в 1798.

М.-П. принадлежит и ряд др. изданий. Он опубликовал «Русский временник» (1790. Ч. 1–2), «Лексикон российский исторический, географический, политический и гражданский» *В. Н. Татищева* (1795), «Историческое разыскание о времени крещения великой княгини Ольги» *Евгения Булгариса* (1792), «Книги Большому чертежу» (1792) и «Историческое замечание о начале и местоположении древнего российского так называемого Холопья города» (М., 1810).

По завещанию *И. П. Елагина* М.-П. получил его архив и издал по рукописи труд Елагина, относящийся к древнейшей истории, — «Опыт повествования о России» (М., 1803).

Особенности текстологических приемов М.-П. видны на примере издания текста «Русской Правды», «Поучения» Владимира Мономаха и «Слова о полку Игореве». В них проведена систематическая замена графики согласно орфографическим правилам XVIII в.: произведено разделение слов и расставлены прописные буквы, знаки препинания и конечное «ъ». По наблюдению Д. С. Лихачева, издатели «приноровили» тексты к орфографической системе церковнослав. печати второй пол. XVIII в.

В 1812 во время нашествия Наполеона собрание рос. древностей М.-П. сгорело в московском пожаре. Небольшая часть его сохранилась в ярославском имении М.-П.

Лит.: *Калайдович К. Ф.*: 1) Зап. для биографии гр. А. И. Мусина-Пушкина // Вестн. Европы. 1813. Ч. 72. № 21–22; 2) Биогр. сведения о жизни, учен. трудах и собрании рос. древностей гр. А. И. Мусина-Пушкина // Зап. и тр. О-ва истории и древностей рос. 1824. Ч. 2; *Лихачев Д. С.* История подготовки к печати текста «Слова о полку Игореве» // Тр. Отд. древнерус. лит. М.; Л., 1957. Т. 13; *Дмитриев Л. А.* История первого изд. «Слова о полку Игореве». М.; Л., 1960; *Филипповский Г. Ю.* Дневник Арсения Верещагина: (К истории рукописи «Слова о полку Игореве») // Вестн. Моск. ун-та. 1973. № 1; *Моисеева Г. Н.*: 1) Спасо-Ярославский хронограф и «Слово о полку Игореве». Л., 1976; 2-е изд. 1984; 2) О собрании рос. древностей А. И. Мусина-Пушкина // Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник 1983. Л., 1984; *Творогов О. В.* К вопр. о датировке Мусин-Пушкинского сб. со «Словом о полку Игореве» // Тр. Отд. древнерус. лит. М.; Л., 1976. Т. 31; *Козлов В. П.*: 1) Кружок А. И. Мусина-Пушкина и «Слово о полку Игореве»: Новые страницы истории древнерус. поэмы в XVIII в. М., 1988; 2) Мусин-Пушкин А. И. // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб., 1995. Т. 3.

Г. Н. Моисеева

МУСИН-ПУШКИН Аполлос Епафродитович, граф [ум. 1771]. Президент Берг-коллегии, отец известного ученого А. А. Мусина-Пушкина. В 1763 М.-П. поместил в журнале «Невинное упражнение» (№ 1–2) перевод сатирической повести Вольтера «Путешествие в Микрокосм одним из новых Пифагоровых последователей» и «Второе путешествие» (перепеч.: Друг просв. 1805. № 5). В предпосланном публикации «Письме к издателям» *Е. Р. Дашкова* заметила, что перевод кажется ей «остроумен и забавен». Для издания *М. М. Хераскова* «Переводы из „Энциклопедии“» М.-П. перевел статью «Минералогия» (1767. Ч. 2). В РГАДА хранится его записка «О размножении медной монеты в государстве» (ф. 19, оп. 1, № 170).

Лит.: *Чернышева Т. П.* Малоизвестные моск. журналы 1760–1764 гг.: («Невинное упражнение», 1763 г.) // Учен. зап. Моск. гор. пед. ин-та им. В. П. Потемкина. 1959. Т. 94.

А. Л. Топорков

Н

НАБЕРЕЖНИН Иван Андреевич [1764–10 (22) XI 1818, Тобольск]. Сын дьякона из с. Птичьего Челябинского у. Уфимского наместничества. В 1776 поступил в Тобольскую дух. семинарию; в 1786 был переведен в СПб. учит. семинарию, где с 31 дек. обучался арифметике, истории, географии, рисованию, готовясь к преподаванию в первом и втором классах народных училищ. 24 дек. 1788 Комиссия нар. уч-щ определила его учителем 1-го класса в Тобольское гл. нар. уч-ще, где со дня открытия (11 марта 1789) он преподавал «таблицу для складов, российский букварь, правила для учащихся, сокращенный катехизис, священную историю, руководство к чистописанию, российский язык, рисование». Впосл. стал учителем старших классов и вел в Тобольской гимназии, в которую было преобразовано училище, историю, географию и статистику. С 14 февр. 1817 он в чине кол. асессора исполнял обязанности директора гимназии, а 21 сент. 1818 был утвержден в должности (РГИА, ф. 730, оп. 1, № 48, л. 696 об.; № 156, л. 2 об.–3; № 191, л. 95 об.–96, 200 об.; № 192, л. 51, 247 об.; ф. 733, оп. 39, № 238; ф. 796, оп. 67, № 483, л. 79 об.; ф. 1349, оп. 4 (1813 г.), № 60, л. 203–206; оп. 4 (1814 г.), № 24, л. 295–298). Н. сотрудничал в издававшемся при Тобольском гл. нар. уч-ще журнале «Иртыш». Здесь была напечатана его «Речь, говоренная при открытом испытании <. . .> 1790 года июня 30 дня» (1790. Июнь), где развивалась мысль о том, что «ежели общественное благополучие, к которому все человеческие действия направляемы быть должны, состоит в благополучии каждого гражданина, который не иначе того достигнуть может, как храня непорочность нравов и добродетель; и ежели ко утверждению его в чистоте нравов, как бы некоторые предводители, потребны суть науки: то поистине следует, что ежели науки надлежащим образом употребляемы не будут, то никакое общество в совершенно цветущее состояние притти не может». Кроме того, в журнале были напечатаны стихотворения Н. «Песенка» («Ах, как скучно, мой любезный. . .») (1789. Нояб.), «Природа» (1790. Май), «Песенка» («Ничего я не желаю. . .») (1791. Март) и «Беспристрастие» (1791. Апр.; подражание или пер. фр. подражания канцонетте П. А. Д. Метастазио «Свобода»).

Лит.: *Замахаев С. Н., Цветаев Г. А.* Ист. записка о Тобольской гимназии, 1789–1889. Тобольск, 1889.

В. Д. Рак

НАВРОЦКИЙ Иван Авраамович (Абрамович). Происходил из дворян. Начал службу в 1736 в канцелярии Ревизион-коллегии. Затем работал в печатной конторе, в Сенате, в Военной коллегии регистратором. С июля 1746 находился в провиантской канцелярии кол. секретарем. В кон. 1748 определился в Гл. магистрат, откуда уволился в 1759. В сент. 1763 был направлен в Восп. дом, где год состоял в должности эконома. С сент. 1769 служил в Коллегии экономии сначала экзекутором, а с 1777 — отъезжим экономом. Здесь Н. получил

в 1772 чин титул. советника, а в 1778 — кол. асессора (формуляры 1777–1778 гг. — РГАДА, ф. 286, кн. 437, л. 282 об.; кн. 618, л. 123–124). Возможно, что в 1790-х гг. Н. служил в штате Петербургской управы благочиния и был членом Вольного экон. о-ва (см.: Сб. Рус. ист. о-ва. СПб., 1888. Т. 62. С. 50).

Н. перевел с нем. языка анонимный роман «Знатная корсиканка Содина» (1777). Выбор этого произведения для перевода был обусловлен, как писал Н. в предуведомлении, тем, что история, рассказанная в романе, «имеет различные перемены, которые к разным рассуждениям причину подают». В романе показано формирование нового буржуазного уклада жизни и активизация «третьего сословия». В центре авторского внимания судьба женщины, которая, как пишет в предисловии Н., «чрез великий труд из праха бедности и подлости до великой чести и богатства достигла». Он отмечает важную мысль романа о том, что «женский пол не только к одной поварне и хозяйству способным родится, но равномерно и к отправлению мужских дел привыкнуть и оных совершенно обучиться природную способность имеет». История Содины дает повод и к заключениям нравоучительного свойства: «. . .прилежание и труд, неленостное попечение и приданные природе разум и острота суть всеобщими лекарствами от бедности. <. . .> Не меньше же сего показует нам Содина, каковым образом и порядком <. . .> как в бедности, так и в богатстве будучи, себя содержать. <. . .> Равным же образом учит нас Содина мужественными быть и хитрость с силою соединять, а никогда неприятелей своих за безделицу не почитать». Н. пишет также: «. . .я нахожу в сей истории далее удивительный образец и некоторые правила как в супружественной любви, так и любовном обхождении не обязанных супружеством лиц».

Н. выступал и как историк, публикатор древнерус. документов. В «Опыте тр. Вольного Рос. собрания», членом которого он состоял, им изданы: «Грамота избрания и утверждения первая на царство царю Борису Федоровичу», «Духовная святейшего Иова, патриарха Московского и всея России», «Дворцовая записка по случаю рождения государя императора Петра Великого» (1776. Ч. 3; 1780. Ч. 5).

Н. принадлежит также перевод с нем. языка «Новой полной поваренной книги, состоящей из 710 правил, по которым всяк может с лучшим вкусом желаемые кушания приготовить» (1780).

Лит.: Венгеров. Источники. Т. 4 (1917).

Л. И. Сазонова

НАЗАРЬЕВ Александр Петрович [1724 или 1725–не ранее 1789]. Сын гвардии солдата, отставленного от службы в 1704, получившего в 1742 решением Сената чин прапорщика и имевшего 275 крепостных в Алатырском и Арзамасском у. Нижегородской губ. В 1743 Н. подал прошение о вступлении солдатом в Преображенский полк, где в то время служил прапорщиком его родственник Михаил Назарьев (РГАДА, ф. 286, № 269, л. 536, 561 об.). Однако по решению Сената в апр. 1743 Н. был определен в Инж. школу (РГВИА, ф. 826, оп. 2, № 1141, л. 154 об.). 10 дек. 1745 Н. был произведен в чин кондуктора 3-го класса. В марте 1746 был отправлен из Петербурга в Ригу «для будущей кампании» (ВИМАИВВС, ф. 2, оп. ШГР, № 582) — с целью участия в походе вспомогательного корпуса рус. войск в Германию, а в 1747 командирован в Аренсбург (ВИМАИВВС, ф. 2, оп. ШГФ, № 905, л. 77 об.–78). 7 окт. 1748 Н. был присвоен чин кондуктора 2-го класса (РГВИА, ф. 286, оп. 2, № 1141, л. 219). После 1748 Н. в списках инженерного ведомства не значится. В 1776 поручик Н. занимал квартиру в Семеновском полку, а затем на Малой Подьяческой ул. в доме досмотрщика Ивана Фролова (СПб. вед. 1776. 11 нояб. № 91. Приб.).

Н. И. Новиков упоминает о Н. как о поручике в отставке, сочинившем «две торжественные изрядные оды, которые и напечатаны в Москве 1767 года» (Новиков. Опыт словаря (1772)), имея в виду «Оду ее величеству <. . .> императрице

и самодержице всероссийской <. . .> на <. . .> день рождения ее величества»; «Оду императрице Екатерине II на прибытие ее в Москву 1767 года» (числится среди разыскиваемых изданий).

Н. написал еще пять од, отличающихся риторическим витийством. «Ода ее величеству императрице и самодержице всероссийской Екатерине Алексеевне. . .» (1777) прославляет военные успехи России. В «Оде на благополучнейший и радостнейший день тезоименитства <. . .> великой княгини Марии Федоровны. . .» (1777) нимфа призывает воспеть именинницу и царствование *Екатерины II*. «Ода ее величеству императрице Екатерине II <. . .> на благополучное <. . .> прибытие в город Херсонь» (1787) описывает могущество и «богоугодные» дела монархини. Одно из лучших произведений Н. — проникнутая глубоким чувством «Ода на день кончины артиллерии сержанта Михаила Бахметева, сочинена учителем его Александром Н. . . . .» (б. г.; относится к 1770-м гг.). Авторство ее, как и «Оды его сиятельству князю Борису Григорьевичу Шеховскому с его супругою княгинею Варварою Александровною <. . .> Строгоновою на построение нового дому в Нижегородском уезде в селе Гордеевке. Сочинял А. Н.» (б. г.), установлено по экземпляру БАН, в котором эти оды находятся в одном конволюте с др. произведениями Н. Большое место в последней оде занимает описание природы.

Н. также является автором считавшегося анонимным романа «Несчастный Никанор, или Приключение жизни российского дворянина Н********» (ч. 1 была напечатана (1775) в типографии Арт. и инж. корпуса И. К. Шнором, как и оды Н. 1770-х гг.; написанную тогда же ч. 2 Н. не смог сразу издать вследствие материальных затруднений (СПб. вед. 1776. 11 окт. № 82. Приб.)).

Очевидно, в 1780-е гг. Н. переехал в Москву. В типографии С. Пономарева «иждивением С. Петрова» наряду с одной из од он перепечатал две части своего романа, внес в ч. 1 некоторые изменения. Ч. 1–2, представляя собой законченное сюжетное целое, напоминают мемуарное повествование. Излагая перипетии судьбы главного героя — обедневшего дворянина Никанора, Н. использовал факты своей служебной и личной биографии, соединив их с художественным вымыслом, ввел в качестве произведений главного героя свои стихи («Оду на день кончины <. . .> Михайла Бахметева» в варианте, стилистически более предпочтительном, чем текст отдельного издания, а также не публиковавшуюся ранее «Оду ее величеству <. . .> императрице <. . .> Екатерине Алексеевне <. . .> на проливаемое <. . .> в народ правосудие с матерними щедротами», два сатирических стихотворения и эпитафию). Роман интересен и в языковом отношении как пример соединения просторечной, профессиональной и книжной лексики.

Ч. 3 романа, напечатанная в типографии С. Пономарева и А. А. (А. Анненского) в 1789, ориентирована на опыт бытовой нравоописательной прозы. По стилю и языку она настолько отличается от первых двух, что можно предположить др. авторство. Возможно, автором ч. 3 либо лицом, представившим ее к публикации, был родственник Н., поручик Преображенского полка Иван Назарьев. Выйдя в 1778 в отставку, он поселился в Симбирской губ., где у него родился сын Никанор (1797), впосл. отец известного провинциального писателя В. Н. Назарьева (1830–1902).

Лит.: Новиков. Опыт словаря (1772); Сиповский. Очерки. Т. 1, вып. 2 (1910); *Шкловский В.* Матвей Комаров, житель города Москвы. Л., 1929; *Автухович Т. Е.* Анонимный роман «Несчастный Никанор»: Эпизод из истории формирования жанра // XVIII век. СПб., 1991. Сб. 17.

Т. Е. Автухович,
Е. Д. Кукушкина

НАКОВАЛЬНИН Сергей Федорович [1732–кон. 1772]. Сын премьер-майора, затем полковника, коменданта в г. Нежине. Учился в Сухоп. шлях. корпусе (с 1750); был выпущен поручиком и остался при корпусе преподавателем (с 12 февр.

1760). 6 февр. 1767 переведен в армейские полки (РГИА, ф. 10, оп. 1, № 564, ч. 3, л. 54), но покинул службу и с 22 июня 1767 состоял прокурором в Судном приказе в Москве.

В 1758 Н. перевел с нем. языка рукописный учебный курс «Политической географии. . .» преподававшего в корпусе И. М. Греча, а затем самостоятельно продолжил его (1761. Ч. 2; 1765. Ч. 3). Ч. 4 была издана посмертно Собранием, старающимся о переводе иностр. книг. В «предуведомлении» было указано, что, несмотря на прекращение преподавательской деятельности, Н. продолжал работу над своим географическим обозрением и «намерен был сделать оное о всех не только европейских, но и прочих известных государствах и владениях в свете». Будучи корпусным преподавателем, Н. занимался также обработкой материалов географической анкеты «Запросы, которыми требуются в Сухопутный шляхетный кадетский корпус географические известия изо всех городов во всех губерниях и провинциях Российского государства для сочинения описания оных», распространенной по России в 1760.

Самым важным трудом Н. является многолетняя работа по собиранию сочинений *Феофана Прокоповича*, сверка и подготовка к изданию собрания его речей, проповедей и богословских произведений, по возможности наиболее полного.

В 1760 Н. подал в Синод для цензурования 43 проповеди Прокоповича (20 печатных и 23 рукописных), вызвавшие ряд замечаний (проповедь об иконопочитании была запрещена; еще одна, по решению Синода, серьезно переработана). Официально Н. было разрешено напечатать один «завод» (1200 экз.), однако на деле издание «Феофана Прокоповича <. . .> слова и речи поучительные, похвальные и поздравительные, собранные и некоторые вторым тиснением, а другие вновь напечатанные» (1760–1765. Ч. 1–3) было напечатано на счет Н. в количестве 5000 экземпляров. При ч. 1 Н. поместил список др. собранных им произведений Прокоповича; некоторые из них появились в издании *Н. И. Новикова*, вышедшем уже после смерти Н. («Феофана Прокоповича <. . .> богословские сочинения. Полного собрания часть 4», 1774; обещанная ч. 5 не была издана). В предисловии Н. определил Прокоповича как зачинателя новой рус. литературы, «поборника и провозвестника великих трудов и преславных дел обновителя и просветителя России Петра Великого». Резкая оценка дана предшествующей эпохе Средневековья, «когда вся Европа в невежестве погружена лежала и вместо Цицерона и Вергилия со услаждением читали негодные схоластических учителей сложения», той эпохе, которая оставила России «многие, впрочем, чести своей достойных, но посредственных писателей в печать изданные сочинения». Вместе с тем Н. со ссылками на Горация и Цицерона вынужден был объяснять и оправдывать «неравный слог» Прокоповича — смешение слав., простонародных слов и украинизмов — «в Великой России не употребляемых слов». В своем издании Н. широко заменял устаревшие слова и словосочетания, подновлял транскрипции иностранных слов, иногда заменял их рус. эквивалентами, изменял синтаксис. Он напечатал тексты в соответствии с правописанием, «употребляемым в новейших церковных книгах», цитаты привел по «новоисправленной» елизаветинской Библии, исправил ошибки первопечатных изданий произведений Прокоповича. Особое внимание он уделял поиску «лучших списков» рукописных текстов. Тем не менее в издание оказалось ошибочно включено «слово» *Иоанна Кременецкого* 1717 на возвращение Петра I из-за границы.

Книга расходилась плохо (РГИА, ф. 796, оп. 45, № 272, л. 9); в 1769 за долги издателя тираж ч. 3 был арестован в типографии Сухоп. шлях. корпуса. Готовился нем. перевод издания (см.: Лейпцигское известие (1768)); о публикации его сведений не имеется. Издание Н. до сих пор остается наиболее полным и серьезным собранием сочинений Прокоповича.

Лит.: *Шамрай Д. Д.*: 1) Об издателях первого частного рус. журн. (по мат-лам арх. Кадет. кор-

пуса) // XVIII век. М.; Л., 1935. Сб. 1; 2) Цензурный надзор над типографией Сухоп. шлях. кадет. корпуса // XVIII век. М.; Л., 1940. Сб. 2; *Еремин И. П.* Предисл. //Феофан Прокопович. Соч. М.; Л., 1961.

В. П. Степанов

НАРТОВ Андрей Андреевич [25 XI (6 XII) 1737, Петербург–2 (14) IV 1813, там же; похоронен на Смоленском кладбище]. Сын *А. К. Нартова*. Образование получил в Акад. гимназии и университете, откуда перешел в Сухоп. шлях. корпус. В 1754 отец Н. обратился в Сенат с просьбой перевести Н., только что окончившего «студентский класс в кадецком корпусе», в учрежденную просителем Механическую школу, что было оставлено без последствий. По окончании корпуса в 1755 Н. был выпущен поручиком в армию. После кончины Нартова-отца из-за его долгов семья (в т. ч. 9 детей) оказалась в стесненном положении, пока в 1756 Н.-сын не выхлопотал из Кабинета е. и. в. 2000 руб. В 1756 г. Н. был переведен во Второй осадный полк Арт. корпуса. Покровительствуемый П. И. Шуваловым, в 1758 Н. был произведен в капитаны, в 1759 — в майоры, в 1763 пожалован подполковником. С 1766 Н. служил в Берг-коллегии в «особливом департаменте по монетным делам», от которого в 1767 был избран депутатом в Комиссию нового Уложения, где входил в частную комиссию о полиции. С 1770 — ст. советник. В 1777 Н. был назначен вице-президентом Монетного деп.; с 1779 — д. ст. советник. В 1781 был определен вице-президентом Берг-коллегии и присутствующим в Монетном. деп. В 1796 — т. советник и президент Берг-коллегии (до 1798; дело о службе Н.: РГИА, ф. 796, оп. 77, № 565). В 1797 подал прошение о назначении его сенатором, но получил отказ (РГИА, ф. 1374, оп. 1, № 398, л. 21 об.–22). В 1800 подавал прошение об определении на службу (РГИА, ф. 1374, оп. 7, № 324), оставшееся без ответа. Д. т. советник (1807) и кавалер орденов св. Анны 1-й степени (1804), а также датского Данеброга Большого креста.

В 1772 Н. совместно с *М. М. Херасковым* и *М. М. Щербатовым* был поставлен во главе Медального комитета, созданного «для учреждения медалической <. . .> со времени государя императора Петра Великого истории». По утверждении императрицей текста и рисунков медалей комитету надлежало приступить к изданию «медалических книг», а др. комитету, куда входил *Я. Я. Штелин*, к изготовлению самих медалей. Н. отстаивал мнение о необходимости употребления рус. языка в тексте надписей на медалях. Заседания комитета проходили еженедельно с 22 мая 1772 по 14 авг. 1774 поочередно в домах Хераскова и Щербатова; результатом явился труд, включающий 128 рисунков медалей на события жизни и царствования Петра I, их описание и исторический комментарий к ним; в этом труде Н. принадлежало 46 инвенций; комментарии Н. были весьма пространными (рукопись: Науч. б-ка КазГУ, № 4417, т. Е; копия: РНБ, ф. 885, Эрмитажное собр., № 100). После прекращения заседаний комитета Н. «один, продолжая труд сей, сочинил Медалическую Историю императриц Екатерины I, Анны Иоанновны и Елисаветы Петровны» (Евгений. Словарь. Ч. 2 (1845). С. 100). Работа Н. продолжалась до нач. 1780-х гг., когда сама *Екатерина II* увлеклась медальерным искусством и создала проекты обширной ретроспективной серии на события древней рус. истории.

В 1760-е гг. Н. пользовался известностью в литературных кругах: «Человек острый, ученый и просвещенный, искусный во французском, немецком и своем природном языках; также в математике, химии и других науках. Он сочинил много весьма изрядных мелких стихотворений, как-то: елегии, сонеты, оды анакреонтические, епиграммы и другие стихотворения и случайные стихи, напечатанные в академических и московских сочинениях разных годов. Также сочинил он несколько торжественных од и епистолу к верным сынам отечества, весьма достойные похвалы. <. . .> Его переводы весьма много похваляются, и он чрез сие приоб-

рел немалое к себе почтение, а за некоторые из его переводов и заслужил великую похвалу» (Новиков. Опыт словаря (1772). С. 145–147). Гипотеза А. А. Морозова о том, что первым литературным трудом Н., датируемым 1750, была эпиграмматическая пародия «Вывеска» на выход т. 1 «Римской истории» Ш. Роллена в переводе *В. К. Тредиаковского* (см.: Рус. стих. пародия. С. 93, 680), неверна: в это время Н. было всего 13 лет; данный же перевод увидел свет лишь в 1761, и датировка его этим годом представляется более точной. Эта и др. пародии Н. вошли в корпус поэтических текстов «Разные стиходействия» (т. н. «Казанский сборник» — ИРЛИ, р. II, оп. 1, № 635). В своем поэтическом творчестве Н. следовал ломоносовской традиции. Из произведений Н. известны: «Епистола к верным сынам отечества», посвященная А. С. Строганову (Ежемес. соч. 1762. Ч. 16; отд.: 1762; 2-е изд. 1785) и «Ода на всерадостное восшествие на престол <. . .> императрицы Екатерины Алексеевны <. . .> 28 июня 1762» (1762). В «Епистоле. . .» Н. выражал надежду, что Екатерина II по степени справедливости сможет превзойти Солона и Ликурга, а по мудрости и добродетельности правления — императора Тита. Последний поэтический опыт Н. относится к нач. 1780-х гг.; это неопубликованный перевод песни 1 «Мессиады» Ф.-Г. Клопштока; по всей видимости, работу над ним Н. прекратил из-за того, что в 1785–1787 был издан полный перевод «Мессиады», выполненный *А. М. Кутузовым*. Н. весьма интересовался теорией поэзии — сохранились выполненные им переводы с фр. «О лирическом стихотворстве» и «Что такое эклога?» (последний был послан Н. в 1774 Вольному Рос. собранию). Возглавив Рос. Академию, Н. предложил составить «Науку российского стихотворства», но это предложение не нашло поддержки.

С сер. 1750-х гг. Н. стал одним из ведущих сотрудников «Ежемес. соч.», «Трудолюбивой пчелы», «Праздного времени» и «Полезного увеселения»; традиционное мнение об участии Н. в «Утр. часах» в настоящее время оспаривается (см.: *Рак В. Д.* Переводческая деятельность И. Г. Рахманинова в журн. «Утр. часы» // Рус. культура XVIII в. и западноевроп. лит. Л., 1980. С. 95–96). По преимуществу Н. был известен как переводчик, причем только с нем. и фр. языков (классических (Геродот, Плиний Младший, Овидий, Курций, Саллюстий, Псевдо-Лукиан) и датских (Л. Гольберг) авторов он переводил тоже с этих языков). Н. впервые в печатном тексте на рус. языке упомянул имена Данте, Г.-Э. Лессинга и Э. Юнга.

Наиболее известный труд Н. — перевод с нем. «Истории» Геродота (Повествования Иродота Аликарнасского. 1763–1764. Т. 1–3; посв. Екатерине II), сопровожденный «Кратким известием о жизни Иродота Аликарнасского» (Т. 1. С. V–VIII). Перевод достаточно точен и близок к подлиннику. В 1763 т. 1 выходил двумя изданиями; во 2-е издание Н. внес ряд исправлений. Также с нем. Н. перевел «Слово похвальное императору Траяну, говоренное римским консулом Каием Плинием Цецилием Вторым», присовокупив к нему составленное им «Краткое описание жизни императора Траяна». В посвящении Екатерине II Н. сравнивал ее с Плинием Младшим. Несмотря на наличие изданного в 1759 Академией наук анонимного перевода с лат. «Киропедии» Ксенофонта, в 1766 в той же Акад. типографии Н. издал свой перевод с фр. выполненного Ж. Пернетти популярного пересказа этого памятника под загл. «Спокойствие Кирово, или Повествование его жизни от шестнадцати до сорока лет рождения его».

Из памятников нем. Просвещения Н. перевел «Наставление о военном искусстве» Фридриха Великого (1762; 2-е изд. 1791; на тит.: 1762), «Торжество философии» Л.-А.-В. Готшед и комедию Г.-Э. Лессинга «Молодой ученый» (оба произв. изд. 1765). Перевод «Торжества философии» был посвящен наследнику престола вел. князю Павлу Петровичу и лично поднесен ему Н. 20 февр. 1765. «Молодой ученый» был первым переводом Лессинга на рус. язык и на иностранные языки вообще; выведен-

ный в этой комедии педант-латинист напоминал *В. К. Тредиаковского*. Имеется указание на то, что эта пьеса была поставлена на сцене студентами Моск. ун-та как в переводе Н., так и по-немецки (см.: *Peterson O. P.* Schiller in Russland. 1785–1805. New York, 1934. S. 159).

Значителен вклад Н.-переводчика в формирование репертуара рус. театра. Н. дал для сцены свои переводы комедий Ж.-Ф. Пуллена де Сен-Фуа, Ф.-Н. Детуша, Дж. Лилло, Л. Гольберга, Г.-Э. Лессинга; все они были поставлены в 1757–1760 и входили в репертуар вплоть до кон. 1760-х гг. (Драм. словарь (1787). С. 20, 22, 36, 40–41, 109). Позднее появились отдельные издания (некоторые из них составили издательские конволюты) переводов Н. с фр. (комедии Пуллена де Сен-Фуа «Грация» ([1760]), Детуша «Притворная Агнеса, или Сельский стихотворец» и «Привидение с барабаном, или Пророчествующий женатый» (обе — 1764), «трагедия мещанская» Лилло «Лондонский купец, или Приключения Георга Барневилля» (1764)) и с нем. языков (комедии Гольберга «Генрих и Пернилла, или Спор между бедностию и богатством», «Превращенный мужик» (в ориг.: «Йеппе с горы») (обе — 1765) и его же трагедия «Артаксеркс» (1764)). «Привидение с барабаном. . .» было поставлено в переводе Н. в Петербурге в 1759 — ранее, чем оригинал в Париже в 1762. Ряд переводов Н., увидевших сцену, так и не был напечатан; некоторые сохранились в архиве Н. в Науч. б-ке КазГУ.

Отдельными изданиями вышли переведенные Н. с фр. «Слово похвальное <. . .> графу Тюренну» Э. Флешье (1763), «Бакалавр Саламанский, или Похождения дона Херубина де ла Ронда» А.-Р. Лесажа (1783. Ч. 1–2; 2-е изд. 1784) и ч. 1 «Картины Парижа» Л.-С. Мерсье (1786). Перу Н. принадлежат также переводы с нем. руководств И.-Г. Лемана «Минералогия» (1772), И.-Э.-И. Вальха «Каменное царство» (1774), Дж. А. Скополи «Металлургия» (1800); в рукописи остался составленный самим Н. в 1790 лат.-рус.-нем. «Словарь минералогический». Будучи президентом Рос. Академии, Н. возглавлял работу по коллективному переводу «Путешествия младшего Анахарсиса по Греции» Ж.-Ж. Бартелеми и сам перевел ч. 1 (1804). «Также перевел он много и других пиес, которые еще не напечатаны; они следующие: письмо к Кейту о тщетном ужасе смерти, письмо к Фердинанду Принцу Прусскому: оба из сочинений его величества короля Прусского; письмо Вольтерово о словах похвальных, несколько од из Анакреонта, Китайский катехизис, о происхождении еклоги и много других» (Новиков. Опыт словаря (1772). С. 146). Ряд неопубликованных переводов сохранился в архиве Н., в частности «Жизнь китайского мудреца Конфуция» (приложение включает 81 изречение — «оставленные им ученые премудрости», и по составу не совпадает с переводами конфуцианских текстов *М. И. Веревкина* и Щеглова).

С именем Н. связывается авторство т. н. «Рассказов Нартова о Петре Великом» — известного по единственному списку (не ранее 1818 — РГБ, Музейное собр., № 2747) свода записей о Петре I, приписываемого отцу Н. (впервые: Сын отеч. 1819. Ч. 54–58). Как установил Л. Н. Майков, осуществивший критическое издание «Рассказов» в 1891, их текст включает в себя не только неизвестные по др. источникам воспоминания А. К. Нартова и записанные им устные рассказы современников Петра I, но также и пересказ западноевроп. печатных источников на фр. языке, а именно «Воспоминаний о царе Петре Великом» Ж. Руссе (Гаага, 1725–1726), «Истории Карла XII» Вольтера (1731), «Истории Петра» Э. Мовийона (Амстердам, 1742 или Лейпциг, 1742), «Истории Российской империи при Петре Великом» Вольтера (1761–1763); из отечественных источников были учтены сведения из «Журнала, или поденной записки, Петра Великого», изданного М. М. Щербатовым (1770–1772). Сравнение текста «Рассказов» с оставшимися после кончины «токаря Петра Великого» (ошибочно называемого Майковым «слесарем») бумагами, вывод об очевидной невозможности знаком-

ства Нартова-отца с появившимися после его смерти сочинениями на незнакомом ему фр. языке окончательно укрепили Майкова в атрибуции «Рассказов» Н.-сыну (*Майков Л. Н.* Рассказы Нартова... С. XIII–XIX); данное заключение никогда не было подвергнуто сомнению, однако в популярной литературе до сих пор этот памятник рассматривается как аутентичный источник, якобы созданный одним из «птенцов гнезда Петрова» в свободное от «токарного художества» время.

Н. принадлежат также «Речь о пользе минералогии в отношении к хлебопашеству» (Тр. Вольного экон. о-ва. 1766. Ч. 2), «Речь в чрезвычайном собрании Вольного экономического общества» (1797), «Речь в первом торжественном собрании Российской Академии в новом доме 12 июня 1804 г.» (СПб., 1804) и др. речи. Н. был автором ряда статей по горному делу, помещенных в изданиях Академии наук на фр. и нем. языках, а также большого количества статей различного содержания, опубликованных в «Тр. Вольного экон. о-ва» и «Записках деяний Вольного экон. о-ва». В «Опыте тр. Вольного Рос. собрания» Н. начал публиковать свой перевод с нем. «Повествования человеческого разума»; свет, однако, увидели только главы «О даровании», «О климате», «О летах, или старости» и «О теле» (1775–1780. Ч. 2–5). Отдельным изданием вышло «Описание земляного ореха и опыта над произращением оного в Санкт-Петербурге 1803 года» (СПб., 1803; 2-е изд. СПб., 1804).

Н. сочетал в себе множество разнообразных талантов: он был одним из основоположников отечественной минералогии, лесоводства, палеонтологии, интродукции растений, экономики сельского хозяйства; значительна роль Н. в упорядочении научной терминологии и монетного обращения, а также в развитии медальерного искусства и кустарных производств.

Жизненный путь Н. отличался ровным и последовательным восхождением по иерархической лестнице. Остроумный и талантливый, Н. считался одним из наиболее образованных людей своего времени, к тому же он обладал несомненными административными дарованиями. К нему благоволили лично знавшие его рос. самодержцы от Елизаветы Петровны до Александра I.

Н. был одним из основателей Вольного экон. о-ва, его первым секретарем (с 1765 по 1778 и с 1787 по 1797) и президентом (с 1797 по 1813). Его роль в деятельности общества была исключительно важной. Благодаря ему были официально признаны заслуги *А. Т. Болотова* в развитии сельского хозяйства и он был привлечен в 1766 к участию в «Тр. Вольного экон. о-ва». Н. был избран почетным членом Академии наук (с 15 дек. 1796), Академии художеств, Харьковского ун-та, Королевской Стокгольмской академии, Вольного Рос. собрания при Моск. ун-те, Лейпцигского ученого о-ва свободных наук и художеств и др.

29 мая 1801 Н. был назначен президентом Рос. Академии, не быв до того времени ее членом; в этом звании он оставался до своей кончины. При вступлении в должность на заседании 5 июня 1801 Н. указал сочленам следующие темы для занятий: «а) Задать к сочинению похвальное слово Екатерине Второй <...>; б) Пригласить <...> упражняющихся в российском стихотворении к сочинению оды на день коронования <...> Александра Первого; в) Поручить искусному члену Академии собирать высочайшие указы и учреждения <...> Александра Первого <...>; г) Задавать к сочинению похвальные слова особам, знаменитыми подвигами своими бессмертную славу снискавшим, и другие творения, до словесности российской относящиеся <...>; д) Издавать сочинения, до словесных наук относящиеся <...> к чему все упражняющиеся в сочинении на российском языке приглашены быть должны через Ведомости». На заседании 21 июня 1802 Н. довел до сведения сочленов свое «Начертание о переводах и ежемесячных сочинениях, каковые Российская Академия издавать в свет намерена». Предложенная Н. программа предусматривала в сжатые сроки сделать новые переводы классических

авторов и распространять их силами Рос. Академии, однако свет увидел лишь упомянутый выше коллективный перевод Бартелеми. Для Рос. Академии Н. также составил проект устава, где значительное внимание было уделено искоренению грубости и недоброжелательства в отношениях между сочленами.

Н. был одним из видных масонов своего времени; в 1773 он основал в Петербурге ложу «Горус» и был в ней мастером стула. Привыкший к абсолютной власти в подчиненных ему учреждениях, Н. был склонен как к автономии, так и к автократии во всех прочих сферах своей деятельности, что привело к некоторому охлаждению его отношений с масонскими кругами. 26 апр. 1783 московские братья, составившие по постановлению Вильгельмбадского масонского конвента директорию VIII провинции Ордена, обнимавшей всю Россию, учредили по этой системе ложу-мать в Петербурге под руководством *А. А. Ржевского*. Некоторые петербургские масоны выступили против этой кандидатуры и зависимости от московских братьев; они просили открыть в Петербурге самостоятельную префектуру, но в этом им было отказано. Видную роль среди масонов-сепаратистов играл Н. Аналогичная жалоба Н. и его сторонников руководству Ордена в Лионе успеха также не имела (Лонгинов. Новиков и мартинисты (1867). С. 197). В 1784 сочлены заподозрили Н. в принадлежности к иллюминатству, что, однако, не помешало *И. П. Елагину* в 1786 упомянуть Н. в числе кандидатов на звание кавалера во «втором Елагина союзе». Масонская деятельность Н. во второй пол. 1780-х гг. протекала вне общения с московскими сочленами. Несомненна роль Н. как главы Берг-коллегии в распространении масонских идей на окраинах России.

Проповедуя масонские принципы нравственного самосовершенствования, Н. в повседневной жизни поступал прямо противоположным образом. Жена служившего под началом Н. минералога А. М. Карамышева вспоминала, что ее мужа именно Н. «начал вводить <. . .> во все пороки. <. . .> Пошли карточные игры, пьянства, распутные девки были их собеседницы. <. . .> Наконец, и у нас в доме началась карточная игра, и целые дни и ночи просиживали. И можно себе представить, что я слышала: шум, крики, брань, питье, сквернословие; даже драки бывали! . .» (*Лабзина А. Е.* Воспоминания. 1758–1828. СПб., 1914. С. 61). Двойственность служебного и бытового поведения Н. привела к различной его оценке современниками: если для Лабзиной Н. — «злодей», «эдакий подлец и безбожник», то для Болотова Н. — «премилый человек», «благотворитель и преласковый генерал» (Жизнь и приключения Андрея Болотова. . . СПб., 1873. Ч. 4. С. 723). Страсть Н. к игре временами оставляла его семью (на иждивении Н. находилось 8 детей) без средств; Рос. Академия была вынуждена взять на себя расходы по его погребению (см. прошение душеприказчиков Н. М. Беляева, *К. И. Дарагана* и П. Юдина — СПбФ АРАН, р. V, оп. 1, № 4, л. 5). Н. был женат на княжне Елизавете Петровне Мещерской (1744–1779).

Архив Н. хранится в Науч. б-ке КазГУ и СПбФ АРАН.

Лит.: Новиков. Словарь (1772); Казанские изв. 1813. № 21; Сев. почта. 1813. № 31; Евгений. Словарь. Ч. 2 (1845); *Ходнев А. И.* История имп. Вольного экон. о-ва. СПб., 1865; Ефремов. Мат-лы (1867); Сухомлинов. Рос. Академия. Вып. 2, 8 (1870, 1873); *Лонгинов М. Н.* Рус. писатели XVIII в.: А. А. Нартов // Рус. старина. 1873. № 10. С. 581–588; *Лоранский П. И.* Ист. очерк Горного ин-та. СПб., 1873; Неустроев. Ист. разыскание (1874); *Артемьев А. И.* Опис. рукописей, хранящихся в б-ке Казанского ун-та. СПб., 1882; *Майков Л. Н.* Рассказы Нартова о Петре Великом. СПб., 1891; *Лобанов-Ростовский А. Б.* Рус. родословная книга. 2-е изд. СПб., 1895. Т. 2; *Черняев П. Н.* Следы знакомства рус. о-ва с древнеклас. лит. в век Екатерины II. Воронеж, 1906; Венгеров. Рус. поэзия. Т. 1, вып. 6 (1897); *Ешевский С. В.* Соч. по рус. истории. М., 1900; *Кубасов И. А.* Нартов А. А. // Рус. биогр. словарь. Т. «Нааке-Накенский–Нико-

лай Николаевич Старший» (1914); Пыпин. Рус. масонство (1916); Вернадский. Рус. масонство (1917); Bakounine. Le répertoire (1940); *Щукина Е. С.* Рус. медальерное искусство XVIII в. Л., 1963; Берков. История комедии (1977); *Гизе М. Э.* Нартов в Петербурге. Л., 1988.

М. П. Лепехин

НАРТОВ Андрей Константинович [28 III (7 IV) 1680, Москва—6 (17) IV 1756, Петербург]. Отец *А. А. Нартова*. С 1709 Н. заведовал токарными инструментами на Сухаревой башне в Москве, с 1712 переведен в петербургскую токарную мастерскую Петра I. 1718—1720 провел в Берлине, Париже, Лондоне и Голландии, где по заданию царя усовершенствовался в ремесле и закупал инструменты. Н. получил отличный отзыв о своем искусстве от президента Парижской академии аббата Биньона. Вернувшись в Россию, продолжал работать в токарне Петра и был главным консультантом царя в вопросах токарного искусства. С 1723 руководил всеми царскими мастерскими. В 1724 подал проект об учреждении Академии разных художеств. В ней предполагалось сосредоточить обучение рус. юношей ремеслам, живописи и скульптуре. Директором академии должен был стать сам Н. Петр одобрил проект, но не успел осуществить его. В 1726 императрица Екатерина I посылает Н. в Москву на Монетный двор для механизации производства. В 1735 императрица Анна Иоанновна передала в ведомство Академии наук токарные станки из мастерской Петра. Для лучшего их сбережения из Москвы был выписан Н.

Как сподвижник Петра, Н. выдвинулся в первый ряд борцов против нем. засилья в Академии наук. В 1742 от имени Н. в Сенат было подано прошение о злоупотреблениях И.-Д. Шумахера. После ареста Шумахера Н. (с 4 нояб. 1742) было поручено управление Акад. канцелярией. Неумелые действия и грубость в обращении с членами Академии наук вскоре лишили Н. сочувствия со стороны прежних союзников, в т. ч. *М. В. Ломоносова*. 5 дек. 1743 Н. был возвращен к исполнению прежних обязанностей. В дальнейшем Н. консультировал строительство Кронштадтского канала, работал над рукописью «Театрум махинарум, то есть ясное зрелище махин», содержавшей чертежи и описания машин. В 1754 получил чин ст. советника.

Н. приписывается составление сборника из 162 анекдотов «Достопамятные повествования и речи Петра Великого». В рукописи (ряд списков) Н. назван автором анекдотов. Однако в предисловии (от имени автора) содержатся ошибки, показывающие, что анекдоты не могли быть записаны Н. в 1727. Н. вообще не был человеком письменной культуры. Письма и документы, подписанные его именем, составлялись обычно не им. Слог анекдотов — разработанный литературный язык с инверсиями — явно принадлежит последней трети XVIII столетия.

По мнению Л. Н. Майкова, издававшего сборник, автором анекдотов был А. А. Нартов. Из 162 анекдотов только 33 Майков находил возможным считать действительными сообщениями Н. Вероятно, собственных рассказов Н. в сборнике еще меньше. К ним с уверенностью можно отнести лишь те анекдоты, в которых содержатся конкретные биографические сведения о Н. Во мн. случаях токарня существует в анекдоте только как место, к которому приурочены разговоры Петра на политические или экономические темы, и не играет никакой роли в повествовании.

В сборнике Петр представлен чаще всего в момент принятия важных государственных решений, ведущим разговор на значительную тему — тогда его реплики лишены черт индивидуального стиля, или в частной жизни — тогда высказывания его игривы или циничны. Некоторые особо вольные анекдоты об обращении Петра с женщинами или с духовенством были исключены цензурой при публикации в «Москвитянине» (1842).

Позднелитературный характер анекдотов из сборника Н. особенно ощутим при сопоставлении с сурово-панегирическим стилем анекдотов *И. И. Голикова*. Голиков рукописью сборника Н. не распола-

гал и на Н. как носителя анекдотов не ссылался.

Лит.: *Устрялов Н.* История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. 1; Пекарский. Наука и лит. Т. 1 (1862); *Билярский П. С.* Мат-лы для биографии Ломоносова. СПб., 1865; Пекарский. История Академии наук. Т. 1–2 (1870–1873); *Шмурло Е.* Петр Великий в рус. лит. СПб., 1889; *Майков Л. Н.* Рассказы Нартова о Петре Великом. СПб., 1891; Пб. некрополь. Т. 3 (1912); *Лихач Е.* Нартов А. К. // Рус. биогр. словарь. Т. «Нааке-Накенский–Николай Николаевич Старший» (1914); *Дружинский И. А., Федосеева Е. П.* «Театрум махинарум» А. К. Нартова. Л., 1956; *Загорский Ф. Н.* А. К. Нартов. М., 1969.

М. Б. Плюханова

НАРЦИСКИН Яков Федорович. Стихотворец последней трети XVIII в. По национальности из малороссиян. Начал учиться в Акад. гимназии (1761–1764), затем перешел в Моск. ун-т и в 1766 стал «студентом английского класса». К этому времени относится первое литературное выступление Н. На церемонии, устроенной Моск. ун-том по случаю бракосочетания вел. князя Павла Петровича с Натальей Алексеевной 19 окт. 1773, он произнес приветственную речь на англ. языке (опубл. по-английски и в рус. автопереводе в сб. «Торжество <. . .> в котором Московский университет публичными речьми на разных языках всеподданнейшие приносил поздравления. . .», 1773), являющую собой характерный пример риторической прозы; Н. воздает «благодарения» *Екатерине II* как «Матери отечества» и далее, прославляя Павла Петровича как правнука Петра I, отмечает роль последнего в возвышении России.

За успехи в науках Н. в янв. 1774 был произведен в кол. регистраторы и некоторое время служил в Юстиц-коллегии. В апр. 1776 по ходатайству куратора университета *И. И. Мелиссино* он, получив чин губернского секретаря, стал ведать при нем письменными делами. Во время заграничной командировки Мелиссино Н. исполнял в 1778–1780 те же обязанности при *И. И. Шувалове*. В апр. 1780 Н. был пожалован титул. советником и в том же году перешел на военную службу. Он находился в чине капитан-лейтенанта при военной походной канцелярии Таганрогского драгунского полка. В марте 1784 Н. просил определить его к статским делам и, по представлению президента Военной коллегии Г. А. Потемкина, получил награждение и чин кол. асессора, дававший потомственное дворянство (РГАДА, ф. 286, № 621, л. 172, 174; № 644, л. 528, 530 об.; № 692, л. 156, 157 об.). В 1789–1790 он служил при *В. С. Попове* при Кабинете е. и. в.

К Потемкину обращен ряд подносных од Н. В оде на взятие Очакова (1789) он прославляет Потемкина как героя и победителя. Др. ода посвящена «вожделенному прибытию» Потемкина «во град св. Петра» (1789). Для стиля од Н. характерен гиперболизм, метафоричность, использование образов античной мифологии. Экспрессивный характер одам придает также примененный автором и считавшийся ошибкой стихосложения «перенос» (enjambement), довольно редкий в одической поэзии XVIII в.

Автор сервильных стихов, для перевода Н., однако, выбрал роман Л.-С. Мерсье «Таков ныне свет» (1784), в котором затронута волновавшая интеллигенцию XVIII в. тема истинных достоинств человека. Решается эта тема на примере судьбы двух братьев — преуспевающего развратного лицемера и другого, всеми отверженного, но чистого сердцем. «Легковерный и слепой» свет, который «судит о людях лишь по одним тщетным видимостям», в романе осуждается.

Л. И. Сазонова

НАРЫШКИН Алексей Васильевич [4 (15) VIII 1742–30 VIII (11 IX) 1800, Москва; похоронен в Донском м-ре]. Младший брат *С. В. Нарышкина*. Получил домашнее образование под руководством Иннокентия Нечаева (будущего архиепископа Псковского и Рижского), который пробудил в Н. литературные интересы. В 1760 отец привлек

Н. к занятиям, познакомившим его с гражданским устройством и местными особенностями России. В 1762 *Екатерина II* определила его в Сенат аускультантом для изучения делопроизводства. 1 июня 1765 вместе с чином ротмистра Н. получил назначение адъютантом в штаб генерал-фельдцейхмейстера Г. Г. Орлова. В качестве его генеральс-адъютанта Н. находился в свите Екатерины II во время ее путешествия по Волге и принял участие в коллективном переводе «Велизария» Ж.-Ф. Мармонтеля (гл. 7 и 8). По возвращении в Москву награжден придворным званием камер-юнкера. В Комиссии нового Уложения представлял дворян Старицкого у. Московской губ.; был членом частных комиссий — дирекционной и «об общем праве», причем работал в них под наблюдением и руководством непосредственно императрицы и, числясь вторым по чину и порядку избрания, имел доступ во все присутственные места. «Я был живой по натуре, привыкший немного владеть пером на моем языке и знакомый несколько с моим отечеством, — вспоминал позднее Н. — Я горячо принялся за дело и в увлечении решил сделать все, что можно, и работать, насколько хватит сил. <. . .> <Одобрение императрицы> вызвало во мне страстное влечение к занятиям, направленным ко благу моей отчизны» (ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 583; № 1744). Н. горячо отстаивал дворянские преимущества (в частности, в полемике с *А. А. Нартовым*, *В. Т. Золотницким*), рассматривая их как неотъемлемые наследственные права сословия, которые не могут приобретаться выслугой.

В кон. 1768 Н. передал депутатские полномочия Н. Н. Трубецкому и получил отпуск для лечения за границей. Попутно, между 4 мая и 7 июня 1770, ему были даны секретные дипломатические поручения к туринскому двору, при котором он был назначен «в запас министром <посланником> 2-го ранга». Переговоры Н., в результате которых он предложил заключить договор наступательный и оборонительный с малозначительным Сардинским королевством, были встречены в Петербурге с недоумением, после чего он отправился в путешествие по Южной Европе, а затем в Германию и Францию.

Н. интересовался философией энциклопедистов, принимал участие в подготовке издания *М. М. Хераскова* «Переводы из „Энциклопедии“» (1767; статьи «Экономия (нравоучение и политика)» и «Право естественное» вошли в ч. 2—3 сборника). В 1771 состоялось знакомство Н. с Ч. Беккариа, продолженное перепиской. Подводя итоги своему путешествию по Европе, Н. писал Беккариа из Ахена (2 мая 1773): «Я видел больше ума и воображения, чем рассудительности и здравого смысла, больше безумцев, чем мудрецов, больше обмана, чем истины. Но зато мне довелось видеть меньше злых, чем добрых, и если я ошибаюсь в этом мнении, то все же верю, что люди могут стать лучше благодаря хорошим законам». В Париже Н. познакомился с Д. Дидро. В мае 1773 они встречаются на водах в Ахене, а в авг. в одной коляске выезжают из Гааги в Петербург, куда Дидро был приглашен Екатериной II. Здесь Н. поселяет его в доме брата, С. В. Нарышкина; участвует в подборе книг для него (часть книг попала к Дидро из библиотеки отца Н.); видимо, знакомит с произведениями рус. литературы и сообщает сведения о литераторах.

Н. был одним из основных информаторов Дидро по вопросам рус. законодательства и государственного устройства. Дидро характеризовал его как человека, в отличие от мн. его соотечественников, хорошо знавшего Россию, и указал, что плодом бесед с Н. явились написанные им в Петербурге и предназначенные для Екатерины II «Философические, исторические и другие записки различного содержания». Характерно, что Н. пытался использовать Дидро, чтобы сообщить императрице мысли и проекты, волновавшие его самого. В частности, «Исторический очерк о представительных учреждениях» Дидро, содержавший мысли о превращении Комиссии нового Уложения в постоянное представительное учреждение (типа англ. парламента), был создан автором «по настоя-

нию г-на Нарышкина, которого заинтересовали эти идеи, и он решил, что они могут быть любопытны и для государыни».

21 апр. 1773 Н. стал камергером двора; в кон. года он был послан в Стокгольм с поздравлениями к герцогу Судерманландскому в связи с назначением его наследником швед. престола. В 1774 Н. — псковский губернатор; в июне—июле сопровождал вел. князя Павла Петровича в Берлин для знакомства с будущей императрицей Марией Федоровной. С 1777 по 1778 занимает должность полоцкого губернатора; в 1784 получает чин т. советника и назначается сенатором в 4-й Деп. Сената. 1785—1787 Н. проводит в поездках, вместе с *А. Р. Воронцовым* ревизуя устройство почти всех губерний европ. части России (до Урала) и административную деятельность в них.

В 1790-е гг. Н. отходит от дел, испрашивая себе длительный отпуск по болезни. По мнению *Г. Р. Державина*, известную роль в этом решении сыграло поданное Н. особое мнение по делу И. В. Якоби (1789), не понравившееся Екатерине II. В эти годы Н. вновь уезжает лечиться за границу. Во время своих заграничных вояжей он пишет на фр. языке две книги: «Ressouvenir sur la Russie écrit entre Aix-la-Chapel et Spa» (1-e—3-e éd. Riga, 1791—1792) и «Quelques idées de passe-temps, par 1.50. Augmentée de quelques pièces, qui n'ont point été imprimée jusqu'ici, quoiqu'antérieurs à celles qui ont déjà paru» (Riga, 1792); оба сочинения существуют также в пер. Ф.-И. Альбаума на нем. язык: Beschäftigungen meiner Musse und Rückerinnerungen an Russland. Riga, 1794; а «Quelques idées...» в пер. *М. Н. Баккаревича* на рус. язык: Мысли беспристрастного гражданина. М., 1793 (посв. П. А. Зубову). В первой брошюре Н. кроме некоторых биографических подробностей излагает свой взгляд на рус. историю в целом, выражая явные симпатии к допетровской старине. Рус. добродетели этого времени Н. противопоставляет порожденному новейшей философией меркантилизму Запада. С точки зрения Н., Екатерина II в своей внутренней политике возрождает народный дух и просвещает Россию, не насилуя, в отличие от Петра I, природу рус. человека в угоду чуждым образцам.

«Мысли беспристрастного гражданина» являются непосредственным откликом на события фр. революции и направлены на опровержение провозглашенных ею принципов «вольности» и «равенства». Нападая на «газетчиков», «считающих себя философами», Н. возвращается к идеям «Наказа» Екатерины II и сословным спорам в Комиссии нового Уложения.

Остаток жизни Н. провел в калужской деревне невдалеке от имения *А. Н. Радищева* Немцово. 21 сент. 1797 Радищев писал А. Р. Воронцову: «Соседей хоть пруд пруди, но я никого не видел. Г-н Алексей Васильевич Нарышкин с семьей; он болен, живет в 8 верстах».

Как поэт и переводчик Н. впервые заявил о себе в «Трудолюбивой пчеле» *А. П. Сумарокова* (1759. Февр.; Сент.), где появилась его элегия «Как только лишь глаза тебя мои узрели...» (подп. — «А. Н.»; в подборке элегий Сумарокова, С. В. Нарышкина, *А. А. Ржевского*) и прозаические отрывки «О несовершенстве человеческом», «О верности», «О многоговорливом» из «Мнений» Ю. Т. Оксенштерны (в совм. пер. Н., С. В. Нарышкина, *С. И. Глебова*). Более разнообразно Н. выступает в 1760-е гг. в журналах М. М. Хераскова. В «Полезном увеселении» (1760. Ч. 2. Дек.; 1761. Ч. 3. Май; Ч. 4. Дек.; 1762. Ч. 5. Февр.; Март) он публикует две «молитвы» («утреннюю» и «на злобу»), «Быль» (о бездельнике) и «Притчу» (о клеветнике), «Сонет» (на те же рифмы, что и напечатанный рядом сонет Ржевского), оду на смерть Елизаветы Петровны и на воцарение Петра III; отдельно были напечатаны две оды Н. на тезоименитство Екатерины II (1763 и 1765). Свидетельством дружеских отношений Н. с Глебовым, кроме совместных переводов, служит посвящение ему последним своего перевода драмы Д. Дидро «Побочный сын, или Опыт добродетели» (1766), которую, как пишет Глебов, он перевел по настоянию Н. и просит при-

нять «с таковым же чувствованием, с каковым я для вас переводил». Наиболее показательным для умонастроения Н. является обмен дидактическими стихотворными посланиями с Ржевским, видимо наиболее близким ему из литераторов херасковского кружка (одно «письмо» Н. и четыре послания Ржевского — Полезное увеселение. 1761. Ч. 1. Янв.; Сент.; Своб. часы. 1763. Дек.). Они свидетельствуют об интенсивном участии Н. в обсуждении вопросов этической философии. С одной стороны, он выражает уверенность в предустановленной общественной гармонии: «Для пользы вместе всех здесь каждый сотворен, Последний человек сообщества есть член». С другой — он наблюдает борьбу эгоистических интересов, нарушающую общественное равновесие, и размышляет о способах если не исправить общество, то остаться в стороне от человеческих «безумств», приобрести «сердечный покой». Выход видится в разумном самоограничении, пренебрежении «суетой», приобщении к «добродетели» в кругу друзей-единомышленников. Практическую ценность подобной «святой философии» Н. определил в «Стихах анакреонтических» (Полезное увеселение. 1762. Ч. 5. Июнь): «Исправляя наше сердце, Век дает нам золотой; Просвещает наши мысли, Умеряет в нас желанья <. . .> Всем велит как братьям жити, Слабости другим прощати И собой не возноситься».

С развитием в обществе интереса к подобным настроениям усиливалось внимание современников к Н. Крайне снисходительное упоминание о творчестве Н. («писал мелкие стихотворения и перевел кое-что», хотя «имел еще более успеха в обществе, чем его старший брат» — см.: Лейпцигское известие (1768)) сменяется во фр. переиздании указанного сочинения, подготовленном в Ливорно при участии *С. Г. Домашнева* (1771), значительно более высокой оценкой стихотворений Н., особенно «по красоте мыслей». В заключение издатели отмечали: «Общество ожидает, что из него выйдет столько же приятный, как и серьезный писатель. Оно имеет право упрекать его, что он уже давно не дает ему никакого произведения. Теперь он путешествует на юге Европы и без сомнения для того, чтобы запастись новыми литературными богатствами». На деле Н. с этого времени отходит от литературы, хотя и не порывает вполне с писательскими кругами; известно обращенное к нему послание *Ю. А. Нелединского-Мелецкого* (1782), созвучное стихам Н. Былая репутация литератора способствовала избранию Н. в члены Рос. Академии (2 окт. 1787), которая тем самым отдала «справедливость его дарованиям, отличному знанию языка отечественного и трудам, употребленным на тот предмет».

Лит.: *Лонгинов М. Н.* Братья Нарышкины // Рус. старина. 1870. № 7; Сб. Рус. ист. о-ва. СПб., 1881–1896. Т. 33, 36, 42, 97; [*Шляпкин И. А.*]. Из истории рус. лит. в XVIII в.: (А. В. Нарышкин) // Тверская старина. 1912. № 4; *Райский Б. Г.* Дидро и братья Нарышкины // Фр. ежегодник. 1982. М., 1984.

В. П. Степанов

НАРЫШКИН Семен Васильевич [1731–ум. 8 (19) IX до 1800, Петербург]. Брат *А. В. Нарышкина.* Сын генерал-поручика, новгородского губернатора В. В. Нарышкина, женатого вторым браком на А. И. Паниной. В 1749 был зачислен в Семеновский полк (с 25 дек. 1761 — подпоручик); вышел в отставку армии подполковником в 1765. С 25 нояб. 1766 служил экзекутором в 1-м Деп. Сената, затем прокурором в Берг-коллегии (1774–1775). 10 июля 1775 получил освободившееся после *М. М. Хераскова* место вице-президента Берг-коллегии при М. Ф. Соймонове и занимал его вплоть до 1779 (на 1778–1779 был уволен в отпуск). Судя по надписи на памятнике (Лазаревское кладбище Александро-Невской лавры), в последние годы жизни страдал душевным заболеванием: «От нежных чувствий он чувств здравия лишился И, девять лет страдав, в жизнь вечну преселился».

Происхождением и положением, кругом интересов Н. был близко связан с братьями Орловыми. В обращенных к ним и отдельно из-

данных стихотворениях («Г. Г. Орлову на усмирение чумного бунта в Москве», 1771; «А. Г. Орлову на военные успехи в Архипелаге и его возвращение в Петербург», 1773 и др.) Н. неизменно затрагивает тему патриотизма и гражданского служения, обращаясь к адресатам как равный. В стихах Г. Г. Орлову о Чесменской победе (1770) он отмечал, предупреждая упреки в лести: «Ты мне знаком давно, меня ты должен знать <. . .> Знакомство старое и сердце их писало. Не случай твой твое знакомство мне явил; Быв в равенстве с тобой, его я находил». С Ф. Г. Орловым Н. сблизил интерес к новейшим фр. философам (ИРЛИ, ф. 93, оп. 2, № 103). Кроме отдельного стихотворного обращения к Ф. Г. Орлову по случаю его возвращения из Архипелага (напеч. в марте—апр. 1772; изд. не сохр.) Н. посвятил ему также перевод стихов Б.-Ж. Сорена «Душе друга моего Гельвеция» (1772; под назв. «Ф. Г. Орлову, так как знающему прямо цену покойного Гельвеция») и брошюру, включавшую «Письмо к народу» А.-Л. Тома и собственное стихотворение Н. «Разговор между Бедностью и Истиною» (1770; посв. датировано 5 дек. 1770). В предисловии он пояснил мотивы посвящения: «Сердце Ваше ко прямым утехам дружбы всегда откровенно; Вы прямое величество человека не в высоких степенях, не в отменных почестях, ниже во знатном предков имени, но в любви к роду человеческому и добродетелях почитаете». Эта характеристика адресата соотносится с содержанием как «Письма. . .», в котором народ как «почтенное граждан собрание» противопоставлен придворным, так и «Разговора. . .», где Н. выражал надежду, что при *Екатерине II* в России укоренится «истина» и получит «надежду» бедность. Н. принял участие в издании М. М. Хераскова «Переводы из „Энциклопедии“» (1767), переведя для него статью «Нравоучение» (т. 3).

Н., как и его брата, привлекала литературная и философская деятельность Д. Дидро. Ему принадлежала не дошедшая до нас комедия «Истинное дружество» «во вкусе Дидеротовом, которая много похваляется» (Новиков. Опыт словаря (1772)). По приезде осенью 1773 в Петербург Дидро поселился в доме Н. на Большой Морской. Видимо, здесь был написан Д. Г. Левицким известный портрет Дидро, оставшийся в семействе Нарышкиных. По признанию Дидро, Н. в Петербурге ссужал его деньгами (возместить расходы обещала императрица). Фр. философ сохранил самые приятные воспоминания о Н. и его жене М. И. Салтыковой, портрет которой (кисти Левицкого) был подарен ему при отъезде во Францию (долгое время считался портретом М. П. Нарышкиной-Балк-Полевой). Неизвестно, был ли Н. причастен к масонскому движению, но его связывали теплые отношения с *Н. И. Новиковым*, который в позднем письме к *Д. П. Руничу* (16 окт. 1806) вспомнил о нем как о «друге, который меня любил (да упокоит его Господь Бог!)».

Н. рано проявил интерес к вопросам законодательства, переведя речь Ф.-Г. Штрубе де Пирмонта «Слово о начале и переменах российских законов» (1756; произнесена в Академии наук 6 сент. 1756) — первый экскурс в историю рус. юриспруденции. Он приветствовал переворот 1762 «Эпистолой. . .» к Екатерине II и был увлечен преобразованиями первых лет царствования, что отразилось в «Эпистолах» на день коронования (1765) и на обнародование манифеста о сочинении нового Уложения (1767). В Комиссии нового Уложения Н. представлял дворян Михайловского у. Московской губ. и состоял членом частной комиссии «о среднем роде людей»; вместе с братом 21 авг. 1768 подписал замечания ряда депутатов на первоначальную редакцию проекта «прав благородных».

Литературная деятельность Н. началась в журнале «Ежемес. соч.» (1755—1758), где в декабрьском номере (1755) он выступил с басней «Муха и муравей» (противоположение скромного трудолюбия и наглости) и переводным «Стансом», своего рода апологией философии: «Все философии ты должен, человек, Без ней бы навсегда пленен ты был страстями, Не ведал бы, в чем свой провесть ты должен век. . .».

Философская медитация, особое внимание к этике, правилам поведения частного и общественного человека составляют особенность стихотворений Н. в рамках общей поэтики сумароковской школы. Переводная «Похвала пастушьей жизни» (1756. Ч. 4. Сент.) воспевает не только прелести природы, но и особые душевные качества сельского жителя; «О уединении» (прозаический отрывок из «Мнений» графа Ю. Т. Оксеншерны) восхваляет жизнь вдали от дворцовой суеты. Упражнялся Н. и в малых жанрах: надпись, сонет, эклога, перевод мадригала П. Корнеля «Тюльпан».

В 1759, как и др. сторонники Сумарокова, Н. порывает с академическими «Ежемес. соч.» и печатается в журнале «Трудолюбивая пчела», в котором сотрудничали мн. его друзья. Его стихотворение «Лишенный вольности, терзаемый тоскою» появляется в подборке элегий Сумарокова, А. В. Нарышкина, *А. А. Ржевского* (Февр.); «Мнения» Оксеншерны он продолжает переводить вместе с А. В. Нарышкиным и *С. И. Глебовым* (Сент.).

Наиболее характерные поэтические опыты Н. появляются в «Полезном увеселении» М. М. Хераскова. В первом из двух стихотворных «Писем» к Ржевскому (1760. Ч. 1. Май; Ч. 2. Июль) он размышляет о том, как неразумное стремление людей к богатству разрушает общественное спокойствие. В «Рассуждении» (1761. Ч. 1. Июнь) он заостряет эту тему, противопоставляя существующим обычаям и нравам мудрое поведение просвещенного человека.

В 1760-е гг. Н. был заметной фигурой в литературе: его стихотворения оценивались как «очень изрядные», а переводы были «приняты с одобрением» (Лейпцигское известие (1768)); Новиков называл эпистолы Н. «делающими честь его имени», а мелкие сочинения «весьма похваляемыми» публикой (Новиков. Опыт словаря (1772)).

Лит.: *Орлов-Давыдов В.* Биогр. очерк гр. В. Г. Орлова. СПб., 1878. Т. 1; Пб. некрополь. Т. 3 (1912); Семенников. Мат-лы для словаря (1914); *Райский Б. Г.* Дидро и братья Нарышкины // Фр. ежегодник. 1982. М., 1984.

В. П. Степанов

НАУМОВ Василий. Вероятно, армейский капитан. В 1760–1780-х гг. переводил с фр. языка историко-политические сочинения Ж.-Б. Боссюэ: «Разговор о всеобщей истории» (1761–1762. Ч. 1–3; 2-е изд. 1774) и «Продолжение о всеобщей истории» (1779, 1789). Перевод произведений Боссюэ, предназначенных для фр. наследника, Н. посвятил вел. князю Павлу Петровичу. Рассмотрение Боссюэ всемирной истории и принципа абсолютной власти монарха с точки зрения провиденциализма, хотя и вызвало резкую критику фр. просветителей, нашло в России почитателей: в книжных лавках в 1787 было обнаружено всего 17 экземпляров 2-го издания «Разговора о всеобщей истории».

Отмечая в предисловии к «Разговору...» стилистические достоинства сочинения Боссюэ, «порядочное расположение, красоту и важность слога», Н. вместе с тем не ставил перед собой задачи передать стилистику оригинала; он признавался, что «для точности перевода ничего переменить не смел, опасаясь испортить сочинение такого человека».

С. И. Николаев

НАУМОВ Иван Мокеевич [1770-е гг.–14 (26) VII 1833, Петербург]. Происходил из «солдатских детей». С 1787 по дек. 1789 служил учеником в Пензенской межевой конторе. В июле 1791 определился канцелярским служителем Моск. почтамта; в окт. 1793 был произведен в кол. регистраторы. В 1794 перешел на службу в Межевую канцелярию 6-го Деп. Сената в должности землемера (РГИА, ф. 1374, оп. 2, № 1397, л. 206–207). Какое-то время до определения на службу в Сенат был студентом Моск. ун-та. В 1800 получил чин губернского секретаря (РГИА, ф. 1374, оп. 3, № 1987). Позднее служил некоторое время исправником в Московской губ., а

затем с 1803 стряпчим казенных дел при Моск. губ. правлении. Есть основания предполагать знакомство Н. с *Г. Р. Державиным*, когда тот входил зимой 1796 в состав комиссии по проверке финансовых нарушений, открытых в Заемном банке. В аттестате (15 окт. 1803) Г. Р. Державин, бывший в тот период министром юстиции, отмечал расторопность и честность Н. при исполнении служебных обязанностей. Из позднейших писем Н. (1809, 1812) явствует, что он продолжал поддерживать деловые связи с Державиным (РГБ, ф. 450, оп. 1, № 9; ИРЛИ, ф. 88, № 16 306). На кончину поэта Н. откликнулся брошюрой «На смерть Державина» (СПб., 1816).

Первые опыты сочинительства Н. относятся к нач. 1790-х гг. Он сотрудничал в журнале *А. Г. Решетникова* «Дело от безделья» (элегия «О мысли страшные! плачевные предметы!..» — 1792. № 7). Есть основания также считать принадлежащим Н. анонимно опубликованное шуточное стихотворение «Песнь. Новый век» (1792. № 3). В подражание «Вергилиевой Енейде, вывороченной наизнанку» *Н. П. Осипова,* Н. написал бурлескную поэму «Ясон, похититель золотого руна. Во вкусе нового Енея» (1794), использовав для травестирования сюжет древнегреч. мифа об аргонавтах. В печати появилась только песнь 1 поэмы. В жанре официальной оды Н. опубликовал «Торжественную песнь на случай покорения крепости Дербента» (1796; об этой оде содержится упоминание в письме Державина к *И. И. Дмитриеву* от 5 авг. 1796), а также «Оду на восшествие Александра I» (Моск. вед. 1801. № 35).

В 1805 Н. перешел в деп. Герольдии. В 1807 и 1812 участвовал в ополчении. Во время Отечественной войны сочинял официально-патриотические брошюры и листовки: «Мои мысли» (1813); «Вопиющая Москва к небу. Писано в Нижнем Новгороде. Сентября 1812 года» (1815); «На возвращение от побед и мира Европы на свой престол императора Александра I» (1815) и др. Потеряв во время московского пожара все свое имущество, бумаги и библиотеку, Н. переехал в Петербург и пытался осуществить ряд юридических проектов. Еще в 1808–1809 он издал книги «Практическое правоведение для граждан» (М., 1808. Ч. 1); «Начертание естественного права...» (М., 1808–1809. Ч. 1–2), а также незавершенную «Историю церковную, гражданскую и ученую, повествующую о начале, возвышении и упадке монархий и царств...» (М., 1808), которая представляла собой синхронистические таблицы по древней истории, основанные на библейских и античных источниках.

В Петербурге Н. предпринял усилия по введению в России практики свободной частной адвокатуры, представив на имя Александра I проект учреждения в Москве Дома практического правоведения. Принципы и цели предприятия Н. раскрыл в брошюре «Изложение юридических предметов для руководства к познанию практического правоведения» (1812), а также в «Речи по случаю высочайшего соизволения на существование в России Дома практического правоведения...» (1813). Открытый в 1814 Дом практического правоведения представлял собой род стряпческой конторы, занимавшейся ведением судебных дел на частной основе с соблюдением гласности и «открытого адвокатства». Одновременно Н. издавал «Журнал Дома практического правоведения по предмету образования стряпчества» (1813–1814. Ч. 1–2), в котором освещалась деятельность дома и обсуждались разные юридические вопросы. Журнал, как и др. произведения Н. по правоведению, популяризировал принципы европ. судопроизводства, повторяя мн. положения «Наказа» *Екатерины II* (1767). Хотя в реализации своих проектов Н. пользовался поддержкой тогдашнего министра юстиции И. И. Дмитриева, общее отношение к нему было настороженным. В 1815 Комитет министров признал противозаконными действия Н. по Дому практического правоведения, и ему было указано впредь таковых не производить (РГИА, ф. 1263, оп. 1, № 325, л. 262). Испытывая

финансовые трудности в связи с резким уменьшением судебной практики, Н. был вынужден в 1816 прекратить деятельность предприятия. В марте 1817 он обращался к адмиралу А. С. Шишкову с просьбой о выдаче денежной ссуды. В окт. 1817 через гр. А. А. Аракчеева Н. представил на высочайшее имя проект Совестного суда. Проект был отклонен (РГИА, ф. 1263, оп. 1, № 325, л. 259, 262).

В 1818 Н. вновь поступил на службу чиновником по особым поручениям при петербургском генерал-губернаторе М. А. Милорадовиче. В 1822 из-за столкновений с начальством Н. в чине надв. советника вышел в отставку. Под влиянием успеха «Руслана и Людмилы» А. С. Пушкина Н. переиздает свою незавершенную поэму «Ясон. . .» (СПб., 1821). Последнее издание Н. — верноподданническая глава «О важности и твердости самодержавия» (СПб., 1832) из сочинения 1813 «Мои мысли».

Лит.: *Ф[едоров] Б.* Замечательный деятель прежнего времени и судьба его дочери. СПб., 1869 (со списком сочинений и отрывками писем); *Шишков А. С.* Зап. Берлин, 1870. Т. 2; Державин. Соч. (1868–1878). Т. 6 (1871); Ироикомическая поэма. Л., 1933.

Ю. В. Стенник

НАЩИНСКИЙ Даниил (в монашестве — Давид) [между 1720 и 1721, Полтава–5 (16) V 1793, Киево-Печерская лавра; похоронен там же]. Сын казака. В 1736–1737 Н. был учеником грамматического класса Киевской дух. академии (см.: *Вишневский Д.* Киевская академия в первой пол. XVIII столетия. Киев, 1903. С. 161). Как один из наиболее талантливых студентов был отправлен в университеты Галиции и Саксонии для продолжения образования. В нач. 1747 Н. возвратился в Киев, окончил академию и был определен в нее учителем грамматического класса, а в 1748 занял место учителя синтаксимы. Между 1750 и 1751 Н. принял монашество. В академии Н. преподавал до нояб. 1755, пройдя за это время последовательно должности учителя пиитики (ввел преподавание силлабо-тонического стихосложения), риторики, нем. языка, философии и префекта. В 1755 Н. был посвящен в архимандриты и назначен настоятелем Слуцкого Троицкого монастыря. 3 июля 1758 Н. был избран на пост ректора академии, переведен архимандритом в Киево-Братский училищный монастырь, а также назначен (как ректор) учителем богословия. Н. хотел осуществить ряд учебных преобразований в академии, что послужило причиной многочисленных жалоб на него митрополиту *Арсению Могилянскому* со стороны учителей. В ответ на это с янв. 1759 Н. резко сократил количество пропитания, выдаваемого из монастыря учителям, что вызвало новые жалобы. 12 окт. Н. передал митрополиту свое ответное доношение. Благодаря интригам др. претендента на должность ректора, *Самуила Миславского*, митрополит 12 дек. 1759 отменил все преобразования Н., отстранил его от преподавания богословия «за его пред другими недостаточность» и 10 февр. 1760 уволил из академии, переведя 16 нояб. 1761 в Гамалеевский Харлампиев монастырь. Там Н. в 1767, войдя в столкновение с братией и киевским епархиальным начальством, обратился с просьбой о помощи к московскому архиепископу *Платону Левшину* (письмо от 21 февр. 1767) и Г. А. Потемкину. Благодаря их ходатайству суд епархиального начальства над Н. не имел для него серьезных последствий. В 1769 Н. был назначен архимандритом в Глуховский Петропавловский монастырь, откуда в 1772 был перемещен в ставропигиальный Бизюков монастырь Смоленской епархии. Н. самовольно воздвиг в 1774 трапезную Успенской церкви и вступил в борьбу с епископом Смоленским Гедеоном Вишневским, в авг. 1780 написав докладную записку в Синод. контору о положении дел в монастыре (РГАДА, арх. Моск. Синод. конторы (1780 г.), № 243). В 1789 Н. получил увольнение по болезни и переехал в Киево-Печерскую лавру.

При жизни Н. пользовался славой незаурядного проповедника. Наиболее широкую известность ему

принесли переводы сочинений *Феофана Прокоповича* на лат. язык. В 1743 в Бреславле Н. совместно с неким Иоанном Корниусом перевел на лат. язык и издал сборник сочинений Феофана Прокоповича под назв. «Lucubrationes Illustrissimi ac Reverendissimi Theophanis Procopovicz», содержавший переводы «Краткой повести о смерти Петра Великого», «Надгробного слова Петру Великому», «Надгробного панегирического слова, говоренного на день тезоименитства Петра Великого», «Панегирика на Полтавскую победу», а также лат. сочинение Прокоповича «Торжественная песнь на Полтавскую победу» и 18 писем к различным адресатам. В 1745 издал там же сборник «Miscellanea Sacra», содержавший следующие написанные по-латыни произведения Феофана Прокоповича: «Апология, или Защищение веры», «Апология, или Защищение святых мощей Киево-Печерских», «Ода на путешествие в Москву для коронации императору Петру III», «Описание местоположения Киева», «Увещательная элегия ученику о соблюдении непорочности жизни», «Монашеская элегия от лица сына к родителю, отклонявшему его от монашеской жизни к светской», «Письмо к Михаилу Молларду», а также переводы «Поздравительной речи императрице Анне со вступлением на престол» и шести монашеских проповедей «Orationes Asceticae», сказанных Феофаном Прокоповичем в Киеве на пол. языке. В сборник, кроме того, были включены «Элегия к своей библиотеке» *Стефана Яворского* и сочинения Михаила Молларда — «Ответ на письмо первосвященного Феофана, содержащий все „Исповедание веры Восточной Церкви“», «Поэма в похвалу императрице Анне», «Поэма в похвалу боярину и кавалеру Андрею Ивановичу Ушакову», «Поэма в похвалу боярыне Машковой», а также «Письмо от магистра и Виттембергского диакона Рудольфа Креслинга к Рафаилу, митрополиту Киевскому». Н. был начат перевод на лат. язык сочинения Феофана Прокоповича «Об иге неудобоносимом», который был завершен *Иакинфом Карпинским* и на средства *Н. Н. Бантыш-Каменского* напечатан в 1782 в Лейпциге под загл. «De Jugo intolerabili» одновременно с трудом «Догматическое богословие», который явился продолжением сочинения Прокоповича «Система богословия». По завещанию последнего труд продолжали Кассиан Лехницкий, Никодим Панкратьев, Самуил Миславский и завершил Н. В 1762 Н. написал три философских статьи: «Сотница правил христианского жития», «Лекарство на нечистоту и похоть плотскую», и «Полезное наставление о Священном Писании», известных в копии 1780. В 1766 Н. составил книгу «Златой клейнод детей Божиих, то есть правдивый путь к христианству» (Ч. 1–3); автограф был взят из Гамалеевского монастыря и хранился в библиотеке Черниговской дух. семинарии. В рукописи сообщалось, что текст «из английского языка на немецкий переведен, а из немецкого на российский перетолкован в 1766 году июля 8-го в монастыре Свято-Харлампиеве архимандритом того же монастыря Давидом Нащинским».

Литературный интерес представляют и поданные Н. в Синод. контору докладные записки.

Лит.: Словарь исторический... М., 1793. Ч. 10; Евгений. Словарь исторический. Т. 1–2 (1827); *Аскоченский В. И.* Киев с древнейшим его училищем Академиею. Киев, 1856. Ч. 2; *Голубев С. Т.* Очерки из истории Киевской дух. академии за XVIII столетие // Киевская старина. 1889. № 4; *Строганов П.* Архим. Давид Нащинский, ректор Киевской академии второй пол. XVIII столетия // Тр. Киевской дух. академии. 1905. № 3; [Без подписи]. Давид // Рус. биогр. словарь. Т. «Дабелов–Дядьковский» (1905).

М. П. Лепехин

НАЩОКИН Василий Александрович [7 (18) I 1707, Москва–1760 или 1761, там же (?)]. В 1716 был отвезен отцом в Петербург в школу. Записанный 10 марта 1719 солдатом в Белгородский пехотный полк, в действительности начал служить с 1722. В 1725–1730 служил в Моск. военной конторе, за-

тем определен аудитором Угличского полка, подпоручиком Лефортовского и, наконец, 1-го Московского полка. 19 нояб. 1729 в должности ординарца при фельдмаршале В. В. Долгоруком присутствовал при обручении Петра II с Е. А. Долгорукой. При учреждении лейб-гвардии Измайловского полка (1730) назначен полковым адъютантом. 22 янв. 1737 пожалован в капитан-поручики. В 1737 выступил в Тур. поход, участвовал во взятии Очакова и 26 окт. доставил пленного очаковского сераскер-пашу в Петербург. 4 нояб. 1737 был послан с дипломатической миссией к тур. визирю. В Турции Н. сумел разведать о неприятельских приготовлениях к зимнему нападению на Россию, благодаря чему командование рус. армии смогло принять меры предосторожности. В награду Н. был пожалован старшим капитаном и получил 400 червонцев. В Хотинском сражении (1739) Н. командовал третьей ротой Измайловского полка, которая вела «жестокий огненный бой» с янычарами.

С воцарением Елизаветы Петровны Н. (судя по его отношениям с Я. П. Шаховским) приобрел довольно прочное положение среди чиновных лиц и вельмож. Императрица благоволила к нему. Причина ее милостей, как Н. глухо упоминает в своих «Записках», — «бытность <. . .> в некоторой комиссии». В 1742 Елизавета Петровна и герцог Голштинский (будущий император Петр III) крестили его первого сына; Н. были пожалованы деревни. С 1 янв. 1748 Н. — секунд-майор Измайловского полка. В марте 1751 «за болезнью» был отпущен в свои деревни, вернулся в Петербург в февр. 1753 и 18 дек. пожалован в генерал-майоры, а 30 авг. 1757 — в генерал-лейтенанты. 3 июля 1759 Н. «именным указом велено <. . .> в Петергофе быть за генерал-адъютанта» и командующего штабом.

«Записки» Н. — погодная хроника наиболее важных событий в государстве с 1707 по сент. 1759, рассказ о придворной жизни и придворном быте, пожалованиях и опалах вельмож, в который включены отдельные пространные некрологи исторических деятелей с осторожной авторской оценкой и сухие свидетельства о рождении и смерти близких Н. Личность и судьба мемуариста почти не отражаются в «Записках», полностью посвященных «истории», а не отражению истории в человеке. Н. «едино для памяти записывал то состояние, что мог узнать и сведом был», избегая давать собственную интерпретацию событий и стремясь следовать внешней официальной версии (по-видимому, с этой целью он вводил в текст «Записок» выписки из газет и манифестов). Повествование Н. делается более ярким при рассказе о тур. походах рус. армии, о взятии Очакова и Хотинском сражении, в которых он участвовал.

Лит.: «Рапорт <. . .> Нащокина о беспорядках лейб-гвардии в Измайловском полку» (май 1750) // Чтения в О-ве истории и древностей рос. 1862. Кн. 4; *Зноско-Боровский Н.* История лейб-гвардии Измайловского полка. СПб., 1882; *В. К.* Нащокин В. А. // Рус. биогр. словарь. Т. «Нааке-Накенский—Николай Николаевич Старший» (1914); *Елизаветина Г. Г.* Становление жанров автобиографии и мемуаров // Рус. и западноевроп. классицизм: Проза. М., 1982.

А. Б. Шишкин

НЕВЗОРОВ Максим Иванович [1762 или 1763, Рязань–27 IX (9 X) 1827, Москва; похоронен в Симоновом м-ре]. Происходил из духовного звания. Рано потерял отца. Учился в Рязанской дух. семинарии. Как один из лучших учеников в 1779 был послан в «педагогическую семинарию», созданную при Моск. ун-те *Н. И. Новиковым,* и учился там, находясь на иждивении Дружеского учен. о-ва. В 1780 произведен в студенты (Моск. вед. 1780. 8 июля. № 55. Приб.); успешно занимался на юридическом и медицинском факультетах, на обоих получил золотые медали. Большое влияние на Н. в эти годы оказал *И. В. Лопухин.* По свидетельству Н., на его «сердце действовали» также И. Е. Шварц, *С. И. Гамалея*, *И. П. Тургенев*, *А. М. Кутузов*. С 1784 Н. стал масоном-

розенкрейцером. В 1788 вместе с *В. Я. Колокольниковым* был послан за границу для усовершенствования образования на средства Лопухина. По словам Колокольникова, они «просились сами в чужие края и долго сего добивались». В 1790 Н. закончил слушание курса лекций в Лейдене, получив степень доктора медицины. 8 нояб. 1790 Н. и Колокольников отправились в Швейцарию, чтобы там продолжить обучение. 20 нояб. из Страсбурга они сообщили Лопухину о своем решении отправиться в Париж. Однако через два дня в приписке к этому же письму они уведомили о том, что оставляют Францию и едут в Геттинген. Как вспоминал позднее Н., в Страсбурге «многие тамошние жители и даже некоторые бывшие там русские путешественники» приглашали их посетить «патриотическое общество», возникшее в ходе событий фр. революции, но они не согласились и поспешили покинуть Францию. 4 дек. они прибыли в Геттинген, где Н. стал слушать лекции по «натуральной истории». Весной 1791 у него началось серьезное психическое расстройство, и состояние его улучшилось лишь к кон. года. Во время болезни он переводил с фр. книгу Дузетана «Таинство креста Иисуса Христа. . .», ранее переводившуюся *М. И. Багрянским* (1784). В янв. 1792 студенты выехали из Геттингена и в февр. прибыли в Ригу. В это время за ними был установлен надзор в связи с начавшимися преследованиями масонов и событиями фр. революции. Студентов подозревали в том, что они были «из русских в числе депутатов во французское Национальное собрание с поздравлением французов с революционными их предприятиями». Н. впосл. отвергал это обвинение, утверждая, что в Париже они вообще никогда не были. 14 февр. 1792 в Риге студентов арестовали и в марте привезли в Петербург. Здесь их заключили сначала в Александро-Невский монастырь, а затем в Алексеевский равелин Петропавловской крепости. Допрашивал их С. И. Шешковский. Вскоре студентов поместили в сумасшедший дом при Обуховской больнице, где Колокольников умер, а у Н. снова началось психическое расстройство.

После вступления на престол Павел I пять раз посетил Н. в больнице; его состояние за это время заметно улучшилось. 16 апр. 1798 Н. по императорскому указу был выпущен из больницы и отправлен в Москву к Лопухину «с тем, чтобы он за него и за поведение его отвечал». Живя в доме Лопухина, Н. общался с Новиковым, *М. Н. Муравьевым*, И. П. Тургеневым, Н. В. Репниным. В нач. 1800 Н. отправился в поездку с Лопухиным для осмотра Казанской, Вятской и Оренбургской губ. 8 янв. 1801 Н. был произведен в кол. асессоры и определен членом Канцелярии Моск. ун-та; 4 июля назначен инспектором над университетскими репетиторами. С 5 марта 1802 Н. стал помощником цензора Унив. типографии. 4 апр. 1803, по предложению Муравьева, определен членом Училищного комитета, образованного при университете. С 13 нояб. того же года — член Ценз. комитета. Н. выполнял широкий круг обязанностей: наблюдал за постройкой университетских зданий, состоянием одежды казенных учеников и пр. В 1803 он посетил училища Смоленской и Тверской губ. По ходатайству Муравьева, в 1805 Н. стал директором Унив. типографии. С 1 янв. 1806 — надв. советник, с 1812 — кол. советник. В 1812 пожертвовал значительную сумму в пользу университета и типографских служащих. До самого нашествия фр. войск Н. оставался в Москве. 4–5 сент. 1812 перебрался в подмосковное имение Лопухина Савинское, но вскоре вернулся в Москву и занялся делами типографии. В 1813 у Н. возникло несколько конфликтов с ректором университета И. А. Глеймом.

С 19 февр. 1815 Н. находился в отставке. Он вел очень скромный образ жизни, раздавая деньги бедным. Большое участие принял в судьбе вдовы М. И. Дудышкиной, помогал в воспитании ее сына. В 1805 С. П. Жихарев писал о Н.: «Что за умный и добрый человек этот Максим Иванович, каких гонений ни натерпелся он за свою резкую правду и верность в дружбе! <. . .> При всей своей бедности

он не ищет ничьей помощи <. . .>. Ходит себе в холодной шинелишке по знакомым своим, большею частью из почетного духовенства, и не думает о будущем». В 1800—1810-е гг. Н. продолжал поддерживать дружеские отношения с Лопухиным и Тургеневым; с большой теплотой к нему относились сыновья Тургенева и В. А. Жуковский. Вместе с Жихаревым Н. неоднократно бывал у переводчика Вольтера Ф. Н. Карцева. По словам Жуковского, после смерти Н. «оставил 30 копеек медью и несколько книг» (Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. М., 1895. С. 231). На надгробной плите Н. надпись: «Здесь лежит тело любителя истины Максима Невзорова» (Моск. некрополь. Т. 2. (1908). С. 323).

Первым выступлением Н. в печати явилась его «Ода преосвященнейшему Симону, епископу Рязанскому и Шацкому <. . .> майя 10 дня 1781 г.» (отд. изд.: 1781). Очевидно, по заданию Дружеского учен. о-ва Н. перевел нравоучительное сочинение «Истинные правила христианского воспитания детей» (1785. Ч. 1—2), в котором подчеркивалась необходимость воспитания не только разума, но и сердца. В 1801 вышла переведенная Н. с лат. языка книга «Притчи, или Изречения Секстия Пифагорейца» (посв. *С. И. Плещееву*). В 1799—1803 Н. опубликовал ряд торжественных стихотворений и од, посвященных *Платону Левшину*, Павлу I, Александру I и др. В журнале «Иппокрена» (1801. Ч. 8) поместил «Богу благодарственную песнь России при наступлении нового столетия» (эта «песнь» была прочитана на акте Моск. благор. пансиона). В сборник «Стихотворения» (М., 1804; посв. М. Н. Муравьеву) Н. включил мн. из своих од, вышедших ранее отдельными изданиями, а также поэму «Любовь» (отд. изд.: СПб., 1803), прославлявшую добродетель и христианскую любовь к ближнему. Одно из наиболее интересных стихотворений сборника — «И. П. Тургеневу <. . .> 24 февраля 1800 г.» (перепеч.: Друг юношества. 1810. № 2, под назв. «Стихи на день рождения И. В. Л<опухина>»; адресовано Тургеневу, т. к. «он отлично именинника любил и почитал»). Основой книги Н. «Путешествие в Казань, Вятку и Оренбургскую губернию в 1800 г.» (М., 1803. Ч. 1), по его свидетельству, послужила переписка, которую он вел во время путешествия «с одною почтеннейшею особою». В «Путешествии. . .» Н. приводил исторические, географические и статистические сведения, описывал города и села, через которые он проезжал. Вместе с тем он включал в текст моралистические рассуждения, пытался, хотя и не всегда удачно, придать повествованию некоторый лиризм. Н. ориентировался на «Письма русского путешественника» *Н. М. Карамзина* и «Путешествие в полуденную Россию» В. В. Измайлова. Он высказал также желание «быть вместе Флорианом и Бюффоном, Дюпати и Делилем, Томпсоном и Юнгом». Несмотря на известную подражательность, «Путешествие. . .» Н. представляет документальный и литературный интерес. *П. И. Макаров*, упрекая автора в излишней «учености», в целом одобрительно отзывался о «Путешествии. . .» (Моск. Меркурий. 1803. Ч. 1. №. 3). А. И. Тургенев 14 сент. 1803 писал, что «с большим удовольствием» читал книгу Н. и сообщил о ней А.-Л. Шлецеру, который использовал ее в своих лекциях (см.: Арх. бр. Тургеневых. СПб., 1911. Вып. 2. С. 111). «Стихи на Новый 1806 год» Н. опубликовал в журнале «Минерва» (1806. Ч. 1).

С янв. 1807 по апр. 1815 Н. издавал журнал «Друг юношества» (позднее к назв. прибавлено: «и всяких лет»). Издание было посвящено Муравьеву. Главной целью журнала Н. считал «сообщение познаний и наиболее предложение правил нравственности». В издании печатались Багрянский, *С. С. Бобров*, *Д. И. Дмитревский*, *А. М. Дмитриев-Мамонов*, *И. М. Долгоруков*, А. Ковальков, Лопухин, Ф. П. Лубяновский, П. И. Шаликов и др. Основным сотрудником был сам Н., заполнявший журнал своими переводами и оригинальными сочинениями. Н. публиковал статьи по истории древней Греции и Рима, жизнеописания выдающихся деятелей прошлого (Ликурга, Демос-

фена и др.), «Записки» Н. Б. Долгорукой, многочисленные статьи философско-нравоучительного характера, в частности отрывки лекций И. Г. Шварца. Н. выступал ярым противником энциклопедистов, с особым возмущением говорил о Вольтере. Высоко ценя И.-В. Гете, Н., однако, осуждал «безумные, соблазнительные и дышащие пагубою для неопытных юных читателей *Вертеры, Разбойники* и подобные им сочинения» (Друг юношества. 1809. № 6. С. 119). Вслед за Ж.-Ж. Руссо Н. говорил о необходимости «сердечного воспитания»; осуждал матерей, отдающих детей кормилицам; критиковал театр, переставший быть «училищем нравов». Лопухин считал «Друг юношества» «преполезным журналом» и стремился его поддерживать, но он не пользовался успехом, а об издателе говорили: «Максим Невзоров — писатель вздоров». К 1810-м гг. относятся эпиграммы на Н. и его журнал, принадлежащие П. А. Вяземскому, А. Д. Илличевскому и анонимному автору — лицеисту. А. Ф. Воейков высмеял Н. в «Парнасском адрес-календаре» (1818–1820) и в сатире «Дом сумасшедших» (1815–1820).

В связи с событиями 1812 Н. опубликовал ряд произведений патриотического характера. 15 июля 1812 им была написана «Ода на случай войны с французами 1812 г.» (Друг юношества. 1812. № 6; отд. изд.: М., 1812). Эта же ода вошла в книгу Н. «Три оды» (М., 1814), где были напечатаны еще две оды: «На новый 1814 год» (впервые: Моск. вед. 1814. № 1) и «На чудесные победы российские» (впервые: Друг юношества. 1814. № 4). С сент. 1812 по дек. 1813 Н. издавал «Ист., стат. и геогр. журн.» («Полит. журн.») в связи с тем, что его издатель *М. Г. Гаврилов* еще не вернулся в Москву после нашествия фр. армии. Здесь Н. поместил ряд статей, осуждавших Наполеона. Часть этих статей Н. объединил в издании: Наполеонова политика. . . М., 1813. Книга была издана по просьбе и на средства Лопухина; здесь же напечатано несколько его писем. Не имея возможности продолжать издательскую деятельность после выхода в отставку в 1815, Н. стал выступать с пространными рукописными посланиями, в которых развивал свои идеи относительно веры и нравственности (письмо к О. А. Поздееву 1818, письма к А. Н. Голицыну 1818–1820). По-прежнему проповедуя христианские добродетели и ополчаясь против идей Просвещения, Н., однако, возмущался тем, что «духовные сделались совершенными торгашами» (Рус. старина. 1894. № 10. С. 116–117), обличал тех, которые «ликуют на счет бедного и изнуренного народа», и даже пришел к мысли, что «дела нестерпимые правящих производят мятежи» (Голос минувшего. 1913. № 12. С. 272, 275).

Деятельность Н. воспринималась мн. литераторами нач. XIX в. как анахронизм, но она представляет несомненный общекультурный интерес, так же как и собственно писательская судьба Н., одного из сподвижников Новикова.

Часть архива Н. и материалы о нем хранятся в ИРЛИ и РНБ, в частности формуляр 1811 г. — собр. Погодина, № 2009/2, л. 358–361; «Соч. и мысли М. Невзорова» (1817–1819) — Q.III.73; письма А. Н. Голицыну (1818–1819) — ф. 203, № 11 и др.

Лит.: *Бессонов П.* М. И. Невзоров // Рус. беседа. 1856. Кн. 3. Отд. 6; *Невзоров М. И.* Письмо О. А. Поздееву // Библиогр. зап. 1858. № 21; *Лопухин И. В.* Зап. Лондон, 1860 (репринтное переизд.: М., 1990); Лонгинов. Новиков и мартинисты (1867); *Попов А.*: 1) Дело Новикова и его товарищей // Вестн. Европы. 1868. № 4; 2) Новые документы по делу Новикова // Сб. Рус. ист. о-ва. СПб., 1868. Т. 2; *Колюпанов Н.* Биография А. И. Кошелева. М., 1889. Кн. 1; *Соколовская Т.* Рус. масонство и его значение в истории обществ. движения. СПб., 1908; *Тукалевский В.* Искания рус. масонов. СПб., 1911; *Невзоров М. И.* Письма к А. Н. Голицыну // Голос минувшего. 1913. № 12; 1922. № 2; [*Кубасов И. А.*] Невзоров М. И. // Рус. биогр. словарь. Т. «Нааке-Накенский–Николай Николаевич Старший» (1914); Барсков. Переписка масонов (1915); *Кульман Н. К.* М. И. Невзоров //

Масонство в его прошлом и настоящем. М., 1915. Т. 2 (репринтное переизд.: М., 1991. Т. 2); Bakounine. Le répertoire (1940); Жихарев. Зап. (1955); Поэты 1790–1810-х гг. Л., 1971; Рус. эпиграмма (1975); *Кирьянов И. А.* Путевые записи М. Невзорова о Нижегородском крае 1800 г. // Зап. краеведов: Очерки. Статьи. Док-ты. Хроника. Горький, 1981.

Н. Д. Кочеткова

НЕЕЛОВ Матвей (Матфий). Капитан; происходил, вероятно, из служилого дворянского рода, известного с кон. XVI в. Переводчик «Подлинного описания жизни французского мошенника Картуша и его сотоварищей, собранного из производимых над ними процессных пунктов и др. вероятных уведомлениев» (1771) с нем. анонимного изд. 1767. В обращении к читателю Н. сообщил, что, начав «упражняться в переведении», он выбрал из своей «маленькой библиотеки» историю Луи Доминика Картуша, привлеченный ее документальной достоверностью и интересом публики к фигуре знаменитого разбойника. В переводе сохранен слог судебного отчета с элементами морализирования. В несколько отредактированном виде перевод Н. вошел в книгу *М. Комарова* о Ваньке Каине и Картуше — «Обстоятельные и верные истории двух мошенников» (1779; переизд.: 1788, 1793, 1794).

Лит.: *Сиповский В. В.* Из истории рус. романа и повести: (Мат-лы по библиографии, истории и теории рус. романа). СПб., 1903; *Мерцалов А. Е.* Из семейного арх. Нееловых // Рус. арх. 1910. Кн. 1; *А. П.* Неелов М. // Рус. биогр. словарь. Т. «Нааке-Накенский–Николай Николаевич Старший» (1914); *Шкловский В.* Матвей Комаров, житель г. Москвы. Л., 1929.

Р. Ю. Данилевский

НЕЕЛОВА Наталья Алексеевна. После 1793 замужем за кол. советником Н. Г. Макаровым (1761–1817); мачеха М. Н. Макарова, по словам которого Н. «почти выросла под влиянием своей ближайшей родственницы» гр. Д. П. Салтыковой, жены генерал-фельдмаршала И. П. Салтыкова. Вероятно, была сестрой П. А. Неелова, студента Моск. ун-та, сотрудничавшего в 1780-е гг. в журналах *Н. И. Новикова*. Повесть Н. «Лейнард и Термилия, или Злосчастная судьба двух любовников» (1784) была издана как «сочинение девицы Н. Н.» иждивением Н. И. Новикова и Типогр. комп. Повесть имеет подражательный характер и ориентирована на европ. сентименталистскую повесть с сюжетом «принужденная женитьба». М. Н. Макаров отмечал, что повесть Н. «по своему слогу почти первая приближается к лучшим изменениям в языке и потому она, с этой стороны, останется навсегда замечательною» (Дамский журн. 1830. Ч. 29. № 10. С. 150–151).

Лит.: Достопамятный благородный спектакль в Москве 1805 г. июня 30 дня: (Из зап. М. Н. Макарова) // Репертуар и пантеон. 1846. Т. 16. № 10; Голицын. Словарь (1889); *Лобанов-Ростовский А. Б.* Рус. родосл. книга. СПб., 1895. Т. 1; *Каллаш В. В.* Н. И. Новиков и женщины-писательницы // Рус. арх. 1901. № 5; *Kochetkova N.* Neélova N. A. // Dictionary of Russian women writers / Ed. by M. Ledkovsky, Ch. Rosentahl, M. Zirin. London, 1994.

Н. Д. Кочеткова

НЕЙМАН Карл Иванович [род. 1742]. Перевел с фр. и издал в 1771 как анонимное сочинение роман известного фр. романиста и журналиста Ш. Ла Морльера (1719–1785) «Милорд Станлей, или Добродетельный преступник», рассчитанный на «чувствительные сердца». Перевод посвящен некоему «милостивому государю» в надежде на его благосклонность. Н. опубликовал также перевод романа «Благодеяния Морфея, любовно-героическая повесть» (1784) Ф. Тюрбана (1723–1803), автора од, трактатов о воспитании, почитателя Ш. Монтескье. Перевод снабжен «нужным для некоторых читателей предуведомлением», где переводчик признается, что «иногда хотел править несколько вольный слог», которым написана эта повесть о «любовных

происшествиях», но не смог «нарушить порядок повествования», чтобы «не лишить его приятности». В том же году и в той же типографии Ф. Гиппиуса было напечатано титульное издание «Благодеяний. . .», выпущенное как второе под назв. «Счастие во сне. И не худо им спать, когда сон их услаждал. То есть оно вот что! Любовь в полном удовольствии. Во вкусе кавалера де Фобласа» (с посв. И. Д. Калинину).

Лит.: Венгеров. Источники. Т. 3 (1914); Геннади. Словарь. Т. 3 (1908).

М. В. Разумовская

НЕКРАСОВ Иван. Переводчик с нем. языка романа «Мать, благополучно окончившая свои бедствия, редкими приключениями наполненная повесть. Spesiosa miracula, т. е. Отменные чудеса гор» (1789. Ч. 1–2). Имеются также варианты тит. листа со вставкой, еще более усиливающей занимательность: «или Опыт терпения и мужества, торжествующего над коварством, ненавистью и злобою». Судя по именам, сюжету и деталям быта, нем. книга была переводом какого-то авантюрного англ. романа с большими вставными новеллами. Героиня проходит через разорение, суд, ссылку в Америку, попадает в исп. колонии, на Ямайку, затем благополучно возвращается в Англию.

Скорее всего, роман перевел Иван Матвеевич Н., с 1782 до 1804 служивший секретарем Коломенской консистории. В 1784 он числится подписчиком на «Естественное богословие» У. Дергама. Возможно, ему же принадлежат домашние стихи и проза, напечатанные в «Друге юношества» за 1814 (№ 6, 8), подписанные «Иван Некрасов», «И. . .н Н. . .в» и «И. Н.». При одном стихотворении говорится, что оно написано «в знак почтения и признательности в день именин г-же М. . .ой в Малороссии, в доме которой проживал сочинитель во время нашествия французов в Москву, будучи принужден оставить сию столицу». Вышедшая также за подписью «И. Некрасов» книжка «Сновидение накануне нового 1821 года. Сатирические стихи» (СПб., 1821) с описанием Петербурга в духе ироикомической поэмы вряд ли принадлежит данному лицу.

Кроме того, по документам Моск. ун-та (Пенчко. Документы. Т. 3 (1963). С. 412) проходит Н. — воспитанник Унив. гимназии, надзиравший за казеннокоштными учениками и произведенный в студенты в 1784.

В. П. Степанов

НЕЛЕДИНСКИЙ-МЕЛЕЦКИЙ Юрий Александрович [6 (17) IX 1752, Москва–13 (25) II 1829, Калуга; похоронен в Лаврентьевском м-ре]. Происходил из знатного дворянского рода. Его мать, Татьяна Александровна, урожд. княжна Куракина, умерла, когда ребенку было два года. Отец, Александр Юрьевич, ок. 1754 уехал за границу и до 1767 жил в основном в Париже. По возвращении в Петербург вел жизнь светскую, придворную, был вхож в интимный круг *Екатерины II*; пользовался репутацией «вольтерьянца». Сына он предоставил воспитывать бабке, Анне Ивановне Нелединской-Мелецкой, которая растила внука до 12 лет. В ее богатом хлебосольном московском доме царила благочестивая простота нравов. После смерти Анны Ивановны (1764) мальчик был передан др. своей бабке, княгине Александре Ивановне Куракиной. Московская патриархальность сменилась европеизированным лоском петербургского дома (князья Куракины служили в заграничных посольствах). Н.-М. свободно овладел фр. языком и в меньшей степени — ит. и нем. Он рос в обществе многочисленных двоюродных сестер и братьев (некоторые из них впосл. далеко продвинулись по государственной службе). Брат А. И. Куракиной, *Н. И. Панин*, был в то время воспитателем Павла Петровича, и Н.-М. мальчиком встречался с будущим императором, который был двумя годами младше его. В 1769 Н.-М. отправили в Страсбургский ун-т, где он проучился всего год. С шестилетнего возраста Н.-М. был записан в артиллерию фурьером и тогда же пожалован сержантом. Вернувшись из Страсбурга, он пожелал участвовать в тур.

кампании, и в мае 1770 был отправлен во 2-ю действующую армию, осаждавшую Бендеры, где служил ординарцем главнокомандующего, гр. П. И. Панина. Посланный курьером в Петербург с донесением о занятии неприятельского укрепления, вернулся оттуда поручиком. В 1771, переведенный в Егерский корпус, участвовал под предводительством В. М. Долгорукова в покорении Крыма, был пожалован капитаном и переведен во 2-й гренадерский полк. Память обоих своих главнокомандующих Н.-М. почтил стихами (1782 и 1789). В 1772 вместе с полком отправлен в Петербург, стоял под Красным Селом. В 1774 вновь попросился в действующую армию, был назначен в Старооскольский пехотный полк и под предводительством генерала М. Ф. Каменского участвовал в сражениях до заключения Кючук-Кайнарджийского мира (июль 1774). Сопровождал в качестве курьера кн. Н. В. Репнина (своего дядю по материнской линии), везшего в Петербург условия мирного договора; был пожалован премьер-майором. Участвовал в московском праздновании мира в 1775 и сочинил «Строфы на мир с турками 1774 года». Затем как кавалер посольства в 1775–1776 участвовал в цареградской миссии при кн. Репнине. По возвращении служил в Псковском пехотном полку (в Фридрихсгаме), в Киевском пехотном полку (в Петербурге, Нежине, Крыму, Витебске и под Константинградом). В 1783, стоя с полком на зимних квартирах в Нежине, был занят переводом трагедии Вольтера «Заира» (частично опубл. 1812). В 1785 ушел в отставку в звании подполковника. По семейному преданию, причиной отставки было возмущение недостойным поведением Потемкина, принимавшего смотр батальона Н.-М., сидя на окне в одной рубашке.

Важным событием душевной жизни Н.-М. этого периода было неразделенное чувство к некой Плещеевой, ставшее источником его поэтического вдохновения. Плещеевой — «Темире» посвящено несколько любовных стихотворений и песен Н.-М. («Темире», «К Темире», «Полно льститься мне слезами. . .», «Милая вечор сидела. . .», «Мысль мучительна и слезна. . .»).

В воспоминаниях современников молодой Н.-М. предстает человеком храбрым, умным и остроумным. Но поклонение Бахусу, склонность к карточной игре и др. рода беспутствам подчас заставляла их усомниться в его будущности (см.: Зап. Корберона за 1771 г. // Рус. арх. 1911. № 6. С. 164). В зрелых летах он перешел к трезвенному образу жизни, зато сохранил приверженность к гастрономическим удовольствиям, о чем сам любил рассказывать анекдоты.

Выйдя в отставку, Н.-М. поселился в Москве. Здесь он сблизился с *М. М. Херасковым, И. И. Дмитриевым, Н. М. Карамзиным.* Литературное окружение и досуг способствовали его поэтической деятельности. Еще в 1783 Н.-М. напечатал одно стихотворение в «Собеседнике»; в 1787 он принимал более активное участие в «Новых ежемес. соч.», помещая там то перевод, то лирическое стихотворение, то эпиграмму, а затем почти исключительно печатался в московских изданиях Н. М. Карамзина и его последователей — «Моск. журн.» (1791–1792), «Чтении для вкуса» (1792), «Аонидах» (1796). Первое из стихотворений московской поры — «Молитва» (1787), было задержано духовной цензурой, усмотревшей в нем отступления от православной ортодоксии. Религия для Н.-М. органично входила в нравственный и бытовой уклад жизни, однако, как и мн. его современники, он испытывал воздействие деизма; в некоторых его стихах прослеживаются масонские влияния. Н.-М. входил в масонскую ложу «Равенства», с 30 июня 1776 исполнял обязанности первого надзирателя (см.: Bakounine. Le répertoire (1940), P. 363). Сохранились записи современника от 1776, изображающие Н.-М. в масонской среде беседующим по ночам о «материях, чрезвычайно рассуждением наполненных умным» (Вернадский. Рус. масонство (1917). С. 107). Московский период был особенно плодотворен в творчестве Н.-М. В это время он пишет и публикует оригинальные стихи, а часто так-

же переводы из Ж. Лафонтена, Ж.-Ф. Лагарпа, К.-Ж. Дора, П. А. Д. Метастазио. По просьбе Дмитриева и при посредничестве Карамзина Н.-М. передает в издаваемый Дмитриевым «Карманный песенник» (1796) свои песни, принесшие ему необычайную популярность (см.: Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 30, 31). Продолжая традицию сумароковской литературной песни, Н.-М. в значительной степени видоизменяет самый жанр, придав ему черты сентиментального романса. В некоторых песнях он прямо ориентировался на фольклорные образцы; его песни «Выйду я на реченьку. . .», «Ох! тошно мне. . .» явились своего рода эталоном сентиментальной обработки фольклора и проникли в народную среду (ср.: Песни и романсы рус. поэтов / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. В. Е. Гусева. М.; Л., 1965. С. 126, 984). На песнях Н.-М. в дальнейшем преимущественно основывалась его литературная репутация. Как поэта-песенника его высоко ценили *Г. Р. Державин* («Рассуждение о лирической поэзии. . .») и К. Н. Батюшков («Речь о влиянии легкой поэзии на язык»).

В мае 1786 Н.-М. вступил в брак с только что выпущенной из Смольного ин-та благор. девиц Екатериной Николаевной Хованской, породнившись с многочисленными потомками знаменитого боярского рода. В сент. 1786 он был назначен первым директором открывшегося в Москве главного народного училища, которому были подчинены все низшие казенные училища и частные школы как в Москве, так и в губернии. Он оставался на этом посту до 1804.

В 1796, по воцарении Павла I, Н.-М. оказался в числе лиц, приближенных к императору. Он был назначен в чине ст. советника статс-секретарем у принятия прошений, подаваемых на высочайшее имя. В дек. этого же года по рекомендации Д. И. Хвостова Н.-М. был принят в члены Рос. Академии. За приведение к присяге пленных Костюшко и Игнатия Потоцкого Н.-М. получил орден св. Анны 2-й степени, при коронации был награжден 800 душ крестьян, а в 1798 — орденом св. Анны 1-й степени и в тот же день пожалован в чин д. ст. советника. Н.-М. безотлучно сопровождал Павла I в двух его поездках (в 1797 император посетил Смоленск, Оршу, Могилев, Минск, Вильно, Гродно, Ковно, Митаву, Ригу и Нарву, а в 1798 — Москву, Владимир, Нижний Новгород, Казань, Ярославль, Тихвин, Новую Ладогу). Павел I, желавший в начале своего царствования продемонстрировать разрыв со злоупотреблениями екатерининского правления, открыл широкий доступ адресованным ему жалобам и прошениям. Н.-М., человек мягкий и сострадательный, получил возможность осторожно воздействовать на императора, склоняя его к решениям, благоприятным для просителей, и рискуя при этом собственным положением. При посредничестве Н.-М. Державину удалось вернуть себе рукопись своих сочинений, находившуюся среди бумаг Екатерины II (см.: Державин. Соч. (1864–1883). Т. 6 (1871). С. 696); Н.-М. способствовал и изданию «Ябеды» Капниста (см.: *Капнист В. В.* Собр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1960. Т. 1. С. 748–749; Т. 2. С. 440). Тогда же Н.-М. сблизился с императрицей Марией Федоровной и Е. И. Нелидовой. Эти женщины, старавшиеся сдерживать вспышки гнева и дикие выходки императора, нашли в Н.-М. верного союзника. Дружеским расположением императрицы Н.-М. пользовался всю жизнь. Они состояли в переписке, Н.-М. входил в интимный круг близких Марии Федоровне лиц, она неоднократно возлагала на него важные и ответственные поручения. Время от времени по ее просьбе он писал стихи «на случай».

В июле 1798 Н.-М. впал в немилость. И. П. Кутайсов, интриговавший против партии Марии Федоровны и Нелидовой, ловкой клеветой настроил Павла I против Н.-М. Он был уволен со службы, удален от двора, однако не выслан и переехал в Москву, где прожил два года в кругу друзей и литераторов. Приказом от 1 нояб. 1800 всем «выбывшим отставкою и выключкою из статской службы» (*Шильдер Н. К.* Имп. Павел I. СПб., 1901. С. 470) велено было явиться

в Петербург для личного представления императору. Н.-М., явившись тотчас же, хотя и не без опаски, был пожалован в т. советники и назначен сенатором в Москву. В дек. 1800 Н.-М. приступил к новой должности. По воспоминаниям современников, Н.-М. и после смерти Павла I говорил о нем с теплым чувством.

В 1801 Н.-М. вместе с сенатором *И. В. Лопухиным* был послан Александром I для обозрения Слободской Украинской губ.; в основном они занимались ревизией по делам духоборцев, притесняемых властями, и во многом способствовали улучшению их положения (впрочем, активная роль здесь принадлежала Лопухину — см.: Вестн. всемир. истории. 1900. № 5. С. 109–116).

С 1804 Н.-М. зажил в Москве открытым домом. В числе знакомых Н.-М. были театрал гр. Л. К. Разумовский, управляющий московскими театрами кн. Я. И. Лобанов-Ростовский, сенатор П. В. Мятлев (отец поэта), библиофил гр. Д. П. Бутурлин и др. Н.-М. был в дружбе с А. И. Вяземским и одним из первых одобрил поэтические опыты его сына, будущего известного поэта, оставившего о Н.-М. ценные воспоминания. Человек открытый, живой и общительный, Н.-М. привлекал к себе литературную молодежь; его связи с кругом Карамзина обеспечили ему симпатии членов Дружеского лит. о-ва (молодого А. Ф. Мерзлякова, Жуковского) и будущих членов «Арзамаса»; К. Н. Батюшков видит в нем «Анакреона нашего времени», дышащего «негой древних»; апологетические отзывы о нем дают П. А. Вяземский, А. Ф. Воейков и др. (см.: *Батюшков К. Н.* Соч. СПб., 1885. Т. 2. С. 503–505; СПб., 1886. Т. 3. С. 113, 129 и др.; Остафьевский арх. князей Вяземских. СПб., 1889. Т. 1–2 (по указ.)). Будучи почетным членом Беседы любителей рус. слова (1811; ср.: *Десницкий В.* Избр. статьи по рус. лит. XVIII–XIX вв. М.; Л., 1958. С. 116), Н.-М. был связан с «Арзамасом» литературными и личными симпатиями; однако в собственном своем творчестве он остался на уровне «легкой поэзии» 1790-х гг.; в полемиках «Арзамаса» он также не принял участия. За ним сохранилась репутация пылкого поэта, служившего культу женщины и любви. Она поддерживалась и стихами Н.-М. 1800-х гг., например мадригальными стихами, посвященными Е. С. Обресковой, в которую Н.-М. был пламенно влюблен. Но, по воспоминаниям П. А. Вяземского, «нередко (нечего греха таить) те же пламенные жрецы, пожалуй, может быть, тот же Нелединский <. . .> при чистом служении обожаемой Лауре, совращались иногда с целомудренного и светлого пути своего и спускались потаенно на битую и торную дорогу» (*Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. СПб., 1883. Т. 8. С. 305). И все это сочеталось в нем с преданностью семейному очагу, с заботами о детях и нервной, болезненной жене.

Каждое лето Н.-М. посещал в Павловске императрицу Марию Федоровну; в 1805 или 1806 написал «Строфы на Павловск», в 1810 — «В Павловской ферме» — стихи, которые «велено было написать на сиявшую тогда луну». В 1807 императрица поручила ему заведование учебной частью в московских училищах Ордена св. Екатерины и мещанских девиц. Через два года за труды на этом поприще он был награжден орденом св. Александра Невского. В 1809 Н.-М. выдал старшую дочь за князя А. П. Оболенского и стал часто бывать при дворе вел. княгини Екатерины Павловны в Твери, куда переехала молодая чета.

В июле 1812 Н.-М. по поручению Александра I поместил в «Моск. вед.» (№ 58) статью о воззвании императора к московскому дворянству и купечеству. С приближением неприятеля Н.-М. отправил семью из Москвы, а сам оставался в столице почти до вступления французов, т. к. на нем лежала обязанность отправить в Казань воспитанниц институтов. Выполнив ее, он присоединился к семье и остаток года провел в Вологде и Ярославле. В Вологде он сблизился с П. А. Вяземским. Здоровье жены и др. семейные обстоятельства заставили его в нач. 1813 просить о продлении отпуска и о переводе в Петербург. В Москве, «опозоренной фран-

цузами», ему жить не хотелось. Жена его скончалась в 1813 в Ярославле.

В 1813 в «Вестн. Европы» Н.-М. поместил два перевода из А.-Л. Тома (в этом журнале в 1808 и 1813 он публиковал, кроме того, свои переводы из Лафонтена и Ж. Делиля). После переезда (1813) Н.-М. жил то в Петербурге, куда его требовали дела (он был переведен в Петербургский деп. Сената и также служил по ведомству Марии Федоровны), то в Павловске, при дворе Марии Федоровны, где часто бывали И. А. Крылов, Н. И. Гнедич, *В. В. Капнист*, Жуковский, Карамзин (после своего переезда в Петербург в 1816). Н.-М. деятельно участвовал в победных торжествах 1813 и 1814. Им был составлен текст «Прошения» Синода, Гос. совета и Сената к Александру I о принятии титула «Благословенный» и о позволении воздвигнуть ему памятник (1814), а для празднества в Павловске сочинены стихи и хоры (совм. с Батюшковым и Вяземским — Рус. арх. 1887. № 7. С. 341–363). Н.-М. весьма ревностно выполнял свои обязанности сенатора (занимался рассмотрением судебных дел); в разное время по поручению императрицы в качестве почетного опекуна он также заведовал ссудной казной, карточной экспедицией и коммерческим училищем.

С 1824 он стал просить об отставке, на которую императрица согласилась лишь в 1826. Н.-М. поселился в Калуге, в семье любимой дочери, А. Ю. Оболенской (той самой калужской губернаторши, которую в качестве идеального примера упоминает Гоголь в «Выбранных местах из переписки с друзьями»). Бремя старческих болезней, одолевавших Н.-М. в последние годы жизни, не лишило его способности радоваться той атмосфере взаимной любви и заботы, в которой жила семья.

К своей литературной деятельности Н.-М. не относился как к занятию профессиональному. Бóльшая часть его наследия — «легкая», эпикурейская или анакреонтическая лирика, стихотворные письма, мадригалы, альбомные мелочи, написанные на случай. Ему принадлежат и переводные стихотворения, в т. ч. басни из Лафонтена, — очень удачные образцы жанра, стилистически близкие к басням Дмитриева. Нередко он писал на заданные темы, сочиняя хоры и польские для придворных праздников и подчас тяготясь такими заданиями. К «серьезным», одическим жанрам, философскому рассуждению Н.-М. обращался лишь в редких случаях. Основной период его творческой активности завершился к 1800. Публиковал он далеко не все свои произведения; как и мн. его современники, часто печатался анонимно, а об отдельном издании своих стихотворений не позаботился вовсе (тетрадь, содержащая неопубликованные стихотворные тексты Н.-М., — ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 1772). В сознании последующих поколений Н.-М. остался преимущественно как автор песен и романсов, сыгравших значительную роль в истории развития этого жанра.

Лит.: Хроника недавней старины: (Из арх. кн. Оболенского-Нелединского-Мелецкого). СПб., 1876; *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. СПб., 1879. Т. 2; СПб., 1883. Т. 8; Венгеров. Рус. поэзия. Т. 1, вып. 7 (1901).

М. Н. Виролайнен

НЕХАЧИН (Нахачин, Нехочин) Иван Васильевич [1771–1811, Москва]. Принадлежал к разночинной интеллигенции; отдавая в московскую цензуру составленное им пособие для малолетних детей «Способ научиться самим собою географии...» (ценз. разр. — 11 дек. 1797; изд. 1798), назвал себя «служителем госпожи Нарышкиной». Был, видимо, самоучкой; в предисловии к «Новому ядру российской истории...» писал о себе: «Я, к вечному моему сожалению, не имел счастья пользоваться никакими науками, к познанию коих двери университета не каждому отворяются». Не исключено, что он исполнял обязанности домашнего учителя, т. к. некоторые его сочинения представляют собой учебники, предназначенные для обучения детей и самообразования. Так, вместе со старшим братом Дмитрием (1765–29 II (12 III) 1820)

Н. издал компендиум «Новое краткое понятие о всех науках, или Детская настольная книга...» (1796–1797. Ч. 1–4; посв. «Российскому юношеству»). Здесь в сжатой форме изложены гл. о. гуманитарные сведения: грамматика, поэзия и риторика, история (от потопа до Средних веков), политическая география, различные искусства; к книге приложен «Словарь исторический...» с биографиями лиц, упомянутых в книге (в т. ч. крупнейших рус. писателей).

Устойчивый патриотический интерес Н. проявлял к популяризации рус. истории. В 1793 он издал компилятивный «Исторический словарь российских государей...» (1795; посв. «Отечеству»); среди авторов, на которых Н. опирался, составляя биографии, — *И. Н. Болтин*, *И. И. Голиков*, Н.-Г. Леклерк, *М. В. Ломоносов*, А. Я. Хилков (Н. не знал, что «Ядро российской истории...» принадлежало А. И. Манкиеву), *М. М. Щербатов*, *Ф. А. Эмин* и др.

Образцом «Нового ядра российской истории от самой древности россиян и до дней <...> Екатерины II» (1795. Ч. 1–2; посв. «России, любезному, знаменитому и Богом благословенному моему отечеству...» — с датой: «1 нояб. 1795»), видимо, послужил труд А. И. Манкиева (из него у Н. имеются заимствования), хотя Н. стремился к более последовательному и литературно оформленному повествованию. Он критически оценивает хронографические работы М. М. Щербатова как «недостойные великого уважения», но осуждает также и «Примечания...» И. Н. Болтина за «ругательства и насмешки». Сам он сообщает, что использовал для работы довольно большую подборку (более двухсот) книг о России. Судя по обращению к *Екатерине II*: «Твоя от твоих, тебе и приношу» — среди них были и ее «Записки касательно российской истории». Н. жалуется, однако, на скудость материалов по послепетровскому времени. Впосл. при переиздании он расширил хронологические рамки своего сочинения, доведя его до царствования Александра I (2-е изд. М., 1809–1810. Ч. 1–3). Биографию Петра I Н. изложил отдельно в книге «Ядро истории государя Петра I...» (1795; посв. «Россиянам-соотечественникам»; на тит. имя сочинителя обозначено: «Ив. Н. х. ч. н.»), где много места уделил процессу царевича Алексея Петровича, дал подробное описание монумента «Медный всадник» и привел подборку отзывов иностранцев о Петре.

Свои труды Н. печатал в Москве на собственный счет, а также продавал таким книжным комиссионерам, как С. Никифоров и *И. Н. Водопьянов*; некоторые труды Н. составлял по их заказу. Сам он тоже пытался заниматься изданием чужих сочинений. С указанием «Издал И. Н.» в Москве вышли 2-е издание книги «Всеобщий секретарь, или Новый и всеобщий письмовник» (1796. Ч. 1–2), «Всеобщий песенник...» (1800. Ч. 1–2), «Жизнь и военные деяния Суворова. Пер. с нем. Алексея Ченыхаева» (1800). В 1802 он напечатал купленную через А. Ченыхаева рукопись комедии Н. Р. Судовщикова «Неслыханное диво, или Честный секретарь» (М., 1802), в связи с чем В. С. Сопиков приписал ему авторство комедии (см.: *Сопиков В. С.* Опыт рос. библиографии... / Ред., примеч., доп. и указ. В. Н. Рогожина. 2-е изд. СПб., 1905. Ч. 4. № 5491; РГИА, ф. 777, оп. 1, № 1002). В 1808 в Москве Н. издал брошюру «Пожертвования на составление и вооружение в России земского войска»; в это же время у него находилась на комиссии рукопись поэмы «Воспитание» К.-Ж. Дора в переводе *Е. П. Люценко* (см.: Ироикомическая поэма. Л., 1933. С. 568).

Собственно литературными являются ранние произведения Н. В одноактной комедии «Побег от долгов, или Раскаявшийся мот» (1792, подп. – «И*Н*»; посв. Олимпиаде Ивановне К...й, «яко особе, почитающей добродетели во всем совершенстве») осуждается мотовство щеголей, разоряемых ростовщиками; одновременно осмеиваются полицейские-взяточники. Действие ее происходит на почтовой станции по дороге из Петербурга в Москву, где остановился убегающий от заимодавцев граф Добросердов (по прозвищу Мотыгин); его векселя выкупает влюбленная

в него добродетельная Клеопатра. С этой же темой связано сатирическое стихотворение «Мода утирает слезы плачущих петиметров, щеголих и всех власти ее исполнителей» (1793). Оно является откликом на сокращение торговли с революционной Францией, причем Н. выражает сомнение, что это воспрепятствует распространению роскоши. Комическая опера «Неудачливый в любви подьячий» (1795; посв. автором «от искренней преданности» кн. *В. Д. Голицыну*) представляет собой обработку типичного сюжета комической оперы, низведенного до интриги в вотчинной господской конторе. В пьесе Н. писарь конторы пытается воспрепятствовать браку Лукьяна и Степаниды с помощью сторожа «колодной избы», который арестовывает ее отца, Власа. Влюбленных спасает справедливый приказчик. Пьеса изобилует фарсовыми сценами (писаря избивают, оплевывают и т. п.). С точки зрения установки на простонародность характерно указание «голосов» народных песен, на которые должны исполняться куплеты, и включение в текст народной песни «Вниз по матушке, по Волге».

Лит.: Рогожин. Дела моск. цензуры. Вып. 1 (1902); Моск. некрополь. Т. 2 (1907); *Кузьмина В. Д.* Рус. демокр. театр XVIII в. М., 1958; Берков. История комедии (1977).

В. П. Степанов

НЕЧАЕВ Василий Никитич [ум. после 1829]. Служил в чине сержанта в лейб-гвардии Измайловском полку в Петербурге, затем в Одессе, позднее находился при Комиссии дух. уч-щ в Петербурге.

Литературную деятельность начал с переводов. Им осуществлены стихотворные переводы трагедии Вольтера «Китайский сирота» (1788) и оды И. И. Маскле «на бракосочетание <. . .> великого князя Александра Павловича» (1793, текст на рус. и фр. языках). Н. принадлежит собственное сочинение на ту же тему, что и ода Маскле, — «Ода на всерадостное бракосочетание <. . .> великого князя Александра Павловича и великой княгини Елисаветы Алексеевны. . .» (1793). Построенная по каноническим образцам рус. одописи, она по сути дела представляет собой литературный штамп — обязательный набор комплиментов новобрачным и царствующей императрице. Следующее произведение Н. — «Ода на случай торжества заключения мира с Оттоманскою Портою» (1793), весьма напоминает оду *М. Н. Муравьева* «Екатерине II на замирение с Портою Оттоманской» (1774), несмотря на то что события, в них описанные, отделены одно от другого шестнадцатью годами. В элегии Н. «Умирающий певец» (РГБ, Голуб/1, № 39) явно сказалось влияние романтических тенденций, утверждавшихся в рус. литературе.

Письма Н. к М. П. Погодину и И. П. Липранди хранятся в РГБ.

Лит.: Заборов (1978).

А. С. Антонов

НЕЧАЕВ Петр Осипович. С 1773 служил секретарем 1-го Деп. Сената, в 1777 — протоколист Сената, в 1779 перешел во 2-й Деп. 23 июня 1782 получил чин надв. советника и продолжал служить в Сенате по крайней мере до 1789. Переведенные Н. с фр. языка «Размышления и нравоучительные правила» Ю. Т. Оксеншерны (1771; посв. Г. Г. Орлову) с точностью передают текст оригинала. При переводе «Essai de philosophie morale» П.-Л.-М. Мопертюи («Опыт нравоучительной философии. . .», 1777) Н. исключены эпиграф и предисловие автора, а в посвящении А. А. Вяземскому говорится о цели переводимого сочинения: «. . .находить и сохранять в самом себе спокойствие и удовольствие, и через то достигать истинного благополучия», чему способствует «созерцание истины и исполнение должности». «Опыт нравоучительной философии. . .» построен в виде моралистических теорем и содержит сравнительную характеристику стоической и христианской этики, причем предпочтение отдается последней. Перевод выполнен с большой тщательностью, но передача отдельных понятий неточна («peine — «скука», «compensation» — «расчет» и др.).

Принадлежащие Н. оды *Екатерине II* (1792 и 1793) ничем не выделяются из массы панегирической литературы своего времени.

К. Ю. Лаппо-Данилевский

НИКИФОРОВ Павел Петрович [1772–после 1820]. Дворянин, из семьи лейб-кампанцев, сын секунд-майора П. Ф. Никифорова (РГИА, ф. 1343, оп. 26, № 1828, л. 33). Благодаря заботам отца, Н. получил приличное домашнее образование, с некоторым уклоном в богословие, у рус. учителя. Кроме представления о начатках наук оно обеспечило ему знание фр. и нем. языков, дополненное позднее самообразованием. С кон. 1786 начал службу в лейб-гвардии Конном полку, где дослужился до вахмистра, и в 1794 уволился с чином армейского капитана для определения в статскую службу. В 1797–1798 состоял в штате Комиссии о составлении законов, будучи прикомандирован к канцелярии генерал-прокурора А. Б. Куракина. Выйдя в отставку, он поселился в с. Липяги Мологского у. Ярославской губ. В 1800 Н. служил в Мологской полицеймейстерской экспедиции, а затем занимал выборные должности по Дворянскому собранию: заседатель Ярославской палаты угол. суда (1805), уездный предводитель дворянства в Ростове (1809–1812), Мологе (1813–1820). За участие в ополчении (милиции) в качестве пятисотенного начальника Н. был награжден медалью (формуляр 1820 г. — ИРЛИ, ф. 320, № 1681).

Н. принадлежит несколько переводов с нем. и фр. языков, датируемых 1790–1791. Посвящения переводов *Симону Лагову*, епископу Рязанскому и Шацкому, П. П. Коновницыну, бывшему тамбовскому губернатору, и др. лицам свидетельствуют о тесных связях семьи Н. с тамбовской культурной средой и некоторой провинциальности интересов. Он вторично (не зная, видимо, об издании *И. Ф. Румянцева*) перевел роман Х.-Ф. Геллерта «Жизнь графини шведской Г**» (1792). В книге Н. «Процветающая Греция, или Краткое описание жизни шестидесяти знаменитых мужей» (1792) излагаются краткие популярные биографии деятелей античной Греции, в т. ч. поэтов Алкея, Анакреона, Аристофана, Еврипида, Гесиода, Гомера, Пиндара, Сафо, Симонида, Софокла и Апулея. Так же как и вышедшая в его переводе анонимная книга «Хаос есть следствие света» (1781), посвященная опровержению деизма, все эти издания напечатаны в Тамбовской типографии, с указанием родового имения Н.: «С. Богородское, Новое Мансырево тож». «Процветающая Греция. . .» посвящена содержателю типографии, губернскому предводителю дворянства А. М. Нилову. Книга Ф.-О. д'Арка де Сен-Фуа «Упражнение в свободное время, или Разные мысли» (1791), собрание житейских наставлений, была напечатана Н. в Москве. В Тамбовской типографии печатал свои переводы и *С. П. Никифоров*, брат Н.

В. П. Степанов

НИКИФОРОВ Стефан (Степан) Петрович. Брат *П. П. Никифорова*. Переводчик 1790-х гг. В 1791 напечатал, переведя с фр. языка, нравоучительное сочинение Ф. Берто «Букет, или Собрание знаменитых приключений славных греческих, латинских и французских писателей», издававшееся во Франции в XVII в. семь раз (1-е изд. 1635). Эти исторические анекдоты соответствовали назидательному духу Просвещения, в идеологии которого проблема воспитания была одной из центральных. Берто сурово порицает тех, кто «не входит в тонкость», а занимается «одной только поверхностию» и предпочитает полезным книгам сказки и развращающие романы. Свой перевод Н., бывший в то время вахмистром лейб-гвардии Конного полка, посвятил Ивану Савиновичу Белавину, генерал-поручику, губернатору.

В том же году Н. издал в своем переводе с фр. языка и др. сочинение, назначенное уберечь «слабый возраст» от ошибок и помочь воспитанию полезных обществу граждан, — труд аббата Ж. Рейра (1735–1812) «Детский приятель». Перевод точно следует оригиналу, однако опущено стихотворное «По-

священие детям», а назидательные басни переведены прозой; в двух первых баснях стихами переведены лишь поучительные концовки. Будучи уже «от армии капитаном Темниковской округи в селе Богородском, Новое Монсырево тож», Н. перевел с фр. языка педагогическое сочинение Л.-Ф. Жоффре «Приятность детской юности и удовольствие матерней любви» (Тамбов, 1795), изданное в Париже в 1791. Описывая «весну человеческую», ее невинные забавы и удовольствия, автор следует просветительскому пониманию мудрых законов природы. Он дает советы, касающиеся разумного воспитания, и в чисто сентименталистском духе, несомненно под сильным воздействием Руссо, проповедует гармоническое развитие ребенка на лоне природы. Отрывок из этого сочинения в переводе Н. под назв. «Первые солнечные лучи» был напечатан также в журнале «Приятное и полезное» (1797. Ч. 15).

Лит.: Геннади. Словарь. Т. 3 (1908).

М. В. Разумовская

НИКИФОРОВА Надежда Петровна. Сестра *П. П.* и *С. П. Никифоровых*. В 1792 перевела с фр. языка сочинение Ф. Фенелона «О воспитании девиц» (Тамбов, 1794). До нее это же произведение было переведено *И. Г. Туманским* в 1763. В качестве приложения к своей книге Н. поместила переведенное ею письмо Фенелона «к одной знатной госпоже относительно до воспитания ее <. . .> дочери». Эти переводы Н. делала в с. Богородском (Новое Мансырево) Темниковской округи. В посвящении отцу Н. благодарит его за свое воспитание, за то, что он руководил ее переводом, и сообщает, что еще ранее этого, самого совершенного своего перевода она перевела четыре книги, не называя, впрочем, какие именно.

Лит.: *Гребенщикова Е.* Неизв. переводчица XVIII в. // Изв. 1934. 21 нояб. № 271.

Г. Г. Силинская

НИКОДИМ (Селлий) см. Селлий Адам Бурхард.

НИКОЛЕВ Николай Николаевич [25 V (5 VI) 1779–12 (24) V 1835, Москва; похоронен на Ваганьковском кладбище]. Сын *Н. П. Николева*. В 1785 зачислен подпрапорщиком в Преображенский полк, в 1797 перешел в статскую службу в чине кол. секретаря. С 1799 снова стал служить в Преображенском полку, а в 1805 в Апшеронском пехотном полку. В 1813–1815 (в чине майора) принимал участие в походах против наполеоновской армии, неоднократно отличался в сражениях. В 1814–1815 был комендантом Познани и др. пол. городов. По возвращении в Россию в 1816 назначен адъютантом К. М. Барклая де Толли. С 1818 в чине полковника служил в Павловском полку, а затем в Ширванском. 13 янв. 1820 уволен «за болезнью» в отставку с пенсионом.

Во время пребывания во Франции, затем в Польше и, наконец, в России Н. активно занимался масонской деятельностью. Он явился одним из учредителей масонского общества шотл. обряда («Общества 33-й и последней степени древнего и принятого обряда»), связанного с рус. и пол. радикальным движением: целью общества было «ниспровержение престолов и установление республик». Политический характер масонской деятельности Н. привлек к себе в 1820-е гг. внимание правительства, и по его делу велось следствие (ИРЛИ, ф. 250, оп. 1, № 281).

Н., очевидно, поддерживал контакты с литераторами — друзьями своего отца; книга «Памятник друзей Н. П. Николеву» (М., 1819) была посвящена ее авторами Н. «с признательностью и любовью». По воспоминаниям М. С. Николевой, Н., холостяк с невзрачной наружностью, рябым лицом, был «порядочным оригиналом, но хорошим человеком и храбрым полковником»; дружил с А. А. Шаховским.

Литературная деятельность Н. относится к нач. 1790-х гг. В «Новых ежемес. соч.» (1791. Ч. 57. Март; 1792. Ч. 69. Март) были напечатаны его «Оды» *Екатерине II* на взятие Измаила и «на заключение мира с Оттоманскою Портою» (отд. изд.: 1791 и 1792). По-видимому, Н. принадлежит и «Ода

<. . .> на заключение мира с державою Шведскою. . .», опубликованная в «Творениях» Н. П. Николева (1795. Ч. 2) и сопровожденная примечанием: «Сия ода поднесена от имени сына сочинителя сих Творений». Оды Н. вполне традиционны и написаны, очевидно, под непосредственным влиянием торжественных од его отца.

Лит.: *Чебышев А.* Николев Н. Н. // Рус. биогр. словарь. Т. «Николай I–Никон» (корректурный экз., ИРЛИ); Воспоминания М. С. Николевой // Рус. арх. 1899. № 10; Моск. некрополь. Т. 2 (1908); *Семевский В. И.*: 1) Декабристы-масоны // Минувшие годы. 1908. № 5–6; 2) Полит. и обществ. идеи декабристов. СПб., 1909; Bakounine. Le répertoire (1940).

Н. Д. Кочеткова

НИКОЛЕВ Николай Петрович [ок. 1758–24 I (5 II) 1815, Москва]. Отец Н., генерал-майор Преображенского полка, происходил из дворянского рода, который вел начало от переселившегося в Россию в XVII в. фр. полковника Д. Николь-Деманора; был в родстве с *Е. Р. Дашковой*; мать — из купеческой семьи. Когда Н. было пять лет, Дашкова обратила на него внимание и взяла на воспитание: было «прилагаемо особенное старание дать ему должные познания в математике и словесности, к чему он имел особенную склонность, и в продолжение своего воспитания, сверх языка отечественного, столько успел в литературе французской и итальянской, что мог не токмо свободно объясняться в разговорах, но и писать на сих двух языках». Пятнадцати лет он был зачислен в гвардию. Благодаря Дашковой, Н. часто бывал у Паниных и в др. аристократических домах. Вместе с тем он любил совершать прогулки «на народные площади, гульбища, в ряды, бывал даже в местах, открытых для народных праздников». По свидетельству С. А. Маслова, Н. женился на княжне Е. А. Долгорукой на двадцать седьмом году, но, по записям в дневнике П. Лаврова, женитьбу Н. можно отнести к самому кон. 1777–нач. 1778 (см.: Рус. арх. 1878. № 8. С. 445, 448). Во время службы, очевидно в 1778, Н. находился в Крыму; возвращаясь курьером в Петербург, он сильно простудился. В связи с этим ухудшилось его зрение, и он вышел в отставку в чине майора. Н. впосл. вспоминал, что его зрение стало слабеть с двадцати лет. Вскоре он почти ослеп, но активно продолжал заниматься литературой. По его собственным словам, он начал писать стихи с тринадцати лет. «Сатиру на развращенные нравы нынешнего века» Н. назвал своим «первым плодом», отнеся ее к 1770 и указав, что первая публикация «Сатиры. . .» (1777) была осуществлена «против его воли». Др. стихотворения («Элегия», «Станс») датированы 1771. «Сатира к Музе» была написана «на шестнадцатом году сочинителя». К «Идиллии на восшествие Екатерины Алексеевны на престол» (1773) Н. сделал примечание: «Автор имел осьмнадцать лет, когда сочинил сию идиллию». В 1774 Н. опубликовал «Оду Екатерине Алексеевне на заключение славою увенчанного мира»; «Ода Екатерине II на торжество мира с Оттоманскою Портою 1775 года» названа в «Творениях» (1795. Ч. 2) «второй одой автора». В 1770-е гг. Н. написал еще несколько традиционных похвальных од *Екатерине II*, приуроченных к придворным праздникам, «Стихи на возвращение из чужих краев <. . .> И. И. Шувалова» (опубл. 1779) и ряд стихотворений более камерного характера («Послание к Танаисе» и др.).

С 1770-х гг. Н. стал выступать как драматург. Его пьесы не равноценны по своему идейному и художественному значению: обращаясь к традиционным, большей частью заимствованным сюжетам, он по-своему разрабатывал их, стремясь отразить явления, характерные для рус. действительности, а также использовать драматургию как средство литературной борьбы. Свою первую комедию «Попытка не шутка, или Удачный опыт» (1774), написанную на сюжет пьесы Ж.-Ф. Пуллена де Сен-Фуа «Юлия», Н. посвятил Е. Р. Дашковой. Комедия Н. «Испытанное постоянство» (1776), представленная на домашнем театре кн. П. М. Вол-

конского, была посвящена княжне В. П. Волконской, принимавшей участие в спектакле. «Благородным героям» здесь были противопоставлены намеренно сниженные, комедийные характеры слуг. Пьеса была «много раз играна на прочих театрах» (Драм. словарь (1787)).

В 1776 Н. написал комическую оперу «Розана и Любим». Текст первой редакции, существенно отличающийся от позднейшего печатного текста, сохранился в рукописи (СПбГТБ). Хотя Н. опирался на опыт фр. авторов (Ш.-С. Фавара, Ф.-А. Филидора), ему удалось создать достаточно оригинальные образы рус. крестьян, изображенных с явным сочувствием. В 1777 Н. отдал в театр текст пьесы, и в том же году он был положен на музыку И. И. Керцелли. Премьера, однако, состоялась в Москве лишь в 1778 (в Петербурге — 6 дек. 1780); опера «была играна сряду четыре раза к отменному удовольствию публики, была много раз аплодирована» (Драм. словарь (1787)). Причиной задержки Н. считал несправедливое предпочтение, оказанное театральной дирекцией пьесам *В. И. Майкова* «Деревенский праздник» и «Любовник-колдун», «гораздо после „Розаны и Любима" сочиненным и на театр отданным», как писал драматург в предисловии к изданию «Розаны и Любима» (1781; 2-е изд. 1787). Здесь же в особом «Объяснении» автор выразил недовольство «дурными представлениями», хотя отметил «прекрасную игру г. Ожогина», которая даже заставила его переработать первоначальный текст. В том же «Объяснении» и приложенном к изданию «Письме к Н. И. Новикову» нашла отражение полемика Н. с *А. О. Аблесимовым* и *В. В. Капнистом*, задевшим Н. в «Сатире I». «Розана и Любим» стала одной из излюбленных пьес в репертуаре Моск. театра, где часто ставилась в течение более двух десятилетий. В июле 1778 в «вольном московском театре» состоялась премьера и др., написанной в 1777, пьесы Н. — «Приказчик, драматическая пустельга в одном действии. Сочинена в Москве» (муз. Ж.-Ф. Дарси, 1781). Здесь затрагивалась характерная для рус. комедии XVIII в. тема «злого приказчика». В «драме с голосами» «Финикс» (1779) Н. одним из первых ввел в рус. драматургию «восточную тему», а в комической опере «Точильщик» (1780; пост. в Москве 27 апр. 1783), являющейся переработкой пьесы Филидора, использовал мотивы рус. сказок. В 1782 Н. написал комическую оперу «Опекун-профессор, или Любовь хитрее красноречия» (пост. 4 дек. 1784; под назв. «Опекун-учитель, или Любовь сильнее элоквенции» упомянута в изд.: Драм. словарь (1787)). Тексты всех трех опер были напечатаны в «Рос. феатре» (1788. Ч. 22–24), издававшемся по инициативе Е. Р. Дашковой, так же как и тексты ранее публиковавшихся комедий Н.: «Розана и Любим», «Приказчик», «Испытанное постоянство», «Попытка не шутка». Анонимная комедия «Победа невинности, или Любовь хитрее осторожности» (Рос. феатр. 1788. Ч. 25) также приписывается Н. П. Н. Арапов упоминает комедию Н. «Сорока», которая якобы «имела большой успех», но др. сведений об этой пьесе не найдено.

Скандальную известность приобрела комедия Н. «Самолюбивый стихотворец»; в ее главном герое Надмене современники узнали *А. П. Сумарокова*. Написанная еще в 1775 пьеса была поставлена лишь 15 июня 1781 в Петербурге (опубл.: Рос. феатр. 1787. Ч. 15). А. А. Шаховской сообщает, что при представлении «в первый раз послышался в русском театре мстящий за Сумарокова свист. Говорят, что он раздался из ложи дочери его, К. А. Княжниной, и повторился во многих местах и многими зрителями, оскорбленными поруганием отца нашего театра» (Репертуар рус. театра. 1840. Ч. 2. С. 3). П. Н. Арапов передает: «Княжнина <. . .> послала своего сына Александра в парадиз, чтоб он свистнул по окончании спектакля; он это исполнил с некоторыми приятелями, публика поняла насмешку, свист усилился, и „Самолюбивого стихотворца" уже не давали». Арапов относит этот эпизод к 22 июня 1800, но более вероятно, что он произошел во время премьеры. Комедия ставилась в Придворном театре «неоднократно к удовольствию зрителей»

(см.: Драм. словарь (1787)). Известны многочисленные постановки пьесы с 1795 по 1800, а также 1 июля 1802 и 28 окт. 1804. Н. осмеял дочь Сумарокова в притче «Мартышка» и в эпиграмме «В уединение ко мне доходит слух. . .». В этой борьбе отразилось и литературное соперничество Н. с *Я. Б. Княжниным*, начавшееся в 1779—1781. Впосл. Княжнин высмеял Н. в послании «От дяди стихотворца Колинева» (1787). В сатире некоего Арсеньева «Обед Мидасов», продолжавшей полемику Капниста с Н., о постановке «Самолюбивого стихотворца» говорилось: «Как игран был Надмен, глупцы все восхищались; Разумные, сердясь, нахальству удивлялись». Вопрос об отношении Н. к Сумарокову достаточно сложен, о чем свидетельствуют, в частности, принадлежащие Н. «Письмо к Федору Григорьевичу Карину на преставление А. П. Сумарокова, из подмосковной 5 октября» и приложенная к нему эпитафия Сумарокову (1777). Впосл. Н. переработал текст письма и эпитафии. *Ф. Г. Карин* написал ответное «Письмо к Н. П. Николеву о преобразителях российского языка» (1778), где были выражены взгляды, характерные для группы московских литераторов, которые объединялись вокруг Карина (*А. С. Хвостов*, Д. И. Хвостов, *Д. П. Горчаков* и др.). В «Письме» Карина о Н.-комедиографе говорилось как о преемнике Сумарокова. По свидетельству С. Н. Глинки, и в последующие годы Н. был «лучшим другом Карина, навещал его почти каждый день». С помощью общительного Карина Н. поддерживал контакты со мн. не только московскими, но и петербургскими писателями и деятелями театра, как свидетельствует, в частности, письмо Карина к Н. от 2 авг. 1781. Весной 1781 в связи с одной тяжбой Н. ездил в Петербург, где с ним познакомился *М. Н. Муравьев*, лестно отзывавшийся о нем в письмах отцу и сестре 12 апр. и 6 мая 1781: «московский bel esprit», который «очень мил» (ГИМ, ф. 445, № 52, л. 4 об.; ИРЛИ, р. II, оп. 1, № 261, л. 26). В 1781 Н. написал трагедию «Пальмира» (пост. в Москве 22 апр. 1783), а в 1784 — «Сорена и Замир». В письме от 9 марта 1784 *И. А. Дмитревский* просил Н. прислать их для представления в петербургском театре, упоминая о том, что «прекрасные сочинения» Н. в списках распространяются по городу. В 1783 Горчаков сообщал, что московская публика овацией встретила «Пальмиру», но в напечатанном по этому случаю стихотворном «Письме» к Н. говорил и о нападках на пьесу «худых творцов», кипящих завистью. «Пальмира» «представлена была много раз с отменною удачею к чести сочинителя и актеров на московском театре» (Драм. словарь (1787)) и не сходила со сцены до 1806. *А. А. Палицын* упомянул «Пальмиру» в «Послании к Привете» (1807).

Премьера «Сорены и Замира» прошла 12 февр. 1785 в Москве с большим успехом. Трагедия привлекла зрителей своим тираноборческим пафосом: аплодисменты раздавались «при резких выходках против тиранов и тиранства». В стихотворном «Письме к П. И. Панину» Н. упоминал, что Панин похвалил «Сорену» «при многолюдстве». Толки о пьесе вызвали опасения московского главнокомандующего Я. А. Брюса, который отправил текст трагедии Екатерине II, отметив наиболее смелые строки. По преданию, императрица дипломатично ответила на это: «Смысл таких стихов, которые вы заметили, никакого не имеют отношения к вашей государыне. Автор восстает против самовластия тиранов, а Екатерину вы называете матерью» (Рус. вестн. 1810. Ч. 10. № 4). После этого трагедия продолжала ставиться и была напечатана вместе с «Пальмирой» в «Рос. феатре» (1787. Ч. 5). Почитатели Н. стали называть его «творцом „Сорены“». Постановка «Сорены» в янв. 1810 вызвала весьма критический отзыв А. Ф. Мерзлякова, упрекавшего Н. в отсутствии исторического правдоподобия (Вестн. Европы. 1810. № 3), но в защиту Н. выступил С. Н. Глинка (Рус. вестн. 1810. Ч. 10. № 4).

В 1780-е гг. Н. продолжал писать торжественные оды («Ода Екатерине на взятие Очакова», «Ода Екатерине на победу, одержанную над шведами» и др.), нравоучитель-

но-философские стихотворения («Сон, виденный могольцем в 1788 году») и дружеские послания (П. С. Гагарину, С. А. Волконскому). В «Стихах на смерть С. А. Волконского, принесшего жизнь свою в жертву отечеству 1788 года декабря 6 дня при взятии Очакова» (Моск. вед. 1788. 16 дек. № 103. Приб.; перепеч.: Иртыш. 1790. Янв.) с сочувствием говорилось о «страждущей сестре» Волконского Н. А. Пушкиной, муж которой *М. А. Пушкин*, сосланный в Тобольск, написал ответное «Послание к Н. П. Николеву» (опубл.: *Николев Н. П.* Творении. М., 1797. Ч. 4).

Очевидно, к 1780-м гг. относится и создание ряда песен Н. Публикуя их тексты в «Творениях», Н. напечатал две песни, принадлежащие, по-видимому, его жене Е. А. Николевой (подп. — «сочинение Е. Н.»). Одна из этих песен («Ах, когда б я то предвидела. . .») датирована 1782.

С 1787 Н. стал сотрудничать в «Новых ежемес. соч.». Анонимно он опубликовал здесь «Рассуждение о стихотворстве российском» (1787. Ч. 10. Апр.), обосновывая свои отступления от орфографии в рифме (окончания «-ой» вместо «-ый» и др.) ссылками на авторитеты *М. В. Ломоносова* и Сумарокова. В 1789 под псевд. «Моисей Слепцов» Н. напечатал (Ч. 34. Апр.) «Оду российским солдатам на взятие Очакова 1788 года, декабря 6 дня», стилизованную под разговорную речь (вместе с одой-пародией на *В. К. Тредиаковского* вошла в издание Н. «Две оды на взятие победоносным российским воинством города Очакова 1788 года, декабря 6 дня, сочиненные первая г. Т. . . .м в царстве мертвых, вторая отставным солдатом Моисеем Слепцовым»). Первая из этих од получила широкую популярность. Говоря о «всем известной тогда пародии на Тредиаковского», С. Т. Аксаков, знавший наизусть эту оду, только в 1812 при встрече с Н. узнал, кто ее автор. В 1791–1793 Н. поместил в «Новых ежемес. соч.» ряд традиционных верноподданнических од, посвященных Екатерине II, в частности «Оду императрице Екатерине Алексеевне за оказанную милость награждением сочинителя» (1791. Ч. 58. Апр.). В том же журнале (1791. Ч. 60. Июнь) было напечатано нравоучительно-философское «Лирическое послание княгине Е. Р. Дашковой» (позднее под загл.: «Лиродидактическое послание. . .»).

Все эти стихи Н. вызвали весьма иронические отзывы *Н. М. Карамзина*, который 1 июня 1791 писал *И. И. Дмитриеву* об одах Н.: «То-то поэзия! то-то вкус! то-то язык!». О «Лирическом послании. . .» Карамзин отозвался с еще большей иронией: «Это жесткое послание (и притом *лирическое!!!*) так натерло мой мозг, что он несколько часов был подобен болячке». В нояб. 1791 Карамзин поместил в «Моск. журн.» (Ч. 4. Нояб.) краткую отрицательную рецензию на постановку в Моск. театре стихотворной комедии Н. «Баловень, или Об заклад проигранная невеста» (пост. в окт.– нояб. 1791). Карамзин сообщил Дмитриеву, что Н. «бесится» за этот отзыв. Самолюбивый Н. оскорбился и сатирой И. И. Дмитриева «Гимн восторгу» (Моск. журн. 1792. Ч. 7. Авг.). Карамзин, очевидно, захотел уладить назревавший конфликт и напечатал ставшую популярной песню Н. «Вечерком румяну зорю. . .» (Ч. 7. Сент.; подп. – «Н. Н.»). Текст песни сопровождался авторским указанием: «Сочинена в подмосковной, в сельце Усладе, по просьбе дворовой девушки, прозвищем Швея-Горемыка, живописцем, прозванным Сердце». В издательском примечании говорилось, что песня «сообщена от сочинителя». Тем не менее Н. остался одним из ярых противников Карамзина и Дмитриева.

К нач. 1790-х гг. Н. был уже маститым автором, избалованным похвалами. Д. П. Горчаков характеризовал Н. следующим образом в примечании к стихотворению «Он и я»: «Лучший наш трагик, оставивший далеко за собою в сем роде г-на Сумарокова и прочих и почти равняющийся с г-ном Ломоносовым» (Поэты-сатирики (1959). С. 114). 10 янв. 1792 Н. был избран членом Рос. Академии. Признание своих литературных заслуг Н. получил и у враждовавших с Карамзиным И. А. Крылова и *А. И. Клушина*, который писал Н. 8 сент.

1793: «Оценять вашу оду и Сорену и отдавать справедливость почтенному их автору есть должность каждого, кто умеет чувствовать». Клушин обращался к Н. с просьбой прислать его «творения» для «СПб. Меркурия» (1793). Н. не дал согласия на напечатание своего «Послания к Г-ву» (Д. П. Горчакову), но опубликовал в журнале оду «Суета славы мира» и песню «Полно, сизенький, кружиться. . .». Н. был среди подписчиков журнала, в котором (Ч. 3) была помещена «Сатира» Горчакова, где Н. наряду с Ломоносовым провозглашался образцом для подражания.

В «Творениях» Н. (1795–1798. Ч. 1–5) были помещены как ранее печатавшиеся, так и некоторые новые произведения. Издатель писал о сочинениях Н.: «Смело заключаю, что они принесут пользу и утешение разуму и вкусу как тонким изображением мыслей, нежностию чувствований, так и гармоническою приятностию». В ч. 1 были помещены духовные стихи Н.: переложения псалмов и др. В ч. 2 вошли посвященные Екатерине II похвальные оды, хоры, мадригалы и пр. В ч. 3 было напечатано письмо «Автор к издателю», свидетельствующее о том, как были встречены «Творении». «Прежде нежели отпечатан был первый том вашего издания, — писал Н., — как уже по единому слуху, что оно выходит, сочинены были на него епиграммы и сатиры, разными обинеками исковерканные». Далее Н. упоминал, что одни возмущались, как он осмелился перелагать те же псалмы, что Ломоносов и Сумароков; др. сочли его духовные стихотворения «затейливыми и непонятными»; третьи высмеивали «невразумительные» слова, употребляемые Н., в частности слово «ячность» (эгоизм). Своими главными врагами Н. считал «творцов касаточек и голубков», т. е. Дмитриева, Карамзина и писателей их окружения. В ч. 3 опубликованы философско-нравоучительные оды Н. и его «Лиродидактическое послание Е. Р. Дашковой», снабженное обширными «пополнительными примечаниями» автора. Здесь Н. подробно развивает свои эстетические взгляды: он полемизирует с литературными противниками-сентименталистами, высмеивает комическую оперу Аблесимова «Мельник — колдун, обманщик и сват»; безоговорочно восторгается поэзией Ломоносова, с похвалой отзывается о басенном творчестве Сумарокова, высоко ценит перевод «Илиады», сделанный *Е. И. Костровым*. Н., поддерживавший с Костровым дружеские отношения, написал стихи «На смерть г. Кострова» (Приятное и полезное. 1796. Ч. 12). Ч. 4 и 5 «Творений» были заняты разделом «Смесь», куда вошли стихотворения самых разных жанров (шутливые оды, сатиры, послания, басни, эпиграммы, преимущественно оригинальные, а также переводы из Н. Буало, Вольтера). «Собрание разных песен» открывается посвящением «российскому Шолью», т. е. *Ю. А. Нелединскому-Мелецкому*. Большой интерес представляют дружеские послания Н., обращенные к Д. П. Горчакову, П. И. Панину, Н. М. Козловскому, Н. М. Голицыну и др. Написанные живым разговорным слогом, эти стихи во многом открывают частную жизнь поэта, рассказывающего о своем деревенском быте, о встречах с друзьями.

Карамзин предпринял новую попытку сотрудничества с Н., пригласив его к участию в альманахе «Аониды». Однако на обеде у Карамзина по случаю начала издания между хозяином и Н. произошел обмен некоторыми колкостями. В «Аонидах» (1796. Кн. 1) Н. напечатал «Рондо Петру Первому». Эти стихи пародировал *Г. Р. Державин* («На „Рондо Петру Великому“»), относившийся к творчеству Н. весьма иронически. В ответ на выпады Н. против Карамзина *М. М. Херасков* написал в 1796 оду «Клевета» (Аониды. 1797. Кн. 2). В письме к И. И. Дмитриеву от 5 авг. 1796 Державин сожалел о том, что Херасков «связался» с Н., «который есть и будет всеми своими вздорами сам на себя сатира» (Державин. Соч. (1864–1883). Т. 6 (1871). С. 55). Н., со своей стороны, смотрел на Державина несколько свысока, называя его «поэтом внешней природы». Возможно, помня дружбу Н. с П. И. Паниным и зная поэта «из детства», Павел I относился к нему

с «особенным благоволением»; он называл его «слепым ясновидящим», пользуясь загл. одноименной комедии М.-А. Леграна. При Павле Н. жил в Петербурге, а с 1801 переехал в Москву, живя то в городе, то в своем имении под Москвой.

Он постоянно интересовался театром, посещая московские спектакли. Устроив в имении собственный театр, поставил свою трагедию «Святослав». В журнале «Друг просв.» (1805. № 5) Н. поместил стихотворение «Пение добродетельной души, посвященное ей самой в лице княгини Е. Р. Дашковой» и предварявшие его стихи «Дактиль, коим автор просит позволения напечатать следующую за сим пиесу». Продолжая писать, Н. почти ничего не печатал, лишь изредка помещая стихи в «Рус. вестн.» и «Сыне отеч.». В архиве Д. И. Хвостова сохранился текст стихотворного «Послания князю Багратиону», принадлежащего Н. и датированного сент. 1809 (ИРЛИ, ф. 322, № 62, л. 344–347). В 1811 Н. был принят почетным членом в О-во любителей рос. словесности при Моск. ун-те и избран почетным членом Беседы любителей рус. слова. В нач. 1812 с Н. познакомился С. Т. Аксаков, подробно описавший свои встречи с поэтом. В доме Н. он встречался с С. Н. Глинкой, Н. М. Шатровым, Я. Е. Шушериным, Н. И. Ильиным. Аксаков слушал, как Н. напыщенно читал отрывки из своей новой трагедии «Малек-Адель» («Матильда»), «играя все лица разными голосами». Н. старался скрыть свою слепоту и читал наизусть собственные стихи, делая вид, что читает по рукописи. По свидетельству Аксакова, Н. «придавал великую важность своим примечаниям и весьма наивно говорил, что тут скрыта бездна знаний и учености и что одни примечания могли бы составить великую славу их сочинителю».

Летом 1812 Н. в своей подмосковной деревне при известии о взятии 12 авг. фр. армией Смоленска произнес патриотическую речь, обращенную к крестьянам Верейской округи (опубликована в кн.: Памятник друзей Н. П. Николеву. М., 1819. С. 34–43; также: Рус. вестн. 1819. Ч. 1. № 23–24). Он помогал приходившим к нему раненым солдатам, «принимая, кормя, поя, леча и похороняя их». Вынужденный наконец оставить свое имение, он переселился с семьей в Тамбов. В письмах к Д. И. Хвостову от 16 нояб. 1812 и 14 янв. 1813 Н. привел текст нескольких своих эпиграмм на Наполеона. После победы над фр. армией Н. снова переселился в Москву. В 1813 здесь было напечатано его стихотворение «Чувствование по случаю кончины М. Л. Голенищева-Кутузова Смоленского». Событиям войны 1812–1814 посвящены стихи Н., публиковавшиеся в «Рус. вестн.» (1813. Ч. 1. № 2; Ч. 2. № 7), а также включенные в издание: Три лирические стихотворения. М., 1814. В последние годы жизни Н. написал значительное число произведений, оставшихся ненапечатанными: «Орфей», «София», «Малек-Адель» («Матильда»); поэмы «Петр Великий», «Изгнанная простота» и «Зориада» (белым стихом); «Ода к отцу отечества» и др. Уже после смерти Н. 20 окт. 1815 в Петербурге состоялась премьера его комедии «Победа невинности, или Любовь хитрее осторожности» (рукопись: СПбГТБ, I.XV.3.109, 10, 666).

В кратком некрологе говорилось о Н. более чем сдержанно: «Н. имел плодовитое воображение, но в сочинениях его не видно отличного вкуса и красот пиитических. Впрочем, он был весьма щедр и любил благотворить бедным» (Совр. наблюдатель рос. словесности. 1815. Ч. 1. № 1). Друзья Н. несколько раз торжественно отмечали день его кончины. Эти собрания происходили в Москве в доме А. П. Татищевой (1816); у воспитанника Н. С. А. Маслова (1817); у Ф. И. Горяинова (1818). Активное участие в них принимали Н. М. Шатров, С. Н. Глинка. На собраниях читались неизданные произведения Н., речи и стихи его памяти, исполнялись музыкальные сочинения на слова Н. Почитатели Н. превозносили его литературные заслуги, называя поэта «русским Мильтоном». Считая сочинения Н. «слабыми и вялыми», М. А. Дмитриев, однако, отзывался о нем как о «человеке ума тонкого и остроумном». К. Н. Батюшкову, П. А. Вяземскому,

А. И. Тургеневу и мн. др. литераторам первой четв. XIX в. сочинения Н. представлялись безнадежно устаревшими, а сам поэт казался «какой-то литературной державой для суеверных поклонников печати» (Остафьевский арх. СПб., 1899. Т. 2. С. 176).

Лит.: *Глинка С. Н.* Письмо пожилого любителя отечественной словесности // Рус. вестн. 1810. Ч. 10. № 4; *Маслов С. А.*: 1) Краткая биография Н. П. Николева // Сын отеч. 1816. № 12; 2) Опис. дружеского празднества в воспоминание Н. П. Николева // Сын отеч. 1817. № 9 (подп. — цифровая криптограмма «200–40», т. е. «С. М.»); 3) Воспоминание о Н. П. Николеве // Рус. вестн. 1818. № 3–4; *Дашкова Е. Р.* Письмо к Н. П. Николеву // Рус. правда: Лит. альм. Киев, 1860; Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866; *Дмитриев М. А.* Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869; Державин. Соч. (1864–1883). Т. 6 (1883); *Чебышев А. А.* Н. П. Николев: (Ист.-лит. очерк). Воронеж, 1891; *Глинка С. Н.* Зап. СПб., 1895; *Архангельский А. С.* Н. П. Николев и Фр. Сент-Фуа // Голос минувшего. 1916. № 3; Берков. Журналистика (1952); *Ливанова Т. Н.* Рус. муз. культура XVIII в. М., 1953. Т. 2; Три письма к Н. П. Николеву // XVIII век. Л., 1958. Сб. 3; *Гозенпуд А. А.* Муз. театр в России: (От истоков до Глинки). Л., 1959; *Арзуманова М. А.* Из истории лит.-обществ. борьбы 90-х годов XVIII в.: (Н. П. Николев и Н. М. Карамзин) // Вестн. ЛГУ. № 20. Сер. истории, яз. и лит. 1965. Вып. 4; *Аксаков С. Т.* Лит. и театр. воспоминания // Собр. соч.: В 5 т. М., 1966. Т. 3; *Альтшуллер М. Г.* «Лиродидактическое послание» Н. П. Николева // Учен. зап. ЛГУ. 1968. №. 339. Сер. филол. наук. Вып. 72; *Стенник Ю. В.* Ломоносов и Николев // Поэтика и стилистика рус. лит. Л., 1971; Поэты XVIII в. Л., 1972. Т. 2; Берков. История комедии (1977); История драм. театра. Т. 1–2 (1977); *Борисов Ю. Н.* «Горе от ума» и рус. стихотворная комедия. Саратов, 1978; Заборов (1978); Рус. лит. критика XVIII в. М., 1978; *Степанов В. П.*: 1) К истории лит. полемик XVIII в.: («Обед Мидасов») // Ежегодник Рукоп. отд. Пушкинского Дома на 1976 г. Л., 1978; 2) Полемика вокруг Д. И. Фонвизина в период создания «Недоросля» // XVIII век. Л., 1986. Сб. 15; 3) Неизд. произв. Д. П. Горчакова // XVIII век. Л., 1989. Сб. 16; Письма рус. писателей (1980); *Витковская Л. В.*: 1) «Самолюбивый стихотворец» Н. П. Николева // Проблемы изучения рус. лит. XVIII в. Л., 1983. Вып. 5; 2) Две редакции пьесы Н. П. Николева «Розана и Любим» // Проблемы изучения рус. лит. XVIII в. Л., 1984. Вып. 6; *Гнеушева Р. Д.*: 1) К проблеме восприятия наследия «второстепенного» поэта кон. XVIII–нач. XIX в. Н. П. Николева // Проблемы восприятия и оценки рус. клас. лит.: Сб. науч. тр. Ашхабад, 1983; 2) Н. П. Николев в лит. процессе 90-х гг. XVIII в.: (К постановке проблемы); «Лиродидактическое послание» и «Пополнительные примечания» к нему как эстетический манифест Н. П. Николева // Структура лит. произведения: Межвуз. сб. Владивосток, 1983.

Н. Д. Кочеткова

НИКОЛЬСКИЙ Александр Сергеевич [23 VIII (3 IX) 1755, по др. данным — 26 VIII (6 IX) 1754*–26 II (10 III) 1834, Петербург]. Сын сельского дьячка. В 1765–1776 обучался в Троицкой дух. семинарии, по окончании которой был оставлен в ней учителем низших классов, с 1779 — учитель нем. и фр. языков. Под его наблюдением студенты перевели с фр. языка в 1779 «Неподражаемое витийство Священного Писания» Ш. Роллена (1780; посв. *Платону Левшину*), а сам Н. в 1780 перевел с фр. его же книгу «Прямая слава и истинное величество» (1783; посв. Платону Левшину) с целью «воспитать в молодых людях благородное презрение к тому, чему почти все люди удивляются». На примерах из римской и новейшей истории переводчик вслед за автором призывал «жертвовать своею славою общественной пользе» и убеждал, что «истинное величество» состоит «в личных качествах и благородстве мыслей».

В 1782 Н. переехал в Петербург, поступил учителем в Восп. дом и вскоре издал перевод с фр. языка проникнутого философским оптимизмом компилятивного сочинения Л. де Бособра «Утешитель, или Философское рассуждение о благе и зле мира сего» (1784).

В 1787 Н. — кол. асессор, с 1792 определился в Гос. экспедицию для свидетельствования счетов, затем член Берг-коллегии (1797). В 1802 Н. (уже ст. советник) был избран в Рос. Академию и принимал активное участие в ее начинаниях: вместе с др. членами рецензировал рукописи (напр., «Летописи» Тацита в пер. С. Я. Румовского). Резко отрицательные отзывы он, в частности, дал на энциклопедический словарь *Иоанна Алексеева* «Пространное поле» (в 1803) и речь *Т. С. Мальгина* «О необходимом союзе разума и природных дарований с науками» (в 1812). Н. перевел с фр. языка т. 2 «Путешествия Анахарсиса» (СПб., 1805) Ж.-Ж. Бартелеми; т. 4 сочинения Ж.-Ф. Лагарпа «Ликей, или Круг словесности древней и новой» (СПб., 1811); затем вместе с *П. М. Карабановым* принялся за составление словаря словесных наук.

В 1805 Н. был определен в Адмиралтейский деп. правителем канцелярии и ученым секретарем. По поручению морского министра Н. взялся за составление учебника словесности, который объединял бы в себе сведения по грамматике, поэтике и риторике. В работе Н. использовал свое раннее издание «Логика и риторика <. . .> для детей» (1790; 4-е изд. М., 1817). Его «Основания российской словесности» (СПб., 1807) включили основные сведения по грамматике и литературе, иллюстрированные мн. примерами из рус. поэзии XVIII—нач. XIX в. Учебник «для морских училищ», за который Н. был награжден бриллиантовым перстнем, многократно переиздавался без изменений, однако на 7-е издание (СПб., 1830) в «Моск. телеграфе» (1830. Ч. 36. № 21. С. 72–79) появилась резкая рецензия, в которой труд Н. оценивался как безнадежно устаревший.

В 1810 Н. (с 1807 — д. ст. советник) был избран почетным членом О-ва любителей словесности, наук и художеств. Для Рос. Академии Н. в последующие годы выполнил перевод с фр. «Рассуждения о механическом составе языков и физических началах этимологии» Ш. де Бросса (СПб., 1821. Ч. 1–2) и перевод с лат. языка «Двенадцати книг риторических наставлений» Квинтиллиана (СПб., 1834).

Сын Н., П. А. Никольский, был довольно заметным литератором и издал, в частности, «Пантеон русской поэзии» (1815).

Лит.: Зап. ученого комитета Гл. морского штаба. СПб., 1834. Ч. 11; Письма и зап. от разных лиц к гр. Д. И. Хвостову // Библиогр. зап. 1859. Т. 2. № 8; Смирнов. Троицкая семинария (1867); Сухомлинов. Рос. Академия. Вып. 2, 4, 5, 7, 8 (1875–1888); *Пб. некрополь. Т. 3 (1912).

С. И. Николаев,
В. П. Степанов

НИЛОВА Елизавета Корнильевна (урожд. Бороздина). Дочь генерал-аншефа К. Б. Бороздина, с 1770 супруга бригадира А. П. Нилова. После замужества жила в Тамбове, затем в Петербурге. Муж Н. был близко знаком с *Г. Р. Державиным*. В своих литературных трудах Н. пользовалась советами и покровительством поэта. Н. была в дружбе с *М. Г. Орловой*, которая посвятила ей свой перевод романа С. Ганнинг «Аббатство, или Замок Барфордский. . .» (1788).

Первый труд Н. — перевод с фр. языка произведения Т. К. Гервея «Надгробные размышления, сочиненные на английском языке Жервеем» (1782; посв. Н. Ф. Дубянской), представлял собой свод рассуждений, призванных умерить скорбь о потере близких утешительными доводами из Священного Писания.

В 1790 в Тамбове вышел в свет сделанный Н. с нем. перевод романа «Приключения Эдуарда Вальсона». В предисловии переводчица пояснила, что роман предназначен для детей, начинающих читать. Самый большой труд Н. — перевод с фр. языка романа в письмах Ф.-Л. Жерара «Граф Вальмонт, или Заблуждения рассудка» (Там-

бов, 1793–1796. Т. 1–7), посвященный ею своим детям П. А. и К. А. Ниловым с надеждой, что эта книга поможет им пребыть «почитателями законов священных и гражданских» и противостоять «своевольным умствованиям». Судьба героя романа демонстрирует пагубное действие на молодых людей атеизма и материализма. В книге широко цитируются произведения фр. мыслителей (Ш. Монтескье, Д. Дидро, Ж.-Ж. Руссо, Вольтера и др.); при этом автор стремится отобрать из их суждений то, что «полезно», и разоблачить содержащиеся в них «вредные заблуждения». Отклик на этот перевод Н. появился в зап. прессе: гамбургский корреспондент упомянул, что один из лучших романов Жерара переведен «даже на русский язык и, к удивлению, дамою». Н. опубликовала и продолжение «Графа Вальмонта» — «Теория об истинном счастии, или Наука сделаться благополучным, приноровленная к состоянию всех людей» (М., 1803–1804).

Лит.: *Макаров М. Н.* Мат-лы для истории рус. женщин-авторов // Дамский журн. 1830. Ч. 30. № 15, 21; Державин. Соч. (1864–1883). Т. 1–9; Рус. арх. 1872. № 10; Голицын. Словарь (1889);

О. С. Муравьева

НОВИКОВ Василий Васильевич [1767 или 1768–ум. до 1810]. Переводчик с фр. языка, составитель собрания судебных очерков и автор некоторых из них. Происходил из дворян Козельского у. Калужской губ. По-видимому, недолгое время учился в Унив. гимназии: в ее списках некий Василий Новиков числился одновременно и даже в одном классе с Николаем Страховым (Моск. вед. 1781. 2 окт. № 79. Приб.; 1782. 7–10 дек. № 98–99. Приб.), а Н. был с юношеских лет связан дружескими отношениями с *Н. И. Страховым*. Первый юношеский печатный перевод Н. («Нравоучительная повесть о трех татарских государях сынах Аюб-хана, или Опыт полезного владения», 1784) был, как сообщается в подписи к посвящению, выполнен в с. Казари Калужского наместничества. Вполне вероятно, что в согласии со своими убеждениями, сложившимися под сильным влиянием фр. физиократов, Н. жил преимущественно в своем поместье, занимаясь сельским хозяйством. В 1786 он находился в Козельском у. и в самой Калуге. Принимал участие в походе 1788–1790 против шведов. В списке подписчиков «Моск. журн.» за 1791 показан живущим в Козельске. В 1810 Н. И. Страхов в своей книжке «Мои петербургские сумерки» упоминает его как покойного.

В «Речи, сочиненной на случай собрания калужского дворянства для выбора судей на 1786 год...» (1786), в своих переводах: «Нравоучительная повесть ...» и книга Г.-К. Гирцеля «Сельский Сократ, или Описание экономических правил жизни философа-земледельца...» (1789. Ч. 1–2) — Н. развивал концепцию просвещенного монарха, при котором «от рабства и под властью законов все <...> делаются свободными» (Нравоучительная повесть... С. 47). Главным в государстве он признавал «состояние хлебопашцев», которое единственное производит богатство и является потому «основанием всем прочим званиям человеческого общества» (Сельский Сократ... Ч. 1. С. 5). Крепостное право он допускал как временную форму власти помещиков над крестьянами, но руководство страною считал неотъемлемой прерогативой дворянства, чью особую роль и должность в отношении низших сословий видел в том, чтобы «поспешествовать преобразованию их духа, умножая в них трудолюбие, распространяя между ими просвещение и тем паче и паче приращая успехи земледелия, сего источника изобилия, заключающего в себе могущество, надежность и благосостояние государственное» (Речь... С. 11). Образец дворянина, по мнению Н., представляет живущий постоянно в своем имении «добродетельный помещик, озабоченный предприятиями, клонящимися к пользе его подчиненных и обращающий утомленный взор свой на поля, благословенною жатвою изобилующие, которая собирается среди знойности летнего жару земледельцами, уде-

ляющими часть оной от искренности на содержание своего благодетеля, виновника их благополучия» (Там же. С. 12).

Главный труд Н. — «Театр судоведения, или Чтение для судей и всех любителей юриспруденции» (1790–1792. Ч. 1–6) — был задуман как издание, содержащее материал, который должен был служить «поводом в <. . .> беседах к важным рассуждениям и истонченным юридическим исследованиям» (Ч. 1. С. 5), необходимым для единообразного толкования и применения законов, а также для разоблачения всевозможных злоупотреблений и уловок крючкотворов. Большинство очерков переведено из «Собрания знаменитых и интересных процессов» Ф. Гайо де Питаваля, но два были написаны самим Н. по материалам уголовных дел, разбиравшихся в Калужской губ. В очерке «Усовещенные преступники» (Ч. 2) Н. объясняет убийство, совершенное ради бочонка масла, грубостью нравов, проистекающей из невежества, и обращается к дворянам с призывом способствовать в своих же интересах скорейшему просвещению народа. Второй очерк, посвященный обстоятельному разбору дела отставного сержанта Зотова и анализу решений разных судебных инстанций, через которые оно проходило (Ч. 4), представляет собой первый в России опыт осуществления гласности судопроизводства, при которой бы, по мысли Н., «корыстолюбивые судии не имели надежды скрывать в непроницаемых стенах судилищ гнусные свои поступки» (Ч. 1. С. 10). В переводных очерках высказаны прогрессивные в условиях России мысли относительно организации судопроизводства. Собрание включает также извлечение из труда англ. тюрьмоведа Дж. Говарда «Состояние тюрем в Англии»; каждый том содержит отдел «Остроумные решения и острые слова». Кроме того, Н. перепечатал одну переводную статью из журнала «СПб. вестн.» (1778. № 1, 2) и отрывок из перевода романа англ. писателя Ч. Джонстона «Пилигрим».

Лит.: *Ливанов Ф.* Начало судебной гласности в России // Б-ка для чтения. 1865. Т. 2. № 7–8. Отд. 3; *Попов В.* Начало судебной гласности // Древняя и новая Россия. 1876. Т. 2. № 8; *Западов А. В.* В. В. Новиков и его «Театр судоведения» // Учен. зап. ЛГУ. 1939. № 47. Сер. филол. наук. Вып. 4; *Смирнов-Сокольский Н. П.* Рассказы о книгах. 2-е изд. М., 1977.

В. Д. Рак

НОВИКОВ Иван Васильевич. Писатель кон. XVIII в. На службу поступил в 1750. В 1774 служил секретарем в Конторе Гл. провиантской канцелярии в Петербурге; в 1778–1781 состоял при той же канцелярии провиантмейстером капитанского чина, в 1781 (предположительно)—1782 — обер-провиантмейстером, после чего его служебная карьера прервалась. В «доношении» в Акад. канцелярию от 18 дек. 1784 Н. просил напечатать за его счет 800 экземпляров книги «Похождение Ивана гостиного сына» (СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 1, № 343, л. 352), назвав себя «бывшим в провиантском штате обер-провиантмейстером». К июню 1785 была напечатана ч. 1, а ч. 2 (под загл. «Разные повести и сказки, принадлежащие к Похождению Ивана гостиного сына») — к 15 мая 1786, но Н. не смог оплатить типографские расходы, и до их покрытия продажей книги через академическую книжную лавку весь тираж был задержан в типографии (СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 1, № 556, л. 521 об.; № 557, л. 248; № 558, л. 236). На тит. листе ч. 2 было объявлено о печатании ч. 3, но она в свет не вышла. 7 авг. Н. был произведен в чин премьер-майора и, по-видимому, с этого времени по 1791 (включительно) служил стряпчим казенных дел в Пензенском наместничестве. В 1783–1788 какой-то И. В. Новиков состоял членом Англ. клуба и избирался одним из старшин (1 сент. 1783–1 марта 1784).

Два изданных Н. тома включают пятьдесят рассказов, объединенных по принципу «рамочного повествования». Значительную группу среди них составляют произведения с авантюрно-плутовскими сюжетами. Под загл. «Новгород-

ских девушек святочный вечер, сыгранный в Москве свадебным» Н. обработал «Повесть о Фроле Скобееве». Он сохранил сюжетную линию, но изменил имена главных героев (Селуян Сальников, господин Кошкодавов, его дочь Грушинька), ввел несколько второстепенных персонажей, расширил повествование, дал необходимые мотивировки, углубил психологические характеристики, шире очертил бытовой фон. Предположение, согласно которому «Новгородских девушек святочный вечер...» и «Повесть о Фроле Скобееве» независимо восходят к единому более раннему источнику, убедительно не аргументировано. Действие др. авантюрно-плутовских рассказов («Похождение Ивана гостиного сына», «Приключение вора пономарева сына», «О несчастных приключениях купецкой дочери Аннушки», «Похождение названого брата Ивана купецкого сына») развертывается в среде московского купечества и социальных низов, куда опускаются разорившиеся и загулявшие купеческие сыновья и дочери. При сугубо рус. «колорите», детализированном, часто натуралистическом изображении московского быта, обильном использовании рус. пословиц и поговорок эти рассказы, по-видимому, не являются полностью оригинальными. Ряд мотивов, ситуаций и сюжетных ходов Н., вероятно, заимствовал из западноевроп. произведений авантюрно-плутовского жанра, а также, возможно, из вост. повестей, входивших в сборники типа «Тысячи и одной ночи». Об этом свидетельствуют, в частности, иностранные имена некоторых персонажей и ссылка на книгу Г.-К. Агриппы «О суете наук», не переводившуюся на рус. язык.

Десять рассказов Н. заимствовал в чужих переводах из журнала «Доброе намерение» (1764), в их числе: новеллу «О кривом и изменившей жене его» из «Гептамерона» (I, 6) Маргариты Наваррской, очерки англ. писателей Дж. Аддисона, Р. Стиля, Дж. Хоксуорта, Дж. Фордайса, Дж. Спенса, переведенные на рус. язык из разных периодических изданий. Во все рассказы внесены изменения, касающиеся почти исключительно языка и в основном малозначительные; но в рассказе Р. Стиля об Инкле и Ярико («О купецком сыне и американской девушке») Н. дописал свою концовку, покарав злодея, продавшего в рабство спасшую его девушку. Аллегорический «сон» Дж. Фордайса «Храм Добродетели» вставлен в «Похождение Ивана гостиного сына».

Остальные рассказы — это переводные фацеции и шванки, в т. ч. пересказ новеллы из «Декамерона» (VIII, 8) Дж. Бокаччо («О двух друзьях, живших во Флоренции, и о женах их»). Некоторые из них уже ранее были известны в России в составе рукописных сборников «Римских деяний», «Великого зерцала» и фацеций. Большое число совпадающих рассказов содержится в рукописном сборнике XVIII в., озаглавленном «Примеры и жарты» (РНБ, собр. Погодина, № 1777); единичные аналогии встречаются и в др. рукописях. Рассказ «О крестьянине Странжиле, обманувшем господина и избавившем себя от побой», представляет собой обработку известной в рукописях с нач. XVIII в. «Повести об Аквитане» (др. загл.: «О обретшем незнаемый путь и избегшем биения своим разумом»). В этой группе рассказов, как и в предыдущей, особое внимание Н. привлекало купечество. Отдельные рассказы русифицированы.

Мнение, согласно которому сборник Н. вырос целиком на почве старой рукописной традиции, несколько преувеличено, т. к. эта зависимость прослеживается с определенностью лишь в «Новгородских девушек святочном вечере...», рассказе «О крестьянине Странжиле...» и ряде фацеций, но полностью отсутствует в переводах, заимствованных из «Доброго намерения». Большое влияние на Н. оказала, очевидно, литература нового времени, в частности, по-видимому, произведения авантюрно-плутовского жанра. Оно проявилось в характере литературной обработки, которой Н. подверг древнерус. «Повесть о Фроле Скобееве», во всех др. изменениях, которые он в нее внес, а также в авторском субъективизме, присутствующем как в

«Новгородских девушках святочном вечере...», так и в др. повестях и рассказах, которые Н. в той или иной степени сам сочинил. Обращение к фацециям также не было признаком архаических литературных взглядов и вкусов, т. к. в годы, когда Н. составлял свой сборник, этот жанр все еще пользовался популярностью у довольно обширной и разнородной читательской аудитории.

Наряду с недооценкой связи сборника с новыми для XVIII в. литературными влияниями существует тенденция его «модернизации», проявляющаяся в попытках представить изображенных Н. разорившихся и опустившихся купчиков героями, выразившими бунт против уродливой рус. действительности в форме разгула и разбоя.

В РНБ хранится рукопись XVIII в. (шифр: К. п. 1941/120), содержащая три рассказа, переписанные из сборника Н., в т. ч. «Новгородских девушек святочный вечер...».

20 янв. 1798 в московскую цензуру был представлен сборник «Дедушкины россказни, сказыванные ему в Москве столетнею его бабушкою при утешении в младых летах, писанные внуком его Иваном Новиковым»; 5 марта рукопись была «возвращена подателю для того, что наполнена нелепыми и несбыточными рассказами» (Рогожин. Дела моск. цензуры. Вып. 2 (1922). С. 6, 76. № 14). Не имеется возможности установить, даже предположительно, какой Иван Новиков: бывший провиантмейстер И. В. Новиков, или бухгалтер *И. Я. Новиков* (см.), или кто-либо другой — был автором этого сочинения.

Лит.: *Михайлов М. Л.* Старые книги: Путешествия по старой рус. б-ке // Б-ка для чтения. 1854. № 8. Отд. 6; *Белозерская Н.* В. Т. Нарежный: Ист.-лит. очерк. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1896; *Кононов Н. Н.* Один из рукоп. источников «Похождения Ивана гостиного сына» // Древности: Тр. Моск. Археол. о-ва. 1907. Т. 4, вып. 1. Протоколы; Сиповский. Очерки. Т. 1, вып. 2 (1910); История рус. лит. М.; Л., 1947. Т. 4; *Козыро Л. А.*: 1) К проблеме характера в «купеческих» повестях Ивана Новикова; Женщина-«плутовка» в рус. прозе последней трети XVIII в. // Вопр. худож. метода, жанра и характера в рус. лит. XVIII–XIX вв. М., 1975; 2) Рус. нравоописательная проза последней трети XVIII в.: (Вопр. характерологии): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1975; *Małek E.* О некоторых источниках «Похождений Ивана гостиного сына» И. Новикова: (К проблеме взаимодействия рукоп. и печатной книги в России второй пол. XVIII в.) // Zeszyty naukowe Wyższej szkoły pedagogicznej w Bydgoszczy. 1985. Z. 18; *Душечкина Е. В.* Стилистика рус. бытовой повести XVII в.: (Повесть о Фроле Скобееве). Таллин, 1986; *Долгих Т. Д.* Особенности изображения характера в рус. сатирико-бытовых повестях последней трети XVIII в. // Этические принципы рус. лит. и их худож. воплощение. Пермь, 1989; *Малэк Э.* Источники и литературная история «Повести об Аквитане» // Тр. Отд. древнерус. лит. Л., 1990. Т. 43; *Рак В. Д.* Библиогр. заметки // XVIII век. СПб., 1995. Сб. 19; *Warda A.* «Przypadki Iwana, syna kupieckiego» Iwana Nowikowa: Analiza monograficzna na tle kultury literackiej rosyjskiego Oświecenia. Łódź, 1996.

В. Д. Рак

НОВИКОВ Иван Яковлевич [род. 1766 или 1767]. Получил образование в Коммерч. уч-ще при Моск. восп. доме, но в списках окончивших его не значится; служил бухгалтером в Рос. конторе по иностр. коммерции в Москве (1794).

В училище принимал участие в коллективном переводе статьи Ф. Верона де Форбонне «Коммерция» из «Энциклопедии» Д'Аламбера и Дидро. Перевод был издан в самом нач. 1781 как «первый опыт успехов во французском и немецком языках»; при подписи под посвящением императрице указан возраст Н. — 13 лет.

Большинство печатных трудов Н. составляют практические пособия по торговле, переводные (анонимная книга, переведенная с нем. языка, «Основательные правила торговли», 1799; возможный оригинал: Grundsätze der Handlung für

Kaufleute. Wien, 1785) и составленные им самим («Ключ к выкладкам курсов», 1794; «Выкладчик без пера и карандаша», 1800; «Подробное описание о вексельном курсе», 1804). Ему принадлежит краткий раздел «О российской торговле», которым была дополнена переведенная с фр. языка (под криптонимом «А. К.***») книга О. Лакомба де Презеля «О успехах коммерции» (1796; на тит. л. напечатано в качестве эпиграфа восьмистишие Н. о пользе торговли). Кроме того, Н. перевел с нем. языка анонимную нравоучительную брошюру «Письма от отца к сыну, в которых описываются важнейшие должности купеческого состояния и потребные знания к отправлению торговли с выгодою» (1797) и географический и этнографический очерк «Красоты Аустралии, или пятой части света» (М., 1805; ценз. разр. — 1801). 22 июня Н. представил в цензуру переведенное с нем. языка «Подробное описание о иностранных монетах, весах и мерах знатнейших европейских торговых городов, или Сокращенный Гамбургский конторист»; согласно цензурной ведомости, книга вышла 2 июля (Рогожин. Дела моск. цензуры. Вып. 2 (1922). С. 35, 93. № 143), но неизвестно ни одного ее экземпляра.

Возможно, Н. был составителем, автором и переводчиком книги «Всеобщий секретарь, или Новый и полный письмовник. . .», 1-е издание которой вышло анонимно (1793. Ч. 1–2; 2-е изд. Издал И. Н. 1796). В ч. 1 собраны образцы для личной, бытовой переписки, в ч. 2 — для коммерческой, а также формы деловых бумаг, денежных и иных документов, таблица процентов, «известие о ходячих деньгах» и пр. В обе части включены большие заимствования из книги Ивана Сокольского «Кабинетский и купеческий секретарь. . .» (1788; в свою очередь И. Сокольский ввел во 2-е издание своей книги, вышедшее в 1795, материал из «Всеобщего секретаря. . .»). Не оставил компилятор без внимания «Новый и полный письмовник. . .» *П. И. Богдановича* (1791. Ч. 1–2), повторив его загл. в подзаголовке и перепечатав в неизмененном или переработанном виде ряд писем (в т. ч.: в ч. 1 — письмо 14 «От отца к развратному сыну» и ответ на него, письмо 16 «От отца к сыну, изображающее нужные для него правила», а во 2-м издании дополнительно несколько писем графа Честерфилда к сыну; в ч. 2 — письма 2 и 3, содержащие сведения о состоянии торговли в России). Письма в ч. 1, не заимствованные из этих двух рус. источников, были, очевидно, составителем переведены из какого-то западноевроп. пособия того же рода; не исключено, что в ч. 2 также есть переведенные им материалы (особенно эпистолярные), однако большинство относящихся к рус. делопроизводству и правилам торговли было составлено, вероятно, им самим.

Не вполне ясна роль Н. в переводном (с нем.) анонимном сборнике «Чувствительные анекдоты, посвященные душам благородномыслящим» (1798; 2-е изд. 1799; Дополнение. . . 1799). На тит. листе основной части обозначено: «Иждивением И. Новикова», что вполне могло подразумевать и его как переводчика, каковым он назван в «Дополнении». Сборник содержал обычную для кон. XVIII в. подборку небольших рассказов о подвигах, актах милосердия, благодеяниях и др. образцовых поступках людей, движимых человеколюбием. Некоторые из этих рассказов неоднократно переводились на рус. язык.

Иждивением Н. были изданы пособия по математике, составленные и переведенные его соучеником по Коммерч. уч-щу *А. Д. Барсовым*.

В нач. XIX в. некто И. Новиков, назвавшийся «Французского и российского языка аттестованным учителем», издал два пособия: Новый сокращенный лексикон французский с российским / Изданный И. Новиковым. М., 1802; Краткая российская история, в пользу и употребление российского юношества, из достовернейших российских писателей собранная и напечатанная иждивением И. Новикова. М., 1803. Не выявлено никаких оснований для отождествления этого лица с Н., однако полностью

исключать эту возможность нельзя, тем более что первая книга печаталась в только что открытой типографии *В. С. Кряжева*, учившегося в Коммерч. уч-ще в одни годы с Н.

Н. мог быть автором сборника «Дедушкины россказни» (см. *И. В. Новиков).*

В. Д. Рак

НОВИКОВ Николай Иванович [27 IV (8 V) 1744, с. Тихвинское (Авдотьино) Коломенского у. Московской губ.–31 VII (12 VIII) 1818, там же]. Дворянин, сын ст. советника в отставке. Был записан в Измайловский полк. Грамоте учился у сельского дьячка; в 1756 поступил в Унив. гимназию, где проучился до 1759. Изучал фр. и нем. языки, однако не приобрел навыков разговорной речи. До сер. 1760 из-за болезни отца жил в Авдотьине и 3 июня 1760 был отчислен из гимназии за «нехождение в классы». В янв. 1762 явился на службу в полк. 17 авг. 1767, будучи уже в звании каптенармуса, вместе с др. дворянами был затребован в Москву, в Комиссию нового Уложения, и первоначально вел здесь протоколы подкомиссии «о среднем роде людей», а затем бумаги общего собрания комиссии. 1 янв. 1768 перевелся из гвардии в армию с чином армейского поручика и 17 февр. был зачислен в Муромский пехотный полк Севской дивизии. На год Н. задержался в Москве для оформления и сдачи документов по комиссии, а к маю 1769 оформил свою отставку с военной службы и возвратился в Петербург. В 1770–1773 Н. числился переводчиком Коллегии иностр. дел, но, видимо, вне штата, т. к. сам впосл. не упоминал об этой своей службе. С 1769 он полностью отдается книгоиздательским и журнальным делам.

Первая попытка Н. заняться книгоиздательством относилась к 1766 и, скорее всего, была предпринята на занятые у московского книгопродавца Х. Л. Вевера деньги (вексель на 120 руб. серебром от 13 февр. 1766). В этом году Н. издал переводы *М. И. Попова* из Ф. Фенелона и А. Менье де Керлон («Две повести. . .», отданы в печать в нояб.), книгу «Дух Пифагоров. . .» (отпечатана в типогр. Сухоп. шлях. корпуса 5 нояб.), оказался причастен к изданию ч. 1 «Пересмешника. . .» *М. Д. Чулкова* (5 апр. получил тираж из типографии), опубликовал, а возможно и составил, «Реестр. . .» книг, продававшихся в лавке И. Сколари (Школярия). Эпизодически он выступал в качестве издателя и в ближайшие годы. На его счет были отпечатаны посвященные наследнику вел. князю Павлу Петровичу «аллегорические прологи» *В. И. Майкова* «Торжествующий Парнас. . .» (1768) и *И. А. Дмитревского* «Непостижимость судьбы. . .» (ок. 7 нояб. 1772), какой-то сборник стихотворений (13 сент. 1768), «Сонет» на прививку оспы наследнику (22 дек. 1768), анонимная «песня» (17 мая 1770; листовка не обнаружена), стихотворения *В. Г. Рубана* на день коронации *Екатерины II* и на день рождения вел. князя Павла Петровича (оба — ко 2 нояб. 1772; перепеч. из журнала «Живописец»). Кроме того, им были изданы в пер. с фр. языка «Поэма о нынешних делах. . .» Вольтера (прозой, 1770) и книга Ф. Шампьона де Понталье «Французская нынешнего времени философия. . .» (1772), достаточно критический отклик на идеи фр. Просвещения и прежде всего протест против безбожия и космополитизма. Поскольку переводы анонимны, можно предположить, что переводчиком выступал сам издатель.

Ранняя издательская деятельность Н. не обнаруживает явно коммерческой цели. Среди первых изданий обращают на себя внимание книги, посвященные наследнику престола (тема, волновавшая окружение Паниных). Прослеживается также очевидное стремление Н. ввести в литературу новые имена. Попов в адресованном Н.-издателю письме (напечатано при издании его переводов) говорил, что их «дружба и приязнь» возникли в связи с его занятием сочинениями и переводами, которые он обещал и впредь сообщать своему издателю. Подбор напечатанных Н. авторов указывает на его близкие, а иногда и дружеские отношения с начинающими литераторами из театрального круга; некоторые из

них стали затем сотрудниками сатирических журналов Н.

Первый из журналов, еженедельник «Трутень», выходил с 2 мая 1769 по 27 апр. 1770 (последний номер поступил в продажу в нач. июля). «Трутень» был последним из летучих изданий, возникших непосредственно за «Всякой всячиной» Екатерины II на подъеме общественной активности в связи с деятельностью Комиссии нового Уложения (до него начали выходить «листки» В. Г. Рубана, *В. Тузова*, М. Д. Чулкова и др.). Н. сразу же вмешался в уже возникшую журнальную полемику, переведя ее в русло злободневных вопросов. Н. провозгласил главной задачей журналистики «сатиру на лицо», подразумевая, что действенность сатиры состоит в указании на конкретного носителя зла: «Меня никто не уверит в том, чтобы Мольеров Гарпагон писан был на общий порок. Всякая критика, писанная на лицо, по прошествии многих лет обращается в критику на общий порок». Эта точка зрения была сознательно противопоставлена предложенной «Всякой всячиной» сатире «на нравы», которая касалась бы не современности, а лишь вечных общечеловеческих пороков и недостатков. Допустимая резкость сатиры стала основным предметом полемики между «Всякой всячиной» и Н., причем есть основания предполагать, что в отдельных случаях Н. непосредственно полемизировал со статьями, принадлежавшими перу Екатерины II. «Трутень» выступил против прекращения начатых законодательных реформ, постоянно указывая на несовершенство существующих законов и обычаев. Значительное место занимала тема чиновничьего и судебного произвола. Был затронут важный и еще не обсуждавшийся напрямую в печати вопрос о превращении в современном быту и законодательстве крепостного права в систему личного рабства. Н. выступил в защиту крестьян как важнейшего для государства сословия и, не отрицая сословного общества вообще, вместе с тем постоянно подчеркивал достоинство и значение новой, разночинной интеллигенции, купечества и мещанства. Цели издателя проясняли эпиграфы к ч. 1 и 2 журнала, вырванные из контекста притч *А. П. Сумарокова* и получившие вольный смысл: «Они работают, а вы их труд ядите» и «Опасно наставленье строго, где зверства и безумства много».

Типы щеголих, петиметров, провинциальных невежд, проходящие через весь журнал, получили широкую литературную известность. Понятные современникам намеки на известных лиц и скандальные происшествия служили не последней приманкой для читателей (тираж 1769 — 1240 экз., 1770 — 750 экз.; доходы в 1769 в три раза превышали стоимость печатания). Задержки выхода отдельных номеров принято связывать с обличительными тенденциями журналистики 1769, которая вызывала недовольство официальных властей, отдельных влиятельных лиц и цензуры при Акад. типографии, где журналы гл. о. печатались. В частности, в июле последовало распоряжение директора Академии наук гр. В. Г. Орлова, чтобы все сатирические «листки» до продажи поступали ко двору, и указание Екатерины II «иметь за издаваемыми листами самое строгое наблюдение».

Косвенным свидетельством того, что Н. опасался не получить разрешения на печатание следующего журнала, служит анонимность «Пустомели» (1770, вышли только книжки за июнь и июль; тираж — 500 экз.; прошение об издании было подано маклером А. Фоком). Появившиеся номера не имели такого острого характера, как «Трутень». В обширном предисловии Н. дал итоговый обзор изданий «из поколения» «Всякой всячины» и полемики между писателями, где вновь противопоставил свою позицию мнениям мелкотравчатых литераторов (М. Д. Чулков, *Н. Г. Курганов*) и писателей официозного толка (*В. И. Лукин*, *В. П. Петров*, *М. М. Херасков*). Публикация эпиграммы *К. А. Кондратовича* «К г. издателю „Трутня“» подчеркивала преемственность «Пустомели» и «Трутня», однако колкости в адрес «Всякой всячины» в новом журнале звучали приглушенно. Из сатирических произве-

дений Н. перепечатывает «Послание к слугам» *Д. И. Фонвизина*; одновременно, как бы в противовес сатире, уже в первом номере появляется чисто повествовательное сочинение — повесть о воспитании «Историческое приключение» (не завершена). Новым жанром были в журнале отклики на театральные события: о гастролях в Москве И. А. Дмитревского (успех в «Евгении» П.-О.-К. Бомарше и трагедиях Сумарокова) и его же вместе с Троепольской выступлении в «Синаве и Труворе» на Придворном театре.

Публицистически журнал был нейтрален. Тем не менее кратковременность его существования заставляет большинство исследователей предполагать, что издание прекратилось в результате цензурного запрета.

Формальным поводом для возвращения Н. в журналистику стало появление комедии Екатерины II «О, время!», «написанной в Ярославле». Интерпретируя публикацию комедии как очередное официальное поощрение сатиры, Н. посвятил свой «Живописец» императрице, анонимному автору этой комедии (предыдущие его журналы имели посвящения В. А. Всеволожскому, Л. А. Нарышкину, Н. А. Демидову, Н. А. Ладыженскому). Журнал в соответствии с загл. собирался «живописать» современные нравы (выходил еженедельно с апр. 1772 по июнь 1773 с нумерацией листов по годам). Если в «Трутне» Н. представился читателям лишь как «издатель» чужих сочинений, в «Живописце» он «сделался автором» и в качестве писателя заявил о новом понимании задач сатиры. Вместо обличения конкретных людей и фактов он собирался ныне нарисовать картину типов, сложившихся в обществе к сер. XVIII в. Перечень их он преемственно выводит из времен Петра I, излагая прозой применительно к современности сатиру *А. Д. Кантемира* «На хулящих учение». В общем в «Живописце» Н. не выходит из уже сложившихся жанровых рамок журнальной сатиры: сатирическое письмо, «Опыт модного словаря», «ведомости», «рецепты», — однако эти жанры разрабатываются более литературно, перерастая из беглых заметок в самостоятельные зарисовки. В качестве примера чисто жанровой сатиры Н. помещает в журнале стихотворные переводы сатир Н. Буало «На человека» и «На женщин». Меняется адресат полемики издателя. В статье-предисловии «Автор к самому себе» Н. отмежевывается от писателей-современников, которым не желает подражать (вероятно, имеются в виду Лукин, Петров, Чулков, *А. А. Ржевский*). Основной диалог, опираясь на письма в журнал (как подлинные, так и мнимые) по общественным и моральным вопросам, Н. ведет уже не с литераторами, а с той категорией читателей, к которой обращен журнал и на которую нацелена его критика.

Наибольший резонанс ввиду своей резкости имели первые в рус. литературе статьи о варварском отношении помещиков к крепостным. К этому циклу относятся «Отрывок путешествия в *** И*** Т***», четыре «Письма уездного дворянина его сыну» (т. н. «Письма к Фалалею»), «Следствия худого воспитания», история о «кофегадательнице». Рассказ в «Отрывке» о разоренной помещичьей деревне (ряд исследователей приписывает его *А. Н. Радищеву*) вызвал такое раздражение сановных читателей, что Н. был вынужден в особом очерке «Англиская прогулка», смягчая его смысл, пояснять, что в данном случае речь шла лишь о «дурных» помещиках; однако обещанное повествование о деревне Благополучной в «Живописце» не появилось. В «Письмах к Фалалею» (приводились стилистические аргументы об их принадлежности Фонвизину, а также М. И. Попову) с помощью приемов саморазоблачения персонажа изображен сельский дворянин, чья хозяйственная деятельность и семейная жизнь в равной степени неприглядны; такую же цель имело и «Письмо к племяннику». Все эти «письма» являются столь превосходной стилизацией бытового документа, что возникали предположения об их документальном, а не литературном происхождении. «Следствие худого воспитания» показыва-

ет, как формируется характер крепостника; в рассказе о помещице-«кофегадательнице» описана бесправная судьба дворовых людей (использован И. А. Крыловым в качестве сюжета для оперы «Кофейница»).

Ряд достаточно злободневных материалов о внешних и внутренних событиях Н. получил для «Живописца», вероятно, благодаря своим связям с Коллегией иностр. дел. В журнале были напечатаны (в переводах на рус. язык) письма Доминика Диодати о «Наказе» (1771), Фридриха II Прусского к Екатерине II (1767) и А. И. Бибикову (1772), Солмса к *Н. И. Панину* (1767; с выдержкой из письма Фридриха II), *Амвросия Подобедова* к Г. Г. Орлову (1771), *Самуила Миславского* к Е. А. Щербинину о заведении типографии в Харькове; речи епископа Анатолия (1772) и *Георгия Конисского* (1773); перепечатано также «Слово» Фонвизина на выздоровление вел. князя Павла Петровича. Екатерина II поместила в журнале ответ на адресованное ей «Посвящение» за подписью «Сочинитель комедии „О, время!“» (1772. Л.7) и письмо к издателю за подписью «Любомудров из Ярославля» с датой «28 февр. 1773» (л. 18); участвовали в журнале также *Е. Р. Дашкова*, *П. С. Потемкин*, В. Г. Рубан. Первые листы (включавшие и «Отрывок путешествия в *** И*** Т***») Н. через *Г. В. Козицкого* в кон. июля 1772 поднес императрице, получив в качестве поощрения 200 руб. на продолжение издания.

Следующий журнал Н. «Кошелек» (выходил еженедельно с 8 авг. по сент. 1774, № 1–9; назв. заключало каламбур: «кошельком» называлась также старомодная прическа человека прошлого поколения) полностью посвящен теме рос. добродетелей. Идея национальной самобытности, сформулированная историографией сер. XVIII в. и подхваченная беллетристикой, в журналистике Н. развивалась: сначала она звучала как протест против галломании, затем как констатация европ. уровня, достигнутого современной рус. культурой, и окончательно вылилась в намерение описать особенности характера нации. Этот замысел не получил завершения из-за прекращения «Кошелька». С одной стороны, он предполагал изображение безнравственных и наглых искателей удачи в России и, следовательно, продолжение борьбы с безрассудной галломанией («превращение русского кошелька во французский»). С другой стороны, «Разговоры» русского с французом и француза с немцем, а также «Письмо» из Парижа в защиту французов (напеч. с ценз. купюрами), явно принадлежащие Н., намечали более широкое сопоставление трех наций в отношении «добродетели». В историческом аспекте Н. вернулся к этим вопросам в своих исторических документальных публикациях. По преданию, «Кошелек» был запрещен цензурой по протесту фр. посланника.

В журналах 1769–1774 (полное переизд.: Берков. Сатир. журналы Новикова) Н. довел до совершенства и одновременно исчерпал форму сатирического журнала эпохи Просвещения. В некоторых отношениях его журналы воспроизводили европ. моралистические еженедельники. Номера складывались из писем к издателю (иногда фиктивных) и мелких разножанровых статей под псевдонимами или анонимных. Не вызывает сомнения, что Н. был единоличным издателем и редактором журналов, но не единственным автором помещенных в них произведений.

Вопрос об авторстве Н. столь же запутан, как и вопрос о круге его сотрудников. Наиболее радикальным представляется предположение (не получившее полной поддержки), что собранием произведений Н. является 3-е изд. «Живописца» (1775; перепеч. 1781; переизд. 1793, в сильно испорченном цензурой виде; изд. 1775 воспроизведено в кн.: *Новиков Н. И.* Избр. соч. М.; Л., 1951). Оно включало избранные статьи из «Живописца» и «Трутня»; Н. в предисловии писал, что «многое переменил, иное исправил, другое выключил и многое прибавил из прежде выданных моих сочинений, под другими заглавиями». В издании было уничтожено деление на номера, исключены стихи и переводы, статьи о

событиях, современных первым изданиям; изменен порядок текстов, проведена сплошная редакторская правка.

Традиционно же, и с бóльшим основанием, Н. в журналах приписываются тексты от лица редактора-издателя (в т. ч. ответы читателям и полемика с др. журналами), сатирические «словари», «портреты», «подряды» и др. литературные мелочи, а также статьи под криптонимами из сочетания литер «Н» и «N» и псевдонимом «Правдолюбов». С известной степенью убедительности делались и др. атрибуции.

С нач. 1770-х гг. Н. приступает к широкой литературно-просветительной деятельности в качестве издателя. В 1772 выходит «Опыт исторического словаря о российских писателях» (объявление о продаже — 30 марта; позднее ряд статей был включен издателями в переводной «Словарь исторический» Л.-М. Шодона, 1790–1798; науч. переизд. в кн.: Ефремов. Мат-лы (1867); *Новиков Н. И.* Избр. соч. М.; Л., 1951; факсим. изд.: М., 1987). Критически опираясь на сведения о состоянии рус. словесности в сер. века, содержавшиеся в издании: Лейпцигское известие (1768), Н. поставил задачу дать возможно более полный список деятелей рус. культуры от Нестора до современности и тем самым показать ее исконную давность. Словарь включал 315 имен. Н. признавался, что «должен был бóльшую часть наших писателей собирать по словесным преданиям» (в частности, сюда вошел рассказ о себе *Ф. А. Эмина*). Наряду с этим для словаря производился просмотр современных книг, периодики, использовались сведения о рукописных сочинениях в Б-ке Академии наук из «Краткого ведения. . .» *А. И. Богданова.* Предполагается, что в разысканиях Н. помогали М. И. Попов и М. Д. Чулков; сведения о духовных писателях Н. получал от *Н. Н. Бантыш-Каменского*, об историках — от *Г.-Ф. Миллера* и *М. М. Щербатова*, какими-то сведениями за 1740–1750-е гг. его снабжал А. П. Сумароков, возможно, и др. писатели.

Н. понимал недостатки своего труда («они остались неисправленными потому, что я не мог никак достовернейшего получить известия»). Уже в процессе печатания он «получил еще о многих известия, а сие самое подает надежду, что и еще многие откроются». Вместе с тем словарь был важным звеном в его издательских планах 1773–1774. Н. предполагал каждые десять лет выпускать дополнения к словарю, параллельно с этим — сборники литературных произведений разных авторов, собранные по жанрам, подписное собрание речей, произнесенных в Академии наук и учебных заведениях, а также публиковать извлечения из иностранных газет.

В нач. 1773 Н. при содействии книгопродавца К. В. Миллера организует О-во, старающееся о напечатании книг (знак его изданий — девиз «Согласием и трудами»). Основой для начала деятельности послужили переводы, которые оказалось не в состоянии опубликовать Собрание, старающееся о переводе иностр. книг и которые были переданы Н. Г. В. Козицким (с разрешения Екатерины II О-ву, старающемуся о напечатании книг для поощрения был к тому же бесплатно пожертвован тираж 2-го изд. «Велизария»); книги печатались в Акад. типографии (Н. также выкупил у нее по себестоимости несколько книг для перепродажи). К кон. 1774, когда выяснилась финансовая несостоятельность замысла, Н. успел издать ок. 30 книг, частью на собственные средства; несколько книг были сданы в типографию, но вышли в свет позднее и без марки общества.

Особое место среди изданий занимали исторические: 1773 — «Древняя российская идрография», «Слово похвальное Борису Годунову» К. Фидлера; 1774 — «Краткая повесть о самозванцах» Щербатова; 1776 — «История Артамона Матвеева», «Скифская история» А. И. Лызлова. Они связаны с целой серией исторических публикаций, предпринятых Н. в эти годы. Журналы по периодичности, они по сути были подписными сборниками, впервые вводившими в оборот рукописные материалы средне-

вековой Руси историко-культурного и актового содержания. Издание «Древней российской вивлиофики» (1773–1775. Ч. 1–10, выходили с разной регулярностью; переизд.: Мышкин, 1894–1897. Т. 1–5) отчасти субсидировалось Екатериной II; кроме материалов из частных коллекций Н., получив особое разрешение императрицы, широко использовал документы государственных архивов и Эрмитажного собрания. Коммерческая неудача издания заставила Н. возвратить долги подписчикам за последние две части, однако в 1788–1791 он осуществил расширенное переиздание «Вивлиофики» (Ч. 1–20; 660 документов вместо 260, материалы систематизированы).

Сотрудниками Н. в подборе и подготовке документов для сборников были Бантыш-Каменский, Миллер, Щербатов, *Дамаскин Семенов-Руднев*, *В. В. Крестинин*. Из литературных произведений в «Вивлиофике» увидели свет «Зерцало историческое. . .» *А. Б. Селлия* в стихотворном переводе *Амвросия Зертис-Каменского* и *Гавриила Кременецкого*, стихи Сильвестра Медведева и *Феофана Прокоповича*, комедии Симеона Полоцкого, анонимная пьеса «Иудифь» и комедии нач. XVIII в. Журналы «Сокровище российских древностей» (объявление о подписке — март 1775) и «Повествователь древностей российских» (1776) Н., вероятно, предполагал использовать для популяризации исторических сведений; однако они не собрали подписчиков: сохранился лишь набор начала № 1 «Сокровища. . .» (факсим. изд.: М., 1986); «Повествователь. . .» прекратился на № 1.

Во 2-й пол. 1770-х гг. серьезно изменилось направление журнальной деятельности Н. Издававшийся на деньги К. В. Миллера еженедельник «СПб. учен. вед.» (1777. № 1–22, с марта по авг.; переизд.: СПб., 1873) имел переходный характер. Вместе с Н. в этом издании принимали участие еще несколько человек, остающихся неизвестными. Журнал был литературным, в нем публиковались мелкие стихотворения, предполагалось печатать биографии рус. писателей. Основную задачу — следить за «распространением наук в России и успехами во оных наших единоземцев» — выполнял критический отдел, рекламировавший новые издания.

Два следующих журнала, в редактировании которых принимал непосредственное участие Н., тесно связаны с его масонской деятельностью. «Утр. свет», издававшийся сначала (сент. 1777–апр. 1779) в Петербурге, затем (май–сент. 1779) в Москве (2-е изд. 1779–1803), замышлялся как благотворительное издание; вырученные за него деньги шли на финансирование в Петербурге Екатерининского и Александровского уч-щ для бедных детей. Подписка широко велась как в столицах, так и в провинции. Издателями выступало «собрание» из десяти человек, скорее всего, масоны-единомышленники. Программа журнала отражала радикальное для Н. изменение взгляда на цели литературы: «Всеобщая сатира да будет бичом, коим мы станем пороки наказывать, но единым только порокам, а не особам», т. е. отрицание «сатиры на лицо». Издатели надеялись на «врожденное желание ко приобретению знаний», которое привлечет читателей и будет способствовать распространению привычки к чтению. Знания, с которыми издатели хотели познакомить своих читателей, касались «души и духа», поэтому журнал заполнялся нравоучительными сочинениями, в основном переводами, долженствовавшими «искоренить и опровергнуть правила Вольномыслия», уверить в бессмертии души и познакомить со «старинными познаниями, скрытыми под гиероглифическим языком». Что в целом понималось под «знанием», уточняется из программы «Моск. ежемес. изд.» (1781), также печатавшегося в пользу училищ. Заявляя, что «причина всех заблуждений человеческих есть невежество, а совершенства — знание», Н. пояснял, что предмет всякого подлинного знания троякий: «мы сами; природа, или Натура; Творец всяческих». Истинное познание существует только в виде подобного триединства;

самыми совершенными были «знания» древних, но их можно найти только «под языком гиероглифическим». Тайная «гиероглифика» была связана с исканиями рус. масонов, в деятельности которых Н. к этому времени активно участвует.

Ближайшими сотрудниками Н. в журналах было окружение М. М. Хераскова; к переводам привлекались студенты и преподаватели Моск. ун-та.

«Веч. заря» и «Покоящийся трудолюбец», выходившие как продолжение изданий Н., возможно, печатались на деньги Н., но не редактировались им, хотя круг сотрудников состоял из людей, с ним тесно связанных: это были либо соратники по масонской работе, либо ученики просветительных учреждений и обществ, созданных при его активном участии.

Др. основанные Н. журналы не ставили задачу общего перевоспитания человека, а популяризировали прикладные знания и были рассчитаны на конкретный круг читателей. Их составляли специально нанятые редакторы, и они являлись частью изданий, сопутствовавших газете «Моск. вед.» и созданных Н. прежде всего для ее постоянных подписчиков. Журнал «Модное ежемес. изд., или Б-ка для дамского туалета» (1779) был ориентирован на любителей легкого чтения, заполнялся в основном переводами коротких повестей и стихотворениями (*Я. Б. Княжнин*, *М. Н. Муравьев*, посмертные публикации Сумарокова, В. И. Майков) и не пользовался большим спросом. «Экон. магазин» (1780–1789, платное прил. к «Моск. вед.») составлялся *А. Т. Болотовым* и был адресован «российским домостроителям». «Гор. и дер. б-ка» (1782–1786, платное прил. к «Моск. вед.») предлагала круг семейного чтения. «Дет. чтение» (1785–1788, бесплатное прил. к «Моск. вед.», в 1789 — платное) адресовалось юношеству, готовилось в основном *Н. М. Карамзиным* и *А. А. Петровым*; Н. принимал в издании достаточно активное участие только в 1785–1786. «Магазин натуральной истории, физики и химии. . .» (1788–1790, платное прил. к «Моск. вед.») составлялся из переводных статей, извлеченных из фр. словарей той же тематики, и редактировался *А. А. Прокоповичем-Антонским*.

В кон. апр. (после 21) 1779 Н. переехал в Москву и оформил контракт на 10-летнюю аренду (с 1 мая 1779) принадлежавшей Моск. ун-ту типографии (официально подписан 5 июля 1779, арендная плата 4500 руб. в год) и поселился при типографии у Воскресенских ворот. Реально аренда не была единоличной. Н. принял «в части» «трех своих приятелей». Предполагалось, что среди них были *И. П. Елагин* и К. В. Миллер; вероятнее, что это были люди из нового масонского круга Н. (ср. отчеты Н. о типографских делах барону Г. Я. Шредеру, т. н. «письма Коловиона»: Письма Н. И. Новикова. СПб., 1994. С. 13, 31–41). Согласно контракту Н. также получал право на издание газеты «Моск. вед.»; в окт. 1779 Н., кроме того, выкупает книжную лавку Х. Ридигера (при которой в 1780 открывает помещение для чтения); одновременно он начинает создавать сеть комиссионеров для продажи книг в провинции. Постепенно расширяя дело, Н. становится крупнейшим издателем в России. 1 июня 1782 Н. увеличивает количество печатных станов в Москве, типография переезжает в специально купленное здание на Лубянке, у Никольских ворот. После указа 15 янв. 1783 о вольных типографиях Н. уговаривает единомышленников из масонского окружения объединить капиталы и 1 сент. 1784 создает Типогр. комп. («акт» об учреждении не составлялся, но была запись в «маклерной книге»). Учредителями стали князья Трубецкие, *А. М. Кутузов*, бар. Шредер, А. Ф. Ладыженский, братья Лопухины, А. А. Черкасский, *И. П. Тургенев*, В. В. Чулков; в их число без капитала вошли *С. И. Гамалея* и К. М. Енгалычев. Ее станы находились в Гендриковом доме (Спасские казармы). На базе компании возникают вольная типография *И. В. Лопухина* (1783–1786, в Армянском переулке), печатавшая масонскую литературу (напр., «Колыбель камня мудрых»,

1783; «О истинном христианстве» И. Арндта, 1784), и тайная масонская (1783–1787, в доме И. Г. Шварца у Меншиковой башни, с нем. персоналом), выпускавшая специфические издания и обслуживавшая деятельность масонских лож (напр., «Простосердечное наставление о молитве»; «Дух масонов» У. Хатчисона (оба изд. — 1783)); печатный стан находился также у Н. в Авдотьине. Н. руководил всей практической стороной издательского дела.

Особую роль в программе Н. по широкому распространению моральных, политических и научных знаний должно было играть бесплатное «Приб. к „Моск. вед.“» (1783–1784). Журнал рассылался выпусками при каждом номере газеты (без особого тит. листа; в 1783 — формат газеты, в 1784 — в осьмушку). В 1783 более половины объема журнала было занято анонимными статьями «О воспитании и наставлении детей для распространения общеполезных знаний и всеобщего благополучия» и «Рассуждением о полезном влиянии торговли в благосостояние государства» (вместе с др. газ. заметками перепеч. в «Избр. соч.» как произведения Н.).

При Н. «Моск. вед.» редактировали С. Б. Сырейщиков (до 1784) и П. В. Иванов (с 1780); переводили сведения из иностранных изданий *Л. Я. Давыдовский*, *А. Ф. Малиновский*, А. А. Петров, Д. М. Рыкачев и др. (в т. ч. студенты университета). Н. предпринял шаги, чтобы усовершенствовать информационную структуру газеты: политические известия стали заимствовать непосредственно из гамбургских и др. изданий, в случае необходимости они помещались в виде отдельных выпусков «прибавлений»; специально заказывались материалы о литературе и культуре, расширился круг сообщений о внутренних событиях в стране, особенно из провинции. Это привело к значительному росту тиража (до 4500 подписчиков).

Всего новиковским типографиям принадлежит (считая переиздания и перепечатки) ок. 900 книг, приблизительно четверть всей книжной продукции того времени. Состав книг, напечатанных при Моск. ун-те и в Типогр. комп., достаточно пестр. Это прежде всего переводная и оригинальная беллетристика, в основном XVIII в. (в издании классиков Н. не пытался соревноваться с Академией наук). Среди изданий велико количество пьес, как ставившихся на сцене, так и оставшихся в виде литературных переводов. Значительное место занимают исторические сочинения и публикации. Среди книг довольно много переизданий, в т. ч. сделанных в порядке контрафакции. Н. запомнился современникам как издатель серьезных многотомных компендиумов, таких как «словари» — ботанический, коммерческий, географический, натуральной истории, юридический, — а также многих столь же солидных и пространных книг, посвященных российской торговле («Историческое описание российской коммерции. . .» М. Д. Чулкова, 1781–1788), путешествиям и описаниям разных стран («История о странствиях вообще. . .» А.-Ф. Прево в пер. *М. И. Веревкина*, 1782–1787; «Записки, надлежащие <. . .> до китайцев. . .», 1786–1788), хозяйственным делам («Хозяин и хозяйка. . .», 1789) и др. общеобразовательным вопросам.

Литературная ориентация Н. не была вполне четкой и однозначной. В петербургский период он был очевидным сторонником сатирических тенденций сумароковской школы (в 1780–1781 издал «Полное собрание всех сочинений Сумарокова»); словарь писателей вызвал резкое недовольство В. П. Петрова и *Ф. А. Козельского*. В 1770-е гг. Н. постоянно общается с М. М. Херасковым, В. И. Майковым, Я. Б. Княжниным. Позднее, судя по московским изданиям, он становится приверженцем философско-гражданского направления, архаического по стилю. В издательских делах отношения с писателями приобретают коммерческую основу. Н. ориентируется не столько на известные имена, сколько на ходовую продукцию, привлекая к делу малоизвестных литераторов (некоторые из них только начинали свой путь) и оплачивая их труд гонораром. Такая практика заложила

основу сравнительно недорогого коммерческого книгоиздательства.

В июне 1775 Н. вступил в масонскую ложу «Астрея», только что отпочковавшуюся от ложи «Урания», которую возглавлял В. И. Лукин, поставив условием, что он сразу получает степень мастера и, не давая присяги, сохранит право выйти из ложи. Мелочная обрядность елагинской системы масонства не удовлетворила Н.; он одним из первых переходит в организованную по Рейхелевой системе ложу «Латона» «слабого наблюдения» (основана 2 дек. 1775) и вскоре становится ее руководителем, «мастером стула». Однако поиски истинной масонской мудрости продолжаются, и в 1778 в Москве Н. принимает 7-ю степень швед. масонства «строгого наблюдения». После переезда в кон. апр. 1779 в Москву Н., видимо, переводит сюда и ложу «Латона», принявшую швед. систему, однако уже к нач. 1781 Н., Н. Н. Трубецкой и И. Г. Шварц организуют параллельно «тайную сциентифическую» ложу «Гармония» с целью установить связи с нем. масонами. Отправленный в Берлин Шварц договаривается о присоединении к розенкрейцерству и образовании VIII (рус.) провинции в его составе. К февр. 1783 создается Управление провинцией, в которое Н. входит в качестве казначея; ложа «Латона» становится одной из «капителей» провинции. С 1784 Н. занимает высшие должности в масонской иерархии: член Правления теоретического градуса, Капитула Провинциальной ложи, Гаупт-Директории теоретического градуса, ритор. Он был в числе немногих рус. масонов, возведенных в высшие степени (масонское имя — Коловион).

В новом масонском окружении Н. находит опору для своих просветительских замыслов. На доход от журнала «Утр. свет» он открывает два начальных училища: св. Екатерины (1777, при церкви Владимирской Божьей матери) и св. Александра (1778, при церкви Благовещения); к 1779 в них обучалось ок. 90 учеников. Помимо грамоты предполагалось давать школьникам ремесленные навыки. Екатерина II отнеслась к этой общественной инициативе с подозрением, рекомендовав проверить «нужды и недостатки» новиковских школ. Правительственная Комиссия нар. уч-щ (1782) в отличие от частно-масонских предприятий Н. должна была придать народному образованию государственный характер.

Дальнейшая деятельность Н. в области независимого образования связана с Моск. ун-том и И. Г. Шварцем, профессором нем. словесности и философии. Целями были подготовка учителей в духе масонской этики, внедрение новых правил воспитания, привлечение студентов для помощи Н. в издательской работе. 13 нояб. 1779 на деньги, пожертвованные П. А. Демидовым, при университете была открыта Учит. (или Пед.) семинария, первоначально рассчитанная на 6 студентов; инспектором ее стал Шварц. 13 марта 1781 создается первое в России студенческое общество, Собрание унив. питомцев, поощрявшее переводческую и литературную деятельность своих участников (просуществовало до 1789; традиции его прослеживаются в Вольном унив. пансионе). К нач. 1782 на масонской основе сложилось сообщество людей, готовых содействовать образовательным замыслам Н.; оно получило назв. Дружеское учен. о-во (официальное разрешение на создание дано в окт. 1782, торжественное открытие состоялось в доме П. А. Татищева 6 нояб. 1782). В июне 1782 по инициативе общества открывается Переводческая (или Филол.) семинария, рассчитанная на 16 студентов (6 — за счет Татищева, 10 — за счет общества), которая сливается с Учит. семинарией (к кон. года — ок. 30 студентов). В число пансионеров входили ученики епархиальных семинарий и бедные своекоштные студенты университета. Семинария прекратила свое существование после ревизии обер-полицеймейстера Ф. Н. Толля в янв. 1786. В Дружеское учен. о-во, объединявшее более 50 человек, кроме масонского кружка Н. входили также университетские преподаватели (Я. Шнейдер, Ф.-Г. Баузе, П. И. Страхов и др.). Оно ставило достаточно широкие задачи: распростра-

нять правила воспитания, готовить поколение рус. учителей, поддерживать Н. переводами полезных книг. Попытки директора университета *И. И. Мелиссино* слить общество с Вольным рос. собранием были кружком отвергнуты, что привело к обострению отношений кружка с секретарем собрания *А. А. Барсовым* и университетом в целом. Дружеское учен. о-во распалось в 1786.

Подозрения правительства возбуждали также филантропические мероприятия Н. При Екатерининском уч-ще в 1779 была открыта маленькая богадельня. Впосл. Н. создает на деньги Типогр. комп. небольшую больницу и аптеку Френкеля, в которой бедные получали лекарства безденежно. Наиболее заметной общественной инициативой Н. была помощь крестьянам в голодные 1786–1787, которая в глазах правительства вполне могла выглядеть как попытка масонов воздействовать на простонародье. На заседании ложи Н. столь ярко описал картины всеобщего голода, что тут же были пожертвованы крупные суммы (гл. о. Г. М. Походяшиным) на закупку зерна. Н. ссужал его как казенным, так и барским крестьянам; в Авдотьине он завел постоянный хлебный магазин, продолжая благотворительную работу вплоть до 1792.

В XVIII в. общественная деятельность ограничивалась рамками государственной службы и политической полемики. Н. сложился как человек с задатками общественного, а не политического деятеля. На такое формирование личности Н., возможно, наложил отпечаток и опыт восстания Пугачева, показавший, что без изменения нравов и обычаев политические преобразования ведут к дикости. В этом отношении характерно неизменное внимание Н. к мещанству и купечеству как к среде, которая способна не только усвоить просвещенные воззрения, но и нравственно связать между собой низшие и высшие сословия. Н. выбрал область всеобъемлющей идеологии — религиозное сознание, этику, объединявшие все сословия и общественные прослойки. В масонстве Н. увидел возможности филантропической работы, в печати и книгоиздательстве — способ воспитания совершенного человека. В этих целях для Н. были равно привлекательны и оккультные (медицина, гомункулус, философский камень и т.п.) аспекты масонства, и абсолютно современные практические дела в рамках масонских лож. Для Н. масонство, в т. ч. и мистическое розенкрейцерство, не исчерпывалось ни обрядностью, ни сферой этических или религиозно-философских исканий. Н. рассматривал систему закрытых масонских лож как внеправительственную организацию, которая вырабатывает представление о правильных взаимоотношениях людей в обществе, в корне отличных от представлений просветительского рационализма.

Масонская деятельность Н., тесно переплетавшаяся с издательской и общественно-просветительной, стала, начиная с 1784, причиной все более жестких столкновений с правительством и различными учреждениями. В авг. по жалобе П. С. Свистунова Комиссия нар. уч-щ опротестовала перепечатку у Н. подготовленных ею учебников, потребовав конфискации тиража и возмещения убытков. 23 сент. 1784 указом И. П. Архарову Екатерина II приказала прекратить печатание статьи «История ордена иезуитов» (Моск. вед. 1784. № 69–71. Приб.), возмущенная ее «ругательным» характером (деятельность ордена была разрешена в России с 1772); была даже сделана попытка изъять разосланные экземпляры. К янв. 1785 в связи с намерением *П. И. Богдановича* напечатать согласованную с Синодом переделку «Истинного христианства» Арндта выяснилось, что полный перевод книги (запрещенной еще в 1743) вышел в типографии И. В. Лопухина. Указом от 8 янв. 1785 Я. А. Брюсу предписывалось изъять его из продажи, однако в лавках книгу обнаружить не удалось.

Более пристальное наблюдение за деятельностью московских масонов (этим, в частности, занимался протоиерей *П. А. Алексеев*) сделало необходимым и ее формальное расследование. 7 окт. 1785 мос-

ковскому генерал-губернатору Я. А. Брюсу было поручено провести общую ревизию школ на предмет подотчетности их Приказу обществ. призрения, образа мыслей преподавателей, характера учебников, соответствия преподавания догматам православия. 23 янв. 1786 Екатерина II приказала гражданскому губернатору П. В. Лопухину лично проверить как больницу и школы, принадлежащие «скопищу известного нового раскола», так и продукцию новиковских типографий, «наполненную новым расколом». Приказ освидетельствовать издаваемые Н. книги и его самого «в законе нашем» был отдан месяцем ранее Брюсу (отсутствовавшему в Москве) и *Платону Левшину* (23 дек. 1785), однако основное расследование развернулось с сер. янв. по апр. 1786. Больница для типографских рабочих к этому времени была закрыта; из учащихся обнаружили 15 студентов Пед. семинарии, посещавших Моск. ун-т (под патронажем Енгалычева и Х. А. Чеботарева). Из числа 397 книг, арестованных в лавке Н., Платон Левшин (вел просмотр вместе с *Моисеем Гумилевским* и Серапионом Александровским) особо выделил сочинения «энциклопедистов» и «мистические» книги. Из 23 «сумнительных» изданий Екатерина II приказала опечатать 6 явно масонских; остальные после прошения Н. на имя А. А. Безбородко (12 марта 1786) были разрешены к продаже. Впрочем, еще 3 дек. 1786 Н. давал объяснения в полиции по поводу печатания периодического издания «Беседы с Богом», в котором участвовали Н. М. Карамзин и А. А. Петров.

Возможность публиковать масонские книги сильно ограничило запрещение (27 июля 1787) гражданским типографиям (кроме Комиссии нар. уч-щ) печатать и продавать книги, «к вере либо толкованию закона и святости относящиеся»; из 14 изданий, арестованных после проверки книжных лавок по указу Екатерины II от 30 сент. 1788, одиннадцать принадлежали типографиям Н. (уничтожены по распоряжению от 26 авг. 1793). 17 окт. 1788 Екатерина II подтвердила П. Д. Еропкину «прежнее наше повеление» не продлевать Н. аренду Унив. типографии (с 5 нояб. была передана в аренду А. А. Светушкину).

С нач. 1790, после назначения главнокомандующим в Москву А. А. Прозоровского со специальной целью следить за «известною шайкой», Н. находился под постоянным наблюдением (перлюстрация писем — см.: Барсков. Переписка масонов (1915)). Весной 1791 в Москву с указанием начать дело о мартинистах был направлен Безбородко, однако он убедил императрицу в нецелесообразности этого. Тем не менее 13 апр. 1792 Прозоровскому был адресован указ начать расследование по подозрению Н. в издании и продаже «Истории об отцах и страдальцах Соловецких» (на самом деле это одно из Клинцовских изданий), для чего произвести обыск в московских домах и имении, а его самого, если понадобится, задержать и допросить. 22 апр. Д. А. Олсуфьев произвел первоначальный обыск в Авдотьине, но не привез Н. в Москву, найдя его больным. 24 апр. обыск был повторен кн. С. С. Жеваховым, и Н. взят под арест. 25–26 апр. его допрашивал Прозоровский. После первых его донесений в Петербург последовало решение перевести Н. в Шлиссельбург (10 мая), куда со всеми предосторожностями окольной дорогой его отправили с 17 на 18 мая. 3 июня С. И. Шешковский начал свои допросы в Петербурге.

Параллельно в Москве священник Иоанн Иоаннов просматривал книги из лавок Н.; отобранные книги были сожжены под присмотром директора московских народных училищ А. П. Курбатова в три приема (14 нояб. 1793, 20 апр. и 15 июня 1794). До 2 июля 1796 продолжалось следствие по делу книгопродавцев, торговавших изданиями Н. (ходатаем по этому делу выступал *З. А. Горюшкин*); они были прощены в честь рождения вел. князя Николая Павловича.

Расследование по делу Н. направлялось непосредственно Екатериной II, и вопросы ему на следствии несут отпечаток расхожих представлений о масонстве, отразившихся в ее антимасонских ко-

медиях. Были выдвинуты обвинения в личном обогащении Н. за счет обмана рядовых членов масонских лож; интересовались, сколько золота было получено с помощью философского камня; настойчиво пытались заставить Н. признать отступничество от православия и изменнические связи с Пруссией, что должно было скомпрометировать его в общественном мнении. Наиболее существенными были подозрения в существовании дворцового заговора, вопросы о тайном, неподведомственном правительству, характере деятельности розенкрейцерского кружка и его связях с наследником престола вел. князем Павлом Петровичем.

Н. не признал себя виновным в том, «чтобы против правительства какое злое имел намерение». Обвинения против него оказались довольно расплывчатыми. К тому же представлялось политически недопустимым публично связать дело Н. с именем наследника престола. Поэтому Екатерина II не передала дело Н. в Сенат, а самолично определила, что он виновен по шести пунктам обвинения и «по силе законов» достоин смертной казни. В соответствии с этим собственноручным указом от 1 авг. 1792 императрица, «следуя сродному нам человеколюбию», заменила предполагаемую казнь пятнадцатилетним заключением Н. в Шлиссельбургской крепости.

Скрупулезность следствия и суровость приговора (сподвижники более высоких масонских «степеней» подверглись лишь отставкам и ссылкам) были обусловлены тем, что Н. не внял многочисленным предупреждениям правительства (известны слова Екатерины II — «C'est un fanatique!»), что дело Н. следовало за процессом Радищева и что императрица считала его реальным главой тайного масонского заговора (общественное мнение обвиняло иллюминатов в организации Великой фр. революции).

Н. содержался в нижнем этаже тюрьмы (камера № 9), вместе со слугой и врачом *М. И. Багрянским*, оказывавшим ему медицинскую помощь; он был лишен всякой связи с окружающим миром. На содержание его был определен 1 руб. в сутки (записка Н. на имя императрицы летом 1794 о скудости пропитания осталась без внимания). Указ Павла I об освобождении Н. последовал сразу после смерти Екатерины II (7 нояб. 1796). 19 нояб. Н. прибыл в Авдотьино, по дороге остановившись лишь у Ключаревых в дер. Валовое. 5 дек. 1796 он был вновь привезен в Петербург (жил в доме Лабзиных) на свидание с императором (отчасти о содержании этой беседы можно судить по письму Н. к императрице Марии Федоровне от 31 дек. 1810).

Следующие годы жизни Н. почти безвыездно провел в поместье (во время его заточения имением управлял брат Алексей), пытаясь расплатиться с долгами и поправить пошатнувшееся хозяйство. Вместе с ним и на его иждивении жили два сына и жена покойного Шварца, Гамалея и «лекарь» Багрянский. Т. о. сохранялся круг его старых единомышленников. В Авдотьине из их числа сформировалась узкая ложа (о книге протоколов ложи Н. писал *Ф. П. Ключареву* 3 окт. 1811). Н. продолжает интересоваться деятельностью московских розенкрейцеров (последователей И.-Х. Вельнера), новой мистической литературой (К. Эккартсгаузен и др.), переизданиями старых масонских книг, следит за спорами мистиков о «внутренней церкви». В Авдотьине, в основном трудами Гамалеи, переводятся и переписываются сочинения Парацельса, продолжается работа по составлению «Герметической библиотеки». Однако в деятельности лож Москвы (несмотря на контакты с *П. И. Голенищевым-Кутузовым* и А. О. Поздеевым) и Петербурга Н. не участвует; идеи нового масонства, связанного, в частности, и с возникновением декабристского движения, проходят мимо него.

Арест разорил Н. Книготорговое дело было остановлено. На нем остались долги Типогр. комп. и мн. др., капитал был омертвлен в виде арестованных книг, зданий и оборудования. Именным указом от 17 сент. 1792 был наложен арест на все имущество Н. и назначены опекуны по распоряжению им. 25 авг. 1795 Екатерина II распорядилась погашать долги Н. за счет продажи лич-

но ему принадлежавшего имущества (распоряжение было подтверждено 10 апр. и 9 июля 1796), и частично это было сделано. После освобождения Н. Павел I указом 11 нояб. 1796 возвратил ему из казенного ведомства оставшуюся часть, но Н. предпочел оставить все в ведомстве Моск. приказа обществ. призрения для продолжения выплат кредиторам. С их согласия остатки имущества были в 1801 переданы в распоряжение Г. М. Походяшина, которому и поручалось вести расчеты; указом 11 сент. 1797 к выплатам привлекались также и поручители по старым новиковским займам. Распродажи имущества продолжались до 1805, когда в Москве были разыграны в лотерею остатки новиковских изданий (разрешение на их полную продажу было получено в 1803). Однако еще 16 марта 1811 Н. вынужден был просить московского главнокомандующего И. В. Гудовича отменить запрещения, налагаемые на его имущественные сделки некоторыми кредиторами.

В Авдотьине Н. усердно занимается хозяйством (агрономия, садоводство, постройки), пытается вернуться к предпринимательству. Существует предание, что в 1805 Н. собирался вновь арендовать Унив. типографию; в 1802 он заводит на деньги, занятые в Моск. опекунском совете под залог 150 душ крестьян, суконную фабрику. В 1807 под гарантию сбыта сукон, данную М-вом внутр. дел, расширяет ее, хотя уже в это время не может погашать проценты по долгу. К 1809 за неуплату долга совет предписывает назначить Авдотьино к продаже (аукцион отменяется только после вмешательства императрицы Марии Федоровны). К кон. 1810 Н. вынужден продать часть земли, в кон. 1813 оформляет перерассрочку долга Опекунскому совету на 12 лет (10 000 руб. серебром, с погодными выплатами по 1200 руб.). В дальнейшем он собирает деньги на погашение долгов, торгуя рекрутскими квитанциями за сданных в солдаты крестьян.

Н. почти не покидал Авдотьина, лишь изредка по делам посещая Москву (по письмам устанавливаются даты — февр. 1797; дек. 1801; янв., сент. 1802; нояб., дек. 1809; дек. 1810; апр. 1812). Круг корреспондентов, с которыми он вел бытовую и религиозную переписку, довольно узок (А. Ф. Лабзин, Ф. П. Ключарев, Н. Л. Сафонов, Д. П. Рунич, М. Я. Мудров и др.). Из нового поколения литераторов с Н. поддерживают связь только А. И. Тургенев (с ним Н. виделся в 1810) и Н. М. Карамзин (в письме от 30 апр. 1816, благодаря Карамзина за подаренное 2-е изд. «Сочинений», Н., в частности, полемизировал с его «Разговором о счастии»). Карамзин после смерти Н. обратился к Александру I (1818) с просьбой о помощи разоренному семейству; в своей записке он дал высокую оценку просветительской деятельности Н., назвав его «жертвою подозрения извинительного, но несправедливого». Позднее А. С. Пушкин оценил Н. как человека, «распространившего в России первые лучи просвещения». В. Г. Белинский определил его труды на издательском поприще как проявление «высокой гражданской страсти». Н. А. Добролюбов, говоря о Н.-журналисте, выделил его из числа современников в качестве единственного, кто взялся «за сатиру смелую и благородную, поражавшую порок сильный и господствующий <крепостничество>».

Вопрос о принадлежности Н. к движению европ. Просвещения возник в кон. XIX в. Ранние исследователи рассматривали лишь вклад Н., журналиста, издателя, книгопродавца, в дело реального просвещения рус. общества. Историки либерального направления в поисках аналогий развития России и Зап. Европы попытались сделать Н. одной из основных фигур рус. освободительного движения, сближая его взгляды с позицией А. Н. Радищева. Противником этой точки зрения выступил Г. В. Плеханов, отметивший умеренность социальных воззрений Н. и истолковавший его масонскую деятельность как реакцию на распространение идей Просвещения, гл. о. фр. Советская историография практически ввела Н. в русло развития радикальных идей XVIII в. При этом даже масонство Н. трактова-

лось как форма вызревания антимонархических представлений.

Вопрос заключается в определении специфики и хронологии рус. Просвещения (В. И. Ленин считал, что освоение просветительской этики и социологии состоялось в России лишь в сер. XIX в.). Враждебное отношение Н. в области религии даже к деизму, идея сословного общества, недоверие к рационалистическим системам и интерес к мистическим учениям отражают общую умеренность социальных идей в России в царствование Екатерины II и не позволяют проводить прямые соответствия между Н. и европ. Просвещением.

Лит.: Лонгинов. Новиков и мартинисты (1867); *Пекарский П.* Дополнения к истории масонства в России XVIII столетия. СПб., 1869 (Сб. Отд-ния рус. яз. и словесности; Т. 7. № 4); Подлинные реестры книгам, взятым из палат Н. И. Новикова. . . // Чтения в О-ве истории и древностей рос. 1871. Кн. 4. Разд. 5; *Тихонравов Н. С.* Новиков // Соч. М., 1898. Т. 3, ч. 1; *Лонгинов М. Н.* Новиков и Шварц // Соч. М., 1915. Т. 1; Боголюбов. Новиков (1916); Пыпин. Рус. масонство (1916); *Вернадский Г. В.* Новиков. Пг., 1918; *Семенников В. П.* Книгоиздательская деятельность Новикова и Типогр. комп. Пг., 1921; *Плеханов Г. В.* Соч. М.; Л., 1925. Т. 22; *Светлов Л. Б.* Издательская деятельность Новикова. М., 1946; *Макогоненко Г. П.* Николай Новиков и рус. Просвещение XVIII в. М.; Л., 1951; Мат-лы о преследовании Новикова, его аресте и следствии // Новиков Н. И. Избр. соч. М.; Л., 1951; *Гурьянов В. П.* Когда родился Новиков // Рус. лит. 1967. № 4; *Западов А. В.* Новиков. М., 1968; *Будяк Л.* Новиков в Москве и Подмосковье. М., 1970; *Лихоткин Г. А.* Оклеветанный Коловион. Л., 1972; *Дербов Л. А.* Общ.-полит. и ист. взгляды Новикова. Саратов, 1974; Новиков и общ.-лит. движение его времени. Л., 1976 (XVIII век; Сб. 11); *Мартынов И. Ф.* Книгоиздатель Николай Новиков. М., 1980; *Лепехин М. П.* «Опыт исторического словаря о российских писателях» Новикова: (Некоторые проблемы изучения) // Итоги и проблемы изучения рус. лит. XVIII в. Л., 1989 (XVIII век; Сб. 16); *Некрасов С.* Апостол добра: Повествование о Н. И. Новикове. М., 1994.

В. П. Степанов

О

ОГИЕВСКИЙ Дмитрий Максимович [род. ок. 1760]. Сын сотника Нежинского полка. Первоначальное образование получил в Киевской дух. академии. В 1777 О. был принят учеником в Петербургский Генеральный сухоп. госпиталь, в 1778 — он уже подлекарь; в 1780 — переведен лекарем в Нашебургский пехотный полк. В 1781 О. занял должность переводчика в Мед. коллегии, а в кон. 1782 был по его просьбе отправлен на казенный счет для усовершенствования в медицине в Страсбург; несколько лет спустя переехал в Геттинген, где получил докторский диплом. Дальнейшая судьба О. неизвестна.

Единственный литературный опыт О. — стихотворный перевод поэмы Вольтера «Тактика» (под загл. «Рассуждение о воинском искусстве», 1780) — гладок, но необычайно многословен и водянист, что особенно очевидно в сравнении с вышедшим годом ранее превосходным переводом *Е. И. Кострова*, о существовании которого О., по всей вероятности, не подозревал.

Лит.: Чистович. Мед. школы. Прил. X (1883); *Модзалевский В. Л.* Малорос. родословник. Киев, 1912. Т. 3; Заборов (1978).

П. Р. Заборов

ОЗЕРЕЦКОВСКИЙ Кузьма Яковлевич. Брат *Н. Я. Озерецковского*. В мае 1773 окончил Троицкую дух. семинарию и был поставлен в священники московской церкви Иоанна Предтечи.

По заданию Собрания, старающегося о переводе иностр. книг в 1773 О. перевел «Иродианову историю о римских государях, бывших после Марка Аврелия Антониана до избрания в императоры Гордиана младшего» (1774). В «Предуведомлении» О. писал о том, что по содержащимся в этой «Истории» примерам «можно научиться общественному и особенному жития поведению, ибо нет никакой другой римской истории, которая бы толь многие и удивительные в Римском государстве в краткое время случившиеся перемены содержала».

Лит.: Смирнов. Троицкая семинария (1867); Семенников. Собрание, старающееся о переводе книг (1913).

М. П. Лепехин

ОЗЕРЕЦКОВСКИЙ Николай Яковлевич [1750, с. Озерецкое Дмитровского у. Московской губ.— 28 II (12 III) 1827, Петербург; похоронен на Смоленском кладбище]. Брат *К. Я. Озерецковского*. Сын священника. В 1758 поступил в Троицкую дух. семинарию; в 1767, не закончив курса обучения, вместе с группой семинаристов, «разумеющих латинский язык», был отправлен в Петербург в Академию наук, где ему было поручено сопровождать академиков в их путешествиях по России. В 1768–1773 принял участие в экспедициях *И. И. Лепехина*, вел работу по описанию исторических памятников, географических и этнографических особенностей посещаемых мест (см.: *Лепехин И. И.* Дневные записки путешествия. . . СПб., 1771–1805. Ч. 1–4, куда вошли некоторые статьи О.). В 1774 был отправлен для дальнейших занятий за границу, сначала в Лейденский, затем в Страсбургский ун-т. В 1778 полу-

чил степень доктора медицины. По возвращении в Петербург (1779) был избран адъюнктом по естественной истории, в 1782 стал академиком. По поручению Академии наук совершил ряд путешествий: по Ладожскому и Онежскому озерам (1785), на озеро Ильмень (1805), в верховья Волги и на озеро Селигер (1814). В 1783 избран членом Рос. Академии. В 1800 за заслуги перед ней награжден золотой медалью.

Был избран членом мн. ученых обществ и учреждений, в т. ч. Бернского экон. о-ва, Стокгольмской Академии наук, О-ва земледелия Великобритании и др.

О. уделял много внимания популяризации науки и народному образованию. Он читал публичные лекции по естественной истории, в качестве члена Гл. правления уч-щ (с 1802) участвовал в выработке уставов университетов, гимназий, училищ. Обеспокоенный упадком дел в Академии наук, О. (совм. с С. Е. Гурьевым и *А. Ф. Севастьяновым*) обратился с письмом к Александру I, в котором в числе причин «истаевания» ее указывалось на плохую подготовку отечественных ученых, бесполезность академиков-иностранцев, некомпетентность назначаемых начальников; отмечалась необходимость вести всю академическую работу на рус. языке (РГИА, ф. 733, оп. 12, № 8).

На склоне лет, ходатайствуя о позволении жить попеременно в Петербурге и Старой Руссе (из-за «пристрастия к ботанике»), О. в письме к министру просвещения А. Н. Голицыну (1823) сообщал о перенесенных им бедствиях: «. . . в 1771 году лишился я всей моей собственности в Ледовитом море; в 1793 году погорел в Великих Луках; в 1814 году в озере Ильмене потонули остатки моих пожитков; в 1821 году обокраден до нитки здесь в Петербурге».

О. известен прежде всего как автор описаний совершенных им путешествий — «Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому» (1792; 2-е изд. СПб., 1812), «Описание Колы и Астрахани» (СПб., 1804), «Обозрение мест от Санкт-Петербурга до Старой Руссы» (СПб., 1808), «Путешествие на озеро Селигер» (СПб., 1817). Сочинения эти насыщены богатейшим материалом, не утратившим ценности до настоящего времени, и отличаются точным, последовательным, стройным изложением. Особенное внимание обращал О., как и его наставник И. И. Лепехин, на выявление местных назв. растений, животных, предметов быта, производственных процессов и т. п. Написанные в строгой, деловой манере, простым языком, не лишенным местами элементов образности, эти очерки продолжают и развивают ту разновидность жанра научных «путешественных записок», начало которой было положено в России *С. П. Крашенинниковым*.

О. опубликовал многочисленные статьи в периодических академических изданиях — «Месяцесловах», «Новых ежемес. соч.» (1786–1797), «Акад. изв.» (1779–1781), «Технол. журн.» (1804–1815), а также в «Тр. Вольного экон. о-ва» (1765–1798).

Как редактор «Собрания сочинений, выбранных из месяцесловов в разные годы» (1785–1793. Ч. 1–10) О. отбирал статьи из различных календарей и месяцесловов (начиная с изданий 1730-х гг.) и определял расположение материала в каждом томе. Он провел также большую правку текстов, касающуюся как орфографии и синтаксиса, так и их лексического и терминологического состава. Вместе с Лепехиным и С. Я. Румовским осуществлял первое научное издание сочинений *М. В. Ломоносова* (1784–1787. Ч. 1–6). Редактировал «Периодическое сочинение о успехах народного просвещения» (СПб., 1803–1817. Ч. 1–43).

Занимался переводами научных и исторических сочинений с нем., англ., фр. и лат. языков. Наиболее значительные из них «Наставление народу в рассуждении его здоровья» С.-А. Тиссо (с фр.; 1781), «Всеобщая и частная естественная история» Ж.-Л.-Л. Бюффона (с фр.; 1790. Ч. 2, совм. с П. Б. Иноходцевым), «История о войне Катилины и о войне Югурфы» Саллюстия (с лат.; СПб., 1809). Перевод с фр.

книги «История о похвальных речах» А.-Л. Тома был забракован академическим Рассматривательным комитетом из-за «шероховатого слога», который объяснялся буквальной передачей оригинала.

В качестве члена Рос. Академии О. участвовал в выработке плана «Словаря Академии Российской» (1789–1794. Ч. 1–6) и в обсуждении словарных проблем, выбирал слова из научных книг на букву «З», толковал медицинские термины в словаре. Для «Словаря Академии Российской, по азбучному порядку расположенного» (СПб., 1806–1822. Ч. 1–6) собирал дополнительные материалы из ботанических книг, проверял слова на буквы «А», «Б», представил списки рус. назв. растений; кроме того, занимался редакционно-издательскими делами. Провел основную часть работы (при незначительном участии *А. С. Хвостова*) по дополнению рус. переводом «Иллирийско-латинского словаря» 1818–1820 (БАН, 41. Рос. 102, л. 3).

Составил проект учебника риторики, который, после критического обсуждения, был отклонен. Сообщал свои замечания на составляемую Рос. Академией «Российскую грамматику» (СПб., 1802).

Собственно литературное наследие О. невелико. Он написал несколько стихотворений, в т. ч. «Песнь на новый 1797 год» (1797), «Надгробную надпись академику И. И. Лепехину» (СПб., 1805), «Надгробную надпись академику Иноходцеву» (СПб., 1806). По своим литературным симпатиям О. был последователем Ломоносова. Он высоко ценил его «Риторику» и для составляемого в Рос. Академии нового курса риторики выбирал образцы «витиеватых речей» из ломоносовского руководства. С др. стороны, как ученый, ценящий точность научного языка, О. отвергал приподнятый стиль. Являясь преподавателем словесности в Сухоп. шлях. корпусе (с 1791), О., в противоположность своему предшественнику *Я. Б. Княжнину*, неодобрительно относился к произведениям *Н. М. Карамзина*.

«Лицо О. было здорово и молодо. Он был сутуловат и еще более сгибался, когда, держа в руках табакерку, выхватывал из нее табак, щепотку за щепоткою, торопливо принюхивал, мерными шагами ходил по классу, приискивая надлежащее слово», — так описывает его в своих «Записках» С. Н. Глинка (СПб., 1895. С. 98).

Лит.: Сухомлинов. Рос. Академия. Вып. 2 (1875); *Пыпин А. Н.* История рус. этнографии. СПб., 1890. Т. 1; *Фрадкин Н. Г.* Путешествия И. И. Лепехина, Н. Я. Озерецковского, В. Ф. Зуева. М., 1948.

Е. Э. Биржакова

ОЗЕРОВ Петр Александрович [1762–после 1803]. Из тверских дворян. Брат драматурга В. А. Озерова. 2 авг. 1773 зачислен унтер-офицером в Измайловский полк; 1 янв. 1784 выпущен из полка с чином армейского капитана. 22 апр. 1790 определился правителем канцелярии к адмиралу В. Я. Чичагову, командующему Балтийским флотом, с повышением в чин секунд-майора. С апр. 1790 по 1794 включительно в качестве штабного офицера участвовал в военных действиях против шведов на Балтийском море (Ревель, Выборг). 22 дек. 1796 назначен на должность секретаря в Имп. совет с переименованием в чин надв. советника (РГИА, ф. 1329, оп. 1, № 187, л. 203). С 7 мая 1801 — советник правления Ассигн. банка (формуляр 1801 г. — РГИА, ф. 1349, оп. 41 (1801 г.), № 42, л. 12 об.–14).

По-видимому, именно О. 22 авг. 1775 был принят в члены масонской ложи «Равенство» («L'Egalité»). Анонимно участвовал в журнале *Н. И. Новикова* «Веч. заря» (1782). Пытался сам выступать в качестве издателя. В 1785 обратился в Синод и получил разрешение на публикацию в 2-х томах проповедей *Макария Пе́тровича* (РГИА, ф. 796, оп. 66, № 368; напечатаны в 3-х томах Типогр. комп. Новикова: Собрание всех сочинений <. . .> Тверской семинарии ректора и священной богословии учителя Макария. М., 1786. Т. 1–3). В 1788 стал помощником *И. Г. Рахманинова* в издании журнала «Утр. часы». Сохранился редакторский (но не кор-

ректурный) экземпляр ч. 1–2 журнала, видимо принадлежавший О. (на корешке вытеснены лат. литеры «Р. О.»), в котором под статьями напечатаны криптонимы авторов и переводчиков, а также краткие заглавия иностранных источников (хранится в РНБ, шифр: 7/53). О. в этих частях принадлежат 12 публикаций (подп. — «П. П. О.» («Перевел П. Озеров») и «С. П. О» («Сочинил П. Озеров»)), находящихся в номерах («неделях») 2–4, 6, 8, 10, 13, 15, 23, 26 и состоящих из оригинальных заметок, большой переводной нравоучительной статьи «О пользе и необходимости нравственной науки», маленьких дидактических рассуждений и заметок, анекдотов, басен (из М. Лихтвера и Т. Ириарте, вероятнее всего с фр. посредника). О. перепечатал в журнале под псевдонимом «Феофраст Миролюбов» свою стихотворную сатиру «Наставление молодому Суетону, вступившему в свет» из «Веч. зари» (1782. Ч. 3. Сент.), осмеивавшую жизнь молодых людей по правилам современной моды. В «неделе» 13 он поместил «Наставление отца к сыну» за подписью «Ал. Оз.» (Александр Иринархович Озеров) с датой «1773 года августа 14 числа»; судя по близости этой даты к вступлению О. в полк, «Наставление. . .» обращено к самому О. («список с драгоценного для меня начертания моего родителя») и является биографическим документом. О. принадлежат также три редакционных примечания к присланным в журнал статьям др. авторов. Поскольку в тиражных экземплярах «Утр. часов» все публикации анонимны, степень участия О. в ч. 3 и 4 установить невозможно.

О. был каким-то образом причастен к организации журнала «Беседующий гражданин». Подписка на него была объявлена в «СПб. вед.» 31 окт. 1788 у книгопродавца И. Мейснера. Задержка с выходом первого номера заставила Мейснера 2 марта 1789 заявить подписчикам, что он отказывается иметь дело с издателем журнала «майором Озеровым» и не будет более «к нему ходить для приема от него за его подписанием и печатью ежемесячных тетрадей». На эту заметку последовало анонимное опровержение, из которого явствовало, что «никакой майор Озеров» не был издателем «Беседующего гражданина», а задержка в выдаче номеров подписчикам произошла из-за перехода книжной лавки из рук Мейснера к И. Шнору. Эта полемика заставляет предположить, что О. занимался сбором подписки на журнал. Предположения о его сотрудничестве в журнале основываются на совпадении некоторых выражений из моралистического перевода О. «О пользе и необходимости нравственной науки» (Утр. часы. 1788. № 3) со статьей «Рассуждение о человеке и его способностях» из «Беседующего гражданина», атрибутировавшейся *А. Н. Радищеву* (1789. Ч. 3. Окт.). Радищев принимал участие в деятельности О-ва друзей словесных наук, которым был основан журнал «Беседующий гражданин». Подобные связи О. с обществом не прослеживаются; его имени нет в списке членов-основателей, хотя с некоторыми из них он мог быть знаком (в штабе Чичагова он занял место ушедшего в отставку *М. И. Антоновского*, председателя общества).

Лит.: *Витберг Ф.* Первые басни И. А. Крылова // Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности. 1900. Т. 5, кн. 1; *Семенников В. П.* Лит.-обществ. круг Радищева // Радищев: Мат-лы и исслед. М.; Л., 1936; Bakounine. Le répertoire (1940); *Бабкин Д. С.* Радищев: Лит.-обществ. деятельность. М.; Л., 1966; *Рак В. Д.* Переводческая деятельность И. Г. Рахманинова и журн. «Утр. часы» // Рус. культура XVIII в. и западноевроп. литературы. Л., 1980.

В. Д. Рак,
В. П. Степанов

ОЗНОБИШИН Никанор Иванович [род. в 1730-х гг.]. Происходил из дворянской семьи. Начал службу в Преображенском полку, закончил ее сержантом и в 1762 из-за болезни вышел в отставку подпоручиком. Был депутатом в Комиссии нового Уложения, очевидно, от одного из уездов Пензенской

губ. Во время крестьянской войны под предводительством Е. Пугачева вступил в 1773 в составленный из дворян Пензенский уланский корпус для борьбы с восставшими. На следующий год по ходатайству генерал-аншефа П. И. Панина, командовавшего правительственными войсками, которые участвовали в подавлении восстания, был определен воеводским товарищем в Пензенскую провинц. канцелярию, где находился до 1779. При открытии Пензенского наместничества в сент. 1780 был назначен председателем Пензенского губ. магистрата. В апр. 1782 просил уволить его от службы, ссылаясь на «болезни», «приближающуюся старость», понуждающие «обратить взоры мои на двенадцать детей моих, по большей части малолетних» (РГАДА, ф. 286, № 589, л. 387; № 638, л. 433; № 668, л. 599). В 1785 был избран предводителем пензенского дворянства (см.: Сб. имп. Рус. ист. о-ва. СПб., 1888. Т. 62. С. 103).

О. перевел с фр. языка роман из эпохи раннего Просвещения «Несчастный француз, или Жизнь кавалера Беликурта, писанная им самим» (1764), связанный с традицией авантюрно-любовного и плутовского романа. В центре повествования — судьба человека, который в силу обстоятельств не раз меняет род своих занятий, представая перед читателем то рыцарем Мальтийского ордена, то матросом, то драгуном, пленником, купцом, солдатом, художником, аптекарем, подьячим. Стиль перевода ориентирован на тот тип литературного языка XVIII в., для которого характерно «общее употребление», свобода от темных архаизмов, ясность и чистота.

Л. И. Сазонова

ОКУЛОВ Модест Матвеевич [ум. после 1809]. В 1801 — кол. асессор. Сохранилась его переписка с кн. Г. С. Волконским (1809) (РГИА, ф. 844, оп. 2, л. 1–15). Переводчик помещенной в журнале *Н. И. Новикова* «Покоящийся трудолюбец» (1785. Ч. 4) прозаической притчи «Странник»; перевод сделан с нем. или фр. языка, которыми владел О., но первоисточник, возможно, англ. Отдельно издано Новиковым в переводе О. с нем. «Рассуждение г. Геллерта о том, для чего вредно знать о будущей своей судьбине» (1787) (более ранние публикации этого соч.: в пер. *Г. Л. Брайко* (?) — СПб. вестн. 1780. Ч. 5. Янв.; в пер. *А. М. Кутузова* — Моск. ежемес. изд. 1781. Ч. 3. Сент.). Живой и ясный слог перевода О. хорошо передавал рационалистическую убедительность мыслей Геллерта. О. перевел с фр. одноактную комедию Ж.-Ф. Реньяра «Серенада, или Музыкант поневоле» (1788), переделав ее на рус. нравы (имена персонажей — Скрягин, Пролаз и т. п., в языке пер. — элементы рус. просторечия). Комедия была напечатана в Театр. типографии, но о ее постановках сведений нет.

Р. Ю. Данилевский

ОКУНЕВ Александр Гаврилович [1730–9 (21) II 1806]. Сын обер-сарваера (надзирателя, ведавшего судостроительными работами во флоте Петра I). В 1749 записан в Сухоп. шлях. корпус, в 1756 выпущен поручиком и принят переводчиком в штат фельдмаршала А. Б. Бутурлина, затем в чине капитана переведен в Навагинский пехотный полк флигель-адьютантом фельдмаршала Н. Ю. Трубецкого. С 1762 в чине премьер-майора служил в Канцелярии строений. В 1766–1773 О. был экзекутором, а с 1773 прокурором в Сенате. В 1767 подал прошение о выдаче дворянского патента (РГАДА, ф. 286, № 545, л. 19). С О. и его семьей был близок *Г. Р. Державин*, который, будучи приглашен на свадьбу дочери О. с кн. Урусовым, родственником Вяземских, познакомился с генерал-прокурором А. А. Вяземским и в 1777 был взят в Сенат на место О. С 1777 по 1791 О. состоял членом конторы строения Александро-Невского монастыря сперва в чине кол. советника; 24 апр. 1791 «за ревностные труды по строению» произведен в д. ст. советники (РГАДА, ф. 286, № 805, л. 87, 98; РГИА, ф. 470, оп. 4, 78/190, № 204). Вернувшись

в Канцелярию строений, по именному указу от 25 мая 1794 стал начальником над домами и садами Петергофа и Стрельны.

Как переводчик О. выступил в 1760-х гг. Его перевод анонимного фр. романа «Жизнь Олимпы, или Приключения маркизы Де**» был напечатан «на счет» переводчика в типографии Сухоп. шлях. корпуса в авг. 1765 (РГВИА, ф. 314, оп. 1, № 3258, л. 165). Анонимное фр. сочинение «Уединенный ишпанец, или Жизнь дона Вараска Фигероаза» (ч. 1–2) в переводе О. было опубликовано в 1767–1768 в Акад. типографии. Авантюрные элементы сочетаются в романе со стремлением автора «дать юношеству твердые наставления, как поступать в свете».

Лит.: Державин. Соч. (1864–1883). Т. 5–8 (1869–1880).

Н. Д. Кочеткова

ОЛЕШЕВ Алексей Васильевич [25 IX (6 X) 1724, с. Ермасово Вологодской губ.–7 (18) VI 1788, Петербург]. Сын вологодского, потом устюгского воеводы подполковника В. С. Олешева. О. получил хорошее домашнее образование, которое пополнил, путешествуя по Франции и Германии и в особенности интересуясь философией. В 1741 поступил на военную службу, в 1764 перешел в статскую. Имел чин д. ст. советника. В 1752 женился на младшей сестре А. В. Суворова — Марье Васильевне. Человек весьма образованный для своего времени, имевший в своем поместье хорошую библиотеку, О. пользовался репутацией просвещенного деятеля. *М. Н. Муравьев* писал о нем: «Отличное просвещение и благонравие дают ему неоспоримое преимущество над его равными; философ без своенравия и угрюмости, он окружил себя избраннейшими увеселениями посреди сельской жизни. Любим, уважаем в целом уезде, с беспритворным усердием раздает он советы дворянину, наставления земледельцу». О., согласно Муравьеву, принадлежал к тем помещикам, «которые украшали спокойствие упражнениями в испытании естества, в доставлении селянину не только им подвластному, но и соседственному всех пособий земледелия». О. поместил в «Тр. Вольного экон. о-ва», будучи деятельным его членом, ряд статей, отчасти основанных на опытах, которые он проводил в своем вологодском имении.

Современники высоко оценивали и литературное дарование О. Посвящая ему «Еклогу» (1771), Муравьев свидетельствовал: «Ты Музам жертвуешь и мудрости досугом». О. посвящена также незавершенная поэма Муравьева «Земледелие». В книге «Начертание благоденственной жизни» (1774) О. собрал свои переводы моралистических сочинений нем. богослова И.-И. Шпальдинга, англиканского священника П. Дюмулена и пятьдесят собственных «нравоучительных рассуждений». В предисловии, обращенном к «благородным согражданам», О. изложил кодекс добродетельного человека: «познание Бога, покорение государю, любовь к своему отечеству и ближним». Недовольство существующими порядками О. приписывал «ложному неистовых воображений желанию» и праздности, которая «есть предводительница пороков и мать заблуждения». Он призывал дворян больше заниматься «домостроительством», благотворительностью по отношению к бедным и тем, «которые еще нашу собственную составляют пользу», т. е. крепостным. Следующий сборник «Цветы любомудрия» (1778) О. составил по материалам швейц. альманаха «Choix littéraire» (1755–1760), в числе которых были фрагменты поэмы Э. Юнга «Жалобы, или Ночные мысли о жизни, смерти и бессмертии». В 1780 при содействии *Н. И. Новикова* О. переиздал свой первый сборник в расширенном виде под загл. «Вождь истинному благоразумию и совершенному счастию человеческому, или Отборные о сих материях мысли славнейших в свете писателей» (есть тит. изд. под загл. «Надежный, пристойный и спасительный путь к снисканию благополучия, или Бриллиантовая книжка»). Дополнения состоят из «прибавлений» к «Размышлениям» Шпальдинга, новых отрывков из «Ночных мыслей» Юнга, переве-

денных неким А. Б. с фр. перевода П. Летурнера, стихотворений О. «Хвала Богу» и «Обращение к человеку», а также стихотворного «Письма к <. . .> Олешеву о нескончаемой славе наук» *В. Г. Рубана.*

С 1780 по 1786 О. был предводителем вологодского дворянства и в сент. 1783 возглавлял депутацию вологодских дворян, представлявшуюся *Екатерине II.* Рубан написал стихотворную эпитафию О.

Лит.: *Муравьев М. Н.* О благосостоянии земледельца; Три письма // Соч. СПб., 1856. Т. 2; *Фортунатов Ф.* Заметки и дополнения вологжанина к статье об А. П. Мельгунове // Рус. арх. 1865. № 12; *Ходнев А. И.* История имп. Вольного экон. о-ва с 1765 по 1865 г. СПб., 1865; *Лонгинов М. Н.* Биогр. сведения о некоторых рус. писателях XVIII в. . . . // Рус. старина. 1870. № 5; *Заборов П. Р.* «Ночные размышления» Юнга в ранних рус. пер. // XVIII век. М.; Л., 1964. Сб. 6; Левин. Восприятие (1990); *Лазарчук Р. М.* М. Н. Муравьев и Вологда // Вологда: Краеведческий альм. Вологда, 1997. Вып. 2; Рус. стих. эпитафия. СПб., 1998.

Ю. Д. Левин

ОЛСУФЬЕВ Адам Васильевич [16 (27) I 1721, Петербург–27 VI (8 VII) 1784, там же; похоронен на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры]. Отец (ум. 1724) — обер-гофмейстер при дворе Екатерины I, мать — шведка Ева Голендер (вторым браком за полковником Венцелем). Крестник Петра I, который и дал имя младенцу. 17 февр. 1732 зачислен в Сухоп. шлях. корпус. Выпущен 28 марта 1739 с чином поручика в Карабинерный полк. По хорошему знанию языков (особенно фр. и нем.; кроме того, знал лат., ит., швед., дат.; понимал англ. речь) был рекомендован фельдмаршалу Б.-Х. Миниху для ведения иностранной переписки. С апр. по окт. 1739 в качестве поручика Ростовского драгунского полка состоял при штабе в Киеве; участвовал в походе под Хотин. Еще до ареста Миниха перешел в Коллегию иностр. дел и в апр. 1740 как «дворянин посольства» отправился вместе с бароном И. А. Корфом за границу; с 1742 — секретарь посольства при Копенгагенском и Стокгольмском дворах. В эти годы посещал лекции в Упсальском ун-те. В 1744–1745 прикомандирован к М. П. Бестужеву-Рюмину в Дрездене; с ним ездил на сейм в Гродно. В окт. 1746 О. возвращается в Россию, получает чин надв. советника и остается чиновником при Коллегии иностр. дел (30 янв. 1747 — РГИА, ф. 1329, оп. 1, № 75). На нем, в частности, лежала ответственность за официальную переписку вел. княгини Екатерины Алексеевны с ее матерью, и в 1748 он столкнулся со служебными неприятностями, разрешив ей включить в письмо несколько личных строк. С 7 февр. 1752 О. занимал должность церемониймейстера при коллегии (РГИА, ф. 796, оп. 32, № 35), а 19 окт. 1758 был перемещен в Кабинет е. и. в. кабинет-министром на место ведавшего личными доходами императрицы Елизаветы Петровны барона И. А. Черкасова (РГИА, ф. 796, оп. 39, № 32), оставаясь «присутствующим» в коллегии. Его положение при дворе укрепилось благодаря женитьбе на фрейлине М. В. Салтыковой, сестре С. В. Салтыкова (первым браком О. был женат на датчанке Туксен). Секретарь фр. посольства Ж.-Л. Фавье, анализируя расстановку придворных сил перед смертью императрицы Елизаветы Петровны, так охарактеризовал О. в череде прочих придворных: «У него веселый нрав, приятный и весьма тонкий ум, вид открытый, общительный; его легко можно принять за человека, любящего удовольствия, так как он действительно любит обеды, общество, музыку (которую он знает в совершенстве), театр и все, что к нему относится, но еще более он деловой человек. . . Он так искусен, так образован и даже столь необходим, кроме того, в нем так много очаровывающей любезности и качеств для общества и увеселений, что он, по всей вероятности, найдет способ нравиться их высочествам» (Ист. вестн. 1887. № 8. С. 403). В полном соответствии с этим предсказанием О. сохранил свои должности и при Петре III,

получив чин т. советника (9 июня 1762). 28 июня 1762 О. находился на яхте, сопровождавшей императора в Кронштадт и ушедшей затем в Петергоф, к сторонникам *Екатерины II*. 29 июня вместе с В. И. Суворовым О. берет под арест находившихся в Ораниенбауме офицеров, а затем приводит их к присяге новой императрице.

В царствование Екатерины II, сохраняя до конца жизни должность кабинет-министра, О. выполняет одновременно множество др. обязанностей: постоянно присутствует в Коллегии иностр. дел, с июня 1763 по март 1764 в качестве статс-секретаря ведет прием прошений на высочайшее имя, с февр. 1764 по май 1766 руководит императорским фарфоровым заводом (РГИА, ф. 468, оп. 1, № 3878, л. 184), с 1764 — сенатор (с дек. 1767 по 1778 присутствует в 1-м Деп. Сената), незадолго до смерти назначается председателем Комитета над зрелищами и музыкой (с 12 июля 1783). О. был организатором Вольного экон. о-ва (его руководитель до утверждения устава 1 янв. 1766), избирался его президентом в 1769 и 1773; был почетным членом Академии художеств (с 21 сент. 1765) и членом Рос. Академии (с 21 окт. 1788), в словарной работе которой он обещал принимать участие, сообщая «разные коренные слова, с иностранных языков происходящие».

Положение О. при дворе неизменно оставалось достаточно влиятельным. Он был в числе составлявших сентенцию по делу Мировича (1764); в Комиссии нового Уложения (депутат от иноверцев) заседал в комиссии о городах, был членом дирекционной комиссии. Ему поручалось улаживать дела, требовавшие известного такта. Он оказался нужен, когда обострились отношения между Екатериной II и Арсением Мацеевичем в момент установки раки с мощами св. Димитрия Ростовского в Ростове (1763). К О. Екатерина II обращалась и когда потребовалось запретить басню *А. П. Сумарокова* «Два повара» (1765), уладить академические распри *С. С. Волчкова* и *М. В. Ломоносова*, а затем отправить Ломоносова в отставку (1762–1763); он же занимался делом о «бунте» рус. студентов в Лейпциге против Бохума (1767). О. принимал участие в сборе материалов для «Записок касательно российской истории» Екатерины II (переписку О. за 1783–1784 с *Г.-Ф. Миллером*, И. М. Стриттером, *Н. Н. Бантыш-Каменским* см. в кн.: Соч. Екатерины II. СПб., 1896. Т. 11. Коммент. С. 673–683) и в издании т. 4 «Российской истории» *В. Н. Татищева* (см.: Зап. Академии наук. 1864. Т. 4. Прил. 4. С. 49–52); ему был поручен просмотр хранившихся у Ф. Г. Орлова и передаваемых в Гос. арх. писем разных лиц к Петру I (см.: *Бешенковский Е., Кулябко Е.* Судьба б-ки и арх. Ломоносова. Л., 1975. С. 89).

По должности кабинет-секретаря О. приходилось постоянно общаться с широким кругом лиц, т. к. через него проходили все денежные выдачи из средств Кабинета е. и. в. Среди них были писатели, актеры, ученые. *Ф. А. Эмин* посвятил О. свой роман «Письма Эрнеста и Доравры» (1766).

Несмотря на свою невольную вовлеченность в придворную жизнь, О. старался держаться в стороне от крупных дворцовых интриг. Сабатье де Кабре так определял его место и значение среди приближенных Екатерины II: «Олсуфьев <. . .> едва ли не самый умный человек в России <. . .> Он сведущ и начитан, что большая здесь редкость, честен, разборчив, проницателен, привычен к делам и превосходно понимает их, надежен в работе, и она ему легко дается. Но дружась с людьми худого общества и будучи охотником пображничать, он никогда не будет играть первых ролей» (Рус. арх. 1863. № 2. С. 83).

Отзывы др. современников рисуют О. как человека по-европейски светского и образованного, с широким гуманитарным кругозором, скорее нем., чем фр. ориентации. Дж. Казанове, посетившему в 1756 Петербург, О. запомнился настолько, что он посвятил ему несколько строк в своих знаменитых записках: «Он усердный поклонник Венеры и Бахуса и единственный между русскими барами,

который, чтобы сделаться писателем, не имел надобности читать Вольтера. Он учился в Упсальском университете и без малейших притязаний испытывал свои силы во всех родах литературы» (Ист. вестн. 1889. № 9. С. 522). Столь же примечательную характеристику О. оставил побывавший в Петербурге (1778) Иоганн Бернулли (племянник Д. Бернулли, члена Петербургской Академии наук), которого И.-А. Эйлер (сын Л. Эйлера) знакомил с ученым и сановным миром столицы: «Это человек выдающихся способностей, не только знающий различные языки, но даже и диалекты, и наречия оных в большом совершенстве; он особенно любит немецкие стихотворения старых времен. Я видел у него часть его прекрасного собрания гравюр» (Рус. арх. 1902. № 1. С. 11). Упомянутая коллекция связана с художественными увлечениями О. Уже в его кадетском аттестате было отмечено, что он «рисует миниатюры очень хорошо». Значительную часть гравюр составляло, по указанию Д. А. Ровинского, «громадное и замечательное собрание народных картинок, которые по его заказу были отпечатаны на фабриках на особой (лучшей против лубочной) бумаге и доставлены ему в чистых нераскрашенных экземплярах»; печатание велось и со старых досок (*Ровинский Д.* Рус. нар. картинки. СПб., 1881. Т. 5. С. 20). Согласно посмертной описи, в коллекции было 70 000 листов русских и иностранных гравюр. Она, так же как и существовавшая в доме О. с 1770 галерея ит. и гол. картин, в основном погибла во время московского пожара 1812 (сохранившаяся часть — РНБ, Отд. эстампов).

О. был музыкально одарен и принадлежал к числу немногих рус. скрипачей-любителей. *Я. Я. Штелин* называет его «знатным дилетантом» из числа тех, которых Петр III заставлял участвовать в своих домашних скрипичных, а затем придворных концертах (один из них состоялся 14 апр. 1762). Вполне вероятно, именно О. имел в виду Сумароков, описывая в «Письме к приятелю в Москву» (1774) дом на Фонтанке у Аничкова моста, хозяева которого увлекаются музицированием: там «жительство имеет сенатор, Науки коему, художества любезны <. . .> В сем доме у него всегда Пермесский глас, Он сделал у себя в Петрополе Парнас!».

С современной рус. литературой О. соприкоснулся в Сухоп. шлях. корпусе. В нач. 1732 он участвовал в придворном спектакле на библейский сюжет об Иосифе Прекрасном: О. играл Пентефрия, хотя первоначально ему предназначалась роль Иосифа. В создании пьесы и спектакля принимал участие *В. К. Тредиаковский.*

Сочинительством О. стал заниматься также в корпусе. 19 янв. 1735 во время очередного ежегодного празднования восшествия на престол императрицы Анны Иоанновны О. и кадет Г. Розен читали на рус. и нем. языках обращенные к императрице от имени воспитанников корпуса поздравительные стихи «Еще Россиа ныне восклицает и чим входящу на трон поздравляет» (двуязычное изд. опубл. тогда же). Их рус. текст представляет собой силлабическое соответствие нем. ямбическим стихам. Авторами этих стихов оба кадета, видимо, не были; скорее всего, они лишь декламировали сочиненное для данного случая официальное приветствие.

Н. И. Новиков в свое время приписал О. переводы четырех ит. оперных либретто, принадлежавших Дж. Бонекки: «Селевк» (1744; пост. 26 апр. 1744), «Митридат» (1747; пост. 25 апр. 1747); «Евдоксия венчанная, или Феодосий Вторый» (1751. 2-е изд. 1753; пост. 25 апр. 1751) и «Беллерофонт» (1751; пост. 25 нояб. 1751); в последнем случае, однако, не перевод, а краткий (параллельно на фр. и рус. языках) пересказ текста (Новиков. Опыт словаря (1772)); есть данные, что «Беллерофонт» был переведен *И. С. Горлицким.* Эти же сведения были повторены в др. изданиях: «Драм. словарь» (1787), работы *Евгения Болховитинова* (напр.: Евгений. Словарь. Ч. 2. (1845)). Из упомянутых переводов лишь «Евдоксия. . .» издана с указанием имени переводчика («пере-

вод с италианского <. . .> Адама Олсуфьева»). Сомнения в причастности О. к переводу в особенности касаются «Селевка», который был напечатан, когда О. находился за границей, и «Митридата», переведенного, по-видимому, В. К. Тредиаковским, которому в апр. 1747 был заказан (по данным типографии, тогда же напечатан) перевод «французской оперы». О. приписывается, кроме того, перевод либретто П. А. Д. Метастазио «Александр в Индии» (1755; пост. 18 дек. 1755; на тит. листе экз. БАН 1755/26 есть запись почерком XVIII в.: «Переводил Адам Олсуфьев»). Указание Новикова, что О. все арии опер переводил стихами, неверно. Арии в «Александре в Индии» переведены прозой; текст же «Евдоксии. . .» полностью переведен прозой, включая и стихотворные арии. В противоположность этим изданиям арии в «Селевке» переданы рифмованным разностопным ямбом, а прозаический текст дан не в переводе, а в подробном пересказе, что также говорит не в пользу принадлежности О. данного перевода. Последним обращением О. к драматургии был перевод комедии Г.-Ф. Гроссмана «Только шесть блюд», «представляющей семейственные в домашнем быту приключения» (1782; с нем.). По преданию, О. сделал его по просьбе Екатерины II для представления на придворной сцене (27 сент. 1782). Главный герой комедии — честный «мещанин», советник суда, не берущий взяток. Интригу составляют его отношения с родственниками жены-дворянки, безнравственными интриганами, разоренными долгами, но чванящимися своим происхождением. Некоторые эпизоды комедии, в т. ч. рассуждения советника о недопустимости дуэлей, осуждение практики покупки за деньги офицерских чинов, его выступления против роскоши (можно быть счастливым и при скромном обеде «в шесть блюд») воспринимались как актуальные и в России.

Кроме драматических переводов О., по словам Новикова, принадлежало «много забавных и сатирических сочинений <. . .> Они у многих хранятся рукописными и весьма много за остроту похваляются» (Новиков. Опыт словаря (1772)). Сын О., Д. А. Олсуфьев, рассказывал, что его отец «легко писал стихи, из которых он никогда ничего не печатал, ибо они были во вкусе Пирона». Часть этих сочинений дошла до нас как в отдельных списках, так и в составе рукописных сборников произведений, традиционно приписываемых *И. С. Баркову*, где они, как правило, выделяются в качестве особого цикла «сочинений Олсуфьева».

Однако «олсуфьевский» цикл (также как и «барковиана» в целом) принадлежит явно не одному человеку, а различным членам сообщества, которое группировалось вокруг О. и не имело строго литературного характера. Упоминаемые в стихах лица (среди них, как можно предполагать, находятся и авторы текстов) входили в бытовое и служебное окружение О. В их числе — свойственники О. по линии его последней жены, Салтыковой, сослуживцы по Кабинету е. и. в., депутаты Комиссии нового Уложения. Значительная часть стихотворений объединяется личностью некоего «Ивана Даниловича», «Ванюшки Яблочника» (стихи о нем, послания его и к нему от разных лиц), вероятно игравшего шутовскую роль в окружении О. Некоторые тексты от лица «Ваньки» написаны раешным стихом. «Олсуфьевские» стихи отличает от «барковских» отсутствие в них литературно-бурлескного элемента. Они ориентированы, скорее, на традицию раешника, характерного для лубочных картинок, в языке этой поэзии минимальна ненормативная лексика, эротические мотивы не столь навязчивы, в описаниях преобладают просто детали низкого быта.

Самому О. из рукописных текстов, вероятно, принадлежат ямбические стихотворения, такие как «Исповедь Алсуфьева», стихи к А. В. Салтыкову на заданные рифмы, ряд эпиграмм: по поводу театральных увлечений Н. М. Голицына, на шум в заседании Сената, на откупщиков и т. п. Особенно популярна была эпиграмма на А. А. Вяземского: «Прибытчик он казне на деньгу и алтын; На заднем же крыльце

обеими руками Хватает мать его рублевики мешками» (см. рукоп. сб. с подборкой под загл. «Сочинения сенатора А. В. Олсуфьева» — РНБ, собр. Титова, № 2194; по составу она совпадает с атрибуциями М. М. Никитина). По др. спискам известны обращенные к Г. Г. Орлову шутливые стихи О. о безобразиях чухонцев из Лигова (принадлежало Орловым) в деревне Коёрово, имении Олсуфьевых, воспроизводящие акцент местных жителей (Рус. арх. 1883. № 3. С. 69). В рукописном сборнике ИРЛИ (ф. 265, оп. 3, № 9, л. 127) О. приписано широко распространявшееся в рукописи сатирическое «Величание С. Г. Домашневу», пародирующее церковную службу.

Лит.: Письма Екатерины II к А. В. Олсуфьеву (1762–1783) // Рус. арх. 1863. № 2–4; *Олсуфьев Д.* Краткая биография статс-секретаря Екатерины II А. В. Олсуфьева: (Извлечение из письма к А. Спаде) // Рус. арх. 1870. № 7; Пекарский. История Академии наук. Т. 2 (1873); Сухомлинов. Рос. Академия. Вып. 7 (1885); *Алексеевский В.* Олсуфьев А. В. // Рус. биогр. словарь. Т. «Обезьянинов–Очкин» (1905); 200-летие Кабинета е. и. в. СПб., 1911; *Гардзонио Ст.* «Цикл об Иване Даниловиче» в исследовании М. М. Никитина: (Замечания к предварительной публикации сочинений А. В. Олсуфьева) // Study Group on Eighteenth Century Russia. Newsletter. 1992. N 20; Девичья игрушка, или Сочинения г. Баркова / Изд. подгот. А. Зорин и Н. Сапов. М., 1992.

В. П. Степанов

ОРЛОВ Александр Петрович [1772 или 1773, с. Филатово Клинского у. Московской губ.—3 (15) X 1802, с. Никольское (Лысцово) Алексинского у. Тульской губ.]. Из дворян. После смерти отца (1789) вместе с братьями Василием, Павлом и Петром унаследовал имения в Московской и Тульской губ. Служил в Преображенском полку, но дослужился только до чина фурьера (ГИАМ, ф. 4, оп. 10, № 1537); вышел в отставку с чином подпоручика гвардии (янв. 1796). Некоторое время жил в Москве, где познакомился с молодым писателем, тогда еще сентименталистом, Е. И. Станевичем. В кон. 1790-х–нач. 1800-х гг. жил в Туле, где близко сошелся с учителем гимназии Ф. Г. Покровским (псевд. «Философ горы Алаунской»). В кон. июня 1802 О. переехал в с. Никольское. В имении он начал жизнь сельского хозяина: заменил оброк барщиной и «крестьян, замеченных в лености и за неисполнение его приказаниев, нередко наказывал телесно» (Гос. арх. Тульской обл., ф. 14, оп. 1, № 16, л. 233). По-видимому, это было довольно жестоко, потому что крестьяне решили убить своего барина. В ночь с 3 на 4 окт., когда О. ехал из Серпухова, они напали на него и забили дубинами до смерти.

Узнав о смерти О., П. А. Болотов вспомнил о его жизни в Туле и писал отцу в нояб. 1802, что тот жил «по каким-то особенным обстоятельствам и причинам очень скрытно и уединенно и знаком был только с одним почти Филатом <Феофилактом Покровским>, и то более по литературной связи, о привязанности к которой мы тогда еще довольно не слыхали и читали отрывки его сочинений в „Приятном и полезном препровождении времени“» (РНБ, собр. Помяловского, № 88/XXIV B/3, л. 138). На своем экземпляре «Утех меланхолии» (БАН, шифр: 1802/253) он записал: «Александра Петровича Орлова, алексинского помещика, несчастно убиенного 1802 года 5 <*так!*> октября. NB. Прежде, нежели он увидел сие произведение его пера!!»

Первое литературное выступление О. состоялось в журнале «Иппокрена», бывшем продолжением «Приятного и полезного». Здесь появились прозаические отрывки «Журнал уединенного» и «Мавзолей сердца» (1799. Ч. 1; 1801. Ч. 9), не замеченные критикой. Они вошли затем в книгу «Утехи меланхолии» (М., 1802), широко рекламированную в Москве и Петербурге (скорее всего, за счет автора или его наследников): «Сочинение сие и со стороны мыслей, и со стороны слога может рекомендовано быть

чтению особ, любящих заниматься книгами, кои нечувствительно заставляют читающего входить в себя, обдумывать сказанное в оных и тем самым питать дух и сердце. В ней помещены мелкие отрывки, числом 36, кои Автор начертал о разных предметах, размышлению его попадавшихся, и кои приносят честь образу суждения его и отличаются тонкостию мыслей и трогательностию изъяснения. Вот некоторые из оных: „К отчизне“ — „Удовольственное времяпровождение“ — „Ничтожность подлунного“— „Жребий человечества“ — „Чувство приятного“ — „Весенняя прогулка“— „Вид осени“ — „Мавзолей сердца“ — „Истекшему 1801 г.“ — „Гимн создавшему“ и проч. и проч.» (Моск. вед. 1803. № 35; СПб. вед. 1803. № 35). «Утехи меланхолии» читал *А. Т. Болотов* (лично с О. незнакомый) и, узнав о насильственной смерти О., никак не мог согласовать составленное по сборнику впечатление об О., человеке «не только с дарованиями, хорошими знаниями и мыслями, но и с отменными нежными, добродетельными и прекрасными чувствованиями», с уверениями своих соседей, «что был он негодяй и плохой человек и сущий тиран своих подданных и что будто несносность принудила их к учинению с ним такого злодейского поступка» (ИРЛИ, ф. 537, № 11, л. 137–138).

«Утехи меланхолии» — типичный сборник сентиментальных «отрывков» о чувствах и «настроениях» автора по самым разнообразным поводам (особенно см. отрывок «При восшествии на престол Александра I»). Основные темы — прелести деревенской жизни, пейзажные зарисовки и созерцание окрестностей, семейные события, дружеские прогулки, встреча с сумасшедшей нищей. Характерно, что одновременно сборник насыщен местными реалиями: места пребывания автора («Готический остров» (видимо, имение Орлов Остров на реке Ламе в Волоколамском у.), Серпухов, Тула; реки Скнига, «кроткая» Упа, Ока), конкретные лица («любезный Сашинька» это племянник О.; зашифрованно упоминаются и др. лица). Показателен и стереотипный подбор литературных кумиров и образцов автора. Он говорит об «изящных творениях Альбионца», «оратора Нощей» Э. Юнга; «сильно на умы действующем философе» «Четырех времен года» Дж. Томсоне; «глубокомысленном» И.-Г. Циммермане; «Фингаловом Оссияне, величественном барде героев»; восхищается «Лолоттой и Фанфаном» Ф.-Г. Дюкре-Дюмениля. Из современников кроме своих знакомцев О. особенно ценил «Плоды свободных чувствований» П. И. Шаликова, «Ростовское озеро» В. В. Измайлова, очерк *Н. М. Карамзина* «Деревня». Один из очерков (о свидании с Покровским) датирован «8 июля 1801, Тула».

На книгу обратил внимание А. С. Шишков и в «Рассуждении о старом и новом слоге российского языка» (СПб., 1803) процитировал (см., напр., с. 56–59) отрывки из «Утех меланхолии» (см., напр., с. 5–6, 10–11, 62) как смехотворные «примеры» нового карамзинского слога. Цитации Шишкова не остались незамеченными карамзинистами. Книгу О. знал К. Н. Батюшков; со слов Жуковского среди арзамасцев она слыла примером сумбура и галиматьи; в письме к А. И. Тургеневу от 1819 П. А. Вяземский писал: «Кровь у меня в жилах не течет, а клокочет, как самовар творца „Утех меланхолии“» (Остафьевский арх. СПб., 1899. Т. 1. С. 306).

Лит.: *Винницкий И. Ю.*: 1) «Невинное творение» // Рус. речь. 1994. № 2; 2) «Утехи меланхолии» // Учен. зап. Моск. культурологического лицея. 1997. Вып. 1–2; *Проскурин О. А.* У истоков мифа о «новом слоге»: (Кого и зачем цитировал адмирал Шишков в «Рассуждении о старом и новом слоге российского языка») // Лотмановский сб. Тарту, 1997. № 2; *Newlin T.* «Rural ruses»: Illusion and anxiety on the Russian Estate. 1775–1815 // Slavic Review. 1998. V. 57. № 2.

Т. Ньюлин

ОРЛОВ Степан. Происходил из духовного звания. Учился сначала в Славяно-греко-лат. академии, а

с 9 нояб. 1784 в Унив. гимназии. 30 июня 1786 произведен в студенты, слушал лекции по логике и метафизике, лат. и рос. красноречию, истории, физике, чистой и смешанной математике. В 1788 определен в гимназию учителем нем. этимологического класса; последние выявленные документальные сведения о пребывании О. в этой должности относятся к 1791 (РГАДА, ф. 286, кн. 808, л. 1084; кн. 857, л. 400, 420).

Печатные переводы О., выполненные все с нем. языка, были изданы в 1786–1788. Возможно, двухлетняя интенсивная переводческая деятельность О. (последний перевод был представлен в цензуру 9 дек. 1787) была связана с форсированной подготовкой к преподаванию нем. языка. Выбор авторов и периодических изданий определялся во многом университетским кругом чтения в этот период (Ф.-Т.-М. де Бакюлар д'Арно, К.-Х. Штурм, И.-Я. Душ, журнал «Mannigfaltigkeiten: Eine gemeinnützige Wochenschrift»). В этих рамках внимание О. привлекали художественные произведения с авантюрным сюжетом, в которых неожиданные повороты судьбы, резкие переходы от бедствий к благополучию и наоборот знаменовали испытание нравственной стойкости, награду за неукоснительное, твердое соблюдение общечеловеческих законов морали в любви или кару за их нарушение. В романе И.-Я. Душа «Сила благородной и непорочной любви» (1787) Орест преодолевает все соблазны, избегает расставляемых ему ловушек и побеждает свое чувство во имя сыновьего послушания; в награду он обретает в предназначенной ему покойным отцом Гермионе ту самую горячо любимую девушку, от которой отказался во имя исполнения долга. Злоключения, преследующие героев произведения Ф.-Т.-М. де Бакюлара д' Арно «Истинная и трогательная повесть Карла и Амалии» (1787), и трагический конец этой добродетельной, образцовой супружеской четы трактуются как наказание неба за исходное отступление от «священнейшей должности» — дочернее непослушание, выразившееся в побеге из родительского дома вслед за любимым человеком, с которым девушке не позволяли сочетаться браком. Похожая судьба постигает и героиню анонимного романа «Приключения прекрасной и любви достойной Луцилии» (1787. Ч. 1–3): она и ее муж несут наказание за то, что «правом супружества прежде времени наслаждались» (Ч. 1. С. 103).

Нравоучительными сочинениями были и др. переводы О.: книга К.-Х. Штурма «Женщина в уединении, размышляющая о душеспасительных средствах, как украшением пола ее, так и наставлением добродетельных и чувствительных сердец служащих» (1786); переведенные из журнала «Mannigfaltigkeiten» «Повесть о легкомысленном любовнике, в некоторых письмах, с присовокуплением к оной описания добродетельной супруги по притчам Соломоновым» (1787); проповедь неизвестного нем. пастора «Краткое домашнее нравственное воспитание для детей всякого состояния» (1787). Последним переводом О., представленным в цензуру 9 дек. 1787, было учебно-справочное пособие И.-Я. Ленца «Краткое понятие о мифологии, или о древних языческих богах и баснях» (1788).

В. Д. Рак

ОРЛОВ Яков Васильевич [1779–II 1819]. Сын священника с. Никольского Переяславской епархии. С 1783 учился в Троицкой дух. семинарии (которой впосл. посвятил одно из своих стихотворений); в ведомости 1788 был отмечен как ученик «дарований и успехов похвальных». В 1794 указом Синода переведен в СПб. учит. семинарию. Окончив ее в кон. 1796, О. занял место учителя гражданской истории, географии и статистики в Нижегородском гл. нар. уч-ще; после его преобразования в гимназию был старшим учителем. В 1809 О. стал бакалавром по классу исторических наук в новооткрытой СПб. дух. академии. 10 янв. 1810 получил звание ординарного профессора.

В Нижнем Новгороде О. опубликовал сборник стихов и прозы «Мое

отдохновение для отдыху другим» (1799; в московскую цензуру книгу подавал в нояб. 1798 сенатский регистратор П. Смирнов — см.: Рогожин. Дела моск. цензуры. Вып. 2 (1922)), включавший также и сочинения научно-популярного характера (этимологические опыты, заметки по истории, географии и физике). В поэзии О. отразились его патриотические настроения («Разговор с Эхом о Нижнем Новгороде»). Некоторые стихи интересны бытовыми деталями («Сентябрь», «Октябрь» и др.). Ряд стихотворений связан с традициями научно-философской поэзии («Разговор о пользе наук», «Рассуждение. Отчего в людях различны дарования?»). Вместе с тем в лирике О. заметно влияние сентиментализма: стихи элегического характера («Любовница на береге Волги», «Песенка на голос *Стонет сизый голубочек*»), поэтические «мелочи» и шутливые стихи (рондо «Кто пьяницей слывет?»).

Составленное им «Историческое и статистическое описание Нижегородской губернии» О. поднес Александру I. В 1810-е гг. О. создал еще несколько сочинений исторического характера: Памятник событий в церкви и отечестве. М., 1818. Ч. 1–5; Дух российских государей Рюрикова дома. СПб., 1818. Ч. 1–5; Всеобщий памятник достопримечательных происшествий. . . М., 1820. Ч. 1–12. Сочинение «Дух российских государей Рюрикова дома» было написано с целью «предотвратить или ослабить вредное влияние <. . .> иностранных историков <. . .> недобросовестных и неблагонамеренных в отношении к России», и показать, что первые рус. законы были заимствованы из «свойств народа». Отрывки из этого труда читались на заседаниях Вольного о-ва любителей рос. словесности в 1817, членом которого был О. В некрологе О. говорилось: «Общество лишилось ревностнейшего действительного члена своего, надворного советника и кавалера, профессора всеобщей и церковной истории <. . .>. Он отличался обширными сведениями, приобретенными в течение недолговременной жизни» (Соревнователь просв. и благотворения. 1819. Ч. 5. С. 274). В память О. намечалось провести особое заседание.

Лит.: *Чистович И.* История С.-Петербургской дух. академии. СПб., 1857; Смирнов. Троицкая семинария (1867); *Давидович И.* Орлов Я. В. // Рус. биогр. словарь. Т. «Обезьянов–Очкин» (1905); *Базанов В. Г.* «Ученая республика». М.; Л., 1964.

Н. Д. Кочеткова

ОРЛОВА Мария Григорьевна. Дочь советника Тамбовской гражд. палаты Г. И. Орлова. После его смерти (в нач. 1786) оказалась вовлечена в тяжбу с вдовой протоколиста А. Яковлевой, заявлявшей, что у отца О. хранились ее векселя. Посредником в тяжбе выступил *Г. Р. Державин*, занимавший в это время пост губернатора в Тамбове. «Избегая нарекания памяти покойного отца», О. поспешила закончить тяжбу, отдав Яковлевой 500 руб. «из собственной части». Большое участие в судьбе О. принял тамбовский знакомый Державина, помещик А. М. Нилов и его жена *Е. К. Нилова*. О. подолгу жила в их с. Рянза (Покровское), играла в устраиваемых здесь домашних спектаклях. Державин привлек О. и к театральным постановкам, осуществленным им в Тамбове. На торжестве, посвященном открытию в Тамбове театра и народного училища, 24 нояб. 1786 О. исполняла роль Мельпомены в «прологе», написанном Державиным к этому случаю. «Говорят, — сообщал М. Н. Макаров, — что когда окончился сей пролог, то Державин, как хозяин и творец праздника, благодаря Марью Григорьевну и всех прочих своих актеров за успешное представление, поцеловал у нее руку и промолвил: „С такими чувствами и с этими только голубыми глазами должна быть наша Мельпомена, а другую русская сцена не допустит явиться перед зрителями!“». По свидетельству современников, О. отличалась «величественным ростом», «важной и привлекательной красотой лица».

Державин, очевидно, поощрял и литературные занятия О. Она перевела фр. переделку Ж.-П. Френе англ. романа С. Ганнинг «Аб-

батство, или Замок Барфордский...» (Тамбов, 1788. Ч. 1–2). Посвящая свой труд Е. К. Ниловой, О. упоминает и о ее литературных опытах и говорит о своем желании подражать ей. По словам О., в переводе ей оказал помощь сын Ниловых — Петр Андреевич. В эпистолярном романе Ганнинг рассказывается история любви «чувствительных» героев: небогатой, но красивой и благородной девушки Софии и знатного лорда. Описание жизни Софии в покровительствующей ей семье, вероятно, напоминало О. собственную судьбу. В языке перевода наряду с книжными оборотами встречаются слова и выражения, не вполне соответствующие стилю оригинала («прислать по меня карету», «намнясь» и т. п.). Впосл. О. вышла замуж за тамбовского помещика Мосолова (по др. данным* — Маслова).

Лит.: *Макаров М. Н.* Мат-лы для истории рус. женщин-авторов // Дамский журн. 1830. Ч. 29. № 13; *Державин. Соч. (1869–1883). Т. 5–9 (1869–1883); *Мордовцев Д.* Рус. женщины нового времени. СПб., 1874 (перепеч.: *Мордовцев Д. Л.* Собр. соч. СПб., 1902. Т. 39); Голицын. Словарь (1889); История рус. переводной худож. лит. СПб., 1995. Т. 1. Проза.

Н. Д. Кочеткова

ОСИПОВ Николай Петрович [1751–19 (30) V 1799, Петербург]. По собственным словам О., происходил «от отца приказной службы». Первоначальное образование получил дома, а затем обучался в пансионе фр. и нем. языкам, математике, архитектуре. В 1769 О. поступил солдатом в Измайловский гренадерский полк, в 1771 произведен в капралы. С сент. 1770 по сент. 1771 О. посещал кадетскую роту для солдат гвардейских полков при лейб-гвардии Измайловском полку, где преподавались фр. и нем. языки, математика и т. д. Вместе с *Н. А. Львовым*, Н. и П. Ермолаевыми, обучавшимися здесь же, О. выпускал в марте–июле 1771 рукописный журнал «Труды разумных общников» (с некоторыми пропусками опубл.: Учен. зап. Моск. обл. пед. ин-та им. Н. К. Крупской. 1960. Т. 86, вып. 7). О. оказался наиболее плодовитым участником журнала, в котором поместил свои поэтические и прозаические переводы (из Н. Буало, Вольтера, Х.-Ф. Геллерта, Ф. Фенелона), анакреонтику, мадригалы, загадки и пр. О восхищении личностью Н. А. Львова и о завязавшейся тогда же дружбе свидетельствует акростих О. «Соннет» (по вертикали читается: «Николаю Львову»). Из посвящения Львову «Подробного словаря для сельских и городских охотников...» (1791–1792. Ч. 1–2), составленного и отчасти переведенного О. из различных источников, явствует также, что позднее Львов способствовал предоставлению О. заказов на переводы и всячески ему покровительствовал.

В 1773 О. перешел в армейский Владимирский пехотный полк в чине прапорщика, в 1779 получил звание подпоручика, а в 1780 был «отставлен за болезнями» от службы поручиком. Существовал затем литературным трудом, переводил с фр. и нем. языков (в т. ч. для *П. И. Богдановича*). В кон. 1780–нач. 1790 выпустил множество компилятивных книг по домоводству, ветеринарии, сельскому хозяйству и т. п., напр. «Новейший и совершенный российский конский знаток, ездок, охотник, заводчик и коновал...», «Старинная русская хозяйка, ключница, стряпуха...» (обе — 1790). В 1790 во время следствия по делу *А. Н. Радищева* О. был привлечен к допросу, как знающий, что «Путешествие...» якобы печатается в Лейпциге или переводится там на нем. язык. Видимо, он произвел благоприятное впечатление и в дек. 1790 был принят на службу переводчиком в Гл. почтовое управление. С 1793 — титул. советник. 16 дек. 1796 пожалован в кол. асессоры и определен в Секретную почтовую экспедицию и в Тайную канцелярию переводчиком; пользовался, видимо, покровительством ее начальника С. И. Шешковского, сыну которого посвятил две первые части «Вергилиевой Енейды, вывороченной наизнанку».

С 1798 О. издавал журнал «Чтонибудь от безделья» (вышло 7 номеров), заполнявшийся исключительно статьями самого издателя,

бóльшая часть которых была нравоучительного характера («Дружба», «Счастье», «Постоянство», «Терпение», «Сатана»), произведениями и переводами, из которых заслуживают внимания очерк О. «Вольтер», «Послание Сервантеса к студентам», повесть «Видение тенерифского пустынника». В 1800 журнал был переиздан в типографии СПб. губ. правления с дополнением еще семнадцати номеров, видимо, по оставшимся после смерти О. рукописям.

Главное произведение О. «Вергилиева Енейда, вывороченная наизнанку» (1791–1796. Ч. 1–4; ч. 5–6 (СПб., 1802–1808) написаны *А. М. Котельницким*) является вольным переводом сатирической поэмы нем. писателя А. Блумауэра «Virgils Aeneis». Некоторые эпизоды принадлежат О. и представляют собой, т. о., самостоятельную переделку «Энеиды» Вергилия. О. также устранил антиклерикальные элементы поэмы Блумауэра и усилил комическую сторону. «Энейда» противостояла торжественным, парадным классическим эпопеям. Комический эффект достигался тем, что самые обыкновенные, в основном бытовые, смешные, события описывались в ней высоким «слогом». Для языка поэмы показательна ориентация на разговорную речь мещанского сословия и в какой-то мере на устную речь крестьянства.

О. написаны, кроме того, следующие книги: «Не прямо в глаз, а в саму бров» (1790), где речь идет о нравах и пороках общества, а в целом это пародия на «вымышленные» произведения; «Любопытный, загадчивый, угадчивый и предсказчивый месяцеслов на 1796 год и на следующие. Для молодых красавиц» (1795); «Несбыточные путешествия в небывалые стороны света» (1799), где сделана попытка нарисовать более справедливое общество, чем то, современником которого был автор; «Овидиевы любовные творения, переработанные в Энеевом вкусе. . .» (СПб., 1803). Из многочисленных переводов О. наиболее значительны «Англинские письма, или Приключения госпожи Клевеландши, описанные ею самою» (1790–1791. Ч. 1–2; 2-е изд. 1794), «Достопамятная жизнь Клариссы Гарлов, истинная повесть» (1791–1792. Ч. 1–6) С. Ричардсона, «Неслыханный чудодей, или Необычайные и удивительнейшие подвиги и приключения храброго и знаменитого странствующего рыцаря Дон Кишота» (1791) М. Сервантеса, «Гонзальв Кордуанский, или Обратно завоеванная Гренада» (1793) Ж. Флориана, «Дневная записка случившимся в замке Тампля происшествиям во время заключения в оной Людовика XVI, короля французского» (1806) Ж.-Б. Клери. О. принадлежит также перевод переделанной Г.-А. Бюргером книги Р.-Э. Распе о Мюнхгаузене под загл. «Не любо не слушай, а лгать не мешай» (1791).

В архиве *Г. Р. Державина* хранится список поэмы «Душенька. Древнее повествование в вольных стихах» — эротической переделки одноименной поэмы *Ип. Ф. Богдановича*, приписанной О. (Под именем Баркова. М., 1994. С. 109, 385).

Лит.: [*Кубасов И. А.*] Осипов Н. П. // Рус. биогр. словарь. Т. «Обезьянинов–Очкин» (1905); Ироикомическая поэма. Л., 1933; *Бабкин Д. С.* Процесс А. Н. Радищева. М.; Л., 1952.

В. В. Пухов

ОСТЕРВАЛЬД Тимофей Иванович (Христиан Дитрих) [1729, Петербург–VIII 1794, Москва]. Родился в семье обрусевшего немца, секретаря Коммерц-коллегии. С 1736 учился в Акад. гимназии (СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 1, кн. 778, л. 33–34). 24 авг. 1741 определен в Сухоп. шлях. корпус, при котором в 1749 оставлен с чином прапорщика; по данным аттестата хорошо переводил с нем. и фр. языков. О. был одним из ведущих участников корпусного любительского театра. 1 февр. 1750 он вошел в труппу для представления трагедий при дворе; есть сведения о его участии в «Семире» (дек. 1751), выступал в комедии *А. П. Сумарокова* «Чудовищи» (24 июля 1750). В июне 1753 О. был назначен к обучению придворных певчих драматическому искусству; с 30 окт. по 20 дек. 1753

вместе с П. И. Мелиссино и П. И. Свистуновым готовил представление «Синава и Трувора» силами певчих и актеров труппы *Ф. Г. Волкова*. С этого времени О. находился в дружеских отношениях с А. П. Сумароковым (РГВИА, ф. 314, оп. 1, т. 1, № 2350). Он перевел на нем. стихами трагедию «Синав и Трувор» для постановок на Нем. театре (перевод не издан), а также «Семиру» (нач. 1760-х гг.). В его же переводе в журнале И.-К. Готшеда «Новости» (1757) была напечатана любовная «Ода» Сумарокова. Он был в числе немногих, кому Сумароков подарил издание своей комедии «Опекун» (1765). Литературные интересы О. явно были причиной, по которой он в окт. 1758 был введен в конференцию для цензурования книг, печатавшихся в типографии Сухоп. шлях. корпуса. 12 февр. 1760 О. был уволен из корпуса с чином армии полковника и определен учителем («информатором») истории, географии, рус. и нем. языков к наследнику престола вел. князю Павлу Петровичу. Дальнейшая его карьера протекала гладко и успешно: 22 сент. 1773 О. был назначен сенатором, 24 нояб. 1784 произведен в д. т. советники, 9 янв. 1794 вышел в отставку (сводка формулярных и документальных сведений — ИРЛИ, ф. 320, № 1804; дата смерти устанавливается по письму *Н. Н. Бантыш-Каменского* — Рус. арх. 1876. № 11. С. 394).

О. был заметной культурной фигурой при «малом» дворе. Он был близок с Ф.-У. Эпинусом и А.-Л. Шлецером. *С. А. Порошин* в «Записках» отмечает его участие в спорах о природе гения, о мемуарах К.-А. Бонневаля, по экономическим проблемам, о завоевании Америки и по различным вопросам в связи с историей России. В них О. выступает сторонником наследственных привилегий дворянства и противником тирании (на примере истории Карла I Английского). Во «Всякой всячине» (1769) ему приписывается псевдоним «Трифон Остроперов» под письмом 39 в связи с сатирическими статьями 25 и 32 о нравах старозаветного дворянства.

Лит.: *Шамрай Д. Д.* Ценз. надзор над типографией Сухоп. шляхетного кадет. корпуса // XVIII век. М.; Л., 1940. Сб. 2; Берков. Журналистика (1952); Ф. Г. Волков и рус. театр его времени. М.; Л., 1953; *Гуковский Г. А.* Рус. лит. в нем. журн. XVIII в. // XVIII век. М.; Л., 1958. Сб. 3.

В. П. Степанов

ОСТОЛОПОВ Иван Михайлович [род. 1748, Петербург]. Происходил из дворян; сын сенатского секретаря. Получил домашнее образование, обучался фр. и нем. языкам у адъюнкта Сухоп. шлях. корпуса Л. Бужо и математике у инженер-прапорщика С. Назарова, также занимался рисованием. Во время испытания дворян-недорослей при Академии наук в 1759 было отмечено, что О. «по-французски говорит нарочито, а в немецком языке не столько еще успел; также и в переводе еще недостаточен». Поэтому 20 дек. 1759 он был принят по прошению коллегии-юнкером в Синод для продолжения образования; 25 мая 1765 О. стал переводчиком в штате Синода, а 4 марта 1769 по распоряжению генерал-прокурора А. А. Вяземского был зачислен переводчиком же в 1-й Деп. Сената (РГИА, ф. 796, оп. 40, № 37; оп. 50, № 91). С февр. 1773 О. служил прокурором в Полоцкой губ. (позднее — наместничестве), в Двинской провинции и во 2-м Деп. Верхн. зем. суда. В 1781–1782 он — прокурор Винной и соляной экспедиции Новгородского наместничества, с февр. 1782 присутствует в Конторе вотчинного правления Царского Села и до кон. 1786 в Конторе его строения.

Литературные выступления О. относятся ко времени его пребывания при Синоде. В 1764 он перевел с нем. для «Ежемес. соч.» (Ч. 20. Окт.) статью «Краткое показание, что все учащиеся должны иметь историческое знание о хороших художествах и рукоделиях». Автор статьи, не упоминая об уже вышедшей «Энциклопедии» Дидро — Д'Аламбера, рекомендовал пользоваться для обучения книгой Я. А. Коменского «Свет в лицах». О. пе-

ревел также сборник воспитательных произведений Ф. Фенелона, написанных для наследника фр. престола, под загл. «Новые разговоры, также повести и басни. . .» (1768. Ч. 1–2; посв. А. А. Вяземскому). Сюда вошли «разговоры в царстве мертвых»; среди повестей помещен новый перевод «Аристоноевых приключений».

С. И. Николаев,
В. П. Степанов

ОСТРОГОРСКИЙ Павел Петрович [1764–8 (20) VIII 1834, Петербург]. Сын священника из слободы Мерефы (ныне город Харьковской обл.); в 1773 (по др. данным, 17 сент. 1776) поступил в Харьковский коллегиум, где обучался «российской и латинской грамматике, поэзии, риторике, письменным сочинениям, арифметике, истории, географии, философии и богословию». 7 нояб. 1783 был отчислен из коллегиума в связи с направлением в СПб. учит. семинарию, куда был принят 20 нояб. и где обучался математике, физике и рисованию. 14 авг. 1786 О. был определен учителем 2-го класса частного Казанского уч-ща в Петербурге, а 18 окт. 1786 переведен на ту же должность в СПб. гл. нар. уч-ще.

О. перевел «Анегдоты, или Достопамятнейшие исторические сокровенные деяния Оттоманского двора» М-А. Пуассон де Гомес (1787. Т. 1–2; время выхода в свет — февр.–сент.). В «Предуведомлении» он сформулировал основную мысль, которую должен был усвоить читатель этого сочинения: «Государство, управляемое властью, порабощенною страстям, не может иметь постоянного спокойствия. Государь, удовлетворяя собственным страстям, не радит о выгодах подданных. Часто без нужды общественной возбуждаются войны, сопровождаемые пагубными следствиями для народа; а иногда междуусобное возмущение, отвергающее скипетр правления, возгорается. В сей истории видны сего примеры». В переводе есть дополнения О., в т. ч. вымышленная авантюрная история, будто «Анегдоты. . .» были тайно извлечены из секретных летописей, хранившихся в кабинете тур. султана. Т. 3 и 4 оригинала остались непереведенными. Т. 2 был переиздан под загл. «Любопытные известия о отличнейших султанах: Магомете Великом и его сынах с чадами» (1790); посвящение подписано криптонимами О. и, повидимому, его жены.

Одновременно с т. 2 «Анегдотов. . .» вышла в сент. 1787 переведенная О. с нем. языка книга К. Меера «Испытание свойств чая и кофе, также и тех прозябений, которые вместо чая и кофе можно с пользой употреблять» (1787); перевод также неполон (отсутствует, в частности, раздел о кофе); вместе с тем О. значительно дополнил переведенный текст, добавил ряд примечаний и написал предисловие, в котором изложил биографию автора, остановившись особо на эпизодах его пребывания в России в 1760-е гг., в т. ч. в действующей рус. армии во время войны с Турцией. Эмоционально-приподнятый пересказ тех страниц книги Меера, где говорилось о патриотическом подъеме духа рус. армии, был, несомненно, откликом О. на события начавшейся 13 авг. 1787 новой рус.-тур. войны. Судя по одному из примечаний (с. 90—91), О. в 1787 переводил или самостоятельно компилировал книгу под загл. «Историческое, физическое, химическое и медицинское описание винограда»; этот не увидевший света труд должен был содержать «что <. . .> примечено отменное естествоиспытателями в винограде». В рекламном объявлении о выходе «Анегдотов. . .» и «Испытания свойств чая и кофе. . .» О. извещал, что в СПб. гл. нар. уч-ще «скоро будет издана превосходнейше описанная жизнь Иисуса Христа, и Епохи естества, творения славного Бюффона» (СПб. вед. 1787. 21 сент. № 76. С. 1024); этот замысел, принадлежавший, очевидно, самому О., не был осуществлен.

Последним и главным трудом О. был сборник рассказов «Феатр чрезвычайных происшествий истекающего века. . .» (1790; 2-е изд. 1793). Из пятнадцати «созерцаний», составляющих книгу, двенадцать были, несомненно, переведены с нем.

языка; они рассказывают о реальных происшествиях, случившихся в Германии, Франции и Австрии (в некоторых случаях с датировками: 1710, 1727–1728 и 1736). Источник, из которого они переведены, был, видимо, протестантским, полемически заостренным против католической церкви, о чем свидетельствует обличение монастырского разврата, корыстолюбия католических священников, инквизиции. Объектом насмешки в нескольких рассказах были невежество и суеверие. В рус. условиях актуальным было сатирическое «созерцание» о распутном учителе-французе. Некоторые тирады против невежества и суеверия (напр., с. 100, 138–141), призыв к наставникам юношества блюсти «благородную честность» (с. 118–119) и ряд др. нравоучительных рассуждений и замечаний относятся, по-видимому, к дополнениям и вставкам О.

Три рассказа написаны, наверное, самим О. В одном из них («Уничиженная гордыня») высмеивается спесивый исп. дворянин, который, находясь в гостях у рус. помещика, «опятнал вообще всю Россию» и утверждал, что «русским языком только с попугаями можно говорить». Хотя эта история выдается за истинное происшествие, случившееся якобы в 1767 в Слободской губ. в имении некоего П. Ш., не исключена вероятность, что она представляет русифицированный иностранный анекдот. О наличии у этого «созерцания» литературных источников говорит реминисценция из посвящения к «Российской грамматике» *М. В. Ломоносова*: «. . . понеже де сим <испанским> языком не только с знатными мужами, но даже с Богом пристойно разговаривать» (с. 108). Традиционная для анекдотической литературы тема спеси исп. дворян дала О. повод к резкому отрицанию сословного неравенства: «Происшедший из ничтожества, ежели будет разумен, добродушен и явит пред всем светом собственностию знаменитые заслуги, должен пользоваться наравне с благородным дворянством отличительными выгодами» (с. 103).

Сюжет «созерцания» «Посрамленное невежество» — историю о «лейб-кампанце», опившемся чаю и заподозрившем своего хозяина в намерении его отравить, О. также выдает за действительное событие. Однако, по-видимому, он заимствован из литературного источника (точно так же в одном из примечаний к этому рассказу подлинным случаем с указанием даже точной даты (1751) представлен фольклорный анекдот о хозяйке, варившей из чая суп). Третьим оригинальным рассказом является «Удалая храбрость: Росс неустрашимый при крайности».

Архаизированный стиль «Феатра. . .», на который, вероятно, повлияла семинарская риторика, вызвал резкое осуждение *Н. М. Карамзина* (Моск. журн. 1791. Ч. 2. Апр. С. 79–83). Современники, по-видимому, восприняли книгу как собрание неприличных рассказов, и она имела, кажется, скандальный успех: Карамзин указывает, что в Москве экземпляры 1-го издания были распроданы в один день. В научной литературе утверждалось (без указания источника сведений), что «Феатр. . .» запрещался цензурою, т. к. содержал эпизоды из жизни распутных монахов и священников. Этому противоречит факт появления в 1792 тит. издания. 2-е издание «Феатра. . .» имелось у *А. Н. Радищева*, который в 1800 подарил его в Боровске *А. И. Самарину* (см.: *Смирнов-Сокольский Н. П.* Рус. лит. альманахи и сборники XVIII–XIX вв. М., 1965. С. 49. № 79; *Татаринцев А. Г.* А. Н. Радищев: Арх. разыскания и находки. Ижевск, 1984. С. 228–232).

«Феатром. . .» закончилась литературная деятельность О. Он продолжал преподавать в СПб. гл. нар. уч-ще, а 5 февр. 1797 был назначен учителем логики и красноречия в Юнкерскую школу при Сенате. По отзыву учившегося у него Н. И. Греча, О. был «человек неглупый, умевший красно говорить и внушавший ученикам уважение и необходимый страх», «его очень боялись, хоть он не был суров, ни даже строг». О «Феатре. . .» он никогда с учениками не говорил, а они «вздумали было представить

ему в числе школьных работ выписки из этой книги и просить его мнения о них, но побоялись» (Греч. Зап. (1930). С. 222).

С 1 сент. 1805 О. преподавал логику, риторику и рус. язык в СПб. губ. гимназии; в окт. 1811 он был уволен от должности вместе с др. членами хозяйственного комитета гимназии в связи с обнаружившейся недостачей. В дальнейшем служил (с 23 февр. 1812) в М-ве внутр. дел столоначальником 2-го отд. Деп. гос. хозяйства и публичных зданий, а с 16 окт. 1816 и по день смерти — начальником 2-го отд. Деп. мануфактур и внутр. торговли, переданного в 1819 в состав М-ва финансов (РГИА, ф. 18, оп. 9, № 321; ф. 560, оп. 37, № 96, л. 141–145; ф. 730, оп. 1, № 48, л. 677 об.; № 50, л. 40; № 168, л. 4 об.–5; № 191, л. 8 об., 10 об.–11, 26 об.–27; ф. 733, оп. 20, № 112; ф. 1343, оп. 26, № 4592).

«Сводный каталог» приписывает О. драму «Друзья соперники» (1782); между тем, она, согласно указанию на тит. листе, была «сочинена в Санкт-Петербурге 1781 году»; в это время О. еще учился в Харьковском коллегиуме.

Лит.: *Боброва Е. И.* Краткий обзор собрания старослав. и рус. книг XV–XVIII вв.: Отд. редкой и рукоп. книги БАН СССР // Тр. БАН и ФБОН АН СССР. 1955. Т. 2; *Смирнов-Сокольский Н. П.* Рассказы о книгах. 2-е изд. М., 1960; *Хорунжая Я.* Боялся известности... // Книжное обозр. 1985. 29 нояб. № 48.

В. Д. Рак

П

ПАВЕЛ (Пономарев) см. Пономарев П. Н.

ПАВИНСКИЙ Григорий Андреевич [1725, Олонец–19 II (2 III) 1755, Петербург]. Сын церковного пономаря, учился в Новгородской дух. семинарии. В 1748 вместе с братом Егором (Георгием) был отобран *В. К. Тредиаковским* для определения в Акад. ун-т. В 1753 представлен ректором *С. П. Крашенинниковым* к награждению званием магистра, но не утвержден Акад. канцелярией и в звании студента направлен в распоряжение *Г.-Ф. Миллера* для переводов с нем. и фр. языков в журнале «Ежемес. соч.». Одновременно П. перевел с лат. языка несколько рефератов научных работ для издания «Содержание ученых рассуждений Петербургской Академии наук» (1754. Т. 3). В янв.–февр. 1755 занимался переводами для газеты «СПб. вед.». Какие именно статьи и рефераты перевел П., не установлено.

Лит.: *Пекарский П. П.* Редактор, сотрудники и цензура в рус. журн. 1755–1764 гг. // Сб. Отд-ния рус. яз. и словесности. 1867. Т. 2. № 4.

М. И. Фундаминский

ПАВЛЕНКОВ Иван. Жил в Петербурге. Переводил с фр. переводов англ. «готические» романы. Первый опыт — перевод романа «Монах, или Пагубные следствия пылких страстей. Сочинение славной г-жи Радклиф» (на самом деле автор этого сочинения — М. Г. Льюис) — предпринял совместно с И. Росляковым. Перевод следующего романа «Замок Алберта, или Движущийся скелет. Сочинение г-жи Радклиф», также не принадлежавшего А. Радклиф (СПб., 1803. Ч. 1–2), П. осуществил самостоятельно. Связи П. с Росляковым позволяют предположить, что П. был близок к масонским кругам.

Ю. В. Стенник

ПАВЛОВ Василий. Вероятно, выходец из чиновничьей среды. В нач. 1780-х гг. учился в Моск. ун-те.

Сочинил прозаическую комедию (в 3-х д.) «Три сундука, или Хитрость женщины» (1788). Посвящение пьесы *А. М. Дмитриеву-Мамонову* позволяет допустить знакомство П. с ним. По-видимому, пьеса шла на сцене, т. к. текст ее был перепечатан в издании «Рос. феатр» (1791. Ч. 38). По своему содержанию комедия приближается к типу театральных сочинений, построенных на материале «восточных сказок», вроде комической оперы кн. *Д. П. Горчакова* «Калиф на час» (1786). В комедии использован сюжет о хитроумной жене, разоблачающей трех знатных поклонников, которые домогаются ее любви в отсутствие мужа. Несмотря на развлекательный характер пьесы, автор вводит в комедию сатирические мотивы и политические аллюзии в духе тех, которые использовались в комических операх *Екатерины II*.

Ю. В. Стенник

ПАВЛОВ Николай. Публиковал стихи в журналах *А. Г. Решетникова* в 1792–1793 (подп. — «Поручик Николай П.»). В «Гласе бла-

годарности от благодетельственного благодетелю» (Дело от безделья. 1792. Ч. 2. Март), написанном в традиционной одической манере (адресат неизв.), П. декларирует отказ от обращения к музам и Аполлону, заявляя, что его стихи будут «голосом сердца». В «Письме к супруге, сетующей в разлуке с любимым ею супругом» (Там же. Ч. 2. Июнь) предпринята попытка изображения противоречивых чувств и побуждений человека, покидающего свою жену. «Стихи на предрассудок» (Там же. Ч. 2. Апр.) наиболее близки жанру просветительской сатиры; П. высмеивает ложные мнения, господствующие в обществе. В дружеских посланиях П. «Послание к Ми. Фи. Ку.», «Послание к К. . . С. . .» (Там же. Ч. 2. Апр.) затронуты некоторые нравственно-психологические темы: понимание счастья, различное восприятие одних и тех же событий людьми разных национальностей. Басни П., написанные александрийским стихом («Сатир и огонь», «Болван», «Пчела и бабочки» — Там же. Ч. 2. Апр.), обличают праздность, самонадеянность и др. пороки.

В оде «Ум» (Прохладные часы. 1793. Ч. 1. Май) гимн человеческому разуму переходит в его осуждение, когда автор обращается к теме божественного промысла.

К. Ю. Лаппо-Данилевский

ПАВЛОВСКИЙ Лев. Учился в Славяно-греко-лат. академии. В 1786—1787 был «богословии студентом», как свидетельствует московская цензурная ведомость (см.: Осмнадцатый век. М., 1868. Т. 1. С. 430, 443). В марте 1786 П. представил в цензуру свой перевод с фр. из книги М. Монне «Восточные повести, или Пересказывания премудрого Халева. . .» (1787), содержавший две нравоучительные повести. В книге нашли отражение некоторые просветительские идеи, актуальные для рус. литературы 1780-х гг., напр. уход в отставку честного министра, не желавшего «повергаться пред гордым, жестоким и сластолюбивым государем, погруженным в роскоши». В апр. П. представил в цензуру переведенную с фр. книгу Ф. Фенелона «Краткое описание жизней древних философов с присовокуплением отборнейших их мнений, систем и нравоучений» (1788). Это был первый литературный труд *Е. А. Болховитинова*, осуществленный совместно с «одним соучеником» по академии. По убедительному предположению Е. Ф. Шмурло, этим «соучеником» был П. В «Предуведомлении» переводчики говорили о своей любви к соотечественникам, побудившей их перевести эту книгу. В ней содержится двадцать шесть биографий мыслителей Древней Греции. Переводчики не упоминали о полемике по поводу принадлежности книги Фенелону; от себя они внесли в текст несколько примечаний фактического характера.

Не удовлетворясь программой академии, П. посещал лекции в Моск. ун-те. В 1787 префект академии *Дамаскин Семенов-Руднев* обращался к *Платону Левшину* с жалобой на П. и *В. Богородского*: «Здешние семинаристы, обучавшиеся в Московской академии, на сих днях явились ко мне и просили дозволения, чтоб еще им поучиться в Академии, а потом в Московском университете, но как я приметил из их речей, что им хочется посредством университета выйти в другое звание, то и рассудил оставить их здесь». Однако П., очевидно, удалось перейти в университет с помощью *П. И. Фонвизина*. Ему и посвятил П. свой перевод с фр. книги Ф.-Г. Штрубе де Пирмонта «Рассуждение о древних россиянах» (1791) с благодарностью за «отеческое покровительство» «при вступлении» в университет.

Лит.: Смирнов. Моск. академия (1855); *Шмурло Е. Ф.* Митроп. Евгений как ученый. СПб., 1888.

Н. Д. Кочеткова

ПАДЕРИН Михаил Григорьевич [1752—1809, Москва]. Переводчик с лат. и фр. языков. Первоначальное образование получил в разночинной гимназии при Моск. ун-те, в которой по представлению инспектора *А. А. Барсова* и ректора И. М. Шадена от 12 авг. 1766 он был 14 авг. 1766 принят на казенное содержание (Пенчко. Доку-

менты. Т. 2 (1962). С. 271). В 1770 П. был произведен в студенты. Во время учебы П. принимал деятельное участие в литературной и научной жизни университета: он был членом Вольного Рос. собрания со дня его основания в 1771 (см.: Опыт тр. Вольного Рос. собрания. 1774. Ч. 1. С. 14 (ненум.)) и 23 сент. 1775 принял участие в диспуте по вексельному праву, выступив оппонентом профессора Ф. Г. Дильтея (Положение из российского вексельного права. . . М., 1775. С. 1). После окончания университета в 1775 П. получил должность информатора высшего исторического и географического класса при обеих гимназиях Моск. ун-та. В 1778 П. был присвоен чин губернского секретаря.

13 авг. 1781 П. был принят на место учителя грамматики и риторики в Демидовском Коммерч. уч-ще с жалованьем 200 руб. в год; преподававший же эти предметы до него Иван Вейц «взялся вместо того учить бухгалтерии» (*Подшивалов В. С.* Исторические известия о Демидовском Коммерч. уч-ще // Сб. мат-лов для истории СПб. Коммерч. уч-ща. СПб., 1889. Отд. 3. [Прил.]. С. 20). По свидетельству современника, барона Б. Б. Кампенгаузена, «преподавание вообще велось в Училище очень дурно, до конца курса воспитанники не имели важнейших исторических и географических сведений, равно как и коммерческих», чему было причиной то, что «учителя брались из Московского университета, в котором царствовала схоластика» (*Тимофеев А. Г.* История СПб. Коммерч. уч-ща. СПб., 1901. Т. 1. С. 39), но, несмотря на это, училище являлось в то время одним из лучших светских училищ в России. В связи с переводом училища из Москвы в Петербург в 1800 П. был исключен из штата учителей (см.: Там же. С. 42).

С 1800 П. вновь занимал должность учителя истории и географии в Унив. гимназии. Сохранилось любопытное воспоминание о нем, относящееся к 1804: «В классе его нередко проводилась экзекуция, а в коридорах атаки на него: стучали в дверь, подкладывали поленья и т. п. Толстенький и низенький старичок, с палею в руках, гонялся за дерзкими шалунами по коридору; когда кого поймает, то жутко доставалось ушам и ладоням. Такая ловля нередко останавливала преподавание. Летнею порой, когда открывались окна в классах и ученических комнатах, часто и подолгу слышались жалобные стоны и болезненные крики: по субботам была расправа с ленивцами, шалунами и нарушителями порядка, которые нескоро забывали это отеческое наставление» (Воспоминания И. М. Снегирева // Рус. арх. 1866. Стб. 742).

Будучи студентом университета, П. с авг. 1773 по июнь 1775 слушал лекции И.-Г. Рейхеля, про которые П. писал, что «столь великую почувствовал охоту к политической его истории, что тогда же принял намерение, ежели не предускорит меня кто-либо другой, перевести их на российский язык» (*Рейхель И.-Г.* История о знатнейших европ. государствах, с кратким введением в древнюю историю, продолжающуюся до нынешних времен. М., 1788. С. 3). Посвятив свой перевод кураторам университета *И. И. Шувалову, И. И. Мелиссино, М. М. Хераскову* и директору *П. И. Фонвизину*, П. в «Предуведомлении переводчиковом» выразил благодарность А. А. Барсову, И. М. Шадену и *Х. А. Чеботареву* за все их благодеяния по отношению к нему. Изданный *Н. И. Новиковым* перевод П. сопровождала написанная последним биография Рейхеля.

Не позднее 1801 П. перевел сочинение Ж.-Л. де Бюриньи «История языческой философии. . .» (ориг.: *Burigny J.-L. de.* Histoire de la philosophie payenne ou Sentiments des philosophes et des peuples payens les plus célèbres sur Dieu, sur l'aimée et sur les devoirs de l'homme. La Haye: chez P. Gesse et P. Dehondt, 1724. V. 1–2). Сочинение это (перевод издан Х. Клаудием в 1804 в 2-х частях), как говорил П. в предисловии, «издано в пользу юношества, которое по окончании первоначального своего воспитания еще не ограждено довольною осторожностию ко избежанию сетей, поставляемых оному новейшими философами», которые «стараются

усладительными, приятными и коварными своими сочинениями истребить в сердце и разуме молодых людей семена веры и добродетелей, посеянные первыми наставниками» (*Бюриньи Ж.-Л.* Краткая история о философах и славных женах. М., 1804. Ч. 1. С. 3). Имеются указания на то, что работа П. над переводом была завершена в 1798 (см.: Рогожин. Дела моск. цензуры. Вып. 2 (1922). № 279).

Лит.: [Без подписи]. Падерин М. // Рус. биогр. словарь Т. «Павел, преподобный–Петр (Илейка)» (1902).

М. П. Лепехин

ПАКАТСКИЙ (Покатский, Покацкий) Гавриил Абрамович [1756–1830]. Происходил, по-видимому, из духовного сословия. Учился в Новгородской дух. семинарии. 24 июля 1783 был определен в священники. Служил в Петербурге при церкви Градских богаделен около Смольного монастыря. Пользовался покровительством и поддержкой митрополита *Амвросия Подобедова*. В кон. 1790-х гг. начал слепнуть и уже к 1802 по слабости зрения был освобожден от обязательных служб. Жил в своем приходе отчасти, вероятно, при поддержке церкви, отчасти за счет литературных заработков, позднее при вспомоществовании своих детей: его сын Ювеналий служил гувернером и учителем при Восп. доме, а дочь Любовь, воспитывавшаяся в мещанском отделении Смольного уч-ща, — при богадельне.

Первым своим трудом П. называл перевод «Благоразумный гражданин, или Напутствие человеку, вступающему в должности общежития» (1789, посв. петербургскому губернатору П. П. Коновницыну; автора П. косвенно называет «мудрым градодержателем» и «в обществе правителем»). Это не был собственно перевод, потому что П. следовал в книге «более намерению, нежели порядку автора», и «разбросанные по разным местам, к одной материи принадлежащие мысли за нужное почел каждую приложить к своей статье и следующим образом сделать всем оглавление». Книга разделена на 4 отдела: «об учтивости», «о злоупотреблении важностью», «о способах к снисканию народной любви и верности», «о средствах к снисканию спокойствия». Возможно, трактат основан на «Мыслях» Марка Аврелия, т. к. содержит апологию стоицизма, подкрепленную некоторым числом его афоризмов.

Первым стихотворным опытом П., вероятно, было участие в сборнике ораторских упражнений «Забавная игра умов. . .» (1791–1792. Ч. 1–2; посв. архимандриту Новоспасского монастыря Павлу), изданном игуменом Феофаном, учителем П. по Новгородской дух. семинарии. Первая часть книги занята изложением спора Философа, Медика и Оратора о наследстве (из кн. 7 риторических наставлений Квинтиллиана); вторая представляет собрание «состязательных» речей (семинарских опытов) о «вящем из животных превосходстве». В виде комментария сюда включен (с. 1–7, 10, 13–21, 76, 110, 123–124) ряд стихотворений о величии Божием за подписью «Г. П.», скорее всего принадлежащих П.

Дальнейшие литературные предприятия П. имели более масштабный характер. В 1805 в Петербурге он издал «Зримый свет в стихах, или Возницающая Аврора. . .» (ценз. разр. — 1804; посв. Амвросию Подобедову, в особе которого П. созерцал «образ мудрости и великодушия Сократа»). Замысел переложить «употребительнейшими у нас четверостопными стихами» детскую энциклопедию Я. А. Коменского, которая была известна П. в переводе *И. П. Хмельницкого* с нем. языка (он считал, что Хмельницкий украсил перевод «величественными Российского слога выражениями»), возник в процессе занятий стихотворством с сыном. С помощью «сторонних чтецов» П. выучивал «периоды» и перелагал в стихи, стараясь сохранить не только авторские мысли, но и «переводчиковы слова», сопроводив книгу историческим изъяснением упомянутых в тексте имен. Свой огромный труд (ок. 10 000 стихов) П. адресовал «начинающим стихотворствовать юношам, которые мыслей

собрать и расположить не в состоянии и не могут охватить красоту и связь пылких стихотворцев».

Дальнейшее творчество П. целиком укладывается в рамки духовной поэзии. «Священная поэма, состоящая из 9 песней, воспетых устами богодухновенных человеков. . .» была завершена к 1811 (ценз. разр. — 15 нояб.) и представляла переложение, с опорой на библейских переводчиков и толкователей Священного Писания, шестистопным ямбом избранных отрывков из Ветхого Завета, которые, по выбору П., были «тем большего достойны внимания, что в малом свитке их заключаются все почти знаменитейшие дела Божии». Издание задержалось и вышло только в 1814, дополненное «Одой» к Александру I («Слепца унылого привет, Кой, сидя при брегах пологих, В смиренных кущах близ убогих, Судьбы предвечного поет») и приуроченное ко «всеобщему замирению», завершению антинаполеоновских войн. Тогда же вышла «Поэма. Плач Иеремии» — отклик на пожар и разорение Москвы; в посвящении «отечестволюбцу» Ф. В. Ростопчину П. писал, что «врачевал слезами Иеремии, плачущего о разорении и пленении Иерусалима», всенародное горе. Повидимому, кроме библейского текста П. учитывал и переведенную в 1797 *Анастасием Братановским* одноименную поэму Ф.-Т.-М. де Бакюлара д'Арно.

Совершенно естественным было последующее обращение П. к самой популярной в литературе XVIII в. книге Библии, к Псалтыри, этому «обширному полю для стихотворческих занятий», как писал П. в предисловии. Замысел еще одного, современного, переложения вызвал интерес «разных особ», которые ему способствовали (в особенности Шереметев) своими «щедротами». «Псалтирь в стихах, с приложением при каждом псалме содержащегося в нем исторического, таинственного или нравственного смысла. . .» (СПб., 1818. Ч. 1–2; ок. 7500 стихов) издавалась по подписке; Рос. Академия отметила ее премией в 500 руб. (Изв. Рос. Акад. 1820. Кн. 8. С. 7). При работе П. учитывал опыт предшественников; в частности, по поводу псалма 14 он заметил, что «держался более г. Ломоносова, переменяя только ряд стихов для сохранения единообразия».

«Книгу премудрости Иисуса сына Сирахова, заключающую в себе наилучшие нравоучения, переложенную в стихи. . .» (СПб., 1825; ок. 6000 стихов) П. посвятил императрице Марии Федоровне. К этому времени он со своей судьбой и трудами был достаточно известен. А. С. Пушкин в кон. февр.–нач. марта 1825 написал брату Льву из Михайловского: «Слепой поп перевел Сираха, издает по подписке — подпишись на несколько экз<емпляров>».

Последний известный труд П. — «Благочестивое говеющих занятие, или Канон Андрея Критского Иерасулимита» (СПб., 1829; позднее вышло 6 изд.), высоко оценил Филарет Гумилевский: «. . .канон Андрея Критского так хорошо переложен, так близко к подлиннику, что едва ли может быть лучшее переложение» (Филарет. Обзор. Кн. 2 (1884). С. 222).

Я. К. Грот, комментируя «Приказ моему секретарю» (1808) *Г. Р. Державина*, полагал, ссылаясь на слухи среди современников, что автором ответного «Приказа моему привратнику» (т. н. «спор Державиных») был вовсе не обер-священник И. С. Державин (адресат первого стихотворения), а П. Однако текст этого резко сатирического ответа плохо согласуется с общим тоном и тематикой стихотворений П.

Лит.: [Без подписи]. Человек к месту // Рус. инвалид. 1818. 20 нояб. № 270; *Огинский А.* О слепом иерее Гавриле Пакатском. [Письмо из С.-Петербурга 8 авг. 1818] // Журн. древней и новой словесности. 1818. Ч. 1; Державин. Соч. (1868–1878). Т. 3 (1870); [Без подписи]. Пакатский Г. А. // Рус. биогр. словарь. Т. «Павел, преподобный–Петр (Илейка)» (1902).

В. П. Степанов

ПАЛИЦЫН Александр Александрович [кон. 1740-х–нач. 1750-х гг.—1816, с. Поповка Сум-

ского у. Харьковской губ.]. Происходил из обедневшего дворянского рода. Детство провел в дедовском имении Званка, находившемся недалеко от державинской Званки ниже по Волхову (Вестн. Европы. 1809. № 19. С. 199). Учился в Сухоп. шлях. корпусе, затем служил адъютантом при фельдмаршале П. А. Румянцеве (см.: Рус. вестн. 1808. Ч. 1. № 2. С. 195) вместе с П. В. Завадовским, впосл. министром просвещения. В 1771 П. женился на А. А. Неплюевой (ум. нояб. 1806). Выйдя в 1770-х гг. в отставку в чине майора, П. поселился в имении Поповка Сумского у. Харьковской губ., где, по словам С. Н. Глинки, вел «уединенную жизнь» и «неусыпно занимался полезными и благодетельными подвигами» (Рус. вестн. 1808. Ч. 2. № 4; 1810. Ч. 9. № 3).

П. создал в Поповке своеобразный культурный центр. Увлекаясь литературой, архитектурой и садово-парковым искусством, П. собрал кружок учеников, шутливо названный им «Поповской академией» (В. Н. Каразин, Е. И. Станевич, В. И. Ярославский, М. Г. Ушинский и др.). О тесных дружеских связях с В. Н. Каразиным свидетельствуют письма к нему П. (4 июля 1799 и 30 марта 1806 — см.: Молодик на 1844 год. Харьков, 1843. С. 224; Сев. пчела. 1860. 25 апр. № 92. С. 468). По свидетельству С. Н. Глинки, П. «несколько человек неимущих дворян сам наставлял в живописи, зодчестве и прочих полезных знаниях» (Рус. вестн. 1809. Ч. 5. № 3. С. 460). Воспитанниками П. были Н. Ф. Алферов (впосл. архитектор, автор статьи «О древностях афинских» — Рус. вестн. 1808. Ч. 4. № 10) и Е. Ф. Алферова (в замуж. Байкова; см. ее стихотворения — Рус. вестн. 1808. Ч. 1. № 3; 1810. Ч. 9. № 2; Вестн. Европы. 1808. № 19; ей адресовано «Послание к Привете»). Об отношениях П. с учениками и воспитанниками В. И. Ярославский вспоминал: «Беседовали об архитектуре, живописи и литературе; он рассказывал мне разные анекдоты о знаменитых писателях и их сочинениях. Память у него была пребширная, грудь крепкая, голос громкий, красноречие необыкновенное, большое искусство разнообразить предметы разговора, чтоб не утомить слушателя. Жаль только, что он был холоден к обрядам христианской религии».

В 1802 П. принял деятельное участие в сборе средств для основания Харьковского ун-та, открытого в 1805 (см.: Рус. старина. 1875. № 5. С. 63). В. Н. Каразин писал о П.: «Действуя на богатых помещиков <. . .> он заохотил их к строениям, лучшему расположению домов, украшению их приличными мебелями, к заведению библиотек и т. п. Ему обязаны большею частию началами европейского быта в Украине» (Молодик на 1844 год. С. 43–44).

Литературные знакомства и связи П. были широки. В «Послании к Привете» П. вспоминал, что в детские годы он слушал чтение стихов *В. И. Майковым*, а в молодости был знаком с *П. С. Потемкиным*. П. писал о нем: «Он также начинал Руссову „Элоизу", Которую тогда ж за ним я кончил вслед. Валялась у меня она премного лет». Т. к. т. 1 «Новой Элоизы» Ж.-Ж. Руссо в переводе П. С. Потемкина появился в 1769, работу П. над переводом следующих пяти томов можно отнести к 1770-м гг. 12 янв. 1802 П. сообщал В. И. Ярославскому: «Литература занимает меня всего и все мое время. Я поправлял вдруг пять частей „Элоизы" для пяти моих секретарей, кои их переписывают, и первую часть перевожу, чтобы самому переписывать». Публикацию перевода (СПб., 1803–1804. Т. 1–6) осуществил В. С. Сопиков, которому П. предоставил прибыль от издания. Однако Сопиков исключил из т. 1 «разговор Жан-Жаков о романах», посвящение П. и стихи его друзей. Позднее, в примечаниях к «Посланию к Привете», П. выразил недовольство издателем, который сделал в переводе «Новой Элоизы» «больше тысячи перемен или грубых погрешностей даже против авторского смысла, не только против чистоты слога» и не выдал П. причитавшихся 20 авторских экземпляров. П. добился того, что Сопиков перепечатал часть тиража т. 1. Сюда вошли посвящение перевода А. А. Палицыной (с упоми-

нанием об их «счастливой тридцатилетней верности и дружестве»), стихи Е. И. Станевича и С. Н. Глинки с самыми лестными отзывами о П. и его переводе (экз. с дополнениями: БАН, шифр: 1804/190). Во 2-м издании перевода (М., 1820. Ч. 1–10) посвящение и стихи были вновь сняты. Свидетельство Сопикова о том, что П. перевел поэму Вольтера «Естественный закон» (СПб., 1802), подвергается сомнению, так же как и принадлежность П. перевода «Переписки г. Вольтера с г. Д'Аламбертом».

Существовали дружеские и литературные контакты между П. и *Ип. Ф. Богдановичем* (возможно, они встречались еще в Петербурге, а затем в Сумах) — см. «Стихи на смерть Богдановича»: «Я в нем и друга муз, и друга сердца трачу» (Вестн. Европы. 1803. № 8). Здесь П. вспоминал, что Богданович хвалил его стихи, «талантом и огнем своим животворил». После смерти Богдановича рукописи некоторых его сочинений, в частности повести «Добромысл», были присланы П. к А. С. Шишкову для публикации. К 1803 П. относит время своей работы над переводом поэмы Ж. Делиля «Сады» (Харьков, 1814), заинтересовавшей его и как литератора, и как архитектора, который предпочитал искусственной симметрии «прелестный беспорядок природы». Перевод сочинения Р.-Л. Жерардена «О составлении ландшафтов, или О средствах украшать природу округ жилищ, соединяя приятное с полезным» (СПб., 1804) П. посвятил «Любезным сотоварищам, деревенским жителям». В предисловии переводчик сетовал на недостаток в рус. языке соответствующей терминологии, а в одном из примечаний оправдывал употребленное им заимствование «местоположение романтическое». В 1804 П. перевел «Дифирамб на бессмертие души» Ж. Делиля (М., 1804; посв. П. С. Байкову). В предисловии, рассказывая об истории создания Делилем этого произведения, П. с решительным осуждением отозвался о Робеспьере и о «начальниках бунтов». П. указывает также, что при переводе «не смел отступать ни в чем от подлинника».

В Харькове в 1807 было напечатано стихотворное «Послание к Привете, или Воспоминание о некоторых русских писателях моего времени» П., содержавшее своеобразный обзор рус. литературы XVIII в. начиная с *Феофана Прокоповича*. В письме к Д. И. Хвостову (28 июня 1807) П. упоминал, что «Послание» издано против авторской воли друзьями, которые стремились отвлечь его от горестных переживаний, вызванных смертью жены (Библиогр. зап. 1859. № 8. С. 250). Рукопись «Послания» была подарена П. Харьковскому ун-ту, и в его пользу шел доход от издания. В «Послании» П. всячески подчеркивал достоинства отечественного языка и словесности. Он высоко отзывался о творчестве крупнейших писателей (*М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова, Г. Р. Державина, Д. И. Фонвизина, Я. Б. Княжнина*, Ип. Ф. Богдановича, *Е. И. Кострова*, Майкова и др.), дал интересные и в большинстве своем очень благожелательные характеристики менее известных авторов, в т. ч. женщин-писательниц. Критические замечания П., как правило, достаточно сдержанны, (напр., о *В. П. Петрове* и др.), хотя многие отзывы о современниках отразили характер его личных отношений с тем или иным автором. Особенно подробно и восторженно П. говорил об А. С. Шишкове и его «Рассуждении о старом и новом слоге...». Нигде не упомянув *Н. М. Карамзина*, П., однако, позволил себе ряд резких выпадов против его сочинений. Вместе с тем П. благожелательно отзывался о *Ю. А. Нелединском-Мелецком, Н. А. Львове* и особенно о *В. В. Капнисте*, с которым у него были дружеские связи. «Любимым нашим пиитом» П. назвал *И. И. Дмитриева*. «Послание к Привете» вызвало полемику. Его высмеял задетый в «Послании» М. Т. Каченовский (Вестн. Европы. 1807. № 19); отвечая ему в «Способе рассматривать книги и судить о них» (СПб., 1808), Станевич напомнил Каченовскому о «примерном бескорыстии» П., который «поседел в оказании услуг ближним своим». Сочинение Станевича вызвало иронический отклик А. Ф. Воейкова (Вестн. Евро-

пы. 1808. № 18). Ответ ему был дан с позиции шишковистов (Драм. вестн. 1808. Ч. 1; подп. — «Правдолюбов»).

Свое переложение «Слова о полку Игореве» — «Игорь, героическая песнь» (Харьков, 1807; также: Соч. и пер., изд. Рос. Академиею. СПб., 1808. Ч. 3) П. связал с антинаполеоновскими войнами, «посвящая от напечатания оного прибыток в пользу Земского войска» (милиции-ополчения). В отдельное издание были включены письмо П. к *И. И. Бахтину* от 22 февр. 1807, обмен стихотворными посланиями между П. и Д. И. Хвостовым по поводу переложения и примечания к тексту, взятые из 1-го издания «Слова. . .» (1800). Переложение П., отличающееся архаизированным слогом, весьма далеко от подлинника и непосредственно восходит, как показал М. Г. Альтшуллер, к переводу и толкованию «Слова. . .», сделанному А. С. Шишковым (1805), однако интересно как один из первых опытов стихотворного перевода «Слова. . .». В переложении заметно также влияние В. А. Озерова (трагедия «Димитрий Донской»). *Евгений Болховитинов* назвал этот труд П. «почтенным с бородою седою русским старцем в нынешнем французо-русском кафтане», «передразниванием, а не преложением Игоревой песни» (Лит. арх. М.; Л., 1938. Вып. 1. С. 404).

В 1808–1810 П. активно сотрудничал в «Рус. вестн.»; в 1811 — в журнале «Улей». Он помещал здесь стихи и прозаические статьи, в частности под псевд. «Поповский пустынник» или «П. пустынник» (часть произв. датирована). Наиболее интересен «отрывок из поэмы» «Димитрий Донской» (Рус. вестн. 1808. Ч. 3. № 8), идейно и стилистически связанный с переложением «Слова о полку Игореве». Стихотворение П. «Учредителю Филотехнического общества» (Улей. 1811. Ч. 2. № 12; датировано 18 окт. 1811) явилось откликом на речь В. Н. Каразина при открытии общества 18 авг. 1811. В «Вестн. Европы» (1809. № 19) П. поместил стихотворение «Г. Р. Державину» (датировано 25 июня 1809) по поводу получения от Державина его «Сочинений», в котором восхищался его поэтическим талантом. 15 окт. 1809 датировано стихотворное «Послание» П., содержавшее похвалу фр. поэту Ж. Верне (Харьковский Демокрит. 1816. № 2). О литературных контактах с И. И. Дмитриевым свидетельствует письмо к нему П. от 7 июля 1810 (Рус. старина. 1895. № 3), затрагивающее вопросы стиля. П. высказал здесь критическое отношение и к «смешным галлицизмам», и к «диким славонизмам», явно осуждая крайности архаистов, а также сообщал, что правит для нового издания свой перевод «Новой Элоизы» и перевод «Времен года» Ж.-Ж. Сен-Ламбера, сделанный им «лет за семь» (ок. 1803). «Поэму посвящаю я, — писал П., — нашему университету как малую дань благодарности за то, что он удостоил меня избрать почетным своим членом, хотя еще и бездипломным». При публикации «Времен года» (Харьков, 1814) перевод датирован 1805; посвящение отсутствует. В 1812 П. перевел поэму Ш.-Г. Мильвуа «Независимость писателя» (Харьков, 1813; с параллельным фр. текстом), адресовав перевод питомцам Харьковского ун-та, «посвятившим себя словесности». Содержание поэмы, которая прославляла поэтов, удалявшихся «из замков в хижину», имело, очевидно, для П. и личный, автобиографический характер. Статья *И. Ф. Богдановича* «Писатель в обществе и в уединении» (Укр. вестн. 1818. Ч. 12) явилась полемическим откликом на этот перевод. В 1809 П. был избран почетным членом Харьковского ун-та; а в 1817 одновременно с Бахтиным, Каразиным и Капнистом — членом О-ва наук при Харьковском ун-те (Тр. О-ва наук, состоящего при имп. Харьковском ун-те. Харьков, 1817. Т. 1. С. XVIII). По завещанию П. Поповка вместе с собранием картин, акварелей и гравюр перешла во владение Н. Ф. Алферова, а его сыном собрание было передано в музей Харьковского ун-та (см.: *Редин Е. К.* Музей изящных искусств и древностей имп. Харьковского ун-та. Харьков, 1904). Алферов после смерти П. «в благодарность за все оказанные ему от него милости и благодеяния» при-

нял на себя обязанность делать взносы в Харьковское о-во благотворения (см.: Укр. вестн. 1816. Ч. 1. С. 247).

Значение литературной деятельности П. мн. его современники оценивали односторонне: А. С. Шишков «весьма почитал» «дарования его в словесности»; с нескрываемой иронией о П. писал К. Н. Батюшков («Певец в Беседе любителей русского слова», 1813). Знакомство с переводами и сочинениями П. обнаруживает значительную широту его интересов и сложность его литературной позиции.

Лит.: *Ярославский В. И.* Из воспоминаний о г. Харькове и Харьковской губ. // Харьковский сб. Харьков, 1887. Вып. 1; *Багалей Д. И.* Опыт истории Харьковского ун-та. Харьков, 1894. Т. 1, вып. 1; *Сумцов Н. Ф.* Просветительная деятельность А. А. Палицына // Сумцов Н. Ф. Из истории укр. старины. Харьков, 1905; *Шамбинаго С. К.* Худож. переложения «Слова» // Слово о полку Игореве. М.; Л., 1934; *Лотман Ю. М.* «Слово о полку Игореве» и лит. традиция XVIII–нач. XIX в. // «Слово о полку Игореве» — памятник XII в. М.; Л., 1962; *Альтшуллер М. Г.*: 1) «Слово о полку Игореве» в кругу «Беседы любителей рус. слова» // Тр. Отд. древнерус. лит. 1971. Т. 26; 2) Предтечи славянофильства в рус. лит.: (О-во «Беседа любителей рус. слова»). Ann Arbor, 1984; Поэты 1790–1810-х гг. Л., 1971; Заборов (1978); *Прийма Ф. Я.* «Слово о полку Игореве» в рус. ист.-лит. процессе первой трети XIX в. Л., 1980; *Заборов П. Р.* Шарль Мильвуа в рус. переводах и подражаниях первой трети XIX в. // Взаимосвязи рус. и зарубеж. литератур. Л., 1983; *Творогов О. В.* Палицын А. А. // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб., 1995. Т. 4.

Н. Д. Кочеткова

ПАЛЛАДОКЛИС Антон Павлович. По национальности грек; именовал себя «уроженцем острова Митилены». Обучался греч. языку в Афинской академии. В Россию переселился в 1762 и некоторое время учился в Киевской дух. академии лат. языку, риторике, философии и богословию; в 1766 епископом *Порфирием Крайским* определен в Харьковский коллегиум; в похвальном посвящении *Екатерине II* своей поэмы «Каллиопа» благодарит императрицу за прием в рус. службу. В 1768 *Платоном Левшиным* был взят из Харьковского коллегиума в Троицкую дух. семинарию учителем лат. языка. По собственным словам П., он знал древний и новый греч., лат. и волошский (рум.) языки, мог говорить на греч. и лат., «сочинять» на них и переводить на рус.; поволошски — говорить и переводить. 20 авг. 1770 П. по прошению уволился из семинарии и был принят в Коллегию иностр. дел на должность переводчика Секретной экспедиции. Свидетельствуя свои верноподданнические чувства, П. в этом же году издал «Стихи на платье греческое, в кое е. и. в. соизволила одеваться в маскараде» и подносные оды А. Г. Орлову, Г. Г. Орлову, С. К. Нарышкину, *Н. И. Панину* (тексты од вышли параллельно на греч. и рус. языках). С 1775 по окт. 1779 П. находился при рус. посольстве в Константинополе. По возвращении его в Петербург оставлен в Коллегии иностр. дел («. . . зная его, Палладоклиса, довольное искусство не токмо в переводах с греческого языка, но и в сочинениях на оном, Коллегия за нужное находит его и далее у себя содержать»); по ходатайству И. А. Остермана П. получил в июле 1781 чин кол. асессора (РГАДА, ф. 286, № 655, л. 81–82). Основная тема сочинений П. — прославление государственной политики Екатерины II. В сочинении «Истинного государствования подвиг на нынешние военные обстоятельства» (1773) П. сравнивал императрицу с Александром Македонским и с др. выдающимися деятелями Греции и Рима.

П. — автор эпических поэм «Каллиопа. . .» (1775; с прозаическим посв. Екатерине II) и «Клия. . .» (1781; посв. «покровителю и муз любителю» Г. А. Потемкину). Первая посвящена завершению рус.-тур. войны, вторая — присоединению Крыма. П. воспевает в них полководцев П. А. Румянцева, П. И. Панина, А. М. Голицына, В. М. Долгорукова, А. Г. Орлова, А. В. Суво-

рова, которого называет в «Клии...» «Российским Аристидом». Разрабатывая военно-героическую тему, П. взял за образец античный эпос. В поэмах широко использованы аналогии из истории Греции и Рима. Реальные военные события рус.-тур. войны происходят в мифологической обстановке с участием языческих божеств. П. считал необходимым объяснить, что «имена баснословских богов означают те качества, действия и искусства, коих они представителями у древних почиталися». Автор поэм обнаруживает основательное владение риторической культурой, которая проявилась и в организации текста, и в насыщенности его риторической топикой.

В «Каллиопе...» для изображения победы русских над турками П. обращается к традиционному образу геральдического Орла (герб России), вознесшегося над Луной — эмблемой Турции. Екатерине II приданы черты идеальной правительницы, она предстает как «Фемида», «Российская Минерва». Батальные эпизоды разработаны с присущей такому роду сочинений риторической образностью. Поэма написана шестистопным ямбом. Она состоит из четырех «песен», каждая из которых начинается стихотворением, кратко передающим содержание части. Четвертая «песня» представляет собой оду Екатерине II, в ней звучит надежда на нее как на избавительницу Греции от тур. ига.

«Клию...» автор назвал «историческим» сочинением и в предисловии «К читателю» указывал, что поэма составлена «из точных повседневных некоего знатного всего того самовидца записок». Стихотворное посвящение Г. А. Потемкину и приветствие императрице, открывающие поэму, а также завершающее ее стихотворение «На Херсон» изданы параллельно на греч. и рус. языках. «Клия...» написана четырехстопным ямбом. Стиль ее витиеват, тяжеловесен. Как свидетельствует предисловие «К любопытному читателю» в поэме «Каллиопа...», П. не вполне владел рус. языком: «Нет сомнения, что недостаток в словах часто прерывал напряжение пиитических мыслей, каковы они ни были; почему и важные случаи с неравною важностию выражены, что, соединяясь с нескладностию неприродного гласа, оные воспеть осмелившегося, немалое отвращение рождают: но достохвальные действия, не природными <языками> повествуемые, приятнее слуху бывают».

Лит.: Смирнов. Троицкая семинария (1867); Венгеров. Рус. поэзия. Т. 1, вып. 7 (1901); [Без подписи]. Палладоклис А. П. // Рус. биогр. словарь. Т. «Павел, преподобный–Петр (Илейка)» (1902); Опис. документов и дел <...> Синода. Пг., 1914. Т. 50.

Л. И. Сазонова

ПАНАЕВ Иван Иванович [23 IX (4 X) 1753–20 IX (1 X) 1796; похоронен в Ирбите]. Сын воеводы г. Туринска Тобольской губ. Грамоте П. обучил отец, приохотив его также к чтению «старинных» книг. Записанный в гвардию в 1764, П. в 1769 был определен в армейский полк, но жил в Тобольске в доме губернатора Д. И. Чичерина, пополняя знания в богословии, истории, словесности и лат. языке. В 1774 П. отправляется в Петербург и с 1775 служит в штабе П. А. Румянцева, а с 1777 по 1780 — адъютантом при гр. Я. А. Брюсе (Гос. арх. Пермской обл., ф. 316, оп. 1, № 21, л. 6 об.; РГИА, ф. 1329, оп. 1, № 148, л. 160). Продолжая «упражнения в литературе», П. сближается с *Н. И. Новиковым, И. В. Лопухиным, Г. Р. Державиным, Я. Б. Княжниным, А. И. Дмитриевым, И. И. Дмитриевым, Н. М. Карамзиным*; посещает музыкальное общество (РНБ, Разнояз., F.XII.31, 32); увлекается драматическим искусством, порою, по рассказу сына В. И. Панаева, «с великим успехом» играя в домашних спектаклях роли *И. А. Дмитревского*; часто выступает в «избранных собраниях» со своими собственными произведениями, которые «ценились выше всех прочих». *М. А. Пушкин* в «Письме к И. И. Панаеву от переводителя» (подп. — «Твой верный друг***. Сибирь, 1777»), помещенном при его переводе романа фр. писателя К.-Ж. Дора «Несчастия, от непостоянства происхо-

дящие. . .» (1778), характеризовал П. как человека просвещенного, имевшего «собственные в свете опыты», обладавшего тонким литературным вкусом и критически относившегося к нравам столичных «маркизов». По свидетельству В. И. Панаева, П. состоял в близком знакомстве с *И. Д. Прянишниковым*, *И. У. Вансловым*, *А. Н. Радищевым*, принимавшими участие в деятельности Собрания, старающегося о переводе иностр. книг, и сам занимался переводами (остаются неизв.).

Ок. 1779 П. стал масоном, членом петербургской ложи «Ора». Его произведения, «проникнутые любовью к Богу и человечеству», читались при наследнике престола, что, по всей видимости, стало причиной перевода П. из Петербурга на службу в Пермь. Там он с 1781 служил губернским секретарем и открыл ложу «Золотого ключа». Из ее протоколов видно, что П. был убежденным приверженцем учения о внутреннем самосовершенствовании, признавая решающую роль, которую играют «ум, разум и воля» каждого человека. В кон. 1783 П. переехал в Казань, где стал мастером стула в ложе «Восходящего солнца». Женившись на племяннице Г. Р. Державина Н. В. Страховой, П. вернулся в Пермь, где с 1786 служил губернским прокурором (РГИА, ф. 1343, оп. 1, № 103, л. 346–347; ф. 496, оп. 3, № 1467, л. 103 об.–104), а с 1790 исполнял еще и обязанности директора народных училищ. П. поддерживал борьбу председателя Пермской гражд. палаты И. Д. Прянишникова со злоупотреблениями чиновников, работал над «Историческим описанием о народных училищах Пермского наместничества». Получая от столичных друзей «все лучшие издаваемые тогда книги», П. снабжал ими местную интеллигенцию, молодежь. П. помог получить образование и войти в литературу А. Ф. Мерзлякову, снабдив его рекомендательными письмами к *М. М. Хераскову*, *Д. И. Фонвизину*, *И. П. Тургеневу*. В нояб. 1790 в Перми произошла встреча П. с ехавшим в ссылку Радищевым. Скончался П. по дороге из Туринска в Пермь.

Часть рукописей масонских сочинений П. хранится в РНБ (F.III. 129) и в Гос. арх. Пермской обл. (ф. 297, оп. 1, № 366).

Лит.: *Панаев В. И.* Воспоминания // Вестн. Европы. 1867. № 9; Пыпин. Рус. масонство. (1916); Вернадский. Рус. масонство (1917); *Татаринцев А. Г.*: 1) Пермские знакомые А. Н. Радищева // Рус. лит. 1976. № 1; 2) Радищев в Сибири. М., 1977.

А. Г. Татаринцев

ПАНИН Никита Иванович [15 (26) XI 1718, Данциг–31 III (11 IV) 1783, Петербург; похоронен в Александро-Невской лавре]. Принадлежал к небогатой и незнатной дворянской семье. Детство П. прошло в Пернове (Пярну), где его отец (ум. в 1736 в чине генерал-поручика) был комендантом. Здесь П. получил основательное домашнее образование в нем.-швед. духе; этот отпечаток остался у него на всю жизнь; в свете его считали «немцем».

Путь ко двору П. открыло родство с обер-шталмейстером А. Б. Куракиным, женатым на его сестре. По собственным словам П., императрица Анна Иоанновна «его жаловала и более, нежели от старшего брата <П. И. Панина>, проку от него ожидала».

24 марта 1739 он из вахмистров лейб-гвардии Конного полка был произведен в корнеты, а по восшествии на престол Елизаветы Петровны взят ко двору камер-юнкером (10 февр. 1742). Биографическая легенда приписывает П. соперничество с А. К. Разумовским, следствием чего была почетная ссылка П. «полномочным министром» (посланником) в Копенгаген (1747). Он был уполномочен также по дороге, в Дрездене, передать поздравления Августу III Польскому по случаю бракосочетания его дочери; в Берлине был представлен Фридриху II Прусскому; в Гамбурге его догнал указ о камергерском звании, и почти сразу же, ввиду ухудшения рус.-швед. отношений, П. был перемещен в Стокгольм (1748). П. удалось предотвратить назревавший конфликт со Швецией, а затем в течение 12 лет

он успешно осуществлял рус. дипломатическую линию в раздираемой борьбой партий конституционной Швеции. Здесь на фоне протестантского рационализма выработалось относительное религиозное свободомыслие П.; он познакомился в теории и на практике с государственным и судебным устройством Европы, с основными политическими идеями просветителей. Концепция монархии, ограниченной законом и участием родового дворянства в управлении страной, сложилась у П. как проекция швед. политического опыта на историю России с ее дворцовыми переворотами, начиная с Петра I.

Несмотря на награды и повышения (кавалер орденов св. Анны, 1748; св. Александра Невского, 1751; генерал-поручик, 1755), П. воспринимал свой пост как почетную ссылку. Сложность его положения усугублялась происками вице-канцлера М. И. Воронцова и Шуваловых против президента Коллегии иностр. дел А. П. Бестужева, который поддерживал П. После ссылки Бестужева в 1759 П. был отозван в Петербург. 29 июня 1760 он был назначен воспитателем цесаревича Павла. В последние дни царствования Петра III был осыпан милостями (6 апр. — д. т. советник, 2 мая — кавалер ордена св. Андрея Первозванного), но поддержал переворот 28 июня 1762, переехав с наследником в Зимний дворец. Первоначально П. стоял за провозглашение регентства *Екатерины II* до совершеннолетия Павла; документальное подтверждение таких намерений Екатерина получила из допросов по делу Ф. Хитрово (май 1763). Успех заговора в пользу единодержавия Екатерины заставил П. подчиниться ходу событий. Однако он сразу выступил в качестве идеолога аристократической оппозиции, выдвинув в авг., во время подготовки к коронации, проект управления, основанного не на «соизволении лиц, а на власти мест государственных». В преамбуле к манифесту о создании Имп. совета, наделенного законодательными и контрольными полномочиями, резкой критике подвергалось елизаветинское царствование, когда роль Сената стала совершенно ничтожной, были утрачены форма и порядок управления, а государственные интересы принесены в жертву фаворитам и «припадочным людям». Императрица и ближайшие советники сочли манифест аналогичным «затейке верховников» (сохранились замечания А. Н. Вильбоа и, предположительно, А. П. Бестужева к тексту манифеста). Поэтому проект, сначала утвержденный императрицей (28 дек.), осуществлен не был: по настоянию Орловых, Екатерина II аннулировала под ним свою подпись. Манифест (черновик — рукой П., копия — с его пометами) остался известным узкому кругу лиц, однако центральные идеи записки П. — соблюдение законов и борьба с фаворитизмом, пропагандировавшиеся сложившимся вокруг П. кружком, получили отражение в передовой рус. публицистике и литературе. Сходные принципы просвещенного абсолютизма в первые годы правления Екатерины II защищали и развивали писатели «сумароковской школы».

Сам П. не выступал в печати, но его связи с литераторами начинаются с довольно раннего времени. В 1747 он был в числе тех, кто субсидировал издание «Разговора об ортографии» *В. К. Тредиаковского*; в дневнике *С. А. Порошина* упоминаются рассуждения П. о сочинениях Тредиаковского и разговоры о связанных с ним анекдотах. Издания произведений *М. В. Ломоносова* пересылались П. в Швецию; в программе воспитания Павла Петровича Ломоносов и *А. П. Сумароков* упомянуты П. как преобразователи рус. языка. Сумароков в 1760-е гг. был постоянно принят при «малом дворе», где его как писателя откровенно ставили выше Ломоносова. В эти же годы П. интенсивно поддерживает начинающего *Ип. Ф. Богдановича*, который по заданию *Е. Р. Дашковой*, племянницы П., в 1763 в Москве издавал журнал «Невинное упражнение»; П. популяризировал его поэму «Сугубое блаженство» (1765) и покровительствовал его дипломатической карьере. Записи Порошина зафиксировали живой интерес П. к современным литературным событиям: фр. трагедии, комической опере, русифицированным перево-

дам *В. И. Лукина*, к жанру «восточных» и др. «писем». Известен проницательный отзыв П. о типичности образа Акулины Тимофеевны в «Бригадире» *Д. И. Фонвизина* («она нам всем родня»). После успеха комедии П. пригласил Фонвизина на службу в свою канцелярию, и тот сделался одним из самых доверенных его сотрудников; его литературные произведения ближайших лет, включая «Недоросля», непосредственно связаны с пропагандой идей панинского кружка, хотя объективно в своей литературно-публицистической деятельности Фонвизин приходил к более широким политическим выводам, чем его покровитель, придерживавшийся аристократической социальной концепции («Слово» на выздоровление Павла Петровича, 1771).

П. был не вполне типичным для своей эпохи меценатом. Количество посвященных ему произведений невелико, и они принадлежат в основном людям, служившим под его началом. Это «Письмо о благодеянии» *Ф. Я. Козельского* (1776), оды *В. В. Лазаревича* (1779) и *А. П. Палладоклиса* (1771). А. П. Сумароков напечатал стихи на смерть невесты П., А. П. Шереметевой (май 1768). «Слово» *И. А. Тейльса* в честь П. (1771) отражает активное участие П. в деятельности рус. масонских лож и авторитет его среди масонов: при объединении рейхелевской и елагинской систем масонства в 1776 он стал мастером Великой Провинциальной ложи.

Несмотря на отвергнутый проект 1762, Екатерина II не отстранила П. от дел. Более того, он выполнял целый ряд важнейших поручений, требовавших особой секретности, в частности вел расследование по делу Мировича (июль 1764), руководил кампанией по избранию на пол. престол Станислава Августа Понятовского и др. С окт. 1763 в течение 20 лет он управлял делами Коллегии иностр. дел. Ему принадлежала идея «Северного аккорда» — союза государств Сев. Европы в противовес Франции, Австрии и Турции, приведшая к разделу Польши. При этом П., вопреки личным и политическим антипатиям Екатерины II, оставался сторонником сближения России с Фридрихом II Прусским. В 1767 П. был возведен в графское достоинство; 22 сент. по завершении воспитания Павла Петровича произведен в сенаторы I степени (в чине фельдмаршала) и пожалован несколькими тыс. крепостных и пожизненной пенсией.

Номинально сохранив все официальные посты до конца жизни, П. отошел от дел в 1781. В мае он берет отпуск и лето проводит в имении Дугино; по возвращении осенью в Петербург выясняется, что он тяжело болен, и в коллегии его заменил И. А. Остерман.

Оставаясь в течение 13 лет воспитателем наследника, П. связывал судьбу своих реформационных планов с его будущим царствованием. Общеобразовательная программа обучения Павла, весьма неопределенно сформулированная П. еще во «Мнении о воспитании. . .» (1760), на деле осуществлялась также довольно плохо и непоследовательно. Свою основную задачу П. видел в политическом воспитании самодержца. Важным рубежом в этом отношении для П. являлось совершеннолетие наследника в 1773. Именно к 1772–1775 восходят смутные слухи о заговоре в пользу Павла. Сохранились сведения о переговорах с Павлом дипломата и авантюриста К. Сальдерна, о контактах с П. А. К. Разумовского, друга Павла и любовника первой его жены Натальи Алексеевны, в бумагах которого будто бы нашлись планы и списки заговорщиков. На эти слухи наложилась легенда о подготовленной П. в это время конституции для России, предусматривавшей учреждение законодательного Верховного совета с частично избираемым составом. Данные о конституции и заговоре крайне спорны; более вероятно предположение, что П. рассчитывал не на передачу власти в руки Павла, а на официальное привлечение его к управлению страной. С этим связана представленная Павлом в 1774 записка, содержавшая предложения по реорганизации армии и негативно воспринятая Екатериной (записка дорабатывалась в 1778–1779 при участии П. И. Панина). Включенные сюда общие рассуждения о поко-

лебавшейся после Петра I законности, фаворитизме, «фундаментальных законах» как основе общественного воспитания и порядка свидетельствуют о непрекращавшемся влиянии П. на наследника и обнаруживают преемственность по отношению к идеям «проекта» П. 1762. Руководство наследником П. осуществлял до последних дней жизни (подготовка династического брака Павла с Марией Федоровной, организация их поездки по Европе под именем графа и графини Северных и т. п.).

Важнейшим документом, окончательно сформировавшим политическую платформу панинского кружка, является «Рассуждение о непременных государственных законах» (иногда в литературе упоминается как «завещание Панина»; печаталось также под назв. «Рассуждение о истребившейся в России всякой форме государственного правления»). В основе его лежит просветительская теория договорного происхождения государственной власти; из нее постулируется необходимость принятия таких законов, которые гарантировали бы политические и имущественные права сословий. Введению в России нового законодательства должно предшествовать «приуготовление» нации путем просвещения, «устроение нравов», что может осуществить только истинно добродетельный государь. Сильная сторона «Рассуждения...» заключается в резком сатирическом очерке бесправного положения всех сословий России — от дворян до крепостных, в обличении екатерининского деспотизма и критике конкретных общественных неустройств. Глубоко патетический стиль изложения подчеркивает гражданский пафос трактата.

Направленное непосредственно против Екатерины II «Рассуждение...» долгое время оставалось строго секретным документом. Идеи панинского кружка получили распространение сначала в виде живого и изменявшегося предания. Их отражение обнаруживается в конституционных замыслах, предшествовавших заговору против Павла I, участником которого был племянник П., Н. П. Панин, и воцарению Александра I. Рецепция «Рассуждения...», которое расходилось в списках с нач. XIX в., прослеживается в «Записке о древней и новой России» *Н. М. Карамзина* и в законодательных проектах александровского царствования. Через братьев И. А. и М. А. Фонвизиных, племянников драматурга, оно попало в декабристскую среду и играло здесь роль агитационного документа. Н. М. Муравьев переработал его текст применительно к программе ранних декабристских обществ; в этой редакции (под загл. «О необходимости законов», «О законах») «Рассуждение...» было известно А. А. Бестужеву, К. Ф. Рылееву, П. А. Вяземскому, А. С. Пушкину и др. По копии с рукописи Д. И. Фонвизина его опубликовал А. И. Герцен в «Историческом сборнике Вольной русской типографии в Лондоне» (1861) под загл. «О праве государственном, Фонвизина».

Продолжает оставаться спорным вопрос о доле авторского участия П. в работе над «Рассуждением...». Наиболее авторитетный текст его сохранился среди документов, завещанных П. И. Паниным для передачи Павлу I по его вступлении на престол. Согласно прямому указанию в сопроводительной записке, оно сочинялось в последний год жизни П., «писано рукой Фонвизина из преподаваемых словесно только покойным назнаменований» и представляло собой лишь незавершенный черновой набросок вступления к проекту «фундаментальных прав», которое «смерть не допустила и зачать». Некоторое представление о содержании предполагавшегося свода основных законов дает составленное П. И. Паниным резюме «откровенных рассуждений и примышлений» П., которое он озаглавил «Прибавление к рассуждению, оставшемуся после смерти министра графа Панина...». От П. И. Панина (ум. 1789) бумаги перешли к Фонвизину, а от последнего через петербургского прокурора Пузыревского в 1796 попали к Павлу I.

Поскольку некоторые мысли «Рассуждения...» в сходных формулировках встречаются у Фонвизина начиная с сер. 1770-х гг. и

ему же (это определяется стилистически) принадлежит литературная обработка всего сочинения, оно печатается среди произведений драматурга. Между тем соавторство П. подтверждает в своих мемуарах М. А. Фонвизин, указавший, что оно писалось «под руководством графа Панина», а в отношении «конституционного акта» Фонвизин был лишь «редактором». Изложенные у М. А. Фонвизина главные положения акта, не совпадающие по содержанию с запиской П. И. Панина, позволили выдвинуть версию о том, что текст конституции действительно существовал, но остался неизвестен П. И. Панину, т. к. ввиду особо опасного характера документа Д. И. Фонвизин хранил его среди собственных семейных бумаг.

Как государственный деятель П. принадлежал к типу вельможи-политика. По характеристике современника, П. был типичным царедворцем: «Всегда приветливый и любезный со всеми, мягкий по манерам, вежливый в обращении, он легко снискивал себе уважение придворных сфер, своих и чужих <. . .>. Как царедворец предпочитал плыть по течению и примиряться с fait accompli <совершившимся фактом>. Инициативой он не отличался, великих идей не провозглашал и оставил по себе добрую память высокообразованного советника и безукоризненно честного человека» (*Шильдер Н. К.* Имп. Павел I. СПб., 1901. С. 10). К этому следует добавить широкий образ жизни, лучшую кухню в столице, увлечения женщинами (шумный роман с графиней Строгановой, 1765–1768; нежные отношения с Е. Р. Дашковой и др.). Впрочем, прижизненные оценки личности и политической роли П. противоречивы, и это вполне объяснимо: независимое поведение привлекало к П. внимание радикальной дворянской интеллигенции, в то время как близкие императрице круги и дипломатические противники П. прилагали немало усилий, чтобы скомпрометировать его.

Апологетический образ П. как истинного сына отечества был создан вскоре после его смерти Д. И. Фонвизиным в вышедшем анонимно сочинении «Précis historique de la vie du compte Nikita Iwanowitsch de Panine» (Лондон, 1784). Рус. перевод брошюры, сделанный *И. И. Дмитриевым*, появился в журнале «Зеркало света» (1786. Ч. 1. № 1. Февр; отд. изд. (под загл. «Жизнь графа Н. И. Панина»): 1786). Некоторые дополнения к этому тексту, будто бы восходящие к рус. оригиналу Фонвизина (источник ныне утрачен), были напечатаны в сочинениях писателя, изданных П. П. Бекетовым (1830). Своих взаимоотношений с П. Фонвизин касается в автобиографическом «Чистосердечном признании. . .». Отзывы Фонвизина имели решающее значение для утверждения гражданской репутации П. в глазах ближайшего потомства. Современная историография отводит П. в истории освободительных идей довольно скромное место.

Надгробие в честь П. было воздвигнуто Павлом I в церкви св. Магдалины в Павловске (1797).

Архив П. после его смерти был опечатан; в виде отдельного фонда не сохранился; часть бумаг находится в РГБ.

Лит.: Сб. имп. Рус. ист. о-ва. СПб., 1871. Т. 7; *Порошин С. А.* Зап. СПб., 1881; *Кобеко Д.* Цесаревич Павел Петрович. СПб., 1887; *Шильдер Н. К.* Имп. Павел I. СПб., 1901; *Брауде А.* Панин Н. И. // Рус. биогр. словарь. Т. «Павел, преподобный–Петр (Илейка)» (1902); *Шумигорский Е.* Имп. Павел I. СПб., 1907; *Гуковский Г. А.* Очерки по истории рус. лит. XVIII в.: (Дворянская фронда в лит. 1750–1760-х гг.). М.; Л., 1936; *Пигарев К. В.* «Рассуждение о непременных государственных законах» Фонвизина в переработке Н. Муравьева // Лит. насл. М., 1956. Т. 60, кн. 1; *Фонвизин Д. И.* Собр. соч. М.; Л., 1959. Т. 2; *Макогоненко Г. П.* Фонвизин: Творческий путь. М.; Л., 1961; *Эйдельман Н. Я.* Герцен против самодержавия. М., 1973.

В. П. Степанов

ПАРПУРА Максим Осипович [1763–11(23) VI 1828]. Родился на Украине, происходил из семьи конотопских дворян. Отец П. — значковый товарищ Нежинского полка. Закончив обучение в Киевской

дух. семинарии, в 1783 П. поступил на службу канцеляристом в СПб. ассигн. банк. 15 мая того же года продолжил обучение при СПб. сухоп. госпитале и в Медико-хирургическом уч-ще (РГАДА, ф. 286, № 79, л. 354). С 1785 — репетитор «повивального искусства» в Восп. доме. С 21 янв. 1787 — учитель нем. и рус. языков в СПб. хирургической школе, а с 27 янв. того же года — переводчик в первой (экономической) экспедиции Мед. коллегии (формуляр 1793 г. — РГАДА, ф. 286, № 857, л. 1008 об.). В кон. XVIII–нач. XIX в. П. — директор медицинских учреждений на Васильевском острове (завода хирургических инструментов, аптекарского сада и училища для детей канцелярских служителей Мед. коллегии) и генеральный смотритель типографии Мед. коллегии. В 1800 произведен в надв. советники.

В 1790-х гг. П. перевел с нем. языка ряд книг по медицине и химии (один из переводов выполнен совм. с *В. Я. Джунковским*). Эти переводы использовались как учебные пособия в Медико-хирургическом ин-те.

В 1789 вышла комедия П. «Несчастье от Очакова, или Торжествующее коварство в Царьграде» (переизд. 1796, не обнаруж.). Действие комедии происходит в годы рус.-тур. войны 1787–1791 в гареме тур. султана; сюжет основывается на получении вестей о взятии Очакова (1788). В предисловии к своему «театральному действу» П. писал, что представил «действительные турецкие обряды», однако комедия является злой карикатурой на вост. деспотизм и нравы, изображенные с просветительских позиций.

В 1799–1800 П. заведовал типографией Мед. коллегии. В эти годы он издал с посв. Павлу I перевод с нем. языка книги И.-Ф. Антинга «Жизнь и военные деяния генералиссимуса <. . .> Суворова-Рымникского» (1799–1800. Т. 1–3). Издание было приостановлено, т. к. Антинг, лично знавший Суворова, впал в немилость у Павла I. «Иждивением» П. в той же типографии вышла в 1798 книга И. П. Котляревского «Энеида, на малороссийский язык перелицованная» (переизд. в 1808 в типографии И. Глазунова). Котляревский выразил свое недовольство этим изданием в «Уведомлении» к собственному изданию «Энеиды» 1809. Оно появилось, как он утверждал, без его ведома и согласия; рукописи, по которым оно печаталось, «достались господам издателям со многими ошибками и опущениями <. . .> а сверх того, и издававшие многое в ней по-своему переделали». В текст «Энеиды» Котляревский даже включил строфу, высмеивавшую П. за то, что он «Кривил душою для прибытку, Чужое отдавал в печать». Но гнев Котляревского был несправедлив, поскольку П. только финансировал издание; инициатором же его был, видимо, др. врач-писатель — инспектор Мед. коллегии, знакомый *Г. Р. Державина*, И. К. Каменецкий. Он осуществил редакцию текста, вычитку корректуры, составление словарика «малороссийских слов», которым позднее воспользовался сам И. П. Котляревский, уточнив и расширив его. Это подтверждается и дарственной надписью на одном из экземпляров БАН: «Императорской Российской Академии от издателя г. надворного советника и инспектора С.-Петербургского физиката Иосифа Кирилловича Каменецкого».

П. прославился крупными пожертвованиями на нужды просвещения, в частности на гимназию в Новгороде-Северском и Харьковский ун-т.

Сообщение о смерти П., написанное его дядей, помещиком с. Березовское Сумского у., опубликовано в «Моск. вед.» (1828. № 92).

Лит.: Змеев. Врачи-писатели. Вып. 2 (1886); *Лазаревский А. М.* Опис. старой Малороссии. Киев, 1893. Т. 2; *Житецкий П. И.* «Энеида» Котляревского и древнейший список ее в связи с обзором малорус. лит. XVIII в. Киев, 1900; *Шаблiовский Е. С., Деркач Б. А.* Перлина української літератури: Передмова до факсимильного видання «Енеїди» 1842 року // Котляревський И. П. Енеїда. Київ, 1983.

И. Ю. Фоменко

ПАСТУХОВ Петр Иванович [9 (20) I 1739–11 (22) XI 1799, Петербург; похоронен в Александро-Невской лавре]. Происходил из дворянской семьи. С 1742 учился в Сухоп. шлях. корпусе. В 1760 был сержантом; в 1761 выпущен поручиком армии и оставлен при корпусе.

С 1762 по 1772 П. состоял в должности «субинформатора» при наследнике вел. князе Павле Петровиче (первоначально в чине майора, а с 1769 — надв. советника). *С. А. Порошин* упоминает, что при дворе наследника П. среди др. придворных играл с Павлом в карты и вел беседы, в т. ч. и о стихотворстве, «о Ломоносове, о Валлере и о Гинтере».

С 1770 П. член Вольного экон. о-ва. 22 сент. 1773 был произведен в д. ст. советники и определен советником при Кабинете для принятия прошений, где прослужил более 20 лет.

П. продолжал и педагогическую деятельность. В июле 1779 он был включен в состав свиты, встречавшей принцессу Софию-Доротею Вюртембергскую (впосл. императрицу Марию Федоровну), имея поручение обучить ее в дороге рус. языку. Эти уроки продолжались и в дальнейшем, когда она уже стала вел. княгиней. В 1782 П. начал работу в Комиссии для устройства в России нар. уч-щ (под председательством П. В. Завадовского). 24 сент. 1782 он был назначен председателем особого комитета при комиссии, целью которого было издание учебных пособий для будущих училищ. Опубликованы два деловых письма П. к *А. А. Барсову* (1785), который являлся одним из авторов учебников по рус. языку. В 1782 П. участвовал также в Комиссии, которая разрабатывала новые проекты и штаты Академии наук и была создана в связи с конфликтом между академиками и *С. Г. Домашневым*.

Сразу при вступлении на престол Павел I наградил своего бывшего воспитателя обширными поместьями, 27 нояб. 1796 — в Литве, 5 апр. 1797 — в Севском у. Орловской губ.

Литературная деятельность П. ограничивается активным участием в журнале «Праздное время» (1759–1760), который издавался в типографии Сухоп. шлях. корпуса. В 1760 П. был его редактором. В журнале сотрудничали *А. П. Сумароков*, В. Белосельский, *С. Ф. Наковальнин*, С. А. Порошин, *П. С. Свистунов*, *Н. С. Титов*.

Публикации П. (подп. — «П. П.») — прозаические переводы статей нравоучительного характера преимущественно с нем. и фр. языков. П. перевел и ряд статей из англ. журнала «Зритель». Среди переводов П. «епистолы», повести, диалоги, «пословицы», т. е. развернутые нравоучительные рассуждения, иллюстрирующие ту или иную пословицу (напр., «Браки Божьим промыслом устрояются»).

Лит.: *Воронов А. С.* Ф. И. Янкович де Мириево. СПб., 1858; Сухомлинов. Рос. Академия. Вып. 4 (1878); *Порошин С. А.* Зап. СПб., 1881; Сб. мат-лов для истории просв. в России, извлеченных из Арх. М-ва нар. просв. СПб., 1893. Т. 1; Сенатский арх. СПб., 1901. Т. 1; *Шамрай Д. Д.* Об издателях первого рус. частного журн. // XVIII век. М.; Л., 1935. Сб. 1; Берков. Журналистика (1952); Левин. Восприятие (1990).

И. Ю. Фоменко

ПАУЗЕ (Паус) Иоганн Вернер [1670, Зальц (Саксония)–1735, Петербург]. С ранних лет проявлял большие способности к языкам, наукам и музыке. Учился в Иене и др. университетских городах Германии. Закончил обучение в Галле, получив степень магистра философии.

В янв. 1702 П. приехал в Москву и в следующем году был определен учителем в школу пастора *Э. Глюка*. Обучение рус. языку начал по грамматикам М. Смотрицкого и Г. Лудольфа. Делая выписки слав. слов и выражений на полях книг, позднее П. использовал эти материалы при составлении собственных грамматических сочинений, рукописи которых сохранились в БАН. В 1705–1706 П. написал сравнительную рус.-нем. грамматику, к 1706 относятся его первые стихотворные опыты и переводы.

После смерти Глюка в 1705 П. продолжал преподавать в его школе риторику, политику, философию, физику, логику, этику ученикам старших классов. По-видимому, в это время П. переводил с лат. сложные педагогические сочинения Я. А. Коменского (рукописи переводов сохранились в архиве П.). Он перевел также книгу Эразма Роттердамского «De civitate morum», названную П. «Книжица златая о гожении нравов», и «Книги о воспитании девиц» неизвестного автора. Этот опыт оказался ему весьма полезным при подготовке к печати книги «Юности честное зерцало» (1719), являющейся частичным переводом неустановленного источника.

В 1706 при недостаточно ясных обстоятельствах П. был вынужден оставить школу и занялся переводческой деятельностью и стихотворством. Петр I, лично знавший «магистра Паузе», поручал ему переводы и составление «экстрактов». В 1719 П. перевел на рус. язык труд врача Лаврентия Блюментроста (его бывшего ученика в школе пастора Глюка) — «Объявление о лечительных водах, сысканных на Олонце» (1719).

В 1717 в Москве была издана книга X. Гюйгенса «Книга мирозрения, или Мнение о небесноземных глобусах и их украшениях». П. П. Пекарский, основываясь на рукописи «Космотеореса» в бумагах П., считал, что перевод был выполнен им. Вывод П. П. Пекарского подтверждается припиской, сделанной в первой четверти XVIII в. на одном из экземпляров «Книги мирозрения...» (БАН, 24.4.31; Быкова, Гуревич. Описание (1955). С. 441–442).

По заданию Петра I П. была написана в 1711 «История о создании и взятии Царьграда» (в сокращенном виде издана в Москве в 1713 под назв. «История о разорении последнем святого града Иерусалима от римского цесаря Тита сына Веспасианова. Вторая о взятии славного столичного града греческого Константинополя, иже и Царьград, от турскаго салтана Махомета второго»; переизд.: 1716, 1723).

К годам, прожитым П. в Москве, относится начало его стихотворных опытов. Он пишет любовную элегию «К Доринде», сочиняет торжественные стихи на события придворной жизни, воспевает победу рус. войск под Полтавой, отмечает стихотворным панегириком бракосочетание царевича Алексея Петровича с принцессой Христиной.

В 1724 в связи с открытием Академии наук П. был приглашен в столицу и зачислен в штат Академии переводчиком. В Петербурге он перевел на нем. язык «Несторову летопись» по списку петровской копии Радзивилловской летописи (опубликована в отрывках *Г.-Ф. Миллером* в 1732 в «Sammlung russischer Geschichte»), «Торговый устав» 1667 г., «Уставную грамоту» 1674 г. Составляя «Славяно-русскую грамматику», П. собирает и систематизирует рус. пословицы и поговорки.

Помимо переводческой деятельности П. продолжал писать рус., нем., лат. стихи и, считая, что силлабическое стихотворство «стесняет» развитие рус. стиха, как и Э. Глюк в свое время, предпринимал попытки приспособить нем. силлабо-тоническую систему к рус. стиху. В Академию наук П. представил рукопись «Observationes, inventa et experimenta circa literaturam et historiam russicam...» («Наблюдения, мысли и опыты касательно русской литературы и истории...»), где высказал свой взгляд на рус. стихосложение. П. Н. Берков полагал, что опыты П. по введению в рус. поэзию тонического стихосложения не могли пройти бесследно для писателей XVIII в., тем более что архив П., хранившийся в Петербургской Академии наук, был доступен и рус., и иностранным ученым. Мн. сборники стихотворений П. к настоящему времени должным образом не исследованы и полностью не опубликованы (среди них, в частности, есть стихотворение фривольного содержания, озаглавленное «Красным и пригожим девушкам и вдовицам»). Принадлежавшие ему рукописи и книги были кратко описаны проф. Г.-З. Байером. Часть рукописей сохранилась в БАН и СПбФ АРАН.

Лит.: Пекарский. Наука и лит. Т. 1 (1862); *Перетц В. Н.* Ист.-лит. исслед. и мат-лы. СПб., 1902. Т. 3;

Белокуров С. А., Зерцалов А. Н. О нем. школах в Москве в первой четв. XVIII в.: (Документы моск. архивов. 1701–1715) // Чтения в О-ве истории и древностей рос. 1907. Кн. 1. Отд. 1; *Берков П. Н.*: 1) Из истории рус. поэзии первой трети XVIII в. // XVIII век. М.; Л., 1935. Сб. 1; 2) Нем. лит. в России в XVIII в. // Берков П. Н. Проблемы ист. развития литератур. Л., 1981; *Винтер Э.* И.-В. Паус о своей деятельности в качестве филолога и историка (1732) // XVIII век. М.; Л., 1959. Сб. 4; *Михальчи Д. Е.*: 1) Из рукописей И.-В. Паузе // Лингвистическое источниковедение. М., 1963; 2) И.-В. Паузе и его славяно-рус. грамматика // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1964. № 1; *Smith G.* The contribution of Glück and Paus to the development of Russian versification: The evidence of Rhyme and Stanza forms // Slavonic and East European Review. 1973. T. 51; *Моисеева Г. Н.*: 1) Неизв. стихотворения И.-В. Паузе // Сравнительное изучение литератур. Л., 1976; 2) «История Царьградская» И.-В. Паузе — неизв. соч. нач. XVIII в. // Культурное наследие Древней Руси. М., 1976; 3) Johann Werner Paus, Verfasser der «Istorija Car'gradskaja» aus dem Jahre 1711 // Literaturbeziehungen im 18. Jahrhundert. Berlin, 1986; *Lauer R.* Das russishe Sonett der Puškin-Zeit // Gattungen in den slavischen Literaturen. Köln; Wien, 1988.

Г. Н. Моисеева

ПАХОМОВ Матвей Сергеевич [1745–1792]. Преподаватель Смольного ин-та. Выходец из купеческой архангелогородской семьи. В 1772 П. приступил к выполнению обязанностей секретаря канцелярии Смольного ин-та и одновременно был назначен учителем благородных и мещанских девиц. П. преподавал грамматику, арифметику, географию, историю, фр. и нем. языки, оставаясь до 1776 единственным мужчиной преподавателем в Смольном ин-те. В 1775 имел чин кол. регистратора, дослужился до чина кол. асессора. После реформы 1783 в Смольном ин-те П. был назначен надзирателем Восп. о-ва благор. девиц и Уч-ща мещанских девиц. В обязанности П. как надзирателя входило составление еженедельных отчетов о ходе занятий (один из таких отчетов с 27 нояб. по 3 дек., представленный в Комиссию об учреждении нар. уч-щ, см.: Рус. старина. 1878. Т. 23). При этом П. продолжал преподавательскую деятельность и участвовал в переводе и составлении учебных книг, перевел (совм. с П. Б. Иноходцевым) «Начальные основания математики» А.-Г. Кестнера (1792–1794. Ч. 1–2), составил этимологию к грамматике *А. А. Барсова*.

По соглашению с Собранием, старающимся о переводе иностр. книг П. (совм. с *И. И. Сидоровским*) перевел с греч. языка «Разговоры Лукиана Самосатского» (1775–1784. Ч. 1–3), «Творения велемудрого Платона» (1780–1785. Ч. 1–3; с кратким изложением содержания перед текстом каждого рассуждения), «Павсания, или Павсаниево описание Еллады, то есть Греции» (1788–1789. Ч. 1–3) и «Землеописание» Страбона (последний перевод остался неизданным).

Переводам П. и Сидоровского свойственен возвышенный и витиеватый слог. В предуведомлении к «Творениям велемудрого Платона» переводчики писали: «Некоторым явится, может быть, слог, в сем переводе употребленный, неприличен слогу, обыкновенным разговорам свойственному, а особливо если он сравняем будет со слогом некиих немногих статей, другими из сего писателя переведенных прежде издания сих творений; поелику найдут они множайшие выражения, приличествующие паче ораторическому слогу, нежели разглагольственному». С 1783 П. состоял при *И. Ф. Янковиче де Мириево* в Комиссии об учреждении нар. уч-щ.

П. переводил и писал статьи для журнала «Растущий виноград», который издавался Гл. нар. уч-щем в Петербурге. Один из своих переводов, «Слово похвальное Лудовику, наследнику французского престола» (1787. Март), он посвятил П. В. Завадовскому.

В 1792 П. по своему прошению был уволен из Восп. о-ва.

Лит.: *Лядов В. И.* Ист. очерк столетней жизни Восп. о-ва благор. девиц. СПб., 1864; *Лихачева Е. О.* Мат-лы для истории женского образования в России (1786–1796). СПб., 1890; Семенников. Собрание, старающееся о переводе книг (1913); *Черепнин Н. П.* Имп. Восп. о-во благор. девиц: Ист. очерк (1764–1814). Пг., 1915. Т. 1–3.

Л. М. Ермолаева

ПЕЛЬСКИЙ Петр Афанасьевич [1763 или 1765–13 (25) V 1803, Москва; похоронен в Донском м-ре]. Сын А. И. Пельского (ум. 1784), преподававшего с 1745 по 1754 греч. язык и риторику в Славяно-греко-лат. академии, затем корректора, а с 1768 директора Моск. синод. типографии (известен замечаниями о «сумнительствах», «противных Святому Писанию», в «Феоптии» *В. К. Тредиаковского* — Москвитянин. 1851. № 19–20).

П. учился в Моск. ун-те и за успехи неоднократно отмечался на официальных актах (см.: Моск. вед. 1780. 8 июля. № 55; 1781. 2 окт. № 79. Приб.); значился в списке студентов — сотрудников журнала «Веч. заря» (1782. Ч. 1. Янв.). Впосл. П. стал директором училищ в Москве и цензором, имел чин кол. асессора. По свидетельству анонимного биографа-современника, «отличался глубокими познаниями». В кон. 1780-х гг. у П. существовали литературные контакты с *И. Г. Рахманиновым* и И. А. Крыловым. Последний рассказывал (1789) И. П. Быстрову об издании «Почты духов»: «Раз поссорились мы с Рахмановым за то, какое название дать журналу. . . Пельский, кажется, помирил нас. . .» (Сев. пчела. 1845. 11 сент. № 203. С. 811). П. был в самых дружеских отношениях с *Н. М. Карамзиным*, который в письме от 2 февр. 1796 рекомендовал его *И. И. Дмитриеву* как «очень умного и хорошего человека». В связи со смертью жены П. Карамзин писал Дмитриеву (12 февр. 1802): «Он со всех сторон несчастлив и всякий день должен бояться своих заимодавцев». 20 марта 1820, сообщая Дмитриеву о визите сыновей П., Карамзин писал: «Я искренне любил отца их».

В журнале *В. С. Подшивалова* «Приятное и полезное» (1795. Ч. 6) П. поместил прозаический перевод с фр. «Мадагаскарских песен» Э.-Д. Парни, в которых звучали мотивы героической борьбы против колонизаторов. В альманахе Карамзина «Аониды» (1796–1797. Кн. 1–2; подп. — «П.П.» и «П. Плск.») опубликовал ряд стихотворений (песни, триолеты и др.), посвященных преимущественно любовной тематике. Очевидно, ко второй пол. 1790-х гг. относятся дружеские пародии П. на стихотворения Карамзина «Песня» («Нет, полно, полно! впредь не буду. . .», 1795) и «К лесочку Полины» (1797). Одна из пародий опубликована в 1803 в сборнике П. «Мое кое-что. . .», др. сохранилась в рукописи (ИРЛИ, ф. 93, оп. 3, № 955). В апр. 1798 П. подавал в московскую цензуру принадлежавшую княгине В. А. Трубецкой «мелодраму в стихах» «Эдуард и Эмма», подражание нем. пьесе Л.-Б. Бильдербека (Рогожин. Дела моск. цензуры. Вып. 2 (1922). С. 22; пер. этой пьесы под загл. «Едгар и Эмма» — Муза. 1796. Ч. 2. Май). Анонимно был опубликован прозаический, несколько архаизированный по языку, перевод П. с фр. поэмы Ж.-Ж. Руссо «Ефраимский Левит» (М., 1802; имя переводчика раскрыто в «Биографии»). С фр. перепечатки 1799 (в несколько сокращенном виде) «Théâtre de l'Ermitage» П. перевел сборник пьес *Екатерины II* и ее ближайшего кружка, ставившихся в Эрмитаже, — «Ермитажный театр великия Екатерины» (М., 1802. Ч. 1–2; посв. Александру I; появившееся в том же 1802 изд. Унив. типографии принадлежит др. переводчику).

В 1803 в Москве вышли из печати переведенные П. с фр. языка нравоучительно-чувствительный роман А.-М.-Э. Суза «Адель де Сенанж, или Письма лорда Сиденгама» и философский роман А.-Ж. Дюлорана «Кум Матвей, или Превратности человеческого ума» (Ч. 1–4). Смелые антиклерикальные идеи Дюлорана, подвергнутого за эту книгу серьезным преследованиям во Франции, П. попытался несколько замаскировать, советуя читателям в «замечании от переводчика» «не ослепляться остро-

тою ума, который вводит часто в заблуждение», и сделал некоторые, не очень значительные, сокращения и пояснения к тексту. Продажу книги разрешил московский гражданский губернатор П. Аршеневский, но по распоряжению военного губернатора И. П. Салтыкова, нашедшего содержание книги «соблазнительным и противным как религии, так и гражданским законам», в окт. 1803 тираж был опечатан, а книгопродавцы арестованы. В рапорте от 25 окт. 1803 Аршеневский оправдывался тем, что роман «относится к числу забавных сочинений, как-то Жилблаза», что «относительно нашей религии» он там ничего не нашел и не счел нужным проверять перевод (Арх. кн. Воронцова. М., 1881. Кн. 20. С. 487–490). Биограф-современник связывал внезапную смерть П. с «отважной предприимчивостью перевесть и напечатать во время бытности его цензором известного Кума Матвея, сочинения чрезвычайно дерзкого». Распоряжения Салтыкова не получили одобрения в высоких инстанциях, книгопродавцам даже были возмещены понесенные убытки (см.: Ист. сведения о цензуре в России. СПб., 1862. С. 13–14). В 1797 А. Х. Востоков по совету С. А. Шубникова также предпринимал попытку перевести роман Дюлорана (см.: Заметки А. Х. Востокова о его жизни. СПб., 1901. С. 14).

Карамзин посмертно опубликовал стихотворение П. «Горесть супруга» (Вестн. Европы. 1803. № 13; с примеч.: «Автор написал это за месяц до своей кончины»). При «Стихах на скоропостижную смерть П. А. Пельского» (Там же. № 11) Карамзин сообщал, что П. 9 мая обедал и провел вечер у него в деревне (Свирлово под Москвой): «Наш друг был весел для других Умом, любезностью своею, но тайно мучился душею. . .». *Г. Р. Державин* писал И. И. Дмитриеву о смерти П.: «Сожалею о честном и любезном человеке Петре Афанасьевиче» (Москвитянин. 1848. № 19. С. 5).

Сразу же после смерти П. был издан его сборник «Мое кое-что, или Сборник мелких сочинений и переводов в стихах и прозе» (М., 1803; с силуэтом автора), включавший «Песни» (помимо ранее публиковавшихся вошли и некоторые новые), прозаические «Подражания некоторым латинским стихотворцам» (в частности, Ж. Бонфуа), перевод «Мадагаскарских песен» Э.-Д. Парни и «Писем к Саре» Ж.-Ж. Руссо.

Анонимный биограф писал о П.: «Кто только знал его, всякий скажет, что он имел удивительно пылкий разум: доказательством тому все сочинения его. Он был предприимчив, смел, отважен; но, к сожалению, иногда легкомыслен, причиною чего полагали излишнюю доверчивость его к самому себе. <. . .> С друзьями откровенность, с знакомыми политика и чрезвычайная вежливость со всеми служила не последним его украшением. Начитанность Вольтера и других последователей оного была отчасти для него гибелью. Наружно он почти во всем следовал правилам общим, но в душе был вольтерианец». Слог П. был назван «довольно чистым и правильным». Позднее, возмущаясь публикацией переводов «богомерзких романов» Вольтера, Ф. Ф. Вигель с явным осуждением называл вслед за ними и «Кума Матвея» (*Вигель Ф. Ф.* Зап. М., 1891. Ч.3. С. 134).

Лит.: Биография // Моск. вестн. 1809. Ч. 1; Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866; Сб. старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Щукина. М., 1899. Вып. 5; *Саитов В.* Пельский П. А. // Рус. биогр. словарь. Т. «Павел, преподобный–Петр (Илейка)» (1902); Сб. любовной лирики XVIII в. / Сост. А. Веселовская. СПб., 1910; Bakounine. Le répertoire (1940); *Гордон Л. С.*: 1) Роман Дюлорана «Кум Матье» // Вопр. лит. 1960. № 5; 2) Мальгашская тема в рус. поэзии на рубеже XVIII–XIX столетий // Вопр. лит. 1960. № 11; 3) Забытый поэт и переводчик П. А. Пельский // Науч. докл. высш. школы. Филол. науки. 1963. № 2; *Карамзин Н. М.* Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1966.

Н. Д. Кочеткова

ПЕРЕПЕЧИН Александр Иванович [1745–VIII 1801]. Родился в дворянской семье. В 1755 поступил

в гимназию для дворян при Моск. ун-те, где обучался «на своем содержании разным языкам и математике». С июня 1757 был записан в армию и, оставаясь в гимназии, к 1760 получил чин подпоручика. К 1760 относятся сведения, что П. «обучался французскому и латинскому с большим прилежанием» (Пенчко. Документы. Т. 1 (1960). С. 162–163). В 1760–1764 П. был студентом университета. Здесь он примкнул к группе литераторов, объединившихся вокруг *М. М. Хераскова* и журналов, которые выходили при университете. Влияние литературной школы Хераскова обнаруживают стихотворения П. «Ода духовная» и «Молитва», опубликованные в журнале В. Д. Санковского «Доброе намерение» (1764. Окт.; Дек.) и относящиеся к нравоучительной «философической» лирике. П. выступает в них с проповедью заступничества за «несчастных» и наказания «злодеев».

По окончании курса П. остался при университете в должности «смотрителя над пансионерами». По предложению генерал-прокурора А. А. Вяземского определен в 1767 в Комиссию нового Уложения, откуда вернулся на прежнее место службы в янв. 1768. Для торжественного собрания в университете по случаю очередной годовщины восшествия на престол *Екатерины II* П. написал кантату, насыщенную панегирической риторической топикой: музы на Парнасе прославляют «Росскую Палладу» и воссиявший «золотой век» (Моск. вед. 1773. № 55. Приб.). В февр. 1777 П. был произведен в кол. асессоры. В 1780 он был уже членом канцелярии Моск. ун-та и в этой должности состоял до конца своей службы, исполняя некоторое время и обязанности цензора книг, печатавшихся в Унив. типографии. В служебной карьере он пользовался покровительством М. М. Хераскова (РГАДА, ф. 286, № 643, л. 81; № 667, л. 631, 667). Ок. 1796 П. вышел в отставку по болезни с чином ст. советника.

Основные жанры поэзии П. — похвальные оды, эпистолы, песни, приуроченные, гл. о., к событиям придворной жизни: дням коронации, тезоименитствам, бракосочетаниям и т. п. В честь будущего императора Александра I П. написал «Стихи на первое пришествие» его в Москву (1787) и «Сердечное чувствие <. . .> Екатерине II. . .» по случаю его бракосочетания (1793). На риторическом развертывании введенной в рус. панегирическую традицию еще Симеоном Полоцким метафоры «монарх — солнце, свет» построено стихотворение «Чувственный памятник Екатерине II за оказанную высочайшую милость ее величества, которую счастие имел получить из Твери 7 июля 1787 года. . .» (1787). Поводом к написанию стихотворения послужило награждение П. очередным чином. Есть предположение, что в «Стихах от де Мазюра к И. И. Дмитриеву» *Н. М. Карамзин*, высмеивая высокопарный стиль в поэзии, имел в виду и стихи П.

Произведения П. печатались и отдельными изданиями, и в составе двух его сборников: «Стихотворении 1787 года» (1787) и «Стихотворении 1788 года» (1789). Почти все стихотворения, включенные в последний сборник, носят название «песен»: «Песнь Российская весна», «Песнь Новая весеннее торжество на <. . .> рождение <. . .> Екатерине Павловне. . .», «Песнь на взятие Очакова». Произведения эти близки по своему идейному заданию к жанру похвальной оды. П. прославляет в них Екатерину II и Г. А. Потемкина, используя темы, образы, ритмику народных песен. «Песни» отличаются строфическим разнообразием, некоторые из них имеют рефрен. Если оды П. писал шестистопным ямбом, то «Песни» — четырехстопным хореем. С любовными элегиями и лирическими стихами П. выступил в 1794–1795 в журнале «Приятное и полезное» (подп. — «А. . . П. . .нъ»): «Воспоминания» (Ч. 1), «Единственное утешение» (Ч. 2), «К Лизе», «Песня из Леонарда», «Еще две песни», «Счастие», «Разлука» (Ч. 3), «Бедная птичка» (Ч. 6) и др. П. приписывается также духовная ода «Песнь всемогущему» (Ч. 20).

Лит.: Венгеров. Рус. поэзия. Т. 1, вып. 7 (1901); *Модзалевский Б. Л.* Перепечин А. И. // Рус. биогр. словарь. Т. «Павел, преподоб-

ный—Петр (Илейка)» (1902); *Арзуманова М. А.* Рус. сентиментализм в критике 90-х гг. XVIII в. // XVIII век. М.; Л., 1964. Сб. 6.

Л. И. Сазонова

ПЕРЕПЕЧИН Николай Иванович [14 (25) X 1749—20 (31) III 1799, Петербург]. Происходил из небогатой дворянской семьи: в 1798 за ним и его братом *А. И. Перепечиным* числилось 375 душ в Костромской губ. (СПб. вед. 1798. № 66. Приб. С.3). В 1762 П. был записан в гвардию и одновременно определился в Унив. гимназию. Свое первое произведение, оду на посещение Москвы *Екатериной II* (1775), П. подписал «Семеновского полку сержант, студент». Признательность *И. И. Шувалову*, основателю Моск. ун-та, он выразил в нескольких подносных стихотворениях; из них было опубликовано то, которое написано на возвращение Шувалова в Россию (1779). В 1782 П. переходит на службу в СПб. казен. палату; 3 февр. 1789 назначается одним из директоров СПб. ассигн. банка. В этой должности он дослужился до чина т. советника. Основную часть произведений П. составляют стихи «на случай». Напр., в 1777 им были напечатаны одновременно оды на тезоименитство и день коронации Екатерины II, ода на день рождения вел. князя Александра Павловича и «Эпистола» по тому же поводу.

Стихи этого рода преобладают и в рукописной тетради П. 1770—1785 (РНБ, собр. Михайловского, Q.471). Некоторые из них обращены к другу, поручику Семеновского полка С. П. Хитрову (позднее кригс-комиссару в Москве и сенатору), к С. И. Маврину (которого П. в 1782—1783 неоднократно именует «благодетелем»), к др. титулованным покровителям П. — Ф. Н. Голицыну, А. Я. Шаховскому, В. А. Долгорукой и влиятельным вельможам екатерининского царствования — М. Н. Волконскому, А. А. Безбородко, Я. А. Брюсу, И. И. Шувалову. В тетрадь внесено также несколько песен, «надписей» и куплеты Милона и Заиды, Модеста и Честаны с нотной записью сопровождения. Опера П. «Торжество добронравия над красотою» (изд. 1780; посв. И. И. Шувалову; перепеч.: Рос. феатр. 1788. Ч. 26) ставилась на сцене, но успеха не имела. Высказывалось предположение, что И. А. Крылов, сослуживец П. по СПб. казен. палате, в комедии «Сочинитель в прихожей» в стихах Рифмохвата («Ветер ветра ветром гонит. . .») пародировал арии из его оперы, а его самого вывел в образе угодливого стихотворца. В историю театра П. вошел как покровитель актера А. С. Яковлева, которого он в 1793 побудил оставить торговлю и выписаться из купеческого сословия. Он одобрил и помог напечатать драматический этюд Яковлева «Отчаянный любовник» (1793), ввел его в свой дом, познакомил с *И. А. Дмитревским* и организовал его дебют в июне 1794. По свидетельству мемуаристов, сам П. был страстным театралом.

Лит.: *Сиротинин А. Н.* А. С. Яковлев // Рус. арх. 1889. № 7; Пб. некрополь. Т. 3 (1912); *Берков П. Н.* О пародии И. А. Крылова «Ветер ветра ветром гонит. . .» // Рус. лит. 1962. № 2; Берков. История комедии (1977).

В. П. Степанов

ПЕРМСКИЙ Михаил [1741—1770, Петербург]. Происходил из духовенства, обучался в Александро-Невской дух. семинарии. В 1758 был послан в Лондон и определен дьячком в церковь при рус. посольстве. Овладел в совершенстве англ. языком. В 1760 за «невоздержанное поведение» был возвращен в Россию. Зачислен студентом в Моск. ун-т, где одновременно преподавал англ. язык. Самое раннее произведение П. — пародийная «Елегия» в журнале *М. М. Хераскова* «Своб. часы» (1763. Май). Там же (Окт.; Нояб.) были помещены его переводы двух статей из журналов Р. Стиля и Дж. Аддисона «Зритель» («The Spectator») и «Болтун» («The Tatler»). Более двадцати пяти переводов, гл. о. из «Зрителя» и «Всеобщего журнала» («Universal Magazine»), П. опубликовал в журнале *В. Д. Санковского* «Доброе намерение» (1764). В основном это были моралистические статьи (напр.: «Не

должно иметь зверского сердца», «Сколь великое действие имеет совесть в человеке!», «В чем состоит человеческое благополучие?» и т. п.). Среди переводов было и сокращенное изложение романа С.Джонсона «Описание истории абиссинского принца Расселия» (ориг.: «The history of Rasselas, Prince of Abissinia», 1759). Последними публикациями П. в журнале были переводы с лат. языка: «Речь некоторого крестьянина, пришедшего с реки Дуная, говоренная римским сенаторам» (гневное обличение захватнических войн Рима и порабощения им др. народов) и «Письмо некоторого философа к его приятелю о том, что в древние времена государи и прочие знатные всегда любили разумных людей» (Авг.; Сент.). В 1760-х гг. П. «много перевел с английского языка на российский язык полезных сочинений» (Новиков. Опыт словаря (1772)); ввиду анонимности этих публикаций, не вполне ясно, исчерпываются ли они выявленными его переводами. Ориентируясь на сравнительно широкий круг читателей, П. стремился к занимательности своих материалов, для чего переводил повествовательные очерки весьма вольно, эмоционально усиливая оригинал и исключая рассуждения, казавшиеся ему излишними.

По окончании университета в 1765 П. был принят в Морской кадет. корпус учителем англ. языка и опубликовал здесь перевод «Практическая англиская грамматика» (1766) — первый рус. учебник англ. языка. Тогда же он перевел (видимо, с фр.) исп. плутовской роман «Жизнь и похождения славного премудрого ишпанца Лазариллы де Тормо» (1766), но издание перевода, за который он получил в корпусе гонорар в 40 руб., неизвестно. С 1769 П. служил регистратором в Банковской променной конторе.

Лит.: Евгений. Словарь. Ч. 2 (1845); *Чистович И. А.* История С.-Петербургской дух. академии. СПб., 1857; *Александренко В. Н.* Рус. дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Варшава, 1897. Т. 1; *Саитов В.* Пермский М. // Рус. биогр. словарь. Т. «Павел, преподобный–Петр (Илейка)» (1902); *Шамрай Д. Д.* Ценз. надзор над типографией Сухоп. шлях. кадет. корпуса // XVIII век. М.; Л., 1940. Сб. 2; *Алексеев М. П.* Англ. язык в России и рус. язык в Англии // Учен. зап. ЛГУ. 1944. № 72. Сер. филол. наук. Вып. 9; *Чернышева Т. П.* Моск. журнал 1764 г. «Доброе намерение» // Учен. зап. Моск. гор. пед. ин-та им. В. П. Потемкина. 1959. Т. 98; *Łużny R.* Z badań nad rosyjskim czasopiśmiennictwem satyrycznym okresu Oświecenia. Warszawa; Kraków, 1962; *Симмонс Д. С. Г.* Сэмюэль Джонсон «на берегах Волги» // Междунар. связи рус. лит. М.; Л., 1963; Штранге. Демокр. интеллигенция (1965); *Cross A. G.* «By the banks of the Thames»: Russians in Eighteenth Century Britain. Newtonville (Mass.), 1980 (рус. пер.: *Кросс Э. Г.* У Темзских берегов: Россияне в Британии в XVIII веке. СПб., 1996); Левин. Восприятие (1990).

Ю. Д. Левин

ПЕРФИЛЬЕВ Степан Васильевич [1733–23 III (3 IV) 1793, Петербург]. Происходил из дворянского рода, занесенного в родословные книги Костромской губ. В 1743 П. и его брат «для обучения российской грамоте твердо читать и чисто писать отданы <. . .> советнику Михаилу Алексеевичу Хвостову» (РГАДА, ф. 286, кн. 272, л.466). П. окончил Сухоп. шлях. корпус в Петербурге и с 29 марта 1756 состоял при корпусе комиссаром. В янв. 1758 был произведен в поручики, а в нояб. того же года — в капитан-поручики. П. был связан с объединенным литературными интересами кругом учеников и преподавателей корпуса, издававших в 1759–1760 журнал «Праздное время»; возможно, сотрудничал в журнале анонимно или под псевдонимом. Перевел с фр. языка и издал на свой счет в типографии корпуса книгу Б.-А. Кошуа «Аделейда. Африканская повесть» (1761). В авантюрной по сюжету повести описывается судьба влюбленных, попавших после кораблекрушения в рабство и вновь соединившихся благодаря благородному самоотречению африканской принцессы, влюбленной в главного героя.

П. — один из старейших и видных деятелей масонского движения в России. В записке, составленной в 1756 по приказу Елизаветы Петровны гр. А. И. Шуваловым, он упоминается среди членов масонской ложи, состоявшей из офицеров Сухоп. шлях. корпуса. В дальнейшем П. входил в состав Гл. провинц. рус. масонской ложи. В февр. 1783 *Н. И. Новиков* в письме к *А. А. Ржевскому* назвал П. среди возможных кандидатов в создававшийся тогда «национальный капитул» (его организация была важным моментом в борьбе за автономизацию рус. масонства). В 1783 П. — префект Директории VIII провинции в Петербурге.

С дек. 1760 П. был флигель-адъютантом Петра III, участвовал на его стороне в событиях дворцового переворота 1762. Когда у Петра возникли подозрения о готовящемся перевороте и был арестован П. Б. Пассек, П. было поручено наблюдение за братьями Орловыми. По некоторым данным, в ночь с 27 на 28 июня, когда А. Г. Орлов отправился в Петергоф к вел. княгине Екатерине Алексеевне с донесением об аресте Пассека и о необходимости приступать к решительным действиям, Г. Г. Орлов, «кажется, держал при себе Перфильева до тех пор, пока не убедился, что бдительность его была уже достаточно убаюкана обильным возлиянием» (*Барсуков А.* Жизнеописание кн. Гр. Гр. Орлова // Рус. арх. 1873. Кн. 1. С. 26); в эту ночь Орлов проиграл П. несколько тысяч рублей, чтобы отвлечь его.

В 1764–1772 П. состоял воспитателем при цесаревиче Павле Петровиче, постепенно повышаясь в чинах от полковника до генерал-майора. Был депутатом от Судайского у. Архангельской губ. в Комиссии нового Уложения (1767) и губернатором Петербурга (сент. 1773–сент. 1774). С 1776 с П. и «прочими довольно знатными господами, ведущими жизнь веселую и даже роскошную», был знаком *Г. Р. Державин*, который посвятил П., дружившему с кн. А. И. Мещерским, оду «На смерть князя Мещерского». В «Примечаниях» (1805) Державин писал о стихотворении «Монумент Петра Великого»: «Песнь сия и последующая за ней „Петру Великому“ сочинена в 1776 году <. . .> по просьбе генерал-майора Степана Васильевича Перфильева и князя <. . .> Мещерского для пения в масонских ложах, из коих 2-я, как они сказывали, была часто воспеваема» (цит. по: Вопр. рус. лит. Львов, 1974. Вып. 1 (23). С. 88).

Лит.: Летописи рус. лит. и древностей, изд. Н. Тихонравовым. М., 1862. Кн. 4; Державин. Соч. (1864–1882). Т. 2, 6, 8 (1865–1880); *Ешевский С. В.* Соч. М., 1870. Т. 3.

И. Ю. Фоменко

ПЕСТОВ Семен Семенович [1763, Петербург–27 XI (9 XII) 1827, с. Пантазиевка Александрийского у. Херсонской губ.]. Отец П., Семен Семенович, служил в нижних чинах в Преображенском полку; по выходе в отставку переехал в Москву, где женился на Анне Ивановне Бобровой. По воспоминаниям сына, он отличался прямым характером, необыкновенной честностью, а также глубокой религиозностью и склонностью к мистицизму. Один из братьев П. — Иван, известный впосл. издатель законов и автор «Записок об Енисейской губернии Западной Сибири» (М., 1833). Ок. 1776 П. поступил в Моск. ун-т на казенное содержание, а 25 нояб. 1782 произведен в студенты (Моск. вед. 1777. № 57; 1782. № 97. Приб.); в университете П. обучался в одно время с *М. И. Антоновским*, *С. С. Бобровым* и др. членами О-ва унив. питомцев; он был любим как товарищами, так и профессорами, с которыми по выходе из университета вел деятельную переписку по научным и философским вопросам; А. А. Прокопович-Антонский был личным другом П. на протяжении всей его жизни. В университете пробудились литературные способности П. — им были написаны изданные *Н. И. Новиковым* «Стихи на кончину <. . .> д. ст. советника <. . .> Н. Ф. Дурасова» (1782) (единственный сохранившийся экз. — РГАДА, собр. Г.-Ф. Миллера, ф. 199, № 150, ч. 2, л. 256–257). Состояние П. было невелико (в 1798 за ним числилось всего 5 душ); он был вынужден переехать

в Петербург и 11 авг. 1783 поступил на службу в Сенат в чине кол. регистратора. С 1786 — губернский секретарь.

П. вместе с С. С. Бобровым и *С. А. Тучковым* принял участие в деятельности О-ва друзей словесных наук; в «Беседующем гражданине» были помещены стихи П.: «Камень, сказка» (Ч. 1), рондо «Умы», «Чем отличается начальник от подчиненных, станс», «Песнь моему блаженству» (Ч. 2), «Диоген и юный Критон, или Наставническая беседа», «Песнь моей красавице», «Стихи на кончину набитого деньгами кошелька» и «Надгробие кошельку» (Ч. 3); стихи П. соответствовали проповедовавшимся «Беседующим гражданином» призывам к смелой обличительной сатире.

По совету своего приятеля *А. М. Грибовского* П. 4 мая 1789 перевелся на асессорскую вакансию в Курскую губ. палату. В Курске им была написана ода «Скупость», посвященная «всем богатым скупцам»; 16 нояб. 1792 она была напечатана в новооткрытой типографии Курского приказа обществ. призрения (перепеч.: Курские губ. вед. 1897. № 230); в ней с наибольшей полнотой проявилась основная черта сатиры П. — описание низких тем «высоким штилем» в одах и эпитафиях. Черты автопародирования носят, в частности, «Стихи на кончину набитого деньгами кошелька», назв. и композицией подчеркнуто указывающие на связь со «Стихами на кончину <. . .> Н. Ф. Дурасова».

30 мая 1794 П. был переведен в Екатеринославскую казен. палату на должность советника по экспедиции и ревизии душ; 7 янв. 1795 произведен в кол. асессоры. 1 мая 1795 П. переведен советником таможенных дел в Воскресенскую казен. палату. В 1796 П. женился на Марии Алексеевне, дочери богатого помещика А. И. Пантазия. Некоторое время жил в Петербурге, где возобновил свои старые знакомства. 20 мая 1797 П. был определен заседателем в Каменец-Подольский, в Комиссию для разбора пограничных дел с Оттоманскою Портою (формуляр 1798 г. — РГИА, ф. 1349, оп. 3, № 1693). В 1799 по особому предписанию П. был определен фискалом в Киевскую губ. В 1802 он был стряпчим казенных дел в Киевском губ. правлении; в 1804 назначен губернским прокурором в Нижний Новгород, но уже в 1805 переведен в Новороссию на должность председателя Херсонской палаты угол. суда. П. крайне тяготили различного рода беззакония и взяточничество, с которыми ему приходилось сталкиваться почти ежедневно, и в кон. 1808 он подал в отставку и поселился в приобретенном им вблизи Елисаветграда имении Высокие Байраки, а с 1819 постоянно жил в имении жены Пантазиевке.

Его любимыми занятиями были музыка и чтение; в первой четв. XIX в. библиотека П. была одним из лучших частных книжных собраний в Новороссии. Он часто гостил у своих многочисленных родственников и друзей (в частности, у М. М. Сперанского и Н. Н. Новосильцева) в обеих столицах. П. отличался общительностью; изданный к его запискам именной указатель содержит ок. 2000 имен. Тяжелым ударом обрушился на П. арест в Пантазиевке его сына Александра, участника общества «Соединенных славян», вызвавшегося быть цареубийцей и приговоренного 10 июля 1826 к пожизненной каторге (см.: Восстание декабристов. М.; Л., 1926. Т. 5. С. 317–343). Вторым ударом для П. была смерть сына Алексея, корнета Серпуховского уланского полка, скончавшегося 17 февр. 1827 от ран в Перс. походе. По воспоминаниям его потомков, П. «любил поэзию и сам писал недурные стихи и драмы на мифологические сюжеты и писал ежедневно свои записки». Записки П. не опубликованы, но его правнуком был издан «Алфавитный указатель личных знакомых и друзей С. С. Пестова, о которых он упоминает в записках своих с 1786 по 1827 г.» (Александрия, 1915), представляющий ценнейший источник для генеалогических разысканий о Новороссии. В предисловии дается следующая характеристика записок П.: «Записки эти составляют 33 объемистые тетради формата старинной почтовой бу-

маги, исписанной мелким, но четким почерком. Начаты были они в 1784 году в форме случайных записей — мемуаров, но затем, все больше и больше, стали приближаться к форме дневника, а к концу XVIII века превратились в дневник, ежедневно, без перерывов, веденный им до конца жизни; последняя запись в нем сделана была 24 ноября 1827, за три дня до его смерти. Каждый день начинался метеорологическими замечаниями, затем обстоятельно излагались все события дня, записывался приход и расход, а в конце шли рассуждения о текущих государственных и местных делах, о прочитанных за день книгах и на темы отвлеченные, философо-мистические. Записки эти носят совершенно интимный характер и, очевидно, не предназначались для сколько-нибудь широкого круга читателей».

Родовой архив П. в 1918 передан в ЦГИА Украины (ф. 779). Дневники П. в нем отсутствуют; наиболее ценная часть архива и библиотеки П. хранилась у его потомков, с нач. 1920-х гг. живших в Петрограде, а с сер. 1930-х и до 1970-х гг. — в Новгороде; в настоящее время местонахождение дневников П. неизвестно.

Лит.: Поэты-сатирики (1959); Поэты 1790–1810-х годов. Л., 1971.

М. П. Лепехин

ПЕТРОВ Александр Андреевич [ок. 1763–III 1793, Петербург]. Сын секретаря Вологодского наместнического правления масона Андрея Петровича Петрова (1730–1784); в кон. 1770-х гг. учился в Моск. ун-те (одновременно с *В. С. Подшиваловым*), будучи сначала учеником гимназии, а затем студентом. П. занимался лат., греч. и нем. языками; за успехи награждался книгами (Моск. вед. 1777. 7 июля. № 54; 1778. 11 июля. № 55; 1779. 17 июля. № 57; 1780. 8 июля. № 55. Приб.). В 1779 П. сблизился с кружком *Н. И. Новикова*, стал членом Дружеского учен. о-ва, принимал участие в работе переводческой семинарии. Следом этих занятий является перевод с нем. психологического этюда «О противоречиях в человеческой природе» для журнала «Утр. свет» (1780. Ч. 8. Янв.). По окончании университета 9 сент. 1782 пожалован Сенатом в кол. переводчики и в чине подпоручика определен на службу в Унив. типографию. Переведенная П. с нем. книга «Хризомандер, аллегорическая и сатирическая повесть» (1783) была первенцем типографии *И. В. Лопухина* и во многом имела программный характер для всего масонского кружка (редакторы перевода — *А. М. Кутузов* и *И. П. Тургенев*). В иносказательной форме здесь шла речь о нравственном совершенствовании человека, намечался план утопических реформ. В 1786 книга подверглась запрету, и часть тиража была сожжена. В 1780-е гг. П. перевел еще несколько масонских сочинений философско-нравоучительного содержания, в частности книгу И.-А. Штарка «О древних мистериях, или таинствах, бывших у всех народов» (1785). По-видимому, П. принадлежит перевод «Пастырского послания к истинным <. . .> каменщикам» Гаугвица, ошибочно приписывавшийся А.М. Кутузову (1785; подп. — «А. П.» — РНБ, F.III.63). 3 июня 1786 П. представил в цензуру «Учебную книгу для юношества, начинающего учиться немецкому языку» (1788; текст на нем. и рус. языках), очевидно переведенную им самим.

В кон. 1770-х–нач. 1780-х гг. завязалась близкая дружба П. с *Н. М. Карамзиным*. Некоторое время (ок. 1786) они жили в Москве в одной комнате дома, принадлежавшего Дружескому учен. о-ву. Совместно они составляли для типографии Новикова журнал «Дет. чтение» (1785–1789). П. поместил здесь ряд переводов, в частности драмы А. Беркена «Честный откупщик» и повести С. Джонсона «Обидаг». Перевод этой повести был затем включен П. в переведенную им же с нем. языка педагогическую энциклопедию Р. Додсли «Учитель, или Всеобщая система воспитания» (1789. Ч. 1–3). Вместе с Карамзиным П. участвовал в периодическом издании «Беседы с Богом» (1787–1789), представлявшем переводы сочинений К.-Х. Штурма и

И.-Ф. Тиде. В июне 1788 П. участвовал в «Тихвинских праздниках» в подмосковном имении Новикова Авдотьино, где, по предположению Е. И. Тарасова, выступал с поздравительными стихами.

О широте литературных интересов П. свидетельствует его перевод (с англ.) одной из книг инд. эпоса «Махабхарата» — «Багуат-Гета, или Беседы Кришны с Аржуном» (1788). Карамзин называл П. «обожателем англичан». По воспоминаниям *И. И. Дмитриева*, П. «знаком был с древними и новыми языками, при глубоком знании отечественного слова одарен был глубоким умом и необыкновенною способностию к здравой критике».

П. оказал на молодого Карамзина большое влияние. В его сохранившихся письмах Карамзину (1785—1792) содержатся серьезные суждения по вопросам литературы, театра, эстетики, советы и критические замечания на первые литературные опыты друга. Ответные письма Карамзина были сожжены после смерти П. 19 авг. 1792 Карамзин подарил П. рукопись поэмы И.-К. Лафатера «Человеческое сердце», полученную им от автора (см.: *Никитин А. Л.* Цветок папоротника. М., 1972. С. 40). В письме к И. И. Дмитриеву от 14 июня 1792 Карамзин писал о П.: «Он дик и чувствителен — при незнакомых молчалив и холоден, а с другом сокровище». Впосл. Карамзин вспоминал о П.: «Он имел вкус моего свежее и чище. Поправлял мои мараньи, показывал красоты авторов и научил чувствовать силу и нежность выражений» (*Бобров Е.* Лит. и просв. в России XIX в. Казань, 1902. С. 143). Карамзин называл П. Агатоном (по имени заглавного героя романа К.-М. Виланда). По свидетельству С. Н. Глинки, П. был приятелем *Я. Б. Княжнина* и показывал ему все письма, полученные от «русского путешественника». Сохранив до конца жизни связи с масонством, П., однако, сочувственно отнесся к «Моск. журн.» Карамзина и сотрудничал в нем. С наибольшей достоверностью ему можно приписать перевод сочинения «Прогулка арабского философа Ал-Рашида» А. Коцебу (Моск. журн. 1792. Ч. 6. Апр.; подп. — «Пт.»), а также перевод повести Антона Валля (Х.-Л. Гейне) «Барух, или Ученик мудрости» (Там же. 1791. Ч.2. Июнь). Менее убедительны существующие атрибуции П. стихотворений и переводов за подписью «-въ» и «П.».

По рекомендации Карамзина, П. поступил личным секретарем к *Г. Р. Державину*. 21 дек. 1791 П. был официально зачислен в ведомство Кабинета е. и. в., в канцелярию Державина по принятию прошений. В связи с этим в 1791—нач. 1792 он переселился в Петербург. По свидетельству К. С. Сербиновича, П. «сделался домашним человеком у Державиных; Катерина Яковлевна взяла на себя его воспитание; через несколько времени она сделала его силуэт и послала в дар Карамзину». В формулярном списке П. (1792) Державин сделал запись: «Способен к продолжению службы и по особой прилежности к делам и искусству в иностранных и российском языке и хорошему поведению достоин к награждению чином» (РГАДА, ф. 286, № 858, л. 173).

Памяти П. Карамзин посвятил лирический этюд «Цветок на гроб моего Агатона» (1793). Вспоминая здесь о своей дружбе с П., о беседах с ним и совместном чтении песен Оссиана (Дж. Макферсона), сочинений В. Шекспира и Ш. Бонне, Карамзин называл его «мудрым юношей, которого разум украшался лучшими знаниями человечества, которого сердце образовано было нежною рукою муз и граций», «человеком, благородным по душе своей». Образ П. нашел отражение и в др. произведениях Карамзина: «Письмах русского путешественника», стихотворениях («Анакреонтические стихи А. А. П.», «На разлуку с П.»). Новиков писал Карамзину, что, по его мнению, в письмах «Мелодор к Филалету» и «Филалет к Мелодору», а также в «Разговоре о счастии» под именем Филалета изображен П., «покойный любезный молодой человек». По своему влиянию на окружавших его литераторов П. сыграл значительную роль в формировании эстетических принципов рус. сентиментализма.

Лит.: Письма С. И. Г<амалеи>. 2-е изд. М., 1836; Шевырев. Моск. ун-т (1855); *Лонгинов М. Н.* А. А. Петров и переведенный им «Хризомандер» (1783) // Сб. лит. статей, посв. памяти А. Ф. Смирдина. СПб., 1859. Т. 4; Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866; Лонгинов. Новиков и мартинисты (1867); *Сербинович К. С.* Воспоминания о Н. М. Карамзине // Рус. старина. 1874. № 10; Державин. Соч. (1864–1883). Т.9 (1883); *Дмитриев И. И.* Соч. СПб., 1893. Т. 2; *Глинка С. Н.* Зап. СПб., 1895; *Тарасов Е. И.* Новые данные к истории Новиковского кружка // Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности. 1908. Т. 13, кн. 2; Bakouinine. Le répertoire (1940); *Виноградов В. В.* Проблема авторства и теория стилей. М., 1961; *Лотман Ю. М.* «Сочувственник» А. Н. Радищева А. М. Кутузов и его письма к И. П. Тургеневу // Учен. зап. Тарт. ун-та. 1963. Вып. 139. Тр. по рус. и слав. филологии. Т. 6; *Привалова Е. П.* О сотрудниках журн. «Детское чтение для сердца и разума» // XVIII век. М.; Л., 1964. Сб. 6; *Левин Ю. Д.* Кто автор «восточной» повести «Обидаг»? // Изв. Отд-ния лит. и яз. 1966. Вып. 5; *Кочеткова Н. Д.* Карамзин и Антон Валль // XVIII век. Л., 1969. Сб. 8; *Карамзин Н. М.* Письма рус. путешественника / Изд. подгот. Ю. М. Лотман, Н. А. Марченко, Б. А. Успенский. Л., 1984; Письма Н. И. Новикова. СПб., 1994; *Лазарчук Р. М.* Переписка Н. М. Карамзина с А. А. Петровым: (К проблеме реконструкции «романа в письмах») // XVIII век. СПб., 1996. Сб. 20.

Н. Д. Кочеткова

ПЕТРОВ Василий Петрович [1736, Москва–4 (15) XII 1799]. Родился в семье священника Петра Поспелова; получил фамилию по имени отца, умершего, когда П. был еще младенцем. В детстве жил в большой бедности, много и охотно занимался самообразованием. Затем поступил в Славяно-греко-лат. академию, где «смелость и веселый нрав» навлекли на него неудовольствие префекта. После жестокого наказания П. бежал из академии в Петербург, поселившись у одного из своих родственников; впервые познакомился с творениями Вергилия и Гомера. Когда в 1753 префектом академии был назначен Георгий Щербацкий, П. вернулся в академию и продолжил занятия, особенно отличаясь в сочинении проповедей.

Закончив академию в 1760, П. с 1761 стал там учителем синтаксиса, с 1763 читал курс поэтики, а с 1767 — риторику, получив разрешение носить шпагу. П. преподавал также арифметику, географию, историю; занимался медициной, произносил импровизированные публичные проповеди, пользовавшиеся большим успехом. Одновременно он продолжал совершенствовать свои знания в греч., лат., евр. и новейших европ. языках. Слав. текст Библии П. сличал с греч. и лат. переводами. В журнале «Доброе намерение» (1764. Дек.) П. поместил стихи «Описание ненастья» и «Преложение псалма 85».

По совету своего соученика *Н. Н. Бантыш-Каменского* П. написал «Оду на карусель», посвященную придворному празднеству, происходившему в Петербурге 16 июня 1766. При написании оды П., находившийся в Москве и не видевший «каруселя», пользовался, очевидно, «Описанием порядка, которым карусель происходил» (Моск. вед. 1766. 7 июля. № 54. Приб.). П. И. Репнин, «директор каруселя», представил оду *Екатерине II*, и она наградила сочинителя золотой табакеркой. Отдельные строки, напыщенные и неудачные выражения П. пародировались *А. П. Сумароковым* в «Дифирамбе Пегасу» (1766), *Ф. А. Эминым* в журнале «Адская почта» (1769), анонимным автором в журнале «Смесь» (1769), *В. И. Майковым* в поэме «Елисей» (1771) и в «Эпистоле М. М. Хераскову» (1772), *Н. И. Новиковым* в «Живописце» (1772. Л. 2).

Г. А. Потемкин, знавший П., очевидно, еще в студенческие годы, начал покровительствовать ему, бывать у него дома в Москве и, по свидетельству сына П., в «ученых беседах проводил с ним целые ночи». По его предложению П. написал оду «На сочинение нового Уложения» (1767). Во время рус.-тур. войны 1769–1772 Потемкин, находясь в действующей армии, вел с П. дру-

жескую переписку, из которой, в частности, известно, что он подарил П. свой дом в Москве. В 1768, собрав с помощью московских купцов, у которых он обучал детей, необходимые средства, П. намеревался отправиться путешествовать.

Прибыв в Петербург, он получил повеление императрицы явиться ко двору. 21 апр. 1769 был произведен в титул. советники и назначен переводчиком при Кабинете е. и. в., а затем библиотекарем Эрмитажной б-ки. П. должен был также исполнять обязанности чтеца при императрице. В журнале *В. Г. Рубана* «Ни то ни сио» (1769) П. напечатал перевод просветительской оды А.-Л. Тома «Должности общежития». Событиям рус.-тур. войны посвящены оды П., обращенные к Екатерине II (1769, 1770), А. Г. Орлову (1770, 1771), «Поема на победы <. . .> Румянцева» (1771), подносившиеся адресатам «самим сочинителем». Он писал также многочисленные комплиментарные «епистолы» и «надписи».

Поощряемый императрицей, П. стал работать над стихотворным переводом «Энеиды» Вергилия, шесть песен которой были опубликованы им в 1770 (посв. вел. кн. Павлу Петровичу). Екатерина II высоко отозвалась о П. в книге «Антидот» (1770): «Сила поэзии этого юного автора уже приближается к силе Ломоносова, и у него более гармонии; слог его в прозе исполнен красноречия и приятности <. . .> стихотворный перевод „Энеиды“ обессмертит его». Однако мн. литераторы иронизировали над П. Зная, что он заикался, В. И. Майков написал эпиграмму: «Коль сила велика российского языка! Петров лишь захотел — Вергилий стал заика». *И. И. Хемницер* назвал П. «несносным педантом». Известен прозаический план эпиграммы Хемницера на П. Ему же, вероятно, адресована эпиграмма Хемницера «На дурного переводчика» (см.: *Хемницер И. И.* Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1963. С. 344—345). Н. И. Новиков писал о П.: «Он напрягается идти по следам российского лирика, и хотя некоторые и называют его уже вторым Ломоносовым, но для сего сравнения надлежит ожидать важного какого-нибудь сочинения и после того заключительно сказать, будет ли он второй Ломоносов или останется только Петровым и будет иметь честь слыть подражателем Ломоносова» (Новиков. Опыт словаря. (1772)). В журнале «Вечера» (1772. Ч. 2) было помещено стихотворение «Мысли», приписываемое *А. В. Храповицкому*, в котором, в частности, говорилось: «Кто портит только слог певцов преславных россов, Уже считается второй здесь Ломоносов».

В авг. 1771 П. вместе с Г. И. Силовым (очевидно, пажом императрицы) был послан в Англию. Здесь он постоянно общался со священником посольской церкви А. А. Самборским, послом А. С. Мусиным-Пушкиным, посольскими переводчиками И. и М. Татищевыми, *М. И. Плещеевым*, завязал дружеские отношения с Н. С. Мордвиновым; возможно, он также встречался с учившимися в Оксфордском ун-те В. Н. Никитиным, П. И. Суворовым и др. Среди англичан, которые помогли ему в изучении политической и культурной жизни своей страны, были Дж. Форстер, семья Бентамов, Дж. Парадиз. В кон. 1773 или нач. 1774 П. посетил Рим, сопровождая Э. Чадли, герцогиню Кингстонскую, взявшую его с собой для практики в рус. языке, и оставался в Италии до весны 1774. Их обратный путь пролегал через Флоренцию, Геную, Антиб; в мае 1774 путешественники были в Женеве, в кон. июня в Париже и 9 июля прибыли в Лондон.

В Англии П. продолжал заниматься литературной деятельностью. В частности, здесь было написано полемическое стихотворное послание «К. . . из Лондона», направленное против задевших П. В. И. Майкова и «словарника» Новикова. В двух посланиях П. к Г. И. Силову нашли отражение некоторые автобиографические моменты, напр. упоминание о тяжелой болезни П. в нач. 1773. В Англии же П. была написана ода «Его сиятельству графу П. А. Румянцеву на притеснение турков в разных городах за Дунаем и воспоследовавшее от того заключение мира. Писано в Лондоне» по поводу Кючук-Кайнарджийского мира (10 июля 1774). «Я

хвалил Румянцева, — писал П. Екатерине II 24 авг. 1774, — как вдруг среди течения многих мыслей посланник наш объявил нам повеление ехать обратно в Россию. Благоволите дать мне дозволение держать руку мою с пером к столу пригвожденну, пока я дела не окончу».

Осенью 1774 П. вместе с Силовым отправились в Россию через Францию и Германию; в пути Силов скончался, а П. приехал в Петербург в нач. 1775 и возобновил свою службу в качестве библиотекаря императрицы. Он ведал также эрмитажным собранием гемм, монет, эстампов и др. произведений искусства; по всей очевидности, не очень много внимания уделяя этому делу, часто уезжал в Москву, поручая заботу о собраниях *А. И. Лужкову*. Своими одами, адресованными Екатерине II, Г. А. Потемкину, П. А. Румянцеву, откликался на важнейшие современные военно-политические и придворные события: заключение мира с Турцией (1775), рождение вел. князей Александра (1777) и Константина (1779) и т. п. Особенно часто П. выступал с хвалебными стихами Г. А. Потемкину, с которым он продолжал сохранять дружеские отношения, как свидетельствует их переписка (ср., напр., шутливое письмо П. к Потемкину от 4 июня 1776). Помимо отдельных изданий некоторые стихи П. печатались в журналах: «Ода е. и. в. Екатерине Алексеевне <. . .> на новые учреждении для управления губерний» (Собр. новостей. 1776. Май); «Письмо к <. . .> великому князю Павлу Петровичу» (Там же; отд. изд.: 1776); «Описание праздества, данного Г. А. Потемкиным. . .» (Акад. изв. 1779. Ч. 2). В 1770-х гг. П. переписывался с А. А. Самборским, с его помощью получал из Англии инструменты и книги.

Одним из результатов знакомства П. с англ. литературой явился его прозаический перевод трех песен поэмы Дж. Мильтона «Потерянный рай» (1777). «Скучась рифмами в Виргилии, отдыхаю я прозой в Мильтоне, — писал П. в посвящении книги П. И. Репнину. — И где пристойнее могу я утопить все суеты мира, бременяющего меня яко смертного, как не в Мильтоновом аде? С сим песнопевцем приятнее странствовать по преисподней, нежели с другими по Елисию». Перевод П. был довольно удачен и долго сохранял свое значение для знакомства рус. читателей с поэмой Мильтона. Экземпляр книги с пометами П. находился у *И. И. Дмитриева* и был передан им П. А. Вяземскому в 1836 (РНБ, шифр: 18.153.2.304).

М. Н. Муравьев, посещавший П. в кон. 1770-х гг., сообщал, что П. хвалил его стихотворение «Роща» и подарил ему «свою четвертую песнь Енеиды», очевидно, рукопись своего перевода (ГИМ, ф. 445, № 51, л. 57 об., 59). 13 авг. 1779 Муравьев сообщал Д. И. Хвостову о выходе первой книги «Энеиды» в переводе П. (ИРЛИ, ф. 322, № 59, письмо № 6). Речь шла, вероятно, о первой части тиража издания под назв. «Еней, героическая поэма» (1781; песни 1–6, переработка изд. 1770). Последующие песни выходили по мере завершения перевода: песнь 7 — 1784, песни 8–12 — 1786. По-видимому, к кон. 1770-х гг. относится отзыв Муравьева о П.: он «не говорит никогда о стихах. Но можно ль, делая их такое множество выразительных и мастерских, об них не мыслить? <. . .> Разговор его свободен без разборчивости. Кажется, что он жертвует разуму чувствительностию. Лет двенадцать назад толковал он Катехизис, ныне, кажется, он способнее толковать Лукреция. Это тот из наших стихотворцев, который знает наибольшее число языков, ибо он читает в подлинниках Гомера, Вергилия, Мильтона, Вольтера, без сомнения, Тасса и, помнится мне, Клопштока. <. . .> Заметно по его образу мыслить и чувствовать, что он жил в Англии» (*Муравьев М. Н.* Полн. собр. соч. СПб., 1820. Ч. 3. С.317). В «Акад. изв.» (1779. Ч.1. № 1) *С. Г. Домашнев* назвал П. «страшным соперником» Вергилия и высказал пожелание, чтобы П. взялся также за перевод Гомера.

Поддержав инициативу издателей журнала «Утр. свет», П. выступил одним из благотворителей Александровского уч-ща (Утр. свет. 1779. Ч. 5. Янв.; Ч. 6. Авг.). В кон.

1779 П. уезжал лечиться в Москву, где провел ок. двух месяцев. В 1780 он вышел в отставку с чином надв. советника и пенсией и переселился в имение Троицкое Орловской губ. Здесь он занимался хозяйством, используя англ. методы; обучал грамоте крестьянских детей, вел тяжбы с соседями, много читал. Со слугами П. был суров и признавался: «Беда раздражить меня: наихудшие следствия для непокоривцев выйдут». Зиму П. проводил в Москве, где занимался в библиотеке Славяно-греко-лат. академии, продолжая работу над переводом «Энеиды». В 1782 П. издал ч. 1 своих «Сочинений», значительно переработав текст ранее изданных стихотворений; особенно существенные изменения были внесены в «Оду на карусель». 11 нояб. 1783, по предложению *Е. Р. Дашковой*, П. был избран членом Рос. Академии и приглашен к участию в составлении «Словаря Академии Российской». Однако 19 нояб. 1783 он отклонил это предложение, сославшись, что занят переводом Вергилия: «И кто знает, может быть, сочинять словарь многие умеют, а перевесть Вергилия стихами, с некоторою исправностию, я один удобен». С окончанием этого перевода, сопровожденного хвалебными стихами Екатерине II, очевидно, связано производство П. в кол. советники (1786). Муравьев писал: «Перевод Петрова Енеиды заслуживает похвалу, хотя, может быть, и очень удален от совершенства» (РНБ, ф. 499, № 28, л. 4). *А. Н. Радищев* в «Путешествии из Петербурга в Москву» (гл. «Тверь») назвал перевод П. «древним треухом, надетым на Вергилия ломоносовским покроем».

Оды П. 1780–1790-х гг. были посвящены очередным военно-политическим событиям: приобретение Крыма (1784), взятие Очакова (1788) и Измаила (1790), присоединение пол. областей к России (1799), одна из од (1780) была «пета в маскераде на Озерках». По поводу начавшейся в 1788 войны со Швецией П. написал сатирическую поэму «Приключение Густава III, короля шведского» — один из интересных образцов просторечного стиля. При иллюминации в честь Потемкина в 1789 на воротах в Царском Селе был помещен транспарант со строками из оды П., выбранными Екатериной II.

Известие о смерти Потемкина (5 окт. 1791) сильно потрясло П. В стихотворении «Плач на кончину Потемкина» П. с большим чувством говорил о Потемкине, вспоминая о «уединенных беседах» с меценатом, который с ним «пренья вел» «о промысле и роке, О смерти, бытии, о целом мира токе». 31 мая 1792 он писал из Москвы неустановленному адресату: «Смерть сего мецената нанесла моей музе смертельный удар». Помощь и покровительство он продолжал искать у императрицы: «Есть и у меня великая мать, которая сильна и готова помочь мне» (Рус. старина. 1896. № 11. С. 458–459). Речь шла об интересе Екатерины к сочинениям и переводам П. и его намерении завершить свое собрание сочинений. Для торжественных од П., принесших ему известность, характерно высокое «парение», несколько затрудненный синтаксис, обилие метафор, славянизированный язык. Иногда он писал стихотворения камерного характера, связанные с событиями своей личной жизни, напр. «Смерть моего сына. Марта 1796 года». Одно из лучших и наиболее искренних произведений П. — «Ода Н. С. Мордвинову» (1796), созданная в период, когда Мордвинов испытывал несправедливые гонения. С нею непосредственно соотносится стихотворение А. С. Пушкина «Мордвинову»; П. А. Плетнев в разборе оды назвал П. «одним из лучших наших поэтов».

После смерти Екатерины II положение П. изменилось к худшему. В кон. 1796 он написал обращенное к Павлу I стихотворение «Плач и утешение России», по словам *В. С. Подшивалова*, «исполненное разительных мыслей и прямо пиитических картин» (*Подшивалов В. С.* Краткая рус. просодия. М., 1798. С. 46); в 1797 выступил со стихами «Торжественное венчание на царство и помазание е.и.в. Павла Первого» (М.; Николаев, 1798), но вскоре с горечью отмечал в одном из писем, что «его величество, сказывают, стихов читать не изволит». Старый и больной, П. пытал-

ся, приобретя покровительство нового государя, сохранить свою пенсию. В связи с этим он собирался обратиться к Павлу I с похвальным словом. «Не лучше ли подействует Цицероновщина, когда не помчит Вергиливщина, — писал П. жене. — Кабы мне волю дали, я б, кажется, смог прослыть царским витием, так как я некогда слывал карманным Екатерининым стихотворцем». Однако П. не удалось расположить к себе императора. Посмертно было осуществлено издание «Сочинений» П. (СПб., 1811. Ч. 1–3).

По воспоминаниям сына, П. «был весел и дружелюбен, прост и откровенен в обращении, умерен в образе жизни, не терпел наперсников Бахуса, лжи и угрюмых лиц». На 60-м году жизни изучил новогреч. язык. Известность П. как официозного стихотворца, навлекавшая на него нападки писателей-современников, во многом дискредитировала его поэзию и во мнении позднейших поколений. Однако поэтические достоинства его «высокой» лирики, ее «обилие мыслей и сила» были отмечены *Г. Р. Державиным*, *И. И. Дмитриевым*, А. Ф. Мерзляковым, Ф. Н. Глинкой, П. А. Вяземским, А. С. Пушкиным. «Его герои — исполины; И сам он по уму и духу был таков», — писал И. И. Дмитриев о П. в «Надписи к портрету лирика» (1826).

Лит.: *Петров Я. В.* Жизнь В. П. Петрова // Соревнователь просв. и благотворения. 1818. № 1; Смирнов. Моск. академия (1855); *Дмитриев М. А.* Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869; *Шляпкин И. А.* В. П. Петров — «карманный» стихотворец Екатерины II // Ист. вестн. 1885. № 11; *Саитов В. И.* Петров В. П. // Рус. биогр. словарь. Т. «Павел, преподобный–Петр (Илейка)» (1902); *Бараг Л. Г.* О ломоносовской школе в рус. поэзии XVIII в.: (Василий Петров) // Учен. зап. каф. лит. и яз. Минского пед. ин-та. 1940. Ч. 1; Берков. Журналистика (1952); Поэты XVIII в. Л., 1972. Т. 1; *Cross A. G.*: 1) Printing at Nikolaev, 1798–1803 // Transactions of the Cambridge Bibliographical Society. 1974. Vol. 6. № 3; 2) Василий Петров в Англии (1772–1774) // XVIII век. Л., 1976. Сб. 11; 3) «By the Banks of the Thames»: Russians in Eighteenth Century Britain. Newtonville, 1980 (рус. пер.: *Кросс Э.* У Темзских берегов: Россияне в Британии в XVIII в. СПб., 1996); *Martynov I. F.* Notes on V. P. Petrov and his stay in England: (New materials) // Study Group on Eighteenth Century Russia. Newsletter. 1979. № 7; *Алексеев М. П.* Рус.-англ. лит. связи (XVIII в.—первая пол. XIX в.). М., 1982; *Такиуллина Л. Ф.* Лит. направления второй пол. XVIII в. и творчество В. П. Петрова // Проблемы изучения рус. лит. XVIII в. Л., 1984; Левин. Восприятие (1990); *Kahn A.* Readings of Imperial Rome from Lomonosov to Pushkin // Slavic Review. 1993. Vol. 52. Winter. № 4; *Зорин А. Л.* К предыстории одной глобальной концепции: (Ода В. П. Петрова «На заключение мира с Портою Оттоманскою» и европ. политика 1770-х гг.) // Новое лит. обозр. 1997. № 23.

Н. Д. Кочеткова

ПЕТРОВ Павел Ильич. В 1795 упоминается как «выключенный из гимназии студент» (СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 1, №. 567, л. 100). В 1822 служил переводчиком при Вольном экон. о-ве в чине надв. советника, в 1825 занимал ту же должность и был кол. советником.

В 1792 П. перевел с нем. языка и напечатал в журнале «Чтение для вкуса» историю о невольнике, казненном за многочисленные злодеяния, под назв. «Макандал-негритянин» (Ч. 5) и заметку «Землетрясение в Лиссабоне» (Ч. 7). В том же году П. перевел с фр. языка для «Новых ежемес. соч.» короткую нравоучительную повесть «Ардостан» (Ч. 71. Май), в которой утверждается бессмертие человеческих добродетелей. В 1793 в том же издании П. опубликовал в переводе с лат. языка «Речь Аннибала к Сципиону о мире из Тита Ливия» (Ч. 88. Окт.). Интерес к этому произведению, в котором карфагенянин призывает своего противника к прекращению Пунической войны, объясняется конкретной исторической ситуацией — 21 сент. 1793 Россия заключила мир

с Оттоманскою Портою. Этому событию посвящены также оды *Н. П. Николева* и *А. Ф. Севастьянова*, которые помещены в журнале вместе с переводом П. В 1795 П. перевел с нем. языка для того же издания статью «О врачебном употреблении верховой езды» (Ч. 103. Янв.), в которой это занятие признается благоразумным увеселением, предоставленным человеку самой природой и способствующим укреплению здоровья. В 1795 П. упоминается в числе переводчиков «СПб. вед.».

П. перевел с нем. языка стихотворение К.-М. Виланда «Мраморная купель, или Наказанный пустосвят» (СПб., 1805) об отшельнике, наказанном за мнимую святость. На экземпляре БАН (шифр: 1805/42) имеется дарственная надпись, по-видимому автограф П.: «Императорской Российской Академии всеусерднейшее приношение». П. издал в переводе с нем. языка сочинение Ф. М. «Зерцало добродетели, или Собрание благороднейших и превосходнейших деяний и душевных качеств, взятых из жизни великих, добродетельных и храбрых людей и из истории всех народов и времен» (СПб., 1810); 2-е издание вышло с цветными гравированными картинками, под назв. «Историческая библиотека для детей, служащая к образованию сердца и разума» (СПб., 1813).

Для изучающих иностранные языки П. составил три пособия, пользовавшиеся большой популярностью. Он дополнил и переработал издание «Новые французские, российские и немецкие разговоры для начинающих» (Лейпциг, 1805) и напечатал его под назв. «Новые французские, русские и немецкие разговоры для начинающих учиться сим языкам <. . .> к учению самым легким и полезным образом расположенные» (СПб., 1810), включив в книгу 39 диалогов на различные темы (здоровье, погода, распорядок дня, одежда, знакомство и пр.) с параллельным текстом на трех языках. «Эзоповы басни с русским переводом для наставления юношества во французском языке» (СПб., 1812. Ч. 1–2; 2-е изд. М., 1824; 3-е изд. СПб., 1830) П. издал с параллельным текстом на рус. и фр. языках и с постраничным словарем фр. слов, встречающихся в тексте. В соответствии с тем же учебным принципом — параллельные тексты на рус., фр. и нем. языках — П. составил иллюстрированное ежемесячное издание на 1817 год (№ 1–12) с 42 картинками «Волшебный фонарь, или Зрелище санктпетербургских расхожих продавцов, мастеров и других простонародных промышленников, изображенных верною кистью в настоящем их наряде и представленных разговаривающими друг с другом соответственно каждому лицу и званию». Оно было напечатано также отдельной книгой в типографии В. А. Плавильщикова (СПб., 1817). В монологах и диалогах трубочистов, дворников, ямщиков, пирожников, обручников и пр. П. стремился передать лексические и фонетические особенности их речи. Некоторые литографии из этого издания воспроизведены в работе Н. К. Шильдера «Имп. Александр I, его жизнь и царствование» (СПб., 1898. Т. 4. С. 257, 273, 289, 305, 321, 337) как иллюстрации петербургского быта нач. XIX в.

Лит.: Неустроев. Ист. разыскание (1874).

Е. Д. Кукушкина

ПЕТРОВ Петр (в монашестве — Гавриил; фамилия «Шапошников», обозначенная в т. «Чаадаев–Швитков» (1905) «Рус. биогр. словаря», документально не подтверждается) [18 (29) V 1730, Москва–26 I (7 II) 1801, Новгород; похоронен в Новгородском Софийском соборе].

Родился в семье синодального иподиакона, впосл. священника церкви Космы и Дамиана. В 1740 был отдан в Славяно-греко-лат. академию, которую окончил с отличием в 1753. Затем служил справщиком в Моск. синод. типографии. С апр. 1758 — учитель риторики в Троицкой дух. семинарии. 28 июня того же года был пострижен в монашество под именем Гавриила и уже в нач. июля был назначен ректором семинарии и учителем богословия в ней. Указом Синода от 8 авг. 1761 П. был переведен в ректоры Славяно-греко-лат. академии с од-

новременным занятием должности архимандрита Заиконоспасского монастыря. В академии П. преподавал богословие. К этому времени относится начало его проповеднической деятельности. 10 февр. 1762 он произнес по случаю рождения вел. князя Павла Петровича панегирическую проповедь в Успенском соборе (Моск. вед. 1762. № 13. Приб.). 29 окт. 1763 П. был назначен епископом Тверским (рукоположен 6 дек. в Петропавловском соборе Петербурга). В дек. 1765 П. был вызван императрицей в Петербург, где ему вместе с епископом Псковским Иннокентием и законоучителем цесаревича *Платоном Левшиным* было поручено дать отзыв о «Наказе» *Екатерины II* от лица церкви.

Высказанные в очень осторожной форме замечания иерархов касались пунктов о наказаниях за святотатство и еретичество и об уважении высшей власти. Одновременно на них была возложена задача довести до конца реформу духовно-учебных заведений, начатую по указанию Екатерины II еще в 1764. В новом проекте предлагалось приблизить программу обучения в духовных школах к светским программам за счет увеличения числа преподаваемых предметов и учреждения в епархиях малых подготовительных гимназий; права и привилегии преподавателей в духовных школах рекомендовалось расширить. П. принадлежала решающая роль в разработке соответствующих предложений Комиссии нового Уложения.

Во время путешествия Екатерины II по Волге она неоднократно встречалась с П. О впечатлении, произведенном на Екатерину II личностью П., свидетельствует тот факт, что перевод романа Ж.-Ф. Мармонтеля «Велизарий», осуществленный участниками придворного литературного кружка во время путешествия, был при публикации его в 1768 посвящен П. В посвящении, в частности, говорилось: «... сие сочинение вашему преосвященству понравится, потому что вы мыслями, как добродетелью, с Велизаром сходны».

30 июля 1767 в день начала работы Комиссии нового Уложения П. произнес речь от имени депутатов на молебствии перед принесением депутатской присяги (Моск. вед. 1767. 3 авг. № 62. Приб.). 25 февр. 1768 (после внезапной смерти 14 дек. 1767 *Димитрия Сеченова*, депутата от духовенства) Синод утверждает П. депутатом от духовенства (вошел в состав дирекционной комиссии). Тогда же по указанию Синода П. был привлечен к исправлению «Прологов», печатавшихся в Моск. синод. типографии, и к освидетельствованию и проверке представленных в Синод богослужебных сочинений и переводов. 23 сент. 1769 именным указом П. был назначен членом Синода, а в сент. 1770 получил столичную кафедру, став архиепископом Санкт-Петербургским и Ревельским и одновременно настоятелем Александро-Невского монастыря. С 1 янв. 1775 ему было поручено также управление Новгородской епархией (РГИА, ф. 796, оп. 56, № 1); 22 сент. 1783 П. был возведен в сан митрополита Санкт-Петербургского и Новгородского. Решающую роль в столь быстром возвышении П. сыграло расположение к нему Екатерины II, сумевшей оценить умного, образованного и энергичного иерарха.

На 1770—1780-е гг. приходится период наиболее активной проповеднической деятельности П. Его проповеди сопровождали не только придворные торжества, посвященные дням коронования или тезоименитства высочайших особ, но и политические мероприятия, связанные с открытием новых наместничеств («Слово при начатии открытия Санкт-Петербургской губернии по высочайшим учреждениям императрицы Екатерины Алексеевны <...> мая в 19 день 1780 года», 1780; «Слово на открытие Выборгского наместничества <...> генваря 13 дня 1784. В Выборге», 1784 и др.). *А. П. Сумароков* считал П. одним из крупнейших духовных ораторов своего времени (см.: *Сумароков А. П.* Полн. собр. всех соч. М., 1781. Ч. 6. С. 283); П. был в числе духовных лиц, которым Сумароков посвятил свои «Стихотворения духовные» (1774). 29 дек. 1776 по случаю празднования юбилея Академии наук П. был

избран ее почетным членом. О признании литературных заслуг П. свидетельствовало и принятие его в члены Рос. Академии с самого момента ее основания 21 окт. 1783. П. был практически первенствующим ее членом после кн. *Е. Р. Дашковой*. На заседании 28 окт. 1783 П. был включен в состав группы, которая должна была выработать правила составления «Словаря Академии Российской». Он участвовал в оценке словарной работы по разделам, проделанной др. членами Рос. Академии (в частности, литеры «И», «К»); сам он осуществлял выбор слов из бесед Иоанна Златоуста. В спорах, касающихся этимологии отдельных слов, мнение П. имело часто решающее значение. 25 нояб. 1786 по ходатайству Е. Р. Дашковой П. был награжден золотой медалью Рос. Академии.

Основную часть литературного наследия П. составляют сочинения и переводы трудов богословского характера. Еще в период руководства Славяно-греко-лат. академией П. сделал перевод (остался в рукописи) на лат. язык изданной в Москве в 1763 книги церковной печати «Стихи, избранные из Священного Писания, служащие ко утешению всякого христианина, неповинно претерпевающего злоключения» и написал к ней предисловие. В рукописях остались хранящиеся в Б-ке СПб. дух. академии переложения некоторых псалмов Давида (1–8, 22, 23 и 90) и толкования на заповеди «О блаженствах» (при жизни не опубл.; впервые: Христ. чтение. 1837. Ч. 4). Заботясь о церковном благочинии, П. писал общедоступные брошюры и пособия, посвященные вопросам вероучения и обязанностям священников, в частности «Нравоучение християнское краткое» (1770), «Наставление от архипастыря священнику при отправлении к должности» (1778). П. принадлежит и обширное сочинение «О служении и чиноположениях Православныя Греко-Российския церкви», работа над которым заняла свыше десяти лет (1792; 2-е изд. 1795). По указанию Екатерины II и Синода П. совместно с Платоном Левшиным подготовил «Поучения на все воскресные и праздничные дни для чтения по церквам всей России» (1775. Ч. 1–3; 2-е изд. 1776). Книга представляла собой сборник лучших образцов проповеднического жанра от древних веков до новейшего времени (поучительные слова Иоанна Златоуста, Ильи Минятия, Жака Сорена, Л. Бурдалу, И.-Л. Мосгейма и др.). В состав собрания были включены сочинения рус. проповедников: *Гедеона Криновского*, Платона Левшина и самого П. (восемь поучений). П. подготовил и издал «Краткие поучения на каждый день года во весь год, собранные из разных поучений Святых отцов» (1781). В 1796 в СПб. синод. типографии была опубликована подготовленная П. «Выписка из церковной истории Никифора Каллиста и других, служащая к открытию называющимся старообрядцами заблуждению их» (РГИА, ф. 796, оп. 77, № 448). Капитальным сочинением П. явились «Толкования на соборные послания» (1794), в которых комментировались апостольские послания Иакова, Петра, Иоанна Богослова и Иуды. В ходе разъяснения текстов Нового Завета П. внушал читателям определенные нравственные истины. Сочинение было написано в соавторстве с архиепископом Астраханским Тихоном Малининым. П. часто приходилось исправлять и редактировать мн. пособия, посвященные вопросам церковной обрядности, такие, напр., как «Последование в неделю православия», «Последование о посещении болящих», «Чин исповедания кающимся» и др. Совместно с Екатериной II П. просматривал рукопись пособия «Краткая священная история церкви Ветхого и Нового Завета, изданная для народных училищ Российской империи. . .» (1784) и одобрил ее. П. неоднократно использовал свое влияние в Синоде, поддерживая труды др. авторов и переводчиков. Так, он принимал непосредственное участие в организации издания книги *А. И. Богданова* «Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга» (1779), помог напечатать в СПб. синод. типографии переведенную священником Алексеем Федоро-

вым с лат. языка книгу «Подражание Иисусу» (РГИА, ф. 796, оп. 60, № 409).

П. много делал для укрепления авторитета рус. духовенства и сохранения памятников духовной культуры. При нем был благоустроен Александро-Невский монастырь, построен новый собор Св. Троицы. По завершении строительства (4 апр. 1791) по приказанию Екатерины II был изготовлен мраморный бюст П., установленный в одном из приделов собора; Державиным была сочинена надпись к этому бюсту. Семинария при монастыре была преобразована в академию, а в Петербургской епархии учреждены новые духовные училища. Для последних П. сам сочинял учебные инструкции. В 1775 П. предписал собрать по всей Новгородской епархии древние рукописные и печатные книги до XVII в., с тем чтобы хранить их в Софийском соборе, а в 1781 приказал протоиерею собора составить опись этих книг и древних рукописей из др. монастырей Новгорода. Особую заботу проявлял П. о поддержании отдаленных монастырей из вверенных ему епархий (Валаамского, напр., а также Саровской Софрониевой, Ниловой пустынь и др.). В течение мн. лет П. добивался через Синод отмены телесного наказания для священнослужителей; указом Павла I от 9 дек. 1796 представление Синода на этот счет было утверждено (см.: Рус. мысль. 1885. Кн. 12. Отд. II. С. 178–180).

Заключительный период жизни П., приходящийся на время правления Павла I, поначалу был отмечен особым благоволением со стороны нового императора. В нач. 1797 П. был награжден орденом св. Андрея Первозванного, а в авг. этого же года — орденом св. Александра Невского. Павел I неоднократно прибегал к советам П., продолжая видеть в нем первенствующего иерарха империи. В нач. 1798, ввиду ухудшения здоровья, П. подал прошение об увольнении от управления Петербургской епархией, но Павел I отклонил его. Однако в окт. 1799 именным указом во главе Петербургской епархии был поставлен архиепископ Амвросий; П. же продолжал управлять Новгородской и Олонецкой епархиями. В дек. 1800 П., тяжело больного, увольняют со всех должностей. Незадолго до кончины П., в июне 1800, его в Новгороде навестил *Г. Р. Державин.*

Лит.: *Мартос А.* Гавриил, митроп. Новгородский // Сын отеч. 1830. Т. 13. № 27; *Поленов В.* Жизнеопис. митроп. Новгородского и С.-Петербургского Гавриила // Тр. Рос. Академии. СПб., 1840. Ч. 1; *Макарий (Миролюбов)*, архим. Сказание о жизни и трудах преосв. Гавриила, митроп. Новгородского и Санкт-Петербургского. СПб., 1857; Письма Гавриила к Арсению (Верещагину). (6). 1775–1778 // Рус. арх. 1864. № 11–12; Из бумаг митроп. Новгородского и Санкт-Петербургского Гавриила: (Неизд. мат-лы для биографии его) // Рус. арх. 1869. № 10; Сухомлинов. Рос. Академия. Вып. 1 (1874); *Знаменский П. В.* Чтения из истории рус. церкви в царствование Екатерины II // Правосл. собеседник. 1875. № 2, 5, 6, 8; Письма митроп. Гавриила к Амвросию (Подобедову). (26). 1785–1800 // Рус. арх. 1895. Кн. 1; *Покровский И. М.* Гавриил, митроп. Новгородский и С.-Петербургский как церковно-обществ. деятель // Христ. чтение. 1901. Т. 212. № 10–11; *Львов А. Н.* К биографии митроп. Новгородского и С.-Петербургского Гавриила Петрова: Письма его к разным лицам, опись его имущества и два последних его завещания // Чтения в О-ве истории и древностей рос. 1902. Кн. 1. Отд. II; Письма митроп. Гавриила к иеромонаху Пахомию и неизвестному // Рус. арх. 1908. Кн. 2; *Рункевич С. Г.* Александро-Невская лавра. 1713–1913. СПб., 1913; *Титлинов Б. В.* Гавриил Петров, митроп. Новгородский и С.-Петербургский: Его жизнь и деятельность в связи с церковными делами того времени. Пг., 1916.

Ю. В. Стенник

ПЕ́ТРОВИЧ Марк (в монашестве — М а к а р и й) [1733, Тамесваре, Венгрия–23 XII 1765 (3 I 1766), Тверь]. Родом серб. В 1750 через Польшу приехал в Киев, где обучался в Киево-Могилянской академии. В 1751 переехал в Мо-

скву и продолжил образование в Славяно-греко-лат. академии. Полный курс окончил в 1758, принял монашество и был оставлен в академии учителем риторики (1758–1759); затем был проповедником (1759–1761); в 1761–1763 — префект и учитель философии. От этого времени сохранились курсы читанных им лекций по логике («Логика феоретическая», 1763; изд. 1778) и догматике («Вечное согласие», 1762; «Церкви восточной православное учение», 1763; изд. 1778). Логику и богословие П. начал впервые читать на рус. языке, одновременно создавая рус. научную терминологию.

В 1763, огорченный тем, что его не назначили ректором академии, сослался на слабое здоровье и попросил перевода в Тверь, куда его приглашал архиепископ *Гавриил Петров*, с которым П. сдружился еще в академии и одновременно принимал монашество. В кон. 1763 или нач. 1764 П. был поставлен архимандритом Желтикова монастыря и назначен ректором Тверской дух. семинарии, в которой читал богословие. Один из слушателей (А. Протопопов) изложил его курс догматического богословия в стихах (1765; РНБ, собр. СПб. дух. академии, № 88). В окт. 1765 здоровье П. ухудшилось, он заболел скоротечной чахоткой и через два месяца скончался.

В Твери П. много времени уделял устройству монастыря и занимался его историей. Результатом этих занятий были компилятивные жития св. Арсения, епископа Тверского (1764; изд. 1768) и кн. Михаила Тверского (1765; изд. 1798), при которых был основан монастырь. *Н. М. Карамзин*, которому была известна только рукопись жития кн. Михаила Тверского, несколько раз цитирует ее в «Истории государства Российского» (Т. 4), отмечая «многие изобретения» (вымыслы) автора. В проповедях П., которые собраны в «Собрании всех сочинений» П. (1786. Ч. 2–3), современники ценили чистоту рус. языка. Среди нравоучительных проповедей две посвящены Елизавете Петровне и *Екатерине II* (все проповеди в издании ошибочно датированы 1780-ми гг.).

В 1764–1765 П. вел дневник — «Книгу памяти», из которого видно, что кроме Гавриила Петрова он поддерживал дружеские отношения с *Георгием Конисским* и, очевидно, был знаком с *А. П. Сумароковым*.

Основные произведения П. неоднократно переиздавались в XVIII–XIX вв.; неизданные хранятся в РНБ (собр. СПб. дух. академии, № 66, 67, 206).

Лит.: *Колосов В.* «Книга памяти» Тверской семинарии ректора, Желтикова м-ря архим. Макария // Тверские епарх. вед. 1881. № 17, 18, 20; *Р-кий А.* Мат-лы к истории дух. просв. в России XVIII в. // Странник. 1892. № 3–4; Желтиковский м-рь в Твери. М., 1899; *Зубов В. П.* Рус. рукоп. учебник по логике сер. XVIII в. // Вопр. философии. 1956. № 4; *Гаврюшин Н. К.* «Риторика» М. В. Ломоносова и «Логика» Макария Петровича // Памятники науки и техники. 1985. М., 1986.

С. И. Николаев

ПЕТРОВСКИЙ Степан Сергеевич [1768 (1770?)–23 IV (5 V) 1819]. Окончил дворянскую гимназию при Моск. ун-те, в 1790 переведен в университет. С 1799 — учитель артиллерии и фортификации высшего арифметического класса в Казанской гимназии. В 1805–1806 — директор казанских училищ. В 1810 — адъюнкт Казанского ун-та, преподавал артиллерию и фортификацию, а с 1812 также гражданскую и военную архитектуру. Был уволен от службы по болезни 17 марта 1819.

Будучи студентом, П. перевел с фр. языка и издал анонимный авантюрный роман «Несчастная принцесса, или Трогательные приключения Аврелии» (1791; посв. М. В. Фонвизиной). В книге фр. журналиста, автора психологических романов Ж.-М.-Ж. Флерио де Лангля «Живописная картина Швейцарии», переведенной П. также с фр. языка (Владимир, 1798), наряду с описаниями природы, памятников архитектуры, климата Швейцарии, некоторых обычаев ее жителей, приводятся летописные предания.

Лит.: *Модзалевский Б.* Петровский С. С. // Рус. биогр. словарь.

Т. «Павел, преподобный—Петр (Илейка)» (1902); *Загоскин Н. П.* Биогр. словарь профессоров и преподавателей имп. Казанского ун-та. Казань, 1904. Ч. 1; *Михайловский А. И.* Преподаватели, учившиеся и служившее в имп. Казанском ун-те (1804–1904). Казань, 1904; Геннади. Словарь. Т. 3 (1908).

М. В. Разумовская

ПЕТУХОВ Илья. В 1798 числился студентом и находился при «делах санктпетербургской цензуры». Автор «Оды государю императору Павлу I на высокоторжественный день <. . .> коронования 1798 года апреля 5-го дня» (РГИА, ф. 468, оп. 43, № 408, л. 67–72 об.), в которой прославление Павла за любовь к подданным и мудрые приемы в управлении страной дано на фоне критического изображения общества. Ода была поднесена императору, удостоена высочайшего благоволения и напечатана с незначительными поправками в типографии Гос. мед. коллегии (1798).

Е. Д. Кукушкина

ПЕЧЕРИН Федор Пантелеймонович [17 (28) X 1773, Петербург–30 X (11 XI) 1835, Москва; похоронен на Ваганьковском кладбище]. Происходил из дворян, дядя поэта и мыслителя В. С. Печерина. В 1775 вместе с семьей переехал в Москву. Письму и грамоте П. обучали родители, а чтению Псалтыри — двоюродная тетка отца П., М. В. Рубан, мачеха *В. Г. Рубана*.

В 1785 П. поступил в Моск. ун-т и поселился по соседству на квартире надзирателя в университетском пансионе. Вместе с учениками пансиона устроил домашний театр, где ставились пьесы *А. П. Сумарокова* («Димитрий Самозванец», «Семира»), *Н. П. Николева* («Розана и Любим»), *Я. Б. Княжнина* («Дидона»). Последние годы обучения в университете П. жил на квартире *М. Г. Гаврилова*, который оказал на П. большое влияние. Вероятно, по его совету П. приступил к переводу с нем. романа И.-Г. Кампе «Новый Робинзон» (1792. Ч. 1–2; 2-е изд. М., 1819) — переделки романа Д. Дефо для детского семейного чтения с многочисленными нравоучениями и познавательными пояснениями по географии, физике, ботанике, зоологии.

По невыясненным домашним обстоятельствам в янв. 1791 П. оставил университет, получив аттестат. В мае он закончил перевод «Нового Робинзона» и при посредничестве *М. И. Прокудина* продал его Унив. типографии. Летом того же года П. уехал в деревню, где, как говорится в «Записках», переводил «Храм Мадры» и др. книги (не сохр.). В деревне же летом 1792 П. перевел «Цветок на гроб Людовика XVI» (не сохр.) и начал переводить с фр. плутовской роман Л. Лемера «Новый Жилблаз, или Приключения Генриха Лансона» (1794. Ч. 1–4). В янв. 1793 П. обращался через «СПб. вед.» (18 янв. № 5. С. 86) к «книголюбцам» с предложением напечатать книгу «своим иждивением».

В дек. 1792 П. переехал в Петербург и в янв. 1793 вступил каптенармусом в лейб-гвардии Преображенский полк, куда был записан в 1786. Часть недолгой военной службы П. прошла в Москве; во время наездов в Петербург он иногда останавливался у В. Г. Рубана. В янв. 1795 П. вышел в отставку с награждением капитанским чином; в янв. 1796 определился землемером в Казанскую межевую контору и переехал в марте 1796 в Казань. После перевода конторы в Вятку П. (с 1804 — кол. асессор) в нояб. 1805 становится губернским землемером в Тамбовской губ. (формуляр 1808 г. — РГИА, ф. 1286, оп. 1, № 314, л. 90 об.–91). В 1808 он составил топографическое описание Тамбовской губ. (местонахождение неизв.), а в 1816 написал «Записки о моих предках и о себе» (изд. 1891). Во время войны 1812 принимал живое участие в судьбе раненых и беженцев, близко сошелся с приехавшим в Тамбов М. Т. Каченовским.

С 1819 П. — прокурор в Донской войсковой канцелярии, затем губернский прокурор в Казанской (1820) и Новгородской (1822) губ., а с февр. 1824 (уже в чине кол. советника) — председатель Влади-

мирской гражд. палаты. Частые перемены места службы были вызваны конфликтами П. с губернским начальством. В 1825 в М-во юстиции поступил анонимный донос о якобы «предосудительных» служебных поступках П. В объяснительных записках и прошениях к министру юстиции Д. И. Лобанову-Ростовскому (нояб. 1826) П. просил защитить его от несправедливых наветов, жалуясь, что его вынуждают «за правоту гонения терпеть» (РГИА, ф. 1405, оп. 534, № 32).

В конце жизни П. — второй член Межевой канцелярии.

Лит.: Зап. Ф. П. Печерина // Рус. старина. 1891. № 12.

С. И. Николаев,
В. П. Степанов

ПИСАРЕВ Александр Иевлевич [1752—после 1810]. Происходил из дворян. Окончил Сухоп. шлях. корпус (1759—1766); был выпущен подпоручиком в армию и принял участие в рус.-тур. войне. Находился при П. А. Румянцеве, затем при П. И. Панине, пользовался их доверенностью и ездил курьером ко двору. Участник осады Бендер и штурма Перекопской линии; в 1772 состоял в штате рус. посольства в Крыму. В 1774—1775 получил отпуск по ранению и лечился за границей, объехав ряд европ. стран. С 1783 и до ликвидации надворных судов (1797) занимал разные должности в судебных учреждениях Тульского и Московского наместничеств. С 28 авг. 1802 — председатель 2-го Деп. Моск. угол. палаты (формуляры 1804 и 1810 гг. — РГИА, ф. 1349, оп. 3, № 1719, л. 43; оп. 4 (1804 г.), № 71, л. 8; прошение 1797 г. — РГИА, ф. 938, оп. 1, № 524, л. 180).

Вероятный автор вышедшего анонимно романа «Переписка двух адских вельмож, Алгабека и Алгамека, находящихся по различным должностям в старом и новом свете; содержащая в себе сатирические, критические и забавные происшествия, повести, анекдоты и другие удивительные сцены нравственной жизни людей обоего пола. Переведена с арапоеврейского языка грекояпонским переводчиком в 1791 000 году» (1792—1793. Ч. 1—3). На авторство «Александра Писарева» указал В. С. Сопиков (см.: *Сопиков В. С.* Опыт рос. библиографии. . . / Ред., примеч., доп. и указ. В. Н. Рогожина. 2-е изд. СПб., 1905. Т. 4. № 8105); М. Н. Лонгинов считал, однако, что автор — сын П. Александр Александрович (1784—1847), писатель и директор Моск. ун-та при Николае I (запись Лонгинова на экз. «Переписки двух адских вельмож. . .» — б-ка ИРЛИ, шифр: 49 2/8); последнее предположение хронологически невероятно.

«Переписка двух адских вельмож. . .», несмотря на совпадение загл. с выходившей годом ранее «Почтой духов», не является подражанием И. А. Крылову, а представляет собой собрание сатирических очерков в духе журналов *Н. И. Новикова* и повестей, объединенных одними и теми же рассказчиками во главе с «г. Живописцовым». Объекты сатиры в ч. 1—2 романа — петиметры, кокетки и учителя-иностранцы. Указание на древнюю столицу сев. страны в качестве места действия определенно имеет в виду Москву. Ряд персонажей (напр., «г-жа Грубодеева») восходит к типам комедий *Д. И. Фонвизина*. Несмотря на явно литературный характер сатирических мотивов, читатели были склонны видеть в книге сатиру «на лица», и, «для отвращения всяких несправедливых суждений», автор в предисловии «от переводившего» к ч. 2 был вынужден подчеркнуть, что не имел намерения выводить в книге «действительные лица или целые семейства». Наименьшей самостоятельностью отличается ч. 3, излагающая историю Дондона, выходца из Батавии, и представляющая перевод или переделку какого-то фр. романа революционного времени (после 1789). В ней содержатся довольно резкие оценки нравов фр. дворянства (с этим связаны говорящие имена персонажей: г-н Маккерель — Сварливов, г-жа Атупрет — Доступнова, г-жа Прет-Асерандр — Отдавалова, дюшесса Санпюдер — Бесстыжева), а также разоблачение химеры вольности и равенства, овладевшей умами (деятельность масонов — «тарминистов» и якобинцев — «кобиянцев» во главе с графом Калиостро — «Остро-

кали»). Частично история Дондона изложена в форме эпистолярного романа. В прозаический текст «Переписки двух адских вельмож. . .» включены стихотворные отрывки, по-видимому присутствовавшие во фр. оригинале; ч. 3 заключает не связанное с сюжетом романа стихотворение «Плач юноши перед смертью» («Стени теперь, душа, страдай и рвись на части. . .»).

Лит.: *Афанасьев А.* Сатир. издания 90-х гг. // Моск. вед. 1856. 5 июля. № 80.

В. П. Степанов

ПИСАРЕВ Стефан (Степан) Иванович [1708–9 (20) V 1775, Петербург; похоронен в Александро-Невской лавре]. Обучался в Славяно-греко-лат. академии. В 1725, до окончания курса, был включен в состав посольства гр. С. Владиславича-Рагузинского в Китай «для оставления в тамошнем столичном городе Пекине студентом к обучению тамошних языков» (РГАДА, ф. 286, кн. 423, л. 492), но вместо этого исправлял должность канцеляриста при посольстве и вместе с ним вернулся в Москву в дек. 1728. Некоторое время был учителем греч. языка в академии, а в 1730 определился на службу в Сенат подканцеляристом. С 1731 по 1760 служил в Коллегии иностр. дел, занимая должности канцеляриста, переводчика с греч. языка (с 1733), а затем секретаря (с дек. 1742) с жалованьем 500 руб.

В авг. 1760 П. был назначен обер-секретарем Синода, но уже в 1763, ссылаясь на слабость здоровья, подал прошение о переводе обратно в Сенат. В марте 1764 пожалован ст. советником.

К переводческой деятельности П. приступил в нач. 1740-х гг. Он переводил много и охотно с греч. и ит. языков, а в 1770 принимал участие в издании перевода *Евгения Булгариса* на новогреч. язык «Наказа» *Екатерины II* (БАН, 17.16.10; см. письмо П. к *Я. Я. Штелину* — РНБ, ф. 871, № 625). Переводы доставляли ему средства к существованию; из его прошений в Синод видно, что он бедствовал. Вместе с тем некоторые переводы П. издавал на свой счет. Трудности преследовали его: иногда переводы долго не пропускались в печать цензурой, иногда оставались в рукописях («Цвет добродетели» Амвросия Грабенича, переведенный с греч. языка в 1733 (РНБ, Q.I.925; в 1785 это произведение опубл. в пер. *И. Г. Харламова*), «Слова и поучения» Никифора Феотоки (БАН, Архангельское собр. С 783), сочинение «Небесный дар, или Слово Божие», переведенное с греч. языка в 1769 (РНБ, F.I. 59)). В 1744 П. перевел с греч. языка и пытался издать «Изъяснения начала и причины схизмы, или раскола, западной церкви с восточной» (РНБ, F.I. 768) Ильи Минятия (изд. в его сокр. пер. под загл. «Камень соблазна» лишь в 1783). В 1750 П. был в г. Глухове на выборах укр. гетмана. Там он перевел с греч. языка небольшое догматическое произведение «Процветание христианской веры»; в посвящении митрополиту Киевскому Тимофею Щербацкому П. писал, что эта книга «кем сочинена, и где, и когда в печать издана, о том нимало не упомянуто» (черновой автограф пер. — Отд. редкой книги научной б-ки им. Н. И. Лобачевского Казанского ун-та, № 4668). Этот перевод также остался неизданным.

В 1766 П. просил у Синода разрешения издать «Проповеди иерусалимского патриарха Хрисанфа». *Гавриил Петров* рассмотрел перевод П., отозвался о нем положительно, но работа осталась в рукописи (РНБ, собр. СПб. дух. академии, № 25), а проповеди Хрисанфа были напечатаны в переводе *Моисея Гумилевского* (1784).

Самый известный перевод П. — «Житие Петра Великого» А. Катифоро, сделан с ит. языка по устному повелению Елизаветы Петровны в 1743, но из-за происков «недоброхотов», как писал сам П., издан лишь в 1772 (2-е изд. 1788). П. значительно дополнил книгу Катифоро фактами и документами, в частности материалами по «делу царевича Алексея». Еще до издания перевод стал широко известен в рукописной редакции (незначительно отличающейся от печатной по содержанию и значительно по языку), включался в рукописные

сборники сочинений о Петре I и послужил, в частности, одним из источников «Подробной летописи от начала России до Полтавской баталии», изданной *Н. А. Львовым* (1798–1799. Ч. 1–4). Позднее П. перевел еще одно сочинение Катифоро — «Священная история Нового и Ветхого Завета» (1751; изд. 1763).

В основном переводы П. относятся к области церковного красноречия: он переводил Иоанна Златоуста («Слово на евнуха Евтропия», 1759), Василия Великого («Беседа, или слово нравоучительное, о пьянствующих», 1774), а также Илью Минятия (речи и поучения последнего в переводе П. выдержали несколько изданий); первое «Собрание поучений» Ильи Минятия П. подготовил в 1741 (РНБ, собр. Колобова, № 38). В конце жизни П. перевел руководство по красноречию — «Златослов» Ф. Скуфоса, изданный уже посмертно с предисловием *Л. Сичкарева* (1779). Ряд переводов П. напечатан кириллицей: «Поучительные слова» Иоанна Златоуста (1773); «Слова о священстве» Иоанна Златоуста (1775, 1794); «Собрание различных поучительных слов» Ильи Минятия (1781. Ч. 1–2).

П. одним из первых резко критически выступил против беллетристических жанров; романам он противопоставил церковно-учительные сочинения и труды по церковной истории, а также нравоучительные и воспитательные книги: Э. Тезауро («Философия нравоучительная», 1764–1765; совм. с *Г. Дандоло*); письмовник с пословицами и изречениями семи греч. мудрецов («Гномологик», 1767; посв. К. С. Нарышкину); Плутарх («О детоводстве <. . .> наставление», 1771; «Слово <. . .> о непристойном любопытстве», 1786); Ф. Лоредано («Орган забавных мыслей, философические игры», 1775) и пр. Некоторые из этих переводов были отмечены положительными рецензиями в «Ежемес. соч.» и «СПб. вед.». Однако в ч. 2 «Философии нравоучительной» П. полемизировал с рецензентом «Ежемес. соч.» (1764. Ч. 19. Июнь), который писал, что книга написана не «по нынешнему вкусу и по основаниям новой философии». Похвальные отзывы о переводческой деятельности П. содержатся в нескольких частных письмах к нему митрополитов Тимофея Щербацкого, *Амвросия Зертис-Каменского* и *Арсения Могилянского*, которые он поместил в начале изданных в 1773 «Слов поучительных и четырех речей похвальных» Ильи Минятия. Эти письма, относящиеся к 1759–1760, являются своеобразными рецензиями на «Собрание поучительных слов» Ильи Минятия (1759–1760. Т. 1–2). Митрополит Киевский Арсений, в частности, писал: «В переводе <. . .> показали Вы немалую силу существенных красот российского языка». П. принципиально пользовался рус., а не церковнослав. языком; так, в предисловии к «Советам премудрости» М. Буто (1752, изд. 1760) он подчеркивал, что переводил «на общий наш язык российский, с наблюдением, сколько мне было можно, ясности нашего слога».

Возможно, *А. П. Сумароков* метил в П. своим письмом «К подьячему писцу или писарю» (Трудолюбивая пчела. 1759. Нояб.), который тщится переводить Василия Великого, Иоанна Златоуста.

О популярности переводов П. свидетельствуют переиздания XIX в., а также богатая рукописная традиция XVIII–XIX вв. «Жития Петра Великого» и проповедей Ильи Минятия.

Лит.: *Барсов Т. В.* О дух. цензуре в России // Христианское чтение. 1901. № 6; *Буш В. В.* «Житие Петра Великого» Стефана Писарева. Пг., 1915.

С. И. Николаев

ПЛАВИЛЬЩИКОВ Петр Алексеевич [24 III (4 IV) 1760, Москва–18 (30) X 1812, с. Ханенево Бежецкого у. Тверской губ.]. Родился в купеческой семье, которая была тесно связана с прогрессивными университетскими кругами.

С 1768 П. учился в гимназии при Моск. ун-те. С 1776 студент философского факультета университета. Слушал лекции *С. Е. Десницкого, А. А. Барсова, Х. А. Чеботарева*. Наставником и старшим товарищем П. был друг его отца

профессор *Д. С. Аничков*. П. пользовался его библиотекой и со временем в совершенстве овладел фр., нем. и англ. языками. Науки давались ему легко. В «Рапорте от Московского университета об успехах, понятии, прилежности и поступках обучающихся в университете студентов и в гимназии учеников по экзамену сего 1777 г.» М. В. Приклонский отозвался о П.: «Понятен, но не прилежен» (РНБ, Эрмитажное собр., 500/2, л. 37). В 1778 за успехи в учении П. был награжден серебряной медалью (Моск. вед. 1778. 11 июля. № 55. Приб.). В студенческие годы П. увлекся театром, посещал представления в театре Гроти и П. В. Урусова — М. Е. Медокса, а в 1777 он и *П. И. Страхов*, будущий профессор, а в ту пору студент, восстановили театр при Моск. ун-те, который просуществовал затем до 1812.

Окончив университет в 1779, П. стал актером. По не вполне достоверным сведениям, он дебютировал в театре П. В. Урусова — М. Е. Медокса. 8 мая 1779 П. был принят на службу Дирекцией имп. театров в Петербурге на «первые роли и характеры» и получил покровительство тогдашнего директора театра *В. И. Бибикова*.

В Петербурге П. дебютировал в театре Книппера, 24 сент. 1782 сыграв Правдина на премьере «Недоросля» *Д. И. Фонвизина*.

П. занимался и преподавательской деятельностью, он писал: «Некогда в Москве был я учителем российской истории». Будучи уже знаменитым актером, П. преподавал рус. словесность «по собственному своему начертанию» в Петербурге в Академии художеств и риторику в Горном корпусе.

В 1780-е гг. началась литературная деятельность П. В 1782 он издавал еженедельник «Утра», в котором анонимно печатались сочинения *И. И. Дмитриева*, *Я. Б. Княжнина*, басни *А. П. Сумарокова* и *В. И. Майкова*, переводы из сочинений И.-К. Готшеда, Л.-С. Мерсье, Н. Буало, Вольтера, Ш. Монтескье. Намерение П. публиковать в еженедельнике известия обо всех выходящих российских книгах, объявленное на тит. листе первого номера, не было осуществлено. Издание началось в мае и оборвалось в сент., возможно, из-за цензурных преследований. В авг. П. опубликовал свое «Рассуждение о зрелищах». Он называет театр «зеркалом человеческой жизни», выдвигает на первый план его воспитательное значение, рассуждает о жанрах комедии и трагедии, отдавая предпочтение комедии, вслед за Сумароковым отвергает «слезную» драму. В «Рассуждении...» заметно стремление П. к демократизации драматургии. В «Собеседнике» П. опубликовал юмористический рассказ «Прогулка» (1783. Ч. 6).

Вскоре П. обратился к драматургии. В основу содержания трагедии «Дружество» (1783), действие которой происходит в древнем Киеве, положены моральные проблемы. Трагедия «Тахмас-Кулыхан» (1785; ставилась в Петербурге в 1785, в Москве в 1800), главным героем которой был перс. шах, развивала традиции тираноборческих трагедий Сумарокова.

П.-драматург испытал сильное влияние распространившейся в европ. драматургии второй пол. XVIII в. «слезной драмы». В спектаклях такого рода П. с успехом участвовал как актер (напр., в пьесе И.-В. Браве «Безбожный»). В духе «слезной драмы» была написана комедия «Исправление, или Добрые родственники», ставившаяся на петербургской сцене в 1785, но не напечатанная. Влияние «слезной драмы» заметно и в трагедии «Дружество», и в комедии П. «Бобыль», игранной в первый раз в 1790 (1792; 2-е изд. СПб., 1815). Действие пьесы происходит в крестьянской среде. П. изображает сложные драматические коллизии, возникающие между деревенскими богатеями, грубыми и жестокими, и бесправными батраками. Центральным героем комедии является бобыль Матвей, умный, находчивый и не лишенный чувства собственного достоинства. Язык комедии изобилует меткими и образными словами и выражениями. Эта пьеса шла на московской сцене до 1850-х гг.

В комедиях «Мельник и сбитенщик — соперники» (представлена

впервые в 1790; напеч. в 1793; 2-е изд. СПб., 1815) и «Сговор Кутейкина» (представлена в 1789; напеч. в 1799; 2-е изд. СПб., 1821) П. использует образы, созданные *А. О. Аблесимовым*, Я. Б. Княжниным, Д. И. Фонвизиным, не отступая от психологического облика персонажей, заданного др. комедиографами. Сведя в одной комедии основных персонажей «Мельника» Аблесимова и «Сбитенщика» Княжнина, П., в соответствии со своими взглядами на искусство, отдает предпочтение самобытному «Мельнику».

Основную задачу жанра трагедии П. видел в морально-политической назидательности. В трагедии «Рюрик» (СПб., 1816), представленной в Петербурге на сцене Придворного театра под назв. «Всеслав», вероятно, в 1791, а в Москве в 1794, П. воспользовался историческим сюжетом, к которому обращались *Екатерина II* и Я. Б. Княжнин. П. полемизирует с идеями, высказанными Княжниным в «Вадиме Новгородском», наделяя Рюрика положительными качествами, а республиканца Вадима изображая злодеем. По мнению П., в России особую опасность для общественного спокойствия несет властолюбие вельмож. В финале трагедии Вадим признает моральное превосходство Рюрика и смиряется.

Пьеса изобилует размышлениями персонажей об отношениях личности к государству и законам, о необходимых пределах власти.

В дек. 1791 П., *А. И. Клушин, И. А. Дмитревский* и И. А. Крылов создали издательство «Типография Крылова со товарыщи», где в 1792–1795 были напечатаны 21 книга, в т. ч. пьесы П. «Бобыль» и «Мельник и сбитенщик — соперники», и два журнала — «Зритель» и «СПб. Меркурий». Первый номер «Зрителя» (1792) открылся статьей П. «Нечто о врожденном свойстве душ российских» (Февр.; Апр.) — программным выступлением издателей, утверждавших право рус. национальной культуры на существование. П. возражает против обвинений русских в склонности к подражанию, указывает на положительные качества рус. национального характера и богатство рус. языка. В статье «Театр» (Июнь; Авг.—Окт.) П. развивал мысли, высказанные в журнале «Утра». П. говорит о большом значении театра и настаивает на том, что предметом изображения на сцене должна быть рус. национальная жизнь. Признавая необходимым для драматического искусства требование «естественности», П. из всех театральных жанров отдает предпочтение драме, но делает также интересные наблюдения,касающиеся рус. комедии.

П. занимал ведущее место на петербургской сцене. С 1787, после отставки Дмитревского, был инспектором труппы, с 1791 — режиссером. В 1793 П. возвратился в Москву. Типография «Крылова со товарыщи» перешла в руки его брата В. А. Плавильщикова (1768–1823).

Московский период деятельности П. — время его литературной и актерской зрелости. П. стал актером Петровского театра, затем театра Медокса, но часто приезжал в Петербург для участия в спектаклях. Красивая внешность, мелодичный голос способствовали его успеху на сцене, но в трагедиях игра П. отличалась холодностью, внешней эффектностью. Современники П. признавали, что он, «поняв классицизм Дмитревского до излишности <. . .> пересаливал игру свою и забывал о натуре» (*Макаров М. Н.* Мат-лы для истории рус. театра. С. 17). Наиболее полно его талант актера раскрылся в комедии и мещанской драме. С. Т. Аксаков, видевший игру П. в драме, писал: «Яркий свет сценической истины, простоты, естественности тогда впервые озарил мою голову». О игре П. неоднократно писали «Вестн. Европы» и «Моск. курьер».

В Москве П. также занимался педагогической деятельностью: преподавал историю в военной школе, учил декламации воспитанников Моск. благор. пансиона, а также руководил домашними театрами кн. П. М. Волконского, А. Н. Дурасова в Люблино, Н. П. Шереметева, труппой Д. Е. Столыпина, Р. Е. Татищева, пробуя на любительских сценах напечатанные, но не игранные пьесы. После пожара Петровского театра (1805) П. целую зиму выступал в Казани.

П. не оставил и литературную деятельность. В 1803 он написал трагедию «Ермак, покоритель Сибири» (М., 1806). В основе сюжета — завоевание в 1582 Ермаком Тимофеевичем татар. города Сибирь. П. изобразил Ермака рус. героем, который верой и правдой служит царю и разбойничает поневоле. Цель Ермака — разоблачить тех вельмож «пиявиц иностранных», которые, обольстя царя, «подтачивают, как жадные черви, его царство». Основную сюжетную линию трагедии составляет борьба в душе Ермака между чувством долга и любовью к дочери Кучума. Благородный, чувствительный Ермак напоминал героя сентиментальной драмы. Неисторичность этого образа ощущалась современниками. Один из критиков писал: «. . . откуда проистекает для сей пьесы название трагедии? <. . .> Не странная ли мысль представить нам Ермака образцом честности и великодушия? Не странная ли мысль в исторической трагедии тронуть нас небылицею? Всякий, кто сколько-нибудь знает отечественную историю, в таком характере увидит басню» (Вестн. Европы. 1807. № 9. С. 49).

Первое представление «Ермака» состоялось в Москве на сцене Петровского театра в 1803, причем роль Ермака исполнял сам П. Затем пьеса шла в Петербурге в 1804, а в Москве в 1804 и 1811.

Перу П. принадлежат также комедия для детей в подражание С.-Ф. Жанлис «Чистосердечие», перевод-переделка пьесы А. Коцебу «Граф Вальтрон» (СПб., 1816), лирическая трагедия «Ленса, или Дикие в Америке» с хорами и балетом (впервые представлена в Москве в 1799), а также несколько од: на взятие Очакова (1788), на заключение мира со шведами (1790), на коронование Александра I (1801). Некоторые пьесы П. погибли во время пожара Петровского театра.

29 сент. 1811 П. был избран членом О-ва любителей рос. словесности, учрежденного при Моск. ун-те, и, по предложению общества, написал «Рассуждения о зрелищах Древней Греции» (*Плавильщиков П. А.* Соч. Ч. 4. С. 114–127), где изложил свои суждения о современной ему рус. драматургии.

Во время войны 1812 П. долго не выезжал из Москвы и покинул ее лишь тогда, когда неприятель вступил в город.

Собрание сочинений П. (Ч. 1–4) с гравированным портретом было издано в Петербурге в 1816 с биографическим очерком его брата А. А. Плавильщикова. Ч. 1 подготовлена к печати самим автором. Рукописные копии ряда пьес П. хранятся в СПбГТБ.

Лит.: *Победоносцев П. В.* Воспоминания о Петре Алексеевиче Плавильщикове // Новый пантеон отечественной и иностранной словесности. 1819. Ч. 4; *Макаров М. Н.* Мат-лы для истории рус. театра // Репертуар рус. театра. 1841. Т. 2; *Сиротинин А.* П. А. Плавильщиков, актер и писатель прошлого века: Очерки из истории рус. театра // Ист. вестн. 1891. Авг.; Арх. Дирекции имп. театров (1746–1801). СПб., 1892. Вып. 1. Отд. 1–3; *Горбунов И. Ф.* П. А. Плавильщиков // Рус. вестн. 1892. Кн. 3; *Кулакова Л. И.* Петр Алексеевич Плавильщиков. М.; Л., 1952; *Аксаков С. Т.* Собр. соч. М., 1955. Т. 2; *Асеев Б. Н.* Рус. драм. театр XVII–XVIII вв. М., 1958; *Козьмин М. Б.* Журн. «Утра» и его место в рус. журналистике XVIII в. // XVIII век. 1959. Сб. 4; Берков. История комедии (1977); История драм. театра. Т. 1 (1977); История рус. драматургии. XVII–первая пол. XIX в. Л., 1982.

Е. Д. Кукушкина

ПЛАТОН (Левшин) см. Левшин П. Г.

ПЛЕЩЕЕВ Сергей Иванович [1752–23 I (4 II) 1802, Монпелье]. Принадлежал к старинному дворянскому роду Мешковых-Плещеевых. В 1759 П. был записан рядовым в Измайловский полк, в 1765 был командирован в Англию для прохождения морской практики. В 1765–1770 ежегодно плавал на кораблях англ. флота у берегов Сев. Америки. 30 июля 1769 был произведен в лейтенанты. В 1770 П. на корабле «Св. Георгий Победоносец» отправился в Средиземное море; весь 1771 П. был на нем в

крейсерстве в районе Архипелага. В 1772 П. служил на корабле «Ростислав», совершавшем рейсы между Архипелагом и Ливорно. В кон. 1772 по приказу А. Г. Орлова П. посетил Сирию и Палестину, сопровождая посла егип. паши Алибея. В 1773 П. возвратился из Ливорно в Петербург. По возвращении П. сразу же принялся за изучение рус. языка, который он совершенно забыл за время восьмилетнего пребывания за границей; впосл. П., по свидетельству его жены, все свои сочинения писал сначала на англ. языке и лишь затем переводил их на рус. В 1773 на фрегате «Быстрый» П. плавал от Кронштадта до Любека. Командуя фрегатом «Св. Марк», плавал с придворными яхтами между Петербургом и Петергофом. В 1775 был командирован в Константинополь как член посольства при Н. В. Репнине; в том же году произвел опись и промер Дарданелльского пролива до Константинополя, а в 1776 произвел опись Синопа и Трапезунда, после чего прибыл в Таганрог, откуда возвратился в Петербург; по возвращении представил в Гидрографический деп. «Известия о турецком флоте» (Зап. Гидрографического деп. СПб., 1849. Ч. 7. С. 251). В 1777 П. был послан в Швецию для изучения организации «корабельного, галерного и армейского флотов» в ее портах.

21 сент. 1781 П. был назначен состоять при цесаревиче Павле Петровиче. Имеются свидетельства о том, что он был помощником *Н. И. Панина* в воспитании цесаревича и знакомил последнего с рус. литературой (Рус. арх. 1869. № 11. Стб. 1877). П. снискал большое расположение как Павла Петровича, так и Марии Федоровны, которой он преподавал географию России; находился в свите в сент. 1781 во время их заграничного путешествия. Еще до поездки за границу П. был ревностным масоном, и есть известие, что русских с мартинизмом впервые познакомил П. (Барсков. Переписка масонов (1915). С. XXV). Имеется и др. точка зрения: П. не был среди первых членов Дружеского учен. о-ва, он был принят в него за границей при содействии И. Г. Шварца (Лонгинов. Новиков и мартинисты (1867). С. 159) и там же увлек в масонство Павла Петровича (см.: *Engel Z.* Geschichte Illuminaten Ordens. Berlin, 1906. S. 193). По возвращении в Россию в нояб. 1782 П. указом *Екатерины II* был удален из Петербурга — ему ставились в вину натянутые отношения с Г. А. Потемкиным и принадлежность к масонству. Все это время совместно с Г. Г. Кушелевым П. командовал флотилией на Гатчинских прудах. 29 июня 1787 П. заведовал иллюминацией парка в Павловске по случаю именин цесаревича и фейерверком в Гатчине 20 сент. 1787 по случаю его дня рождения. В 1787–1788 П. командовал кораблем «Азия».

В 1788 П. был отправлен в южную Францию с поручением, касавшимся, по всей вероятности, действий рус. эскадры в Архипелаге. По пути, в Страсбурге, П. встретился с Сен-Мартеном и Тиманом, в Лионе — с Миллермозом и Милане. В Авиньоне П. вступил в члены братства «Народ Божий», членами которого являлись Н. В. Репнин, П. И. Озеров-Дерябин, А. А. и М. А. Ленивцевы. По приезде в Россию П. прекратил с братством какие-либо отношения. Весною 1790 П. вернулся в Петербург из Москвы, куда он ездил для свидания с отцом. При посредстве П. Павел Петрович сблизился с кружком Новикова начиная с 1787 (см.: Рус. старина. 1784. № 9. С. 158). Из-за интриг графа Ф. В. Ростопчина начиная с окт. 1790 Екатерина II стала относиться к П. крайне неблагосклонно (см.: Рус. старина. 1899. № 12. С. 680). Ок. 1792 П., при содействии *И. В. Лопухина*, был принят в орден розенкрейцеров. В записке Ф. В. Ростопчина Екатерине II утверждалось, что П. является агентом мартинистов при Павле Петровиче, который «слепо ему во всем доверился» (Рус. арх. 1875. № 1. С. 76). Во время следствия над *Н. И. Новиковым* С. И. Шешковский особо задавал вопросы о принадлежности П. к масонству; Екатерина II крайне интересовалась перепиской П. и Павла Петровича с Новиковым, И. В. Лопухин рассматривал установленное за ним А. А. Прозоровским наблю-

дение как следствие своей дружбы с П. (см.: Рус. арх. 1884. № 1. С. 51, 56–57, 73).

В 1790 П., по просьбе Марии Федоровны, занимался улаживанием недоразумений, возникших между ней и Павлом Петровичем из-за слухов о Е. И. Нелидовой. Особое значение в это время приобрела переписка П. с Марией Федоровной. Екатерина II воспользовалась этой перепиской для удаления П. от двора цесаревича: по ее приказу Ф. В. Ростопчин распространил клеветнические слухи об отношениях Марии Федоровны и П. (см.: Арх. кн. Воронцова. Т. 8. С. 94). С мая 1794 П. жил в Москве в собственном доме на Новой Басманной (см.: Рус. арх. 1877. № 10. С. 186). Мнение большинства современников о причинах удаления П. выразил оклеветавший его Ф. В. Ростопчин в письме к С. Р. Воронцову от 28 мая 1794: «Хороший, достойный человек был удален от двора великого князя по подозрению в искренней привязанности к великой княгине» (Рус. арх. 1876. № 1. С. 117). В 1796, после достигнутого примирения между Марией Федоровной и Нелидовой, П. был возвращен в Павловск. Сразу же по возвращении к малому двору была сыграна свадьба П. с фрейлиной Н. Ф. Веригиной.

П. присутствовал 5 нояб. 1796 при кончине Екатерины II (см.: Рус. старина. 1882. № 12. С. 468, 470). 7 нояб. 1796 П. был назначен адъютантом Павла I (см.: Рус. старина. 1870. № 1. С. 31). 4 дек. 1796 именным указом П. было пожаловано 2000 душ крестьян (см.: Ист. вестн. 1888. № 6. С. 646). 9 янв. 1797 П. был произведен в вице-адмиралы и назначен состоять при особе его величества.

Благодаря хлопотам П. был отпущен на свободу Новиков и уволен с должности московского губернатора и сослан в деревню А. А. Прозоровский. Через П. И. В. Лопухин подал Павлу I письмо об отмене или уменьшении телесных наказаний. Лопухин высоко отзывался о П.: «Христианские добродетели, примерное благородство души и редкие дарования ума Плещеева известны всем, знавшим его беспристрастно» (*Лопухин И. В.* Зап. Лондон, 1860. С. 57–67, 79–80). В это же время П. добился милостей для *М. И. Антоновского* (см.: Рус. арх. 1885. № 2. С. 164); к П. писал с Мыса Доброй Надежды письма о помощи *Г. С. Лебедев* (см.: *Давидсон А. Б., Макрушин В. А.* Облик далекой страны. М., 1975. С. 197–213). После сближения с Ф. В. Ростопчиным и А. А. Аракчеевым Павел I совершенно охладел к П.: 28 июля 1798 благодаря интригам П. В. Лопухина он был отставлен от службы. П. сразу же удалился в Москву, где был очень дружен с А. П. Оболенским, в имении которого с. Троицком Подольского у. он часто бывал (см.: Рус. арх. 1877. № 3. С. 311); не порывал он и связи со своими старыми друзьями — через Ф. П. Лубяновского переписывался с А. А. и В. И. Кошелевыми в Дрездене (см.: Рус. арх. 1872. № 3. С. 467). П. помогал Марии Федоровне в ее благотворительной деятельности, в частности был опекуном Демидовского коммерч. уч-ща (Сб. мат-лов для истории СПб. Коммерч. уч-ща. СПб., 1889. Отд. 3. С. 53–54); Александр I предложил П. высокую должность, но П. уехал за границу, где и скончался.

Значительное состояние П. унаследовала жена; обширная библиотека П. перешла к его племянникам и влилась в родовую библиотеку Гагариных.

В 1773 вышла книга П. «Дневные записки путешествия из архипелагского, России принадлежащего, острова Пароса в Сирию и к достопамятным местам, в пределах Иерусалима находящимся. С краткою историею Алибеевых завоеваний» (посв. А. Г. Орлову), представляющая собой обработанные для печати путевые воспоминания П. Книга была напечатана за счет близкого друга П., *В. Г. Рубана*. В предисловии П. писал, что «положил себе за правило и упражнение примечать деяния сотоварищей. . .». Занимательная фабула, живой язык, вставные эпизоды, сходные по сюжету с новеллами ит. Возрождения, принесли книге П. большой успех. В 1778 в Риге был напечатан сделанный *Б. Ф. Арндтом* перевод ее на нем. язык. Можно предположить, что под влиянием П. Н. И. Новиков издал в 1789

выполненный А. А. Алексеевым перевод «Истории о возмущении Али-бея против Оттоманской Порты. . .» С. Люзиньяна.

Зная намерение В. Г. Рубана посетить Константинополь, П. перевел для него с англ. языка книгу Ф. Кальверта «Путешествие английского лорда Балтимура из Константинополя через Румелию, Болгарию, Молдавию, Польшу, Германию и Францию в Лондон», представляющую собой дневные записки за май—сент. 1764 с описанием маршрута от Каменец-Подольска до Константинополя, и отправил перевод из Константинополя вместе с письмом от 14 марта 1776 В. Г. Рубану. Последний напечатал его в 1776, добавив к нему письмо П. и собственное стихотворение «Благодарение Сергею Ивановичу Плещееву за сообщение сей книжки, 31 июля 1776». В 1778 Рубан напечатал книгу вторым изданием, добавив «Тракт от Москвы до Перекопа в Крым для пользы российских гонцов».

29 окт. 1776 П. вступил в число членов Вольного рос. собрания при Моск. ун-те; им была переведена с фр. языка без указания автора речь Ж.-Д. Д'Аламбера «Защищение учения, читанное в Французской академии, в публичном заседании 13 апреля 1761 года» (Опыт тр. Вольного рос. собр. 1778. Ч. 4. С. 260—286).

По возвращении из-за границы в 1783 П. на свой счет отпечатал «Начертание путешествия <. . .> Павла Петровича и <. . .> Марии Федоровны <. . .> с частным и общим перечнями всего путешествия, предпринятого в 1781 и оконченного в 1782 году». Издание существует в двух видах, различающихся по наличию гравюр. Имеются сведения о том, что впосл. П. издал карту к этой книге (Евгений. Словарь. Ч. 2 (1845). С. 124).

В 1781 для занятий с Марией Федоровной П. составил учебник по географии России «Обозрение Российской империи в нынешнем ее новоустроенном состоянии» (1786; 5-е изд. 1793). Аргументация излагаемых положений подкреплялась в книге статистическими сведениями. В области экономической географии П. выступил последователем *М. В. Ломоносова* и своих друзей по Вольному рос. собранию Н. И. Новикова и П. И. Рычкова (см.: Отеч. экономико-географы XVIII—XX вв. М., 1957. С. 99—103). 5-е издание было дополнено «Показанием новоприсоединенных к России от Порты Оттоманской и от Речи Посполитой областей». Вместе с каждым экземпляром книги покупателю выдавалась также генеральная карта Рос. империи. Подтверждением популярности книги стало печатание 3-го издания (1790) И. И. Глазуновым. По свидетельству современника, «немногие статистические сочинения столь много читаны были, как сие; это служит доказательством, что оно было по вкусу публике» (*Герман К. С.* Ист. обозрение литературы статистики. . . СПб., 1817. С. 70). В короткое время «Обозрение. . .» было переведено на англ., нем. (дважды) и фр. языки.

Андрей И. Тургенев посвятил П. стихотворение, написанное 25 сент. 1799 и прославлявшее его добродетель (Рус. поэты 1790—1810-х гг. Л., 1971. С. 235).

Лит.: Лонгинов. Новиков и мартинисты (1867); Зап. И. П. Сахарова // Рус. арх. 1873. № 6; Арх. кн. Воронцова. М., 1876. Кн. 8; Общий морской список. СПб., 1890. Т. 4; *Шумигорский Е. С.* Имп. Мария Федоровна. СПб., 1892; *Шильдер Н. К.* Имп. Павел I. СПб., 1902; *Алексеевский Б.* [*Еловский Б. А.*] Плещеев С. И. // Рус. биогр. словарь. Т. «Плавильщиков—Примо» (1905); Барсков. Переписка масонов (1915); Пыпин. Рус. масонство (1916); Вернадский. Рус. масонство (1917); *Птуха М. В.* Очерки по истории статистики в СССР. М., 1955. Т. 1.

М. П. Лепехин

ПНИН Иван Петрович [1773—17 (29) IX 1805, Петербург]. Внебрачный сын фельдмаршала кн. Н. В. Репнина, родившийся, видимо, за границей; по отцу брат кн. Адама Чарторижского. Воспитывался в доме отца. В апр. 1782 был определен в Моск. благор. пансион, где пробыл до апр. 1787, когда по желанию отца перевелся в Арт. и инж. корпус (окт. 1787—29 янв.

1789); выпущен подпоручиком в полевую артиллерию, действовавшую против шведов; в 1790 командовал плавучей батареей. По окончании военных действий до 1795 служил в Риге, затем в зап. губерниях России. Известно о дружеских отношениях П. в это время с И. Н. Инзовым, его соучеником по пансиону и с др. лицами из окружения Репнина. В нач. 1797 П. вышел в отставку и поселился в Петербурге на квартире *А. Ф. Бестужева* (начальника канцелярии при президенте Академии художеств А. С. Строганове), с которым он, вероятно, познакомился во время швед. кампании. К кон. года у П. и Бестужева определился план издания «СПб. журн.» (объявл.: СПб. вед. 1797. № 102; Моск. вед. 1798. № 4; ценз. разр. — 7 дек. 1797). Журнал негласно субсидировался вел. князем Александром Павловичем; его программа была связана с просветительскими замыслами кружка «молодых друзей» будущего императора (П. А. Строганов, Н. Н. Новосильцев, А. Чарторижский), по заказу которых переводились и печатались новейшие политико-экономические сочинения (Дж. Стюарт, М. Кондорсе, П. Верри, П. Гольбах). Связи с кружком, достаточно опасные в царствование Павла I, поддерживались через Бестужева; П. был действующим редактором издания.

Среди периодики павловского царствования журнал выделялся публикациями отрывков из сочинений европ. просветителей: П.-Г.-Ф. Гольбаха («Система природы», «Всеобщая мораль»), К.-Ф. Вольнея («Руины»), П. Верри («Размышления о политической экономии»), А.-Л. Тома («Послание к земледельцам»). Большинство статей печаталось в журнале анонимно. Предполагается, что значительная часть стихотворений без подписи принадлежит П. Кроме них ему приписываются четыре литературно-критических письма (подп. — «Читатель»), помеченные как корреспонденции из Торжка (атрибутировались также *А. Н. Радищеву*). В них рассматривались перевод *М. И. Антоновского* «Верное лекарство от предубеждения умов. . .» (1798; книга приписывалась К. Эккартсгаузену) и ряд изданий *Г. И. Громова*. В первом письме особый интерес представляют рассуждения о цензуре.

Литературные знакомства П. завязываются (через посредство Бестужева) прежде всего среди сотрудников «СПб. журн.»: В. С. Сопиков, в лавке которого велась подписка на журнал и которому П. адресовал «Послание к В. С. С. на Новый год» (1804), А. Е. Измайлов, *И. И. Мартынов* и участники его журнала «Муза» (1796) — *Н. И. Анненский* и *Е. А. Колычев* (ум. 1800; П. посвятил ему «Надгробие»).

7 мая 1801 (сразу после восшествия на престол Александра I) П. был зачислен на должность письмоводителя Гос. совета (в чине кол. асессора). К 1802 относится его знакомство с А. Н. Радищевым, у которого он бывал в доме вместе с А. П. Брежинским и И. С. Бородавицыным; близок он был и с такими активными деятелями нового царствования, как В. Н. Каразин (письмо от 29 нояб. 1803 — РНБ, ф. 588, № 285) и А. В. Казадаев (письмо от 12 дек. 1803 — РНБ, ф. 325, № 71). 24 янв. 1803 П. получил место в 1-й экспедиции Деп. нар. просв., где были сосредоточены дела по цензуре. Круг его литературных знакомств расширяется за счет молодых литераторов-сослуживцев (Д. И. Языков, Н. А. Радищев, К. Н. Батюшков, Н. И. Гнедич). Он получил доступ в дом *М. Н. Муравьева*, где имел возможность познакомиться с писателями старшего поколения; одновременно он завязывает отношения с Н. П. Брусиловым и А. Н. Варенцовым, вокруг изданий которых группируется молодежь, принадлежавшая к только что организованному Вольному о-ву любителей словесности, наук и художеств. 16 нояб. 1802 по предложению В. В. Попугаева, представившего в общество оду П. «Сон» (др. назв. — «Стихи на сон»), он был принят в число его действительных членов. Авторитет П. в этом кругу был столь высок, что, хотя он почти не посещал заседаний, 15 июля 1805 общество избрало его своим президентом; сохранилась рукопись устава общества за подписью П. (утвержден 29 июля 1805).

12 мая 1801 скончался Репнин, не упомянув о П. в завещании и разрушив его надежды на обеспеченное будущее. Глубоко личный для себя вопрос о правах незаконнорожденных П. поднял в сочинении «Вопль невинности, отвергаемой законами», поднесенном через Новосильцева Александру I 24 нояб. 1802. Пафос П. направлен против разврата дворянства, в защиту добрых нравов и семейных устоев. В центре внимания П. — судьба детей, прижитых помещиками от крепостных и остающихся в крепостной зависимости. П. призывает императора ввести законы, поощряющие добродетель (П. ссылается на пример Древнего Рима); формулирует общие идеи такого законодательства: упрощение процедуры усыновления, принудительное установление отцовства с правом на наследство, право незаконнорожденных приписываться к любому сословию. Сочинение было удостоено благоволения императора, но ничего не изменило в судьбе П. и не было рекомендовано к изданию; сохранилось в черновой (РНБ, ф. 777, № 1344; опубл. 1889), парадной подносной (РНБ, ф. 885, № 34; опубл. 1934) и беловой (ИРЛИ, р. II, оп. 1, № 313) редакциях. Судя по приписке к последней, П. собирался позднее напечатать «Вопль. . .», дабы «приуготовить половину пути желаемого дела».

«Опыт просвещения относительно к России», наиболее значительное из публицистических сочинений П., вышло в сер. 1804 и в значительной мере было посвящено положению крепостных крестьян («земледельцев»), к которым П. относился с живым сочувствием. Однако, в противоположность А. Н. Радищеву, путь к смягчению общественных противоречий он видел в совершенствовании законодательства под эгидой просвещенной власти. П. подвергает резкой критике фр. конституцию 1793, объявляя провозглашенные ею «вольность», «равенство» и «права человека» метафизическими и ложными понятиями. С его точки зрения, истинное просвещение состоит в том, чтобы правители, как и «нижние роды людей», свято исполняли свои обязанности; взаимозависимость сословий должна регулироваться «мудрым законодательством», цель которого — сохранение собственности и личной безопасности граждан. Возможно, П. было известно «Рассуждение о непременных государственных законах» *Д. И. Фонвизина — Н. И. Панина* (в «СПб. журн.» впервые опубликована автобиография Фонвизина «Чистосердечное признание. . .»). Однако свою аргументацию он сопровождает ссылками на «Наказ» *Екатерины II*, закон о вольных хлебопашцах (1803), установление о крепостных в Лифляндии, англ. законодательство, труды *Н. И. Болтина*; ряд мыслей заимствован у Гольбаха, использованы «Проект закона о народном учении» Ж.-А. Шапталя и работа Беарде де л'Аббея (для конкурса 1766 об устройстве рус. крестьян). Прагматические предложения П. касаются предоставления крепостным права на движимую собственность и устройства сословных учебных заведений, долженствующих внедрять идею общесословной, государственной пользы. Исполненный надежды на либеральные реформы, П. представил «Опыт. . .» Александру I, распорядившемуся переиздать книгу на счет Кабинета е. и. в. Несколько переработав и дополнив сочинение, по указанию императора, «определением крестьянской собственности, примененным к настоящему положению вещей», П. через П. А. Строганова 15 нояб. 1804 передал экземпляр в цензуру. 2 дек. на основании отзыва *Г. М. Яценко* СПб. ценз. комитет признал книгу вредной и постановил конфисковать в лавках нераспроданные экземпляры. Несмотря на согласие П. изъять из книги сомнительные места и его оправдательное «прошение» на имя Строганова, переиздание не состоялось и «законного удовлетворения» П. не получил. Имеются сведения о безуспешной попытке опубликовать последнюю редакцию «Опыта. . .» в 1818 (инициатор неизв.).

В последние годы жизни П. был полон замыслов и намерений выйти на широкую литературную арену. По воспоминаниям Брусилова, в 1804 он собирался издать сбор-

ник стихотворений «Моя лира», писал драму «Велизарий» (закончил 1-е д.; не сохр.), с 1806 хотел издавать журнал «Нар. вестн.». *Н. Ф. Остолопов* упоминает неоконченное сочинение П. «О возбуждении патриотизма». 21 июля 1805 П. подал прошение об отставке в связи с ухудшением здоровья, 19 авг. получил ее, с награждением чином кол. советника и пенсионом и вскоре скончался от чахотки (формуляр 1805 г. — РГИА, ф. 733, оп. 86, № 59, л. 65). Согласно описанию Н. И. Греча, П. был «невысок ростом, худощав, притом очень жив в движениях своих, любезен и учтив в обращении со всеми, остроумен и добродушен. Все знавшие его были к нему искренно привязаны». По-видимому, личными качествами П. во многом объясняются широкие мероприятия членов Вольного о-ва любителей словесности, наук и художеств, посвященные его памяти. 20 сент. и 7 окт. состоялись заседания общества, на которых с речами выступили Брусилов («О Пнине и его сочинениях»), Попугаев, Д. И. Языков; стихотворения, посвященные П., прочли А. Е. Измайлов, Ф. И. Ленкевич, Н. Ф. Остолопов, Н. А. Радищев, А. А. Писарев (отчет см.: Сев. вестн. 1805. № 10). Бо́льшая часть выступлений была опубликована в «Журн. рос. словесности», «Сев. вестн.», «Журн. для пользы» за 1805. Общество организовало подписку на надгробие П. по модели И. И. Теребенина (модель И. И. Гальберга была отвергнута), однако замысел не был осуществлен. Бумаги П. были утрачены сразу же после его смерти. По указанию Титова (см.: *Титов А. А.* Рукописи Вахрамеева. М., 1888. № 249), существовал ранний неизданный перевод П. «Вопросы, писанные Вольтером к папе», посвященный им Павлу I. Сын П., П. И. Пнин, окончил Академию художеств; умер в Италии (1837).

Собрание «Сочинений» П. с большим отделом «Dubia» было издано в 1934 (вступ. ст. и ред. И. К. Луппола, подгот. к печати и коммент. В. Н. Орлова).

Лит.: *Орлов В. Н.* Рус. просветители 1790–1800 гг. 2-е изд. М., 1953; *Деркачев И. З.* Был ли И. П. Пнин радищевцем? // Вопр. философии. 1958. № 8; *Альтшуллер М. Г.* С кем полемизировал Пнин в оде «Человек»? // Рус. лит. 1963. № 1; *Лотман Ю. М.* С кем же полемизировал Пнин в оде «Человек»? // Рус. лит. 1964. № 2; *Западов В. А.* Державин и Пнин // Рус. лит. 1965. № 1.

В. П. Степанов

ПОБЕДОНОСЦЕВ Петр Васильевич [22 IX (3 X) 1771, Москва–30 IX (12 X) 1843, там же (?)]. Сын священника церкви св. великомученика Георгия. Обучался в Славяно-греко-лат. академии, по окончании учения (1797) был по собственному желанию уволен из духовного звания и определен в Унив. гимназию учителем этимологического фр. класса, а с мая 1797 — рос. красноречия. 6 нояб. 1807 получил степень магистра философии и вскоре начал преподавать словесность в Александровском ин-те благор. девиц. С 1811 — д. член О-ва любителей рос. словесности при Моск. ун-те, библиотекарем которого он некоторое время был. С марта 1812 — адъюнкт Моск. ун-та, где с 1814 преподавал рос. словесность. Давал также частные уроки детям московской знати. 8 дек. 1826 получил звание экстраординарного профессора, а за службу в Александровском ин-те — чин ст. советника. 21 дек. 1835 по прошению уволен из Моск. ун-та с пенсией. Кавалер мн. орденов.

Литературная деятельность П. была наиболее активной в кон. XVIII–нач. XIX в. Он выпустил целый ряд переводов с нем. языка (как правило, нравоучительные сочинения А. Галлера, Ф.-Г. Клопштока, К.-М. Виланда и др.). Переживший в молодости утрату жены, П. посвятил ее памяти сборник «Плоды меланхолии, питательные для чувствительного сердца» (1796), первая часть которого состояла из его оригинальных произведений, стихотворных и прозаических («Размышления при гробе», «Эпитафии» и др.), а вторая — из тематически близких переводов (Э. Юнг, Ж.-Ж. Руссо, Ш. де Сен-Пьер). В 1800 П. выпустил сборник сочинений и переводов в основ-

ном нравоучительного характера под назв. «Сокровище полезных увеселений». П. также перевел с нем. языка сборник нравоучительных историй и анекдотов из жизни известных людей «Старинный друг, возвратившийся из путешествия» (М., 1802).

В 1804 П. принял от *П. А. Сохацкого* издание журнала «Новости рус. лит.» и выпустил ч. 9–14 (1804–1805). Затем он заявил о прекращении этого издания и о выходе нового журнала под назв. «Минерва» (1806–1807, совм. с Сохацким), для которого довольно много писал сам. В 1813 издавал журнал «Дет. вестн.». На детское чтение был рассчитан и отличавшийся широтой и пестротой охвата имен (от *С. С. Боброва* до *Н. М. Карамзина*) альманах «Цветник собранных стихотворений», выходивший в 1816, куда П. включил анонимно и свои произведения.

Большой интерес представляют живые и яркие «Воспоминания о Петре Алексеевиче Плавильщикове», опубликованные П. в «Тр. О-ва любителей рос. словесности» (1818. Ч. 11. С. 87–135), а также воспоминания о 1812 годе, который П. провел в с. Белькове Костромской губ. у своего друга *П. А. Шипова* (отрывки из них под назв. «Из дневника 1812 и 1813 годов о московском разорении» опубл.: Рус. арх. 1895. Кн. 2. С. 213–224).

Некоторый итог своей литературной деятельности П. подвел в издававшемся им «Новом пантеоне отечественной и иностранной словесности» (М., 1819. Ч. 1–4), оговорив в предисловии, что «Пантеон» состоит по преимуществу из печатавшихся ранее материалов, которые либо сокращены, либо, наоборот, дополнены и «с большим тщанием со стороны слога обработаны».

П. также издал собрание рассчитанных на детское чтение переводных и подражательных повестей «Друг юности, наставлениями и примерами руководствующий к просвещению и добродетели» (М., 1821. Т. 1–4) и перевел «Краткое руководство к эстетике Эшенбурга» (М., 1829).

Как литератор П. тяготел к карамзинистскому направлению. Это особенно проявилось в его деятельности нач. XIX в., в частности в выборе произведений для перевода.

В своей преподавательской деятельности П. опирался на риторики *М. В. Ломоносова* и *И. С. Рижского*, поэтому в последние годы жизни он казался студентам Моск. ун-та, среди которых были, в частности, М. Ю. Лермонтов и В. Г. Белинский, «живым преданием литературных вкусов и понятий прошлого столетия». Многочисленны анекдоты о П.-преподавателе, в которых он предстает как добродушный старик с совершенно устаревшими литературными понятиями. Не случайно И. И. Лажечников, критикуя в письмах к П. альманах «Полярная звезда», рассчитывал на сочувствие своего корреспондента (см.: Рус. старина. 1891. № 10. С. 230–231).

Дети П. от второго брака: Варвара Петровна (род. 1810) и Сергей Петрович (род. 1816) — были не чужды литературных интересов.

Лит.: Биогр. словарь Моск. ун-та. Ч. 2 (1855); *Пыпин А. Н.* Белинский, его жизнь и переписка. СПб., 1876. Т. 1; *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1888. Т. 1; Рус. арх. 1897. Ч. 1. С. 110–112 (письма И. М. Снегирева к П.); *Мичатек Н.* Победоносцев П. В. // Рус. биогр. словарь. Т. «Плавильщиков–Примо» (1905); *Кони А. Ф.* На жизненном пути // Собр. соч. М., 1969. Т. 7; *Гиллельсон М. И.* Победоносцев П. В. // Лермонтовская энциклопедия. М., 1980.

И. Ю. Фоменко

ПОДОБЕДОВ Андрей Иванович (в монашестве — А м в р о с и й) [30 XI (11 XII) 1742, погост Стогово Переславского у. Владимирской губ.–21 V (2 VI) 1818, Новгород]. Сын священника. С 1757 по 1764 учился в Троицкой дух. семинарии, с 1765 — библиотекарь и проповедник в семинарии, с 1767 — учитель богословия. П. принял монашество в 1768, вскоре был посвящен в иеродиаконы и иеромонахи

и переведен в Славяно-греко-лат. академию. Ему покровительствовал ректор академии *Платон Левшин*. В 1771–1773 П. — префект академии и учитель философии и богословия. 4 окт. 1771 он произнес в Донском монастыре надгробное слово убитому 16 сент. 1771 во время чумного бунта в Москве архиепископу *Амвросию Зертис-Каменскому* (переведено на фр. и нем. (И.-Г. Рейхелем) и опубликовано на этих языках). Правительственным кругам проповедь, имевшая открыто охранительную тенденцию, показалась смелой и гражданственной; в ней увидели даже образец духовного витийства. П. был отмечен гр. Г. Г. Орловым и *Екатериной II*, что способствовало его дальнейшей карьере. В 1775–1778 П. жил в Петербурге, произносил при дворе, где его высоко ценили, проповеди. В 1778 он становится епископом Севским, в 1782 — епископом Крутицким, в 1785 — архиепископом Казанским. В 1794 был назначен членом Синода; в 1795 вызван в столицу для присутствия в нем. С 1799 П. — архиепископ Петербургский, Эстляндский и Финляндский, с 1800 — митрополит Новгородский и Петербургский. Приспособленец и интриган, П. занимал прочное положение при дворе и в церковных кругах. Будучи членом духовного комитета, ведавшего цензурой, П. играл реакционную роль (после 1795), преследуя «вольномыслие» и «безнравственность» в литературе. П. входил в Беседу любителей рус. слова, был членом Медико-хирургической академии, имел научное звание доктора богословия. Он много заботился о состоянии духовных училищ и семинарий в Севске, Орле, Брянске, Крутицах, Белеве, Казани, Новгороде, Старой Руссе и др. По словам обер-прокурора Синода А. А. Яковлева, П. «не отличался ни особенным умом, ни особенным образованием, но имел доброе сердце, был легкомыслен и откровенен до болтливости. Он был человек очень ловкий и большой мастер устраивать связи с сильными мира сего и пользоваться случаем для возвышения и обогащения». В кон. 1817 П. заболел, и ему помогал управлять Петербургской епархией викарий Филарет Дроздов. Вскоре вследствие интриг П. был отставлен от своей должности и отправлен в ссылку в Новгород.

П. занимался догматическим богословием. Им был переведен с нем. языка трактат И.-А. Гофмана «Руководство краткое к чтению книг Ветхого и Нового Завета» (1779); «Рассуждение. . .» и «Курс лекций по богословию» остались в рукописи (их местонахождение неизв.).

Как проповедник П. примыкал к школе нравственно-практического направления Платона Левшина. Его перу принадлежит несколько десятков проповедей — панегирических, поздравительных, надгробных, поучительных (изд. под назв. «Собрание поучительных слов, в разные времена проповеданных» (М., 1810. Ч. 1–3)). Проповеди П. написаны чистым рус. языком, без славянизмов и иностранных слов. Их достоинство — логически стройное, последовательное изложение, ясность и простота. Вслед за Платоном Левшиным П. считал задачей проповедника раскрытие нравственного содержания Священного Писания. Характерные для П. проповеди — «Слово в высокоторжественный день коронации Екатерины II» (1776), «Надгробное слово Екатерине II» (1796; не прочитано и не издано, т. к. Павлу I показалось неприличным отсутствие в нем упоминаний о Петре III; местонахождение рукописи неизв.). Патриотические чувства П. проявились в его проповедях периода войн с Наполеоном: «Приветственная речь императору Александру по совершении благодарственного молебствия по случаю торжества о заключении вечного мира между Россиею и Швециею, говоренная сентября 7 дня 1809» (СПб., 1809), «Речь к санктпетербургскому ополчению при выходе оного к армии на брань» (СПб., 1812), «Речь е. и. в. Александру I в день торжества всеобщего мира, говоренная декабря 6 дня 1815 года» (СПб., 1815).

Лит.: Евгений. Словарь исторический. Т. 1 (1827); Смирнов. Моск. академия (1855); *Чистович И. А.* Преосв. Амвросий (Подобедов),

митроп. Новгородский и Санкт-Петербургский // Странник. 1860. Т. 2. № 5–6; *П. М.* Из прошлого // Рус. вестн. 1868. № 4; Филарет. Обзор. Кн. 2 (1884); [Без подписи]. Амвросий Подобедов, митроп. Новгородский и Санкт-Петербургский // Рус. биогр. словарь. Т. «Алексинский–Бестужев-Рюмин» (1906).

Ю. К. Бегунов

ПОДШИВАЛОВ Василий Сергеевич [2 (13) III 1765, Москва–31 VII (12 VIII) 1813, Владимир; похоронен в Успенском Девичьем м-ре]. Происходил из разночинцев: один из предков был клинским ямщиком, дед — крестьянином, отец — отставным солдатом. С шести лет П. учился у дьячка Казанской церкви в Москве. 9 янв. 1774 поступил в разночинную гимназию Моск. ун-та «по старанию» *Д. С. Аничкова* и был взят на казенное содержание. Посещал классы слав. языка, затем рос. стиля; греч., лат., нем. языков; исторический, географический, арифметический, геометрический, алгебраический, артиллерии и фортификации, рисовальный. В 1777, 1778, 1780 и 1781 за успехи награждался книгами (Моск. вед. 1777. 7 июля. № 54; 1778. 11 июля. № 55; 1781. 2 окт. № 79. Приб.). 25 нояб. 1782 П. произвели в студенты, и одновременно он стал учителем рос. стиля и логики в Моск. благор. пансионе. В годы учения и службы в университете на П. серьезное влияние оказал *Н. И. Новиков* и Дружеское учен. о-во. Н. В. Сушков называет П. одним из воспитанников общества. На торжественном заседании памяти И. Г. Шварца 26 марта 1784 П. был в числе выступавших со стихами и речами. Он активно участвовал в деятельности Собрания унив. питомцев; по свидетельству В. В. Измайлова, «произносил в нем прекрасные речи и участвовал в трудах сего собрания». П. упомянут в числе сотрудников журнала «Покоящийся трудолюбец» (1784–1785). В «Объявлении о публичных учениях в имп. Московском университете...» (1784) сообщалось, что с 17 авг. 1784 по 26 июня 1785 П. «изъяснять будет Риторику г. Ломоносова, поэзию и мифологию» и «упражняться с своими учениками в разных сочинениях и переводах с французского и немецкого на российский язык».

О преподавательской деятельности П. в Моск. благор. пансионе В. В. Измайлов рассказывал: «Кроме часов класса, в заседаниях собрания, учрежденного по примеру ученых обществ, он занимал лучших и старших воспитанников пансиона методою сочинять речи, разбирать произведения в стихах и в прозе, судить переводы и сочинения по правилам критики». Всего П. обучил более пятидесяти человек. «Любимейшим его учеником» считался *П. С. Молчанов*. Среди его частных учеников Измайлов называет генерала Раевского, генерал-адъютанта Гагарина, «одну благородную девушку, известную по ее стихам и прозе» и себя. С 22 янв. 1785, получив обер-офицерский чин, П. стал служить в Моск. арх. Коллегии иностр. дел актуарисом; с 11 авг. 1789 — переводчиком; занимался разбором старинных грамот и др. «редкостей архива». Упоминая о любви молодого П. «к расточительности и забавам светской жизни», Измайлов рассказывает, что П. стал «постоянным другом домашней жизни» после женитьбы (речь шла о его первой жене *А. Подшиваловой*).

П. продолжал участвовать в деятельности Собрания унив. питомцев, будучи его секретарем (письмо П. к Ф. И. Карцеву от 28 февр. 1789 — Тр. О-ва любителей рос. словесности. 1820. Ч. 20), а затем председателем. П. стал одним из ведущих сотрудников журнала Новикова «Дет. чтение» (1785–1789). По словам С. П. Шевырева, А. А. Прокопович-Антонский здесь «открывал поприще для друга своего» П.: «рука даровитого Подшивалова всюду видна» (его труды, как и др., печатались без подписи). По убедительному предположению Е. П. Приваловой, П. принадлежат опубликованные здесь переводы из сочинений И.-Г. Кампе и некоторых др. авторов, вошедшие позднее в сборник «Бесценный подарок для благовоспитанных детей» (1797). Результатом занятий П. с воспитанниками стал альманах

«Распускающийся цветок» (1787). В 1786 П. издал в Унив. типографии переведенное с нем. языка сочинение «Книга премудрости и добродетели, или Состояние человеческой жизни. Индейское нравоучение» (посв. вице-канцлеру И. А. Остерману; 2-е изд. 1794; предполагаемый автор ч. 1–2 — Р. Додсли; авторство ч. 3 не установлено; П. считал автором Честерфилда (Ф. Д. Стенхопа)). В предисловии П. заявил, что перевести эту книгу его побудил «вкус к нравственным сочинениям», а также «пленительность восточного стиля». П. упомянул и о том, что переводить ему пришлось дважды «по причине похищения» первого перевода. О книге «Аполлодора Афинейского Баснословие, или Библиотека о богах» (1787. Кн. 1–2), представленной в цензуру А. Губиным (см.: Осмнадцатый век. М., 1868. Кн. 1. С. 439), П. говорит как о своем первом ученическом переводе «отчасти с греческого, но больше с латинского». «Стихи на кончину <. . .> Марии Ивановны Бантышовой-Каменской <. . .> декабря 7 дня 1788 г.» (отд. изд.; подп. — «В. П.») были, очевидно, написаны П. для *Н. Н. Бантыш-Каменского*, управлявшего Моск. арх. Коллегии иностр. дел.

О сотрудничестве П. в петербургском журнале «Утр. часы» (1788–1790) свидетельствует письмо издателей с благодарностью «В. . .П. д. ш. в. л. ву за сочинения и переводы, присланные из Москвы» (Утр. часы. 1788. Ч. 2. С. 96). Очевидно, издателям журнала П. рекомендовал *А. Ф. Лабзин*, а сам П. — ученика Моск. благор. пансиона *Н. А. Хлюстина*. Вероятно, П. или одному из его учеников принадлежит напечатанная в журнале «Песнь. Невинность» (1789. Ч. 4; с указанием: «Сия статья прислана из Москвы»).

В предисловии к переведенной им с нем. книге И.-Г. Кампе «Краткая психология, или Учение о душе для детей» (1789) П. говорил о необходимости «нравственного воспитания», считая важнейшими качествами «благородство мысли, усердную привязанность и любовь к отечеству, твердый дух, просвещенный ум и доброе сердце». П. стремился перевод «переделать по-русски и применить, употребив простоту слога». Как член Собрания унив. питомцев П. делал переводы из фр. энциклопедических словарей для издававшегося Новиковым «Магазина натуральной истории, физики и химии» (1788–1790. Ч. 1–10; 2-е изд. 1792. Ч. 10) и сотрудничал в журнале «Чтение для вкуса»: ч. 1–4 (1791) были «выданы от студентского собрания вообще»; ч. 5–12 (1792–1793) издавались самим П. Вместе с профессорами Моск. ун-та *М. Г. Гавриловым* и *П. А. Сохацким* П. «лет с шесть» издавал также «Полит. журн.» (1790–1800), содержавший переводы из нем. журнала Г.-Б. и В. Ширахов «Politisches Journal». Кроме того, П. сотрудничал и в «Моск. журн.» (1791–1792) *Н. М. Карамзина*, поместив здесь несколько статей, в т. ч. переведенных с нем. (подп. — «В. Подш.» и «В. Под.»). Очевидно, ему также принадлежит этюд «Мысли оглохшего молодого человека» (подп. — «В. П.») и перевод «Чудной сон» из сочинений К.-Ф. Морица (подп. — «П.»). Полемику вызвала рецензия П. на переведенную *Ф. О. Туманским* книгу «Палефата греческого писателя О невероятных сказаниях» (Моск. журн. 1792. Ч. 5. Янв.; подп. — «В. И.»), касавшаяся преимущественно вопросов слога: П. выступал против «некстати употребленных» слав. слов и «неприличной смеси» слав. и рус. слов. Уязвленный Туманский резко возражал критику, обвиняя его в пристрастии (Там же. Февр.). Карамзин снабдил статью Туманского многочисленными издательскими примечаниями в поддержку П. и, в частности, упомянул о своем личном знакомстве с рецензентом. В «Письме к издателю» (Там же. Март) П. завершил полемику, остроумно ответив на нападки Туманского.

Многочисленные прозаические и стихотворные произведения и переводы П. были опубликованы в «Чтении для вкуса» (большинство с подп. — «В.»; иногда анонимно). Переводы повести «Прогулка шаха Аббаса» и сочинения Ф.-Т.-М. де Бакюлара д'Арно «Друг», очевидно, тоже принадлежат П. (1792.

Ч. 5; подп. — «В. С.»). Значительное место в журнале занимают переводы П. из А.-Г. Мейснера (переводы его повестей «Бианка Капелло» и «Густав Линдау» изданы отд.: 1793; подп. — цифровая криптограмма «2–80»; в текст перевода внесены некоторые исправления), а также др. нем. авторов: И.-В. Глейма, Ф. Шиллера, из журналов «Mannigfaltigkeiten» и «Neues Deutsches Museum».

Интересен перевод П. из Оссиана «Дартула» (1792. Ч. 5), возможно осуществленный с англ. языка и сопровожденный краткой характеристикой поэм Оссиана. Вслед за публикацией стихотворного перевода *П. Г. Гагарина* оды Горация «Гораций и Лида» с фр. перевода П. тут же поместил собственный перевод этой оды с лат. оригинала (Там же. Ч. 7). В журнале печатались сочинения и переводы *М. М. Вышеславцева, В. В. Капниста, А. В. Лопухина,* А. Ф. Мерзлякова, *Ю. А. Нелединского-Мелецкого, А. Скворцова, Е. П. Цицианова* и др. Переводные статьи «Опыт о стихотворстве» Дж. Шеффилда и «Отрывок о слоге» (1791. Ч. 4) посвящены вопросам эстетики и теории литературы. П. помещал переводы из сочинений Ф.-Т.-М. де Бакюлара д'Арно, И.-Г. Кампе, Ж.-Ф. Мармонтеля, Л.-С. Мерсье, Ж.-П.-К. Флориана и др. (источники мн. анонимных публикаций установлены В. Д. Раком). В издательских примечаниях (подп. — «П.»), сопровождавших публикации, содержатся интересные характеристики творчества того или иного писателя (Мерсье, Арно, Мейснера), а также высказывания литературно-критического характера. Завершая издание, П. благодарил участников и подписчиков журнала, отвечал на предъявлявшиеся претензии. Здесь же сообщал о своем новом журнале «Приятное и полезное» (П. издал в 1794–1795 ч. 1–8; далее издавал *П. А. Сохацкий*), выходившем, как и «Чтение для вкуса», в качестве приложения к «Моск. вед.».

Каждую часть П. начинал собственным прозаическим этюдом, содержавшим философско-лирические размышления («К сердцу», «К уму», «Желания» и т. п.). В свой трактат по теории стиха «Письмо к девице Ф** о российском стопосложении» (1794. Ч. 1) П. включил примеры из сочинений *Ип. Ф. Богдановича, Г. Р. Державина,* Карамзина, *М. Н. Муравьева.* Мн. из переведенных П. статей посвящены вопросам истории и теории искусства; печатались также его переводы из Мейснера и др. Большинство публикаций П. подписано буквой «В.». Весьма вероятно также, что П. принадлежат несколько произведений и переводов, напечатанных в «Приятном и полезном» в 1796–1797 (подп. — «И.»), в частности перевод из сочинений Кампе — статья «Чувствительность и причудливость» (1796. Ч. 11), посвященная разграничению истинной и ложной чувствительности. П. публиковал в журнале прозаические и стихотворные произведения и переводы *А. В. Аргамакова, М. Н. Баккаревича, А. В. Воейкова, И. И. Дмитриева,* П. Ю. Львова, В. Л. Пушкина, *Е. П. Свиньиной, Н. С. Смирнова, А. И. Ханенко* и др. Очевидно, некоторые тексты П. подвергал существенной редактуре; поэтому, вероятно, переводы повестей Ж.-А. Бернардена де Сен-Пьера «Павел и Виргиния» (Чтение для вкуса. 1793. Ч. 9; отд. изд.: 1793; подп. — «Перевела с французского А. П<одшивалова>») и «Индейская хижина» (Приятное и полезное. 1794. Ч. 2, подп. — «К. С. <Катерина Свиньина>»; отд. изд.: 1794, подп. — «Перевела с французского К. С.») П. считал своими, заявляя позднее в «Автобиографии»: «. . . изданы также под чужими именами почти вновь переведенные мною Сент-Пьеровы „Павел и Виргиния", „Индейская хижина"».

П. принял участие в полемике, развернувшейся после появления статьи Баккаревича «Нечто о Ломоносове» (Приятное и полезное. 1794. Ч. 3), оспаривая в «Ответе на рецensию» (1795. Ч. 5) мнение анонимного рецензента, критиковавшего эту статью (1794. Ч. 4). В издательских примечаниях П. часто давал краткую оценку публикуемого произведения, благодарил автора или переводчика; с особым восхищением он отзывался, в частности, о стихах И. И. Дмитриева. С ним и с Карамзиным у П. были

дружеские и деловые контакты: П. издавал сборник Дмитриева «И мои безделки» (1795), читал корректуру, занимался продажей. Острый конфликт между П. и *Г. А. Хованским* возник в связи с критическими замечаниями П. при публикации «Идиллии» Хованского (1795. Ч. 6). 11 июля 1795 Карамзин сообщал Дмитриеву, как Хованский «разбранил в пух» «нашего приятеля» П., а затем «вызывал его на поединок в публичном университетском собрании». Ответ П., что он «умеет драться пером и кулаками, а не шпагою», еще больше рассердил Хованского. Конфликт, очевидно, был улажен, т. к. Хованский продолжал сотрудничать в журнале. П. сообщал о толках вокруг его издания: «Некоторые <. . .> с огорчением отзывались, для чего иные пиесы хвалим, а другим не приписываем требуемой похвалы?». Здесь же П. назвал ряд произведений, которые он отказался поместить из-за их «великой посредственности» или потому, что они «не сходны с целью» журнала (1795. Ч. 7. С. 320). В целом журнал пользовался большим успехом: по свидетельству *А. Т. Болотова*, «всякий с вожделением дожидался присылки с почты листочков», «журнал сей был почти наилучшим из всех, прежде бывших», и П., «издатель и распорядитель, заслуживал по справедливости похвалу».

26 нояб. 1795 П. «был вытребован» из Арх. Коллегии иностр. дел в Моск. восп. дом в качестве цензора и помощника главного надзирателя. Одновременно он начал ведать и Коммерч. уч-щем. 12 марта 1797 произведен кол. асессором. Одной из своих заслуг П. считал приведение в порядок библиотеки Восп. дома. Когда Павел I в 1797 неожиданно посетил Восп. дом, «в отсутствие главных чиновников», П. встретил государя и познакомил его с учреждением, за что был щедро награжден. С 1 янв. 1798 П. занимал пост инспектора при Коммерч. уч-ще, выполняя и свои прежние обязанности в Восп. доме.

В эти годы П. продолжал литературную деятельность. Вместе с П. А. Сохацким, М. Г. Гавриловым и университетским переводчиком Ивановым он принял участие в работе над «Новым и полным словарем» И.-А. Гейма (Первое отделение, содержащее нем.-рос.-фр. словарь. 1796–1797. Ч. 1–2). П. подготовил материал для задуманного им трехтомного труда «Начальные основания российского слога», но, по его признанию, «лень и недостаток времени помешали труд сей окончить». «Чтоб пощупать пульс у публики, как она его примет, — писал П., — я заставил ученика своего Скворцова издать по временам мною диктованный ему Курс российского слога». Эта книга («Сокращенный курс российского слога, изданный Александром Скворцовым», 1796) была посвящена вопросам грамматики, стиля, жанров, стихосложения. П. выступал как теоретик сентиментализма, в частности обосновывал идею множественности стилей. Раздел о стихосложении, представлявший переработку «Письма к девице Ф**. . .», П. существенно расширил и издал отдельно («Краткая русская просодия, или Правила, как писать русские стихи», 1798; с посв. воспитанникам Моск. благор. пансиона, датированным 23 февр. 1798). В главе «О вольности в стихах» П. сделал ряд критических высказываний, направленных, по-видимому, против *Н. П. Николева*.

В делах московской цензуры за апр.–май 1798 есть указание на принадлежность П. перевода на фр. язык сочинения *А. П. Хвостовой* «Камин» («La chéminée, pièce fugitive traduite du Russe», 1798; см.: Рогожин. Дела моск. цензуры. Вып. 2 (1922)); по свидетельству С. Д. Полторацкого, переводчиком был Чекалевский (см.: Сводный каталог книг на иностр. языках, изд. в России в XVIII в. Л., 1985. Т. 2. С. 55). Результатом многолетней переводческой работы П. явилось издание «Избранные повести и басни Мейснеровы» (Владимир; Москва, 1800–1807. Кн. 1–10). Упоминая о ранних журнальных публикациях переводов из Мейснера, П. сообщал: «Разбросанное там я собрал в одно место, перечитал по новому немецкому изданию, расположил и с присовокуплением разных новых пиес издаю теперь в

свет». В издание были включены переводы, публиковавшиеся ранее за подписями «В.», «В. И.», «В. В.» и без подписи, а также подписанные М. М. Вышеславцевым и Е. П. Свиньиной, но, очевидно, существенно переработанные. С. П. Шевырев называл П. «известным переводчиком Мейснеровых повестей», «замечательным даровитым предшественником карамзинского периода».

При переводе Коммерч. уч-ща из Москвы в Петербург 28 сент. 1800 с воспитанниками туда отправился и П. По прибытии в Петербург 15 окт. П. сдал все дела по училищу. 4 янв. 1801 он был определен помощником обер-секретаря при Опекунском совете, а с 26 апр. 1801 стал директором Коммерч. уч-ща, занимая эту должность до 30 нояб. 1810. В нач. 1800-х гг. П. овдовел и снова женился: своей второй супруге он посвятил «Стихи любовника» (Вестн. Европы. 1803. № 19; подп. — «Вас. Под.»). Возможно, П. принадлежат также статьи в журнале «Новости рус. лит.» (1802. Ч. 1; подп. — «В.»). Однако от активной литературной деятельности П. в этот период отходит в связи со службой в Коммерч. уч-ще. Собрав сведения об его истории и пополнив их новейшими данными, П. написал «Исторические известия о Демидовском Коммерческом училище», охватывающие период с 1772 по 1800. В 1807 П. составил новые инструкции по руководству училищем. За время работы в должности директора училища П. неоднократно получал награждения и повышения в чинах: с 7 дек. 1803 — кол. советник; с 10 дек. 1807 — ст. советник (формуляры П. 1802, 1803 и 1807 гг. — РНБ, собр. Погодина, 2009/2, л. 366–368; ф. 608, № 3271; РГБ, ф. 298/IV, № 1.32). Однако в 1809 у П. возник конфликт, достигший «нарочитой степени», с помощником директора Беттихером. По этому поводу 17 июля 1809 покровительствовавшая училищу императрица Мария Федоровна написала особый рескрипт, выразив недовольство экономическим управлением училища. 30 нояб. 1810 П. был уволен с награждением «за усердную и долговременную службу» орденом св. Анны 2-й степени и пенсионом. С 13 дек. 1810 П. возобновил службу в качестве председателя Палаты гражд. суда во Владимире. В нач. 1813 П. тяжело заболел и 6 апр. обратился к И. И. Дмитриеву как министру юстиции с просьбой об отпуске. Но решение, последовавшее 6 июня, опоздало. После его смерти вдова, оставшаяся с пятью малолетними детьми, неоднократно подавала прошение о помощи, но лишь в 1818 ей было выдано единовременное пособие.

Значительное число произведений П. осталось неопубликованным. Он упоминал о своих незавершенных трудах («Всеобщая география» и «Сокращение всех наук» в трех томах): «. . . сделал и начало, но по причине разномыслия энциклопедистов, а больше за ленью и другими делами оставил». В. В. Измайлов назвал также оставшиеся в рукописи «Рассуждение о русских буквах», «Описание всех родов поэзии» и «множество мелких стихотворений». Посмертно были напечатаны статья «Чтение и письмо» (Тр. О-ва любителей рос. словесности. 1816. Ч. 5) и стихи «К князю И. М. Долгорукову, по случаю бала» 3 февр. 1811 (Памятник отечественных муз на 1827 год. СПб., 1827). Незаконченная автобиографическая повесть «Моим детям», имеющая значительные литературные достоинства, была написана П. «за несколько недель до смерти в самой жестокой болезни» (Вестн. Европы. 1814. № 5; Собр. образцовых рус. соч. и пер. в прозе. СПб., 1816. Ч. 5; поправки и дополнения по рукоп. к печатному тексту — РГБ, ф. 743, 18. № 3). Хваля слог П., Измайлов особенно восхищался его письмами. «Прекраснейшие свойства души его, — писал он, — были честность и доброта, бескорыстие и сострадание к несчастному, верность в дружбе, примерная скромность и <. . .> откровенность». Среди «постоянных друзей» П. были А. А. Прокопович-Антонский и А. Ф. Лабзин.

Издательская и критико-литературная деятельность П. явилась важным этапом в развитии рус. сентиментализма. «Хорошим прозаиком» П. называл В. Г. Белин-

ский, считая, что он действовал «независимо от Карамзина».

Лит.: *Измайлов В. В.* О жизни и соч. Подшивалова // Вестн. Европы. 1814. № 13; Автобиография В. С. Подшивалова // Москвитянин. 1842. № 1; *Шевырев С. П.* А. А. Прокопович-Антонский: Воспоминание, посв. воспитанникам Унив. благор. пансиона. М., 1848; Шевырев. Моск. ун-т (1855); Сушков. Моск. благор. пансион (1858); Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866; *Губерти Н. В.* А. Т. Болотов как критик и рецензент лит. произведений // Губерти Н. В. Ист.-лит. и библиогр. мат-лы. СПб., 1887; Сб. мат-лов для истории СПб. Коммерч. уч-ща. СПб., 1889. Отд. 3–4; *Максимов А.* Имп. Мария Федоровна в ее заботах о СПб. Коммерч. уч-ще // Рус. школа. 1896. № 5–6; *Я. См.* [*Смирнов А. В.*] В. С. Подшивалов // Тр. Владимирской учен. арх. комис. 1900. Кн. 3. Отд. 2; 1901. Кн. 3. Отд. 2; *Тимофеев А. Г.* История СПб. Коммерч. уч-ща. СПб., 1901. Т. 1; *Модзалевский Б. Л.* Подшивалов В. С. // Рус. биогр. словарь. Т. «Плавильщиков–Примо» (1905); *Комаров А. И.* Журналы Н. М. Карамзина и его направления // Очерки по истории рус. журналистики и критики. Л., 1950. Т. 1; *Левин Ю. Д.* Об истории эволюции принципов перевода: (К истории переводческой мысли в России) // Междунар. связи рус. лит. М.; Л., 1963; *Привалова Е. П.* О сотрудниках журн. «Детское чтение для сердца и разума» // XVIII век. Л., 1964. Сб. 6; *Алексеев М. П.* Первое знакомство с Данте в России // От классицизма к романтизму. Л., 1970; *Курилов А. С., Пигарев К. В.* Теоретико-лит. мысль в России XVIII в. // Возникновение рус. науки о лит. М., 1975; Левин. Оссиан (1980); *Рак В. Д.* Переводческая деятельность И. Г. Рахманинова и журн. «Утр. часы» // Рус. культура XVIII в. и западноевроп. лит. Л., 1980; *Беспрозванный В. Г.* Журн. Подшивалова и споры о языке в кон. 18-го в.: (Из заметок о журн. «Приятное и полезное препровождение времени») // Graduate Essays on Slavic Languages and Literatures / Ed. by M. G. Altschuller. Pittsburgh, 1990. Vol. 3; Левин. Восприятие (1990); *Кочеткова Н. Д.*: 1) Проблема «ложной чувствительности» в лит. рус. сентиментализма // XVIII век. СПб., 1991. Сб. 17; 2) Лит. рус. сентиментализма. СПб., 1994; *Рак В. Д.* Переводы в журн. «Чтение для вкуса, разума и чувствований» // XVIII век. СПб., 1993. Сб. 18; История рус. переводной и худож. лит.: Древняя Русь. XVIII век. СПб., 1995. Т. 1. Проза.

Н. Д. Кочеткова

ПОДШИВАЛОВА Александра [ум. до 1803]. Первая жена *В. С. Подшивалова*. По словам В. В. Измайлова, эта женитьба помогла Подшивалову отказаться от мотовства и светского образа жизни: «Он женился на любезной женщине немолодых уже лет, но добрых свойств, с хорошим воспитанием и со многими знаниями. <. . .> Наш литератор нашел в ней не только добрую хозяйку, но и милую участницу в его трудах».

П. перевела с фр. повесть Ж.-Ф. Мармонтеля «Заблуждение добродушного отца» (Чтение для вкуса. 1792. Ч. 6; отд.: 1792, подп. — «А. П.») и роман Ж.-А. Бернардена де Сен-Пьера «Павел и Виргиния» (Чтение для вкуса. 1793. Ч. 9; отд.: 1793, подп. — «А. П.»; 2-е изд. М., 1806; 3-е изд. М., 1812; 4-е изд. М., 1826). Последний перевод Подшивалов, очевидно, подверг столь значительной правке, что позднее говорил о нем как о своем. По свидетельству Измайлова, «есть много и других ее переводов, довольно хороших». Можно полагать, что П. принадлежат некоторые переводы, преимущественно фр. авторов, публиковавшиеся в 1792–1794 в «Чтении для вкуса» и «Приятном и полезном» (подп. — «А»). Переводы из «Приятного и полезного» за 1794 (подп. — «А») А. В. Смирнов, однако, атрибутировал *И. И. Дмитриеву* (Библиогр. зап. 1892. № 3. С. 370), в частности статью «Воспитание» из англ. журнала «Зритель». Переводная статья (подп. — «А») «О гишпанском театре» знакомила читателей с творчеством Лопе де Веги (Чтение для вкуса. 1792. Ч. 5).

Лит.: *Измайлов В. В.* О жизни и соч. Подшивалова // Вестн. Европы. 1814. № 13; Голицын. Словарь (1889); *Рак В. Д.* Переводы в журн. «Чтение для вкуса, разума и чувствований» // XVIII век. СПб., 1993. Сб. 18.

Н. Д. Кочеткова

ПОЛЕНОВ Алексей Яковлевич [1 (12) X 1738, Москва–10 (22) VII 1816, Петербург]. Сын гобоиста Преображенского полка; 27 февр. 1749 был принят в Акад. гимназию, с 1754 — студент Акад. ун-та. Пользовался покровительством И.-Д. Шумахера и И. И. Тауберта. 19 июля 1761 был привлечен Юстиц-коллегией к переводу старых лифляндских и эстляндских законов. На этом основании 31 окт. из числа студентов переведен в штат Академии наук переводчиком, но продолжал изучение юриспруденции под руководством профессора Г. Ф. Федоровича. В авг. 1762 ходатайствовал о посылке для усовершенствования в этой науке за границу. 23 сент. 1762 был отправлен (вместе с *И. И. Лепехиным* и А. П. Протасовым) в Страсбургский ун-т. Занимался историей и филологией у профессоров И.-Д. Шепфлина и И.-М. Лоренца, а также историей права. Известны письма П. из Страсбурга к И. И. Тауберту, Протасову и некоему Заутерсгейму, в частности о его встрече с Ж.-Ж. Руссо (копии документов и переписки П. за 1763–1767 см.: РНБ, ф. 595, оп. 1, № 86–91, 116). В нояб. 1766 по распоряжению Академии наук переехал в Геттинген для занятий законоведением, но к июню 1767 возвратился в Россию. В отличие от др. стипендиатов П. был оставлен в старой должности и загружен текущими переводами. Он принимал участие в коллективных переводах «Введения в историю знатнейших иностранных государств» С. Пуффендорфа (1777. Ч. 2; совм. с *Б. А. Волковым* и В. И. Костыговым), «Путешествия по России» С.-Г. Гмелина (1771. Ч. 1; совм. с *В. П. Световым*), исправлял переведенную *В. И. Лебедевым* «Сибирскую историю» И.-Э. Фишера (1771. Кн. 1–3), вместе с *С. С. Башиловым* готовил к печати ч. 2 «Русской летописи по Никонову списку» (1768), с нояб. 1769 по март 1770 редактировал газету «СПб. вед.». Намерение П. издать «Судебник Ивана Грозного» не было поддержано начальством. Поскольку профессиональные знания П. (отчасти из-за противодействия *Я. Я. Штелина*) не нашли применения в Академии наук, он активно включился в обсуждение законодательных вопросов, развернувшееся накануне созыва Комиссии нового Уложения. Его важнейшая работа «О крепостном состоянии крестьян в России» была написана для участия в объявленном *Екатериной II* через Вольное экон. о-во конкурсе сочинений о собственности и правах крепостных. Не предполагая полного освобождения крестьян, П. предложил самое радикальное (до *А. Н. Радищева*) ограничение власти помещиков. По его проекту крестьяне получали наследственный надел (по принципу майората) и право свободно распоряжаться инвентарем, скотом и урожаем; прекращалась торговля людьми, расширение наделов должно было идти за счет расселения на новых землях; вводились школы для крестьян и пр. Помещики сохраняли право на десятину урожая и однодневную барщину. Система судов разных инстанций должна была регулировать отношения между помещиками и крестьянами. Работа П. в 1768 получила вторую премию, однако даже ее смягченная редакция не увидела света (впервые опубл. 1865; полн. ред. — 1960). По предложению Вольного экон. о-ва П. перевел на рус. язык занявший первое место трактат Беарде де л'Аббея, однако в «Тр. Вольного экон. о-ва» был напечатан др. перевод. 21 авг. 1767 академическое начальство разрешило П. в служебное время переводить «Размышления о причинах величества римского народа и его упадка» Ш. Монтескье, однако перевод был закончен и издан по плану Собрания, старающегося о переводе иностр. книг (1769), к работе для которого П. привлек *Г. В. Козицкий*. О злободневности выбора П. свидетельствует письмо *Платона Левшина* к В. Г. Орлову, директору Академии наук (9 сент.

1769) с рекомендацией изъять из перевода П. некоторые места «сходственно с тою осторожностию, каковую благоразумие велит держать для предупреждения всяких толков» (*Орлов-Давыдов В.* Биогр. очерк В. Г. Орлова. СПб., 1878. Т. 1. С. 176). Политические взгляды П. проявились в предисловии, в его полемике с Монтескье (и косвенно с Ж.-Ж. Руссо) о том, что размеры России автоматически определяют для нее монархическую форму правления, — свидетельство знакомства П. с сочинениями Гельвеция. К тому же типу умеренно-просветительских трактатов относится и перевод «Рассуждения о причинах установления или уничтожения законов» Фридриха II (1769). Подтверждением интереса П. к литературной характерологии является перевод с лат. языка «Характеров» Теофраста («О свойстве нравов человеческих», 1772), сверенный с фр. переводами XVII в. И. Казобона (филологическим) и Ж. Лабрюйера (литературным) и в качестве предисловия снабженный статьей Лабрюйера «Рассуждение о Феофрасте» (в сокр. виде). Кроме этих книг П. собирался перевести для Собрания, старающегося о переводе иностр. книг «Историю» и «Анналы» Тацита и «О должностях человека и гражданина» С. Пуффендорфа.

В апр. 1771 П. перешел из Академии наук на службу в Сенат секретарем 1-го Деп.; с 28 окт. 1780 — обер-секретарь (с 1791 — в 3-м Деп.). Со 2 сент. 1793 он советник в правлении Заемного банка; в 1796 перешел в Комиссию составления законов, где начал работать над трудом по рус. законодательству (частично представлен в 1798; не сохр.). По-видимому, в это же время он начал писать историю Мальтийского ордена (ч. 1, поднесенная гр. Ю. П. Литте, осталась неопубликованной). Из литературных работ последних лет известен лишь перевод «греческой повести» Л. Бильдербека «Сияна, или Игра судьбы» (1797; без указания переводчика). В июле 1800 П. вышел в отставку и более в литературной и общественной жизни не участвовал.

Лит.: *Поленов Д. В.* А. Я. Поленов, рус. законовед XVIII в. // Рус. арх. 1865. № 4–6; *Шугуров М.* Учение и ученики в XVIII в. // Рус. арх. 1866. № 3; *Белявский М. Т.* Новые документы об обсуждении крестьянского вопр. в 1766–1768 гг. // Археогр. ежегодник за 1958 г. М., 1960.

В. П. Степанов

ПОЛЕТИКА Григорий Андреевич [1723 или 1725, Ромны (?)– 27 XI (8 XII) 1784, Петербург]. Сын значкового товарища Лубенского полка. В 1737–1745 учился в Киево-Могилянской академии, где особых успехов достиг в нем., греч., евр. и лат. языках; в числе его учителей был *Симон Тодорский*. В 1745 отправился в Петербург «для изыскания себе случая к продолжению высших наук». После экзамена по языкам у *Я. Я. Штелина*, Х.-Г. Крузиуса и *В. К. Тредиаковского* в авг. 1746 был определен при Академии наук переводчиком с лат. и нем. языков и одновременно учеником в Акад. гимназию для обучения математике у Г.-В. Рихмана и фр. языку у П.-Л. Леруа. В февр. 1748, определившись переводчиком в Синод, уволился из Академии наук, но сохранил с нею тесные связи. В Синоде П. было поручено продолжать перевод с греч. «Пандектов» (начатый В. Козловским); П. завершил эту работу; перевод затем исправляли *Варлаам Лащевский*, иеромонах Софроний Младенович и *Платон Левшин* (местонахождение рукописи неизв.). В Синоде П. предпринял и ряд др. переводов, в т. ч. с пол. языка, а с нач. 1760 стал исполнять обязанности духовного цензора: в 1760 он одобрил к печати старые переводы *С. С. Волчкова* (книги Ж. Бельгарда «Истинный христианин. . .» и И. Гофмана «О спокойстве. . .»), уже рассматривавшиеся Синодом в 1745. В 1760 и в 1761 П. «свидетельствовал» представленные Волчковым ч. 1–2 «Универсальной истории» Ж. Боссюэ; сделав новый перевод «сомнительных» с точки зрения православного учения мест, он предложил разрешить издание.

В литературных занятиях П. основное место занимали переводы моралистических и стоических сочинений. В 1756 он закончил пе-

ревод греч. книги «Епиктита, стоического философа, Енхиридион и Апоффегмы и Кевита Фивейского Картина. . .» (рукопись — СПбФ АРАН, р. II, оп. 1, № 49; 1-е изд. 1759; 2-е изд. 1767). Творения Эпиктета неоднократно привлекали внимание рус. книжников как в Средние века, так и в XVIII в. (*А. Д. Кантемир, И. Ю. Ильинский*). В предисловии П. рассказывает о европ. критических изданиях Эпиктета, указывает цели своего труда — обогащение «природного» языка и просвещение общества, и характеризует свой подход к переводу: избегая как буквализма, так и излишней свободы, «держаться греческого подлинника, а в темных и двоякого разума местах» следовать критическим толкованиям. Предваряющее перевод «Житие Епиктитово» принадлежит известному фр. филологу Жилю Буало. В издание по европ. книгоиздательской традиции включен крайне популярный в Средние века и эпоху Возрождения диалог «Картина» — морально-аллегорическое изображение жизни человека, — связанный со стоической философией и приписывавшийся ученику Сократа Кебету.

В 1757 в академическом журнале «Ежемес. соч.» печатались переводы П. с греч. глав 14–19 «Риторики» (Ч. 6. Нояб.) и кн. 2–4 «Политики» Аристотеля (Ч. 5. Июнь), в которых рассказывается о теориях государства Платона, Гипподама Милетского, Солона и др.

В 1762 под назв. «Ксенофонта о достопамятных делах и разговорах Сократовых. . .» (посв. *Екатерине II*) вышел перевод П. с греч. сочинений Ксенофонта «Воспоминания о Сократе» и «Апология Сократа». В посвящении П. указывает на нравственную и общественную пользу, которую приносят наставления философа: «Счастливы те государи, которые с Сократом и ему подобными разговаривают, счастливы и те народы, которые таковым государям повинуются». В предисловии к переводу П. объясняет, что избрал сочинения Ксенофонта, а не Платона потому, что Ксенофонт сохранил первоначальное содержание сократического учения о морали. В высокой оценке слога Ксенофонта — «музы Ксенофонтовым говорят языком» — П. следует за аналогичными высказываниями Тредиаковского. В том же 1762 П. напечатал перевод «Истинные основания и должности христианския веры. . .» (ориг. не установлен), в следующем году вышел «Словарь на шести языках. . .», в основу которого был положен трехъязычный (англо-лат.-греч.) словарь Дж. Рея (Лондон, 1763); П. добавил перевод словарных статей на рус., фр. и нем. языки.

Несчастливая судьба постигла написанную им в 1757 статью «О начале, возобновлении и распространении учения и училищ в России и о нынешнем оных состоянии», основанную на идеях Г.-Ф. Миллера. Это историческое исследование опиралось на рукописные источники — летопись Нестора, Степенную книгу, Малороссийскую летопись, грамоты Иерусалимского патриарха Феофана, царей Ивана и Петра Алексеевичей (1685), сведения о Петре Могиле и П. Конашевиче-Сагайдачном. Миллер назвал статью «наилучшей пиесой, которая до сих пор от сочинителей к Ежемесячным сочинениям сообщена была». Однако украинофильская тенденция автора дала основания *М. В. Ломоносову* объявить Миллеру, что статью «печатать непристойно, понеже в оной с 10-го века <. . .> по 17-й век ни о каких школах в России не упомянуто; а были де еще при великом царе Иване Васильевиче архитекторы, выписанные из Италии, а при царе Иване Васильевиче зачалась де типография, что де все надлежало описать и упомянуто де только о киевских школах, а не о московских». Несмотря на возражения Миллера, статья была снята (корректура нач. статьи с карандашными пометами Ломоносова — СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 1, № 501, л. 173–185; опубл. с сокр.: Чтения Ист. о-ва Нестора летописца. 1896. Кн. 11).

В 1761 П. женился на дочери И. А. Гамалеи, став одним из богатейших малорос. помещиков. С 1764 он занимал должность главного инспектора Морского кадет. корпуса, где поощрял литературные занятия учителей. П. был де-

путатом Комиссии нового Уложения от полка Лубенского шляхетства и выступил в защиту вольностей и привилегий укр. шляхты, полученных еще от пол. королей; вступал также П. в спор с *М. М. Щербатовым* по вопросу о правах дворянства за выслугу.

П. собрал обширную библиотеку: «Что касается до собрания моего российских рукописных и печатных книг, то <. . .> такого ни токмо ни у одного из партикулярных людей не было, но и с государственными российскими библиотеками моя в первенстве, в редкости и древности книг препираться могла» (Киевская старина. 1891. Т. 33. № 4. С. 103). Щербатов пользовался принадлежавшим П. рукописным летописцем и упомянул о его собрании в «Примечаниях на ответ <. . .> Болтина на письмо кн. Щербатова» (1792). Эта библиотека сгорела в мае 1771, после чего в 1773 П. уволился из корпуса и вернулся на Украину в свое село Юдино, где жил почти до самой смерти. Там он собрал вторую библиотеку, где, в частности, находились рукописи *Стефана Яворского*, *Феофана Прокоповича*, Кантемира и различные исторические памятники (в XIX в. утрачена).

Лит.: *Билярский П. С.* Мат-лы для биографии Ломоносова. СПб., 1865; *Пекарский П. П.* Редактор, сотрудники и цензура в рус. журн. 1755–1764 гг. // Сб. Отд-ния рус. яз. и словесности. 1867. Т. 2. № 4; Пекарский. История Академии наук. Т. 2 (1873); Киевская старина. 1891. № 4; 1893. № 3–6, 10, 11; 1894. № 4, 6, 10; 1895. № 5–8; *Иконников В. С.* Опыт рус. историографии. Киев, 1892–1908. Т. 1, кн. 2; Т. 2, кн. 2; *Барсов Т. В.* О дух. цензуре в России // Христианское чтение. 1901. № 7; *Модзалевский В.* Полетика Г. А. // Рус. биогр. словарь. Т. «Плавильщиков–Примо» (1905); *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1957. Т. 10; *Масанов Ю. И.* В мире псевдонимов, анонимов и лит. подделок. М., 1963; *Каганов И. Я.* Г. А. Полетика и его книжные интересы // XVIII век. М.; Л., 1966. Сб. 7.

А. Б. Шишкин

ПОЛИВАНОВ Николай Иванович [ок. 1752–5 (16) сент. 1796]. Сын секретаря Коммерц-коллегии; в авг. 1760 принят в нижний нем. класс Акад. гимназии. Служил с 1764; с 1779 секунд-майор Великолуцкого пехотного полка; с авг. 1783 — столоначальник в Экспедиции о государственных доходах Сената; в марте 1796 в чине кол. советника определен в Тверскую гражд. палату (РГАДА, ф. 286, кн. 877, л. 56, 57, 100; кн. 889, л. 116; РГИА, ф. 468, оп. 43, № 486, л. 9–12; ф. 1280, оп. 2, № 13, л. 381–381 об.).

П. перевел с фр. языка «оттоманскую» повесть Л. д'Юссье «Элицена, или Изображение родительской и детской взаимной горячности» (1781) и политические романы-утопии нем.-швейц. ученого и поэта А. Галлера «Усонг» и «Алфред, король англосаксов», перевод которых был издан под общим загл. «Плоды трудов прозаических сочинений г. барона А. Галлера» (1783–1784. Ч. 1–2; 2-е изд. (под загл. «Увенчанные подвиги людей мудрых и великих»). 1793). П. был также переводчиком книги нем.-швейц. публициста и врача И.-Г. Циммермана «О национальной гордости», названной в переводе «Образ народного любочестия» (1793). Этому первому полному, однако несколько смягченному в своем критическом пафосе переводу предшествовали сокращенные, но публицистически более острые переводы *Д. И. Фонвизина* («Рассуждения о национальном любочестии», 1785) и анонимный (с фр. пер., под загл. «Народная гордость», 1788). Книги Галлера и Циммермана, содержавшие критику феодальных установлений и проповедь просветительских идей «общего блага», справедливого государства, основанного на законности, гражданских свободах и характерном для швейцарцев пламенном патриотизме, пользовались успехом в России 1780–1790-х гг.

Совместно с *Н. П. Осиповым, Т. П. Кирияком* и, возможно, др. анонимными переводчиками П. участвовал в переводе (ч. 9, 10, 12) с нем. языка «Достопамятных сказаний и деяний, изъявляющих свойство Фридриха Второго, коро-

ля прусского» (1787–1793. Ч. 1–12; 2-е изд. 1789–1808).

Лит.: *Данилевский Р. Ю.* Россия и Швейцария: лит. связи XVIII–XIX вв. Л., 1984.

Р. Ю. Данилевский

ПОЛИТКОВСКИЙ Гаврила Герасимович [1770–31 VIII (12 IX) 1824, с. Сменцово Мышкинского у. Ярославской губ.]. Происходил из дворян. В авг. 1785 поступил в Унив. гимназию, в июне 1786 произведен в студенты. По окончании университета в нояб. 1791 поступил каптенармусом в лейб-гвардии Преображенский полк, но уже в янв. 1792 вышел в отставку армии поручиком и перешел в статскую службу, сначала в Экспедицию о гос. доходах (февр. 1792), а затем секретарем в Мед. коллегию (май 1794).

В 1792 сотрудничал в «Новых ежемес. соч.», где опубликовал оду «На заключение мира с Оттоманскою Портою» (Ч. 69. Март) и ряд стихотворений под криптонимом «Г. П.»: «Сновидение» (Ч. 67. Янв.), «Ночь» (Ч. 68. Февр.), «Утро» (Ч. 69. Март), «Вечер» (Ч. 70. Апр.), «Сумрак» (Ч. 71. Май), «Анекдот о великодушии» (Ч. 72. Июнь), «Письмо к приятелю» (Ч. 74. Авг.), «Осень» (Ч. 78. Дек.), а также в «СПб. Меркурии», где напечатал стихотворение «Болезнь» (1793. Ч. 3. Июль). В своих созерцательных стихотворениях, развивающих горацианские идеи умеренности и уединения, и в элегических «видениях», выдержанных в стилистике «ночной» поэзии, П. употреблял много архаизированной слав. лексики; в них нередки резкие выпады против религиозного и философского вольнодумства: Сен-Мартен — «парижский дерзкий шарлатан» («Утро»), «враг веры и ее презритель есть мук достойнейший злодей» («Ночь»); «Спинозы, Горусы, Волтеры, Толанды, Лессинги ничто» перед «несравненным философом»-теистом С. Кларком («Ночь»).

В это же время П. пишет «слезную» драму «Верный друг в несчастии познается» (пост. 1 янв. 1793; изд. 1796), в которой благодаря стараниям слуги Усерда и помещика Доброва разоблачаются Двудушин и Злосердов — «ложные друзья» якобы погибшего в последней тур. кампании Виктора. Главные роли в пьесе, поставленной на любительской сцене, исполняли кн. С. Ю. Урусов («К. С. Ю. У.») и сам П. («Г. Г. П.»). В предисловии П. отмечал: «Я писал более для зрителей известного круга, нежели для читателей всякого рода. Первыми принят труд мой благосклонно». Издание посвящено В. С. Васильевой, жене министра финансов А. И. Васильева, под началом которого служил П. Ей же он посвятил пьесу «Усердие детей, пастушеское зрелище» (1796, не сохр.).

Находясь на статской службе, П. сделал крупную бюрократическую карьеру. В дек. 1796 он получил чин кол. асессора и в янв. 1797 был назначен секретарем в Совете е. и. в.; с 1802 — обер-прокурор Временного апелляционного деп. Сената, управляющий Мед. экспедицией при М-ве внутр. дел с пожалованием в д. ст. советники; одновременно ему был поручен надзор за Комитетом о прошениях. В 1811 назначен директором общей канцелярии М-ва полиции, а в 1817 — ярославским гражданским губернатором. В 1820 П., неоднократно награжденный орденами, перстнем и табакеркой с алмазами, получил чин т. советника (формуляр 1820 г. — ИРЛИ, ф. 320, № 1978).

В первые годы XIX в. П. сблизился с кругом будущей Беседы любителей рус. слова и принимал, по воспоминаниям С. П. Жихарева, участие в литературных вечерах *И. С. Захарова*, а позднее стал одним из активнейших членов Беседы. Он занимался изданием книжки 1 «Чтений в Беседе любителей рус. слова», был выдвинут кандидатом в председатели IV Разряда Беседы, читал в заседаниях сочинения *Д. П. Горчакова*, *Г. Р. Державина*, И. С. Захарова. Н. И. Греч вспоминал, что в 1814 Е. С. Семенова исполнила при отъезде за границу императрицы Елизаветы Алексеевны его песню «Понесись по поднебесью, птичка, милая голубушка. . .». Он же писал, что П. «очень хорошо читал стихи, но только в тесном кругу, в небольшой комнате. В огромной зале голос его терялся» (Сев. пчела. 1857. 20 мая.

№ 108. С. 510). Произведения П. того времени неизвестны, тем не менее у П. была, вероятно, устойчивая репутация поэта-«славянофила», т. к. он упомянут в сатире К. Н. Батюшкова «Певец в Беседе любителей рус. слова» (1813): «Хвала, беседы сей дьячок, Бездушный Политковский! Жует, гнусит и вдруг стишок Родит славяноросский». Ф. Ф. Вигель называл в своих «Записках» П. «человеком умным, тонким, проворным».

Лит.: *Модзалевский Б. Л.* Политковский Г. Г. // Рус. биогр. словарь. Т. «Плавильщиков–Примо» (1905); *Десницкий В. А.* Избр. статьи по рус. лит. XVIII–XIX вв. М.; Л., 1958.

С. И. Николаев,
В. П. Степанов

ПОЛИТКОВСКИЙ Николай Романович [1777–17 (29) VI 1831, Петербург; похоронен на Смоленском кладбище]. Сын священника Черниговской епархии (с. Боровичи). В 1795 П. пытался издать его проповеди, но Синод нашел в них «многие мнения, несогласные со Священным Писанием, и выражения неприятные» (РГИА, ф. 796, оп. 76, № 153) и не только не разрешил издание, но и запретил отцу П. впредь произносить проповеди без предварительной цензуры. В 1795 П. начал службу в Коллегии иностр. дел переводчиком; 16 нояб. 1797 был назначен в Канцелярию гос. казначея гр. А. И. Васильева, с 1806 столоначальник, с 1 апр. 1808 в чине кол. советника занимал должность младшего советника в Экспедиции о гос. доходах; с 8 авг. 1817 ст. советник; в 1827 вице-директор Деп. экспедиции; с апр. 1828 д. ст. советник.

В 1796–1797 печатался в журнале «Приятное и полезное». Все произведения П. с идейной и художественной точки зрения типичны для сентиментализма: стихотворение «Хижина» (Ч. 9), перевод с нем. идиллии С. Геснера «Дафнис» (Ч. 11) и с англ. басни Дж. Гея «Пастух и философ» (Ч. 11), в которой отражены руссоистские идеи о вреде просвещения, рассуждение «Совесть» (Ч. 13), небольшая «Эпитафия» (Ч. 13).

П. принадлежат переводы популярных книг новейших экономистов. По приказу министра финансов Д. А. Гурьева П. перевел с англ. ч. 1–4 книги А. Смита «Исследования свойств и причин богатства народов» (СПб., 1802–1806). В 1816 в Петербурге вышла переведенная П. с фр. языка книга Ж.-Б. Сея «Сокращенное учение о государственном хозяйстве, или Дружеские разговоры, в которых объясняется, каким образом богатство производится, делится и потребляется в обществе». В посвящении Д. А. Гурьеву П. указывает, что он обратился к переводу этой книги, т. к. она, благодаря учебному характеру, краткости, ясности и простоте изложения, может служить руководством к чтению трудной для восприятия книги А. Смита.

П. написана «Биография графа Алексея Ивановича Васильева», в канцелярии которого он начинал свою служебную карьеру (опубл. анонимно: Сын отеч. 1827. № 18; вышла также отд. отт.).

П. состоял членом-сотрудником Беседы любителей рус. слова в IV Разряде, где председательствовал *И. С. Захаров*, а с 1813 — И. М. Муравьев-Апостол. Журналы Беседы скреплялись каждое заседание подписями только присутствующих членов, что лишает возможности судить о степени участия сотрудников, в т. ч. П., в жизни этого литературного общества. В 1816 П. состоял членом-попечителем Человеколюбивого о-ва.

П. связывали дружеские отношения с М. В. Милоновым; они принадлежали к одному кружку молодых литераторов. Милонов посвятил П. несколько стихотворений. Они вошли в рукописную «Зеленую книгу», в которой среди шутливо-сатирических стихов, эпиграмм друзей-поэтов, далеких от признанной литературы, есть и произведения П. Они являются образцом т. н. фамильярной кружковой поэзии (сохр. лишь неполные писарские копии «Зеленой книги» из архива Я. К. Грота — ИРЛИ).

Лит.: Сб. Отд-ния рус. языка и словесности. 1868. Т. 5, вып. 1; *Десницкий В. А.* Избр. статьи по рус. лит. XVIII–XIX вв. М.; Л., 1958; Поэты-сатирики (1959);

Поэты 1790–1810-х гг. Л., 1971; *Топорков А. Л.* Неизд. стихотворения М. В. Милонова // Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник 1983. Л., 1985.

Л. Л. Щеглова

ПОЛОНСКИЙ Павел Александрович [11 (22) XII 1771–7 (19) III 1836, Петербург; похоронен на Смоленском кладбище]. Происходил из дворянской семьи. Начал службу в 1788 в Преображенском полку каптенармусом, с 1790 — сержант. В 1791 в чине капитана перешел в статскую службу — в Межевой деп. Сената. Вначале П. занимал должность землемера, с 1797 — секретаря, с 1801 — обер-секретаря, получая и повышение в чинах (с 1795 — кол. асессор, с 1798 — надв. советник, с 1800 — кол. советник, с 1804 — ст. советник), и награды (РГИА, ф. 1349, оп. 3, № 1758, сп. 13; оп. 6, № 447). В 1802 П. было поручено «сверх должности» наблюдение за сенатским казначейством.

Литературная деятельность П. относится к нач. 1790-х гг. Он перевел с фр. книгу А. Галлера «Фабий и Катон» (1793. Ч. 1–2). В «Оде Екатерине Второй на новый 1794 год» (1794) П. выступил как эпигон поэзии классицизма.

Лит.: *Гарский Б.* Полонский П. А. // Рус. биогр. словарь. Т. «Плавильщиков–Примо» (1905); Пб. некрополь. Т. 3 (1912); *Данилевский Р. Ю.* Россия и Швейцария: лит. связи XVIII–XIX вв. Л., 1984; История рус. переводной худож. лит. Т. 1. Проза. СПб., 1995.

Н. Д. Кочеткова

ПОЛОНСКИЙ Панкратий (Панкрат) Яковлевич [род. 1738]. В 1758, будучи студентом Моск. ун-та, был направлен учиться в Кенигсбергский ун-т, где приобрел хорошие знания в области философии, арифметики и геометрии, а также в лат., нем. и фр. языках. Успешно выдержав 14 окт. 1762 экзамен при Академии наук, был зачислен туда на должность переводчика в чине подпоручика. В мае–июне 1765 за «добропорядочную службу и особливые труды» П. получил чин поручика. Когда Военная коллегия затребовала П. на службу в свою типографию директором, из Академии последовал отказ, мотивированный тем, что и «сама Академия в добрых переводчиках имеет крайний недостаток» и что «Полонский не отпущен и оставлен при Академии с таким обнадеживанием, что он и при Академии авантаж свой получить может, а в переводе с иностранных языков оказал он изрядные опыты и против других переводчиков особливое знание, искусство и прилежание имеет и ведет себя в поступках добропорядочно» (РГАДА, ф. 286, № 531, л. 321–321 об.). Как переводчик Академии наук П. с 1763 по авг. 1766 занимался переводами иностранных сообщений и др. материалов для газеты «СПб. вед.». Перевод с нем. языка сочиненного *Я. Я. Штелином* «Описания аллегорического фейерверка <. . .> на Неве-реке 28 июня 1763 г.» был напечатан отдельным изданием (параллельно с фр. текстом).

В 1765–1766 П. принимал участие в работе Вольного экон. о-ва; им переведены и напечатаны в «Тр. Вольного экон. о-ва» несколько статей экономического и сельскохозяйственного содержания: «О различии земли в рассуждении экономического употребления» И. Г. Лемана, «О пользе от умножения льна в России и о средствах, к тому служащих», «О сибирском гороховом дереве и его пользе» и др.

В 1766 П. по его просьбе был определен в канцелярию Сената, где занимался «переводами лифляндских и прочих остзейских провинций прав». В 1767 был произведен кол. секретарем (РГАДА, ф. 286, № 544, л. 575). В 1772–1779 — секретарь в 1-м Деп. Сената; с сент. 1777 — надв. советник.

В 1760-х гг. П., видимо, был близок к группе переводчиков, печатавших переводы европ. беллетристики в типографии Сухоп. шлях. корпуса, и сам переводил с нем. и фр. языков. В дидактическом романе Ф.-В. Туссена «Повесть о страстях, или Приключения господина Шрупа» (1764; 3-е изд. 1789) его, по-видимому, заинтересовал характер рядового человека, т. к. в «Пред-

уведомлении» автор предупреждал, что читатель не должен рассчитывать найти в этом сочинении «историю совершенного героя», ибо «нет на свете такого человека, в котором бы были все добродетели или все пороки. . .». Главная тема романа — описание многообразия чувств, которым подвержены люди на протяжении всей жизни — «от колыбели до гроба», с истолкованием причин происхождения страстей. Извлекаемая из событийных эпизодов мораль формулируется в пространных названиях глав. С нем. языка П. перевел роман «Несчастная супруга, италианская повесть, имеющая печальное окончание» (автор неизв., 1765), сочетающий в себе психологическую и остроприключенческую линии повествования и построенный как два монолога-исповеди, которые по мере их развертывания оказываются связанными общим действующим лицом. Авантюрно-приключенческими чертами отличался и фр. роман К.-Р. Ламбера «Похождения трех кокеток, или Тюиллериские прогулки» (1766; с нем.), повествование в котором ведется последовательно от лица трех женщин, рассказывающих друг другу истории своей жизни.

Лит.: *Гарский Б.* Полонский П. Я. // Рус. биогр. словарь. Т. «Плавильщиков–Примо» (1905); Семенников. Мат-лы для словаря (1914).

Л. И. Сазонова

ПОЛУНИН Федор Афанасьевич [1735 или 1736–не позднее 1788]. Происходил из дворян. Отец П. (ум. 1746) владел имениями в Кашинском у. Тверской губ.; мать — Афросинья Ивановна, во втором браке Назарьева. 27 июля 1748 П. поступил в Сухоп. шлях. корпус, в сент. 1751 за употребление в классе «некоторого непристойного и касающегося до важности слова» допрашивался в Канцелярии тайных розыскных дел. В списках кадетов, определенных к гражданским наукам, П. числился среди первых учеников, обнаруживая «при весьма изрядном поведении» особые успехи в переводах с рус. на нем. и с нем. на фр. языки. В авг. 1756 был выпущен из корпуса в чине армейского поручика для определения на вакантную секретарскую должность (РГВИА, ф. 314, оп. 1, № 2345, л. 12; № 2398, л. 1–4; № 2498, л. 13; № 2526, л. 7; № 2821, л. 1, 5).

В 1764 — кол. асессор и секретарь Сената, в 1765–1781 — воевода в г. Верея Московской губ., с 1779 — надв. советник (РГАДА, ф. 186, оп. 1, № 526, л. 339).

В 1769 опубликовал с посвящением наследнику Павлу Петровичу (в пер. с фр.) книгу «Истинный мантор, или Воспитание дворянства» Л. А. Караччоли, в 1770 — перевод «Принцессы Вавилонской» Вольтера. Переиздания последнего перевода (1781, 1788, 1789) выходили «с исправлением» ошибок и неточностей. П. принадлежит также «Географический лексикон Российского государства», составленный на основе сведений, напечатанных *Г.-Ф. Миллером* в «Ежемес. соч.», «Географии» А.-Ф. Бюшинга и ряда др. источников. В 1770 «Лексикон» был сдан автором в типографию Моск. ун-та; по инициативе книгоиздателя Х. Л. Вевера и с согласия П. был просмотрен, исправлен, дополнен Миллером и опубликован с его предисловием (1773). П. подготовил для «Лексикона» оригинальные описания некоторых городов Московской губ., в частности обширную, изобилующую подробностями статью о г. Верея. Дополненное переиздание «Географического лексикона. . .» П. под загл. «Новый и полный географический словарь Российского государства» было осуществлено *Л. М. Максимовичем* после смерти автора (1788–1789. Ч. 1–6).

По указанию Д. А. Ровинского, в Румянцевском музее хранился живописный портрет П.

Лит.: Генеалогия господ дворян, внесенных в родословную книгу Тверской губ. с 1787 по 1869 гг. / Сост. М. Чернявский. Тверь, 1869; *Гарский Б.* Полунин Ф. А. // Рус. биогр. словарь. Т. «Плавильщиков–Примо» (1905); Заборов (1978).

Р. М. Лазарчук

ПОЛЯНСКИЙ Иван Федорович (в монашестве — Иннокентий) [13 (24) IV 1751, с. Поляны Рязанской губ.–15 (26) IV 1794, Во-

ронеж]. Сын священника. С 1760 учился в Рязанской дух. семинарии, после окончания (1763) был пострижен в монахи и оставлен в семинарии учителем поэзии, истории и географии. В 1778 стал префектом этой же семинарии и учителем философии и в том же году переведен в Александро-Невскую дух. семинарию, а в 1782 назначен префектом Славяно-греко-лат. академии и игуменом московского Знаменского монастыря. С 1783 вернувшийся в Петербург П. — ректор и учитель богословия Александро-Невской дух. семинарии, с 1784 — архимандрит петербургского Зеленецкого монастыря, с 1785 — архимандрит Николаевского Вяжищского монастыря, а затем Троице-Сергиевой пустыни, что на Петергофской дороге; одновременно П. преподавал катехизис в Пажеском корпусе и Петровском училище при нем. кирхе в Петербурге. В 1788 П. был избран членом Рос. Академии и в том же году стал епископом Воронежским.

П. — автор «Слова на день рождения <. . .> великого князя Александра Павловича и <. . .> великой княгини Елены Павловны. . .» (1785) и «Слова на день тезоименитства <. . .> великого князя Александра Павловича» (1787), отличающихся витиеватостью стиля, тяжеловесностью риторических периодов. В 1784–1788 работал над редактированием «Словаря Академии Российской». Став епископом Воронежским, он снова много проповедовал. Пятнадцать из ста произнесенных им поучений нравственно-учительного содержания были изданы в 1799 в Воронеже *Евгением Болховитиновым*, который считал П. образцовым пастырем и высоко отзывался о его проповедническом искусстве, ярко обнаружившем такие черты его характера, как кротость и смирение, благочестие и доброта.

Лит.: *Евгений Болховитинов*. Слово надгробное преосв. Иннокентию, еп. Воронежскому. М., 1794 (2-е изд. Воронеж, 1799); Евгений. Словарь исторический. Т. 1 (1827); Смирнов. Моск. академия (1855); *Чистович И. А.* История Петербургской дух. академии. СПб., 1857; *Сергий, архим.* Ист. опис. Московского Знаменского монастыря, что на старом государском дворе. М., 1866; Сухомлинов. Рос. Академия. Вып. 1 (1874); [Без подписи]. Иннокентий (Иван Полянский), еп. Воронежский // Рус. биогр. словарь. Т. «Ибак–Ключарев» (1897).

Ю. К. Бегунов

ПОМОРЦЕВ Петр. Переводчик 1770-х гг. Издал в переводе с нем. языка сентиментальную повесть о крестьянской девушке, обманутой богатым дворянином, «Клари, или Награжденное обращение к добродетели. Аглинская повесть» (1773) и сентиментальную пьесу в 1-м д. «Комедия Оживленная статуя» (1776). П. перевел также с нем. языка сатирическую поэму в прозе «Студент Клаус кандидат, или Первая проповедь», иронически воспевающую поступки глуповатого юноши (СПб., б. г.; предположительно вышла в 1775).

Сохранились послужные списки за 1795, 1800 и 1801 Петра Яковлевича Поморцева [1756–14 (26) IV 1801] «из обер-офицерских детей», который в 1760 был записан капралом в артиллерию, в 1771 определился канцеляристом в СПб. соляную контору. В 1776 он служил подканцеляристом в Сенате, а в 1788 «за болезнию» отставлен от службы в чине секунд-майора. В 1791 был вновь определен на службу, теперь уже в Гос. ассигн. банк кассиром, а в 1797 пожалован надв. советником (РГИА, ф. 1349, оп. 4 (1800 г.), № 8, л. 93 об.; ф. 584, оп. 1, № 117, л. 87–89; РГАДА, ф. 286, № 857, л. 274). Имеют ли отношение эти документы к П.-переводчику, не установлено.

Е. Д. Кукушкина

ПОНОМАРЕВ Петр Николаевич (в монашестве — П а в е л)[1745, Александрова слобода Дмитровского у. Московской губ.— 19 (31) III 1806, Ярославль; похоронен в Успенском соборе]. Родился в семье дьякона; учился (с 1760) в Троицкой дух. семинарии, потом (с 1768) в Моск. дух. академии и одновременно в Моск. ун-те. После окончания университета (1772) был оставлен учителем нем. и фр. язы-

ков в семинарии, в 1775 был пострижен в монахи и получил должность наместника Троице-Сергиевой лавры; одновременно продолжал преподавать иностранные языки и историю. С 1782 П. — ректор Моск. дух. академии и архимандрит Заиконоспасского монастыря; был также настоятелем ряда монастырей московской епархии: Симонова (с 1783), Воскресенского (с 1785), Новоспасского (с 1786). В 1783–1784 исполнял обязанности цензора, в 1784 избран в члены Рос. Академии. С 1794 П. — епископ Нижегородский и Алатырский; с 1798 — архиепископ Тверской и Кашинский, а также член Синода; с 1799 — архиепископ Ярославский и Ростовский.

П. известен как переводчик, проповедник и церковный историк. Ему принадлежит перевод «Histoire d'Épaminondas pour servir de suite aux hommes illustres de Plutarque» (1739) — исторической компиляции из сочинений Ксенофонта, Полибия, Юстина, Плутарха, Корнелия Непота, Диодора Сицилийского, составленной фр. писателем аббатом Сераном де ла Туром.

Перевод вышел в свет под загл. «История о Епаминонде, фивском полководце, с примечаниями историческими и критическими» (1774). В посвящении наследнику престола, вел. князю Павлу Петровичу, П. утверждает, что премудрость монарха гарантирует его подданным благоденствие и что цель издания этого сочинения — «побудить российское юношество к ревностнейшему подражанию описываемому в ней великому мужу». П. перевел труд фр. ученого Ленена де Тиймона («Mémoires pour servir à l'Histoire ecclésiastique des six premiers siècles, justifiés par les citations des auteurs originaux» (Paris, 1693–1712. T. 1–16). Тиймон критически относился к преданиям церкви о святых, что в свое время вызвало сопротивление напечатанию его труда со стороны фр. цензуры. Это же обстоятельство, вероятно, послужило одной из причин того, что перевод П. сочинения Тиймона не был издан.

Как член Рос. Академии П. работал над «Словарем Академии Российской»: стремился определить правила ударения в рус. языке, составлял таблицы, которые могли бы наглядно пояснить прямую зависимость ударения от числа слогов в слове. Работа эта не была закончена. П. столкнулся с научной неразработанностью проблем рус. акцентологии и диалектологии: объяснить различия в выговорах обеих столиц, а также в церковнослав. языке он не сумел. П. составил примечания к ч. 5 и 6 «Словаря Академии Российской».

Как проповедник П. читал много поучений в стиле, выработанном в школе *Платона Левшина*. Ни одно из них не было напечатано полностью. Известно, например, что П. произнес в Нижнем Новгороде поучения против раскольников и «слово» перед избранием судей, а в 1798 — «слово» при отбытии из Нижнего Новгорода (извлечения из них см. в кн.: *Макарий, архим.* История Нижегородской иерархии. СПб., 1857. С. 183, 185–187). Полностью напечатано было только считавшееся образцовым «Слово, говоренное 24 ноября 1793 года в Большой придворной церкви в день тезоименитства императрицы Екатерины Алексеевны» (1793), которое наряду с подобными же произведениями *Георгия Конисского*, Платона Левшина, Филарета Дроздова включалось в рус. хрестоматии.

П. принадлежит «Краткое историческое описание Свято-Троицкой Сергиевой лавры и Спасо-Вифанского училищного монастыря» (1782), выдержавшее несколько изданий.

П. посвящены сборник «Забавная игра умов», переведенный с фр. языка новоспасским иеромонахом Феофаном (1791–1792. Ч. 1–2), и «Смысл псалмов царя и пророка Давида, избранных по произволению трудившагося, преложенный стихами в Нижнем Новгороде В. М. Протопоповым» (1797).

Лит.: Евгений. Словарь исторический. Т. 2 (1827); Смирнов. Моск. академия (1855); *Чередеев К.* Биографии тверских иерархов. Тверь, 1859; Смирнов. Троицкая семинария (1867); Сухомлинов. Рос. Академия. Вып. 1 (1874); Филарет. Обзор. Кн. 2 (1884); *Д. Я.* Павел (в

миру — Петр Пономарев), архиеп. Ярославский // Рус. биогр. словарь. Т. «Павел, преподобный—Петр (Илейка)» (1902); Геннади. Словарь. Т. 3 (1908).

Ю. К. Бегунов

ПОПОВ Антон Иванович [6 (17) VII 1748, с. Ключевское Кунгурского у. Симбирской губ.–13 (24) 1788, Пермь]. Сын священника, учился в церковной школе в Кунгуре; с 1763 — в Хлыновской (Вятской) дух. семинарии. С 1768 — учитель пиитики в семинарии, с сент. 1771 ведет класс риторики; в июле 1772 сменил П. И. Любарского на посту префекта семинарии (в 1775 также преподавал философию). С кон. 1775 — протоиерей Благовещенского собора в Кунгуре; с окт. 1781 — протоиерей Петропавловского собора в Перми. Одновременно занимался миссионерской деятельностью среди инородцев. С этим связана его работа над «Кратким пермским словарем с российским переводом» (1785; рукопись: РНБ, ф. 7, № 123, л. 21–37). Возможно, при его участии составлены «Краткий вотский словарь» священника с. Еловское Захария Кротова и «Краткий вогульский словарь» соликамского протоиерея Симеона Черкалова (оба — рукоп.).

Стихи начал писать в семинарии; известна его ода епископу Вятскому Варфоломею «Расторгла радость тьму печали. . .» (1766; рукоп. сб. — Кировская обл. б-ка). П. опубликовал единственную книгу «Сатирические, забавные и нравоучительные эпиграммы или надписи, сочиненные в городе Хлынове» (напечатана в кон. 1778 по привезенной в Петербург рукописи в типографии Военной коллегии; рукопись к изданию подготовил сам П., т. к. книга начинается и завершается его обращением к читателю). П. пользовался в Вятке, согласно местным преданиям, репутацией остроумца и сатирика; его стихи, имевшие в виду различных лиц и написанные по поводу различных событий, расходились в списках. Избранные 107 эпиграмм и эпиграмматических надгробных «надписей» принадлежат в основном к традиции «моральной» эпиграммы и написаны силлабо-тоническим стихом (с некоторым насилием над синтаксисом и ударением) в духе рекомендаций семинарских поэтик. Большинство эпиграмм (на духовенство, дурных писателей, скупых, знатных, горделивых и т. п.) выдержано в духе сатиры сумароковской школы, с характерным использованием достаточно грубого просторечия. Перепечатка книги под загл. «Забавные сатирические и нравоучительные надписи или эпиграммы. Для пользы и увеселения общества изданные» сделана петербургским типографщиком М. К. Овчинниковым (1786), видимо, без согласования с автором. Она вызвала отклик в журнале *Ф. О. Туманского* «Зеркало света»: «Если не по красоте слога своего, то по привязанности к наукам заслуживает сочинитель похвалу, но есть места, показывающие его дарования и способность к стихотворению» (1786. Ч. 3. Окт. № 44). О П. помнили еще в нач. XIX в.; А. А. Палицын в «Послании к Привете» (1807) отметил, имея в виду П. и противополагая его *М. И. Попову*: «С приятностью писал стихи один Попов».

Лит.: А. В. [*Верещагин А. В.*] Вятские стихотворцы XVIII в. // Календарь и памятная книжка Вятской губ. на 1897 г. Вятка,1896; *Шарц А. К.* Сатирик в рясе // Урал. следопыт. 1973. № 7; Рус. эпиграмма (1975); *Изергина Н. П.* Писатели в Вятке. Киров, 1979.

В. П. Степанов

ПОПОВ Василий Михайлович [1771–23 IV (5 V) 1842; похоронен в Зилантовом м-ре Казанской губ.]. Происходил из дворянской семьи. Начал службу в Комиссии нового Уложения в 1780-х гг., затем находился на военной службе; в нояб. 1796 в чине поручика уволен «к статским делам», с февр. 1797 — переводчик, затем асессор в Деп. герольдии, с 1802 — столоначальник в Деп. М-ва юстиции, с 1808 — вице-правитель Белостокской обл., с 1809 — на службе в М-ве внутр. дел, с 1811 — д. ст. советник. С февр. 1817 по 1825 — директор Деп. нар. просв. Один из секретарей Рус. библейского о-ва со времени

его основания (1813). В 1820-х гг. участвовал в переводе с нем. и подготовке к печати сочинений «новокатолических» проповедников, подвизавшихся в Петербурге (И.-Э. Гослер и др.). В последующие годы — мистик, участник хлыстовской секты.

Им, вероятно, переведена с нем. комедия «Опыт <испытание> детской любви» (1796). «Сии первые плоды трудов своих» автор посвящает матери. Эта одноактная примитивно-назидательная пьеса с простым сюжетом (см.: Сводный каталог рус. книги гражд. печати XVIII в. М., 1964. Т. 2. № 5008; приписана *В. С. Попову*) характерна для «детской» драматургии нем. Просвещения 1770–1780-х гг., прежде всего для Х.-Ф. Вейсе, а также писавших в этом жанре драматурга И.-Г. Рёдинга и театрального деятеля и философа-моралиста И.-Я. Энгеля.

Лит.: *Ельницкий Ан.* Попов В. М. // Рус. биогр. словарь. Т. «Плавильщиков–Примо» (1905).

Р. Ю. Данилевский

ПОПОВ Василий Степанович [ок. 1746–5 (17) XI 1822, м. Решетиловка Полтавской губ.]. Сын священника. После обучения в Казанской гимназии поступил на военно-административную службу: в 1771–1774 — секретарь кн. В. М. Долгорукого-Крымского; с 1783 — чиновник для особых поручений при Г. А. Потемкине; с 1786 — один из статс-секретарей *Екатерины II*. Занимал должности начальника Горного корпуса, Колывано-Воронежских и Нерчинских заводов. При Павле I — президент Камер-коллегии, затем в опале. При Александре I ведал хозяйственными делами рус. армии за границей, участвовал в подготовке Тильзитского мира; с 1810 — член Гос. совета, с 1818 — почетный член Академии наук. Владелец огромных имений и тысяч крепостных в Минской, Екатеринославской, Херсонской губ. и в Крыму.

Придворные должности П. способствовали его широким связям в литературных и научных кругах: среди его корреспондентов — *Е. Р. Дашкова, Г. Р. Державин, И. И. Дмитриев, А. И. Мусин-Пушкин, А. А. Нартов, Ю. А. Нелединский-Мелецкий*, Д. И. Хвостов, *А. В. Храповицкий*, А. С. Шишков, а также М. И. Кутузов, А. В. Суворов, Ф. Ф. Ушаков и др. (РНБ, ф. 129, оп. 2; ф. 609). В марте 1792 П. были поручены постройка здания и организация Публ. б-ки. П. принимал участие в суде над *Н. И. Новиковым*. Сохранились «Политические записки» П., очевидно, 1790-х гг., представляющие собой попытку исторического обоснования внешней политики Екатерины II. В 1820 живший в Париже Г. В. Орлов передал престарелому П. предложение редакции фр. биографического словаря (по всей вероятности, «Biographie nouvelle des contemporains» под ред. А.-В. Арно и др.) написать статью о Екатерине II. Однако остается неизвестным, принадлежит ли П. отличающаяся исключительной подробностью статья о рус. императрице, помещенная в т. 4 (1822) словаря.

П. обладал некоторым литературным дарованием, владел нем. и в определенной мере фр. языками. В его переводе с нем. была издана «Жизнь Марка Туллия Цицерона. . .» (1768); слог перевода, сделанного с неустановленного издания, ясен, рассчитан на юного читателя, как и многочисленные примечания популярного характера, часть которых принадлежит переводчику.

Лит.: Некрология // Отеч. зап. 1822. № 32; *Ставровский А. И.* Из бумаг В. С. Попова // Рус. арх. 1865. Кн. 3; Отчет Имп. Публ. б-ки за 1887 г. СПб., 1890; *Грибовский А. М.* Воспоминания и дневники // Рус. арх. 1899. Кн. 1; *Алексеевский Б.* Попов В. С. // Рус. биогр. словарь. Т. «Плавильщиков–Примо» (1905).

Р. Ю. Данилевский

ПОПОВ Иван Васильевич [ум. 1839]. Московский купец, автор од.

Учился в Моск. ун-те. По воспоминаниям современников, был «величайшим оригиналом»: «званием купец, по занятиям книгопродавец, типографщик, писатель, ходатай по делам, поверенный питей-

ных откупщиков <. . .> и всегда близкий знакомый многих литераторов и ученых <. . .> он был самый жалкий писатель и рифмотворец, исписавший горы бумаги». (*Полевой К. А.* Зап. о жизни и соч. Н. А. Полевого. СПб., 1860. Ч. 1. С. 106). Первым литературным произведением П. была «Ода на торжественный день коронования <. . .> Екатерины Вторыя. . .» (1791), написанная живым образным языком на 29-ю годовщину царствования *Екатерины II*. В честь обручения вел. князя Александра Павловича и вел. княгини Елизаветы Алексеевны П. сочинил оду «Розовый букет, или Песнь радостная. . .» (1793), в которой сравнивает Александра и Елизавету с молодыми оливами, с реками, соединяющими свой «тихий влажный ток».

В февр. 1797 П., торговавший книгами прежде «по городам и ярмаркам», известил публику, что открыл на Ильинке в Гостином дворе под № 1 новую книжную лавку и что его каталог российским книгам выйдет через две или три недели (Моск. вед. 1797. 21 февр. № 15). По-видимому, торговля шла успешно, т. к. в следующем году был напечатан «Реестр новым книгам, кои сверх многих продаются в Москве на Ильинке в Гостином дворе у купца Попова» (1798). Оба каталога числятся среди разыскиваемых изданий.

Судя по книгопродавческим росписям, среди изданий, распространявшихся в эти годы П., были «Детская библиотека, изданная на немецком языке г. Кампе» (1796. Ч. 3, 4), «Избранный песенник, или Собрание лучших <. . .> песен» (1798. Ч. 1–4), а также «Печальному утеха, веселому забава, а праздному на безделье дело, или Новый настоящий русский песенник» (1798), «Творения г. Геснера, поэма Авелева смерть, в пяти песнях» (1799; пер. *В. М. Протопопова*), роман Ж. де Мемье «Граф де Сен-Меран, или Новые заблуждения сердца и ума» (1799–1800. Ч.1–8; пер. *П. И. Макарова*).

В нач. XIX в. П. вместе с Люби и Гари содержал книжную лавку и был арендатором Унив. типографии. По предложению П. и на его средства с 1802 издавался «Вестн. Европы» *Н. М. Карамзина*. По свидетельству А. Ф. Воейкова, в 1804 П. совместно с П. И. Макаровым осуществлял редактуру (Сын отеч. 1821. № 1. С. 8).

В 1804 в «Вестн. Европы» (Ч. 13. № 1) П. напечатал «Гимн Богу», написанный им под явным влиянием оды *Г. Р. Державина* «Бог».

В 1806–1807 П. упоминается С. П. Жихаревым как содержатель типографии, у которого есть хорошие корректоры, но работа идет «без всякой предприимчивости», т. к. он, как и некоторые др. типографщики, «отстал от века».

По случаю опубликования манифеста о намерениях рос. правительства начать переговоры с Францией для заключения мирного договора на взаимовыгодных условиях (Моск. вед. 1806. 12 сент. № 73) П. написал патриотическую «Оду на случай высочайшего е. и. в. манифеста. . .» (М., 1806), напечатав ее на свой счет. Ода продавалась «во всех книжных лавках по двадцати копеек в бумажке, а на велене по рублю, — в пользу бедных».

В окт. 1813 московские чиновники, собравшиеся праздновать освобождение Москвы, предложили П. сочинить подобающее для этого случая стихотворение. 6 окт. П. сочинил песнь в форме диалога певца и гражданина «Певец среди московских граждан» (Вестн. Европы. 1813. Ч. 72. № 21/22; отд. изд.: М., 1813, 1814), которую торжественно произнес в собрании чиновников 10 окт. Эпиграфом к песни П. взял строку из стихотворения В. А. Жуковского «Певец во стане русских воинов». Отечественная война 1812 отразилась также в басне П. «Волк, который, шед в овчарню, ошибкою забрел на псарню» (М., 1814), написанной в подражание басне И. А. Крылова и с эпиграфом из стихотворения Г. Р. Державина «Видение мурзы»: «Я в шутках правду возвещу». Изображая волка, П. имел в виду Наполеона. В примечаниях, обращенных «к малолетнему сыну», объяснены некоторые охотничьи термины. Победе над Наполеоном посвящена также «Ода на совершенное низложение врага России и вселенной» (М., 1814).

В том же году П. написал еще несколько од на случай. Подражая псалму 47, он сочинил короткую оду с хорами «Песнь на торжественное вшествие всеавгустейшего государя императора Александра Первого в Париж» (М., 1814) с эпиграфом из оды *М. В. Ломоносова* «Императрице Екатерине Алексеевне на <. . .> восшествие ее на <. . .> престол» (1762): «О коль монарх благополучен, Кто знает россами владеть!». «Песнь на прибытие е. и. в. из-за границы в Санкт-Петербург по заключении с Франциею мира» (М., 1814) была написана П. «в некоторой по сему случаю собравшейся беседе июля 19 дня». В стихотворении «Алексею Федоровичу Мерзлякову на облегчение от постигшей его внезапно болезни» (М., 1814) П. превозносит его «дар стихотворства, гений небесный». От московского купечества П. написал приветственную «Оду на всевожделенное прибытие е. и. в. в первопрестольный град Москву» (М., 1816).

Известно, что в кон. 1830-х годов некий Попов, купец 3-й гильдии, жил в собственном доме, вероятно в Сущевской части в Новой Слободе.

Лит.: *Метелеркамп В. Д., Нистрем К. М.* Книга адресов столицы Москвы, составленная из документов и сведений правительственных присутственных мест. М., 1839; Жихарев. Зап. (1955).

Е. Д. Кукушкина

ПОПОВ Михаил Иванович [1742–ок. 1790, Петербург; по др. данным, 1781, см. *М. Н. Муравьев*]. Согласно театральному преданию, происходил из семьи ярославского купца и был одним из первых актеров труппы *Ф. Г. Волкова*, однако документированные сведения о его службе в Придворном театре относятся только к 1764. По автобиографическому признанию П. в предисловии к сборнику «Досуги. . .» (1772. Ч. 1), его литературная деятельность началась ок. 1760 и, по-видимому, была связана с репертуарными нуждами рус. театра. П. публикует переводы комедий с нем. И.-Ф. Кронека «Недоверчивый» и с фр. Ж.-Ф. Пуллена де Сен-Фуа «Девкалион и Пирра» (1765; обе в одной книге; печатались с мая по окт. — СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 1, № 290, л. 84; сведений о постановках нет). К 1760-м гг. относятся также переводы с фр. комедий Д.-О. де Брюэса и Ж. Палапра «Немой» (пост. 2 нояб. 1766; 2-е изд. 1788), Ф. Пуассона «Притворный комедиянт» (пост. 18 сент. 1769), анонима «Бурлин — слуга, отец и тесть», а также оригинальная комедия П. «Отгадай и не скажу», напечатанные позднее в сборнике «Досуги. . .» (1772. Ч. 2). П.-переводчик был заметной фигурой школы вольной русификации иностранных пьес. Как писал он сам, «не держался я невольнически слов и наименований, но сообразжался со нравами и обыкновениями нашими», а, по замечанию современника, «изменял подлинник в тех местах, где приводились обычаи, существовавшие во Франции, и заменял их нравами, собственными нашей стране и нашему времени» (Лейпцигское известие (1768)). В частности, П. вслед за *В. И. Лукиным* вводил в пьесы диалектную речь персонажей из крестьян.

В занятиях литературой П. поощрял *Н. И. Новиков*, на средства которого была издана книга «Две повести: „Аристоноевы приключения. . .“ и „Жизнь людей Промифеевых“» (1766), включавшая переводы мифологических романов Ф. Фенелона и А.-Г. Менье де Керлон. Из предпосланного книге в качестве посвящения письма П. к Новикову видно, что писателей связывали дружеские отношения и П. обязывался сообщать Новикову-издателю свои сочинения, «как собственные, так и переведенные с других языков». Др. близким П. человеком был *М. Д. Чулков*, также актер. Свидетельством их близости являются совместная незавершенная работа над словарем рус. языка (не сохр.), общий интерес к истории и рус. языческой мифологии. Результатом этого творческого общения явилась работа П. «Описание славенского языческого баснословия, собранного из разных писателей» (1768), участие в сочинении комедии Чулкова «Как хочешь назови» (заключительные куплеты), обращение к жанру сказочно-рыцар-

ского романа. «Славенские древности, или Приключения славенских князей» (1770–1771. Ч. 1–3) представляют жанровое подражание «Пересмешнику» Чулкова. Оба произведения стоят у истоков псевдоисторической слав. сюжетики в рус. литературе. Поскольку мн. читатели принимали книгу П. за историческое сочинение, автор при переиздании вынужден был особо подчеркнуть ее принадлежность к романическому жанру, изменив назв. на «Старинные диковинки. . .» (1778), под которым книга выдержала в XVIII в. еще два издания (1793 и 1794). Изображая рус. средневековье как эпоху рыцарства, П. широко пользовался мотивами западноевроп. «contes des fées» (волшебных сказок), галантного романа и рыцарских романов из серии изданий «Bibliothèque bleue» («Синей библиотеки»), ставших к XVIII в. народными книгами. Использование фольклора у П. в отличие от более поздних сборников *В. А. Левшина* ограничивается интернациональными мотивами. Конкретные источники сюжетов повестей, составляющих сборник, не установлены.

В 1765 П. покинул придворную труппу и переехал в Москву, чтобы прослушать курс лекций в университете. До этого он отдал в печать сборник, включавший тринадцать стихотворений, стилизованных под народные песни, — «Песни, сочиненные Михайлом Поповым» (1765; напеч. в июле — СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 1, № 291, л. 197; 2-е изд., испр. и умнож. 1768). В 1767 П. был привлечен в качестве помощника «сочинителя» (секретаря) в Комиссию нового Уложения. Он, в частности, оформлял проект «О нижнем роде государственных жителей». В 1769 получил чин кол. регистратора. Поскольку в комиссии работали мн. из начинающих писателей, служба расширила круг литературных связей П., что позволило ему, вернувшись в составе комиссии в Петербург, принять в 1769 участие сразу в нескольких сатирических журналах. Уже 27 янв. он послал подборку эпиграмм (подп. — «N. N.») во «Всякую всячину» (см. ред. примеч. в майском номере — с. 136), но т. к. публикация задержалась, он поместил их в журнале Чулкова «И то и сьо» (Неделя 21), активным сотрудником которого оставался с первых листов до авг. 1769. П. выступал под видом якобы неизвестного издателю корреспондента. Однако его стихотворение «Сон» (как и отклики на него) показывает, что П. и Чулков были членами одного литературного кружка. П. принадлежат в журнале некоторые сатирические стихотворения и, возможно, переводы с нем. языка. Лишь одна публикация подписана «N. N.», остальные анонимны. Эпизодическим было участие П. в «Ни то ни сио» *В. Г. Рубана*, где появились три его эпиграммы. Начиная с мая П. сотрудничал в «Трутне» Новикова. Здесь ему достоверно принадлежит притча «Два вора», приложенная издателем к «Письму дяди к племяннику» (1769. Л. 3). П. также приписывались в «Трутне» «копии с отписок» (1769. Л. 26. Окт.; Л. 30. Нояб.), а в «Живописце» (1772. Л. 15, 23, 24) — «Письма к Фалалею» (идет спор об авторстве *Д. И. Фонвизина* или Новикова). «Надпись» П. на «Ядро российской истории», считавшееся сочинением кн. А. Я. Хилкова (автор — А. И. Манкиев) анонимно приведена в издании: Новиков. Опыт словаря (1772). В связи с этим, а также на основании полемических замечаний *Ф. Я. Козельского* в послании «О зависти» и *В. П. Петрова* в послании «К. . . из Лондона» по адресу составителей «Опыта словаря», предполагается участие П. в работе Новикова над этим сочинением. Чисто гипотетический характер имеют предположения о сотрудничестве П. и Чулкова при издании «Собрания разных песен» (1770–1774).

1772 был переломным в творческой судьбе П. По прошению П. на средства Кабинета е.и. в. был напечатан его сборник «Досуги, или Собрание сочинений и переводов» (Ч. 1–2). Сюда вошли, в частности, стихотворения, ранее опубликованные в журналах, прозаический перевод двух песен трактата о драматургии К.-Ж. Дора «На феатральное возглашение» — одной из попыток примирить клас-

сическую эстетику с проникавшим в комедию изображением «низкой природы», и оригинальная комическая опера П. «Анюта» (перепеч.: Рос. феатр. 1789. Ч. 28). Сыгранная в Царском Селе придворными певчими 26 авг. 1772, она была также первой рус. пьесой, поставленной за границей, в рус. посольстве в Константинополе, во время заключения Кючук-Кайнарджийского мира. «Анюта» явилась первым рус. произведением в жанре комической оперы и определила некоторые черты жанра на рус. почве: крестьянская тема, противопоставление города и деревни, комическое, но не отрицательное изображение крестьян. Имена Анюты и неудачливого ее жениха Филата стали после П. традиционными в комической опере.

Позднейшее творчество П. свелось исключительно к переводам. С 1772 он становится активным сотрудником реорганизованного Собрания, старающегося о переводе иностр. книг, для которого выполняет прозаическое переложение «Освобожденного Иерусалима» Т. Тассо (1772; по фр. переводу Ж.-Б. Мирабо; с предисл. Мирабо «Жизнь Тассова»; 2-е изд. 1787), оказавшее влияние на рус. преромантическую поэму. С точки зрения теории перевода оно представляет интерес как попытка избежать употребления варваризмов путем калькирования иностранной лексики. К такому же типу литературы, рассчитанной на широкого читателя, относятся его переводы «Вадиных сказок» Вольтера (1771) и перс. сказок «Тысяча и один день» (1778–1779. Ч. 1–4) в обработке Пети де ла Круа. До 1783 П. также взял в собрании для перевода «Песни печалей» («Скорбные элегии») Овидия, «Историю римскую» Тита Ливия и «Храм баснословия» Ф.-А. Помея. Согласно указанию Новикова, «„Баснословный словарь“ <. . .> отдан уже был для печатания в Морской кадетский корпус, но там оный утрачен» (Новиков. Опыт словаря (1772)). Ряд общезанимательных сочинений был переведен П. явно с коммерческими целями. Среди них «Белевы путешествия через Россию в разные азиатские земли. . .» (1776. Ч. 1–3; пер. законч. в 1773, напеч. Академией наук в 1774, выкуплен Новиковым и выпущен в продажу с новым тит. л.), «Выписки о чревовещателях. . .» аббата Ла Шапеля (1776; 2-е изд. 1787), «Описание римския Ватиканския церкви св. Петра. . .» Ж.-Ж. Лефрансе де Лаланда (1776). Из переведенных П. ученых сочинений для характеристики его общественных взглядов наиболее важное значение имеет изданное Новиковым «Рассуждение о благоденствии общенародном» Л. А. Муратори (1780; с фр.), свидетельствующее об интересе к умеренно-просветительским идеям Ш. Монтескье и Ф. Фенелона. Говоря о переводах П., Новиков отметил, что «он имеет гораздо больше неизданных в печать», и дал им высокую литературную оценку: «Особливо его песни и опера заслуживают великую похвалу; то же должно сказать и о переводах его, которые за чистоту слога и прочее много похваляются».

В связи с оживлением деятельности Придворного театра в кон. 1770-х гг. П. переводит для него ряд пьес, часть из которых осталась в рукописи: комедии «Лжеученый» Ж. Дювора (1778; не изд.; пост. ок. 1790), «Побежденное предрассуждение» П.Мариво (1779; не изд.), «Солиман второй, или Три султанши» Ш.-С. Фавара (1779; пост. 12 дек. 1784 в Москве; изд. 1785), «Севильский цирюльник, или Бесполезная предосторожность» П.-О.-К. Бомарше (1779; не изд.; рукопись: СПбГТБ и Б-ка Моск. Малого театра; пост. 22 янв. 1782 в Петербурге и 24 мая 1782 в Москве) и комическая опера неизвестного автора «Устережешься ли всего» (1780; не изд.).

Биографические сведения о последнем периоде жизни П. крайне скудны. Известно, что в 1776 он имел чин губернского секретаря и еще в 1780 продолжал служить в Комиссии нового Уложения (переименованной в Комиссию составления законов). В нач. 1780-х гг. *М. Н. Муравьев* упоминал о нем как о «сочинителе при Уложении, который мог быть лучше сочинителем при Комиссии Муз и Граций. Верное изображение французских литераторов: беден, прост, добросер-

дечен, трудолюбив — и забыт» (Письма рус. писателей (1980). С. 360). Последней книгой П. был составлявшийся им на протяжении всей жизни песенник «Российская Эрата, или Выбор наилучших русских песен. . .» (1790–1792. Ч. 1–3; с указанием на тит.: «Собранные и частию сочиненные покойным Михайлом Поповым»), который он хотел противопоставить существовавшим сборникам как собрание лучших образцов. Структура сборника определялась жанровой классификацией песен; тексты народных песен отредактированы «повсюду, где взыскивала того нужда правил». В предисловии П. изложил свои взгляды на возникновение песни и охарактеризовал новейшую «российскую» песню как особый литературный жанр.

Посмертную итоговую оценку творчества П. дал *Н. М. Карамзин* в «Пантеоне российских авторов» (1802). Отметив историческую недостоверность его «славянского баснословия», он высоко оценил его песни, которые «были несколько раз особливо напечатаны: следственно, они нравились публике; многие из них замысловаты и нежны». Как современник он засвидетельствовал популярность переводов П.; по его словам, они «были в великом уважении, особливо Тассов Освобожденный Иерусалим, о котором Екатерина Вторая упоминает с похвалою в одном из писем своих к Вольтеру».

Лит.: *Столпянский П. Н.* Один из деятелей екатерининской эпохи // Рус. старина. 1905. № 5; Семенников. Собрание, старающееся о переводе книг (1913); Семенников. Мат-лы для словаря (1914); *Золотарев С.* Писатели-ярославцы. Ярославль, 1920. Вып. 2; *Западов А. В.* Литератор XVIII в. М. Попов // Учен. зап. Курского пед. ин-та. 1941. Вып. 1; *Макогоненко Г. П.* Н. Новиков и рус. Просвещение XVIII в. М.; Л., 1951; Берков. Журналистика (1952); Ф. Волков и рус. театр его времени. М., 1953; Берков. История комедии (1977); История драм. театра. Т. 1 (1977).

В. П. Степанов

ПОПОВ Никита Иванович [1720, Юрьев-Польской–1782, Воронеж]. Сын дьякона. Вероятно, в 1733 поступил в Славяно-греко-лат. академию. В 1735 по запросу Академии наук в числе двенадцати учеников (среди которых был и *М. В. Ломоносов*) привезен в Петербург в Акад. гимназию. Наставниками П. в ней были Г.-В. Крафт, Ф. Брем, И. И. Тауберт и Г.-В. Рихман. В нач. 1737 П. окончил нем. класс гимназии и перешел в лат., в мае 1738 стал студентом Акад. ун-та. П. слушал лекции Л. Эйлера, Крафта, Г. Гейнзиуса, *Я. Я. Штелина*, Х.-Н. Винсгейма и *В. Е. Адодурова*. В мае 1740 он успешно выдержал экзамен и был назначен академическим переводчиком с лат., нем. и рус. языков. П. выполнял переводы для «СПб. вед.» (рус. и нем. издания) и научного журнала «Примеч. к Вед.». В апр. 1741 он был определен учителем нем. языка в средние классы гимназии. Эта работа мешала П. заниматься интересующими его науками, и он неоднократно обращался в Акад. канцелярию с просьбой освободить его от преподавания, что обострило отношения П. с И.-Д. Шумахером. В сер. 1742 П. вместе с *А. К. Нартовым* и др. подписал доношение в Сенат о злоупотреблениях Шумахера. Во время работы учрежденной по этому поводу Следственной комиссии (с окт. по сент. 1742) П. находился под домашним арестом. Он продолжал переводить и занимался математикой и астрономией. По просьбе П. после окончания следствия он был определен в Астрономическую обсерваторию к академику Ж.-Н. Делилю, ставшему его учителем. П. участвовал в составлении, переводах и издании астрономических календарей и таблиц и переводил различные материалы по поручению академиков. После вынужденного отъезда Делиля во Францию П. самостоятельно проводил астрономические наблюдения и опыты (иногда совм. с Ломоносовым). В февр. 1748 за диссертацию «Новый метод наблюдения небесных светил» П. было присуждено звание адъюнкта. В 1748–1749 П. участвовал в разборе диссертации Г.-Ф. Миллера «Происхождение имени и народа российско-

го» и представил против нее детальные критические возражения. Испортившиеся отношения с Миллером неблагоприятно повлияли на положение П. в Академии. 12 марта 1751 П. был назначен третьим профессором астрономии (академиком), однако после опубликования речи «О новых изобретениях в лунной теории» работы его по астрономии, геодезии и математике перестали публиковать. Миллер сумел получить неодобрительный отзыв о П. и распространил его в петербургском ученом мире. 24 марта 1755 в заседании Акад. конференции, с которого Ломоносов был удален из-за конфликтов с Таубертом, П. вместе с *В. К. Тредиаковским* выступил против проекта Тауберта об устройстве Академии, дававшего преимущества в ней нерусским ее членам.

С 7 янв. 1759 П. цензуровал журнал *А. П. Сумарокова* «Трудолюбивая пчела». Замечания П. вызвали недовольство Сумарокова. В апр. Сумароков написал резкое доношение на П., и он был отстранен от «смотрения» журнала. Позднее П. «наблюдал чистоту русского языка» в журнале Миллера «Ежемес. соч.» (здесь П. принадлежит «Надгробная надпись на прошедший год» — 1757. Ч. 6. Дек.).

С окт. 1761 по май 1762 П. находился с астрономической экспедицией в Сибири, во время которой поддерживал переписку с Ломоносовым (СПбФ АРАН, ф.3, оп. 1, № 809). На обратном пути из Иркутска П. вел «Журнал разным примечаниям. . .» (СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 24, № 5), в который вносил как астрономические наблюдения, так и сведения о быте и обычаях населения, о различных диалектах рус. языка. Результаты астрономических наблюдений были несправедливо оспорены фр. ученым А.-Г. Пингре и С. Я. Румовским. В Петербурге П. был фактически лишен возможности заниматься астрономией и служил под руководством Ломоносова в Геогр. деп.

В это время П. перевел с лат. языка «Древнюю универсальную Историю Трога Помпея» в сокращении Юстина (1769). Стремление возможно точнее передать стилистику оригинала привело к сильной латинизации синтаксиса. В «Предисловии переводчиковом» П. признавал, что «стиль его перевода не везде показаться может, и иной по справедливости потребует, что то же можно бы было сказать по-русски; сие самое правда <. . .> но то беда, что когда я так сделаю, то потеряю склад и силу оригинала, которого красота во многих местах совсем в ином состоит, нежели нашего языка. <. . .> Я принужден был в таких местах штиль русский так ставить, чтобы он как можно ближе к силе и складу оригинала был». Перевод П. создавался, вероятно, с учебными целями («для совершенного познания свойства латинского языка») и вместе с переводами *С. П. Крашенинникова* («История об Александре Великом» Квинта Курция) и *В. И. Лебедева* («Жития славных генералов» Корнелия Непота) составил в России XVIII в. библиотеку «трех школьных латинских авторов» для изучающих лат. язык.

В авг. 1769 П. уволился из Академии наук. В этом же году указом *Екатерины II* он был назначен товарищем губернатора Воронежской губ.; с 1780 — советник гражданского суда Воронежского наместничества.

Лит.: *Веселовский К. С.* Никита Иванович Попов, проф. астрономии // Зап. имп. Академии наук. 1893. Т. 73, кн. 1; Кулябко. Ломоносов (1962); *Невская Н. И.* Никита Иванович Попов. Л., 1977; Письма рус. писателей (1980).

А. Б. Шишкин

ПОПОВСКИЙ Николай Никитич [1726 или 1728–13 (24) II 1760]. Сын священника церкви Василия Блаженного в Москве. Учился в Славяно-греко-лат. академии. Был выбран *В. К. Тредиаковским* для обучения в Акад. ун-те («москвитин, церковничий сын, а от роду ему двадцать два года») и 24 марта 1748 отправлен в Петербург. 31 марта вместе с др. студентами держал экзамен, на котором присутствовал *М. В. Ломоносов*. С 15 мая 1748 П. начал слушать лекции Тредиаковского и Х. Крузиуса по лат. язы-

ку, «элоквенции», античной истории и литературе, а затем Г.-В. Рихмана по математике. 20 дек. в рапорте Г.-Ф. Миллера П. был назван «между лучшими» у Тредиаковского и Крузиуса и «между средними и худыми» у Рихмана, а после экзаменов в янв.—февр. 1750 получил аттестацию: «В математике и философии имеет успех посредственный, а впредь с ним не без надежды, ибо он понятие имеет и показывает немалое прилежание; разумеет Юлия Цезаря посредственно. Он переводит нечто по-русски и потом по-латински чисто и хорошо», «читает по-французски и по-немецки».

К кон. 1750—нач. 1751 относится первый известный нам поэтический опыт П., привлекший внимание Ломоносова. 8 мая 1751 Ломоносов послал *И. И. Шувалову* эклогу П. «Зима», сообщая, что в ней «не поправил ни единого слова» (текст стихотворения сохр. частично). После экзаменов в мае—июне 1751 комиссия дала отзыв о П.: «В физике и математике не весьма много упражнялся, в словесных и философских науках такой опыт искусства оказал, что на все вопросы изрядно ответствовал, а сверх того, сообщил своего сочинения стихи на российском и латинском языках, которые с немалою его похвалою читаны. В словесных науках и философии далее простираться желает, которые, по нашему рассуждению, надлежит ему продолжить таким образом, чтобы со временем быть стихотворцем и оратором Академии». С мая 1752 П. слушал «стихотворческие лекции» Ломоносова, который был очень доволен успехами П. В рапорте 12 янв. 1753, упоминая оду П. на «день коронования» Елизаветы Петровны (1752) и рекомендуя к печати его переводы Горация, Ломоносов отозвался о П.: «Он уже ныне в состоянии искусством своим в чистоте российского штиля и стихотворства приносить Академии наук честь и пользу». В марте 1753 был напечатан перевод П. «Письмо Горация Флакка о стихотворстве к Пизонам» с приложением пяти од Горация. После выпускного экзамена (19 янв. 1753) П. получил такую характеристику: «В гуманиорах, особливо же в стихотворстве, лучше всех, в философии достаточен, немецкий, французский и греческий языки разумеет нарочито, с латинского на российский переводит преизрядно, в поступках честен, за достойного произвождения в тех науках, к которым определил себя, признан; от роду имеет 25 лет»; хорошие отзывы о П. дали академики И.-А. Браун и И.-Э. Фишер. Ломоносов предложил И. И. Шувалову (письмо от 23 авг. 1753) определить П. ректором Акад. гимназии. В сент. 1753 П. был произведен в магистры (утвержден в звании 17 янв. 1754) и назначен конректором и руководителем «верхнего латинского класса». В этой должности служил с 9 сент. 1753 до нач. февр. 1755.

Все это время много занимался литературной деятельностью. 7 сент. 1753 П. выступил с речью «О несправедливом презрении нравоучительной философии, особливо у древних философов, прежде Сократа бывших» и со «стихами латинскими и российскими» (тексты не найдены). Тредиаковский, которому они были направлены на отзыв, одобрил речь, но раскритиковал александрийский стих П., очевидно из-за пиррихия перед цезурой. В 1752—1754 П. переводил стихами нем. сочинения *Я. Я. Штелина*, писавшиеся к придворным праздникам (рукопись — СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 1, № 101, 108, 110, 173, 185, 189; атрибутированы Л. Б. Модзалевским). Один из переводов напечатан в «СПб. вед.» (1754. 29 нояб. № 95); некоторые др. опубликованы М. И. Сухомлиновым в «Сочинениях» Ломоносова (СПб., 1893. Т. 2). Штелин считал эти эквилинеарные переводы очень удачными.

В 1753 П. принял участие в полемике вокруг сатиры *И. П. Елагина* «На петиметра и кокеток»; ему принадлежит «Возражение, или Превращенный петиметр» — пародия на сатиру Елагина, в которой П. защищал Ломоносова и нападал на *А. П. Сумарокова* и Тредиаковского. Ответом ему является стихотворение «Куда с копытом конь, туда и рак с клешней. . .», возможно принадлежавшее И. И. Шувалову. В 1753—1754 П. рабо-

тал над переводом поэмы А. Попа «Опыт о человеке». 23 авг. 1753 Ломоносов представил И. И. Шувалову ч. 1 поэмы и 28 марта 1754 сообщал об отсылке к президенту Академии К. Г. Разумовскому «всех стихов Попиевых», т. е. четырех «писем», составляющих поэму. П. обратился к «Опыту о человеке», очевидно, по указанию Ломоносова, которого могли привлечь содержавшиеся в поэме просветительские идеи, в частности обоснование гелиоцентрической системы. Не зная англ. языка, П. переводил с фр. прозаического перевода Э. Силуэтта. При публикации перевод П. встретил затруднения со стороны церковной цензуры. На прошение Шувалова 19 авг. 1756 разрешить печатание «Опыта. . .» Синод ответил отказом. В ответ на вторичный запрос Шувалова (17 янв. 1757) архиепископ *Амвросий Зертис-Каменский* заменил места, противные, по его мнению, Священному Писанию и «политическому узаконению», стихами собственного сочинения. П. было предложено обработать «синодские стихи», но он отказался это делать. Шувалов в окт. 1757 писал директору университета *И. И. Мелиссино:* «Предисловие, сочиненное господином Поповским в книге Попия, печатать с отменою, чтоб подлинных стихов господина Поповского, переправленных Синодом, не печатать и в предисловии оное переменить в конце, где о оных стихах упоминается». П., однако, сохранил в предисловии объяснение по поводу «сумнительных мест»: «Я только старался как можно ближе подходить к французскому переводу; итак, сумнительные места могут больше причтены быть французскому переводчику, которому я следовал, нежели мне». Стихи Амвросия в издании были выделены более крупным шрифтом, что вызвало насмешки над Синодом. *Д. И. Фонвизин* в «Чистосердечном признании. . .» передает рассказ *Г. Н. Теплова*: «Попы стали переправлять перевод его и множество стихов исковеркали, а дабы читатель не почел их стихов за переводчиковы, то напечатали они их нарочно крупными буквами, как будто бы читатель сам не мог различить стихов поповских от стихов Поповского». «Опыт о человеке» начал продаваться в дек. 1757 (Моск. вед. 12 дек. № 99) и затем неоднократно переиздавался (отрывки: Полезное увеселение. 1760. Ч. 1. Февр.; отд. изд.: 1763, 1787, 1791, 1802). Текст перевода, не искаженный правкой Синода, сохранился в списках XVIII в. (список 1750-х гг. — РГАДА, ф.181, оп. 1, ч. 1, 236/415; список кон. XVIII в. — ИРЛИ, ф.265, оп. 2, № 2102). В экземпляре печатного издания БАН (шифр: 1757/8) строки, изъятые цензурой, вписаны от руки на вклейках.

К 25 нояб. 1754 П. написал «Оду на день восшествия <. . .> Елисаветы Петровны», первоначальный текст которой был им переработан по замечаниям Теплова, и сам поднес ее императрице. Идейно и стилистически эта ода очень близка поэзии Ломоносова, особенно его «Оде на день восшествия. . .» (1746). В кон. 1754 П. перевел ряд нем. и лат. стихотворений Штелина к фейерверку 1 янв. 1755. Одно из них — «Где в свете есть народ, земля, страна и царство. . .», анонимно напечатанное в «Ежемес. соч.» (1755. Ч. 1. Янв.), «СПб. вед.» (1755. 3 янв. № 1) и отд. изданием, долго приписывалось Ломоносову.

8 февр. 1755 по запросу Шувалова П. был направлен из Академии наук (вместе с *А. А. Барсовым* и *Ф. Я. Яремским*) в учреждаемый Моск. ун-т. К сер. марта он переехал в Москву и приступил к деятельности ректора Унив. гимназии. При открытии университета, 26 апр. 1755, П. выступил с речью на лат. языке, начинавшей его курс лекций по философии. Рус. текст речи по инициативе Ломоносова и с его правкой был напечатан в «Ежемес. соч.» (1755. Ч. 2. Авг.). В речи говорилось о значении философской науки и выдвигался вопрос о необходимости преподавать ее на родном языке. 26 апр. 1756 на праздновании годовщины университета П. произнес «Торжественное слово на день коронации» и прочел «Оду Елисавете Петровне», в которых в духе Ломоносова прославлялись науки и развитие отечественной по-

эзии (оба соч. — анонимное отд. изд.: 1756). 2 мая 1756 «при собрании магистров, учителей и учеников» П. был «объявлен» профессором красноречия на философском факультете (Моск. вед. 1756. 10 мая. № 5). Он читал свой курс, используя «Риторику» лейпцигского профессора И.-А. Эрнести. Приводя примеры из лат. и рус. авторов, в т. ч. из собственных сочинений, по словам С. П. Шевырева, «ни на одном писателе особенно не останавливался, но старался обнять всех поэтов, ораторов и историков и объяснял в них достойное изучения; кроме того, упражнял студентов в переводах с латинского языка на русский и обратно». Ко дню восшествия на престол Елизаветы Петровны 6 сент. 1756 П. сочинил речь «О преизяществе красноречия» и оду «Умолкните теперь, стихии. . .» (тексты не найдены). Тогда же П. написал дидактическую поэму «Письмо о пользе наук и о воспитании во оных юношества», обращенную к И. И. Шувалову (впервые: Живописец. 1772. Л. 8). Изложенная здесь просветительская программа воспитания во многом соотносилась с идеями Дж. Локка. В нач. 1757 П. был включен в число членов Унив. конференции, и 6 марта по назначению конференции выступил на торжественном собрании университета с похвальным словом умершему первому директору А. М. Аргамакову; 3 июня он произнес речь в связи с началом публичных экзаменов; 1 нояб. на торжественном обеде у И. И. Мелиссино, где состоялось учредительное собрание литературного общества при университете, читал оду собственного сочинения (тексты не найдены). В 1757 в «Собрании сочинений» Ломоносова появилась «надпись» П. к его портрету («Московский здесь Парнас изобразил витию. . .»). 27 апр. 1758 на торжественном собрании по случаю дня коронации Елизаветы Петровны П. выступил с речью «о преимуществе монархии перед аристократиею и демократиею» (Моск. вед. 1758. 28 апр. № 34). Назначенный на должность инспектора гимназии «как человек, усердия к университету исполненный», 13 авг. 1758 П. произнес речь о том, «коль многотрудна есть должность учащих» (Моск. вед. 1758. 14 авг. № 65). Обязанности инспектора тяготили П.; 28 окт. он уже просил освободить его от должности, и просьба была удовлетворена. С 1758 у П. осложнились отношения с рядом профессоров иностранцев, в частности с Ф.-Г. Дильтеем, из-за настойчивых требований П. вести преподавание на рус. языке (он вновь поднял этот вопрос на заседании Унив. конференции 17 сент. 1758). 16 нояб. 1758 П. был «уволен от университета» (РНБ, собр. Погодина, 2009/1, л. 208). Однако, по сведениям С. П. Шевырева, зимой 1759–1760 П. вместе с И. И. Мелиссино сопровождал в Петербург лучших учеников гимназии для представления куратору университета Шувалову (Фонвизин описывает эту поездку в «Чистосердечном признании. . .»). 15 февр. 1760 «Моск. вед.» сообщили о выходе в переводе П. с фр. двухтомного труда Дж. Локка «О воспитании детей» (переизд.: 1788). В предисловии «К читателю» П. писал, в частности: «Правила г. Локка почти везде могут употребляемы быть с великим успехом. Предмет его был тот, чтобы показать, каким образом детей честных родителей предуготовлять в пользу отечества». Просветительские педагогические идеи П. стремился осуществлять в собственной преподавательской деятельности. Среди учеников П. были *Д. И.* и *П. И. Фонвизины*, *Н. И. Новиков*, *Ип. Ф. Богданович*, *С. Г. Домашнев* и мн. др. известные впосл. писатели и общественные деятели. По отзыву Новикова, П. был «человек острый, ученый и совершенно искусный в стихотворстве», стихотворство же его «чисто и плавно, а изображении просты, ясны, приятны и превосходны»; он же сообщал, что за несколько дней до смерти П. сжег свои переводы Тита Ливия, «Анакреонтовых од» и «многие собственные стихотворные пиесы» (Новиков. Опыт словаря (1772)). Последней подготовленной самим П. публикацией были переводы пяти од Горация, появившиеся в журнале «Полезное увеселение» (1760. Ч. 1. Февр.; Июнь; вошли в изд.: Горация оды и письмо его о стихотворстве к Пизонам. СПб., 1801).

Ф. Г. Карин в «Письме к Н. П. Николеву о преобразителях российского языка. . .» (1778) называл П. наряду с *Феофаном Прокоповичем* и *Г. В. Козицким* «речи и языка нашего восстановителями», «изобилующими в чистоте, богатстве и исправности нашего языка». *Г. Р. Державину* принадлежит стихотворная надпись «На Поповского» (СПб. вестн. 1779. Ч. 4. Февр.). *М. Н. Муравьев* в «Эпистоле И. П. Тургеневу» (1774, 1780-е гг.) писал: «Поповский новый путь открыл на Геликон». Как переводчик и оригинальный поэт, П. проявил себя незаурядным мастером стиха.

Основные архивные материалы о П. хранятся в СПбФ АРАН (ф. 3).

Лит.: Биогр. словарь Моск. ун-та. Ч. 2 (1855); Смирнов. Моск. академия (1855); Шевырев. Моск. ун-т (1855); *Пекарский П. П.* Письмо И. И. Шувалова о дозволении издать в свет перевод Поповского «Опыт о человеке». — Отзыв и поправки этого пер. преосв. Амвросием // Библиогр. зап. 1858. № 16; *Билярский П. С.* Мат-лы для биографии Ломоносова. СПб., 1865; Ефремов. Мат-лы (1867); Сухомлинов. Рос. Академия. Вып. 4, 7 (1878, 1885); *Толстой Д. А.* Акад. гимназия в XVIII столетии. СПб., 1885; Мат-лы для истории Академии наук. Т. 9–10 (1897–1900); *Тихонравов Н. С.* Соч. М., 1898. Т. 3, ч. 1–2; *Якушкин В. Е.* Из первых лет жизни Моск. ун-та // Рус. филол. вестн. 1902. № 3, 4; *Берков П. Н.* Ранние рус. переводчики Горация // Изв. АН СССР. Отд-ние обществ. наук. 1935. № 10; Берков. Лит. полемика (1936); *Белявский М. Т.* М. В. Ломоносов и основание Моск. ун-та. М., 1955; *Модзалевский Л. Б.* Ломоносов и его ученик Поповский // XVIII век. М.; Л., 1958. Сб. 3; Пенчко. Документы. Т. 1–3 (1960–1963); *Busch W.* Horaz in Russland. München, 1964; Поэты XVIII в. Л., 1972. Т. 1–2; Кулябко. Замечательные питомцы (1977); *Keipert H.* N. N. Popovskijs «Pis'mo o pol'se nauk»// Studien zu Literatur und Aufklärung in Osteuropa / Hrsg. von H.-B. Harder und H. Rothe. Giessen, 1978; *Гирфанова З. А.* Формирование норм рус. лит. яз. сер. XVIII в. (на мат-ле поэмы «Опыт о человеке» А. Попа в пер. Н. Поповского). Казань, 1986; *Шайтанов И. О.* Мыслящая муза: «Открытие природы» в поэзии XVIII в. М., 1989; Левин. Восприятие (1990); История рус. переводной худож. лит. СПб., 1995–1996. Т. 1–2.

Н. Д. Кочеткова

ПОРОШИН Семен Андреевич [28 I (8 II) 1741, г. Кунгур–12 (23) IX 1769, м. Виска под Елизаветградом]. Дворянин, сын А. И. Порошина — генерал-поручика и начальника Колывано-Воскресенских заводов. С 18 авг. 1752 по март 1759 учился в Сухоп. шлях. корпусе и был оставлен при нем преподавателем математики с чином поручика. 31 дек. 1761 П. был назначен флигель-адъютантом Петра III в ранге подполковника и сразу же отправлен сопровождать ехавшего из Кенигсберга в Россию голштинского принца Георга. В неспокойные дни перед переворотом 1762 П. находился при дворе наследника для наблюдения за *Н. И. Паниным*, но не противодействовал заговорщикам (см.: Рус. арх. 1879. № 3. С. 365). Вскоре после переворота, 16 июля 1762, он получил должность «кавалера» (воспитателя и учителя) при вел. князе Павле Петровиче, в которой оставался до нач. 1766, будучи в 1763 произведен в соответствующий его положению чин полковника. Непосредственным начальником П. в это время являлся Н. И. Панин. В февр. 1766 П. неожиданно уволили из штата наследника престола и, чтобы удалить из Петербурга, назначили командиром Старо-Оскольского пехотного полка в Малороссию. Причиной отставки П. могло быть заметное моральное влияние, которое он оказывал на наследника. Предполагали также, что *Екатерина II* сочла непозволительными его притязания на руку богатейшей наследницы, фрейлины А. П. Шереметевой; *Д. И. Фонвизин* сообщал сестре в апр. 1766, что «господин Порошин отставлен от двора за дерзость по отношению к девице Шереметевой». Через год Шереметева была помолвлена с Н. И. Паниным, но умерла незадолго до свадьбы.

Обращение П. к Г. Г. Орлову, противнику Панина, с просьбой о заступничестве не имело успеха. После 15 апр. П. выехал из Петербурга; 5 мая 1766 он был уже в Москве, на пути в расположение полка (с. Ахтырка недалеко от Харькова). По распоряжению командира Укр. дивизии и правителя Малороссии П. А. Румянцева П. участвовал в генеральной ревизии малорос. полков, затем в 1767 сопровождал в Москву депутатов Комиссии нового Уложения и принял полк к нач. 1768. В сер. 1769 его полк выступил в Тур. поход в составе 2-й армии. П. заболел во время стоянки под Елизаветградом; по свидетельству его брата, И. А. Порошина, взволновавшее больного известие о переходе армии под командование П. И. Панина ускорило его смерть.

Литературные занятия П. были наиболее интенсивны в годы пребывания в Сухоп. шлях. корпусе. Владея нем. и фр. языками, он сотрудничал в академических «Ежемес. соч.» (1755–1757) и в корпусном журнале «Праздное время» (1759). Ряд переводов связан с профессиональными военно-техническими интересами П., но в основном это статьи нравоучительно-сатирического характера: «Путешествие жизни человеческия», «Благополучие человеческое зависит не от места» (обе — 1755) и т. п. Некоторые из них серьезно переработаны в сравнении с подлинником, что позволило П. в «Записках...» говорить о «переводах своих и сочинениях». Уже в это время П. интересует тема добродетельного государя, и в 1757 он переводит «Письмо к приятелю о сравнении Александра Великого с Карлом XII, королем шведским», а в 1759 — «Письма Марка Аврелия к Пирамону...» и «Содержание мечтательныя игры об Александре раскаявшемся». П. одним из первых начал знакомить рус. читателя с новейшим европ. романом. Его перевод ч. 1–2 романа А.-Ф. Прево (в форме мемуаров «побочного сына Кромвеля») под назв. «Философ аглинский, или Житие Клевеландово...» (1760–1762; переводчик ч. 3–6 неизв.) положил начало широкой публикации романов в типографии Сухоп. шлях. корпуса. В предисловии П. полемически обосновал воспитательное значение романической литературы, представляющей читателю живые примеры истинно нравственного поведения. Работы, подготовленные П. в 1760-е гг., непосредственно связаны с его должностью наставника при вел. князе Павле Петровиче. По свидетельству самого П., к 1766 им был почти завершен курс математических наук, который вместе с учебными тетрадями цесаревича он намеревался поднести императрице. Наибольший интерес представляет замысел «приуготовлявшегося» сочинения «Государственный механизм», основанного на идее гармонии сословных интересов и долженствовавшего «изъяснить, сколько надобен солдат, сколько земледелец, сколько купец и проч. и какою кто долею споспешествует всеобщему благоденствию; что не может государство быть никоим образом благополучно, когда один какой чин процветает, а прочие в небрежении» (Записки... С. 623). Такую же цель воспитания идеального правителя преследовала и начатая П. переписка с «некоторым человеком, с почтенным ото всех за его учение и преизящные дарования, о разных нравоучительных и исторических материях», которую он предполагал напечатать. Существует мнение, что этим корреспондентом был законоучитель наследника *Платон Левшин*; можно предположить, что замысел подобного эпистолярного воспитательного сочинения изначально принадлежал *А. П. Сумарокову* (Записки... С. 295, 297). Никаких набросков указанных сочинений не обнаружено. Вопрос о принадлежности П. сатирического возражения на «Описание лагеря при Бреславле» (1765) М. Ф. Каменского (Рус. арх. 1873. Т. 2. Стб. 1552–1565) остается спорным; в ряде рукописей возражение приписано *Ф. А. Эмину* (XVIII век. Л., 1976. Сб. 11. С. 196).

Посмертную известность П. создали его «Записки, служащие к истории <...> великого князя Павла Петровича» (впервые: М., 1844; 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1881; по рукописям, принадлежав-

шим вел. кн. Константину Павловичу и др. с прил. обзора рукоп. списков и биогр. мат-лов), охватывающие период с 20 сент. 1764 по 13 янв. 1766. По форме они представляют собой дневник событий при дворе наследника; по существу это литературно-назидательное сочинение, которое должно было дать возможность юному государю посмотреть на себя со стороны и увидеть пути исправления своих недостатков. В отборе фактов, интерпретации застольных бесед и уяснении взаимоотношений придворных прослеживается обдуманная воспитательная тенденция. Поклонник Ш. Монтескье, Ж.-Д. Д'Аламбера, К.-А. Гельвеция и Вольтера, П. также рассказывал Павлу о проектах идеальных государств — «Республике» Платона и «Утопии» Т. Мора. Однако более или менее радикальные идеи фр. Просвещения остались ему чужды. Характерно в этом отношении, что в споре о Кромвеле с *Т. И. Остервальдом* П. отрицал суверенное право народа решать судьбу монарха-тирана. Применительно к России позитивные убеждения П. не выходили за рамки требования строгого выполнения законов, практического просвещения нации, развития наук и ремесел. Центральная мысль «Записок. . .» — возбуждение патриотизма правящих сословий, в частности стремления к созданию национальной культуры европ. масштаба; образец монарха — Петр I, отдавший жизнь возвышению нации и рус. государства.

П. познакомил с «Записками. . .» лишь узкий круг лиц (сам цесаревич Павел Петрович, Н. И. Панин, Платон Левшин, В. К. Рубановский и некоторые др.); списки с рукописи начали распространяться только после смерти Екатерины II (напр., копия, сделанная *Н. Н. Бантыш-Каменским* — РГАДА, ф. 181, оп. 1, ч. 1, № 107/1461; список 1815 г. — ИРЛИ, р. II, оп. 1, № 332). Т. о., «Записки. . .» оказались вне процесса жанрового развития мемуарной литературы XVIII в., оставаясь все же примечательным образцом раннего повествовательного стиля.

Положение П. при особе наследника обеспечивало ему достаточно широкие, но поверхностные литературные знакомства среди лиц, бывавших при «малом дворе». В «Записках. . .» упоминаются *И. П. Елагин*, *Г. Н. Теплов*, *И. И. Кропотов*, *В. И. Бибиков*, *Ип. Ф. Богданович* и др. литераторы, широко освещается репертуар рус., фр. и нем. театров в Петербурге. Собственно дружеский круг П. был, по-видимому, неширок: из близких людей он называет офицеров Сухоп. шлях. корпуса А. А. Беклешова и *И. Е. Глебовского*, готовившего к изданию (совм. с *Г. В. Козицким*) «Древний летописец» (1774–1775). В 1755–1762 П. был своим человеком в доме *Г.-Ф. Миллера*, широко пользуясь его библиотекой.

Архив П. не сохранился. Биография П. беллетризована в романе А. В. Западова «Опасный дневник» (1976).

Лит.: *Семевский М. И.* С. А. Порошин: (Неизд. приб. к его зап.) // Рус. вестн. 1866. № 8; [*Бартенев П. И.*]. Сто три дня из детской жизни имп. Павла Петровича: (Неизд. тетр. «Записок» С. А. Порошина // Рус. арх. 1869. № 1; *Соловьев С. М.* История России. М., 1965. Кн. 13; *Майков П.* Порошин С. А. // Рус. биогр. словарь. Т. «Плавильщиков—Примо» (1905); *Западов А. В.* Лит. труды С. Порошина // Искусство слова. М., 1973.

В. П. Степанов

ПОРУЧКИН Степан [ум. после окт. 1801]. Переводчик Собрания, старающегося о переводе иностр. книг. В 1775 в Акад. типографии были напечатаны переведенные П. с нем. языка нравоучительные комедии Х.-Ф. Геллерта «Горячая любовь двух сестр» в 3-х д. и «Женская хворость» в 1-м д. Пьеса Геллерта «Лотерейный билет» в переводе П. не издавалась, но была отдана в театр. Сведений о постановках этих пьес нет. 28 июля 1784 впервые сыграна придворной труппой переведенная П. с нем. языка комедия в 3-х актах «Сплен <сплин>, или Скучающий богатством» (СПб., 1805; ориг., возможно, англ.; дальнейшие постановки: 30 апр. 1785, 4 и 14 мая 1811). В ра-

боте над переводом пьесы принял, вероятно, участие актер К. И. Гамбуров (см.: История драм. театра. Т. 2 (1977). С. 523). Переводы П. добросовестны, но тяжеловесны. Он перевел также с нем. языка сборник хозяйственных советов петербургского педагога А. Вицмана «Золотая книжка» (1798–1800. Ч. 1–4) и участвовал в 1801 в переводе «Законов Прусского государства» (не опубл.) (РГИА, ф. 1259, оп. 1, № 34, л. 281–282; № 41, л. 64–65) как «уволенный от Академии наук переводчик». В списках Собрания, старающегося о переводе иностр. книг отмечены и др. сочинения, взятые П. для перевода, однако едва ли переведенные («Нравоучения» Геллерта, «История немецкого графа Бинова»).

Лит.: Семенников. Собрание, старающееся о переводе книг (1913); Семенников. Мат-лы для словаря (1914).

Р. Ю. Данилевский

ПОРФИРИЙ (Крайский) см. Крайский Петр.

ПОСОШКОВ Иван Тихонович [1653(?), с. Покровское-Рубцово под Москвой—1 (12) II 1726, Петербург; похоронен на Сампсониевском кладбище]. Принадлежал к семье потомственных ювелиров (серебреников), работавших для Оружейной палаты; в детстве обучился разнообразным ремеслам. В 1692 П. переехал в Москву, выкупив из залога дом своего деда (по материнской линии) за р. Яузой. Здесь в 1693–1694 он участвует в постройке Андреевского монастыря; сближается со старцем Авраамием. По его поручению П. изготовил модель станка для чеканки монеты, предназначенную для поднесения Петру I. Примерно к этому же времени относится первое известное произведение П. «Денежное письмо». В 1696 П. был арестован по делу Авраамия, но сумел доказать, будто он «никаких слов, что в тетрадях написано, не говорил», и был освобожден. В 1697 П. поступил на службу в Оружейную палату при денежном деле. В 1700 он изобрел способ чеканки круглых медных денег и был назначен «уставным денежного дела мастером». В 1704 пытался наладить при поддержке А. П. Курбатова производство игральных карт. Вскоре П. поступил на казенную службу «водочным мастером» (до 1707 в Москве, а с 1710 — в Новгороде) и в течение 16 лет занимался винокурением и мелкой торговлей, заслужив славу честного прибыльщика. В 1717 купил в Петербурге дом, затем приобрел деревни с крестьянами (всего ок. 70 душ) в Новгородской и Тверской губ., в 1721–1722 — два двора в самом Новгороде. В 1719 П. подал прошение Д. М. Голицыну о дозволении построить винокуренный завод, который и завел в Лихвинском у. Калужской губ. В 1725 П. подал в Мануфактур-коллегию прошение о разрешении «завести ему полотняную фабрику». Приехав по этому делу в Петербург, П. 26 авг. 1725 был арестован и отвезен в Тайную канцелярию; при аресте была изъята его переписка. П. обвинялся в «важной криминальной вине», по всей видимости связанной с поданной им Петру I в авг. 1724 «Книгой о скудости и богатстве». Умер под арестом, не дождавшись суда.

П. остро ощущал необходимость преобразований в России и стремился им способствовать. В 1700 после поражений рус. армии в начавшейся Сев. войне он изобретает «огнестрельные рогатки», одобренные Петром I (П. несколько раз встречался с ним); поданная в 1701 через Ф. А. Головина модель «рогаток» вместе с письмом «О ратном поведении» (1-я неполная ред. — 1700, 2-я — 1701) оказалась уже устаревшей. В 1701 П. объявляет Б. А. Голицыну о найденном им серном прииске. К нач. 1700-х гг. относится и замысел «Книги о скудости и богатстве» (фрагмент «Аще кто восхощет. . .»).

Вероятно, несколько позднее, но еще в московский период, П. погружается в исследование вопроса об истинном православии (сам он, как признается, «изначала хромал недугом раскольничи болезни»; его сестра и ее семья были ярыми приверженцами старой веры). П. специально посещает «раскольничьи сонмища», желая лучше вникнуть

в «прелести» раскола, одновременно он сверяет новопечатные книги с древними рукописями в патриаршем книгохранилище и на Печатном дворе. Результатом изысканий стала книга «Зеркало очевидное <. . .> на суемудрия раскольнича. . .», написанная на церковнослав. языке. Страстность и резкость тона в обличении старообрядчества, обилие цитат из Писания и отцов церкви (очевидно внимание П. к книгам, особо чтимым старообрядцами) в сочетании с яркими описаниями быта и нравов старообрядцев в народном стиле, с пословицами сделали эту книгу заметной. Справщики Печатного двора в нач. 1709 послали ее (без имени) *Димитрию Ростовскому*. Митрополит оставил на рукописи два хвалебных четверостишия и просил сообщить ему, «кто писа столь то дивно», считая при этом, что книгу необходимо «местами поисправити и поочистити». В подготовленной митрополитом сокращенной редакции под назв. «Зеркало безыменного творца, на раскольников обличение» была опущена часть, направленная против протестантизма.

В 1704–1710-х гг. П. направляет три послания *Стефану Яворскому*, в которых жалуется на невежество православных священников и их паствы, прося составить и распространить «малые книжицы», излагавшие начала веры, и предлагая устроить для подготовки духовенства «академию великую и училища». Не получив ответа, П. пишет «Завещание отеческое к сыну своему, со нравоучением, за подтверждением Божественных писаний» (закончил ок. 1720), к которому прилагает алфавитный указатель библейских изречений. В «Завещании. . .» П. излагает правила христианской жизни для всякого чина и возраста, беря за основу полумонашеский устав. Большое место в книге уделено порицанию современного П. «роскошного, легкостного и сладостного жития», изображенного автором живо и красочно (благодаря этому «Завещание. . .» — ценный источник для истории быта рубежа веков). Значительная часть «Завещания. . .» направлена на борьбу с лютеранством, в которое, по мнению П., «ныне мнози из русского народа <. . .> начинают склонятися».

Ок. 1721 П. принялся за создание «Книги о скудости и богатстве», предназначавшейся для Петра I. К написанию его побудила «презельная горячность» к благу России и вера, что в Петре I он найдет «явного правдолюбца». П. лишь просил государя не открывать его имени, «ибо сильные люди не попустят» критики. Показывая, «что несть в нас целости от главы, даже и до ногу, и живем мы всем окрестным государствам в смех и в поношение», П. предлагает меры для истребления «неправды и неисправностей» в суде и управлении, в торговле и промышленности, в финансах, полиции, армии, церкви. Книга объединяет проекты, вынашиваемые П. с нач. 1700-х гг. По этой причине предложения П. носят архаический характер, отражающий состояние гражданского общества самого начального периода преобразований Петра I. Предложения П. сочетают в себе прожектерство с соображениями, основанными на богатом опыте прибыльщика и здравом смысле. Он находил необходимым отделение крестьянских земель от помещичьих, точное определение размеров крестьянских повинностей, обязательное обучение грамоте всего населения страны, в т. ч. и крестьян. В своем понимании права П. опирался на Уложение 1649, советуя его усовершенствовать в духе соседних государств — Германии и Турции (о которых знал понаслышке). Для этого он предлагал созвать некую Комиссию. «Книга о скудости и богатстве», оставшись в рукописи, не получила широкого распространения. Однако отзвуки соображений П. о помещичьем и крестьянском землевладении можно найти в речах депутатов Комиссии нового Уложения (Г. Коробьин и др.). Один из списков книги принадлежал *М. В. Ломоносову* (копию с него он подарил в 1752 Б-ке Академии наук). Можно провести некоторые параллели между мыслями П. и тематикой «письма» «О размножении и сохранении русского народа» Ломоносова.

Сочувственно относясь к преобразовательной деятельности Петра I, П. сомневается в успехе его реформ, т. к. их «одолевает древностная неправда». По своим взглядам П. принадлежал к кругу «московских прогрессистов», стремившихся сочетать церковное мировоззрение с требованиями прогресса и поддерживавших петровские преобразования. В ряду др. проектов частных лиц книга П. отличается богатством содержания, оригинальностью теоретических рассуждений и литературным талантом.

Лит.: *Карнович Е.* Крестьяне и помещики по идеям Ивана Посошкова, рус. мыслителя в нач. XVIII в. // Совр. 1858. № 10; *Царевский А. А.* Посошков и его соч. М., 1883; *Павлов-Сильванский Н. П.*: 1) Проекты реформ в зап. современников. СПб., 1897; 2) И. Т. Посошков // Соч. СПб., 1910. Т. 2; *Беляев И. С.* Крестьянин-писатель XVIII в. И. Т. Посошков: Его жизнь и деятельность. М., 1902; *Кизеветтер А. А.* Книга о скудости и богатстве. М., 1911; *Кафенгауз Б. Б.* И. Т. Посошков: Жизнь и деятельность. 2-е изд. М., 1951; *Цыпкин Д. О.* К вопр. о тестологическом изучении «Книги о скудости и богатстве» И. Т. Посошкова // XVIII век. Л., 1986. Сб. 15.

Н. Ю. Алексеева,
Г. Н. Моисеева

ПОСПЕЛОВ Федор Тимофеевич [1759—после 1824]. Сын священника. С 1769 по 1775 учился во Владимирской дух. семинарии; закончив ее, поступил в Моск. Заиконоспасскую академию (1776). В 1777 был взят студентом в Моск. ун-т, а в 1782 зачислен в Филол. семинарию на содержание Дружеского учен. об-ва. С 1781 член Собрания унив. питомцев, где сблизился с *М. И. Антоновским.* Первое литературное выступление П. состоялось в студенческом журнале «Веч. заря» (1782. Ч. 2. Авг.), где он поместил элегию «Не тщетно ты тогда. . .». По окончании университета (1784) П. служил в чине кол. регистратора вместе с *Н. Ф. Эминым* в Петрозаводске под начальством *Г. Р. Державина*, исполнявшего обязанности олонецкого губернатора, а с 13 сент. 1784 состоял при наместнике Т. И. Тутолмине. В янв. 1785 П. стал его адъютантом, а в мае уволился по прошению и переехал в Петербург (РГАДА, ф. 286, № 714, л. 571, 574).

В 1786 назначен чиновником СПб. губ. правления; в янв. 1787 перешел в Заемный банк секретарем, а с 1797 — кол. асессор. Активно переписывался с Державиным относительно своего перевода в Тамбов; одновременно держал его в курсе петербургских служебных и литературных новостей. Через Державина П. сблизился с семейством *Н. А. Львова.* В 1793 Державин собирался поручить П. наблюдение за печатанием сборника своих сочинений. В 1789 вышел в свет перевод П. «Персидских писем» Ш. Монтескье, с посвящением директору Заемного банка П. В. Завадовскому. В нач. 1802 П. назначен директором банка (РГИА, ф. 1349, оп. 4 (1803 г.), № 30, л. 62—63 об.). В 1820 П. в чине кол. советника был заседателем в Петербургской палате угол. суда.

П. впервые осуществил перевод всех сочинений Корнелия Тацита с лат. на рус. язык. Обращение П. к этому историку Древнего Рима является отражением общего интереса к нему в России в кон. XVIII—нач. XIX в. (Тацита переводили Е. Б. Сырейщиков, *Н. М. Карамзин*, им интересовались *Екатерина II*, затем Александр I). Рус. переводчики ценили творчество Тацита не только как образец высокого литературного стиля. В его сочинениях находили аналогии событиям, потрясшим Европу после Великой фр. революции.

В 1794 П. перевел «Жизнь Юлия Агриколы» (СПб., 1802). В анонимной рецензии на этот перевод в журнале *И. И. Мартынова* «Сев. вестн.» (1804. Ч. 3) говорилось: «Поспелов за одно уже то заслуживает похвалу, что не последовал бесчисленному множеству мелких переводчиков и общему вкусу <. . .> что выбор его обращен на столь трудного автора».

По распоряжению Александра I П. затем перевел «Летописи Корнелия Тацита» (СПб., 1805—1807. Ч. 1—4) и «Историю Корнелия Та-

цита» (СПб., 1807), посвятив переводы императору (половина завода была отпечатана в пользу переводчика — РГИА, ф. 468, оп. 38, № 91). В «Предуведомлении» к «Летописям. . .» П. характеризует источники текста и мотивирует обращение к Тациту: «Мы, не имея доныне на российском языке исторических сочинений, лишаемся знаменитейшего памятника древности, который пощажен всепожирающим временем». Значение «Истории. . .», по мнению П., состоит в том, что «латынский язык, хотя и мертвый, но представляет нам величайших людей в древности, коих мыслями и мудростию должно пользоваться». П. настоятельно подчеркивает пронизывающую труды Тацита моралистическую тенденцию: «Общее воззрение на совокупность дееписаний Тацитовых убедит благосклонного читателя, сколь писатель сей уважал нравственность и добродетель и те заключения, оправданные опытом всех веков, что удаление от порядку навлекает на сильнейшие народы бездну зол». Данное суждение содержит намек на последствия фр. революции. Здесь же П. высказал некоторые филологические соображения о роли переводов, в частности с лат., для развития рус. литературного языка: «. . . преселением истинных красот их в природный язык может последний получить день ото дня приращение и красоту». Такая языковая позиция П. характеризует его как сторонника создания «нового слога», обогащения и совершенствования литературного языка. Значение сочинения Тацита «Разговор об ораторах, или О причинах испортившегося красноречия», перевод которого вышел отдельным изданием (СПб., 1805), П. видел в том, что «из него можно учиться чистому вкусу и наилучшему слогу». В 1806 переведенные П. книги Тацита были разосланы за счет Кабинета е. и. в. в Пед. ин-т и губернские гимназии (РГИА, ф.732, оп. 1, № 177).

За переводы Тацита П. по рекомендации Г. Р. Державина был избран членом Рос. Академии (16 дек. 1811). Переводы П. верны, но вследствие недостаточной разработанности рус. литературного языка в них встречаются калькированные формы, местами сохраняется латинизированный синтаксис. Отчетливо осознавая извечную проблему неадекватности перевода оригиналу, П. объяснял ее различием языков: «Сия разность столь важна, что и хороший перевод в сравнении с подлинником представлять будет две разные книги, говорящие об одинаковом предмете».

В письме к министру народного просвещения А. Н. Голицыну от 2 марта 1817 П. сообщал, что у него готовы переводы с лат. сочинений Плиния Младшего (в т. ч. и переписка с Траяном), а также новый перевод (с фр.) «Истолкования философии Франциска Бекона» (ранее переводившегося *В. К. Тредиаковским*) и просил опубликовать их на казенный счет, т. к. он человек недостаточный и живет лишь на пенсию (РГИА, ф. 733, оп. 118, № 360).

Лит.: Державин. Соч. (1864–1883). Т. 5, 8, 9 (1869–1883); *Модзалевский Б. Л.* Поспелов Ф. Т. // Рус. биогр. словарь. Т. «Плавильщиков–Примо» (1905).

Л. И. Сазонова

ПОСПЕЛОВА Мария Алексеевна [6 (17) I 1780, Москва–8 (20) IX 1805, Москва; похоронена в Донском м-ре]. Дочь бедного чиновника. Рано потеряв отца, она с помощью старших сестер и самоучкой изучила рус. словесность и начала пробовать силы в литературе. По словам Б. М. Федорова, П. «сама себя образовала и без помощи учителей выучилась прекрасно французскому языку, истории, географии, рисованью и музыке». Ее первые опыты заинтересовали *В. С. Подшивалова*, который способствовал развитию ее литературных вкусов и привлек к сотрудничеству в журнале «Приятное и полезное» (1795). П. выступила в печати с торжественными одами: «Ода <. . .> Павлу Петровичу на день восшествия его на всероссийский императорский престол» (1796; была также включена в рукоп. сб. «Магазин достопамятных и любопытных бумаг, носившихся в народе», составленный *А. Т. Болотовым* в 1797–1807 — РНБ, ф. 89, № 79, л. 91–108), «Сти-

хи на прибытие их императорских величеств из Санкт-Петербурга в Москву» (1797) и «Ода на день коронования их императорских величеств» (1797). В 1798 ее родственник *Ф. Т. Поспелов* издал во Владимире на Клязьме сборник произведений П. «Лучшие часы жизни моей» (посв. вел. княгине Елизавете Алексеевне), который вызвал интерес литераторов, в т. ч. *М. М. Хераскова, Г. Р. Державина* и *Н. М. Карамзина*, а *И. М. Долгоруков* полуиронически прозвал П. «музою речки Клязьмы». За «Оду на разбитие генерала Массены в Швейцарии Суворовым» (1799) Павел I наградил ее бриллиантовым перстнем. Успех побудил ее издать новый сборник «Некоторые черты природы и истины, или Оттенки мыслей и чувств моих» (М., 1801). П. продолжала также откликаться стихами на политические события: «Ода на случай освобождения Италии <. . .> Суворовым-Рымникским» (Владимир, 1799); «Ода на всерадостный день восшествия на престол Александра Первого» (М., 1801) и др. Последней была опубликована «Ода на <. . .> день рождения <. . .> Александра Павловича» (СПб., 1803). Оды П., написанные в традиционном стиле торжественной лирики, отражали также новые веяния (включение пейзажных картин). В лирических стихотворениях и прозаических фрагментах, помещенных в сборниках, П. выступала как последовательница Карамзина, исповедуя культ чувства и благой природы, и разрабатывала излюбленные сентименталистские темы: воплощение Бога в природе, смена времен года и суток, радость и горе влюбленного, скорбь над гробом друга, размышления о жизни, смерти и бессмертии души и т. п. Характерно посвящение второго сборника «душам благородным и чувствительным».

В 1803 П., сопровождая старшую сестру, переехала в Петербург, где работала над романом «Альманзор» (подражание роману Ф.-Р. Шатобриана «Атала») и поэмой «Георгий, или Отроч монастырь» (перелож. древнерус. «Повести о Тверском Отроче монастыре», XVII в.). Оба произведения остались незаконченными. В 1804 П. вернулась в Москву и вскоре умерла от чахотки. Б. М. Федоров, сын ее сестры, посвятил ей стихотворение «М. А. Пос-л-ой» (1818).

Лит.: *Федоров Б.*: 1) Опыты в поэзии. СПб., 1818. Ч. 1; 2) О жизни и соч. девицы Поспеловой // Отеч. зап. 1824. № 46–48; отд. отт.: СПб., 1824; О жизни и соч. девицы Поспеловой // Дамский журн. 1827. Ч. 19. № 18; *Макаров М. Н.* Мат-лы для истории рус. женщин-авторов: Марья Тимофеевна Поспелова // Там же. 1830. Ч. 30. № 16; *Хмыров М. Д.* Рус. писательницы прошлого времени: Анна Бунина, Мария Поспелова и Елисавета Кульман // Рассвет. 1861. Т. 12. Отд. 1. С.257–263; *Мордовцев Д.* Рус. женщины нового времени. СПб., 1874 (перепеч.: *Мордовцев Д. Л.* Собр. соч. СПб., 1902. Т. 39); Голицын. Словарь (1889); *Модзалевский Б. Л.* Поспелова М. А. // Рус. биогр. словарь. Т. «Плавильщиков–Примо» (1905); Моск. некрополь. Т. 2 (1908); *Левин Ю. Д.* К истории обработок «Повести о Тверском Отроче монастыре» // Культурное наследие Древней Руси. М., 1976; *M. Z.* [*Zirin M.*]. Pospelova M. A. // Dictionary of Russian women writers / Ed. by M. Ledkovsky, Ch. Rosentahl, M. Zirin. London, 1994.

Ю. Д. Левин

ПОТЕМКИН Павел Сергеевич [27 VI (8 VII) 1743–29 III (9 IV) 1796, Петербург; похоронен в с. Никитском Московской губ.]. Сын секунд-майора С. Д. Потемкина; службу начал в Семеновском полку (1756); во время рус.-тур. войны 1769–1774 находился в действующей армии; в 1772 — капитан, в 1774 — бригадир. В 1774 П. участвовал в подавлении Пугачевского восстания и входил в состав Следственной комиссии; эта деятельность, а также покровительство Г. А. Потемкина, которому он приходился троюродным братом, способствовали продвижению П. по службе: в 1782 — генерал-поручик (и камергер) — он был назначен начальником обоих кавказских корпусов (и сыграл видную роль в подписании 24 июля 1783 Георгиевского трактата о переходе Грузии

под покровительство России), в 1784 — генерал-губернатором саратовским и кавказским. В 1787, в связи с началом второй рус.-тур. войны, П. вновь отправился в действующую армию; в 1794 он принял участие в пол. кампании, что принесло ему чин генерал-аншефа и графский титул. Однако после смерти Г. А. Потемкина положение его не было уже столь прочным: в нач. 1796 по настоянию его преемника по кавказскому наместничеству И. В. Гудовича П. был привлечен к ответу за будто бы совершенное по его приказу коварное убийство гилянского хана Гедаета и присвоение себе его сокровищ («кизлярское дело»). Суд над П., однако, не состоялся: вскоре он тяжело занемог и умер (возможно, отравился).

По-видимому, П. учился в Моск. ун-те. В нач. 1760-х гг. он был близок к кружку *М. М. Хераскова* и сотрудничал в журнале «Полезное увеселение», где напечатал элегию «Скончает ли судьба когда мои напасти!» (1761. Ч. 4. Дек.). В кон. 1760-х гг. П. одним из первых рус. писателей обратился к творчеству Ж.-Ж. Руссо. В его переводе появилось «Рассуждение о науках и искусствах» (1768; перепеч. *Н. И. Новиковым* в 1787), с основным тезисом которого (пагубное влияние наук и искусств на нравы) П. полемизировал в обращении «К читателю». В следующем году в его переводе вышел т. 1 романа «Новая Элоиза», «достоинство» которого П. оценивал высоко, хотя и в данном случае соглашался с «сочинителем» отнюдь не во всем. Целью П. было оказать обществу услугу «переводом таких писем, которых давно уже иметь на российском языке желают», сохранив при этом «весь смысл» и, «сколько есть возможности <. . .> красоту слога». В 1770 увидели свет рассуждения Руссо «о неравенстве» (перепеч. Н. И. Новиковым в 1782) и «о добродетели, особенно необходимой героям».

С 1772 П. состоял членом Вольного Рос. собрания при Моск. ун-те. В сер. 1770-х гг., находясь в Париже, он лично познакомился с Руссо, на которого произвел хорошее впечатление (СПб. вед. 1778. 7 авг. № 63); тогда же состоялось его знакомство с А.-Л. Тома, который воспользовался его сведениями о России для своей поэмы «Царь Петр I» (Моск. вед. 1777. 19 мая. № 40).

1770–1773 — период наибольшей творческой активности П.; в эти годы он напечатал более двух десятков отдельно изданных стихотворений «на случай» (поэм, эпистол, «песней»), в которых прославлялись победы рус. оружия, но с особым энтузиазмом — *Екатерина II* и ее фавориты; к тому же времени относятся две его стихотворных драмы — «Россы в Архипелаге» (1772) и «Торжество дружбы» (1773). В первой из них заключался «рассказ» о Чесменском сражении, а точнее о героизме и иных добродетелях его участников — братьев Орловых; злободневность произведения обеспечила ему «восторг» зрителей (Арапов. Летопись (1861). С. 130), но литературными достоинствами пьеса не обладала; по мнению *А. П. Сумарокова* (у которого П. заимствовал ее «титло» и «основание»), в ней не было «ни складу ни ладу» (Письма рус. писателей (1980). С. 152). Впосл. появилась ее малопристойная рукописная переделка: «Русские в Риме. Беседа ночная, или Подражание драмме в Архипелаге». Вторая пьеса являлась характерным образцом «серьезного жанра». Она часто ставилась «на российских театрах», особенно привлекая зрителей правдивостью изображения чувств и красотой стихов (Драм. словарь (1787)).

В дальнейшем из-под пера П. вышли: стихотворный перевод трагедии Вольтера «Магомет» (опубл. 1798; 2-е изд. СПб., 1810), ставившийся на рус. сцене до кон. 1820-х гг.; верноподданническая «Песнь Екатерине II <. . .> от кавказских разных народов» (1792); «лирическая драма» (нечто вроде оперы) «Зельмира и Смелон, или Взятие Измаила» (1795), написанная в поддержку и оправдание антитур. политики Екатерины II; в рукописи распространялось стихотворение «Глас невинности» (11 дек. 1795), в котором П., ссылаясь на авторитет своих военачальников и боевых соратников, пытался отвести от себя обвинение в связи с «киз-

лярским делом» (опубл.: Рус. арх. 1880. Т. 3. С. 377–381). Это сочинение П. вызвало полемику — анонимное «Возражение на „Глас невинности“» (в котором содержалась уничтожающая нравственная характеристика П.) и «Ответ сочинителю „Гласа невинности“» в защиту П., приписываемый А. И. Клушину (см.: Лит. насл. М., 1933. Т. 9–10. С. 20–29; см. также *А. И. Клушин*).

П. был также автором не дошедшей до нас «записки» о Пугачевском восстании и «Описания кавказских народов», известного частично (см.: *Дебу И.* О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске. СПб., 1829. С. 112–113; Рус. арх. 1865. Стб. 539–543; 1866. Стб. 1604–1607).

Множество писем П. (по преимуществу служебно-деловых) напечатано; большой интерес представляет письмо из Бреста к *И. И. Шувалову* от 23 сент. 1794, где под впечатлением от революционных событий во Франции П. отрекался от прошлого, утверждая, что прах Вольтера, Руссо, Рейналя, Дидро и др. фр. просветителей «не цветами должен быть покрыт, но потоптан ногами» (Моск. вестн. 1809. Ч. 1. С. 90). Относящиеся к П. архивные материалы находятся по преимуществу в РНБ, ИРЛИ, РГАЛИ.

Лит.: *Каратыгин П. П.* Гр. П. С. Потемкин // Ист. вестн. 1883. № 8; *Ельницкий А.* Потемкин П. С. // Рус. биогр. словарь. Т. «Плавильщиков–Примо» (1905); Семенников. Мат-лы для словаря (1914); *Лотман Ю. М.* Руссо и рус. культура XVIII в. // Эпоха Просвещения. Л., 1967; Заборов (1978); *Хантадзе Ш.* России доверенное лицо // Лит. Грузия. 1983. № 10.

П. Р. Заборов

ПРЕВЛОЦКИЙ Михаил. Учился в Унив. гимназии (Моск. вед. 1786. 22 июля. № 58. Приб.; 1787. 17 июля. № 57. Приб.; 21 июля. № 58. Приб.; 1788. 7 июля. № 55. Приб.; 12 июля. № 56. Приб.). В 1792 был вахмистром лейб-гвардии Конного полка. Перевел с фр. языка англ. анонимный нравоописательный роман с авантюрным сюжетом «Несчастная женщина, или История о Элизе Виндгаме» (1788. Ч. 1–2). Мелкие переводы П. с фр. составили сборник «Забава в скуке, или Собрание достопамятных происшествий» (1792); из одиннадцати включенных в него рассказов семь были переведены из «Детского журнала» М. Лепренс де Бомон (ориг.: *Leprince de Beaumont M.* Magasin des enfants, ou Dialogues entre une sage gouvernante et plusieurs de ses élèves de la première distinction. Londres, 1756. T. 1–4; многочисленные переизд.). Переводы П., возможно, учебные.

В. Д. Рак

ПРИКЛОНСКИЙ Василий Андреевич [21 VII (1 VIII) 1746–26 X (6 XI) 1789]. Происходил из дворян Кашинского у. Тверского наместничества (до 1775 — Угличская провинция Московской губ.). В сент. 1757 поступил в Унив. гимназию, 22 апр. 1760 был определен своекоштным студентом в университет. В гимназии и университете П. учился вместе с *Я. И. Булгаковым*, с которым у него завязались дружеские отношения; позднее он женился на сестре Булгакова Мавре Ивановне. По окончании университета (1762) П. служил в Измайловском полку, в янв. 1767 вышел в отставку и поселился в своем имении. Лишь в 1779 он вернулся на государственную службу, приняв предложенную ему должность директора открывшегося в Твери дворянского училища (в 1777 он предпринял безуспешную попытку учредить подобное учебное заведение в Кашине). Впосл. П. служил прокурором Верхн. зем. суда (1781–1782) и советником правления (1782–1785) Тверского наместничества, поручиком правителя, советником Казен. палаты (1785–1789) и одновременно директором Гл. нар. уч-ща (1788–1789) Новгородского наместничества (Новгородской губ.).

В 1760–1761 в журнале «Полезное увеселение» было напечатано несколько переводов П. с лат. языка, выполненных, возможно, в качестве учебных упражнений (два диалога Лукиана, две идиллии Теокрита, десять небольших рассказов

из учебной лат. хрестоматии и др.), а также два сатирических диалога его собственного сочинения, написанных по образцу «Разговоров в царстве мертвых» Лукиана. Много переводил П. с фр. языка в годы своей отставки: несколько десятков нравоучительных рассказов, басен, эссе, подборок афоризмов и сентенций из различных журналов (некоторые из этих переводов см.: Утр. свет. 1778. Ч. 2. Март; Ч. 4. Окт.); псевдоисторическая галантная повесть де Любер «Мурат и Туркия» (1780); сатирический нравоописательный роман англ. писателя Ч. Джонстона «Дух золота, или Приключения гинеи» (не изд.); полемический памфлет фр. иезуита Г.-Г. Бужана «Путешествие принца Фан-Фередина в страну Романию», осмеивавший существовавшие к сер. 1730-х гг. разновидности романа (не изд.); роман Л. Шарпантье «Нормандский сирота» (переведен не полностью и не изд.); какой-то «список живописцам» и неустановленный юридический словарь (не изд.). Долгое время П. играл роль посредника по изданию переводов Булгакова (особенно «Всемирного путешествователя» Ж.де ла Порта) и их продаже, пересылал Булгакову книги, которые тот заказывал, и выполнял др. подобные поручения. По совету Булгакова он перевел т. 8 и частично или, возможно, полностью т. 9 «Всемирного путешествователя» (1780–1781).

П. был одним из первых тверских краеведов. Большое внимание он уделял изучению экономики губернии. Свои наблюдения он изложил в пространной статье «Ответы на заданные от Вольного экономического общества вопросы, касающиеся до земледелия и внутреннего деревенского хозяйства по Кашинскому уезду» (Тр. Вольного экон. о-ва. 1774. Ч. 26). Обильный и ценный фактический материал по географии, истории, экономике и этнографии Тверского края содержало написанное им приложение к составлявшейся географической карте губернии (Генеральное соображение по Тверской губернии, извлеченное из подробного топографического и камерального по городам и уездам описания 1783–1784 гг. Тверь, 1873).

Обширная переписка П. с Я. И. Булгаковым хранится в РГБ.

Лит.: *Герасимова Ю. И.* Арх. Булгаковых: Мат-лы Я. И. и И. М. Булгаковых // Зап. Отд. рукописей / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. 1968. Вып. 30; *Рак В. Д.* Переводчик В. А. Приклонский: (Мат-лы к истории тверского «культурного гнезда» в 1770–1780-е гг.) // Проблемы историзма в рус. лит. Кон. XVIII–нач. XIX в. Л., 1981 (XVIII век; Сб. 13).

В. Д. Рак

ПРИКЛОНСКИЙ Иван Васильевич [31 X (11 XI) 1731–7 (18) VII 1777]. Происходил из дворянской семьи, брат М. В. Приклонского (1728–1798), директора Моск. ун-та в 1771–1784. В 1745 поступил в Сухоп. шлях. корпус, из которого был выпущен в 1755 поручиком к статским делам и назначен переводчиком в Мануфактур-коллегию в Москве. Здесь П. прослужил до конца жизни; 7 мая 1762 он был произведен в чин. кол. асессора и определен членом коллегии, а 2 июля 1770 получил чин надв. советника.

Признавая нравоучение важнейшим средством воспитания, необходимым и полезным всем людям без различия возраста, пола и состояния, П. переводил на рус. язык сочинения, относившиеся по классификации XVIII в. к нравственной философии. Под загл. «О познании человеческих нравов» он перевел и издал (1760) извлечение из трактата нем. философа, профессора Иенского ун-та И.-Г. Дариеса «Основы этики» (ориг.: *Darjes J.-G.* Erste Gründe der philosophischen Sitten-Lehre. Jena, 1755). В переведенном отрывке (Cap. 4, Abh. 2, § 144–164) разбираются человеческие «склонности» и в «особливой склонности» усматривается «общая побуждающая причина, по которой человек обык добро от зла отличать». Следующим вышел сборник «эссе» и писем, которые П. перевел, по-видимому, из фр. и нем. моралистических и сатирико-нравоучительных журналов («Нравоучительные и полезные рассуждения, выбранные из разных авторов», 1761). По-

следним переводом П. был сборник изречений и цитат из сочинений фр. писателей кон. XVII—первой пол. XVIII в. («Энциклопедия, или Собрание нравоучительных мыслей и рассуждений о разных материях, сочиненная по алфавиту», 1763). Все три книги были напечатаны в Унив. типографии.

Лит.: *Ювеналий* [*Воейков И. Г.*]. Краткое ист. родословие благор. дворян Приклонских. М., 1796.

В. Д. Рак

ПРОКОПОВИЧ Елисей* (Елеазар) (в монашестве — Феофан) [17 (27) IV 1677*, по др. данным 9 (19) VI 1681, Киев—8 (19) IX 1736, Петербург; похоронен в Софийском соборе в Новгороде]. Родился в семье небогатого купца. П. рано осиротел, и попечение о нем взял на себя его дядя по матери — Феофан Прокопович, ректор Киево-Могилянской коллегии. В 7—8 лет П. был принят в трехгодичную начальную школу при Киево-Братском монастыре, а в 1687 в Киево-Могилянскую коллегию. Биографы отмечают острый ум и прекрасную память П., делавшего большие успехи и обгонявшего своих сверстников. Обладая музыкальным дарованием и звонким голосом, он пел в церковном хоре (по некоторым данным был регентом архиерейского хора).

Для продолжения образования П., не прослушав курс теологии, по примеру мн. современников-украинцев, между 1694 и 1698 отправляется в Польшу. Из Киева П. пришел во Львов (по др. данным, во Владимир на Волыни), где принял униатство и был назначен местным митрополитом в школу учителем поэтики, риторики, а затем префектом. С рекомендательным письмом П. отправился в Рим (возможно, через Краков), где под именем Самуила Церейского с нояб. 1698 продолжал образование в иезуитской греческой коллегии св. Афанасия. По данным регистров, П. окончил курс блестящим публичным выступлением.

Иезуиты, оценив способности П., предлагали ему остаться в Риме с разрешением посещать все библиотеки, слушать лекции не только в коллегии св. Афанасия, но и в Collegium Romanum, где преподавал известный ученый Ж.-Б. Толомаи (Птоломей).

Пребывание за границей оказало значительное влияние на духовное развитие П. Он стал свидетелем кризиса средневековой схоластики в сфере философской мысли, убедился в консервативной роли теократизма, познакомился с идеями европ. рационализма (Р. Декарт, Ф. Бэкон, Б. Спиноза), Реформации (М. Лютер), с достижениями естествознания (Н. Коперник, Г. Галилей). Близко узнав иезуитов, стал противником религиозного фанатизма. Сатирическому осмеянию иезуитов П. позднее посвятит язвительный памфлет «Descriptio iesuitarum» (1706; опубл. 1767). Немаловажное значение для его дальнейшей писательской деятельности имело изучение произведений античной и современной литературы.

28 окт. 1701 «без единой на то причины, с большим скандалом» (по записи регистров) П. покинул коллегию, не прослушав и здесь курс теологии. Возможно, возвращаясь в Россию пешком через протестантские страны, П. побывал в Германии и учился в университете г. Галле. *Евгений Болховитинов* предполагал, что в 1702 в Почаевском монастыре П. принял православие и был назван Самуилом. Маркел Родышевский сообщал, что П., «ушедши из Рима, сам на себя мантию надел без обычного пострижения и пришел в Киев монахом» (Чтения в О-ве истории и древностей рос. 1862. Кн. 1). В 1704 в Киеве митрополитом Варлаамом Ясинским П. был «к церкви принят и разрешен» (по словам Арсения Мацеевича), а с 1705 принял в монашестве имя Феофана в память своего дяди.

В 1705—1706 П. читает на лат. языке в Киево-Могилянской академии курс поэтики (изд. 1786), демонстрируя энциклопедическую осведомленность в античной, ренессансной и современной филологической культуре. Выходя за рамки нормативной поэтики, П. исследует общеэстетические проблемы происхождения, специфики и на-

значения поэзии; разрабатывает учение об искусстве как подражании природе посредством поэтического вымысла; настаивает на познавательной, воспитательной и эстетической функциях поэзии. П. обосновывает принцип «декорума» (пристойного) — требование высокой степени обобщения в художественном образе, предвосхищая постановку проблемы идеала в эстетике классицизма. Теоретические позиции П. связаны с эстетикой Ренессанса и умеренного барокко. Критикуя крайние проявления барокко — чрезмерную экспрессивность, преобладание формы над содержанием, П. допускает использование аллегорий, смешение жанров, соединение реального и сверхъестественного планов изображения. Особый интерес П. проявляет к учению об остроумии, к жанру эпиграммы, рассматривает принцип вариативности. «Поэтика» П. была основой для развития эстетической теории в России до сер. XVIII в. и сохранилась в многочисленных списках.

В курс «Поэтики» П. включил свои лат. стихотворения, эпиграммы — как пример учебных упражнений на заданную тему. Это наиболее ранние лат. поэтические опыты П. (опубл. в кн. П.: 1) Lucubrationes. Wratislaviae, 1743; 2) Miscellanea sacra. Wratislaviae, 1744), образец поэзии барокко.

По обязанности учителя поэтики П. пишет трагедокомедию «Владимир», которая была поставлена силами учеников академии 3 июля 1705 (опубл. в отрывках 1862; полностью — 1874). Впервые в истории школьной драмы П. обратился к историческому сюжету, изобразив внутренние колебания князя Владимира перед принятием христианства и его борьбу с невежественными жрецами за просвещение. П. дает многоплановое толкование сюжета в философском, политическом и нравственном аспектах, пытаясь предложить свое решение современных проблем соотношения религии и науки, церкви и государства. П. высмеивает обжорство, пьянство, невежество жрецов, их веру в чудеса. Сатира благодаря многочисленным аллюзиям воспринималась как памфлет на современное духовенство, о чем впосл. писал Родышевский: «. . .священников российских называет жериволами, лицемерами, идольскими жрецами» (Чтения в О-ве истории и древностей рос. 1862. Кн. 1). Рассуждения персонажей о христианской вере выявляют стремление П. соединить данные науки, аргументацию «от разума» с идеей Бога, т. е. создать новую «христианскую философию». Антиномичность мировосприятия обусловила обращение П. к эстетике барокко, о чем свидетельствуют выбор жанра, использование композиционных принципов контраста и взаимоотражения, установка на драматизацию изображения, соединение различных речевых стихий, нагнетание постановочных эффектов. Героем трагедокомедии является человек смятенный. Но П. намечает путь разрешения нравственного конфликта: осознание долга перед Богом и государством помогает князю Владимиру укрепиться в решении принять христианство. Пьеса П. утверждает приоритет светской власти над церковной, просвещения над невежеством. Она имела большое распространение в списках, получила высокую оценку Н. И. Гнедича.

В 1706–1707 П. читает на лат. языке курс риторики (опубл. 1982, в пер. на укр. яз. — 1979). Называя риторику царицей наук, П. подчеркивает социальную, культурно-просветительскую и агитационную функции ораторского искусства. Характеризуя различные роды красноречия, П. разрабатывает проблему стиля как соответствия средств выражения предмету, теме и жанру высказывания и выделяет три стиля речи — высокий, средний и низкий. В разделе «О пороках ложного красноречия» П. критикует излишнюю цветистость и украшенность речи, неправильное использование аллегорий, характерные для современного пол. красноречия. Основным эстетическим критерием для П. является чувство меры, которое позволяет оратору достичь равновесия между ясностью и украшенностью, краткостью и разнообразием.

Впервые в «Риторике» П. рассмотрены правила судебного красноречия, а также принципы исто-

рического повествования. П. настаивает на недопустимости вымысла и субъективизма в исторических сочинениях и обосновывает их нравственно-воспитательное значение. Языковые идеи «Риторики» П. были развиты в стилистическом учении *М. В. Ломоносова*, который был знаком с трудом П.

В Киеве начинается деятельность П.-проповедника. «Слово <. . .> в неделю мытаря и фарисея, в честь новобрачных Симеона Мировича и Анны Забеловны» (ок. 1705; изд. 1865) — наиболее ранняя из известных в настоящее время проповедей П.

4 июля 1706 в Киев для основания Печерской крепости прибыл Петр I. На следующий день в Софийском соборе П. произнес «Слово приветственное», в котором назвал царя продолжателем дел древних киевских князей и дал высокую оценку его преобразованиям и воинским победам.

В 1707–1709 П. как профессор философии и префект Киево-Могилянской академии читает натурфилософию, логику, физику, математику, этику (эти курсы при жизни не опубл.). В философском курсе проявилось стремление П. отделить философию от богословия и сблизить ее с конкретными науками. П. выступает против догматизма в вопросах веры, настаивает на критическом отношении к библейским текстам. Философский курс П. представляет собой характерный для переходной эпохи сплав схоластики, идей Возрождения, Реформации и Просвещения.

Будучи префектом, П. по заданию Петра I перевел с лат. языка «Изображение христиано-политического властелина, символами объясненное» Ф. Д. де Сааведры. В предисловии к переводу, сделав обзор трудов по истории и теории государственного управления, П. выступает против идеи теократизма, одновременно формулирует и новые стилистические принципы перевода, ориентированные на особенности родного языка, а не языка оригинала.

В круг его знакомых в это время кроме преподавателей академии входил тогдашний киевский губернатор кн. Д. М. Голицын; дружеские отношения связывали П. с Яковом Марковичем, переписка и встречи с которым продолжались до смерти П.

14 июля 1709 П. произнес в присутствии Петра I «Слово похвальное о преславной над войсками свейскими победе», переведенное по указанию царя на лат. и пол. языки. Содержащиеся в «Слове» рассуждения о причинах Сев. войны, историко-философская оценка Полтавской победы соседствуют с пышным описанием битвы в стиле барочного театрализованного действа. Тогда же П. написал на рус., пол. и лат. языках «Епиникион, си ест песнь победная о тоейжде преславной победе», в котором воспел героя Полтавской битвы Петра I и высоко оценил политическое значение сражения. Создавая «Епиникион» как героическую поэму на историческую тему, П. развивает традиции древнерус. литературы и закладывает основы жанра эпической поэмы XVIII в. (*А. Д. Кантемир*, М. В. Ломоносов, *М. М. Херасков* и др.). Поэма написана тринадцатисложным «героическим» размером, по содержанию и текстуально связана со «Словом похвальным. . .». «Слово похвальное. . .» и «Епиникион» были изданы в 1709 в Киеве одной брошюрой. «Епиникион» — единственное опубликованное при жизни рус. стихотворение П.

В дек. 1709 Киево-Печерский монастырь посетил кн. А. Д. Меншиков. П. произнес в его честь искусно построенное «Слово». Меншиков рекомендовал митрополиту Новгородскому Иову назначить П. архимандритом Юрьевского монастыря как «учительного» человека. Назначение по каким-то причинам не состоялось, однако П. приобрел в лице Меншикова сильного покровителя.

В 1711 во время Прутского похода П. сопровождал Петра в качестве проповедника. Впечатления похода отразились в стихотворении П. «За могилою Рябою» (при жизни не опубл.).

После окончания похода в 1711 П. был назначен игуменом Киево-Братского монастыря, ректором академии и профессором богословия. В 1711–1716 он читает курс лек-

ций по богословию, оставшийся незавершенным (неполное изд.: Лейпциг, 1782). В решении теологических проблем П. нередко следует протестантским концепциям, обосновывая синтез веры и знания, вводя критерий разума в теологию. П. отстаивает правомерность гелиоцентрической системы мира на основе учения о двойственности истины. В это же время им написано лат. стихотворение-инвектива «Папское осуждение Галилея» (при жизни не опубл.).

Элементы пантеизма и деизма в философских и богословских курсах П. воспринимались ортодоксальными богословами как ересь. Так, трактат П. «Об иге неудобоносимом» (1712) вызвал резкую критику *Феофилакта Лопатинского*, который назвал его «писанием противничим, вносящим в мир российский мудрования реформатские <. . .> о законе Божии и оправдании». Курс богословия П. был полемически направлен против католицизма и идеи унии.

К этому времени, очевидно, относятся т. н. «аскетические» проповеди П., посвященные догматическим вопросам (изд. на пол. языке 1744, рус. пер. — 1765).

К богословским трудам примыкают написанные в Киеве «Разговор гражданина с селянином да певцом или дьячком церковным» (изд. 1916) и «Разговор тектона, сиречь древодела, с купцом», в которых в форме диалога популярно на разговорном укр. языке разъясняются сложные проблемы теологии. П. выступает против сознательного и упорствующего невежества, а также против полузнания людей, «губы примаравших латиною»; утверждает необходимость грамотности для всех людей независимо от их сословной принадлежности; противопоставляет католицизм («Польшу») и протестантизм («немецкие города») как два направления духовного развития, отдавая преимущество последнему. «Разговоры» являются и литературным памятником; П. индивидуализирует образы спорящих, использует языковые средства комического.

В 1715 Петр I вызвал П. в Петербург, но из-за болезни П. переезд задержался. П. неохотно покидал Украину: его не прельщала предлагаемая епископская должность. «Я люблю дело епископства и желал бы быть епископом, если бы вместо епископа мне не пришлось быть комедиантом», — писал он Я. Марковичу 9 авг. 1716 (Тр. Киевск. дух. акад. 1865. № 1).

14 окт. 1716 П. приезжает в Петербург. Петр I в это время был за границей, поэтому П. явился к Меншикову, который принял его весьма благосклонно. В отсутствие царя П. произносит проповеди (первая из петербургских проповедей — «Слово в день рождества <. . .> Петра Петровича» — 29 окт. 1716), которые пользовались большим успехом и сразу отдавались в печать.

10 окт. 1717 возвратился из-за границы Петр I. К его встрече П. сочинил две небольшие приветственные речи от имени детей Петра и от имени народа. Тогда же Петру I было преподнесено «Родословие великих князей и царей российских» (1717) — труд П. по истории России, над которым он работал с 1716 по заданию Петра, используя древнерус. летописи, хронографы, степенные книги. Лаконично характеризуя деятельность рус. князей, П. выделяет их военные победы. «Родословие. . .» П. — первый в России XVIII в. труд по рус. истории. Впосл. (до 1725) П. составил более подробный его вариант: «Собрание от летописателей краткого ведения от начальства великих монархов российских, на престолах государственных бывших, по степеням и по летам зде описуемым» (при жизни не опубл.), о работе над которым сообщал Я. Марковичу в письме от 10 мая 1720. Интерес П. к истории был последовательным: он усиленно изучал древнерус. летописи; исторические экскурсы постоянно присутствуют в его произведениях.

23 окт. 1717 П. произнес в Троицком соборе «Слово в неделю осмуюнадесять» о пользе путешествий. Лучшие проповеди П. петровского периода («Слово похвальное на тезоименитство <. . .> Екатерины» — 24 нояб. 1717, «Слово о власти и чести царской» — 6 апр. 1718, «Слово в день святого благоверного князя Александра Невско-

го» — 3 нояб. 1718, «Слово о состоявшемся между империею Российскою и короною шведскою мире» — 28 янв. 1722) — образцы конкретной и точной политической публицистики, связанной с современностью, полемически заостренной против оппозиции. В них П., ставший «посредником между Петром и народом» (Ю. Ф. Самарин), популяризирует и обосновывает петровские преобразования: он утверждает необходимость неограниченной самодержавной власти, приветствует европеизацию быта, развитие промышленности и градостроительства, создание регулярной армии и флота, реорганизацию церковного и государственного управления, расцвет просвещения. Сопоставляя Россию в прошлом и настоящем, П. отмечает ее возросший международный авторитет. В проповедях П. утверждается светская система нравственных норм, основой которой вместо идеала христианской добродетели становится идея служения государству. Композиционным центром «слов» П. является образ Петра I — воина, «работника», «скульптора», изваявшего новую Россию. Петр I представлялся П. воплощением нравственного идеала человека и государя. Созданный им образ царя пройдет через всю литературу XVIII в.

2 июня 1718 П. становится епископом Псковским, несмотря на протест *Стефана Яворского*, указывавшего, что еретические взгляды П. «несогласны» церковному вероучению. Стефан Яворский настаивал на отречении П. от своих взглядов и даже написал текст отречения. По воле Петра посвящение в епископы состоялось, П. пришлось ответить на 15 пунктов обвинения, а Стефану Яворскому при свидетелях принести извинения.

Получив сан епископа, П. остается в Петербурге в качестве ближайшего помощника царя в церковной сфере. В 1719 при участии Петра I он пишет «Духовный регламент» (1721) в обоснование реформы, упразднившей патриаршество, подчинившей церковь государству и подорвавшей имущественный статус церкви. «Духовный регламент» имеет и литературное значение, т. к. под пером П. теоретический трактат превратился в страстный памфлет против невежественного духовенства, в яркий гимн просвещению. В это же время П. пишет «Розыск исторический <. . .> о понтифексах» (1721), «О возношении имени патриаршего в церковных молитвах» (1721), «О правилах причта церковного и чина монашеского» (1722) и др. сочинения — идеологическое обоснование церковной реформы.

Во вновь учрежденном Синоде П. с 1721 является вторым вице-президентом, реально исполняя руководящую роль. 25 июня 1725 П. становится архиепископом Новгородским.

П. создает политико-юридический трактат «Правда воли монаршей во определении наследника державы своей» (1722) в защиту указа о новом порядке престолонаследия. П. — первый теоретик государства и права в России, его трактат — «краткая энциклопедия русского государственного права» (В.О. Ключевский). Считая абсолютизм лучшей формой правления, П. мотивирует это убеждение идеей «общего блага», «всенародной пользы». Обширная аргументация основывается на теориях естественного права и общественного договора, на объективных (географических и демографических) факторах и исторических примерах; «доводы от Писания» занимают в концепции П. подчиненное место.

В 1722 П., выполняя задание Петра I, участвует как редактор в составлении «Истории императора Петра Великого от рождения его до Полтавской баталии» (изд. 1773). Перу П. принадлежат в «Истории» несколько отрывков: колоритный портрет предателя Мазепы, описание начала Полтавского сражения и рассказ о знаменитом «ботике» Петра, от которого пошел весь рус. флот.

Утверждая в своих сочинениях необходимость развития науки и просвещения, П. практически содействует реализации этой идеи. Он участвует в книгоиздательской деятельности. В 1723 П. пишет предисловие и комментарии к книге Аполлодора Афинского «Библиотеки, или О богах» (1725), где критикует антропоморфные представ-

ления древних о богах и выявляет сюжетное сходство Священного Писания и античной мифологии.

П. пишет букварь «Первое учение отроком» (1720) — катехизисное изложение вопросов православной веры, где утверждает, что основой благосостояния государства является всеобщая грамотность и религиозное воспитание детей с раннего возраста. Букварь П. написан не на чистом церковнослав. языке, а на его гибридном варианте с элементами просторечия. П. осуждает излишнюю обрядность и критикует суеверия. Книга П. сразу была издана за границей на англ. и нем. языках, в России с 1720 по 1724 вышло 12 изданий. Она имела чрезвычайное распространение в слав. странах (напр., в Сербии вышло семь изданий), была популярна в России и в XIX в.

Просветительские тенденции П. повлияли на язык его сочинений. В «Духовном регламенте» и «Мнении об исправлении Библии» (1722) П. выступает против «грубости» и «стропотности» (трудноодолеваемости) церковнослав. языка, обосновывая необходимость перевода церковных книг на живые национальные языки. В своей литературной практике П., ориентируясь на уровень аудитории, реформирует книжнослав. язык, сознательно упрощает и сближает его с языком разговорным. Языковая программа П. оказала влияние на дальнейшее развитие рус. литературного языка XVIII в., в частности на филологические изыскания *В. К. Тредиаковского*.

П. принимает деятельное участие в организации образовательных учреждений и в книгоиздательской деятельности. В 1720 по его инициативе была открыта типография Александро-Невского монастыря, выпускавшая в т. ч. учебники, книги для чтения. В 1721 он учреждает синодальную школу при Александро-Невском монастыре. Почти одновременно П. открывает в 1721 в собственном доме на Карповке свою школу. Устав школы, сочиненный П., ее быт соответствовали намерению Петра I и самого П. в условиях изоляции от семьи создать новую породу людей. Широта программы позволяла считать школу лучшей в России. Здесь преподавались риторика, физика, философия, математика, музыка, рисование, ремесла; учебные занятия чередовались с играми, физическими упражнениями, сценическими представлениями. Певческая капелла Карповской школы славилась в Петербурге.

За 15 лет существования школы в ней училось 160 человек — сирот и детей из бедных семей, которых П. обеспечивал за свой счет книгами, одеждой (в т. ч. *Г. Н. Теплов*, будущие академики А. П. Протасов, С. К. Котельников).

Проявляя терпимость в вопросах веры, П. не придавал значения религиозным убеждениям приглашаемых в гимназию учителей. В 1723 он поддержал кандидатуру профессора Х. Вольфа, которого нем. пиетисты объявили атеистом.

П., превосходно зная греч., лат., ит., пол. языки (на склоне лет начал изучать древнеевр. язык), мог свободно общаться с иностранцами, которые высоко ценили его эрудицию и веротерпимость. П. переписывался с известным европ. протестантом И.-Ф. Буддеем, с нем. учеными Ю.-С. Шаршмидтом, А.-Г. Франке и др. Общение с учеными не было только официальным. В доме П. собирались образованные люди. По свидетельству Т.-З. Байера, которого связывала с П. тесная дружба, «вечера те аттическими были, а собрания его — академиею, откуда никто не выходил не обогащенным знаниями».

Круг интересов П. был весьма обширным; имея глубокие познания в истории, теологии, философии, он, по свидетельству дат. ученого и теолога фон Гавена, путешествовавшего в 1736 по России, занимался математикой, физикой, астрономией. П. был постоянным читателем Б-ки Академии наук. Он интересовался живописью, имел личные контакты с известным художником А. Матвеевым. По словам современников, П. любил слушать инструментальную музыку.

П. обладал крупнейшей по тем временам библиотекой. В ней было более трех тысяч книг, изданных в разных городах Европы, бóльшую часть которых составляли теологи-

ческие труды в основном протестантского толка (948 названий), много было книг по истории (507), философии (365), праву (512), естествознанию и военному искусству. Были и редкие слав. книги, печатные и рукописные.

В 1720-х гг. П. по существу стоял во главе целого направления в духовной жизни России, представители которого отстаивали развитие науки и просвещения, поддерживали преобразования Петра I, развивали просветительские идеи в своих сочинениях: А. Д. Кантемир, В. Н. Татищев, *Гавриил Бужинский, Феофил Кролик*. Все члены неформальной корпорации просветителей, «ученой дружины», были связаны дружескими, научными и литературными контактами, придерживались одних политических взглядов.

Так, тесная дружба связывала П. с В. Н. Татищевым, с которым они познакомились во время Прутского похода в 1711. Общение с Татищевым обусловило появление нескольких трудов П. («О браках правоверных лиц с иноверными рассуждение», 1721; «Рассуждение о книзе Соломоновой, нарицаемой „Песни песней“», 1730; опубл. 1774). Со своей стороны, Татищев почти в каждой из своих книг ссылается на авторитет П. Именно Татищев в 1731 первым поставил перед Академией наук вопрос об издании «Слов и речей» П. на нем. языке.

28 янв. 1725 скончался Петр I. У гроба П. произнес знаменитое «Слово на погребение», вызвавшее сильное волнение среди слушателей. В прощальном «Слове» П. впервые поставил вопрос о необходимости продолжать дело Петра I. Эта мысль проходит через все сочинения П., созданные для увековечения памяти царя-преобразователя: «Слово на похвалу <. . .> Петра Великого», «О смерти и погребении Петра Великого краткая повесть» (оба произв. — 1725).

После смерти Петра I положение П. осложнилось, несмотря на то, что он помог Екатерине I взойти на престол. Представители церковно-политической реакции (Георгий Дашков, Феофилакт Лопатинский, И. Смола), стремясь уничтожить преобразования Петра и реставрировать патриаршество, разворачивают борьбу и против П. Их орудием становится Маркел Родышевский, который в июле 1726 представил в Тайную канцелярию донос на П., а также на Гавриила Бужинского и Феофила Кролика с обвинением их в еретичестве. «Мое положение было так стесненно, что я думал, что все уже для меня кончено», — писал П. в одном из писем (Тр. Киевской дух. акад. 1865. Т. 1). П. и Феофил Кролик даже думали об эмиграции в Швецию. На все последующие годы П. оказался втянутым в борьбу, показав себя в ней жестоким и часто коварным человеком, безжалостно расправлявшимся со своими врагами (дело по обвинению П. в еретичестве слушалось в Тайной канцелярии дважды — в 1726–1727 и 1731–1732).

Продолжая политическую борьбу за сохранение петровских преобразований, П. в 1727 пишет на лат. языке «Оду Петру II в честь его восшествия на престол» — парафразис псалма 100, в которой иносказательно изложена политическая программа для молодого императора.

В период господства Верховного тайного совета П. и А. Д. Кантемир в своих стихотворениях выступают против идейной и духовной реакции. Когда Кантемир написал в кон. 1729 сатиру «На хулящих учения. К уму своему», она случайно попала к П., и тот поспешил «рассеять» ее повсюду. В апр. 1730, возвращая сатиру автору, П. приложил к ней похвальные стихи «Феофан, архиепископ Новгородский, к автору сатиры» (при жизни не опубл.; изд. 1762, в составе соч. Кантемира). Сам Кантемир писал, что после этого он «стал прилежать к сочинению сатир». Сатиры Кантемира идейно и сюжетно связаны с сочинениями П. Очевидно, под влиянием первых сатир Кантемира П., написав две лат. эпиграммы на Дашкова, пишет и лат. «Сатиру на Дашкова» (сер. 1730), отрывок из которой Кантемир впосл. процитировал в примечаниях к обращенной к П. своей третьей сатире «О различии страстей человеческих». Язвительно высмеивая Дашкова,

П. создает острую политическую «сатиру на лицо».

Кантемир, Татищев и П. возглавили дворянскую оппозицию, выступившую в 1730 против олигархических замыслов «верховников» ограничить «кондициями» самодержавную власть новой императрицы Анны Иоанновны. Верховный тайный совет П. называл «сковническим тиранством или насильством, которая олигархиа у еллинов именуется. . .» (Рус. арх. 1909. № 3. С. 433–434). В защиту абсолютизма он выступил и в своем политическом памфлете «История об избрании и восшествии на престол <. . .> государыни Анны Иоанновны» (1730; изд. 1737).

При Анне Иоанновне П. пытался развивать петровские идеи: выходят указы о поднятии нравственного и образовательного уровня духовенства, об учреждении повсеместно семинарий, ограничительные постановления о монашестве. В «словах» и речах, обращенных к Анне Иоанновне, П., называет деяния Петра I примером для подражания и разворачивает программу дальнейших преобразований в системе управления государством, в судопроизводстве, в науке и просвещении. Проповеди П. в этот период, лишенные яркого жизненного материала, замыкаются в рамках церковного красноречия, в них остро звучит мотив бренности жизни.

С частной жизнью П. в Петербурге связано появление разных тематических групп стихотворений, ориентированных на особую культурную среду и соответствующие традиции восприятия. Это стихотворения об учителях Карповской школы, написанные в жанре шутливой дружеской эпиграммы (как правило, в двух вариантах — лат. и рус.). Среди них выделяется «Благодарение от служителей домовых эконому Герасиму за солод нововымышленный» (1735; опубл. 1868), где проявилось мастерство П. в индивидуализации речи персонажей; мифологические и библейские атрибуты барочной эпиграммы в «Благодарении. . .» впервые используются для создания пародийного текста. Общение П. с учеными Академии наук вызвало появление лат. стихотворений (без авторского перевода), написанных в стиле традиционного античного послания и эпиграммы (среди них адресованное Т.-З. Байеру стихотворение «Ad Theophilum Sigefridum Baijerum pro exstincto filio dolentum» — «Теофилу Зигфриду Байеру, опечаленному смертью сына» (при жизни не опубл., впервые: Тр. Киевской дух. акад. 1865. Т. 3). П. писал и духовные стихи, вероятно для учащихся Карповской школы, используя жанр парафразиса псалмов («Всяк себе в помощь Вышняго предавый» — парафразис псалма 90). С различными событиями из жизни Анны Иоанновны связана особая группа стихов П. «на случай» («Прочь уступай, прочь», «Е. и. в. на пришествие в село подмосковное Владыкино», 1730; при жизни не опубл.).

П. был незаурядным поэтом. Он впервые ввел в рус. поэзию ит. октаву («Е. и. в. на пришествие в село подмосковное Владыкино», а также «К автору сатиры», 1730), использовал алкееву строфу («Ода Петру II»), разнообразил способы рифмовки и строфику стихов, чередуя разные по длине строки. Мн. стихи П., очевидно под влиянием народной песни, приближаются к правильному тоническому размеру. Некоторые стихотворения становились песнями («За Могилою Рябою», «Прочь уступай, прочь», «Всяк себе в помощь Вышняго предавый», «О суетный человече, рабе неключимый», «Кто крепок, на Бога уповая», «Плачет пастушок») и нашли широкое распространение в рукописных песенниках XVIII в. В. К. Тредиаковский, высоко оценивая поэтическое мастерство П., сравнивал его с Горацием.

П., «просветитель в рясе» (Н. К. Гудзий), олицетворял противоречивую сущность петровской эпохи. Ренессансная разносторонность, разнообразие духовных интересов поставили П. в центр политической, идеологической и литературной жизни России первой трети XVIII в. Творчество П. — связующее звено между древнерус. литературой и литературой нового времени.

Творчество П. оказало влияние на развитие общественной мысли и

литературы XVIII в. Традиции П.: просветительская направленность, критика невежества и суеверий, защита науки, прогрессивных преобразований Петра I — получили развитие в сочинениях А. Д. Кантемира, В. Н. Татищева, В. К. Тредиаковского, М. В. Ломоносова, *А. П. Сумарокова, Н. И. Новикова.* Ораторское искусство, поэтическое мастерство П., публицистическую злободневность его сочинений высоко ценили *Г. Р. Державин, Н. М. Карамзин, Д. И. Фонвизин.* В XIX в. к историческим трудам П. обращался Пушкин, его сочинениями интересовались декабристы, Белинский и Чернышевский.

П. был самым печатаемым при жизни писателем первой трети XVIII в. В 1760–1765 в Петербурге *С. Ф. Наковальниным* были изданы «Феофана Прокоповича <. . .> слова и речи поучительные, похвальные и поздравительные» (ч. 1–3) — первая попытка научного издания ораторской прозы П. В конце ч. 1 помещена библиография сочинений П. на рус. языке, которые издатель разделил на группы — богословские, политические, стихотворческие. В 1774 была дополнительно издана ч. 4, в которую вошли богословские сочинения П. В «Сочинения» П. (М.; Л., 1961) включены лучшие проповеди, трагедокомедия «Владимир», стихотворения и трактат «Поэтика». Полного научного издания сочинений П. нет.

Лит.: [*Rudnev D. S.*] Vita Theophanis Procopowicz // Tractatus de processione Spiritus Sancti. Gotha, 1772; *[*Beier Th. G. S.*] Vita Theophanis Procopowitsch // Nordische Nebenstunden / Hrsg. von I.-B. Scherer. Francfurt; Leipzig, 1776. Th. 1 (укр. пер.: Життэпис Теофана Прокоповича // Філософська думка. 1970. № 3); *Чистович И. А.*: 1) Решиловское дело. СПб., 1861; 2) Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868; Дело о Феофане Прокоповиче // Чтения в О-ве истории и древностей рос. 1862. Кн. 1; *Морозов П.* Феофан Прокопович как писатель. СПб., 1880; *Титлинов Б.* Феофан Прокопович // Рус. биогр. словарь. Т. «Яблоновский–Фомин» (1913); *Stupperich R.* Feofan Prokopovič in Rom // Zeitschrift für osteuropäische Geschichte. 1931. Bd. 5; *Krupnickyj B.* Theofan Prokopovič und Sweden // Annalecta Ordinis Sanctti Basilii Magni. 1934. H. 3–4; *Просина А. Б.* Полит. доктрина Ф. Прокоповича // Актуальные проблемы правовой науки: Сб. аспирантских статей. М., 1970; *Кочеткова Н. Д.* Ораторская проза Феофана Прокоповича и пути формирования лит. классицизма // XVIII век. Л., 1974. Сб. 9; *Crackraft J.* Feofan Prokopovich: A Bibliography of his Works // Oxford Slavonic Papers. 1975. Vol. 8; *Ничик В. М., Рогович М. Д.*: 1) Про неточності у життэписах Ф. Прокоповича // Філософська думка. 1975. № 2; 2) Феофан Прокопович в рукоп. сб. XVIII в. // Рус. лит. 1976. № 3; *Ничик В. М.*: 1) Феофан Прокопович. М., 1977; 2) Феофан Прокопович в оцінці російських мислителів і письменників // Філософська думка. 1978. № 1; *Моисеева Г. Н.* Печатное «Родословие» Феофана Прокоповича // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1978. Л., 1979; *Кутина Л. Л.* Феофан Прокопович. Слова и речи: Проблема языкового типа // Язык рус. писателей XVIII в. Л., 1981; *Кибальник С. А.* О «Риторике» Феофана Прокоповича // XVIII век. Л., 1983. Сб. 14.

Т. Е. Автухович

ПРОКУДИН-ГОРСКИЙ (до 1791 — П р о к у д и н, П р а к у д и н) Михаил Иванович [1744–до 1813, Москва(?)]. Происходил из дворян Владимирской губ., где находилось родовое имение П.-Г. Фуникова гора. В детстве был записан в гвардию капралом в Измайловский полк. Получил домашнее образование, в частности под руководством друга дома «кондуктора» (инженерного унтерофицера) Г. А. Фемерса в течение шести лет занимался математикой. 15 февр. 1753 получил патент на чин подпоручика фурштата полевой артиллерии (СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 1, № 742, л. 90–92), затем был переписан в Семеновский полк. Указом от 8 апр. 1759 был зачислен «дворянином посольства» в свиту чрезвычайного посланника в

Константинополе Г. И. Шаховского (ГИАМ, ф. 4, оп. 14, № 1566–1569) и пробыл там с 23 окт. 1759 по 3 июня 1760. Тур. впечатления изложены П.-Г. в статье «Письма, или уведомления, в Москву. . .» (Ежемес. соч. 1764. Ч. 20. Июль; подп. — «М. П.»), в основу которой, видимо, легла реальная переписка с оставшимся в России другом, а также в главе «О дружбе» из сборника П.-Г. «Уединенное размышление. . .» (1770). Письма датированы 26 окт. 1759–2 июня 1760 и содержат как описание Константинополя и его древностей, быта и нравов турок, так и патриотические размышления. В письмо 2 включена беллетризованная любовная история о похищении из сераля, которую П.-Г. рассказывает как очевидец. По возвращении в составе посольства в Россию П.-Г. вступил в действительную службу сержантом в Преображенский полк. Вышел в отставку гвардии прапорщиком (дело о дворянстве П.-Г. — РГИА, ф. 1349, оп. 27, № 6815). Во время чумной эпидемии 1770–1772 находился в Москве, пользуясь доверием генерал-губернатора П. Д. Еропкина, о чем рассказывает в «Похвальном слове П. Д. Еропкину» (М., 1805; посв. Александру I). Вернувшись во Владимир, служил до 1781 асессором в Палате гражд. суда Владимирского наместничества. В 1778–1781 выбирался киржатским предводителем дворянства, и от лица дворянства произнес во Владимире ряд «речей», тогда же напечатанных в Москве: на мир с Оттоманскою Портою (10 июля 1775), к Р. Л. Воронцову на открытие Владимирского (дек. 1778) и Тамбовского (1779) наместничеств, к *Екатерине II* по случаю первого трехлетия выборов судей от дворянства (дек. 1781; перепеч.: Владимирские губ. вед. 1864. № 37). Им же был сочинен «Пролог. Торжествующий град Владимир» для сопутствовавших открытию наместничества торжеств (нояб. 1778; перепеч.: Рос. феатр. 1789. Ч. 30; Владимирский сборник. М., 1857; Филол. зап. 1876. Вып. 3); стихи, завершавшие в «Прологе» перекличку городов наместничества (явл. 7), были специально заказаны в Москве *Е. И. Кострову*. Опыты самого П.-Г. в стихотворном роде ограничиваются написанными на смерть Р. Л. Воронцова «Стихами, присланными из Владимира» и «Эпитафией» (Собеседник. 1783. Ч. 10). С Воронцовым у П.-Г., видимо, сложились добрые отношения: в аттестате, выданном П.-Г. как предводителю дворянства, Воронцов особо подчеркнул, что тот «при многих случаях особливое свое изъявил усердие и как в обозрениях, так и открытиях Владимирской и Тамбовской губерний, находяся при мне, все порученные ему должности исправлял со всею исправностию» (ГИАМ, ф. 4, оп. 14, № 1567). Хотя в своей ораторской панегирической прозе П.-Г. пользовался избитыми приемами и формулами, не проявив никакой стилистической изобретательности, он, видимо, считал себя мастером этого жанра. Только подобной уверенностью можно объяснить его обращение к переводу прославленных «похвальных слов» А.-Л. Тома полководцу Морицу Саксонскому (1781) и канцлеру Генриху д'Агессо (1783); в своих посвящениях к переводам П.-Г. переадресовал «слова» соответственно рус. вельможам П. Д. Еропкину и А. Р. Воронцову — военному и государственному деятелям.

В 1780 П.-Г. начал думать о переезде в Москву и обратился к *И. И. Бецкому* с просьбой удостоить его «заопекунского» звания (внештатный советник опекунства) по Моск. восп. дому. Между тем это почетное звание было отменено, а принять предложенное звание «опекуна», сопряженное с обязанностями контролера Восп. дома, П.-Г. отказался, сославшись на слабое здоровье (РГАДА, ф. 758, оп. 5, № 495). Остальную часть жизни П.-Г., причислившись к дворянству Московской губ., жил то в Москве, то в имении, не занимая никаких официальных должностей.

Первым оригинальным произведением П.-Г., появившимся в печати, был сборник моралистических статей «Уединенное размышление деревенского жителя» (1770; посв. М. Ф. Соймонову). Он называет его «записками своего размышления, в

свободные часы на бумагу положенными», которые, «будучи великим неприятелем праздности, писал для своего уединенного удовольствия». Для статей сборника характерны руссоистские рассуждения о добродетельной от рождения природе человека, призывы сперва учить добродетели и лишь потом наукам, а также апология жизни в деревне, где «невинность, плугом управляющая и серпом жатву производящая, напоминает первобытность человеческую». «Уединенное размышление» послужило рекомендацией для приема автора в члены Вольного Рос. собрания при Моск. ун-те, но одновременно вызвало, по-видимому, и критические замечания: в предисловии к повести «Валерия» (1773; посв. П. Д. Еропкину) П.-Г. жаловался на своих «порицателей». Излагая в этой повести часть сюжета о Кориолане, П.-Г. подражал стилю и идеям переведенного на рус. язык «Велизария» Ж.-Ф. Мармонтеля и вышедшему анонимно «Нуме Помпилию» *М. М. Хераскова* (имени автора П.-Г. не знал). Канву рассказа о том, как римлянки спасают город от нашествия вольсков, П.-Г. строит, опираясь на Плутарха, Тита Ливия, «Римскую историю» Ш. Роллена и др. печатные источники, набор которых свидетельствует о его литературной начитанности.

Наиболее последовательно П.-Г. выступал как драматург, автор бытовых комедий в прозе. В 1773 напечатал комедию «Самохвал», изобразив в ней грубого и необразованного мелкопоместного дворянина, сутягу и ростовщика, мнящего себя светским барином. Возможно, образ главного героя имел конкретные памфлетные черты, но общее направление пьесы — осуждение непросвещенного дворянства, восходило к сумароковской манере грубого фарсового бытописания (комедия П.-Г. кончалась дракой действующих лиц). Сатирической задачей и законами жанра обусловлены в данном случае и развенчивающие сельскую идиллию реплики слуги Провора: «Все уверяют, что сельская жизнь наполнена простоты, где невинность царствует; неправда, едва она и плугом управляет, не только в хоромах наших жительствует». В центре комедии «Добродетель, увенчанная верностью» (1774; посв. П. Д. Еропкину) — старозаветная помещица Суеверова, обирающая свою воспитанницу Безнадежнову и пытающаяся выдать ее замуж за богача скупца, разорившего своих крестьян. В этой почти лишенной действия (конфликт разрешается внезапным возвращением настоящего жениха — Постоянова) пьесе учтены некоторые находки *Д. И. Фонвизина* в «Бригадире» (повествовательные ремарки, рассуждения Суеверовой о своем замужестве, напоминающие рассказ Бригадирши). В пьесе «Судьба деревенская» (1782; посв. В. А. Шаховской-Строгановой, с датой: «Сент. 1781») П.-Г. подхватил тему «виноватого приказчика» и почти повторил сюжет «Розаны и Любима» *Н. П. Николева*. Помещик Добросердов превозносит в конце пьесы крестьян-земледельцев и наказывает приказчика, преследовавшего Осипа и Кристину. Колорит простонародной речи подчеркнут фонетическим написанием («цокающий» диалект); она, кроме того, насыщена поговорками. Разговор Добросердова о сельском хозяйстве, возможно, отражает интерес самого П.-Г. к хозяйственным усовершенствованиям. В 1805 в журнале «Моск. курьер» (Ч. 1. № 25) он опубликовал «Примечания и наставления касательно хлебопашества и удобривания земель. . .». Последняя комедия П.-Г. «Туалет, или Уборный деревенский столик» (1802, анонимно; посв. Ф. И. Левашеву) вообще лишена сюжета и состоит из нескольких бытовых сцен, разыгрывающихся в имении Высокомерова (персонаж, варьирующий ранний образ Самохвала). Сведений о постановках на публичном театре пьес П.-Г. нет, за исключением «Самохвала», показанного на московской сцене в 1773.

Живя в Москве, П.-Г. продолжал поддерживать отношения с университетом и издателями. *Ф. П. Печерин* вспоминал, что свои первые переводы он продал в 1791 содержателю Унив. типографии В. И. Окорокову благодаря посредничеству П.-Г. На восшествие

Александра I П.-Г. откликнулся двумя страницами риторической прозы под загл. «Глас славы» (М., 1802). В 1803 он издал в Москве «Сокращенное познание математики от начала арифметики до фортификации, с фигурами» (посв. Александру I) и через П. В. Завадовского 16 нояб. представил книгу на высочайшее рассмотрение. Непременный секретарь Академии наук Н. И. Фусс, которому книга поступила на отзыв, крайне отрицательно оценил ее и с научной, и с учебной точки зрения (РГИА, ф. 733, оп. 118, № 32). Лишь в нояб. 1804 после обращения к Завадовскому герцога Людовика Вюртембергского (полкового командира сына П.-Г.) автор получил ответ, что труд его не удостоился награждения (РГИА, ф. 733, оп. 118, № 49).

Сохранившаяся частная переписка сына П.-Г., Льва Михайловича, за 1814–1829 упоминаний о П.-Г. не содержит (РНБ, ф. 569, оп. 1, № 706–707).

Лит.: Заметка М. Прокудина-Горского (г. Киржач, 1880, 6 авг.) // Рус. старина. 1880. № 10; *Трегубов М. И.* Алфавитный список дворянских родов Владимирской губ. Владимир, 1905; Сиповский. Очерки. Т. 1, вып. 1 (1909); [Без подписи]. Прокудин-Горский М. И. // Рус. биогр. словарь. Т. «Притвиц–Рейс» (1910); Берков. История комедии (1977).

В. П. Степанов

ПРОТАСОВ Александр Яковлевич [10 (21) IX 1742–27 IV (8 V) 1799]. Происходил из старинного дворянского рода. В 1753 зачислен в Преображенский полк. В 1767–1768 П. был депутатом Гороховецкого у. Владимирской губ. в Комиссии нового Уложения. Участвовал в рус.-тур. войне 1769–1774; в 1774 «за болезнью» отставлен с чином полковника. Статская служба П. проходила в Коллегии экономии (1777), Вотчинной коллегии (1778–1780), в Орловской судебной палате (1780–1781); он был поручиком правителя (т. е. вице-губернатором) Смоленского наместничества (1781) и правителем (т. е. губернатором) Новгородского наместничества (1782). С 1783 по 1794 П. — воспитатель вел. князя Александра; с 1796 — сенатор; в 1798 — т. советник.

П. принадлежат «Дневные записки», в которых содержатся любопытные сведения о юности Александра I (Древняя и новая Россия. 1880. № 8. С. 761–775), и примечательное письмо-наставление своему воспитаннику от 12 дек. 1790, в котором, между прочим, утверждалось, что «одно рождение, без отличных достоинств, ни славы, ни похвал не приносит» и что «праздность, леность и равнодушие ко всему с самым добрым сердцем делает человека ненавистным; похвальное же любочестие даже ленивого и малодушного превращает в деятельного и твердого» (Рус. арх. 1877. Кн. 3. С. 341–343). Весьма вероятно, что П. был также автором двух переводов с фр. — комедий «Шотландка» Вольтера (1763) и «Две турецкие вдовы» Ж.-Ф. Пуллена де Сен-Фуа (1774; переизд. 1775). Переводчику удалось передать «реалистическую» манеру первой комедии, живость и остроумие второй. Переводы, однако, не попали на сцену.

Среди друзей П. — *Г. Р. Державин*, с которым он познакомился в 1762 (см.: Державин. Соч. (1864–1883). Т. 6 (1871). С. 435), и А. А. Самборский (19 писем П. к А. А. Самборскому за 1787–1798 хранятся в ИРЛИ, ф. 620, № 150).

Лит.: *Богданович М. И.* История царствования Александра I и Россия в его время. СПб., 1869. Т. 1. С. 17; *Кобеко Д. Ф.* Цесаревич Павел Петрович. СПб., 1883. С. 265; *Клокачев П.* Протасов А. Я. // Рус. биогр. словарь. Т. «Притвиц–Рейс» (1910).

П. Р. Заборов

ПРОТОПОПОВ Александр. Сотрудник «Старины и новизны», литературного и исторического журнала, издававшегося *В. Г. Рубаном* (1772–1773).

Опубликовал в переводе с фр. языка (1773. Ч. 2; подп. — «Ал. Пр.») фрагмент из сочинения Вольтера «Опыт о нравах и духе народов», озаглавленный «О церемониях, или обрядах», в котором утверж-

дается, что чем слабее государство, тем больше обрядов в нем соблюдают и тем строже следуют церемониалу, в то время как «истинная сила и просвещение попирает пышность».

Е. Д. Кукушкина

ПРОТОПОПОВ Андрей Федотович. Своекоштный студент Моск. ун-та (февр. 1768), был затем определен на казенное содержание. В 1769–1777 — учитель лат. языка в Унив. гимназии. В 1779–1780 и, возможно, позднее — товарищ директора Банковой ассигн. конторы в Нижнем Новгороде. На этой должности в 1797 его постигли большие неприятности. Оправдываясь, он в прошении на высочайшее имя уничиженно писал, что чувствует «гнусность своего поступка», что им «долг не соблюден, казна расхищена и закон по справедливости вооружен против нерадетеля своего» (РГИА, ф. 938, оп. 1, л. 525).

В «Оде на <. . .> день <. . .> высочайшего рождения <. . .> Екатерины» (1768), своем первом литературном выступлении, относящемся еще к студенческим годам, П. следует ломоносовской одической традиции. Также студентом П. печатает «Краткое описание Священной истории стихами. . .» (1769) — поэму из 816 строк, написанную одической восьмистишной строфой (четырехстопным ямбом), ориентированную на поэтику похвальных од *М. В. Ломоносова* и содержащую прямые из него заимствования. В монологах некоторых библейских героев заметно влияние трагедии фр. классицизма. Поэма охватывает события библейской истории от сотворения мира до воскресения Иисуса Христа. Повествуя об обретении Израилем Земли обетованной, П. обращается к событиям рус.-тур. войны, с которыми совпало по времени сочинение поэмы. По его мысли, Бог «. . . и России обещает Чрез Наввина карать врагов, Другой пред ней падет Азов».

В 1779 П. издает «Слово похвальное <. . .> Екатерине» и панегирическую «Речь на прибытие <. . .> генерал-губернатора <. . .> А. А. Ступнина <. . .> в Нижний Новгород. . .». «Речь. . .» обнаруживает знакомство автора с концепцией общественного договора (см. славянизированное вступление).

В 1797 в Москве выходит «Смысл псалмов царя и пророка Давида, избранных по произволению трудившегося, преложенный стихами» (посв. епископу П. Протопопову). Переложения П. находятся вне традиции свободной имитации и переосмысления псалмов в связи с событиями современности или личными переживаниями поэта. П. стремится просто и точно воспроизвести слав. Псалтырь. Метрический репертуар переложений достаточно широк: сочетания шести-, четырех- и трехстопного; шести- и четырехстопного ямба и др.; в основном используется шестистопный ямб.

Лит.: Пенчко. Документы. Т. 3 (1963).

А. Б. Шишкин

ПРОТОПОПОВ Василий Михайлович [1760–1810]. Сын священника; в 1778 поступил в Славяно-греко-лат. академию; с окт. 1787 преподавал в ней фр. язык. 1 сент. 1789 был определен в Коломенскую дух. семинарию учителем «риторики, поэзии и французского класса, при которой должности находясь, обучал всеобщей истории, присоединяя к тому древнюю и новую географию»; 15 янв. 1793 был назначен учителем богословия и фр. языка высшего класса семинарии (РГИА, ф. 796, оп. 74, № 97, л. 529 об.–530). С 1793 состоял также членом Коломенской консистории.

В 1792 П. был посвящен в духовный сан и произведен протоиереем кафедрального собора; эту должность он отправлял в нескольких городах, куда в дальнейшем его направляли.

В июле 1795 по неясным причинам, которые П. в письме к С. И. Селивановскому назвал «торжеством клеветы», у него «вымучивают <. . .> просьбу об увольнении» как от учительской, так и от консисторской должностей, после чего он был переведен в Каширу, затем весною 1796 в Серпухов, а в 1797 возвращен в Коломенскую дух. се-

минарию на должность учителя поэзии, фр. языка и толкования Священного Писания (РГИА, ф. 796, оп. 78, № 986, л. 3 об.–5). С 1800 П. жил в Туле, где по 1802 включительно преподавал в семинарии поэтику, риторику и фр. язык, а в 1804–1807 состоял членом правления семинарии. В 1804 был назначен членом Тульской консистории.

В годы учебы и преподавания в академии, а также, очевидно, и позднее П. поддерживал связь с преподавателями и студентами Моск. ун-та. Об этом свидетельствуют его «Стихи на день именин А<лександра> Ф<едоровича> Л<абзина> маия 13 дня, 1787» (1787), «Стихи на день заведения Собрания питомцев Московского университета, марта 13, 1789 года, в осьмилетнее празднование оного» (1789; в соавт. с *П. А. Сохацким*), участие в сборнике «Собрание песней и стихов, сочиненных на день заведения Собрания питомцев Московского университета» (1790), перевод на рус. язык написанного на фр. рассуждения *И. П. Тургенева* «Кто может быть добрым гражданином и верным подданным» (1796). В письмах сер. 1790-х гг. проскальзывают признания, свидетельствующие об известной свободе (для священнослужителя) его взглядов. Впосл. взгляды П., по-видимому, изменились; произнесенное им «Слово на праздник обрезания Господня и на новый 1807 год» (М., 1807), посвященное праздновании «первого поражения французских войск под предводительством Бонапартия», было направлено против учения фр. просветителей.

К литературному труду П. приобщился в студенческие годы и занимался им интенсивно в течение почти двадцати лет. В журнале «Гор. и дер. б-ка» (1782. Ч. 4) был напечатан его перевод нравоучительного рассказа М. Лепренс де Бомон «Торжествующая добродетель, или История девицы Рансо». В стенах академии П. написал также повесть «Лабиринт волшебства, или Удивительные приключения восточных принцев» (1786). Авантюрный сюжет этого подражательного произведения, имевшего развлекательное назначение, складывается из мотивов и ситуаций, обычных для волшебно-рыцарских романов из собрания «1001 ночь» и фр. литературных волшебных сказок кон. XVII–XVIII вв. Сюжет построен на противоборстве злого волшебника Абу Кули, ввергающего героев во всевозможные злоключения, и доброй феи Раги Муины, разрушающей его коварные замыслы.

Спорною остается атрибуция П. на основании цензурной ведомости перевода романа де Шиньяка де ла Бастида дю Кло «Приключения Теострика и Лиеб-Розы, или Искушение добродетели» (1788. Ч. 1–3; указание во фр. ориг. на перевод с нем. языка — фиктивное): вопреки обыкновению П. в книге не указаны ни полностью, ни криптонимом его имя и фамилия, а в цензурной ведомости он мог быть записан как лицо, представившее рукопись. Роман содержит аллегорическое изображение радостей, соблазнов, испытаний, через которые проходит и в которых укрепляется любовь. Он имеет также политическое содержание. На примере вымышленных и действительно существовавших в древности народов демонстрируются принципы образцового государственного устройства и осуждаются режимы, основанные на тирании, завоевательных войнах, развращенных нравах, рабстве. В условиях крепостнической России внимание читателей должен был, очевидно, привлечь рассказ о свободной девушке Алое, принявшей невольничество, чтобы быть рядом с возлюбленным, а затем подвергшейся домогательствам своего хозяина.

Сборник «К чему может служить досужное время? или Собрание сочинений и переводов в прозе и стихах Василия Протопопова» (1789) включает аллегорические «сновидения», «восточные» повести, нравоучительные очерки и рассуждения, пасторальные идиллии и анакреонтические стихотворения. В сборнике напечатан также сонет *Евгения Болховитинова*. Переводы представлены очерками из англ. сатирико-нравоучительных журналов «The Tatler» и «The Guardian», сочинениями К.-М. Виланда,

Н.-Ж. Леонара, Л. А. Караччолли и др. Источниками переводов были журнал «Mercure de France» за 1760, 1773, сборники «L'Esprit d'Addisson, ou les Beautés du Spectateur, du Babillard et du Gardien» (Yverdon, 1777. T. 3), «Contes moraux, dans le goût de ceux de Mr. Marmontel, recueillis <. . .> par Mademoiselle Uncy» (Amsterdam, 1761. T. 1) и др. издания. В подборе произведений, как оригинальных, так и переводных, ощущается влияние идей и настроений сентиментализма. Этими настроениями были продиктованы и два больших перевода, выполненных П. в 1790-е гг.: «Творения г. Геснера, поэма Авелева смерть, в пяти песнях» (1799) и «Абейлард и Элоиза, или Драгоценное собрание писем сих несчастных любовников» (переведено в 1795–1796, опубл.: М., 1816; ориг.: Lettres et épîtres amoureuses d'Héloïse, avec les réponses d'Abeilard». S. l., 1777; многократно переизд. в двух томах под загл. «Lettres et épîtres amoureuses d'Héloïse et d'Abeilard»; содержит произведения А. Попа, Ш.-П. де Колардо, К.-Ж. Дора и др. писателей XVIII в. на темы переписки Абеляра и Элоизы).

В письмах П. к С. И. Селивановскому за 1795–1796 упоминаются оставшиеся неопубликованными переводы и неосуществленные, по-видимому, замыслы: переведенное по заказу московского типографа М. Пономарева произведение, обозначаемое кратким загл. «Роланд» (вероятно, т. 4 поэмы Л. Ариосто; т. 1–3 в переводе *П. С. Молчанова* вышли в 1791–1793); т. 4 романа Ж.-Ж. Руссо «Новая Элоиза» (В. С. Сопиков переслал П. для редактирования имевшийся у него готовый перевод, но сам П. склонялся к мысли сделать новый); стихотворный перевод псалмов с учетом древнеевр. подлинника. 31 дек. 1798 в московскую цензуру было представлено переведенное П. с фр. языка сочинение «О древнем богослужении египтян»; рукопись была получена обратно 30 марта 1799 и осталась неизданной (см.: Рогожин. Дела моск. цензуры. Вып. 2. (1922). С. 70. № 319).

Существуют некоторые основания ставить вопрос о принадлежности П. псевдоисторического галантно-героического романа «Любовь Периандра и Финомены, исполненная чувствительных для нежных сердец приключений» (1787; криптоним — «В. П.»), а также перевода романа Ксенофонта Эфесского «Торжество супружеской любви над злосчастиями, или Приключения Аврокома и Анфии» (1793; криптоним — «В. . . П. . .»; фр. перевод-посредник: Les amours d'Abrocome et d'Anthia, histoire éphésienne <. . .> trad. du grec par M. J** [J.-B. Jourdan]. Paris, 1747 и др.). Приписанная П. на основании цензурной ведомости «иносказательная повесть» «Совершенная любовь» (1790) является русифицированным переводом с фр. языка сказки Г.-Ж. Мюра, выполненным, возможно, др. лицом (по указанию В. С. Сопикова, «А. Л.»), чью рукопись П. лишь получил из цензуры.

Кроме указанных собственных сочинений и переводов П. составил пособие по фр. грамматике («Новый легчайший способ к познанию начал французского языка. . .», 1789; доп. переизд.: «Новая французская грамматика», 1790), перевел фр. письмовник (Новейший всеобщий и полный секретарь. . . М., 1801. Ч. 1–4; переизд.: Новейший самый полный письмовник. . . М., 1815), сочинил несколько од и речей в честь епископа Коломенского и Тульского Афанасия.

В церковных кругах ценились проповеди П.

Лит.: Письма протопопа В. М. Протопопова к С. И. Селивановскому // Библиогр. зап. 1858. Т. 1. № 24; *Руднев Н.* Тульская дух. семинария // Тульские епарх. вед. 1862. 1 авг. № 15. Приб. ; *Рак В. Д.* Библиогр. заметки // XVIII век. СПб., 1996. Сб. 20.

В. Д. Рак

ПРОТОПОПОВ Михаил Васильевич [1746, Москва (?)–3 (15) X 1800, там же]. Происходил, видимо, из духовного сословия. В 1759 был определен в Славяно-греко-лат. академию; в мае 1771 из студентов класса богословия назначен на освободившееся место учителя класса аналогии, позднее преподавал и

др. предметы, в т. ч. поэтику, евр. и греч. языки. В окт. 1776 поступил на службу в 1-й Деп. Сената; 5 марта 1781 был перемещен в Герольдмейстерскую контору переводчиком и 23 авг. 1790 уволен по прошению. 27 сент. 1790 зачислен переводчиком в Синод, где также исполнял в 1796–1797 обязанности секретаря, а в 1792, 1794, 1796–1798 — экзекутора, вакансию которого занял в июле 1797. В 1798 получил должность товарища (помощника) директора Моск. синод. типографии, параллельно с которой вел комиссарские (казначейские) дела (РГИА, ф. 796, оп. 51, № 452, л.10–11, 19; оп. 71, № 286; оп. 72, № 328; оп. 74, № 477; оп. 77, № 297; оп. 79, № 134, 855; оп. 81, № 612).

В прошении, поданном в Синод 25 сент. 1790, П. писал, что должность переводчика может «исправлять на греческом, латинском, французском и немецком языках» (РГИА, ф. 796, оп. 71, № 286). Выбор сочинений для перевода определялся у него целями религиозно-нравственного воспитания и церковной полемики. Духом христианского благочестия проникнуто переведенное им с нем. «Нравоучение» Х.-Ф. Геллерта (1775–1777. Т. 1–2; ориг. под загл. «Moralische Vorlesungen»), выводившего все «должности» человека из «должностей в рассуждении Бога». Во второй пол. 1780-х–нач. 1790-х гг. подлинник этого систематического популярного курса этики использовался в качестве пособия на занятиях по нем. языку в Троицкой дух. семинарии (Смирнов. Троицкая семинария (1867) С. 352–353). Также переведенные с нем. «Разговоры о красоте естества» И.-Г. Зульцера (1777) были предназначены, по авторскому замыслу, отвечавшему целям П., убедить читателя в существовании Творца и опровергнуть деистические представления о мироздании, раскрывая и объясняя гармонию, целесообразность и сложные связи во всех царствах природы. Наряду с религиозно-дидактической направленностью эти сочинения отличает апелляция авторов к чувству, а книга Зульцера учит также находить радость и успокоение в общении с природой и через восприятие ее красоты. В этом плане оба перевода П. отражают, очевидно, распространение в России сентименталистских настроений и проникновение их в среду духовенства.

Переведенный П. с нем. языка памфлет Д.-Г. Пургольда «Православие святой греческой церкви» (1776) содержал подробный богословский анализ основ вероучения православной церкви в доказательство ее «невинности и чистоты». Это полемическое сочинение магдебургского протестантского священника, ратовавшего за мирные отношения с Россией и одобрительно оценившего в предисловии политику рус. правительства по отношению к лютеранам, вызвало в России положительный резонанс, в том же году в Петербурге был издан и др. его перевод.

Во время службы в Синоде П. занимался переводами с древнегреч. языка сочинений раннехристианских авторов, из которых первым было «Афинагора Афинейского философа и христианина Рассуждение о воскресении мертвых» (1791). В нояб. 1798 П. обратился в духовную цензуру за разрешением напечатать «на свой кошт» гражданскими литерами «Душеполезные труды священномученика Киприана, епископа Карфагенского. . .» с предисловием в виде жития этого святого, извлеченного из «Четьих-Миней». Цензура потребовала заменить назв. книги на «Избранные сочинения Киприана. . .» и приложить к ней в качестве введения составленное самими цензорами краткое жизнеописание автора. Под этим загл. и в таком составе книга была издана уже после смерти переводчика (СПб., 1803). В 1799 П. представил к изданию толкования Иоанна Златоуста на послания апостола Павла, которые он переводил по заказу Синода в 1794–1795. Цензоры, однако, нашли, что в его переводе толкования «ни в чем почти не различествуют» с кириллическими изданиями тех же сочинений 1765 и 1767, перед которыми «нимало не преимущественны и одобрения к напечатанию не достойны». Неизданным осталось и переведенное по

распоряжению *А. И. Мусина-Пушкина* (1795) «Краткое начертание о веротерпимости» архиепископа *Евгения Болховитинова* (РГИА, ф. 796, оп. 75, № 392; оп. 80, № 447; оп. 81, № 481). По роду своих служебных обязанностей П. переводил также переписку и документы Синода.

В. Д. Рак

ПРУТКОВСКИЙ (Прудковский) Василий Яковлевич [1769 или 1770–после нояб. 1826]. Сын священника; учился в Севской дух. семинарии, откуда 9 янв. 1787 был переведен в СПб. учит. семинарию, где обучался математическим наукам. 24 дек. 1788 Комиссия нар. уч-щ определила его учителем второго класса в Тобольское гл. нар. уч-ще, где со дня открытия, 11 марта 1789, он преподавал «книгу о должностях человека и гражданина», руководство к чистописанию, первую часть арифметики, лат. язык, рисование, а также входившие в программу второго класса разделы закона Божия.

П. активно сотрудничал в издававшемся при училище журнале «Иртыш» (1789–1791). В его статьях обосновывалась личная и общественная необходимость и польза просвещения, в частности женского образования, излагались основные положения теории общественного договора: «Речь, говоренная при открытом испытании <...> 1789 года декабря 29» (1789. Дек.); «Письмо к туринскому купцу Г. Г......» (1790. Май); «Нечто о человеке» (1790. Июль); «Нечто к состоянию людей относящееся» (1791. Апр.). П. указывал, что «общежитие <...> сродно и полезно» человеку и что общество основывается на «внутреннем человека к спокойствию и согласию расположении», а также на разумном, выгодном как индивиду, так и всем членам сочетании личных интересов и общественного блага. Понимание этой взаимосвязи дается просвещением и воспитанием: «Если все люди по рождении своем не способны бывают жить обществами; да притом многие и на всю жизнь таковыми остаются: то следует, что чрез научение, а не по естеству своему делается человек к тому способным». По-видимому, эти статьи были связаны с преподаванием «книги о должностях человека и гражданина». К преподаванию лат. языка и закона Божия имели, очевидно, какое-то отношение следующие переводы П.: «Ответ на то, какое время года было тогда в раю и у нас, когда создан свет» (1790. Янв.; с лат.); «Отрывок критических Зопировых сочинений» (1790. Февр.; с лат.); «Речь Македонского царя Филиппа Второго, говоренная к детям своим в ту пору, когда старший сын Персей в покушении на жизнь его обвинял Димитрия, брата своего». — «Речь Персея, обвиняющего пред отцом Димитрия» (1790. Апр.). Кроме того, П. принадлежат: «Загадки» (1789. Окт.); «Позд<н>ое требование совета» (1790. Авг.; с фр.); «Анекдот: Пренебрежение» (1791. Февр.; с фр.).

После увольнения из Тобольского гл. нар. уч-ща *Т. М. Воскресенского* П. был в 1795 назначен на его место учителем четвертого класса и вел рус. и лат. языки, арифметику, геометрию, гражданскую архитектуру, механику и физику. В 1797 по распоряжению директора училища А. А. Дохтурова ему был поручен хозяйственный надзор за вновь построенным зданием училища, а также вменено в обязанность следить за соблюдением «мира, тишины и благопристойности у живущих в училищном доме учителей, чтобы наемные у учителей люди для работ домашних были поведения хорошего, чтобы посторонних никого в училище не ночевало, также и учителя, живущие в училищном доме, вне оного бы не ночевали». 26 марта 1802 П. был уволен по болезни до выздоровления (РГИА, ф. 730, оп. 1, № 48, л. 698 об.; № 156, л. 2 об.–3, 15 об.–16; № 191, л. 66 об.–67, 328–329 об.).

К преподавательской деятельности П. более не возвратился. Дальнейшая его жизнь прошла в частой смене мест службы. 6 марта 1808 он поступил на службу в полицию Харьковской губ.; 1 сент. 1809 был переведен в Экспедицию водяных и сухопутных сообщений на должность помощника начальника

стола; 11 окт. 1810 был уволен, а 3 июня 1811 поступил протоколистом в Синод. Прослужив здесь четыре года, П. был 19 авг. 1815 определен секретарем в Орловскую консисторию; от этой должности был уволен 30 окт. 1818 и ок. года пробыл не у дел; 22 авг. 1819 был назначен вторым членом Екатеринославской межевой конторы, а 12 апр. 1820 переведен на должность первого члена, которую оставил между дек. 1826 и нояб. 1827 в чине надв. советника (РГИА, ф. 1349, оп. 4 (1826 г.), № 49, л. 69 об.–71).

Лит.: *Замахаев С. Н., Цветаев Г. А.* Ист. зап. о Тобольской гимназии. 1789–1889. Тобольск, 1889.

В. Д. Рак

ПРЯНИШНИКОВ Иван Данилович [1752–после 1805]. Родился в семье премьер-майора, служившего в Придворной конюшенной конторе. В 1765 начал службу в Сенате, вначале копиистом, а с 1768 канцеляристом. В 1769 переведен в Герольдмейстерскую контору переводчиком; в 1773 — сенатский секретарь, возвращен на прежнюю должность в Сенат (РГИА, ф. 1349, оп. 4, № 41, л. 1 об.–2; ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 112, № 171, л. 845; ф. 536, оп. 1, № 2, л. 151). Возможно, в это время познакомился с *А. Н. Радищевым*. В 1781 в чине надв. советника П. был назначен в Пермь председателем Верхн. зем. суда; с 1785 служил председателем Пермской гражд. палаты. В мае 1797 встречался с А. Н. Радищевым, возвратившимся из ссылки. Отличался независимостью суждений и поведения; после неоднократных столкновений с генерал-губернатором А. А. Волковым был отрешен от должности (30 июня 1799) и отдан под суд. С трудом добился полного оправдания и 5 июня 1801 был назначен в Комиссию составления законов, где служил вместе с А. Н. Радищевым. Вышел в отставку в 1803. Был женат на француженке́ (Гос. арх. Пермской обл., ф. 316, оп. 1, № 63, л.38; ф. 297, оп. 1, № 528, л. 1); последние годы жизни провел в подмосковном имении (с. Володимировка Подольского у.), где собрал значительную библиотеку, занимаясь по преимуществу изучением отечественной истории.

Литературную деятельность П. начал переводами эпической поэмы Лукана «Фарсальская брань» и «Географического словаря» Вожьена (оба не изд.) для Собрания, старающегося о переводе иностр. книг. Первый перевод был в 1778 отдан в печать и в апр. П. получил за него гонорар; второй был готов к печати и оплачен в 1772, но книга вышла в 1791 в др. переводе (*М. И. Веревкина*). В 1774 он напечатал «Переводы из творений Жана Батиста Руссо и г. Томаса» и собственную написанную ритмизованной прозой «Речь на мир» (по случаю окончания войны с Турцией), в которой явно и не вполне удачно подражал оде *М. В. Ломоносова* «На взятие Хотина». Наряду с беспредельным восхищением *Екатериной II* «Речь на мир» отражает также осудительное отношение П. к войне. В 1776 вышли из печати в его переводе с фр. языка «Слово похвальное Максимилияну де Бетюн, герцогу де Сюлли, первому министру Гендриха IV» А.-Л. Тома и анонимная «Мещанская трагедия Человеколюбие, или Картина бедности» (2-е изд. 1787). В последней П., как видно, была близка мысль о том, что «законы природы» выше «законов правосудия» и что недостаток «человеколюбия» является причиной «неправосудия» и войн, несущих неисчислимые несчастия. Стиль переводных и оригинальных сочинений П. отмечен печатью литературного дарования, однако вскоре он целиком отдается служебной деятельности и занимается в основном историей и теорией законодательства. Известен его незаконченный рукописный трактат «О переменах, бывших в образе правлений и в уголовных узаконениях» (СПбФ ИРИ РАН, собр. Воронцовых, № 308), а также ряд «особых мнений» по вопросам законодательства периода совместной службы с А. Н. Радищевым в Комиссии составления законов. Сближаясь с автором «Путешествия из Петербурга в Москву» в резком неприятии бюрократизма и злоупотреблений чиновников, П. остался чужд идеям рево-

люционного переустройства общества. Ряд автографов П. (деловые бумаги) хранится в РГИА (ф. 1259), СПбФ ИРИ РАН, собр. Воронцовых, № 1182) и Гос. арх. Пермской обл.

Лит.: Семенников. Мат-лы для словаря (1914); *Бабкин Д. С.* А. Н. Радищев. М.; Л., 1966; *Татаринцев А. Г.*: 1) Пермские знакомые А. Н. Радищева // Рус. лит. 1976. № 1; 2) Радищев в Сибири. М., 1977.

А. Г. Татаринцев

ПСИОЛ Василий Федорович [1770–до 1839]. Учился в Моск. ун-те. В журнале «Покоящийся трудолюбец», издававшемся Собранием унив. питомцев, опубликовал в переводе с фр. языка анекдот «Счастливый пилигрим» (1784. Ч. 2). В 1780-е гг. П. сделал еще несколько переводов с фр. языка. Он перевел т. 1 романа «Le faux ravisseur, ou Caravanes galantes du chevalier d'Abbeville / Par Mr. L. Le M. . .» (Hambourg, 1755. Т. 1–2), издав его «иждивением Андрея Масленникова» под назв. «Ложный похититель Мальтийского ордена, кавалер Дабевиль, истинная повесть» (1786). В издание «Меланхолические вечера, или Собрание веселых нравоучительных повестей из разных французских писателей» (1787) П. включил переведенные им шесть повестей Ж.-М. Лоэзель де Треогата из сборника «Soirées de mélancolie par M. L.» (Amsterdam, 1777) и две повести неизвестных авторов.

П. перевел также комедию Рокиль-Льето «Поединок, или Сила предрассудка» (1788). Сведений о ее постановке нет.

Пробуя свои силы в поэзии, П. напечатал «Стихи в честь героев, убитых при взятии города и крепости турецкой Очакова 1788 года, декабря 6 числа» (Моск. вед. 1788. № 100. Приб.). В стихотворении описывается сражение, упоминаются князь С. А. Волконский и Горич.

Р. М. Горохова

ПУСТОВОЙТОВ Василий. Переводчик с нем. языка. Будучи студентом Моск. ун-та, участвовал в журнале *В. Д. Санковского* «Доброе намерение» (1764), опубликовав в нем свои переводы: притчу о дележе сыновьями отцовского наследства под назв. «Повесть о султане Акшиде» и нравоучительный рассказ «Обман и неверность жены к мужу» (Нояб.).

Лит.: *Трефолев Л.* Первый рус. провинц. журн. «Уединенный пошехонец» // Рус. арх. 1879. Ч. 3.

Е. Д. Кукушкина

ПУШКИН Михаил Алексеевич [ум. 1791 или 1792]. Видимо, начал службу в гвардии. В 1761 из полковых сержантов Преображенского полка произведен в офицеры. Активный участник переворота в пользу *Екатерины II*; 28 июня 1762 *Е. Р. Дашкова*, переодевшись в его мундир, сопровождала будущую императрицу в Петергоф. Указом от 7 окт. 1763 из поручиков Преображенского полка определен прокурором в Коммерц-коллегию. В нач. 1770-х гг. брат П. Сергей был задержан на пол. границе с клише и др. приспособлениями для печатания фальшивых денег. Вместе с братом П. был обвинен (по утверждению П. А. Вяземского, необоснованно) как фальшивомонетчик и осужден (25 сент. 1772) к смертной казни, замененной Екатериной II пожизненной ссылкой «в дальние сибирские места с лишением прав состояния» (Сергей был отправлен в Пустозерск, а затем в Соловки); впредь их было приказано именовать только «бывшими Пушкиными». Вслед за П., оставив сына Алексея в семье *И. И. Мелиссино*, в Сибирь добровольно отправилась жена П. Наталия Абрамовна (в девичестве княжна Волконская). Ссылку П. отбывал в Тобольске. Хотя П. находился под полицейским надзором, ему удавалось поддерживать некоторые связи со знакомыми в России. В 1784, в частности, были арестованы три короба с книгами, отправленные П. (на имя генерал-майора Г. Осипова) *М. И. Веревкиным* (РГИА, ф. 468, оп. 43, № 277, л. 32). *Н. П. Николев* в напоминание о судьбе П. в своих «Творениях» (1797. Т. 4) напечатал его стихи «Послание М. А. бывшего П-на к Н. П. Нико-

леву», присланные из Сибири. П. принадлежит перевод книги К.-Ж. Дора «Несчастия, от непостоянства происходящие, или Письма маркизы Сирсе и графа Мирбеля» (1778. Ч. 1–2; 2-е изд. 1788). В предваряющем перевод письме к *И. И. Панаеву*, подписанном «Твой верный друг», П., сетуя на недостаток красноречия, признает: «Далеко отстоит мое преложение от подлинника». По мнению П., «содержание оных писем изображает ясно образ общества больших городов во всех просвещенных народах». П. участвовал в издававшемся в Тобольске *П. П. Сумароковым* журнале «Иртыш» (1789–1791), но его переводы не выявлены. В Тобольске П. близко познакомился с *А. Н. Радищевым*, направлявшимся в Илимск. Сын П., Алексей, — переводчик, известный театрал и остроумец пушкинского времени (см.: *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. Л., 1988).

Лит.: *Блинов И.* «О бывшем Пушкине» // Рус. старина. 1899. Т. 98. Апр.–июнь; *Тайворонская Н.* Пушкин М. А. // Рус. биогр. словарь. Т. «Притвиц–Рейс» (1910); *Радищев А. Н.* Избр. соч. М., 1932; *Вяземский П. А.* Зап. книжки. М., 1963.

В. В. Пухов

ПУШНИКОВ Николай Осипович [ок. 1750–после 1810]. Происходил из дворян. Начал служить копиистом в Придворной конторе (28 июня 1764); затем перешел в военную службу и был каптенармусом в походной конторе К. Г. Разумовского (с 1 февр. 1769); 1 янв. 1771 выпущен аудитором в Петербургский карабинерный полк. Он участвовал в походе против 1-й пол. конфедерации (1771) и в подавлении восстания Пугачева под Уфой и Оренбургом (1772–1774). В 1775 П. вернулся в Москву и 8 окт. перешел с чином капитана в штат московской полиции. При открытии Симбирской губ. он был определен уездным казначеем в Корсунь, затем в Сенгилеев (1780–1798); был уездным судьей в Корсуни (1800–1801); последней должности он лишился, когда она стала выборной. В 1810 П. просил назначить его городничим в той же Корсуни на освободившееся место И. П. Сонцова, в чем ему, однако, было отказано (РГИА, ф. 1286, оп. 1 (1810 г.), № 233).

П. известен как переводчик пьесы П.-О.-К. Бомарше «Евгения» (1770), относящейся к жанру «буржуазной драмы» и написанной в духе театральной реформы Д. Дидро. Постановка ее в Москве (18 мая 1770) была одновременно успешной и скандальной. Недруги *А. П. Сумарокова* настояли на спектакле, зная о его непримиримом отношении к «слезной драме» по письму Вольтера к рус. драматургу (9 марта 1769). Постановка состоялась сразу после выговора Сумарокову *Екатерины II* за ссору его с московским губернатором П. С. Салтыковым; заглавную роль Евгении играла актриса Е. Иванова, бывшая причиной ссоры. В издании «Димитрия Самозванца» (1771) Сумароков обрушился с нападками на предисловие П. к переводу «Евгении», называя его «подьячим», который «стал судиею Парнаса и утвердителем вкуса московской публики»; на «новый и пакостный род слезных комедий»; на «скаредный» перевод и актрису, «под именем Евгении бакханту изображавшую».

Лит.: *Шигин И.* Сумароков и слезная комедия // Пантеон. 1855. № 9; *Лонгинов М. Н.* Посл. годы жизни Сумарокова // Рус. арх. 1871. № 10; Дневник поручика Васильева. СПб., 1896; История драм. театра. Т. 1 (1977); Письма рус. писателей (1980).

В. П. Степанов

ПЫРСКИЙ Иван Прохорович [1752–9 (21) V 1812]. Происходил из дворянской семьи. Начал службу в 1766 в Сенате, занимаясь переводами документов, касающихся Лифляндии. В 1770 был переведен в секретную по иностранной переписке экспедицию и направлен в Венецию с тайными донесениями для рус. посольства. В 1771 произведен в кол. переводчики при генерал-прокуроре А. А. Вяземском. В 1774 П. получил должность сенатского переводчика, а через три года ему был пожалован чин кол. асессора. В нояб. 1780 назначен чле-

ном Ревизион-конторы на должность надв. советника (формуляр 1780 г. — РГАДА, ф. 286, кн. 643, л. 231, 232, 235) и через два года произведен в этот чин. С 1783 П. находился на должности председателя Выборгского верхн. зем. суда; в янв. 1793 получил чин кол. советника, в 1797 — чин д. ст. советника и должность лагмана, отвечавшего за отправление правосудия во всей Финляндской губ. В этой должности П. состоял до конца своей жизни. В 1807 он был командирован в разные помещичьи владения Финляндской губ. для пресечения крестьянских волнений. Имея крепостных крестьян в Тверской губ., П. в 1811 обратился к Александру I с просьбой разрешить ему отпустить их на волю и в окт. того же года получил на это согласие царя.

П. принимал участие в журнале «Ни то ни сио», издававшемся с февраля по июль 1769 *В. Г. Рубаном*. В л. 14 (от 30 мая) помещены четыре короткие шутки, переведенные П. с нем. языка: «Новые вести» и «Проезжие» (по две под каждым из загл.). Незатейливые комические историйки не выбиваются из общего сатирического тона этого журнала.

Лит.: *Мурзаков Н. А.* Пырский И. П. // Рус. биогр. словарь. Т. «Притвиц–Рейс» (1910).

Л. И. Сазонова

Научное издание

СЛОВАРЬ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
XVIII ВЕКА

Выпуск 2
(К–П)

Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН

Редактор издательства Т. А. Лапицкая
Художник Л. А. Яценко
Технический редактор Г. А. Смирнова
Корректоры О. И. Буркова, Н. И. Журавлева, М. К. Одинокова
и Ф. Я. Петрова
Компьютерный набор и верстка С. К. Егорова, Е. С. Егоровой

Лицензия № 020297 от 23 июня 1997 г. Подписано к печати 15.02.99.
Формат 60 × 90 $^1/_{16}$. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 32.
Уч.-изд. л. 48.7. Тираж 2000 экз. Тип. зак. № 3937. С 26

Санкт-Петербургская издательская фирма РАН
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская лин., 1

Санкт-Петербургская типография «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 лин., 12

ИСПРАВЛЕНИЕ

Стр.	*Строка*	*Напечатано*	*Следует читать*
127	3-я снизу, левая колонка	И. В. Немировский	В. П. Степанов